Министерство науки и высшего образования РФ
Правительство Воронежской области
Департамент труда и занятости Воронежской области
Воронежский государственный лесотехнический университет
им. Г.Ф. Морозова
Воронежское отделение Русского географического общества
Воронежское отделение Ассоциации российских географов-обществоведов
Воронежское региональное отделение Лиги преподавателей Высшей школы
Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН
Институт географии РАН
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Кафедра Общественного здоровья и здравоохранения Курского государственного медицинского университета
Центр по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в ЦАР
Академии госуправления при Президенте Республики Казахстан, Казахстан
Могилевский региональный центр социально-экономических исследований
Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина
Центр демографических исследований, Республика Молдова
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Материалы заседания

22-24 октября 2020 года
Воронеж

Издательство «Цифровая полиграфия»
2020

УДК 31:332:614:91
ББК 60.7:51
М43

М43 Международный демографический форум: материалы заседания / отв.ред. д.г.н., проф. Н.В. Яковенко.- Воронеж: «Цифровая полиграфия»,2020.- 982 с.

ISBN 978-5-907283-37-4

Вызовы XX-XXI вв. привели к серьезным социально-демографическим изменениям и актуализировали выработку новых механизмов сохранения и развития демографического потенциала стран и регионов, обеспечения их демографической безопасности. В этих условиях конструктивное взаимодействие и углубление сотрудничества учёных, представителей органов власти, общественности, всего экспертного сообщества является неотъемлемой частью комплексного решения социально-демографических проблем.

В материалах сборника представлены материалы заседаний Международного демографического форума, в котором приняли участие исследователи из России, Беларуси, Украины, Молдовы, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Армении и Японии.

На Международном Демографическом форуме были обобщены и актуализированы современные проблемы демографического развития России и стран мира, долговременные тенденции динамики основных формирующих его процессов: рождаемости, смертности, миграции, эволюции численности и половозрастной структуры населения, возможного влияния демографических процессов на социально-экономическое развитие в контексте социально-экономического, экологического, научно-образовательного, инвестиционно-инновационного развития в глобализирующемся мире; состоялся поиск путей решения проблем демографического, социального, этнокультурного развития регионов России и стран мира для улучшения качества и уровня жизни населения; проведена оценка перспективности различных мер демографической политики с точки зрения выхода из демографического кризиса. Одним из ключевых вопросов выступила актуализация разработки инструментов и механизмов выявления приоритетных направлений современных исследований в области демографии, геодемографии и географии населения, а также смежных наук.

Сборник рекомендуется ученым, специалистам, практикам, аспирантам, магистрантам и всем интересующимся проблемами демографии, геодемографии и географии населения.

Публикуемые материалы отражают исключительно личную точку зрения авторов.

@ авторы, 2020

Содержание

Пленарное заседание..... 18

Бадалов Этибар Санан оглы
Особенности этнодемографических процессов на урбанизированных территориях Азербайджана..... 18

Валиахметов Рим Марсович, Баймурзина Гузель Римовна, Утяшева Ирина Борисовна
Индекс потерянных лет потенциальной жизни как индикатор преждевременной смертности населения региона..... 24

Вишневский Анатолий Григорьевич
Демографическая ситуация в России: долговременные тенденции..... 29

Ионцев Владимир Алексеевич
Современные особенности демографического развития России и её регионов..... 37

Каткова Ирина Петровна, Рыбальченко Сергей Игоревич
Мониторинг социально-демографического потенциала увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения в контексте целей устойчивого развития России..... 42

Катровский Александр Петрович
Демографическая ситуация как императив экономической модернизации и вызов традиционному развитию экономики приграничных с Белоруссией регионов России..... 50

Леньшин Владимир Петрович
Цифровая трансформация и консолидированное взаимодействие как одно из основных условий эффективной реализации национальных проектов и демографических вопросов..... 56

Мкртчян Никита Владимирович
Миграция молодежи в региональные столицы..... 61

Немцов Александр Викентьевич
Зависимая от алкоголя смертность в России..... 65

Полян Павел Маркович
Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский как статистик и демограф: к 150-летию со дня рождения..... 70

Попова Лариса Алексеевна
Региональные особенности смертности населения России..... 80

Рубан Лариса Семеновна
Влияние эпидемий и пандемий на население и экономику..... 85

Рыбаковский Леонид Леонидович
Стратегия демографического развития России, понятие, детерминанты, основные направления..... 98

Рыбаковский Олег Леонидович
Миграция и естественный прирост населения постсоветской России до 2020 г. 101

Садвокасова Айгуль Какимбековна, Сагынбаева Аяулым Зарылкановна
Этнодемографические процессы в современном Казахстане: вызовы и перспективы..... 104

Чигрин Виктор Александрович, Чигрина Наталья Викторовна
Геополитические и геокультурные факторы развития Республики Крым..... 119

Широкалова Галина Сергеевна
Человек. С зачатия или рождения? 123

Секция 1
Вклад ученых в развитие географии населения, демографии и геодемографии. Теоретические и прикладные вопросы географии населения, демографии и геодемографии..... 129

Антипин Иван Александрович
Гуманизация среди направлений стратегического развития субъектов Российской Федерации..... 129

Арпентьева Мариям Равильевна
Демография и урбанизация..... 134

Бабкин Роман Александрович
Обобщение международного опыта использования данных мобильной телефонии в демографических исследованиях..... 143

Вангородская Светлана Анатольевна
Потенциал теории Ю. Эльстера в объяснении феномена самосохранительного поведения..... 148

Васильева Елена Витальевна
Демографические резервы повышения пенсионного обеспечения в России..... 153

Вихляев Александр Александрович
О совершенствовании механизма государственного регулирования деятельности иностранных религиозных организаций на территории Российской Федерации в контексте реализации политики миграционной интеграции в условиях сложившегося мультикультурализма..... 156

Гладкий Александр Витальевич
Эволюция города: от античности до постинформационной эпохи..... 161

Гоголева Татьяна Николаевна, Щепина Ирина Наумовна, Яковенко Наталия Владимировна
Маятниковая миграция: современные особенности и способы измерения..... 166

Горохов Станислав Анатольевич, Агафошин Максим Михайлович
Демографические факторы изменения компонентной структуры глобального конфессионального пространства..... 172

Гусейнова Турана Махмуд гызы
Роль демографического фактора в формировании качества жизни в Республике Азербайджан, на примере Большого Кавказского природного региона..... 177

Дмитриев Руслан Васильевич
Последовательность эволюции систем центральных мест без учета взаимовлияния уровней иерархии..... 181

Доброхлеб Валентина Григорьевна, Барсуков Виталий Николаевич
Пространственные особенности и закономерности процесса старения населения в регионах России..... 184

Жук Сергей Иванович
Связь трудовой миграции с развитием средств производства региона.... 189

Заяц Дмитрий Викторович
Демографические аспекты развития институализированных непризнанных государств..... 195

Карачурина Лилия Борисовна
Особенности динамики численности населения региональных столиц и вторых городов регионов РФ..... 200

Красинец Евгений Семенович
Трудовые мигранты на российском рынке труда в условиях пандемии..... 206

Куприна Тамара Владимировна, Кугаевская Екатерина Николаевна
Влияние этнокультурных показателей на формирование маркетинговых стратегий международных компаний..... 211

Курушина Елена Викторовна, Дружинина Ирина Васильевна
Влияние факторов привлекательности регионов на миграционные процессы: динамический аспект 216

Лопатников Дмитрий Леонидович
Уровень благосостояния населения и зрелость гражданского общества как факторы экологического оздоровления хозяйства высокоразвитых стран..... 218

Нанавян Ашхен Мардиросовна
Средний возраст занятых и лиц вне рабочей силы в регионах России..... 224

Обедков Анатолий Павлович
Отечественная научная школа географического градоведения: этапы формирования и видные представители..... 230

Осадчая Галина Ивановна, Киселева Евгения Евгеньевна
Динамика человеческого капитала ЕАЭС: факторы и оценка..... 236

Розанова Людмила Ивановна
Материнский капитал в ипотечном кредите: баланс интересов молодой семьи и банков..... 240

Сафиуллин Радик Газизович
Человеческий капитал как фактор обеспечения технологического прорыва России..... 244

Сафиуллин Марат Радикович
Исследование общероссийских трендов развития городских агломераций..... 250

Симагин Юрий Алексеевич
Особенности демографического развития поселков городского типа России..... 255

Соколов Максим Сергеевич
Развитие молодежного инновационного предпринимательства как фактор эффективной реализации демографической политики Российской Федерации..... 260

Соловьев Аркадий Константинович
Демографические факторы развития государственного пенсионного обеспечения..... 264

Сухинин Сергей Александрович
Экономические эффекты международной трудовой миграции в развитии национальной экономики России..... 269

Тухтарова Евгения Хасановна, Харламова Влада Германовна
Мировой опыт привлечения квалифицированной миграции..... 273

Узкая Юлия Анатольевна
Роль международной миграции населения в демографическом развитии некоторых стран мира и России через призму теории и концепций демографического перехода..... 278

Флоринская Юлия Фридриховна
Трудовая миграция в Россию: тенденции последних лет и текущие изменения..... 283

Хавинсон Михаил Юрьевич, Колобов Алексей Николаевич
Агент-ориентированный подход в моделировании миграционного поведения населения..... 287

Харламова Дарья Андреевна
Об особенностях социально-психолого-педагогической работы с детьми иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках реализации государственной программы по интеграции мигрантов в России..... 291

Штырба Виталие
Основные вызовы в изучении демографических процессов в Молдове в контексте существующей методологии регистрации рождаемости, смертности и миграции..... 295

Шубат Оксана Михайловна, Багирова Анна Петровна, Иваненко Григорий Алексеевич, Шубат Марк Игоревич
Вовлеченность населения старшего возраста в прародительский труд: пространственно-статистический анализ..... 299

Юлдашева Фарида Хужамкуловна
Миграция в контексте глобализации..... 304

Секция 2
Региональные особенности демографического развития. Геополитические и геокультурные факторы в развитии ретионов. Этнокультурные проблемы регионов..... 309

Абылкаликов Салават Иргалиевич
Динамика численности населения Башкортостана и Татарстана: вклад миграции..... 309

Амен Асхат Жангелдиулы, Кенжегулова Алия Александровна
Вопросы развития межэтнических отношений в Казахстане..... 314

Анайбан Зоя Васильевна
Динамика развития этнодемографических процессов в современной Хакасии..... 321

Антонов Владимир Иосифович, Очирова Оюуна Анатольевна, Петрова Арюуна Анатольевна
Этнокультурные и мировоззренческие аспекты социальной адаптации детей-мигрантов в принимающей школе (по результатам опроса учителей Бурятии и Забайкальского края..... 326

Асланов Дмитрий Иванович
Специфика демографических процессов в Северо-Кавказском федеральном округе..... 331

Байраков Идрис Абдурашидович
Динамика численности и особенности расселения населения Чеченской Республики..... 336

Байраков Идрис Абдурашидович, Мукаева Луиза Айндиевна
Демографические и социально-экономические проблемы занятости..... 341

Баранов Андрей Владимирович
Этнодемографические процессы в Республике Крым и г. Севастополе в условиях воссоединения с Россией..... 345

Волкова Наталья Викторовна
Демографические тренды в контексте территориальной лояльности населения (на материалах сельских районов Алтайского края)..... 350

Ворошилова Анжелика Игоревна, Бледнова Наталья Дмитриевна
«Зачем же в ЗАГС?»: отношение к регистрации брака среди уральского населения..... 355

Гокова Ольга Владимировна, Маклакова Маргарита Владимировна
Миграционная безопасность территории (на примере Омской и Свердловской областей)..... 360

Гунаев Евгений Александрович
Снижение численности населения региона как устойчивый фактор его дальнейшего политико-экономического будущего (на примере Калмыкии)..... 365

Делова Людмила Алиевна
Межэтническая семья в полиэтничном регионе..... 370

Дмитриева Юлия Николаевна
Динамика потенциальных демографических нагрузок по территории Иркутской области..... 374

Дружинин Павел Васильевич
Пространственные особенности расселения в северных регионах..... 379

Кайбичева Екатерина Игоревна
Демографическое развитие региона и его отражение в стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации..... 384

Кочергин Алексей Анатольевич
Особенности международной миграции в Краснодарском крае во второй половине 2010-х годов..... 389

Кондакова Татьяна Юрьевна
Современные особенности расселения населения в сельских поселениях Чеченской республики..... 394

Краснокутская Надежда Сергеевна
Особенности демографического развития Луганского региона: общественно-географическая концептуализация..... 400

Кулаков Андрей Владимирович, Кондакова Татьяна Юрьевна
Современные миграционные потоки в Западной Европе..... 404

Короленко Александра Владимировна
Демографическое развитие Вологодской области в 21 веке: тенденции и перспективы..... 409

Купцов Александр Евгеньевич, Кондакова Татьяна Юрьевна
Современные особенности населения регионов Испании..... 415

Лещенко Ярослав Александрович
Особенности и тенденции демографических процессов в регионах Сибири и Дальнего Востока..... 419

Логинов Владимир Григорьевич
Особенности воспроизводства коренных малочисленных народов Севера в условиях нефтегазового региона..... 424

Мищук Светлана Николаевна
Сельское население Дальнего Востока России во втором десятилетии XXI в.: влияние миграции и муниципально-территориальных преобразований..... 430

Муртузалиев Сергей Ибрагимович
Брачные, семейные и миграционные настроения студентов Луганска (ЛНР)..... 434

Обедков Анатолий Павлович
Убывающие города Российского Севера: проблемы и решения..... 440

Прыгунова Мария Игоревна
Современные проблемы демографической безопасности регионов (на примере Республики Татарстан)..... 445

Ракачев Вадим Николаевич, Ракачева Ярослава Владимировна
Направление и структура миграционных потоков на Юге России: новые тенденции..... 448

Семедова-Полупан Нина Григорьевна
Региональные особенности демографического развития Чувашии..... 453

Сивоплясова Светлана Юрьевна
Гендерные особенности миграционного поведения молодёжи Центральной Азии и России..... 458

Сигарева Евгения Петровна
Гендерные особенности репродуктивного поведения молодого поколения в России, Казахстане и Киргизии..... 463

Скрябина Яна Альбертовна
Перспективы рождаемости в Республике Башкортостан..... 468

Соболева Светлана Владимировна, Смирнова Наталья Евстафьевна, Чудаева Ольга Владимировна
Особенности динамики основных показателей воспроизводства населения регионов Сибири..... 474

Субхонов Акбарджон Идрисович
Региональные особенности демографического развития Республики Таджикистан (аспекты брачности и разводимости)..... 480

Суховеева Анна Борисовна
Проблемы сохранения численности и естественного воспроизводства населения регионов Дальнего Востока России..... 485

Тельнов Виталий Иванович
Сравнительная динамика продолжительности жизни у населения субъектов РФ при основных причинах смерти (2005-2018 годы)..... 488

Тишков Сергей Вячеславович, Ромашкина Юлия Валерьевна
Трудовой потенциал Арктических территорий и его роль в социально-экономическом развитии..... 494

Толстых Оксана Николаевна
Этнокультурные территориальные комплексы на примере коренных народов провинции Квебек (Канада)..... 498

Тюрин Александр Николаевич
Характеристика населения Оренбургской области на начало XXI века..... 503

Уставщикова Светлана Владимировна
Демографическое старение городского населения Саратовской области..... 507

Ушакова Валентина Леонидовна
Региональные особенности формирования демографического потенциала арктических районов российского Дальнего Востока..... 512

Ушакова Людмила Олеговна, Баринова Галина Михайловна, Краснов Евгений Васильевич, Романчук Анна Юрьевна, Гаева Дара Владимировна
Качество жизни как стратегический ресурс устойчивого развития региона: социальные индикаторы..... 517

Хачатрян Людмила Александровна, Киряева Дарья Алексеевна
Полные и неполные семьи Пермского края: проблемы функционирования..... 522

Чаплыгина Ольга Георгиевна, Чаплыгина Татьяна Анатольевна
Анализ основных демографических показателей на региональном уровне в Российской Федерации..... 527

Чернышев Константин Анатольевич
Миграционное взаимодействие Кировской области с областями Черноземья..... 532

Шведов Вячеслав Геннадьевич, Ушаков Евгений Александрович, Чурзина Анна Александровна
Демографические проблемы Тихоокеанской России и Восточной Арктики..... 536

Шведов Вячеслав Геннадьевич, Ушаков Евгений Александрович, Чурзина Анна Александровна
Динамика численности населения Восточной Арктики в поселениях разноуровенной иерархии..... 540

Шматова Анна Николаевна
Динамика качества жизни населения в 2014-2019 годах в муниципальном образовании г. Черкесск..... 545

Секция 3
Демографические перспективы регионов Центральной России..... 551

Али Сарбаз Азиз Али, Яковенко Наталия Владимировна, Комов Игорь Владимирович
Современные миграционные потоки в Воронежской области: тенденции в развитии..... 551

Бабкин Роман Александрович
Изучение «быстрых» демографических изменений на примере Новой Москвы с использованием данных операторов сотовой связи..... 560

Глухова Анна Дмитриевна, Фомина Наталья Николаевна
Меры экономического стимулирования рождаемости в Воронежской области..... 564

Карпова Вера Михайловна
Региональные особенности сохранения ценности семейно-детного образа жизни..... 568

Комов Игорь Владимирович
Обеспечение продовольственной безопасности в Воронежской области..... 573

Комов Игорь Владимирович
Перспективы обеспечения продовольственной безопасности в Воронежской области..... 581

Леденева Виктория Юрьевна
Демографическая безопасность и межэтнические отношения в субъектах Центрального федерального округа..... 586

Мартынов Игорь Сергеевич
Некоторые демографические особенности пространственной дифференциации электоральных предпочтений населения города Москвы в ходе выборов мэра города Москвы (1995-2018)..... 590

Невзоров Вадим Александрович
Современный демографический кризис в регионах Верхневолжья..... 598

Панков Сергей Викторович
Демографический потенциал Тамбовской области: реальность и перспективы..... 603

Пасовец Юлия Михайловна
Социокультурные факторы динамики демографических процессов в регионе Центральной России (на материалах Курской области)..... 607

Пациорковский Валерий Валентинович
Демографическое развитие Центрально-Черноземного макрорегиона: движение и расселение населения..... 612

Попело Антон Владимирович
Категории количества населения в России (Руси) в средневековье: "малое количество", "среднее количество", "большое количество" (Поднепровье, Поочье, Подонье)..... 617

Сазонова Анна Львовна
Студенты московской агломерации о браке и семье (по материалам социологических исследований)..... 621

Сазонова Нина Васильевна, Сазонова Оксана Александровна
Региональные особенности демографического развития (на примере Белгородской области)..... 627

Сафонова Ирина Вячеславовна, Яковенко Наталия Владимировна, Диденко Ольга Валериевна, Комов Игорь Владимирович
Характеристика ВИЧ-заболеваемости в Воронежской области..... 632

Сафонова Ирина Вячеславовна, Яковенко Наталия Владимировна
Индекс человеческого развития в регионах Центрального Федерального округа..... 642

Селищев Евгений Николаевич
Пространственные «дивизионы» третьих городов Центрального федерального округа России..... 646

Субботина Ирина Алексеевна, Остапенко Любовь Викторовна
Брачно-репродуктивные установки русской провинциальной молодежи..... 651

Черникова Виктория Владимировна
Реализация государственной национальной политики в Воронежской области: новые вызовы..... 656

Секция 4
Эколого-демографическая безопасность регионов. Природно-техногенные и социальные риски..... 662

Байраков Идрис Абдурашидович, Мантаев Халид Закриевич
Природно-техногенные риски на территории Чеченской Республики и их воздействие на развитие регионов..... 662

Барсукова Татьяна Ивановна, Байрамкулова Динара Далхатовна
Социальное здоровье женщин репродуктивного возраста Ставропольского края (по материалам социологического исследования)..... 666

Башева Ольга Александровна
Цифровые формы решения проблем окружающей среды как инструменты нового поколения активистов экологического движения России..... 672

Бедарева Виктория Евгеньевна, Варакина Жанна Леонидовна
Структура и динамика производственного травматизма и профессиональных заболеваний на Европейском Севере России..... 674

Боброва Анастасия Григорьевна
Эпидемиологическая модель смертности в Беларуси..... 678

Больницкая Айталина Николаевна
Социальная защита и поддержка пожилых граждан в российском обществе..... 682

Гоманова Сильвия Олеговна
Предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций силами волонтеров в РФ..... 687

Григорьева Елена Анатольевна
Разработка интегральной модели благополучия человека, связанного со здоровьем, для обеспечения социальной безопасности региона..... 692

Гундаров Игорь Алексеевич, Гундаров Борис Игоревич
Значение волн респираторных заболеваний для профилактики смертности от вирусных инфекций..... 697

Денисова Анна Михайловна
Роль санаторно-курортной деятельности в демографической ситуации в России..... 705

Ермолаева Юлия Вячеславовна
Волонтёрские практики предотвращения изменения климата в городах..... 708

Зубок Юлия Альбертовна, Чанкова Елена Вадимовна, Каменева Татьяна Николаевна
Молодежь в условиях пандемии: отношение к здоровью и особенности саморегуляции..... 713

Ишкинеева Фарида Фалесовна, Ахметова Симбуль Абдулловна
«Умный город» Иннополис в восприятии его жителей (опыт эмпирического исследования)..... 717

Корунова Валерия Олеговна
Социально-экологические вызовы управления демографическими процессами в российских регионах (на примере Республики Татарстан)..... 722

Кушнир Ксения Владимировна
Региональные бренды как стандарт продвижения внутреннего туризма РФ..... 726

Лукьянец Артем Сергеевич
Климатические риски для населения регионов России..... 730

Мартищенкова Елена Владимировна, Баханов Андрей Геннадьевич
Стратегии экономического поведения населения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий Беларуси..... 735

Мартищенкова Елена Владимировна
Уровень соблюдения правил безопасной жизнедеятельности (на примере вылова и потребления продукции рек и водоемов) населением районов Беларуси, пострадавших от аварии на ЧАЭС..... 741

Молчанова Екатерина Владимировна
Методика оценки общественного (популяционного) здоровья населения..... 747

Новоселова Елена Николаевна
Экологические угрозы здоровью населения России и демографическая безопасность..... 753

Подгорнова Наталья Алексеевна
Здоровье нации - качество и продолжительность жизни..... 758

Русанова Нина Евгеньевна
Социально-экономические последствия пандемий..... 763

Сандомирский Игорь
Системный подход - веление времени..... 767

Сергиевич Татьяна Владимировна
Развитие индустрии моды в контексте экологической безопасности..... 771

Чевтаева Наталия Геннадьевна, Качанова Елена Анатольевна
Риски приобщения молодёжи к наркопотреблению в экономически благополучном регионе России..... 776

Шаяхметова Римма Рафаэлевна
Модели самосохранительного поведения молодежи в Республике Башкортостан (по результатам социологического исследования)..... 782

Шкарин Владимир Вячеславович, Ивашева Виктория Васильевна, Емельянова Ольга Сергеевна
Показатели состояния здоровья населения. О чем говорят сопоставления?..... 785

Секция 5
Образование и демография..... 792

Габдрахманов Нияз Камилевич
Масштабы и перспективы образовательной миграции в России в условиях распространения коронавирусной инфекции..... 792

Зайцева Анна Михайловна, Закотнюк Оксана Леонидовна, Ефимова Анна Юрьевна
Формирование интереса к демографии в процессе профессиональной подготовки молодежи..... 797

Ионова Наталья Владимировна
Демографическая ситуация как фактор устойчивого развития региональной системы образования (на примере Новосибирской области)..... 803

Камарова Татьяна Александровна
«Цифровая» прекаризация занятости научно-педагогических работников вуза при переходе на дистанционное образование..... 810

Кодиров Шодибег Шарифович
Влияние образования на демографические показатели..... 815

Лебедева Тамара Васильевна
География современной образовательной миграции в Российскую Федерацию..... 819

Медведева Елена Ильинична, Крошилин Сергей Викторович
Прогноз кадрового потенциала образовательных организаций с учетом изменения демографических показателей рождения детей..... 824

Морошкина Марина Валерьевна, Поташева Ольга Вячеславовна
Зависимость образовательного потенциала от уровня развития экономики региона..... 830

Шевалдина Елена Ивановна
Проблемы занятости выпускников ВУЗов в Республике Башкортостан..... 835

Ястребова Наталья Валерьевна, Оберюхтина Татьяна Евгеньевна
Особенности преподавания отдельных вопросов демографии в школьных курсах географии Российской Федерации и Республики Беларусь..... 838

Секция 6
Комплексное картографирование глобальных и региональных изменений демографического развития. Применение ГИС и пространственных данных в географии населения, демографии и геодемографии..... 844

Аристова Екатерина Михайловна, Боева Яна Юрьевна
Приложение для расчета и визуального изображения демографических показателей в регионе..... 844

Бухаров Дмитрий Николаевич
Диффузионная модель миграции и ассоциации населения..... 849

Дмитриева Юлия Викторовна
Управление демографическими процессами через использование интеллектуального анализа данных..... 853

Максимова Анастасия Сергеевна
Big data для изучения миграции населения: возможности и ограничения..... 857

Нарожняя Анастасия Григорьевна, Чугунова Надежда Васильевна, Полякова Татьяна Анатольевна, Кухарук Наталья Степановна, Морковская Дарья Николаевна
Определение пространственной организации региональных метрополисов приграничных областей ЦЧР с использованием ГИС..... 861

Турков Сергей Леонидович
Информационное обеспечение процессов стратегического управления демографией регионов..... 867

Шакирова Алиса Фиргатовна
Применение методов искусственных нейронных сетей при изучении проблем социальной защиты населения (на примере г. Казани)..... 872

Секция 7
Взгляд молодых ученых на демографические проблемы современного мира..... 877

Али Сарбаз Азиз Али
Меры государственного регулирования иностранной трудовой миграции..... 877

Босова Юлия Дмитриевна
Изучение городов Оренбургской области в школьном курсе географии..... 880

Бросов Александр Сергеевич
Критерии и показатели исследования социальных страхов работающих пенсионеров..... 882

Долбилина Софья Николаевна, Яковенко Наталия Владимировна
Национальная идентичность в контексте глобализации..... 885

Вострикова Нина Владимировна, Диденко Ольга Валериевна
Управление процессами адаптаций и интеграции мигрантов в современном обществе..... 890

Гудяева Людмила Александровна
Анализ опыта научного осмысления социально-экономических процессов в контексте проблем воспроизводства населения..... 892

Дронов Алексей Витальевич
Современные тенденции демографического развития Свердловской области..... 896

Ишкинеева Гузэль Фаридовна
Умный город в системе подходов к городскому развитию..... 900

Колесников Владислав Геннадьевич
Социально-демографические последствия распространения феномена чайлдфри в России..... 904

Кошулько Андрей Павлович
Геодинамика сельского расселения и характеристика аграрного сектора Оренбургской области..... 909

Кузьминская Оксана Анатольевна, Краснокутская Надежда Сергеевна
Этнокультурная составляющая населения Республики Дагестан..... 914

Кузьминский Игорь Олегович, Краснокутская Надежда Сергеевна
Особые экологические риски в системе промышленного развития Луганской Народной Республики..... 919

Марченко Андрей Владимирович
Вьетнамцы в России: динамика демографических изменений..... 923

Морковская Дарья Николаевна
Экологические воздействия на окружающую среду системы расселения Центрально-Черноземного района, возможные социальные риски..... 928

Ногманова Мадина Айдаровна
Тенденции развития технологий дополненной реальности в российском образовании..... 932

Панченко Анастасия Сергеевна
Использование идеологии Глобального бремени болезней (ГББ) как механизма планирования стратегии по улучшению медико-демографической ситуации в современной России..... 936

Ракачева Александра Вадимовна
Характер и тенденции демографических изменений в составе этносов и этнических групп Кубани (материалы к энциклопедическому изданию «Народы и культуры Кубани»)..... 941

Романова Елена Викторовна
Этническая мозаика многонационального Оренбуржья: современная ретроспектива..... 946

Садыкова Регина Римовна, Шаяхметова Римма Рафаэлевна
Теоретические аспекты языка, билингвизма, многоязычия..... 950

Синицын Никита Александрович
Разнообразие вкусов и интересов пользователей по открытым данным социальной сети «ВКонтакте» на примере городов Вологодской области..... 954

Скачков Владислав Сергеевич
Этнокультурный фактор пространственной дезинтеграции в странах Латинской Америки (на примере Мексики, Панамы и Боливии)..... 959

Трунова Маргарита Александровна
Конфессиональный состав населения Оренбургской области 964

Федотов Константин Денисович, Коновалова Анна Игоревна
Демографические проблемы современности глазами студентов-медиков..... 967

Фионова Виктория Александровна
Роль социальных служб в решении ключевых проблем молодых семей в современных условиях..... 971

Харина Арина Максимовна
Эколого-демографическая характеристика населения Оренбургской области..... 975

Харитонов-Таневский Андрей Дмитриевич
Влияние изменений в законодательстве о гражданстве на решение демографической проблемы в России..... 978

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 911.3; 314.9
Бадалов Этибар Санан оглы
доктор философии по географии, к.г.н, доцент, старший научный сотрудник, Институт Географии НАН Азербайджана, г. Баку, Республика Азербайджан

Особенности этнодемографических процессов на урбанизированных территориях Азербайджана

Аннотация. *В статье выявлены распределение этнического расселения вурбанизированных территориях Азербайджана идинамика численности этнических групп. Проведен сравнительный анализэтнодемографических процессов среди горожан коренной нации и национальных меньшинств, а также среди некоренных народов. Сделан вывод о том, что в процессе урбанизации изменился этнический состав населения городов, происходит переход части национальных меньшинств на азербайджанский язык и консолидация этих народов с азербайджанцами. По структуре размещения некоренных народов выделяется Абшеронский регион, который отличается своей многонациональностью. Анализируя эти проблемы, также рассматриваются возможные пути перспективного регулирования этнодемографических процессов в стране.*
Ключевые слова: *урбанизированная территория, городская агломерация, городское население, этнодемографические процессы, консолидация*

На сегодняшний день этнодемографические процессы становятся объектом научного интереса современных наук. В Азербайджане выполняются исследования по этническим особенностям населения многонациональных регионов в контексте этнодемографической ситуации. На урбанизированных территориях Азербайджана этнодемографические проблемы исследователями особо не изучались. У нас данная проблема весьма актуальна. За годы независимости этническое расселение на урбанизированных территориях претерпела значительные изменения.

В формировании городов Азербайджана в историческом разрезе выделяется 3 периода. Самые древние города Северного Азербайджана возникли и развивались на берегах важнейших водных артерий и побережье Каспийского моря, также традиционно они размещались вдоль караванных путей, где развитие ремесла и торговли способствовали их росту. 2-ой период относится к годам советской власти, когда на территории страны формировалась сеть городских поселений на базе развития функций управления, где природные и экономические факторы вполне благоприятны для образования урбанизированных территории.

Они являлись центрами торговли и обслуживания прилегающих сельских районов. 3-ий период – это годы независимости Азербайджана (после 1991 г.), тогда среди всех советских республик Азербайджан понес наибольшие потери, а именно в результате войны с Армянской Республикой было оккупировано до 20% территории республики и около 1 млн. человек стали беженцами. Переход к рыночной экономике и разрыв старых производственных отношений также ухудшили политическую и социально-экономическую ситуацию в стране. Но современный устойчивый рост социально-экономического потенциала страны положительно влияет на демографическое развитие городов. Ускорившая урбанизация выражается как в росте городов, сгущения их сети, так и в формировании региональных групп городских поселений. В условиях рыночных отношений в Азербайджане происходит трансформация урабанизационных процессов.

Урбанизация распространяется на все сферы производства, города формируют зоны притяжения, в которых возникают тесные связи между ними и сельскими поселениями. В современном этапе урбанизированные территории являются ключевым звеном расселения, где важную роль в них играют городские агломерации. Для устойчивого развития регионов и административных районов ведущие положения занимают их центральные города [9, 2016]. В каждой из формирующихся региональных групп городов выделяется доминирование одного или двух полифункциональных центров. За постсоветский период в Азербайджане 12 поселков получили статус города и более 100 сел стали поселками.

Современный Азербайджан является многонациональным государством, которое населяют до 70 равноправных наций и народностей. По этническому расселению такие нации как русские, украинцы, татары, евреи и грузины в основном размещались в столице – городе Баку, атакже в крупных и больших городах. Хотя за 1999 и 2009 годы в численности этих народов произошли некоторые уменьшения (Таблица 1), но большие изменения произошли в начале 90-ых годов в связи с ухудшением политической и социально-экономической ситуацией, в результате чего в стране увеличилось количество мигрирующих лиц среди славянских народов. За 1989-2009 гг. в Бакинской агломерации численность русских уменьшилось до 216,4 тыс. чел., белорусов – до 4тыс. чел., евреев – до 17,6тыс. чел., лезгин - до 17,1 тыс. чел. и др. [5, 2013]. Помимо этого изменилась этническая структура городского населения, в результате которого доля азербайджанцев увеличилась с 68,8% до 91,3%. Доля других же народов уменьшилась, например русских с 15,4% до 4,7%, лезгин с 2,2% до 1,2%, евреев с 1,1% до 0,3%, татар с 1,2% до 1,1%, украинцев с 1,0% до 0,9%.

Этнические структуры других городских агломераций радикально изменились и они стали моноэтническими. Среди других агломераций удельный вес коренного населения увеличился, например в Гянджинской с 86% до 99,8%, в Мингечаурском с 92% до 99,5%, в Ширванском с 95% до 99,8%, в Лянкаранском с 93 до 95,7%, в Нахчеванском с 88% до 99,8% и в Шекинском с 93% до 97,3% [8, 2005 и 4, 2010].

Таблица 1-Этнический состав городского населения и их динамика (тыс.ч.).

Народы и народности	1999 г.	2009 г.
азербайджанцы	3692,2	4403,3
русские	134,7	115,0
лезгины	65,4	61,5
татары	29,6	25,9
украинцы	27,8	21,4
талыши	2,0	9,9
турки	5,1	9,1
евреи	8,9	9,1
удины	0,2	3,8
грузины	6,0	2,8
таты	3,2	2,6
авары	4,0	2,3
курды	2,9	1,2
цахуры	2,7	1,1
грызы	-	0,5
другие народы	68,9	69,6
городское население	4053,6	4739,1

Источники: Итоги переписи населения Азербайджанской Республики за 1999 и 2009 гг.

В Азербайджане среди многонациональных регионов выделяются Абшерон, Шеки-Закатала и Губа-Хачмаз. Самым много национальным регионом Азербайджана является Абшерон или Бакинская агломерация, где проживают 96,1% русских, 99,1% украинцев, 98,8% татар, 68,1% евреев (горские евреи проживают в поселке Красная Свобода (Губа) и 46,3% лезгин (основная часть проживают в городе Гусар) [1, 2019]. Некоренными народами являются в основном горожане. Для малочисленных народов Азербайджана в основном характерно сельское расселение. Исключением являются удины, живущие в поселке Нидж, а также авары, цахуры, ингилойцы проживающие в городах Шеки-Закатальского региона, грызы, хыналыги, хапуты и таты, проживающие в городах Губа-Хачмазского региона, а также талыши, проживающие в городах Лянкаран-Астаринского региона (рис. 2).

Исследования в сфере этнической демографии опираются главным образом на этническую статистику, в первую очередь на материалы переписей населения и также этнографические изыскания. Современная урбанизация воздействует на изменения темпов естественного прироста, соотношении уровней рождаемости и смертности. Уровень рождаемости городского населения в основном зависит от демографической ситуации – от возрастно-половой структуры населения, от брачности и разводимости, а также от национального состава населения, материального благосостояния и пр.

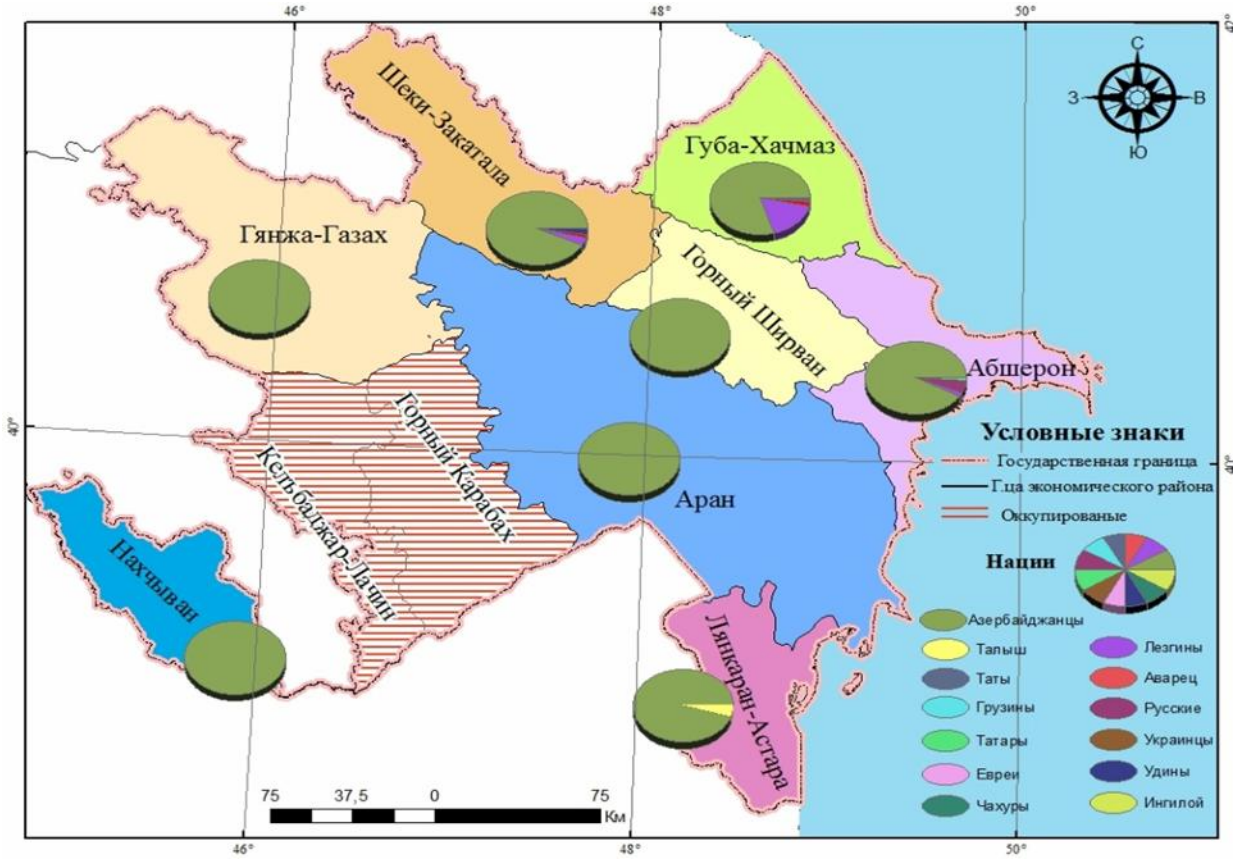

Рис. 1. Этнический состав городского населения регионов Азербайджана (%)

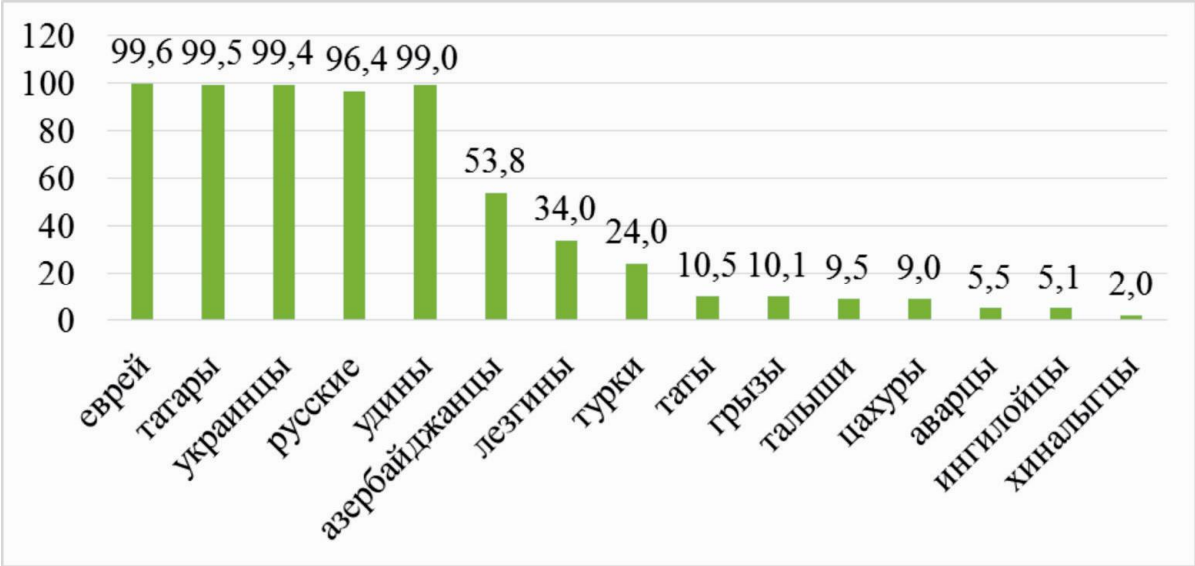

Рис. 2. Удельный весь городского населения среди наций и народностей (%)

В городах происходят различия во взглядах населения на размеры семьи, где преобладают малодетные семьи, а рождаемость в одних тех же возрастных группах ниже, чем на селе. После переписи населения в 2009 г. сложившаяся динамика коэффициентов рождаемости позволяет выделить два четко проявившихся периода, а именно 2009-2015 гг., когда наблюдался высокий уровень рождаемости и второй период 2016–2019 гг., когда уровень рождаемости отличался снижением. Среди народов и народностей высокие коэффициенты рождаемости и прироста населения наблюдались у талышей

и турков (месхети), а также у азербайджанцев, лезгин и татов. Низкие показатели рождаемости и высокие коэффициенты смертности наблюдались у украинцев, татар и евреев (рис. 3).

Рис. 3. Коэффициент рождаемостигородского населения среди народов и народностей

В этнодемографических процессах важную роль играют рождаемость и прирост населения, которые оказывают существенное влияние на изменение возрастной структуры населения среди этнических групп.

Таблица 2 -Половая и возрастная структура этнических групп в 2009 г. (в %)

Народы и народности	Половой состав		Возрастной состав			
	муж-чины	жен-щины	дети (до15 л.)	Трудовые ресурсы		Пожилые (выше 65 л.)
				15-29 лет	30-65лет	
азербайджан-цы	49,6	50,4	22,0	30,1	39,8	8,1
русские	37,4	62,6	18,3	29,2	40,0	12,5
лезгины	48,1	51,9	17,6	29,6	42,0	10,8
татары	43,5	56,5	8,7	21,2	42,9	27,2
украинцы	44,7	55,3	5,8	14,4	39,0	40,8
талыши	49,8	50,2	24,8	28,4	38,6	8,2
турки	55,2	44,8	25,7	30,8	37,3	6,2
евреи	47,4	52,6	19,1	24,6	38,9	17,4
удины	48,7	51,3	18,6	27,1	36,9	17,4
грузины	45,4	54,6	12,1	19,3	45,7	22,9
таты	49,9	50,1	24,3	27,7	38,8	9,2
авары	47,4	52,6	15,7	28,7	43,0	12,6
цахуры	53,6	46,4	21,1	21,9	43,0	14,0

Источник: Итоги переписи населения Азербайджанской Республики в 2009 г. XIX том.

В сравнительных этнодемографических анализах важную роль играет половозрастной состав населения. Если в половом составе среди некоренных народов (русские, украинцы, татары и грузины) происходит диспропорция полов (женщины преобладают), но для большинства коренных народов характерно равенство полов. В большой мере это связано с возрастным составом населения, где у коренных народов и народностей больше доля детей и молодежи, и поэтому у них нормальный показатель соотношения полов. Среди народов неблагоприятную демографическую ситуацию имеют украинцы, татары и грузины, а среди малочисленных народов - удины и авары (таблица 2).

На основе проведенных исследований нами были выявлены некоторые тенденции и особенности в этнодемографических процессах, которые сформулированы ниже:

- Этническая структура городов радикально изменилась в постсоветском периоде. Крупные и большие города стали моноэтническими. Происходит консолидация национальных меньшинств с азербайджанцами, а также женщины русского, украинского и татарского национальностей вступают в брак с азербайджанцами.

- Урбанизация оказывает существенное влияние на нивелирование этнических различий, радикальное изменение структуры потребностей, трансформациюсистемы социальных ценностей, а также происходит тенденция перехода к малодетным семьям.

- На урбанизированных территориях Азербайджана среди народов благоприятную демографическую ситуацию имеют азербайджанцы и русские, а среди малочисленных народов - турки (месхетинцы), талыши и таты.

- Происходит неуклонное снижение рождаемости и естественного прироста в городском населении среди этнических групп. Имеются высокие показатели коэффициентов детской смертности среди горожан. Также происходит снижение показателей вступления в брак и увеличение количества разводов.

Предлагаются следующие рекомендации по регулированию демографических процессов в Азербайджанской Республике: улучшение демографической ситуации прежде всего связано с оздоровлением экономики и общественно-социальной ситуации. Важную роль в регулировании демографических процессов в республике будет играть проведение целенаправленной комплексной активной демографической политики.

Список литературы

1. Бадалов Э.С. Геоэтнодемографические изменения в структуре городского населения Азербайджана. Общественная география в меняющемся мире: // Материалы международной конференции, X научной Ассамблей АРГО (сентябрь, 2019 г.). Казань. С.139-142

2. Демографические показатели Азербайджана. Баку. ГСК. 2020, 532 с.

3. Итоги переписи населения Азербайджанской Республики в 1999 г. Баку-2001, IV ч. 717 с.
4. Итоги переписи населения Азербайджанской Республики в 2009 г. Баку-2011, XIX т. 779 с.
5. Мурадов Ш.М., Бахыш Ч.А. Этнодемографических процессы Азербайджанской Республики. Баку, 2013. 135 с.
6. Хуснутдинова С.Р. Урбанизированные территории Республики Татарстан. Казань, 2016. 121 с.
7. Эминов З.Н., Абасова Л.М. Административные районные центры Азербайджана и особенности их социально-демографического развития. // География и природные ресурсы, Баку. 2019. №2. С.54-63.
8. Эминов З.Н. Населения Азербайджана. Баку, 2005. 560 с.
9. Эфендиев В.А.Урбанизация и города Азербайджана. Баку: БГУ, 2002. 175 с.

УДК 314.4

Валиахметов Рим Марсович
декан факультета философии и социологии, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия
Баймурзина Гузель Римовна
старший научный сотрудник, Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Уфа, Россия
Утяшева Ирина Борисовна
научный сотрудник, Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Уфа, Россия

Индекс потерянных лет потенциальной жизни как индикатор преждевременной смертности населения региона

Аннотация. *В статье представлены результаты первых расчетов индекса потерянных лет потенциальной жизни (ПГПЖ) в Республике Башкортостан за 2016-2018 гг. Показано, что ПГПЖ позволяет оценить вклад определенных причин в преждевременную смертность и отразить потери в непрожитых человекогодах, тем самым указывая на конкретные направления работы в сфере здравоохранения и профилактики смертности с учетом места проживания и половозрастной структуры населения. Согласно исследованию, на количественную характеристику трудового потенциала Республики Башкортостан существенное негативное влияние, в первую очередь, оказывают не болезни системы кровообращения, а внешние причины, затем инфекционные и паразитарные болезни, а также болезни органов пищеварения. При этом потери потенциальных лет жизни различаются существенно в городе и сельской местности, у мужчин и женщин. По сравнению со средними показателями по РФ и ПФО в*

республике заметно превышают потери от внешних причин, болезней органов дыхания и эндокринной системы.

Ключевые слова: *преждевременная смертность, потенциальные годы потеряной жизни, причины смертности, демографическая политика, регион*

Одним из индикаторов измерения преждевременной смертности населения является индекс «потерянные годы потенциальной жизни» (ПГПЖ). Он относится к числу показателей, используемых Всемирным банком и Всемирной организацией здравоохранения для оценки здоровья и благополучия населения [6].

В России данный показатель еще не получил достаточного распространения, хотя для расчета ПГПЖ имеется необходимая статистическая и информационная база. В числе немногочисленных исследований: работы И. А. Красильникова и его коллег по оценке потерь человеческого капитала в Дальневосточном федеральном округе РФ [5], О.С. Кобяковой и ее коллег по оценке потерянных лет жизни в Томской области [4], К.Н. Калашникова, А.А. Шабуновой, М.Д. Дуганова по оценке демографических потерь в Вологодской области [3], Бойцова С.А., Самородской И.В., Семенова В.Ю. и Выгодина Ю.А. [2], а также Юмагузина В.В. и Винник М.В. [7] по сравнительной оценке ПГПЖ в регионах России и Европы.

ПГПЖ аккумулирует в себе две характеристики потерь: число умерших и возраст, в котором наступила смерть. Дополнение этой информации данными о причинах смерти позволяет осуществить оценку вклада каждой причины в преждевременную смертность, в том числе определить значимость потерь, обусловленных причинами, свойственными, например, для лиц молодого возраста.

Расчет индикатора осуществляется путем умножения числа смертей в различных половозрастных группах населения на среднее число лет, которое члены группы не дожили до определенного возраста. В России рекомендуется использовать границу дожития на уровне 70 лет. На основе полученных абсолютных данных производится расчет индекса ПГПЖ, при котором каждый случай смерти получает «вес», обратно пропорциональный возрасту умершего: чем меньше возраст умершего, тем больше вклад этого случая в индикатор [6].

Для расчета индекса используются данные официальной статистики, формируемой Росстатом: данные об умерших, распределенных по полу, типу местности, возрасту и причинам смерти (форма С-51) и сведения о среднегодовом половозрастном составе населения (форма 4РН). Эти данные позволяют осуществлять расчет индекса на федеральном и региональном уровне, и производить сравнение ситуации в субъектах Российской Федерации.

На региональном уровне может быть произведено сравнение этого показателя по городскому и сельскому населению, среди мужчин и женщин. Также может быть осуществлен расчет по муниципальным образованиям (городским округам и муниципальным районам). Но при изучении ситуации

на муниципальном уровне необходимо принимать во внимание особенности расчета показателей для популяций малой численности, в том числе применять дополнительные методы статистической обработки данных. Для элиминации флуктуационных изменений следует применять усреднение данных как минимум за 3 года.

К достоинствам рассматриваемого метода относится возможность оценки на его основе потерь человеческого потенциала не только в демографическом, но и в экономическом аспекте: показатель ПГПЖ измеряется в человеко-годах, что при знании стоимости человеко-года, позволяет конвертировать демографические потери вследствие преждевременной смертности в экономические и финансовые.

Башкирским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН был осуществлен расчет индекса ПГПЖ по Республике Башкортостан (РБ) за 20196-2018 годы по основным группам причин смерти. Сравнение структур общей смертности по причинам и структуры индекса ПГПЖ в Республике Башкортостан в 2018г. показывает, что в потерянных годах потенциальной жизни соотношение причин смерти и значение отдельных причин заметно отличается (рисунок 1).

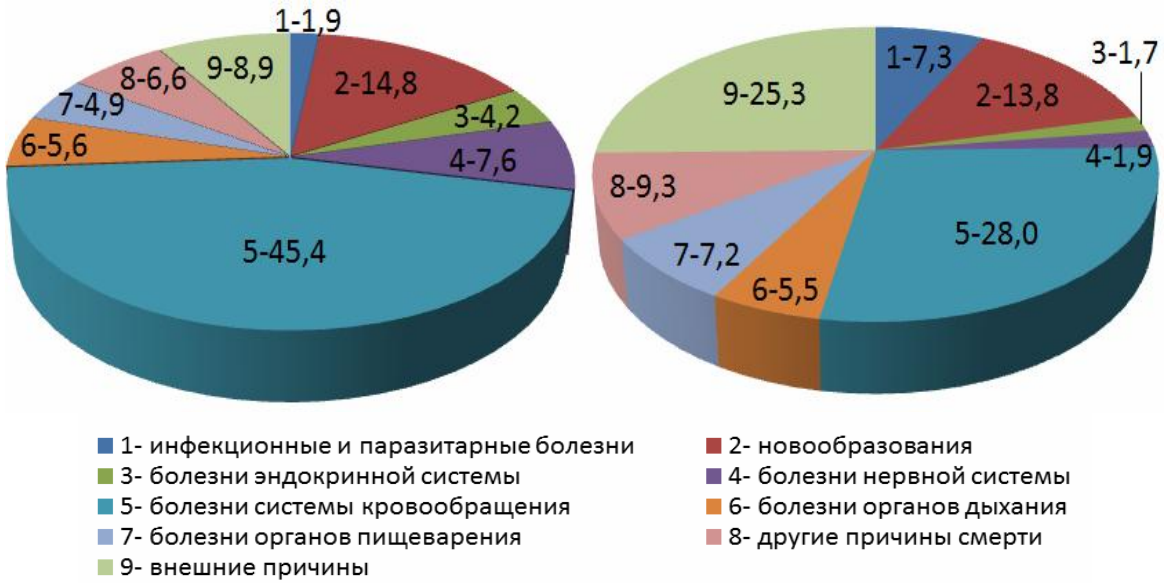

Рис. 1. Структура показателей смертности и потерянных лет потенциальной жизни по причинам смерти в 2018 году, %

Например, при сохранении в структуре показателей лидирующей позиции болезней системы кровообращения, их вклад в ПГПЖ значительно ниже, чем в общей смертности (удельный вес 28% против 45,4%, соответственно). Анализ преждевременной смертности показывает, что внешние причины, инфекционные и паразитарные болезни, болезни органов пищеварения существенно сокращают трудовой потенциал населения за счет больших потерь в человеко-годах.

Индекс позволяет определить наиболее проблемные направления в сохранении здоровья и предотвращении преждевременной смерти в мужской

и женской части населения. Расчеты показывают, что за 2016-2018 гг. потери потенциальных лет жизни сократились как у мужчин, так и у женщин, но у мужчин в 2,5-2,7 раза больше, чем у женщин. Наибольший удельный вес в структуре преждевременных потерь лет жизни у мужчин занимают внешние причины, болезни кровообращения и новообразования. Потерянные годы жизни по многим причинам, в том числе по внешним, сократились за 3 года на 20%, в связи с алкоголем – на 10%, по новообразованиям – на 6%, по болезням кровообращения – изменений практически не произошло. Негативные тенденции наблюдаются по инфекционным и паразитарным болезням, болезням эндокринной системы. Потерянные годы жизни от последней причины увеличились за 2016-2018 гг. на 40%. У женщин наибольший удельный вес в структуре преждевременных потерь лет жизни занимают те же причины, но в другом порядке: болезни кровообращения, новообразования и внешние причины. В целом, динамика также положительная. Однако растущие потери наблюдаются от болезней кровообращения на 4%, и от болезней эндокринной системы – на 40%. В целом за период, ПГПЖ мужчин сократилась на 11%, а у женщин – на 6%.

Индекс позволяет также выявить наиболее проблемные направления в сохранении здоровья и предотвращении преждевременной смерти в городском и сельском населении. В структуре преждевременных потерь лет жизни в городском и сельском населении наибольший удельный вес также занимают внешние причины, болезни кровообращения и новообразования. Однако на селе преобладают потери от внешних причин, в городе – от болезней системы кровообращения (рисунок 2).

город **село**

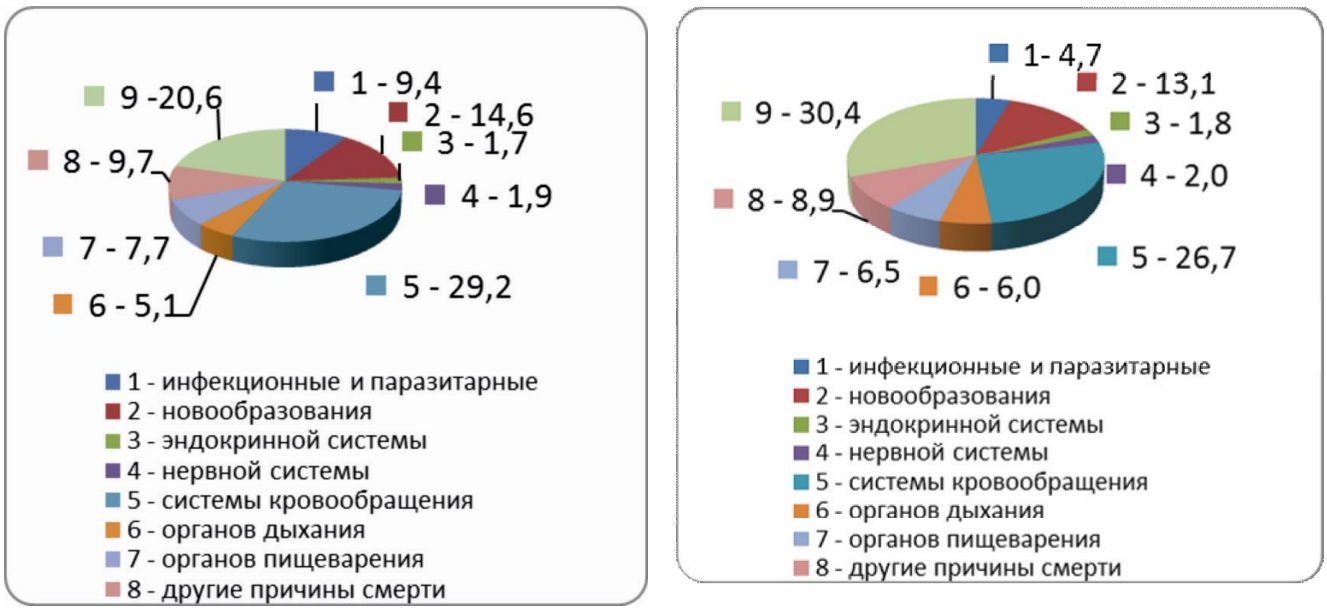

Рис. 2. Структура индекса ПГПЖ городского и сельского населения по причинам смерти в 2018г., %

Индекс ПГПЖ в городе имеет положительную динамику почти по всем причинам, кроме болезней эндокринной системы. В сельской

местности за 2016-2018 гг. наблюдался рост потерь от болезней эндокринной системы (на 44%), инфекционно-паразитарных болезней (23%), болезней системы кровообращения (8%), причин, связанных с потреблением алкоголя (5,5%), новообразований (3%).

Единообразие баз статистических данных по естественному движению населения позволяет осуществлять также межрегиональные сравнения по индексу ПГПЖ и другим показателям смертности населения. В Приволжском федеральном округе (ПФО) Республика Башкортостан занимает 11 место как по ожидаемой продолжительности жизни при рождении, так и по индексу ПГПЖ (ранжируется в обратном порядке), а по коэффициенту младенческой смертности – 13 место.

В целом в ПФО и Республике Башкортостан структуры индекса ПГПЖ очень похожи. Главными причинами потерь являются те же внешние причины, болезни системы кровообращения, новообразования, болезни органов пищеварения, инфекционные и паразитарные заболевания. Особенностью республики является существенное превышение потерь от внешних причин (в том числе от самоубийств), болезней органов дыхания и эндокринной системы по сравнению со средними показателями по РФ и ПФО.

Список литературы

1. Артюхов И.П., Горный Б.Э., Мажаров В.Ф. Определение приоритетов региональных программ по снижению смертности на основе анализа числа потерянных лет потенциальной жизни. Медицина в Кузбассе. 2011. № 4 с. 7—11.
2. Бойцов С.А., Самородская И.В., Семенов В.Ю., Выгодин В.А. Потерянные годы потенциальной жизни, условия жизни, ресурсные показатели системы здравоохранения и экономические показатели: сравнительная оценка регионов. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25. №3. С. 132-138.
3. Калашников, К.Н. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения [Текст]: монография / К.Н. Калашников, А.А. Шабунова, М.Д. Дуганов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 153 с.
4. Кобякова О.С., Деев И.А, Бойков В.А., Шибалков И.П. Количество потерянных лет жизни (DALY) в результате преждевременной смертности населения Томской области в 2012 году. Вестник РАМН. 2013. № 11. С. 60—64.
5. Красильников, И. А. Оценка потерь человеческого капитала в Дальневосточном федеральном округе на основе анализа потерянных лет потенциальной жизни : [статист. анализ причин и последствий преждеврем. смертности в ДВФО, в т. ч. от заболеваний] / И. А. Красильников ; ООО "Стратег", г. Санкт-Петербург // Демографическое развитие Дальнего Востока : сб. докл. Всерос. конф., г. Хабаровск, 25-26 мая 2015 г. - Хабаровск, 2015. - Ст. 14. - С. 114-129.

6. Методические рекомендации по использованию показателя "Потерянные годы потенциальной жизни" (ПГПЖ) для обоснования приоритетных проблем здоровья населения России на федеральном,региональном и муниципальном уровнях [Текст] / И. А.Красильников, А. Е. Иванова, В. Г. Семенова и [др.]. - М. : РИО ФГБУ "ЦНИИОИЗ", 2014 - 32 с.

7. Юмагузин В.В., Винник М.В. Смертность от внешних причин в России и в странах ОЭСР: оценка преждевременных потерь и условия их снижения. Вестник Башкирского университета. Т. 20. №3. 2015. С. 896-902.

УДК 314

Вишневский Анатолий Григорьевич
д.э.н., директор Института демографии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, г.Москва, Россия

Демографическая ситуация в России: долговременные тенденции

Аннотация. *Рассматриваются долговременные тенденции демографических процессов, определяющих динамику население России, - рождаемости, смертности и миграции. Показано, что на протяжении последних трех десятилетий население России сокращается вследствие отрицательного естественного прироста, который лишь отчасти компенсируется миграцией. С учетом сложившегося уровня рождаемости, которая уже более полувека не обеспечивает даже простого воспроизводства населения, а также неблагоприятных изменений его возрастного состава, преодоление естественной убыли населения страны в ближайшие десятилетия маловероятно. В этих условиях стабилизация численности населения России, а тем более ее рост возможны только за счет миграционного притока.*

Ключевые слова: *Россия, численность населения, естественный прирост, миграционный прирост, рождаемость, смертность, миграция.*

Население России на начало 2020 г. составляло 146,7 млн человек. Несколько десятилетий после Второй мировой войны население России устойчиво росло, с 1950 по 1993 г. оно увеличилось почти на 50 млн человек. Но начиная с 1993 г. население России сокращается. С 1993 по 2020 г. оно уменьшилось на 1,9 млн человек, а в неизменных границах 1993 г. – на 4,2 млн (рис.1). Главным компонентом роста населения до начала 1990-х гг. был его естественный прирост, с середины 70-х годов к нему добавился миграционный прирост, но он играл второстепенную роль. В начале 90-х естественный прирост сменился естественной убылью населения, причем даже резко возросший в это время миграционный прирост не смог ее перекрыть: население России стало убывать. Кратковременное

возобновление крайне незначительного естественного прироста в 2009-2017 гг. не изменило ситуации, с 2018 г. естественный прирост снова стал отрицательным, одновременно сократился и миграционный прирост, и население России снова стало сокращаться (рис. 1).

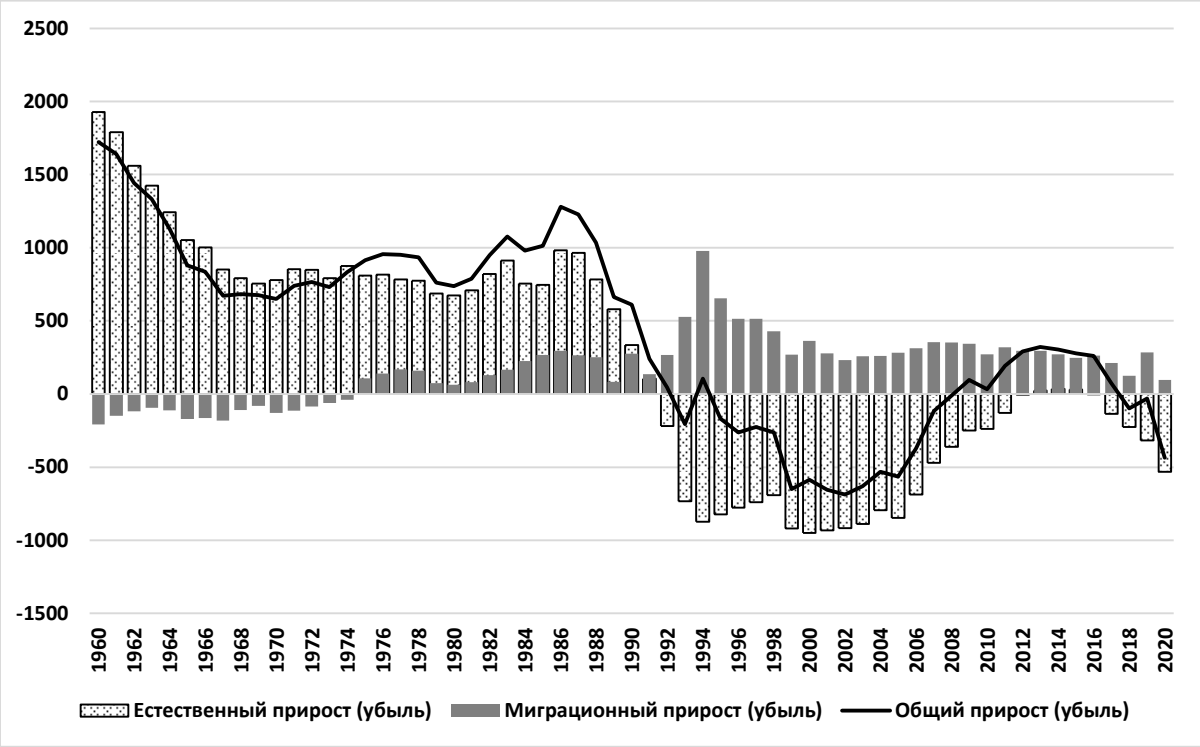

Рис.1. Компоненты прироста населения России, тыс. человек
Источник: данные Росстата.

Хотя естественная убыль населения впервые за послевоенный период была зафиксирована в начале 90-х, она была предопределена демографическим развитием страны на протяжении четырех десятилетий до этого, по крайней мере, начиная с 1964 г., когда рождаемость, а потому и нетто-коэффициент воспроизводства в России опустились ниже уровня простого воспроизводства (у городского населения это произошло еще раньше).

Низкая рождаемость – не особенность России, она характерна практически для всех развитых стран, переживающих перестройку демографического баланса на современном этапе демографического перехода.

В 1990-е годы в России эти общие для всех стран тенденции были усилены двумя обстоятельствами.

Первое – крайне неблагоприятные изменения возрастного состава населения, обусловленные особенностями российской возрастной пирамиды, сильно деформированной после Второй мировой войны. Они привели к тому, что уже в конце 80-х стало быстро сокращаться число женщин в возрастах наибольшей репродуктивной активности (20-39 лет). А в «нулевые» годы начался затяжной спад числа женщин всех репродуктивных возрастов (рис. 2).

Второе – стремительная перестройка возрастной кривой рождаемости, сдвиг основной массы рождений к материнским возрастам старше 25 и даже старше 30 лет. В западных странах такой сдвиг, имеющий важный социальный смысл, шел, начиная с 1970-х годов, в России он пришелся на 90-е и «нулевые» годы. В 2008 г. рождаемость у женщин 25-29 лет впервые стала выше, чем в возрастной группе 20-24 года. Разнонаправленные изменения возрастных кривых рождаемости привели к резкому падению коэффициента суммарной рождаемости (КСР) условного поколения, подобно тому, как это происходило во всех странах, переживавших смену возрастной модели рождаемости несколько ранее (рис. 3).

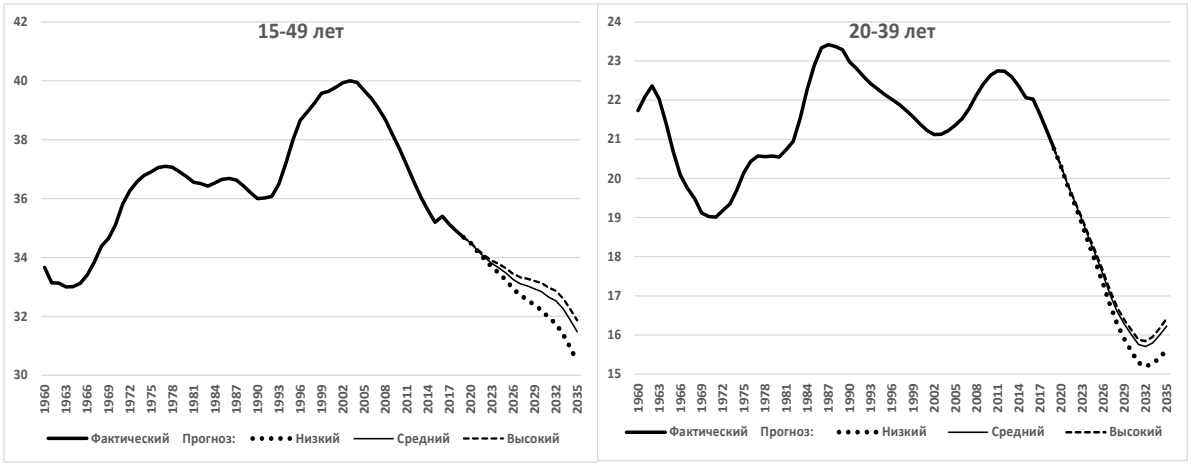

Рис. 2. Число женщин в возрасте 15-49 и 20-39 лет - фактическое в 1960-2020 гг. и по трем вариантам прогноза Росстата в 2020-2035 гг., млн

Источник: данные Росстата.

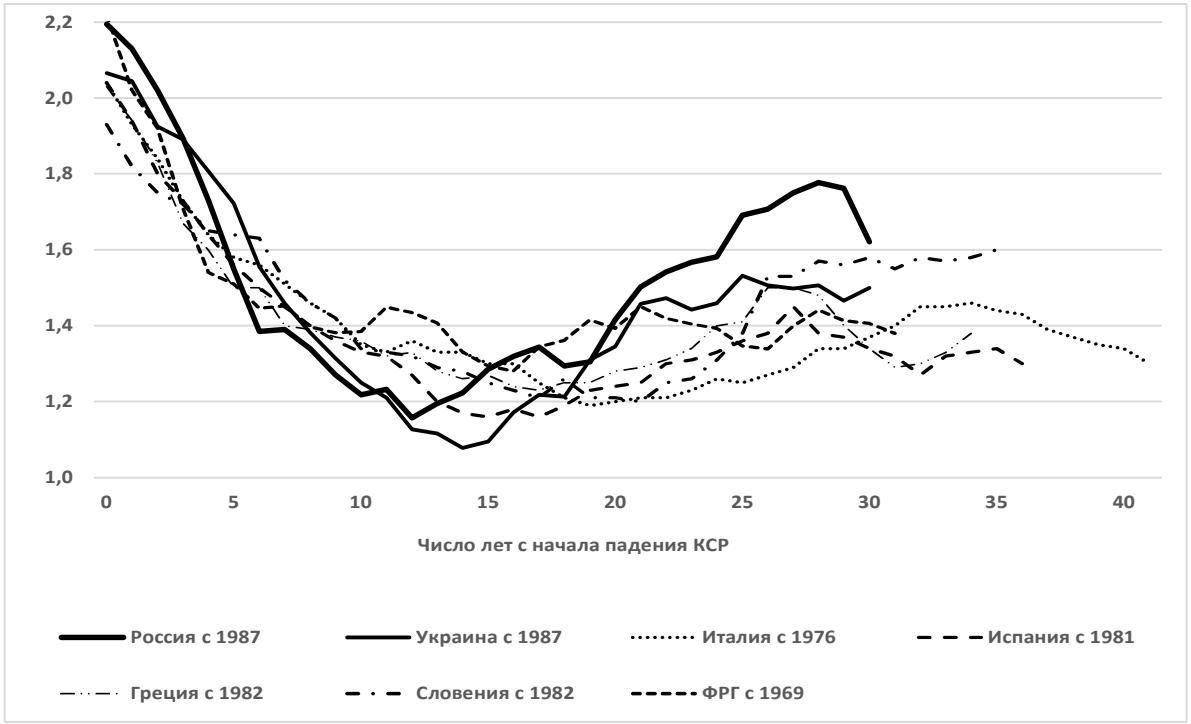

Рис.3. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах с момента начала падения, рождений на одну женщину

Источник: База данных Демоскопа: http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php

Оба обстоятельства соединились и сделали неизбежным падение абсолютного числа рождений, что обычно ошибочно приписывается общим неблагоприятным условиям 90-х годов.

По мере завершения перестройки возрастной кривой рождаемости значения КСР восстанавливаются, хотя обычно не до исходного уровня (рис. 3).

При оценке тенденций рождаемости исходя из динамики КСР, аналитическая ценность этого показателя часто преувеличивается. Гораздо лучше позволяет судить об этих тенденциях итоговая рождаемость реальных поколений, которая не подвержена столь резким колебаниям. Если падение КСР от максимального значения в 2,23 в 1987 г. до минимального 1,16 в 1999 г. составило 52%, то разница между максимальным и минимальным значениями итоговой рождаемости послевоенных поколений (1954 года рождения – 1,9 и 1972 года рождения – 1,58) – менее 17%. Среднее число рождений на 1 женщину из поколений, появившихся на свет в середине 1980-х годов (1,81), и их условных матерей, родившихся в середине 1950-х (1,90), различаются несущественно (рис. 4).

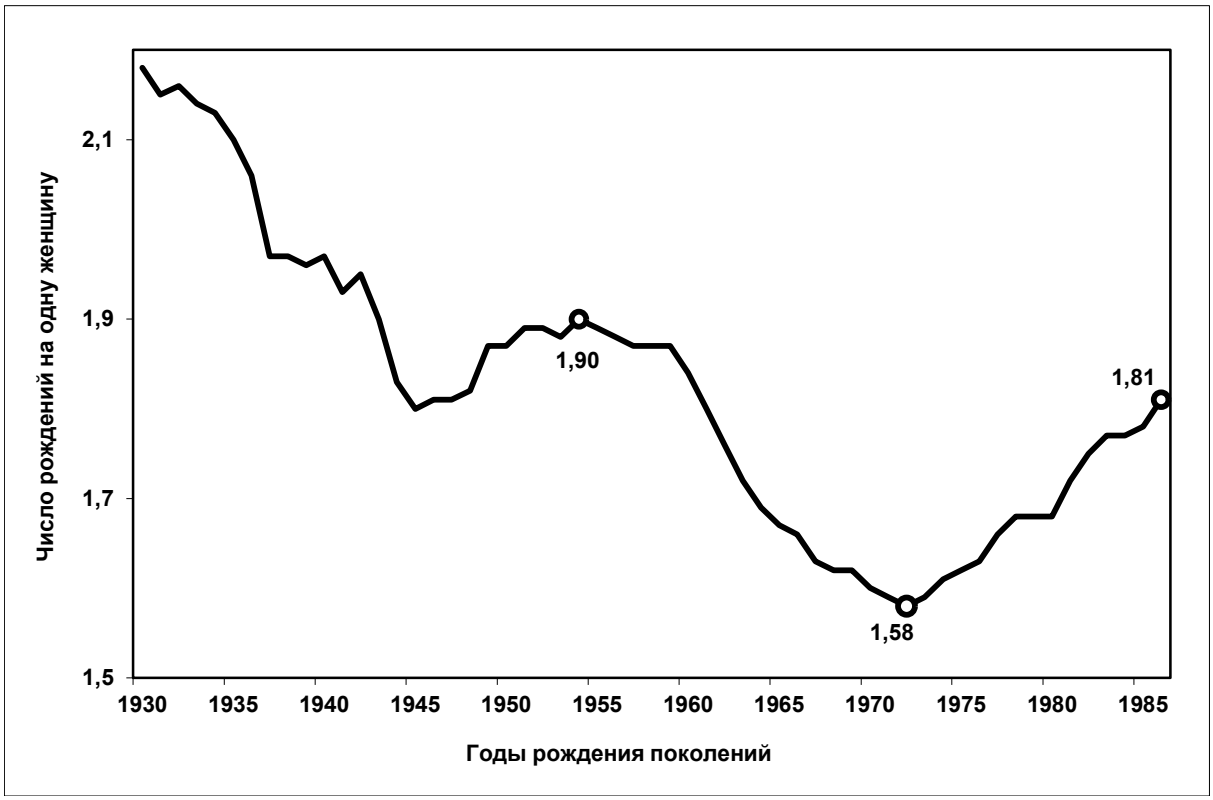

Рис.4. Итоговая рождаемость реальных поколений российских женщин 1930-1985 годов рождения, детей на 1 женщину

Источник: [Население России 2016: 189].

Если на КСР еще можно как-то влиять, то возрастной состав населения предопределен на много лет вперед, и, как следует из рис. 2, его ожидаемые изменения, с точки зрения рождаемости крайне неблагоприятны. Спад числа женщин репродуктивных возрастов продолжится. Особенно важна динамика числа женщин в возрастах наибольшей репродуктивной активности (20-39 лет). В 2004-2012 гг. оно увеличивалось и выросло, примерно, на 1,6 млн. Это

дало прибавку числа рождений, которая обычно приписывается заслугам демографической политики, хотя число рождений должно было увеличиться просто в силу роста числа потенциальных матерей. Но с 2011 г. началось сокращение числа женщин 20-39 лет, и до 2031 г., то есть за двадцать лет, оно сократится на 7 млн. Это огромное сокращение и, конечно, его следствием станет значительное падение числа рождений, которое уже началось. И предшествующий рост, и начавшееся падение в очень большой степени заданы послевоенными циклами колебаний числа родившихся (рис. 5).

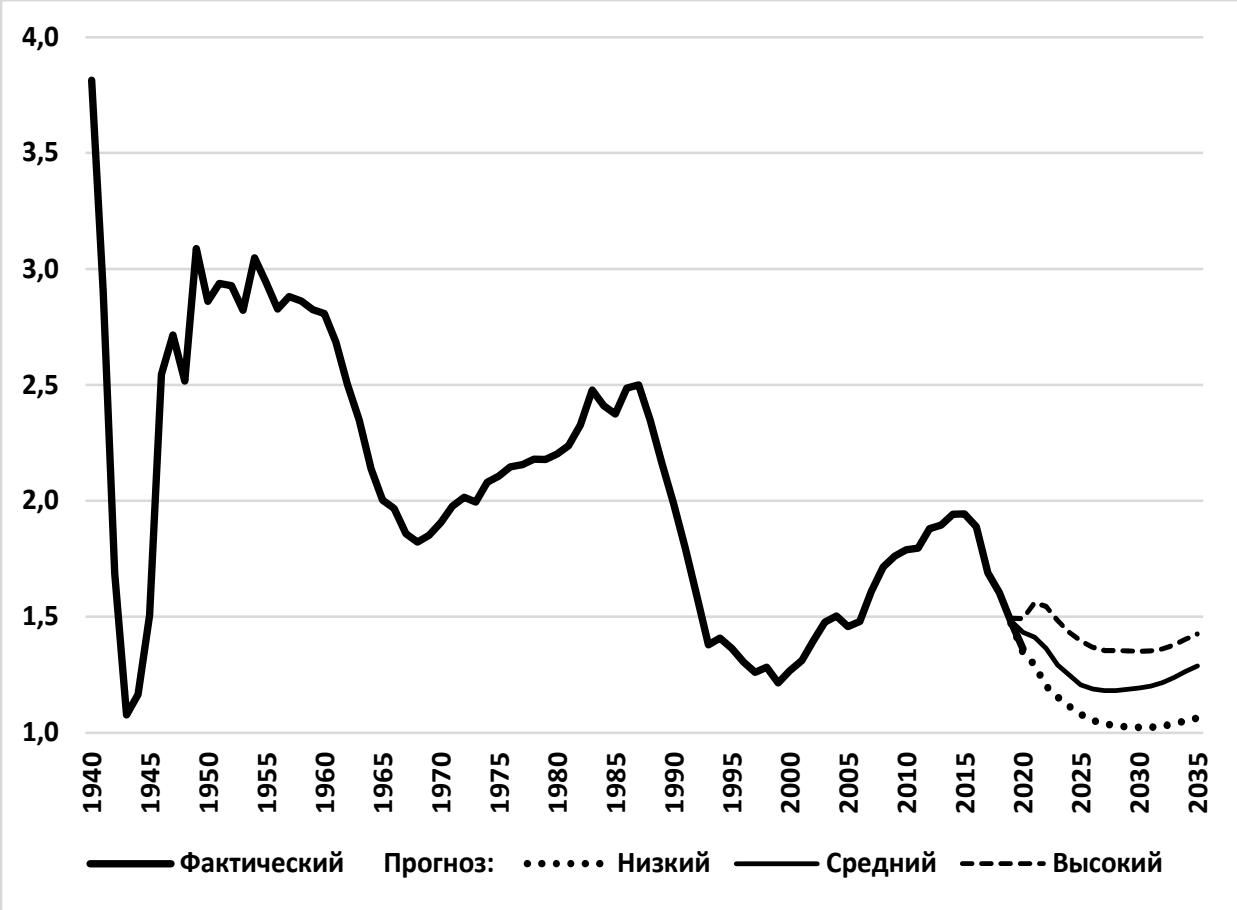

Рис.5. Годовые числа родившихся в России в 1940-2020 гг. и по трем вариантам прогноза Росстата до 2035 г., млн.

Источник: данные Росстата.

Смертность

После длительного периода стагнации и даже снижения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), начиная с 2004 г., этот показатель растет. В 2009 г. он превысил предыдущий максимум для женщин, в 2013 г. - для мужчин и продолжает увеличиваться. В 2019 г. он составил 68,2 года для мужчин и 78,2 года для женщин.

Несмотря на эти успехи, сохраняется очень сильное отставание России от большинства развитых стран (рис. 6).

И на этапах снижения продолжительности жизни, и на этапах ее роста в России ключевую роль играли изменения смертности от болезней системы кровообращения (БСК) и от внешних причин (рис. 7).

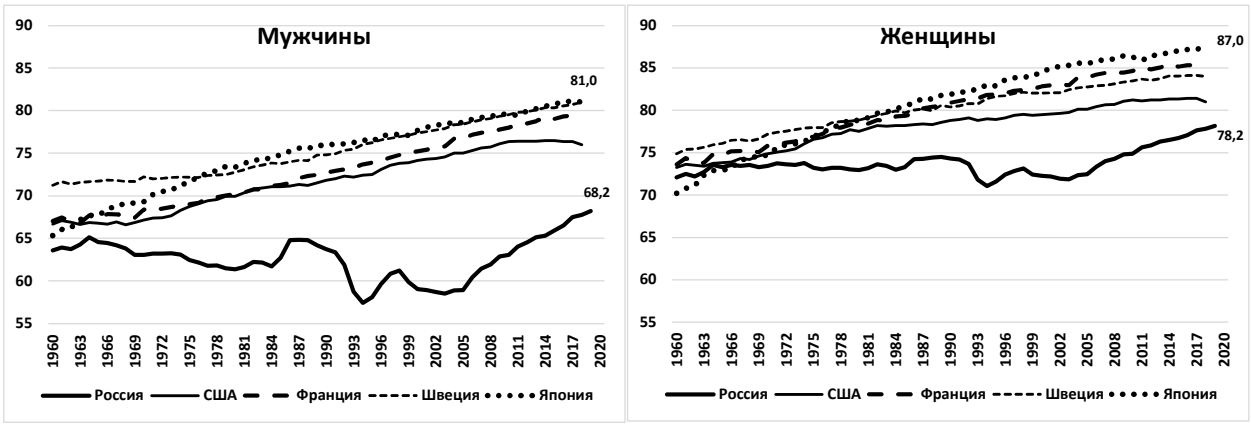

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России и некоторых развитых странах с 1970 года, лет

Источник: База данных Демоскопа: http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40e0.php

И на этапах снижения продолжительности жизни, и на этапах ее роста в России ключевую роль играли изменения смертности от болезней системы кровообращения (БСК) и от внешних причин (рис. 7).

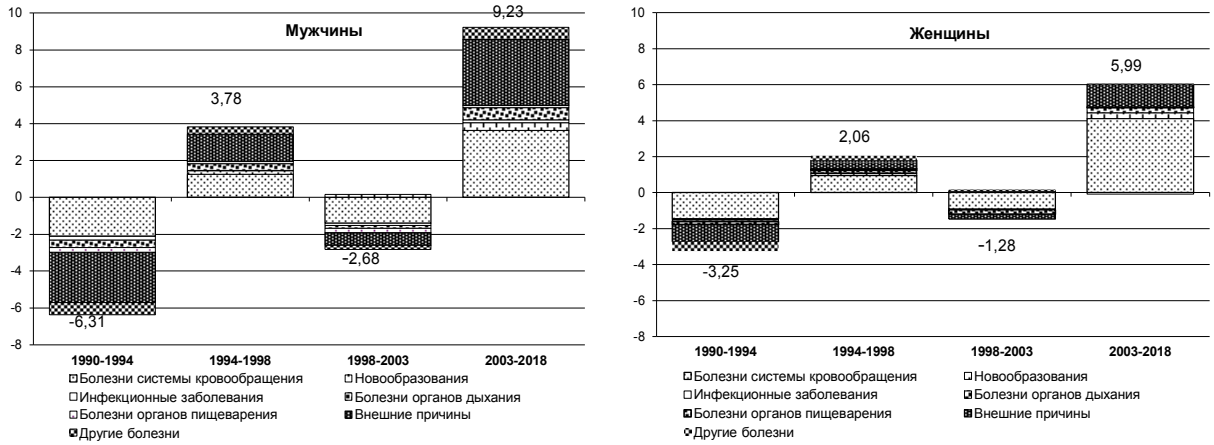

Рис.7. Вклад отдельных причин смерти в общее изменение продолжительности жизни в России в 1990-2018 гг., лет

Источник: [Население России 2007: 198; Население России 2018].

В прошлом огромное влияние на уровень смертности оказывали инфекционные заболевания. Сейчас смертность от инфекционных заболеваний невелика. Тем не менее эта причина смерти не устранена полностью, и иногда она вносит пусть и не очень значимый, но отрицательный вклад в динамику продолжительности жизни инфекционных заболеваний, что обусловлено ростом смертности от ВИЧ-инфекции. Россия, в отличие от многих западных стран, пока не нашла адекватного ответа на эпидемическую угрозу ВИЧ-инфекции.

О сохраняющейся опасности инфекционных заболеваний напомнила и разразившаяся в начале 2020 г. пандемия коронавируса COVID-19. О ее демографических последствиях судить пока рано, тем не менее она уже заставила отодвинуть сроки достижения конкретных целей роста продолжительности жизни в России. Согласно указу Президента 2018 г.,

ОПЖ для обоих полов к 2024 г должна была вырасти до 78 лет, а к 2030 г. – до 80 лет [Указ 2018]. Учитывая, что поставленная за 6 лет до этого (в указе 2012 г.) задача по увеличению этого показателя к 2018 году до 74 лет [Указ 2012] осталась невыполненной (величина ОПЖ оказалась ниже целевой на 1,1 года), новая цель, обозначенная в Указе 2018 г., изначально выглядела труднореализуемой. Повышение смертности в 2020 г., обусловленное эпидемией COVID-19, заставило внести соответствующие коррективы, намеченный срок достижения ОПЖ для обоих полов на уровне 78 лет был сдвинут с 2024 г. на 2030 г. [Указ 2020].

Миграция

До начала 1990-х гг. миграционный обмен России со странами за пределами СССР практически отсутствовал. Миграция между Россией и другими республиками СССР, тогда считавшаяся внутренней, была заметной, но все же не настолько, чтобы оказывать существенное влияния на численность населения России. До середины 1970-х годов сальдо этой миграции для России было отрицательным, с 1974 г. оно стало положительным и обеспечивалось в основном за счет возвратной миграции русских или представителей других народов России, что вносило вклад в рост ее населения. После распада СССР внутренняя межреспубликанская миграция превратилась в международную и приобрела характер массовой репатриации, возвращения на родину. Подавляющее большинство прибывающих мигрантов составляли этнические русские либо представители иных народов России.

В 1990-е гг. прирост населения России за счет миграционного обмена с республиками СССР, теперь уже бывшими, намного увеличился, но не столько за счет увеличения числа прибывших, сколько за счет резко сократившегося выезда из России [Население России 2003-2004: 307-308]. Так, в 1994 г. (год максимального миграционного прироста) число прибывших в Россию оценивалось в 1146 тыс., а число выбывших 232 тыс. против 898 тыс. и 714 тыс., в среднем, за 1986-1990 гг.

Миграционный прирост населения России за 1992-2019 гг. составил 9,8 млн. человек. Благодаря этому население России в 1990-е и 2000-е гг. сократилось не так сильно, как могло бы, - миграционный прирост компенсировал 58% естественной убыли населения за этот период. И даже когда в отдельные годы (2013-2015 гг.) появлялся естественный прирост населения, он был очень небольшим, и общий прирост населения обеспечивался в основном за счет миграции (рис. 1).

В связи с тем, что рассчитывать на естественный прирост населения России в обозримом будущем не приходится, миграционный приток становится единственным источником пополнения демографических ресурсов страны. Среди прогнозных сценариев Росстата есть только один, который предусматривает рост населения России до 2035 года (примерно на 3,3 млн человек). Для того, чтобы этот сценарий реализовался, необходимо обеспечить ежегодный миграционный прирост на протяжении ближайших 15 лет, в среднем, на уровне 370 тыс. человек, при том, что соответствующий

показатель за последние 10 лет (2010-2019) составлял 244 тыс., за последние 5 лет (2015-2019) – 226 тыс.

Эти цифры сами по себе говорят о том, что поддерживать миграционный прирост на уровне, необходимом для роста или хотя бы неубывания численности населения России, непростая задача. Правда, во второй половине 90-х годовой миграционный прирост был даже большим, чем требуется сейчас, но тогда была совершенно другая ситуация. По данным переписи 1989 г., за пределами территории России, в бывших советских республиках проживало около 25 млн этнических русских и несколько миллионов представителей других народов России. Эти люди составили основу репатриационного потока. Сегодня же потенциал репатриации в Россию соотечественников в значительной степени исчерпан. Кроме того, на постсоветском пространстве происходит переориентация миграционных потоков с России на другие страны, что связано, в частности, и с ослабевающей экономической притягательностью России.

Заключение

Центральная нерешенная демографическая проблема России – сохранение и умножение ее населения, которое уже почти 30 лет убывает. Реалистический подход к ее решению заключается в более активном использовании миграционного ресурса. Учитывая, что крупномасштабная иммиграция всегда сопряжена с социокультурными и политическими рисками, обращение к этому ресурсу предполагает разработку и реализацию долговременных, продуманных, всеобъемлющих и обеспеченных ресурсами программ привлечения и интеграции мигрантов. В противном случае население России будет сокращаться.

Список литературы

1. Население России 2007. Пятнадцатый ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневского. М., Изд. дом ВШЭ, 2009.
2. Население России 2016. Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. Под ред. С.В. Захарова. М., Изд. дом ВШЭ, 2018.
3. Население России 2018. Двадцать шестой ежегодный демографический доклад. Под ред. С.В. Захарова. В печати.
4. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации».
5. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»
6. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития России до 2030 года»

УДК 314.1 – 314.7
Ионцев Владимир Алексеевич
д.эк.н., заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Современные особенности демографического развития России[1] и её регионов

Аннотация. *Одной из самых актуальных проблем современной России является её негативное демографическое развитие. Соответственно, целью исследования является уточнение современных особенностей демографического развития России и её регионов. Что, на наш взгляд, представляется чрезвычайно важным, поскольку нет однозначного понимания, в какой демографической ситуации находится современная Россия: в условиях депопуляции или демографического кризиса, демографической катастрофы или демографической ямы, «демографической ловушки» или ... Одним из основных результатов исследования является то, что решение демографических проблем возможно лишь при переходе России на евразийский путь демографического развития, обоснование которого представляет собой не только теоретический, но и значимый практический интерес.*
Ключевые слова: *демографическое развитие, демографический кризис, депопуляция, евразийский путь демографического развития, демографическая политика, миграция.*

Начать хотелось бы с выступления президента страны В.В.Путина перед Федеральным собранием 15 января 2020 года, в котором вопросы демографии стали главенствующими: «Судьба России, её историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет (хочу содержательную часть начать именно с демографии), зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны **и какие ценности будут для них опорой в** жизни (выделено мною – В.И.).

Сегодня нас почти 147 миллионов человек. Но мы вступили в сложный, очень сложный демографический период…

Но семьи-то сейчас создают малочисленные поколения 90-х годов. Число рождений вновь падает. Вот в чём напряжённость демографического периода, через который проходит сегодня Россия…

Повторю: существующие сейчас негативные прогнозы не могут нас не настораживать. Наша историческая обязанность - ответить на этот

[1] Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00582 по теме "Иностранная рабочая сила в развитии экономики современной России

вызов. **Не только выбраться из демографической ловушки, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны. В 2024 году коэффициент рождаемости должен быть 1,7** (выделено мною – В.И.).

Демография - это сфера, где нет какого-то универсального, тем более узковедомственного решения. Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета - сбережения и приумножения народа России» (Российская газета, 16 января 2020).

Хотелось бы заметить, что о «сохранении и размножении российского народа» заявил уже в 1761 году М. В. Ломоносов. Прошли века, а демографические проблемы не только не исчезли в России, но и ещё более обострились. Более того, можно утверждать, что современная демографическая ситуация в стране значительно хуже, нежели была во времена Ломоносова, и ситуация продолжает ухудшаться, несмотря на то, что, начиная с 2006 года государство начинает направлять на решение демографических проблем значительно более существенные, чем прежде, финансовые средства (по инициативе президента В.В.Путина появляется материнский капитал, повышаются семейные пособия, больше внимания начинает уделяться молодым семьям и др.). И, тем не менее, спустя 14 лет, президент был вынужден заявить, что страна вступила в «очень сложный демографический период», и это связано, в первую очередь, с тем, что в репродуктивный возраст вступили самые малочисленные поколения женщин, родившиеся в 90-е годы.

Да, это очень нехороший структурный фактор, который будет обуславливать ещё не один год снижение рождаемости в России и во всех её регионах. И думаю, что к середине текущего десятилетия никакого естественного прироста в России, о чём заявил В.В.Путин, не будет. Но хуже другое (о чем мы пишем и говорим с 1995 года[2]): речь идет о качественных негативных изменениях, происходящих в населении с конца 80-х гг. по настоящее время. Это к вопросу о том, какие ценности, и прежде всего, демографические, будут для российских детей «опорой в жизни»? Пока они в своем городском большинстве очень охотно воспринимают западные суррогатные ценности. И первые поколения, взращенные Интернетом на этих ценностях, и есть наши малочисленные дети 90-х годов! Именно это и является более значимым фактором, который будет определять очень низкую рождаемость не только сейчас, но и в ближайшем будущем, если мы, наконец, не обратим на это внимание. Именно эти качественные изменения характеризуют, наряду с количественными негативными изменениями

[2] См., напр., Современная демография. Под ред. А.Я.Кваши и В.А.Ионцева. М., изд-во МГУ, 1995; Введение в демографию. Под ред. В.А.Ионцева, А.А.Саградова. М., ТЕИС, 2002; Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах // Экономика региона. N3, 2015, с.92-94; Ионцев В.А., Субботин А.А. Демографические сценарии демографического будущего (на примере России и Германии) // Балтийский регион. 2018. Том 10, N3, с. 5-10

(депопуляцией), такое понятие как демографический кризис, который в России, да и во всех развитых странах, принял перманентный характер.

Вместе с тем, наряду с демографическим кризисом, для характеристики современной демографической ситуации общественные деятели, политики, государственные чиновники и отдельные ученые используют часто другие термины; «демографический спад», «демографическая яма», «демографическая катастрофа», «демографический коллапс», «депопуляция», в Послании президента 2020 года появился ещё один термин – «демографическая ловушка». Хотелось бы особо подчеркнуть, что эти все термины, за исключением последнего, отражают разную демографическую ситуацию, о чем мы писали ещё в 2008 году (Ионцев В.А., Алешковский И.А., 2008, с.114). Вместе с тем, «безобидная», на первый взгляд, подмена одного термина другим или их смешение, на наш взгляд, существенно искажает информацию о степени негативности современного демографического развития России и тем самым дезориентирует руководство страны и регионов, население в целом в понимании глубины современных демографических проблем и их значимости для нашего будущего развития.

Надо заметить, что такое явление, как демографический кризис, берет начало в 1963 году в США (Бьюкенен П., 2004, 2011), а затем распространяется (на переломе 60—70-х годов прошлого века) во всех странах Западной Европы. Его суть заключается в том, что наряду с количественными негативными изменениями, в первую очередь в брачности и рождаемости (что описывает, в частности, концепция второго демографического перехода Ван де Каа (Van de Kaa D., 1987) и Лестага (Lesthaeghe R., 2014)), происходят негативные структурные (пол, возраст) и качественные (замена традиционной семьи с детьми, демографическое поведение, здоровье, духовность) изменения в населении.

К сожалению, все эти современные негативные западные тенденции все больше затрагивают Россию, практически все ее регионы — от Дальнего Востока до Калининградской области. При этом необходимо понимать, что Россия сейчас находится в особых демографических условиях:

– во-первых, у нее огромная территория (более 17 млн км2), освоение которой без дополнительных рабочих рук невозможно, учитывая продолжающееся снижение численности трудоспособного населения (см. табл 1); и это касается не только северных и дальневосточных районов, но и центральной части страны (сотни тысяч квадратных километров Нечерноземья стали практически безлюдными);

– во-вторых, внутренний демографический потенциал страны полностью исчерпан: сегодня нет ни одного региона, за счет которого можно было бы помочь в заселении пустующих территорий, как это происходило в царский и советский периоды. В связи с этим чрезвычайно важным становится вопрос демографического будущего России, её выхода из положения демографического кризиса.

И этот выход мы видим в возвращении России на евразийский путь демографического развития. Сама идея евразийского развития возродилась потому, как написал академик М.Л. Титаренко незадолго до своей смерти (февраль 2016), что «Нас интересует суть нового евразийства, ставшего весьма актуальным предметом идейно-политических дискуссий после распада Советского Союза и поисков национальной идеи, которая бы послужила для сплочения и подъема суверенной России в условиях жесткой культурно-цивилизационной экспансии Запада. Эта экспансия привела к серьезному размыванию культурно-цивилизационной самоидентичности, аполитизации, духовной депрессии русского и других народов РФ, появлению идей местного сепаратизма, регионального изоляционизма, а также к возникновению и обострению межэтнических трений» (Петровский В., Титаренко М., 2016, с. 2). Все это особенно негативно отразилось на демографическом поведении российского населения, включая все его многочисленные национальности и народности, подталкивая тем самым Россию на западный путь второго демографического перехода, который, по существу, ведет к вымиранию коренного населения стран Запада, о чём мы не раз уже писали (Ионцев В.А., Прохорова Ю.А., 2011, 2013, 2014), как собственно об этом пишут западные ученые и политики. Среди последних особенно хотелось бы выделить П. Бьюкенена и Тило Саррацина, книги которых были переведены на русский язык в 2004, 2011 и 2012 гг.

Евразийский путь демографического развития подразумевает сохранение лучших национальных традиций по «сохранению и размножению» населения, вбирая в себя и лучшие европейские достижения, вместе которые подразумевают поощрение, прежде всего, крепкой традиционной семьи с детьми, основанной на самобытной культуре и ценностных ориентирах своих предков. Примером подобного развития могут служить старообрядцы, которые сумели, будучи вдали от России, сохранить не только русский язык, но и лучшие традиции своих отцов и дедов и в отношении которых в последнее время Россия предпринимает шаги по их привлечению на историческую Родину. Насколько успешной будет политика в отношении этой группы мигрантов, настолько успешнее и быстрее мы сможем выйти из демографического кризиса в таких регионах как Нечерноземье, Сибирь и Дальний Восток.

И если переход на евразийский путь демографического развития возможен лишь в среднесрочной перспективе (предположительно должно сменится два поколения, хотя сам переход нужно начать осуществлять уже сейчас, пока это ещё возможно). То в ближайшей перспективе многое будет зависеть от эффективного привлечения мигрантов, исходя прежде всего из региональных интересов, на что собственно обращает особое внимание российский ведущий специалист в этой области, Л.Л.Рыбаковский (Региональные особенности…, 2019, с.3). При этом трудно назвать эффективной политику, если чуть ли не половина всего миграционного прироста приходится на Москву и Подмосковье, плюс столько же внутренних мигрантов, причем зачастую из тех регионов, которые сами остро нуждаются в

этих мигрантах, учитывая ещё и потребности сельского хозяйства. Не случайно, в половине всех регионов России имеет место абсолютная убыль населения. Так, например, численность населения Дальнего Востока за !992-2019 сократилась более чем на 2 млн. человек (на 23%), в то время как Москвы увеличилось на 40%. Такое перераспределение населения страны между регионами в условиях демографического кризиса может действительно привести к необратимым последствиям для многих из них, а вместе с ними будет поставлена под угрозу национальная безопасность страны в целом.

Таблица 1. Основные демографические показатели России, тыс человек

	1995 г.	2005 г.	2015 г.	2019 г.
Общая численность родившихся	1363	1457	1940	1546
Общая численность умерших	2203	2303	2030	1862
Естественный прирост/убыль	-840	-846	-90	-316
СКР*	1,34	1,29	1,77	1,61
Е*	64,5	65,4	71,3	71,2
Общая численность постоянного населения на начало года	147938	143801	146267	146780
Численность женщин	78501	77108	78,5	78,7
Численность мужчин	69509	66692	67,8	68,1
Возрастные группы (лет):				
0-15	34030 (23,0%)	34321 (23,9%)	31221 (21,3%)	27428 (18,6%)
16-59	84032 (56,8%)	84460 (58,7%)	85980 (58,8%)	81363 (56,3%)
60 и старше	29881 (20,2%)	25022 (17,4%)	29,07 (19,9%)	37989 (25,1%)
Миграционный прирост/убыль	503	282	228	286

*СКР – Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину репродуктивного возраста); Е – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (годы). Источник Данные Росстата.

Список литературы

1. Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. М. 2011.
2. Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2004.
3. Ионцев В.А., Алешковский И.А. Демографический фактор в развитии современной России / Демографические перспективы России // Под ред. академика Осипова Г.В. и проф. Рязанцева С.В. – М.: Экон-Информ, 2008. – 906 с.
4. Ионцев В.А. Международная миграция и демографическое развитие. Возможен ли «евразийский демографический переход»? // Сборник материалов конференции «Миграционные мосты в Евразии». Под ред. член-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. М.: Изд-во «Экон-Информ». 2014. С. 459-464
5. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении российского народа // Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. М.: Наука, 1986. С.130-144.
6. Петровский В., Титаренко М. О неоевразийской идентичности России // Международная жизнь. №4. 2016.

7. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 15 января 2020 года//Российская газета, 16 января 2020 года.
8. Региональные особенности демографического развития России в XXI веке. Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. М.: 2019. 162 с.
9. Саррацин Т. Самоликвидация Германии. М., 2012.
10. Iontsev V., Prokhorova Y. To the issue of international migration and nuptiality within the concept of the fourth demographic transition // Scientific Series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World” // Edited by V. Iontsev. Vol. 27. 2013. Pp. 6-21.
11. Lesthaeghe R. The second demographic transition: a concise overview of its development // Proceedings of the National Academy of Siences. 111 (51). 2014. Pp.112-115.
12. Van de Kaa D.J. 1987, Europe’s Second Demographic Transition // Population Bulletin. Washington: The Population Reference Bureau. Vol. 42. №1. Pp. 1-59.

УДК 613; 614

Каткова Ирина Петровна
д.мед.н., главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
Рыбальченко Сергей Игоревич
к.э.н., Председатель Комиссии по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей Общественной палаты Российской Федерации, г. Москва, Россия

Мониторинг социально-демографического потенциала увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения в контексте целей устойчивого развития России

Аннотация. *В статье отмечается, что в центре внимания реализации в России комплексных стратегий демографического развития должны находиться вопросы преодоления регионального неравенства в здоровье населения, когда место рождения и жизнедеятельности для большинства жителей регионов фактически предопределяют риски и перспективы дожития до наиболее благоприятных уровней ОПЖ, свойственных наиболее успешным и благополучным регионам РФ.*

Ключевые слова: *индикатор человеческой жизни, мониторинг, ожидаемая продолжительность жизни, Россия, региональное неравенство в здоровье, дефицит государственного финансирования здравоохранения, платность услуг здравоохранения, цели устойчивого развития.*

Происходящее в настоящее время в России развитие депопуляционных процессов, являющихся серьёзной угрозой успешности общественного и

социально-экономического развития, требуют, с нашей точки зрения, проведения в жизнь системы неотложных чётко скоординированных интегративных межсекторальных мер сбережения населения.

В связи с этим в настоящее время для нашей страны важно достижение общественного понимания, что миграция, становясь в этих условиях важной компенсаторной компонентой восполнения потерь населения вследствие сокращения процессов его естественного воспроизводства, не сможет полностью восстановить, порождаемые им потери [15].

Так, согласно данным прогноза [14], сокращение общей численности населения России с учётом миграционного замещения численности населения за период с 2018 по 2050 годы составит - 6,5%, однако, при отсутствии миграции оно может достигнуть уменьшения до уровня - 11,4%.

Сохранение выраженности аналогичных процессов приведёт к сокращению численности населения к 2050 году, например, в Белгородской области на -11,9% и -24,6%, Воронежской области на - 10,2% и - 25,0%, в Калужской области на - 9,9% и - 18,8% (соответственно).

К числу регионов с наибольшей миграционной компонентой невосполнимости потерь населения по сравнению с данными за 2018 год в 2050 году будут относиться (соответственно): Брянская область (-24,2% и -26,6%), Смоленская область (-23,0%, и -29,3%), а также Тверская область (-24% и -26,7%), Орловская область (-25,9 и -30,2%), Тамбовская область (-20,0% и -31,2%), Ивановская область (-25,09% и 26,6%).

Необходимо так же иметь в виду, что в нашей стране отмечается многогранная слабость сбалансированности политики управления процессами внешней и внутрироссийской миграции с задачами социально-экономического и демографического развития, что ещё более усугубляет имеющие место депопуляционные процессы. К этим последствиям сложившегося в настоящее время типа временной внутри региональной трудовой миграции, с нашей точки зрения, следует отнести масштабность обретения ею черт «челночного» характера, ранее свойственного миграционным процессам, развивавшимся в России в 90-е годы прошлого столетия. Однако в современный период новый вид «челночества» приобретает устойчивый адаптационный характер «вахтовых традиций жизнедеятельности между двумя домами», разрушающий и дестабилизирующий семейный уклад.

В настоящее время к самым острым из всех назревших миграционных проблем российские исследователи вполне справедливо относят вопросы охраны здоровья мигрантов - как группы лиц с наивысшим уровнем уязвимости ко всё-ещё сохраняющимся рискам возникновения ковидной пандемии и распространённости её последствий [12].

В ряде исследований подчёркивается высокая социально-демографическая значимость последствий отсутствия чёткой регламентации в нашей стране проведения санитарно-эпидемиологического наблюдения за состоянием здоровья мигрантов и членов их семей, способов оплаты,

оказанной им экстренной, лечебно–профилактической и реабилитационной при особо опасных инфекционных или хронических заболеваниях [5].

Поэтому реализация положений Указа[3] Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года" по повышению ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) до 78 лет (по сравнению с 72,8 годами в 2018 году), снижению уровня бедности в два раза (по сравнению с показателем 2017 года), является важнейшей консолидирующей основой осуществления в стране системы межсекторальных мер социально-демографической политики.

Обширная научно-аналитическая база данных свидетельствует о том, что рост национальных ВВП в последние десятилетия 20-го века в ведущих развитых и развивающихся странах в значительной степени был обусловлен прибылью, связанной с увеличением потенциала здоровья и роста ожидаемой продолжительности жизни, явившихся сдерживающим фактором для развития депопуляционных процессов [9].

Анализ региональных уровней и рейтингов за 2017 год нового показателя - Индикатора человеческой жизни (ИЧЖ), характеризующего неравенство в дожитии, и ОПЖ мужчин в сопоставлении с наиболее близкими к ним значениями аналогичных индикаторов по трём странам мира (2010-2015.) [13], показал чрезвычайную важность наращивания в нашей стране темпов повышения уровня и качества жизни населения. Так, например, в 2017 году Воронежская область, имела ИЧЖ равный 66,7 лет и занимала 22 место в общероссийском рейтинге регионов, что очень близко соотносится с уровнями ИЧЖ таких стран, как Аргентина, Шри-Ланка, Панама, которые среди всех стран мира занимают по уровню этого показателя 56-58 ранговые места (2010-2015 годы). Наиболее развитые страны в рейтинге стран по уровню ИЧЖ занимают с 78 по 82 ранговые места. По уровню ожидаемой продолжительности жизни мужчин, составляющей 67,9 лет, среди регионов нашей страны Воронежская область занимает 27 место, что близко к параметрам ОПЖ мужчин таких стран, как Непал, Корейская Народно-Демократическая Республика, Таджикистан, имеющие 98 - 100 ранговые места среди всех стран мира.

Показатели ОПЖ мужчин Владимирской, Ивановской, Костромской, Курской, Липецкой, Орловской, Смоленской областей находятся очень близко к аналогичным параметрам, имеющимся среди мужчин Панамы, Пакистана, Боливии, Филиппин, Камбоджи, Индии.

Эти страны занимают в рейтинге стран мира по ОПЖ мужчин 106-115 места. Это обстоятельство подчёркивает острую необходимость инициирования масштабной реализации целевых пилотных программ по снижению преждевременной смертности российских мужчин, становящейся

[3] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года" //https://rg.ru/2020/07/22/ukaz-dok.html

важнейшим потенцирующим элементом интенсивности замещения вследствие развития депопуляционных процессов сокращения численности местного населения мигрантами.

В ходе проведения ряда исследований социально-демографических проблем охраны здоровья населения в РФ неоднократно обращалось внимание (Рис.1) на парадоксальный факт, характеризующий наибольшую, с нашей точки зрения, степень выраженности неравенства в уровнях индикаторов ОПЖ, сложившихся в российских условиях в последние десятилетия [7, 8].

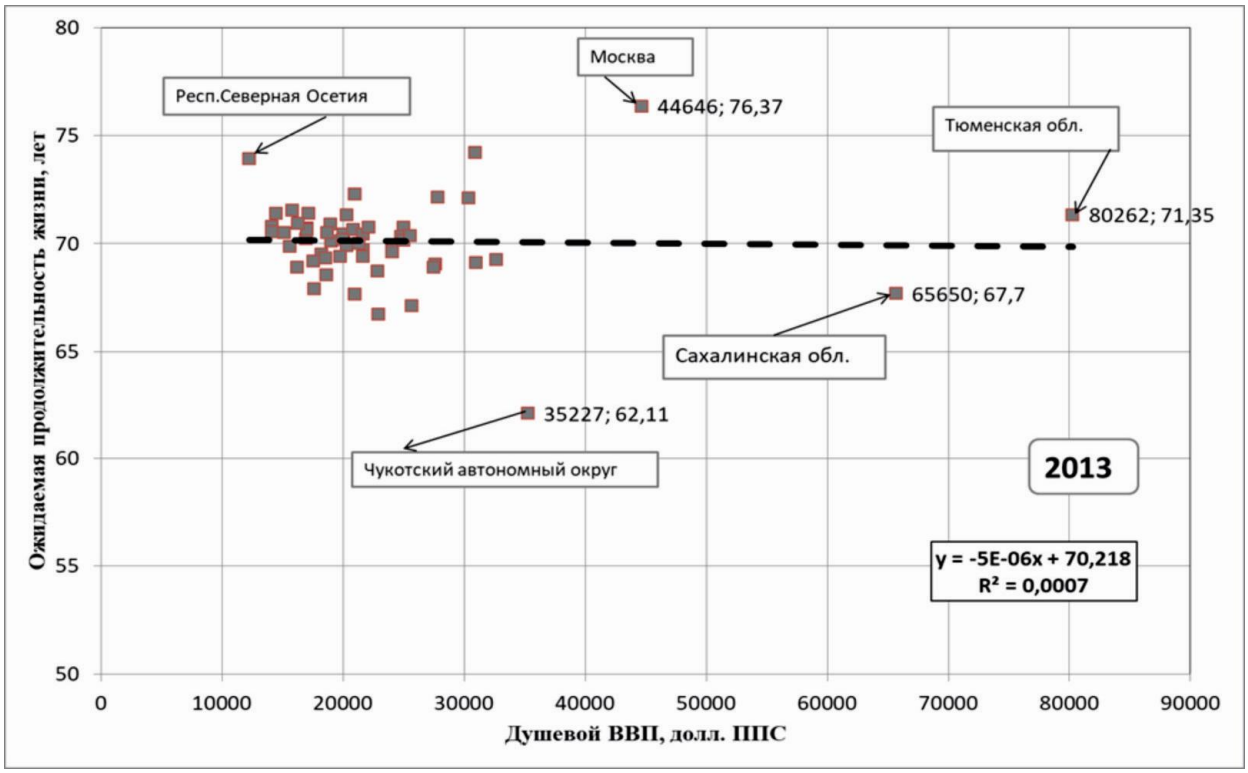

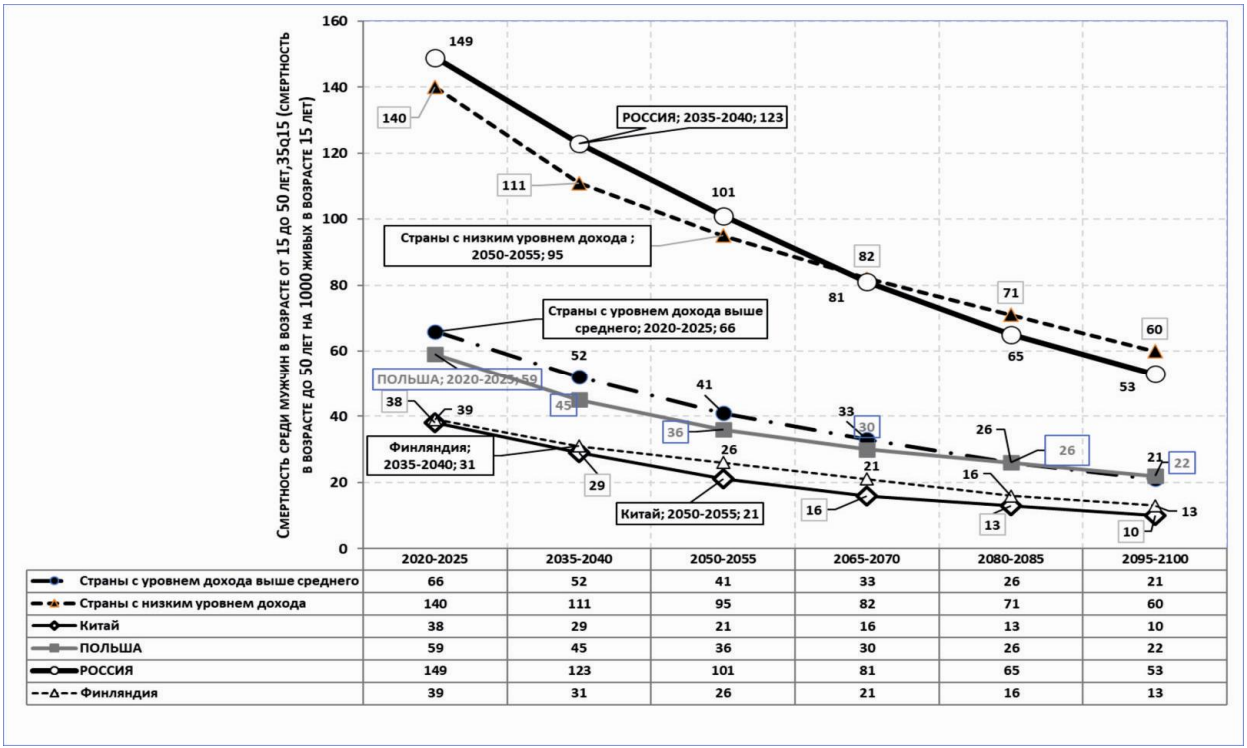
Рис. 1. Характеристика различий в уровнях ожидаемой продолжительности жизни и валового внутреннего продукта (в ППС в долл. США на одного человека) в регионах РФ в 2013 г.

Источник: Построено по данным: [10, 4]

Этот факт практически заключается в аналитической оценке того обстоятельства, что в отличие от данных по ведущим и активно развивающимся странам мира в нашей стране влияние уровней ВРП на показатели ОПЖ не нашло своего подтверждения [3].

В нашей стране не учитывается, что экономические потери, обусловленные преждевременной смертностью в возрастах от 15 до 70 лет, являются серьёзным препятствием для успешного социально-экономического развития российских регионов. Доля таких общих потерь (2013) в расчёте по отношению к валовому региональному продукту (ВРП) составляла: в Республике Тыва - 30,8%, Чукотском автономном округе- 26,8%, Иркутской области - 21,1%, Сахалинской области- 17,9%, Смоленской области – 16,5% [16].

Анализ вероятности смерти мужчин в (Рис. 2) в возрасте от 15 до 50 лет показал, что в 2020-2025 годах её уровни будут по – прежнему характеризоваться «сверх смертностью», имея уровни показателей, свойственные группе стран с низким уровнем дохода. Такая ситуация может сохраниться и в дальнейшем на всём протяжении 21-го века. Однако необходимо заметить, что, если в начале 21 века уровень аналогичного показателя в Китае стал равнозначен данным по Финляндии, то постепенно к концу столетия он сможет превзойти и финские параметры.

	2020-2025	2035-2040	2050-2055	2065-2070	2080-2085	2095-2100
Страны с уровнем дохода выше среднего	66	52	41	33	26	21
Страны с низким уровнем дохода	140	111	95	82	71	60
Китай	38	29	21	16	13	10
ПОЛЬША	59	45	36	30	26	22
РОССИЯ	149	123	101	81	65	53
Финляндия	39	31	26	21	16	13

Рис. 2. Вероятность смерти мужчин в возрасте от 15 до 50 лет (смертность в возрасте до 50 лет на 1000 живых в возрасте 15 лет) в Российской Федерации и ряду групп и стран мира. 2020-2100 гг.

Источник: Построено по данным: [2]

Следует отметить, что хроническое недофинансирование российского здравоохранения вступает в противоречие со стратегическими задачами развития демографической политики в РФ по обеспечению здоровья и благополучия населения, снижению преждевременной смертности и увеличению ожидаемой продолжительности жизни. Как отмечает Счётная палата РФ, при формировании территориальных программ государственных гарантий (ТПГГ) оказания бесплатной медицинской помощи населению на 2017 и 2018 годы объем их финансирования в 2017 году был сокращён в 56 регионах. В 2018 году аналогичное отклонение было допущено в 52 субъектах. Вследствие этого, подчёркивают эксперты, расчётный дефицит финансового обеспечения ТПГГ на 2017 год составил более 81 млрд. рублей, а на 2018 год – более 65 млрд. [11]. В 2016 году дефицит финансового обеспечения ТПГГ достигал в Брянской и Ивановской областях 65,4%, а в Забайкальском крае - уровня 79,3% (РОССТАТ). Такой подход к

недофинансированию здравоохранения, ослабляя его государственные основы, способствует коммерциализации процесса оказания медицинской помощи населению

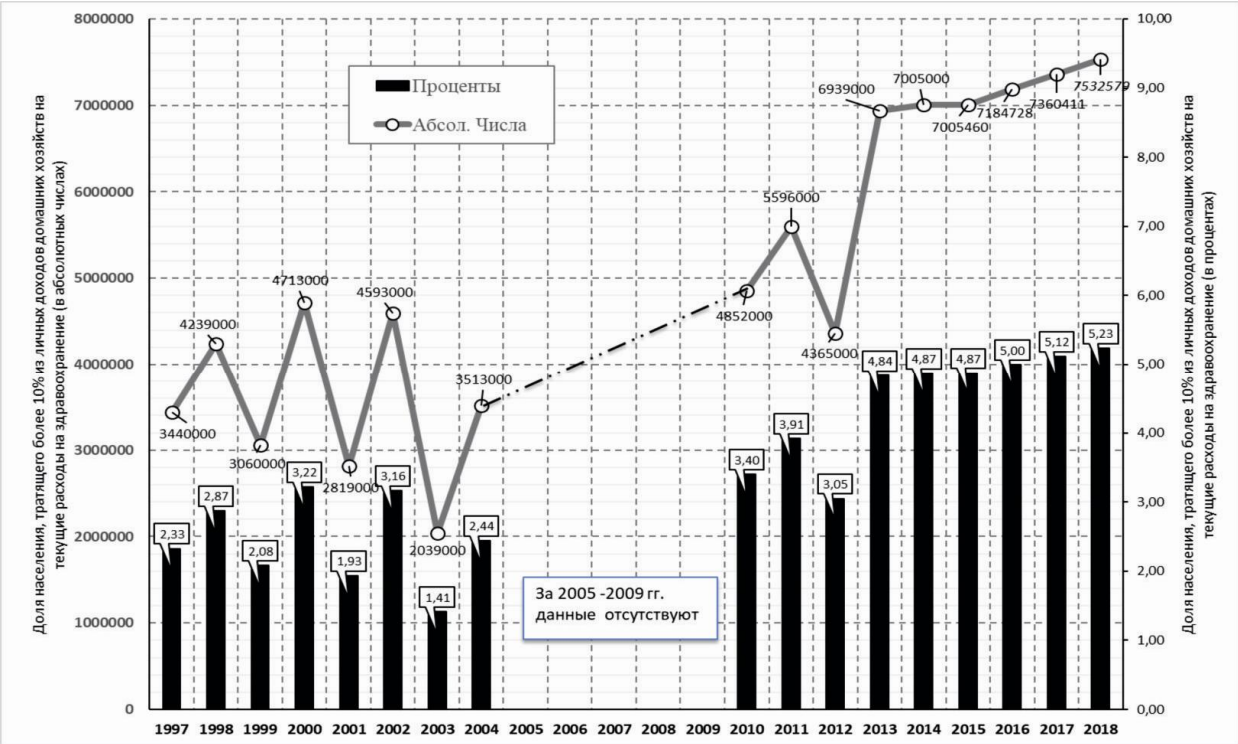

Рис. 3. Доля населения, тратящего более 10% из личных доходов домашних хозяйств на текущие расходы на здравоохранение в России (в процентах и абсолютных числах) за 1997-2018 годы

Источник. Построено по данным: [6, 1]

Разразившаяся коронавирусная эпидемия особенно обострила общественное понимание концептуальной неэффективности, сформировавшейся в нашей стране после событий 90-х годов модели здравоохранения, опирающейся на внедрение в систему государственных учреждений здравоохранения либеральных рыночных отношений и важности, в связи с этим научного обоснования новой модели и стратегий дальнейшего развития российского здравоохранения

В наших исследованиях неоднократно подчёркивалось, что вопреки общемировому тренду укрепления государственных основ здравоохранения, произошедшее в России развитие в недрах государственного здравоохранения рынка медицинских услуг привело к неблагоприятной тенденции рассмотрения медицинских услуг не в качестве общественного блага, а в качестве «потребительского товара», которым можно торговать на открытом рынке.

Вследствие этих процессов доля личных средств населения «замещающих» недостающие государственные средства в текущем бюджете здравоохранения нашей страны увеличилась с 16,9% в 1995 году до 40% в 2017 году (ВОЗ, 2019).

При этом «оптимизационное» сокращение числа государственных лечебно-профилактических учреждений привело к значительному процессу их замещения наращиванием участия частных медицинских учреждений и распространению платности медицинских услуг, в том числе и теневой, в реализации программ Государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи населению.

Параллельно этим процессам, как показал анализ мониторинговых данных Всемирного Банка, доля населения, обедневшего вследствие катастрофических последствий для бюджетов своих домохозяйств затрат, составлявших более 10% личных доходов на текущие расходы на здравоохранение за период 1997-2018 годы (Рис.3), увеличилась в нашей стране в 2,2 раза и достигла уровня распространённости равного 5,23%.

В то же время число семей, затративших на здравоохранение более 25% от своих бюджетов, в 2018 г., в нашей стране было равно 916699 случаям, а уровень частоты встречаемости таких ситуаций составил 0,64%. Этот показатель так же в 2018 г. был выше уровня 1997 г. более чем в 2 раза.

Эти данные подчёркивают важность адаптации к российским условиям передового зарубежного опыта обеспечения всеобщей доступности медицинских услуг для населения, которая является стержневой глобальной задачей достижения Целей устойчивого развития до 2030 года в качестве важнейшего условия обеспечения эффективности мер по снижению преждевременной смертности.

Научное обоснование новой модели развития российского здравоохранения аргументируют положения Указа Президента Российской Федерации № 245 от 6 июня 2019 года «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». В разделе III пункта 24.3 Указа подчёркивается, что замещение бесплатных медицинских услуг, предоставляемых в рамках программ Государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, услугами на платной основе относится к важнейшей угрозе и вызовам национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан.

Отмеченные выше обстоятельства актуализируют значимость учёта вопросов народонаселения в процессе принятия конкретных системных межсекторальных стратегических программ развития регионов РФ в зависимости от местных социально-демографических особенностей развития. Они в основном обусловлены проблемами обеспечения роста качества жизни и потенциала человеческого развития, трудовой активности и жизнедеятельности населения в контексте задач обеспечения устойчивого развития нашей страны на период до 2030 года.

Список литературы

1. World Bank. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.nationmaster.com (дата обращения: 22.12.2019).

2. World Population Prospects 2019, Online Edition. Rev. 1. Male adult mortality between age 15 and 50, 35q15 (deaths under age 50 per 1,000 alive at

age 15). Medium fertility variant, 2020 – 2100. POP/DB/WPP/Rev.2019/ MORT/F10-2. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://population.un.org/wpp/ (дата обращения 06.01.2020)

3. Андреев Е., Школьников В. Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и её регионах. Демографическое обозрение. 2018. том 5, №1: 6-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-mezhdu-urovnyami-smertnosti-i-ekonomicheskogo-razvitiya-v-rossii-i-ee-regionah (доступ: 05.04.2020)

4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. С.С. 249-252. 260 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ac.gov.ru/archive/files /publication/a/7198.pdf. (доступ: 25.01.2020)

5. Ивахненко Г.А. Здоровье трудовых мигрантов в России (Опубликовано в журнале "Социология медицины", 2013, №2, с. 48-51) http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0599/analit04.php .

6. Каткова И. П. Российское здравоохранение в контексте задач достижения всеобщей доступности услуг здравоохранения к 2030 году // Народонаселение. 2020. Том. 23. № 1. С. 135-147. DOI: https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.11

7. Каткова И. П., Андрюшина Е. В., Катков В. И. Современные стратегии охраны здоровья населения России и реформирования здравоохранения // Народонаселение. - 2008. - № 3. - С. 17-36.

8. Каткова И. П., Катков В. И. Доступность медицинской помощи: цели и реалии // Народонаселение. — 2016. — No 1. — С. 92–100

9. Каткова И.П., Локосов В.В., Рыбальченко С.И. Преждевременная смертность: тенденции и перспективы снижения в контексте целей устойчивого развития России // Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики». 2018. №2(58). С. 92-99

10. Каткова И.П., Рыбальченко С.И. Актуальные проблемы становления мониторинга преждевременной смертности и потенциала ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения в контексте задач национального развития России // Народонаселение. 2020.

11. Мень М.А. Территориальные программы бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в большин-стве субъектов недофинансируются из региональных бюджетов. Счётная палата РФ. Пресс-релиз. 19 декабря 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ach.gov.ru/news/terprogrammy-besplatnogo-okazaniya-grazhdanam-medicinskoj-pomoshi-v-bolshinstve-subektov-nedofinansi-35441.(доступ: 15.06.2020).

12. Полетаев Дмитрий. РСМД Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? https://russiancouncil.ru/analytics-and-

comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/ доступ 01.09.2020

13. Регионы России на демографической карте мира. Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы (РАНХиГС) и Международный Институт Прикладного Системного Анализа (IIASA): Москва, Россия и Лаксенбург, Австрия 2019 https://gaidarforum.ru/upload/iblock/8b8/Russian_DataSheet2019supple_brochure.pdf.

14. Российский демографический лист 2019. Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы (РАНХиГС), Федеральная служба государственной статистики (Росстат) и Международный Институт Прикладного Системного Анализа (IIASA): Москва, Россия и Лаксенбург, Австрия 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://gaidarforum.ru/upload/iblock/aca/Russian_DataSheet2019_web.pdf (доступ: 05.08.2020).

15. Рыбаковский Л.Л. Демографическая ситуация в ЦФО: тенденции развития и актуальные проблемы http://rybakovsky.ru/naselenie reg3a15.html (доступ 01.09.2020).

16. Экономические потери. Источник: РИАРЕЙТИНГ. Сколько экономика регионов теряет от преждевременной смертности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://riarating.ru/infografika/20141216/610640531.html (доступ: 15.01.2020).

УДК 314.04

Катровский Александр Петрович
д.г.н, профессор, Смоленский государственный университет, г.Смоленск, Россия

Демографическая ситуация как императив экономической модернизации и вызов традиционному развитию экономики приграничных с Белоруссией регионов России

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы цикличности демографического развития, зависимость демографической ситуации от ситуации экономической. Важнейшим фактором демографической ситуации является экономическая ситуация. Отмечается, что без преодоления экономической периферийности нельзя решить проблемы демографические. Периферийная структура экономики стимулирует отток молодежи из региона, способствует депопуляции и не может не сказаться на результатах естественного движения.*

Ключевые слова: *демографическая цикличность, демографический кризис, экономическая модернизация, экономическая безопасность*

Введение и постановка проблемы. На протяжении нескольких десятилетий приграничные с Белоруссией Псковская, Смоленская и Брянская области позиционируются как один самых проблемных в демографическом отношении регион. Псковская область обрела даже имидж «столицы российской депопуляции». В 2004 году нынешний патриарх Русской православной церкви Кирилл, в то время митрополит Смоленский и Калининградский, на встрече со студентами Смоленского гуманитарного университета назвал демографическую проблему самой главной проблемой развития Смоленщины и соседних регионов. В настоящее время можно говорить о наличии особого демографического вызова экономическому развитию Смоленской, Брянской и Псковской областей. Почему и как этот староосвоенный район стал территорией демографического кризиса? Какова роль при этом была миграции населения, Великой Отечественной войны и структурной экономической политики? Почему экономическое развитие может способствовать решению демографической проблемы? На эти вопросы постараемся ответить в данной статье.

Современное состояние изученности. Острота демографических проблем в прошлом и настоящем вызвала большой интерес к изучению, как демографической ситуации, так и к вопросам влияния демографической ситуации на экономическое развитие [3,4,5,6] Только в Смоленске за последние десять лет опубликовано не менее ста работ. Много внимания демографическим проблемам своих регионов уделяли исследователи Брянской и Псковской областей [8,9]. Менее изученными остаются проблемы экономической детерминации демографической ситуации.

Результаты исследования. В экономическом отношении приграничные с Белоруссией регионы России относятся к староосвоенным регионам, однако большая часть данной территории (исключая Брянск) вплоть до 1930-х годов оставалась преимущественно аграрной. Развитие промышленности носило «точечный» характер. В довоенные годы регион выступал в качестве донора трудовых ресурсов для территорий ускоренной индустриализации и нового промышленного развития. С 1926 по 1939 гг. население, несмотря на естественный прирост, в границах современной Псковской области сократилось с 1788 до 1550 тыс. чел., Смоленской с 2293 до 1984 тыс. чел., Брянской с 2006 до 1802 тыс. чел. Если в 1926 г. на регион приходилось 6,04% населения Российской Федерации, то в 1939 г. - 4,92%.

Территория трех современных приграничных с Белоруссией регионов России сильно пострадала в демографическом и экономическом отношении в годы Великой Отечественной войны. Особенно значительными были разрушения и масштабы депопуляции в городах. За годы оккупации в Смоленске было разрушено 93% жилищного фонда, 33 школы, 23 больницы, все промышленные предприятия. Население сократилось с 169 тыс. чел в 1939 г до 55 тыс. чел на 1 января 1945 г. В Вязьме из 5500 жилых домов остались неразрушенными только 50. Население Брянска после освобождения города составило всего 27 тыс. чел. или 15,5% от численности населения в 1939 г. Было разрушено четыре из семи тысяч зданий.

Население Пскова с 60 тыс. чел. в 1939 г. уменьшилось до 10 тыс. чел к началу 1945 г. Наиболее пострадавшие в годы Великой Отечественной войны области, в первые послевоенные годы в силу значительных разрушений, обрели статус территорий миграционного исхода. В 1960-1970 е годы все три области пережили первую демографическую волну последствий Великой Отечественной войны. При положительном естественном приросте, судя по показателям суммарной рождаемости, в начале 1960-х годов Смоленская и Псковская области уже не имели даже простого воспроизводства населения [1, С.38]. Модернизация экономики в 1970-1980 гг. способствовала смене вектора миграции, но по показателям естественного движения Смоленская и Псковская области входили в число проблемных регионов. Более благополучная в демографическом отношении Брянская область в 1985 году оказалась самой пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС регионом РСФСР. Из территорий с повышенным уровнем загрязнения активно отселяли жителей, численность молодежи и демографический потенциал области заметно снизились.

Все три области приграничья в постсоветские годы проводили консервативную структурную экономическую политику пытаясь сохранить сложившуюся в предыдущие годы экономическую специализацию. Однако попытка сохранить многие крупные предприятия в рыночных условиях была малоуспешной. В отличие от столичных регионов, Калужской и ряда других областей в приграничных с Белоруссией регионах России не произошла экономическая структурная модернизация. В 1990-е годы области столкнулись со второй демографической волной последствий Великой Отечественной войны. Перепись населения 2002 года показала, что демографическая ситуация и масштабы убыли населения во второй половине 1990-х начале 2000 гг. превысили прогнозируемые. В областях ухудшилась возрастная структура, увеличился средний возраст населения, выросла доля лиц в возрасте старше трудоспособного. Общий коэффициент рождаемости в Смоленской области в 2000 г. достиг 6,8 промилле. По показателю рождаемости в 2000 г. Смоленская область занимала 88 из 89 место в Российской федерации. Более низкая рождаемость была лишь в Ленинградской области. В 2002 году впервые за все время статистического учета естественного движения населения, уровень смертности в Смоленской области превысил 20 промилле и составил 20,8 на 1000 человек. В 2010 – е годы приграничные с Белоруссией области России «накрыла» третья демографическая волна, негативные последствия которой были усилены ростом оттока населения в более развитые в экономическом отношения регионы. Если в 1992 году на Брянскую, Смоленскую и Псковскую области приходилось 2,6% населения страны, то в 2010 всего 2,05%. Масштабы депопуляции в регионе в постсоветское время сопоставимы только с потерями населения некоторых северных территорий с экстремальными природными условиями. Приграничные с Белоруссией регионы России, в отличие от всей страны в целом в годы экономического роста (2010-2014) по-прежнему были подвержены депопуляции. Если в Российской Федерации

с 2010 по 2014 год население выросло с 142,9 до 143,7 млн. человек, то население приграничных областей уменьшилось: Брянской с 1278 тыс. чел. до 1243 тыс. чел, Смоленской с 985 тыс. чел. до 968 тыс. чел., Псковской с 673 тыс. чел. до 657 тыс. чел. В 2020 году в результате продолжающейся депопуляции суммарная численность населения трех областей уменьшилась до 2.753 тыс. чел. или 1,88% от населения страны[4].

Одной из черт экономического развития в постсоветский период стала деиндустриализация. Многие предприятия лёгкой, пищевой промышленности, машиностроения, других отраслей промышленности не смогли адаптироваться к условиям рыночной экономики и были закрыты. В постсоветский период во всем регионе, и особенно в Смоленской области произошло сокращение сельскохозяйственного производства. Спаду в аграрном секторе экономики в некоторой степени способствовала демографическая ситуация в сельской местности. Но и ухудшение демографической ситуации также было обусловлено усилением экономической периферийности областей приграничья.

Среди важнейших индикаторов экономико-демографической безопасности, по мнению Т. Кузнецовой и Г. Федорова: суммарный коэффициент рождаемости (должен быть не менее 2,2); ожидаемая продолжительность жизни при рождении (должна быть не менее 80 лет); соотношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму (не менее 3,5); уровень общей безработицы (не более 4%).[С.160]. По данным отечественной статистики в 2018 году во всех регионах приграничья суммарный показатель рождаемости был значительно ниже представленного индикатора (в Брянской-1,358; Смоленской- 1,285 (был самым низким по ЦФО); Псковской- 1,573). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении ни в одном из регионов российского с Белоруссией приграничья не превысил 72 года (в Брянской 71,71; Смоленской- 71,77; Псковской – 70,16). Что касается уровня общей безработицы, то только в Брянской области он был ниже индикатора безопасности и составил 3,9%. В Смоленской области в 2018 году показатель общей безработицы был одним из самых высоких в ЦФО (5,1%), в Псковской был еще выше (5,7%)[5]. Таким образом, с позиции демографической безопасности все три области входят в число наименее благополучных регионов Западного фасада России.

Отток населения в Москву, Санкт-Петербург, Московский столичный регион способствует старению населения. У миграции из Псковской, Смоленской и Брянской области «молодёжное лицо». Реально можно выделить несколько волн молодежной миграции. Первая связана с поступление в профессиональные, прежде всего, высшие учебные заведения. Более высокая репутация столичных вузов с одной стороны, и перспективы

[4] Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 год https://showdata.gks.ru/report/278928 (дата обращения 31.08.2020)

[5] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

остаться в столичном регионе после окончания вуза с другой, способствуют учебной миграции из Смоленской, Брянской, да и других областей в Москву. Вторая волна — это послевузовская миграция, когда выпускники вузов Центральной России сразу после окончания вуза выезжают на работу в Московский столичный регион. Третья волна, это молодежь, которая отработав после окончания профессиональных учебных заведений несколько лет на предприятиях и организациях областей приграничья, оценивая малую перспективу дальнейшей занятости, принимает решение о переезде в столицы. Попав в Москву и затратив много усилий на адаптацию и обустройство своей жизни в городе люди просто боятся отказываться от этих достижений, переселяясь в другой регион или возвращаясь в место своего изначального проживания в молодости [10, С.262].

Даже в условиях распространения коронавируса COVID-19 и потенциальных больших пандемических рисков в Москве, больше половины (59,6%) выпускников школ Смоленской области настроены, судя по опросам 2020 года, на продолжение обучения в высших учебных заведениях других регионов, прежде всего, в Москве. 58,1% из них намерены покинуть Смоленскую область навсегда [2, С. 113]. Главная причина состоит в существенных неравенствах в среднедушевых доходах и величине оплаты труда жителей столичных городов и регионов приграничья. В 2018 году по среднедушевым доходам Брянская область, которая была лучшей из приграничных с Белоруссией регионов, уступала Москве в 2,57 раза, Санкт-Петербургу в 1,69 раза.[6]

Выводы. Современная демографическая обстановка в приграничных с Белоруссией регионах России является одной из сложных. Низкая рождаемость, естественная убыль, сочетаемая с оттоком населения, прежде всего, молодежи создают риски экономическому развитию. С одной стороны, демографическая ситуация создает барьеры экономическому развитию, но с другой, предполагает внесения корректив в направления развития, предполагает модернизацию текущей структурной экономической политики. Консервативная модель, направленная на сохранение сложившейся специализации в конечном итоге будет способствовать оттоку населения, и особо молодежи, что в конечном итоге вызовет ухудшение и без того сложной демографической ситуации. В настоящее время, в связи с формированием Центрального и Петербургского мегаполисов, развитием скоростного железнодорожного сообщения, увеличением неравенств в качестве жизни между столичными регионами и Смоленской, Брянской и Псковской областями усилятся «перетоки» человеческого капитала в мегаполисы.

С одной стороны, окна возможностей модернизации экономики российского приграничья в связи с демографической ситуацией и качеством рабочей силы сузились. С другой, ухудшение демографической ситуации

[6] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

делает проблематичным традиционное экономическое развитие. В условиях значительного сокращения численности населения, ухудшения его возрастной структуры сохранение экономической специализации и поддержание конкурентоспособности возможно лишь при определённых технологических модернизациях, что в свою очередь невозможно без модернизации самой системы образования.

Модернизации регионов должна предшествовать модернизация региональных систем образования, особенно высшего. Подобно другим видам деятельности высшая школа должна преодолеть свой «эффект колеи». Это объясняется глубокими предстоящими и уже осуществляемыми изменениями на рынках труда. Региональные системы высшего образования Брянской, Смоленской и Псковской областей по-прежнему, ориентированы на «рынки труда 1980-х годов». Модернизация высшей школы, без модернизации всего экономического ландшафта не даст необходимого демографического эффекта

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности»)

Список литературы

1. Аношкин Р.В., Катровский А.П. Динамика населения Смоленщины.- Смоленск, Универсум.- 2009.-100 с.
2. Артёменков М.Н., Сухова Е.Е. Трансформация образовательных стратегий выпускников школ в условиях распространения коронавируса COVID-19: региональный аспект //Региональные исследования, 2020., №2, С.111-120.
3. Катровский А.П., Ковалёв Ю.П. Демографическая ситуация в Юго-Западном Нечерноземье// Социально-экономические исследования брака, семьи, репродуктивных установок и вопросы прогнозирования населения. Ереван, 1988, С.61-64.
4. Катровский А.П. Демографические угрозы устойчивому развитию Смоленской области//Региональные исследования, 2004, №2, С.65-71.
5. Катровский А.П., Сергутина С.А. Демографическая ситуация как фактор наращивания человеческого капитала в приграничных с Белоруссией регионах России// Человеческий капитал и социально-экономическое развитие регионов российско-белорусского приграничья.- Смоленск, 2015. С. 76-93.
6. Катровский А.П. Демографическое развитие Центральной России вступило в стадию надлома?//Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2016 №1, С.5-14.
7. Кузнецова Т.Ю., Федоров Г.М. Экономико-демографическая безопасность//Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России. Монография. Под редакцией Г.М. Федорова. Калининград, 2019. С. 158-174.

8. Куница М.Н. Демографические вызовы социально-экономическому развитию Брянской области//Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 376-381.
9. Манаков А.Г. Депопуляционные процессы в Псковской области на фоне поляризации населения Северо-Западной России// Вопросы географии. 2016. № 141.
10. Мкртчян Н.В. Роль Московского столичного региона как крупнейшего центра внутрироссийской миграции//Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2019. Т. 17. С. 252-268.

УДК 311.2

Леньшин Владимир Петрович
заместитель Директора Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФГБУН), г. Москва, Россия

Цифровая трансформация и консолидированное взаимодействие как одно из основных условий эффективной реализации национальных проектов и демографических вопросов.

Аннотация. *Одним из высших национальных приоритетов развития Российской Федерации является сбережение и приумножение народа России. В основе реализации этого приоритета – цифровая трансформация основных и «стыковых» сфер жизни общества, консолидированное взаимодействие органов государственной власти, научно-образовательного и предпринимательского сообществ, институтов гражданского общества. Научно-технологическая основа процесса сбережения и приумножения народов России – социальные технологии.*

Ключевые слова*: национальные цели, Стратегия социально-экономического развития, цифровая трансформация, консолидированное взаимодействие, демография, государственное управление, социальные технологии, целевые показатели.*

> Демография – это сфера, где нет какого - то универсального,
> тем более узковедомственного решения. Каждый наш шаг,
> новый закон, государственную программу мы должны
> оценивать, прежде всего, с точки зрения высшего национального
> приоритета – сбережения и приумножения народа России.
> (Из Послания Президента РФ Федеральному Собранию
> Российской Федерации 15 января 2020 г.)

Современный уровень развития общества требует не только разработки новых знаний, но и соответствующих навыков их интеграции в различные сферы жизни общества в целях увеличения численности

населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также раскрытия таланта каждого человека. Все эти задачи прочно ассоциируются с понятием «цифра», «цифровая трансформация». Так, понятие «цифровая экономика» заняло лидирующее место не только в экономической теории, но и прочно вошло в производственную сферу в виде производственных технологий.

С внедрением цифровых технологий в экономику изменяются не только производственные отношения, структура экономики и образование, но и повседневная жизнь человека, предъявляются новые требования к коммуникациям, информационным системам, информационно – коммуникационным технологиям и сервисам.

В настоящее время цифровая трансформация становится инновационным активом, причем, главным образом, за счет применения данных в новых целях и их использования для достижения Национальных целей, реализации задач Стратегий социально-экономического развития государства, субъектов РФ, муниципальных образований, реализации новых идей. Данная совокупность представляет основу для реализации государственной политики в различных вопросах демографии.

При подходе к анализу развития современного общества, основанного на системном и структурно - функциональном методах, нельзя обойти вниманием и такую составляющую инновационных изменений в различных сферах жизни как социальные технологии. Научно-технологическая основа последних представлена совокупностью социально-гуманитарных знаний, среди которых социология, социальная философия занимают приоритетное место. Необходимо отметить, что в среде ученых продолжаются дискуссии относительно места, роли и предмета социальных технологий в научном знании. Тем не менее, актуальность социальных технологий для достижения Национальных целей, реализации задач Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации очевидна, в первую очередь для государственного управления. Отдельные положения Указа Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» указывают на их актуальность в части взаимосвязей между производственными и социальными технологиями. К ним можно отнести такие положения как: необходимость консолидированного взаимодействия органов государственной власти, научно-образовательного и предпринимательского сообществ, институтов гражданского общества; преодоление сохраняющейся невосприимчивости экономики и общества к инновациям, что препятствует практическому применению результатов научных исследований и разработок в реализации задач стратегического развития Российской Федерации, иные.[7]

Актуальность разработки и внедрения социальных технологий в различные сферы жизни общества, государственное управление, целевую

[7] См.: Указ Президента РФ от 01 декабря 2016 года № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»

деятельность участников консолидированного взаимодействия обусловлена усложнением и динамичностью развития современных сфер жизни, в том числе «стыковых», к которым относятся социально-экономическая, общественно-политическая, духовно-нравственная. Основная цель, которая при этом преследуется - разработка и внедрение в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления не только соответствующих стратегий и тактики в достижении необходимых целевых показателей Национальных проектов, реализации задач Стратегий социально-экономического развития (*федеральный, региональный, муниципальный уровни*), но и создание необходимых условий для формирования прогнозируемой, мотивированной, солидарной, инновационной, ответственной деятельности различных социальных групп граждан (*возрастных, профессиональных, этнических*).

Основанием для разработки социальных технологий выступают количественные показатели и качественные характеристики, полученные по результатам проводимых социологических исследований, мониторинга достижения целевых показателей социально-экономического развития, мониторинга правоприменительной практики (*федеральный, региональный, муниципальный уровни*), иные эмпирические данные.

Возможность социальных технологий эффективно выполнять свои функции в решении демографических вопросов можно отнести к следующим Национальным проектам и, как следствие, к достижению соответствующих целевых показателей в рамках Национальных целей:

- «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» - обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации;

- «Возможности для самореализации и развития талантов» - формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся; создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций;

- «Комфортная и безопасная среда для жизни» - улучшение жилищных условий; улучшение качества городской среды; ликвидация наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей

среде и экологическое оздоровление водных объектов;

- «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» - обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения; увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых;

- «Цифровая трансформация» - достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления.[8]

Разновидность социальных технологий обусловлена многогранностью деятельности человека. К наиболее востребуемым социальным технологиям можно отнести образовательные, управленческие, демографические, экологические, проектные, иные. Объединяющим началом для них, также как и для других видов социальных технологий, выступает то, что все они выполняют информационно-коммуникационную функцию в процессе реализации участниками консолидированного взаимодействия своих должностных полномочий, как при достижении общей цели, так и при реализации задач в рамках своих предметов ведения.

Социальные технологии выступают инструментом не только государственного, но и других видов управления. От того, насколько будет верно применяться этот инструмент в реализации стоящих задач перед участниками консолидированного взаимодействия, будет зависеть и результат управления. Особая значимость этим технологиям придается при государственном управлении. Государственное управление, в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», наравне с экономикой и социальной сферой, относится к ключевым отраслям «цифровой трансформации».[9]

Так, реализация Национальных проектов, Послания Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации, Стратегии научно-технологического развития в вопросах демографии непосредственно зависит от того на сколько разработана и внедрена в «жизнь» концепция консолидированного взаимодействия, с одной стороны, и какие взаимосвязи существуют между ней и цифровой трансформацией – с другой. Реализация задач государственного управления, в рамках консолидированного взаимодействия на основе цифровой платформы, будет зависеть от уровня взаимодействия между участниками консолидированного взаимодействия, а также между участниками консолидированного взаимодействия и различными социальными группами граждан (*возрастными, профессиональными, этническими*).

Эффективность реализации демографических вопросов посредством государственного управления зависит, в том числе, от интерпретации количественных показателей, качественных характеристик, иных эмпирических показателей представленных в цифровой платформе. Важным процедурным аналитически-технологическим моментом, при этом, выступает вторичный анализ данных. Последний может играть ключевую роль на всех стадиях функционирования социальных технологий: разработка

[8] См.: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
[9] См.: Там же.

– внедрение – сопровождение – внесение изменений и дополнений в ранее разработанные социальные технологии.

Важная роль в реализации демографических вопросов принадлежит общепринятым социальным ценностям и нормам.

Так, Т. Парсонс определяет общество как систему отношений между людьми, соединяющим началом которой являются нормы и ценности.[10]

Э. Дюркгейм рассматривает общество как сверхиндивидуальную духовную реальность, основанную на коллективных представлениях.[11]

К.Маркс и Ф.Энгельс, рассматривая развитие общества, делали акцент на: общие, устойчивые, повторяющиеся, существенные связи и отношения между процессами и явлениями;[12] обусловленность развития общества принципом детерминизма, то есть наличием причинно-следственных связей и зависимостей главными, среди которых, являются производительные силы и производственные отношения;[13] поступательное прогрессивное развитие общества.[14]

С точки зрения П.Сорокина изучать общество необходимо как с точки зрения изменений социокультурных суперсистем, так и с точки зрения интегральной сущности человека.[15]

Таким образом, интегративные взаимосвязи между экономической и социальной сферами, с одной стороны, системный подход к реализации государственного управления в социальной сфере – с другой, можно рассматривать в качестве основы достижения одного из высших национальных приоритетов развития Российской Федерации - сбережение и приумножение народа России. Основным инструментом, при этом, выступают социальные технологии, разработанные на основе научной методологии, а также региональной цифровой аналитической платформы.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

2. Указ Президента РФ от 01 декабря 2016 года № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

[10] См.: Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.

[11] См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

[12] См.: Ф.Энгельс Предисловие к первому немецкому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 325.

[13] См.: Маркс К. К критике К критике политической экономии. Предисловие. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6-7.

[14] См.: Маркс К. Наемный труд и капитал. С.442 . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С.442.

[15] См.: Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

4. Маркс К. К критике К критике политической экономии. Предисловие. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6-7.
5. Маркс К. Наемный труд и капитал. С.442 . Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С.442.
6. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
8. Энгельс Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 325.

УДК 314.72

Мкртчян Никита Владимирович
к.г.н., ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, г. Москва, Россия

Миграция молодежи в региональные столицы

Аннотация. *Переток населения из внутрирегиональной периферии в региональные столицы представлен прежде всего молодежью. Именно в этом возрасте крупные города привлекательны возможностями получения образования и профессионального роста. Основной миграционный прирост центры получают в результате внутрирегиональной миграции, приток из других регионов имеют только крупнейшие из них, но прежде всего – Москва и Санкт-Петербург.*

Ключевые слова: *миграция, молодежь, внутрирегиональная периферия, региональная столица, центр*

В России, как и в других странах, люди молодых возрастов отличаются наиболее высокой миграционной активностью. Именно с этим возрастом связаны важнейшие события жизненного пути, часто приводящие к смене места проживания: продолжение образования после окончания школы, начало трудовой карьеры, создание семьи и т.п. Почти всегда направления переселения в данном возрасте связаны с крупными городами. В России потоки миграции молодежи направлены в региональные столицы, подавляющее большинство которых являются крупными городами, причем единственными в своих регионах. Традиционно именно в региональных столицах сосредоточены университеты, здесь наиболее диверсифицированный рынок труда, высокая по меркам региона заработная плата.

Миграционный прирост населения региональных столиц обеспечивает прежде всего молодежь. В 2016-2018 гг., согласно доступным данным, 47% миграционного прироста населения региональных столиц и федеральных городов во внутрироссийской миграции обеспечил приток молодежи в

возрасте 15-19 лет, еще 24% - в возрасте 25-29 лет. При этом на рис. 1 видно, что региональные столицы теряли молодежь 20-24 лет. Это – результат изменения методики учета миграции в 2011 г., вследствие которого по окончании срока регистрации по месту пребывания (на срок свыше 9 месяцев) люди считаются выбывшими к месту постоянной регистрации. После окончания регистрации в общежитиях молодые люди считаются выбывшими, вне зависимости от того, возвращаются ли они к прежнему месту проживания или остаются проживать в крупных городах. Наши полевые исследования свидетельствуют, что такое возвращение происходит редко, поэтому отток молодежи из крупных городов в возрасте 20-24 лет – статистический артефакт. В силу этого анализ миграции населения в возрасте 20-24 лет не представляется продуктивным, особенно в пространственно-географическом разрезе. В сельской местности расхождение между реальным населением и официальными данными также наиболее сильно в молодых возрастах (Фомкина, 2017) в результате недоучета миграции в города.

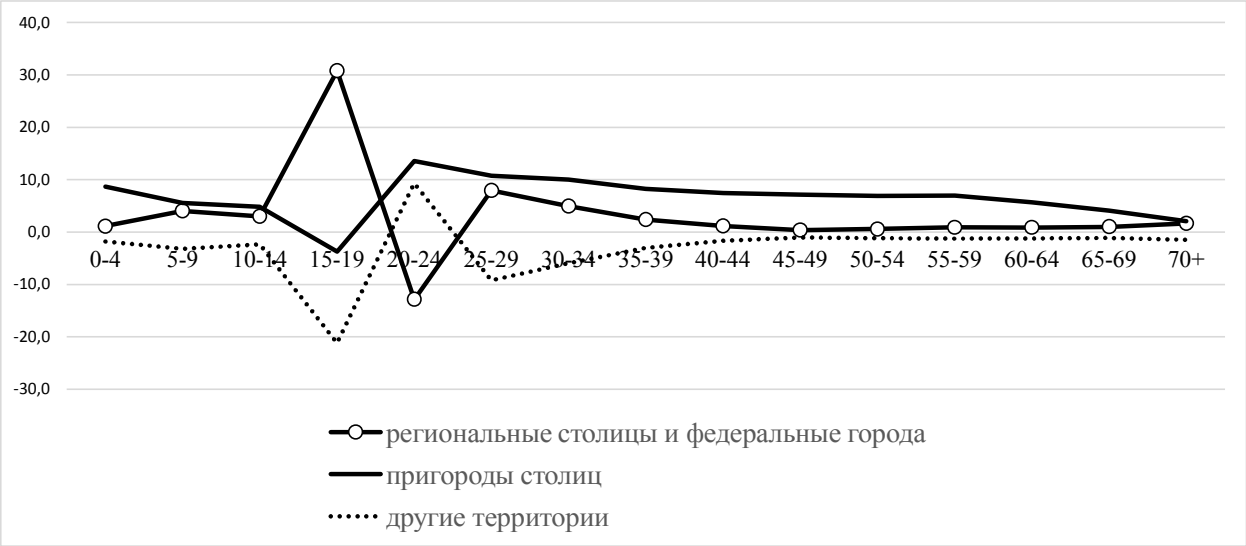

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения по возрастным группам, миграция в пределах России, 2016-2018 гг., на 1000 населения соответствующего возраста

Источник: расчеты автора на основе: Росстат, База данных показателей муниципальных образований (БД ПМО) https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm

Примечание: без учета данных по р. Дагестан и ЗАТО

Напротив, остальные территории (вне региональных столиц) молодежь теряют. Согласно оценкам, основанным на данных переписей 1989, 2002 и 2010 гг. (Мкртчян, 2013), территории внутрирегиональной глубинки могут терять до 60-70% выпускников школ. Это же подтверждают полевые исследования в сельской местности и малых городах. В свою очередь, в отдельных региональных центрах с наиболее развитой сетью высших учебных заведений приток молодежи студенческих возрастов может увеличить население в возрасте 15-19 лет вдвое. Миграция в связи с

продолжением учебы – важнейший канал перетока населения из внутрирегиональной периферии в региональные и федеральные центры. Во время учебы происходит процесс мягкой адаптации к жизни в крупном городе, молодые люди начинают поиск работы, заводят социальные контакты и т.п. Возвращение к прежнему месту жительства происходит либо на заранее подготовленное рабочее место, или в связи с необходимостью быть рядом с родственниками. Жизнь в крупном городе наиболее привлекательна для молодых людей, возвращение после обучения в малый город или сельскую местность рассматривается ими как крайний сценарий и нередко является следствием «крушения» личных планов.

Однако уже в возрасте 25-29 лет молодые люди, продолжая мигрировать в крупные города, часто выбирают для проживания их пригороды. Поэтому именно природы региональных столиц лидируют по интенсивности притока населения в данном возрасте, и в целом являются наиболее миграционно привлекательными территориями России. Проживание в пригороде позволяет работать в крупном городе и пользоваться его развитой инфраструктурой, при этом существенно экономить на приобретении жилья, что крайне важно для молодых семей, семей с детьми.

Несмотря на то, что приток молодежи в крупнейший российский город – Москву ежегодно очень велик, по интенсивности прироста столица России уступает Санкт-Петербургу и, в целом, не выделяется по данному показателю среди крупных региональных столиц. Так, значительно более интенсивный миграционный прирост молодежи в возрасте 15-19 лет Санкт-Петербург уступал в 2016-2018 гг. Симферополю, Томску, Красноярску, Ханты-Мансийску и Смоленску, а Москва находилась в конце 3-го десятка региональных столиц. При этом треть региональных столиц, в основном центры регионов восточной части страны и относительно небольшого размера, имели миграционную убыль молодежи в возрасте 15-19 лет из-за ее перетока из относительно слабых столиц в межрегиональные центры, не компенсированного притоком из собственных периферийных территорий.

Межрегиональными центрами притяжения молодежи выступают Москва и Санкт-Петербург, а также другие крупные региональные столицы (такие, как Новосибирск, Томск, Краснодар, Ростов-на-Дону). Но в целом основной составляющей притока молодежи в региональные столицы является внутрирегиональная миграция (табл. 1). Именно она в первую очередь обеспечивает положительный миграционный баланс подавляющего большинства региональных центров.

Молодежь, закончившая школы в периферийных территориях, стоит перед нелегким выбором направлений миграции. Этот выбор зависит как от амбиций молодых людей, так и от возможностей их семей поддержать их на первых порах, до того времени, когда будет найдено стабильное место работы. Поэтому часть молодых людей выбирают переезд в свою региональную столицу, а часть устремляется в более отдаленный межрегиональный центр. Распространена и ступенчатая миграция: переезд с

целью обучения в бакалавриате в свой региональный центр, и последующий переезд в более крупный город для обучения в магистратуре или аспирантуре.

Таблица 1 - Миграционный прирост населения региональных столиц и других территорий в молодых возрастах, 2016-2018 гг., тыс. чел

	Вся миграция	В том числе:			
		в пределах России	Из нее:		Между-народная
			Внутри-региональная	Межрегио-нальная	
	15-19 лет				
Москва	31,6	30,4	…	30,4	1,1
Санкт-Петербург	76,3	73,3	…	73,3	3,0
Региональные столицы, с населением:					
свыше 1000 тыс. человек	40,2	36,1	20,4	15,5	4,1
500-1000	25,5	20,7	13,9	6,9	4,8
250-500	27,7	23,1	23,6	-0,5	4,6
менее 250	2,4	-1,5	11,7	-13,3	3,9
Пригороды региональных столиц	-1,8	-3,7	1,7	-5,5	1,9
другие территории	-19,6	-21,2	-10,3	-10,8	1,6
	25-29 лет				
Москва	11,1	9,2	…	9,2	1,8
Санкт-Петербург	18,2	14,8	…	14,8	3,5
Региональные столицы, с населением:					
свыше 1000 тыс. человек	10,2	7,8	7,0	0,6	2,5
500-1000	9,7	7,5	9,2	-1,7	2,2
250-500	7,9	4,8	8,2	-3,4	3,1
менее 250	6,3	4,6	8,7	-4,1	1,7
Пригороды региональных столиц	13,9	10,8	11,5	-0,7	3,1
другие территории	-6,8	-9,2	-7,7	-1,5	2,4

Источник: расчеты автора на основе: Росстат, БД ПМО https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm

Примечание: без учета данных по р. Дагестан и ЗАТО

Пока не просматривается сценариев, которые бы повернули вспять миграцию молодежи в крупные города. Как и в других странах, в России они будут привлекательны как место получения образования и старта карьеры. Однако, в отличие от других стран, в России миграция из крупных городов в субурбии пока получила такого распространения, а переезд в периферийные территории и вовсе представлен тонким ручейком лиц в возрасте старше 40 лет.

Список литературы

1. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века. Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. №6. С.19-32.
2. Фомкина А.А. Расхождения в оценках численности сельского населения (на примере Тверской области). Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр.2017. 6: 88−91.

УДК 314.424

Немцов Александр Викентьевич
д.мед.н., ведущий специалист, Национальный научный центр наркологии, г. Москва, Россия

Зависимая от алкоголя смертность в России

Среди стран западной цивилизации, а это главные потребители спиртного в мире, Россия долгое время оставалась аутсайдером. Ситуация изменилась в середине 1960-х. К этому времени в западноевропейских странах произошло осознание тяжести последствий алкоголизации и началось медленное снижение потребления. В отличие от этого в России с 1965 по 1980 гг. потребление алкоголя выросло в полтора раза. Но понимание алкогольной опасности в полной мере проявилось только в середине 1980-х. Однако прямолинейно понятая природа злоупотребления реализовалась не долгосрочной программой, но антиалкогольной кампанией, которая не выполнила своей задачи: резкое снижение потребления спиртного быстро сменилось ростом. Кампания на многие годы завела циклический процесс: вслед за снижением потребления к 1985-1988 гг. резкий рост к 1994 г., последующее снижение к 1998 г. и новый рост к 2002-2003 гг. В некоторые годы на этом пути Россия становилась мировым лидером потребления и смертности. С 2004 г. началось новое снижение потребления, беспрецедентное по длительности и глубине, сопровождающееся снижением смертности (рис. 1).

Реальное потребление алкоголя в России невозможно оценить по официальным данным, которые не отражают нерегистрируемый, в том числе нелегальный алкоголь. Более точно об этом свидетельствуют косвенные данные, и прежде всего смерти при отравлении алкоголем (ОА). Важно, что для смерти при ОА не имеет значения источник производства спиртного, легальный или нелегальный, а это позволяет более надежно оценить реальное потребление. Кроме того, потребление алкоголя – социальное явление, и мера индивидуального потребления определяется окружающими, которые связаны между собой на основе «социальной инфекции» (Skog, 1985), от абстинентов (потребители с нулевым потреблением) до тяжелых пьяниц и алкоголиков. Последняя когорта потребителей составляет

подавляющую часть умерших при ОА, и таким образом ОА отражают потребление всей популяции. Вот почему этот вид смертности лег в основу почти всех оценок реального потребления.

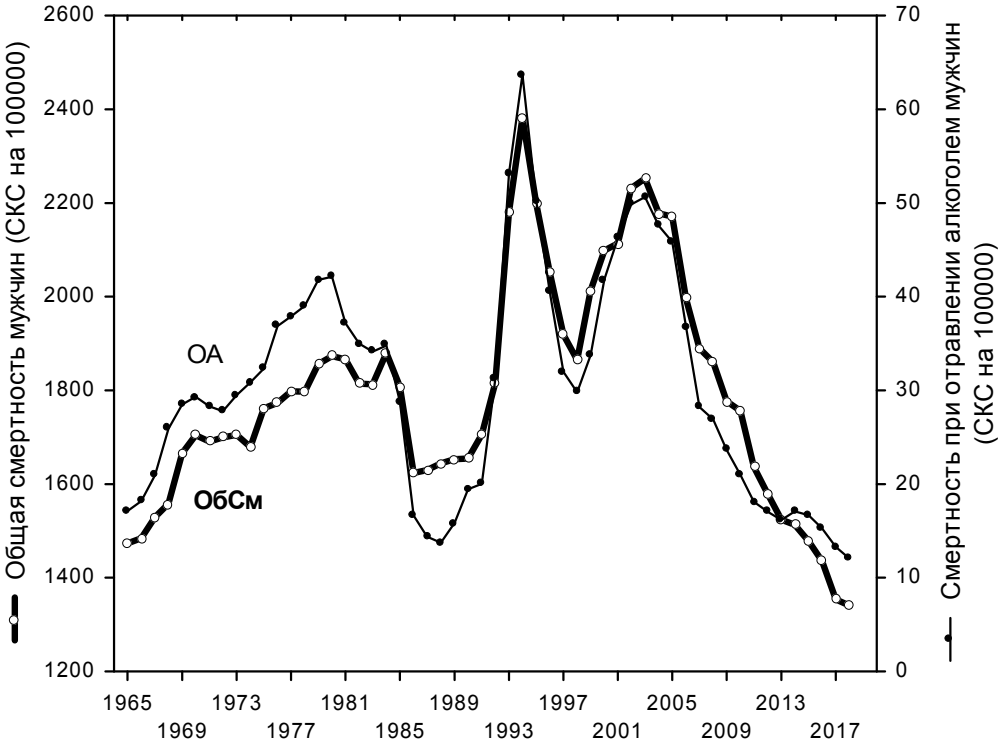

Рис. 1. Общая смертность (ОбСм) и при отравлении алкоголем (ОА) мужчин в 1965-2018 гг. (СКС на 100000)

Однако в нашей стране размеры потребления мало говорят о состоянии алкогольных проблем – они гораздо тяжелее, если судить об этом по последствиям потребления. Примером могут служить смерти при ОА (рис. 2).

В 2011 г. Россия уже не была лидером потребления в мире: 15,8 против 18,2 литров на человека в год 15+ (Республика Молдова), но была абсолютным лидером по смертности при ОА (47,6 на 10000 15+, WHO. Global Status Report on Alcohol and Health. 2011) Это в два раза выше аналогичной смертности в Эстонии и Латвии (23,1), в три раза - в Финляндии (16,4) и в четыре - в США (10,0). Для России также характерен непропорционально высокий уровень общей смертности при сопоставлении с уровнем потребления. Такое расхождение обусловлено тем, что алкогольная смертность определяется не только уровнем потребления, но целым рядом внеалкогольных факторов, таких как характер питания, качество и доступность медицинского обслуживания, напряженность повседневной жизни, а в целом - качество жизни. Это качество в значительной степени определяется уровнем бедности в стране. Уже неоднократно показано, что бедные при равном и даже более низком уровне потребления несут значительно бóльшие потери в связи с алкоголем в сравнении с состоятельными людьми (например, Probst et all, 2020). К тому

же в России среди самых бедных особенно популярны дешевые суррогаты с высокой концентрацией этанола, что увеличивает их токсичность и негативные последствия (Rehm, 2019).

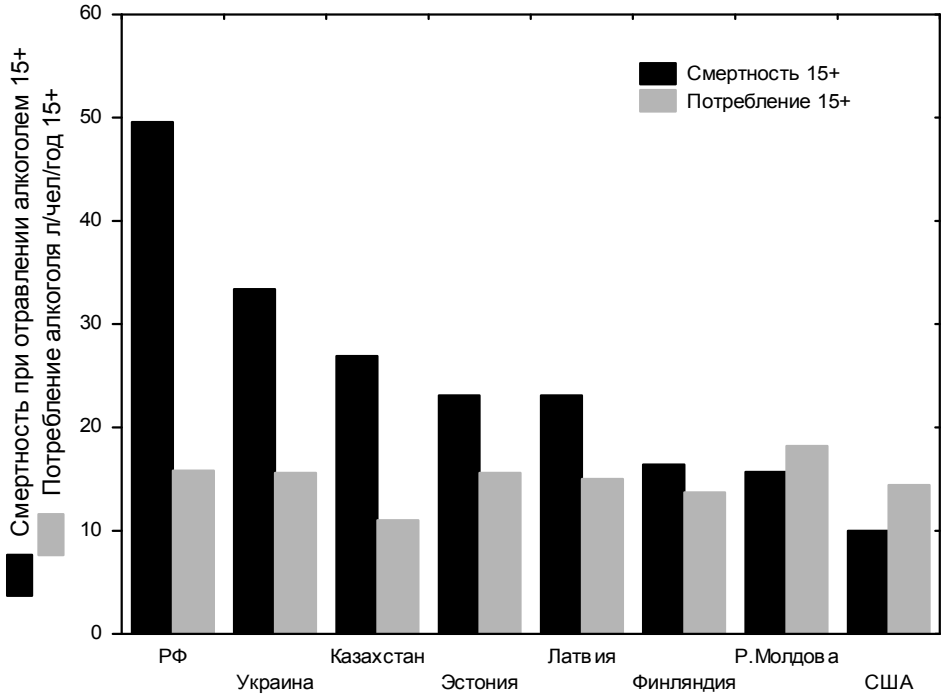

Рис. 2. Соотношение потребления алкоголя и смертей при отравлении алкоголем в 7 европейских странах и США (WHO. Global Status Report on Alcohol and Health. 2011)

Эти наблюдения подводят к выводу о том, что для нашей страны важно дополнительно к оценке реального потребления разработать такие показатели, с помощью которых можно оценить реальную алкогольную ситуацию в целом. Это особенно важно для регионов, которые существенно различаются по потреблению, но еще больше по негативным последствиям злоупотребления алкоголем. Лидируют по смертности в связи с алкоголем регионы Дальнего Востока. В Чукотском АО в 2018 г. почти каждый девятый человек скончался из-за алкоголя, в Магаданской - один из 11. Это традиционные лидеры, но в последние десятилетия к ним стали приближаться регионы Центральной России (Ивановская, Новгородская и Ярославская). В результате этого изменился давно сложившийся западно-восточный градиент потребления; все еще сохраняется тренд нарастания потребления алкоголя и соответственно проблем с юга на север в Европейской части России.

Широта распространения алкоголизации касается не только географии, но и видов патологии. Росстат с недавних пор стал публиковать данные о смертности с диагнозами, составной частью которых является слово «алкоголь/алкогольный», и это 48786 человек в 2018 г. или 2,7% от всех умерших (прямые потери). Значительно больше людей погибает в связи с алкоголем, но при этом фиксируется в статистике под другими диагнозами.

Существует несколько способов определить долю этих смертей. Один из них использует нестабильность потребления алкоголя и смертности в России.

На основе линейной регрессии общая смертность мужчин и женщин была сопоставлена с оценкой потребления алкоголя, взятой из (Nemtsov et all., 2019). Предварительно из временных рядов были исключены тренды и другие нестационарные компоненты. Качество полученных моделей проверяли на основе корреляции исходных и преобразованных показателей. Результаты корреляционного анализа показали, что корреляция существенно увеличивается после исключения линейного тренда, но ухудшается после исключения периодической составляющей. Это значит, что последняя процедура, обычная при исследовании временных рядов, в данном случае оказалась лишней в связи с тем, что периодическая составляющая была сутью процессов потребления алкоголя и смертности в России. Это еще раз показывает значение потребления алкоголя в смертности населения России, а значит и в жизни этого населения.

Для метода было важным, что в диапазоне 14,3-22,2 литра для населения 15+ в 1990-2016 гг. соотношение смертности с потреблением алкоголя носило линейный характер. За пределами этого диапазона зависимость, скорее всего, отклонялась от линейной. На рис. 3 приведена схема расчетов доли алкогольной смертности. Эта доля вычислялась как отношение двух катетов *аб* / *ав,* или насколько изменилась смертность от минимума до максимума потребления (*аб*), после чего для сопоставимости с другими переменными *аб* нормировалась *ав*. Это отношение для общей смертности мужчин составляло 40,0%, для женской смертности 25,6%, что в десять раз больше официальных данных об алкогольной смертности. В 1990-2016 гг. в среднем умирало 1017,4 тыс. мужчин и 1037,9 тыс. женщин. Злоупотребление алкоголем сократило жизнь 406,9 тыс. мужчин и 265,7 тыс. женщин; всего 672,7 тыс. человек или 32,7% от всех умерших. Это значит, что каждый год треть умерших уходило в мир иной досрочно, а могли бы жить и работать еще несколько лет, не будь злоупотребления алкоголем.

Не следует думать, что единственной причиной смерти 40% мужчин и 26% женщин, умерших в 1990-2016 гг. является спиртное. Линейность зависимости (рис. 3) показывает, что алкогольная смертность пропорциональна тяжести злоупотребления. Есть многочисленные свидетельства того, что спиртное укорачивает жизнь мужчин и женщин в зависимости от тяжести злоупотребления, одних на год, других на два, а кого-то на большее количество лет. Так, средний возраст умерших от отравлений алкоголем в России составляет 49 лет (Сапожников и соавторы, 2016). Тот же возраст смерти был зафиксирован в среднем у больных алкоголизмом, состоявших на учете в московских диспансерах. Важно отметить, что 49 лет жили в среднем как мужчины, так женщины, больные алкоголизмом (Перекопский, 1995).

Другие методы определения алкогольной составляющей дают сходные результаты. Например, в работе Shield and Rehm (2015) в 2012 г. 31,2%

мужчин и 28,7% женщин в возрасте 0-64 года смерть была зависимой от алкоголя. Для того же года с помощью другого метода алкогольная составляющая смертности мужчин 34,6% и женщин 25,1% (Шелыгин, 2017, население 15+). Можно думать, что некоторые расхождения связаны с различием исходного материала. Однако главный вывод из этого материала – Россия несет огромный человеческий урон в связи с алкоголем и внеалкогольными факторами, усугубляющими негативное действие спиртного.

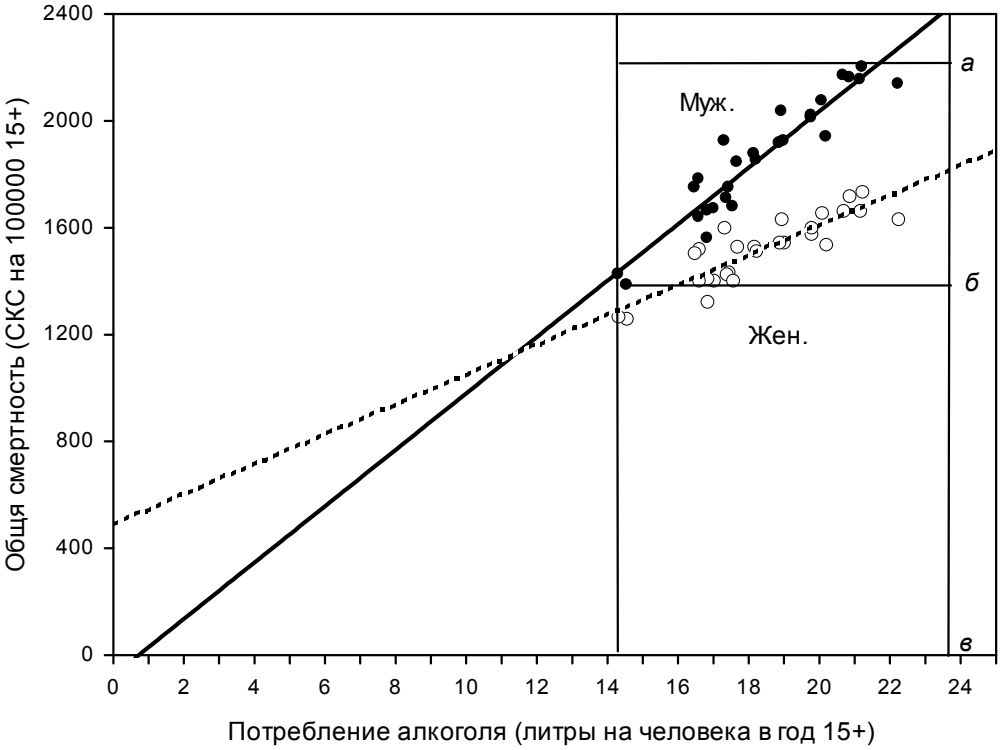

Рис. 3. Общая смертность мужчин при сопоставлении с потреблением алкоголя в 1990-2016 гг. после исключения линейного тренда (СКС на 100000 15+). Схема расчетов доли алкогольной смертности мужчин (см. текст)

Снижения потребления алкоголя после 2003 г. был результатом интенсивной антиалкогольной политики, что сопровождалось значительным и продолжительным снижением смертности в России (Neufeld et all., 2020). Это снижение показало, что употребление алкоголя было одним из основных факторов, способствующих преждевременной смерти в России, которая уступает только естественной убыли населения и сопоставима с избыточной сердечно-сосудистой смертностью. Однако в последние годы этот позитивный процесс снизил темпы, а потребление все еще остается на высоком уровне (10-12 литров на человека в год по разным оценкам). Возможно, что замедление снижения связано с тем, что активизировалось потребление из нелегальных источников (Немцов и соавторы, 2020). Вот почему до сих пор не решена проблема нелегального производства. Не менее остра проблема коррупции в алкогольной отрасли. Острота эта определяется тем, что практически все нелегальное производство базируется на

коррупции. И, наконец, важная, но может быть легко решаемая проблема – руководство алкогольной политикой в стране осуществляется Минфином при поддержке Минпромторга и Минэкономразвития. Для этих ведомств главным является решение финансовых проблем в алкогольной отрасли, тоже важных для нашей страны, но это отодвигает проблему здоровья нации на второй план.

УДК 314

Полян Павел Маркович
д.г.н., профессор, директор Мандельштамовского центра Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва, Россия

Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский как статистик и демограф: к 150-летию со дня рождения

Последний могиканин географической науки

Ученик А. И. Воейкова и В. И. Ламанского, друг и коллега Л. С. Берга, Н. Н. Баранского и многих других известных ученых — Вениамин Петрович Семепов-Тян-Шанский (далее В.П.; 1870-1942) прожил яркую жизнь в русской науке. Многие его идеи и замыслы и в наши дни звучат вполне современно. Вместе с тем его разнообразная научная деятельность изучена еще совершенно недостаточно, несмотря на сравнительную доступность его научного наследия.

«Собирание семейных преданий и материалов <...> для детей и внуков гораздо полезнее и настолько же выше, насколько духовное выше материального...» Этими словами начинаются воспоминания Натальи Петровны Грот[16], старшей сестры Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. Сам Петр Петрович оставил обширные воспоминания, имеющие исключительную историческую ценность[17].

Прямым продолжением этих воспоминаний, подводящим черту под более чем 150-летней семейной хроникой, являются мемуары В.П. «То, что прошло», как он их озаглавил[18]. В качестве эпиграфа автор взял народную пословицу' «Жизнь прожить — не поле перейти». Двадцать глав (в том числе

[16] *Грот II. П.* Из семейной хроники. СПб., 1900. С. 1.
[17] Первый том — «Детство и юность (1827-1855 гг.)»-был подготовлен его детьми и издан в 1917 г. на средства семьи. Второй том - «Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах» - опубликован лишь в 1946 г. Третий и четвертый тома, посвященные эпохе освобождения крестьян в России (1857-1861 гг.), напечатаны в 1915-1916 гг.
[18] Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. В двух томах / Сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский; еаучн. Ред., послесловие и приложения – П.М.Полян. М.: Новый хронограф, 2009 (Т.1. 1870–1917. – 678 с.; Т.2. 1917–1942. – 664 с.).

две вводные) распределены по двум частям и трем томам. Первая часть охватывает 30-летие жизни Вениамина Петровича. Вторая часть («Зрелые годы и старость»), состоящая из двух томов, обнимает два периода, рубежом между которыми является 1917 г. Написанные с типичной для Семеновых обстоятельностью, изящным слогом, о пи оставляют самое живое впечатление. Непосредственность изложения, глубоко личный взгляд на вещи равно касаются как грандиозных исторических событии и свершений, свидетелем и участником которых был автор, так и мельчайших подробностей уклада семейной и научной жизни.

В предисловии В.П. писал: «Жизнь — калейдоскоп. Как к калейдоскопе массы разноцветных стеклышек пристают друг к другу, образуя стройные, симметричные, очаровательные фигуры, чтобы потом расстаться и образовать новые сочетания, так и в жизни люди группами пристают друг к другу, спадаются, распадаются, а солнечные лучи, дающие жизнь, играют между ними всеми цветами радуги, то разгораясь, то потухая. Правдиво описывая жизнь в ее последовательности, нельзя, да и не надо избегать этого калейдоскопа — чем разнообразней, тем лучше. Важно только, чтобы каждая его фигура была закончена, стройна и симметрична и не представляла бы собой скучную, однотонную аморфную массу. В этом и заключается искусство мемуариста и автобиографа. Ни один из них не в состоянии писать сплошь по записям точных дневников, так как нет никого, кто бы мог вести их с самого дня своего рождения до самой своей смерти: всегда часть их построена на воспоминаниях. В этом, однако, нет никакой беды: точность таким образом уменьшается, но зато поэтический синтез выигрывает и солнечные лучи лучше и заманчивее переливаются в отражениях жизни. Человеческая память — шкаф с выдвинутыми ящичками: в одних шкафах их много, в других мало...

Что остается в человеческой памяти? Подчас это только какой-нибудь мелкий предмет, его цвет, звук, запах, какое-нибудь дурацкое слово, сущий пустяк<...> но и они оказываются иной раз цепней самой точной, педантичной записи тщательнейшего дневника, ибо по ним картина восстанавливается значительно живее».

Воспоминания В. П. Семенова-Тян-Шанского (их общий объем свыше 1000 рукописных страниц) представляют интерес не только для исследователей его жизни и творчества. В них содержится богатейший фактический материал и для тех, кто занимается историей географической мысли в России или, шире, русской науки на достаточно большом отрезке времени — от 1880-х до 1940-х годов.

Бесценны они и для историков переписного дела и, вообще, статистики и демографии в России.

В.П. Семенов-Тян-Шанский и российские переписи

Назначенный в 1891 г. канцелярским служащим Главной переписной комиссии, В.П. фактически стал личным секретарем своего отца — председателя комиссии. (Еще летом 1895 г. Петр Петрович на основании разработанного им экспериментального листка произвел в Гремячке

перепись населения. Зимой 1896 г. этот опыт был рассмотрен на пленуме Главной переписной комиссии и в общем виде одобрен.) Семенов-младший живо взялся за работу.

Между тем подготовка к переписи натолкнулась на ряд трудностей. Не хватало счетчиков (большинство населения России было неграмотным), да и средств на оплату их труда. Дело дошло до ультиматума Петра Петровича об отставке в случае отказа властей допустить «политически неблагонадежных» (среди них было немало образованных людей) к производству переписи. Для разрешения второй проблемы министр внутренних дел И. Л. Горемыкин учредил недорогую бронзовую медаль для тех, кто примет участие в переписи безвозмездно. Наконец были отпечатаны десятки миллионов форм переписных листов.

Перепись состоялась 28 января 1897 г. Вениамин Петрович писал по этому поводу, что Васильевский остров обслуживался семейством Семеновых: Петр Петрович с сыновьями Валерием и Измаилом взял на себя первый («наиболее интеллигентный» участок), В.П. — второй, а Дмитрий Петрович — третий.

Перепись состоялась 28 января 1897 года. Вот что писал по этому поводу В.П.: «*Председателем комиссии по переписи Петербурга был И. И. Вильсон. Весь Васильевский остров был поручен заведованию Семеновых: мой отец с помощью моих братьев Валерия и Измаила взял на себя 1-й, наиболее интеллигентный участок, я — 2-й, а мой брат Дмитрий — 3-й. Мой участок, начиная от Среднего проспекта до Малого, остров Голодай и Смоленское кладбище, был самым людным и самым трудным во всей столице. Он заключал свыше 50 тысяч жителей. // <...> Мой отец с большим нетерпением ждал получения из провинции переписного материала, так как об этой всеобщей переписи он мечтал около 40 лет, и она теперь наконец осуществилась. Когда получались, так сказать, „первые ласточки" переписного материала и мы с А. А. Достоевским его об этом осведомляли, он брал их, внимательно просматривал и изучал. При этом он выражал мнение, что материал оказался в общем лучше, чем он ожидал, и что большего нельзя было и требовать при современных общих культурных условиях России и ее колониальных необследованных пространствах. Когда прибыли сделанные на местах погубернские и поуездные подсчеты населения, то под общей редакцией Петра Петровича Статистический комитет стал подводить предварительные итоги переписи и делать сравнение их с итогами старинных ревизий. <...> Петр Петрович не замедлил доложить в Географическом обществе об общих итогах переписи, и его доклад был напечатан в „Известиях" общества*».

Когда проводился общий подсчет городского населения России под руководством В. О. Струве, В.П. убедил его подсчитать население городов не по официальному признаку границ городских поселений, а по признаку фактически слившихся с ними в один населенный пункт пригородов, сохранивших подчас еще в значительной мере сельский характер, но тем не

менее составлявших с городами одно топографическое целое. Он полагал, что их урбанизация неизбежна в ближайшем будущем.

В Министерствах финансов и торговли и промышленности

12 апреля 1900 г. В. П. Семенов приступил к работе столоначальником в Отделении статистики Министерства финансов. Заведующим отделением был Николай Мартынович Штрупп, его давний друг, сводный брат жены и будущий соавтор. В 1905 г. из Министерства финансов выделилось Министерство торговли и промышленности, в которое вошло и статистическое ведомство. Летом 1909 г. В.П. возглавил отделение.

Примечательна та творческая и деловая атмосфера, которая сложилась в отделении в период его заведования. Прежде всего В.П. ввел еженедельные «базарные дни», когда все редакторы собирались вместе и обсуждали дела, а остальное время каждый из них распределял по своему усмотрению, будучи лишь обязанным заканчивать порученную ему работу к сроку. «Я заявил своим коллегам по статистическому отделению,— писал В. П. Семенов-Тян-Шанский,— что мне решительно все равно, когда и где производится возложенная на них работа, хотя на чердаке или в подвале, но что она должна быть произведена в установленный срок, и притом вполне добросовестно, сам же я лично показываю пример быстрой и энергичной работы, за которым и приглашаю всех следовать. При этом есть основные статистические материалы — оригиналы статистических анкет-карточек, или бланки, а равно и карт, которые никоим образом никуда из отделения ни при каких обстоятельствах уносимы быть не могут, даже на самый короткий срок, а пользоваться ими можно только в стенах отделения. Весной, когда еще никто в министерстве не думал об отпусках, я просил самих сотрудников, по их взаимному соглашению, составить два расписания отпусков на летнее время — одно, официальное, для начальства и другое, неофициальное,— для меня лично. Начальство дает официально 1 месяц отпуска на лето, а я от себя неофициально прибавляю еще месяц, но при этом неофициальное внутреннее расписание должно быть составлено так, чтобы в любой присутственный день летом в отделении находилось не менее двух лиц из состава столоначальников и их помощников, необходимых для официальных справок. За все это отделение меня полюбило и работало ровно и старательно не за страх, а за совесть». Иными словами, В.П. предложил гибкую схему сочетания офисного присутствия и удаленного доступа, не так ли?

В качестве заведующего 2-м переписным участком Литейной части В. П. Семенов-Тян-Шанский принял участие в очередной городской переписи населения Петербурга в декабре 1910 г., а в 1912 г. от Министерства торговли и промышленности был назначен постоянным членом Междуведомственного статистического совета для согласования действий отдельных ведомств по статистике. В 1914 г. в качестве представителя Министерства торговли и промышленности он был включен в состав Главной Переписной Комиссии, призванной подготовить и провести в 1915

г. Вторую Всероссийскую перепись населения. Перепись же, по понятным причинам, не состоялась.

Составляя в 1916 г. по поручению П. А. Беклемишева, нового товарища министра торговли и промышленности, историческую справку о русской торгово-промышленной статистике, В. П. Семенов-Тян-Шанский пришел к заключению о вреде ее разрозненности и необходимости ее объединения в большом отделе этого министерства.

Главные географо-статистические работы

Главными дореволюционными географо-статистическими работами В. П. бесспорно были монография «Город и деревня в Европейской России» (1910) и, совместный с Н.М. Штруппом, многотомник «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (1909-1911).

«Город и деревня в Европейской России» — это одна из тех географических книг, которые без преувеличения можно назвать классическими. Она стоит у самых истоков русской географии населения, продолжая линию, начатую трудами П. П. Семенова-Тян-Шанского и А. И. Воейкова[19]. Работа над книгой заняла около полутора лет, а число потребовавшихся для нее вычислений, по оценке автора, превосходила 14 тыс.

23 февраля 1910 года на совместном заседании отделений статистики, физической и математической географии Географического общества В.П. сделал доклад, и уже в последней декаде августа того же года книга «Город и деревня в Европейской России» тиражом 1000 экз. вышла в свет. За этот труд Петербургская Академия наук присудила В.П. малую медаль им. М. Н. Ахматова.

Книга содержит четыре главы: 1. Типы заселения сельских местностей в зависимости от физико-географических и исторических условий; 2. Схема возникновения и развития городов; 3. Современные признаки города и деревни в Европейской России и их пригодность для характеристики городской жизни; 4. Истинные современные юрода Европейской России и их типы в зависимости от физико-географических, исторических условий и типов заселения. Четвертая глава занимает ¾ объема книги, значительную ее часть составляют статистические таблицы и пояснения к ним. Завершает книгу карта расселения и городов Европейской России — генерализованный прообраз будущих дазиметрических карт В.П.

В теоретическом плане наиболее существенна первая глава. Подробному разбору географических основ русской оседлости (на основании исторических, картографических, статистических и природоведческих материалов по Европейской России) предшествует рассмотрение и

---

[19] *Семенов П. П.* Мураевенская волость (Данковского уезда Рязанской губернии) //Сб. материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880; *Семенов П. П.* Значение России в колонизационном движении европейских народов//Изв. РГО. 1892. Т. 28. С. 349-369; *Воейков А. И.* Распределение населения -земли в зависимости от природных условий и деятельности человека //Изв. РГО. 1906. Вып. 2/3. С. 649-782; *Воейков А. И.* Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Изв. РГО. 1909. Вып. 1/3. С. 73-120.

типологизация различных форм колонизационных движений пародов Евразии в разные эпохи. Перед русской колонизацией, согласно концепции В.П., в начале века «открылось сказочное, богатырское раздолье трех дорог — лесной, лесостепной и степной» (С. 2-3).

Широко бытующее представление о расселении славян по разветвлениям речной сети «справедливо только относительно техники первобытного перемещения, которая неожиданно была водной» или, точнее, водно-волоковой (в более гористой Западной Европе опорным каркасом коммуникаций служила сеть хороших грунтовых дорог). В сочетании с земледельческим характером русской колонизации это привело к сгущению славянских поселений не только и даже не столько в долинах рек (хотя бы и на высоких террасах), сколько на водоразделах. Географически конкретизируя и уточняя этот свой вывод, ученый писал, что «русский человек в данном случае уподобился лесу, который и на крайнем севере, и на крайнем юге Восточно-Европейской равнины жмется к речным долинам, а в средней ее полосе занимает водоразделы» (С. 13).

Из этого образа на страницах книги родилась ставшая классической типология русского заселения Европейской равнины, сочетающая в себе зональный и азональный (т. е. зависимый и независимый от распределения почв и растительности) принципы. Сам В.П. постоянно подчеркивал методологическую значимость этого сочетания и свой приоритет в этом вопросе.

Конечно, можно только пожалеть о том, что в силу несопоставимости административных границ мы лишены возможности сравнить картину, представленную в таблице, с современным состоянием расселения в Европейской России. Однако и без таких цифр можно уверенно предположить, что за три четверти XX в. изменения произошли самые разительные. Их главным признаком, очевидно, стало резкое возвышение городских форм поселений, а вместе с ними азональных типов расселения (за исключением, быть может, рыболовного). Особенно это касается пятого, восьмого и девятого типов, мощное наложение которых на зональные структуры не просто «смазало» сложившийся рисунок расселения, что коренным образом перестроило сами эти структуры. В образе городских агломераций и конурбаций (слившихся городов) возникли мощные узлы концентрации как городского, так и сельского населения, на их основе сформировался опорный каркас расселения. Конечно, произошло это отнюдь не повсеместно, но и там, где преобладает до наших дней сельское расселение, характер его территориальной структуры претерпел внутренние и весьма разительные трансформации. Помимо урбанизации, среди стимулировавших эти метаморфозы процессов следует особо выделить почти непрерывную миграцию сельского населения в города. Она истощила, а местами и оголила трудовые ресурсы на селе, что способствовало существенному прорежению сети сельских поселений.

Коллективизация также стала мощным стимулятором концентрации сельскохозяйственного производства и резкого сдвига в соотношении

крупных и малых селений в пользу первых. Укажем и на мелиорацию, явившуюся смешанным (азонально-зональным) фактором и в принципе изменившую характер и степень зависимости сельскохозяйственного производства и сельского расселения от природных факторов и условий на мелиорированных землях. В большинстве случаев мелиорация повлекла за собой развитие сети поселений, преимущественно крупных, на вводимых в хозяйственный оборот землях, хотя список ее «жертв» — сел, например, оказавшихся в зоне затопления водохранилищами, думается, производил бы весьма внушительное впечатление.

Итак, предложенные В.П. типологизация и конкретная схема районов расселения в практическом отношении не выдержали проверки временем. Сам ученый явно рассчитывал на их более долгий век, основательно полагаясь на слабый темп общественно-экономического развития страны. Это хорошо видно из следующей цитаты: «*В настоящее время в обоих подтипах долинного заселения ... происходит усиленно поощряемое правительством* (имеется в виду столыпинская реформа. — *П. П.) выселение крестьян на водоразделы путем искусственно образуемых хуторских хозяйств. Но для всякого, имеющего масштаб перед глазами, ясно, что это пока капля в море, которая еще на весьма долгое время не изменит здешней общей картины расселения настолько, чтобы о ней можно было серьезно говорить.* ***Что сложилось веками под влиянием естественных условий*** *(огромной разницы в уровне грунтовых вод на водоразделах и в долинах)* ***и борьбы с кочевниками, того не изменишь в несколько лет*** (выделено нами. — *П. П.), как бы энергичны ни были министерские предписания, тем более что ни у правительства, ни у крестьян нет тех громадных материальных средств, которые требуются для искусственного обводнения водоразделов, нет и достаточного знания естественных условий для успешного обводнения в каждом отдельном случае, а без того и другого никакое серьезное заселение водоразделов немыслимо. <...> Вот она, истинная историческая Русь, которую не переделаешь так-то легко искусственными мерами в ближайшие годы даже XX века*» (С. 36—38).

Что ж, ученый явно недооценил силу эволюционных преобразований, в частности, рост хуторской системы. А ведь цифры, которые приводил сам В.П., — более 1000 (!) новых хуторов в Витебской губернии, сотни в Псковской, Смоленской, Могилевской и даже в Санкт-Петербургской — достаточно внушительны.

Методологическая и историко-научная ценность книги в том, что автор впервые ввел в основание своей типологий географически богатое представление о «зональных» и «азональных» признаках. Как антропогеограф, он отказался от готовой, но искусственной сетки губерний, что потребовало от него гигантских усилий: природные и расселенческие особенности территории пришлось исследовать на более низком (уездном) уровне с помощью топографических карт и лишь после того предложить схему типов и районов расселения. Но сегодня, повторим, и этого уже недостаточно для районирования расселения.

Однако то, что кажется нам преувеличенным сейчас, тогда, возможно, соответствовало истинному положению дел. Думается, что на протяжении весьма длительного времени природные факторы играли в сельском расселении если не определяющую, то во всяком случае неизмеримо большую роль, чем в наше время. Вполне вероятно, что типология заселения Европейской России, по В. П., зафиксировала последний момент этого «идиллического» этапа, когда в городах проживал лишь каждый седьмой житель европейской России. В таком понимании ее собственно историческая ценность возрастает, и сама типология становится топким инструментом в руках специалиста по исторической географии, скажем, феодализма и раннего капитализма. Вместе с тем она стимулирует и выработку новых, более соответствующих реалиям сегодняшнего дня типологических схем расселения.

Едва ли устарел и следующий тезис: «Увалистый подтип водораздельного заселения вместе со своим непосредственным соседом долинно-овражным подтипом южного долинного заселения, заключая в себе около 2/3 населения Европейской России, составляет *главную ось* славянской колонизации на восток, проложившей себе путь но Сибири до Великого океана» (С. 35). А в контексте проблем Нечерноземья актуально звучат слова: «При оценке значения долинно-овражного подтипа заселения не следует забывать, что сейчас это самая хворая экономически и духовно часть России, а наиболее хворое в ней место — прямо к югу от Москвы (имеется в виду Рязанская губерния. — П. П.)» (С. 36).

Вторая глава содержит анализ изменений главных функций российских городов (военной, административной и торгово-промышленной). В.П. осуждал произвольное, не основывающееся на критериях упразднение городов и возведение сел в городскую степень, в результате которого накопилось большое рассогласование списков городских поселений «де юре» н «де факто». «*Для серьезного ученого исследования*, — писал В.П. в рецензии на книгу Д. И. Менделеева «К познанию России», — *нельзя ограничиваться помещением только официально признанных „городов" с населением свыше такой-то нормы, а следует присоединять и многие официально не признанные „городами“, но имеющие совершенно городской характер поселения, как, например, Орехово-Зуево с его 50-тысячным населением*» [38, с. 915].

Минимально допустимой людностью городских поселений в Европейской России В.П. считает 1 тысячу человек (находя удачным 20-тысячпый минимум, предложенный А. И. Воейковым), а минимальным торгово-промышленным оборотом — годовой оборот в 100 тыс. р., из чего вытекает теоретический минимум торгово-промышленной бойкости истинных городов — 100 р./чел. Это дает 8—9-рублевый минимум в месяц, что, по оценке автора, соответствует месячной покупательной способности рабочего или средней домашней прислуги.

Для претендующих на городской статус поселений В.П. разработал свою классификацию и ряд шкал. Достоинством его классификации является

выделение форм поселений, промежуточных между городом («истинным городом») и деревней, а именно «административных пунктов» (т. е. официальных городов, несостоятельных с экономической точки зрения) и «будущих городов» (т. е. с еще недостаточным, но весьма перспективным торгово-промышленным потенциалом). Сравнение же числа официально признанных городов в Европейской России (761 по данным переписи 1897 г.) с тем, что получил В.П. по своей методике (1237), показало расхождение величин в 1,5 раза. Если же вычесть 227 выявленных «административных пунктов» (около 30% от числа всех официальных городов), то получим уже более чем двойное отставание![20] Если по официальным данным городское население Европейской России составляло в 1897 году 14,6 млн человек, или 13% всего населения, то по расчетам ученого — 16,3 млн человек, или 15%.

В.П. предложил три шкалы для городских поселений. Первая — по группам людности (тыс. чел.): 1) свыше 1000 — столичные города; 2) 100—1000 — крупные; 3) 40-100 — большие; 4) 10-40-средние; 5) 5—10 — мелкие; 6) 1—5 — городки. Одним из первых он подчеркивал важность учета и анализа также урбанистической структуры, ставшей впоследствии фундаментальным понятием географии населения. (В настоящее время устоявшейся считается следующая классификация городов по их людности (тыс. чел.): малые — до 50; средние — 50—100; большие — 100—250; крупные — 250—500; крупнейшие — 500—1000; «миллионеры» — свыше 1000. При этом В.П. не только ввел это понятие, но и успешно применил его в ряде обобщающих по своему значению статистических таблиц (С. 186-187, 195-202).

Вторая шкала — по «бойкости торгово-промышленного оборота», т. е. по стоимости продукции, реализованной предприятиями (р.): 1) свыше 800 — весьма бойкие; 2) 500—800 — бойкие; 3) 100—500 — средние; 4) 50—100 — слабые; 5) до 50 — весьма слабые (естественно, две последние категории не должны встречаться в истинных экономических городах). Третья шкала — по степени участия промышленности в торгово-промышленном обороте городов (%): 1) свыше 40 — сильнопромышленные; 2) 25—40 — промышленные; 3) 20—25 — умеренно промышленные и 4) менее 20 — торговые (слабопромышленные).

Рассматривая города водораздельного типа, В.П. останавливался на проблематике двух российских столиц — Москвы и Петербурга. Он сделал следующее обобщение, проиллюстрировав его фактом быстрой изменчивости представлений столичных жителей о дачных местностях: «*Экономический же город в своем бесконечном свободном развитии, постепенно поглощая деревню, теоретически может охватить хоть площадь целого уезда (немаловажная поправка к „бесконечности“ свободного развития! — П. П.) или даже более, причем городская жизнь будет сгущаться по мере приближения к центру и расплываться незаметно в сельскую по окраинам уезда или даже далее. ...К непосредственной сфере роста столичного и*

[20] Кроме того, в сети сельских поселений выявлено 594 «будущих города».

крупного города примыкает еще сфера его сильнейшего экономического влияния <...>, <в рамках которой> быстро вырастают вспомогательные более или менее значительные города, располагаясь концентрическими кольцами (...) Эти явления можно уподобить планетным системам» (С. 85—87).

По существу, здесь описывается процесс формирования городских агломераций, что подтверждают и конкретные разборы «планетных систем» вокруг Петербурга и Москвы. Таким образом, «Город и деревня...» стоит у истоков и того, ныне столь существенного, направления в современной геоурбанистике, которое изучает городские агломерации.

Без преувеличения «Город и деревню...» можно считать первой в мировой практике геоурбанистической монографией, во многом предвосхитившей проблематику и отчасти методику этого направления — одного из ведущих в современной социальной и экономической географии.

Спустя почти столетие после своего выхода в свет, она вдохновила пишущего эти строки и его коллег на попытку своего рода «повторения» труда В.П., но в ситуации конца того века, геодемографическое начало которого запечатлелось в работе самого В.П.[21]

Список литературы

1. Воейков А. И. Распределение населения -земли в зависимости от природных условий и деятельности человека //Изв. РГО. 1906. Вып. 2/3. С. 649-782; Воейков А. И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Изв. РГО. 1909. Вып. 1/3. С. 73-120.

2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского / Сост.: Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. М.: ОГИ, 2001. 560 с.

3. Грот II. П. Из семейной хроники. СПб., 1900. С. 1.

4. Семенов П. П. Мураевенская волость (Данковского уезда Рязанской губернии) //Сб. материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб., 1880; Семенов П. П. Значение России в колонизационном движении европейских народов//Изв. РГО. 1892. Т. 28. С. 349-369.

5. Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. В двух томах / Сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский; науч. ред., послесловие и приложения – П.М. Полян. М.: Новый хронограф, 2009 (Т.1. 1870–1917. – 678 с.; Т.2. 1917–1942. – 664 с.).

[21] См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского / Сост.: Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. М.: ОГИ, 2001. 560 с.

УДК 314.42(470)
Попова Лариса Алексеевна
д.э.н., заместитель директора по научной работе, ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Россия

Региональные особенности смертности населения России*

Аннотация. *Оценены изменения в региональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни российского населения в условиях роста 2003-2019 гг. Рассмотрены особенности уровня и темпов роста показателя в регионах России и обозначены региональные резервы дальнейшего повышения продолжительности жизни.*

Ключевые слова: *регионы России, продолжительность жизни населения, региональные различия, региональная конвергенция, резервы роста*

В 2018 г. одной из первоочередных целей развития страны было провозглашено достижение к 2024 г. ожидаемой продолжительности жизни населения 78 лет, к 2030 г. – 80 лет [1]. Заметное увеличение смертности населения в условиях пандемии COVID-19 (по данным Росстата, в первом полугодии 2020 г. в России скончались 946539 человек против 918503 в соответствующем периоде 2019 г., т.е. рост составил 3,1% [2]) обусловило достаточно серьезную корректировку национальных целей в области продолжительности жизни. Согласно Указу Президента от 21 июля 2020 г., целевой показатель 78 лет определен на 2030 г. [3]. Учитывая достигнутый в 2019 г. уровень продолжительности жизни 73,3 года [4], за ближайшее десятилетие предстоит добиться повышения показателя на 4,7 лет и даже значительней – с учетом весьма вероятного его снижения в текущем году. Сложность поставленной задачи актуализирует исследования в области резервов дальнейшего повышения продолжительности жизни.

В России с ее огромной территорией, характеризующейся значительными различиями в природно-климатических условиях, с многонациональным населением, определяющим наличие этнической специфики демографического поведения, с исторически сложившимися особенностями экономического развития регионов, сложилась весьма существенная региональная дифференциация продолжительности жизни. Соответственно, реализация региональных резервов роста показателя за счет подтягивания регионов-аутсайдеров к уровню лидеров является одним из важнейших условий достижения поставленных в области продолжительности жизни целей. Статья посвящена оценке изменений в региональной дифференциации продолжительности жизни населения России

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс».

за 2003-2019 гг. и обозначению региональных резервов дальнейшего роста показателя.

За минувший 16-летний период роста ожидаемая продолжительность жизни россиян увеличилась на 8,5 лет: с 64,8 лет в 2003 г. до 73,3 года в 2019 г. [4]. За это время произошло заметное уменьшение межрегионального разброса значений продолжительности жизни, уплотнение регионов к среднему уровню. В 2003 г. разница между максимальным и минимальным уровнями продолжительности жизни составляла 20,2 лет (74,4 года в Ингушетии и 54,2 в Тыве). К 2019 г. минимакс сократился до 15,8 лет (83,4 лет в Ингушетии и 67,6 в Тыве).

Однако следует отметить, что разница между максимальным и минимальным уровнями продолжительности жизни понижалась до 15,5 лет (81,6 лет в Ингушетии и 66,1 в Чукотском автономном округе) в 2017 г. В последние годы региональная конвергенция догоняющего типа, которая была характерна для продолжительности жизни российского населения в течение 2003-2017 гг. [5], немного притормозила – вновь наметилось некоторое расхождение регионов.

Оценим изменения, которые произошли в региональной дифференциации продолжительности жизни населения в целом за период роста 2003-2019 гг. Для этого с применением одинакового по отношению к среднероссийскому уровню принципа группировки выделим в 2003 г. и 2019 г. однолетние по диапазону показателя группы с условными названиями: очень низкий уровень продолжительности жизни, низкий уровень, существенно ниже среднероссийского уровня, ниже среднероссийского уровня, среднероссийский уровень, выше среднероссийского уровня, существенно выше среднероссийского уровня, высокий уровень, очень высокий уровень продолжительности жизни населения. Поскольку период 2003-2017 гг. нами был достаточно подробно охарактеризован в [5], подробней коснемся изменений, которые произошли в последние два года.

1. Очень низкая, до 69,7 лет, ожидаемая продолжительность жизни населения в 2019 г. в семи регионах: в Тыве, Чукотском АО, Еврейской автономной области, Забайкальском крае, Амурской, Иркутской и Магаданской областях. В 2003 г. аналогичная группа охватывала регионы с показателем 61,2 лет и ниже, и в ее состав входили 14 субъектов. В условиях догоняющей конвергенции продолжительности жизни состав группы сокращался до четырех регионов, но за последние два года в группу аутсайдеров вновь вернулись значительно сократившие темпы прироста продолжительности жизни Забайкальский край и Иркутская область, а Магаданская область постепенно опустилась сюда из группы с уровнем показателя существенно ниже среднероссийского.

2. В восьми субъектах федерации продолжительность жизни населения в 2019 г. от 69,8 до 70,7 лет. Согласно нашей группировке, это регионы с низким уровнем показателя. К ним относятся Республика Алтай, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Псковская, Новгородская, Сахалинская и Кемеровская области. В 2003 г. аналогичная группа включала

12 регионов, в которых уровень продолжительности жизни составлял 61,3-62,2 года. За 2017-2019 гг. количество субъектов в группе не изменилось, но на смену опустившимся в группу с худшими показателями Забайкальскому краю, Иркутской и Магаданской областям сюда перешли также утратившие темпы роста продолжительности жизни Республика Алтай, Приморский край и Сахалинская область.

3. В девяти регионах России показатель в 2019 г. составляет от 70,8 лет до 71,7 года. Это группа с уровнем продолжительности жизни существенно ниже среднероссийской: республики Карелия, Коми, Хакасия и Бурятия, Алтайский, Пермский и Красноярский края, Тверская и Курганская области. В 2003 г. к соответствующей группе относились восемь субъектов с показателем в диапазоне 62,3-73,2 года. К 2017 г. состав увеличился до 13, но за последние два года ее покинули Приморский край и Сахалинская область, опустившиеся в группу с худшими показателями, а Смоленская и Оренбургская области, наоборот, улучшили свои позиции, поднявшись в группу регионов с уровнем продолжительности жизни ниже среднероссийского.

4. Эта группа регионов – одна из самых значительных: 20 субъектов. В 2019 г. она характеризуется величиной продолжительности жизни от 71,8 до 72,7 лет. Это республики Крым и Башкортостан, Орловская, Калужская, Костромская, Брянская, Курская, Архангельская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Тульская, Челябинская, Оренбургская, Владимирская, Смоленская, Ивановская, Вологодская, Мурманская и Свердловская области. В 2003 г. аналогичная группа включала всего восемь регионов с продолжительностью жизни 63,3-64,2 года. К 2017 г. их количество увеличилось до 25, а к 2019 г. сократилось до 20. За эти два года Республика Алтай, перескочив одну группу, опустилась отсюда в группу с низким уровнем, а Удмуртия, Якутия, Ненецкий АО, Самарская, Ярославская и Томская области, наоборот, поднялись отсюда в группу со среднероссийским уровнем. И, как уже было отмечено, сюда поднялись Смоленская и Оренбургская области. Т.е. для последних восьми перечисленных регионов характерно нарастание в последние годы темпов роста продолжительности жизни, и они могут послужить неким образцом для других субъектов.

5. Также 20 регионов входят в группу со среднероссийским уровнем показателя, который в 2019 г. лежит в диапазоне 72,8-73,7 лет. Это республики Саха (Якутия), Марий Эл, Чувашская и Удмуртская, Ненецкий АО, Севастополь, Ростовская, Воронежская, Тамбовская, Калининградская, Ленинградская, Пензенская, Липецкая, Рязанская, Саратовская, Кировская, Ульяновская, Ярославская, Томская и Самарская области. Группа существенно увеличилась именно за два последних года: в 2003 г. в нее входили 11 регионов с продолжительностью жизни от 63,3 до 65,2 года, в 2017 г. – 12 (с показателем от 72,2 лет до 73,1 года). За последние два года Севастополь, Пензенская и Тамбовская области опустились в эту группу из группы с показателем выше среднего, а шесть перечисленных в предыдущем

пункте регионов пополнили группу снизу. Тюменская область, наоборот, покинула эту группу, поднявшись выше.

6. В группу с уровнем продолжительности жизни выше среднероссийского (от 73,8 до 74,7 лет) в 2019 г. входят 10 субъектов федерации: республики Адыгея и Мордовия, Ямало-Ненецкий АО, Ставропольский и Краснодарский края, Белгородская, Волгоградская, Тюменская, Московская и Астраханская области. В 2003 г. регионов с показателем в диапазоне 65,3-66,2 лет, который тогда относился к уровню выше среднероссийского, в России было 14, в 2017 г. – 13 (с показателем 73,2-74,1 года). За последние два года эту группу снизу пополнила Тюменская область, сверху – Ставропольский край. Покинули ее Калмыкия и Ханты-Мансийский АО, которые улучшили свои позиции, поднявшись в группу с уровнем показателя существенно выше среднего. Три региона, как уже указывалось, опустились отсюда в группу со среднероссийским уровнем.

7. К группе с продолжительностью жизни населения существенно выше среднероссийского уровня (74,8-75,7 года) в 2019 г. относятся три субъекта федерации: республики Татарстан и Калмыкия и Ханты-Мансийский АО. В 2003 г. группа включала пять регионов с показателем от 66,3 до 67,2 лет. В 2017 г., как и в 2019 г., три субъекта. За последние два года Калмыкия и ХМАО поднялись сюда на смену Чечне, ушедшей наверх (положительный опыт этих трех регионов также заслуживает изучения), и Ставропольскому краю, опустившемуся ниже.

8. В группу с высоким уровнем продолжительности жизни населения 75,8-76,7 года в 2019 г. входят пять субъектов: республики Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская и Северная Осетия – Алания и город Санкт-Петербург. В 2003 г. к соответствующей группе, охватывающей территории с уровнем показателя в диапазоне от 67,3 до 68,2 лет, относились шесть регионов. В 2017 г. – четыре. За последние два года сюда поднялась Чеченская Республика.

9. К группе с условным названием «очень высокий уровень продолжительности жизни населения» в 2019 г. относятся три субъекта федерации с уровнем показателя 76,2 года и выше: республики Ингушетия и Дагестан и Москва. В 2003 г. к этой группе относились семь регионов с продолжительностью жизни от 68,3 лет. За 2017-2019 гг. состав группы не изменился. Но, как известно, Москва и Дагестан понесли большие потери от коронавирусной инфекции в 2020 г.

На наш взгляд, наметившаяся в последние два года региональная дивергенция продолжительности жизни, и особенно вновь начавшееся увеличение количества субъектов федерации с низким и очень низким уровнем показателя, свидетельствуют о том, что относительно легко реализуемые резервы повышения продолжительности жизни, которые характерны для регионов-аутсайдеров, были действительно хорошо задействованы в течение 2004-2017 гг. и уже достигли предела.

Соответственно, дальнейший рост продолжительности жизни населения будет представлять значительную сложность во всех регионах России.

Тем не менее, во всех группах регионов сохраняются очевидные резервы, которые обусловлены факторами, доступными из официальной статистики.

Мужской показатель продолжительности жизни вырос за 2003-2019 гг. более существенно – на 9,7 лет (с 58,5 до 68,2 лет), женский – на 6,3 лет (с 71,9 до 78,2 лет) [4]. Т.е. вместе с ростом показателя произошло уменьшение гендерной дифференциации 13,4 до 10,0 лет, но отставание мужского показателя остается очень значительным, представляя серьезный резерв роста продолжительности жизни населения [6]. Почти в 60 субъектах федерации (они перечислены в [5]) превышение женской продолжительности жизни выше среднего по стране. Это требует в регионах более пристального внимания к вопросам, связанным с неблагоприятным образом жизни мужчин, особенно в трудоспособном возрасте, с гендерными различиями в поведенческих факторах риска производственного, бытового и дорожного травматизма, с профилактикой рискового поведения.

В городской местности уровень показателя достиг в 2019 г. 73,7 лет, в сельской – 72,2 лет [4]. В последние годы более высокими темпами увеличивается сельский показатель, тем не менее, в 2019 г. его уровень на 1,5 лет ниже городского – подтягивание продолжительности жизни сельского населения также является резервом роста [7]. Заметное отставание сельского показателя, предполагающее акцент на совершенствовании санитарно-бытовых условий да селе, повышении уровня жизни сельских жителей, улучшении им доступа к квалифицированным медицинским услугам, наблюдается почти в 50 регионах.

Наиболее значительное снижение среди основных шести классов причин смертности населения за 2003-2019 гг. характерно для внешних причин – почти на 60% при уменьшении показателя по всем причинам на четверть. Однако удельный вес смертности от этих причин, в основе которой лежат как поведенческие, так и средовые факторы риска: неблагополучная нравственно-психологическая и криминогенная атмосфера, низкий уровень и неблагоприятный образ жизни населения, недостаточный уровень безопасности условий труда, отдыха, передвижений – значителен практически в половине субъектов федерации.

Почти в 40 регионах высокой остается младенческая смертность, зависящая как от возможностей здравоохранения и служб родовспоможения, так и от благополучия в образе жизни населения, в развитии брачно-семейных отношений и жизнедеятельности семьи. При этом 14 регионов (республики Алтай, Башкортостан и Бурятия, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Архангельская, Омская и Челябинская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Еврейская автономная область) входят во все группы, т.е. характеризуются всеми рассмотренными резервами роста.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts /news/57425 (дата обращения 14.09.2020).
2. В России выросла смертность. URL:https://news.rambler.ru/ community/44631061-v-rossii-vyrosla-smertnost/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news (дата обращения 14.09.2020).
3. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 204 «О национальных целях развития России до 2024 года». URL: http://kremlin.ru/acts/news/63728 (дата обращения 14.09.2020).
4. Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения 14.09.2020).
5. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 228-242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13.
6. Калабихина И.Е. Об учете здоровья и долголетия в концепции человеческого развития: гендерное измерение // Управление здравоохранением. 2015. Т. 1. № 43. С. 50-65.
7. Денисенко М.Б., Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на ближнем севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 70-81.

УДК 338.14

Рубан Лариса Семеновна
д. социол. н., профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, руководитель международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»), г. Москва, Россия

Влияние эпидемий и пандемий на население и экономику

Аннотация. *В статье автором анализируются риски и угрозы населению и экономике стран в настоящий момент из-за эпидемий и пандемий и, в первую очередь, из-за коронавируса COVID-2019. Для сравнения автор использует эмпирический материал, полученный в рамках 15-ти летнего исследования в рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») (профессор Рубан Л.С. является создателем и руководителем этого проекта) с 2005 по 2019 годы.*

Ключевые слова: *эпидемия, пандемия, коронавирус COVID-2019.*

Современный момент развитие общества находится в зоне турбулентности и неустойчивости, что в первую очередь связано с резким распространением коронавирусной инфекции COVID-2019, принявшей форму пандемии и охватившей весь мир.

Человечество и ранее страдало от многочисленных эпидемий и пандемий. Особенно губительными были вспышки чумы, черной оспы, холеры и других заболеваний. Первая волна этих страшных эпидемий началась в 1 100-1 200 годы, вторая – в XIV-м в., и пик чумы пришелся на 1346-1353 гг. Эта волна продолжалась до XIX в.

Эпидемии унесли десятки миллионов жизней, выкашивая от 36 до 60% населения Европы, а всего человечество пережило 7 эпидемий: Афинская чума (429–427/426 г. до н. э.); эпидемия чумы в России (1654–1655 гг.); великая эпидемия чумы в Лондоне (1665–1666 гг.); великая эпидемия чумы в Вене (1679 г.); Марсельская чума (1720–1722 гг.); вспышка чумы в станице Ветлянской (1878–1879 гг.); эпидемия лихорадки Эбола (2015 г.) и 13 пандемий, включая короновирусную в 2019-2020 гг.: Антонинова чума (165–180 гг.); Юстинианова чума (541–750 гг.); чёрная смерть (1346-1353 гг.); первая холерная пандемия (1816–1826 гг.); вторая холерная пандемия (1829–1837 гг.); третья холерная пандемия (1846–1860 гг.); третья пандемия (1855-1959 гг.); четвёртая холерная пандемия (1863–1879 гг.); пятая холерная пандемия (1881–1896 гг.); шестая холерная пандемия (1899–1923 гг.); испанский грипп (1918–1920 гг.); пандемия гриппа H1N1 (2009-2010 гг.); COVID-19 (2019 г. – н.в.)[22].

Если мы затронем риски и угрозы, грозящие человечеству, то следует отметить, что по результатам 15-летнего исследования международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»), проведенного в 2005-2019 гг., если до 2007 г. эксперты ставили на первое место угрозу, связанную с наличием у Северной Кореи ядерного оружия и непредсказуемостью данного режима, то в 2010 г. с этим риском сравнялся риск, связанный с конкуренцией за энергоресурсы, а в 2012 г. энергетическая конкуренция вышла на 1-ое место.

После катаклизмов в марте месяце 2011 г. в Японии эксперты, характеризуя риски и угрозы, поставили на третье место по значимости техногенные катастрофы, «от которых никто не застрахован», и катастрофы природного характера: землетрясения, наводнения, цунами. Это не случайно, так как в течение последних 25 лет каждый год 56 млн чел. во всем мире пострадали только от наводнений. Ежегодно от наводнений погибает около 12 тыс. чел., а примерно 3,5 млн лишаются крова. В разное время в Азии

[22] Черная смерть [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D1%91%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%8C (Дата последнего обращения 14.05.2020).

наводнения обрушивались на Китай, Северную и Южную Корею, Бангладеш, Вьетнам, Индию, Непал, Филиппины, а в Северной и Южной Америке – на территории Канады, Колумбии, Коста-Рики, Гондураса, Никарагуа и Панамы. Самое сильное наводнение за последние 50 лет произошло в октябре 2011 г. в Таиланде, затронув существенную часть страны[23]. Однако в конце 2019 – начале 2020 г. несравнимое ни с чем бедствие от коронавируса COVID-19 охватило весь мир, и эксперты единодушно поставили на первое место по значимости угрозу населению от этой инфекции.

Исторически вирусы существовали еще 4 млрд лет назад до появления первой живой клетки и были основой развития жизни на Земле, они сильно повышали эффективность процесса эволюции. Вирус не является бактерией или микроорганизмом, он – фрагмент генетической информации в белковой оболочке. Следует учитывать, что вирусы от одного вида животных к другому переходят очень редко. К примеру, от растений к животным – раз в один миллион лет, от млекопитающих к человеку – примерно один раз в 10 лет, от приматов к человеку – много раз в год, причем вирусы постоянно мутируют, что повышает их жизнеспособность и активность.

В 2014-2015 гг. лихорадкой Эбола человек заразился от летучих лисиц. Другими опасными инфекциями были: свиной и птичий грипп, верблюжий грипп (2009-2020 гг.), а ранее произошла эпидемия атипичной пневмонии, спровоцированная острым респираторным синдромом (SARS – 2002-2003 гг.) и ближневосточным респираторным синдром (MERS – в 2009-2010 гг.).

Вирусные атаки – это непрерывный процесс, но до начала XXI века коронавирусы не передавались человеку. В данном случае в 2019-2020 гг. с коронависом мир столкнулся с межвидовым переходом инфекции от летучих мышей к человеку при посредничестве панголина (ящерицы). Употребление специфических пищевых компонентов, тесные контакты людей с животными, помноженные на скученность населения в Китае (г. Ухань), привели к эпидемии в этой стране – таково мнение российского вирусолога Лукашова А.Н., директора Института медицинской паразитологии, тропических и трансмиссивных заболеваний имени Марциновского Е.И. Сеченовского университета[24].

Медики считают, что 80% заразившихся коронавирусом болезнь протекает в легкой форме, часто без симптомов. У 15-20% (13-15%) фиксируется состояние средней и высокой тяжести, причем 5-8% болеют явно. Больным с легкой формой проводят симптоматическое лечение, и они находятся дома. Умирает 2-3%, в основном люди старше 65 лет, с ослабленным иммунитетом и хроническими заболеваниями дыхательных органов и сердца[25].

---

[23] Россия-АТР: горизонты энергетического сотрудничества. М.: Academia, 2013. С. 56.
[24] Крученко А. Неприятно познакомиться. Загадочный вирус. Вечерняя Москва. 13-20 февраля 2020 № 4 (28456). С. 10-11.
[25] Что надо знать о коронавирусе? Российская газета 26 февраля 2020 № 41 (8095). С. 27.

В настоящее время вакцины против коронавируса COVID-19 нет, хотя разработки ее учеными активно ведутся. Китайские специалисты обещали начать испытание ее уже в конце апреля 2020 г. У американцев препарат под названием Remdesivir компании Gilead Sciences уже в феврале проходил третью проверку, у англичан экспериментальную вакцину разработала оборонная научно-технологическая лаборатория в Портон-Дауне[26]. Однако на производство и апробацию окончательного варианта эффективного лекарства понадобится несколько лет.

Впервые коронавирус COVID-19 был выявлен в начале декабря 2019 г. (по другой версии 17 ноября 2019 г.) в Китае в г. Ухань провинции Хубей. Следует отметить, что это один из самых передовых районов Китая с современными эффективными предприятиями, модернизированными и роботизированными, с использованием искусственного интеллекта. В Ухани очень высокий уровень благосостояния населения и социальной сферы и развития медицины. 23 января 2020 г. Ухани с его 12-миллионным населением был закрыт на карантин, и введены жесткие меры изоляции, которые были распространены на все провинции КНР. Однако уже в феврале 2020 года распространение вируса приняло характер эпидемии, затем и пандемии. В марте 2020 г. в связи с пандемией коронавируса COVID-19 в Китае было зарегистрировано 84 239 инфицированных и 4 642 чел. умерших (на 14 мая 2020 г.).

Руководство Китая приложило все силы для преодоления эпидемии коронавируса COVID-2019: за недели строились новые больницы и изоляторы, в кратчайшие сроки страна была обеспечена защитными масками и антисептиками, было налажено производство аппаратов для искусственной вентиляции легких (ИВЛ). В настоящий момент заболеваемость и смертность от коронавируса равна нулю, что позволило уже с 8 апреля 2020 г. смягчить и ослабить действие карантина не только в провинции Хубей, но и в других провинциях Китая.

Следующая резкая вспышка произошла на севере Италии в феврале 2020 г., а также в Иране и Республике Корея, затем охватила Испанию, Францию и Германию. В США эпидемия приняла самые крупные размеры, особенно в Нью-Йорке. Россия находилась в марте 2020 г. на 8-м месте по заболеваемости коронавирусом, затем в апреле она переместилась на 7-е место, а в мае перешла сначала на пятое, а потом на четвертое, третье и второе после США.

В Российской Федерации первые смерти пациентов с коронавирусом COVID-2019 были зафиксированы в марте 2020 г., но число умерших начало расти в середине апреля 2020 г. Примерно столько же смертей было зафиксировано в Москве во время вспышек гриппа: например, в декабре 2016 г., когда в столице умерли 12 080 чел., а в январе 2019 г. – 12 037 человек. За 15 лет смертность резко выросла лишь один раз – летом

[26] Там же.

2010 года, когда при аномальной жаре и смоге от лесных пожаров и горевших торфяников в августе-месяце в Москве умерли 15 тыс. чел.[27]

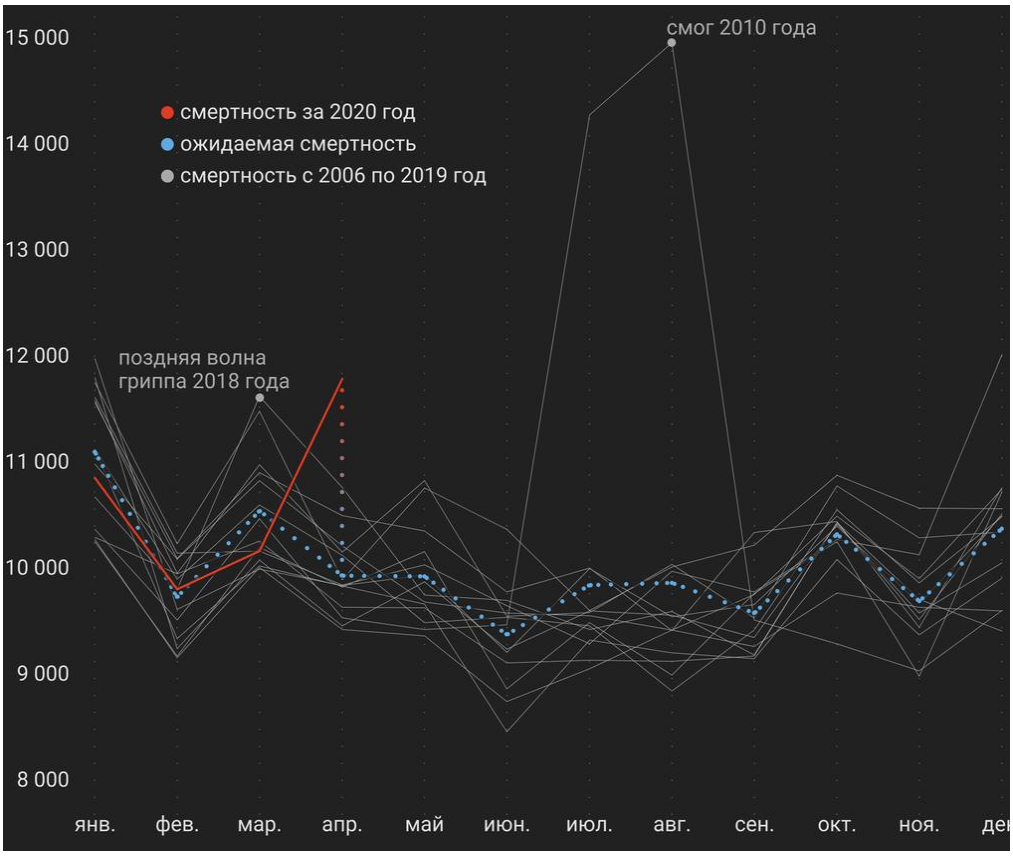

Диаграмма 1. Смертность в Москве от COVID-2019
в сопоставлении со смертностью в 2006-2010 гг.

Источник: ЕМИСС, data.mos.ru

Эпидемия COVID-2019 в РФ протекает с неизменной российской спецификой: в Российской Федерации с запозданием ввели ограничительные въездные меры, а именно только в конце декабря 2019 г. прекратили принимать китайских туристов, въезд китайским гражданам в РФ закрыли только с 0 часов 20 февраля 2020 г., хотя самолеты и после этого продолжали летать в Китай.

В первый период всех возвратившихся в Российскую Федерацию туристов сразу же изолировали для прохождения карантина (к примеру, под Красноярском), и это способствовало нераспространению инфекции. Количество зараженных на 24 февраля 2020 г. составляло 2+3 чел. на всю страну. Затем привезенных в массовом порядке из КНР, Италии и других стран на Родину туристов стали отправлять общественным транспортом для прохождения карантина домой, и началось бурное распространение инфекции. Призывы к соблюдению режима самоизоляции и соблюдению мер безопасности и гигиены сопровождались полным отсутствием даже в

[27] Неучтенные. Реальная смертность от COVID-2019 в Москве почти в 3 раза выше официальных показа-телей. Новая газета. 11 мая 2020 г. [Электронный ресурс].– Режим доступа. – URL: https://novayagazeta.ru/ articles/2020/05/11/85324-neuchtennye? utm_source = push (Дата последнего обращения 15.05.2020).

Москве защитных масок, перчаток и антисептиков в аптеках, а в СМИ проходила информация об образцово-показательных поликлиниках, где осуществлялся раздельный вход здоровых и больных пациентов, а врачи вели прием в масках и перчатках.

Однако действительность была совсем иной. Раздражение у населения вызывали репортажи об отправке самолетов со средствами защиты в Италию (15 самолетов с медицинским оборудованием, 8 медицинских бригад, свыше сотни специалистов-вирусологов), Словению и даже США. Одновременно с этим в метро и в переходах Москвы «коробейники» продавали нестерильные маски (без защитной упаковки) по 50-100 рублей. Только с начала мая 2020 года в продовольственных магазинах Москвы стали продавать защитные маски, а с 12 мая – перчатки.

Интернет был переполнен информацией о карательных мерах, которые будут применяться к населению (штрафах и задержаниях) в случае нарушения режима самоизоляции. Эти сводки удивляли юридической безграмотностью, ведь режим самоизоляции – это рекомендательная мера, а штрафы и задержание возможны только после введения режима чрезвычайной ситуации (ЧС) или карантина, но этот режим введен не был.

Информация в СМИ не столько вооружала, сколько дезинформировала население: то в начале февраля 2020 года требовалось в обязательном порядке носить маски и перчатки, затем муссировалось, что маски от заразы не спасают и их нужно носить больным, а не здоровым. Запомнилось набранное крупным шрифтом заявление инфекциониста Коновалова И., опубликованное в мартовском специальном выпуске «Комсомольской правды»: «Маски всем подряд носить не нужно!» Главврач городской клинической больницы № 71 Мясников А. утверждал, что COVID-2019 – не самая опасная инфекция, а Попова А., руководитель Роспотребнадзора, главный санитарный врач России со страниц «Комсомольской правды» заявила: «Мы выстроили надежную систему эпидемиологической защиты. Я бы сказала оборону», а в это время население из подсобных средств строчило самодельные защитные маски.

К слову сказать, главный инфекционист Ставрополья Санникова И., вернувшись из Испании, проигнорировала карантинные правила. Уже заболев COVID, она участвовала в конференции и читала лекции студентам. В результате тестировать на вирус пришлось более 1 000 чел[28].

Для пенсионеров старше 65-летнего возраста уже с 26 марта 2020 г. был введен обязательный жесткий режим самоизоляции (в Москве им заблокировали социальные карты, чтобы они не могли пользоваться общественным транспортом), зато было выписано пособие в размере 4000 рублей. Считалось, что пожилые люди более подвержены заболеванию, а молодежь и дети не болеют. Однако статистика показала обратное: самый высокий процент заболевших был среди молодежи, а среди пенсионеров – 2-3%. На 22 марта 2020 г. в России было 200 человек, заразившихся

[28] Вышли в люди? Российская газета 25 марта 2020 г. № 64 (8118). С. 8.

коронавирусом, из них 11 человек заболели в самой России, заразившихся от приехавших из-за рубежа.

В том же мартовском выпуске «Комсомольской правды» была представлена диаграмма, которая недвусмысленно называлась «Какие инфекции ***на самом деле*** убивают больше всего людей». В ней приводилась смертность в год:

От туберкулеза – 1 млн 300 тыс.	От малярии – 145 тыс.
От гепатита (В и С) – 1 млн 286 тыс.	От кори – 142,3 тыс.
От ВИЧ – 770 тыс.	От коронавируса – около 10
От гриппа – до 650 тыс.	(за три месяца 2020 г.)

И главный санитарный врач России делала вывод, что коронавирус: «Это легкое респираторное заболевание по клинике». Более реалистичным было заявление директора НИИ имени Склифосовского Петрикова С.: «Сейчас наша жизнь проходит как на войне».

Руководство страны в целом и регионов серьезно отнеслось к решаемой проблеме. Были выделены медицинские учреждения, отданные под нужды карантина. В Москве это были Филатовская больница (№ 25), знаменитая Коммунарка, перинатальный центр 67-й больницы имени Воробьева, НИИ имени Склифосовского, экстренно начали возведение специализированного инфекционного Центра в Новой Москве вблизи деревни Голохвастово из 50 одноэтажных корпусов на 500 коек, а также 16 корпусов реанимации и интенсивной терапии на 250 мест.

Врачам и персоналу, работающим в перепрофилированных медучреждениях предусмотрены надбавки за риск: врачам по 80 000 рублей, среднему медперсоналу – по 50 000 рублей, младшему персоналу и другим медработникам – по 25 000 рублей (по другим данным, «Надбавка за риск» – 70 000 руб. – врачам, 50 000 – фельдшерам и медсестрам и 30 000 – санитаркам)[29]. Всего в расчете за три месяца медикам Москвы выплатят 620 млн рублей[30], а по стране в целом выделено на доплаты медикам более 45 млрд рублей. Кстати, якутские министры и депутаты отдали свои персональные автомобили на нужды врачей.

Диагностику на коронавирус сейчас делает кроме новосибирского Центра вирусологии и биотехнологии «Вектор» 9 московских лабораторий в диагностических клинических центрах Москвы, а также Федеральная лаборатория в Центре гигиены и эпидемиологии и в Противочумном центре, что позволяет выполнить 10 000 тестов на коронавирус в сутки, хотя в СМИ упоминается цифра – 400 000 возможных выполненных тестов.

С 5 марта 2020 г. в Москве был введен режим повышенной готовности (правда, горожане этого не почувствовали), было запрещено проведение мероприятий с участием свыше 5 000 человек, в частности, Фестиваль «Крымская весна», а через неделю запрет коснулся уже мероприятий с участием 50 человек. Были закрыты учебные заведения, их перевели на

[29] Надбавка за риск. Российская газета. 1 апреля 2020 № 70 (8124). С. 4.
[30] Мелешенко А. В чем пример Москвы. Российская газета. 1 апреля 2020 № 70 (8124). С. 4.

дистанционное обучение. В обычном режиме работали только малые группы с 1-го по 4-й классы и детские сады.

Были приняты поправки в оправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП). За нарушение санитарных правил для граждан штраф 100-500 рублей. За нарушение карантина – для граждан штраф от 15 до 40 тысяч рублей, для должностных лиц от 50 до 150 тысяч рублей, для юридических лиц – от 200 до 500 тысяч рублей, также возможно административное приостановление деятельности до 30 суток. При нарушении, повлекшем массовое заболевание возможно наказание виновного в виде лишения свободы до 7 лет[31].

10 мая 2020 г. в прямом эфире по ситуации с коронавирусом в стране выступил президент Российской Федерации В.В. Путин, который отметил, что с 12 мая 2020 г. (предварительная дата окончания карантина) оплачиваемый нерабочий период в связи с эпидемией заканчивается для строительной и производственных отраслей. Он отметил, что об ослаблении режима самоизоляции населения региональное руководство самостоятельно принимает решение в соответствие со сложившейся в субъектах ситуацией.

Не все благополучно с пожароопасной ситуацией в медицинских заведениях, так как начались возгорания в больницах: в Санкт-Петербурге в больнице Святого Георгия погибло 5 человек из-за короткого замыкания в аппарате искусственной вентиляции легких (ИВЛ) и было эвакуировано 150 пострадавших человек, а в ночь на 11 мая 2020 года пожар произошел в Красногорском частном хосписе в Московской области, где погибло 11 чел., и в Москве в городской клинической больнице № 50 имени Спасокукоцкого С.И., где погибла одна пациентка. По этим случаям было возбудило уголовное дело по части 3 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). В некоторых регионах ранее уже приостановили ввод в эксплуатацию аппаратов ИВЛ производства УПЗ, в других усилили контроль за их работой[32].

Аппараты «Авента-М» поставили в Магаданскую, Иркутскую, Кировскую, Вологодскую области и г. Плесецк Архангельской области, а также в другие города и регионы нашей страны. Кроме того, в начале апреля 2020 г. эти аппараты в качестве гуманитарной помощи были отправлены в США, где после пожаров в РФ отметили, что пока воздержатся от их использования.

За рубежом – в странах Европейского Союза с начала объявления эпидемии были введены жесткие меры на въезд и выезд. В период карантина въехать могут только лица, имеющие гражданство этой страны или документы на ПМЖ и ВНЖ. К примеру, в Чехии очень жесткие правила

[31] В ответе за тех, кого заразили. Российская газета 1 апреля 2020 г. № 70 (8124). С. 5.
[32] Обращение аппаратов ИВЛ «Авента-М» приостановили после пожаров в больницах. КоммерсантЪ. 13.05.2020. https://www.kommersant.ru/doc/4342938?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer =https % 3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (Дата последнего обращения 15.05.2020).

карантина: не работают основные предприятия, не связанные с обеспечением жизненного цикла, магазины, кроме продуктовых, отели, спортивные и оздоровительные комплексы. Учебные заведения и офисы были переведены на «удаленку». За нарушение карантина предусмотрены штрафы, верхняя планка которых достигает 120 000 евро)[33].

Интересно отметить статью корреспондента Снегирева В. в Российской газете от 25 марта 2020 г. за № 84 (8118) «Пан или пропал» о ситуации в Чехии. Журналист указывает, что не поленился проехать полстраны и отмечает, что машин на автострадах практически не было, так же, как и полицейских, так как им был отдан приказ прекратить дорожные проверки и не останавливать без особой нужды водителей, тем более что более 300 полицейских уже изолированы как потенциальные носители вируса.

Вместо того, чтобы дисциплинированно соблюдать режим самоизоляции, корреспондент посетил Карловы Вары, затем отправился на границу с Германией в районе Баварии. Журналист рассказал о своем приятеле, нашем соотечественнике, который не мог проехать в Германию из Чехии законным путем, но затем решил эту проблему, проехав по заброшенной старой дороге.

Какой же вывод сделал журналист? Он написал в заключение своей статьи: «Надо ли говорить, что для наших, как известно, нет преград, да и закон им не писан»[34].

В Италии в условиях режима самоизоляции разрешено выходить только в магазин и аптеку, причем, предварительно заполнив бумагу с указанием, куда направляешься с точным адресом. При проверке в случае несовпадения маршрутов – штраф за нарушение. Сначала итальянцам разрешили спортивные пробежки и выгул домашних животных, но затем они были запрещены.

Статистика по заболеваемости и смертности от коронавируса COVID-2019 по странам представлена в таблице 1. Следует отметить, что за май Россия передвинулась с 7-го места на 3-е (12.05.2020), а затем на 2-е. 16 мая 2020 г. количество заразившихся в РФ превысило 300 000 чел. (308 705).

Инфекция не щадила ни простых граждан, ни высокопоставленных персон. Ею заразились: бывший президент Казахстана Назарбаев Н.А., президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, премьер-министр России Мишустин М.В. и Великобритании Джонсон Б., супруга премьер-министра Канады, пресс-секретарь Президента РФ Песков Д.С. и его супруга Нафка Т.А., представитель Президента РФ в Южном федеральном округе Кадыров Р.А., известные артисты: Лещенко Л.В., Васильева Е.С. и Бабкина Н.Г.

В настоящий момент (август-сентябрь 2020 года Российская Федерация располагается на 4-м месте после США, Бразилии и Индии, заболеваемость в которой в некоторые дни августа достигала 67 тыс. чел. в сутки).

---

[33] Пан или пропал? Власти Чехии в борьбе с эпидемией пошли путем введения жестких мер // Российская газета 26 марта 2020 г. № 64 (8118). С. 26.
[34] Там же.

Таблица 1-Динамика заболеваемости коронависусом в мире

Страна	Заразились	Умерли
1) США на 03.05.2020	1 млн 160 838	67 448
1) на 24.08.2020	5 млн 967 010 за сутки 23 680	182 817
2) Испания на 03.05.2020	245 567	25 100
9) на 26.08.2020	423 224	28 924
3) Италия на 03.05.20	209 328	28 710
18) на 24.08.2020	261 174	35 445
4) UK на 03.05.2020	182 210	28 131
5) на 24.05.2020	259 559	36 793
13) на 26.08.2020	327 798	41 449
5) Франция на 03.05.2020	168 396	24 760
19) на 26.08.2020	248 158	30544
5) Бразилия на 17.05.2020	233 511	15 660
2) на 24.05.2020	352 523 за сутки 5 125	15 660
2) на 26.08.2020	3 млн 674 176 за сутки 38009	116 666
6) Германия на 03.05.20	164 967	6 812
20) на 26.08.2020	237 896	9347
3) Индия на 26.08.2020	3 млн 286 512 за сутки 54990	60267
7) Россия на 03.05.20	134 687	1 280
3) на 12.05.2020	232 243 за сутки 10 899	1 179
2) Россия на 17.05.20	281 787 за сутки 9 543	2 646
3) на 24.06.20	344 774 за сутки 8 627	3 547
4) на 26.08.2020	970 865 за сутки 4 676	16683
10) Иран на 03.05.20	97 424	6 203
11) на 24.05.2020	135 701	7 417
11) на 26.08.2020	365 606	21020
11) КНР на 03.05.2020	82 877, заболело 2 чел. за день	4 633
на 12.05.2020	84 239, заболело 6 чел. в Ухани	4 642
на 17.05.2020	84 239 за сутки 34 чел. – нов. вспышка в Цзилине	4 642
на 24.06.2020	84 239	4 642
35) на 26.08.2020	84 996	4 642

17 мая 2020 года количество заразившихся коронавирусом в России впервые составило с 30 апреля менее 9 000 чел., а именно: 8 926, а на первом месте находились США с беспрецедентной цифрой свыше полутора миллиона человек заболевших. С 22 мая 2020 г. в Москве отменили пропуска для передвижения по городу.

Китай первым понес убытки из-за закрытия на карантин ряда предприятий и снижения в связи с этим производства и экспортного потока за рубеж. К примеру, реализация проекта «Один пояс – один путь», активно продвигаемого Китаем на пространстве ЕАЭС с выходом на партнерство с Евросоюзом, успешно стартовала и сразу же стала давать высокий экономический эффект, но была резко заторможена начавшейся в 2020 г. эпидемией коронавируса, охватившей КНР и ряд европейских и азиатских стран.

Особенно остро сказалась эпидемия COVID -2019 на самой передовой экономической отрасли – энергетической. Сложный период переживают и мировые рынки нефти, так как цена на нее упала до 28,5 долларов США за баррель в конце марта 2020 г. В марте 2020 г. Федеральная таможенная служба России обнародовала первую статистику по экспорту товаров в Китай после начала там эпидемии. И ее цифры для нашей страны вовсе не радужны. Экспорт России в Китай стал меньше на 7%. В частности, экспорт нефти в годовом выражении снизился на 28% (почти 2,8 млрд долларов США в январе 2019 года против примерно двух миллиардов долларов США в январе 2020 года), в натуральном объеме — на 36 %. Экспорт нефтепродуктов упал почти на 20 % (до 458 млн долларов США)[35].

Сложная ситуация сложилась на Чаяндинском месторождении в Якутии. Там расположены 34 вахтовых поселка подрядных организаций «Газпрома», где работают более 10 тыс. чел. Карантин в Ленском районе был объявлен 17 апреля 2020 г. Роспотребнадзором было подтверждено 43 случая заражения коронавирусом на месторождении. Рабочие, недовольные условиями в закрытых на карантин по коронавирусу поселках, провели несколько акций протеста: устроили стихийный митинг и перекрыли дорогу на месторождение.

Власти региона собираются вывезти оттуда всего около 8,5 тысяч человек, у кого отрицательная проба по коронавирусу. С 3 по 12 мая 2020 г. 37 спецрейсами из Якутии было вывезено 3 766 чел. Министерству здравоохранения и МЧС дано распоряжение организовать на месте полевой мобильный госпиталь с необходимым медицинским оборудованием, лекарствами и средствами индивидуальной защиты. С 1 мая 2020 г. там уже работает госпиталь МЧС на 12 койко-мест и полевой медпункт и пункт временного размещения на 125 мест[36].

Сложности переживают и американские компании. По данным The Wall Street Journal, американская «Chesapeake Energy Corp.», которая была в авангарде американского сланцевого бума в последнее десятилетие, предупредила о возможном банкротстве из-за обвала цен на нефть и природный газ и невозможности погашения долга. В I квартале 2020 г. Chesapeake ее чистый убыток составил 8,3 млрд долларов США по сравнению с убытком в размере 21 млн долларов за аналогичный период 2019 г. Компания списала стоимость своих нефтегазовых активов примерно на 8,5 млрд долларов. Значительный долг компании образовался в результате крупных расходов на приобретение участков для бурения. Положение компании ухудшилось в последние месяцы на фоне обвала цен на

---

[35] Рубан Л.С., Гриб Н.С. Энергетические стратегии Китая и их реализация // Бурение и нефть. № 4, 2020. С. 4-9.

[36] С Чаяндинского месторождения в Якутии вывезли более 3,7 тыс. вахтовиков. 12 мая 2020. [Электронный ресурс].– Режим доступа. – URL: https://nangs.org/news/business/s-chayandinskogo-mestorozhdeniya-v-yakutii-vyvezli-bolee-37-tys-vahtovikov?utm_source=newsletter_1597&utm_medium=email&utm_campaign=n-d-n&auid=1579696 (Дата последнего обращения 15.05.2020).

энергоносители и резкого снижения спроса в условиях пандемии коронавируса[37].

Завершить хотелось бы цитатой из интервью заместителя министра энергетики России Сорокина П.Ю., данного представителям Фонда Росконгресс. Он рассказал о крайне непростой ситуации на нефтяном мировом рынке. Говоря о величине падения спроса на нефть, Сорокин П.Ю. отметил, что сокращение спроса на нефть в апреле 2020 г. составило 30 млн баррелей в сутки – это около 30% мирового показателя. «Такого не было никогда – ни в условиях войн, ни в условиях экономических кризисов. Ситуация беспрецедентная». Эксперты просчитывали, что мировая пандемия коронавируса окажет существенное влияние на спрос на нефть, но то, что это будет 30 млн барр./сутки было тяжело спрогнозировать кому бы то ни было.

То, что происходит в течение последних трех недель или месяца – это, безусловно, впечатляет. Но надо смотреть долгосрочно. И сейчас первые признаки восстановления рынка уже прослеживаются. Ряд стран, а именно: Германия, Италия, Франция, Англия и даже Америка – уже заявили о постепенном снижении степени жесткости карантинных мер и снятии ограничений. И мы видим по динамике на НПЗ и автозаправках в Европе легкое улучшение показателей. Если раньше снижение спроса в Европе шло на 50-70%, то сейчас – от 40 до 60%. Это все равно страшные цифры, но, тем не менее, это показатель того, что мы постепенно начинаем восстанавливаться. И заместитель министра энергетики России отметил, что говорить о долгосрочных перспективах пока очень непросто, так как мировые тренды сейчас сложно оценить конкретно, но ясно, что мы не быстро вернемся к докризисному уровню производства и потребления, и нормализованный уровень потребления в будущем будет меньше. Надо понимать, что часть спроса мы потеряем[38].

Список литературы

1. Черная смерть [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://ru.wikipedia.org/ wiki/%D0%A7%D1%91%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%8C (Дата последнего обращения 14.05.2020).

2. Россия-АТР: горизонты энергетического сотрудничества. М.: Academia, 2013. 284 с. 3. Крученко А. Неприятно познакомиться. Загадочный вирус. Вечерняя Москва. 13-20 февраля 2020 № 4 (28456). С. 10-11.

[37] Chesapeake Energy предупредила о возможности банкротства. 12 мая 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://nangs.org/news/world/chesapeake-energy-predupredila-o-vozmozhnosti-bankrotstva?utm_source=newsletter_1597&utm_medium=email&utm_campaign=n-d-n&auid=1579697 (Дата последнего обращения 15.05.2020).

[38] Сорокин П. Начинаем отталкиваться от нижней точки. 6 мая 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://oilcapital.ru/cards/06-05-2020/pavel-sorokin-nachinaem-ottalkivatsya-ot-nizhney-tochki (Дата последнего обращения 15.05.2020).

3. Что надо знать о коронавирусе? Российская газета 26 февраля 2020 № 41 (8095). С. 27.

4. Что надо знать о коронавирусе? Российская газета 26 февраля 2020 № 41 (8095). С. 27.

5. Неучтенные. Реальная смертность от COVID-2019 в Москве почти в 3 раза выше официальных показателей. Новая газета. 11 мая 2020 г. [Электронный ресурс].– Режим доступа. – URL: https://novayagazeta.ru/ articles/2020/05/11/85324-neuchtennye? utm_source = push (Дата последнего обращения 15.05.2020).

6. Вышли в люди? Российская газета 25 марта 2020 г. № 64 (8118). С. 8.

7. Надбавка за риск. Российская газета. 1 апреля 2020 № 70 (8124). С. 4.

8. Мелешенко А. В чем пример Москвы. Российская газета. 1 апреля 2020 № 70 (8124). С. 10. В ответе за тех, кого заразили. Российская газета 1 апреля 2020 г. № 70 (8124). С. 5.

9. Обращение аппаратов ИВЛ «Авента-М» приостановили после пожаров в больницах. КоммерсантЪ. 13 мая 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4342938?utm_source =yxnews&utm_medium=desktop&utm_ referrer=https%3A%2F% 2Fyandex.ru% 2Fnews (Дата последнего обращения 15.05.2020).

10. Пан или пропал? Власти Чехии в борьбе с эпидемией пошли путем введения жестких мер // Российская газета 26 марта 2020 г. № 64 (8118). С. 26.

11. Пан или пропал? Власти Чехии в борьбе с эпидемией пошли путем введения жестких мер // Российская газета 26 марта 2020 г. № 64 (8118). С. 26.

12. Рубан Л.С., Гриб Н.С. Энергетические стратегии Китая и их реализация // Бурение и нефть № 4, 2020. С. 4-9.

13. С Чаяндинского месторождения в Якутии вывезли более 3,7 тысяч вахтовиков. 12 мая 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://nangs.org/news/business/s-chayandinskogo-mestorozhdeniya-v-yakutii-vyvezli-bolee-37-tys-vahtovikov?utm_source= newsletter_1597&utm_medium=email&utm_campaign=n-d-n&auid=1579696 (Дата послед-него обращения 15.05.2020).

14. Chesapeake Energy предупредила о возможности банкротства. 12 мая 2020. [Электронный ресурс].– Режим доступа. – URL: https://nangs.org/news/world/chesapeake-energy-predupredila-o-vozmozhnosti-bankrotstva?utm_source=newsletter_1597&utm_medium= email&utm_campaign=n-d-n&auid=1579697 (Дата последнего обращения 15.05.2020).

15. Сорокин П. Начинаем отталкиваться от нижней точки. 6 мая 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://oilcapital.ru/cards/06-05-2020/pavel-sorokin-nachinaem-ottalkivatsya-ot-nizhney-tochki (Дата последнего обращения 15.05.2020).

УДК 311.17
Рыбаковский Леонид Леонидович
д.эк.н, профессор, Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия

Стратегия демографического развития России, понятие, детерминанты, основные направления

Аннотация. *В статье дается авторское представление о понятии «стратегия» и его конкретизации применительно демографического развития. Понятие «стратегия демографического развития» означает однонаправленный вектор, ориентированный на достижение определенных результатов, рассчитанный на длительный исторический период и обусловленный не сиюминутными соображениями или временно возникающими ситуациями, а фундаментальными национальными интересами государства. В статье показано какие экономические, а главное геополитические особенности той или иной страны детерминируют характер её стратегии демографического развития.*

Ключевые слова. *Стратегия, концепция, депопуляция, демографическое развитие.*

Понятие «стратегия демографического развития» означает однонаправленный вектор, ориентированный на достижение определенных результатов в динамике населения страны, рассчитанный на длительный исторический период и обусловленный не сиюминутными соображениями или временно возникающими ситуациями, а фундаментальными национальными интересами государства. Стратегия демографического развития, тесно взаимосвязана с концепциями, определяющими целевые установки политики, проводимой в отдельные временные периоды Рассматривая понятие «концепция» в русле понятия «стратегия», первую можно определить как тактическую составляющую второй. Концепция – это ситуационный замысел, обосновывающий необходимый комплекс способов реализации в данный отрезок времени общей стратегической цели. Стратегия соизмеряется с понятием «развитие», под которым понимается либо усложнение объектов, либо увеличение их масштабов, либо то и другое одновременно. Усложнение - это переход от одного состояния к другому, более совершенному, тогда как количественное изменение -это увеличение уже имеющегося состояния, его масштабности и может означать лишь динамику явления.У динамики два вектора изменений, один направлен на перспективу, другой – относится к ретроспективе, поэтому она может быть восходящей и нисходящей, а также иметь статическое состояние, тогда как у развития лишь однонаправленный вектор в сторону увеличения масштабности явления.

Стратегия демографического развития того или иного государства, определяющая генеральный вектор динамики населения, а часто и её

географические приоритеты, на исторически длительный период зависит от национальных интересов, сложившихся в ходе формирования государства и сохраняющиеся спустя многие столетия, детерминируя различные направления его развития. У России фундаментальные интересы, лежащие в основе её демографического развития, всегда были связаны с историей образования и жизнедеятельности единой страны, сохраняющей почти половину тысячелетия свой геополитический статус. В отличие от западноевропейских государств Россия приступила к колонизации новых территорий спустя примерно столетие от того времени, когда они уже хозяйничали на захваченных землях Вступлению России на путь колонизации предшествовало прекращение в конце XV века господства Орды, продолжавшееся почти 2,5 столетия, превращение Московского княжества в национальное великорусское государство и присоединение в середине XVI столетия к московским владениям всего Поволжья, что открыло путь на Урал, ставший трамплином последующей колонизации азиатской России, т.е. последовательного присоединения к России примыкавших к ней на востоке в большинстве своем слабо или вовсе не заселенных земель. Собственно, в этом и состоит принципиальная особенность российской колонизации, её неоспоримое историческое преимущество относительно западноевропейских стран. Другой особенностью колонизационных процессов в России было то, что ею в отличие от будущих «западных демократий» на присоединенных территориях устанавливался иной характер взаимоотношений между переселенцами и обитавшим там коренным населением. Россия в те далекие времена обошлась без кровопролитных захватов, сгона и уничтожения народов с их земель, насаждения рабства и других подобных явлений, т.е. всего того, чем так полна колониальная история западноевропейских стран. С этим связано еще одно отличие. Западноевропейские страны потеряли свои колониальные владения под напором национально-освободительного движения угнетенных ими народов. А с Россией, даже несмотря на развал Советского Союза, ничего подобного не произошло, она сохранила все свои приобретения, которые продолжают составлять её единую территорию. Расширение российского государства за счет азиатских территорий придало ему колоссальные преимущества перед другими странами. Россия по размерам территории стала самой крупной страной мира. Присоединение к России азиатских районов, в первую очередь дальневосточных, многократно увеличило значимость её географического положения. Берега России стали омываться 12 морями, относящимися к трем океанам – Атлантическому, Северному Ледовитому и Тихому. Благодаря этому страна имеет не только на северо-западе, но и на востоке достаточно выходов в мировой океан. Еще одним преимуществом России является её самодостаточность в природных ресурсах необходимых для обеспечения нормальной жизнедеятельности населения и поддержания национальной безопасности страны. Это - её плодородные земли и ресурсы пресной воды. Россия полностью обеспечена и другими природными ресурсами. Занимая менее двух процентов в

мировом населении, России по запасам нефти принадлежит седьмое, газа - первое и угля третье место в мире. Страна в полной мере обеспечена черными и различными цветными металлами, она обладает одной четвертой частью всех мировых запасов древесины и т.д.Таким образом, в России практически есть все природные ресурсы, без которых невозможно было бы обеспечение нормальной жизнедеятельности населения, устойчивого экономического развития и укрепления её геополитического статуса.

Эти достоинства страны уже изначально стали вызывать у европейских стран зависть к «жизненному пространству» России. Собственно, начиная с XVII века вплоть до середины XX столетия России приходилось регулярно давать отпор захватчикам, претендующим на её земли. Среди тех, кто на себе испытал силу России - населения по её частям, включая и присоединенные земли Сибири и Дальнего Востока. Этот, так называемый восточный вектор демографического развития России стал её второй стратегической целью. *С учетом сказанного стратегическая цель демографического развития России, как нам представляется, состояла в прошлом и состоит в настоящее время в обеспечении устойчивого роста населения страны и непрерывного повышения в нем доли её азиатской части.*

В дореволюционные годы не только постоянно увеличивалась численность населения России и росла её доля в мировом населении (в 1900г. эта доля в границах России того времени достигла 8,9%, а в современных границах - 4,7%), но и успешно осуществлялась вторая стратегическая цель, состоящая в непрерывном повышении уровня заселенности азиатских регионов. Накануне Первой мировой войны в Сибири и на Дальнем Востоке проживало уже больше 10 млн. человек. Второй период, начавшийся после революции 1917г., завершился вместе с распадом Советского Союза. За семьдесят лет (1921-1999гг.) численность населения России увеличилась в 1,7 раза, а Советского Союза - в 2,1 раза. Специфика демографической динамики и СССР в целом, и России в том числе, состояла в росте численности их населения в течение всех семидесяти лет при одновременном сокращении удельного веса в мировом населении. Третий период демографического развития России охватывает большую часть постсоветского времени (1991-2020гг.). Его началу предшествовал распад Советского Союза и получение Российской Федерацией статуса независимого государства. С этим событием совпало наступление депопуляции в России. С 1993г. стала устойчиво сокращаться численность населения страны. Первый этап депопуляции, приведший к сокращению численности населения России со 148,7 млн. человек до 142,7 млн. в 2008г., продолжался 20 лет и завершился в 2012г. Но демографическое благополучие продолжалось не долго: с конца 2016года вновь наступила депопуляция.

Этот второй этап депопуляции заметно отличается от первого, инициирование которого было связано с ухудшением обоих воспроизводственных компонентов, т.е. сокращением рождаемости и ростом смертности. Нынешний же этап депопуляции определяется лишь низким уровнем рождаемости, причем уменьшение чисел родившихся в основном

связано с сокращением численности женщин, находящихся в репродуктивном возрасте, тогда как во время первого этапа депопуляции, по крайней мере, в 90-е годы, уменьшение чисел родившихся было вызвано преимущественно резким падением суммарного коэффициента рождаемости. Сложность второго этапа депопуляции состоит не только в этом, но и в том, что за годы, истекшие после развала Советского Союза, в образованных на постсоветском пространстве государствах существенно сократился миграционный потенциал для России. Его можно оценить в 3-5 млн. человек, а возможно и еще меньше. Мобилизация этого потенциала может уменьшить потери от депопуляции. Сегодня как никогда нужен национальный проект «Миграция», стержнем которого должно стать радикальное изменение всей миграционной политики России.

УДК 314.72

Рыбаковский Олег Леонидович
д.э.н., руководитель Отдела по разработке стратегии демографического развития Российской Федерации Центра социальной демографии ИСПИ ФНИСЦ РАН
[1] Институт социально-экономических проблем народонаселения – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), заведующий лабораторией, г. Москва, Россия
[2] Институт социально-политических исследований - обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Россия

Миграция и естественный прирост населения постсоветской России до 2020 г.[39]

Аннотация. *В статье уточнена численность населения регионов Российской Федерации в межпереписные периоды и до 2020 года. Показано, что в численности миграционной подвижности населения возможны изменения только при улучшения экономического климата в регионах страны.*

Ключевые слова*: демографическая динамика, естественный прирост/убыль, переписи населения РФ, миграционные реципиенты и доноры.*

За 28 постсоветских лет в период с начала 1992 г. (148,5 млн. человек[40]) изменения численности постоянного населения России

[39] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-011-00626

происходили следующим образом. Естественная убыль (минус 13,7 млн. человек) и текущиймиграционный прирост населения (плюс 6,2 млн. человек) привели бы численность населения страны на начало 2020 года к величине 141,0 млн. человек.

Но переписная деятельность Росстата [3], а также присоединение Крыма увеличили эту численность до 146,7 млн. человек, т.е. на 5,7 млн. человек. Данная величина складывается из двух частей: первая часть – уточнения численности постоянного населения двумя переписями населения 2002 и 2010 гг. (плюс 3,4 млн. человек [1, гл.9. С.189-227]); вторая часть - присоединение в 2014г. Крыма с населением в 2,3 млн. человек.

Уточнения численности населения двумя переписями на региональном уровне добавили к одним регионам 5,8 млн. человек, но «отняли» у других - 2,4 млн. человек. Среди «бенефициаров» двух переписей населения были, прежде всего, город Москва, Московская область, город Санкт-Петербург, Ленинградская область и Краснодарский край. В сумме пять регионов добавили 3,8 млн. человек к своему постоянному населению, по всей видимости, за счёт миграционного прироста, не учтённого текущим учётом. Вторые «бенефициары» - Республика Дагестан и Чеченская Республика, добавившие 1,0 млн. человек к своему постоянному населению, по всей видимости, за счёт естественного прироста, не учтённого текущим учётом в периоды двух чеченских войн. Среди регионов, проигравших от переписных добавок, - 2/3 территорий страны, преимущественно неблагополучных в социально-экономическом плане, а также Республика Ингушетия (за счет уточнений естественного прироста).

Катастрофические переписные уточнения на региональном уровне (около 6%) объяснить логически можно, так как не досчитали население по переписям регионы - миграционные доноры, а добавили – первые и локальные миграционные реципиенты страны (плюс отдельные республики Северного Кавказа). Но тогда получается, что 2,4 млн. человек постоянного населения страны добавлены за счет иммиграции.

Помимо этого регулярные изменения Росстатом и МВД (ФМС) РФ порядка учета постоянной миграции населения как минимум в 2006 г., в 2011 г., в 2019 г. приводили к резкому увеличению миграционного прироста. По скромной грубой оценке за 2011 - 2019 гг. вследствие включения в постоянную миграцию временных мигрантов, пребывающих в России более 9 месяцев, к постоянному населению страны было добавлено порядка 1 млн. постоянных жителей. Если не брать и их во внимание, то численность населения России без Крыма и переписных прибавок была бы равна на начало 2020 г. 140,0 млн. человек, или на 8,5 млн. человек меньше, чем в начале 1992 г. и на 6,7 млн. человек меньше, чем «статус-кво». Таким образом, всеми «праведными» путями численность населения постсоветской России за 28 лет сократилось всего на 1,8 млн. человек.

---

[40]Все показатели без сносок рассчитаны по данным Росстата: [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://gks.ru/

При этом численность населения одного «полюса» страны - трёх столичных территорий (г. Москва плюс Московская область, г. Санкт-Петербург плюс Ленинградская область, Краснодарский край плюс Республика Адыгея) с 1 января 1992 года до 1 января 2020 года выросла с 27,7 до 33,8 млн. человек, или на 6,1 млн. человек. Этот рост шёл за счет постоянной миграции, на ¾ - межрегиональной (плюс 5,7 млн. человек); поправок двумя переписями населения (плюс 3,8 млн. человек); естественной убыли населения (минус 3,4 млн. человек). Доля шести субъектов РФ в населении России без учета Крыма выросла за 28 лет с 17% до 23%.

Напротив, численность населения другого «полюса» страны - девяти территорий Дальнего Востока (до прибавки к ним Республики Бурятия и Забайкальского края в конце 2018 г.) с 1января 1992 года до 1 января 2020 года сократилась с 8,0 до 6,1 млн. человек. Это сокращение шло за счёт миграционной убыли (1,3 млн. человек), естественной убыли (0,2 млн. человек) и поправок двумя переписями населения (минус 0,4 млн. человек). Доля девяти регионов Дальнего Востока в населении России без учета Крыма сократилась за 28 лет с 5,3% до 4,3%.

До развала СССР Дальний Восток активно заселялся, прежде всего, россиянами. Доля численности его населения в населении России с конца 1960-х годов до начала 1992 года выросла с 5,7 млн. человек[41] до 8,0 млн. человек. Но всё, что было достигнуто в позднее советское время, - в постсоветское время было сведено «на нет» рыночной экономикой.

Попытки властей в последние годы восстановить численность населения Дальнего Востока, к сожалению, малоэффективны. Ситуация в макрорегионе улучшается, помимо точечных социально-экономических шагов, с помощью статистических приёмов и административно-территориальных преобразований. Опуская детали можно констатировать, что до тех пор, пока будет продолжаться геополитически вредная сверх-концентрация населения слабозаселенной России в трёх первых мегаполисах европейской части страны, «оживить» Дальний Восток России не получится. Основной источник этого повторного заселения, прежде всего, внутри страны. Это - межрегиональная миграция [2]. А россияне не поедут без достаточной социально - экономической мотивации в регионы со столь слабо развитой инфраструктурой, неустойчивым климатом и природными катаклизмами.

Список литературы

1. Миграционные процессы в России. Под ред. В.В.Локосова и Л.Л. Рыбаковского. Москва, Экон-информ, 2014.383 с.

[41]Народное хозяйство СССР за 70 лет» юбилейный статистический ежегодник / Государственный комитет СССР по статистике. - Москва: Финансы и статистика, 1987. 765 с.

2. Рыбаковский О.Л. Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году//Народонаселение. 2020. № 1. С.53-66.
3. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Реализация концепции демографической политики России в области постоянной миграции населения // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 34-41.

УДК 314.14

Садвокасова Айгуль Какимбековна
заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований МИОР РК, доктор социологических наук, г. Нур-Султан, Республика Казахстан
Сагынбаева Аяулым Зарылкановна
главный менеджер Департамента анализа этнодемографического развития Института прикладных этнополитических исследований МИОР РК, магистр демографии, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Этнодемографические процессы в современном Казахстане: вызовы и перспективы

Аннотация. *Целью работы является оценка текущей демографической, в том числе этнодемографической ситуации в Республике Казахстан за последнее десятилетие. В статье проанализирована динамика численности населения, рождаемости и смертности, а также миграции населения этносов Казахстана. Выбраны для анализа этнорсы, которые имеют удельный вес в этнической структуре населения Казахстана более 1%. Источником информации являются данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.*

Ключевые слова: *демография, этнодемография, Республика Казахстан, рождаемость, смертность, миграция, этносы.*

Этническая структура Республики Казахстан сложилась по итогам исторических событий, которые имели место быть последние несколько столетий. В Республике Казахстан по итогам Национальной переписи населения 2009 года проживает 125 наций и народностей[i]. Демографическое развитие в стране напрямую зависит от особенностей демографического поведения каждого этноса, которые дают разнообразие и неоднородность одних и тех же процессов в разрезе этносов и регионов Казахстана.

В нашей стране этнодемографические процессы были сформированы как под влиянием демографической и миграционной политики СССР, так и под влиянием социально-культурных и религиозных особенностей этнического развития. Все эти особенности в последние несколько десятков лет претерпели изменения под воздействием глобальных демографических

вызовов и первого, и второго демографического переходов, которые получают развитие во всем мире.

В Казахстане численность населения **за период 2010-2019 гг**. выросла на 15%, в большей степени за счет роста городского населения (+24%), чем сельского (+4,2%). Всего за этот период численность населения страны увеличилась на 2,43 млн. человек, в том числе за счет сельского населения – на 310 тыс. человек, городского – на 2,12 млн. человек (Рисунок 1).

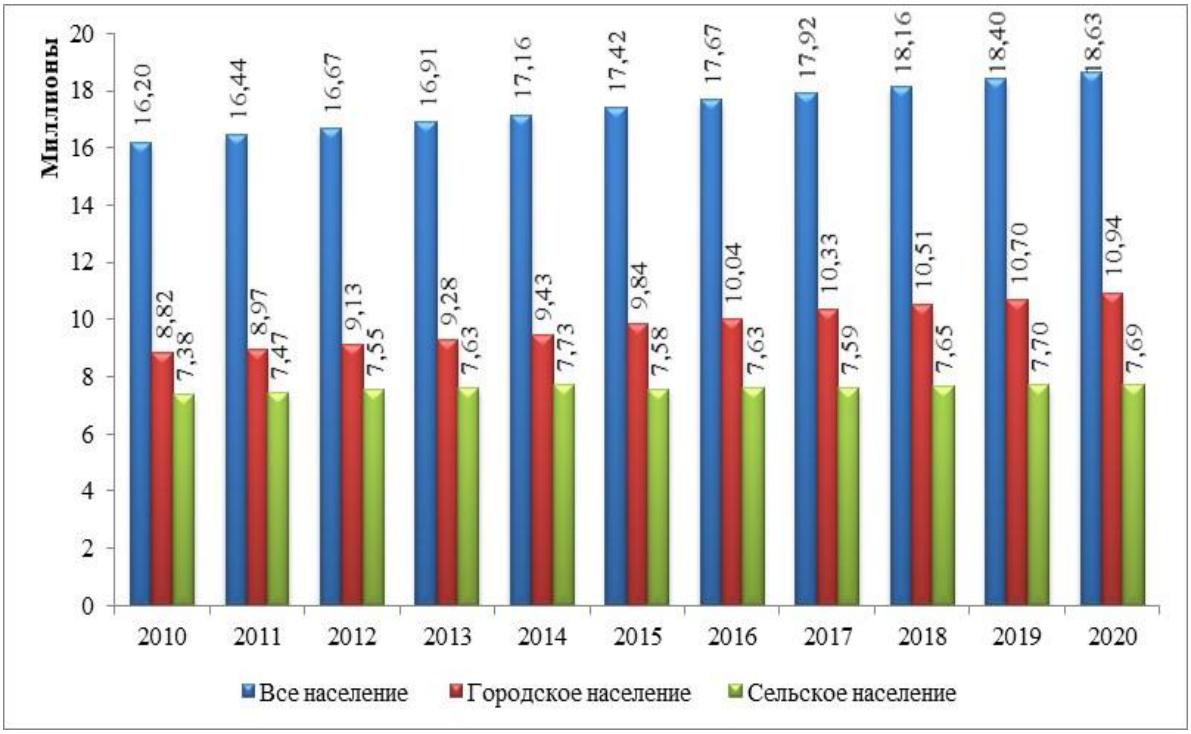

Рисунок 1- Динамика численности населения Республики Казахстан по типу местности, на начало года, человек

Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Рост численности населения в городской местности обусловлено как факторами естественного прироста, так и за счет административно-территориальных преобразований. 74 сельских населенных пункта (СНП) были включены в состав города Алматы (29 СНП, был образован новый восьмой район - Наурызбайский), в состав города Шымкент (43 СНП), Атырау (1 СНП) и Усть-Каменогорск (1 СНП). Южно-Казахстанская область была разделена и ее население перераспределено между Туркестанской областью и г.Шымкент.

Численность населения изменяется по двум компонентам: естественное воспроизводство (разница между числом рождений и смертей) и сальдо миграции населения (разница между прибывшими и выбывшими). В Казахстане естественный прирост имеет положительное значение и перекрывает отрицательное миграционное сальдо последних лет.

В Казахстане до 2012 года численность населения увеличивалась как за счет естественного прироста, так и за счет положительного сальдо миграции. Однако, с 2012 года сальдо миграции стало отрицательным (-1426 человек) и год за годом наблюдается увеличение значения данного показателя, которое

привело к тому, что естественное воспроизводство населения стало единственной причиной увеличения численности населения страны. Поэтому отрицательное сальдо миграции населения, которая имеет место быть с 2012 года хоть и снижает общий прирост, но в целом для Казахстане не приводит к депопуляции. Темпы естественного прироста сложились примерно на одном уровнем, имеются лишь небольшие колебания. Постоянный рост отрицательного сальдо миграции населения приводит соответсвенно к снижению общего прироста населения (Рисунок 2).

Рисунок 2- Динамика компонентов численности населения, человек
Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Этнический состав населения регионов был сформирован под влиянием миграционных процессов в прошлом: депортаций и добровольной миграции населения после обретения независимости.

В период существования СССР прибывшие этносы и коренное население регионов страны сформировали полиэтничную структуру населения современного Казахстана. Распад Советского Союза, обретение независимости и возможности возвращения на историческую родину различных этносов, а также тяжелая экономическая ситуация в стране были причинами высокого оттока из страны немцев, поляков, русских, украинцев, белорусов, евреев в девяностые годы прошлого века.

Этнический состав населения, после всех изменений, на сегодняшний день выглядит следующим образом (на начало 2020 года):

- этносы, имеющие удельный вес в общей численности населения более 1% (казахи (68,5%), русские (18,9), узбеки (3,2%), украинцы (1,4%), уйгуры (1,5%), татары (1,1%).
- относительно многочисленные этносы, составляющие менее 1% населения страны (немцы (0,9%), турки, корейцы и азербайджанцы по 0,6%).
- на долю оставшихся этносов приходится 2,7% населения (Рисунок 3).

Увеличение численности населения в Казахстане обусловлено значительным приростом численности азиатских этносов и народов Кавказа. Численность казахов в 2019 году по сравнению с 2018 годом увеличилась на

2,1%. Наибольший рост по сравнению с предыдущим годом был отмечен у таджиков (2,8%), дунган (2,8%), узбеков (2,4) и азербайджанцев (2,0%). Основной причиной роста азиатских этносов является высокая рождаемость, которая обусловлена традициями и обычаями, поддерживающими большие многодетные семьи.

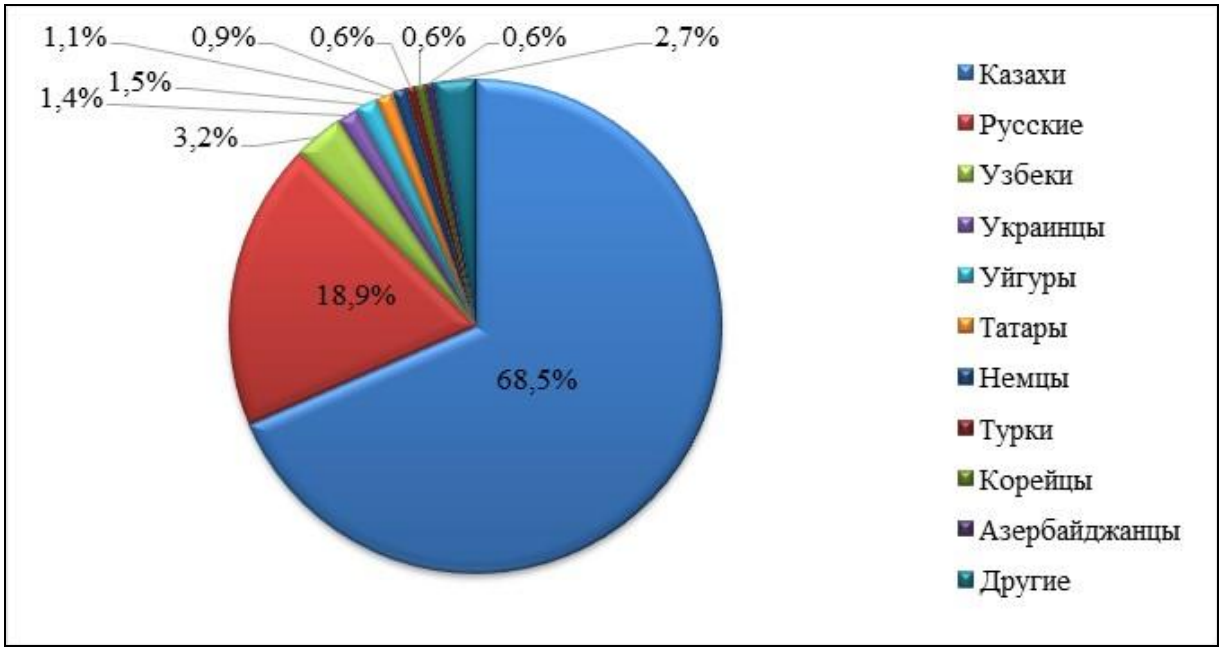

Рисунок 3- Этническая структура населения Казахстана, начало 2020г., %
Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Положительный прирост численности ниже республиканского уровня отмечен у чеченцев (0,6%), корейцев (0,1%) и других этносов (1,0%).

В прошлом году, как и предыдущих годах, отмечается депопуляция среди европейских этносов. Численность русских за год снизилась на 1,1%. Наибольшее снижение численности населения наблюдается у украинцев (на 2,6%), поляков (на 2,4%) и белорусов (на 2,3%). Также депопуляция наблюдается у немцев (на 1,1%) и татар (на 0,5%) (Таблица 1).

Данные по возрастной структуре этносов формировалась Комитетом по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан последний раз в 2013 году по итогам 2012 года. Данные по возрастной структуре этносов будет представлен по имеющимся данным за 2012 год.

В целом тенденция увеличения среднего и медианного возрастов населения затронула все этносы. Анализ этих индикаторов показывает, что у азиатских этносов значения ниже, чем у европейских. Обычно средний возраст населения выше, чем медианный возраст, так как на значения этих показателей влияет возрастная структура, медианный возраст делит население равномерно на две половины, число людей младше этого возраста, и число людей старше этого возраста. Средний возраст населения Казахстана на начало 2013 года составлял 31,5 лет, медианный – 29,0 лет. Для украинцев медианный возраст оказался выше, чем средний возраст, что может быть связано с диспропорцией в распределении населения по

возрастам и высоким уровнем старения населения у этого этноса: средний и медианный возраста у украинцев 43,1 лет и 45,1 лет соответственно, что является самым высоким показателем по сравнению с другими этносами. У казахов средний возраст увеличился по сравнению с 2009 годом на 0,5 лет и составил на начало 2013 года 28,9 лет, медианный возраст увеличился на 0,8 лет и составил 26,4 года. У русских медианный возраст составил 37,1 лет и по сравнению с 2009 годом увеличился на 0,7 лет. Самым молодым этносом являются узбеки, медианный возраст у которых составил 23,8 года, средний возраст – 26,6 лет. Также медианный и средний возраст уйгур ниже республиканского значения и по итогам 2012 года составил 27,8 лет и 30,2 года соответственно. Немцы имеют средний возраст 33,2 года и медианный возраст 31,2 года (Рисунок 4).

Таблица 1 Динамика численности основных этносов, 2014-2020гг. на начало года, человек

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2020/ 2019, %
Все население	17160855	17415715	17669896	17918214	18157337	18395567	18631779	101,3
Казахи	11244217	11495988	11747506	12000610	12250305	12505251	12764821	102,1
Русские	3685814	3666401	3645198	3619002	3588686	3553232	3512925	98,9
Узбеки	521188	534851	548746	563103	576817	590993	605137	102,4
Украинцы	301415	295420	289740	283738	277514	270916	263962	97,4
Уйгуры	246759	251478	256268	261048	265497	270096	274509	101,6
Татары	203146	202980	202943	202542	202121	201492	200545	99,5
Немцы	181941	181948	181769	180774	179476	178029	176107	98,9
Турки	104771	106340	107919	109394	110713	112107	113421	101,2
Азербайджанцы	98629	101026	103492	105789	108030	110341	112547	102,0
Корейцы	105414	106283	107175	107681	108177	108396	108551	100,1
Дунгане	61995	64085	66170	68252	70283	72361	74409	102,8
Белорусы	60312	59069	58072	56994	55943	54690	53440	97,7
Таджики	42157	43363	44744	46001	47331	48749	50121	102,8
Курды	42296	43087	43941	44768	45551	46348	47153	101,7
Чеченцы	32248	32508	32698	32894	33160	33318	33507	100,6
Поляки	32667	32255,0	31934	31516	31106	30456	29728	97,6
Другие этносы	195886	198633	201581	204108	206627	208792	210896	101,0

Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Плотность расселения этносов напрямую зависит от представленности этого этноса в общей численности населения.

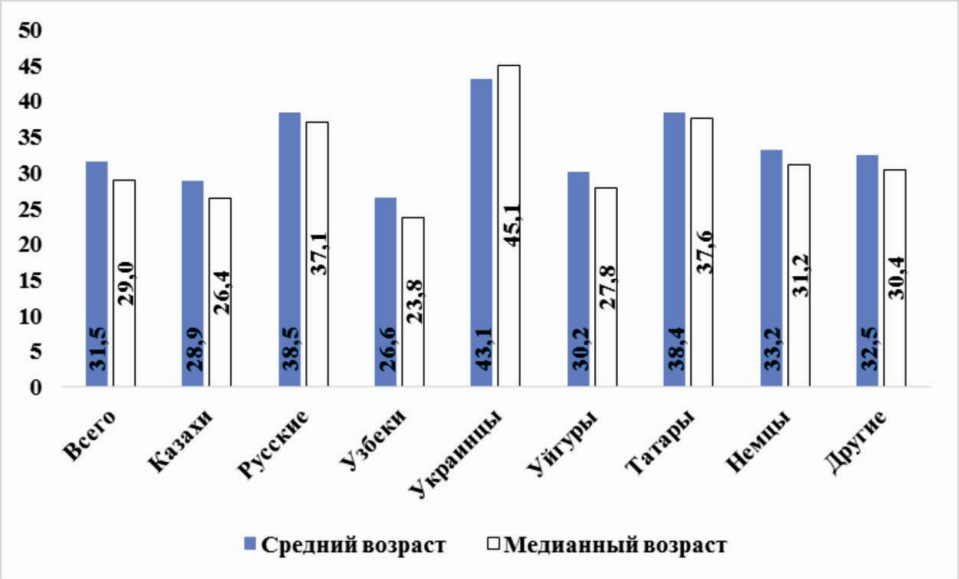

Рисунок 4- Средний и медианный возраст этносов Казахстана на начало 2013 года, лет

Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Наибольшая концентрация этносов или доля представленности в каждом регионе является одним из важных показателей для оценки межэтнической ситуации. Доля отдельных этносов регионов в Республике Казахстан на начало 2020 года представлена в таблице 2.2.3.

Казахи. Наибольшая доля казахов проживает в Туркестанской (12%), Алматинской (11,7%) областях, в городах Алматы и Нур-Султан (9,2% и 9,1% соответственно). Наименьшая часть казахов проживает в Северо-Казахстанской области 1,5%.

Исторически сложилось, что наибольшая доля *европейских этносов* (русские, украинцы, белорусы, поляки, немцы) на начало 2020 года проживали в северо-восточных и центральных регионах Казахстана.

Русские. Наибольшая доля русских на начало 2020 года проживала в Восточно-Казахстанской области - 13,9%, Карагандинской области – 13,7%, г.Алматы – 13,3%, Костанайской области – 10,1%, Алматинской области – 7,7%. Наименьшая доля в Кызылординской – 0,4% и Атырауской областях – 0,9%.

Украинцы больше всего проживают в Костанайской (26,6%), Карагандинской (14,8%), Павлодарской (11,9%), Акмолинской (11,8%) и Северо-Казахстанской (8,4%) областях. Меньше всего проживает в Кызылординской (0,1%), Туркестанской и Атырауской областях (по 0,1%).

Поляки в основном проживают в Северо-Казахстанской (37,3%), Акмолинской (25,4%), Карагандинской областях (11,4%) и г.Нур-Султан (9,1%).

Белорусы. Основными регионами расселения этого этноса являются: Костанайская (23,6%), Карагандинская (19,7%), Акмолинская (18,0%) области. Также они проживают в Северо-Казахстанской (9,9%), Павлодарской (7,9%) областях и г. Нур-Султан (7,6%).

Немцы. После активной эмиграции 1990-х годов (продолжающейся, но с более низкими темпами и в нынешнее время) «поредевшие» немцы проживают в следующих областях: Карагандинская (17,9%), Костанайская (15,3%), Акмолинская (14,6%), Павлодарская (11,4%), Северо-Казахстанская (11,1%) и Восточно-Казахстанская (7,1%).

Азиатские этносы и народы Кавказа, не считая казахов и татар, которые расселены разрозненно по всей территории республики, в основном проживают в южной и юго-восточной части Казахстана.

Узбеки. В связи с приграничным расположением Узбекистана с бывшей Южно-Казахстанской областью наибольшая концентрация узбеков приходится на город Шымкент - 30,4% и Туркестанскую область (57%). При этом исторически сложилась наименьшая представленность этого этноса в северо-восточных, центральных и западных регионах страны. Так, наименьшая доля узбеков проживает в Западно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областях (по 0,1% от общей численности узбеков, которые проживают на территории Казахстана). Является этносом, который на территории Казахстана имеет места компактного проживания.

Уйгуры. 95,8% представителей этого этноса проживают в г. Алматы (37,8%) и Алматинской области (58,0%). В Алматинской области есть одноименный регион. Проживают компактно и образуют анклавы.

Дунгане. Один из компактно проживающих на территории Жамбылской области этносов. 95,1% представителей этого этноса проживают в Жамбылской области и г. Алматы (80,3% и 14,8% соответственно).

Таджики. 82,4% представителей этого этноса проживают в Туркестанской области (75,1%) и г. Алматы (7,3%).

Татары - этнос, который имеет дисперсное расселение во всех регионах Казахстана. Больше всего татар проживают в следующих регионах: г. Алматы (12,5%), Карагандинской (15,2%), Восточно-Казахстанской (8,0%) и Костанайской (7,9%) областях.

Корейцы также, как и татары проживают дисперсно. Больше всего корейцев проживают в г. Алматы – 32,0%, Алматинской – 13,6% и Карагандинской– 11,9% областях.

Турки - один из компактно проживающих этносов. В основном проживают в южных регионах Казахстана. 33,4% турок проживают в Алматинской области, 30,6% - в Жамбылской, 14,7% - в Туркестанской и 8,7% - в г. Алматы.

Курды. Основная доля курдов проживают на тех же территориях, что и турки. 33,1% проживают в Жамбылской области, 32,3% - в Алматинской, 14,2% - в Туркестанской и 8,7% - в г.Алматы.

Азербайджанцы больше всего проживают также в южных регионах Казахстана. Так в Туркестанской области проживают 16,6% азербайджанцев, 16,1% - в г. Шымкент, в Алматинской области – 15,1%, в г. Алматы – 12,4% и Жамбылской области – 11,4%. Всего в этих регионах проживает 71,6% всех азербайджанцев Казахстана.

Чеченцы. Большая доля чеченцев проживает как в юго-восточной части Казахстана, так и в северных регионах. Самый большой удельный вес представителей этого этноса расселен в Алматинской области (17,5%), Карагандинской области (16,6%), Акмолинской области (10,0%) и в г. Алматы (8,9%).

Рождаемость. В настоящее время одним из положительных сдвигов в демографическом развитии Казахстана является рост рождаемости и сохранение ее высокого уровня в последние 20 лет. В связи с экономическим кризисом после распада СССР рождаемость в Казахстане упала и наблюдался рост смертности. За последние 30 лет самая низкая рождаемость была зарегистрирована в 1999 году. Если на заре независимости, в 1991 году было зарегистрировано 353,2 тыс. родившихся, то в 1999 году всего 217,6 тыс. (снижение на 40%), а общий коэффициент рождаемости (ОКР) упал с 21,5 до 14,6 рождений на 1000 человек.

С наступлением нового тысячелетия начался постепенный рост рождаемости, который продолжился до 2016 года после которого пошло постепенное снижение показателей рождаемости. С 2003 по 2008 годы число родившихся ежегодно росло в среднем на 21,6 тыс. человек. Сравнивая рождаемость 2008 года с рождаемостью 2002 годом, можно увидеть значительную положительную динамику, так, число рождений увеличилось на 57% или на 124 тыс. человек. Этот период ОКР вырос с 15,3 до 22,8 рождений на 1000 человек (увеличение на 48,8%).

Темп роста рождаемости начал немного снижаться с начала 2009 года и вплоть до 2016 года. Рост абсолютного показателя рождаемости составлял 12,5%, а ежегодное число рождений на 1000 человек в 2016 незначительно снизилось, если сравнивать с 2008 годом. Показатели ОКР в 2014 году достигли отметки 23,1 рождений на 1000 человек и тем самым стали рекордными в истории независимого Казахстана, оставив позади за собой результат, который держался на уровне 22,1 рождений на 1000 человек в 2008 году. Самое высокое число родившихся зафиксировано в 2016 году, когда на свет появились 400,7 тыс. детей, хотя ОКР в этом году был ниже, чем в 2014 году. Можно заметить, что после высокого роста рождаемости, 2017 год характеризовался резким снижением абсолютных и относительных показателей рождаемости, и затем в 2018 году наблюдается незначительное улучшение и увеличение показателей. В 2019 году на свет появилось на 2296 младенцев больше чем в 2018 году (Рисунок 6).

Показатели рождаемости в ближайшие годы будут снижаться, основной причиной этому будет вступление в репродуктивный возраст относительно малочисленного поколения конца 1990-х. Кроме того это поколение уже будет с другими репродуктивными установками и жизненными позициями, ожидается дальнейшее смещение рождений на более старшие возрастные группы женщин, вдобавок идет вступление в возраст старше 35 лет, когда рожают мало детей, поколения «беби-бума» второй половины 80-х годов.

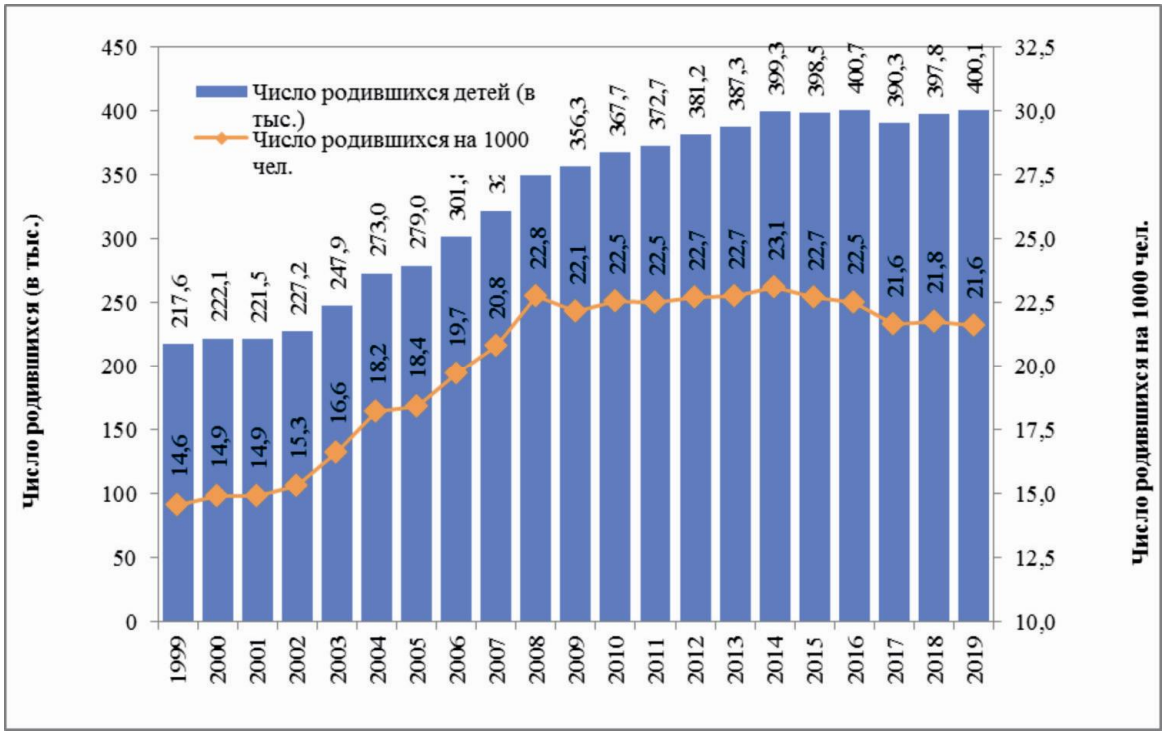

Рисунок 6- Динамика рождаемости в Казахстане, 1999-2019 гг.
Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Этническая дифференциация рождаемости. Этничность в стране является неотъемлемым фактором, влияющим особенности демографического поведения. По результатам большого количества исследований, этническая дифференциация свойственна для всех демографических процессов.

Современный этнический состав Казахстана всегда славился большим разнообразием этносов, ставшим результатом сложных этнокультурных, демографических и политических процессов. Наряду с другими проблемами народонаселения, в нашей стране также особенное внимание уделяют влиянию этнической составляющей на воспроизводство населения. Как и многим полиэтническим странам, для Казахстана также свойственны этнические различия рождаемости. Они отражают как своеобразие культуры и брачно-семейных отношений, так и неровность демографического перехода у разных этносов в силу особенностей исторического развития. И по сей день этнические различия в рождаемости остаются одним из важных параметров демографического развития Казахстана.

Стоит отдельно подчеркнуть тот факт, что в 90-е годы XX века, в особенности в первой их половине, этнодемографические процессы как правило определялись внешней миграцией. Сейчас же показатели этнодемографического развития в основном зависят от факторов естественного прироста, в первую очередь, от репродуктивных установок населения.

Рождаемость в разрезе этносов в период 2009-2019 годы развивалась по-разному в зависимости от изменений репродуктивных установок этносов. В таблице указаны показатели по этносам по данным на 2019 год. Отдельно

стоит выделить, что в 2019 году родилось больше детей, чем в 2009 году у таких восточных (азиатских) этнических групп, как: казахи, узбеки, уйгуры и др. В сравнении с 2009 годом, в 2019 году у казашек родилось на 22,7% больше детей, а у узбекских и уйгурских женщин больше на 18,6% и 6,9% соответственно. Самый высокий рост рождаемости можно увидеть у таджиков, у них число родившихся выросло на 42,6%. Стоит отметить, что в основном наибольшие абсолютные показатели в рождаемости были зафиксированы в предыдущие годы. Почти во всех европейских этносах идёт ежегодное снижение появившихся на свет детей. Сравнивая 2009 год с 2019 годом, можно увидеть, что наибольшее снижение идёт у следующих этносов: у немцев (на 33,3%), русских (на 28,3%), украинцев (на 25,8%), поляков (на 25,4%), корейцев (на 24,7%), белорусов (на 23,5%) (Таблица 2).

Таблица 2- Число рождений, этносы, 2009-2019 гг., человек

	2009	2016	2017	2018	2019	измен. к 2009 году		измен. к 2019 году	
						в чел.	в %	в чел.	в %
Все этносы	356 261	400 694	390 262	397 799	400 095	43 834	2,3	2 296	0,58
Казахи	256 714	306 115	300 807	309 735	315 082	58 368	22,7	5 347	1,73
Русские	48 839	42 356	38 970	37 406	35 030	-13 809	-28,3	-2 376	-6,35
Узбеки	14 219	16 689	16 145	16 660	16 867	2 648	18,6	207	1,24
Украинцы	5 054	4 339	4 042	3 972	3 751	-1 303	-25,8	-221	-5,56
Уйгуры	5 709	6 250	6 102	6 220	6 103	394	6,9	-117	-1,88
Татары	3 313	3 264	3 176	3 094	2927	-386	-11,7	-167	-5,40
Немцы	4 718	3 882	3 684	3 515	3145	-1 573	-33,3	-370	-10,53
Турки	1 557	1 722	1 594	1 636	1587	30	1,9	-49	-3,00
Корейцы	1 754	1 545	1 543	1 343	1321	-433	-24,7	-22	-1,64
Азербай-джанцы	2 857	2 948	2 826	2 840	2835	-22	-0,8	-5	-0,18
Дунгане	2 185	2 297	2 229	2 324	2279	94	4,3	-45	-1,94
Белорусы	1 034	901	876	810	791	-243	-23,5	-19	-2,35
Таджики	987	1281	1323	1377	1407	420	42,6	30	2,18
Курды	1 035	1 034	1 025	1 040	1031	-4	-0,4	-9	-0,87
Чеченцы	637	529	525	511	535	-102	-16,0	24	4,70
Поляки	539	456	431	373	402	-137	-25,4	29	7,77
Другие	5 110	5 086	4 964	4 943	5 002	-108	-2,1	59	1,19

Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Наибольший вклад в число рождений вносят казахи. Отчётливо это можно увидеть в 2009 году, когда доля детей, рожденных казашками, составляла 72,1%, а уже в 2019 году их доля увеличилась до 78,7% (Рисунок 7). Вклад русских в рождаемость ежегодно снижается, с 13,7% до 8,75%. Отдельно хочется выделить крупные этносы, доля которых уменьшилась за исследуемый период, а это украинцы с 1,4% до 0,93%, немцы с 1,3% до 0,78%. А вот наиболее стабильные результаты закрепились у узбеков и

уйгур, их доля остается практически на одном уровне, 4,21% и 1,52% соответственно в 2019 году.

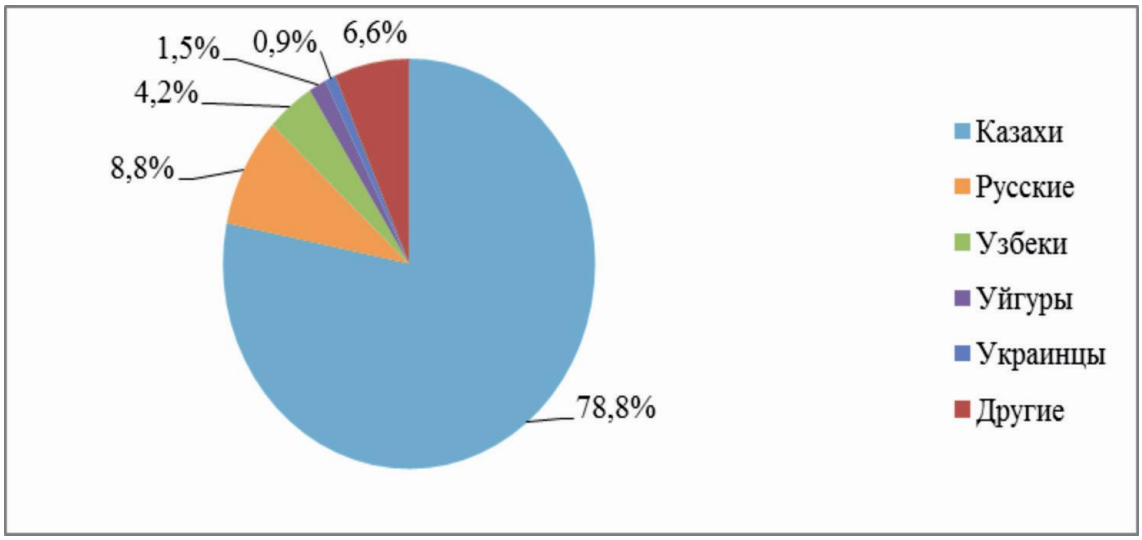

Рисунок 7- Удельный вес родившихся по этносам, 2019 г., %
Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Смертность. После распада СССР и на заре получения независимости Казахстана в начале 90-х годах показатель смертности вырос и оставался на высоком уровне вплоть до 2007 года (Рисунок 8). Только с начала 2008 года наблюдается снижение общего коэффициента смертности, также заметно снизился и абсолютный показатель. В последствие такого ежегодного снижения, в 2019 году число умерших на 1000 человек составило 7,2 и по сравнению с 2007 годом (10,2 умерших на 1000 человек) уменьшилось на 29,5%. Число умерших уменьшилось со 158,3 тыс. человек в 2007 году до 133,1 тыс. человек в 2019 году.

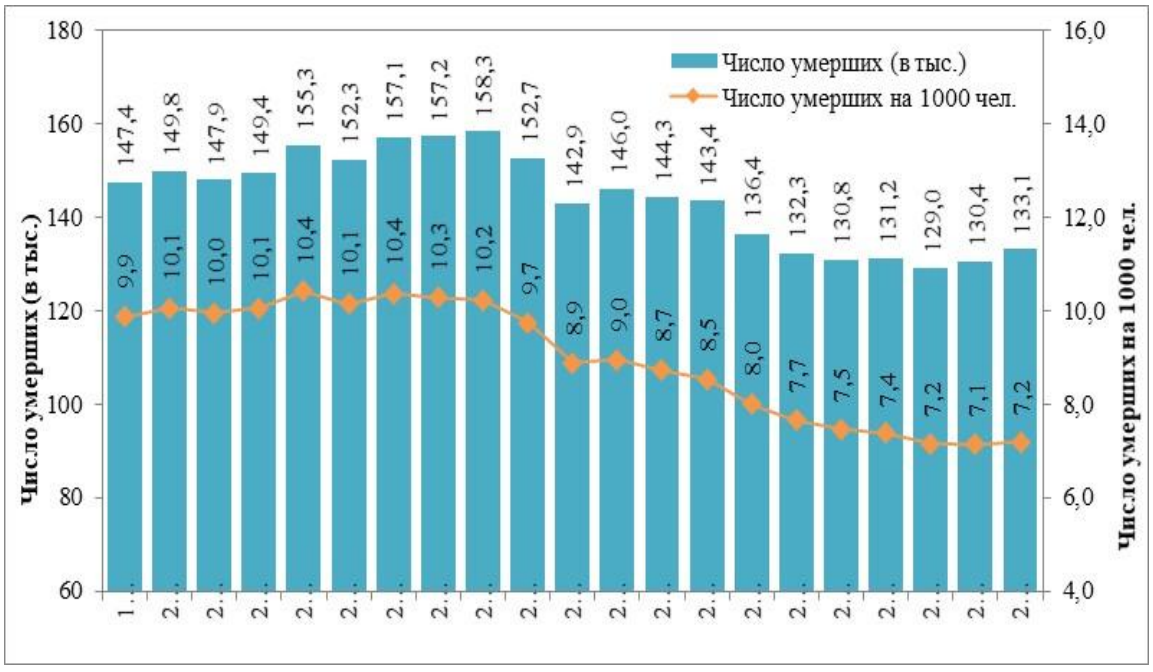

Рисунок 8- Динамика смертности, Казахстан, 1999-2019 гг. на 1000 человек
Источник: Комитет по статистике МНЭ

Беря во внимание тот факт, что Казахстан является полиэтнической страной, с большой долей определенных этносов в регионах, уровень смертности этносов может влиять на региональные особенности уровня смертности.

Среди азиатских этносов в 2019 году, которые проживают на территории Казахстана, имеют относительно высокий уровень смертности татары (14,8 на 1000 человек), корейцы (10,1 на 1000 человек). Ниже среднего значения по РК общий коэффициент смертности у уйгуров (6,2 на 1000 человек), дунган (3,4 на 1000 человек), казахов (4,9 на 1000 человек), узбеков (4,7 на 1000 человек), и таджиков (4,8 на 1000 человек) (Рисунок 9).

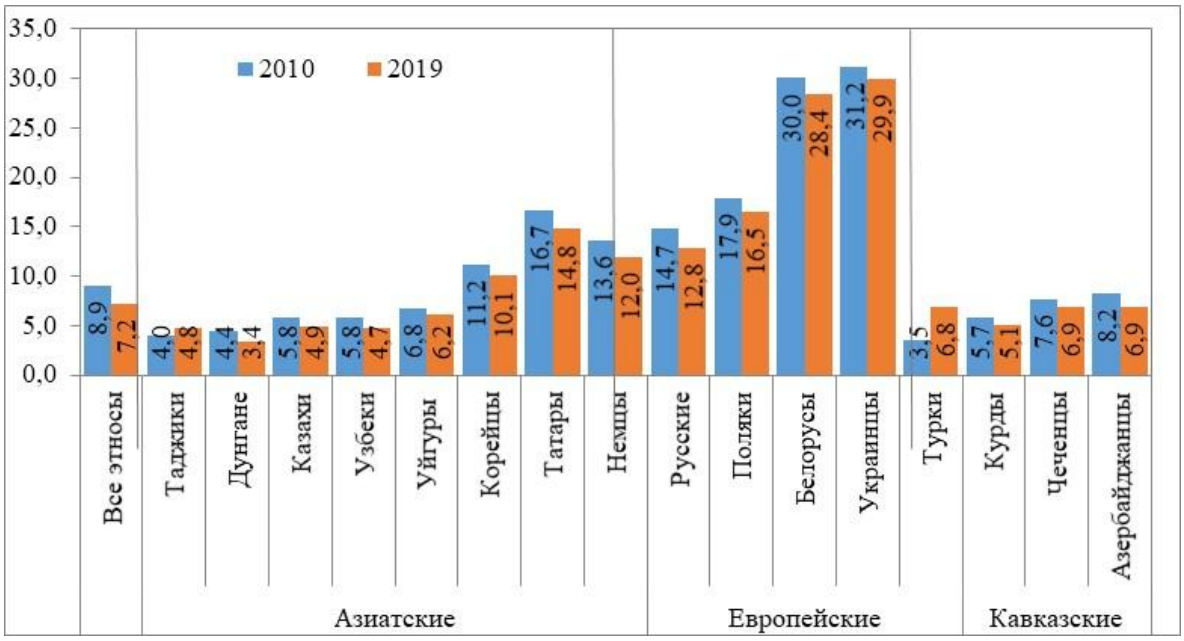

Рисунок 9- Общий коэффициент смертности (на 1000 человек), этносы, 2010 и 2019гг.

Источник: Комитет по статистике МНЭ

Среди всех этносов самый высокий уровень смертности принадлежит двум европейским национальностям – украинцам (29,9 на 1000 человек) и белорусам (28,4 на 1000 человек). С большим отрывом от них идут следующие национальности – поляки (ОКС -16,5 на 1000 человек), русские (12,8 на 1000 человек) и немцы (12,0 на 1000 человек) (Рисунок 3.3.5).

Если не брать в расчёт высокие показатели смертности у корейцев и татар, то у кавказских этносов уровень смертности чуть выше, чем у азиатских этносов. Самый высокий уровень смертности в этой группе этносов у азербайджанцев (6,9 на 1000 человек) и у чеченцев (6,9 на 1000 человек). Самый низкий показатель смертности у курдов (5,1 на 1000 человек). В 2019 году общий коэффициент смертности снизился у всех этносов на 19,6% по сравнению с 2010 годом.

Миграция населения. Посредством миграции населения меняется не только половозрастная и этническая структуры населения, но и качество человеческого капитала. В зависимости от интенсивности направления миграционных потоков и от профессионального/образовательного уровня и

уровня здоровья, социокультурного развития мигрантов меняется облик мест их прибытия и убытия.

Миграция оказывает большое влияние на динамику численности и структуры населения, состояние рынка труда. Высокая миграционная мобильность населения является необходимым условием устойчивого социально - экономического развития. В регулировании численности рабочей силы возрастает роль миграционной составляющей, которая более оперативно реагирует на запросы рынка труда, чем инерционные процессы естественного движения населения. Безопасное и устойчивое развитие любой страны зависит не только от динамики политических, экономических, социальных и экологических процессов, но и от динамики демографического развития, в частности, от динамики миграционных процессов, поскольку население страны представляет, как цель, так и фактор развития. Для развития населения на национальном уровне играет роль только внешняя миграция населения, так как на численность и состав населения влияют перемещения через границы страны.

В целом за все годы независимости отмечается активное выбытие европейских этносов, в том числе русских, немцев, украинцев, поляков и белорусов. В 2010 г. наибольшее число выбывших приходилось на русских (18,7 тыс. человек) и сохраняется тенденция к ежегодному увеличению эмиграции. По итогам 2019 года из страны выбыло 32,8 тыс. русских или 72,5% от всех эмигрантов. Далее по числу эмигрантов следуют немцы - 3 149 человек (7,0%), и украинцы 2 988 человек (6,6%). Из всех выбывших за пределы Казахстана в 2019 году 4,8% составили казахи, 2,3% - татары, 1,4% - поляки, 1,2% - белорусы и 4,1% - другие этносы (Рисунок 4.2.).

При этом следует отметить, что наблюдается рост удельного веса казахов среди эмигрантов по сравнению с прошедшим годом на 0,4 п.п.; у русских остался на том же уровне, что и в прошлом году; снизилась доля немцев на 0,4 п.п.; удельный вес уезжающих поляков увеличился на 0,1 п.п.

По итогам 2019 года, как и в предыдущие годы иммиграцию в Казахстан в основном производят казахи, русские, узбеки, украинцы, азербайджанцы, немцы, таджики, корейцы, татары и турки. 57,4% от всех иммигрантов 2019 года составляли казахи, 21,6% - русские, 2,3% - узбеки, 2,0% - украинцы, 1,9% азербайджанцы, 1,6% - немцы, 1,4% - таджики, 1,3% - корейцы, 1,2% - татары.

Снижение иммиграционных потоков связано в основном с тем, что в 2019 году по сравнению с 2018 годом снизилась иммиграционная активность во всех этносах, кроме казахов. При этом наблюдается ежегодное снижение темпов иммиграции казахов. Это может быть также связано с тем, что эмиграционная емкость стран выбытия постепенно иссякает, и казахов, желающих переехать на историческую родину становится все меньше и меньше, так как удельный вес пожилого населения в зарубежных диаспорах более привязанного к историческим корням, чем молодое поколение снижается. А этническая идентификация для молодежи является менее привлекательной причиной для эмиграции диаспоры.

Эмиграция населения страны в 2019 году по сравнению с 2018 годом увеличилась на 8,0%, а по сравнению с 2009 годом на 33,1%, при этом в разрезе этносов динамика имеет большую дифференциацию.

Традционно эмиграционные настроения и эмиграционную активность показывают европейские этносы, такие как русские, немцы, украинцы, поляки, белорусы, которые в основном переезжают в страны СНГ. Однако, за последнее десятилетие наблюдается рост эмиграции таких азиатских этносов как дунгане, узбеки, уйгуры, турки.

Эмиграция казахов в 2019 году по сравнению с 2018 годом увеличилась на 8,0%, по сравнению с 2009 годом - на 33,1%.

Среди азиатских этносов (кроме казахов) следует отметить эмиграцию дунган, уйгуров и узбеков, интенсивность которых в последние 10 лет увеличивается.

Так в 2019 году у дунган эмиграция по сравнению с 2009 годом увеличилась в 2 раза, однако по сравнению с предыдущим годом снизилась на 28% и составила 18 человек. Эмиграция уйгуров по сравнению с 2009 годом увеличилась на 87%, а с 2018 годом – на 26,5%. Увеличение эмиграционных потоков среди узбеков по сравнению с 2009 и 2018 годами было на 103,4% и 26,0% соответственно.

Увеличение эмиграции среди европейских этносов за последние 10 лет наблюдается у русских на 39,7% (по сравнению с прошлым годом на 8,1%), украинцев на 10,1% (8,5%), немцев на 47,8% (2,3%) и поляков на 87,9% (16,8%).

Снижение эмиграционных потоков за последние 10 лет отмечено у следующих этносов: курдов на 66,3%, чеченцев на 61,5%, таджиков на 38,7%, азербайджанцев на 32,3%, белорусов на 1,6% и корейцев на 0,8%.

В 2019 году по сравнению с предыдущим годом наблюдается снижение эмиграционных потоков у курдов на 20%, чеченцев на 14,0% и корейцев на 1,7%.

По итогам 2019 года отрицательное сальдо миграции наблюдается в основном среди европейских этносов. Всего миграционных потерь было 32,0 тыс. человек, что на 4,0 тыс. человек больше чем в 2018 году.

При этом наибольшие потери численности населения за счет миграции в 2019 году наблюдается у русских – 33,0 тыс. человек (по сравнению с 2018 годом больше на 2,7 тыс.человек), немцев – 3,0 тыс.человек (больше на 85 человек) и украинцев – 2,7 тыс. человек, (больше на 354 человека) и поляков – 632 человека (больше на 119 человек).

Положительное миграционное сальдо по итогам 2019 года было зафиксировано у казахов (4,9 тыс. человек), узбеков (44 человека), турков (75 человек), азербайджанцев (133 человека), дунган (11 человек), таджиков (158 человек) и курдов (7 человек). Однако, учитывая межэтнические конфликты на юге страны в начале 2020 года, ожидается рост отрицательного миграционного сальдо у дунган, курдов и узбеков по итогам текущего года (Таблица 3).

Таблица 3- Внешняя миграция этносов в Республике Казахстан, 2009г., 2018г., 2019г., человек

	2009			2018			2019		
	Сальдо	Иммигранты	Эмигранты	Сальдо	Иммигранты	Эмигранты	Сальдо	Иммигранты	Эмигранты
Всего	7526	41511	33985	-29121	12747	41868	-45225	12255	45225
Казахи	28445	30152	1707	4881	6744	1863	-2173	7033	2173
Русские	-17436	6016	23452	-27382	2947	30329	-32773	2645	32773
Узбеки	360	479	119	146	338	192	-242	286	242
Украинцы	-2101	614	2715	-2386	369	2755	-2988	248	2988
Уйгуры	85	108	23	1	35	34	-43	33	43
Татары	-450	433	883	-830	156	986	-1058	144	1058
Немцы	-1696	435	2131	-2873	204	3077	-3149	191	3149
Турки	262	278	16	99	128	29	-39	114	39
Корейцы	259	499	240	-44	198	242	-238	162	238
Азербай-джанцы	264	419	155	241	331	90	-105	238	105
Дунгане	38	44	6	16	41	25	-18	29	18
Белорусы	-450	116	566	-452	62	514	-557	49	557
Таджики	107	138	31	194	210	16	-19	177	19
Курды	-36	47	83	2	37	35	-28	35	28
Чеченцы	-263	119	382	-123	48	171	-147	30	147
Поляки	-279	69	348	-513	47	560	-654	22	654
Другие	417	1545	1128	-98	852	950	-994	819	994

Источник: Комитет по статистике МНЭ РК

Подводя итоги оценки этнодемографических процессов в Казахстана следует отметить, что в целом тенденции развития демографических процессов напрямую зависит от особенностей демографического поведения этносов и особенностей возрастной структуры этносов. Так, для более традиционных азиатских этносов, таких как узбеки, уйгуры и дунгане характерны высокий уровень рождаемости и низкий уровень смертности, и они менее подвержены эмиграционным движениям по сравнению с европейским этносами, что в конечном итоге приводит к бурному росту их численности. В целом, казахи в силу своей многочисленности и высокой представленности в численности населения задают тренды в этнодемографических процессах. Европейские же этносы из-за активных эмиграционных потоков, а также из-за высокого уровня смертности и низкого уровня рождаемости, обусловливаемых «стареющей» возрастной структурой этносов, имеют тенденции к сокращению своей численности на территории Казахстана.

УДК 304
Чигрин Виктор Александрович
д. соц. н., профессор, научный руководитель, главный научный сотрудник
Крымский филиал ФНИСЦ РАН, г. Симферополь, Россия
Чигрина Наталья Викторовна
к.соц.н., доцент, научный сотрудник Крымский филиал ФНИСЦ РАН, г. Симферополь, Россия

Геополитические и геокультурные факторы развития Республики Крым

Аннотация. *Крымский полуостров, население которого в 2014 году воссоединилось в результате Референдума с Российской Федерацией, представляет особую актуальность, как в аспекте его геополитического положения, так и в аспекте геокультурных особенностей крымского социума. Изучение этих особенностей, анализ динамики происходящих изменений и представляют цель данной статьи, написанной на основе ряда репрезентативных исследований, проведенных авторами в 2015-2020 гг. В статье характеризуются особенности крымского социума, остающиеся за рамками исследований общероссийских социологических центров – экономические, политические, в том числе – геополитические, этноконфессиональные. Результаты исследований получили свое воплощение в ряде реальных действий органов государственной власти полуострова и позволяют формировать направления внутренней политики региона.*

Ключевые слова: *полиэтнический социум, референдум, социальная аномия, политический конфликт, украинизация, историческая память.*

Выступая на Всероссийском молодежном форуме «Селигер-2014» Президент России Владимир Владимирович Путин заметил: «Проблема, связанная с признанием Крыма, думаю, … будет решаться долго…». И мы должны понимать, что это признание должно произойти не только в дипломатическом плане. Оно должно произойти в умах и сердцах населения Крыма, а также в головах тех политиков страны которых составляют геополитическое окружение полуострова. И это признание должно учитывать излагаемые ниже особенности факторов геополитического и геокультурного развития Республики Крым.

Во-первых, Крым является одним из наиболее населенных регионов, с традиционно развитыми отраслями производства, сельского хозяйства, а также такими специфическими отраслями, как мореходство, рыболовство и рыбообработка, туризм, санаторно-курортное обслуживание, а также обладает сложной социальной инфраструктурой, весьма чувствительной к кризисным явлениям. Подрыв линии электропередач на подступах к Крыму, перекрытие Северо-крымского канала, осложнившее ситуацию с водоснабжением Крыма, продовольственная блокада, многочисленные санкции в отношении Крыма и

крымчан – все эти недружественные акции Украины и ее западных союзников приводят к огромному количеству социальных проблем.

Естественно, осмысление этих проблем разными территориальными и социально-профессиональными группами населения, их перевод в сферу повседневных и инновационных социальных практик не является, да и не может быть единообразным и, естественно, по-разному проявляется в практиках политических и электоральных.

Во-вторых, к геокультурным проблемам полуострова, безусловно, относится проблема взаимодействия культур, языков, конфессий, которой, как показывает практика, украинские власти не озаботились в должной мере за все 23 года «независимости». В результате мы сталкиваемся с тем, что в некоторых основных этнических группах населения Крыма имеются политически активные элементы, выступающие с крайне националистических позиций, и видящие целью превращение своего народа в главный этнос полуострова. Здесь наш анализ свидетельствует об активном включении в этот процесс факторов исторической памяти, неоднозначной у разных этносов Крыма и их внутренних составляющих [1].

Здесь, по данным этнографов [2], проживают представители более 125 разных этносов. Доминируют три этнические группы: русские, украинцы и крымские татары. Причем, по данным последней украинской переписи 2001 года русские составляли 1 млн. 180 441 человек, украинцы – 492 227 чел., крымские татары – 243 433 человека. Таким образом, главной особенностью крымского социума является его полиэтническое многообразие. Кроме того, все три доминирующие группы расселены дисперсно. Первые две из них – русские и украинцы – не имеют четко выраженных мест компактного проживания и в основном равномерно распределены по территории полуострова. Численность русских в Крыму всегда значительно превышала количество украинцев. Около 50% от общей численности русских Крыма и большинство украинцев – около 70% – не родились на полуострове и, по сути, являются укоренившимися здесь мигрантами.

В-третьих, это не преодоленное в полной мере состояние социальной напряженности, обусловленное ущербной социальной политикой украинского государства, причинами которой могут стать недостаточный рост производства, разбалансированность поселенческой и расселенческой системы региона.

Но можно ли характеризовать все эти особенности термином «сегодня»? Отнюдь, нет. Начиная с 1954 года с момента вхождения Крыма в состав Украины, власти Украинской ССР настойчиво пытались административно-командным путем внедрить здесь украинские языковые и культурные стандарты. Однако их усилия не привели к существенной украинизации. Скорее, сами украинские переселенцы оказались в поле более сильного русскокультурного влияния.

Это утверждение подтверждают наши исследования, проводившиеся в Крыму еще в 2005 году. Мы фиксировали уже тогда, на пике «оранжевой революции», желание крымчан образовать либо межгосударственный союз с

Россией и Белоруссией (39,1%), либо возродить с ними единое государство (29,3%). Эта тенденция сохранялась и в последующие годы, отражая особенности ментальности большинства крымчан, которые в большинстве своем утверждали, что с детства в их семьях именно Россия рассматривалась как доминантная составляющая миропонимания.

Исследования, проведенные нами в Крыму и Севастополе в 2012 и 2013 гг., показали сохраняющееся стремление значительной части населения Крыма к воссоединению с Россией. Это стремление к осени 2013 года вылилось в проективную готовность едва ли не половины крымчан воссоединиться с Россией.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, для Крыма лучше…» (N=2750)

Суждения респондентов исследования	Процент ответов
Войти в состав Российской Федерации, несмотря на обострение обстановки	48,9

Отметим, что накануне распада Советского Союза возникла Автономная Республика Крым. Она входила в состав Украины, но имела свою конституцию и законы. В 1993 году появился даже свой президент. Однако эта должность не просуществовала долго. Верховная Рада в 1995 году издала ряд указов, существенно сузив суверенитет республики. В это же время была ликвидирована выборная должность президента. После этого произошло множество событий:

- менялся статус автономного образования;
- изменялась конституция Крыма;
- подвергался изменению государственный язык;
- отменялись и вводились новые должности в руководстве полуострова;
- изменялся кадровый состав руководящей элиты.

Все это продолжалось до известных событий 2014 года в Украине.

Шесть лет назад в Украине произошло смещение законно избранного президента В. Януковича. В результате «революции Достоинства», а на деле – государственного переворота к власти пришло новое правительство, которое стало проводить политику отличную даже от политики предшественников, которые постоянно стремились украинизировать Крым, сталкивая между собой основные этносы Крыма.

Но крымское население не согласилось с существующим положением вещей, и 16.03.14 года был проведен второй республиканский референдум о выходе из-под юрисдикции Украины и присоединении АРК к России. В ходе народного референдума 97% населения полуострова проголосовало за отделение от Украины. Российская Федерация пошла навстречу просьбам жителей полуострова и включила республику в свой состав.

После объявления результатов референдума 18.03.14 года началась новая история полуострова, как субъекта РФ. После этого появился День воссоединения Крыма с Россией, который стал праздником и выходным

днем. 21.03.14 Президентом России был подписан закон о ратификации договора между РФ и Крымом, и состоялось формальное включение полуострова в состав нашей страны. В рамках законодательства был подписан договор, предусматривающий переходный период до 01.01.15. В течение этого времени урегулировались экономические, финансовые, правовые, кредитные вопросы вхождения республики в состав Российской Федерации. При этом, как показывают данные опросов, проведенных коллективом Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в 2018-2020 гг.[3], во все эти процессы активно включились представители практически всех этносов, проживающих в Крыму.

Заметим, что на формирование этнического климата региона зачастую влияют геополитические процессы, обусловленные (как мы видим из истории на примере Крыма) интересом к данному региону не только того государства, частью которого является регион, но и пограничных государств и даже интересом представителей дальнего зарубежья. Крым вынес на себе огромную долю исторических событий, участниками которых были, как и немногочисленные народы, так и мировые державы, решавшие свои проблемы на просторах полуострова. Тем не менее, несмотря на это влияние, практически все этносы полуострова включились в процесс формирования новой общероссийской идентичности.

С другой стороны, представители крымско-татарского, украинского, российского и других этносов, формирующих полиэтнический социум Крыма, особенно молодежь, представляют и воплощают в своих социальных практиках принципиально иную модель менталитета, которую можно определить формулой «Мы – крымчане». Здесь наш анализ свидетельствует об активном включении в этот процесс факторов качественно иной исторической памяти, чем та, которую пыталась насаждать на полуострове Украина [4].

Сегодня рассуждения о кризисе в Украине или, более жестко, о кризисе Украины как государства приобрели всеобщий характер. Ученые, политики, журналисты многих стран мира говорят об экономическом, политическом, идеологическом кризисе, характеризуя данную проблему с позиций последних, «постмайдановских» событий, приведших к войне, геополитическим изменениям, частью которых является воссоединение Крыма с Россией.

Можно ли в этих условиях надеяться на взвешенную, адекватную оценку к воссоединению Крыма с Россией?

Думается, что нам сегодня с высот своего благополучия не стоит обвинять украинского обывателя в том, что он не рвется встречать нас с распростертыми объятиями. Те же зажиточные днепропетровцы, которые все праздники проводили в Крыму, а сегодня боятся не самой поездки, а ее возможных последствий. Те же запорожцы и мелитопольцы, которые зарабатывали, торгуя на дороге в Крым, сегодня реально потеряли свои заработки. Те же полтавчане, которые отправляли в Крым молокопродукты, а сегодня вынуждены остановить производство.

И все они вместе взятые завидуют крымчанам в плане зарплат и пенсий, в плане коммунальных тарифов, в плане уверенности в завтрашнем дне. И все это потеряно для них практически навсегда.

Таким образом, подводя итоги, следует констатировать, что, несмотря на непрекращающиеся попытки соседей Крыма дестабилизировать ситуацию на полуострове, полиэтнический социум Крыма последовательно включается в процесс его становления как части российского общества.

Список литературы

1. Чигрин В.А. Харабуга В.В. Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества. - Вестник института социологии. Сетевое издание. – 2015. № 4 (15). – С. 24-34

2. Народы_Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krymology.info/index.php/ (Дата обращения 19.03.2020).

3. Архив документов Крымского филиала ФНИСЦ РАН. Папки 2018-2020 гг.

4. Чигрин В.А., Чигрина Н.В. Ситуация с этнокультурным содержанием образования в Республике Крым в оценках экспертов// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 2 (68). 2016. № 4. С. 56–66.

УДК 314.146

Широкалова Галина Сергеевна
д. социол. н., профессор, ведущий научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории изучения мировых и региональных социальных процессов, г. Н. Новгород, Россия

Человек. С зачатия или рождения?

Аннотация. *В медицинской науке и общественном мнении существуют две парадигмы: первая - «человеческое существо до рождения - не человек» и вторая - «человеческое существо до рождения - ребенок до рождения». Практическое значение каждой из них проявляется в отношении к прерыванию беременности по социальным, медицинским и иным показаниям. В статье анализируются результаты социологических исследований по данной проблеме.*

Ключевые слова: *рождаемость, аборты, общественное мнение, ребенок, социология*

Свое «Послание-2020» Президент РФ В.В. Путин начал с анализа демографической ситуации: «Судьба России, её историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет…». Демографический кризис нашел отражение и в поправках к ст.ст. 67, 72 и 114 Конституции РФ, принятых в

июле 2020 г. Ст. 67 объявляет детей «важнейшим приоритетом государственной политики России». Не является ли это сигналом к изменению законодательства об абортах? Возможно. «Вернувшийся» в 2016 г. «русский крест» актуализировал анализ демографических процессов с позиций многих наук. Особенно часто подчеркивались проблемы уменьшения населения России, диспропорции в рождаемости и смертности ее народов, брачности, увеличения доли мигрантов, влекущее изменение цивилизационного кода страны и др. Все они в той или иной степени связаны с законодательством, регулирующим аборты и отношением к ним общества.

Законодательство об абортах менялось во всех странах в большей степени в зависимости от общегосударственных задач и общественного мнения, формировавшегося вплоть до постиндустриального общества на основе религиозных догм. Необходимость увеличить численность населения СССР для достижения политических целей стала одной из причин запрета прерывания беременности не по медицинским показаниям для впервые забеременевших женщин с 1926 по 1930 гг., а с 1936 по 1955 г. для всех, причем нарушение закона влекло уголовное наказание. Одновременно государство брало на себя обязательства ликвидации причин прерывания беременности. Одним постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. вводились запрет абортов, с одной стороны, и увеличение материальной помощи роженицам, государственной помощи многосемейным, расширение сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усиление уголовного наказания за неплатеж алиментов и изменение в законодательство о разводах, с другой. От ситуации в стране зависели и сроки, при которых разрешался аборт.

В 1987 г. в условиях перехода к рынку, отказа государства от социальных обязательств и начавшегося «перестроечного кризиса» искусственно прерывать беременность разрешили на сроках до 28 недель, если для этого имелись социальные показания: инвалидность 1–2-й групп у мужа, смерть мужа во время беременности жены, расторжение брака, пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы, наличие решения суда о лишении или ограничении родительских прав, многодетность, беременность в результате изнасилования. В 1996 году предельный срок для искусственного прерывания беременности был сокращен, согласно нормам ВОЗ с 28 до 22 недель, но расширен перечень социальных показаний: статус беженца или переселенца, безработица, отсутствие жилья, доход семьи ниже прожиточного минимума, установленного законом [8].

«Русский крест», возникший в 1992 г., в конце концов, заставил власть задуматься о сохранении контроля над территорией России, соотношением трудоспособного/нетрудоспособного населения, семье как главном институте социализации и формирования национального менталитета. При сохранении рождаемости и смертности, которые были в РСФСР, население России должно было быть к 2020 г. более 177 млн человек, т.е. за три

десятка лет РФ потеряла более 30 млн, что можно характеризовать как демографический коллапс [6]. По расчетам И.А. Гундарова к 2100 году мигранты и их потомки составят большинство в населении РФ. О неизбежности перспективы новой идентичности в связи с миграцией и падением рождаемости русских заявлял и Н. Шмелев, директор Института Европы РАН [5].

Осознание этих фактов актуализировало вопросы семейной политики и отношения к прерыванию беременности в XXI веке. Одним из инструментов решения этих проблем может стать ограничение абортов. В июне 2013 г. фракция ЛДПР и Дмитрий Энтео (Дмитрий Сергеевич Цорионов, руководитель движения «Божья воля») провели в Госдуме "круглый стол", посвященный проблеме абортов. Не секрет, что одна из социальных ролей Жириновского и его фракции диагностика реакции населения на будущие инициативы правительства. Ученые, юристы, представители церкви обратились к президенту и депутатам с предложением считать днем рождения человека день его зачатия и, соответственно, запретить аборты [14].

Проводились и социологические замеры на эту тему. В ноябре 2013 г., согласно данным «Левада-центра», 17% респондентов поддержало идею уголовного преследования женщин, делающих аборты, и врачей, прерывающих беременность искусственным путем. Менее трети заявили, что разрешение на аборты должно выдаваться только при определенных обстоятельствах. 67% против вмешательства государства в регулирование абортов, но 47% не против усиления роли церкви в принятии законов о семье [9].

Осенью 2013 г. Общественное движение «За жизнь», тесно сотрудничающее с РПЦ, начало сбор подписей за запрет абортов. 27 сентября 2016 г. Патриарх Кирилл встретился с его членами, представителями движения «Православные добровольцы» и поставил подпись под Обращением, согласованным с Патриаршей комиссией по вопросам семьи, защиты материнства и детства. Обращение включало в себя следующие призывы: «Мы, граждане Российской Федерации, выступаем за прекращение существующей в нашей стране практики легального убийства детей до рождения и требуем внесения в законодательство изменений, направленных на:

- Признание за зачатым ребенком статуса человеческого существа, жизнь, здоровье и благополучие которого должны быть защищены законом.
- Запрет хирургических и медикаментозных прерываний беременности.
- Запрет противозачаточных средств с абортивным действием.
- Запрет вспомогательных репродуктивных технологий, неотъемлемой составляющей которых является унижение человеческого достоинства и убийство детей, находящихся на начальных этапах эмбрионального развития.
- Оказание из федерального бюджета материальной помощи беременным женщинам и семьям с детьми на уровне не менее прожиточного минимума» [15]. Правда, позиция патриарха по поводу абортов до конца не

выяснена: пресс-секретарь патриарха заявил, что в обращении говорится не о полном запрете абортов, а об их выводе из системы ОМС. Однако в тексте на сайте Московского патриархата приводится текст согласованного обращения, в котором не упоминается система ОМС, а говорится именно о запрете абортов. Верховный муфтий России и глава Центрального духовного управления мусульман Талгат Таджуддин поддержал позицию патриарха Кирилла [11].

В ноябре 2017 г. более 1 млн 200 тысяч подписей было передано в администрацию президента. На инициативу отреагировали многие чиновники. Убийством назвали аборт В. Матвиенко и министр здравоохранения В. Скворцова. Поддержали запрет абортов уполномоченный при президенте по правам ребенка А. Кузнецова, президент Чечни Р. Кадыров [4].

Параллельно было проведено еще несколько социологических опросов. В октябре 2016 г. ВЦИОМ зафиксировал, что только 4% считают аборты недопустимыми ни при каких обстоятельствах. Основаниями прерывания беременности могут быть угроза здоровью и жизни женщины (60%), сексуальное насилие (46%), бедность (37%), несовершеннолетие (26%), наличие трех и более детей (22%). 28% считали, что женщина имеет право на аборт по любой причине. 70% против исключения абортов из системы ОМС [1]. В 2018 г. ВЦИОМ повторил опрос. Аборт назвали частным делом, в которое государство не должно вмешиваться 55% [12].

В июле 2017 г. глава Росздравнадзора заявил, что в обществе надо формировать нетерпимость к операциям по искусственному прерыванию беременности, но для избежания криминализации этих операций право выбора было оставлено за женщинами. Параллельно вводилиось обязательное консультирование женщины и соблюдение паузы между первым приемом и непосредственно самой процедурой по прерыванию беременности, отдельная статья в КоАП за нарушение данного регламента медицинским работником, требование получения дополнительных лицензий медучреждениями для проведения абортов [13].

В 2018 г. Движение «За жизнь» опросило 29 тыс. респондентов в 8 федеральных округах РФ. И хотя выборка не соответствует по ряду показателей генеральной совокупности, распределение ответов фиксирует приоритеты общественного мнения. Приведем ответы на основные вопросы, позволяющие требовать принципиального изменения российского законодательства: жизнь начинается с момента зачатия - 57%, с момента рождения - 23,9%. 79,7% согласны, что «аборт – это убийство». Но, когда респонденты начинают понимать цель исследования, доля поддерживающих запрет абортов уменьшается: инициативу законодательной защиты жизни человека с момента зачатия поддержало – 47,9%, против – 22,5%, затруднились с ответом - 28,5%. Авторы подчеркивают, что их результаты «разительно разошлись с результатами опросов разных лет ВЦИОМ и Левада-центра, согласно которым лишь от 2 до 18% россиян поддерживают запрет абортов» [10]. На наш взгляд, причина несовпадений в разной методике опроса.

Вопросы Движения «За жизнь» выстроены так, что они психологически «подводят» респондентов к нужному ответу: защитим ребенка. Но одно дело «защита», включающая в себя набор материальных, медицинских, социальных факторов – другое одобрение аборта, если этих факторов нет.

В тоже время не будем отрицать, что общественное мнение, судя по опросам, изменяется, но скорее благодаря увеличению возможностей предохранения от беременности. Согласно исследованию Левада-Центра, проведенного в 2018 г., искусственное прерывание беременности, даже если семья имеет очень низкий доход и не может себе позволить иметь больше детей, считают предосудительным 37% женщин и 31% мужчин, что в 3 раза больше, чем в 1998 г. По данным Российского общества акушеров-гинекологов за последние 25 лет в России в восемь раз снизилось число абортов — до 600 тыс. в год благодаря экономической поддержке государством семей с детьми, создание центров по поддержке беременных женщин в сложной ситуации, развитие контрацепции и просветительская работа о вреде искусственного прерывания беременности. Директор Независимого института семьи и демографии И. Белобородов добавляет к этому списку мер просветительскую работу Русской православной церкви [2]. Наш опрос студентов зафиксировал неоднозначное отношение к аборту даже в том случае, когда во время беременности установлена болезнь плода [16].

Пандемия потребовала экономии средств, в том числе в социальной сфере, и дала повод актуализировать проблему абортов. В мае 2020 г. Русская православная церковь выступила за введение моратория на проведение абортов во время пандемии коронавируса, ссылаясь на возможность заражения матери и врачей [3]. 29 мая 2019 г., ссылаясь в своем докладе за 2019 г. на самое высокое сокращение численности населения РФ за последние 11 лет, Уполномоченный при президенте по правам ребенка А.Ю. Кузнецова (жена священника РПЦ, возглавлявшая в Пензе фонд «Покров» по предотвращению абортов) предложила уменьшать финансирование медицинских учреждений пропорционально количеству сделанных абортов, поскольку «клиника должна быть заинтересована в сохранении ребенка, а не в оказании услуг по проведению искусственного прерывания беременности», и ограничить продажу в аптеках препаратов для прерывания беременности [7].

Перечисленные факты свидетельствуют о неизбежности изменения тренда от либерализма к религиозно одобряемым нормам в семейном законодательстве РФ.

Список литературы

1. Аборт: разрешить нельзя запретить // https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115920.

2. Беришвили Н. Осуждающих аборты россиян стало втрое больше//https://iz.ru/693266/nataliia-berishvili/osuzhdaiushchikh-aborty-rossiian-stalo-vtroe-bolshe. 11 января 2018.

3. В Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства предложили ввести мораторий на аборты в России на время пандемии коронавируса//https://iz.ru/1007157/2020-05-02/v-rptc-predlozhili-zapretit-aborty-na-vremia-pandemii-koronavirusa.

4. В России собрали более миллиона подписей за запрет абортов | ROMB //https://yandex.ru/video/preview/?filmId=17272468876397694206&reqid=1596367368614821-1770346032265216642100159-man2-6001&suggest_reqid=611917401155120121373733893949318&text=1200000+подписей+проти+абортов+передано+президенту. 21.11.2017.

5. Ваганов А. Мигранты берут реванш. 25.10.2006 // https://www.ng.ru/politics/2006-10-25/1_migranty.html.

6. Гундаров И. Что обусловило демографический коллапс в России? 22.01.2020// https://rus-lad.ru/news/i-gundarov-chto-obuslovilo-demograficheskiy-kollaps-v-rossii/.

7. Детский омбудсмен предложила ограничить продажу препаратов для прерывания беременности //https://novayagazeta.ru/news/2020/05/29/161880-detskiy-ombudsmen-predlozhila-ogranichit-prodazhu-preparatov-dlya-preryvaniya-beremennosti-i-sokratit-finansirovanie-provodyaschim-aborty-klinikam. 29 мая 2020.

8. История запретов и разрешений абортов в России. 29.02.2020 //https://ria.ru/20100803/261197627.html.

9. «Левада-центр»: 17% россиян выступают за уголовное преследование за аборты // https://www.kommersant.ru/doc/2225548. 03.07.2013.

10. Отношение россиян к абортам и жизни до рождения (Итоги всероссийского социологического опроса, апрель – сентябрь 2018 г.) // https://yadi.sk/i/DPtVKySfHPh0yQ

11. Патриарх Кирилл подписал обращение о запрете абортов в России https://www.bbc.com/russian/news-37490127. 2.09.2016.

12. Пьянство, грубость и обогащение за счет других подрывают моральные устои россиян // https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2600.

13. Росздравнадзор: в обществе надо формировать нетерпимость к абортам // https://iz.ru/603843/2017-06-08/roszdravnadzor-v-obshchestve-nado-formirovat-neterpimost-k-abortam. 8 июня 2017.

14. Сванидзе. «Усиление государственного вмешательства в личную жизнь играет знаковую роль» // https://www.kommersant.ru/doc/ 2208741.10.06.2013.

15. Святейший Патриарх Кирилл поставил подпись под Обращением граждан за запрет абортов http://www.patriarchia.ru/db/text/4625720.html. 27.09.2016 г.

16. Широкалова Г.С. Право на жизнь дать каждому?// Инвалиды – инвалидность – инвалидизация / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. С. 284 – 288.

СЕКЦИЯ 1
ВКЛАД УЧЕНЫХ В РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ, ДЕМОГРАФИИ И ГЕОДЕМОГРАФИИ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ, ДЕМОГРАФИИ И ГЕОДЕМОГРАФИИ

УДК 332.145

Антипин Иван Александрович
к.э.н., доцент, доцент кафедры региональной муниципальной экономики и управления, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург, Россия

Гуманизация среди направлений стратегического развития субъектов Российской Федерации[42]

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена возрастанием значимости стратегического подхода в Российской Федерации. Цель статьи заключается в обосновании необходимости применения гуманистического подхода при разработке стратегий социально-экономического развития. Исследование базируется на анализе стратегий социально-экономического развития и методик их формирования. Теоретическая ценность и практическая значимость статьи заключаются в доказательстве целесообразности гуманизации в стратегировании.*

Ключевые слова: *гуманизм, гуманизация, стратегическое планирование стратегия, регион*

Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина определены национальные цели развития страны на период до 2030 года:

- «сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- возможности для самореализации и развития талантов;
- комфортная и безопасная среда для жизни;
- достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- цифровая трансформация»[43].

Представленные национальные цели ориентированы на жителей страны, повышение благосостояния и улучшение качества жизни. Вместе с

[42] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00824 «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования».

[43] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012

тем, необходима разработка четких инструментов, механизмов и алгоритмов их достижения. Одним из таких инструментов является стратегическое планирование. Процессам стратегического планирования на современном этапе развития Российской Федерации характерны различные проблемы [2, 3]. Одной из их положительных особенностей является применение гуманистического подхода, то есть гуманизма и гуманизации.

В научной литературе существуют различные определения понятия «гуманизм», обратимся к некоторым из них.

Гуманизм – одна из характеристик общественного бытия и сознания, суть которой состоит в отношении человека к другим людям как к высшей ценности. [1]. Гуманизм – это выработанное человеком и идущее от человека к человеку светское, мирское, общегражданское мировоззрение, выражающее идею абсолютного достоинства личности, ее самостоятельность, самодостаточность и равноправие перед лицом общества и мира [1]. Гуманизм – *человечность,* осмысленная как фундаментальная ценность, независимо от сословной или иной групповой принадлежности человека. С точки зрения гуманизма человек для человека – высшая ценность. Человек ценен сам по себе, как таковой, уже в силу своего рождения. Жизнь человека священна [4].

Таким образом, гуманизм – это мировоззрение, которое провозглашает ценность человека, его право на счастье, развитие и проявление своих положительных способностей, на свободное и ответственное участие в жизни мира и общества. Гуманизму характерны такие отличительные особенности как человечность, милосердие, сострадание, доброта, ценность человека, мировоззрение, отношение к чему-либо (миру, жизни, обществу).

Рассмотрим некоторые трактовки термина «гуманизация».

Гуманизация – распространение в общественной, политической, международной и т. п. жизни взглядов, идей, проникнутых гуманизмом [5]. Гуманизация – распространение и утверждение в сфере общественной жизни идей, взглядов и убеждений, проникнутых гуманизмом [6]. Гуманизация – распространение и утверждение гуманистических принципов в какой-либо сфере общественной жизни [7].

Таким образом, гуманизация – это распространение и утверждение человечности, доброты и милосердия в общественной жизни (в социуме). Гуманизация провозглашает человека главной ценностью, что находит отражение и в стратегиях социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации – муниципальных образований, субъектов РФ, страны в целом.

Процессы стратегирования закреплены в положениях Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[44] (далее – ФЗ № 172-ФЗ). Однако в настоящее время в Российской Федерации не существует единых методических указаний

[44] О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/420204138

(единой методики, единых правил) по формированию стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней (от муниципального образования до страны в целом).

Согласно методическим рекомендациям по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации[45], в структуре стратегии должен быть предусмотрен раздел, содержащий основные направления развития человеческого капитала и социальной сферы, он может включать в себя основные направления, такие как, повышение уровня и качества жизни населения, демография и миграция, доходы населения, развитие рынка труда, занятость населения, система здравоохранения, система образования, культура, спорт, социальное обеспечение, обеспечение безопасности жизнедеятельности, работа с молодежью, жилищная сфера. Однако, не во всех субъектах Российской Федерации в стратегиях социально-экономического развития указанные приоритеты учтены в полной мере, что можно объяснить тем, что большая часть стратегий были разработаны и утверждены в более ранние сроки, чем названные методические рекомендации.

Несмотря на отсутствие методических рекомендаций в период разработки стратегии социально-экономического развития, некоторые субъекты Российской Федерации совершенно правильно определили направления своего стратегического развития. Например, в Стратегии социально-экономического развития Свердловской области до 2030 года[46] определено, что одной из целей социально-экономической политики Свердловской области является повышение качества жизни населения до уровня, представляющего Свердловскую область, как привлекательную для жизни и развития человека территорию. Один из приоритетов – «Новое качество жизни – создание конкурентных условий для накопления и сохранения человеческого потенциала».

В некоторых субъектах Российской Федерации имеются свои уникальные методические, особенности разработки стратегий социально-экономического развития. Например, в Белгородской, Самарской, Свердловской и Челябинской областях, Республиках Башкортостан и Татарстан, Краснодарском крае и в других регионах. Так или иначе, в стратегиях социально-экономического развития регионов присутствуют определенные признаки, характерные процессам гуманизации.

Более того, в некоторых субъектах Российской Федерации разработаны методики стратегирования развития муниципальных образований, расположенных на их территориях. Например, в Свердловской

[45] Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации: Приказ Министерства экономического развития РФ от 23 марта 2017 года № 132. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/456054578

[46] О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016 – 2030 годы: Закон Свердловской области от 21 декабря 2015 года № 151-ОЗ. Режим доступа: http://strategy2030.midural.ru/sites/default/files/files/zakon_no_151-oz.pdf

области в 2017 году были утверждены методические рекомендации по формированию стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на ее территории[47]. Одним из рекомендуемых стратегических направлений для каждого муниципального образования является «Развитие человеческого капитала», подразумевающее развитие и укрепление таких составляющих, как здравоохранение, образование, возможности самореализации, социальная защита, культура, физическая культура и спорт, молодежные организации, семья. Для каждой из составляющих определены показатели, характеризующие достижение целей, а также проекты, реализация которых необходима.

Также целесообразно, чтобы приоритеты гуманизации были учтены и в иных документах долгосрочного планирования. Например, в отраслевых стратегиях субъектов Российской Федерации. Представим результаты исследования двух отраслевых стратегий Свердловской области в части наличия в них признаков гуманизации.

Во-первых, Стратегия развития воспитания в Свердловской области до 2025 года (далее – Стратегия воспитания)[48]. Ориентирована на развитие социальных институтов воспитания, обновление воспитательного процесса на основе оптимального сочетания отечественных традиций, современного опыта, достижений научных школ, культурно-исторического, системно-деятельностного подхода к социальной ситуации развития ребенка.

Стратегическими направлениями Стратегии воспитания являются:

- приобщение детей к культурному наследию малой и большой родины;
- гражданско-патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности;
- духовно-нравственное воспитание детей на основе ценностей отечественной, мировой и региональной культуры;
- физическое развитие и формирование культуры здоровья;
- трудовое воспитание и профессиональное самоопределение;
- эстетическое воспитание на основе приобщения к классической и современной художественной культуре;
- семейное воспитание и его педагогическое сопровождение;
- расширение информационных ресурсов субъектов и организаций, занимающихся реализацией научно обоснованных программ воспитания детей и молодежи.

[47] О методических рекомендациях по разработке (актуализации) стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области: Постановление Правительства Свердловской области от 30 марта 2017 года № 208-ПП. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/543546931

[48] Об утверждении Стратегии развития воспитания в Свердловской области до 2025 года: Постановление Правительства Свердловской области от 7 декабря 2017 года № 900-ПП. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/446498752

Во-вторых, Стратегия развития здравоохранения Свердловской области до 2035 года (далее – Стратегия здравоохранения)[49], нацеленная на повышение доступности и качества медицинской помощи для жителей.

Приоритетами Стратегии здравоохранения являются:

- организация медицинской помощи (обеспечение доступности медицинской помощи);
- развитие инфраструктуры и технологии (модернизация и создание современной системы здравоохранения);
- развитие медицинских технологий и методов (обеспечение качества медицинской помощи всех видов и уровней);
- ликвидация кадрового дефицита и привлечение медицинских кадров (формирование системы непрерывного образования медицинских кадров, создание благоприятных условий для работы и развития).

Бесспорно, и Стратегия воспитания и Стратегия здравоохранения Свердловской области содержат в себе признаки гуманизации.

К настоящему времени экономисты, политологи, социологи, регионалисты и прочие исследователи разработали множество теорий, моделей и подходов к формированию стратегии социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней. Одной из отличительных особенностей стратегирования в Российской Федерации является определение человека как главной ценности развития страны в целом и ее регионов.

Список литературы

1. Борзенко И.М., Кувакин В.А., Кудишина А.А. Основы современного гуманизма. – М.: Российское гуманистическое общество, 2002. – 350 с.
2. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2 (256). С. 24 – 28.
3. Силин Я.П., Дворядкина Е.Б., Антипин И.А. Исследование приоритетов стратегического развития нового индустриального города // Управленец. – 2018. № 9. № 6. С. 2 – 16.
4. Алексейцев В. Движение за гуманизацию общества (тезисы) // Здравый смысл. – Октябрь 2011 № 4 (61) – март 2012 № 1 (62). Режим доступа: https://razumru.ru/humanism/journal2/61_62/alekseitsev.htm.
5. Словарь галлицизмов русского языка. Режим доступа: https://gufo.me/dict/gallicisms/гуманизация.
6. Толковый словарь Ефремовой. 2012. Режим доступа: https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/277252.html.
7. Энциклопедический словарь. 2009. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/103636/гуманизация.

[49] Об утверждении Стратегии развития здравоохранения Свердловской области до 2035 года: Постановление Правительства Свердловской области от 5 сентября 2019 года № 574-ПП. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/561521221

УДК: 911.375.227:312.921
Арпентьева Мариям Равильевна
д.псих.н., доцент, академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания,
педагог-психолог, Центр психологической, педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие»,
профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Демография и урбанизация

Аннотация. *Отношения современных людей в городской среде становятся все более сложными и запутанными. Это во многом связано и с тем, что сама урбанизация становится все более неоднозначной. Современная преимущественно урбанистическая форма территориальной и поселенческой подструктур организации сообществ России, стран бывшего СССР и мира в целом является результатом действия центробежных и центростремительных трендов переселения и расселения людей, а также иных демографических процессов, сопровождающих и стимулирующих переселения. Значимость дифференциации, осознанного структурирования и упорядочивания большого количества понятий, теорий и подходов к описанию процессов урбанизации и рурализации на фоне активных, в том числе так называемых «цифровых» (кочевнических) миграций большого и малого типа все более очевидна. Практики и теоретики, изучающие актуальные проблемы урбанизации и рурализации, межгрупповых отношений («коммуникаций») активно выстраивают интегративные модели и метамодели оптимизации взаимоотношений сообществ и людей разных половозрастных, профессиональных, экономических, этнических, национальных, религиозных и т.д. групп. Необходимость такого рода моделей и метамоделей связана с тем, что современный век - век мультикультурных сообществ, активнейших миграций и ждаже своеобразного возрождения кочевого образа жизни (в вид «цифрового кочевничества»). Урбанизацию можно рассматривать «как процесс, способствующий интеграции людей самых разных социальных сферах, взаимообогащению контактирующих сторон. Однако, ее можно рассматривать и как процесс и результат нивелирования, уничтожения культурных различий в результате м более или менее жесткого или мягкого, хаотичного или целенаправленного культуроцида населения и культурных групп и подгрупп. При этом сама урбанизация не носит однонаправленного характера: наряду с централизацией, происходит перераспределение самого городского населения или субурбанизация, возникают своеобразные объединения - структуры и подструктуры города (мегаполиса), сочетающие тенденции урбанизации и рурализации и т.д. Современный город сочетает процессы активного и постоянного перемешивания людей*

разных социальных групп, их культур, возникновения, трансформации и разрушения гибридных личностных и социальных (в том числе этнических, религиозных, половозрастных, семейных и трудовых и т.д.) идентичностей. Сами стратегии такого смешения являются «гибридными», что говорит о начале нового этапа развития человечества, связанного, в том числе, с решением задач постижения «всеобщей человечности» и развития культуры как общего основания человеческого бытия.

Ключевые слова: *урбанизация, межгрупповые отношения, демография, рефлексия, ценности, присвоение, обмен*

Введение. Современные модели отношений людей в городской среде становятся все более сложными и запутанными. Это во многом связано с тем, что процессы и результаты урбанизации в мире и в отдельных странах, включая Россию, Беларусь, иные страны бывшего СССР, становятся все более неоднозначными. Е.В. Соловьев отмечает, что «Современная конфигурация территориальной и поселенческой структуры общества является результатом действия центробежных и центростремительных тенденций расселения человечества». Как он полагает, «На ранних этапах истории преобладали центробежные силы, породившие такие масштабные исторические процессы, как Великое переселение народов, эпоху великих географических открытий и ее последствия, массовое заселение и освоение Сибири и Крайнего Севера, освоение Дикого Запада и множество других». Вместе с тем, после этапа интенсивной урбанизации и ее центробежного движения, человечество перешло к центростремительным процессам. Далее, вновь, «Человечество, рассеянное по необозримым более или менее пригодным для жизни пространствам, начинает вновь концентрироваться в отдельных крупных населенных пунктах». В итоге на периферии живет сейчас относительное меньшинство населения, основная часть населения концентрируется в городах [5, с.74]. Поэтому урбанизацию можно рассматривать как процесс и результат интеграции людей разных групп в самых различных социальных сферах, взаимного развития обогащению контактирующих сторон [5, с. 74-75]. Однако, сейчас не менее интенсивно происходит перераспределение городского населения или субурбанизация: территориальное перераспределение выглядит как рассредоточение вокруг городского ядра с образованием ряда концентрических колец (торгово-административный центр (city), традиционный центр города, состоящий преимущественно из устаревшего жилья (трущобы), новые («спальные») районы для «среднего класса» и дорогостоящие и максимально комфортабельные пригородные поселки и т.д.). «Мегаполисы и их агломерации начинают сливаться, образуя гигантские сплошь заселенные регионы, включающие в себя как «классические» городские, так и «классические» сельские населенные пункты». Примерами являются Босваш в США, Токайдо в Японии и т.д. [5, с.76]. Современные исследователи, работающие в сфере межгрпупповых отношений («коммуникаций») создают интегративные (мета)модели оптимизации взаимоотношений сообществ и

людей разных половозрастных, семейных и профессионально-трудовых, экономических, этнических, национальных, религиозных и т.д. групп. Необходимость таких (мета)моделей связана с тем, что современный век (age of mobility, world restructurization, globalization, ethnical and nomadical renaissances, evolution, co-evolution and involution) – век интеграции и дезинтеграции, глобализации и «реванша», повышенной мобильности, век отрицающих границы цифрового и традиционного номадизма и век жестоких сражений групп, народов, стран за постоянство границ в противоборстве с идеями глобализации и создания единого мирового государства – мирового цифрового концлагеря под названием «новый порядок». Это период, в который эволюционныне достижения и перевороты переплетаются с реакционными, дисгеническими и инволюционными деформациями, вплоть до восстановления рабовладельческих отношений и фашистской идеологии и практики, а также возникновения новых форм лишения человека его достоинства, прав и обязанностей человека, личной и социальной территории. Мы наблюдаем превращение болезненных состояний в нормальные, а нормальные в социально преследуемые и запрещенные: трансформируются и деформируются отношения полов и семейные отношения (что ведет к тотальной деструкции семьи), деформируются профессионально-трудовые отношения (псевдопрофессионализм и нормализация «текучести кадров» и поливариативной карьеры, нормализация коррупции и буллинга на рабочих местах) и т.д.

Основная часть исследования. В контексте уже давно развязанной, гибридной по своему характеру третьей мировой войны, многие страны и сообщества ищут ненасильственные и/или максимально неразрушительные способы выживания и построения взаимоотношений, особенно актуальные для городских сред, в которых скученность, разнообразие и противоречивость людей и их отношений выражены максимально. К вариантам поиска путей решения конфликтов, восполнения пробелов и сохранения продуктивных отношений между людьми в городских и иных сообществах относится и «мягкая сила» (soft power) миграций [16], и многочисленные мультикультурные и т.п. программы и проекты. Эти программы и связанные с ними миграционные процессы с середины и, особенно, с конца XX века все набирают интенсивность и разнообразие, вместе с ними умножаются и теории мультикультурных, мультигрупповых сообществ, типов культурных обменов /заимствований и типов миграций. Современные модели межгрупповых отношений становятся все более сложными и запутанными. Необходимость упорядочивания огромного количества понятий, теорий и подходов все более очевидна. Применяя модель развития межкультурной чувствительности (Developmental Model of Intercultural Sensitivity; DMIS) к формированию не межличностных, а межнациональных компетенций, можно описать процессы и результаты поступательного и «возвратного» освоения одной культурой ценностей моделей поведения, языка и представлений, бытующих в рамках другой

культуры [9]. В этом процессе обычно возникает новая личность или новая группа, новая культура: сознательно и избирательно интегрирующей в себе элементы различных культур [9].

Одна из ранних моделей межкультурных отношений – модель культурной диффузии: ее создают антропогеографическая школа Ф. Ратцеля, школа «культурной морфологии» Ф. Г. Фробениуса, концепция «культурных кругов» Ф. Гребнера и «культурно-историческая» школа В. Шмидта, диффузионистские идеи У.Х. Риверса, Г. Эллиота-Смита и У. Дж. Перри. Эти модели стремились описать историю человечества в понятиях контактов и диффузий, столкновений, заимствований и переносов элементов культур, отвергая идеи прогресса и эволюции в целом. Здесь предполагается, что культура распространилась из одного центра (на который претендуют внеземные цивилизации Созвездия Малого Пса, Ориона, Нибиру, Марса, а также некоторые земные протоцивилизации и государства, такие как Лемурия и Атлантида, Гиберборея, Шумер, Египет и т.д.) на весь мир (монистическая модель).

Другой подход - эволюционизм и плюралистическая модель (Ф. Клемм, Э. Тейлор, Г. Спенсер, Л. Морган, Дж. Фрейзер, Джон Ф. Мак-Леннан, Дж. Лаббок): он отмечает сходство и/или тождество национально-исторических путей разных этносов и народностей, рассматривая историю как набор независимых эволюций отдельных элементов культуры и социальных отношений.

Продуктивные и порой весьма оригинальные подходы созданы в школах и исследованиях А.Т. Фоменко. В. Хлебникова, Н. Кондратьева и П. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера, многих других мыслителей: это теории циклического повторения истории («исторический циклизм») и «наложений» разных исторических пластов друг на друга.

Теориям цикличности противостоят теории модернизации (Г. Гегель и др.), которые в итоге сходятся в «спиральных» теориях эволюции человечества.

На индивидуальном и групповом уровнях также описан целый ряд процессов, в том числе инкультурация и энкультурация, аккультурация, ассимиляция (Дж. Берри, Р. Билз, Р. Линтон, Р. Редфилд, Р. Турнвальд, и М. Херсковиц), отражающих свободное или направленное взаимодействие культур, в том числе региональных культур и субкультур (Дж. Фостер, Дж. Фелан и др.) [18]. Культурные заимствования при этом рассматриваются как отрицательное (ассимиляции и апроприации как заимствования в «колониальной манере», без учета мнения о результате заимствования со стороны культуры-донора) или положительное явление (культурное заимствование как условие повышения качества жизни перенимающей стороны, ее адаптации к изменившимся обстоятельствам жизнедеятельности), в том числе в зависимости от того, насколько» равновесны» обменивающиеся группы и насколько взаимодействующие культуры вовлечены или не вовлечены в исторический, этнический или расовый конфликт, противостояние. Апроприация как «колониальное заимствование» связано с

тем, что фрагмент культуры, языка заимствуется, присваивается без учета сакральности и смысла заимствованного компонента культуры для ее носителей, происходит сведение заимствования к «экзотическому тренду», моде меркантилизация и ненадлежащая культурная интерпретация и т.д. Однако, есть и иной, противоположный эффект: эффе́кт пи́ццы или пи́цца-эффе́кт (pizza effect) Л. Фишера (А. Бхарати) — составляющие культуры каких-либо нации или народа, оказавшись в иной этнокультурной или социально-экономической среде, переживают трансформацию, в материнскую культуру гораздо более важными для нее [10; 11]. То есть «осваивающая культура» повышает ценность фрагмента «материнской культуры» и влияет на культурную самоидентификацию. Й. Боруп отметил наличие «перевёрнутого эффекта пиццы»: «присваивающая» культура трансформирует часть «материнской» культуры и наслаждается результатом трансформаций, полагая, что эти результаты принадлежат «материнской» культуре [12, p. 477.]. Часто используется понятие Ф. Ортиса транскультурация: оно отражает стремление людей и этносов разрешать конфликты постепенно и по частям, не усугубляя их эскалацией [17]. В эпоху цифровой культуры, а также общей глобализации наблюдается рост проницаемости между культурами и увеличение более или менее массовых миграций, приводящие к «этноконвергенции», а также гомогенизации и культурным компромиссам [8; 20; 21].

Согласно работам Т.Ф. Кузнецовой и ряда иных исследователей, рассмотревших наиболее известные теории взаимодействия культур (Н.Я. Данилевского, А. Дж. Тойнби, П.А. Сорокина, С. Хантингтона), можно выделить ряд более или менее пересекающихся и более или менее ненасильственных типов межкультурных отношений [1; 2; 3]:

1) по линии культурных «трансгеографических» ориентаций вестернизация или колонизация (европеизация и американизация), овосточивание культур, существование и формирование «третьих культур» и взаимодействие с ними,

2) по линии модернизации и слияния культур и производства - модернизация, глобализация как мондиализация, и креолизация /транскультурализация.

Все эти процессы взаимного влияния культур характеризуются определенным соотношением насилия и ненасилия [4; 5].

Обсуждение проблемы. Вестернизация как процесс выражено насильственный, колониалистический, предполагает перенос элементов западной культуры в другую культуру, сопровождающийся подрывом традиционных основ последней («глокализация» как явление, сметающее иные культуры и распространяющее западные институты по всему миру по Э. Гидденсу, «пересадка» - перенесение культур с одного места на другое посредством колонизации и «прививка» развитие новой культуры за счет основной в концепции Н.Я. Данилевского) [6; 13]. Овосточивание культур — влияние культур Востока на культуру Запада, долгое время в XX веке было неагрессивным, в другие века – проникновение восточных культуры шло

вместе с завоеваниями, по мере успешности или неуспешности этих завоеваний. Такое взаимодействие представляется ненасильственным, в силу незначительного масштаба и изменчивости влияния. Оно проявляется в стилях моды, художественной культуры, в интересе к научным, образовательным взглядам и культурным доктринам и искусству незападных ученых, писателей, художников и т.д.. Вместе с тем, активные действия многих стран востока на мировой арене (Китай, Индия, Корея, Турция) и массовые миграции из стран цветных революций в начале нынешнего века и превратили «третьи» страны в конкурентов «первых», а «беженцев» - в захватчиков: описывается так называемый культурный реванш колониализма, связанный с привнесением ограничений и предписаний восточных культур в жизнь европейских народов. Наличие «третьих культур» (М. Фезерстоун) - культурных «мостов», культур-маргиналов, культур-эклектик (транскультур), «пограничных цивилизаций», которые нельзя отнести ни к западной, ни к восточной (российская, латиноамериканская, африканская культуры), - несколько смягчает, но и усиливает процессы взаимодействия культур «первого» и «второго» типа. Взаимодействие с «третьими» культурами выступает как смешение своего и чужого, в большей степени ненасильственно. Оно преимущественно ненасильственно в отношении влияния на соседние и собственные народы и сообщества.

Модернизация — «вариант развития, совершенствования, накопления позитивных качественных изменений, которые связаны с ростом, накоплением количественных изменений (экономических, социальных, демографических, культурных и других)» как «благотворное воздействие более развитой цивилизации на менее развитую», при котором сохраняется самобытность последней (тип «почвенные удобрения») в теориях Н.Я. Данилевского; взаимодействие по типу «вызов» - «ответ», при котором одна из цивилизаций создает для другой ситуацию уязвимости, а другая способна превратить это негативное влияние в стимул (тип «столкновение цивилизаций-современниц») у А. Дж. Тойнби; тесное объедение разнородных, но находящихся в одном пространстве, элементов культуры, связанных не только этим пространством (тип «косвенная ассоциация под воздействием общего внешнего фактора») у П.А. Сорокина; преобладающее влияние одной цивилизации на другие, при сохранности исконно национальных ценностей и институтов (тип «взаимодействие и образование мультицивилизационных систем») у С. Хантингтона. Модернизация не насильственна: направлена не на разрушение, а на преобразование культур [14; 15]. Э. Гидденс рассматривает глобализацию как продолжение модернизации: современности (modernity) внутренне присуща глобализация: интенсификацию распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые «связывают удаленные места (localities) таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [9, p. 64]**.** Глобализация трактуется двойственно [9; 15]. Например, в духе «захламленного чердака» П. Сорокина или в духе максимальной смысловой (культурной) интеграции. Она также трактуется

как мондиализация – принудительное объединение стран и формирование однополярного мира, в котором бесчинствуют государство с его правоохранительными институтами и мальтузианская, компрадорская буржуазия (ТНК), занимающаяся системным геноцидом и отбором культур и наций, наращиванием систем управления сообществом и человеком, беспрепятственного и неограниченного вторжения в его жизнь (тотальное порабощение и насилие на всех уровнях жизни, формирование людей-слуг и людей-господ, сценарий «матрицы»). Р. Робертсон выявляет две направленности глобализации: 1) глобальная институционализация жизненного мира, организация повседневных локальных взаимодействий и социализации непосредственным воздействием макроструктур мирового порядка (экспансия «общечеловеческих ценностей», распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов глобальными сетями СМИ и ТНК; 2) локализация глобальности [19, p. 15-17], тенденция становления глобального через локальное – через превращение взаимодействия с представителями иных государств и культур в рутинную практику, через включение в повседневную жизнь элементов инонациональных, «экзотических» локальных культур. Она не уменьшает разнообразие культур, но даже увеличивает его: возникает «глокализация» по Р. Робертсону. Глобализация может выступать как «транслокализация», она обусловливает и де-локализацию, и ре-локализацию: соотносительность и взаимопроникновение глобального и локального, сочетание тенденций к гомогенности и к гетерогенности. А. Аппадураи рассматривает глобализацию как детерриториализацию – утрату привязки социальных процессов к физическому пространству, становление транснациональных и диаспорных сфер публичной жизни людей, более или менее связанных с исходными территориально определенными публичными сферами соответствующих наций, но обладающих собственной и достаточно автономной динамикой [7, p. 301]. Креолизация или гибридизация – производство глобальных культур как «культурной смеси» (смешанные формы кооперации и развитие транслокальных культур) описана У. Ханнерцом, Дж. Фридманом и Я. Питерсом как один из основных процессов в глобализации. Развитие «глокальных» культур в условиях глобализации связано с тем, что они, будучи не привязаны ни к месту, ни ко времени, приходят к ре-локализации - в глобальных рамах по-новому открывают свои культурные особенности и/или настойчиво транслируют их через фундаменталистские движения и протесты. Это, по сути, «смешанные времена сосуществования предсовременности, современности и постсовременности», времена поиска новой формы отношений, более соответствующей интересам человека, чем ранее, менее фиксирующейся на интересах «экономического» типа (смена экономико-технологического и социально-политического уклада). «Креолизация» У. Ханнерца особенно актуальна для мультикультурализма, предполагает культурное многообразие, базирующееся не на автономии культур, а на их связях: при «креолизации» речь идет не просто о «культурном плюрализме», а об «организованном культурном многообразии» [10; 11; 15]. Таким образом, в

работах самых разных, в том числе величайших представителей культуры и науки, встречаются попытки построения интегративных моделей и мета-моделей межкультурных отношений. Отмечается множественность мотивов, последствий и вариантов взаимодействия внутри и между мультикультурными сообществами современности [4; 5].

Заключение. Современный город – город активно и постоянно перемешивающихся культур, гибридных идентичностей. Сами стратегии такого смешения являются «гибридными», что говорит о начале нового этапа развития человечества, связанного, в том числе, с решением задач постижения «всеобщей человечности» и развития культуры как общего основания человеческого бытия. Практики и теоретики, изучающие актуальные проблемы урбанизации и рурализации, межрелигиозных, межэтнических и иных межгрупповых отношений («коммуникаций») активно выстраивают интегративные модели и метамодели оптимизации взаимоотношений сообществ и людей разных этнических, национальных, религиозных и т.д. групп. Необходимость такого рода моделей и метамоделей связана с тем, что современный век - век мультикультурных, мультигрупповых сообществ, активнейших миграций и возрождения кочевого образа жизни в целом. Урбанизацию можно рассматривать как процесс, способствующий интеграции людей разных социальных, возрастных и т.д. групп в самых разных социальных сферах, взаимному обогащению людей /культур этих групп. Однако, ее можно рассматривать и как процесс и результат нивелирования, уничтожения культурных различий в результате м более или менее жесткого или мягкого, хаотичного или целенаправленного культуроцида населения и культурных групп и подгрупп.

При этом сама урбанизация не носит однонаправленного характера: наряду с централизацией, происходит перераспределение самого городского населения или субурбанизация, возникает своеобразные объединения - структуры и подструктуры города (мегаполиса), сочетающие тенденции урбанизации и рурализации и т.д. Современный город сочетает процессы активного и постоянного перемешивания культур, гибридных личностных и социальных (в том числе этнических, религиозных) идентичностей. Сами стратегии такого смешения являются «гибридными», что говорит о начале нового этапа развития человечества, связанного, в том числе, с решением задач постижения «всеобщей человечности» и развития культуры как общего основания человеческого бытия. Одно из промежуточных проявлений гибридизации – лоскутизация – процесс и результат неполного и неосознанного преобразования идентичности индивидов и групп в мультикультурных городских поселениях, - имеет в основном негативные следствия дезориентации и деструкции отношений внутриличностного, межличностного и межгруппового типа. Транскультурная модель поэтому предлагает принимать меры, направленные на формирование хоть и гибридной, но целостной, продуктивной и осознанной идентичности людей и групп, что дает возможности гармоничного развития сообществ, и, таким образом, решения демографических проблем.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Политическая социология ненасилия Дж. Шарпа // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 8. М., 1995. С. 234 – 246.
2. Вшивцева Л.Н. Ненасилие в культуре современного российского общества: дисс... канд. философских наук. Ставрополь, Ставроп. гос. ун-т, 2008. 158 с.
3. Кузнецова Т.Ф. Социокультурные взаимодействия и межкультурные коммуникации // Философские науки. 2003. - № 5. С. 129-135.
4. Мир / Peace: Альтернативы войне от античности до конца Второй Мировой войны. Антология. Отв. ред.: Ч.Лэтфилд, Р.М. Илюхина. М.: Наука, 1993. 349с.
5. Соловьев Е.В. Урбанизация и этногенез // Марийский юридический вестник, 2012. № 9. С. 74-81.
6. Albrow M. The global Age. Stanford: Stanford University Press, 1997. 246p.
7. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture. Ed. by M. Featherstone. London, 1990. 340p.
8. Aspects of Intercultural Dialogue. Theory · Research · Applications / Aalto N., Reuter E. (Hrsg.). Köln: Saxa, 2007. 380p.
9. Bennett, M. J. A developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // Intercultural Journal of Intercultural Relations. 1986. №10(2). P. 179–196.
10. Bharati A. The Hindu Renaissance and its Apologetic Patterns // The Journal of Asian Studies. —1970. Vol. 29, № 2. P. 267–287. DOI:10.2307/2942625.
11. Bharati A. Indian Expatriates in North America and Neo-Hindu Movements // The Communication of Ideas / Yadava J.S., Vinayshil G. (Eds.). New Dehli: Concept Publishing Company, 1980. P. 245–255.
12. Borup J. Zen and the Art of Inverting Orientalism: Religious Studies and Genealogical Networks // New Approches to the Study of Religion / Eds. P. Antes, A.W. Geertz, and R.R. Warne. Berlin: Verlag de Gruyter, 2004. Vol. 1, Regional, Critical, and Historical Approaches. P. 451-487.
13. Gallaher, C.; Dahlman, C.T.; Gilmartin, M.; Mountz, A.; Shirlow, P. Key Concepts in Political Geography. London: SAGE, 2009/2014. P. 392.
14. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1991. 188p.
15. Hannerz U. Transnational Connections. London: Routledge, 1996. 290 p.
16. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004. P. 87.
17. Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar, Durham, NC: Duke University Press, 1995. 380p.
18. Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. Memorandum for the Study of Acculturation. American Anthropologist, 1936. Vol. 38, No. 1. P.149-152.

19. Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. Ed. by M. Featherstone. London, 1990. 304 p.
20. Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // American Anthropologist XXXIV. 1932. P. 557-569.
21. Ziff B., Rao P.V. Introduction to Cultural Appropriation: A Framework for Analysis // Borrowed Power: Essays on Cultural Appropriation. New Brunswick, New Jersey : Rutgers University Press, 1997. 337 p.

УДК 311.21

Бабкин Роман Александрович
младший научный сотрудник РЭУ им. Г.В. Плеханова, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Обобщение международного опыта использования данных мобильной телефонии в демографических исследованиях

Аннотация. *Вступление в эру «Больших данных» и появление новых источников геоинформации, включая данные сотовых телефонов, предоставили принципиально новые возможности для исследований демографических процессов. По сравнению с традиционными источниками, информация операторов сотовой связи имеет много уникальных особенностей и преимуществ, которые привлекают ученых. В исследовании на примерах зарубежного опыта продемонстрированы различные кейсы использования данных сотовых операторов в научных и научно-прикладных демографических исследованиях.*

Ключевые слова: *демография, данные сотовых операторов, международный опыт*

Современные системы расселения состоят из потоков людей, транспортных средств и информации. При этом с каждым годом сбор и анализ данных об этих потоках с использованием традиционных методов исследования социальных наук становится все труднее. Необходимость в высокой локализации и временной дробности информации делают официальную статистику неупотребимой для анализа значительного числа социально-экономических процессов. Становится очевидно, что для преодоления сложившихся статистических барьеров необходимо задействование альтернативных информационных ресурсов. К их числу можно отнести данные спутниковых снимков, социальных сетей, веб-страниц сети Интернет, транзакций банковских карт, мобильных телефонов и других источников, обобщено называемых «Big Data» или «Большими данными».

Данные операторов сотовой связи с каждым годом все больше используются в демографической статистике. Традиционно основными источниками статистики населения служат перепись, административные регистры населения, а также обследования домашних хозяйств. Базы данных, полученные на основе текущей статистики населения, считаются точными и детальными, однако жестко привязываются к конкретному временному срезу. К тому же они имеют большие временные разрывы (как правило, представляются в погодовом выражении), что не позволяет строить высокодетализированные ряды данных. В связи с этим задействованием альтернативных источников данных активно интересуются статистические службы многих стран.

Хотя данные сотовых телефонов не обеспечивают точности и подробности переписи населения, сравнение этих источников информации показывает их высокую корреляцию [A Study…, 2014]. В частности, в работе «Перекрестная проверка различных источников информации о мобильности» испано-французская группа исследователей показала, что три различных источника данных о населении (данные переписи, социальных сетей и мобильных телефонов) предоставляют сопоставимую информацию с коэффициентом корреляции близким к единице (при этом данные сотовой связи больше, нежели информация социальных сетей коррелируют с переписью) [Lenormand, etc., 2014].

В силу своей динамичной природы, данные сотовых телефонов способны внести существенный вклад в анализ «быстрых» социально-экономических процессов, таких как маятниковые миграции населения. Большинство людей проводят большую часть своего времени только в нескольких местах, поэтому с помощью методов кластеризации можно четко определить местонахождение дома, офиса, мест рекреации и досуга, а также проводить сравнение получившихся результатов с официальными статистическими данными, в т.ч. осуществлять выработку рекомендаций по совершенствованию последних [Csaji, etc., 2013; Tiru, 2014]. Посредством, подобных сопоставлений возможна разработка системы статистических показателей, которые могут быть сформированы или улучшены благодаря данным мобильного позиционирования.

На фоне других типов информации использование данных мобильной телефонной связи предлагает убедительный компромисс: она одновременно высокочувствительна к перемещениям пользователей и четко локализована в пространстве. Кроме того, в методологическом плане, благодаря сбору сведений о локализации абонентов в режиме «реального времени» данные мобильного позиционирования позволяют реализовать идею выделения индикативных точек или отрезков временных событий («полночь», «утренний старт», «полдень» и «продолжительность дня» и т.д.) в рамках т.н. «социального времени» [Ahas, etc., 2015].

К числу наиболее простых и одновременно важнейших демографических показателей, которые можно получить из данных сотовых операторов относятся численность и плотность населения. С середины 2000-

х гг. научно-исследовательские и административные учреждения, национальные и международные организации разрабатывали методики изучения плотности и распределения населения на основе данных мобильной связи.

В силу специфики данных (их стоимости и уровня проникновения) работы по изучению возможностей их использования начинались с проектов на уровне городов. Одним из первых проектов задействования мобильных данных в этом направлении стал, реализованной в 2005 г, австро-американский проект «Грац в реальном времени» [Ratti, 2005]. На основе данных крупнейшего мобильного оператора Австрии «A1», ученые собрали и систематизировали информацию о трудовых маятниковых миграциях и изменениях распределения населения на территории Граца. Аналогичный проект для Рима под названием «Рим в реальном времени» был выполнен исследовательской группой Массачусетского технологического института в 2012 г. [Calabrese, etc., 2013].

Одной из первых сфер, заинтересовавшихся данными сотовых операторов в целях формирования статистики стала туристическая отрасль. Так, в 2012 г. по заказу Евростата была проведена комплексная оценка возможностей использования данных операторов сотовой связи для получения информации о туристских потоках [Eurostat…, 2014]. Поскольку данное исследование носило пилотный характер особое внимание в нем уделялось выявлению сильных и слабых сторон, связанных с доступностью, релевантностью и стоимостью данных, а также с технологическими и методологическими проблемами, возникающих при их использовании.

В исследовании было отмечено, что входящие, исходящие, роуминговые и внутренние данные, собираемые операторами сотовой связи, достаточно четко соответствуют входящим, исходящим и внутренним доменам туризма. В то же время было выявлено, что доступ к данным мобильного позиционирования ограничен, главным образом из-за нормативных ограничений (связанных с существующими между странами нормативно-правовыми различиями). Следовательно, имеется необходимость в центральной для национальных статистических служб структуре, способной аккумулировать мультинациональные данные в соответствии с общеевропейской методологией, получая при этом долговременные, сопоставимые и надежные статистические данные о межстрановых перемещениях граждан.

Основываясь на результатах данного исследования был сделан вывод о том, что сведения, предоставляемые сотовыми операторами, могут использоваться в качестве дополнительного, но все же не заменяющего источника сведений для показателей туризма. В этом контексте предпочтительным вариантом использования данных сотовых операторов может стать дополнение ими уже применяемых методов. Например, посредством сбора информации в смешанном режиме, возможно уменьшение выборки дорогостоящих социологических обследований туристов. В качестве прочих преимуществ данных сотовых операторов

исследователями были отмечены: своевременность, лучшее соответствие реальности во времени и пространстве, возможность калибровки для существующих данных. Данные мобильного позиционирования позволяют ретроспективно увязать цифровые треки туристов с посещением конкретных событий и мест, что позволяет разрабатывать системы мониторинга в реальном времени. В свою очередь мониторинг, как показывает опыт т.н. «туристического барометра» в Эстонии – ценный инструмент для планирования и управления всей туристической сферой [Ahas, etc., 2007; Järv, 2013].

В Чехии данные сотовых операторов по нескольким десяткам высокоаттрактивным туристских дестинациям (объекты ЮНЕСКО, горные районы, курортные города) позволили получить сведения о количестве посетителей, стране/регионе их происхождения. Эти сведения стали применяться для разработки стратегий развития и маркетингового планирования туризма [Vogelová, 2012]. 2010-е годы ознаменовались написанием множества работ, посвященных изучению иностранных путешественников и оценке привлекательности территорий для международного туризма в таких странах как Франция, Германия, Китай, Черногория, Япония, Индонезия, Ирландия и др.

Постепенно из национальных проектов применения нового ресурса статистической информации стали появляться наднациональные инициативы в сфере интеграции данных сотовых операторов в статистику. Самой крупной подобной инициативой за последнее время стал проект «ESSnet Big Data», запущенный в Евросоюзе в 2016 г. [ESSnet…, 2020]. Его целью является интеграция «Больших данных» в регулярную разработку официальной статистики при помощи экспериментальных исследований потенциала отдельных информационных источников (в т.ч. данных операторов сотовой связи). Основная идея этих исследований – создание и реализация конкретных опытных приложений в различных сферах (учет туристических потоков, оценки мобильности населения, анализ рынка труда и т.д.). В случае успеха таких приложений рассматривается вопрос о выработке путей интеграции перспективного вида данных в действующие официальные статистические базы.

Таким образом, основываясь на зарубежном опыте возможна разработка системы показателей, получение которых становится реальным при интеграции в статистику информации операторов сотовой связи. В контексте необходимости совершенствования отечественной ресурсной базы Росстата, важно отметить потенциал данных сотовых операторов в преодолении отставания отечественной демографической статистики от передовых стран мира.

Список литературы

1. Ahas R., Aasa A., Silm S., Tiru M. Mobile Positioning Data in Tourism Studies and Monitoring: Case Study in Tartu, Estonia // Information and Communication Technologies in Tourism. 2007. PP. 119-128.

2. Ahas R., Aasa A., Yuan Y., Raubal M., Smoreda Z., Liu Y., Ziemlicki C., Tiru M., Zook M. Everyday space–time geographies: using mobile phone-based sensor data to monitor urban activity in Harbin, Paris, and Tallinn // Journal International Journal of Geographical Information Science. - 2015. - Vol. 29. - Iss.11: Geographies of Mobility: Applications of Location Based Data Submit an article Journal homepage. PP. 2017-2039. (статья)

3. A Study on Urban Mobility and Dynamic Population Estimation by Using Aggregate Mobile Phone Sources. 2014 // CSIS Discussion Paper No. 115 URL: http://www.csis.u-tokyo.ac.jp/dp/115.pdf [Accesed 31.10.2019].

4. Calabrese F., Diao M., Lorenzo, D., Ferreira J., Ratti C. Understanding individual mobility patterns from urban sensing data: A mobile phone trace example // Transportation Research Part C: Emerging Technologies. 2013. Vol. 26. PP. 301-313.

5. Csaji B., Browet A., Traag V.A., Delvenne J-C., Huens E., Van Dooren P., Smoreda Z., Blondel V. Exploring the Mobility of Mobile Phone Users // Physics and Society. 2013. Vol. 6 (392). PP. 1459-1473.

6. ESSnet Big Data. 2020 // European Commission URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cros/content/essnet-big-data_en [Accesed 28.01.2020].

7. Eurostat «Feasibility study of the use of mobile positioning data for tourism statistics» / Consolidated Report Eurostat Contract No 30501.2012.001–2012.452. 2014.

8. Järv O. Mobile phone based data in human travel behaviour studies: New insights from a longitudinal perspective. Tartu: University of Tartu Press, 2013. 63 p.

9. Lenormand M., Picomell M., Cantú-Ros O.G., Tugores A., Louail T., Herranz R., Barthelemy M., Frías-Martínez E., Ramasco J.J. Cross-Checking Different Sources of Mobility Information // PLoS ONE. - 2014. - Vol. 8 (9). - Pp. 1-10.

10. Ratti C. Mobile Landscape - Graz in real time // Proceedings of 3rd Symposium on 1 & TeleCartography, Vienna University of Technology. 2005. PP. 28-30.

11. Tiru M. Overview of the sources and challenges of mobile positioning data for statistics // International Conference on Big Data for Official Statistics. Beijing: 2014. PP. 1-26.

12. Vogelová, M. 2012. Using residual positioning data from mobile networks for tourism monitoring. Czech Tourist Authority – Czech Tourism. Tourism statistics in the 21st century. Session paper in 11th Global Forum on Tourism Statistics.

УДК 316.4.06:314.06
Вангородская Светлана Анатольевна
к. соц. н., доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Потенциал теории Ю. Эльстера в объяснении феномена самосохранительного поведения

Аннотация. *В статье рассматриваются основные положения теории рационального выбора, в целом, и теории Ю. Эльстера, в частности, применительно к изучению феномена самосохранительного поведения. Особое внимание уделено рассмотрению альтернативных механизмов социального поведения, имеющих наибольший потенциал для изучения поведенческих стратегий россиян в отношении здоровья.*
Ключевые слова*: демография, самосохранительное поведение, поведение в отношении здоровья, теория рационального выбора, теория Ю. Эльстера*.

К числу современных подходов, сформировавшихся в середине XX столетия и имеющих особое значение для осмысления социальных феноменов, относится теория рационального выбора. Характеризуя сущность теории, В.П. Култыгин отмечает, что «социальная среда, социальная ситуация структурируют альтернативы, стоящие перед акторами (индивидами или группами), и оказывают решающее влияние на принимаемые ими решения. При этом стратегии избранного поведения объясняются преимущественно с помощью ограничений и возможностей в рамках осуществления выбора конкретной стратегии» [2, с.27]. В более общем виде проблема рационального выбора трактуется как «определение наилучшего варианта действий по достижению цели при ограниченных ресурсах» [3, с. 43].

В рамках изучения самосохранительного поведения теория рационального выбора представляет особый интерес, так как имеет большой потенциал в объяснении и прогнозировании механизмов поведения индивидов и групп. В любом случае (и это не подвергается сомнению не сторонниками, ни критиками данной теории) теория рационального выбора «существенно расширила набор параметров, объясняющих поведение» [3, с. 45]. Доказательством этого служит тот факт, что, ряд ученых (Г. Беккер, Ч. Бьюкенен, Д. Канеман, Р. Коуз, Д. Норт, А. Тверски, Р. Фогель и К. Эрроу) стали лауреатами Нобелевской премии за приложение теории рационального выбора к поведенческим наукам.

Значительное внимание рассмотрению основных положений теории рационального выбора уделено в работе профессора социальных наук Колумбийского университета Юна Эльстера «Объяснение социального поведения. Еще раз об основах социальных наук» (2011) [4].

Подчеркивая «радикально субъективную природу» [4, с. 219] теории рационального выбора и наличие определенных границ в объяснении ею индивидуального поведения (обусловленных, как раз, наличием базового допущения сторонников теории о рациональности агентов), Ю. Эльстер, вместе с тем, признает ее фундаментальность, концептуальную ценность (в первую очередь, в прояснении структуры социального взаимодействия), а также приходит к заключению о том, что «понятая в качественном ключе здравого смысла, она способна объяснить многое в повседневном поведении» [4, с. 16].

Согласно Ю. Эльстеру, действие может быть признано рациональным при соблюдении *трех требований оптимальности*:

1) действие осуществляется на основе убеждений (в первую очередь, убеждения в том, что именно это действие является «наилучшим средством удовлетворения желаний агента с учетом его представлений об имеющихся вариантах выбора и их последствиях»);

2) убеждения хорошо обоснованы и опираются на факты;

3) факты получены в результате «оптимальных вложений в сбор информации» [4, с. 201]. При этом, оптимальность информации определяется исходя из индивидуальных предпочтений агента, зависит от важности принимаемого решения в сознании индивида и от результатов самого поиска.

Особого внимания применительно к изучению особенностей самосохранительного поведения заслуживает, на наш взгляд раздел монографии Ю. Элстера, посвященный рассмотрению проблем непринятия риска и убывающей предельной полезности [4, с. 209].

Предостерегая от идентификации этих понятий, Ю. Эльстер вводит концепцию внутренней полезности (intrinsic utility) определенных благ для индивида, которые (например, курение), будучи объективно вредными для организма (что «рациональная часть» индивида прекрасно осознает), тем не менее, дарит огромное наслаждение (или простое удовлетворение) и заставляет каждый раз принимать решение о закуривании очередной сигареты и препятствует избавлению от никотиновой зависимости. Как справедливо замечает Ю. Эльстер, «тот факт, что у нас нет надежного способа пристраивания числовых значений внутренним уровням удовлетворенности или неудовлетворенности, не свидетельствует о безнадежности самой идеи» [4, с. 209].

Концепцию внутренней полезности Эльстер развивает и конкретизирует с помощью объяснения идеи *убывающей предельной полезности* многих благ. Иллюстрация этой идеи на примере денег и сигарет («для бедного человека первые доллары имеют большую полезность. Но каждый следующий доллар становится менее ценным с субъективной точки зрения», и «самая лучшая сигарета – первая») [4, с. 209], позволяет применить данную логику и к иным действиям индивидов, которые с рациональной точки зрения направлены скорее на самоуничтожение, нежели на самосохранение. С этой точки зрения, действия, например, пожилого

мужчины, который, имея повышенный уровень холестерина в крови, продолжает злоупотреблять жирной пищей, имеют, как минимум, два объяснения. С одной стороны, пищевое поведение продиктовано чувством удовлетворенности, которое он испытывает при употреблении любимой пищи (которая, кроме физического насыщения, может вызывать у него психологическое, эстетическое, эмоциональное удовольствие), а с другой – нарушение предписаний врача (которое может привести к ухудшению состояния здоровья, и, в худшем случае, к смерти) возможно напрямую связано именно с идеей предельной полезности… собственной жизни, когда каждый последующий год (как и каждый следующий доллар в примере Ю. Эльстера) воспринимается как менее ценный с субъективной точки зрения. В модели самосохранительного поведения российских мужчин уменьшение ценности жизни (особенно после достижения пенсионного возраста) обусловлено, как правило, не только увеличением числа болезней, но и ощущением себя «обузой» для семьи в связи с прекращением трудовой деятельности.

Существенную помощь в объяснении ценностно-мотивационных основ различных моделей самосохранительного поведения могут оказать также представленные Ю. Эльстером альтернативные (относительно теории рационального выбора) механизмы объяснения социального поведения [4, с. 230-240]. Рассмотрим некоторые из них, имеющие, по нашему мнению, наибольший потенциал для изучения моделей самосохранительного поведения.

1. *Неприятие потерь*. Согласно определению Ю. Эльстера, неприятие потерь – это «склонность придавать большее значение потерям по отношению к базовому уровню, чем приобретениям того же размера» [4, с. 231]. В работе Д. Канемана и А. Тверски [1] этот механизм, названный авторами «эффектом необратимых потерь» *(dead-loss effect),* представлен как одна из форм парадоксального поведения, при котором «субъективное состояние индивида может быть улучшено, если негативный исход будет восприниматься скорее как затраты, нежели как потери» [1, с. 40].

Применительно к самосохранительному поведению это означает, что люди, заплатившие за отдых в отеле с системой питания «все включено» будут стараться есть и пить как можно больше (несмотря на негативные последствия для здоровья и фигуры) при том, что съели и выпили бы гораздо меньше, если бы это было предложено им бесплатно. Этот же механизм отвечает, например, за формирование установок на то, чтобы «доедать все, что лежит в тарелке», загорать во время отдыха на море «от восхода до заката» (несмотря на риск получения ожога кожи), злоупотреблять алкоголем, несмотря на следующие за этим приступы тахикардии и т.д. И именно поэтому, люди, купившие годовой абонемент в тренажерный зал, будут посещать его с большей долей вероятности, нежели те, кто оплачивает каждое занятие отдельно.

2. *Принятие желаемого за действительное*. Согласно данному механизму, люди, сознательно следующие определенным нормам

саморазрушительного поведения (злоупотребление спиртными напитками, курение, малоподвижный образ жизни и пр.) склонны преуменьшать риски, которыми подвергают свое здоровье, если получают субъективные выгоды (физические, психологические, эмоциональные и т.д.) от своего поведения. Причем, в отличие от рационального поведения (при котором сначала возникает поведение, а затем – на основе него формируется соответствующее убеждение) в данном случае сначала формируется убеждение, которое является основой для соответствующих типов и моделей поведения. Ю. Эльстер обращает внимание на то, что при использовании данного механизма «факты не столько отрицаются, сколько игнорируются» [4, с. 146]. Иными словами, данный механизм приводит к тому, что человек, убежденный, например, в пользе приема 100 грамм вина каждый будет искать доказательства этого убеждения («так делают французы и живут дольше всех в Европе»; «врач в телепередаче сказал, что это полезно для сосудов»; «сосед употреблял по бутылке вина ежедневно и дожил до 95 лет» и пр.) и при этом игнорировать статистику по классу алкоголь-ассоциированных смертей. Причем, в данном случае, для обоснования саморазрушительного поведения могут использоваться примеры как прямого, так и обратного действия (например, тот факт, что знакомый, ведущий здоровый образ жизни, умер в 40 лет от серьезного заболевания и пр.).

3. *Неспособность к проецированию*. В ряде случаев индивиды принимают неудачные (с точки зрения здоровья и продолжительности жизни) решения из-за неспособности проецировать себя в будущее, что может быть обусловлено как недостаточно развитым воображением, так и отсутствием примеров из близкого окружения, которые можно было бы «примерить на себя» и изменить поведение к лучшему.

4. *Желание действовать с основанием*. Одним из примеров этого механизма является изменение поведения при «появлении варианта, который, без сомнений, хуже вариантов, которые были в его распоряжении» [4, с. 235]. В этом случае основанием для изменения поведения в отношении здоровья может быть внезапно диагностированное серьезное заболевание, рождение детей в зрелом возрасте (существуют статистические данные о том, что позднее материнство и отцовство продлевает жизнь за счет более ответственного отношения родителей к своему здоровью) и т.п. В случае саморазрушительного поведения основанием для соответствующих действий также может быть ухудшение здоровья, при котором человек бросается «во все тяжкие» под лозунгом «Да сколько осталось той жизни!».

5. *Магическое мышление*. Речь идет о склонности «верить в возможность оказания причинного воздействия на результаты, которые человеку неподвластны» [4, с. 141]. В этом случае «у человека может возникнуть желание поверить в то, что он полагает ложным ввиду благотворных последствий такой веры» [4, с. 143]. Так, например, масштабы потребления крепкого алкоголя в России во многом связаны с отождествлением в массовом сознании праздничного настроения с

потреблением алкоголя («Веселье без водки – одно притворство», «Где вино – там и праздник», «Пей – тоска пройдет», «Спасибо кувшину, что размыкал кручину»), а в качестве положительного подкрепления выступает возможность быть принятым в коллектив со всеми вытекающими из этого последствиями (право на участие в праздничном застолье, расслабление, полезные знакомства и т.д.)

6. *Социальные нормы.* Этот механизм оказывает существенное влияние на формирование социальных моделей самосохранительного и саморазрушительного поведения. Именно стремление вести себя определенным образом только потому, что «так принято» заставляет людей во время праздничных застолий «пить до дна», встречать гостей обилием высококалорийных блюд, будучи мужчиной, до последнего откладывать визит к врачу и т.д. В работе А. Смита этот тип поведения, продиктованный социальными нормами и обычаями, получил название «неразумного поведения» [5].

Таким образом, использование основных положений теории Ю. Эльстера может оказать существенную помощь в осмыслении феномена самосохранительного поведения, специфика которого определяется не только объективными условиями внешней среды и возможностями индивида, но и напрямую зависит от множества иррациональных детерминант, влияющих на принятие решений в отношении здоровья и продолжительности жизни.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2020 год, проект № FZWG-2020-0027 «Социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района».

Список литературы:

1. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 4. С. 31-42.
2. Култыгин В.П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. 2004. №1. С.27-36.
3. Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 43-56.
4. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / пер. с англ. И. Кушнаревой; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 472 с.
5. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Oxford: Ciarendon Press, 1978.

УДК 314.88+368.914
Васильева Елена Витальевна,
к.эк.н., старший научный сотрудник, ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук», г. Екатеринбург, Россия

Демографические резервы повышения пенсионного обеспечения в России

Аннотация. *В статье рассмотрен такой демографический резерв повышения пенсионного обеспечения в России, как снижением смертности населения в трудоспособном возрасте. Обосновывается поиск резервов вне самой пенсионной системой. Сделана оценка эффекта от реализации мер в рамках нацпроекта «Здравоохранение» в направлении снижения смертности населения трудоспособного возраста.*

Ключевые слова*: пенсионное обеспечение, старение населения, резерв, смертность*

В настоящее время в большинстве стран проводятся пенсионные реформы, направленные на адаптацию к новым демографическим реалиям. Российская пенсионная система не является исключением, на протяжении последних трех десятилетий она была несколько раз существенно изменена, хотя эти изменения не обеспечили достойное пенсионное обеспечение населения и сбалансированность бюджета Пенсионного фонда России. Недавнее решение о повышении с 2019 г. пенсионного возраста было встречено экспертами неоднозначно, большинство из них предсказывают негативные социально-экономические последствия при незначительном росте пенсий [1-2]. В январе 2020 г. Президент РФ в своем Послании Федеральному собранию[50] в качестве принципа достойного пенсионного обеспечения выделил регулярную индексацию пенсий.

Однако, по мнению многих исследователей [2-4], достижение достойного уровня пенсий только путем параметрических реформ внутри самой пенсионной системы невозможно. Эффективная пенсионная система предусматривает государственное регулирование и внешних факторов развития пенсионной системы, включая в такой смежной сфере, как демография. В рамках данного исследования сделана попытка описать демографические резервы повышения пенсионного обеспечения в России.

В качестве потенциального резерва вне самой пенсионной системы можно рассмотреть такой параметр, как численность застрахованных работников, т.е. плательщиков страховых взносов, рост которых позволит повысить доходную часть. Такой демографический резерв повышения численности застрахованных работников, как снижение смертности среди населения трудоспособного возраста, является наиболее труднореализуемым,

[50] Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 20.08.2020).

поскольку требует серьезных усилий (в т.ч. финансовых ресурсов) не только и даже не сколько со стороны государства, сколько самого населения. Ведь в молодом возрасте состояние здоровья определяется не лечением (системой здравоохранения), а профилактикой, здоровым образом жизни, самосохранительным поведением [5]. Но и эффект от этих усилий проявится только в средне- или даже в долгосрочной перспективе.

В России население продолжает стареть «снизу», т.е. в первую очередь за счет снижения уровня рождаемости, а не сокращения смертности в старших возрастах. Проблема высокой смертности населения в трудоспособном возрасте сохраняется, несмотря на сложившуюся с 2005 г. положительную тенденцию к ее снижению [6]. В 2019 г. умерло 379,4 тыс. человек в трудоспособном возрасте, или 462,6 человек на 100 тыс. чел. соответствующего возраста. Планируется, что в результате реализации нацпроекта «Здравоохранение»[51] к 2024 гг. это значение снизить до 350 человек на 100 тыс. трудоспособного возраста (табл. 1).

Таблица 1- Целевой показатель нацпроекта «Здравоохранение»: Снижение смертности населения трудоспособного возраста[52]

	Значение, чел. на 100 тыс. чел.	
	фактическое	целевое
2017 (базовое)	484,5	-
2018	481,0*	455
2019	462,6*	437
2020	-	419
2021	-	401
2022	-	383
2023	-	365
2024	-	350

Примечание: расчет автора по данным Росстата.

Такое значительное сокращение смертности предполагается достичь за счет:

- включения в клинические рекомендации новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации;
- внедрения системы контроля качества медицинской помощи в медицинских организациях
- применения дистанционных консультаций/консилиумов.

Однако совершенствование системы здравоохранения является обязательным, но недостаточным для снижения уровня смертности, особенно в молодых возрастных когортах, требуется повышение качества жизни населения. Инициатива по улучшению состояния здоровья, а

[51] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 20.08.2020).

[52] Опубликован паспорт национального проекта «Здравоохранение» // Правительство России. URL: http://government.ru/info/35561/ (дата обращения: 20.08.2020).

соответственно и снижению смертности, должна перейти к населению, ведь источники опасности для здоровья и жизни часто находятся вне сферы прямого влияния медицины – в питании, окружающей среде, привычках. Доля смертности населения трудоспособного возраста от внешних причин в 2019 г. составляла 23,5%. Именно поэтому требуется сменить пассивное принятие населением проводимых органами системы здравоохранения мер на заинтересованную активность самого населения, направленную на оздоровление образа жизни.

По нашим оценкам, эффект для пенсионной системы от реализации мер в рамках нацпроекта «Здравоохранение» в направлении снижения смертности населения трудоспособного возраста за 2019-2024 гг. составит 28,3 млрд руб. Расчет основан на построении балансового уравнения распределительной пенсионной системы [7] и учитывает демографический прогноз Росстата[53]. В сравнении с другими потенциальными резервами возможный дополнительный рост численность работников только за счет снижения смертности населения трудоспособного возраста ниже (за 2019-2024 гг. он может составить 223,7 тыс. чел.). К примеру, в 2019 г. в неформальном секторе экономике заняты 14,7 млн, человек, вовлечение которых позволит значительно повысить поступления страховых вносов в пенсионные системы. Однако снижение смертности наиболее перспективным, т.к. в условиях старения населения действительно способствует изменению пропорции между плательщиками страховых взносов и получателями страховых пенсий. Кроме того, в отличие от легализации скрытой оплаты труда или повышения пенсионного возраста меры по улучшению состояния здоровья молодого населения не вызывают социального недовольства граждан.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента (№МК-1494.2019.6 «Достойный уровень пенсий в России: резервы и пути достижения, модели оптимизации обеспечения и алгоритмы решения»).

Список литературы

1. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю. Пенсионный гамбит //Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. №2 (42). С. 138-148.
2. Гринберг Р.С., Сафонов А.Л. Повышение пенсионного возраста в России, или Как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны // Журнал Новой экономической ассоциаци. 2019. №2 (42). С. 167-177.
3. Соловьев А.К. Макроанализ пенсионной системы России // Вопросы экономики. 2013. №(4). С. 82-93. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-4-82-93.
4. Гонтмахер Е. Проблема старения населения в России // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №1. С. 22-29.

[53] Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285 (дата обращения: 20.08.2020).

5. Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению иопыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16

6. Щербакова Е.М. Предварительные демографические итоги 2019 года в России (часть II) // Демоскоп Weekly. 2020. № 849-850. URL: http://demoscope.ru/weekly/2020/0849/barom01.php (дата обращения: 20.08.2020).

7. Чистова Е.В., Тырсин А.Н., Азарян А.А. Легализация неформальной занятости как резерв повышения поступлений в пенсионную систему // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 130-147.

УДК 314.742+342.951

Вихляев Александр Александрович,
преподаватель кафедры административной деятельности, ФГКО УВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», г. Москва, Россия

О совершенствовании механизма государственного регулирования деятельности иностранных религиозных организаций на территории Российской Федерации в контексте реализации политики миграционной интеграции в условиях сложившегося мультикультурализма

Аннотация. *В статье автором поднимаются актуальные вопросы, связанные с функционированием иностранных религиозных организаций в контексте реализации миграционной политики в Российской Федерации на современном этапе. В рамках проработки обозначенной темы, дается правовой анализ регистрации и функционирования иностранных религиозных организаций, запретов и ограничений, а также актуальных проблем, связанных с их функционированием. В заключении предлагаются пути по совершенствованию механизма регулирования деятельности иностранных религиозных организаций в России.*

Ключевые слова: *иностранная религиозная организация, миграционная интеграция, адаптация мигрантов, миграционная политика, религиозная организация, религиозная группа.*

В настоящее время Российская Федерация занимает одно из ведущих мест в глобальной миграционной системе. За счет факторов внешней миграции, Россия, безусловно, накапливает свой человеческий капитал, обеспечивает экономический и социально-культурный рост. Однако, как у любого социального явления, у миграционных процессов имеются и существенные негативные стороны. К ним можно отнести социально-

психологические, межэтнические и межконфессиональные конфликты, все чаще возникающие в современном российском обществе.

В этом случае большое значение приобретают процессы миграционно-интеграционного характера, включающие ассимиляцию, культурную и структурную адаптацию мигрантов. Также следует учитывать и внутренние психолого-ассимиляционные факторы, которые, безусловно, сильнейшим образом воздействуют на поведение как отдельных мигрантов, так и организуемых ими общин (диаспор). Иногда, влияние местных традиций, разобщенность и неприятие интересов общества, в котором пребывают мигранты, диктуемые лидерами диаспор, могут существенно затруднять их адаптацию, влиять на их самоидентификацию, религиозные воззрения, и, как итог, исключать социальную и культурологическую ассимиляцию, в целом.

Российским государством на современном этапе уделяется значительная роль адаптации иммигрантов. В рамках миграционной политики вводятся обязательные курсы русского языка, Отечественной истории, затрачиваются значительные финансовые и трудовые ресурсы, направленные на обучение и культурную адаптацию иммигрантов к современным российским реалиям, упрощается законодательство, связанное с получением российского гражданства для отдельных категорий иностранных граждан. Особое внимание несомненно уделяется и вопросам этно-религиозного характера.

Согласно ст.28 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Безусловно, указанные дефиниции существенно расширяют социально-культурные границы российского общества и позволяют каждому лицу, пребывающему или проживающему в Российской Федерации, продвигать свои духовные и культурные ценности, оправлять обряды и свойственные его нации культы, не боясь быть неверно истолкованным или осужденным обществом.

Однако, при всех положительных аспектах, касающихся указанного вопроса, следует отметить, что свобода, предоставляемая Российской Федерацией в части оправления свойственных отдельным этносам, общностям или группам культов могут породить и ряд деструктивных последствий – от межэтнических и межконфессиональных конфликтов, до проявления экстремизма и религиозного радикализма.

Активному распространению подобных течений способствует иностранное этно-религиозное сообщество, продвигающее среди россиян и мигрантов, пребывающих на территории Российской Федерации, идеи таких запрещенных радикально-настроенных террористических и религиозных группировок, как «Исламское государство» (ДАИШ) или Джебхат-ан-Нусра, а также псеводохристанстких и языческих сект и общностей, к которым можно отнести Свидетелей Иеговы, Семьи детей Бога, Алеф, Круг Света,

Рэйки, Внутренний круг, Церковь Последнего Завета и прочие секты, запрещенные в России.

Формально, в соответствии с действующим законодательством, государство не вмешивается в определение гражданами исповедуемой религии и религиозной принадлежности. Государство также не вмешивается и в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит положениям Федерального законодательства. При этом государством обеспечивается светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Это подразумевает то, что каждый гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин или лицо без гражданства имеет право на получение религиозного образования по своему выбору, как индивидуально, так и совместно с другими.

Под религиозными объединениями в Российской Федерации понимаются объединения на добровольной основе граждан Российской Федерации и иных лиц, постоянно и на законных основаниях, проживающих на территории государства, которые образуются для совместного исповедания и распространения веры.

Все религиозные объединения должны обладать определенными признаками, к числу которых относятся вероисповедание, совершение богослужений или иных религиозных обрядов и церемоний, а также обучение религии, осуществления религиозного воспитания своих последователей.

Законодательство Российской Федерации дает в полной мере возможность создавать религиозные объединения в форме религиозных групп и религиозных организаций.

Под религиозной организацией понимается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях, проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, и, в установленном порядке, зарегистрированное в качестве юридического лица.

Религиозная группа представляет собой добровольное объединение граждан, создаваемое в целях совместного исповедания и распространения веры. Религиозные группы, в отличие от религиозных организаций, осуществляют свою деятельность без государственной регистрации и фактического приобретения правоспособности юридического лица.

В соответствии с действующим федеральным законодательством к иностранным учредителям религиозных организаций на территории Российской Федерации предъявляется ряд существенных требований: иностранные граждане или лица без гражданства, могут выступать учредителями религиозных организаций, за исключением случаев, если в отношении них было принято решение о нежелательности их пребывания (проживания) на территории Российской Федерации, или вступившим в законную силу решением суда установлено, что в их действиях содержатся признаки экстремистской деятельности.

Любые иностранные религиозные организации имеют право открывать свои представительства на территории Российской Федерации. При этом,

под иностранной религиозной организацией признается организация, которая была создана за пределами Российской Федерации в соответствии с законодательством иностранного государства. Однако, следует отметить, что любая религиозная организация, зарегистрированная в соответствии с российским законодательством, вправе иметь при себе представительство иностранной религиозной организации.

Согласно действующему законодательству, для представительств иностранных религиозных организаций предусматривается ряд ограничений. Так, представительством иностранной религиозной организации не может осуществляться миссионерская деятельность и на него не распространяется статус религиозного объединения в соответствии с российским законодательством. Безусловно, указанные ограничения существенно осложняют возможности деятельности иностранных религиозных организаций по реализации своих основных целей: осуществлению вероисповедания, привлечению и обучению своих последователей.

В настоящее время активным способом реализации целевых программ иностранными организациями выступает образование религиозных организаций в соответствии с действующим российским законодательством, а также реализация своих основных направлений деятельности посредством религиозных групп. Это, прежде всего обуславливается тем, что религиозным организациям, функционирующим в соответствии с российским законодательством, не запрещается устанавливать и поддерживать международные связи при осуществлении миссионерской и паломнической деятельности, в том числе и привлекать для этих целей иностранных граждан.

В данном случае следует остановиться и на ряде проблем, связанных с функционированием религиозных групп на территории Российской Федерации. Министерство юстиции и иные органы исполнительной власти, в пределах своей компетенции, ведут реестр различных религиозных групп, однако юридическая регистрация указанных субъектов правоотношений не требуется.

В таких условиях большинство религиозных групп и общин, создаваемых как гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами, без уведомлений органов государственной власти, функционируют совершенно автономно. Подобные формирования могут негласно осуществлять свою деятельность как самостоятельно, так и при непосредственном участии со стороны иностранных религиозных организаций, а также использоваться запрещенными в России религиозными организациями радикального характера. Чаще всего местами оправления религиозных культов и обрядов в подобных случаях выступают частные дома, квартиры граждан, иные объекты недвижимого имущества, в том числе хозяйственные строения или нежилые постройки. Подвергаясь воздействиям радикально настроенных иностранных религиозных организаций, запрещенных на территории России, и получая от них финансирование, указанные религиозные ячейки могут заниматься вербовкой новых адептов, постепенно внушая последним шовинистские и экстремистские взгляды в вопросах религии. Такие группы постепенно трансформируются в радикальные ячейки или религиозные секты.

Широкое влияние указанные группы могут оказывать на этнические диаспоры, превознося свою идеологию в качестве центральной и категорично критикуя иные вероисповедания.

Основное участие в предупреждении и пресечении противоправных действий со стороны подобных групп отводится правоохранительным органам (ФСБ России, МВД России и Минюсту России).

Немаловажным фактором, влияющим на законность функционирования иностранных религиозных организаций на территории России, является их регулярная проверка на предмет наличия иностранного капитала и финансирования.

В качестве приоритетов, направленных на снижение возможного деструктивного влияния и совершенствование взаимодействия иностранных религиозных организаций с российским обществом, необходимо выделить: 1) практику регулярных проверок религиозных организаций на наличие иностранного финансирования; 2) мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет на наличие контента деструктивного содержания, способствующего разжиганию межрасовой, межнациональной или межконфессиональной розни, включая своевременную блокировку интернет-ресурсов радикально-экстремистской направленности; 3) введение практики межконфессиональных встреч, на которых целесообразно рассматривать многие вопросы, связанные трактовкой и пониманием различных спорных религиозных вопросов; 4) определение и формирование реестра основных критериев оценки влияния иностранных религиозных организации в распространении религиозных учений в России; 5) проведение программ по культурной, идеологической и религиозной терпимости (на примере организуемого ежегодно в Москве празднования мусульманского религиозного праздника «Ураза Байрам»); 6) правовое регулирование деятельности миграционных диаспор, основанных как на национальной, так и религиозной основе, заключающееся в выделении миграционных общин в отдельный сегмент, контроль за деятельностью которого следует передать отдельному коллегиальному органу по типу административной комиссии; 6) совершенствование действующего законодательства в части внесения в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» нового субъекта правоотношений – «религиозных общностей», под которым подразумевать «совокупность религиозных групп, объединенных единой религиозной идеологией», основной целью которых считать распространение религиозных учений среди отдельных национальностей или групп граждан, что позволит проводить своевременный мониторинг деятельности не только отдельных религиозных организаций, но и целых направлений религиозных учений; 7) содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом по вопросам религиозно-культурологического восприятия.

Указанные инициативы позволят минимизировать межэтнические и межконфессиональные конфликты внутри современного российского

общества, развить у населения толерантное отношение к представителям других конфессий, снизить напряженность и риски межэтнических, межнациональных и межконфессиональных противостояний.

Список литературы

1. Вихляев А.А. Миграционная интеграция в России: проблемы, тенденции, перспективы //Международный журнал конституционного и государственного права. М.: Юнити-Дана, 2019. №3. С.87-89.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
3. Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы».
4. Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

УДК: 911.3:711.454

Гладкий Александр Витальевич
д.г.н., профессор кафедры туризма и рекреации Киевского национального торгово-экономического университета, академик Национальной академии туризма Российской Федерации, г. Киев, Украина.

Эволюция города: от античности до постинформационной эпохи

Аннотация. *Актуальность проблемы состоит в поиске исторических аналогов преодоления сложностей развития городов постинформационной эпохи. Целью является анализ исторических стадий эволюции городов и механизмов оптимизации их перехода к постинформационной модели. Ведущим подходом к исследованию является историко-географический. Основными результатами статьи является анализ поступательной эволюции городов от античности и средневековья до промышленного и информационного города. Теоретическая значимость статьи состоит в систематизации стадий эволюции городов в разные эпохи. Практическая значимость состоит поиске путей преодоления сложностей развития современных городов.*

Ключевые слова*: города, эволюция, исторические эпохи, постинформационная эпоха.*

Возникновение и развитие городов тесно связаны с первыми истоками человеческой цивилизации. В разные времена, города выполняли различные профильные функции, оказывали разное влияние на развитие человеческого сообщества. Постепенно оборонные, торговые и ремесленные функции городов замещаются промышленными, культурными, научными,

творческими, образовательными, информационными. Целесообразно выделить несколько исторических этапов эволюции городов.

Города древности и античности. Большинство древних полисов (от др.-греч. πόλις — город) возникло на рубеже IV-III тысячелетий до н.э., в переходный период от первобытнообщинного к рабовладельческому строю, в результате отделения ремесленничества от земледелия. Конечно же первые города возникли в наиболее развитых земледельческих районах земного шара: на территории плодородных долин Тигра, Евфрата, Инда, Нила, Хуанхэ, а также в предгорьях Сирии и Ирана и на побережье Средиземного моря. На этой узкой полосе земного шара между сложились сравнительно благоприятные климатические условия.

Древние города были, прежде всего, религиозными, военными и дворцовыми центрами. Их населяли чиновники, священники, воины, купцы, торговцы, ремесленники и рабы. В центральной части древних городов находился храм, рынок, казармы, дворцы, общественные места (форум, термы), органы управления.

В развитии древнейших городов прослеживается и определенная закономерность, которая позволят их классифицировать.

Исходя из генезиса, можно выделить 4 типа древнейших городов:

1. Города резиденции, где сердцевиной города является дворец правителя, а также места собрания знати, администрации, войска. В таких городах концентрировалась значительная часть населения государства. Примером могут быть древнеегипетские города с резиденциями и усыпальницами фараонов, города Месопотамии и Центральной Америки.

2. Храмовые города, которые возникали вокруг наиболее посещаемых верующими культовых религиозных сооружений. Население таких городов составляли преимущественно священники, ремесленники и торговцы, они играли роль в экономической, социальной и политической жизни страны. Особое распространение храмовые города получили в Малой Азии и Сирии, (откуда в эпоху эллинизма получило распространение название города - Гиерополь, то есть «Священный город»).

3. Города государства, где сосредоточивалась знать и представители власти, руководившие зависимыми людьми вокруг. Органы городской управы одновременно были и общегосударственными, их территория была небольшой. Пример – города-полисы Древней Греции и Древнего Рима.

4. Колониальные города, возникавшие в результате переселения сельских жителей. Они имели преимущественно аграрный характер. Такие города связаны с военной или с торговой колонизацией. Примером могут служить финикийские и греческие торговые поселения - «эмпории».

Исходя их региональных особенностей, различают два типа древних городов: древневосточные (Египет, Месопотамия, Индия и Китай) и античные (Древняя Греция и Древний Рим).

Города древности и античности выполняли преимущественно управленческие, оборонительные, торгово-рыночные и ремесленные функции. Их возникновение стимулировало развитие древних государств,

распространение торговли и ремесел, развитие военного дела и искусств. Впервые различные богатства человеческой цивилизации начали накапливаться и умножаться в городах, а не были брошены на волю случая в неорганизованных человеческих племенах. Именно поэтому, возникают гигантские города древности, население которых уже тогда приближалось к 1 млн. чел. (Рим, Нанкин, Самарканд, Теночтитлан).

Средневековый город. Процесс развития городов в эпоху Средневековья, саму по себе достаточно противоречивую и до конца еще не изученную, значительно замедлился. Мир возвратился к натуральному типу хозяйства, к сельскому образу жизни. Численность городского населения не превышала 3 - 5%. Даже крупные по тем временам города насчитывали всего-навсего 5 - 20 тыс. чел. Лишь некоторые столицы и крупные торговые цетнры достигли внушительных размеров: Париж, Москва, Венеция, Лондон, Севилья, Мадрид, Лиссабон (200 - 500 тыс. чел.), (Чаньян, Кайфын, Гуанчжоу, Дели (500 - 2000 тыс. чел.), Теночтитлан, Коатепек, Тлателолько, Тескоко (200-300 тыс. чел.).

Экономической базой развития городов средневековья являлось ремесленное производство и торговля. Причем, ремесленники изготавливали свою продукцию в основном только для внутреннего потребления. Только излишки выставлялись на продажу и перевозились между городами сообществами купцов и мелких торговцев. Больше всего торговых путей стекалось в большие укрепленные города – административные центры, их население, защищенное от внешнего влияния, жило намного богаче, а ассортимент потребляемых товаров был намного шире. Рынок и рыночные отношения выступают основой экономического развития. Обмен товарами, финансовые операции, развитие новых видов производства, новых технологий и материалов в Средневековье были связаны с городами.

В Средние века города выполняют ключевые религиозные функции. Растет паломничество в центральные храмы. При них развиваются просвещение и книгопечатание, создаются хранилища церковных ценностей (икон, предметов культа), переросшие со временем в музеи и собрания произведений искусства, картин, скульптур. Города Средневековья выполняли медицинские, научные, гостинничные, пеницитарные функции. При храмах средневековых городов действовали Воскресные школы, аптеки, богадельни, лепрозории и проч. Были там и ячейки духовной культуры.

Промышленный город. Рост торговли и промышленного производства существенно стимулировал рост населения городов, стал толчком к ускорению темпов урбанизации. С развитием индустриальных государств постоянно возрастает роль сверхкрупных городов, которые постоянно разрастаются и обрастают новыми функциями благодаря эффекту масштаба производства. С образованием ряда мононациональных государств существенно возрастает роль столицы. Она становится не только промышленным центром, но еще и объединяющей основой нации, ее культуры, истории, самобытности. Так, если в 18 веке в Европе насчитывалось только 14 городов с населением более 100 тыс. чел., то в 19-м

- таких городов стало более 200, а в начале 20-го века - в городах этой категории проживало уже 5,5% всего населения планеты. В это время доля городского населения растет до 40-70% в таких ведущих государствах, как Великобритания, Соединенные Штаты, Франция, Германия.

Возникают объективные предпосылки для дальнейшего расширения городских территорий, строительство промышленных предприятий, расселения все взрастающего числа рабочих, создания единой системы транспорта и инфраструктуры, а в конце 20 века – еще и решения экологических проблем. Характерной чертой промышленных городов становится их зонирование и регулярное планирование, основанные на различных нормативах. Промышленный город становится всесторонне развитым как в социальном, так и в экономическом отношении. В основу его процветания положены успехи массового индустриального производства, который обеспечивает все население рабочими местами, стимулирует развитие городской инфраструктуры, системы транспорта, связи, коммуникаций, селитебных функций и проч.

Социальные функции промышленных городов включают преимущественно стандартный набор системы коммунально-бытового обслуживания населения, сеть предприятий торговли и общественного питания, образования (начального, среднего, иногда высшего), унифицированных заведений медицинского обслуживания, культуры и др. Промышленный город окольцован сложной системой железных дорог, примыкающих к индустриальным объектам. Они обладает комплексом складских помещений, мусорных отвалов. Социальный комплекс промышленных городов развит недостаточно и излишне унифицирован. Это накладывает существенные ограничения для полноценной жизни людей, наиболее широкой реализации их творческих и интеллектуальных способностей. Кроме того, в промышленных городах возрастают экологические проблемы.

Информационный (постиндустриальный) город. Современные города все больше вступают в стадию постиндустриального развития, когда промышленное производство перестает играть решающую роль в формировании экономической прибыли и территориальной организации городской среды. На смену большим фабрикам и заводам, которые были характерны для подавляющего большинства городов XX в., приходят малые и средние промышленные предприятия, изготовляющие высокоинновационную, наукоемкую продукцию, основывая свою деятельность на значительной раздробленности, модульности, экологичности и научной ориентированности производственного процесса. Эти модульные предприятия почти полностью потеряли свою сырьевую ориентацию и направлены на использование ресурсов информации и инноваций, интеллектуальной и творческой деятельности людей.

Основой экономики постиндустриальных городов становятся информационные технологии и информационное производство. В пределах крупных постиндустриальных городов сосредоточено значительное количество финансово-кредитных учреждений, банков, бирж и других

организаций, предоставляющих информационные и практические консультационные финансовые услуги по лизингу, маркетингу, менеджменту, мерчандайзингу, аутсорсингу, страхованию, кредитованию и др. Вторая половина информационных услуг предоставляется в сфере инжиниринга, консалтинга, регионального менеджмента, ипотечного дела, рекламно-публицистической деятельности и др. Города все больше превращаются из центров индустрии в среду обитания различных предприятий социальной направленности коммерческого и некоммерческого сектора, которые предоставляют широкий спектр услуг, необходимых для эффективной работы реального сектора экономики, обеспечения постоянно растущих потребностей людей и отдельных социальных групп.

Функциональная структура городов значительно измельчается. На смену крупным предприятиям, преимущественно промышленной ориентации, приходят маленькие модульные компании, часто с незначительным количеством работающих и маленьким фондом основных средств производства, которые в городских условиях, благодаря снижению затрат на рабочую силу, инфраструктурное обслуживание и аренду земли, получают более высокие доходы. Крупные промышленные предприятия лишаются своих гигантских размеров, измельчаются и переносятся на периферию городов, или вообще за их пределы в малые приядерные поселения, образуя тем самым мощные промышленные агломерации. На этих территориях, в условиях значительного удешевления земельной ренты и рабочей силы, в гораздо лучших условиях для осуществления транспортных коммуникаций и строительства промышленно-инженерных сооружений, индустрия получает более высокие доходы, чем в самом центре высокоразвитого городской среды.

Все мощные силы информационных городов почти полностью сосредоточены на производстве, хранении и распространении различных ресурсов, связанных с интеллектуальной, творческой и информационной деятельностью. Их богатство формируется именно на основе информационных услуг, которые производят различные коммерческие, научно-исследовательские, творческие, образовательные и другие учреждения «высших этажей» социального комплекса. В структуре занятости, эти отрасли составляют 75-90% от общего количества работающего населения. Производство ресурсов информации в наше время становится наиболее рентабельным и экономически выгодным. Оно основано на интеллекте и творчестве людей, их умственных способностях, образованности и предпринимательской инициативности. Информационная революция образует совершенно новый тип городов, в котором нет места для индустриальных и, тем более, аграрных функций. Эти города приобретают неповторимые признаки образованности, интеллектуализации, прогрессоопределимости, пионерности, модульности, экологичности, высокой технологичности и измененности природных ландшафтов. Вообще, природная среда почти полностью перестала быть определяющим фактором развития информационных городов. Их дальнейший рост связано с

наличием талантливых способных специалистов интеллектуально-информационной и рыночно-коммерческой сферы, развитием скоростных и надежных систем коммуникаций, хранения и передачи информации (благодаря технологиям Интернет), а также с формированием глубоко диверсифицированного всесторонне развитого общества (то есть, благодаря фактору «человеческого капитала»), что формирует и воспроизводит разнообразную информацию. Такие города становятся центрами глобального мира и часто называются мировыми городами.

Но будущее существование городов будет **постинформационным**. Уже сейчас футурологи и урбанисты утверждают, что информация сама по себе не способна вызвать бурное развитие городов в ближайшем будущем. Будущие города будут основаны на интеллекте и творчества людей, на их способностях создавать новые идеи, новые произведения культуры и искусства, на их духовной работе. Только признаки интеллекта и творчества, а впоследствии духовности и человечности должны быть положены в основу урбанизации. В этих процессах - решающий прогресс и спасение глубоко урбанистической по своей сути человеческой цивилизации.

УДК 331.445

Гоголева Татьяна Николаевна
д.эк.н., профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия
Щепина Ирина Наумовна,
д.эк.н., доцент кафедры информационных технологий и математических методов в экономике, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия
Яковенко Наталия Владимировна
д.г.н., профессор, главный научный сотрудник, директор НИИ ИТЛК, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Россия

Маятниковая миграция: современные особенности и способы измерения[54]

Аннотация. *Актуальность проблемы определяется ее взаимосвязью со многими вопросами экономики труда, регионального развития, государственной социально-экономической политики. Цель исследования – выделить особенности подходов, используемых в российской науке и определить информационное обеспечение изучения маятниковой миграции. В статье систематизированы имеющиеся подходы с позиций используемых*

[54] Исследование подготовлено при финансовой поддержке проекта РФФИ 19-29-07400 мк

методов, источников и инструментария. Основным результатам является выделение взаимосвязи выбираемого научного подхода и инструментария анализа. Значимость статьи – в возможности использования результатов для дальнейших исследований.

***Ключевые слова**: маятниковая трудовая миграция (МТМ), научные подходы, используемые для изучения, источники информации о МТМ в регионах*

Маятниковая трудовая миграция – явление многоаспектное, отражающее многие процессы, происходящие в современном обществе, включая демографические характеристики, трансформации рынка труда и его территориальную сбалансированность, пространственное развитие экономических систем, транспортную обеспеченность социально-экономического развития, определение направлений государственного регулирования и другие. Как любое сложное явление МТМ требует междисциплинарного подхода к изучению, а потому вызывает интерес географов, экономистов, социологов, математиков, специалистов по информационным системам. Каждое из данных направлений подходит к анализу с позиций своего научного направления, но оказывается перед необходимостью использования подходов и инструментария смежных наук, что отражается в специфике и наборе методов, используемых для изучения МТМ.

Особенности подходов и целей исследования привело к тому, что даже исходные точки анализа, включая определения предмета и задач исследования значительно различаются у представителей разных наук и направлений. При этом следует отметить, что с каждым годом появляются все новые и новые точки интереса к МТМ, которые свидетельствуют о том, что маятниковая миграция как комплексное явление может отражать те процессы, которые в обществе только зарождаются. Примером может служить интерес к МТМ, возникший в ходе изучения трансформаций человеческого капитала в условиях цифровой экономики.

Традиционное определение МТМ относит к ней ежедневное перемещение части населения между местами работы и проживания (маршрут дом-работа-дом), которые находятся на значительном расстоянии друг от друга. Однако, как показывают проводимые исследования, а также о чем свидетельствует современная практика, эти перемещения могут быть и не ежедневными, а периодическими, что особенно четко проявляется в условиях быстрого развития дистанционной или частично дистанционной формы занятости.

Другая традиция связана с отнесением к МТМ перемещений между различными территориальными экономическими субъектами – городами, населенными пунктами и т.п. Однако, если принимать во внимание преодолеваемые расстояния, то перемещения, к примеру, в географических рамках г.Москвы ничуть не уступают перемещениям из Подмосковных регионов в столицу. Еще одна проблема определения МТМ связана с ее трудовой принадлежностью, поскольку достаточно большая доля

ежедневных миграций относится к перемещениям, определяемым разного рода обучениями экономических субъектов. Отсюда возникают различия терминологического характера, отнесение к МТМ и регулярных, и ежедневных перемещений, выделение личной и трудовой, трудовой и образовательной МТМ.

Представляется, что нет необходимости «загонять» сложный процесс МТМ в узкие рамки раз и навсегда заданных определений и классификаций. Каждый исследователь, определяя цели своего анализа, может сделать акценты на те характеристики маятниковой миграции, которые в наибольшей степени интересны для решения поставленных задач.

Еще одна проблема изучения МТМ связана с тем, что информация о маятниковой миграции в России не регистрируется на регулярной основе официальной статистикой, а специальные исследования крайне редки, прежде всего из-за их высокой стоимости и сложности обработки полученной информации. Систематический научный анализ состояния и динамики данного явления в России не осуществляется, несмотря на то, что оно является отражением многих современных процессов, протекающих в социальных и экономический системах, один из которых связан с трансформацией современного рынка труда под влиянием развития цифровой экономики.

Отдельные исследования стали появляться в российской науке с 2000-х годов и в каждом из них отмечается проблема информационного обеспечения, нехватка количественной и качественной информации. Как правило, имеющаяся у исследователей информация, данные, которые удается получить, носят региональный характер. Это не позволяет выделять особенности МТМ применительно к российскому обществу в целом. На основе изучения существующих исследований данного явления авторами статьи были составлена следующая таблица.

Таблица 1. Основные подходы, методики и инструменты анализа маятниковой миграции, представленные в российской научной литературе

Авторы, используемые подходы	Цель анализа маятниковой миграции	Методы и инструменты анализа
Ю.Ю. Шитова, Ю.А. Шитов; изучение статистических данных (5-9) на основе математических методов и регрессионного анализа	Выявление долговременной динамики МТМ на примере Подмосковья	Косвенный эмпирический метод на основе изучения трех основных факторов МТМ: доходов, стоимости жилья и стоимости внутрирегиональных транспортных перемещений; Балансовый метод оценки трудовых ресурсов региона

Авторы, используемые подходы	Цель анализа маятниковой миграции	Методы и инструменты анализа
Л.Леденева, Е.Донец; социологические методы	Определение масштабов маятниковой миграции (Московский регион)	Анкетный опрос (2006)
Е. Мальцева. социологические методы, экспертные оценки	Определение направлений регулирования рынка труда относительно миграционных процессов Орловская область	Анкетные и экспертные опросы (2011-2012 гг.)
М.Л.Акишина, А.А.Фанненштиль	Анализ количественных характеристик МТМ на региональном уровне (Алтайский край, сельское хозяйство) для определения баланса трудовых ресурсов сельской местности	Эмпирический анализ состава занятых крупных сельскохозяйственных организаций, балансовый метод расчета трудовых ресурсов предприятия
Н.Г.Чевтаева, Э.В.Егунов, экспертные методы	Изучение маятниковой миграции как проявление современной субурбанизации: причины и последствия (Свердловская область)	Экспертный опрос руководителей муниципальных образований
Л. А. Дорофеева, Е. А. Касьянова, социологические походы	Выявление количественных и качественных характеристик МТМ (Красноярская городская агломерация) в географическом разрезе	Метод ключей, социологический опрос
А.Г. Махрова, А.Н.Бочкарев, использование технологий анализа BigData	Анализ количественных и качественных характеристик МТМ в Московском регионе	Расширенные базы данных, включая BigData, сформированные на основе информации от сотовых операторов и навигационных систем
Е.Б.Бедрина, О.А.Козлова, А.А.Ишуков, статистические подходы	Анализ количественных характеристики МТМ и зонирование на этой основе агломерации г.Екатеринбурга	На основе данных Росстата и инвестиционных паспортов муниципальных образований, входящих в зону влияния, а также с использованием баланса трудовых ресурсов решаются задачи делимитации и зонирования экономического пространства

Проведенный анализ имеющихся исследований на предмет выявления подходов, наиболее адекватных изучению трансформаций человеческого капитала в условиях цифровой экономики, позволяет сделать следующие выводы:

- с точки зрения инструментальной насыщенности и ориентации на изучение факторов, влияющих на МТМ, наибольший интерес представляет использование пространственных моделей при проведении эмпирических исследований динамики главных факторов, определяющих величину и направление потоков МТМ. Такой подход позволяет характеризовать состояние данного процесса и получать представление о трудовой мобильности в регионе даже в отсутствии дефицита исходной информации. Однако данный подход ориентируется на использование информации с малой долей детализации. По всей вероятности, чтобы выявить результаты взаимодействия инновационных трансформаций в человеческом капитале и маятниково-миграционных процессов, требуется более дробная информация о доходах и видах используемого транспорта, а также о недельной частоте перемещений, получить которую можно на основе информации сотовых операторов, навигационных систем, позволяющей более детально характеризовать передвижения экономических агентов. Для обработки такой информации необходимо использовать технологии сбора и обработки BigData;

- использование балансового метода учета трудовых ресурсов не позволяет выявлять целый ряд противоречий и проблем, связанных с современными трансформациями рынка труда, что имеет большое значение для формирования направлений социально-экономического регулирования, поскольку:

а) маятниковые мигранты учитываются в составе рабочей силы не по месту проживания, а по месту трудоустройства;

б) сложно определить точную численность трудовых ресурсов даже крупных территориальных (муниципальных) образований из-за значительной неформальной занятости, имеющей тенденцию к увеличению;

в) активно внедряющаяся дистанционная занятость, напрямую связанная с развитием информационного общества и цифровой экономики, и имеющая характеристики неформальной занятости ставит вопросы о своей идентификации и принадлежности к феномену МТМ.

- некоторые исследователи справедливо считают, что для изучения МТМ важно применение любых доступных приемов и методов, позволяющих уточнять и дополнять полученные результаты (А.Г.Махрова, П.Л.Кириллов). Даже использование больших данных от сотовых операторов и навигационных систем не избавляет от информационных проблем, в частности, потому что они не включают информацию о перемещениях, которые осуществляются общественным транспортом, с усовершенствованием которого доля таких миграций будет возрастать.

Список литературы

1. Акишина М.Л. Формирование баланса трудовых ресурсов сельской местности в условиях роста маятниковой трудовой миграции/ Акишина М.Л., Фанненштиль А.А. / Вестник алтайского государственного аграрного университета 2013. № 3. С. 152-156.
2. Бедрина Е.Б. Методические вопросы оценки маятниковой миграции населения/ Е.Б. Бедрина, О.А. Козлова, А.А. Ишуков / https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-voprosy-otsenki-mayatnikovoy-migratsii-naseleniya (дата обращения 14.09.2020 г.)
3. Дорофеева Л.А. Маятниковая миграция населения в Красноярской городской агломерации (на примере населенных пунктов Емельяновского района)/ Л., А. Дорофеева, Е.А. Касьянова //Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле» 2017. Т. 20. С. 25–42.
4. Леденева Л. Масштабы привлечения труда маятниковых мигрантов в московском регионе/ Л.Леденева, Е. Донец //Социальная и демографическая политика. 2007. № 4. С. 4-11.
5. Мальцева Е.С. Маятниковая трудовая миграция: государственное регулирование или рыночная саморегуляция? / Е.С. Мальцева // Вопросы управления. 2012. № 1 (18). С. 107-111.
6. Махрова А.Г. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием личной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка / А.Г .Махрова, П.Л. Кириллов /Региональные исследования.2015. № 1 (47). С.117-125.
7. Махрова А.Г. Маятниковая миграция в Московском регионе: новые данные / Махрова А.Г., Бочкарев А.Н. // Демоскоп Weekly. 2017. № 727-728. URL: http://demoscope.ru/weekly/2017/0727/tema01.php.
8. Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В. Маятниковая миграция в жизнедеятельности населения пригородов /Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В./ V Уральский демографический форум «Институты демографического развития России» Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014.С.184-187.
9. Шитова Ю.Ю. Анализ долгосрочной динамики факторов, определяющих маятниковую трудовую миграцию в Подмосковье / Ю.Ю. Шитова, Ю.А. Шитов - https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-dolgosrochnoy-dinamiki-faktorov-opredelyayuschih-mayatnikovuyu-trudovuyu-migratsiyu-v-podmoskovie (дата обращения 15.08.2020.г.)

УДК 314.17:[911.3+2](100)
Горохов Станислав Анатольевич
д.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии Российской академии наук, г. Москва, Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, г. Пушкин, Россия
Агафошин Максим Михайлович
ассистент Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия

Демографические факторы изменения компонентной структуры глобального конфессионального пространства[55]

Аннотация. *Актуальность темы обусловлена масштабом структурных изменений, которым подверглось конфессиональное пространство за последнее столетие. В связи с тем, что сущность глобального конфессионального пространства составляют развивающиеся во времени отношения между людьми, носителями религиозного сознания, духовных традиции и норм поведения, то представляется, что именно население является центральным его элементом. Ведущие методы: историко-географический, сравнительно-географический, демографический. Практическая значимость работы обусловлена необходимостью совершенствования основ демографической политики.*
Ключевые слова: *религия, рождаемость, миграции, конфессиональное пространство.*

Изменение компонентной структуры конфессионального пространства обусловлено в общем случае соответствующими изменениями численности адептов тех или иных религий в результате естественного, миграционного прироста или конверсии (переход из одной религии в другую). Однако именно демографические факторы – рождаемость, смертность и миграционное движение играют определяющую роль в динамике численности адептов религий.

Для всех крупнейших религий естественный прирост в мировом масштабе в конце XX в. был положительным. Наиболее высок он у мусульман (коэффициент естественного прироста равен 20,30‰), адептов этнорелигий (19,14‰) и индуистов (17,56‰); наименьшие значения характерны для буддистов (10,33‰), адептов китайской традиционной религии (10,30‰) и нерелигиозного населения (8,97‰). Группу со средними значениями естественного прироста образуют иудаисты (14,07‰) и христиане (12,1‰) [6].

В настоящее время по показателю рождаемости в мире лидирует ислам, за ним следует христианство, в то время как адепты всех остальных

[55] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00054).

крупнейших конфессий мира имеют уровень рождаемости ниже среднемировых показателей, а некоторые – и ниже уровня простого воспроизводства населения (табл. 1).

Таблица 1-Региональная дифференциация значений суммарного коэффициента рождаемости (детей) у адептов различных религий, 2010-2015 гг.

Религии	Регионы мира						Мир
	Суб-сахарская Африка (ССА)	Средний Восток и Северная Африка	Латинская Америка	АТР	Северная Америка	Европа	
ислам	5,6	3,0	…	2,6	2,7	2,1	3,1
христиан-ство	4,5	2,5	2,2	2,3	2,1	1,6	2,7
индуизм	…	…	1,6	2,4	2,1	1,5	2,4
буддизм	…	…	1,5	1,6	2,1	…	1,6
иудаизм	…	2,8	…	…	2,0	1,8	2,3
народные религии*	5,1	…	1,4	…	…	…	1,8
другие религии**	…	…	…	1,6	…	…	1,7
нерелиги-озные	4,3	…	2,3	1,6	1,6	1,4	1,7
Всё население	**4,8**	**3,0**	**2,2**	**2,1**	**2,0**	**1,6**	**2,5**

*китайская традиционная религия, родоплеменные религии народов Африки, Азии и Америки.
**синтоизм, бахаизм, джайнизм, сикхизм, даосизм, зороастризм и др.
Составлено авторами по [8].

В конце XX – начале XXI вв. происходит постепенное сближение уровня рождаемости у христианского и мусульманского населения мира. Еще в 1989 г. на одну мусульманку приходилось 5,2 ребенка, в то время как на христианку – только 3,3; однако уже в 2000 г. этот показатель составил соответственно 3,7 и 2,6, а в 2015 г. – уже 3,1 и 2,7 [2]. Такая конвергенция объясняется повышением уровня социально-экономического развития мусульманских стран мира, которое вызывает закономерное снижение уровня рождаемости населения [1]. К тому же, большую часть христианского населения мира в конце XX – начале XXI вв. составляют жители развивающихся стран, что приводит к постепенному выравниванию уровня рождаемости у христиан, мусульман и индуистов. Тем не менее, разрыв в значении СКР между мусульманскими и христианскими странами мира, по прогнозам, будет существовать по крайней мере до 2030-х гг. [7].

Связано это, в том числе, с менее благоприятной возрастной структурой христианского населения мира. Его медианный возраст составляет 30 лет, что на 2 года больше среднего показателя по миру, на 7

лет выше соответствующего показателя у мусульман и на 4 года – у индуистов (табл. 2).

Таблица 2 -Региональная характеристика медианного возраста (лет) адептов различных религиозных направлений мира, 2010 г.

Религиозные направления	Регионы мира						Мир
	Субса-харская Африка	Средний Восток и Северная Африка	Латинская Америка	АТР	Северная Америка	Европа	
ислам	17	23	…	24	26	32	23
христианство	19	29	27	28	39	42	30
индуизм	30	33	32	26	33	33	26
буддизм	29	…	…	34	33	…	34
иудаизм	…	32	…	36	40	…	36
народные религии*	18	…	35	34	…	…	33
другие религии**	…	…	…	33	…	…	32
нерелигиоз-ные	20	…	26	35	31	37	34
Всё население	18	24	27	29	37	40	28

*китайская традиционная религия, родоплеменные религии народов Африки, Азии и Америки.

**синтоизм, бахаизм, джайнизм, сикхизм, даосизм, зороастризм и др.

Составлено авторами по [8].

Дети (0-14 лет) составляют 27% глобальной христианской популяции, что соответствует среднемировому показателю, однако доля старших когорт населения (60 и более лет) у адептов христианства выше на 3%, чем в среднем по миру. Старение христианской общины «обеспечивают» его адепты в Северной Америке и, особенно, в Европе, где медианный возраст христиан составляет соответственно 39 и 42 года.

Роль компонентов в динамике роста адептов христианства в различных регионах мира отличается. Больше всего растет христианское население в регионах Глобального Юга, прежде всего в Африке и Азии, на которых в совокупности приходится около 2/3 ежегодного прироста численности христиан в мире, в то время как концентрируется здесь лишь нескольким более 1/3 глобальной христианской общины [3]. В то же время вклад Европы и Северной Америки, в которых проживает почти столько же христиан, сколько в Африке и Азии, в прирост христианского населения мира составляет менее 10% (табл. 3).

В начале XXI в. в мире из каждых четырех новых христиан трое «появляются» за счет рождений и один – за счет перехода в христианство адептов других религий. По уровню рождаемости лидируют христианское население Тропической Африки: в Замбии и Чаде значение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) у женщин-христианок превышает 6 при

среднем по субрегиону значении 4,5. С другой стороны, в государствах Европы СКР у христианского населения ниже уровня простого воспроизводства населения (1,6), а в Македонии, Боснии и Герцеговине он составляет лишь 1,1 [8].

Таблица 3-Компоненты региональной динамики христианского населения мира, 2010 г.

Макрорегион	Доля региона, %		Доля региона в компонентах роста численности христианского населения мира, %	
	в общей численности христианского населения мира	в ежегодном приросте христианского населения мира	рождаемость	переход в христианство
Африка	21,6	41,7	39,9	20,7
Латинская Америка	23,9	23,5	23,5	24,1
Азия	15,4	24,2	13,9	28,1
Северная Америка	12,3	8,3	8,4	8,1
Европа	25,6	1,4	13,3	18,4
Австралия и Океания	1,2	0,9	1,0	0,6
Мир	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**

Рассчитано и составлено авторами по [5].

В этой связи в странах Африки доля рождаемости в части увеличения христианской общины особенно высока – почти 84%, в то время как для европейских государств она составляет лишь 52% – самый низкий показатель среди всех макрорегионов мира (в Италии, Швеции, Люксембурге, Италии она обеспечивает лишь 45% и менее роста христианской общины). Доля рождаемости в росте адептов христианства значительно ниже среднего по миру уровня также в Канаде (41%), Китае (34%) и Сингапуре (33%), отличающихся низким уровнем рождаемости населения. В 2010 г. на Африку приходилось 40% новорожденных христиан, а на Европу – лишь 13%.

Необходимо также отметить, что уровень рождаемости у религиозного населения во всех регионах мира (за исключением Латинской Америки) значительно выше, чем у нерелигиозного, что, в целом, подтверждает мнение ряда отечественных и зарубежных демографов, которые видят основную причину падения темпов рождаемости именно в отходе населения от религии (см. подробнее, например, [4]).

Демографический компонент, то есть смертность лидирует среди причин уменьшения численности христианского населения мира: из каждых трех «уходящих» христиан двое умирают, а один переходит в другую веру (в широкой трактовке). Выше среднемировой доля смертности в сокращении христианского населения лишь в Африке (71%), для населения которой

характерен высокий уровень смертности вообще, в то время как в Латинской Америке смертность обеспечивает лишь 40% уменьшения христианской общины. Хотя роль смертности в уменьшении численности христиан в Европе несколько ниже среднемирового показателя, некоторые страны этого макрорегиона, в которых наблюдается депопуляция населения, наряду со странами Африки лидируют в мире по значимости смертности в снижении численности христианской общины. Так, в 2010 г. смертность более чем на 82% обеспечила уменьшение христианского населения России, Бурунди, Ботсваны, Мозамбика, Украины, Белоруссии, Бенина, Гвинеи, Буркина-Фасо и Сьерра-Леоне [5].

Таким образом, развитие конфессионального пространства мира во многом определяется именно демографическими процессами, которые, оказывают влияние на соотношение между численностью адептов крупнейших религий на глобальном уровне, то есть на динамику его компонентной структуры.

Список литературы

1. Агафошин М.М. Влияние демографических особенностей на процессы регионального развития арабских стран Ближнего Востока//Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте: мат-лы международной научной конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО)/Под общ. ред. А.Г. Дружинина. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. С. 16-20
2. Горохов С.А. Измерения исламского мира: исторический анализ пространственной динамики // Вопросы географии. Сб. 136: Историческая география / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. М.: Издательский дом «Кодекс», 2013.С. 145-146
3. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI в.: мир, регион, страна // Вестник Томского государственного университета. 2017. №148. С. 85-90.
4. Синельников А.Б. Семейная жизнь и религиозность [электронный ресурс]. Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=247 (дата обращения: 28.10.2019)
5. Atlas of Global Christianity. 1910-2010 / Eds. T.M. Johnson, K.R. Ross. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 382 p.
6. Barrett D.B., Kurian T.K., Johnson T.M. World Christian encyclopedia: a comparative survey of churches and religions in the modern world. 2nd ed. Vol. 1. New York: Oxford University Press, 2001. 888 p.
7. The Future of Global Muslim Population. Projections for 2010-2030. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2011. 209 p.
8. The Global Religious Landscape. A Report on the Size and Distribution of the World’s Major Religious Groups as of 2010. Washington, D.C.: Pew Research Center, 2012. 82 p.

УДК 304
Гусейнова Турана Махмуд гызы
докторант, Институт Географии НАН Азербайджана им. акад. Г.А. Алиева, г. Баку, Республика Азербайджан

Роль демографического фактора в формировании качества жизни в Республике Азербайджан, на примере Большого Кавказского природного региона

Аннотация. *В статье анализируются особенности демографического развития качества жизни населения экономических районов в природном регионе Большого Кавказа. Демографические показатели рассчитывались на основе материалов переписи населения и текущей статистики, а также изучались изменения в этой сфере. В статье определены проблемы, выявленные на основе исследований, направления их устранения, даны научно обоснованные предложения.*

Ключевые слова*: качество жизни, демографическое развитие, рождаемость, смертность, естественный прирост.*

Введение. Одна из важных задач государства - повышение качества жизни и благосостояния населения в каждом регионе Азербайджанской Республики. Одним из показателей, определяющих качество жизни населения, является демографическое развитие. Российские исследователи С.А.Васнев, В.М. Жеребин, А.Н. Романов и другие ученые предоставили информацию о качестве жизни [2, 6]. З.Н. Эминов, Н.А. Пашаев, Н.Х. Эюбов, Е.С. Бадалов, Р.Н. Керимов, З.Т. Имрани и др. ранее изучали численность и расселение населения, демографическое развитие, социальные услуги в разных регионах [1, 3, 7, 8]. Однако, со временем внесение новых информаций в базу данных, расширение перспектив развития государства требует периодического проведения длительного регионального анализа. В этом отношении регион Большого Кавказа развивается быстрее других регионов.

Анализ и обсуждение. В природный регион Большого Кавказа входят Апшеронский, Шеки-Загатальский, Губа-Хачмазский, Горно-Ширванский экономические районы. Регион имеет благоприятное экономико-географическое положение на севере, северо-западе и северо-востоке Азербайджанской Республики. Площадь природного региона составляет 27,8 тыс. км^2 и занимает 31,1% территории страны. По данным 2019 года, численность населения региона составляет 4339,5 тыс. человек (43,5% населения страны) [4].

Численность населения - важнейший демографический показатель. В 1989 г. в природном регионе Большого Кавказа проживало 3151,7 тыс., в 1999 г. - 3376,6 тыс. человек [9]. За этот период на природный регион приходилось соответственно 44,9% и 42,5% населения республики. В 1989-1999 гг. темпы прироста численности населения региона увеличились слабее

и стали ниже, чем в целом по стране. Это напрямую связано с более низким качеством жизни населения, что в свою очередь вызвано социально-экономическими, политическими, национальными, этническими, демографическими и т. д. факторами. В 1999-2009 годах общий прирост населения Апшеронского экономического района был высоким (135,9%), что превышает средний показатель по природному региону (115,4%). В этот период темпы роста других экономических районов природного региона были ниже средних (Табл.1).

Таблица 1-Изменение численности населения в природном регионе Большого Кавказа, тыс.чел.

Экономические районы	Численность населения, тыс.чел.				Прирост, %		
	1989	1999	2009	2019	1989-99	1999-09	2009-19
Апшерон	2129,3	2167,0	2559,7	2850,1	101,8	118,1	111,3
Шеки-Закатала	447,7	518,7	566,0	621,4	115,9	109,1	109,8
Губа-Хачмаз	364,9	441,6	488,8	549,4	121,0	110,7	112,4
Горно - Ширван	209,8	249,3	281,5	318,6	118,8	112,9	113,2
Большой Кавказ	3151,7	3376,6	3896,0	4339,5	107,1	115,4	111,4
Азерб. Респ.	7021,2	7953,4	8922,8	9981,5	113,3	112,2	111,9

Источник: Рассчитано на основе «Демографические показатели Азербайджана - 2019».

В 2009-2019 годах численность населения природного региона Большого Кавказа увеличилась на 443,5 тыс. человек (111,4%).

За десятилетие между двумя последними переписями рост населения (111,4%) был ниже по сравнению с показателем предыдущего периода (115,4%), и среднего по республике (111,9%). В целом, численность населения региона постоянно растет за счет столицы.

Естественный прирост - главный источник роста населения. Большая численность населения и молодое поколение в его составе обеспечивают высокие темпы абсолютного естественного прироста. На естественный прирост населения влияют соотношение городского и сельского населения, уровень жизни, изменение показателей рождаемости и смертности, половой и возрастной состав [3].

В 1990 году самый высокий показатель естественного прироста на 1000 человек в природном регионе Большого Кавказа наблюдался в Горно-Ширванском экономическом районе - 24,5 человека. В тот же период в Апшеронском, Шеки-Загатальском, Губа-Хачмазском экономических районах этот показатель колебался в пределах 14,1-22,4 человек. 1990-2000 годы являются переходным периодом в демографическом развитии природного региона. За этот период рождаемость в экономических регионах снизилась до 40-50%. Темпы естественного прироста населения за эти годы снизились в природном регионе в 2,2 раза, а в экономических районах в 2,3-

2,5 раза. Таким образом, за этот период в природном регионе Большого Кавказа количество рождений на 1000 человек снизилось на 11,5 тыс. человек (57,7%). Количество умерших в указанный период изменилось незначительно (6,3 человека). Естественный прирост населения сократился вдвое. По данным за 2018 год, естественный прирост в регионе составил 7,9 на 1000 человек (Рис. 1). Несмотря на отсутствие существенных различий между экономическими районами в динамике прироста населения, самый высокий естественный прирост вновь был отмечен в Горно-Ширванском экономическом районе - 10,4 человек на 1000 человек. Эти показатели близки к средним показателям естественного прироста населения по региону (7,9 человека) и республике (8,4 человека). В том же году самый низкий естественный прирост наблюдался в Апшеронском и Шеки-Загатальском экономических районах - 7,7 человек. Это ниже среднего показателя по региону и стране.

Рис. 1. Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста в природном регионе Большого Кавказа (на 1000 чел.)

Таким образом, количество смертей среди живорожденных детей в возрасте до одного года за исследуемый период зависит от уровня качества жизни или услуг, предоставляемых матерям, беременным женщинам и детям в центральных и местных медицинских учреждениях. Эти факторы также являются одним из показателей, определяющих уровень социально-экономического развития страны, качество жизни населения [5]. В 2018 году в природном регионе Большого Кавказа зарегистрировано 825 случаев младенческой смерти. Это составляет 53,3% всех случаев младенческих смертностей (1547 человек) в стране. 691 смертельных случаев младенческого возраста было зарегистрировано в городских, а 134 в сельских поселениях. Младенческая смертность среди городского населения в 5,2 раза выше, чем среди сельского населения. Показатель младенческой

смертности имеет высокий уровень среди городского населения Апшеронского (559 человек) и Губа-Хачмазского (53), а также сельского населения Шеки-Загатальского (64 человек) и Горно-Ширванского (44 человек) экономических районов.

Результат. Анализ исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Включение Баку в природный регион Большого Кавказа привело к высокому уровню урбанизации в регионе (69,7%).

2. В других экономических регионах расселение большей части населения в сельской местности, низкий уровень урбанизации привели к увеличению численности населения за счет естественного прироста.

3. В 1999–2009 годах темпы прироста населения увеличились на 8,3% по сравнению с предыдущими годами (1989–1999 годы) и снизились на 4,0% после 2009 года.

4. Смертность среди живорожденных детей в возрасте до одного года составила 53,3% младенческих смертей в стране.

Список литературы

1. Бадалов Э.С. Социально-демографические проблемы и проблемы расселения в Апшеронском экономико-географическом районе. Баку, 2016. 199 с.
2. Васнев С.А.Статистика: учебное пособие Москва: МГУП, 2001. 170 с.
3. География Азербайджанской Республики «Региональная география» III том. НАНА, Институт географии им. Г.А.Алиева. Баку, 2016, 199с.
4. Демографические показатели Азербайджана. Баку, ГСК,2019,512 с.
5. Эминов З.Н. Региональные проблемы демографического развития и демографической политики в Азербайджанской Республике / «Демографическое развитие в Азербайджанской Республике: перспективы расселения и региональные проблемы», Баку: 2016, с.10-18.
6. Жеребин В.М., Романов А.П. Уровень жизни населения-М:, Юнити- ДАНА, 2002-592 с.
7. Имрани З.Т. Губа-Хачмазский экономический район. Эльм, Баку, 2007. 172 с.
8. Пашаев Н.А., Эюбов Н.Х., Эминов З.Н. Экономическая, социальная и политическая география Азербайджанской Республики. Баку: Чираг, 2010, 416 с.
9. Регионы Азербайджана. Баку, ГСК, 2019. 788 с.

УДК 911.8
Дмитриев Руслан Васильевич
к.г.н., докторант, старший научный сотрудник; Институт географии РАН, г. Москва; Институт Африки РАН, г. Москва, Россия

Последовательность эволюции систем центральных мест без учета взаимовлияния уровней иерархии

Аннотация. *Выявлена последовательность эволюционных преобразований систем центральных мест без учета взаимовлияния уровней иерархии. Она представляет собой заполнение уровней иерархии (рост значения параметра K для данного уровня), прерывающееся появлением полных подсистем (увеличение числа уровней иерархии при постоянстве K) – по крайней мере, после заполнения второго и пятого уровней.*

Ключевые слова: *система центральных мест, эволюция, уровень иерархии, K-параметр*

Эволюционные процессы в системах расселения интересовали специалистов по теории центральных мест (ТЦМ), начиная со времени ее появления в начале 1930-х годов [7]. Отправной точкой в изучении этого процесса служит предложенный В.А. Шупером [5] принцип дополнительности, заключающийся в том, что исследователь не имеет возможности для некой системы ЦМ однозначно зафиксировать одновременно и их иерархию по численности населения, и совокупность центральных функций по обслуживанию себя и дополняющих районов. Две этих «составляющих» формирования кристаллеровской решетки неразрывно друг с другом связаны, отделить их невозможно. В то же время, если мы желаем проследить путь эволюции этой системы ЦМ, преобладание той или иной «составляющей» в цепочке умозаключений исследователя приведет к совершенно разным схемам этой эволюции.

Первые работы, посвященные этой проблеме, появились лишь в 1990-е годы благодаря экономистам (см., например, [8]). Причем были выполнены они в русле «новой экономической географии»: не удивительно при этом, что именно составляющая центральных функций была основной. Классических экономгеографов в большей степени интересует иерархическая составляющая принципа дополнительности в отношении эволюции систем ЦМ. В то же время проведенные исследования (например, [1]) не позволяют ответить на вопрос о пошаговой эволюции систем ЦМ. Действительно, не ясно, как происходит появление новых ЦМ в системе – то есть, в конечном счете, как происходит появление новых уровней иерархии (показатель n) и как эти уровни заполняются (показатель K).

Ранее нами было выведено уравнение (1), позволяющее определить суммарную доля всех ЦМ с 1-го до n-го уровня (нумеруются сверху) в населении всей рассматриваемой системы ЦМ:

$$\varphi = 1 - (1-k) \times \left(\frac{K \times (1-k)}{K-k} \right)^{n-1} \quad (1)$$

где K – вариант кристаллеровской иерархии (в классической ТЦМ K = 3, 4 или 7), k – доля центрального места в населении обслуживаемой им зоны.

Как было показано В.А. Шупером [6], значение k постоянно для всех уровней иерархии. Нам в [3] удалось установить существование нестрогого инварианта k в виде его максимального значения, равного $K - \sqrt{K^2 - K}$. Учитывая это, нами установлено, что для любого n и при одном и том же значении K, равно как и для любого K при одном и том же значении n график, построенный в соответствии с уравнением (1), носит характер непрерывной монотонно возрастающей функции, определенной на всем интервале значений k. При фиксировании одного из этих параметров проблем не возникает, однако на самом деле K и n могут меняться – по крайней мере судя по виду уравнения (1) – почти независимо друг от друга. Но это – лишь на первый взгляд: на самом деле ход процесса эволюции систем расселения в аспекте ТЦМ достаточно строг.

Вероятно, для систем расселения в рамках ТЦМ действительно в процессе эволюции характерен (по крайней мере до некоторого момента) рост численности городского населения [2], в качестве которого вполне может быть выбрано значение φ. Это особенно важно для закрытых систем с иерархическими показателями роста численности населения всех уровней (в соответствии с их иерархией по численности населения) или для систем с постоянным населением [4]: иными словами, новым ЦМ-городам в таких системах просто неоткуда взяться, кроме как из сельского населения. Для установления порядка эволюции систем ЦМ важно, чтобы изменения эти носили по возможности наиболее монотонный характер, т.е. – в конечном итоге – чтобы график функции φ не имел разрывов первого и второго рода. Это означает, что в каждой точке – по крайней мере на интервале от 0 до 1 – мы можем найти его производную.

Представим, что система эволюционирует с самого начала и однонаправленно, то есть движется от «точки» с координатами n и K соответственно (1; 1) к «точке» (2; 2). Дальнейший путь не так очевиден, поскольку минимальное изменение системы ЦМ (рост φ происходит самыми медленными темпами) заключается в «переходе» к координатам, одна из которых увеличивается на единицу по сравнению с (2; 2) – (2; 3) или (3; 2). Посмотрим, какой из них более предпочтителен.

Для этого, используя уравнение (1), найдем значения производной функции φ в точке (2; 2) по направлению (l_n; l_K) при полярных k = 0,1 и k = 0,5, за которые функция выходит редко:

$$\frac{\partial \varphi}{\partial l} = \frac{\partial \varphi}{\partial n} \cos \alpha + \frac{\partial \varphi}{\partial n} \cos \beta \quad (2)$$

где $\cos\alpha = \frac{l_n}{|\vec{l}|}; \cos\beta = \frac{l_K}{|\vec{l}|}$ – направляющие косинусы;

$$|\vec{l}| = \sqrt{l_n^2 + l_K^2}.$$

Эта производная представляет собой скорость изменения функции в заданном направлении. Она максимальна для точки (3; 2), однако в случае ее выбора в качестве следующего шага развития системы расселения будет наблюдаться больший рост φ, чем в случае точки (2; 3). Нас же интересует наименьшее приращение функции, поэтому далее на каждом шаге мы будем ориентироваться именно на наименьшее из полученных значений. В дальнейшем весь алгоритм был пошагово повторен для каждой «точки» – вплоть до той, которая имеет координаты (7; 7). Оказалось, что вне зависимости от значения k направление и длина шага от текущей «точки» – одни и те же. Таким образом, характер эволюции системы расселения в аспекте теории ЦМ зависит только от числа уровней иерархии в ней и их соподчиненности.

Первый шаг – формирование одного ЦМ 1-го уровня. Далее появляется еще одно ЦМ – «точка» с координатами (2; 2). А вот далее эволюция системы расселения в аспекте классической ТЦМ – что весьма важно, если мы не учитываем взаимовлияние уровней иерархии, т.е., к примеру, что численность и расположение ЦМ четвертого уровня иерархии не зависят от таковых для ЦМ всех предшествующих уровней – происходит преимущественно путем полного последовательного заполнения уровней иерархии (рост значения K при сохранении числа уровней иерархии), прерывающегося появлением полных подсистем расселения (рост числа уровней иерархии при постоянстве K). Так, после заполнения второго уровня иерархии появление двух первых ЦМ 3-го уровня («точка» с координатами (3; 2)) приводит не к его дальнейшему заполнению, а к формированию «полной» подсистемы расселения между одним ЦМ 1-го уровня и одним ЦМ 2-го уровня. После окончания этого процесса эволюция возвращается в свое нормальное русло: последовательно заполняются третий, четвертый и пятый уровни. После этого процесс снова прерывается в «точке» (6; 3) формированием полной подсистемы расселения ($K = 3$), чтобы затем снова вернуться к нормальному ходу.

Список литературы

1. Важенин А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997.62 с.
2. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Парадоксы урбанизации современной Индии // География в школе. 2009. № 2. С. 17-23.
3. Дмитриев Р.В. К вопросу о постоянстве значения доли центрального места в населении обслуживаемой им зоны для всех уровней кристаллеровской иерархии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 1. С. 128-135.
4. Дмитриев Р.В. Метрика пространства в теории центральных мест: старые проблемы, новые решения // Географический вестник. 2019. № 2 (49). С. 24-34.
5. Шупер В.А. Принцип дополнительности и теория центральных мест // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 1996. № 4. С. 88-94.

6. Шупер В.А. Самоорганизация городского расселения. М.: Российский открытый университет, 1995. 166 с.
7. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1933. 331 s.
8. Fujita M., Krugman P., Mori T. On the evolution of hierarchical urban systems // European Economic Review. 1999. Vol. 43. P. 209-251.

УДК 314.174

Доброхлеб Валентина Григорьевна
д.эк. н., профессор, главный научный сотрудник ИСЭПН и ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
Барсуков Виталий Николаевич
научный сотрудник ВолНЦ РАН, г. Вологда, Россия

Пространственные особенности и закономерности процесса старения населения в регионах России[56]

Аннотация. *В XXI веке Российская Федерация перешла к качественно новому состоянию демографической системы – необратимому старению населения. Последствия данного процесса ставят перед государством и обществом ряд задач, решение которых напрямую влияет на адаптационные возможности поддержания устойчивого социально-экономического развития. При этом повышение эффективности политики в области преодоления последствия старения возможно только при получении достоверной и релевантной информации о механизмах и особенностях изучаемого явления. Цель данной работы – выявление пространственных особенностей и закономерностей процесса старения населения в регионах России. В качестве основного инструмента анализа использовались вариационные сравнения трансформационных процессов изменения возрастной структуры населения. субъектов РФ. В ходе проведенного исследования выявлено, что, в Российской Федерации наблюдается постепенное снижение дифференциации регионов по уровню демографической старости, сокращение многообразия моделей возрастных структур. При этом регионы страны имеют разные стартовые условия для преодоления последствий старения населения и именно выработка субъект ориентированных стратегий должно стать первым шагов к формированию социально-экономической политики в новых демографических условиях.*

[56] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 20-010-00036 «Методология оценки рисков и возможностей адаптации к процессу демографического старения в субъектах Российской Федерации».

Ключевые слова: *старение населения, последствия, Российская Федерация, регионы*

Старение населения выступает относительно новым (по меркам истории) демографическим феноменом, обладающим тремя важными характеристиками: глобальностью (все регионы «стареют», но с разной интенсивностью), необратимостью (в «чистых» условиях низкой рождаемости и при отсутствии серьезных миграционных потоков возрастная структура населения продолжает «стареть») и множественностью социально-экономических последствий. Факторы и механизмы трансформации возрастной структуры в сторону ее «старения» достаточно подробно описаны в рамках теории демографического перехода [1; 2; 6], однако, как показывают эмпирические исследования [4; 5], на уровне отдельно взятых государств могут наблюдаться некоторые особенности протекания процесса старения населения, связанные, преимущественно, с внутренней дифференциацией территорий.

Актуальность исследуемой проблемы для Российской Федерации определяется тем, что на протяжении нескольких десятилетий наблюдается сокращение вариации субъектов РФ по уровню демографической старости, косвенно подтверждаемые концепцией бетта-конвергенции, предполагающей стремительное достижение «молодыми» регионами значений лидеров по уровню демографической старости. При этом, характерная для России модель центропериферийности положительным образом сказывается на сдерживании старения населения «центров притяжения», но существенно ускоряет процесс старения населения периферии. Таким образом, пространственное неравенство субъектов РФ приводит к тому, что примерно равные, с демографической точки зрения, территории имеют разные стартовые условия для преодоления последствий старения населения. Многообразие регионов страны выражается не только в различии социально-экономических и географических характеристик территорий, но и в дифференциации демографических показателей и их динамики.

На текущий момент Российская Федерация относится к странам со «старой» возрастной структурой (доля населения старше 60 лет в 2019 г. составляла 22%, что почти в три раза выше значения 1950 г.). Согласно среднему варианту прогноза ООН, к 2070 г. удельный вес пожилых людей в общей численности населения страны возрастет до 25%. Таким образом, можно прогнозировать умеренное старение населения Российской Федерации в ближайшей перспективе, связанное с тем, что «ресурс» главного фактора интенсивности этого процесса (снижение рождаемости) практически исчерпан. Но ввиду того, что средняя продолжительность жизни существенно ниже, чем в экономически развитых государствах, страна находится в промежуточном состоянии между фазами «старения снизу» (за счет снижения рождаемости) и «старения сверху» (за счет увеличения продолжительности жизни). Т.е. возрастная структура «стареет», но «глубина старости» в России существенно

ниже по сравнению с большинством стран, имеющих схожие показатели удельного веса старшего поколения.

С недавнего времени Росстатом рассчитывается показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения, что дает оценки числа лет, которые предстоит прожить без серьезных хронических заболеваний. Этот показатель составил в среднем 60,3 года, что примерно на 8-10 лет ниже, чем в развитых странах. При этом сохраняется пространственное неравенство применительно к исследуемому показателю: например, ожидаемая продолжительности здоровой жизни у жителей Чукотки 49,1 года, в республике Ингушетия – 67,2 года.

За период с 2000 по 2019 гг. коэффициент вариации показателя ожидаемой продолжительности жизни в регионах страны является небольшим (3,2%) и имеет тенденцию к снижению (в 2000 г. он составлял 3,8%), а разница между минимальным (Республика Тыва – 64,2 года) и максимальным (Республика Ингушетия – 80,82 года) значением и составляет порядка 16 лет.

Важно отметить, что изменение показателя для городского и сельского населения имеет существенные различия. Так, по приросту ОПЖ за период с 2000 по 2019 гг. городское население существенно опережало сельское (рис. 1). В 25 сельских территориях субъектов РФ ОПЖ увеличился менее чем на 5 лет, в городских – только в 7. Более того, в сельской местности Сахалинской области и Чукотского авт. округа этот показатель имел отрицательное значение.

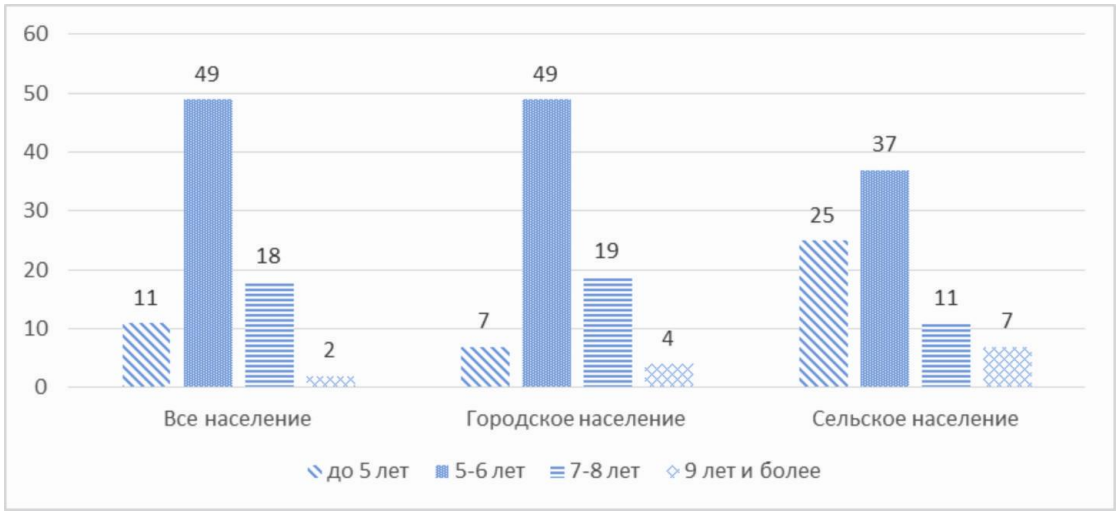

Рис.1. Распределение регионов РФ по показателю прироста ОПЖ с 2000 по 2019 гг. в территориальном разрезе

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fedstat.ru/indicators/start.do, расчеты авторов.

Увеличение продолжительности жизни, как и старение населения, является закономерным следствием демографических изменений, затронувших Россию в XX веке. Но на уровне регионов России ситуация представляется весьма неоднородной: выявлены различия в приросте

показателя для городской и сельской местности, а в некоторых субъектах наблюдалось его снижение. В то же время, показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) существенно ниже, чем в развитых странах, имеющих схожие показатели по уровню старости. Фактически, в России ситуация складывается таким образом, что темпы демографического старения значительно опережают достижения в области продления активной и здоровой жизни населения. При разработке мер по стимулированию занятости населения пенсионного возраста, необходимо учитывать тот факт, что регионы страны обладают разным ресурсным потенциалом населения пожилого возраста, прежде всего в части состояния здоровья.

За последние 29 лет количество регионов, с очень высоким уровнем демографической старости (население старше 60 лет составляет более 18% от общей численности населения по методике Э. Россета [3]) возросло с 23 до 70, «молодых» (менее 10%) – сократилось в 3,5 раза. Как уже отмечалось ранее, главной особенностью при этом является постепенное выравнивание субъектов, РФ по уровню демографической старости. В качестве эмпирического подтверждения обратимся к коэффициентам вариации удельного веса трех основных групп населения, рассчитанного для 83 субъектов РФ за период 1990-2019 гг. (рис. 2).

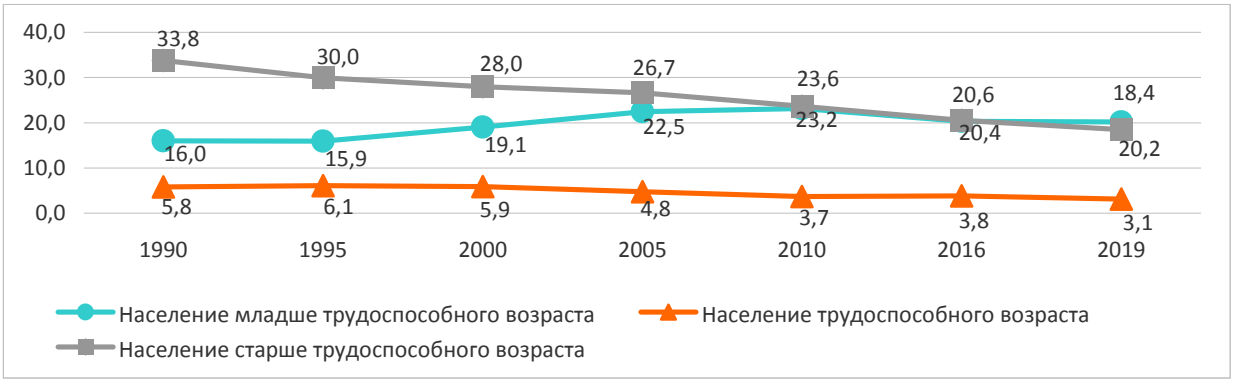

Рис. 2. Динамика изменения коэффициента вариации удельного веса трех основных групп населения субъектов РФ в 1990-2016 гг. (все население), %
Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fedstat.ru/indicators/start.do, расчеты авторов.

Проведенные расчеты позволяют сделать несколько важных выводов.

Из данных, представленных на рисунке 2, можно сделать вывод, что регионы РФ стремятся к единообразию моделей возрастных структурых населения. За рассматриваемый период коэффициент вариации возрос только по показателю удельного веса детей от 0 до 14 лет, что было вызвано разной интенсивностью роста рождаемости в отдельных субъектах страны в 2000ых годах. В то же время дифференциация регионов по уровню «старости» стремительно снижается (все регионы «стареют»).

Дифференциация моделей возрастной структуры населения субъектов РФ определяется только разницей удельного веса детей и пожилых людей. В условиях «естественного» демографического развития (без масштабной миграции, крупных войн, катастроф и др.) доля трудоспособного населения варьируется незначительно. Изменение возрастной структуры происходит исключительно «снизу» (уменьшение или рост доли детей) и «сверху» (уменьшение или увеличение доли пожилых людей), что определяет различия в уровне демографической нагрузки на трудоспособное население в регионах РФ.

В заключении отметим, что Российская Федерация, как и большинство развитых государств, преодолела пиковые значения темпов прироста удельного веса пожилого населения в 2000ых годах, и сейчас мы можем характеризовать процесс старения населения России как умеренный. При этом он имеет свои особенности: а) в связи с отставанием по показателям продолжительности жизни (в том числе, здоровой); б) в связи с деформированностью возрастной структуры вследствие внешних причин; в) в связи с сохраняющимися различиями моделей демографического поведения в некоторых регионах. При этом дифференциация регионов страны по уровню демографической старости перманентно сокращается, сохраняя лишь ряд особенностей, преимущественно касающихся характеристик населения в городской и сельской местности.

Факторы и механизмы процесса старения населения в Российской Федерации предельно понятны и прогнозируемыми. На текущий момент не существует реальных предпосылок и сценариев демографического развития, при которых возрастная структура населения страны может начать свое «омоложение». Учитывая необратимость исследуемого процесса, государственное планирование социально-экономического развития должно учитывать стратегическую важность новых демографических реалий. На текущий момент в России создан лишь один стратегический документ федерального значения, направленный непосредственно на решение проблем, связанных с последствиями демографического старения: «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.». При этом документ дает лишь общие рекомендации и направления потенциального преодоления последствий старения населения, не учитывая разницу в стартовых условиях отдельных субъектов страны. При этом анализ региональных Стратегий социально-экономического развития позволяет сделать вывод, что лишь в 18 субъектах РФ последствия старения населения учитываются при стратегическом планировании. Это свидетельствует об отсутствии должного внимания к проблеме именно на региональном уровне, что уже в ближайшие десятилетия может оказать существенное влияние на устойчивое социально-экономическое развитие России. Перечисленные в федеральной стратегии направления должны быть учтены в региональной практике, что позволит адаптироваться к новым демографическим условиям.

Список литературы

1. Thompson W.S. Population. American Journal of Sociology. 1929. Vol. 34. PP. 959-975.
2. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 239 с.
3. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 512 с.
4. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 76-87.
5. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Demographic Theories and the Regional Aspect of Population Ageing. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2017, vol. 10, no. 6. PP. 89-103.
6. Notestein F.W. Population. The Long View. Food for the World. University of Chicago Press, 1945. PP. 35–57.

УДК 314

Жук Сергей Иванович
к.э.н., доцент, Набережночелнинский филиал КНИТУ им. А.Н. Туполева-КАИ, г. Набережные Челны, Россия

Связь трудовой миграции с развитием средств производства региона

Аннотация. *Социально-экономическое развитие региона находится в зависимости от численности населения, занятого производительным трудом. При этом величина рабочей силы, в значительной степени, определяется миграционными процессами, наблюдаемыми в регионе, обусловленными, в свою очередь, развитием средств производства. На основе статистических данных, продемонстрирована связь трудовой миграции и степени развития производственной сферы региона. Было показано, что низкий уровень жизни населения регионов Северного Кавказа, определяющий отрицательную динамику трудовой миграции, зависит от недостатка рабочих мест. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при формировании программ промышленного развития регионов страны.*

Ключевые слова: *миграция, рабочая сила, динамика рабочей силы, уровень безработицы, инвестиции, стоимость основных фондов*

Характерной особенностью функционирования экономической системы является межтерриториальное перемещение трудовых ресурсов. Человек, будучи главной производительной силой общества, ориентируется в процессе своей жизнедеятельности на развитие средств производства, в том числе, на их размещение в пространстве. Изменение местоположения производственных объектов влечет за собой соответствующее по

направлению движение рабочей силы. В соответствии с рыночными законами трудовые ресурсы ищут для себя наиболее оптимальное применение, которое дает максимальный эффект[1, С.251].

Изменение места жительства, обусловленное поиском работы экономически целесообразно только до определенных значений затрат, требующихся для обустройства на новом месте. Очевидно, вновь прибывшим переселенцам требуется жилье, школы, поликлиники и пр. Если данного вида затраты, перекрывают возможные положительные результаты деятельности производственных объектов, то целесообразно обратное движение производительных сил. Предприятия следует располагать на территориях с б*о*льшей численностью рабочей силы.

Ситуацию с использованием трудоспособного населения в стране мы проанализировали на основании статистических данных, находящихся в официальных сборниках Росстата. Для примера были взяты: два субъекта РФ, входящие в число наиболее привлекательных для жизни в социально-экономическом плане – город Москва и город Санкт-Петербург; два субъекта наименее привлекательные – Республика Дагестан и Республика Северная Осетия-Алания; два субъекта, демонстрирующие среднюю привлекательность – Республика Татарстан и Воронежская область. При этом социально-экономическую привлекательность субъекта РФ мы оценивали по динамике миграционного прироста населения, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1- Миграционный прирост населения региона [2]

	Миграционный прирост (человек)				
	2011	2013	2015	2017	2019
г. Москва	59124	108841	112211	111020	47584
г. Санкт-Петербург	58632	100017	25263	64546	14482
Республика Татарстан	11998	5926	3573	4791	4440
Воронежская область	9863	9857	12213	10110	9690
Республика Дагестан	-21529	-21500	-13390	-12716	-6304
Республика Северная Осетия-Алания	-6082	-5512	-4275	-3271	-3780

Как видно из таблицы 1 миграционный прирост за анализируемый период в обеих столицах был существенно выше, чем в Республике Татарстан и Воронежской области. Это обстоятельство очень хорошо характеризует привлекательность Москвы и Санкт-Петербурга для жителей страны. Северокавказские республики продемонстрировали отток населения.

Численность рабочей силы региона в значительной степени определяется миграционным приростом лиц, находящихся в трудоспособном возрасте. Поэтому для оценки наличия трудовых ресурсов на данной территории следует проанализировать межрегиональное перемещение населения, входящего в состав рабочей силы. Данные о миграционном приросте населения анализируемых регионов приводятся в таблице 2.

С точки зрения притока трудоспособного населения из других регионов страны, как и в случае общего миграционного прироста населения, лидировали Москва и Санкт-Петербург. Республики Дагестан и Северная Осетия-Алания демонстрировали отрицательную динамику прироста населения трудоспособного возраста. Республика Татарстан и Воронежская область с положительным притоком рабочей силы занимали промежуточное положение.

Среди причин, обуславливающих миграцию населения, формирующего рабочую силу, необходимо особо выделить безработицу. Отсутствие рабочих мест в своем регионе вынуждает людей менять место жительства, искать работу в других областях и республиках страны. Уровень безработицы среди лиц, формирующих рабочую силу, представлен в таблице 3.

Таблица 2-Миграционный прирост населения трудоспособного возраста [2]

	Миграционный прирост (человек)				
	2011	2013	2015	2017	2019
г. Москва	52717	93423	85667	83245	32791
г. Санкт-Петербург	58224	93253	17871	55871	8307
Республика Татарстан	8391	3185	1542	3168	2825
Воронежская область	7854	7250	8315	7059	6229
Республика Дагестан	-16887	-16381	-8774	-8294	-3504
Республика Северная Осетия-Алания	-4951	-4232	-3080	-2076	-2379

Таблица 3- Уровень безработицы среди лиц, формирующих рабочую силу [3]

	Уровень безработицы среди лиц в возрасте 15-72 лет (%)				
	2011	2013	2015	2017	2019
г. Москва	1,4	1,7	1,8	1,4	1,4
г. Санкт-Петербург	2,0	1,5	2,1	1,7	1,4
Республика Татарстан	4,7	4,0	4,0	3,5	3,3
Воронежская область	6,4	4,7	4,5	4,3	3,5
Республика Дагестан	12,7	11,6	10,8	12,0	13,0
Республика Северная Осетия-Алания	8,3	8,1	9,3	11,8	12,2

В регионах-лидерах по миграционному приросту населения трудоспособного возраста наблюдался низкий уровень безработицы. В Москве и Санкт-Петербурге в 2019 году он составлял менее 2%. Оба

региона, находящиеся на Северном Кавказе, обладающие отрицательным миграционным сальдо, характеризуются высоким уровнем безработицы. Тоже можно сказать и о других субъектах Северо-Кавказского экономического района. Вообще «большинство регионов Северного Кавказа классифицируются как трудоизбыточные» [4, С. 261].

Численность безработных в значительной степени определяется величиной средств, вкладываемых в развитие производства. Каждый рубль инвестиций влечет за собой создание новых рабочих мест. При этом важен не абсолютный объем вложенных средств, а величина инвестиций, приходящаяся на одного человека, задействованного в процессе производства. Эти данные приведены в таблице 4.

Таблица 4- Величина инвестиций в основной капитал, приходящихся на единицу рабочей силы*

	Величина инвестиций (в фактических ценах; рублей)				
	2011	2013	2015	2017	2018
г. Москва	128902	205421	218424	274464	334249
г. Санкт-Петербург	126091	166777	162933	216557	244171
Республика Татарстан	193400	257458	299286	312708	309146
Воронежская область	132462	188027	227762	250144	235623
Республика Дагестан	100893	135655	151862	146607	145691
Республика Северная Осетия-Алания	55662	83501	77377	80502	90076

* Составлена автором по данным Росстата

Как видно из таблицы 4 регионы, характеризуемые высоким уровнем безработицы, демонстрировали объем инвестиций существенно меньший по величине, чем субъекты РФ с достаточно низкой безработицей. Так, Республика Северная Осетия-Алания в 2018 году обладала величиной инвестиций почти в 3 раза меньшей, чем Республика Татарстан. При этом безработица в 2019 году в северокавказской республике была более чем в 3 раза большей, чем Татарстане.

В связи со сказанным можно утверждать, значимой причиной высокой безработицы и, как следствие, оттока рабочей силы, во многих регионах страны является недостаточная инвестиционная активность. В условиях отсутствия на федеральном уровне полноценной инвестиционной политики, направленной на равномерное развитие субъектов РФ, многие из них не смогут найти ресурсы для экономического роста на основе использования имеющейся рабочей силы.

Влияние инвестиций на создание рабочих мест хоть и существует, но существенно различается в отраслевом аспекте. Вложение средств в

развитие машиностроения или торговлю приводит к существенно большему спросу на рабочую силу, чем инвестиции в добывающую отрасль, характеризующуюся значительно меньшей трудоемкостью производственного процесса. Так в 2018 году инвестиции в обрабатывающие производства Санкт-Петербурга составили 23105 рубля на единицу рабочей силы, то в Республике Дагестан данный показатель составил 1237 рублей [5]. Поэтому достаточно большие средства, вкладываемые в экономику Дагестана, лишь немного уступающие инвестициям Московской области, в меньшей степени повлияли на занятость населения региона.

Так как инвестиции не всегда влекут за собой значительное увеличение рабочих мест, в целях анализа использования рабочей силы в регионе следует рассмотреть величину существующих средств производства, уже предъявляющих в данное время спрос на трудовые ресурсы. Предполагается, чем больше стоимость основных фондов, составляющих основу средств производства региона, тем ниже должна быть безработица. Стоимость основных фондов рассматриваемых регионов, представлена в таблице 5.

Как видно из таблицы 5 стоимость основных фондов у регионов-лидеров по миграционному приросту населения трудоспособного возраста была существенно выше, чем у представителей Северного Кавказа. Соответственно, при прочих равных условиях, в данных субъектах РФ наблюдался б*о*льший спрос на рабочую силу. Это подтверждают данные таблицы 3. И в Москве, и в Санкт-Петербурге наблюдался значительный миграционный прирост населения трудоспособного возраста. Достаточно высокая динамика положительного изменения стоимости основных фондов в Республике Дагестан, на сегодняшний день, не может повлиять на сложившуюся ситуацию. Рост стоимости основных фондов в регионах-лидерах соответствует или превышает показатели северокавказской республики.

Таблица 5- Стоимость основных фондов [5, С. 537-538]

	Стоимость основных фондов (миллионов рублей)				
	2011	2013	2015	2017	2018
г. Москва	20169118	26546945	30078000	36604923	40602319
г. Санкт-Петербург	3243788	4349428	5289185	7163885	7816952
Республика Татарстан	3461464	3342559	3921931	4658900	5033940
Воронежская область	1019463	1158136	1401937	1841669	2017212
Республика Дагестан	821966	985711	1355843	1627996	1762966
Республика Северная Осетия-Алания	182119	197435	232170	271077	280203

В силу существования предприятий с низкой трудоемкостью продукции, для более точного определения использования трудоспособного населения в регионе, следует проанализировать стоимость основных фондов, приходящихся на единицу рабочей силы. Данные величины приводятся в таблице 6.

Как можно увидеть в таблице 6 регионы-лидеры по приему трудовых мигрантов также опережали северокавказские республики. Однако, следует отметить, наблюдаемое опережение меньше. Так, если Санкт-Петербург в 2018 году по общей стоимости основных фондов опережал Республику Дагестан в 4,4 раза, то по стоимости основных фондов, приходящихся на единицу рабочей силы уже в 2 раза. При этом динамика изменения данного показателя в прикаспийской республике выше.

Таблица 6-Стоимость основных фондов, приходящихся на единицу рабочей силы*

	Стоимость основных фондов (рублей)				
	2011	2013	2015	2017	2018
г. Москва	3035689	3859128	4256120	5093922	5643130
г. Санкт-Петербург	1134985	1526651	1782671	2355766	2553725
Республика Татарстан	1700965	1636904	1902003	2284895	2471252
Воронежская область	869849	1003584	1206486	1566045	1702289
Республика Дагестан	604831	746751	1042154	1197056	1272900
Республика Северная Осетия-Алания	508712	572275	705684	814045	791534

* Составлена автором по данным Росстата

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в регионах Северного Кавказа, имеющейся рабочая сила используется не полностью, что подтверждается высоким уровнем безработицы среди лиц, формирующих рабочую силу. Данное обстоятельство снижает потенциальный объем валового регионального продукта и в значительной степени, определяет низкий уровень социально-экономического развития регионов. Стремясь обеспечить достаточный уровень дохода для себя и для своих семей, лица, находящиеся в трудоспособном возрасте, мигрируют в регионы, предъявляющие спрос на рабочую силу.

Список литературы

1. Тюкавкин Н.М. Миграция рабочей силы: основные понятия // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 2 (124). С. 256-261.

2. Численность и миграция населения Российской Федерации. – Режим доступа: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906

3. Уровень безработицы по субъектам Российской Федерации. – Режим доступа: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#
4. Омарова К.А. Рынок труда Северо-Кавказского федерального округа: анализ ситуации и содействие региональной занятости / К.А. Омарова, Д.С. Куценко, Р.К. Нурмагомедова // Региональные проблемы преобразования экономики, 2018. № 12, - С. 260-267.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

УДК 911.3:32

Заяц Дмитрий Викторович
к.г.н., научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского Московского педагогического государственного университета, научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, г. Москва, Россия

Демографические аспекты развития институализированных непризнанных государств[57]

Аннотация. *Непризнанные государства стали немаловажной частью современной территориально-политической структуры планеты. Автором собрана и проанализирована информация о зонах ограниченной международной правосубъектности. Выявлены институализированные непризнанные государства, которые обладают рядом общих черт геополитического положения, политического устройства, демографического потенциала, экономического развития. Материалы исследования могут быть использованы для классификации зон транзитной государственности в мире.*

Ключевые слова: *непризнанное государство, полития, международные отношения, контроль над территорией, разделенный город*

На политической карте мира в настоящее время отображено несколько более 190 независимых государств, расхождения в их численности связаны с позициями стран относительно признания права быть самостоятельными субъектами международных отношений для территорий с ограниченной правосубъектностью. Число политий, фактически контролирующих

[57] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (грант №19-17-00232 «Постсоветские непризнанные государства: факторы жизнеспособности и риски для России»)

территорию и обладающих многими признаками самостоятельного государства, но не признанных значительным большинством стран мира, ныне доходит до полутора десятков. Эти ареалы фактически выступают «серыми зонами» на современной политической карте. Они не имеют возможность легитимно участвовать в международных отношениях, торговле, финансовой деятельности, выданные в них документы не имеют признания и хождения, их резиденты зачастую ущемлены в правах свободного перемещения по странам мира и владения имуществом в зарубежных странах.

Географические работы, посвященные непризнанным государствам, появились в нашей стране в 1990-х гг. В исследовании российского политолога и экономиста А.И. Неклессы эти территории получили название «зон транзитной государственности» [1], а в работе В.А. Колосова и Дж. О'Локлина – «институализированных псевдогосударств» [6]. Этапными методологическими трудами, в которых проводятся дефиниция и разграничение понятий, связанных с контролем государств над территорией и различными формами утраты такого контроля, стали работы Ф.А. Попова «География сецессионизма» [2] и «Дробление политического пространства мира» [3]. Во второй из них автор приводит определение квазигосударства (псевдогосударства) как политического образования, перенимающего некоторые функции суверенных государств, но не обладающего международной правосубъектностью [3, с. 68]. Наиболее развитую форму квазигосударства, образованного в ходе деятельности, направленной на юридическое отделение и обладающего всеми основными признаками суверенного государства, кроме международного признания, Ф.А. Попов называет государством де-факто [3, с. 69].

В известной работе отечественных политико-географов А.Б. Себенцова и В.А. Колосова, посвященной неконтролируемым территориям [4, с. 41], под государством де-факто понимается территория, над которой властями установлен полный контроль. Эти власти фактически выполняют все государственные функции по созданию и распределению благ, но суверенитет их политического образования не признан большинством государств.

По мнению американского политолога С. Пегга, государство де-факто существует там, где имеется организованное политическое руководство, которое пришло к власти благодаря определенной степени местного потенциала. Это государственное образование получает поддержку населения и достигает достаточного потенциала для предоставления государственных услуг населению на определенной территории, над которой в течение длительного периода сохраняет эффективный контроль. Государство де-факто считает себя способным вступать в отношения с другими государствами и стремится к полной конституционной независимости и широкому международному признанию в качестве суверенного государства. Однако, оно не может добиться какой-либо достаточной степени признания и поэтому остается нелегитимным в глазах международного общества [7, p. 26]. Значительный вклад в разработку

понятия «непризнанное государство» внес британский профессор политологии Дж. Кер-Линдсей [5].

В рамках данной исследовательской работы под непризнанным государством де-факто, или институализированным непризнанным государством (ИНГ), понимается (псевдо)государственное образование, отвечающее следующим критериям:

1) фактический контроль над значительной частью декларируемой территории;

2) наличие собственных органов государственной власти (исполнительной, законодательной и судебной), избираемых населением или специальными комиссиями;

3) наличие системы конституционных и правовых документов и актов, регламентирующих юридические отношения на собственной территории;

4) наличие собственных государственных символов (флаг, герб, гимн) и сформировавшейся (или формирующейся) идентичности, которой лояльно большинство населения;

5) наличие силовых структур (армии, полиции или иных военизированных формирований), ответственных за правопорядок на территории политического образования;

6) отсутствие полноправного членства в ООН, отсутствие дипломатического признания со стороны как минимум 1/4 государств – членов ООН, включая хотя бы одного члена Совета безопасности ООН.

Под эти критерии подходят по крайней мере 13 ныне существующих политических образований (табл.). Общая площадь ИНГ составляет около 330 тыс. км2 (сопоставима с Вьетнамом или Малайзией), совокупный демографический потенциал – более 43,5 млн чел. (при этом 55% его приходится на один лишь Тайвань).

Институализированные непризнанные государства следует отличать от виртуальных непризнанных государств, чаще всего существующих исключительно в фантазиях своих авторов. Эти «государства» ни соответствуют ни одному из шести вышеназванных критериев, но активно пропагандируют себя в Интернете и социальных сетях. Виртуальных непризнанных государств в мире уже насчитывается десятки, а, возможно, и сотни. Наиболее известные из них Силенд на морской платформе у Великобритании, Либерленд на островах дунайской долины между Хорватией и Сербией, Халистан в индийском Пенджабе, Минерва в Океании. Целая россыпь виртуальных государств облюбовала Антарктику, территория которой, согласно Вашингтонскому договору 1959 г., не принадлежит ни одной стране мира и является достоянием всего человечества. Деятельность виртуальных непризнанных государств зачастую противозаконна: они торгуют нелегитимными гражданскими и дипломатическими паспортами, дипломами несуществующих университетов, продают марки и памятные монеты, регистрируют фирмы и компании на условиях офшорных юрисдикций, пытаются заниматься контрабандой оружия и предметов, запрещенных к свободной торговле.

Таблица -Демографический потенциал институализированных непризнанных государств

Название (полное)	Фактическая столица (население в тыс. чел. в 2020 г.)	Контроли-руемая территория, тыс. км^2	Население, тыс. чел. (оценка 2020г.)	Плотность населения, чел/км^2 (2020 г.)
Республика Абхазия	Сухум (64)	8,7	245	28,2
Азад Кашмир (Азад Джамму и Кашмир)	Музаффарабад (150)	13,3	4 450	334,6
Донецкая Народная Республика (ДНР)	Донецк (934)	4,8	2 257	470,2
Китайская Республика (Тайвань)	Тайбэй (2646)	36,2	23 780	656,9
Республика Косово	Приштина (205)	9,7	1 810	186,6
Луганская Народная Республика (ЛНР)	Луганск (430)	6,0	1 439	239,8
Нагорно-Карабахская Республика (НКР) (Республика Арцах)	Степанакерт (53)	11,5	151	13,1
Приднестровская Молдавская Республика (ПМР)	Тирасполь (127)	3,6	465	129,1
Государство Палестина	Рамалла (Рамаллах) (35)	2,8	5 052	1 804,3
Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР)	Тифарити (3)	50,0	40	0,8
Республика Сомалиленд	Харгейса (989)	176,1	3 508	19,9
Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК)	Лефкоша (северная часть Никосии) (61)	3,4	326	95,9
Республика Южная Осетия (РЮО)	Цхинвал (32)	3,9	56	14,4
ИТОГО:		330,0	43 579	132,1

Фактически существующие непризнанные государства полярны по своему демографическому потенциалу. С одной стороны, существуют ИНГ с неуклонно растущим населением и высокими показателями обеспеченности трудовыми ресурсами. К ним относятся внеевропейские ИНГ – Тайвань, Палестина и Сомалиленд. Однако в большинстве из таких политий численность населения стабилизировалась (Абхазия, НКР) или сокращается (ПМР, Южная Осетия, Косово, ДНР, ЛНР), что негативно сказывается на возможностях развития экономики, военно-стратегическом и призывном потенциалах.

Неурегулированный статус государств, их политическая нестабильность, неясные перспективы, тяжелое экономическое положение,

непризнанность документов, сложности в поездках по миру приводят к оттоку населения из этих образований. Эти миграции направлены не только в близлежащие признанные государства – спонсоры ИНГ (например, с востока Украины, Абхазии, Южной Осетии и ПМР – в Россию, из НКР – в Армению, из Азад Кашмира – в Пакистан), но и вообще в любую относительно богатую страну с развитыми рынком труда и системой социального обеспечения (Германия, Франция, Нидерланды, Великобритания, Скандинавские страны и др.). В странах ЕС с каждым годом появляется всё больше косовских албанцев, сомалийцев, кашмирцев, палестинских арабов. В подобных миграционных процессах не участвует только экономически стабильный Тайвань. В редких случаях миграционный поток наоборот направлен на территорию ИНГ. Так случилось с Северным Кипром, куда правительство Турции поощряет миграцию континентальных турок для освоения земель, брошенных беженцами греками-киприотами. Ныне мигранты из Турции составляют около половины населения ТРСК.

Тревожная тенденция, проявляющаяся в большинстве ИНГ – сокращение этнического разнообразия. Особенно она заметна на территориях, переживших затяжные межнациональные конфликты и этнические чистки. Доля титульных этносов за последние 30 лет увеличилась в Абхазии с 18 до 51%, в НКР – с 77 до 99,7%, в Южной Осетии – с 66 до 90%, в Косово – с 82 до 93%.

Отдельная и весьма болезненная проблема – разделенные города на барьерных границах ИНГ. Недавнюю горькую участь поделенного надвое стеной Берлина ныне повторяют Косовска-Митровица в Косово, Никосия на Кипре, приднестровские Бендеры и Дубоссары, а также, по сути, Донецк, Горловка и Первомайск в Донбассе, окраины которых расположены на территории, контролируемой центральным украинским правительством, а центральные части – в пределах контроля ДНР и ЛНР.

Перспективы ИНГ, как характерной черты современного мирового политического устройства, сложно определить однозначно. С одной стороны, явно наблюдается стремление к пересмотру мироустройства, заложенного решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, поставивших черту под Второй мировой войной. Кризис современных глобальных политических отношений, определенная дестабилизация международной обстановки, дипломатические и торговые войны, отказ от прежних договоренностей, казавшихся незыблемыми, дают шансы сторонникам пересмотра политической карты мира.

С другой стороны, глобальная политическая элита в полной мере понимает бесперспективность стратегии «отпускания вожжей» в деле признания независимости и полного государственного суверенитета ИНГ. Слишком много этнических и политических групп жаждут создать свое пусть и небольшое, но самостоятельное государственное образование, слишком для многих стран малопривлекательная перспектива сепаратизма не столь уж несбыточна. Поэтому не вызывает удивления тенденция отзыва дипломатического признания некоторых ИНГ. Так, в 2017 г. независимость

Республики Косово признавали 111 членов ООН, в 2018 г. – 104, а в 2020 г. – уже только 97.

Список литературы

1. Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1997. № 2. С. 35–50.
2. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
3. Попов Ф.А. Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 64–73.
4. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. 2012. № 2. С. 31–46.
5. Ker-Lindsay J. The Foreign Policy of Counter Secession: Preventing the Recognition of Contested States. – Oxford: Oxford University Press, 2012. 215 p.
6. Kolossov V., O'Loughlin J. Pseudo-states as harbingers of a post-modern geopolitics: The example of the Transdniestrian Moldovan Republic (TMR) // Geopolitics. 1998. № 3. P. 151–176.
7. Pegg S. International Society and the De Facto State. Aldershot, U.K.: Ashgate Publishers, 1988. 308 p.

УДК 314.8

Карачурина Лилия Борисовна

к.г.н., доцент, Академический руководитель магистерской программы «Демография», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Особенности динамики численности населения региональных столиц и вторых городов регионов РФ

Аннотация. *Статья посвящена анализу динамики численности населения первых (региональные центры) и вторых городов 75 регионов России. Информационной базой исследования являются данные переписей населения с 1959 по 2010 годы и текущего учета населения за 2011-2017 гг. Показано, что в условиях демографического сжатия происходит всё большее концентрирование населения в региональных центрах, и это, в конечном счете, способствует нарастанию пространственного сжатия.*

Ключевые слова: *урбанизация, концентрация населения, города, региональные центры, численность населения, доля в населении*

Долговременные особенности российской урбанизации (позднее начало, высокие темпы урбанизации, многократные возвраты к прежнему уровню из-за «революционных» событий XX в. и соответственно повторения «стартов», «дачеизация» взамен субурбанизации и пр.) (Трейвиш, Нефедова, 2002), организации пространства (в первую очередь, разреженность сети поселений, невысокая связанность их между собой), демографической ситуации (отсутствие стабильно положительной динамики численности населения), финансовой и институциональной централизации способствовали росту концентрации населения в отдельных пространственных точках. Этими точками стали региональные центры. Процесс стягивания населения в них продолжается длительное время, его старт произошел задолго до начала 1990-х гг. и распада СССР. При этом во многих регионах собственных «демографических ресурсов» хватает только на одну столичную точку, а заимствовать население извне – через межрегиональную и международную миграцию – могут и вовсе лишь некоторые регионы.

Проанализируем динамику численности населения региональных центров и вторых по численности населения городов регионов 75 субъектов РФ[58].

Информационной базой для анализа послужили данные переписей населения с 1959 по 2010 годы и текущего учета населения за 2011-2017 гг. Хотя в послевоенный период сетка административно-территориального деления в РСФСР на уровне регионов оставалась относительно устойчивой, на внутрирегиональном (нынешнем – муниципальном) уровне происходили многочисленные административно-территориальные преобразования, в первую очередь связанные с расширением границ региональных центров, присоединением к ним поселков городского типа и иных изменений. Сделана попытка учесть их при анализе. Кроме того, из анализируемых 75 вторых городов пять городов в 1959 г. еще либо отсутствовали как сколько-нибудь значимые населенные пункты, либо не имели городского статуса, что в некоторых случаях затрудняет ретроспективный анализ.

В целом за почти 60-летний период имели положительную динамику численности все 75 рассматриваемых региональных центров и 66 из 70 вторых городов регионов (табл. 1). Борисоглебск, Кинешма, Облучье и Сусуман в 1959 г. были более крупными, чем ныне.

[58] Из анализа были исключены Ненецкий АО и Республика Алтай, в каждом из которых всего по одному городу (они же региональные центры), Чеченская и Ингушская республики, длительное время развивавшиеся как единое целое, Крым. Кроме того, не рассматривались Москва, Санкт-Петербург и столичные области. Города федерального значения хотя формально и возглавляют свои области, но в реальности являются центрами иного масштаба, на что и указывает их официальный статус («федерального» значения). Динамика численности Москвы и Санкт-Петербурга определяется размерами их хинтерландов, выходящими далеко за пределы своих областей.

Таблица 1-Некоторые характеристики динамики населения региональных центров и вторых городов регионов России, 1959-2017 гг.

	Положительная динамика численности населения, шт.		Средний размер, тыс. чел.			Средняя доля в населении регионов, %		
	2017/ 1959 гг.	2017/ 2010 гг.	1959г.	1989г.	2017г.	1959г.	1989г.	2017г.
Региональные центры	75	61	252,4	496,6	522,2	19,5	30,9	36,2
Вторые города регионов	66 (из 70)	25	70,3	142,4	138,9	4,9	8,4	8,7

Составлено автором по данным Переписей населения 1959, 1989, 2010 гг. (http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php), БДПМО Росстата (https://rosstat.gov.ru /dbscripts/munst/)

С точки зрения общей устойчивости региональных систем расселения более показательны, однако, последние годы - годы неустойчивой демографической динамики, когда в большинстве старопромышленных регионов и регионов севера явно проявилась отрицательная динамика численности населения. В 2017 г. по отношению к 2010 г. снижение численности населения продемонстрировали 14 региональных центров (среди них – Брянск, Иваново, Ульяновск, Курган, Волгоград, Сыктывкар, Мурманск, Магадан, несколько северокавказских столиц, вероятно, испытывающих статистические проблемы с текущим учетом населения из-за переоценок численности населения во время проведения ВПН-2010 (Мкртчян, 2019)) и 50 (из 75) вторых городов регионов. Таким образом, сама пропорция между растущими городами среди региональных центров и среди вторых городов явственно свидетельствует о том, что в условиях демографического дефицита вторым городам регионов населения стало не хватать.

Проявилась и другая тенденция к централизации: средний размер растущих региональных центров и растущих вторых городов существенно превышает средний размер депопулирующих региональных центров и вторых городов соответственно (рис. 1).

Это означает, что на том урбанизационном этапе, на котором ныне находится Россия или, по крайней мере ее значительная часть, существенно легче «выживать» тем, кто крупнее.

В подавляющем большинстве регионов продолжается тенденция к усилению доминирования регионального центра над вторым городом с точки зрения доли региональных центров и вторых городов в численности населения своих регионов. Региональные центры в России за очень редким исключением – самые крупные города своих регионов. И так было в России на протяжении всего XX в. В 1959 г. «средний» региональный центр был

больше «среднего» второго города в 3,99 раза. Но, конечно, уже и тогда были регионы-«рекордсмены», ибо территория страны никогда не была насыщена городами, их немного относительно большой территории даже в Европейской части страны, и это тем более верно для Азиатской части. Поэтому в Поволжье Астрахань была больше Ахтубинска, а Самара (тогда Куйбышев) Тольятти в 13 раз. Омск возвышался над Тарой в 25 раз, а Новосибирск над Бердском в 30 раз. Активная индустриализация и урбанизация привели к тому, что во многих регионах пары «региональный центр – второй город» стали по сравнению с 1959 г. более гармоничными с точки зрения людности. Так произошло в Самарской, Иркутской областях, Татарстане, Якутии, где вторые города стали к концу советского периода мощными индустриальными центрами. В итоге к 1989 г. превышение размеров первого города (региональный центр) над вторым было минимальным на протяжении всего рассматриваемого периода, хотя и все равно значительным (табл. 1). Далее тренд на снижение этого показателя прервался и сейчас различия максимальны (4,16 раза). В условиях описанной выше в основном позитивной динамики численности региональных центров, рост дифференциации между первыми и вторыми городами – еще одно свидетельство точечной концентрации населения.

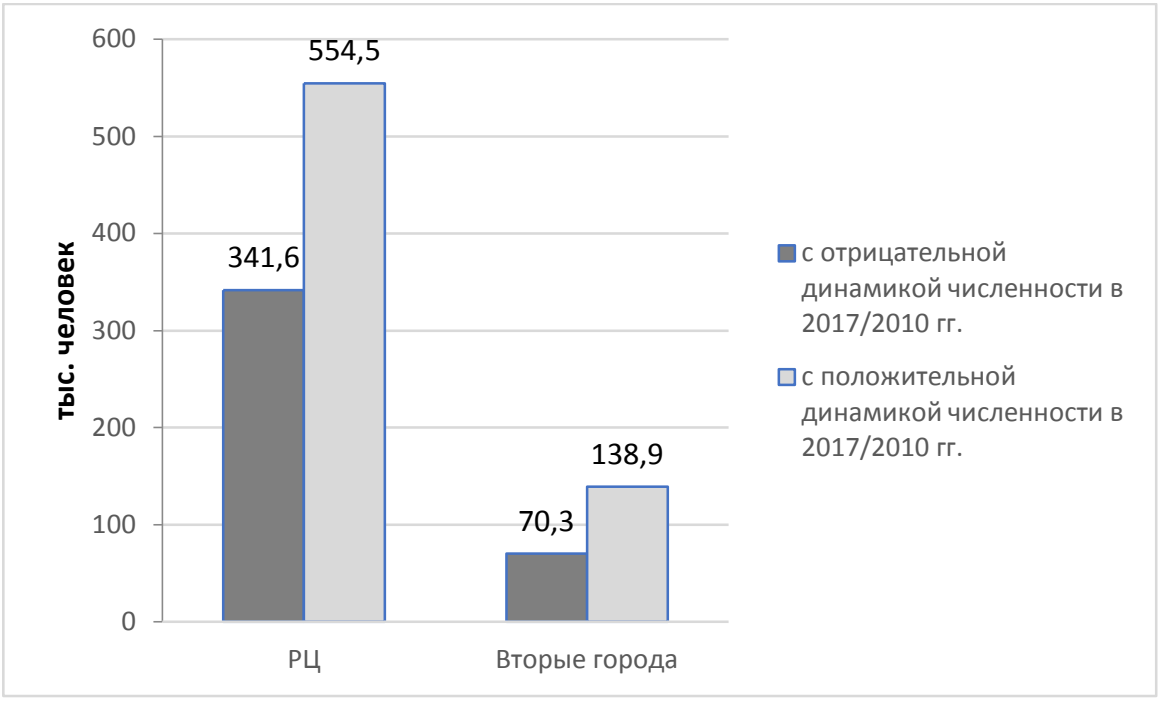

Рис. 1. Средний размер региональных центров и вторых городов регионов, различающихся динамикой численности населения в 2017 г. по отношению к 2010 г., тыс. человек

Составлено автором по данным БДПМО Росстата (https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/)

При этом в 31 регионе страны доля регионального центра в населении своих регионов к 2002 году достигала 35% и далее продолжила расти. Спустя пятнадцать лет в 13 регионах страны она превысила уже 45%.

Верхняя граница возможной концентрации населения в региональном центре пока не обнаруживается (Карачурина, 2018). В Омске, Новосибирске, Астрахани уже сейчас живет больше половины населения своих регионов. С начала 2000-х гг. благодаря постоянному западному миграционному дрейфу (Мкртчян, 2013) и общему опустыниванию территории дальневосточных регионов начался значительный рост доли региональных центров на Дальнем Востоке и теперь общероссийский лидер по концентрации населения в региональном центре – Магаданская область (почти 64% населения проживает в Магадане).

Таким образом, подоплека продолжающегося роста населения в региональных центрах – разная. В большинстве регионов европейской части страны и юга Сибири – это следствие, в первую очередь, внутрирегиональной миграции: в свои столицы едет прежде всего молодежь на учебу и затем остается в них же работать и жить. На северо-востоке страны – это результат длительной межрегиональной миграции. Кроме нескольких северо-кавказских столиц концентрация населения в региональных центрах продолжалась в 2010-2017 гг. везде.

Рост населения вторых городов в последние годы происходит точечно. Определяющим здесь является размер вторых городов (рис. 1). Рубежом выступает людность в 100 тыс. человек: половина из вторых городов-стотысячников демонстрировали положительную динамику, тогда как из городов людностью меньше 100 тыс. человек рос только каждый шестой город.

Таким образом, динамика вторых городов, хотя и не впечатляет своими темпами и существенно ниже, чем у региональных центров, все же свидетельствует о продолжении общего урбанизационного тренда и тенденциях «очаговой» концентрации населения в регионах и устойчивости крупного по сравнению с малым. С другой стороны, она сигнализирует о том, что потенциала роста у вторых городов - крупных советских индустриальных центров типа Нижнего Тагила, Дзержинска, Орска, Березников и пр. – нет. Функционально устаревшая и неперестроенная структура экономики, системы образования и организации пространства не дает сигналов для миграции, и такие вторые города депопулируют, несмотря на внушительные размеры.

Анализ динамики численности населения первых (региональные центры) и вторых городов регионов демонстрирует тенденции к концентрации населения в отдельных точках, которыми являются региональные столицы. Сама по себе концентрация – во-первых, в целом свидетельствует о продолжающейся стадии урбанизации, которую ныне прошли уже не только развитые страны мира, но и восточно-европейские страны, в которых стадия концентрации постепенно сменяется деконцентрацией (Rowe et all 2019). Во-вторых, в условиях российской депопуляции концентрация усиливает пространственное сжатие. Глубинными основами текущей концентрации являются историко-эволюционные (история заселения, освоения и урбанизации),

функционально-экономические, административно-территориальные и демографические детерминанты. В последнее время все более важным фактором, способствующим концентрации населения, становится институциональный фактор, связанный с исполнением региональными центрами столичных функций и управления и снижающий издержки бизнеса и потребителей (Зубаревич, 2012).

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса //Pro et Contra. 2012. Ноябрь-декабрь. С. 6-18.
2. Карачурина Л.Б. Динамика населения региональных центров и вторых городов регионов в России: проявляются ли тенденции к полицентризму? // Известия РАН. Сер. Геогр. 2018. № 4. С. 7-21. DOI: 10.1134/S2587556618040076.
3. Мкртчян Н. В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики //Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 7-22.
4. Мкртчян Н.В. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа //Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества /Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 41-61.
5. Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века //Проблемы урбанизации на рубеже веков /Отв. Ред. А.Г.Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71-86.
6. Rowe, F., Bell, M., Bernard, A., Charles-Edwards, E., Ueffing, P. Impact of internal migration on population redistribution in Europe: Urbanisation, counterurbanisation or spatial equilibrium? //Comparative Population Studies. 2019. 44, c. 201-234.

УДК 314.74
Красинец Евгений Семенович
к.эк.н., заведующий лабораторией миграционных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия

Трудовые мигранты на российском рынке труда в условиях пандемии[59]

Аннотация. *Статья посвящена исследованием влияния пандемии коронавируса на международную трудовую миграцию. В условиях закрытия границ и введенных ограничений на передвижение во многих регионах и странах мира обострились проблемы пребывания и занятости мигрантов. Перед исследованием были поставлены задачи выявления современных трендов российского рынка иностранного труда и особенностей положения трудовых мигрантов в период распространения эпидемии COVID-19. В работе на основе использования статистических и социологических методов рассмотрено воздействие пандемии на привлечение и использование иностранных работников. Раскрыты текущие и долгосрочные стратегии поведения трудовых мигрантов на отечественном рынке труда. Особое внимание уделено решению задач в области регулирования потоков внешней трудовой иммиграции, что может представлять интерес для российских органов власти на федеральном и региональном уровне при выработке и реализации мероприятий государственной миграционной политики.*
Ключевые слова: *международная миграция населения, трудовые мигранты, пандемия коронавируса, миграционная политика.*

Российская Федерация является одним из центров международного трудового обмена, миграционно привлекательным для мигрантов из многих стран мира. Трудовая иммиграция - наиболее массовый, динамичный и значимый с социально-экономической точки зрения миграционный поток в Россию, последствия которого весьма противоречивы для развития национальной экономики [2, с. 110]. В результате притока иностранных работников улучшается сбалансированность рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы. Благодаря трудовым мигрантам усиливается ресурсный потенциал экономического роста, обеспечивается стабильное функционирование важнейших секторов экономики. Вместе с тем, в результате недостаточной контролируемости внешних миграционных потоков происходит масштабное наполнение российского рынка труда неквалифицированной рабочей силой, что приводит к снижению качества трудового потенциала страны. Существенный урон российской экономике

[59] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00582 А.

наносят и незаконная трудовая миграция, и латентная занятость иностранных граждан.

В последние десятилетия размеры потоков трудовых мигрантов в Российскую Федерацию отличали относительно крупные масштабы. По данным официальной статистики, в период 2016-2018 гг. среднегодовая численность зарегистрированных иностранных трудовых мигрантов в отечественной экономике оценивалась в 2,7 млн. человек. Только в 2019 году на работу в Россию прибыло не менее 5,5 млн. иностранных граждан.

Пандемия коронавируса, потянувшая за собой шлейф многообразных социально-экономических последствий, не могла не отразиться на демографических процессах, миграции населения и положении международных мигрантов [3]. Резко обострились проблемы трудовых мигрантов из стран СНГ, оказавшихся к началу кризиса эпидемии на территории страны [7]. Из-за введенных ограничений масштабы привлечения и использования иностранных работников в экономике резко пошли на убыль. По данным МВД России, в январе-июле 2020 года по сравнению с соответствующим периодом 2019 года количество разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства сократилось в 2,5 раза. В 2,6 раза уменьшился прием из-за рубежа контингентов квалифицированных специалистов, в 2,2 раза - приток новых иностранных работников, относящихся к числу высококвалифицированных. За этот период число выданных патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства снизилось на 38,8% [4].

В условиях пандемии и введения масштабных ограничительных мер в экономике, в частности закрытия или прекращения работы большинства строительных, торговых, транспортных и других предприятий, иностранным работникам были купированы легальные каналы вхождения на рынок труда. Для них сузились легальные пути трудоустройства, обострились риски потерять работу, остаться без жилья и средств к существованию. В условиях неустойчивой занятости многие трудовые мигранты, как и российские граждане, потеряли работу или стали трудиться неполный рабочий день [1]. Как полагает И.П. Цапенко, застрявшие без средств к существованию трудовые мигранты создали дополнительные угрозы безопасности, так как появление довольно многочисленных групп иностранных граждан без средств к существованию увеличило риски роста преступности, активизации экстремистских религиозных и террористических организаций [6, с. 37].

Анализ оценок удовлетворенности мигрантов разными аспектами своей жизни в современной России демонстрирует, что в последнее время произошло резкое ухудшение показателей, определяющих базовые характеристики их положения в стране. По результатам социологических исследований иностранных трудовых мигрантов, проведенных нами в июле-августе 2020 года методом анкетирования на территории Калининградского региона (N=300), наиболее значимыми проблемами для гастарбайтеров в период пандемии стало ухудшение их материального положения, снижение доходов, нехватка средств, чтобы оплачивать жилье и отправлять денежные

переводы домой (37,6% опрошенных), а также плохие условия проживания (18,8%). Каждый пятый мигрант признался, что потерял доход полностью, у 13,4% заработки сократились более чем наполовину. Среди опрошенных 7,4% отметили, что доход после введенных ограничений у них уменьшился на величину от 10% до половины от прежнего уровня.

Однако, несмотря на резкое ухудшение материального положения, респонденты все еще довольно позитивно оценивают свой выбор на работу в России. Данные опросов показывают, что даже в период пандемии и экономического спада приезжие не спешат уходить с российского рынка труда и не намерены в своей основной массе возвращаться на родину. Для иностранных работников более значимыми являются причины, выталкивающие их из стран происхождения, чем факторы и стимулы выезда из Российской Федерации. Как справедливо отмечает И.В. Фадеева, «потеря дохода и возвращение домой могут означать возвращение к крайней нищете как для работников, так и их семей, поскольку денежные переводы, отправляемые мигрантами, являются жизненно важной экономической цепочкой для миллионов людей, пытающихся свести концы с концами» [5, с. 63].

Поэтому довольно велико оказалось число тех, кто не собирается уезжать из страны и не думает ее покидать в ближайшие месяцы. Только 13% респондентов сообщили, что в период начала пандемии пытались вернуться к себе домой. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют, что большая часть (87%) планировала и дальше работать в России.

Судя по полученным данным, большинство гастарбайтеров намерено после отъезда домой опять возвратиться в Россию. Согласно данных опроса, 38,3% респондентов ответили, что планируют «обязательно» вернуться и еще 37,6% заявили - «скорее всего да».

Отвечая на вопрос о долгосрочных планах мигрантов на будущее, значительное большинство указало на то, что они готовы интегрироваться в российское общество. Свыше 37% респондентов намерены либо получить российское гражданство и остаться в России навсегда, либо жить в ней длительное время (29%).

В периоды окончания эпидемии коронавируса и восстановительного роста экономики требуется научная проработка таких проблемных вопросов, как стабилизация трудового рынка, оптимизация потоков трудовой миграции, сокращение масштабов теневой занятости населения. В этом контексте остро стоят проблемы поиска путей совершенствования механизмов регулирования рынка труда иностранных работников.

Возобновление в постпандемийный период приема многочисленных контингентов иностранной рабочей силы повысит необходимость проведения дифференцированной политики регулирования мигрантского сектора рынка труда. Потребуется принятие мер, которые не только поощряют въезд нужных для развития отечественной экономики трудовых мигрантов, но и ограничивают доступ на отечественный рынок труда тех иностранных работников, в которых нет острой необходимости. Большое значение при этом приобретает активная разработка и внедрение селективных мероприятий,

направленных на стимулирование приезда в Россию востребованных категорий мигрантов, компетентных иностранных профессионалов и специалистов, а также предпринимателей, инвесторов и студентов.

В этой связи необходимо усиление внимания к качественным характеристикам трудовых мигрантов. Должен быть принят комплекс мероприятий по внедрению облегченных и упрощенных процедур вхождения на рынок труда квалифицированных и высококвалифицированных работников. Целесообразно разработать группу юридических норм и нормативно-правовых актов для введения в стране балльной системы оценок отбора трудовых мигрантов для получения ими вида на жительство, позволяющей создавать преференции в привлечении и использовании в национальной экономике иностранных квалифицированных работников и высококвалифицированных специалистов. Следует также принять меры, снижающие стоимость патентов для мигрантов из безвизовых стран, имеющих профессиональное образование и востребованных на российском рынке труда. Вместе с тем, нужно установить более жесткие административные и экономические барьеры на пути найма на работу временных трудовых мигрантов для выполнения малоквалифицированных и неквалифицированных работ.

Одной из ключевых задач в формировании рынка труда является развитие образовательной миграции в Россию. Расширение учебной миграции и привлечение иностранных студентов в российские вузы является важной практической задачей на фоне сокращения численности российских студентов под воздействием демографических факторов.

Важно сделать необходимые шаги по вопросам интеграции иностранных выпускников вузов, желающих оставаться жить и работать в России, облегчить им доступ к отечественному рынку труда, виду на жительства и гражданству после завершения учебы. Для удержания востребованной на рынке труда категории мигрантов, которые обладают необходимыми для развития страны квалификационными характеристиками и социальными параметрами, преференциями должны пользоваться также и члены их семей.

В сфере предоставления международных образовательных услуг следует развивать потоки учебной миграции из стран с упрощенным режимом приема иностранных студентов, а также усилить масштабную информационную кампанию о возможностях обучения в России и по рекламе российских вузов за рубежом.

Вместе с тем, должны быть приняты меры по наращиванию усилий в области защиты рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы, сокращению незаконного трудоустройства и теневой занятости мигрантов. Важное практическое значение в связи с этим имеет совершенствование автоматизированной системы государственного контроля въезда и пребывания иностранных граждан на территории РФ, а также усиление экономической составляющей в борьбе с нарушениями миграционного и трудового законодательства Российской Федерации.

К числу насущных проблем, связанных с регулированием российского рынка иностранного труда, относится повышение полноты и объективности данных о процессах привлечения и использования иностранных работников, обеспечивающее решение задачи по созданию надежной информационной базы о потоках трудовых мигрантов из-за рубежа. Важнейшими составными элементами этой общей задачи являются: (1) переход к осуществлению миграционного учета внешних трудовых мигрантов в электронном виде, в том числе с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг; (2) разработка автоматизированной информационной платформы данных о международных трудовых мигрантах, которая аккумулировала бы полную информацию как по широкому диапазону их демографических, социально-экономических и профессионально-квалификационных характеристик, так и занятости в российской экономике; (3) совершенствование статистики и расширение круга разрабатываемых показателей в области привлечения и использования иностранной рабочей силы, переход на практике от данных административного учета числа выданных разрешений (патентов) на право занятия трудовой деятельностью к развернутой статистике самих иностранных работников, а также налаживание статистического учета всего массива трудовых мигрантов на пространстве ЕАЭС.

Список литературы

1. Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Коронавирус и трудовая миграция // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. №7. С. 51-54.

2. Красинец Е.С. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // Народонаселение. 2020. Т. 23. №1. С. 104-118.

3. Кулькова И.А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020, Том 6, Выпуск 1. Том 6 Выпуск 1 (январь-март 2020).

4. Статистические сведения по миграционной ситуации. [Электронный ресурс] – https://www.мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 27.07.2020).

5. Фадеева И.В. Государственное управление трудовой миграцией в период пандемии // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2/2020. С. 61-63.

6. Цапенко И.П. Межстрановая мобильность населения в период и после эпидемического шока // Социально-трудовые исследования. 2020; 40(3). С. 31-43.

7. Шустов А.В. Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 415–427.

УДК 332.145
Куприна Тамара Владимировна
доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» г. Екатеринбург, Россия
Кугаевская Екатерина Николаевна
бакалавр, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» г. Екатеринбург, Россия

Влияние этнокультурных показателей на формирование маркетинговых стратегий международных компаний

Аннотация. *В статье представлено исследование влияния этнокультурных показателей на маркетинговые стратегии международных компаний. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, высоким уровнем глобализации распространения товаров и услуг, с другой стороны, возрастающей необходимостью их локализации с целью привлечения большего количества потребителей. На основе анкетирования представителей двух культур (России и Китая) были проанализированы культурные показатели, влияющие на предпочтения потребителей целевой аудитории. В результате была подтверждена гипотеза о том, что этнокультурные показатели значительно влияют на лояльность потребителей. Исследование расширяет теоретическую базу указанной тематики и может быть использовано международными компаниями при работе с представителями России и Китая.*
Ключевые слова: *этнокультурные показатели, кросс-культурный (этнический) маркетинг, культурные ценности, локализация*

В настоящее время повышенное внимание к теоретико-методологическим и прикладным кросс-культурным исследованиям потребительского поведения объясняется как научным интересом к вариациям в поведении потребителей, относящихся к разным культурам, так и запросом международных компаний, осуществляющих маркетинговую деятельность в условиях глобального рынка. В частности, маркетологам важно понимать, как привлечь и удержать потребителей из разных стран, принадлежащих к разным культурам.

Потребитель часто не осознает влияния культуры на своё поведение. Наряду с другими факторами внешнего влияния на поведение потребителей, культура воздействует на все этапы процесса принятия решения потребителем через моду, традиции, ритуалы и определяет значимость товара. На этапах осознания потребности, поиска информации, оценки вариантов потребитель делает выбор, который зависит от той культурной среды, к которой он принадлежит.

В XXI веке исследования воздействия культуры на поведение потребителя осложняются такими процессами как глобализация и локализация, т.е. предложение общеизвестных товаров и услуг необходимо

сочетать с национальной спецификой той или иной культуры. Таким образом, кросс-культурные исследования в области национального многообразия приобретают особое значение.

Глобальные коммуникации сокращают технологические барьеры между странами и культурами. Пересечение географических границ происходит с меньшими рисками, чем пересечение культурных границ. Причиной являются ценности локальной культуры и персональные ценности потребителя, которые более инерционны и устойчивы к изменениям. Именно культурные границы скрывают в себе самые главные риски, так как они действуют в рамках максимальной неопределённости, которая связана с традициями, особенностями менталитета, а также духовно-нравственными основами другой национальной культуры.

Таким образом, целью данного исследования является оценка влияния кросс–культурных показателей на формирование маркетинговых стратегий в международном бизнесе.

Кросс-культурный маркетинг (также известный как этнический маркетинг) является практикой маркетинга, направленной на одну или нескольких аудиторий конкретной этнической принадлежности — как правило, этнической группы вне культуры большинства населения страны, которую иногда называют «общим рынком». Обычно, кросс-культурный маркетинг пользуется преимуществами различных культурных основ групп, таких, как язык, традиции, торжества, религия и любые другие понятия, для общения и убеждения этой аудитории [2].

Фирмам необходимо также учитывать и важнейшие факторы макросреды: ситуации в политической среде, особенности международного рынка, актуальные тенденции в стране назначения и другие. Необходимо подходить к данному вопросу с точки зрения комплексного подхода, который включает исследование действующих рекламных коммуникаций предприятий-конкурентов, выбор носителей рекламы, разработку рекламного обращения, планирование и бюджетирование рекламной кампании, организацию внедрения рекламы в медиа-пространство, координацию и контроль рекламной деятельности и получения обратной связи. Следовательно, наиболее актуальной проблемой международной рекламы в современных условиях является выбор между стратегией ее стандартизации или адаптации [3].

Д. Хокинс отмечает необходимость рассмотрения семи вопросов, значимых для разработки стратегий международного маркетинга [1]:

Является ли географический район гомогенным или гетерогенным в отношении культуры? Учитываются ли различные субкультуры в географическом районе? Насколько узки поведенческие границы или нормы, налагаемые культурой? Какие потребности этот продукт может удовлетворять в этой культуре? Есть ли другие потребности, которые он может удовлетворить? Какие продукты сегодня удовлетворяют эти потребности? Насколько необходимы эти потребности для людей в данной культуре?

Здесь также требуется начальный демографический анализ для определения числа индивидуумов или домохозяйств, которым может быть нужен данный продукт, и числа людей, которые могут позволить себе купить его.

Основной проблемой проведения кросс-культурных исследований является отсутствие универсальных методологических подходов к исследованию влияния кросс-культурных особенностей на поведение потребителей различных стран.

Согласно разработанному методологическому подходу, было проведено анкетирование респондентов Российской Федерации (70 человек) и Китайской Народной Республики (70 человек). По результатам опроса были выявлены наиболее значимые ценности для каждой культуры.

Наиболее значимыми ценностями для российских респондентов являются:

- физические ценности: комфорт, здоровье, финансовая безопасность;
- эмоциональные ценности: ответственность, доверие, дружелюбие, помощь;
- интеллектуальные ценности: независимость, совершенствование, общение.
- Наиболее значимыми ценностями для китайских респондентов являются следующие:
- физические ценности: комфорт, здоровье;
- эмоциональные ценности: ответственность, безопасность, доверие, дружелюбие, помощь;
- интеллектуальные ценности: обучение, творчество, общение, разум.

По результатам анкетирования можно сделать следующие выводы. Наибольшее влияние на поведение российских потребителей товаров и услуг оказывают культурные ценности (4,2), затем материальная среда (3,8) и в наименьшей степени – институциональная среда (3,7). На поведение китайских потребителей товаров и услуг в большей степени оказывают влияние культурные ценности и институциональная среда (4,2), материальная среда (4,1).

Далее рассматривалось влияние элементов культуры на поведение российских и китайских потребителей относительно каждого элемента комплекса маркетинга (продукт, цена, распределение, продвижение, процесс, персонал и физическое окружение).

Наибольшее влияние культурные ценности оказывают на такие позиции, как качество товаров и предоставляемых услуг (4,5 - для российских потребителей); ассортимент товаров и услуг (4,3 - для китайских потребителей).

Разрывы в оценках китайских и российских респондентов влияния элементов культуры на важность и удовлетворенность элементами комплекса маркетинга относительно цены незначительны (2,9).

Наибольшее влияние на поведение российских и китайских потребителей культурные ценности оказывают относительно позиции наличие доставки (4,4 – для российских потребителей) и (4,3 - для китайских потребителей).

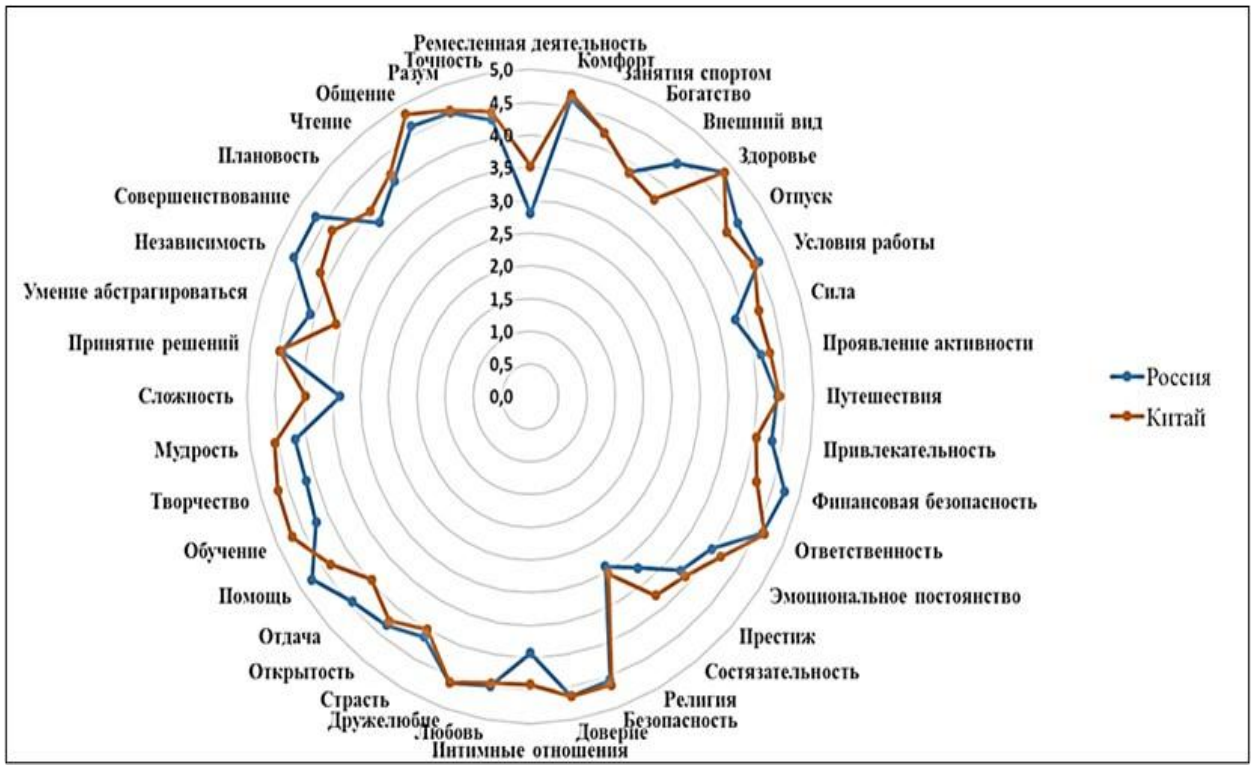

Рис.1. Сравнительный анализ средних оценок ценностей российских и китайских потребителей

Говоря о позициях элемента маркетинга – продвижение, можно сказать, что культурные ценности оказывают максимальное влияние на позиции наличия сайта предприятия (4,6 – для российских потребителей); положительные отзывы о предприятии, наличие сайта предприятия, наличие бренда/логотипа (4,3 - для китайских потребителей).

Культурные ценности оказывают максимальное влияние на позиции вовлеченности потребителя в процесс приобретения товара или услуги (4,3 - для российских потребителей) и (4,4 - для китайских потребителей).

Значительное влияние культурные ценности оказывают на оценку таких позиций, как вежливое и доброжелательное обращение персонала, уровень компетентности персонала (4,6 - для российских потребителей) и вежливое и доброжелательное обращение персонала (4,5 - для китайских потребителей).

На оценку важности и удовлетворенности в разрезе комплекса маркетинга физическое окружение, культурные ценности оказывают максимально влияние на позиции чистая, целая мебель в торговых точках и

ненавязчивый интерьер (4,5 - для российских потребителей) и чистая, целая мебель в торговых точках (4,4 -для китайских потребителей).

Таким образом, культура оказывает значительное влияние на выбор продукта как для российских, так и для китайских потребителей. Можно сказать, что в рамках товарной стратегии главными факторами успеха международных компаний являются расширение ассортимента и повышение качества продукта и услуги.

Следовательно, международным компаниям необходимо проводить грамотную ассортиментную политику для максимального удовлетворения потребностей и предпочтений потребителей. Данное предложение способствует привлечению новых потребителей и удержанию старых. Цены на товары и услуги являются важной частью продаж, а также оказывают прямое влияние на экономическую эффективность предприятий. Каналы распределения характеризуются способностью эффективного предоставления услуги или продажи продукта, путь, по которому товары движутся от производителя к потребителю. Эффективность продвижения товаров и услуг может происходить различными путями: проведение акции продвижения или мероприятий по формированию приверженности потребителей к товару или услуге.

В современной ситуации частичного перехода в виртуальное пространство, ведение группы в социальной сети является важным инструментом не только для продвижения товаров и услуг, но и для повышения имиджа и бренда компаний. Предприятия могут создать собственный «клуб клиентов», размещать информацию о различных мероприятиях, постоянно общаться с клиентами, а также полностью узнать плюсы, минусы и пожелания потребителей в социальных сетях.

Список литературы

1. Артановский С.Н. Понятие культуры в истории европейской мысли // Мир науки, культуры, образования. 2012.С.126-128.

2. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 3.0: от продуктов потребления к потребителям и далее – к человеческой душе / Ф. Котляр, Х. Картаджайя, И. Сетиаван. М.: Эксмо, 2011.240 с.

3. Triandis H.C. Introduction to Handbook of Cross-Cultural Psychology // Boston: Allyn and Bacon.1980. Vol.11. P. 205-252.

УДК 332.1, 314.7
Курушина Елена Викторовна
к.эк.н., доцент кафедры экономики и организации производства ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», г. Тюмень, Россия
Дружинина Ирина Васильевна
к.социол.н., доцент кафедры экономики и организации производства ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», г. Тюмень, Россия

Влияние факторов привлекательности регионов на миграционные процессы: динамический аспект

Аннотация. *Изменение негативного тренда стягивания человеческих ресурсов в благополучные регионы требует эффективного управления характеристиками привлекательности территорий как среды жизнедеятельности. В статье на основе моделей регрессии общих коэффициентов механического прироста населения исследовано и интепретировано с позиций фаз экономического цикла изменение потребностей мигрантов, что позволило систематизировать факторы привлекательности территорий.*
Ключевые слова: *привлекательность территорий, миграционный прирост, динамика факторного влияния, экономическая цикличность*

Актуальность управления миграционными потоками обусловлена, во-первых, необходимостью обеспечения демографической и стратегической безопасности российского государства, имеющего самую большую в мире протяженность границ, и, во-вторых, необходимостью развития и формирования новых центров экономического роста в соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (здесь и далее СПР). Географическое расширение экономического каркаса предполагает повышение привлекательности восточных и северных регионов страны как среды жизнедеятельности, в первую очередь, для мигрантов.

Для характеристики привлекательности среды жизнедеятельности российских регионов авторы используют 12 показателей-факторов, отобранных на основе содержательных теорий мотивации, выступающих в качестве независимых переменных в регрессионной модели общего коэффициента миграционного прироста населения. Эти переменные объединены в 6 групп мотивационных факторов, которые, по мнению авторов, участвуют в принятии решения мигрантами о переезде в российский регион: 1) уровень жизни (реальная заработная плата и обеспеченность новым жильем); 2) благоприятность климатических и экологических условий (ожидаемая продолжительность жизни при рождении); 3)_безопасность существования (уровень преступности, уровень безработицы и реальный размер пенсий); 4) возможность общения (плотность населения, густота автодорог, обеспеченность услугами связи); 5)_конкурентоспособность производств (экспорт на душу населения,

удельный вес инновационно-активных предприятий); 6)_предпринимательский климат (удельный вес работников малых предприятий в общей численности работающих).

Интересы исследователей, как правило, фокусируются на видах и мотивах миграции. Для России актуален вопрос о дифференцированном подходе к управлению миграционными потоками, учитывая значительную гетерогенность регионального пространства, особенно, для ее северных территорий [3]. Наименее изучен динамический аспект миграции. Вместе с тем, как отмечает Л.Л. Рыбаковский, система потребностей и ценностных ориентаций не остается неизменной [2], что требует корректировок соответствующих институциональных мер по управлению миграционными процессами. Опираясь на нелинейную динамику развития сложных систем и циклично-волновую теорию, авторы определили цель исследования, заключающуюся в изучении закономерностей циклического влияния характеристик привлекательности территорий на интенсивность миграционных потоков.

В качестве информационной базы использованы данные региональной статистики за 2005-2017 годы [1]. По каждому году анализируемого периода составлены пространственные модели (всего 13 моделей) общего коэффициента миграционного прироста по 83 субъектам РФ (Республика Крым и г. Севастополь не включались в исследуемую совокупность территорий для обеспечения сопоставимости данных). Исследование проведено с использованием инструментария регрессионного анализа в статистическом пакете IBM SPSS.

Полученные результаты были интерпретированы с позиций динамики влияния 12 показателей-факторов привлекательности российских регионов по фазам краткосрочных экономических циклов. Исследование трендов коэффициентов эластичности показателей миграционного прироста населения в регионы России позволило выделить группу факторов, влияние которых повышается в фазу роста. Это факторы, характеризующие уровень жизни, транспортную связанность пространства и благоприятность предпринимательского климата. Из этого следует, что в фазу экономического роста мигранты устремлялись в регионы, в которых созданы условия для экономической и предпринимательской активности. В фазы кризиса (экономического в 2008-2009 годах и геополитического в 2014 году) влияние этих факторов было обратным.

Противоположные тенденции были выявлены по фактору плотности населения. На фазе экономического роста мигранты принимали решение в пользу малоосвоенных, но потенциально перспективных регионов. В фазу кризиса мигранты устремлялись преимущественно в регионы с высокой плотностью населения, что объясняет тенденции сжатия экономического пространства и негативный тренд обезлюдивания периферийных регионов.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют систематизировать характеристики привлекательности российских регионов для мигрирующего населения с учетом экономической цикличности

развития и сформировать массив обосновывающих материалов для принятия управленческих решений.

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – URL: https://www.gks.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 01.02.2020).

2. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи / Л. Л. Рыбаковский // Народонаселение. 2017. № 2 (76). С. 51-61.

3. Druzhinina I. V. Attractiveness of the Arctic zone and the Northern territories of Russia for migrants / I. V. Druzhinina, E.V. Kurushina, V. A. Kurushina //International Journal of Ecological Economics and Statistics. 2017. Vol. 38. Issue No. 4. P. 152-163.

УДК 911.7

Лопатников Дмитрий Леонидович
д.г.н., старший научный сотрудник лаборатории географии мирового развития Института географии РАН, профессор кафедры экономической и социальной географии им. В.П. Максаковского географического факультета ВГБОУ ВО «Московский государственный педагогический университет», г. Москва, Россия

Уровень благосостояния населения и зрелость гражданского общества как факторы экологического оздоровления хозяйства высокоразвитых стран[60]

Аннотация. *Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Качество окружающей среды становится ресурсом для современного общества и тем самым приобретает экономическую ценность. Значимым компонентом качества жизни в современном обществе становятся экологические параметры условий жизни человека. Удовлетворение спроса на «экологию» развивается в соответствии с экономическими законами и зависит от степени дефицитности товара, что создает естественное в условиях рынка неравенство для пользователей. Борьба с обществом потребления означает борьбу с экономикой как таковой. В масштабах всего сегодняшнего, очень контрастного по уровню социально-экономического развития мира, так и для большей части стран идея*

[60] Статья выполнена в рамках ГЗ № 0148-2019-0008.

ограничения общества потребления, как минимум, утопична. На его смену приходит общество экологического потребления.

Ключевые слова: *экологизация, общество экологического потребления, гражданское общество, высокоразвитые постиндустриальные страны*

Многие экологи, если не большинство, связывают экологические беды на планете с обществом потребления. Рационализация потребления многими экологами называется одним их важнейших условий экологизации жизни. С этим трудно не согласится. Однако понимание этой рационализации самое различное и в большинстве случаев зависит не столько от особенностей профессиональных подходов, сколько от политических пристрастий. Либералы видят в богатом обществе потребления один из важнейших моховиков рыночных товарно-денежных отношений и социальный результат эффективного хозяйствования. Представители левых взглядов смотрят на общество потребления как на больное общество с господством не высоких духовных, а низменных меркантильных потребностей потребляющей массы, стимулируемых ненасытными воротилами мировых финансов. И, соответственно, экологические беды – плод хищнического отношения к природе со стороны тех, у кого на деньги «глаза завидущие, руки загребущие». В отечественной литературе общество потребления в большинстве случаев рассматривается как общество избыточного материального потребления, развитие которого хорошо бы притормозить, дабы избежать исчерпания природных ресурсов и экологической катастрофы.

У автора статьи, как и у всех, кто дойдет до ее чтения, свой взгляд на экологические характеристики «общество потребления». И он скорее позитивные, чем негативные. Как это не парадоксально звучит, именно общество потребления стало одним из мощных локомотивов экологизации хозяйства в высокоразвитых странах. Результаты этой экологизации впечатляют. Именно в наиболее высокоразвитых капиталистических (это слово было стыдливо выведено у нас из постсоветского лексикона) странах достигнуты наиболее впечатляющие результаты по экологической санации хозяйства. Каким образом? Один из наиболее популярных «левых» ответов на этот вопрос – хитромудрая политика богатых стран по выводу грязных производств в страны Третьего мира. Но, думаю, в нем больше политики, чем адекватности реалиям. Хотя, конечно, и это явление имеет место.

Автор смотрит на «общество потребления» как на естественный плод эффективной экономики и огромное достижение стран с воспитанными веками культурой труда народов в сочетании с грамотной экономической политикой их руководителей. Психологию общества потребления в наше время принципиально неверно сводить к погоне только за материальными благами. Спрос на нематериальные блага растет в высокоразвитых странах большими темпами, чем на материальные. Современная капиталистическая (в политкорректной терминологии рыночная) экономика опирается на принципиально новые приоритеты в потреблении, которые расставляет

богатое постиндустриальное общество, где впервые в истории массовый спрос на нематериализованные товары сравнялся и зачастую начинает превосходить по стоимости спрос на материальные товары. Этот тренд – одно из лучших доказательств глубины закона Э. Энгеля, который он сформулировал более 150-ти лет назад.

Именно опережающее развитие нематериального спроса выступает одним из важнейших опосредованных факторов экологически позитивных сдвигов в хозяйстве высокоразвитых стран. Новые потребительские приоритеты постиндустриального общества качественно меняют отношение к «экологии». Состояние окружающей среды – если оно обладает соответствующим качеством – само по себе является потребительским благом.

Сегодня есть основание говорить о рождении общества «экологического потребления», или экопотребления. У относительно более богатого населения высокоразвитых государств неуклонно растет интерес к экологическим благам. У граждан этих стран уже стали меняться ценностные ориентиры – преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни. Последние четверть века научная и творческая элита в развитых странах активнейшим образом успешно лоббирует самые разнообразные экофильные проекты как из «идейных» соображений, так и из откровенно корыстных. Для нее экологически благополучная среда – одно из необходимых условий эффективной и доходной работы.

Закон повышения спроса на «экологию» по мере роста благосостояния универсален и потому он действует и в России. Это наглядно проявляется, например, в изменении критериев оценки жилья у людей различного достатка. “Экологические притязания” многих “новых русских” уже вполне сопоставимы с западными. Так же, как в богатых странах, наметились антропоцентристские тенденции экологизации потребительского рынка: стремительно растет производство бутылированной воды, растет интерес к экологически чистым продуктам питания, устанавливаются бытовые фильтры для воды и т.п.

В научный обиход на смену традиционному понятию «уровень жизни» пришло понятие «качество жизни». Качество жизни – понятие более широкое, чем «уровень жизни», и, прежде всего, за счет именно нематериальных компонентов: доступность образования и достижений мировой и национальной культуры, возможности вести здоровый образ жизни, эстетика окружающего пространства. Для формализованной оценки качества жизни разработана принятая ООН система индикаторов. Она включает в себя не только традиционные показатели ВВП на душу населения или душевого дохода, но и уровень грамотности населения, число лиц, имеющих высшее образование, доступность и уровень здравоохранения и т.д. В докладах о человеческом развитии, издаваемых ООН ежегодно начиная с 1990 г., оценка качества жизни в различных странах мира производится при помощи постоянно расширяющейся системы индикаторов со всё большей долей нематериальных.

Экологические потребности людей по мере роста благосостояния непрерывно растут. Для обеспеченного человека абсурдно есть дорогие экзотические фрукты и запивать их водой, загрязненной тяжелыми металлами, бегать по утрам кросс и дышать при этом выхлопными газами, загорать на пляже и нырять в море с нефтяными разводами. Меняется и экономическая значимость экологической составляющей качества жизни. Рост экологических притязаний по мере повышения уровня благосостояния людей становится одним из законов современного постиндустриального развития.

Существуют две концептуальные модели оценки качества жизни: объективистская и субъективистская. В объективистской качество жизни оценивается на базе совокупности соответствующих статистических показателей (душевой доход, ожидаемая продолжительность жизни и т.д.). При субъективистском подходе главным считаются субъективные ощущения людей. Субъективное восприятие качества среды жизни зависит, в частности, от интеллектуального развития индивида, образованности, общего мировосприятия и др. В оценке качества жизни учитывать субъективное восприятие человеком окружающего его мира не менее важно, чем учитывать объективные показатели. Для этого необходимы особые методы и формы исследования: анкетирование, интервьюирование и др. Как показывают социологические и социально-географические исследования, существует значительное расхождение между объективными факторами жизни места и его субъективными оценками населением. Субъективное восприятие порождает мотивацию. Мотивация растущих экологических притязаний складывается из ряда составляющих.

Во-первых, забота о здоровье. Если еще полвека назад даже в наиболее развитых странах здоровье, прежде всего, зависело от медицинского обслуживания, то теперь все больший вес приобретает экологический фактор. В тотальной экологизации жизни видится теперь главный резерв для улучшения здоровья людей и дальнейшего роста продолжительности жизни. В рамках нового социального заказа «спрос на экологию» может сравниться только со «спросом на генетику». Теперь культ «здорового образа жизни» глубоко проник в сознание среднестатистического обывателя высокоразвитой страны.

Помимо заботы о здоровье, нужно учитывать и экономический интерес. Рост экологических притязаний связан не только с общим ростом благосостояния людей, но и с описанными выше переменами в системе хозяйствования, занятости и социальном составе. Конец «культа индустрии» привел к осознанию того, что в постиндустриальной экономике заводы и фабрики перестали быть «главными кормильцами» для большинства людей. Рабочий смотрит на экологические проблемы как на неизбежные издержки того, что у него есть работа и заработок. Принципиально другое отношение – у работника умственного труда. Для него благополучные экологические параметры окружающей среды становятся одним из факторов производительности труда. Для представителей многих творческих профессий: ученых, программистов, художников, писателей, – экологический фактор уже

давно стал одним из главных для организации рабочего процесса. Таким образом, модифицированная с наступлением постиндустриализма цепь «хозяйство – занятость – социальный состав общества» меняет шкалу ценностей в обществе и преференции общественного спроса в сторону усиления экологических интересов. Пятьдесят лет назад дуйсбургский рабочий, так же, как и магнитогорский, знал, что дымящая труба за окном – это, прежде всего, хлеб и жилье для его семьи. Сегодня менеджеры туристских агентств в Дуйсбурге и в Магнитогорске знают, что дымящая труба – это угроза астмы для детей и пугало для туристов. Если для рабочего плохая «экология» – часть платы за возможность прокормить семью, то для работника умственного труда хорошая «экология» – одно из важных условий его эффективной работы. При этом принципиально то, что новую конъюнктуру начинают осознавать и учитывать при принятии решений не только работники, но и работодатели. Как следствие, промышленные корпорации для уменьшения конфронтации с общественностью тратят больше средств на создание экологически безопасных производств, что, в конечном счете, благоприятно сказывается и на состоянии окружающей среды, и на конкурентоспособности их продукции.

По мере роста благосостояния населения возрастает экофильное «давление» со стороны богатеющего обывателя. Издержки на «экологию» становятся все более весомой частью общих издержек производства предлагаемых на рынке товаров, материальных (особенно наиболее высокотехнологичных) и нематериальных. Это делает выгодным производство более экологически чистых автомобилей, поддержание в чистоте пляжей, очистку водоемов от мусора и др. экологически опасных воздействий человека. В результате, многие экологические издержки трансформируются из внеэкономической категории в категорию экономическую. «Экология» становится значимой компонентой выгодного бизнеса в самых различных проявлениях: от торговли технологическими инновациями до торговли недвижимостью из экологически чистых материалов и с видом не на заводские трубы, а на живописное озеро, полное рыбы и дичи.

Все большую роль в формировании экологических потребностей населения играет гражданское общество. Протестные экологические движения «зеленых», родившиеся в 1970-х г., стали мощной движущей силой общественной жизни. Их научной базой позиционируется широко разрекламированная концепция «Устойчивого развития». С этой концепцией не все гладко и ясно. В процессе своего вызревания и расширения «сферы интересов» за несколько десятилетий она плавно перекочевала из сферы научных исследований и дискуссий в штабы зеленых партий и кабинеты чиновников. К сожалению, это не всегда способствует «поиску истины», так как переходит в область «интересов». А сегодня они явственно выражены и масштабны. Например, в Германии, партия Зеленых получает проценты голосов в Бундестаг и Ландтаги, сопоставимые с нашими КПРФ и ЛДПР. С подачи политиков-ораторов и уверовав в антропогенную природу глобального потепления, а большинством «зеленых политиков» это трактуется как

доказанный факт, избиратели идут голосовать, проникнутые идеей, что они способны отвести от мира страшную угрозу. Одна из ярких иллюстраций вульгарного экологического популизма – феномен Греты Тюнберг. Тем не менее, нельзя не видеть, что роль гражданского общества в экологической санации хозяйства в высокоразвитых странах огромна и в целом позитивна.

Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Однако экологические последствия извлечения прибыли из шахт и карьеров и извлечения прибыли из чистых пляжей и живописных пейзажей противоположны. Приход постиндустриального времени делает из «экологии» товар, она становится субъектом товарно-денежных отношений. Экологически ориентированный бизнес уже стал значимым сегментом хозяйства высокоразвитых стран. Качество окружающей среды становится ресурсом для современного общества и тем самым приобретает экономическую ценность.

Важным компонентом качества жизни в современном обществе становятся экологические параметры условий жизни человека. Один из ведущих отечественных экологов-экономистов К.Г. Гофман любил повторять фразу, что «экология – привилегия богатых». В этой краткой емкой формулировке заложен главный смысл и обоснование того, почему высокоразвитые «богатые» государства первыми сознательно вступили на путь экологизации хозяйства. В этих странах сформировалось общество, которому впервые «до экологии».

Удовлетворение спроса на «экологию» развивается в соответствии с экономическими законами и зависит от степени дефицитности товара, что создает естественное в условиях рынка неравенство для пользователей. В результате, экологически относительно более благополучная среда все в большей степени становится «привилегией богатых». В этих условиях, одним из ключевых направлений государственной политики в области экологии в высокоразвитых странах становится борьба за превращение «экологии» из «товара для избранных» в «товар массового спроса». Для этого, в частности, уже задействуются методы активного формирования спроса: мощная, направленная на массового потребителя реклама экологически чистых продуктов, здорового образа жизни, экологического туризма и т.п. Многие конкретные экологические программы государства в богатых странах уже ориентированы на «экологические» потребности массового обывателя.

Борьба с обществом потребления, широко распространенная в отечественном экологическом сознании, по сути, означает борьбу с экономикой как таковой, ибо именно рост потребления является, с одной стороны, результатом эффективной работы экономики, с другой – главным стимулом ее развития. Сдерживание общества потребления означает сдерживание экономического роста. Поэтому, как в масштабах всего сегодняшнего, очень контрастного по уровню социально-экономического развития мира, так и для большей части стран идея ограничения общества потребления, как минимум, утопична. На его смену приходит общество экологического потребления.

Список литературы

1. Лопатников Д.Л. Геоэкология постиндустриального времени // Региональные исследования. № 3 (53). 2016. С. 118-124.
2. Мир геоэкологии. Геоэкологические проблемы и пути их решения. Сб. М.: МГУ-Варсон, 2017. 320 с.
3. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. Пер. с англ. М.: Праксис, 2004. 567 с.
4. Jones G. Profits and Sustainability. A History of Green Entrepreneurship. Oxford University Press, 2017. 442 p.
5. Мир на пороге зелёной революции. НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/news/188171386.html (Дата обращения: 01.07.2019).
6. Commission on Sustainable Development (CSD), United Nations. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/csd.html (Дата обращения: 01.07.2019).

УДК 332.1

Нанавян Ашхен Мардиросовна
к.эк.н., ведущий научный сотрудник, ФГБУН ЦЭМИ РАН, г. Москва, Россия

Средний возраст занятых и лиц вне рабочей силы в регионах России

Аннотация. *Актуальные проблемы современного рынка труда связаны с сокращением численности и изменениями в возрастной структуре населения. В работе проанализирован средний возраст занятых, безработных и лиц вне рабочей силы в регионах России. Анализ показал, что наблюдается тенденция роста среднего возраста занятых и безработных, а с 2006 г. - и по категории лиц вне рабочей силы, по среднему возрасту которых выделено две группы регионов.*

Ключевые слова: *демография, средний возраст, занятые, безработные, лица вне рабочей силы, регион*

Наиболее важные и актуальные проблемы современного рынка труда связаны с сокращением численности и старением населения, с изменениями в возрастной структуре населения, а также региональной вариацией этих показателей. В литературе отмечается, что «резко меняется возрастной состав населения и в связи с этим на 5-10 млн. человек снижается в перспективе численность населения в трудоспособном возрасте, что может значительно сократить объем занятости [1, с. 5]. При этом возраст выступает важнейшей демографической характеристикой населения, а анализ возрастной структуры по количественным признакам предоставляет возможность использовать обобщающие статистические показатели, в частности, такой инструментарий как средний возраст.

В нашей стране в наибольшей степени увеличение среднего возраста характерно для занятых. По данным обследований рабочей силы, которые проводит Федеральная служба государственной статистики РФ [3], всего за 5 лет - с 2010 по 2015 годы - средний возраст занятого населения увеличился на 0,6 года и составлял 40,0 и 40,6 соответственно. В 2019 г. темпы роста стали еще больше - по сравнению с 2015 г. значение этого показателя увеличилось на 0,7 года, а за 10 лет занятые стали «старше» на 1,3 года, что достаточно серьезно для такого показателя как средний возраст.

Возраст лиц вне рабочей силы также увеличивается. Так, в 2017 г. их средний возраст почти сравнялся с уровнем 1992 г., а после изменений в методике учета возрастного состава рабочей силы, связанных с ростом уровня участия в рабочей силе лиц старших возрастных групп, значение этого показателя в последующие годы существенно выше (с января 2017 г. обследование охватывает лиц от 15 лет и старше, ранее - от 15 до 72 лет). Средний же возраст безработных меньше и, например, в 2010 г. составлял 35,3, а в 2019 г. - 35,5 лет, причем с 2017 г. наметилась тенденция снижения значения этого показателя. Это в определенной степени указывает на обострение проблем занятости молодежи. Уровень безработицы молодежи по сравнению с другими возрастными группами остается одним из самых высоких. Так, в 2015 г. в возрастной когорте до 20 лет уровень безработицы составлял 32,4%, а у лиц в возрасте 20-24 года - 14,3%. Это наибольшие значения этого показателя по сравнению с другими возрастными группами и, хотя уровень безработицы снижался, но и в 2019 г. уровень безработицы молодежи составлял 24,7% и 14,4% соответственно.

Динамика среднего возраста рабочей силы (занятых и безработных) и лиц вне рабочей силы представлена на рис. 1.

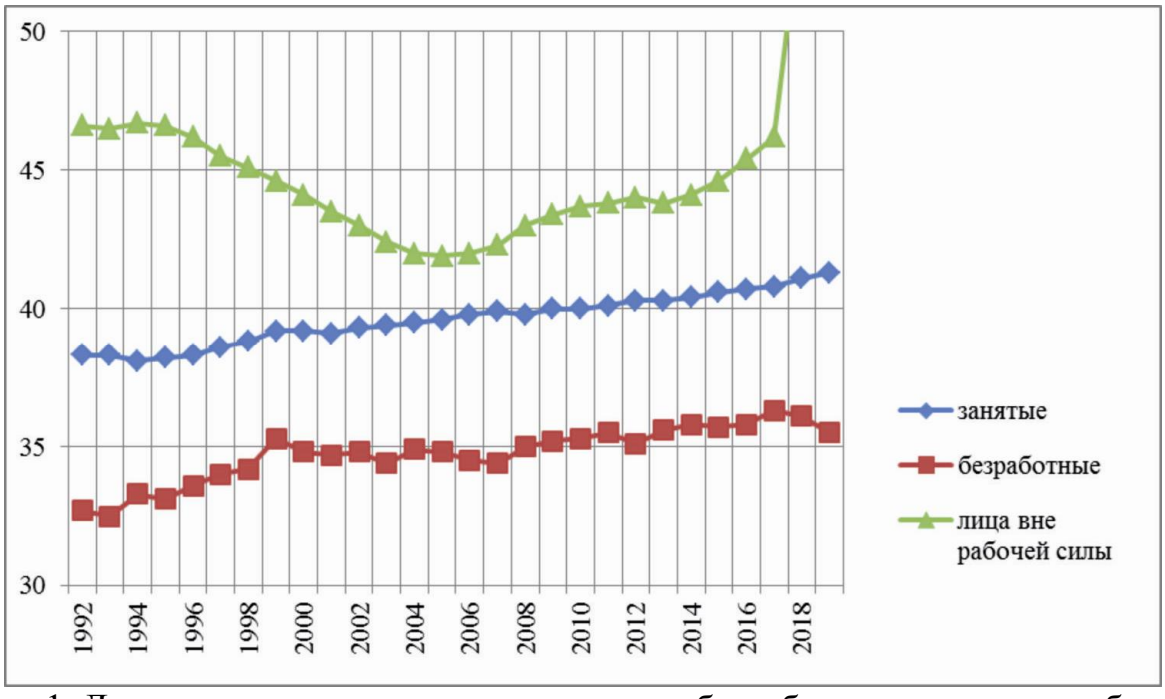

Рис. 1. Динамика среднего возраста занятых, безработных и лиц вне рабочей силы в России, лет

Необходимо отметить, что наблюдается тенденция роста среднего возраста всех категорий населения, а своеобразная «демографическая «яма»» проявляется именно по группе лиц вне рабочей силы. Снижение величины среднего возраста в этой категории населения наблюдалось со второй половины 90-х годов XX в., а наименьшее значение отмечено в 2005 г. (хотя численность постоянного населения России «достигла» минимальных значений в 2009 г.). При этом в указанный период тенденция роста среднего возраста занятых также приобретает устойчивость, что связано с ростом уровня участия в рабочей силе (экономической активности) лиц старших возрастных групп населения.

Однако, поскольку увеличение или сокращение неоднородности экономического пространства страны во многом определяется демографическими характеристиками населения, рассмотрим региональные особенности этих показателей.

Необходимо отметить существенную вариацию значения среднего возраста по регионам нашей страны. В наибольшей степени это характерно по категории лиц вне рабочей силы. Так, в 2018 г. вариационный размах составлял 19,5 лет (наибольшее значение - 58,7 лет - наблюдалось в *Кировской области*, «моложе» всех были лица вне рабочей силы в *Ингушетии* - 39,1 лет).

Несколько меньше вариационный размах среднего возраста безработных, который составил 12,1 лет (максимальное значение отмечено в *Калужской области* [41,1 лет], минимальное - в *Чеченской Республике* [29 лет]). Средний возраст занятых также менее дифференцирован, но довольно значителен: вариационный размах составлял 6,9 лет: максимальное значение отмечено в *Ставропольском крае* (43,2 лет), минимум - в *Республике Башкортостан* (36,3) (здесь и далее расчеты произведены по [4]).

Необходимо отметить, что сравнение изучаемых процессов в отдельных регионах предполагает упорядочение анализируемых данных и группировку регионов. Поэтому было произведено нормирование по значению среднего возраста лиц вне рабочей силы, регионы сгруппированы по величине этого показателя в России и представлены в двух группах: 1-ая группа - величина среднего возраста лиц вне рабочей силы меньше среднероссийского (41 регион), 2-ая группа - средний возраст больше значения этого показателя по стране (44 региона).

Ранжированный ряд по группам регионов России представлен на следующих рис. 2 и 3, а также в таблице 1.

Поскольку ранжирование регионов произведено по среднему возрасту лиц вне рабочей силы, необходимо отметить, что в первой группе представлены не только регионы Северо-Кавказского федерального округа, которые отличает относительно высокая рождаемость и напряженность на рынке труда, а также меньшие значения среднего возраста либо занятых (например, Кабардино-Балкарская Республика), либо безработных (Чеченская Республика). В этой же группе представлены регионы всех федеральных округов, в том числе ряд регионов как с «молодыми»

экономически неактивными, так и занятыми: *Ямало-Ненецкий автономный округ, Томская область, Республика Алтай, Республика Саха (Якутия).*

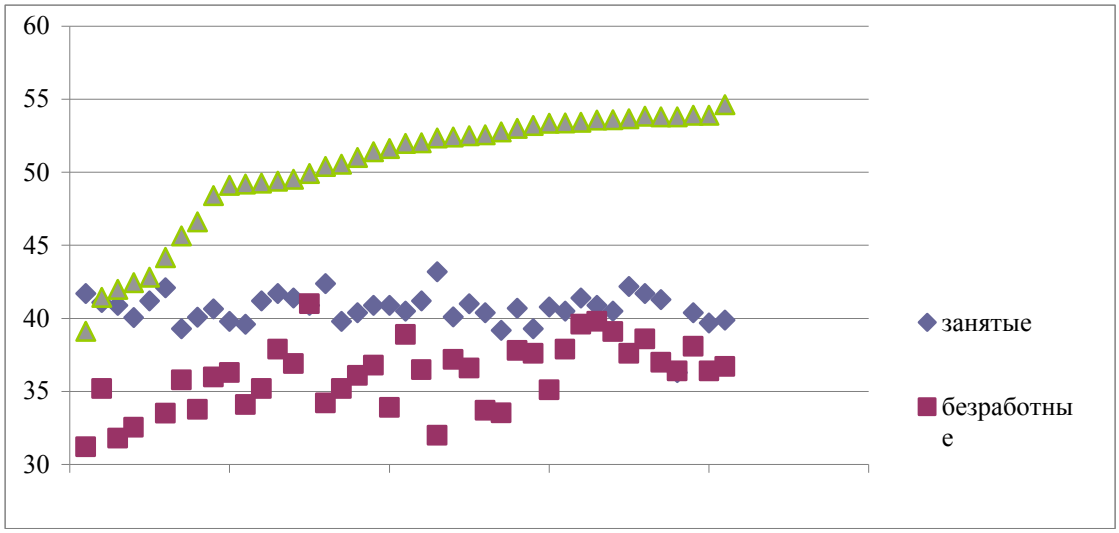

Рис. 2. Средний возраст занятых, безработных и лиц вне рабочей силы в регионах России, 1-я группа, 2018 г., лет

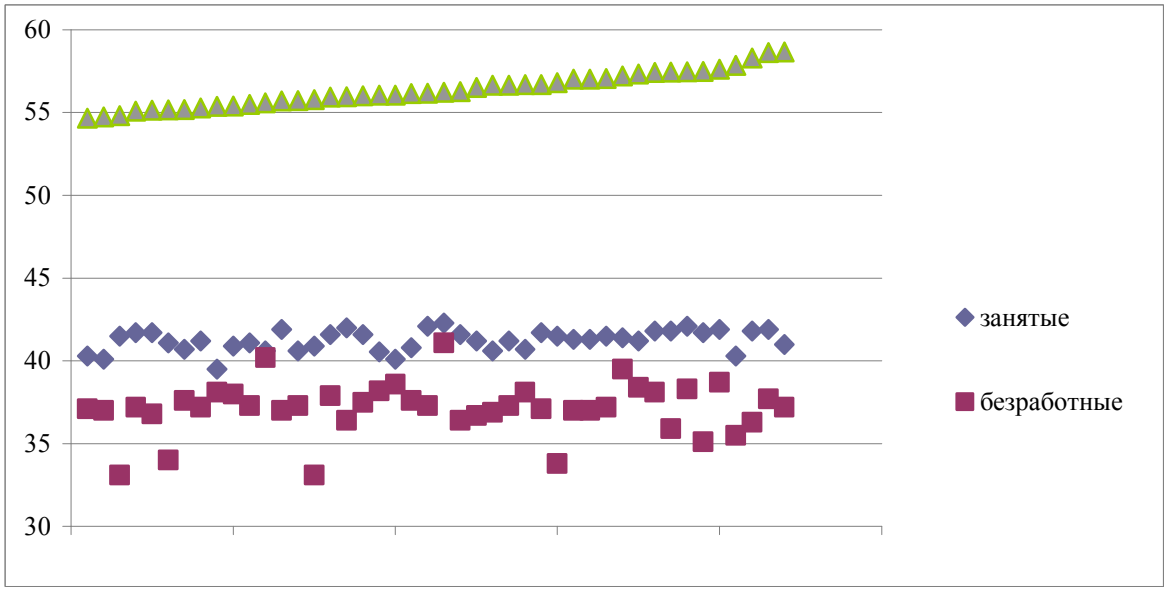

Рис. 3. Средний возраст занятых, безработных и лиц вне рабочей силы в регионах России, 2-я группа, 2018 г., лет

Во второй группе регионов вариационный размах среднего возраста занятых существенно меньше и составляет всего 2,8 года (в первой группе - 6,9 лет), что вполне понятно, т.к. в рассматриваемый период рост уровня занятости во многом был связан с увеличением уровня участия в рабочей силе лиц старших возрастных групп. Однако отметим, что в этой группе представлены регионы, в которых средний возраст лиц вне рабочей силы достаточно высокий, но занятые значительно «моложе», чем в среднем по стране. Так, если в России средний возраст занятых в 2018 г. составлял 41,1 лет, то в *Республике Хакасия* - всего 39,5 лет, в *Республике Мордовия* и в *Иркутской области* - 40,1, в *Чувашской Республике* и в *Нижегородской*

области - 40,3 лет. Кроме того, если «в 2015 г. самые «молодые» занятые трудились в различных отраслях экономики в Ингушетии, Чеченской Республике и Республике Тыва» [2, с. 1841], то в 2018 г. этот минимум отмечен в *Республике Башкортостан, в Томской области и в Приморском крае* (36,3, 39,3 и 39,3 соответственно). Однако в этих регионах средний возраст лиц вне рабочей силы также ниже среднероссийского значения, т.е. демографические «резервы» роста занятости в этих регионах в определенной степени ограничены.

Таблица 1-Средний возраст занятых и лиц вне рабочей силы в регионах России, 2018 г., лет

	Занятые	Лица вне рабочей силы		Занятые	Лица вне рабочей силы
1-ая группа регионов			2-ая группа регионов		
Республика Ингушетия	41,7	39,1	Чувашская Республика	40,3	54,7
Республика Бурятия	41,1	41,5	Иркутская область	40,1	54,7
Республика Дагестан	40,9	42,0	Оренбургская область	41,5	54,8
Ямало-Ненецкий авт.округ	40,1	42,5	Свердловская область	41,7	55,1
Чеченская Республика	41,2	42,8	Саратовская область	41,7	55,1
Чукотский автономный округ	42,1	44,2	Краснодарский край	41,1	55,2
Томская область	39,3	45,6	Ростовская область	40,7	55,2
Ханты-Мансийский авт.округ - Югра	40,1	46,6	Самарская область	41,2	55,3
Ненецкий авт.округ	40,6	48,4	Республика Хакасия	39,5	55,4
Республика Алтай	39,8	49,1	Удмуртская Республика	40,9	55,4
Кабардино-Балкарская Республика	39,6	49,2	Республика Крым	41,1	55,5
Республика Северная Осетия - Алания	41,2	49,3	Вологодская область	40,6	55,6
Карачаево-Черкесская Республика	41,7	49,4	Ленинградская область	41,9	55,7
Омская область	41,4	49,5	Челябинская область	40,6	55,7
Магаданская область	40,9	49,9	Республика Татарстан	40,9	55,8
Еврейская автономная область	42,4	50,4	Воронежская область	41,6	55,9

	Занятые	Лица вне рабочей силы		Занятые	Лица вне рабочей силы
Республика Саха (Якутия)	39,8	50,5	Ульяновская область	42	56,0
Камчатский край	40,4	51,0	Орловская область	41,6	56,0
Республика Калмыкия	40,9	51,4	Архангельская обл. без авт.округа	40,6	56,1
Хабаровский край	40,9	51,6	Республика Мордовия	40,1	56,1
Сахалинская область	40,5	52,0	Курганская область	40,8	56,2
Амурская область	41,2	52,0	Псковская область	42,1	56,2
Ставропольский край	43,2	52,4	Калужская область	42,3	56,2
Республика Тыва	40,1	52,4	Рязанская область	41,6	56,3
Забайкальский край	41	52,5	Брянская область	41,2	56,5
Новосибирская область	40,4	52,6	Волгоградская область	40,6	56,6
Тюменская область без авт.округов	39,2	52,8	Костромская область	41,2	56,7
Республика Коми	40,7	53,0	Республика Карелия	40,7	56,7
Приморский край	39,3	53,2	Смоленская область	41,7	56,7
Мурманская область	40,8	53,4	г. Санкт-Петербург	41,5	56,8
Алтайский край	40,5	53,4	Пензенская область	41,3	57,0
Калининградская область	41,4	53,4	Белгородская область	41,3	57,0
Республика Марий Эл	40,9	53,6	Тамбовская область	41,5	57,1
Кемеровская область	40,5	53,6	Курская область	41,4	57,2
Московская область	42,2	53,7	Ивановская область	41,2	57,3
г. Севастополь	41,7	53,8	Ярославская область	41,8	57,4
Астраханская область	41,3	53,8	Владимирская область	41,8	57,5
Республика Башкортостан	36,3	53,8	г. Москва	42,1	57,5
Пермский край	40,4	53,9	Липецкая область	41,7	57,5
Республика Адыгея	39,7	53,9	Новгородская область	41,9	57,6
Красноярский край	39,9	54,6	Нижегородская область	40,3	57,9
			Тверская область	41,8	58,3
			Тульская область	41,9	58,6
			Кировская область	41	58,7

Таким образом, для оценки состояния рынка труда, определения направлений эффективного использования демографических резервов,

представляется целесообразным учет сдвигов в возрастной структуре населения, которые имеют не только демографические, но и экономические последствия, непосредственно влияющие на уровень и качество жизни населения.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // - Народонаселение. 2017. №3. С.4- 23.
2. Нанавян А.М. Демографические аспекты изменения структуры занятого населения в регионах Российской Федерации // «Региональная экономика: теория и практика». 2017. Т.15. №10. С.1831-1843.
3. Обследование рабочей силы (Обследование населения по проблемам занятости), 1992-2019 г.г. // gks.ru
4. Регионы России. Социально-экономические показатели 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

УДК 911.375:913

Обедков Анатолий Павлович
к.г.н., старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера, Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН», г. Сыктывкар, Россия

Отечественная научная школа географического градоведения: этапы формирования и видные представители

Аннотация. *Раскрыты основные направления географического изучения городов в рамках дореволюционного, советского и постсоветского этапов. Рассматриваются особенности формирования отечественной научной школы географического градоведения как междисциплинарного научно-аналитического и прикладного направления на стыке общественной географии, урбанистики и градостроительства. Названы сложившиеся в России локальные научные школы географического градоведения и их видные представители.*

Ключевые слова: *научная школа, географическое градоведение, география городов, геоурбанистика, направления географического изучения городов.*

Отечественная научная школа географического градоведения имеет давнюю историю комплексного изучения сети городов и городского расселения, процессов и форм урбанизации. В её становлении и развитии чётко просматриваются начальный (дореволюционный), советский и постсоветский этапы, отличающиеся уровнем теоретико-методологического

осмысления сущности городских систем как ведущей формы расселения людей и места концентрации прогрессивных видов человеческой деятельности, а также повышением роли географо-градоведческих исследований в практике городского управления и формирования градостроительной, экистической и городской политики. В настоящее время научная школа географического градоведения сформировалась и развивается как междисциплинарное научно-аналитическое и прикладное направление на стыке общественной географии, урбанистики и градостроительства.

На начальном этапе географического изучения городов сбор и систематизация фактических знаний о них велись в рамках региональных комплексно-географических исследований. Основная заслуга в возникновении географии городов как особого вида комплексно-географических описаний принадлежит К.И. Арсеньеву, опубликовавшему в 1832-1834 гг. фундаментальное исследование «Гидрографическо-статистическое обозрение городов Российской империи с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков от начала XVII столетия и доныне». Публикация этой работы положила начало систематическому изучению российских городов и выдвинула его автора в число зачинателей отечественной географии городов. В этой работе К.И. Арсеньев впервые обозначил два основных направления географического изучения городов: экономико-географическое (экономическая география городов) и историческое (историческая география городов).

В последующие десятилетия дореволюционного этапа к рассмотрению отдельных вопросов географии городов России в своих трудах обращались В.П. Андроссов, А.И. Воейков, М.Г. Диканский, А.П. Заблоцкий-Десятовский, П.И. Кёппен, А.А. Крубер, Н.А. Милютин, П.П. и В.П. Семёновы-Тян-Шанские. В этих публикациях давалось комплексное описание городов и их территориальных систем на основе статистических данных о населении и хозяйстве с использованием географических, исторических, демографических и экономических характеристик. В 1910 г. увидел свет главный труд В.П. Семёнова-Тян-Шанского по теории и практике географии расселения и географии городов - научная монография «Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии», заложившая методологические основы комплексного анализа сети городов и систем расселения в целом. Эта монография стала достойным продолжением фундаментального исследования российских городов К.И. Арсеньева, а её автор по праву стал одним из основоположников отечественной научной школы географического градоведения. На начальном этапе получили развитие следующие направления географического изучения городов, способствовавшие становлению дореволюционной школы географического градоведения: анализ факторов и особенностей формирования территориальных сетей городов и зарождающегося процесса городского агломерирования; обоснование критериев выделения, классификации и комплексной типологии городов; комплексно-географическое и географо-статистическое описание городов и их

территориальных сетей; микрогеографическое описание города и его функциональных частей.

На советском этапе круг исследователей географии городов существенно расширился, а публикации по географическому градоведению стали более многочисленными и разносторонними. В 1920-1930-е гг. географическое изучение городов проводилось главным образом в рамках общей проблематики экономического районирования, реализации политики индустриализации и целевых территориальных комплексных народнохозяйственных программ, направленных на преодоление ранее сложившихся диспропорций в размещении производительных сил и обживание районов нового хозяйственного освоения.

В 1930-1940-е гг. появились программные работы Н.Н. Баранского, О.А. Константинова и Р.М. Кабо по географии городов, в которых были сформулированы цели, задачи и перспективные направления географического градоведения. В эти годы наиболее целенаправленно и последовательно географическим изучением городов занимался О.А. Константинов, которому принадлежит приоритет в разработке программы, методики, подходов и принципов, а также первого отечественного курса географии городов, что позволило начать повсеместное преподавание этой научной дисциплины на географических факультетах государственных университетов и педагогических институтов.

В послевоенные годы география городов стала рассматриваться как самостоятельный раздел географии населения, связанный с изучением общих закономерностей и региональных особенностей эволюции городов и городского расселения. В эти годы произошло оформление научных концепций и подходов, определивших теоретическое содержание и методологию географического изучения городов и городского расселения. Большинство публикаций по географии городов было посвящено экономической географии городов, геодемографии городов и микрогеографии города. При этом стали разрабатываться и внедряться новые подходы к изучению проблем урбанизации с целью прогнозирования и управления развитием городских систем расселения. Важным результатом развития географии городов в послевоенный период стало признание практического значения районной планировки в качестве важнейшего инструмента городского проектирования и совершенствования расселения населения. Другим важным итогом географо-градоведческих исследований в советские годы стало усиление внимания к социальному и экологическому аспектам развития и функционирования отдельных городов и систем городского расселения.

Непрерывный рост публикаций о городах и их территориальных группах, пространственных формах городского расселения и процессах урбанизации способствовал превращению географического градоведения в доминирующую тему общественно-географических исследований послевоенных десятилетий. Основная заслуга в развитии отечественной географии городов в советское время принадлежит известным географам-

обществоведам. Наиболее весомый вклад в формирование советской научной школы географического градоведения внесли Н.Н. Баранский, Н.И. Блажко, Д.И. Богорад, В.М. Гохман, В.Г. Давидович, Л.Е. Иофа, Р.М. Кабо, О.А. Константинов, Г.М. Лаппо, Н.И. Ляликов, И.М. Маергойз, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский, Ю.Г. Саушкин и Б.С. Хорев.

В возросшем потоке публикаций наметились основные направления географического изучения городов, способствовавшие формированию советской школы географического градоведения. В их числе: научные подходы к выделению и анализу городов и систем городского расселения; классификация и типология городских населённых пунктов и городских агломераций; формирование понятия об экономико-географическом положении города; разработка схем комплексной характеристики города; историко-географические исследования региональных систем городов; использование математико-географических методов исследования городских населённых пунктов и математического моделирования их территориальных систем; анализ региональных и глобальных аспектов развития процесса урбанизации; комплексное изучение городской среды и экологических проблем расселения; регулирование развития городов, городских агломераций и систем городского расселения различного таксономического ранга; комплексное изучение городской среды и экологических проблем городского расселения населения; комплексные исследования на стыке географии городов, градостроительного проектирования и районной планировки, направленные на совершенствование систем городского расселения населения на основе географических и архитектурно-планировочных подходов; разработка генеральных схем (концепций) расселения населения страны.

Ряд ведущих исследователей географии городов, получивших известность в советские годы, ещё более укрепили свой научный авторитет в качестве лидеров научной школы географического градоведения на постсоветском этапе, опубликовав обобщающие труды по геоурбанистике как конструктивно-преобразовательном этапе развития географии городов. Среди них следует особенно отметить наиболее ярких представителей научной школы географического градоведения - признанных лидеров академической (Г.М. Лаппо, П.М. Полян) и вузовской (Е.Г. Анимица, Е.Н. Перцик, Ю.М. Пивоваров, Б.С. Хорев) географической науки.

В постсоветский период продолжилось исследование традиционных направлений географического градоведения, в которых рассматривались вопросы комплексного анализа эволюции городов и закономерностей развития систем городского расселения. В эти годы появились многочисленные публикации, в которых рассматривались традиционные вопросы теории, методологии и практики географического градоведения: историко-географическое изучение российских городов и их территориальных сетей; исторические поселения России и их роль в познании эволюции городского расселения населения и развитии культурно-познавательного туризма; особенности формирования и проблемы

социально-экономического развития малых городов и посёлков городского типа в региональных системах расселения населения; проблемы формирования региональных и локальных систем городского расселения; особенности северной урбанизации и геоурбанистика Российского Севера; проблемы экологии урбанизированных территорий; комплексные градоведческие исследования на стыке геоурбанистики, районной планировки и градостроительного проектирования; особенности и проблемы формирования городских агломераций и мегалополисов в условиях постиндустриальной трансформации экономики.

Между тем, рыночные преобразования экономики и постиндустриальная трансформация общества способствовали появлению новых научных проблем географического изучения городов и систем городского расселения. Особую актуальность на постсоветском этапе приобрели следующие направления географического градоведения: формирование урбоэкологии как ключевого элемента концепции устойчивого развития города; проблемы и пути активизации социально-экономического развития монопрофильных поселений; исследование территориальной и социальной трансформации внутригородского пространства в ходе постиндустриального перехода; изучение морфологии экономического пространства города в целях функционального зонирования городской территории, регулирования инвестиционных стратегий и проведения муниципальной политики землепользования; маркетинг и брендинг города; исследование города как саморазвивающейся системы и объекта городского управления и муниципального индикативного, стратегического и территориального планирования; разработка научных основ городской, градостроительной и экистической политики; роль мировых городов в глобальных процессах и системе мирохозяйственных связей.

На советском и постсоветском этапе важнейшими центрами градоведческих исследований стали академические учреждения и вузы Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. На их базе сформировались три ведущие локальные научные школы географического градоведения. Своими трудами в области географического градоведения отметились также энтузиасты-одиночки и немногочисленные исследователи городов, в разные годы работавшие или продолжающие трудиться в ряде региональных центров академической и вузовской науки страны.

У истоков старейшей в России петербургской научной школы географического градоведения, возникшей в дореволюционный период, стояли зачинатели отечественной географии городов К.И. Арсеньев и В.П. Семёнов-Тян-Шанский. В советский период признанным лидером ленинградских географов-градоведов был О.А. Константинов, являющийся одним из основоположников советской географии городов. Большое внимание проблемам урбанизации уделяли известные петербургские географы-обществоведы Н.Т. Агафонов, К.Э. Аксёнов, А.А. Анохин и О.П. Литовка. Большинство современных петербургских географов-урбанистов

являются выпускниками СПбГУ. Многие из них работают в Институте наук о Земле СПбГУ, СПбГЭУ, Северо-Западном управлении Российской академии народного хозяйства и государственной службы, НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург и Институте проблем региональной экономики РАН.

С советских времён и поныне наиболее многочисленной и авторитетной в России является московская научная школа географического градоведения, лидерами которой в разные годы были такие корифеи отечественной общественной географии, географии городов и геоурбанистики как Н.Н. Баранский, В.М. Гохман, В.Г. Давидович, Л.Е. Иофа, Р.М. Кабо, Г.М. Лаппо, Н.И. Ляликов, И.М. Маергойз, Е.Н. Перцик, Ю.Л. Пивоваров, В.В. Покшишевский, П.М. Полян, Ю.Г. Саушкин и Б.С. Хорев. Большинство их учеников и последователей являются выпускниками экономико-географических кафедр географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Различные аспекты географического изучения городов исследуют научные сотрудники Института географии РАН, Института микроэкономических исследователей, НИПИ Градостроительства и Фонда «Институт экономики города», а также преподаватели и научные сотрудники МГУ имени М.В. Ломоносова, Московском государственном педагогическом университете, НИУ Высшей школы экономики и Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации.

Признанными лидерами екатеринбургской научной школы географического градоведения являются Е.Г. Анимица, Н.Ю. Власова, И.Д. Тургель и Е.Л. Шувалов. Их ученики и последователи проводят комплексные исследования проблем градоведения и городской политики, работая в ведущих вузах Екатеринбурга - УрГЭУ, Уральском федеральном университете и Уральском государственном педагогическом университете.

Современные учёные географы-градоведы во многом приблизились к созданию общенаучного учения о городе, которое должно стать теоретической основой научной школы географического градоведения. Оно должно опираться на базовые идеи признанных учений, теорий и концепций геоурбанистики и географии расселения, общественной географии и районной планировки, антропологии города и социологии города, экономики города и экологии города с достижениями прикладной урбанистики, полученными в рамках градостроительного проектирования и городского маркетинга, муниципального индикативного, стратегического и территориального планирования.

УДК 316.74
Осадчая Галина Ивановна
д. социол.н., профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
Киселева Евгения Евгеньевна
к. социол. н., старший научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Динамика человеческого капитала ЕАЭС: факторы и оценка

Аннотация. *Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме развития человеческого капитала в странах ЕАЭС. Цель статьи – оценка динамики развития человеческого капитала в странах ЕАЭС (на основе индекса человеческого капитала), а также выявление факторов, способствующих его приращению. Авторы приходят к выводу о том, что в целом страны ЕАЭС отстают от стран-лидеров по всем показателям ИЧК, основные резервы приращения человеческого капитала – увеличение инвестиций в государств в сферу образования и здравоохранения.*
Ключевые слова: *индекс человеческого капитала, страны ЕАЭС, унифицированные результаты тестирования, группа Всемирного банка*

Экономическая интеграция государств-членов Евразийского экономического союза сопряжена с многочисленными критическими вызовами. Пандемия способствовала обострению проблем, нерешенных в процессе интеграции Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Распространение коронавируса оказало негативное влияние на ключевые сектора экономики.

Восстановление экономик стран ЕАЭС требует не только времени и денег, но и развитие человеческого капитала каждой из стран.

Человеческий капитал – это знания, навыки и здоровье, которые люди аккумулируют в течение своей жизни, что позволяет им реализовывать свой потенциал в качестве полезных членов общества. Он приносит огромную отдачу людям, обществу и странам. Человеческий капитал как самостоятельный раздел экономического анализа, позволяющий учесть реальные народнохозяйственные сдвиги, порожденные научно-технической революцией и выразившиеся в том, что в современных условиях развития экономики накопление невещественных элементов богатства (научных достижений, роста уровня образования населения и т.д.) приобретает первостепенное значение для всего хода общественного воспроизводства [1].

Начало осуществления ПРЧК в 2018 году привлекло внимание мирового сообщества к взаимосвязи между человеческим капиталом и производительностью. ИЧК измеряет в 157 странах величину будущих потерь дохода вследствие недостаточного уровня здоровья и образования. На глобальном уровне ИЧК показывает, что производительность почти 60 процентов родившихся сегодня детей составит, в лучшем случае, половину от

той, которой они могли бы достичь, имея полноценное здоровье и полное образование. Это чревато серьезными последствиями для производительности, всеобъемлющего экономического роста и сокращения бедности.

Развитие человеческого капитала – важнейшая составная часть усилий Группы Всемирного банка по ликвидации крайней бедности к 2030 году и повышению доходов беднейших 40 процентов населения каждой страны. Стратегическая цель Проекта развития человеческого капитала заключается в том, чтобы построить в мире общество, в котором все девочки и мальчики полноценно питаются и готовы к учебе, получают в школе реальные знания, а став взрослыми, выходят на рынок труда здоровыми, квалифицированными и производительными работниками [4].

Индекс измеряет человеческий капитал следующего поколения, которые определяется как объем человеческого капитала, который родившийся сегодня ребенок может рассчитывать накопить, с поправкой на риск, связанный с ненадлежащим качеством здравоохранения и образования в стране, где этот ребенок живет. ИЧК включает три компонента:

1. Выживаемость. Этот компонент отражает тот факт, что ребенку, родившемуся сегодня, необходимо дожить до момента начала накопления человеческого капитала в системе официального образования. Уровень выживаемости измеряется по данным о смертности детей в возрасте до 5 лет.

2. Ожидаемая продолжительность обучения в школе, скорректированная на результаты обучения. Информация об объеме образования, которое ребенок может рассчитывать получить к 18-летнему возрасту, используется в сочетании с данными о качестве, т. е., о том, чему ребенок может научиться в школе, судя по показателям страны в международных тестированиях учебных достижений школьников. Эти данные в сочетании позволяют рассчитать ожидаемую продолжительность обучения в годах с поправкой на качество. Благодаря корректировке на качество обучения этот компонент отражает тот факт, что дети в одних странах получают гораздо меньше знаний, чем дети в других странах, хотя и обучаются в школах в течение примерно одинакового времени.

3. Состояние здоровья. Для оценки общей ситуации с состоянием здоровья жителей страны этот компонент использует два показателя – (1) распространенность низкорослости среди детей в возрасте до 5 лет и (2) показатель выживаемости взрослых, определяемый как доля 15-летних, которые доживут до своего 60-летия. Первый показатель отражает состояние здоровья плода, младенца и ребенка младшего дошкольного возраста. Второй показатель используется в качестве измерителя состояния здоровья, которое ребенок, родившийся сегодня, может иметь во взрослом возрасте [4].

Проанализируем индекс человеческого капитала на основе данных всемирного банка (Таблица 1.).

Резервом улучшения выше рассмотренных компонентов является повышение расходов на здравоохранение и на образование. Анализ расходов консолидированного бюджета по данным Евразийской экономической комиссии показывает, что по ЕАЭС расходы на здравоохранение и

образование составляют не более 10 процентов, что соответственно негативным образом влияет на все показатели здоровья населения, а также на качество образования [3]. Объем ресурсов, направляемых в сферу здравоохранения и образования в развитых экономиках, превышает половину доли всей промышленности в ВВП.

Таблица 1 -Динамика ИЧК в странах ЕАЭС за 2018-2020 гг.

Место Страна	Низкий предел		Показатель		Высокий предел	
	2018	2020	2018	2020	2018	2020
СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 2 ГРУППЫ 0,70 < ИЧК < 0,80						
30.Республика Беларусь*	-	0,69	-	0,70	-	0,71
31 Казахстан	0,72	0,62	0,75	0,63	0,77	0,63
34 Российская Федерация	0,68	0,67	0,73	0,68	0,77	0,69
СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 4 ГРУППЫ 0,50 < ИЧК < 0,60						
76 Кыргызская Республика	0,57	0,59	0,58	0,60	0,59	0,61
78 Армения	0,56	0,57	0,57	0,58	0,58	0,59

*В 2018 году расчеты ИЧК по Республике Беларусь группой Всемирного банка не производились

Источник: “World Bank. 2020. The Human Capital Index 2020 Update : Human Capital in the Time of COVID-19. World Bank, Washington, DC. © World Bank. https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432 License: CC BY 3.0 IGO.”URI

Таблица 2-Динамика компонентов ИЧК в странах ЕАЭС за 2018-2020 гг.

Страна	Вероятность достижения возраста 5 лет		Ожидаемая продолжительность обучения в школе, лет		Унифицированные результаты тестирования (УРТ)		Продолжительность обучения в школе, скорректированная на результаты обучения		Выживаемость взрослых		Доля детей в возрасте до 5 лет, не страдающих низкорослостью	
	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020
СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 2 ГРУППЫ 0,70 < ИЧК < 0,80												
Республика Беларусь*	-	1,00	-	13,8	-	488	-	10,8	-	0,85	-	-
Казахстан	0,99	0,99	13,3	13,7	**537**	**416**	11,5	9,1	0,80	0,84	0,92	0,92
Российская Федерация	0,99	0,99	13,8	13,7	**538**	**498**	11,9	10,9	0,78	0,80	—	
СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 4 ГРУППЫ 0,50 < ИЧК < 0,60												
Кыргызская Республика	0,98	0,98	**12,6**	**12,9**	420	420	8,4	8,7	**0,82**	**0,85**	0,87	0,88
Армения	0,99	0,99	**11,1**	**11,3**	443	443	7,9	8,0	**0,88**	**0,89**	0,91	0,91

*В 2018 году расчеты ИЧК по Республике Беларусь группой Всемирного банка не производились.

Источник: “World Bank. 2020. The Human Capital Index 2020 Update : Human Capital in the Time of COVID-19. World Bank, Washington, DC. © World Bank.

https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432 License: CC BY 3.0 IGO.”URI

В целом следует отметить, что несмотря на то, что большинство стран ЕАЭС относятся ко второй группе по ИЧК, страны-члены ЕАЭС отстают от стран лидеров по степени развития человеческого капитала. За период 2018 – 2020 отмечается отрицательная динамика в значении ИЧК для России и Казахстана.

Очевидно, что для стран-членов ЕАЭС возникает необходимость переоценки и корректировки существующих подходов к формированию человеческого капитала, а также своевременного решения новых проблем, возникающих в процессе экономических преобразований.

Нужна научно-обоснованная концепция развития человеческого капитала, фундаментом которой являются **инвестиции государств** в человека. Такая постановка вопроса требует консолидации усилий государств не только в экономической сфере, но и в формировании единой социальной политики.

Список литературы

1. Проект развития человеческого капитала [Электронный ресурс]: Доклад о мировом развитии 2019 «Изменение характера труда»/ 2018 Международный банк реконструкции и развития/Всемирный банк. – Режим доступа: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019 (дата обращения 28.08.2020)
2. Плячкайтене И.М. Становление и развитие теории человеческого капитала // Молодой ученый. 2011. №7. С. 102-104.
3. Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2018 год. Статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. М., 2020. 125 с.
4. Human Capital Project: First Year Annual Progress Report (Russian). Human Capital Project Washington, D.C.: World Bank Group. http://documents.worldbank.org/curated/en/660371571653556563/Human-Capital-Project-First-Year-Annual-Progress-Report
5. “World Bank. 2020. The Human Capital Index 2020 Update : Human Capital in the Time of COVID-19. World Bank, Washington, DC. © World Bank. https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432 License: CC BY 3.0 IGO.

УДК 365.2, 332.852.1, 365.284
Розанова Людмила Ивановна
к.эк.н.. доцент, старший научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия

Материнский капитал в ипотечном кредите: баланс интересов молодой семьи и банков

Аннотация. *Ипотека является важным инструментом для укрепления статуса молодой семь, обеспечивая ее первичной потребностью – жильем. Целью исследования является оценка реальной помощи государства по ипотеке через материнский капитал, чаще всего используемый для приобетении жилья. В анализе используются данные Банка России. Результатом исследования является вывод о том, что интересы банков превалируют над интересами семьи.*
Ключевые слова: *демографическая ситуация, материнский капитал, ипотека, страхование, ставки по кредиту*

Демографическая ситуация в стране диктует необходимость поддержки молодых семей с детьми, на что направлены усилия государства, прежде всего через выделение таким семьям материнского капитала, размер которого позволяет удешевить покупку жилья. В основном начинающие семьи прибегают с этой целью к получению ипотечного кредита. Также ипотечное кредитование для молодой семьи становится реальным шансом обеспечения независимости от родительского попечения, отказа от дорогой аренды жилья и приобретения самостоятельности и ответственности за свое будущее и будущее своих детей.

Целью исследования является оценка реальной помощи государства в стимулировании повышения рождаемости и улучшения демографической ситуации в стране через материнский капитал, чаще всего используемый при приобетении жилой недвижимости. Методологический прием базируется на сопоставлении выгодополучателей при ипотечном кредитовании: банков и заемщиков. Эмпирической базой являются данные Банка России по объемам и условиям ипотечного кредитования.

Анализ показателей по жилищным кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам в рублях показывает неуклонный рост объемов кредитования. Если за предшествующий месяц (по состоянию на 1.01.2018 г.) было выдано кредитов на сумму 290 854 млн руб., то годом позже (на 1.01.2019 г.) уже 341 265 и на 1.01.2020 г. – 345 475 млн рублей. Безусловно, на данную динамику оказывает влияние и государственная поддержка в виде субсидирования процентной ставки. На рис. 1 видны сезонные колебания выдачи жилищных кредитов: за последние три года пик снижения приходится на январь, к декабрю наблюдается повышательная

тенденция. Максимум выданных кредитов был достигнут в декабре 2018 г. – 157 590 единиц, минимум составил по состоянию на 1.02.2020 г. – 77 927 единиц. Однако линия тренда свидетельствует, что в целом идет снижение, вероятнее всего из-за уменьшения реальных доходов физических лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий несмотря на удешевление стоимости кредита: средневзвешенная ставка по кредитам, выданным в течение месяца снизилась с 9,85% (по состоянию на 01.02.2018 г.) до 8,62% (на 01.04.2020 г.) при одновременном увеличении задолженности за данный период с 5 214 178 до 7 756 126 млн рублей, в том числе и просроченной [1].

Рис.1. Количество предоставленных кредитов за месяц

В настоящее время Постановлением Правительства от 23 апреля 2020 года №566 о программе льготной ипотеки предусмотрено снижение ставки до 6,5% годовых. Льготная ипотека будет действовать до 1 ноября 2020 года. Причем ставка не выше 6,5% сохранится на весь срок кредита. Государство возместит банкам разницу между 6,5%, которые оплачивают заёмщики, и рыночной ипотечной ставкой. Предполагается, что программа позволит обеспечить выдачу до 250 тыс. новых жилищных кредитов. Это окажет влияние и на сферу жилищного строительства.

Немаловажным фактором является и то, что государство помогает многодетным семьям, в которых после 1 января 2019 года родился третий или последующий ребёнок, фактически полностью или частично погашая ипотечный кредит. Субсидия составляет 450 тыс. рублей. В 2020 году на выплату такой финансовой помощи запланировано более 9,5 млрд рублей. С учётом расширенного материнского капитала (выплата полагается уже при рождении первенца) общая сумма жилищной поддержки многодетной семьи превысит 1 млн рублей. Однако, реальность часто свидетельствует о неправомерном удорожании стоимости ипотечных кредитов, когда банки

обязуют заемщиков офрмлять вместе с кредитом страховку. По ипотечным кредитам обычно предусмотрено повышение ставки, если клиент не страхует жизнь. Это кроме того, что страхованию подлежит и залоговое имущество. Так, исследования показывают, что только сумма страхования может составлять от 4% до 12,5% от размера кредита. Для заемщика отказ от от страховки может привести к серьезному повышению процентной ставки для получателя кредита: например, в ФК «Открытие» удорожание на 5 п. п., в Газпромбанке – на 6 п. п., в Росбанке – на 6,6 п. п. [2].

Хотя у заемщика есть право отказаться от страхования в течение 14 дней после получения кредита, но многие банки автоматически повышают при этом ставку по кредиту, несмотря на то, что статьей 16 закона «О защите прав потребителя» закреплено, что невозможно получение одной услуги привязывать к получению другой. Не всегда заемщик знает о том, что кроме страхования недвижимости, другие страховки не являются обязательными, и не в интересах банка давать такие разъяснения (ст. 5 закона «О банках и банковской деятельности» гласит о том, что «кредитной организации запрещается заниматься производственной, торговой и **страховой деятельностью**»). Вместе с тем, с 1 сентября 2020 года вступит в силу Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. №483-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 11 Федерального закона «О потребительском кредите (займе) и статью 9.1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)». В данном законе ясно сказано, что в результате договора, заключенного в целях обеспечения исполнения обязательств заемщика по договору потребительского кредита, заемщик становится **застрахованным лицом,** но не страхователем. Эксперты полагают, что с введением таких изменений банк получит четкий *статус страхователя* (лица, заключившего со страховщиком договор страхования), и таким образом отраслевой закон уже не будет нарушаться. Однако при этом, платность «коллективного страхования» для заемщиков, предусмотренная законом 483-ФЗ, нарушает базовое правило, установленное п. 3 ст. 308 ГК РФ: «Обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон», и п. 1 ст. 11 закона от 27 ноября 1992 г. №4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [2].

Правовые коллизии в плане навязывания страхования не разрешаются на бытовом уровне даже при повышении уровня финансовой грамотности населения и требуют законодательного урегулирования, чтобы заемщик имел возможность отказаться от страхования при получении кредита.

Стоимость кредита также повышается за счет увеличения срока кредитования. Наши исследования выявили такие конкретные случаи навязывания дополнительных услуг и установление неадекватного срока кредитования. Рассмотрим на примере семьи с двумя малолетними детьми. За счет материнского капитала молодая семья сократила размер остатка кредита до 216 тыс. рублей (квартира была приобретена в сельской

местности за 1 млн руб., первоначальный взнос составил 364 тыс. руб., сумма выданного кредита 636 тыс. руб.). При этом первоначальный срок кредитования – 30 лет – банком не был пересмотрен. Ежемесячный платеж в настоящее время составляет 1900 рублей, плюс ежегодно нужно совершать страховые выплаты в размере 3000 рублей. Если по данным Банка России средневзвешенный срок кредитования по кредитам, выданным в течение месяца, составляет от 190 до 220 месяцев, то в данном случает это срок превышает разумные пределы при вышеуказанной сумме задолженности по кредиту – 360 месяцев. То есть в реально собственной, не заложенной в банке квартире семья будет жить почти в пенсионном возрасте, погасив сумму в размере 684 тыс. руб. за кредит и 90 тыс. руб. за страховку. Семья при одном работающем вынуждена соглашаться на такие условия, когда детям (одному ребенку 5 лет, другому 7 месяцев) требуется материнский уход. Причем следует пояснить: ипотечный кредит предоставлен ипотечно-строительным банком с широкой федеральной сетью обслуживания, который входит в ТОП-20 крупнейших российских банков по объему капитала по ставке 9% годовых. На официальном сайте данного банка на первом месте визуально радует информация – ипотека от 4,7% годовых.

Из вышеизложенного можно сделать вывод об имеющемся дисбалансе интересов банка и заемщиков. Если государство заботится о поддержке семей с детьми, субсидируя ставки по ипотечным кредитам и разрешая использование материнского капитала для приобретения жилья, одновременно нужно осуществлять банковский контроль и четко регулировать условия предоставления ипотечных кредитов. В противном случае выгодополучателем становится банк, а не конкретная семья, нуждающаяся в приобретении жилья.

Список литературы

1. Официальный сайт Банка России // – URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/(дата обращения 14.05.2020).

2. Янин Д. Страховое нападение: защитит ли новый закон заемщиков от навязанных услуг // – URL: https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/393071-strahovoe-napadenie-zashchitit-li-novyy-zakon-zaemshchikov-ot (дата обращения 18.05.2020).

УДК 910.3
Сафиуллин Радик Газизович
д.г.н., главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Уфимского исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия

Человеческий капитал как фактор обеспечения технологического прорыва России[61]

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности развития и использования человеческого капитала России. Дан анализ территориальных особенностей в распределении исследователей с учеными степенями и их подготовке по субъектам страны. В России в целом за 2000-2018 годы наметилась негативная тенденция сокращения численности исследователей с учеными степенями. Доля Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского, Южного и Дальневосточного округов в территориальной концентрации человеческого капитала увеличивается. При этом происходит сокращение численности исследователей с учеными степенями в Центральном и Северо-Западном округах.*
Ключевые слова*: человеческий капитал, регионализация, территориальная концентрация, тренды.*

Проблемы современного развития научно-образовательной сферы России вызывают споры среды управленцев и ученых. Имеются разные взгляды и мнения по особенностям организации и управления научно-образовательной сферой страны [2,3,5,8,11]. Важнейшей составляющей инновационной экономики является используемый человеческий капитал, формируемый через систему образования.

Проблемы эффективного функционирования и развития территориальных общественных систем относятся к числу актуальнейших в экономической и социальной географии. Анализ факторов и условий эффективного территориального развития России в рыночных условиях является предметом современных научно-прикладных исследований [1,7,9,10,12].

В передовых странах мира человеческий капитал в научно-образовательной сфере характеризуется постоянным ростом. В США с 1970 по 2017 год произошел почти шестикратный рост персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в Китае за 1995-2017 годы увеличилась численность исследователей в 5,2 раза, в Японии за 1975-2017 годы – в 1,8 раза. В России с 1970 по 1990 годы численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками увеличилась на 3,2 раза, а за 1990-2017 годы уменьшилась почти в три раза. По сути, по численности

[61] Данное исследование выполнено в рамках государственного задания № 007-00256-18-01 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2020 г.

персонала, занятого научными исследованиями и разработками Россия сегодня отброшена на уровень 1970 года (табл. 1).

Таблица 1 - Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в ведущих странах мира (тыс. человек) *

Страны	1970	1990	1995	2000	2004	2006	2008	2010	2014	2017
США	1108	2180				5500		5000	6000	6500
Китай			752	922	1153	1503	1965	2520	3800	3878
Япония	491 (1975)		948	897	896	935	909	655	866	872
Россия	600	1943	1211	1007	952	917	870	737	732	683**
Германия			459	485	471	489	522		604	667
Франция			318	328	349	354	372			429
Великобритания			277	299	314	335	342		362	420
Бразилия				119			213			348
Италия			76	66						127

*Составлена автором по: [4, с.31].
**Данные за 2018 год

Бурный этап индустриального развития России в 1970-1986 годы сопровождался ускоренным развитием науки. К 1990 году численность занятых научными исследованиями и разработками выросла с 600 тыс. человек до 1 млн. 943 тыс. человек или в 3,2 раза. Ни одна страна мира не имела в то время таких темпов роста человеческого капитала в научно-образовательной сфере.

Период реформ, связанный с переходом страны к созданию многоукладной рыночной экономики, сопровождался катастрофическим сокращением объемов ВВП. В результате численность занятых научными исследованиями и разработками в России за 1990-2000 годы сократилась на 48,2%, что коррелировалось с сокращением объемов промышленного производства в стране почти на 50%. Восстановление экономики страны за 2000-2008 годы не сопровождался ростом численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками. При росте ВВП страны за этот период, численность занятых научными исследованиями и разработками уменьшилась на 137 тыс. человек (или на 13,6%).

30 декабря 2012 года было принято распоряжение Правительства РФ об утверждении плана мероприятий "Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки" [5]. Оно было направлено на сокращение численности занятых научными исследованиями и разработками в структурах РАН и вузовском секторе под лозунгами повышения конкурентоспособности и качества российской науки и высшего образования.

За период с 1991 по 2017 годы численность исследователей с учеными степенями в России сократилась на 30,9 тыс. человек (23,0%). Наметилась негативная тенденция по сокращению важнейшей составляющей интеллектуального капитала страны: за 2015-2017 годы численность

докторов наук уменьшилась на 2 тыс. человек (почти на 9%), а численность кандидатов наук за 1991-2017 годы – на 40,7 тыс. человек или 34,5% (!) (табл. 2).

Таблица 2 - Численность исследователей с учеными степенями в России (тыс. чел.) *

	1991	2000	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего, в том числе:	134,2	105,9	105,1	109,3	108,3	109,6	111,5	108,4	103,3
Доктора наук	16,2	22,0	26,8	27,8	27,5	28,0	28,1	27,4	26,1
Кандидаты наук	118,0	84,0	78,3	81,6	80,8	81,6	83,5	81,0	77,3

*Составлена автором по: [4, с.27].

Исходя из сложившегося негативного тренда в динамике численности кандидатов наук, занятых в научно-инновационной сфере страны, абсурдным является предложение ректора Санкт-Петербургского государственного горного университета Литвиненко В. на совместном заседание президиума Госсовета и Совета по науке и образованию РФ 6 февраля 2020 года: "Вторая проблема, Владимир Владимирович, я коротко буквально, это проблема аспирантуры. Надо её сократить минимум в три раза…Это надо административно решить" [11].

Размещение интеллектуального капитала (исследователи с учеными степенями) в 2005 году характеризовалось высокой территориальной концентрацией в Центральном (56,7%) и Северо-Западном ФО (14,5%). Их суммарная доля в концентрации интеллектуального капитала достигала 71,2%. На Сибирский ФО приходилось 10,4% интеллектуального капитала страны. Таким образом, в трех ФО было сконцентрировано свыше 81% интеллектуального капитала. «Лидерами» в концентрации интеллектуального капитала страны были города Москва (44,2%), С.-Петербург (12,3%), Новосибирск (5,1%). На три ведущих научных центра приходилось 61,6% концентрации интеллектуального капитала страны (табл. 3).

Таблица 3 - Численность исследователей с учеными степенями по регионам России (тыс. чел.)*

	2005	**2010**	**2014**	**2016**	**2018**
Россия	99,4	105,1	109,6	108,4	100,3
Центральный ФО, в т.ч.	56,4	61,1	59,5	56,8	52,8
Г.Москва	43,9	47,4	45,6	43,2	39,6
Московская область	8,12	8,60	8,18	8,09	8,23
Воронежская область	0,90	0,92	1,02	0,95	0,96
Калужская область	1,00	0,94	0,86	0,80	0,65
Северо-Западный ФО, в т.ч.	14,4	13,5	14,0	12,8	11,5
Г.С.-Петербург	12,2	11,3	11,2	10,2	9,1
Ленинградская область	0,60	0,58	0,67	0,62	0,58
Южный ФО, в т.ч.	2,8	3,2	4,5	5,0	4,7
Ростовская область	1,16	1,34	1,47	1,38	1,33

	2005	2010	2014	2016	2018
Краснодарский край	0,87	1,04	1,70	2,23	1,96
Северо-Кавказский ФО, в т.ч.	1,36	1,88	2,64	3,51	2,77
Республика Дагестан	0,53	0,52	0,58	1,02	0,68
Кабардино-Балкарская Республика	0,23	0,28	0,31	0,49	0,37
Ставропольский край	0,26	0,49	1,01	1,20	1,16
Приволжский ФО, в т.ч.	7,6	7,9	8,8	9,3	9,0
Нижегородская область	2,22	2,13	2,31	2,39	2,20
Саратовская область	0,72	0,73	0,78	1,07	1,01
Республика Татарстан	1,40	1,40	1,59	1,64	1,81
Пермский край	0,59	0,62	0,77	0,78	0,76
Республика Башкортостан	1,00	1,02	1,25	1,17	1,11
Уральский ФО, в т.ч.	3,7	3,6	4,5	4,9	4,6
Свердловская область	2,30	2,23	2,66	2,75	2,64
Тюменская область	0,51	0,75	0,93	1,12	0,70
Челябинская область	0,76	0,50	0,83	0,84	1,14
Сибирский ФО, в т.ч.	10,3	10,7	11,8	12,0	10,6
Новосибирская область	5,1	5,1	5,3	5,2	5,0
Томская область	1,50	1,65	1,78	2,23	1,86
Иркутская область	1,33	1,38	1,37	1,28	1,23
Дальневосточный ФО, в т.ч.	2,92	3,29	3,85	4,15	4,32
Республика Саха (Якутия)	0,57	0,62	0,79	0,76	0,70
Приморский край	1,42	1,54	1,57	1,71	1,60
Хабаровский край	0,34	0,37	0,53	0,73	0,74

*Составлена автором по: [6, с.990-993].

В 2018 году по-прежнему в Центральном (52,6%), Северо-Западном (11,5%) и Сибирский ФО (10,6%) были сконцентрированы основная часть интеллектуального капитала страны – 74,7%. Однако за 2005-2018 годы наметилась тенденция постепенного перемещения интеллектуального капитала в другие регионы страны. Это было характерно для следующих регионов: Краснодарский, Ставропольский, Хабаровский края, Республики Татарстан и Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Саратовская, Тюменская, Томская области. Доля Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского, Южного и Дальневосточного ФО в территориальной концентрации интеллектуального капитала за 2005-2018 годы возросла с 18,5% до 25,3%.

Самыми привлекательным для исследователей с учеными степенями на современном этапе являются регионы Южного, Северо-Кавказского, Приволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного ФО. Темп прироста численности ученых за период с 2005 по 2016 годы в целом по Северо-Кавказскому ФО составил 158% (абсолютный прирост 2151 человек), Южному ФО составил 80% (абсолютный прирост 2220 человек), Дальневосточному ФО – 44% (абсолютный прирост 1293 человек), Уральскому ФО – 39% (абсолютный прирост 1445 человек), Приволжскому

ФО - 22% (абсолютный прирост 1667 человек) и Сибирскому ФО – 16% (абсолютный прирост 1674 человек).

В регионах, указанных федеральных округов, темп прироста численности ученых сильно различается, что во многом определяется уровнем социально-экономического развития, производственной специализаций, экономико- и транспортно-географическим положением. Так, рост численности ученых в Краснодарском крае составил 2,6 раза, в абсолютных цифрах прирост составил 1,3 тыс. человек. В Республике Дагестан прирост соответственно на 93% и 491 человек, в Ставропольском крае – на 439% и1136 человек, в Республике Татарстан – на 29% и 411 человек, в Республике Башкортостан – на 18% и 175 человек, в Саратовской области – на 47% и 343 человека, в Свердловской области – на 31% и 710 человек, в Челябинской области – на 50% и 381 человек.

Наибольшее абсолютное сокращение численности исследователей докторов наук наблюдается в г.Москва и началось оно с 2010 года – 1773 человека, в г.С.-Петербург с 2005 года - на 656 человек. Темпы сокращения численности исследователей докторов наук в этих центрах научно-исследовательской деятельности оказались выше среднероссийских – соответственно 13,5% и 23,0%. Это свидетельствует о новом тренде в сфере территориальной организации науки в России: замедление инновационного развития страны ведет к снижению привлекательности научного вида деятельности в ведущих экономических центрах и деконцентрации численности исследователей докторов наук в Московской и С.-Петербургской агломерации..

Исходя из тренда десятипроцентного сокращения численности докторов наук за четыре года можно составить экспертный прогноз на 2024 год. Численность докторов наук в России к этому сроку может сократиться, с очень большей долей вероятности, ввиду суженного воспроизводства докторов наук через систему докторантуры и составит около 21,5 тыс. человек. В результате численность докторов наук к 2024 году сократится на 23,2% по сравнению с 2014 годом. В Республике Башкортостан темп сокращения численности докторов наук за 2014-2018 годы составил 7,5%. В 2024 году численность докторов наук в республике уменьшится до 242 человек, что «возвращает» республику на уровень 2010 года.

Таким образом, для восточных ФО характерна высокая территориальная концентрация ученых-исследователей в пределах одного региона. В Уральском ФО 56% численности ученых-исследователей приходятся на Свердловскую область, в Сибирском ФО – 50% численности ученых-исследователей локализовано в Новосибирской области, в Дальневосточном – до 50% в Приморском крае, где сосредоточены научно-исследовательские институты Дальневосточного отделения РАН и вузы. В целом по стране трансформационные процессы в системе докторантуры можно охарактеризовать как устойчивая деградация за период 2005-2018 годы.

Список литературы

1. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Регионы-новаторы и инновационная периферия России // Региональные исследования. 2014. №3.С.27-38.
1. 2.Индикаторы науки: 2019: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.Л. Дьяченко и др.; НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 328с.
2. Михалева О.М. Роль человеческого капитала в инновационном развитии территории // Вестник Брянского госуниверситета, 2019, №1, с.183-188.
3. Наука. Технологии. Инновации: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 84 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") "Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки".
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. // Росстат. М.: 2019.
6. 7.Салимгареев Н.Г., Сафиуллин Р.Г. Критерии оценки пространственного развития региона // Регионология. 2009. №3. С.19-27.
7. 8.Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. РФ и мировое научно-образовательное пространство // В сб.: Инновационные процессы в современной науке. Прага: Vydavatel "Osvícení": 2017. С. 627-636.
8. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Эффективное региональное развитие: виды, факторы, тренды // В сб.: Устойчивое развитие: Проблемы, концепции, модели Материалы международного симпозиума, посвященного 20-летию КБНЦ РАН. 2013. С. 271-274.
9. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Эффективность территориального развития России: теория, реальность, проблемы // В сб.: Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. С.37-47.
10. Стенограмма совместного заседания президиума Госсовета и Совета по науке и образованию. 6 февраля 2020 года.
11. Щербина И.В., Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Территориальная эффективность социального развития России // В сб.: Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Под редакцией Т.В. Субботиной. Пермь: ПГНИУ, 2018.С.263-267.

УДК 910.3
Сафиуллин Марат Радикович
к.г.н., старший научный сотрудник, «Государственное автономное научное учреждение «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», г. Уфа, Россия

Исследование общероссийских трендов развития городских агломераций

Аннотация. *Проблемы развития городских агломераций России приобретают все большее значение в условиях необходимости обеспечении эффективного территориального развития регионов. В статье рассмотрены актуальные научно-прикладные задачи, тренды и общие проблемы территориального развития агломераций России с учетом мирового опыта. В качестве примера дан анализ трендов демографического развития Уфимской агломерации. Предложена договорная модель регулирования территориального развития агломераций страны.*
Ключевые слова: *городские агломерации, территориальное развитие, тренды, проблемы, регулирование.*

Развитие городских агломераций в России обеспечивает решение следующих прикладных задач:

во-первых, получение эффекта за счет укрупнения потребительских рынков товаров, услуг и развития инфраструктуры;

во-вторых, агломерационное пространство создает дополнительный привлекательный фактор для инвесторов в регион крупного бизнеса;

в-третьих, агломерации имеют большую емкость рынка труда и разнообразие трудовых возможностей для населения;

в-четвертых, модернизации хозяйства в агломерациях в первую очередь обеспечивает развитие инновационной инфраструктуры.

Городские агломерации в условиях глобализации и экономической нестабильности в наибольшей мере сталкиваются с обострением конкуренции, кризисными явлениями и процессами. В России агломерации рассматриваются как важнейшие элементы территориального стратегического развития. Причиной многих социально-экономических проблем российских городских агломераций является несбалансированное развитие системы расселения страны в целом. Развиваются процессы избыточной застройки жильем территорий агломераций без необходимой транспортной и социальной инфраструктуры, высокой концентрации мест приложения труда в центральной части агломераций с их дефицитом в субурбанизированных зонах. В результате этого усиливаются экологические и транспортные проблемы, нарастает территориальная социально-экономическая дифференциация внутри агломераций.

В управлении социально-экономическим развитием агломерационных образований важное значение имеет принятие интегральных, комплексных

программ территориального развития, которые позволят проводить единую социо-эколого-экономическую политику, согласованную между всеми субъектами. Стихийное развитие агломераций обостряет социо-эколого-экономическую ситуацию в регионах страны в виду нарастания концентрации производства и населения, нарушаются взаимодействие и взаимосвязи между элементами агломераций, что в итоге формирует негативные тренды территориального развития.

Научно-прикладные исследования по решению проблем территориального развития агломераций России показывают, что вопросы формирования основ территориального управления агломерациями и включения их в систему территориальных социально-экономических систем не решены в полной мере.

К актуальным научно-прикладным задачам исследования проблем территориального развития агломераций в России относятся [2,4,5,9]:

- изучение отечественного и зарубежного опыта по формированию системы территориального регулирования развитием агломераций;
- определение территориальных зон совместных интересов между муниципалитетами в агломерациях, связанных с обеспечением устойчивого территориального развития производственной, социальной, природоохранной, транспортной, информационной и инновационной инфраструктур;
- разработка научных подходов по обеспечению эффективного территориального использования природных, трудовых, финансовых, инновационных ресурсов агломераций;
- обеспечение постоянного социо-эколого-экономического мониторинга развития и территориально-структурной трансформации городских агломераций.

В качестве примере рассмотрим проблемы территориального развития Уфимской агломерации. К ним относятся:

- обостряющаяся демографическая ситуация (снижение рождаемости, высокая смертность, миграционный трудовой и образовательный отток населения);
- недостаточный уровень развития производственной и социальной инфраструктуры;
- возникшие вызовы в развитии системы здравоохранения: дефицит квалифицированных медицинских кадров в связи с «вымыванием» их из бюджетной сферы в частную медицину из-за низкой зарплаты (эпидемия коронавируса 2020 года в России это подтвердила);

Демографический ситуация в Башкирии характеризуется ростом территориальной концентрации населения в Уфимской агломерации. Она увеличилась с 34,3% в 2012 году до 36,4% в 2018 году. За 2012-2018 годы численность населения Уфимской агломерации увеличилась на 5,9%. Прирост численности населения был характерен для г.Уфы (на 4,4%) и сопредельных районов: Уфимского (33,2%) и Иглинского (25,3%). В остальных МО Уфимской агломерации численность населения сокращалась (табл. 1).

Таблица 1 - Численность населения Уфимской агломерации (на 01.01. текущего года, человек)*

	2013	2015	2017	2018	2019
г. Уфа	1087170	1115885	1126098	1131429	1135480
Уфимский район	71565	79785	87798	91403	95353
Благовещенский район	50057	49754	49380	49265	49020
Иглинский район	51920	55968	60777	62824	65063
Кармаскалинский район	50620	50190	50319	49792	49285
Кушнаренковский район	27087	26919	27074	26767	26274
Чишминский район	52538	53071	52607	54179	52325
Итого	1390957	1431572	1454053	1465659	1472800

*Составлена автором по: [8].

В целом по Уфимской агломерации наблюдается естественный прирост населения. При этом с 2013 по 2016 год происходил рост абсолютного показателя с 4781 чел. до 5409 чел., а к 2018 года естественный прирост сократился до 1491 чел. В 2018 году естественная убыль наблюдалась во всех МО, за исключением г.Уфы и Уфимского района (табл. 2).

Таблица 2 – Абсолютный естественный прирост (убыль) в Уфимской агломерации (человек)*

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
г. Уфа	4741	5178	5207	5480	2294	1527
Уфимский район	88	231	256	186	345	312
Благовещенский район	37	134	26	40	17	-63
Иглинский район	-7	18	-31	-49	17	-97
Кармаскалинский район	4	-16	-87	-110	-119	-56
Кушнаренковский район	-65	-33	-71	-96	-62	-60
Чишминский район	-17	-28	7	-42	-108	-72
Итого	4781	5484	5307	5409	2384	1491

*Составлена автором по: [8].

Негативной тенденцией в муниципальных образованиях Уфимской агломерации является существенное снижение коэффициента рождаемости за 2013-2018 годы (за исключением Уфимского района). При этом, практически все МО демонстрируют разнонаправленную динамику показателя за весь период исследования. Абсолютная смертность населения в Уфимской агломерации ежегодно составляет свыше 16 тыс. чел. Основная доля умерших приходится на г.Уфа (74,8%). Значение коэффициента смертности выше среднереспубликанского уровня (12,4%) в 2018 году отмечалось в Кушнаренковском, Кармаскалинском, Благовещенском, Иглинском и Чишминском районах.

С 2013 года на территорию Уфимской агломерации ежегодно прибывало более 50 тыс. человек. Лидером по числу прибывших мигрантов является столица республики г.Уфа, куда ежегодно приезжают жить и работать свыше 30 тыс. человек (66,3% в 2018 году от всех прибывших в

агломерацию). При этом более 65% прибывших являются жителями административных районов Республики Башкортостан, расположенных за пределами агломерации. В 2018 году по сравнению с 2013 годом наблюдается увеличение числа выехавших из МО Уфимской агломерации почти на 15 тыс. человек (рост на 47,0%). В целом для Уфимской агломерации за период 2013-2018 годы характерен замедляющийся миграционный прирост населения (на 71,8%).

С 2014 года миграционный прирост населения характеризуется тенденцией сокращения. В 2018 году миграционный прирост составил всего 5650 чел. Положительный миграционный прирост отмечается в трех муниципальных образованиях: г. Уфа, Уфимском и Иглинском районах. Для остальных районов характерно отрицательное сальдо миграции (табл. 3).

Таблица 3 –Абсолютное сальдо миграционного прироста (+) или убыли (-) в Уфимской агломерации (человек)*

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
г. Уфа	14724	4072	337	-811	3037	2524
Уфимский район	4163	3738	5107	2465	3260	3638
Благовещенский район	-204	-270	-176	-264	-132	-182
Иглинский район	1501	2536	2362	2527	2030	2336
Кармаскалинский район	-448	30	173	153	-408	-451
Кушнаренковский район	-4	-66	213	109	-245	-433
Чишминский район	313	265	-345	-106	1680	-1782
Итого	20045	10305	7671	4073	9222	5650

*Составлена автором по: [8].

Обострение геодемографической ситуации в Уфимской агломерации определяется снижением рождаемости, высокой смертностью населения и ее ростом, миграцией населения из административных районов агломерации в центр. Уфимская агломерация развивается по классическому сценарию: население переезжает из менее развитых населенных пунктов в более развитые в экономическом и социальном отношении населенные пункты и райцентры. В стратегии территориального социально-экономического развития Уфимской агломерации следует учитывать особенности и формирующиеся тренды в социоэкономическом и демографическом потенциалах.

На основе изучения мирового опыта территориального развития агломераций можно выделить формирующиеся тенденции, которые могут в перспективе сказаться на процессах территориально-структурной трансформации агломераций России:

1. Формирование новых моделей территориального развития агломераций [1,3]:

– размывание границ городских поселений агломераций, слияние и повышение емкости потребительских рынков центра и периферии;

– изменение модели территориального развития агломераций с переходом моноцентрической к полицентрической системе.

2. Территориально-структурная социально-экономическая трансформация агломераций [5,7]:

– интеграция российских агломераций в глобальную систему расселения;

– диверсификация социально-экономических функций агломераций за счет территориального перемещение производственных, торгово-развлекательных, рекреационно-туристских и транспортно-логистических комплексов в субурбанизированную зону;

– нарастание территориальных диспропорций в агломерации ввиду изменений структуры занятости населения (цифровая экономика), развития процессов субурбанизации, деиндустриализации, джентрификации, появления кризисных территорий и ареалов бедности;

– изменения в социальном зонировании территории агломераций под влиянием возрастающего миграционного движения населения из малых, средних городов и сельской местности;

– появление новых форм социального взаимодействия жителей агломерации (Интернет – социальные сети).

Управление территориальным развитием агломераций может строиться на основе межмуниципального взаимодействия по договорной модели с привлечением региональных органов исполнительной власти. Это позволит обеспечить создание межведомственных, межотраслевых и межмуниципальных координационных советов с распределением полномочий между муниципальными образованиями и региональными органами исполнительной власти. Ключевая задача развития агломераций состоит в повышении инвестиционной привлекательности агломераций на федеральном уровне благодаря кооперации муниципальных образований при поддержке региональных органов исполнительной власти. Для этого необходима концентрация ресурсов на развитии базовых точек роста, что потребует достижения согласия о приоритетности реализации социально-экономических проектов, их инфраструктурном обеспечении, а также о территориальном распределении эффектов от их реализации.

Список литературы

1. Алексеева Е.Н. Социологический анализ современных тенденций развития городских агломераций // Вестник МГУ. Сер.18. 2013. № 4. С.135-150.

2. Георгиева Т.П. Агломерации в России: когда практика опережает теорию // Бюджет. 2016. № 4.

3. Диков Я.А. Тенденции развития городских агломераций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. №7. С. 24-28.

4. Киселева Н.Н., Бавина К.В., Каратунов А.В. Методологические подходы к исследованию природы агломерационных процессов // Фундаментальные исследования. 2016. № 12-2. С.422-426.

5. Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Методические подходы к делимитации границ Московской агломерации на основе данных сотовых операторов. -Региональные исследования, 2019, №2. С.48-58.

6. Оганисян А.С. Развитие городских агломераций как центров инновационного, экономического, социального развития // Горизонты экономики. 2017. № 3 (36). С.104-107.
7. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы // Региональные исследования. 2015. №1 (47). С.18-23.
8. Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2018. 277 с.
9. Шмидт А.В., Антонюк В.С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т.12. Вып.3. С. 776-789.

УДК 314.116
Симагин Юрий Алексеевич
к.г.н., доцент, заведующий лабораторией исследований социально-экономического и информационного развития территорий Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского научного центра РАН, г. Москва, Россия

Особенности демографического развития поселков городского типа России

Аннотация. *Демографические проблемы в поселках городского типа России стоят очень остро. В большинстве случаев это касается и естественного, и миграционного движения населения, которые взаимно влияют друг на друга, усиливая депопуляцию. В итоге некоторые поселки городского типа страны исчезли, а многие были преобразованы в сельские населенные пункты, так как лишились большей части населения и экономического потенциала. Для их сохранения необходима разработка специальных программ социально-экономического развития.*
Ключевые слова: *поселки городского типа России, депопуляция, естественное движение населения, миграции.*

В России, в отличие от большинства стран мира, существует две формы городских населенных пунктов – города и поселки городского типа (ПГТ). ПГТ – это, как правило, самые малые по количеству своих жителей городские населенные пункты. Тем не менее, они имели важное значение в процессах урбанизации нашей страны, особенно на региональном уровне. ПГТ появились в 1920-е гг. как переходная форма между «настоящими» городами и сельскими населенными пунктами. Введение в тот период новых критериев разделения населенных пунктов на городские и сельские было

вызвано необходимостью устранить противоречие между экономическими функциями и административным статусом, которое отмечалось В.П. Семеновым-Тян-Шанским для многих крупных сельских населенных пунктов Российской Империи в начале XX века [1, с. 85-87].

Введение новых критериев выделения городских населенных пунктов было приурочено к первой послереволюционной всеобщей переписи населения страны 1926 года. Проведенная реформа была научно обоснованной и оправданной с точки зрения улучшения административного управления территориями. Хотя, по всей видимости, она имела и определенный идеологический оттенок – стремление властей социалистического государства увеличить долю «прогрессивных» городских жителей по сравнению с «отсталыми» сельскими. При этом четко разделить все населенные пункты только на города и сельские населенные пункты при уровне развития урбанизации того времени, когда многие относительно крупные неаграрные поселения находились на начальной стадии своего городского развития, было очень сложно. Поэтому в России и других республиках СССР и была введена новая категория населенных пунктов – поселки городского типа.

На территории современной России поселков городского типа уже в 1920-е гг. было образовано значительно больше, чем существовало городов. В итоге к моменту переписи населения в декабре 1926 г. ПГТ в стране было в 1,5 раза больше, чем городов – 702 и 461 соответственно. Предполагалось, что по мере развития неаграрных отраслей экономики, в первую очередь приоритетной для государства в то время промышленности, численность населения поселков будет расти, и со временем они станут «настоящими» городами. То есть ПГТ должны были стать промежуточным звеном на пути преобразования сельских населенных пунктов поселений в города.

Количество ПГТ, численность и доля населения в них от численности населения России вплоть до начала 1990-х гг. увеличивались – максимальным количество ПГТ в России было в 1991 г., когда их насчитывалось около 2,2 тыс. ПГТ росли медленнее, чем города, при сокращении численности сельского населения в стране. Демографических ресурсов сельской местности, которые перераспределялись за счет миграции, хватало для ростов и городов, и ПГТ [4]. Хотя впоследствии такая тенденция негативно сказалась на демографической ситуации в стране [2]. Основные характеристики системы ПГТ России с 1926 года до начала 2020 года показаны в таблице 1.

После начала радикальных социально-экономических и политических реформ, демографического кризиса в 1990-е гг. система ПГТ стала развиваться иначе, чем системы городов и сельских населенных пунктов страны. Численность населения ПГТ сильно сократилась – на 48,1% за 1989-2020 гг. (население всей России в сравнимых границах за этот период уменьшилось примерно на 4%), а доля ПГТ в населении страны снизилась с 9,2% до 4,8%. В 2010-2018 гг. население России в целом увеличивалось, но депопуляция в ПГТ не прекращалась.

Таблица 1- Основные характеристики поселков городского типа России по данным всеобщих переписей населения*

Характеристика	1926	1959	1989	2002	2010	2020
Количество ПГТ, единиц	702	1459	2193	1842	1286	1177
Численность населения в них, тыс. чел.	2557	9447	13510	10513	7787	7012
Средняя численность населения в одном ПГТ, тыс. чел.	3,6	6,5	6,2	5,7	6,1	6,0
Доля населения ПГТ от всего населения России, %	2,8	8,0	9,2	7,2	5,5	4,8
Доля населения ПГТ от городского населения России, %	15,4	15,3	12,5	9,9	7,4	6,4

* 2020 год – по данным текущего учета численности населения на начало года.
Источник: официальные данные Росстата разных лет.

При этом примерно 3/4 сокращения численности населения ПГТ за период с начала 1990-х гг. пришлось на административно-территориальные (в последние годы – муниципально-территориальные) преобразования. Их основная тенденция заключается в преобразование поселков городского типа в сельские населенные пункты. Только за счет этого процесса за 1991-2019 гг. прекратили свое существование более 800 ПГТ с общей численностью населения около 3 млн человек.

Еще около 300 ПГТ за период 2003-2019 гг. исчезли вследствие присоединения их к соседним городам в рамках муниципальной реформы. При этом вся территория страны была разделена на городские округа и муниципальные районы, а последние – на городские и сельские поселения. ПГТ в рамках этой системы могут существовать только в муниципальных районах в качестве городских поселений. Тогда как в городских округах никаких других городских населенных пунктов кроме главного города быть не может. Присоединение многих ПГТ, реально находившихся непосредственно вблизи городов («пригородных») в этой системе муниципальных образований можно считать оправданным. Но частями городов стали и удаленные ПГТ, особенно в рамках набирающего масштабы в последние годы процесса преобразования муниципальных районов в городские округа. Особенно широкое распространение эта тенденция получила в областях Свердловской, Сахалинской, Московской. При этом бывшие ПГТ становятся удаленными «городскими микрорайонами», теряя местное самоуправление. Вслед за этим начинает сворачиваться сеть учреждений обслуживания жителей – школы, детские сады, поликлиники и другие объекты. Поэтому усиливается отток молодежи и трудоспособного населения. Например, после преобразования Шатурского муниципального района Московской области в городской округ бывшие поселки городского типа Радовицкий, Черусти, Мишеронский и другие стали микрорайонами города Шатуры, хотя удалены от него по автодорогам на 20-40 км. Такая

ситуация является явной деформаций реально существующей системы расселения и способствует депопуляции бывших ПГТ.

Около 1/4 сокращения численности населения ПГТ за период с начала 1990-х гг. примерно в равной степени приходится на естественную убыль и отрицательное сальдо миграций, характерные для большинства из сохранившихся поселков. Эти процессы взаимосвязаны, так как уезжает из ПГТ в основном молодежь и население трудоспособного возраста с детьми. Действует «замкнутый круг» депопуляции, как и в малых городах, но негативные демографические трендв в ПГТ еще интенсивнее. Указанные процессы идут и в последние годы (табл. 2), что приводит к дальнейшему сокращению значения ПГТ в системе городского расселения России.

Таблица 2-Динамика количества городских населенных пунктов (ГНП) России и населения в них за период 2010-2020 годов

Показатель	2010 г. (на момент переписи населения)	2020 г.* (на 1 января)	Динамика, в %
Количество ГНП, единиц	2386	2276	-4,6
В том числе ПГТ, единиц	1286	1177	-8,5
% ПГТ от всех ГНП	53,9	51,7	-4,1
Население в ГНП, тыс. человек	105313,8	108366,2	+2,9
В том числе в ПГТ, тыс. человек	7787,0	7011,8	-10,0
% населения в ПГТ	7,4	6,5	-12,2

* без учета Республики Крым и города Севастополь для сравнимости динамики с 2010 годом.

Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 1. Численность и размещение населения.– Москва: Росстат, 2010. – Таблица 6. Группировка городских населенных пунктов по численности населения по субъектам Российской Федерации.; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. – Москва: Росстат, 2020. – С. 77-86.

ПГТ пока еще больше, чем городов, но их количество быстро сокращается вследствие описанных выше процессов. Еще быстрее идет сокращение численности населения, то есть ПГТ, количество жителей в большинстве которых и так составляет менее 5 тыс. человек, становятся все более мелкими. Во многих случаях это окончательно лишает их возможности создать полноценную городскую среду для своих жителей, превращая в «атавизмы» советской системы расселения без перспектив развития.

Способствует негативной демографической ситуации то, что подавляющее большинство ПГТ являются моноотраслевыми промышленными центрами и районными центрами периферийных сельских районов своих регионов. При плановой экономике советского типа это способствовало появлению многочисленных ПГТ по мере экономического освоения территорий и формирования новых отраслей промышленности. Но в рыночных условиях зависимость всей жизнедеятельности поселка от стабильного функционирования одного-двух, к тому же сравнительно

небольших, как правило, предприятий, может иметь очень негативные последствия. Полифункциональными можно считать лишь ПГТ, являющиеся районными центрами или расположенные около больших городов («пригородные»). Но в сумме поселки этих двух функциональных типов составляют лишь около 1/3 ПГТ России. Остальные 2/3 – это фактически моноотраслевые населенные пункты, большинство из которых являются центрами добывающей или тяжелой обрабатывающей промышленности (табл. 3). Не удивительно, что в случае кризиса или закрытия градообразующих предприятий, население таких поселков начинает быстро сокращаться – в некоторых случаях вплоть до полного исчезновения. Из данных таблицы 3 видно, что наиболее быстрыми темпами сокращается население именно «остаточных» ПГТ, то есть таких, в которых закрылись все градообразующие предприятия.

Таблица 3- Распределение ПГТ России по функциональным типам*

Функциональный тип ПГТ	Доля от количества ПГТ, %	Средняя численность населения, тыс. чел.	Динамика численности в конце XX – начале XXI вв., %
Районный центр	23,6	7,9	-5,1
Пригородный центр	9,4	7,7	-0,8
Центр тяжелой обрабатывающей промышленности	21,1	5,7	-9,6
Центр легкой или пищевой промышленности	8,2	4,3	-6,1
Центр добывающей промышленность	25,8	4,3	-19,9
Центр строительства	0,8	5,7	+9,1
Транспортный центр	3,0	5,2	-15,6
Военный центр	1,6	7,9	+0,5
Научный центр	0,2	9,4	+6,6
Курортный центр	1,0	3,7	-10,3
«Остаточный» центр	4,3	0,9	-41,9
Тип не определен	1,0	5,5	-12,1
Все ПГТ	100	5,7	-11,7

* Для ПГТ, существовавших в 2002 году.
Источник: [5, с. 61-70].

Таким образом, можно сказать, что в России в последние десятилетия ПГТ совместили недостатки больших городов и сельских населенных пунктов, одновременно не располагая соответствующими достоинствами. С этим во многом связано быстрое сокращение численности населения ПГТ. При этом именно ПГТ вместе с малыми городами во многих регионах России образуют каркас городского расселения, разрушение которого приведет не только к значительному ухудшению условий жизни всего населения, но и в перспективе к полному обезлюдению многих территорий. Поэтому для прекращения деградации и возрождения системы малых

городских населенных пунктов России необходима разработка и реализация специальных программ их развития, осуществляемых органами власти всех уровней, частным бизнесом и общественными организациями. Без этого невозможно будет решить задачи демографического развития страны в целом [3], которые в ближайшие годы будут усложняться.

Список литературы

1. Лаппо Г. М. Истинные города В. П. Семенова-Тян-Шанского сегодня//Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.М.: ОГИ, 2001. 60 с.
2. Пациорковский В. В. Актуальные вопросы повышения рождаемости // Народонаселение. 2018. Т. 21. №. 1. С. 31-47.
3. Рыбаковский О. Л. Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году // Народонаселение. 2020. Т. 23. - №. 1. С. 53-66.
4. Симагин Ю. А. Изменение роли поселков городского типа в системе расселения России на протяжении XX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Естественные науки». 2009. № 1(3). С. 20-27.
5. Симагин Ю. А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009. 224 с.

УДК 314.152.2

Соколов Максим Сергеевич
к.эк.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», г. Москва, Россия

Развитие молодежного инновационного предпринимательства как фактор эффективной реализации демографической политики Российской Федерации[62]

Аннотация. *В статье рассмотрены такие актуальные проблемы, снижающие эффективность реализации демографической политики в России, как «кризис семьи» и духовное (психологическое) неблагополучие населения. На основе проведенного анализа предложены направления решения данных проблем, заключающиеся в интеграции целей демографической политики и направлений государственной поддержки развития молодежного предпринимательства в инновационной сфере.*

[62] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта №20-514-00005

***Ключевые слова**: безработица, демография, демографическая политика, инновации, инновационное предпринимательство, молодежное предпринимательство.*

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года N 1351) определяет, что: «Демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране». Вместе с тем одними из ключевых проблем, значительно снижающих эффективность проводимой демографической политики в стране, выступают «кризис семьи» и духовное (психологическое) неблагополучие населения

В работах А.И. Антонова, В.А. Борисова, В.М. Медкова, С.А. Булгаковой, И.С. Дурова, А.Б. Синельникова и др. детально изложены теоретические положения и формы «кризиса семьи», который проявляется в массовом сознании в виде установки на малодетность, а иногда и бездетность, сокращая тем самым рождаемость. В результате россияне предпочитают ограничиваться рождением одного ребенка, и, как следствие, через 15 лет на женщину в среднем будет приходиться 0,8-0,9 ребенка. Волосатов В. Д. отмечает, что: «сохранение текущего уровня рождаемости до 2050 г. может привести к сокращению численности населения до 105 млн. человек при положительном миграционном сальдо и до 70-80 млн человек – без миграционного притока» [2]. Несмотря на более позитивный вариант прогноза, ООН также прогнозирует к 2050 г. для нашей страны снижение численности до 136 млн. чел. (рисунок 1)

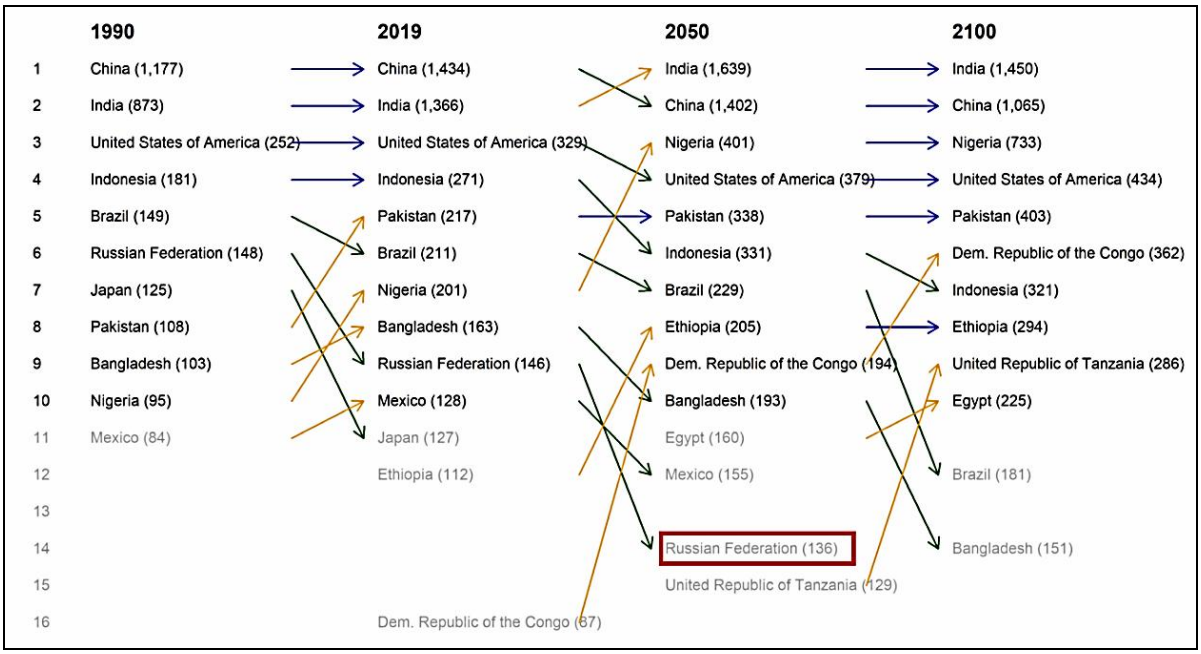

Рис.1. Рейтинг стран мира и среднесрочный прогноз по общей численности населения, млн. чел. [5]

Различные аспекты духовного (психологического) неблагополучия населения рассмотрены в работах К.В. Костенко, В.Э. Пахальян, О.С. Ширяевой, Р.Р. Ишмухаметова, Н.В. Заболотских А. С. Фрокол и др. На наш взгляд, пристального внимания заслуживают исследования И.А. Гундарова, который полагает, что страна переживает не нормальный демографический переход, а демографическую деградацию, напоминающую по скорости и масштабам эпидемию. При этом автор подчеркивает, что физическая жизнеспособность населения зависит не только от условий бытия (материальных факторов), но и от нравственной атмосферы и эмоционального состояния общества (идейно-духовного фактора) [3].

Отметим, что в современном мире главным фактором интенсивного экономического роста становятся инновации, производство и распространение которых обеспечивается инновационным предпринимательством при тесной поддержке государства. Важным направлением государственной политики становится формирование механизмов поддержки инновационной деятельности и предпринимательства, включая молодежное инновационное предпринимательство. Учитывая, что молодежь является одним из главных стратегических ресурсов страны, носителем знаний и инновационного потенциала, перед российским правительством также возникают вызовы по поддержке данной категории предпринимателей.

Обращаясь к содержанию Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. можно отметить, что в документе практически не раскрыт потенциал использования инновационной активности, ограничиваясь положением: «сокращение уровня смертности от ВИЧ/СПИДа и туберкулеза за счет совершенствования программ профилактики и лечения этих заболеваний, а также за счет применения новых инновационных технологий лечения». Направления работы с молодежью также ограничиваются направлением, связанным с «уменьшением оттока квалифицированных специалистов, увеличением объемов привлечения на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, квалифицированных иностранных специалистов и молодежи». При этом реализация государственной молодежной политики, разработка отраслевых стратегий и программ развития различных сфер экономики, включая молодежное инновационное предпринимательство, решение социальных проблем молодежи, включая трудоустройство и поддержку самозанятости, способны положительно сказываться на долгосрочных результатах проводимой демографической политики.

Рассмотренные нами проблемы, выражающиеся в духовном (психологическом) неблагополучии и «кризисе семьи» напрямую связаны с уровнем жизни граждан и боязнью за будущее своих детей. Так, современная семья при планировании рождения второго и следующего ребенка задумывается о возможностях его обучения и перспективах трудоустройства. В мире же более 300 млн. молодых людей не обладают

постоянным местом работы, а 25% при этом обладают возможностями для развития собственного бизнеса. Однако лишь 6% из них решаются на значительный шаг и добиваются результатов в области молодежного предпринимательства [1], что косвенно находит отражение и в результатах демографической политики. Таким образом, ощущение родителями долгосрочной стабильности социально-экономической систем и наличие значительных возможностей для развития их детей в сфере предпринимательства на фоне роста общественного запроса на инновации, способны значительно нивелировать рассматриваемые нами проблемы.

Также следует учитывать, что высокие темпы профессиональной эмиграции являются следствием политики инновационно-ориентированных государств по привлечению талантливой молодежи для работы в своих научных и высокотехнологических секторах. В результате более 90 тыс. молодых высококвалифицированных россиян работают и проживают в США, 40 тыс. – в Германии, 20 тыс. – в Великобритании, около 4 тыс. – в Японии и около 25 тыс. – в Китае [4], что значительно снижает эффективность проводимой демографической политики.

Учитывая вышеизложенное, при формировании и реализации различных направлений социально-экономической политики государства, в частности при решении демографических проблем, целесообразно учитывать потенциал молодежного предпринимательства, особенно инновационного, что в долгосрочной перспективе положительно повлияет на снижение рождаемости и стабилизацию психологической напряженности отдельных групп граждан.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. Т. 19. № 3(145). С. 66-79.

2. Волосатов В. Д. Чтобы Россия не обезлюдела: современная ситуация и взгляд в будущее // Вестник ЧелГУ. 2012. №9 (263). С.41-45

3. Гундаров И. А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 58–65.

4. Ускова О.А. Политика научной интервенции// Ученый совет. 2011. № 4. С. 72-73.

5. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019: Highlights. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf (Дата обращения 02.06.2020)

УДК 369
Соловьев Аркадий Константинович
д.эк.н, профессор Финансового университета, заслуженный экономист России, Начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования, Пенсионный фонд Российской Федерации, г. Москва, Россия

Демографические факторы развития государственного пенсионного обеспечения[63]

Аннотация. *Демографические факторы (динамика численности населения, его возрастно-половая структура и др.) влияют не только на социальные условия современного общества, но и становятся базовыми условиями его долгосрочного экономического развития. Главными векторами демографического влияния являются легальный (формальный) рынок труда и государственная пенсионная система.*
Ключевые слова*: демография, пенсия, пенсионное обеспечение, пенсионная система, пенсионер.*

Следует подчеркнуть, что пенсионная система наиболее уязвимое звено с позиции демографического влияния, поскольку в условиях рыночных трудовых отношений пенсионные права работника формируются в течение всей его жизни, а объем (полнота) реализация пенсионных обязательств непосредственно обусловлены общей продолжительностью периода его жизни.

В свою очередь демографические факторы находятся в непосредственной зависимости от государственной пенсионной системы, а также от макроэкономической динамики. Поэтому, чем выше уровень экономического развития страны и эффективнее функционирует государственная пенсионная система, тем лучше демографические параметры общества.

Наряду с демографическими факторами на государственную пенсионную систему непосредственно оказывают влияние как глобальные, так и национальные вызовы, от которых наиболее остро страдают слабозащищенные категории населения, утратившие трудоспособность, т.е. пенсионеры. Среди глобальных вызовов следует отметить не только финансовые кризисы, но и цифровизацию рынка труда и рост безработицы, пандемию и ее социальные последствия. Для ответа глобальным вызовам современное государство в лице пенсионной системы должно быть готово реализовать свою функцию в рамках субсидиарной ответственности за материальное обеспечение нетрудоспособного населения страны

[63] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ

Современная государственная пенсионная система является важнейшим фактором формирования и развития рынка труда, поскольку более четверти наемных работников относятся к пенсионерам. В свою очередь уровень развития и структура рынка труда оказывают непосредственное влияние на государственную пенсионную систему, поскольку как процесс формирования пенсионных прав будущих получателей пенсий, так и финансовое обеспечение выполнения государственных пенсионных обязательств перед современными пенсионерами полностью зависят от экономической эффективности трудовых отношений между работником и работодателей.

Учитывая, что государственная пенсионная система, развитие которой непосредственно обусловлено макроэкономикой и демографией, оказывает многостороннее влияние на макроэкономику, любые изменения пенсионной системы, ориентированные на решение конкретных социально-экономических задач, должны учитывать обратный синергетический эффект, который может иметь негативное воздействие на макроэкономику. В связи с этим для предотвращения синэнергетических негативных последствий для макроэкономики от трансформации пенсионной системы необходимо контролировать социально-экономическую эффективность каждого мероприятия.

Государственное управление развития пенсионной системы должно использовать критерии эффективности пенсионной реформы, которые установлены и количественно обоснованы стратегическими документами. Так, в частности, Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 г. (2012г.) определяет следующие целевые индикаторы интегральной эффективности ее развития, которые учитывают экономические интересы каждого ее участника, количественно установленные в качестве ожидаемых конечных результатов:

- коэффициент замещения страховой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате;
- средний размер страховой пенсии по старости на уровне 2,5 – 3 прожиточных минимумов пенсионера;
- долгосрочная финансовая устойчивость.

Для застрахованных лиц ключевым показателем эффективности функционирования того или иного института пенсионной системы являются показатели, характеризующие уровень их пенсионных выплат, в качестве которых в мировой и отечественной практике приняты:

- коэффициент замещения (соотношение размера страховой пенсии и утраченной зарплаты) и
- соотношение размера пенсии с прожиточным минимумом пенсионера.

В условиях повышения пенсионного возраста размер страховой пенсии по старости в 2020 г. прогнозируется на уровне 15 223 руб. в месяц, а к 2040

г. – на уровне 47 924 руб. (прирост на 4,9% и 66,4% соответственно по сравнению с условиями без повышения возраста). Прогноз в условиях повышения пенсионного возраста и по инерционному варианту также не гарантируют достижения 2,5 ПМП к 2030 г., но в условиях действующего законодательства прогноз соотношения лучше – 1,92 против 1,53. Также в условиях повышения пенсионного возраста 2,5 ПМП возможно достичь к 2040-му году, так как предполагается рост данного показателя. В условиях без повышения пенсионного возраста соотношение должно было снизиться до 1,48 к 2040 г.

Коэффициент замещения для страховой пенсии по старости к 2030 г. по инерционному варианту и в условиях повышения пенсионного возраста будет только снижаться, но в условиях действующего законодательства он сократится на 14,7% (с 32,6% в 2020 г. до 27,8% в 2030 г.), а по инерционному варианту - на 28,6% (с 31,1% в 2020 г. до 22,2% в 2030 г.).

Стоимость пенсионного коэффициента (на 1 апреля, руб.) более интенсивно растет в условиях повышения пенсионного возраста. В 2025 г. стоимость пенсионного коэффициента (на 1 апреля) должна составить на 16,9% больше, чем в условиях без повышения пенсионного возраста (124,75 вместо 106,72 руб.), к 2030 г. она прогнозируется на уровне 180,77 руб. Демографические показатели также изменились. В частности, демографическая нагрузка пожилыми на лиц трудоспособного возраста после реформы 2018 года заметно снизилась, что позволит в среднесрочной перспективе увеличить доходную часть бюджета ПФР

После повышения пенсионного возраста коэффициент демографической нагрузки согласно прогнозу Росстата (высокий вариант от 16.11.2018) должен составить к 2035 году 409,7 чел. на 1000 человек трудоспособного возраста вместо 578,4.

В текущих условиях также изменился прогноз численности получателей страховых пенсий и их соотношение с численностью наемных работников. В условиях постепенного повышения пенсионного возраста к 2040 г. численность получателей страховой пенсии снизится на 11,7% по сравнению с прогнозом без повышения пенсионного возраста (до 36,41 млн. чел.). Снижение затронет все виды страховых пенсий, за исключением пенсии по случаю потери кормильца.

Соотношение численности наемных работников и получателей страховых пенсий в действующих условиях, согласно прогнозу, должно стать выше.До повышения пенсионного возраста соотношение численности наемных работников и получателей страховых пенсий прогнозировалось на уровне 1,09 раз в 2020 г. с ростом к 2040 году до 1,11 раз. В условиях повышения пенсионного возраста прогнозируется существенный рост данного показателя: если в 2020 г. он должен составить 1,12 раз, то к 2040 г. - уже 1,26. Соотношение численности наемных работников и получателей страховой пенсии по старости также в перспективе должно увеличиться.

Прогноз соотношения численности наемных работников и получателей соотношение численности наемных работников и получателей страховых пенсий по старости в 2020 году в условиях повышения пенсионного возраста должно составить 1,23 раза вместо 1,19 раз, достигаемых по инерционному варианту прогноза. А к 2040 году соотношение должно достигнуть 1,38 раз. В условиях повышения пенсионного возраста соотношение численности наемных работников и неработающих получателей страховых пенсий в 2020 году должно составить 1,44, а к 2040 году увеличиться до 1,48 вместо 1,31 без повышения пенсионного возраста

Соотношение численности наемных работников и неработающих получателей страховых пенсий по старости в 2020 году в действующих условиях составит 1,62, а к 2040 году достигнет 1,71.

С точки зрения интересов застрахованного лица результаты прогнозов в условиях повышения пенсионного возраста лучше, чем до повышения пенсионного возраста. С точки зрения дефицита/профицита бюджета ПФР, прогноз в условиях повышения пенсионного возраста показывает большую разбалансированность бюджета: дефицит до 2027 г. выше, чем при инерционном варианте (например, в 2020 г. на 18%, в 2025 г. – в 3 раза), а профицит прогнозируется только с 2028 г. Без повышения пенсионного возраста профицит бюджета наблюдается уже с 2026 года.

В качестве критериев достижения эффективности пенсионной системы в исследовании анализирована динамика следующих показателей:

- средний размер трудовой пенсии по старости – не менее 2,5-3 прожиточных минимумов пенсионера (ПМП);
- коэффициент замещения трудовой пенсии по старости – 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате.

Оба индикатора характеризуют развитие основного компонента российской пенсионной системы – обязательного пенсионного страхования (ОПС).

Для достижения в 2030 г. социального индикатора эффективности на уровне 2,5ПМП соотношение среднего размера страховой пенсии с ПМП с 2018 г. ежегодно должно увеличиваться на 6,8 процентных пункта (далее – пп.), для достижения 3 ПМП – на 10,6 пп. Однако в прогнозируемых макроэкономических условиях при действующем пенсионном законодательстве средняя пенсия по старости составит в 2030 г., по оценкам, 1,9 ПМП вместо целевых 2,5-3 ПМП. Коэффициент замещения при нормативном стаже и средней зарплате – второй индикатор эффективности – вместо необходимых 40% прогнозируется на уровне 27,8%.

Таким образом, несмотря на то, что в условиях повышения пенсионного возраста прогнозы по размеру страховой пенсии, соотношению страховой пенсии с ПМП, коэффициенту замещения и стоимости пенсионного коэффициента лучше, чем без повышения возраста, ни одна из

поставленных задач Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы не будет решена к 2030 году в прогнозируемых условиях социально-экономического развития страны без принятия дополнительных мер, обоснованных ранее

В качестве критерия эффективности предлагаемых мер по совершенствованию порядка формирования страховых пенсионных прав рассматривается соотношение размера пенсии с ПМП. С учетом скрытой оплаты труда 40,9% наемных работников смогут заработать не менее 2,5 ПМП за период стажа не более 32 года (при заработной плате не менее 40 тыс. руб.). Без учета скрытой оплаты труда – 28,8% лиц заработают 2,5 ПМП за 34 года (при заработной плате не менее 54,8 тыс. руб.).

Соотношение страховой пенсии по старости и ПМП за 35 лет стажа для средней заработной платы составит 3 ПМП, а за 28 лет стажа -2,5 ПМП

При формировании пенсионных прав из средней заработной платы с учетом скрытой оплаты труда соотношение страховой пенсии по старости с ПМП с учетом фиксированной выплаты за 35 лет стажа по оценке составит не менее 2,9 ПМП на всем протяжении прогнозного периода до 2050 года. К 2030 году при стаже 35 лет 59,6% наемных работников смогут рассчитывать на пенсию не менее 2,5 ПМП. Эффективность формирования пенсионных прав самозанятых лиц оценивается с точки зрения достижения заданного соотношения размера пенсии и ПМП:

- для получения страховой пенсии по старости в размере 1 ПМП самозанятым необходимо платить в течение 15 лет платеж в размере 50 тыс. руб. в год;
- для получения пенсии в размере 2,5 ПМП самозанятым необходимо платить в течение 35 лет платеж в размере 102 тыс. руб. в год.

Исследование наглядно показывает, что в условиях прогнозируемой демографической динамики достигнуть установленного Стратегией уровня пенсионного обеспечения застрахованных лиц (2,5 ПМП) возможно только повышении эффективности макроэкономики и последовательной реализации базовых страховых принципов.

Список литературы

1. Соловьев А.К. Актуарный анализ влияния неформальной занятости для формирования пенсионных прав застрахованных лиц // Проблемы рыночной экономики. 2017. № 2. С. 4-19.

2. Соловьев А.К. Анализ уровня бедности пенсионеров: региональные аспекты // Финансовые исследования. 2017. №1. С. 84-96.

УДК 913: 312/314:314.7
Сухинин Сергей Александрович
к.пед.н, доцент кафедры «Экономика», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону, Россия

Экономические эффекты международной трудовой миграции в развитии национальной экономики России

Аннотация. *В современных условиях социально-экономического развития национальная экономика России сохраняет необходимость привлечения иностранной рабочей силы, обеспечивающей закрытие маловостребованные местным населением трудозатратных вакансий. Это актуализирует выявление экономических эффектов воздействия международной трудовой миграции на национальную экономику России на основе анализа имеющих статистических данных и сложившихся тенденций миграционной ситуации и рынка труда.*
Ключевые слова: *международная трудовая миграция, Российская Федерация, рынок труда, экономические эффекты трудовой миграции, рабочая сила.*

В современной России международная миграция стала значимым фактором политического, экономического и демографического развития страны. Политически важным для России является ее превращение в центр формирующейся евразийской миграционной системы. При этом миграционная политика Российской Федерации в отношении трудовой миграции влияет на политическую стабильность в ряде государств-участников СНГ. В свою очередь, экономическая выгода для России заключается в приобретении дополнительной рабочей силы.

Качественные характеристики прибывающих трудовых мигрантов в РФ изменились за последние десятилетия. Так, если на рубеже 1990-2000-х гг. в РФ преимущественно прибывали квалифицированные работники, зачастую получившей образование и в прошлом именно в российских учебных заведениях, с помощью которой возможно компенсировать экономические потери от «утечки умов» и естественной убыли населения, то в 2010-е годы большую часть трудовой иммиграции составляли работники рабочих профессий, которые зачастую имели невысокую квалификацию и уровень образования [7].

Качественный состав трудовых иммигрантов является важным для экономики России. В то же время серьезные риски для национальной безопасности России создает нерегулируемая миграция, которая влечет за собой угрозы, связанные с ростом преступности, проникновением терроризма, наркотиков, эпидемий, торговлей людьми, способствуя возникновению межэтнической напряженности.

Россия становится все более зависимой от притока международных мигрантов для того, чтобы восполнить естественную убыль населения, а также

заполнить имеющиеся ниши на национальном рынке труда и, соответственно, снизить коэффициент демографической нагрузки, который неизбежно растет вследствие старения населения страны (по данным на 2019 г. в целом для РФ он составлял 0,8 чел. старше и младше трудоспособного возраста в расчете на одного жителя в трудоспособном возрасте) [8]. Учитывая трудозатратный тип российской экономики и ограниченные возможности повышения производительности труда, одним из основных путей преодоления дефицита рабочей силы является привлечение иностранной рабочей силы. Однако, роль международной миграции в демографическом развитии современной России нельзя преувеличивать. Утверждать, что с помощью только международной миграции можно вывести Россию из демографического кризиса, недопустимо и ошибочно. Иммиграция может лишь частично сгладить негативные последствия демографического кризиса, в определенной мере решить отдельные региональные демографические проблемы (например, в Сибири и на Дальнем Востоке) [1].

Трудовые мигранты вносят существенный вклад в развитие экономики. Быстро приспосабливаясь к современным рыночным условиям развития экономики России, международные трудовые мигранты (особенно из стран СНГ) часто становятся не только дополнительной рабочей силой, но и организаторами малого и среднего бизнеса, сами создают новые рабочие места, хотя и преимущественно для своих соотечественников.

Как и любой процесс, трудовая миграция имеет как положительные, так и отрицательные эффекты. К положительным аспектам международной трудовой миграции для Российской Федерации можно отнести следующие:

1. Ликвидация дефицита рабочей силы и снижение проблемы занятости. В последние годы дефицит трудовых ресурсов сильно тормозит развитие экономики России. В течение 2010-2018 гг. количество рабочих мест, заявленных работодателями в качестве вакантных, в органы службы занятости в целом по РФ выросло в более чем 1,5 раза – с 982 тысяч до почти 1,5 миллионов, при этом нагрузка незанятого населения, состоящего на учете в службе занятости, в расчете на одну вакансию составляло в 2017 и 2018 гг. 0,5 претендента, т.е. 1 потенциальный работник мог претендовать на 2 вакансии [9].

Незаполненность ряда рабочих мест на рынке труда РФ объяснима низким интересом к ним со стороны потенциальных работников по причине неадекватной оплаты труда и в связи с предлагаемыми тяжелыми условиями производственной деятельности. При этом дефицит трудовых ресурсов по этим невостребованным и малопривлекательным вакансиям весьма успешно восполняется в национальной экономике России трудовыми иммигрантами [2].

2. Спрос трудовых мигрантов на товары и услуги в России стимулирует занятость и создание дополнительных рабочих мест для российских граждан, развитие инфраструктуры.

Трудящиеся-мигранты являются не только производителями, но и потребителями товаров и услуг в экономике принимающей страны. Зарабатывая деньги, они большую часть средств тратят в стране пребывания, то есть в России, на текущее потребление и меньшую часть средств

переводят на родину. Эксперты свидетельствуют о том, что стоимостью товаров и услуг, производимых трудовыми мигрантами в России, многократно превосходит сумму получаемой ими заработной платы и величину пересылаемых или перевозимых ими на родину сбережений (денежных переводов) [6]. Значительная роль трудящихся-мигрантов во внутреннем потреблении была авторитетна отмечена еще в 2010 году директором Федеральной миграционной службы РФ К.О. Ромодановский, который заявил, что «на каждый заработанный гастарбайтером доллар в бюджет России поступает до 6 долларов» [10].

3. В силу невысокой требовательности иностранных рабочих к месту приложения и условиям своего труда, они занимают невотребованые вакансии национального рынка труда РФ, малопривлекательные для местного населения, что позволяет развивать такие отрасли как строительство, дорожное хозяйство, транспорт, торговлю, отчасти – сельское хозяйство, а также сферу услуг и общественное питание [7].

4. Привлечение неквалифицированных и малообразованных иностранных работников стимулирует занятость местного населения на работах, требующих высокой квалификации и высшего образования, более высоко оплачиваемых работах, что повышает качество местных трудовых ресурсов.

5. Международная трудовая миграция может использоваться в качестве одного из драйверов роста национальной экономики, особенно малого и среднего бизнеса. Сегмет малого предпринимательства сильно зависим от величины издержек, в особенности на этапе создания и становления. Иностранные трудовые ресурсы позволяют получить необходимые рабочие руки в случае их дефицита, а также и снизить их стоимость. Данный эффект также наблюдается как при использовании легальной иностранной рабочей силы, так и нелегальных мигрантов. Так, проведенное А.А. Гребенюком исследование по состоянию на 2016 год показало, что при найме одного нелегального мигранта экономический эффект составляет не менее 220 тыс. руб. экономии в год [4].

К негативным эффектам международной трудовой миграции в России можно отнести:

1. Снижение заработной платы местных работников на российском рынке труда вследствие притока дешевой рабочей из-за рубежа. По результатам различных социальных опросов, российские граждане негативно относятся к иммигрантам именно потому, что они способствуют снижению уровня заработной платы [5].

2. Мигранты занимают рабочие места, на которых могло бы быть занято местное население, что усиливает конкуренцию на рынке труда и увеличивает безработицу. Результаты репрезентативного обследования россиян показали, что 35% респондентов негативно относятся к притоку мигрантов, так как последние занимают рабочие места, где могли бы работать местные жители [5].

3. Осложнение жилищных проблем, давление на социальную инфраструктуру и увеличение социальных расходов, а также расходов на

обучение иностранцев вследствие притока большого количества детей в их многодетных семьях.

4. В связи с практикой использования более дешевой рабочей силы мигрантов, снижается эффективность и производительность труда, сокращается использование технологий и внедрение инноваций в производство.

5. Отток денежных ресурсов заработанных мигрантами из России. Существенную часть сбережений мигранты отправляют на родину, что не способствует повышению их платежеспособного спроса в принимающей стране и реинвестированию капитала в экономику.

6. Неравномерное распределение трудовых мигрантов по регионам России, отсутствие координации предложения с реальным спросом на рабочую силу приводят к неэффективному использованию потенциала мигрантов и переизбытку трудовых ресурсов в одних регионах и недостатку рабочий силы в других. К примеру, потоки мигрантов из СНГ в основном направлены в крупные города (где наблюдается переизбыток трудовых ресурсов), а не в сельскохозяйственные районы (где не хватает рабочей силы), что не способствует развитию сельского хозяйства.

7. Вследствие эмиграции возникают проблема «утечки умов» и потери трудового потенциала страны.

8. Значительное увеличение иностранных мигрантов порождает социальные конфликты и угрозу ксенофобии в российском обществе.

Таким образом, в среднесрочной и долгосрочной перспективе при сохраняющейся убыли населения и недостаточном развитии трудосберегающих технологий Россия будет вынуждена повышать свой экономический потенциал за счет элементов экстенсивного экономического развития, удовлетворяя растущую потребность в рабочей силе миграционным приростом [3]. В сложившихся условиях актуализируется потребность органов государственного управления является в разработке и реализации эффективной политики регулирования международной трудовой миграции в России с учетом особенностей демографического и экономического развития страны.

Список литературы

1. Алешковский И.А. Роль международной миграции в социально-экономическом развитии России // Лесной вестник. 2013. № 5. С. 95-99.

2. Безбородова Т. М. К вопросу о социально-экономической природе миграции трудовых ресурсов в Россию из стран ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2010. № 1. С. 76–80.

3. Васильева А. В. Прогноз трудовой миграции, воспроизводства населения и экономического развития России // Экономика региона. 2017. Т. 13. – Вып. 3. С. 812-826.

4. Гребенюк А.А. Теоретические подходы к изучению международной трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. № 1. С. 17-38.

5. Дукки А.С. Внешняя трудовая миграция в современной России // Демографический потенциал стран ЕАЭС. Сб. ст. VIII Уральского демографического форума Отв. ред. А.И. Кузьмин. Том II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 277-281.

6. Ионцев В.А., Ивахнюк И.В. Роль международной трудовой миграции для экономического развития России: Научно-исследовательский отчет КАРИМ-Восток RR 2012/28. Флоренция: Центр миграционной политики, 2012.

7. Медведкина Е.А. Национальные интересы России в изменяющемся мире в сфере миграционной политики // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / Ответственный редактор В.И. Герасимов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. С. 133-135.

8. Распределение населения по возрастным группам / Демография. Население. Официальная статистика //Федеральная служба государственной статистки (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/folder/12781 (дата обращения 19.06.2020).

9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. – М.; Росстат, 2019.1204 с.

10. Ромодановский К.О. Дорогу в будущее мостить делами // Федеральная миграционная служба России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=26698 (дата обращения 18.06.2020).

УДК 331.556

Тухтарова Евгения Хасановна
ведущий экономист Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург; старший преподаватель Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС), г. Екатеринбург, Россия
Харламова Влада Германовна
студентка 3-го курса Уральского государственного университета путей сообщения, г. Екатеринбург, Россия

Мировой опыт привлечения квалифицированной миграции

Аннотация. *В данном исследовании представлен анализ мирового опыта успешных стран в привлечении квалифицированных специалистов. Проанализированы инструменты миграционной политики, где залогом успеха является сочетание подхода в формировании спроса на квалифицированные кадры на основе партнерских отношений между частным сектором и государством. Результаты исследования могут быть полезны научному сообществу, студентам и преподавателям, а также органам исполнительной власти.*

Ключевые слова: *государственные институты, внешняя трудовая миграция, квалифицированные и высококвалифицированные кадры, диверсификация экономики, экономический потенциал, экономический рост*

В современных условиях перехода мировой экономики на новый технологический уклад вопрос привлечения квалифицированной миграции в национальную экономику представляет особый интерес. Современная иммиграционная политика исходит из упрощенного представления о том, что иммигранты приезжают для получения максимальных заработков, и политика, исходя из этого, пытается влиять на условия рынков труда. Если же мигранты приезжают для создания условий для будущих капиталовложений или аналога кредитования, в том числе и страхования, в таком случае, даже если их зарплата будет являться ниже ожидаемой, для них не теряется и даже не уменьшается стимул для международной миграции. Огромное влияние на принятие решения о миграции может оказать воздействие на другие рынки, через программы, предназначенные для улучшения экономического положения и финансового состояния стран выезда.

Какими бы ни были первоначальные намерения эмигрантов, по мере того как международные мигранты приобретают за рубежом опыт, их мотивации изменяются, причем обычно таким образом, что они предпринимают поездки на более длительные сроки, повышая со временем вероятность постоянного переселения. Хотя для большинства мигрантов первоначальной целью является заработок, со временем, под влиянием своего собственного «миграционного опыта», мигранты меняются сами. Жизнь и работа в передовых постиндустриальных странах предрасполагает их к потребительской культуре, которая насаждает новые вкусы и мотивации, которые уже не могут быть удовлетворены на родине. По мере того как мигранты все больше времени проводят за рубежом, они приобретают все более тесные социальные и экономические отношения со страной пребывания и начинают обращаться с просьбами о разрешениях на въезд членам своей семьи. Через некоторое время временные мигранты, таким образом, получают возможность превратиться в постоянно проживающих граждан.

С течением времени международная миграция имеет тенденцию создавать свою собственную инфраструктуру поддержки. В результате миграционные потоки приобретают сильную внутреннюю инерцию, что позволяет им сопротивляться манипуляциям государственной политики. Политики то одной, то другой страны убеждаются, к своей досаде, что иммиграцию гораздо легче начать, чем прекратить. Наиболее важным механизмом, поддерживающим международную миграцию, является создание и распространение миграционных сетей, которые возникают везде, где бы ни появился член некой социальной структуры, эмигрировавший в страну с высоким уровнем зарплаты [1].

По мнению некоторых исследователей, положительное влияние трудовой миграции на экономический рост развитых стран объясняется тем,

что принимающие страны, помимо того, что получают готовых специалистов, на которых нет необходимости вкладываться в их обучение, получают дополнительный стимул в развитии своих экономик в так называемый сектор R&D. Во многом это обстоятельство позволяет этим странам выходить в технологические лидеры. В частности, по мнению Соболевской А.А., Попова А.К. применение селективной миграционной политики по привлечению квалифицированных и высококвалифицированных мигрантов создает основу для развития сектора R&D [2].

Изучение мирового опыт в регулировании миграционными потоками показало, что данная политика выстраивается на основе двух базовых принципов: спрос со стороны частного сектора и государства.

Частный сектор привлекая в свои структуры зарубежные кадры гарантирую социальную защиту мигрантов. Эта защита заключается не только в его трудоустройстве, но и зачастую представители бизнеса берут на себя оформлением всех необходимых документов в органы надзора за мигрантами. В последствие такая политика получила название «социальная ответственность бизнеса». Второй аспект, связан с привлечением мигрантов на основе обеспечения кадровой политики со стороны государства.

Отличие двух политик заключается в том, что представители бизнеса сами подбирают себе кадры с необходимыми навыками и уровнем квалификации. Однако участие государственных институтов также значимо в такой миграционной политике, которая заключается в защите местного населения. Поэтому для привлечения трудового мигранта на работу, представители бизнеса должны предоставить государству доказательство того, что среди местных жителей необходимый специалист с требуемыми навыками не был найден.

Тогда как государственный механизм привлечения мигрантов основан на анализе и изучении национального рынка труда. По этой причине при нехватке определенных специальностей государственные институты разрабатывают специальную миграционную политику, которая учитывает потребности страны в тех или иных кадрах. В этом случае государство может частично взять на себя роль в их социальном обеспечении и адаптации на рынке труда. Например, в США, Канаде, Чехии и других странах созданы программы по обучению государственного языка при отсутствии таковых знаний.

Другой механизм в регулировании миграционных процессах это выделение квот на привлечение людей определенных специальностей. К такой политике успешно прибегают такие страны как США, Австралия и Канада. При этом важным критерием при отборе кандидатов среди желающих прибыть в страну для постоянного проживания кандидатов является оценка людей на основе бальной (рейтинговой) системы, где критериями выступают следующие показатели: владение языком, уровень образования, возраст, опыт и наличие родственных связей в стране, дефицитность профессии и т.д. [3].

Основополагающий момент при выстраивании миграционной политики – это критерий продолжительности пребывания мигранта на территории того или иного государства. По этой причине в зависимости от продолжительности пребывания на территории принимающего государства выдаются различные документы, позволяющие регулировать международные трудовые отношения в рамках нормативно – правовых законов в данной стране.

Как правило, в этом случае документы выдаются на определенный период заключения трудовых отношений между работником и работодателем. Это позволяют иностранным работникам быть социально защищенными на рынке труда принимающей территории. Данный вид широко используется и в России, а в качестве документов, позволяющих находится на территории страны, являются разрешение на работу, разрешение на временное проживание или вид на жительство.

Другим важным аспектом миграционной политики является регулируемость данного процесса. Под регулированием миграционной политики подразумевается не только целенаправленной отбор тех или иных специальностей необходимых на рынке труда в стране, а с учетом регионального спроса на необходимых специалистов. В этом случае наиболее ярким примером является Канада или Австралия, где на государственном уровне прорабатывается так называемая провинциальная политика привлечения необходимых кадров, направленная на ликвидацию нехватки тех или иных специальностей в этих регионах страны.

Схожим подходом в привлечения квалифицированных кадров определенных специальностей для тех или иных территорий применяют и такие страны как Германия, Великобритания, США, Франция и ряд других.

Как показало изучение стран на практике государственные органы при выработке той или иной миграционной политики могут использовать сочетание элементов, рассмотренных выше подходов. Но, как правило, государственные институты по выработке миграционной политики все же склоняются в пользу одного из подходов.

Рассматривая проблему миграции квалифицированных специалистов на мировом рынке привлечения высококвалифицированного труда государства притяжения, как правило, рассматривают кадры либо уже добившиеся каких-то результатов, либо перспективную молодежь, которую определяют, как интеллектуальный потенциал или «заделом» для дальнейшего развития страны.

Спрос на определенных специалистов определяется не столько уровнем квалификации, сколько структурными изменениями в технологическом развитии страны. По этой причине наибольшей популярностью пользуются специалисты в тех областях, которые определяют основные тенденции развития современной экономики, науки и технологий. Соответственно государственные институты не просто реагирует на такой спрос, но и, прежде всего, формируют его, а потому применяют те или иные инструменты селективной миграционной политики [4].

Наиболее благоприятная ситуация для привлечения квалифицированной миграции выстроена институтами США. По этой причине эта страна является территорией притягивающей высококвалифицированных специалистов со всего мира. Сложившаяся ситуация не является случайной. Фундаментальной основой американской экономики является ее генерируемый, инновационный потенциал за счет проводимой эффективной миграционной политики по привлечению ученых и специалистов из-за рубежа.

Так в стране сформирована развитая многоуровневая, можно сказать инклюзивная национальная система, которая является основой мировых стандартов. Эффективный и действующий механизм основывается на стратегии привлечения ученых со всего мира. США привлекает ученых со всего мира не только возможностью в самореализации, но и наличием ресурсного обеспечения научных лабораторий, которые оборудованы по последнему слову техники, что существенным образом облегчает проведение научных изысканий.

Механизм создания максимально комфортных условий для научных изысканий был специально разработан государственными институтами США в целях научно-технологического развития страны. Выстроенная инфраструктура для сектора R&D подкрепляется многочисленными ежегодными научными грантами, которые предусматривают вовлечение в них различных зарубежных ученых.

По этой причине США обладают самой высокой долей не только по привлечению квалифицированных и высококвалифицированных специалистов со всего мира (удельный вес родившихся за границей, в общем количестве специалистов, имеющих степень доктора естественных наук, в США превышает 40%[5]), но и широко популяризируют программы MBA для привлечения талантливой молодежи со всего мира.

Если сравнивать ситуацию с привлечением квалифицированной миграции в России, то мы серьезно отстаем от развитых стран. В нашу страну преимущественно приезжают низкоквалифицированные мигранты. Институциональная среда по привлечению квалифицированной миграции в стране достаточно претерпела изменений, и на сегодня представлена очень громоздким и сложным механизмом. На взгляд авторов данный механизм нуждается в упрощение как по срокам рассмотрения притока квалифицированных мигрантов, так и повышение роли Государственной программы по добровольному переселению соотечественников.

Анализ данной программы показал, что данный механизм имеет огромный потенциал по привлечению квалифицированных кадров, при этом этнокультурно близких народам России. Между тем имеющийся потенциал государственной программы раскрыт не в достаточной мере, более того во многих регионах России, реализующих эту программу проходит с серьезными проблемами.

Наряду с этой программы на взгляд авторов, используя мировой опыт важно задействовать механизмы хорошо себя зарекомендовавшие такие как

государственно-частное партнерство, научное сотрудничество, активное взаимодействие образовательных структур по привлечению талантливой молодежи из-за рубежа. В конечном итоге привлечение квалифицированной миграции способствует формированию высокого уровня человеческого потенциала и росту высокотехнологичного производства в стране.

Список литературы

1. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М: Академический Проект, 2006. 137 с.
2. Гапонова А. Международная миграция высококвалифицированных специалистов: направления, масштабы, регулирование // Электронный журнал Демоскоп. № 441-442. ноябрь. 2010. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit07.php (дата обращения: 19.10.2018).
3. Доклад McKinsey. Цифровая Россия: новая реальность. июль 2017 г. 60 с.
4. Doudeijns M., Dumont JC. Immigration and labour shortages: evaluation of needs and limits of selection policies in the recruitment of foreign labour. // Paper of OECD-EU conference on “The Economic and Social Aspects of Migration”. Brussels, 21-22 January 2003. 31 p.
5. Ратай Т.В. Затраты на науку в России и ведущих странах мира. НИУ ВШЭ. Экспресс информация //Наука технологии инновация. Выпуск от 07.09.2017.

УДК 325

Узкая Юлия Анатольевна
к.эк. н.. старший преподаватель кафедры демографии ВШССН (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Роль международной миграции населения в демографическом развитии некоторых стран мира и России через призму теории и концепций демографического перехода

Аннотация. *Статья посвящена вопросам взаимосвязи двух важнейших процессов современности: международной миграции населения и демографического развития. Свое отражение эта взаимосвязь нашла в ведущей фундаментальной теории демографической науки–теории демографического перехода, а также в концепциях второго и третьего демографических переходов. Показаны достоинства и недостатки этих теоретических построений. На основе этого анализа сделаны важные выводы, касающиеся демографического развития развитых стран мира и России. В качестве альтернативы представлен иной путь*

демографического развития: четвертый демографический переход, идеи которого могут быть положены в основу формирования новых обществ, в которых международная миграция способна стать позитивным фактором развития как для самих мигрантов, так и для принимающего их населения.

Ключевые слова: *международная миграция населения, миграция населения, теория демографического перехода, концепция второго и третьего демографических переходов, демографическое развитие, новое население, смешанный брак*

В настоящее время Россия, как и ряд других развитых стран мира (особенно западно–европейских), пытается преодолеть демографический кризис (усугубленный многолетней депопуляцией), который, несмотря на некоторые улучшения количественных показателей рождаемости и смертности не только не прекращается, но и может усилиться в ближайшем будущем. Отметим, что в 2012 г. – впервые за последние 20 лет – не наблюдалось естественной убыли населения, а миграционный прирост практически достиг показателей, заложенных Концепцией миграционной политики Российской Федерации до 2025 года, и составил почти 295 тыс. человек. Однако прогнозы неутешительны: в репродуктивный возраст вступают малочисленные поколения женщин 90-х годов рождения, что, скорее всего, вернет естественное движение к отрицательным показателям. В этих условиях роль международной миграции населения в сглаживании негативных тенденций демографического развития будет возрастать. Однако пандемия и закрытие границ, безусловно, внесут свои негативные коррективы. В этой ситуации особую значимость приобретает анализ теоретических положений, затрагивающих роль международной миграции населения в демографическом развитии.

На сегодняшний день существует огромное количество подходов в изучении международной миграции населения, но для нас наибольший интерес представляет демографический подход, и особенно входящие в его состав теория демографического перехода, а также концепции демографического перехода. Связано это с тем, что именно теория демографического перехода, несмотря на ее «провалы» и недостатки, является ведущей демографической теорией, навязываемой западными странами демографическому сообществу. Исходя из ее базовых постулатов, строятся многие исследования, касающиеся изучения различных демографических процессов. Миграция населения занимает особое место в теории демографического перехода и в концепциях демографических переходов. Отметим, что вся эволюция этой теории связана, главным образом, именно с изменением места и роли в ней миграции населения: от полного исключения миграционной компоненты до ее ведущей роли в концепции третьего демографического перехода. Более того, как нам известно, в настоящий момент данная теория переживает кризис, так как не способна дать ответы на поставленные перед обществом вопросы о будущем демографическом развитии, как не способны и концепции второго и третьего

демографических переходов. В попытках найти выход из сложившейся ситуации, было проведено детальное исследование теории демографического перехода и концепций демографических переходов с позиции одного из ведущих современных демографических процессов – международной миграции населения. Аналогов подобного исследования нет ни в зарубежной, ни в отечественной литературе, по причине того, что ученые продолжают воспринимать теорию демографического перехода в качестве основной демографической теории и проводят свои исследования, опираясь на ее выводы, и не пытаются переключить свое внимание на теоретические конструкции, которые не только являются более универсальными и всеобъемлющим, но и могут дать ответ о будущем демографическом развитии (в частности, речь идет об общей теории населения А. Сови).

Все вышеперечисленные обстоятельства поставили необходимость проведения критического анализа классической теории демографического перехода, концепций второго и третьего демографического перехода. Основные выводы в этой части исследования состоят в следующем. Теория демографического перехода стала ведущим демографическим теоретическим построением не только благодаря своей научной ценности, но также благодаря тому, что ее развитие шло в рамках ведущих западных университетов, исследования которых были серьезно восприняты как на уровне государств, так и на уровне различных международных организаций. При этом изначально теория демографического перехода основное внимание уделяла рождаемости, поэтому ее лучше было бы обозначать как концепцию наталистического перехода или, как «жизненный переход» (В. Зелинский). И не случайно в 1971 г. появляются две концепции (концепция эпидемиологического перехода А. Омрана и концепция мобильного перехода В. Зелинского), которые превращают ее в универсальную теорию демографического перехода в ее классическом варианте. Однако, даже в усовершенствованном варианте данная теория все равно была не способна объяснить новые тенденции демографического развития, которые возникли в Европе в конце 60-х – нач. 70-х гг. прошлого века (падение уровней рождаемости ниже уровня простого воспроизводства, сознательный отказ от родительства в пользу саморазвития, падение роли и ценности семьи и детей в обществе), что поставило под сомнение постулат о том, что она универсальна, т.е. способна объяснить демографические тенденции любой страны мира.

Объяснение новым демографическим и социальным тенденциям мы находим в концепции второго демографического перехода. Здесь необходимо отметить, что, во – первых, мы не считаем второй демографический переход продолжением (пятой стадией) классического демографического перехода. Это самостоятельный путь демографического развития, по которому уже следует ряд развитых стран мира. Однако тревожные тенденции, которые возникают в ходе развития по этому пути – сознательный отказ от рождения детей (childfree), распространение однополых союзов, присвоение легального статуса таким союзам в ряде

стран, усыновление детей однополыми парами и семьями – заставляют задуматься, а стоит ли и дальше продолжать двигаться в направлении, обозначенном во втором демографическом переходе.

В попытках ответа на этот вопрос рождаются новые сценарии демографического развития, в частности – третий демографический переход. Предложенный Д. Коулменом вариант демографического развития носит больше предостерегающий характер для ряда европейских стран, нежели представляет собой уже реальный путь демографического развития (в отличие от второго демографического перехода).

Таким образом, развитые страны мира в настоящее время стоят перед непростым выбором: либо вымирать (при демографическом развитии по пути второго демографического перехода), либо терять свою национальную и культурную целостность (такой вариант возможен при развитии по пути третьего демографического перехода), либо, используя плюсы международной миграции, способствовать созданию нового населения. Последний вариант демографического развития может стать реальностью при следовании по пути четвертого демографического перехода. Хотелось бы отметить, что порядковые номера концепций демографических переходов – второй, третий, четвертый – вовсе не означают, что все страны мира пройдут эти варианты демографического развития в заданном порядке. На наш взгляд, демографическое развитие государств мира уникально. Оно может иметь некие схожие черты, но вовсе не обязательно все страны будут развиваться именно в соответствии с теорией и концепциями демографических переходов, что дает надежду на то, что выход из демографического кризиса развитых стран мира (включая Россию) будет найден, а развивающиеся страны не повторят их ошибки при выборе варианта демографического развития.

Подробный анализ демографической ситуации с позиции второго демографического перехода показал, что в России уже наблюдется ряд негативных тенденций, свойственных второму демографическому переходу, а именно: наблюдается процесс «постарения» брачности, растет средний возраст вступления в брак, растет доля повторных браков; набирает популярность т.н. «гражданский» брак; наблюдается рост разводов, и повышается вероятность прекращения брака; показатель суммарного коэффициента рождаемости все больше приближается к значениям аналогичного показателя в ряде развитых стран мира; происходит постепенное «постарение» возрастной модели рождаемости; внебрачная рождаемость продолжает вносить значительный вклад в рождаемость матерей основных репродуктивных возрастов; модель однодетной семьи стала нормой; люди все больше подвергаются воздействию западных тенденций, например – вступление в ряды т.н. «свободных от детей» или «добровольно бездетных» (childfree). Таким образом, развитие по сценарию второго демографического перехода может завести нашу страну в демографический тупик. Убыль населения будет нарастать, т.к. будет уменьшаться число женщин репродуктивных возрастов, а число семей,

добровольно отказывающихся от рождения детей – увеличиваться. Не исключено и усиление пропаганды однополых союзов. Стоит задуматься – а нужно ли так буквально воспринимать западные ценности и пути развития.

Для того чтобы понять, можно ли применительно к России говорить о начале третьего демографического перехода, был проведен анализ масштабов иммиграционных процессов, возрастно – половых характеристик мигрантов, и их семейного состояния, из которого можно сделать следующие выводы. Миграционный прирост по – прежнему продолжает сглаживать негативные тенденции, хотя его компенсаторная роль снизилась по сравнению с 90-ми гг. XX века. России пока не свойственны высокие уровни иммиграции. Несмотря на то, что прибывающие к нам мужчины и женщины находятся в тех возрастах, когда можно и нужно создавать семью, их численности явно недостаточно, чтобы существенно повлиять на демографическую ситуацию, а уж тем более «заместить» коренное население (это еще при том, что приезжающие к нам мигранты из таких стран, как Узбекистан, Таджикистан, имеют более высокие репродуктивные установки!). Поэтому говорить о третьем демографическом переходе применительно к нашей стране не правомерно. Третий демографический переход – это лишь некое возможное будущее, прогнозный вариант развития не только для России, но и для развитых стран. Возможно, наша страна не пойдет по этому пути, особенно если учесть, что количество иммигрантов не достаточно велико при сопоставлении с территорией и численностью населения нашего государства и не способно коренным образом изменить демографическую ситуацию, а может лишь замедлить происходящие негативные процессы.

Последствия второго демографического перехода, которые уже можно наблюдать в развитых странах мира, а также возможные последствия третьего демографического перехода таковы, что для развитых стран (включая Россию), эти пути не являются предпочтительными. Выбор между сознательным отказом от рождения детей и, как следствие, вымиранием, или заменой коренного населения мигрантами, и вероятной потерей традиций и культуры российского народа - это одинаково неприемлемые варианты. Соответственно, вопрос о поиске вариантов демографического развития стоит особенно остро для нашей страны, что обусловило в том числе и необходимость выдвижения и теоретическое обоснование альтернативного сценария демографического развития для развитых стран мира, включая Россию.

В 2010 г. В.А. Ионцевым был предложен альтернативный сценарий демографического развития, который условно был обозначен как четвертый демографический переход. В наших дальнейших работах данный сценарий получил свое дальнейшее развитие и формализацию. Было раскрыто понятие четвертого демографического перехода, выдвинуты гипотезы, которые сформировались в ходе работы над этим сценарием, а также отражены результаты их исследования.

Суть концепции четвертого демографического перехода состоит в том, что международная миграция может способствовать формированию «нового

населения», основу которого составят дети, рождённые в смешанных семьях, где один из родителей является мигрантом (лицом, имеющим гражданство другой страны).

Отметим также, что концепция четвертого демографического перехода–это один из возможных сценариев демографического развития, который для России постепенно приобретает популярность, а для развитых стран мира уже может стать реальной альтернативой второму и третьему демографическим переходам.

Список литературы

1. Демографическое развитие России в XXI веке / Под ред. акад. Осипова Г.В. и проф. Рыбаковского Л.Л. М.: Экон-Информ, 2009. 340 с.
2. Ван де Каа Д. О международной миграции и концепции демографического перехода // Мир в зеркале международной миграции: сб. статей Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс. 2002. С. 90.
3. Коулмен Д. Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью–третий демографический переход в действии? // Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13-15 сентября. М.: СП Мысль, Би эль Принт. 2007. С. 12.
4. Сови А. Общая теория населения / Т.1. М.: «Прогресс», 1977. 503 с.
5. Сови А. Общая теория населения / Т.2. М.:»Прогресс», 1977. – 519 с.

УДК 314.74

Флоринская Юлия Фридриховна
к.г.н., ведущий научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС, Г. Москва, Россия

Трудовая миграция в Россию: тенденции последних лет и текущие изменения

1. К середине первого десятилетия 21 века трудовая миграция была уже наиболее мощным миграционным потоком в Россию. Ее объемы колебались в пределах от 4-5 млн до 6-7 млн человек в течение каждого года. Даже числа легализованных на рынке труда мигрантов (оформивших разрешительные документы для работы) в отдельные годы превышали 2-3 млн человек.

Рост объемов трудовой миграции в Россию с начала 21 века, с 3 млн человек [1] до 4-5 млн в конце первого десятилетия [2] и 6-7 млн к 2013-2014 гг. [3, 4] сопровождался одновременным, начавшимся с 2007 года, сокращением численности трудоспособного населения нашей страны.

2. Если рост или сокращение общих объемов трудовой миграции связаны, в первую очередь, с экономической ситуацией в России (высокая

численность трудовых мигрантов в середине 2000-х, затем небольшое сокращение во время кризиса, в 2009-2010 гг., рост к 2013-2014 гг., и вновь сокращение с конца 2014 и в 2015 г., синхронно с началом последнего кризиса), то изменение соотношения документированных и недокументированных трудовых мигрантов в ту или иную сторону в первую очередь коррелирует с изменениями миграционного законодательства и правоприменительной практики. И здесь тенденция однозначная: либерализация в миграционной сфере приводила к росту легализации мигрантов на рынке труда, а ужесточение – к сокращению доли легализованных иностранных работников.

3. В середине 2010 г., на фоне окончания кризиса, были вновь предприняты шаги по облегчению доступа мигрантов на рынок труда: для работников из безвизовых стран был введен такой инструмент, как патент для работы у физических лиц (его можно было оформить без квот)[64]. Патент стал крайне востребованным среди трудовых мигрантов – за 4,5 года (с середины 2010 г. по 2014 гг.) его оформили более 6,2 млн трудовых мигрантов из безвизовых стран. Тем не менее, все – и работники миграционного ведомства, и эксперты, понимали, что патентом пользуются далеко не только те мигранты, кто работает у физлиц [5,6]. С началом 2015 г. в законодательство были внесены новые изменения, полностью заменившие квотируемые разрешения на работу на патент для мигрантов из безвизовых стран (в том числе, и для занятых у юрлиц). Однако эта либерализация не привела к ожидаемому позитивному эффекту, т.к. одновременно существенно повысилась стоимость выхода трудовых мигрантов на рынок труда. Все это происходило на фоне ухудшения экономической ситуации в России, сопровождавшегося резким падением курса рубля по отношению к доллару и сокращением мигрантских заработков. В настоящее время докризисный объем оформления патентов все еще остается недостижимым, что вполне объяснимо – заработки мигрантов не растут, а финансовое бремя на них продолжает увеличиваться.

Тем не менее, за прошедшие после введения патента годы этот инструмент стал важным источником пополнения региональных бюджетов: за последнее десятилетие авансовые платежи мигрантов за патенты превысили 283 млрд рублей.

4. В целом, несмотря на все описанные издержки, введение патентов вместо квотируемых разрешений на работу для безвизовых мигрантов можно назвать успешной законодательной инициативой, позволившей, наряду с введением преференций (возможности работать без разрешительных документов) для работников из стран ЕАЭС (Казахстана, Беларуси, Армении и Киргизии), увеличить долю легализованных трудовых мигрантов до 70-75% (от всех заявивших о себе при въезде как трудовые

[64] Федеральный закон от 19.05.2010 N 86-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»

мигранты)[65]. На конец 2019 г., например, из 3,9 млн мигрантов, находившихся в РФ с целью «работа по найму» около 1,73 млн имели на руках действительные РНР или патенты, и еще около 1,1 млн были выходцами из стран ЕАЭС.

5. Последние несколько лет, согласно полученным при обработке миграционных карт сведениям, число трудовых мигрантов (указавших при въезде цель «работа») колеблется в течение года вокруг цифры 4 млн; еще примерно 0,5 млн находятся в России с другими целями, но заведомо работают нелегально. Таким образом, доля трудовых мигрантов в численности занятых в России не превышает 6%.

6. Главным образом, трудовая миграция в настоящее время – это миграция из стран СНГ (95-97%), в первую очередь, из Средней Азии (Узбекистана, Таджикистана и Киргизии) (около 70%). Выходцы из западных постсоветских стран – Украины и Молдовы – все в большей степени переориентируются на работу в Европе. Их доля среди вставших на миграционный учет с целью «работа» в 2019 г. составила суммарно всего 11% (в 2018 г. – 13%).

7. В последнее десятилетие предпринимались попытки привлечь в страну квалифицированных (КС) и высококвалифицированных (ВКС) мигрантов. В 2010 г. были даже введены в действие специальные преференции для ВКС[66], упростившие их пребывание и трудоустройство в России (получение РНР без квот, 90-дневный срок постановки на миграционный учет, льготный налоговый режим и т.д.). Однако массовым этот поток так и не стал: за 9 лет разрешения на работу в качестве ВКС оформили всего 230 тыс. иностранных граждан.

8. Для просто квалифицированных работников в 2009 г. была введена единственная льгота – возможность получения РНР без квот. Однако в 2015 г. все квалифицированные мигранты из безвизовых стран лишились даже этой небольшой льготы – теперь они должны покупать патент на тех же условиях, что и неквалифицированные мигранты. Неудивительно, что ежегодное число оформляющих разрешения на работу как КС в 2015 г. резко сократилось, со 159 тыс. в 2014 г. до 22 тыс. в 2015 г. Всего за период с 2010 по 2019 гг. разрешения на работу как КС оформили около 467 тыс. мигрантов; в 2019 г. – 16,9 тыс.

9. Ситуация с трудовой миграцией в Россию в 2020 г., судя по данным на первый квартал, обещала быть похожей статистически на уровень 2019 г.; возможно, показатели присутствия трудовых мигрантов были бы даже несколько выше прошлого года. Однако закрытие границ из-за пандемии

[65] С 2014 г. для дальнейшего оформления разрешительных документов в России трудовые мигранты законодательно обязаны указывать в миграционной карте при въезде цель «работа по найму».

[66] Федеральный закон от 19.05.2010 N 86-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»

коронавируса[67], а также вызванные локдауном трудности на рынке труда России[68] существенно изменили эту сферу.

В результате, число пребывающих в России трудовых мигрантов во второй половине 2020 г. оказалось ниже, чем в последние годы: на 1 августа 2020 г. в РФ пребывало 3,99 млн трудовых мигрантов. Это на 11% меньше, чем в начале августа прошлого года.

10. Как видим, пока острой нехватки иностранной рабочей силы опасаться вряд ли стоит. Скорее, наоборот, могут возникнуть проблемы с занятостью как минимум у четверти мигрантов, трудившихся в отраслях, наиболее пострадавших в текущей ситуации, - сфере услуг, гостиничном и ресторанном бизнесе, в домашних хозяйствах. Кроме того, мы предполагаем, что именно в этих сферах, по мере снятия ограничений на рынке труда, в текущих условиях возросшей безработицы в России можно ожидать конкуренции между иностранными и российскими работниками, т.к. занятость в них не требует специальных профессиональных навыков.

11. Доля трудовых мигрантов в Воронежской области в последние годы не превышает 0,006 – 0,007% от всех трудовых мигрантов в России (табл. 1). Для сравнения: по Москве аналогичная доля составляет 34 - 36%.

Таблица 1- Число поставленных на миграционный учет за год с целью «работа по найму», 2017-2019 гг., чел.

	2017	2018	2019
Россия, всего	4854004	5047788	5478249
Москва	1768738	1698862	1879291
Воронежская обл.	34785	30133	31477

Источник: данные МВД РФ, ЦБДуИГ

Список литературы

1. Зайончковская Ж.. Десять лет СНГ - десять лет миграций между странами-участниками / Демоскоп Weekly. 2001. №45-46. *http://www.demoscope.ru/weekly/045/tema05.php*

2. Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь /под ред. И.С. Иванова. РСМД. М.: Спецкнига, 2013. С .23

3. Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. Временные трудовые мигранты в России / Демоскоп- eekly. 2013. №579-580. http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/tema01.php

4. Ю.Ф.Флоринская, Н.В.Мкртчян, Т.М.Малева, М.К.Кириллова. Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

[67] Правительство РФ своим распоряжением N 635-р с 18 марта 2020 г. запретило въезд с Россию иностранным гражданам и лицам без гражданства. http://static.government.ru/media/files/wwGGarWzAuGcDRw4OFHBfkInXcpD0ZPu.pdf

[68] https://econs.online/articles/ekonomika/trudovaya-migratsiya-vo-vremya-koronakrizisa/

5. Пядухов Г.А. Рынок миграционных услуг в российской провинции: действующие лица, тенденции развития. Демоскоп-Weekly. № 571–572, октябрь 2013. http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit07.php.

6. Рязанцев С. и др. Практика использования патентов на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами в Российской Федерации (Результаты исследования). МОМ, 2012.

УДК 314.7.044

Хавинсон Михаил Юрьевич
к.э.н., заведующий лабораторией региональных социально-экономических систем Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан, Россия
Колобов Алексей Николаевич
к. физ-мат. Н., старший научный сотрудник лаборатории математического моделирования популяционных и экологических систем Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан, Россия

Агент-ориентированный подход в моделировании миграционного поведения населения

Аннотация. *В условиях перехода к постиндустриальному обществу миграция населения становится более динамичной, что требует совершенствования подходов к ее прогнозированию. Настоящее исследование посвящено изучению сложной динамики миграционных процессов методом агент-ориентированного моделирования. В результате исследования показано, что сочетание различных стратегий миграционного поведения может приводить к нерегулярной динамике миграции, значительно затрудняющей ее прогнозирование. Дальнейшее изучение миграционного поведения с применением агент-ориентированного моделирования может внести заметный вклад в понимание эволюции общества в условиях его информатизации, а также в развитие механизмов конструктивной социальной трансформации под воздействием миграции.*

Ключевые слова*: миграция, агент-ориентированное моделирование, нерегулярная динамика, прогнозирование*

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на многие сферы жизни общества, поэтому научно-практический интерес к анализу и прогнозированию механического движения населения не ослабевает до сих пор [2; 5]. Современный мир имеет беспрецедентно развитые транспортную и информационную сети, способствующие мобильности населения и формированию новых особенностей миграции. В своих работах по социодинамике В. Вайдлих показал, что миграции между тремя и более

регионами могут приводить к хаотической динамике и, как следствие, к значительному сокращению горизонта прогноза численности мигрантов [1]. В. Вайдлих использовал для моделирования миграции системы дифференциальных уравнений, рассматривая миграцию как потоки, движущиеся по направлениям, заданным целевыми функциями. Современное моделирование обогатилось еще одним методом, позволяющим взглянуть на процессы не только с точки зрения потоков, но и с точки зрения участников. Этим методом является агент-ориентированное моделирование, в котором поведение каждого участника (агента) задается алгоритмом, позволяющим гибко комбинировать различные математические подходы и формализовывать широкий спектр особенностей поведения агентов [4; 6].

Для фундаментального исследования миграции через призму миграционного поведения нами была построена базовая агент-ориентированная модель [4]. Один из основных вопросов, ответ на который является полезным для прогнозирования – могут ли относительно простые алгоритмы поведения агентов в совокупности формировать сложную миграционную динамику. В исследовании осуществлялся поиск ответа на этот вопрос.

В указанной модели рассмотрены шесть возрастных групп агентов: 16-23 лет, 24-31 лет, 32-39 лет, 40-47 лет, 48-55 лет, 56-63 лет. На каждый возраст с шагом 1 год приходится по три агента, что составляет 144 агента. В результате численных экспериментов определено, что такая численность агентов достаточна для описания различных режимов динамики. У представителей каждой возрастной группы есть стратегия миграционного движения по регионам с целью максимизации одного из трех индексов привлекательности региона: экономического, социального или экологического.

Выделение именно таких индексов соответствует общей практике моделирования миграции [2; 6]. Каждый регион оценен по трехбалльной шкале (A – наивысший класс, B – средний класс, C – низкий класс) для каждого индекса привлекательности. Оценки выбраны таким образом, чтобы каждый регион лидировал только по одному индексу. Рассмотрены шесть стратегий выбора региона, которые подразделяются на чистые и смешанные.

Чистые стратегии заключаются в стремлении мигранта выбрать регион только с одним наивысшим индексом привлекательности. Смешанные стратегии заключаются в желании агента выбрать регион, максимально удовлетворяющий двум индексам привлекательности: экономическому и социальному, экономическому и экологическому, экологическому и социальному. Перемещение мигрантов между регионами осуществляется через определенный промежуток времени исходя из выбора и реализации конкретной стратегии (в модели это 1, 2 года или 5 лет).

В исследовании интерес представляло изменение возрастной структуры численности мигрантов и последующее изменение динамических режимов миграции вследствие реализаций стратегий миграционного

поведения. Так, если в модель ввести ограничение на миграцию некоторых возрастных групп, то наблюдается изменение баланса стратегий миграции, приводящее к сложной динамике. Например, при отсутствии миграции агентов 16-23 лет наблюдаются периодические колебания численности мигрантов в модельных регионах (рис.1). Еще более сложное распределение численности мигрантов в модельных регионах наблюдается при изменении характеристик привлекательности регионов. Даже при последовательном (линейном) изменении привлекательности численность мигрантов становится непредсказуемой (рис.2.).

Подчеркнем, что в модель не были введены стохастические переменные, и полученные нерегулярные колебания являются детерминированными.

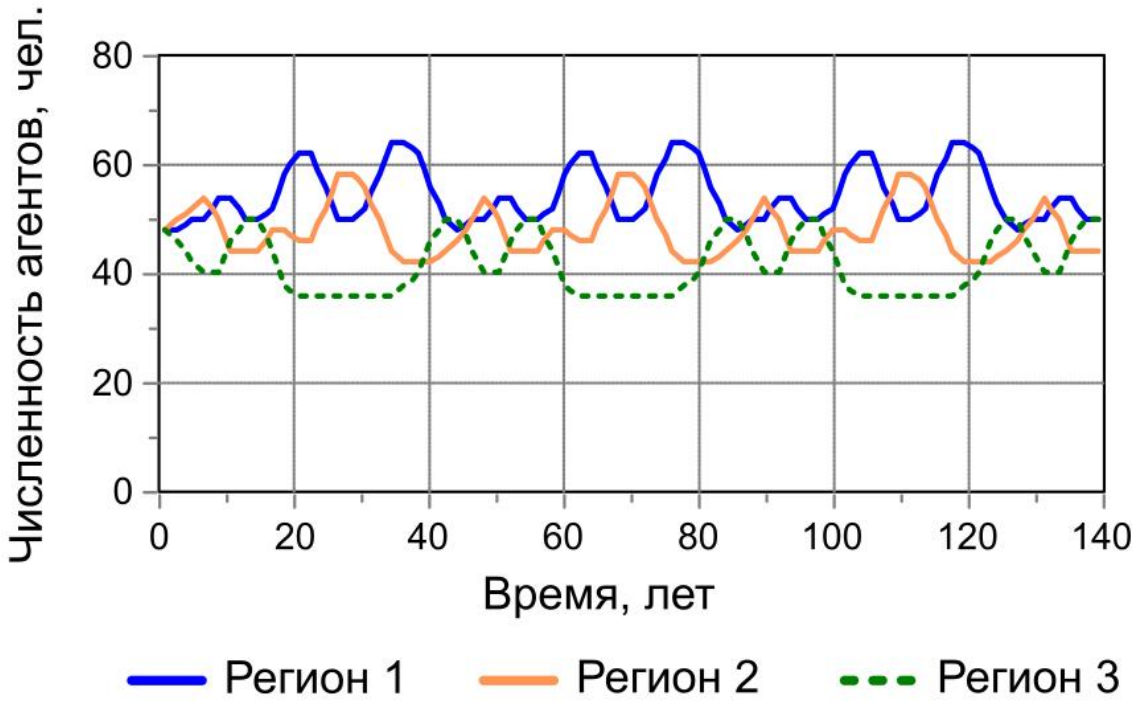

Рис. 1. Сложные периодические колебания в модели

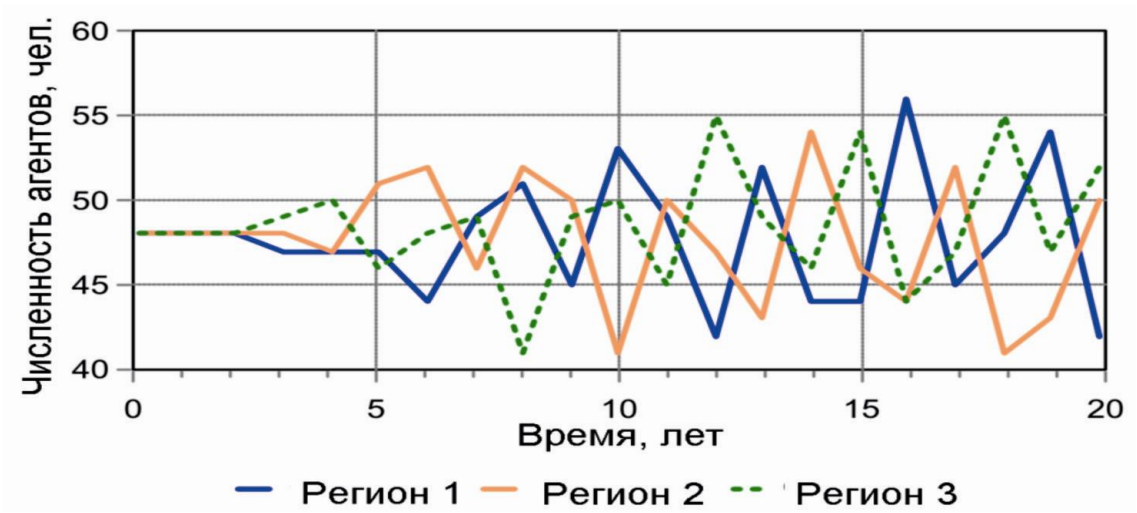

Рис.2. Нерегулярные колебания численности мигрантов в модели

Таким образом, в результате исследования базовой агент-ориентированной модели показано, что сочетание различных стратегий миграции может приводить к нерегулярной динамике, значительно затрудняющей прогноз миграционных процессов. В практике управления социально-экономическими и демографическими процессами стараются не допускать возникновения хаотических режимов, а при их наличии – производить меры регуляризации динамики. Можно полагать, что в современном мире возникающая хаотическая динамика социально-демографических процессов является естественным следствием формирования либеральных ценностей, допускающих большое разнообразие стратегий поведения. Судя по всему, происходит социальный эволюционный процесс, который с одной стороны, должен привести к образованию новых общественных структур и большей реализации личных свобод, с другой стороны, формированию более эффективных социально-экономических механизмов, препятствующих социальной разбалансировке, в частности, неконтролируемым всплескам миграции или миграционным «истощениям» регионов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00206.

Список литературы

1. Вайдлих В. Социодинамика: Системный подход к математическому моделированию в социальных науках. Пер. с англ. Изд. 3. URSS. 2010. 480 с.

2. Дмитриев М.Г., Юдина Т.Н. Миграционные процессы: модели анализа и прогнозирования (обзор) // Труды ИСА РАН. - 2017. - Т. 67, № 2. - С. 3-14.

3. Мищук С.Н., Тайорова М.А., Беспалова Н.В. Переселение соотечественников в Дальневосточный федеральный округ: проблемы и их решения // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 2 (67). С. 54-61.

4. Хавинсон М.Ю., Колобов А.Н. Моделирование периодических колебаний миграционной динамики: агент-ориентированный подход //Региональные проблемы. 2019.- Т. 22. № 4. С. 69-75.

5. Хавинсон М.Ю., Кулаков М.П., Мищук С.Н. Прогнозирование динамики внешней трудовой миграции на региональном уровне // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2 (137). С. 99-111.

6. Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В., Лободин П.Н., Кухлевский А.Л. Прогнозирование межрегиональных миграционных потоков // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 126-136.

УДК 159.99+314.742
Харламова Дарья Андреевна
командир отделения 862 взвода Института-факультета психологии служебной деятельности органов внутренних дел, ФГКО УВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», г. Москва, Россия

Об особенностях социально-психолого-педагогической работы с детьми иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках реализации государственной программы по интеграции мигрантов в России

Аннотация. *В статье рассмотрены особенности социально-психолого-педагогической работы с детьми иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках реализации государственной программы по интеграции мигрантов в контексте основных направлений государственной миграционной политики в Российской Федерации. Основное внимание уделено проблематике, связанной с социальной адаптацией детей иностранных граждан, а также направлениям в работе с данной категорией несовершеннолетних - социально-педагогической и социально-психологической работе; предложены пути по совершенствованию методики адаптации детей мигрантов к условиям современного российского социума.*
Ключевые слова*: социально-психологическая деятельность, социально-педагогическая деятельность, ребёнок, иностранный гражданин, лицо без гражданства, миграционная сфера, комплексное взаимодействие.*

Вопросы миграции стали крайне актуальными для Российской Федерации в последнее десятилетие. Происходящие в стране общественно – политические, экономические, социальные события являются одними из основных факторов, приводящих к увеличению роста иммиграции. Россия обладает очень гибким миграционным законодательством, которое позволяет реализоваться различным категориям мигрантов: от трудовых и ситуационных мигрантов до высококвалифицированных специалистов и лиц, желающих реализовать процесс репатриации.

Так, в соответствии реализуемой до 2025 года миграционной политикой, ее основными направлениями являются содействие переселению в Российскую Федерацию иностранных граждан в целях воссоединения с семей; получение гражданства Российской Федерации лицами, имеющими вид на жительство и являющимися предпринимателями, инвесторами, квалифицированными специалистами и членами их семей, а также выпускниками российских образовательных учреждений профессионального образования; упрощение процедур регистрационного учета граждан Российской Федерации в целях снятия административных барьеров, препятствующих изменению места пребывания или жительства; обеспечение доступа граждан к социальным, медицинским и иным видам услуг по месту фактического проживания; поддержка образовательной (учебной) миграции

российских граждан, в том числе в целях получения образования и повышения квалификации по профессиям, востребованным на рынке труда и прочие услуги и преференции.

По данным МВД России за январь – апрель 2020 года было установлено 4 086 402 фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, при этом число лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации составило 215 901 человек.

Действующая миграционная политика России является с одной стороны, положительным фактором, влияющим на демографическую и экономическую ситуации в стране, с другой стороны – отрицательным, усложняется общественно-политическая обстановка, отмечается рост межэтнических и межнациональных конфликтов, сегрегация среди населения.

Радикальные социальные факторы здесь выступают естественным и движущим звеном, препятствующим правильной и своевременной интеграции мигрантов в современное российское общество.

Мигранты все чаще испытывают затруднения с адаптацией к новым условиям проживания, непониманием со стороны российского общества или проблемами, связанными с межкультурным и этносоциальным общением.

В особенности в данной ситуации достаточно тяжело приходится детям иностранных граждан. Ведь сам процесс адаптации к новым социальным условиям не так легко дается даже взрослым.

Кроме того, в последнее время можно заметить тенденцию к социальным формам протеста среди подростков-иностранцев, выражающихся в языковой, социальной и культурной дезорганизации и, как итог, - полной десоциализации. В отсутствие интеграционного единства и возможности к адаптации, детьми мигрантов нередко создаются неформальные объединения, молодежные организации экстремистского характера, нацеленные на разжигание этнонациональных конфликтов с местным населением или межэтнических противоречий среди детей мигрантов, принадлежащих разным языковым семьям, национальностям или культурным общностям. Отмечаются акты подростковой преступности, которая имеет явно выраженный антиэтнический характер.

Немаловажными проблемами, с которыми столкнулось современное российское государство, безусловно, продолжают оставаться социализация подростков-иностранцев в российском социуме, организация образования детей мигрантов совместно с местным населением, имеющиеся языковой и культурный барьеры.

В связи с этим как никогда остро встает вопрос о совершенствовании социально-психолого-педагогической работы с детьми иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающими на территории Российской Федерации и желающими ассимилироваться в российский социум в рамках интеграционных процессов.

Говоря о детях мигрантов необходимо отметить, что для их полноценного и положительного развития с ними должен работать не только социальный педагог, но и профессиональный психолог. Причем, указанная работа должна производиться сразу, до момента фактического влияния их в российский социум.

В процессе переезда указанные подростки также испытывают множество трудностей, как социально-педагогических, так и психологических проблем, нуждаются в помощи и поддержке. Поэтому должна проводиться именно комплексная работа в реализации эффективных мер в помощи адаптации к новым социальным условиям, положительного взаимодействия со сверстниками, так же и с самой семье, и т.д.

Выделим и рассмотрим два основных направления в работе с данной категорией детей. Первое – социально-педагогическое, второе – социально-психологическое.

Говоря про социально-педагогическое воспитание, необходимо указать такие формы взаимодействия социального педагога с ребёнком, как контроль за получением образования малолетними, подростками и молодежью из числа мигрантов; профилактика делинквентного и девиантного поведения; социально-педагогическая помощь детям, имеющим проблемы в обучении; проведение консультаций по вопросам семьи и воспитанию детей; проведение досуговых мероприятий, направленных на адаптацию в новых условиях.

В свою очередь, социально-психологическая работа должна осуществляться психологом и предусматривать психологическое консультирование; психологическую коррекцию и помощь в социальной адаптации; психопрофилактика стресса; проведение психологических тренингов, тестов с данной категорией детей; психологическая помощь в кризисных ситуациях; психологическая диагностика и консультирование; психологическая диагностика развития детей и подростков данной категории; обучение аутотренингам и психологической саморегуляции.

Как уже отмечалась ранее, детям мигрантов приходится крайне сложно к адаптации к новым социальным условиям и положительному взаимодействию со сверстниками.

По нашему мнению, социально-психолого-педагогическая работа будет эффективна при осуществлении исключительно комплекса совместных мероприятий социальными педагогами и психологами. Немаловажное значение в этом процессе также следует уделять этнолингвистическим и этносоциологическим особенностям коммуникации. Привлечение специалистов в указанных сферах также будет положительно влиять на процесс работы с подростками.

Сам процесс социально-психолого-педагогической работы следует рассматривать с точки зрения нескольких стадий. Сначала психолог проводит психологическую работу, с помощью тестов, беседы с несовершеннолетним, тем самым выявляя его психологическое состояние, особенности его психики и т.д. Далее, после работы, проведенной

психологом, основываясь на проведенном психологическом исследовании ребенка, реализуется деятельность социального педагога, который непосредственно уже создает условия для успешной реализации ребенка в обществе, создает благоприятные условия для развития ребенка, устанавливает связи между образовательным учреждением и семьей, выявляет интересы ребёнка, его потребности, какие-либо отклонения в поведение (если проявляется асоциальное поведение).

В большинстве случаев, также необходимо отметить, что социальный педагог выступает «посредником» между образовательным учреждением, семьей и органами власти, реализующим права и свободы ребёнка.

Социальному педагогу достаточно часто также приходится выступать и в роли юриста для детей иностранных граждан и лиц без гражданства. Так как для данной категории детей очень важна правовая защищенность.

При выборе форм и методов работы с данной категорией детей социальный педагог и психолог должны в первую очередь ориентироваться на потребности самого ребёнка; выяснить, нравится ли ему классный коллектив, какие у него взаимоотношения с одноклассниками, педагогами; какое отношение подростка к менталитету, нравам, обычаям, сложившимся в определенном субъекте Российской Федерации и пр., и, уже основываясь на данных результатах, проводить комплексную работу в помощи детям данной категории.

Процесс социальной адаптации детей мигрантов является одним из приоритетных направлений социальной политики в условиях миграционной интеграции на современном этапе: то, как мы отнесемся к несовершеннолетним мигрантам, их культурным и нравственным ценностям, потребностям и страхам в настоящем, такое восприятие ими российского общества мы получим в будущем.

Список литературы

1. Вихляев А.А. Миграционная интеграция в России: проблемы, тенденции, перспективы //Международный журнал конституционного и государственного права. М.: Юнити-Дана, 2019. №3. С.87-89

2. Официальный сайт МВД России: Статистические сведения по миграционной ситуации. [Электронный ресурс] - Ссылка: https://мвд.рф. (дата обращения 25.08.2020).

3. Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы».

УДК 314.1
Штырба Виталие
научный сотрудник, Национальный институт экономических исследований, г. Кишинев, Республика Молдова

Основные вызовы в изучении демографических процессов в Молдове в контексте существующей методологии регистрации рождаемости, смертности и миграции

Аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности ведения текущего учета населения и регистрации демографических событий в Молдове. Результаты исследования показывают основные проблемы учета численности населения, определяемые законодательными особенностями регистрации демографических событий. В контексте высокой мобильности населения, отмечается значительный недоучет эмиграции, сложности точного учета рождений, в том числе из-за наличия у жителей Молдовы двойного гражданства.*
Ключевые слова*: текущий учет населения, регистрация демографических событий, население Молдовы.*

Качество и достоверность демографических показателей представляют особую важность в изучении проблем народонаселения, формирования повестки правительства, а также для разработки и измерения эффективности политик, в области экономики, здоровья, социальной защиты и др. Достоверность синтетических и относительных показателей (ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), суммарный коэффициент рождаемости (СКР) и другие) обусловлено используемым знаменателем, а также методологией регистрации демографических событий. Эталонный знаменатель относится к прожитым человеко-годам на территории условного региона и промежутка времени, соответственно, его качество зависит от законодательных и бюрократических особенностей регистрации рождаемости, смертности и миграции населения.

В Молдове, Национальное Бюро Статистики (НБС) является единственным государственным учреждением, которое предоставляет официальную централизованную информацию о населении (численность, структуру и другие демографические события). Агрегация данных и расчеты официальных показателей основаны на информации, представляемой различными государственными учреждениями: а) Офис записи актов гражданского состояния (Министерства Юстиции), регистрирующий рождения и смерти, б) Агентство Государственных Услуг (Министерства Экономики), оперирующий единым реестром населения, в) Национальный Центр Менеджмента в Здравоохранении (Министерства Здравоохранения), отвечающий за статистику причин смерти [5]. НБС также проводит переписи населения и другие выборочные исследования национального уровня.

Единый реестр населения является межинституциональным инструментом для агрегирования административной информации о гражданах и резидентах Молдовы, которая привязана к уникальному идентификационному коду (IDNP) субъектов. IDNP код приписывается каждому индивиду при рождении, вхождении в гражданство и получении вида на жительство; удаление уникального кода из единого реестра осуществляется в следствии смерти (по факту выдачи свидетельства о смерти), выхода из гражданства и истечения срока действия вида на жительство.

Текущий учет населения, несмотря на высокий уровень документирования населения и высокотехнологичность процесса, связан с определенными ограничениями и некоторыми методологическими особенностями регистрации демографических событий. Данная ситуация обусловлена высоким уровнем международной миграции, численностью населения, обладающим двойным гражданством, а также невозможностью осуществлять контроль над территорией левобережья Днестра. Совокупность перечисленных аспектов создает некоторые проблемы, связанные с качеством регистрации и учета основных демографических процессов (рождаемость, смертность, миграция).

Методология расчета средней ежегодной численности населения в большей степени основывается на выписке из реестра населения об официальном месте проживания граждан и резидентов Молдовы. В этих условиях, граждане, проживающие за пределами Молдовы и сохраняющие регистрацию в одном из регионов страны, засчитываются в численность населения (официальный знаменатель); таким образом, завышая численность фактического населения. Следует отметить, что действующее законодательство не обязывает граждан сниматься с учета по месту жительства при постоянной, долгосрочной или сезонной миграции.

За последние годы были предприняты существенные попытки скорректировать искаженный знаменатель. Используя административные источники (реестр населения и данные о пересечении государственной границы), группа ученных представила альтернативные оценки половозрастного состава населения, где из знаменателя были исключены лица находящиеся вне территории Молдовы с продолжительностью 12 месяцев и более [2]. В то же время, используя данные о половозрастном составе при переписи населения 2014 года и информацию о пересечениях государственной границы за последующие годы[69], НБС осуществила официальный пересчет знаменателя и основных демографических показателей. Важно подчеркнуть, что пересмотренный альтернативный и официальный знаменатель численно сопоставимы, но представляют видимые различия в половозрастной структуре населения.

[69] В методологии пересчета численности населения НБС из знаменателя были исключены мигранты, находящиеся за пределами границ Молдовы более чем 9 месяцев в календарном году.

Преимущество качества пересмотренных знаменателей, официального и альтернативного, очевидно. Помимо незначительных погрешностей в силу методологических особенностей, основные ограничения в изучении демографических процессов, связанные с использованием представленных знаменателей, отображаются в неполноте серий данных по календарным годам. Также, начиная с 1998 года, ни один из указанных знаменателей не включает население, проживающее на территории левобережья Днестра.

При регистрации рождений органы ЗАГС указывают место рождения по месту регистрации матери, а не по фактическому месту проживания родителей. В этих условиях, оценка региональных различий в детской смертности и административном планировании представляются трудно реализуемыми. Помимо этого, официальное число новорожденных соответствует количеству свидетельств о рождении, выданных в календарном году; а существующая законодательная процедура позволяет осуществить регистрацию новорожденных в течение 90 дней. Это ведет к искажению годовых распределений рождений. Наличие у родителей второго гражданства, а также в случае брака с иностранными гражданами, может повлиять на мотивацию родителей запросить свидетельство о рождении в консульстве или официальном представительстве другого государства, что ведет к недооценке числа новорожденных [1].

Статистика распределения половозрастной смертности, в условиях более строгого законодательства, регламентирующего регистрацию смертей, подвергается меньшей погрешности. В то же время регистрация смертей граждан Молдовы на территории другого государства, могут быть произведены с некоторым опозданием, а в случае невыдачи свидетельства о смерти, могут быть незафиксированными.

Регистрируемая статистика причин смерти осуществляется в централизованных условиях, что позволяет избежать неточностей в указании причин смерти. На данный момент классификация и группирование причин смерти выполняется в соответствии с МКБ-10 (Международной классификацией болезней).

Внутренние перемещения на территории Молдовы, с целью смены места проживания, часто не регистрируется в полном объеме. Данная ситуация обусловлена двумя основными причинами: а) отсутствием института прописки, и б) необходимостью получения нового внутреннего документа, удостоверяющего личность при смене официального места проживания. Таким образом, процедура регистрации внутренней миграции идентифицирует внутренние перемещения как единовременную смену официального места проживания, тем самым игнорируются нерегистрируемые фактические смены места жительства [4].

Высокий уровень мобильности населения Молдовы, в контексте международной миграции [3, 6], является одним из ключевых факторов, влияющих на качество учета и идентификации среднегодового населения. Основные проблемы, связанные с учетом миграции, вызваны длительностью пребывания граждан Молдовы на территории других государств.

Проблематичность в указанном выше альтернативном знаменателе, где мигранты, находящиеся непрерывно более 1 года за пределами границ не включены в среднегодовое население, обусловлено тем, что постоянно проживающие в других странах эмигранты совершают, по разным причинам, частые поездки на родину (для лечения, на праздники и др.). Пересмотренная численность населения, находящегося на территории Молдовы не менее 9 месяцев в году, исключает из знаменателя сезонных мигрантов, для которых основным местом проживания является Молдова.

Наличие гражданства стран Евросоюза и СНГ обеспечивает молдавским гражданам обширный доступ к рынку труда и социальной системе этих государств, что определяет непредсказуемость миграционных потоков. Также, предъявление иностранных паспортов на границе Молдовы, при въезде и выезде, гражданами Молдовы, может влиять на невозможность идентифицировать фактический миграционный поток.

Представленные методологические аспекты учета населения и регистрации основных демографических событий позволяют получить более четкое понимание относительно качества определения численности населения для календарных лет (ежегодного знаменателя) и рассчитанных относительных и синтетических демографических показателей. Актуальность и практическая значимость данного анализа позволяют раскрыть некоторые особенности в изучении демографических процессов в Молдове. Представленные результаты могут быть использованы в контексте прогнозирования демографических событий и численности населения.

Список литературы

1. Bargan N. Cu privire la evidența statistică a natalității. Creşterea economică în condițiile globalizării. Chi□inău: Institutul Național de Cercetări Economice. 2015. PP. 142-147.
2. Penina O., Jdanov D., & Grigoriev P. Producing reliable mortality estimates in the context of distorted population statistics: the case of Moldova. (2015). MPIDR Working Paper WP 2015-011 https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2015-011.pdf.
3. Population Situation Analysis. /UNFPA, CCD. Chisinau, 2016. 174 p.
4. Stirba V. Principalele surse de înregistrare a mi□cărilor migratorii interne din Republica Moldova // Revista de Filozofie, Sociologie şi Ştiințe Politice.2018. 3(175), 180-186.
5. The Human Cause-of-Death Database. About the Republic of Moldova Data on Causes of Death. https://www.causesofdeath.org/Data/MDA/20170728/MDA_bd.pdf.
6. Табак Т. Эмиграция из Республики Молдова в постсоветский период. Демографическое развитие постсоветского пространства. 2018. С. 275-296. https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44887&p=attachment.

УДК 314:331
Шубат Оксана Михайловна
к.эк.н, доцент, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия
Багирова Анна Петровна
д.эк.н., профессор, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия
Иваненко Григорий Алексеевич
студент, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия
Шубат Марк Игоревич
студент, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия

Вовлеченность населения старшего возраста в прародительский труд: пространственно-статистический анализ[70]

Аннотация. *Реализация потенциала старшего поколения является одной из задач социально-экономического развития России. Цель исследования – оценка региональных различий и пространственных эффектов в процессе вовлеченности населения старшего возраста в прародительский труд. Анализ показал высокую дифференциацию российских регионов по этим показателям и отсутствие схожих ситуаций в этой сфере на географически близко расположенных российских территориях.*

Ключевые слова*: демография прародительства****,*** *прародительский труд, региональная дифференциация, индекс Морана*

Население старшего возраста в России в последние годы часто становится объектом различных научных исследований. Это связано со многими причинами: рост продолжительности жизни и увеличение численности этой категории населения ставят задачи поиска жизненных практик, способствующих активному долголетию; повышение пенсионного возраста актуализирует проблему эффективности труда населения старшего возраста, создания благоприятных условий для реализации ими трудовой деятельности, и т.д. Ученые активно исследуют потенциал старшего поколения и возможности его реализации в разных сферах – профессиональной, политической, семейной, общественной. В зарубежной демографической науке появилась даже особая отрасль демографии прародительства, которая направлена на изучение количественных аспектов этого явления – его распространенности, возраста, структуры и т.д.

[70] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280

Одной из возможных сфер реализации потенциала прародителей традиционно выступает семья. Включение прародителей в выполнение семьей ее социализирующей, психологической, контролирующей по отношению к внукам функций имеет целый ряд положительных эффектов для всех поколений. Российские социологи исследуют в этом процессе прежде всего роль бабушек. Их участие в воспитании внуков порой столь существенно, что представляется возможным говорить о реализации ими особого прародительского труда – труда, в ходе которого прародители выполняют ту или иную часть родительских функций. Демографические аспекты прародительского труда предполагают изучение субъектов этого труда с количественной стороны, для чего прежде всего необходимо выделить субъектов прародительского труда из категории населения старшего возраста. На решение этой задачи с учетом существующей в России региональной дифференциации и направлено наше исследование.

Действительно, Россия является страной со значительным уровнем региональной дифференциации многих социально-экономических, демографических показателей. Уровень этой дифференциации, специфика пространственных эффектов могут в значительной степени детерминировать общестрановую динамику изучаемого показателя. При этом доминирующим в научных, политических кругах является представление о негативных последствиях региональной поляризации и необходимости ее нивелирования. Так, например, Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. предусматривается обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития, направленного на сокращение межрегиональных различий [8]. Вместе с тем, в отдельных исследованиях встречаются позитивные оценки региональной дифференциации. К примеру, В.В. Глинский и Л. К. Серга отмечают, что определенный уровень дифференциации социально-экономических систем полезен и способствует общему развитию [4].

В отношении прародительского труда в России, вероятнее всего, также можно говорить о его региональной неоднородности. На сегодняшний день таких исследований в стране не проводится. Вместе с тем, имеются работы, в которых авторы показывают, что уровень вовлеченности в прародительский труд может иметь страновую, региональную, специфику. К примеру, в исследовании европейских ученых приводятся данные, свидетельствующие о дифференциации включенности прародителей в эти процессы в странах Северной и Южной Европы [1].

Учитывая актуальность изучения прародительства и потенциальную региональную дифференциацию особенностей его проявления, целью настоящего исследования является изучение пространственных эффектов в уровне вовлеченности российских бабушек в процесс прародительского труда.

Методические вопросы исследования

В качестве источника информации использовались данные обследования «Комплексное наблюдение условий жизни населения»,

проведенного Росстатом в 2018 г. [5]. В процессе анализа мы задействовали два вопроса из этого обследования, которые в первом приближении позволяют получить характеристики включенности в процесс прародительского труда.

- доля бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда (от общего числа бабушек в регионе);
- затраты времени бабушек на выполнение ими функций прародительского труда (среднее количество часов в неделю).

Для того чтобы идентифицировать категорию бабушек (в официальной российской статистике нет данных о численности прародителей в регионах), мы использовали показатель среднего возраста матери при рождении детей. В 2018 г. он составил 28,7 года, а в 1989 г. (предыдущее поколение матерей) – 25,5 года [7]. Таким образом, в исследуемую совокупность были отобраны женщины в возрасте 55 лет и старше. В среднем именно в этом возрасте российская женщина становится бабушкой.

Заметим, что в указанном обследовании категория «прародительский труд» не фигурирует. Для идентификации такого труда мы использовали вопросы, которые отражают вовлеченность населения в уход за детьми (своими или чужими) без оплаты. С учетом возрастного критерия, с большой долей вероятности можно предположить, что такой уход осуществляют именно бабушки.

Специфика пространственных эффектов изучалась на основе индекса Морана. Это наиболее широко используемая мера пространственной автокорреляции [3]. Его значимость проверялась на основе z-статистики, а тип пространственной автокорреляции определялся на основе стандартного подхода путем сравнения рассчитанного значения индекса с ожидаемым [2]. Для получения более валидных результатов индексы рассчитывались на основе двух принципиально различных типов матриц – нормированной матрицы пространственных весов (веса нормируются на количество регионов-соседей) и матрицы географических расстояний между регионами (применялась обратная матрица расстояний, в качестве которых использовались кратчайшие автомобильные расстояния между центрами регионов).

Дополнительно в процессе анализа были задействованы данные российской статистики о возрастном составе населения. В частности, использовались показатели численности населения в трех возрастных группах – в трудоспособном возрасте, старше и младше трудоспособного возраста.

Результаты исследования

Проведенный анализ показал, что российские регионы в значительной степени различаются по численности потенциальных субъектов родительского труда. В таблице 1 представлены данные о числе прародителей (бабушек и дедушек) на одного внука (показатель рассчитан как отношение численности населения старше трудоспособного возраста к численности населения младше трудоспособного возраста в каждом

регионе). Как следует из данных, в последние годы наблюдается некоторое увеличение числа потенциальных субъектов прародительского труда: растет общероссийский показатель, а также региональные минимумы и максимумы. При этом наблюдается незначительное снижение степени региональной дифференциации по этому показателю.

Таблица 1 – Число прародителей на одного внука в регионах России (рассчитано по [6])*

Показатель \ Год	2016	2017	2018
Минимум	0,29	0,30	0,32
Максимум	2,04	2,05	2,07
Отношение максимального значения к минимальному	7,0	6,8	6,5
Медиана	1,34	1,33	1,34
67-й процентиль	1,57	1,57	1,57
Значение в целом по России	1,37	1,37	1,39

Вместе с тем, существенных структурных изменений не наблюдается: в половине регионов число прародителей на одного внука не превышает значения 1,34, а в 2/3 регионов –1,57. Не изменяется и состав регионов, в которых фиксируются максимальные и минимальные уровни. В первом случае это Тамбовская и Тульская области, во втором – Республика Чечня.

По уровню фактической вовлеченности в процесс прародительского труда в России также наблюдается высокий уровень региональной дифференциации (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели вовлеченности российских бабушек в процесс родительского труда в 2018 г. (рассчитано по [5])*

	Доля бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда (от общего числа бабушек)	Затраты времени бабушек на выполнение ими функций прародительского труда (среднее количество часов в неделю)
Минимум	9	4
Максимум	25	24
Отношение максимального значения к минимальному	2,8	5,6
Медиана	17	15
67-й процентиль	20	16,3

Рассчитанные индексы Морана, характеризующие пространственную автокорреляцию исследуемых индикаторов (таблица 3), показали, что на сегодняшний день на территории России не сформированы территориальные кластеры регионов, в которых наблюдались бы схожие уровни вовлеченности российских бабушек в процесс прародительского труда.

В отношении доли включенных в прародительский труд бабушек индексы Морана оказались статистически незначимыми; в отношении временных затрат на прародительский труд значимость индексов Морана подтвердилась, однако сами индексы оказались очень невысокими. Такие значения, на наш взгляд, не позволяют говорить о том, что географически близкие российские регионы демонстрируют схожие уровни интенсивности прародительского труда бабушек.

Таблица 3 – Показатели пространственной автокорреляции исследуемых показателей

Показатель	Доля бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда (от общего числа бабушек)	Затраты времени бабушек на выполнение ими функций прародительского труда (среднее количество часов в неделю)
I Морана*	-0,002	0,266
z-значение*	0,134	3,474
I Морана**	-0,032	0,291
z-значение**	0,210	3,407
* - на основе нормированной матрицы пространственных весов; ** - на основе обратной матрицы расстояний		

Проведенный анализ продемонстрировал, во-первых, высокую дифференциацию российских регионов по показателям вовлеченности населения старшего возраста в процессы прародительского труда и его интенсивности, во-вторых – отсутствие схожих показателей на соседних российских территориях. Это подтверждает необходимость выявления специфики региональных ситуаций, сложившихся в сфере прародительского труда, а также возможность использования результатов такого изучения для разработки рекомендаций, направленных на более полную реализацию потенциала населения старшего возраста конкретного региона.

Список литературы

1. Buchanan A., Rotkirch A. Twenty-first century grandparents: global perspectives on changing roles and consequences // Contemporary Social Science. 2018. № 13 (2). PP. 131-144.

2. Fischer M.M. Spatial Analysis in Geography // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Pergamon, 2001. PP. 14752-14758.

3. Moran P. A. P. Notes on Continuous Stochastic Phenomena // Biometrika. 1950. № 37 (1). PP. 17-23.

4. Глинский В.В. Серга Л.К. Территориальная дифференциация социально-экономического развития: стимул или тормоз роста экономики России // Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. 54-63.

5. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018. Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 11.06.2020).

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. – М.: Росстат, 2019. 1162 с.

7. Средний возраст матери при рождении детей (лет) // Демографический ежегодник России-2019. М.: Росстат, 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 11.06.2020)

8. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 13.02.2019 № 207-р.

УДК: 17.022.316.64

Юлдашева Фарида Хужамкуловна
д.филос.н., заведующий кафедрой философии АГУ, г.Андижан, Республика Узбекистан.

Миграция в контексте глобализации

Аннотация. *В условиях глобализации процессы миграции приобретают повсеместный характер, появляются новые формы миграции. В статье рассматриваются вопросы, связанные с миграцией, возникшей в результате глобализации. Анализируется исторический характер миграции и ее влияние на изменение этнокультуры и ценностей нации.*

Ключевые слова*: глобализация, миграция, этнокультура, цивилизация.*

В своем историческом развитии человечество существовало в системе различных форм социальной интеграции. Современная глобализация является высшей формой интеграции. Она возникла в ходе развития объективного исторического процесса. Корни глобализации восходят к древней истории человечества. Тенденции к глобальным изменениям проявлялись на всех этапах исторического развития человечества. Сегодня все сферы общественной жизни, социальное пространство мира охвачены глобализацией.

Демократизация общества усиливает процессы глобализации, а также миграции. Эти два процесса взаимосвязаны. Глобализация развивает миграцию, что влияет и на расширение глобализации. В идеале данные объективные процессы совпадают с интересами всех народов. Они направляют государства и их население к развитию и взаимосвязи. Это в свою очередь, обуславливает взаимовлияние и диалог культур. Субъекты, участвующие в миграции все больше стремятся к глобализации и наоборот. Таким образом, они создают условия для прогрессивного развития наций и их культур.

Позиционирование Узбекистана в социально-культурном пространстве мира и в Центральной Азии, предполагает его активное участие в процессах глобализации и демократизации, в которых не последнюю роль играет

фактор миграции. С этой точки зрения важно рассмотрение истории социально-культурного развития общества в контексте взаимосвязи глобализации и миграции. Единое, все больше унифицирующееся глобальное пространство приобретает новые черты, распространяются глобальная культура и ценности, новые повседневные правила поведения, этика гедонизма.

Данные объективные процессы играют огромную роль в формировании и изменении этнокультуры и национальных ценностей. В настоящее время миграция становится областью изучения этнокультурологических, философских и других гуманитарных наук.

Необходимо отметить, что глобализация происходила постоянно. Особенно с экономическим развитием и расширением взаимосвязи государств и народов, в нее втягивались все больше социальных субъектов. Открытость и синергетичность глобализации способствует усилению миграционных процессов. Миграция носит противоречивый, многогранный, динамичный и иногда, непредсказуемый характер. С миграцией появляются возможности и условия для дальнейшего прогресса общества и возникновения новых видов деятельности. Вместе с тем, миграция часто приводит к неожиданным социально-экономическим и политическим проблемам, межнациональным и межрелигиозным конфликтам и даже войнам.

В настоящее время миграция стала объективной и естественной формой социальной жизни и деятельности людей. С расширением взаимосвязи между государствами и открытием их границ, темпы миграции все больше ускоряются. Миграция приводит к расширению взаимодействий национальных культур и ценностей. Усиление экономических и трудовых межнациональных отношений также способствует взаимодействию культур и ценностей между различными странами и регионами. Формируется диалог культур, носящий особенный характер в каждой стране и у каждой нации.

Миграция культур происходит в рамках глобализации. Независимо от того, какова сущность миграции, экономическая или другая, в итоге меняется культурное и аксиологическое сознание мигрантов. Часто перед нациями возникает проблема защиты своей идентификации. Диалог между национальной культурой и культурой мигрантов, иногда приводит к трансформации их ценностей. Соответственно, появляются новые социальные идеалы, совсем иные представления о культуре и ценностях. Межкультурный диалог помогает развивать этностатус в соответствии с требованием времени и способствует прогрессивному обновлению местной культуры.

На разных этапах истории влияние миграции на формирование этнокультуры шло по-разному. К примеру, Великий Шелковый путь создал большие возможности для развития не только экономической или трудовой миграции. Появились новые возможности для развития культурных и духовных отношений. Великий Шелковый путь не только связывал

Центральную Азию с Европой, но имел огромное стратегическое значение в развитии древней цивилизации и позднее, эпохи Восточного Возрождения.

Как пишет историк А.Хужаев, новая культура, традиции, деятельности – шелководство, ремесленничество, новые продукты сельского хозяйства пришли в Европу через Шелковый путь. Миграция, которая происходила по этому пути, стала важным фактором изменения культурной и духовно – религиозной жизни народов Китая, Центральной Азии и Европы в древности. Данные миграционные процессы изменили не только отношения между народами, населявшими данную территорию, но и этнические особенности этих народов. В результате распространения вначале буддизма, позднее ислама в Китае, сформировался новый этнос – «дунгане», «тунаган» (буквально, тун-ночь, остался на ночь, ночевал). В состав данного этноса входили арабы, персы, турки. Сегодня их число составляет более 8 млн. Распространение новой мировой религии ислама на территории Китая связано с глобализацией и связанной с ней миграцией. [4;91-110].

Или другой пример. В результате влияния религиозной глобализации, в рамках которой происходила военно-завоевательная миграция арабов в Среднюю Азию, на территории Узбекистана сформировалась новая система религиозной культуры, традиций и ценностей. Коренным образом изменился образ жизни местного населения. Религиозная глобализация и миграция привели к тому, что различные народы, отличающиеся по языку, культуре и образу жизни, объединились на основе новой мусульманской культуры. Причиной тому является наряду с другими основными и фактор миграции арабо-мусульманского населения в Среднюю Азию. Следует отметить, что до настоящего времени сохранились арабские поселения на территории Андижанской, Сурхандаринской, Кашкадаринской и других областей и они сохранили свою самобытную культуру. На основе данного фактора произошел синтез различных культур, который превратился в квинтэссенцию культур. В итоге сформировалась великая цивилизация, имеющая мировое значение, обусловленная с одной стороны, исламской культурой и с другой, толерантной особенностью местных народов.

Американский археолог П.Т.Келберт проводил много исследований в области исчезнувших народов, в частности цивилизации майи. Он объясняет исчезновение данной цивилизации с ее быстрым развитием и использованием своего потенциала. «Майя истощили свои ресурсы не только в отношении возможностей и земледелия, но и в смысле организационных возможностей, способности эффективно распределять свои товары и эффективно использовать свою рабочую силу».

В результате постепенного исчезновения социально-экономических и культурных отношений майи с другими народами, и их отделение от других культур, а также отсутствие миграции на территории майи привели к экономическому кризису, к сокращению численности населения и в итоге к исчезновению данной цивилизации. [1;110]

Проводивший много исследований в данной области археолог и антрополог С.Морли и его последователи считали, что города и их все

уменьшающее население не смогли противостоять против экологических катастроф в отдельности, оказались не достаточными их возможности и потенциалы в данном процессе. [1;100] Одним из малочисленных народов, оказавшихся вне глобализации, являются авары. Они в результате великого переселения в VI веке оказались в Центральной Венгрии. Через три века они растворились средидругих народов и сошли с исторической арены. По предположительным прогнозам они вышли из Средней Азии, от племен жуан-жуиней, в которые входили и древние предки тюркских народов. [3;90-100] На примере вышеназванных народов можно предположить, что их исчезновение или сокращение связаны с тем, что они оказались вне глобализации и миграции.

Любая культура сохраняет свою живучесть во взаимоотношениях с другими культурами, где важное место занимают процессы миграции и глобализации. Из всего сказанного следует вывод, что народы и нации сохранили свою особенность благодаря участию в процессах глобализации и миграции, умело использовали их возможности, находились в социально-экономическом и культурном взаимодействии с другими, смогли сохранить и развивать свои ресурсы и национальный потенциал. На этой основе они смогли обеспечить свое будущее.

Как известно, в XX веке Узбекистан находился в центре миграционных процессов. В начале века после революции из России в Узбекистан переехали многие ученые, специалисты, которые способствовали развитию в регионе наряду с экономикой, науки, образования, культуры и искусства. Были созданы научно-образовательные и культурные центры. В годы Великой Отечественной войны в Узбекистан были эвакуированы более 500 тысяча детей-сирот. Многие навсегда остались здесь жить. Также после сильного землетрясения в Ташкенте в 1966 году из всего Советского Союза приехало сотни людей, которые заново строили столицу Узбекистана. Вся архитектура города и в настоящее время отражает культуру и особенности республик тогдашнего СССР.

После распада СССР усилились процессы миграции. В настоящее время в поисках работы, для получения образования некоторая часть населения Узбекистана (и мужчин, и женщин) и в частности, молодежь выезжает в основном в Россию, Турцию, в арабские страны, Южную Корею. Также едут учиться и работать в США, Германию и другие европейские страны. Официально и неофициально в России находились до пандемии более четырех миллионов мигрантов из Узбекистана. Россия, русская культура и образ жизни психологически близко воспринимается среднеазиатскими народами, Сказывается историческая взаимосвязь в составе СССР. Миграция в Турцию и арабские страны обусловлена схожестью языка и общностью религии. С Южной Кореей с самого начала независимости Узбекистана были установлены тесные экономические связи, что ускорило миграцию узбеков именно в эту страну. Конечно, мигранты изучают языки, меняются их ценности, культура, образ жизни, мировоззрение и сознание. Молодежь, которая получает образование за

границей, конечно, усваивает новые современные формы знания, инновационные формы деятельности. Конечно, все эти процессы будут способствовать развитию общества.

Вместе с тем необходимо отметить, что многие мусульмане, которые живут в Европе, в частности, В Германии, в Франции и других странах, не смогли интегрироваться в европейское общество. Чувствуются, что они остаются как бы «людьми второго сорта», проживают в более худших условиях, чем титульная нация. Образуют свои диаспоры и сохраняют свой образ жизни, свою культуру и национальных ценностей. Живут с чувством привязанности к своей Родине и нации. Это означает, что концепция мультикультурализма не всегда совпадает с настоящей жизнью мигрантов. Некоторые последние события в Европе на почве национальных и религиозных конфликтов, активизация религиозных экстремистских и террористических сил означает, что многие проблемы миграции в условиях глобализации остаются не решенными.

Исходя из вышесказанного можно утверждать, что в условиях глобализации все больше развивается миграция и возникают связанные с ней проблемы, от решения которых зависит будущее многих стран и народов.

Список литературы

1. Gullbert P.T. Th Lost Civilization: the Storiy of Classic Maya. N.Y. 1947.P.112.
2. 2.Morli S.G/ The Ancient Maya. Stanford. 1947.-P.110.
3. Эрдели И. Авары.// В кн. Исчезнувшие народы.М.: Наука, 1988.С.99-100.
4. Хўжаев А. Буюк ипак йўли. Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. Давлат илмий нашриёти.Тошкент, 2007. С.91-199.

СЕКЦИЯ 2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ В РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ

УДК 314.7

Абылкаликов Салават Иргалиевич
к. соц. н., ст. преподаватель кафедры демографии, нс НУЛ социально-демографической политики Института демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Динамика численности населения Башкортостана и Татарстана: вклад миграции

Аннотация. *Башкортостан и Татарстан – многонациональные соседние регионы в составе России. В последнее десятилетие усилились различия в их демографическом развитии. Основным компонентом, благодаря которому стремительно сокращается разница в численности населения между республиками, становится миграция.*

Ключевые слова*: Башкортостан, Татарстан, демографическое развитие, рождаемость, смертность, миграция населения*

Республики Башкорстостан и Татарстан имеют много общих черт – обе являются многонациональными республиками в составе Российской Федерации, расположены по соседству, у них схожая структура экономики и сопоставимый уровень социально-экономического развития, титульные народы говорят на родственных тюркских языках и преимущественно исповедуют ислам суннитского толка. В последние десятилетия они сблизились и по показателю численности проживающего в них постоянного населения. Так, на 1 января 2020 года в Башкортостане проживало чуть более 4 млн. чел, тогда как в Татарстане – 3,9 млн. (рис 1).

При этом стоит отметить, что начиная с середины 2000-х годов динамика численности населения республик рассинхронизировалась: в Башкортостане численность населения вначале стабилизировалась, а затем начала сокращаться, тогда как в Татарстане – возрастать. Согласно уравнению демографического баланса, процессами, определяющими изменение численности населения за определенный интервал времени, являются соотношение рождаемости и смертности (естественный прирост), а также разность между числом прибывших и выбывших (миграционный прирост).

Определенные изменения также могут вносить административно-территориальные преобразования. В последние десятилетия существенных изменений внешних границ республик не происходило, а вклад остальных компонентов динамики численности будет проанализирован в данном докладе.

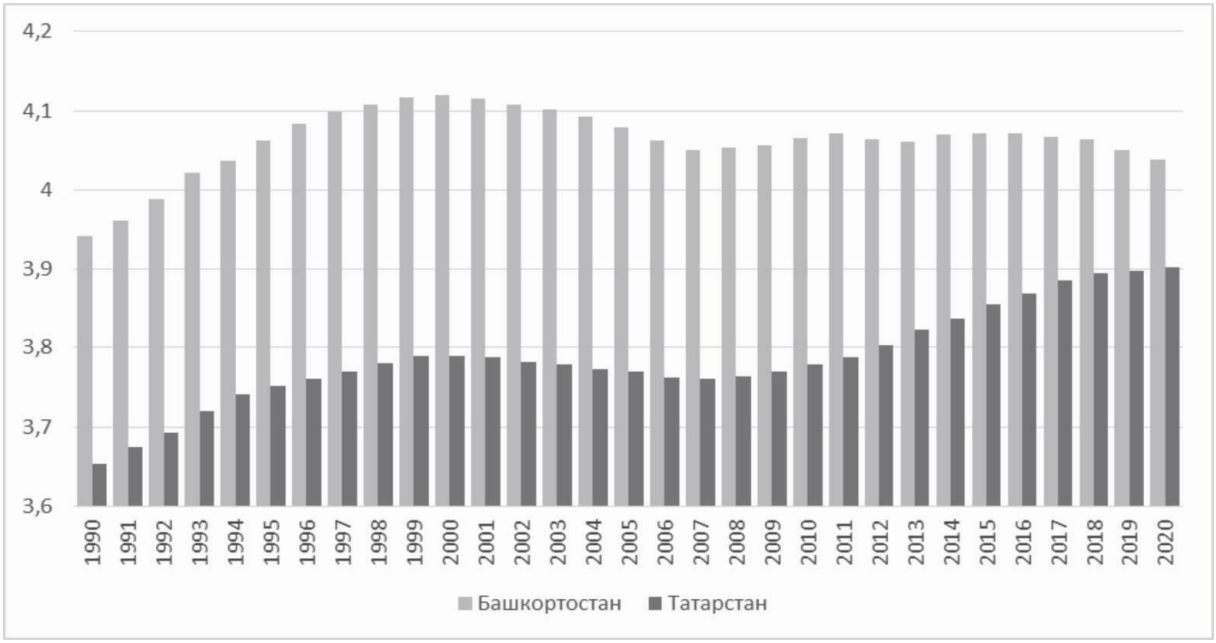

Рис. 1 Динамика численности населения Башкортостана и Татарстана в 1990-2020 гг., млн чел.

Составлено по ЕМИСС

В 1990-2018 гг. коэффициент суммарной рождаемости (число детей, рожденных одной женщиной на протяжении ее репродуктивного периода в условном поколении) в Башкортостане заметно (более чем на 0,1-0,2) превышал показатель для Татарстана (рис. 2).

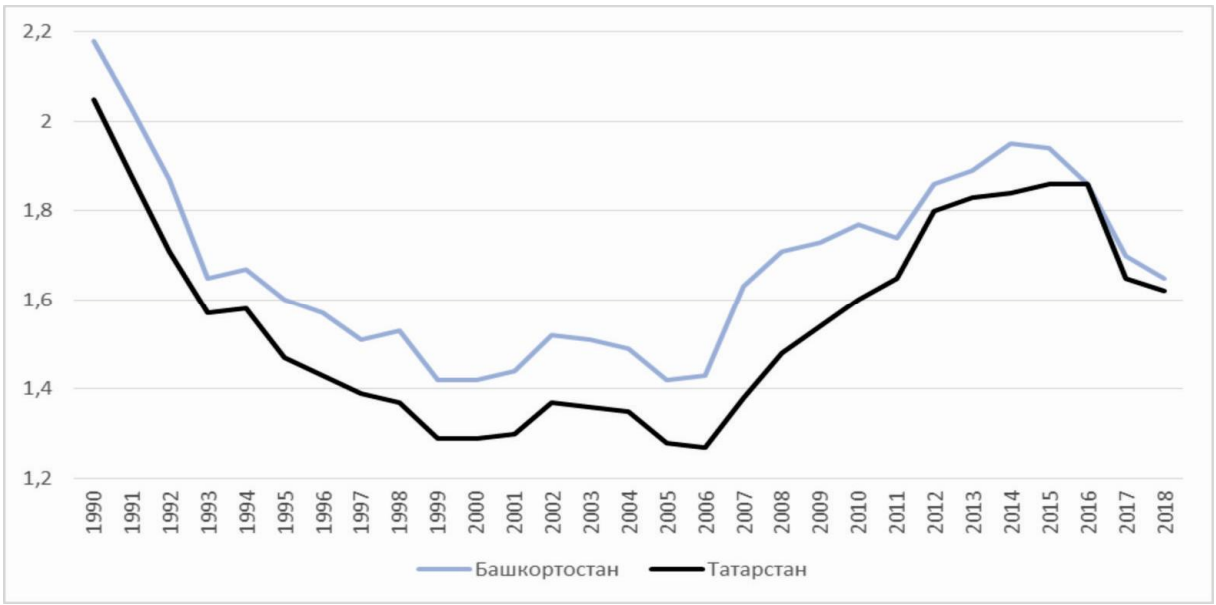

Рис. 2 Динамика коэффициента суммарной рождаемости в Башкортостане и Татарстане в 1990-2018 гг.

Составлено по ЕМИСС

Если в Башкортостане рождаемость выше, то со смертностью и миграционной привлекательностью дела в республике обстоят хуже, чем у соседнего региона (рис. 3). Одним из важнейших показателей, характеризующих уровень смертности, является ОПЖ при рождении – чем дольше в среднем живут проживающие в регионе люди, тем, соответственно ниже смертность. С середины 2000-х в обеих республиках начался быстрый рост продолжительности жизни, тем не менее, в Башкортостане и базовый уровень и темпы роста были чуть ниже, поэтому в 2018 году разрыв с Татарстаном достиг значения в 2,3 года (а с общероссийским уровнем – чуть менее 1 года).

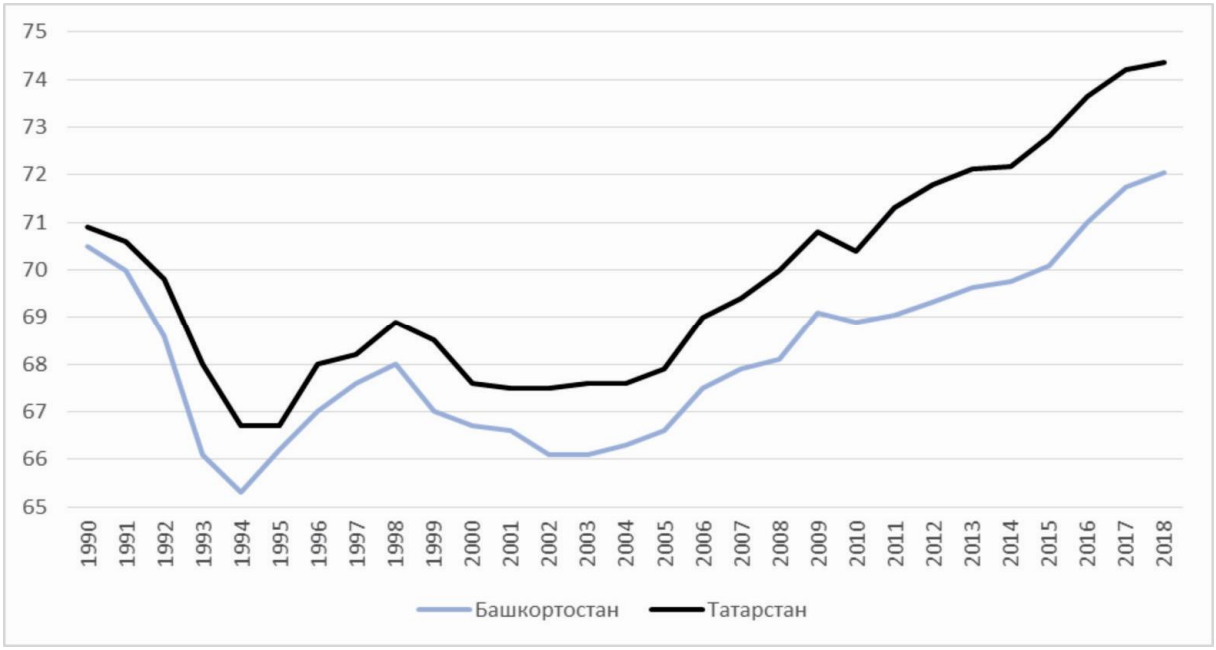

Рис. 3 Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Башкортостане и Татарстане в 1990-2018 гг., оба пола

Составлено по ЕМИСС

В качестве характеристики миграционных процессов, влияющих на динамику численности населения, можно использовать коэффициент миграционного прироста, рассчитанный как превышение числа прибывших над выбывшими в результате внешней по отношению к субъекту РФ миграции (т.е. международной и внутрироссийской межрегиональной) на 10 тыс. постоянных жителей. Начиная с 2010 года, лишь в 2013 году в Башкортостане наблюдался положительный миграционный прирост, тогда как Татарстан все наблюдаемое время являлся привлекательным для мигрантов.

Если разница в численности населения республик на начало 2010 года составляла 284 тыс. человек, то к 1 января 2020 года сократилась практически в 2 раза и составила всего 135,3 тыс. человек. За это десятилетие естественный прирост в Башкортостане составил 18,8 тыс. человек (544,4 тыс. родившихся и 525,6 умерших), тогда как в Татарстане втрое больше, 58,1 тыс. чел. (517,3 тыс. родившихся и 459,2 тыс. умерших) (рис. 5, 6).

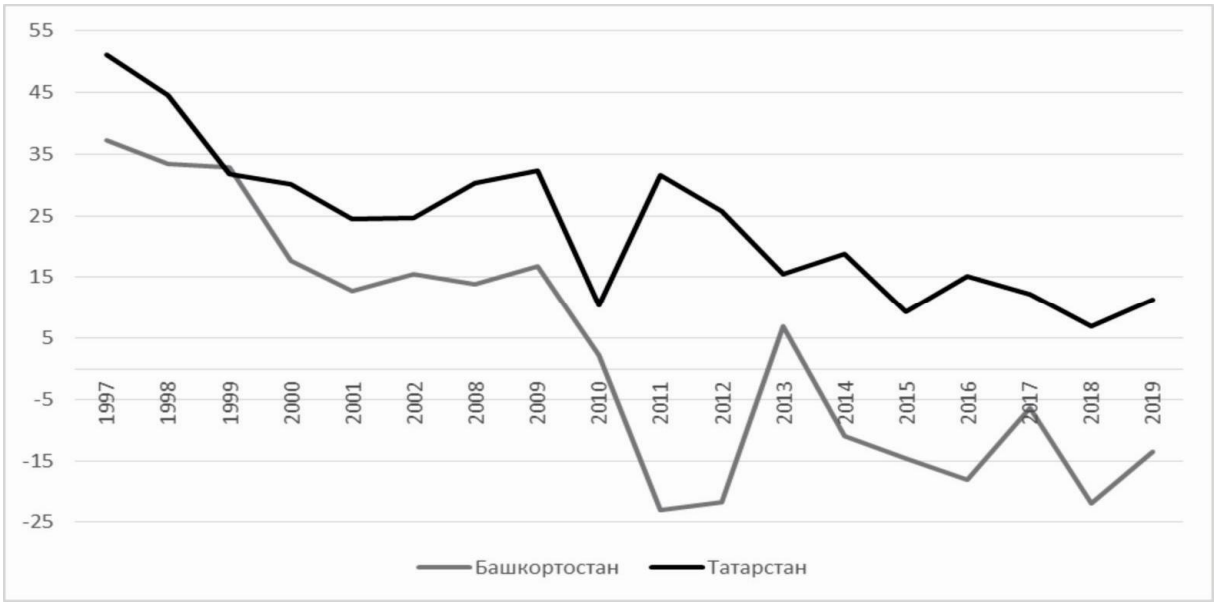

Рис. 4 Динамика Коэффициента миграционного прироста (на 10 тыс. человек) Башкортостана и Татарстана в 1997-2019 гг.
Составлено по ЕМИСС

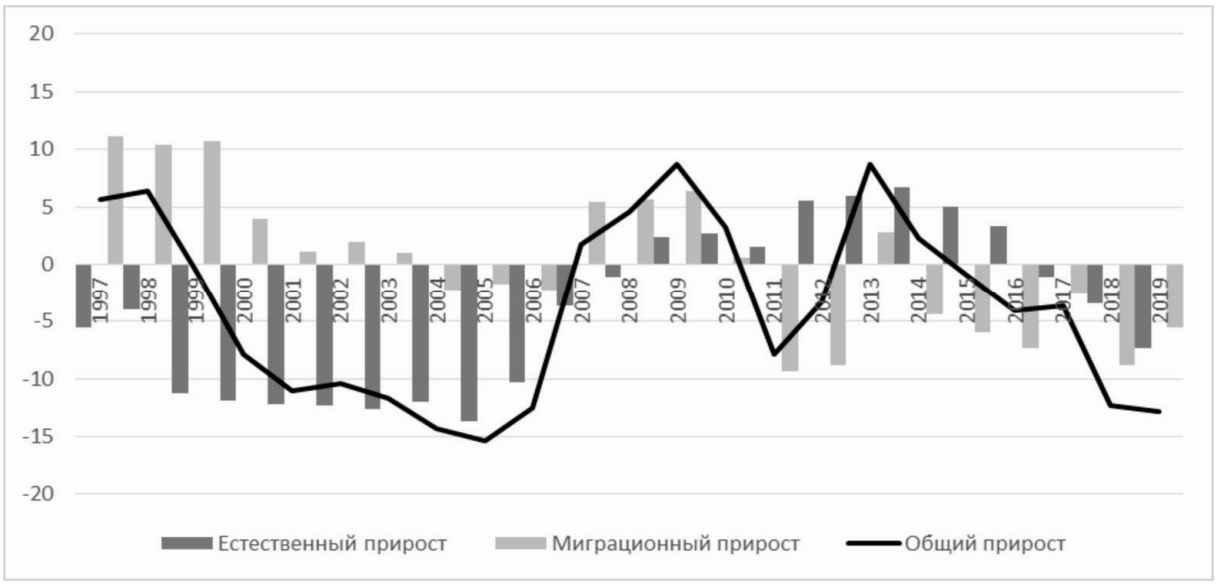

Рис. 5 Компоненты прироста населения Республики Башкортостан, тыс. чел.
Составлено по ЕМИСС

Главным компонентом, благодаря которому столь стремительно сократилась разница в численности населения между соседними республиками стала миграция. За десятилетие в Башкортостане миграционная убыль составила почти 50 тыс. человек, тогда как в Татарстане – миграционный прирост, немного превышающий 60 тыс. человек. Причем для Башкорстостана характерен миграционный режим, сочетающий прирост в международной миграции (+33 тыс. чел в 2010-2020 гг.) с сильным оттоком во внутрироссийских межрегиональных перемещениях (-82,5 тыс. чел). Таким образом, сокращение «отставания» Татарстана от Башкортостана по численности населения в последнее десятилетие на три четверти обусловлено миграцией.

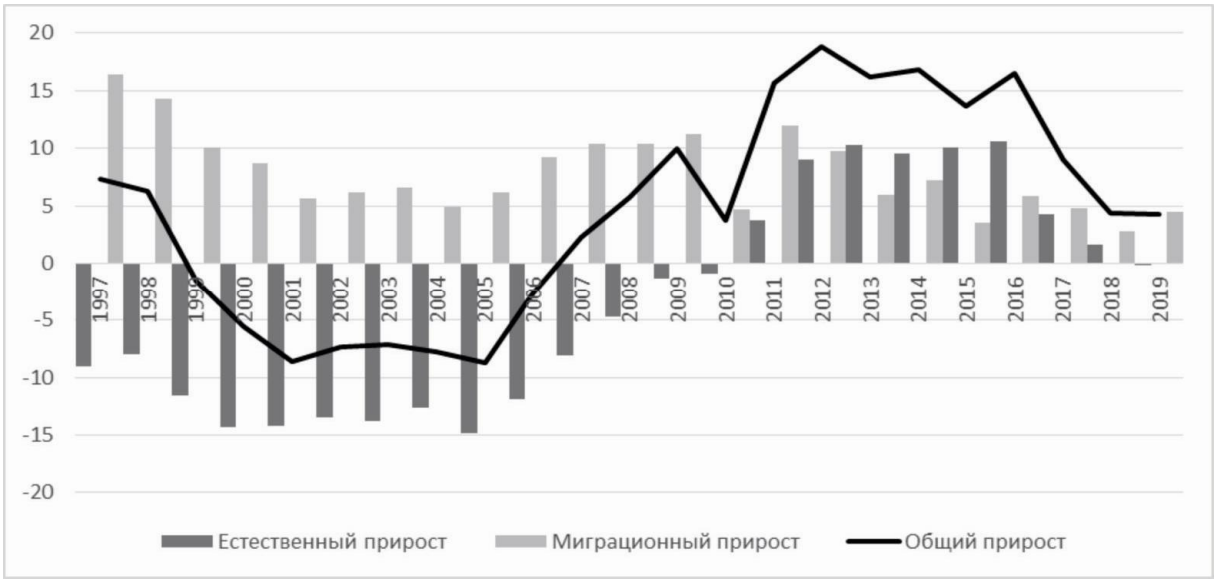

Рис. 6 Компоненты прироста населения Республики Татарстан, тыс. чел.
Составлено по ЕМИСС

Согласно последнему на текущий момент официальному прогнозу Росстата, по среднему (наиболее вероятному) варианту, среднегодовая численность населения Республики Татарстан превысит численность Башкортостана в 2028-2029 годах, по высокому (оптимистичному) варианту прогноза – в 2031-2032 годах, а по низкому (пессимистичному) сценарию – в 2027-2028 годах (рис. 7).

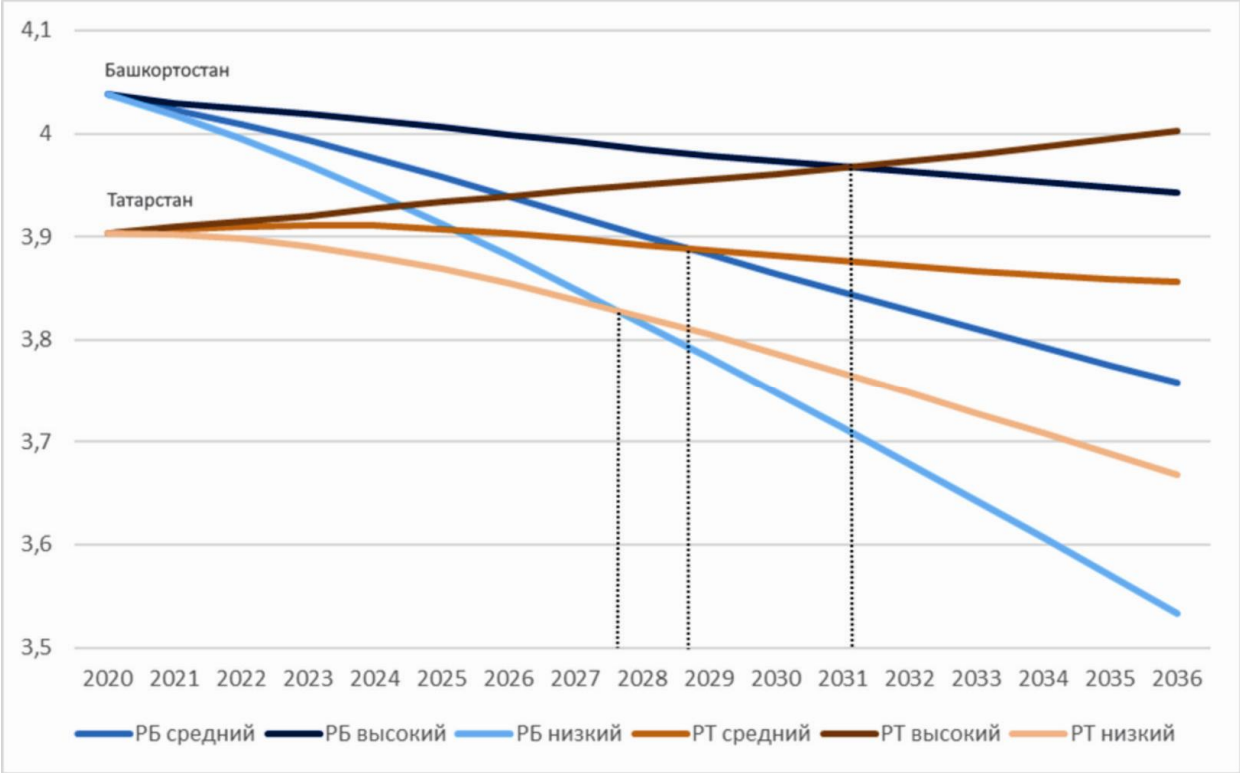

Рис. 7 Прогнозируемая численность населения Башкортостана и Татарстана, млн чел.
Составлено по стат. бюл. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года

Башкортостан, по сравнению с соседним Татарстаном, имеет более высокую рождаемость, но с очень высокой вероятностью, уже в ближайшее десятилетие численность населения соседней республики станет больше. Произойдет это по двум фундаментальным причинам – из-за более высокой смертности, но в первую очередь – из-за бóльшей миграционной привлекательности.

Список литературы

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Статистический Бюллетень. М.: Росстат, 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285 (дата обращения: 01.09.2020).
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] URL: https://www.fedstat.ru/ (дата обращения: 01.09.2020).
3. Демоскоп Weekly. Приложения [Электронный ресурс] URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения: 01.09.2020).

УДК 3.31

Амен Асхат Жангелдиулы
магистр социологических наук, старший преподаватель Западно-Казахстанского университет им. М. Утемисова, г. Уральск, Республика Казахстан
Кенжегулова Алия Александровна
магистр социологических наук, старший преподаватель Западно-Казахстанского университет им. М. Утемисова г. Уральск, Республика Казахстан

Вопросы развития межэтнических отношений в Казахстане

Казахстан - уникальное государство в Центральной Азии с уникальным характером, сочетающее европейские и азиатские черты и объединяющее различные культурные и политические модели мира. В настоящее время люди разных национальностей живут вместе, поэтому национальная политика страны придерживается концепции «единства разнообразия». Конечно, гармония разных культур и традиций не случайна, этому есть много исторических причин. Однако в наше время у нас есть возможность овладеть лучшими достижениями евразийской и азиатской культуры. Таким образом, мы видим, что в своем этнополитическом пространстве Казахстан начал практически формировать национальную идею «межнационального единства» на уровне гармонии отношений. Это нашло отражение в создании в стране Ассамблеи народа Казахстана, ее эффективном функционировании.

В каких условиях сегодня возможен синтез, интеграция и интеграция культурных ценностей различных этнических сообществ в стране? Вопрос законный. На чем основывается сближение ценностей? Конечно, известно, что эта система отношений деформировалась на протяжении многих лет. Речь идет об этнокультурном пространстве Казахстана в социальной среде, в которой «социалистический принцип» утвердился в постсоветский период. Поэтому наша страна стала известна как «лаборатория дружбы народов» и стала удобным местом для жизни, работы и становления гражданином своей страны любому гражданину Советской Социалистической Республики. Такому гражданину необязательно было знать язык, менталитет, традиции, обычаи, религию местного населения, ему было достаточно информации и данных на русском языке. И эта ситуация значительно снизила ценность культуры казахского народа, которая оценивалась только как мир, который нужен самим казахам. Казахи, утверждающие, что пьют из источников «развитой цивилизованной культуры», начинают смотреть на свою национальную культуру с некоторой поверхностностью. Таким образом, в историческом процессе «отчуждение национальных ценностей» как особое явление начинает проникать в этноорганизм.

Несомненно, что в условиях современного Казахстана существует необходимость в гармоничном развитии межнациональных отношений. Очевидно, что это должно осуществляться не путем изоляции мира ценностей главного народа Казахстана - казахов от других моделей этнокультуры, а путем сближения их с культурным пространством других этносов. В некоторых исследованиях утверждается, что культурные ценности казахского народа являются основой межэтнического культурного синтеза, сосуществования, взаимодействия в культурном пространстве страны в целом только в том случае, если они соответствуют природе общечеловеческих ценностей [1, с. 37]. Говорят, что успех процесса консолидации народа Казахстана, независимо от религии, менталитета, языка, чтобы стать единой социальной структурой, его будущее зависит от рационального выбора и развития вектора мировоззрения и его направления.

Несколько вариантов этносоциальной хронологии пути Казахстана в истории независимости можно найти в гуманитарной сфере. Среди них авторская позиция казахстанского исследователя А. Н. Нысанбаева. Он написал в отрывках из государственной программы «Культурное наследие» «15 лет независимости Казахстана: формирование нового общественного сознания». Алматы: Институт философии и политологии, 2006.-187с. В его работе отмечены следующие моменты. Автор «Как сохранить уникальность Казахстана как евразийской державы, где Восток и Запад, Юг и Север встречаются на цивилизованном пространстве?» Ответы на такие сложные вопросы выявляются и переплетаются в способах решения этнических проблем. Сделан вывод, что в социальных науках существует несколько вариантов и сценариев решения проблемы, и все они представлены на уровне общественного сознания. «Первый ответ был связан с высоким уровнем казахского национального самосознания. Растет интерес к истории

и культуре родного края, что подтверждает, что историю народа невозможно стереть или уничтожить. Однако это исторически законное и оправданное настроение подпитывает этнократические тенденции. Конституция 1993 г. закрепила идеологию этнократии на первых позициях. В ответ началась массовая миграция русскоязычного населения. Этнические русские начали переезжать в Россию, а этнические немцы - в Германию. Из Казахстана уехали в основном квалифицированные специалисты с высшим образованием. В результате население республики сократилось на 1 миллион, а экономика потеряла трудоспособный персонал »[2. с. 66].

Полностью согласен с первой частью приведенного выше утверждения. Естественно, что все общины, обретшие независимость, радикально изменили свою историю и культуру и потребовали найти истину, истину проблемы. Что касается вывода о том, что «Казахстан потерял квалифицированных специалистов и кадры», то есть второй части, с ним можно поспорить. Это связано с тем, что экономика страны не стагнировала из-за «переселения» (миграция не была вызвана политическим или идеологическим давлением, другими словами, искусственными действиями, такими как насилие). Это было связано с неспособностью советских социалистических экономических принципов работать в новых условиях и тем фактом, что рыночные отношения не могли сразу набрать силу в социальном пространстве. Обучение - это проблема, которую можно решить в короткие сроки. Было ясно, что вопрос миграции в целом и настроения тех, кто ищет лучшей жизни, с другой стороны, не может пошатнуть основы нашей аграрно-сырьевой экономики в стране. Следовательно, слабость приведенных выше трактовок в том, что местное население постоянно неразвито в цивилизованном плане, и только благодаря европейским специалистам в стране экономика страны обеспечивается на высоком уровне.

Далее автор отмечает, что второй этап решения межнациональных проблем начинается с принятия новой редакции Конституции 1995 года. «Его первая статья категорически отвергает идеологию этнократии. Субъектом государственности сегодня признан «народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой». На древней казахской земле только он формировал свою государственность. Это означает, что Конституция строится по иной концептуальной схеме, чем прежде: казахский этнос, как доминирующий, берет на себя большую ответственность за свою судьбу и в то же время объединяет все другие этносы в единое целое - народ Казахстана. Спустя десятилетия этой должности изучение императивов гармонии и взаимопонимания, поиск общей казахстанской идеи, формирование сложной системы чувств, мыслей и идей, которая объединит и объединит многочисленные этносы Казахстана в единый мир. Спустя десятилетия, благодаря работе и инициативе Президента Нурсултана Назарбаева, казахстанская модель межнационального согласия, пользующаяся поддержкой мирового сообщества, будет сформирована и реализована» [2, с.67]. Конечно, известно, что межнациональное согласие в любой социальной среде

устойчиво и гармонично только в том случае, если оно основано на принципе толерантности. Однако любая социальная модель не только основана на определенной устойчивой традиции, но и должна постоянно выбирать путь модернизации, то есть модернизации, и эти изменения имеют глубокий конструктивный смысл, когда они руководят социальной средой, развивающимися сообществами.

Автор, кажется, слишком критически относится к шагам казахского народа на пути к самоопределению как нации и свободному духовному развитию своей этнической идентичности, заявляя, что преобладающая ранее «идея этнократии» будет отвергнута. Все эти шаги являются необходимыми корректировками в истории страны, восстановлением истины после семидесяти лет социалистической национальной политики, и кажется уместным понимать их как «возрождение истории, национальное возрождение». И теперь мы можем поддержать мнение, что для того, чтобы феномен «казахстанский народ» оставался стабильным и развивался на концептуальном уровне, у казахстанского народа есть исторический период, в котором он должен взять на себя главную ответственность за будущее нашей страны. На самом деле быть ведущей нацией - это, с одной стороны, честь, а с другой - великий исторический долг, историческая задача. Конечно, ведущая этническая группа как основная социальная единица в современной истории страны должна заботиться о других и жить в сплоченном целом, которое может служить объединяющей силой в качестве этнического сообщества. Именно поэтому мы можем подчеркнуть, что мы можем сохранить целостность общества в целом, своевременно и оптимальным образом решая вопросы по различным аспектам этнических интересов казахского народа. На первый взгляд, эти шаги могут быть националистическими, предпочтительными для одной нации. Однако наиболее эффективный способ решения проблемы - это полагаться на открытость и демократию. Следовательно, он предлагает варианты, которые не наносят ущерба интересам других (других этносов), и только тогда становится ясно, что социальная модель будет иметь региональный характер в обществе.

Затем автор в своей работе обсуждает тенденции развития межнациональных отношений в стране: «Новая Конституция, изменившая направление национальной политики государства, остановила миграцию русскоязычного населения. Те, кто не нашел счастья в других странах, стали возвращаться в республику и стали признавать Казахстан своей главной родиной. Казахские репатрианты, которые начали возвращаться на историческую родину, принимаются и размещаются в рамках государственной программы. Постепенно доля населения росла, и даже через несколько лет они стали составлять 60% от общей численности населения республики» [2. с. 67]. Конечно, как было сказано выше, действительно, такие вопросы миграции наблюдались, когда на повестке дня стоял вопрос объединения Казахстана, и эти политические и культурные тенденции продолжаются. Однако надо учитывать, что большая часть русскоязычного населения сохраняет стабильное положение и является

постоянным гражданином нашей страны. Еще одним аспектом решения большой проблемы стало то, что казахстанские репатрианты стали приезжать в страну на квотной основе. Следует отметить, что это попытка компенсировать и исправить зверства, совершенные против казахского народа тоталитарными режимами. Однако известно, что ассимиляция казахстанских репатриантов в страну и их адаптация к новым условиям прошла несколько сложных этапов, и этот вопрос не потерял своей актуальности и важности для поиска оптимального решения.

«... В этом новом социально-культурном масштабе этнические разногласия в общественном сознании постепенно уменьшаются. Наблюдается устойчивая и позитивная тенденция к разрешению межнациональных конфликтов, и в то же время есть признаки формирования исторической общности под названием народ Казахстана, объединенной общей системой ценностей. Когда некоторые политологи слышат термин «казахстанцы», они думают о понятии «советские люди», которое теоретически является банкротом. Следует отметить, что «Казахстанцы» основаны на совершенно ином теоретическом понятии. Если «советский народ» формируется путем угнетения, ассимиляции и ассимиляции личности, то «казахстанский народ», наоборот, воспринимается как единство и солидарность, основанные на развитии и процветании отдельных культур, то есть национальных образов ...» [2, с.67] Важность национального единства и межнационального сотрудничества в современной социальной реальности страны можно увидеть в словах эксперта. Однако следует отметить, что в Казахстане есть только одна нация - казахская нация, а не «казахстанская нация». Остальные (малые или большие) - этнические группы, то есть этнические диаспоры. И если у них есть ограниченные возможности стать полноценным историческим субъектом в унитарном государстве и опираться на историческую логику, то в основном они могут заниматься вопросами этнической идентичности, системой этнокультурных артефактов. Следовательно, можно сказать, что в этом секрет стремления казахов контролировать процессы в обществе, то есть быть такими активными.

Исследователь в области гуманитарных наук в Казахстане В.Д. Курганская, основываясь на своем конкретном социологическом исследовании, считает, что путь улучшения межэтнических отношений в Казахстане связан с более активным участием различных этнических групп в управлении государством. Он заявляет, что проблема миграции в стране, особенно возвращения русскоязычных граждан на историческую родину, напрямую зависит от доминирования казахов в правительстве и распространения казахского языка как государственного [3, с.98]. Следует отметить, что существует множество аргументов в пользу того, что права русскоязычных граждан в нашей стране не ограничиваются. По информации СМИ, в образовательных учреждениях и службах всех уровней ограничений на личное выражение на русском языке нет, напротив, созданы максимальные условия. К сожалению, за двадцатилетнюю историю нашей независимости среди русскоязычных граждан редко упоминается низкий

уровень желания изучать государственный язык. Таким образом, на стыке интересов все проблемные аспекты межнациональных отношений выявляются и не могут быть обойдены, а должны решаться на основе толерантности и взаимоуважения. Уровень цивилизованности и культурной силы народов отражается в умении разрешать конфликты соглашением.

Исторический период независимости выявил скрытый потенциал многих народов. Идея диалога современных цивилизаций, культур, религий и народов не могла быть поддержана казахстанским обществом. В конце концов, это должен быть шаг, вытекающий из логики самой общественной жизни. Каждая цивилизация, религия и нация выполняет свою миссию. Национальная целостность, национальное процветание по своей смысловой структуре не противоречит цивилизации и диалогу между народами, а, напротив, благодаря им приобретает большую энергию и приобретает новый характер.

По сравнению с описаниями «Словах назидания» Абая в национальном образе казахского народа, «претерпел ли он существенные изменения в современную эпоху глобализации или не превзошел по размерам традиционную культуру прошлого?» Также возникает вопрос. Конечно, кардинально изменить национальный характер сложно. Таким образом, несмотря на эффективные процессы современного новаторства, модернизации, обновления, наблюдается сохранение национального характера, основополагающих черт национального образа, сформировавшегося веками. Аккуратность и дисциплина немецкого народа, народов Востока - корейцев, китайцев, японцев и др. Напряженная работа народов недостаточно для казахов. Однако отрадно, что у казахстанской молодежи есть страсть к знаниям, склонность изучать другие языки, быть в числе победителей в олимпиадах по различным дисциплинам, а количество наших студентов и докторантов за рубежом растет. Сегодня мечта Шакарима и Магжана «Я верю в молодость» сбылась, но перед интеллектуалами стоит задача создать систему гуманистических духовных ценностей в мировоззрении молодых людей, ставших жертвами потребительской психологии, чтобы реализовать эти возможности.

Диалог культур основан на требованиях человеческой и общественной жизни. Библер В.С. В его концепции «диалог культур» продвигает особый цикл внутри культуры. Он пишет: «Каждая культура - это видео с лицемером Янусом». Он также много внимания уделяет своей жизни в ином мире, другой культуре, себе, чтобы изменить и дополнить свою жизнь» [4, с.37]. На самом деле, бывают случаи, когда мы выходим за рамки двусмысленности. Однако каждая культура должна принимать ценности других только при сохранении своей оригинальности. Без этого имитация может привести к механическому дублированию и потере внешнего вида. На языке философии это источник этнической идентичности. К сожалению, в случае с Казахстаном некоторые люди начинают безразлично относиться к родному языку, менталитету, менталитету, обычаям и традициям.

Известно, что многие интеллектуалы, как сегодня, так и в прошлые века, говорили, что казахский язык отлично подходит для гармонизации

социального и культурного потенциала и межнациональных отношений. Казахский поэт М. Жумабаев констатирует, что в начале XX века казахский язык имел свои особенности: «... Среди современных тюркских языков нет языка богаче, сложнее и глубже казахского. Турецкие дети, которые утверждают, что говорят по-турецки, однажды придут к казахскому языку. Я хочу использовать казахский язык. Он все еще в обращении. Язык татарской литературы с каждым годом приближается к казахскому. Если однажды язык турецких детей будет единым, а основой единого языка станет казахский язык, то, конечно, в будущей истории турецкого народа казахский народ займет его место. Мы твердо верим, что будущее будет таким» [5]. Очевидно, что приведенные выше выводы будут несколько противоречивыми аргументами для респондентов, скептически относящихся к казахскому языку в полной мере выполнению функции государственного. В целом положительный имидж казахского языка в гармонизации межнациональных отношений в стране еще полностью не сформирован. Можно сказать, что для его формирования было приложено недостаточно усилий. Это связано с тем, что в этом смысле политический и культурный опыт постсоветского пространства, характер определенных шагов не был использован в нашей стране.

Как известно, сегодня характер политических процессов в Казахстане и на евразийском пространстве существенно изменился. Каждая из советских республик уже установила свою суверенную государственность. Обретшие независимость тюркские народы не терпят засилья казахского языка. Несмотря на то, что проводились некоторые международные конференции по тюркологии, трудно с уверенностью сказать, что культурная и духовная интеграция и контакты тюркских народов эффективны. И сейчас нельзя сказать, что глубина социально-экономических связей достаточно высока. Скорее, есть тенденция находиться на определенном расстоянии и соревноваться друг с другом. И сложно сказать, что «взаимодействие языков осуществляется гармонично». В эпоху глобализации существует понимание языка как универсального инструмента для познания мира, его духовного развития, его уровня социального и политического регулирования в обществе. В настоящее время во всех странах язык в основном используется для развития экономики, науки, технологий и становится активным средством обмена информацией. Конечно, известно, что он играет важную роль в мире межнациональных отношений, но необходимо выбрать гармоничный способ его адаптации.

Список литературы

1. Общечеловеческие и национальные ценности в изменяющемся обществе. Алматы: Ақыл кітабы, 1997.220с.

2. Нысанбаев Ә.Н. Егемендікке ие болу мен ныгаюы жағдайындағы қоғамдық сананың эволюциясы және жаңа құндылықтар жүйесінің қалыптасуы// Тәуелсіз Қазақстан философиясы. Астана: Аударма, 2006.544с

3. Курганская В.Д. К вопросу о межэтнической интеграции в Казахстане//Германия-Центральная Азия – диалог культур: история, современность, перспективы. Алматы, 2002. 288с.
4. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения)//Вопросы философии. 1989. №6. С. 31-42.
5. Жұмабайұлы М. Педагогика. Алматы, 1992.115 с.

УДК 314.116
Анайбан Зоя Васильевна
д.ист.н., ведущий научный сотрудник Отдела Истории Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия

Динамика развития этнодемографических процессов в современной Хакасии

Аннотация. *Статья посвящена исследованию этнодемографической ситуации в Республике Хакасия и определению ее основных тенденций развития в современный период. В настоящее время в числе специфических черт этнодемографических процессов в данном регионе следует назвать, с одной стороны, хотя и не столь значительный, но все же рост общей численности населения, с другой, – отмечаемую на протяжении последних лет естественную убыль населения и тенденцию ее роста. Анализ показал, что одной из острых демографических проблем Хакасии является сохраняющийся высоким показатель смертности населения. Работа основана на материалах официальной статистики.*
Ключевые слова: *Хакасия, население, демография, этнический состав, рождаемость, смертность, миграция.*

Данная работа посвящена исследованию сложившейся на сегодняшний день этнодемографической ситуации в Республике Хакасия и определению ее основных тенденций развития. При этом для анализа мы берем лишь последние пять лет и акцентируем внимание на специфике и изменениях, характерных для этого периода. Эмпирическую базу исследования составили материалы официальной статистики, содержащие ценную и достоверную информацию о состоянии и динамике изменения этнодемографических процессов в исследуемом регионе, которые содержатся в статистических сборниках и пресс-выпусках Управления федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат).

Как мы знаем, в развитии современных этнодемографических процессов в разных субъектах Российской Федерации много общего, однако, в каждом из них имеются свои специфические отличия. При этом социально-экономические показатели, условия и уровень жизни жителей являются

основными факторами благоприятного демографического развития любого региона. Не случайно, в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию, говоря о демографических проблемах российского общества, Президент Российской Федерации В.В. Путин особо подчеркнул, что «… есть острейшая проблема, которая является прямой угрозой нашему демографическому будущему, – это низкие доходы значительной части наших граждан, семей» [Послание президента…, 2020, с.2]. О важности и неотложности решения демографических проблем свидетельствует принятие в конце 2018 г. стратегического документа – национального проекта «Демография», направленного на улучшение этнодемографической ситуации в стране [Национальный проект…, 2018]. Необходимо отметить, что в настоящее время негативно влияет и в итоге серьезно ухудшает без того сложное социально-экономическое положение и этнодемографическую картину появление и распространение ранее неизвестного в мире вируса COVID-19. Таким образом, изучение современных этнодемографических процессов в разных регионах Российской Федерации с учетом их локальных особенностей является сегодня особенно актуальным и без преувеличения относится к числу приоритетных задач исследования российского научного сообщества.

По данным Управления федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва на начало 2020 г. в Хакасии проживало 534262 человека [О демографической ситуации…, 2020, с. 1]. В динамике численности населения за последние пять лет наметилась едва заметная, но все же тенденция роста. Так, в 2014 г. этот показатель был чуть меньше и насчитывал 534079 человек [Оценка численности населения на 1 января 2014 года…, 2014, с.1]. Доля горожан в регионе более чем вдвое превышает долю сельских жителей – соответственно 69,8% и 30,2% [О демографической ситуации…, 2020, с.1]. Отмечаемый в республике постепенный рост численности городского населения происходит за счет снижения числа сельчан. Например, не так давно (2014 г.) эта пропорция составляла 63,7% и 32,7% [Оценка численности населения на 1 января 2014 года…, 2014, с.1]. Несмотря на то, что в Хакасии процент городских жителей заметно выше, чем во многих других сибирских регионах, все же он ниже, чем в составе населения и Сибирского федерального округа, и Российской Федерации в целом. В общей численности населения женщин немного больше, чем мужчин. В настоящее время доля женского населения составляет 53,5% [Численность населения…, 2019, с.1].

В Хакасии удельный вес лиц старше трудоспособного возраста составил 23,9%, младше трудоспособного – 22,0%. Чуть более половины жителей республики являются людьми активного трудоспособного возраста. На 1 января 2019 г. численность таковых достигала 54,1%. [Численность населения…, 2019, с.1]. Между тем, как видно по данным официальной статистики, за последние десять лет отмечается некоторое сокращение этой категории населения. Так, в 2010 г. этот показатель был 61,7%, т.е. на 7,6% выше [Итоги Всероссийской переписи …, 2012, с.4].

Как известно, Республика Хакасия отличается по представительству титульной национальности. По итогам последней Всероссийской переписи населения 2010 г. численность хакасов в республике составила лишь 12,1%. Большинство населения Хакасии представлено русскими (81,7%) [Итоги Всероссийской переписи …, 2012, с.9]. Можно предположить, что это соотношение за последние десять существенно не изменилось. Традиционно хакасское население в большинстве своем является сельским. И по сей день примерно две трети из их числа живут в сельской местности. Наиболее компактно сельские хакасы расселены в Аскизском и Таштыпском районах. Хакасы-горожане преимущественно проживают в столице республики – г. Абакане.

Важно отметить, что в Хакасии наблюдается, хотя и не столь значительная, но все же тенденция увеличения ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Так, если средняя продолжительность жизни в 2002 г. равнялась 61,2 годам, в 2006 г. – 64,5 годам, в 2012 г. – 67,6 годам, то в 2019 г. она достигла уже 71,05 года. Вместе с тем, эти данные все ниже аналогичных данных как по многим другим регионам, так и по Российской Федерации в целом, где в прошлом году (2019 г.) ожидаемая продолжительность жизни впервые в истории России превысила 73 года. Безусловно, во многом это обусловлено позитивными социально-экономическими сдвигами в стране, пропагандой и внедрением здорового образа жизни среди населения, охраной материнства и детства. Вместе с тем, согласно демографическому прогнозу, представленному Красноярскстатом, в Республике Хакасия общероссийский показатель 73 года будет достигнут, увы, только к 2027 г. [Хакасский республиканский…, 2020, с. 53].

Увеличение общего коэффициента рождаемости в данном регионе после наблюдавшегося длительного спада впервые обозначилось в начале 2000-х и в дальнейшем эта цифра стала постепенно расти. Как мы отмечали в своих предыдущих публикациях, на тот период это было обусловлено принятием известного положения о материальном вознаграждении за рождение второго ребенка, так называемого «материнского капитала». Сегодня общий размер материнского капитала существенно возрос и для семьи с двумя детьми составляет 616 617 рублей. Однако, вопреки ожиданию, за последние два-три года показатель рождаемости несколько снизился. Так, например, в 2019 г. численность родившихся в Республике Хакасия составила 5568 человек и уменьшилась по сравнению с предыдущим годом на 639 человек, суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину) снизился с 1,71 в 2018 г. до 1,59 в 2019 г. [Численность населения…, 2019, с.1]. И, как справедливо замечают многие специалисты, данное обстоятельство во многом объясняется тем, что сегодня в основном заключают браки и создают семьи малочисленное поколение, рожденное в 90-е годы прошлого столетия.

Особо следует сказать, что на протяжении длительного времени здесь остается стабильно высоким коэффициент смертности и, к сожалению, пока

позитивной динамики в его параметрах не наблюдается. Так, по официальным данным, в 2019 г. численность умерших составила в республике 6696 человек, что на 39 человек больше, чем в предыдущем году. В числе основных факторов роста смертности, как и прежде, необходимо назвать бедность и нищету социально незащищенных слоев населения.

Начиная с середины 90-х годов в Хакасии фиксировалась естественная убыль населения. Отмеченная впервые в 2007 г. положительная динамика наблюдалась на протяжении последующих десяти лет. В дальнейшем ситуация меняется и последние три года (с 2017 г.) в республике вновь регистрируется естественная убыль населения. Так, по данным официальной статистики, этот показатель на 1000 человек населения достигал в 2017 г. -0,2, в 2018 г. -0,8 и в 2019 г. -2,1 [Республика Хакасия в цифрах…, 2020, с.18]. Мало того, демографический прогноз в данном случае крайне неутешительный. Так, по подсчетам специалистов, в обозримой перспективе ситуация будет только ухудшаться и, например, через пятнадцать лет естественная убыль населения региона составит уже -3 [Хакасский республиканский…, 2020, с.52-53].

Как известно, значительное влияние на показатели воспроизводства населения оказывают браки и разводы. Некоторое сокращение числа заключаемых браков, отмечаемое в последнее время в разных российских регионах, связано, по-видимому, как и в случае со спадом рождаемости, с малочисленностью людей бракоактивного возраста. Что касается числа заключенных браков и разводов в Хакасии, то за последние пять лет здесь в целом ситуация остается относительно стабильной. В 2015 г. на 1000 человек населения было заключено 8,4 брака, а в 2019 г. их число уменьшилось ненамного и составило 6,8 брака. За это время практически не возросло общее количество разводов (4,5 и 4,6 соответственно) [Республика Хакасия в цифрах…, 2020, с.18].

При характеристике этнодемографической ситуации региона важной составляющей являются показатели миграционной активности его жителей. Говоря об особенностях современных миграционных процессов в Хакасии, стоит сказать о сохраняющемся до наших дней отрицательном сальдо миграции, которое временами носит волнообразный характер. В частности, число прибывших мигрантов в 2019 г. (с учетом внутриреспубликанских мигрантов) составило 20743 человека, число выбывших – 21520 человек. Годом ранее эти показатели были заметно больше – соответственно 23128 и 24024 человека [Республика Хакасия в цифрах…, 2020: 19]. Состав мигрантов, впрочем, как и во многих других регионах Российской Федерации, отличается высоким процентом молодежных групп. Результаты социологических исследований, проведенных в Хакасии в разные годы, показали, что основными факторами, вызывающими переезд, являются проблемы, связанные с поиском работы и надежды на улучшение условий жизни.

Итак, в числе особенностей развития этнодемографических процессов в современной Хакасии следует назвать, с одной стороны, хотя и не столь существенный, но все же рост общей численности населения, с другой –

фиксируемое на протяжении последних лет преобладание естественной убыли над естественным приростом населения и отмечаемую тенденцию ее роста. Данный регион отличается также значительным доминированием среди ее жителей представителей нетитульной национальности. К числу острых демографических проблем необходимо отнести остающийся высоким показатель смертности. Как сказано в упомянутом выше Послании, «…мы вступили в сложный, очень сложный демографический период. Наша историческая обязанность – не только выбраться из демографической ловушки, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны» [Послание президента…, 2020, с.1].

Несомненно, улучшение демографической ситуации в Республике Хакасия и в целом позитивные изменения в ее демографических трендах возможны лишь при условии благоприятных процессов в экономической и социальной сферах жизни населения.

Список литературы

1. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Хакасия. – Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.

2. Национальный проект «Демография». - URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography (дата обращения: 09.03.2020).

3. О демографической ситуации в Республике Хакасия в 2019 году. Пресс-выпуск. Красноярскстат. - 2с. - URL: https://krasstat.gks.ru/folder/28188 (дата обращения: 13.04.2020).

4. Оценка численности населения на 1 января 2014 года и в среднем за 2013 год. – Материалы Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия.

5. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.01.2020. - URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 03.02.2020).

6. Республика Хакасия в цифрах, 2019. Красноярскстат. Абакан. 2020. 156 с.

7. Хакасский республиканский статистический ежегодник, 2019. Красноярскстат. Абакан. 2019. 433 с.

8. Численность населения Республики Хакасия. Пресс-выпуск. Красноярскстат. - 1с. - URL: https://krasstat.gks.ru/folder/28188 (дата обращения: 18.04.2020).

УДК 314.7:316.4
Антонов Владимир Иосифович
д.филос.н, профессор, профессор кафедры философии, истории и культурологии, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия
Очирова Оюуна Анатольевна
д.социол.н., профессор, профессор кафедры социальных технологий, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия
Петрова Арюуна Анатольевна
к.филос.н., доцент кафедры философии, истории и культурологии, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия

Этнокультурные и мировоззренческие аспекты социальной адаптации детей-мигрантов в принимающей школе (по результатам опроса учителей Бурятии и Забайкальского края)[71]

Аннотация. *Социальная адаптация детей-мигрантов связана с необходимостью решения ряда непростых проблем. Наиболее актуальной является проблема приспособления к иной языковой и культурный среде. Цель исследования – выявление этнокультурных и мировоззренческих аспектов адаптации детей-мигрантов в школах Республики Бурятия и Забайкальского края глазами их учителей. Исследование проводилось с применением методов сравнительного и статистического анализа, анкетирования.*
Ключевые слова: *дети-мигранты; учитель; социальная адаптация; этнокультурные и мировоззренческие аспекты; Бурятия; Забайкальский край.*

Проблемы социальной адаптации детей мигрантов носят комплексный характер. Они охватывают не только самый широкий спектр трудностей, встающих перед ребенком при смене места жительства (интеллектуальный, коммуникационный, личностный и др.), а зачастую ставят его перед сложностями приспособления к иной языковой и культурный среде. И здесь наиболее актуальной становится проблема достижения детьми-мигрантами позитивной этноидентичности и этнотолерантности. От её решения во многом зависит не только благополучие их самих, но и принимающего общества в целом. Это требует более глубоких и широких исследований в данной области по всей территории России.

Республика Бурятия и Забайкальский край входят в состав Дальневосточного федерального округа, но оба выделяются тем, что

[71] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44006

располагаются на территории Байкальского региона. Они схожи по климатическим условиям, численности населения и территории. Важным моментом для исследовательского интереса является национальный состав, поскольку коренными (далее – местными) являются, прежде всего, буряты и русские, в течение многих веков проживающие на данных территориях.

Байкальский регион с 2015 г. активно исследуется авторами данной статьи на предмет социальной адаптации иностранных мигрантов в принимающем обществе. [4] Одну из самых уязвимых групп среди них составляют дети-мигранты.

Дети рассматриваются нами как «особая социально-демографическая группа населения, имеющая возрастные границы от рождения до 17 лет включительно… Они становятся объектом социальной заботы, поэтому ответственность за их судьбу и здоровье, да и собственно жизнь возлагается не только на родителей, но и на государство и общество в целом». [2]

Авторы уже поднимали вопрос об этнокультурных проблемах мигрантов. Так, «во всех изучаемых регионах наблюдаются проблемы, связанные с социальной адаптацией мигрантов, с настороженным, зачастую с предвзятым настроем к мигрантам местного населения. Отношение к мигрантам имеет тенденцию к ухудшению в связи с увеличением количества приезжих, причем это связано (как и считалось нами прежде и что нашло подтверждение в ходе исследования) с расовыми (визуальными) отличиями». [3, с. 135] Также отмечалось, что «достаточно острая проблема заключена в социокультурной и языковой адаптации в образовательной среде». [3, с. 136]

Дети-мигранты школьного возраста в обследованных регионах России являются немногочисленной группой. Именно поэтому в исследовании принимают участие наиболее компетентные в данной области учителя, имеющие опыт работы с такими школьниками, а также обладающие сведениями об уникальных данных для анализа ситуации. Целью данного исследования является выявление наиболее существенных аспектов проблемы этнокультурной и мировоззренческой адаптации детей-мигрантов в школе. Исходя из выявленных позиций, нами составлен инструментарий (анкета), содержащий 33 вопроса (125 переменных). Опрос проведен среди учителей школ Республики Бурятия и Забайкальского края – всего 14 респондентов. Известно, что размер выборки уменьшается при проведении локальных и региональных исследований. [1, с. 139]

Выборка – трехступенчатая, а именно: регионы – средние школы (направление министерств образования) – учителя (рекомендации администраций школ). Таким образом, в опросе принимали участие учителя средних общеобразовательных школ Республики Бурятия и Забайкальского края, которые имели опыт работы со школьниками-мигрантами.

Ниже представлены некоторые результаты проведенного социологического исследования, касающиеся этнокультурных и мировоззренческих позиций работающих с мигрантами-школьниками учителей. Краткая характеристика респондентов: возраст учителей до 40 лет

– 28,6%, старше – 71,4%; половина опрошенных являются учителями 1-й категории; у всех имеется опыт работы с детьми мигрантами, из них 28,6% учат таких ребят уже более 10 лет; 42,9% учителей-респондентов работают с такими детьми менее 3 лет.

По мнению учителей, дети-мигранты сталкиваются, прежде всего с языковыми трудностями. Так, 70,6% учителей отметили следующее: «языковой барьер», «русский как неродной», «незнание русского языка», «речевой барьер», «трудности со знанием русского языка» и др. Причем некоторые связывали это и с тем, что «в семье говорят на родном языке». Все это, прежде всего, ведет к проблемам выстраивания отношений со сверстниками (7,1%), имеют место также «проявления расизма и обзывательства» со стороны местных. Отмечены также такие факторы среды, как трудности «в освоении обычаев и традиций РФ», «столкновение культур» (14,2%).

Сталкиваются дети-мигранты и с трудностями в самом учебном процессе. Учителя (21,3%) обращают внимание на проблему обеспечения учебниками, различие программ и языка ребят, сложности адаптации к укладу и порядку в школе.

Взаимоотношения между детьми мигрантами и местными учениками характеризуются учителями (64,3%) как хорошие и «самые хорошие», хотя 35,7% респондентов не уверены или не согласны с ними.

Поскольку в качестве основной проблемой в результате опроса обозначен языковой барьер, встает вопрос, как же помочь детям-мигрантам овладеть языком? И кто должен заниматься данной проблемой? По мнению 42,9% учителей, этим должна заниматься школа, однако многие из них, а именно 57,1%, не согласны с ними (Рис.).

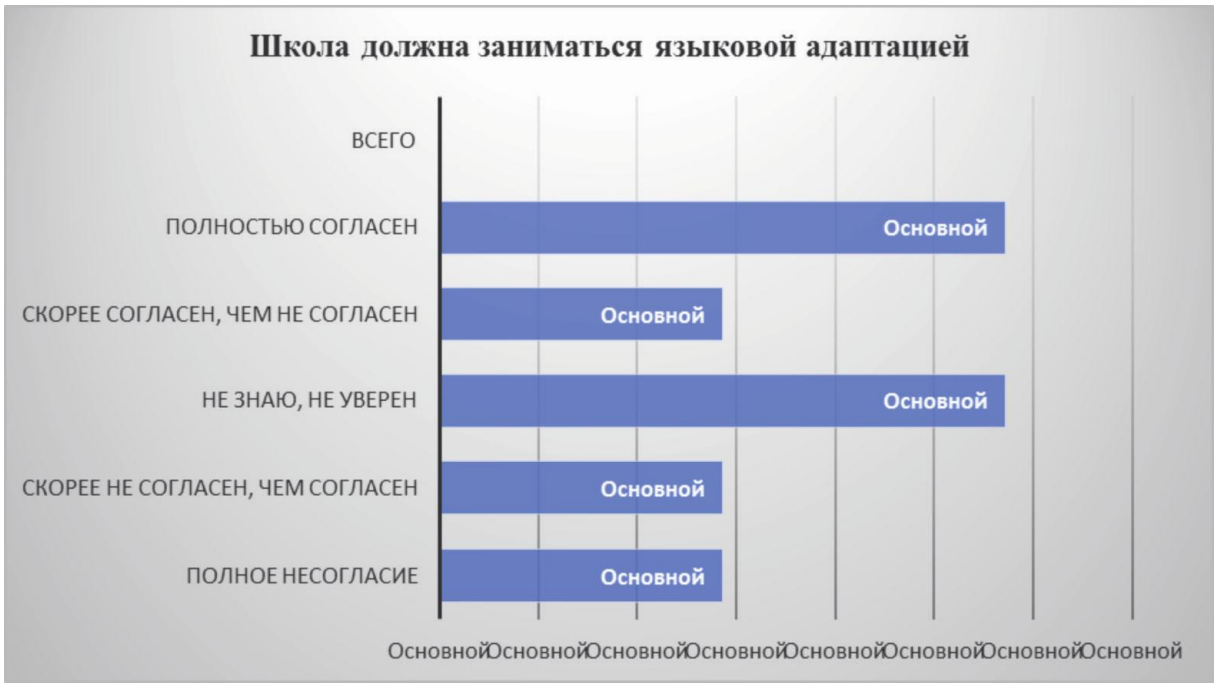

Рисунок – Распределение ответов учителей на вопрос анкеты, в %

Большую проблему, кроме языкового барьера, представляют собой взаимоадаптация детей-мигрантов и местных детей, интеграция мигрантов школьного возраста в местное сообщество. 85,7% педагогов-практиков считают, что для успешной адаптации мигрантов недостаточно прививать всем детям только культурные ценности принимающего общества. Одним из условий эффективной взаимоадаптации школьников, и мигрантов, и местных, является привитие как культурных ценностей принимающего общества, так и прибывших мигрантов (71,5%).

Должны ли дети-мигранты обучаться в классах отдельно от местных или нет, 14,3% не могли однозначно определиться с ответом, но при постановке вопроса о том, что «все дети должны учиться вместе» уже 28,6% учителей были не уверены в этом.

Для уточнения ответов были заданы контрольные вопросы-утверждения о том, что такое совместное обучение не принесет положительных эффектов. В результате 21,4% учителей подтвердили, что не считают обучение в одном классе эффективным процессом.

Но также был предложен вариант вопроса о том, что совместное обучение детей (и мигрантов, и местных) «положительно скажется на будущем России». Уже 35,7% не согласились с этим утверждением («не знаю, не уверен», «полное несогласие»).

Мнения учителей разделились и по поводу выражения детьми в школе национальной или конфессиональной принадлежности. Так, 57,2% согласны в той или иной мере с данным утверждением, однако несогласных или выражающих неуверенность в правильности такого подхода тоже немало - 42,8%.

Этот вопрос коррелирует с вопросом о необходимости ассимиляции детей-мигрантов в принимающем, в данном случае, российском обществе. Распределение ответов респондентов произошло в пользу ассимиляции таких школьников ровно так же: 57,2% и 42,8%.

Согласно мировоззренческим позициям, полученным в среде российских учителей указанных регионов, распределились и ответы по поводу вклада школы в сохранение детьми-мигрантами своих национальных традиций и культуры. 42,8% не уверены или не согласны с данной позицией, хотя 57,2% согласны с этим утверждением.

Среди опрошенных учителей 21,4% наблюдали конфликты на национальной почве среди учеников. Но не высказали никаких страхов и стереотипов в отношении мигрантов 78,6% респондентов. Остальные 21,4% опрошенных написали, что наблюдают следующее: «страх насаждения конфессиональной принадлежности», «цвет кожи, разрез глаз», «не такие, как мы!», «мигрантов становится очень много, больше, чем коренного населения, мигранты оттягивают на себя рабочие места».

Таким образом, представленные результаты исследования показали, что существуют этнокультурные проблемы, которые волнуют учителей, работающих с детьми-мигрантами. Эти проблемы основываются на мировоззренческих позициях, которые проявляются через страхи, фобии,

предрассудки в отношении мигрантов в целом и потом переносятся на отношение принимающего общества к детям-мигрантам.

В целом, на основании полученных результатов опроса учителей в школах Бурятии и Забайкальского края, можно сделать следующие выводы и рекомендации:

– поскольку главным барьером к социальной адаптации является языковый барьер, то школам необходимо использовать адаптированные программы и учебники;

– для укрепления положительных этнокультурных и мировоззренческих позиций учителей в отношении мигрантов-школьников следует мотивировать их помогать таким детям в процессе их социальной адаптации;

– необходимо прививать мигрантам культуру принимающего общества, а детям – гражданам страны – культуру прибывших детей;

– школы призваны проявлять понимание, позитивное отношение к детям-мигрантам, стремящимся сохранять свои культурные ценности;

– учителям необходимо всемерно прививать школьникам (как местным, так и вновь прибывшим) культуру общения, взаимоуважительного отношения друг к другу, толерантность в поведении.

Все вышеназванные меры, которые были получены авторами в ходе опроса учителей, имеющих практический опыт работы с детьми школьного возраста, могут быть использованы как научно-обоснованные выводы и рекомендации в реализации мероприятий, нацеленных на повышение эффективности работы с детьми-мигрантами в целом.

Список литературы

1. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 1998. 208 с.

2. Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс] URL: https://voluntary.ru/termin/deti.html (дата обращения 27.08.2020)

3. Очирова О.А., Антонов В.И., Петрова А.А. Социальная адаптация мигрантов в принимающем обществе: теоретико-методологические и прикладные аспекты проблемы // В сборнике: Проблемы теоретической социологии. Межвузовский сборник. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2019. С. 132-144.

4. Очирова О.А. Социальная адаптация мигрантов в принимающем обществе: презентация научного проекта //Отечественный журнал социальной работы. 2017. № 4 (71). С. 104-107.

УДК 314.8
Асланов Дмитрий Иванович
д.э.н, начальник научно-исследовательского отдела, Филиал ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ессентуки, Россия

Специфика демографических процессов в Северо-Кавказском федеральном округе

Аннотация. *Актуальность предложенной темы обусловлена существованием мифа «о кавказском демографическом благополучии». Целью исследования является выявление ключевых характеристик демографических процессов в Северо-Кавказском федеральном округе в сопоставлении с общероссийскими тенденциями. На основе анализа статистических данных в работе выделены основные процессы и тенденции характеризующие социально-демографическую ситуацию в регионе.*
Ключевые слова: *демографические процессы, Северо-Кавказский федеральный округ, население, продолжительность жизни, миграция.*

В данном исследовании мы не будем акцентировать внимание на статистических данных, поскольку этому аспекту посвящено множество работ [например 1, 2, 3 и пр.], а остановимся на основных тенденциях и специфике демографических процессов в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО), а также постараемся выявить ключевые закономерности развития этих процессов.

Демографическая проблема в России является довольно острой и обсуждается давно на различных уровнях. Начиная с середины 90-ых годов, в стране наблюдалась значительная убыль населения, вызванная различными социально-экономическими потрясениями в связи с переходом к рыночной экономике. В 2009-2010 гг. ситуацию удалось замедлить, процесс сокращения численности населения был остановлен с помощью реализации различных федеральных программ, направленных на улучшение социально-экономического положения в стране.

До 2009 г. единственным федеральным округом с положительным сальдо рождаемости оставался Северо-Кавказский федеральный округ. В 2012 г. положительная динамика стала прослеживаться еще в трех федеральных округах – Уральском, Сибирском и Дальневосточном.

«Демографический переход», отражающий закономерные изменения современных социально-демографических процессов, сопровождается актуальными проблемами и вызовами, как для России в целом, так и для ее субъектов.

Северо-Кавказский федеральный округ, являясь самым маленьким по площади из федеральных округов, сохраняет позиции наиболее густонаселенного региона, характеризующегося неоднородной в

демографическом отношении территорией, а также спецификой демографических процессов в субъектах, входящих в него.

Необходимо отметить, что в настоящее время значение и современная динамика основных демографических показателей в Северо-Кавказском федеральном округе существенно отличаются от соответствующих показателей по России. Однако, утверждение о том, что демографическая проблема не распространяется на кавказские регионы, не является обоснованным. В долгосрочной перспективе прослеживаются отрицательные тенденции свойственные в целом для страны.

Длительное время популяционные процессы на Северном Кавказе в целом, отличались направленностью демографического вектора, поскольку население в этом регионе неуклонно росло. Однако, о кардинальных социально-демографических переменах, происходящих в регионе в последнее время, мало кто знает из неспециалистов [4]. Как правило, современные научные исследования охватывают лишь незначительный временной период (10-20 лет), и поэтому не позволяют увидеть глубинные сдвиги, начавшиеся 60-70 лет назад. Также, демографический кризис опосредован этнической избирательностью.

Среди основных социально-демографических процессов, протекающих в СКФО можно обозначить наиболее важные:

1. Постоянное снижение доли русского населения в Северо-Кавказском федеральном округе вследствие уменьшения рождаемости и увеличения миграционного оттока в другие регионы Российской Федерации.

Среди основных причин снижения рождаемости у русского населения являются факторы экономического характера – низкий уровень доходов, отсутствие рабочих мест, неразвитость социальной инфраструктуры и т.п.

Миграция русского населения зачастую носит вынужденный характер и связана в основном со сложными межэтническими отношениями и военными конфликтами в ближнем зарубежье.

2. По относительным показателям (рождаемость и смертность на 1000 человек) Северо-Кавказский регион демонстрирует лучшие показатели – высокую рождаемость и низкую смертность. В среднем показатели рождаемости в данном округе выше среднероссийских показателей рождаемости на 4,1 ед., по смертности ниже на 5 ед.

В настоящее время к регионам с благополучной демографической ситуацией можно отнести республики Дагестан, Ингушетию, Чечню, где прирост численности населения обеспечивается только за счет естественного прироста.

Рост численности населения в Ставропольском крае является популяционым артефактом, так как положительный демографический итог в данном субъекте РФ обеспечивается исключительно за счет трудовой миграции [4].

По демографическим прогнозам, Росстата, уже в среднесрочной перспективе Северо-Кавказский регион столкнется с еще более удручающими демографическими переменами. Так, по среднему варианту

прогноза, ожидается, что уже к 2031 г. депопуляционные тенденции охватят Дагестан и Ставропольский край, а в остальных регионах масштабы депопуляции существенно усилятся.

Такой сценарий развития событий связан с репродуктивным поведением. Важными индикаторами при его изучении выступают коэффициенты рождаемости, из которых наиболее точно репродуктивную активность населения описывает коэффициент итоговой (когортной) рождаемости. Именно этот показатель демонстрирует среднее число детей у женщин конкретного поколения к концу их детородного возраста и именно он нивелирует миф «о демографическом благополучии» кавказских народов [4].

Здесь можно констатировать две основные тенденции, которые стали складываться последние 30 лет – переход от среднедетности к малодетности, и переход от преобладания норм многодетности к доминированию норм среднедетности и малодетности (с преобладанием двухдетности).

3. Высокая ожидаемая продолжительность жизни при рождении. По СКФО данный показатель составляет 75,13 лет при среднероссийском показателе в 71,87 лет. Связано это с географическим положением региона, его природно-климатическими условиями, экологией и качеством продуктов питания.

Наибольшая ожидаемая продолжительность жизни прогнозируется в республике Ингушетия – 80,82 года, в республике Дагестан – 77,23 года [5] .

4. Низкие показатели смертности на 1000 человек населения.

Наиболее низкие показатели были зафиксированы в 2009 году в Республике Ингушетия (3,7 человека), Чеченской Республике (5,3 человека), Республике Дагестан (6,1 человека). В остальных субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, значение этого показателя также ниже среднероссийского.

5. Высокая доля сельского населения в регионе, поскольку регион является аграрным.

В Республике Дагестан и Карачаево-Черкесской Республике численность сельского населения продолжает расти. Такая ситуация, с одной стороны, играет позитивную роль в условиях высокой безработицы, которая значительно легче переносится в селе, чем в городе. С другой стороны, интенсивная отрицательная миграция, недостаток рабочих мест, низкая занятость населения, безработица и сравнительно невысокий уровень жизни предопределяют низкий уровень налоговых поступлений и, как следствие, дотационность региональных бюджетов. Основные социально-экономические проблемы, накопленные в СКФО, наиболее остро проявляются в сельской местности, зависимости между демографическими и экономическими процессами имеют при этом многосторонний характер [6].

6. Среди населения большую долю в республиках Северо-Восточного Кавказа занимает многочисленное молодое поколение. В науке такая конфигурация получила название «молодежный нарост». Ситуация усугубляется тем, что значительная часть этой молодежи не устроена, не имеет достойной работы и возможностей получить хорошее образование,

возможности участвовать в общественной жизни, и как следствие закономерно растет социальная напряженность.

7. Высокий уровень трудовой миграции из горных территорий на равнину, как правило, из республик Северного Кавказа в Ставропольский край.

Трудовая и этническая миграция играет ключевую роль в этносоциальных и демографических изменениях региона. СКФО демонстрирует наиболее высокие показатели динамики миграционных процессов. Деиндустриализация и кризис в агропромышленном комплексе в 1990-е гг. наиболее сильно ударили по республикам Северного Кавказа. Это привело к деградации социальной сферы и общему падению уровня доходов и качества жизни. Ситуация усугубляется вследствие избытка трудоспособного населения, что побуждает значительную часть его жителей искать средства к существованию за пределами первоначального места проживания. В свою очередь массовая трудовая миграция в сопредельные регионы зачастую сопровождается увеличением степени межэтнической напряжённости в регионах-реципиентах и переводит экономическую проблему в межнациональную плоскость [7].

Для северокавказского региона основная доля миграции приходится на внутренние перемещения в рамках СКФО. Это подтверждают данные РОССТАТА, фиксируя также, что вторым и третьим по привлекательности межрегиональных миграций регионами являются Южный и Центральный федеральные округа.

Таким образом, миграционная динамика на Северном Кавказе в полной мере отражает весь спектр политических и социально-экономических противоречий не только в регионе, но во всей стране. Одним из важнейших аспектов миграционных процессов выступает проблема интеграции мигрантов в культурное и правовое поле регионов-реципиентов. Именно данная проблема приобретает особую значимость на современном этапе и останется актуальной в ближайшей и среднесрочной перспективе. Для решения данной задачи необходимо задействовать весь потенциал государственного аппарата и гражданского общества. Только в этом случае процесс складывания единой гражданской идентичности в России может получить реальное ускорение.

Также необходимо отметить, что при всей важности материальной составляющей семейно-демографической политики в России и за ее пределами, крайне важно понимать, что репродуктивное поведение иррационально по своей природе. Интенсивность деторождения определяется, скорее, ценностной базой конкретного общества, нежели уровнем материального благополучия.

В этой связи демографическая политика в СКФО должна учитывать территориальную специфику. В субъектах с естественным приростом населения целью ее должно стать сохранение этой тенденции, в субъектах же с естественной убылью необходимо создание условий для стабилизации численности населения [8].

В условиях поиска ответов на современные демографические вызовы, у субъектов СКФО в ближайшей перспективе есть существенные преимущества перед большинством регионов РФ.

Список литературы

1. Уставщикова С.В. Северо-Кавказский федеральный округ. Региональные особенности демографической ситуации (2000–2017 гг.) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып. 4. 2018 г. С. 263–273.
2. Абдулманапов П.Г. Трансформация демографических процессов в Северо-Кавказском федеральном округе под влиянием экономических факторов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – №10. – С. 172-183.
3. Будницкая Ю.А. Демографические и миграционные процессы, их этнокультурные особенности в субъектах Северного Кавказа / Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 -»Экономика и управление народным хозяйством», М.: 2009, 129 с.
4. Белобородов И. Кавказский демографический дрейф. – [Электронный ресурс]. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/12/30/ kavkazskij_ demograficheskij_drejf/
5. Криулина Е.Н. Оценка тенденции демографических процессов сельских территорий Северо-Кавказского федерального округа. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elibrary.ru/download/ elibrary_4147115 3_32851235.pdf
6. Никонова Г.Н., Криулина Е.Н. Необходимость, предпосылки и некоторые результаты типологии сельских территорий (муниципальных образований) региона // Вестник АПК Ставрополья. -2011. - №4. - С.100-104.
7. Аверьянов А. Миграционные процессы на Северном Кавказе: межнациональный аспект. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.geopolitica.ru/article/ migracionnye-processy-na-severnom-kavkaze-mezhnacionalnyy-aspekt
8. Криулина Е.Н. Сельские территории муниципальных районов: состояние и механизмы совершенствования многофункционального развития: монография / Е.Н. Криулина. Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. Аграрного ун-та, 2016. - 288 с.

УДК 314.15
Байраков Идрис Абдурашидович,
к.б.н., доцент кафедры «География», ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, Россия

Динамика численности и особенности расселения населения Чеченской Республики[72]

Аннотация. *Чеченская Республика относится к регионам с очень высокой рождаемостью и не высоким уровнем смертности, поэтому демографические проблемы приобретают актуальность. Целью исследования является проведение анализа естественного движения в различных районах республики. В работы мы опираемся на методе сравнительном анализе позволяющий показать основные факторы в естественном движении населения. Проведенный анализ показал, что большую диспропорцию в размещении населения и значительной миграционной составляющей в динамике численности населения Чеченской Республики.*

Ключевые слова: *Чеченская Республика, демография, население, дифференциация, региональные различия, естественный прирост, убыль, рождаемость, смертность, миграция.*

Чеченская Республика, относительно не большая по площади 16, 165 км^2 регион Российской Федерации, в составе Северо-Кавказского федерального округа. Численность населения на 1 января 2020года (табл.1).

Таблица 1-Численность населения Чеченской Республики на 1 января 2020 г.

	Человек
Все население	1480769
в том числе	
городское	546185
сельское	934584

Численность населения Чеченской Республики, начиная с 1992 года находится в активной динамике. Известные события в республике 1992 – 2000 г.г. привели к значительным изменениям, как в численности, так и в этническом составе. К 1995 году по неофициальным данным Чеченскую Республику покинули более 600 тысяч человек, из них 280 тысяч русскоязычного населения.

К этому числу необходимо было бы прибавить число погибших во время активной фазы военных действий, однако такой объективной официальной информации нет, что сильно затрудняет вести точный учет убыли населения указанный период. Нужно отметить, что в период с 2010

[72] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-45-200002

года высокий рост смертности, особенно это касается новорожденных. Главная причина здесь была низкий уровень, а в отдельных случаях отсутствие медицинской помощи. Динамика численности населения прослеживается данными таблицы 2.

Таблица 2-Динамика численность населения Чеченской Республики (по данным, ЧУ Ростат)

Численность населения							
1926	**1931**	**1933**	**1959**	**1970**	**1979**	**1987**	**1989**
309 860	525 800	650 500	710 424	1 064 471	1 153 450	1 235 000	1 275 513
1990	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**[L]
1 100 334	1 171 514	1 224 703	1 280 519	1 307 071	1 227 980	1 224 986	1 174 877
1998	**1999**	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**
1 166 896	1 159 839	1 110 237	996 427	1 103 686	1 105 378	1 121 414	1 141 362
2006	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**
1 162 801	1 183 745	1 209 040	1 238 452	1 268 989	1 275 113	1 302 165	1 324 767
2014	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	
1 346 438	1 370 268	1 394 172	1 414 865	1 436 981	1 456 951	1 478 726	

Если мы проанализируем таблицу 2, то заметим, что в Чеченской Республике убыль численности наблюдается с 1995 года по 2001 год, то увидим, что Республику покинули более 232 тысяч человек. Чеченское население, покинувшее республику без отказа возвращаться более в республику, не учитывалось как покинувшие республику. На наш взгляд данные этой таблицы потерпят в будущем существенные изменения.

Здесь нет данный с 1944 по 1956 годы, когда чеченский народ был подвергнуть геноциду и насильственно перемещен в Среднюю Азию и Казахстан. При этом погибло более половины перемещенного населения. Но точных данных и в этом случае нет. Так как и в местах перемещения, начиная с 1947 года был положительный баланс прироста населения чеченской национальности (рис.1).

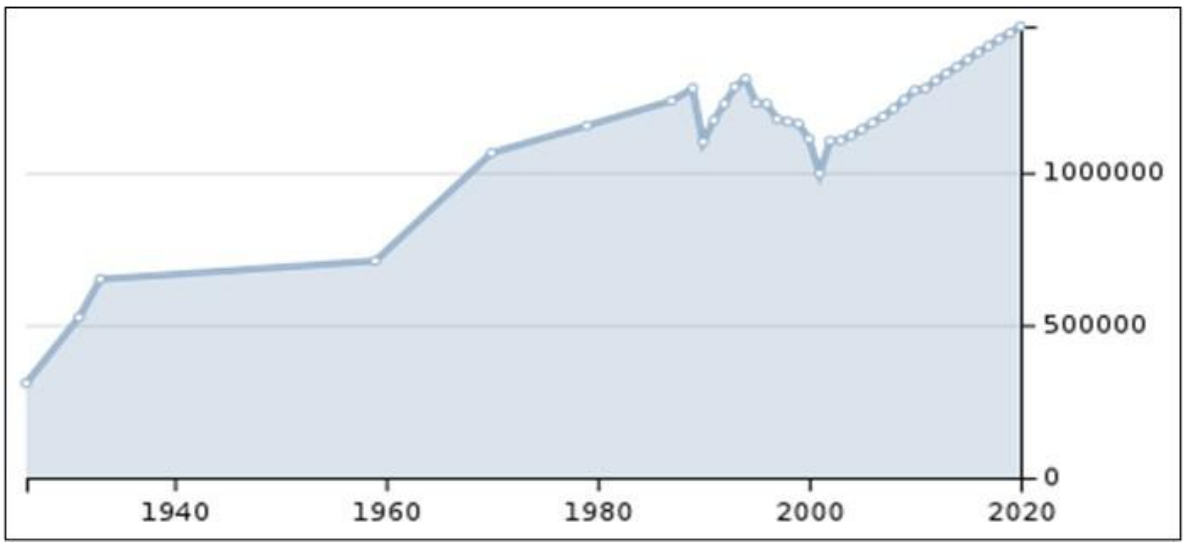

Рис.1. Динамика численности населения Чеченской Республики

Наиболее высокие темпы прироста населения Чеченской Республике с 2002 по 2010 года это связано с возвращением значительного числа лиц покинувших регион в связи с военными действиями. С 2010 года динамика населения зависит от двух факторов: с одной стороны высокая рождаемость, при низкой смертности, а другой миграция коренного населения, как по субъектам Российской Федерации, так и за рубеж, особенно высок отток населения в страны Евросоюза.

Дифференцировано по административным районам, которые значительно отличаются друг от друга и по плотности населения. Наибольшим удельным весом населения в общей численности жителей республики выделяются предгорные и центральные районы: Гудермесский, Курчалоевский, Урус-Мартановский и Шалинский (в среднем 12–14 %). Довольно высока доля населения Грозненского и Ачхой-Мартановского района (6–9 %).

Минимальной концентрацией населения отличаются южные горные районы республики: Итум-Калинский, Шатойскийи Шаройский (от 0,2 до 1,3 %). Наиболее густо заселенный район — Курчалоевский (свыше 278 чел. км²), также выделяются Урус-Мартановский, Гудермесский, Шалинский районы с несколько меньшими показателями плотности, но значительно более высокими по сравнению с другими районами республики (170–190 чел. км²) (рис. 2). Зона слабо заселенных районов, к которой относятся южные горные районы республики — Итум-Калинский, Шатойский, Шаройский, где удельный вес населения районов составляет в среднем всего 0,7 % от численности населения республики, а плотность населения — менее 20 чел. км²., а также северо-восточный Шелковской район, удельный вес населения которого составляет 4,1 % от общей численности населения, но плотность населения невысока ввиду более обширной по сравнению другими районами площади территории (рис.3).

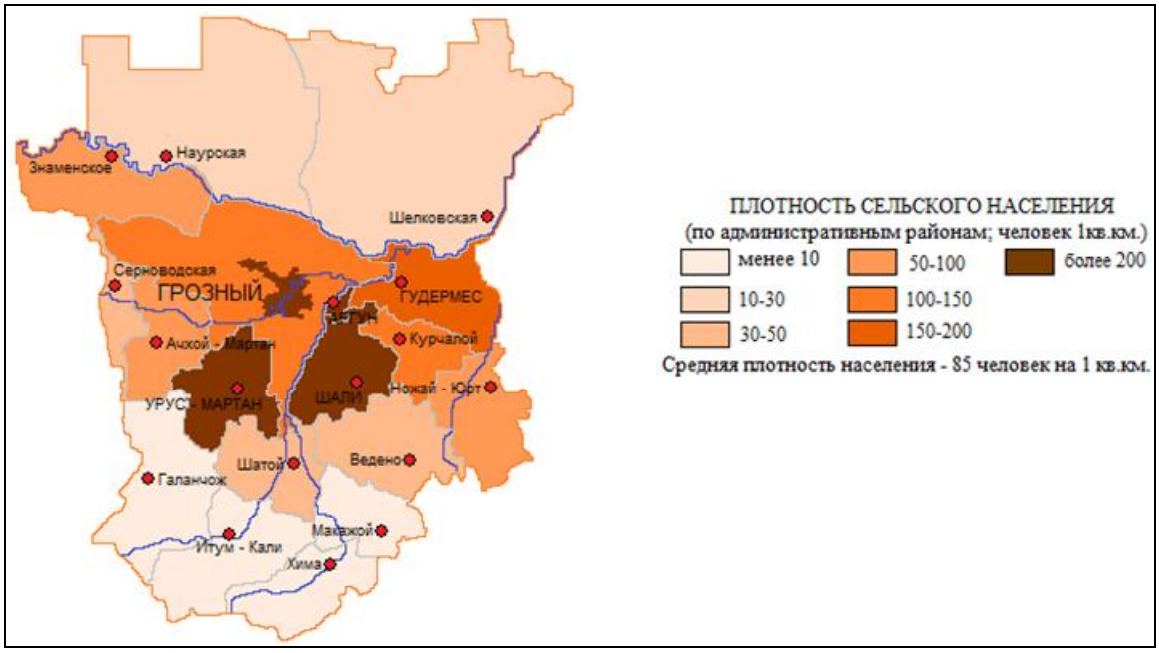

Рис.2. Плотность сельского населения Чеченской Республики

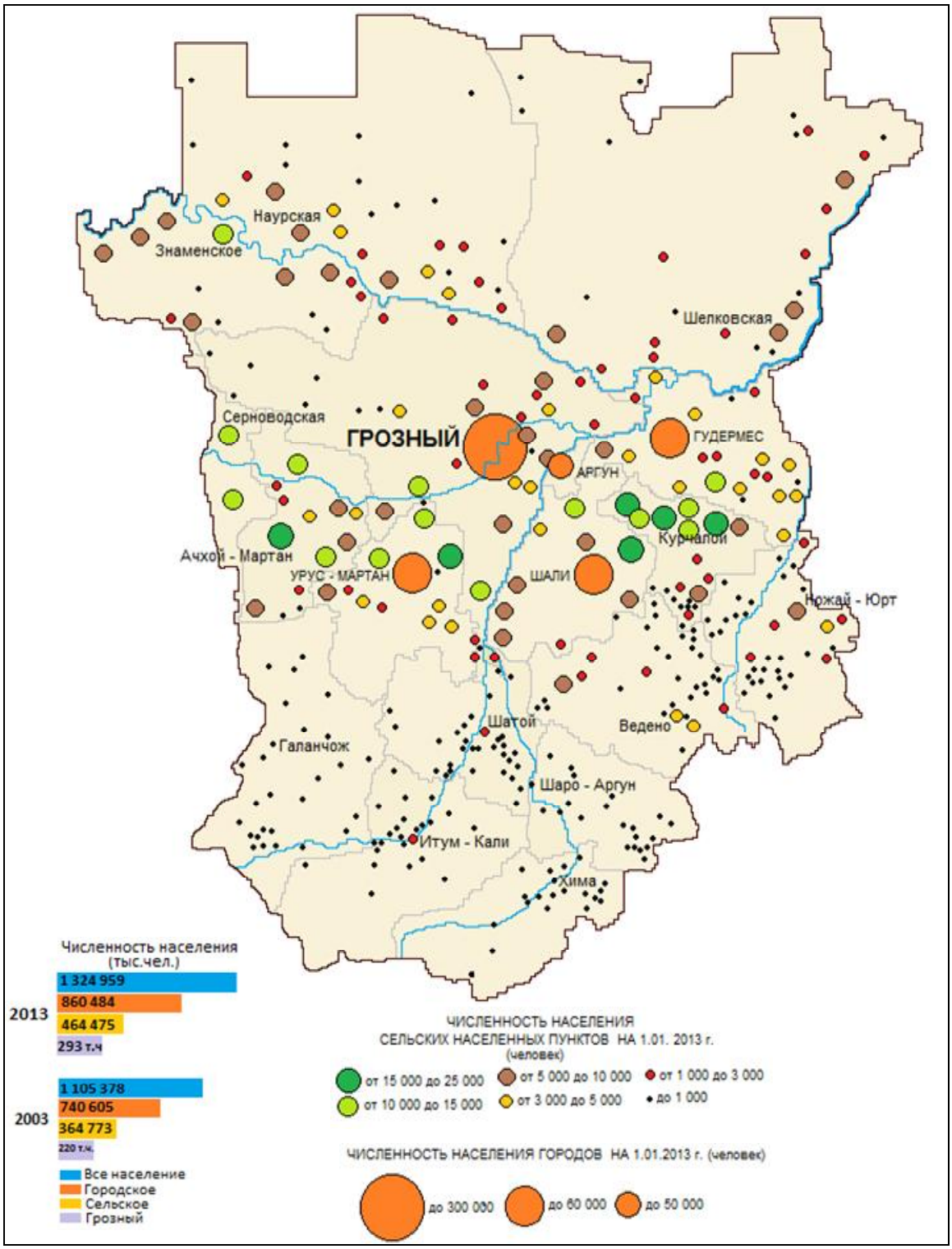

Рис.3. Людность поселений Чеченской Республики

Анализ территориальной дифференциации районов ЧР по количеству населенных пунктов в зависимости от их размера (численности проживающего населения) выявил следующие особенности. Северные районы и особенно центр республики отличаются крупными и средними размерами населенных пунктов (от 1000 до 5000 чел. и более), тогда как для южных, горных районов характерны небольшие поселения с численностью проживающего в них населения 200–500 чел. и менее 200 чел.

Наибольшее количество крупных населенных пунктов с численностью населения свыше 5000 чел. (их доля составляет в большинстве районов более 50 % всех населенных пунктов) сосредоточено в центральной части республики, в районах, расположенных от западных до восточных границ. Лишь к северо-востоку от этой полосы в Грозненском и Гудермесском районах удельный вес крупных населенных пунктов снижается до 20–25 % и до 10–15 % в более северных Наурском и Шелковском районах. Южнее от выделенной зоны населенные пункты с численностью населения свыше 5000 чел. не встречаются.

В большинстве районов республики, за исключением самых южных, получили распространение населенные пункты с численностью населения в среднем 3000 чел. Менее значителен в районах удельный вес населенных пунктов с численностью 500–1000 чел. В районах южной части республики размеры населенных пунктов уменьшаются до 200–500 чел. и составляют основную долю в общем количестве населенных пунктов.

Список литературы

1. Географический атлас Чеченской Республики. Грозный: Изд-во Чеченского государственного университета, 2013.34 с.
2. Мукаева Л. А. Территориальная дифференциация уровня безработицы
3. в Чеченской Республике. Проблемы региональной экологии. 2013. № 6. С. 183–186.
4. Мукаева Л. А. Историко-географические факторы и предпосылки
5. формирования трудовых ресурсов предгорных районов Чеченской Республики. Научное мнение. 2015. № 5–3. С. 50–53.
6. Чеченская Республика в цифрах. Краткий стат. сб. Грозный, 2011. 174 с.
7. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. Учебное пособие /И.А. Байраков, Э.Б. Болотханов, А.И. Авторханов, Х.Э. Таймасханов, И.Я. Шахтамиров. Грозный: Изд-во Чеченского государственного университета, 2006. 375 с.

УДК 374.471.37
Байраков Идрис Абдурашидович
к.б.н., доцент кафедры «География», ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, Россия
Мукаева Луиза Айндиевна
к.г.н., заведующий кафедрой «География» ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, Россия

Демографические и социально-экономические проблемы занятости в Чеченской Республике: территориальный аспект[73]

Аннотация. *В связи с тем, что в Чеченской высокая рождаемость порождают ряд социально-экономических проблем поиск их решения сегодня является самым актуальным для региона. В работе проанализированы факторы влияющие на проблему занятости и трудовых ресурсов.*

Ключевые слова: *Чеченская Республика, демография, население, дифференциация, региональные различия, трудовые ресурсы.*

Чеченская Республика - субъект Российской Федерации, входящий в состав Северо-Кавказского федерального округа, состоящий из 238 муниципальных образований: 15 муниципальных районов, 2 городских округа, 218 сельских поселений, 3 городских поселения.

Численность постоянного населения Чеченской Республики на 1 января 2020 г. составляет 1 478 756 человек. Столица Чеченской Республики - город Грозный с численностью населения около 305,911 тыс. чел. Расстояние от Грозного до Москвы - 2007 км.

Чеченская Республика - мононациональный субъект Российской Федерации: абсолютное большинство населения (95,3%) - чеченцы, русские составляют 1,9%, другие национальности - 2,8%.

В республике преобладает сельское население, его доля по итогам 2012 г. составила 65,2% от общей численности населения. Большая часть городского населения сосредоточена в пяти наиболее крупных населенных пунктах: городах Грозный, Аргун, Гудермес, Урус-Мартан, Шали. Средняя плотность населения по республике составляет 82,3 чел. на 1 км^2 (рис.1.).

Самыми густонаселенными муниципальными образованиями Чеченской Республики являются город Грозный, Гудермесский, Урус-Мартановский, Шалинский, Грозненский, Курчалоевский, Ачхой-Мартановский и Надтеречный районы (табл.1). Здесь проживает 79% общей численности населения республики. Особенность такого расселения обусловлена типом рельефа (низменность и предгорные территории),

[73] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-45-200002

пролеганием бассейна реки Терек, расположением транспортной сети (автомагистрали и железнодорожный узел).

Особенности расселения Чеченской Республики, где густо заселены центральные районы, малонаселенные южные районы сказываются в территориальном различии в расселении, наряду с другими факторами, в том числе экономическими, оказывают влияние на формирование и динамику трудовых ресурсов, что очень важно для восстанавливающей экономики.

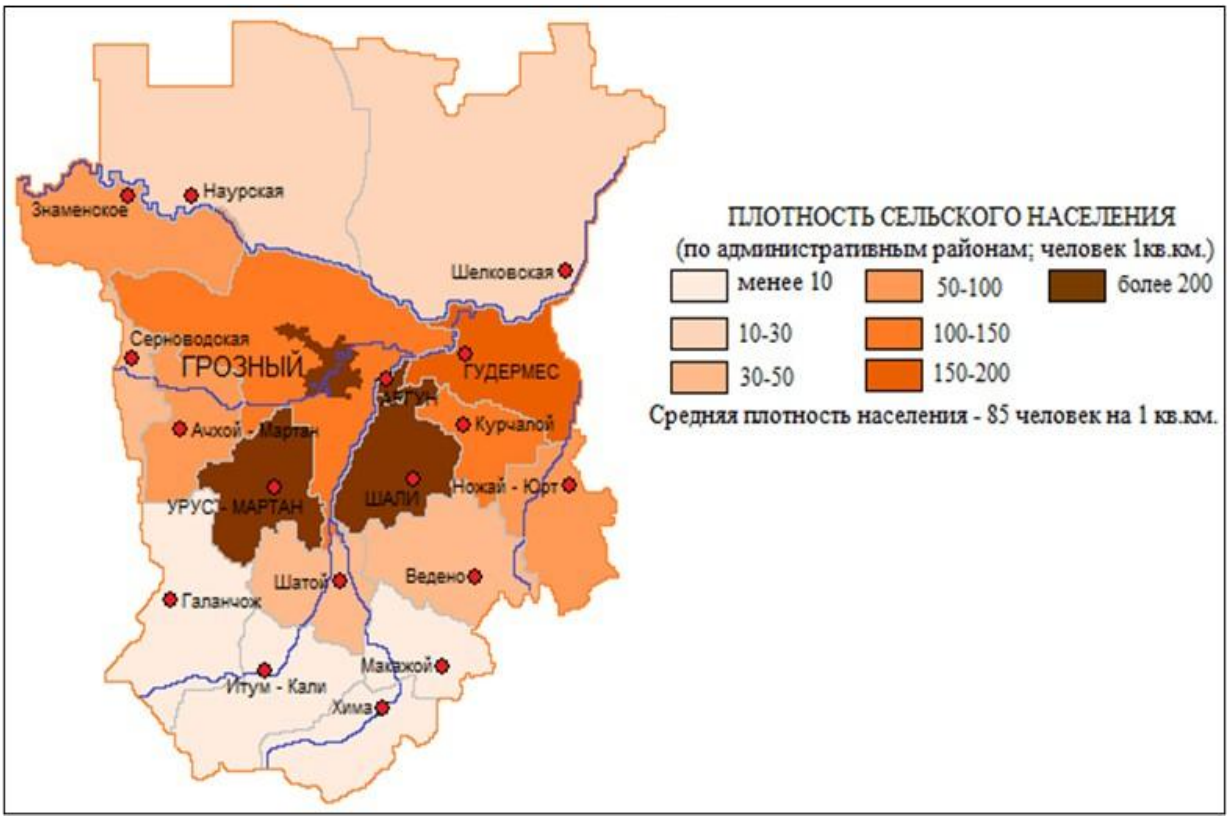

Рис.1. Плотность населения Чеченской Республики

Таблица 1-Населённые пункты с численностью населения более 10 000 чел.

Грозный	305 911	Гойты	18 816	Алхан-кала	12 176
Урус-Мартан	62 806	Автуры	17 810	Серноводское	12 532
Шали	55 118	Катыр-Юрт	14 556	Старые Атаги	12 494
Гудермес	55 980	Гелдагана	13 876	Герменчук	12 284
Аргун	39 275	Гехи	14 234	Мескер-Юрт	12 077
Курчалой	26 670	Майртуп	13 589	Знаменское	11 876
Ачхой-Мартан	24 212	Самашки	12 597	Ассиновское	11 004
Цоци-Юрт	20 629	Шелковская	13 293	Ойсхара	12 062
Бочи-Юрт	19 350	Аллерой	13 151	Чебрвленная	10 866

При характеристике трудовых ресурсов помимо численности населения значение имеют складывающиеся структурные характеристики, в частности возрастно-половая структура населения. Возрастная структура населения республики характеризуется относительно невысокой долей трудоспособного населения (59,3 %), высоким удельным весом населения моложе трудоспособного возраста (32,9 %) и невысоким удельным весом

населения старше трудоспособного возраста (7,8 %), что характерно для относительно молодой возрастной структуры населения.

Удельный вес трудоспособного населения в Чеченской Республике в 2013 г. стал меньше, чем в 1998 г. (53,3 %). За этот период более существенно изменилось соотношение групп населения в возрасте моложе трудоспособного и старше трудоспособного: в сторону уменьшения и увеличения соответственно (рис.2).

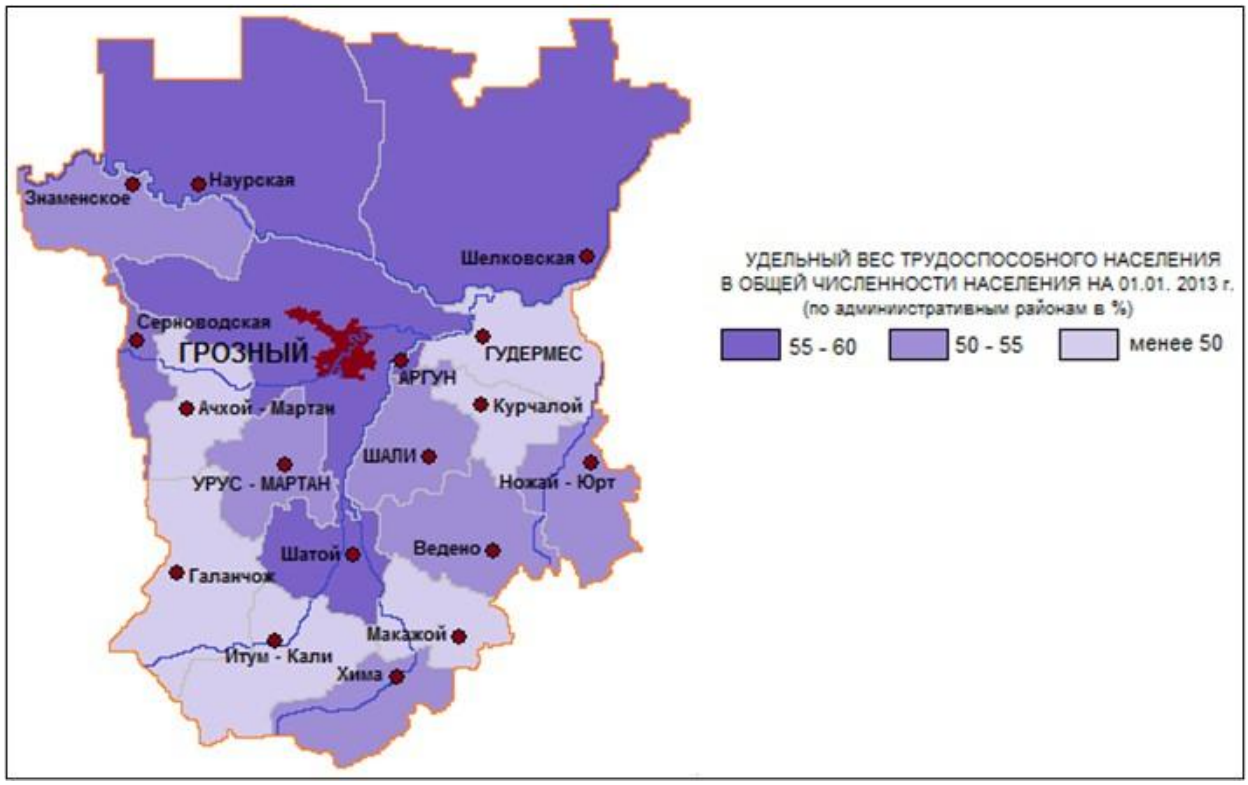

Рис.2. Трудовые ресурсы Чеченской Республики

В Чеченской Республики самый высокий процент населения молодых возрастов среди всех северокавказских республик, где этот показатель колеблется в пределах 20–30 %.

Несмотря на довольно высокую долю молодых возрастов в населении республики, наметилась тенденция уменьшения их численности, что со временем будет влиять на снижение демографического потенциала в целом. Молодые должны пополнять состав трудоспособного населения, а их численность за последние пять лет уменьшилась в 1,3 раза.

Если такая направленность демографического процесса в ближайшей перспективе сохранится, то выбывающие из производства группы не будут полностью замещаться молодежью, вступающей в трудоспособный возраст [1]. Одной из характеристик возрастной структуры населения служит показатель демографической нагрузки — количество лиц до трудоспособного и старше трудоспособного возраста в расчете на одного трудоспособного.

На сегодня в Чеченской Республики демографическая нагрузка составляет 0,75. Однако, в отличие от абсолютного большинства других

субъектов Российской Федерации, трудоспособное и экономически активное население в Чеченской Республике не имеет мест приложения труда.

Уровень общей безработицы превышает более половины трудоспособного населения. В связи с этим, целесообразно произвести расчёт экономико-демографической нагрузки в Чеченской Республики, определив количество иждивенцев — лиц моложе трудоспособного и старше трудоспособного возраста, приходящихся на одного занятого. Экономико-демографическая нагрузка на одного занятого в республике составляет 2,8 человек [2].

Однако население и его важнейшая часть — трудовой потенциал обладают большой инертностью демографических процессов и ограниченностью возможностей внешнего воздействия на них. Поэтому количественные и качественные характеристики трудового потенциала и его структура через 15–20 лет будут во многом зависеть от современного состояния рождаемости и уровня смертности, направленности и интенсивности процессов миграции [3,4]. В итоге анализа, очевиден крайне низкий уровень среднедушевых доходов населения Чеченской Республики, как показателя его благосостояния и качественного воспроизводства. Необходимы меры по поэтапному, неуклонному росту реальных доходов, уровня и качества жизни населения республики.

Таким образом, анализ естественного и механического движения населения, демографической основы воспроизводства трудового потенциала, сложившейся половозрастной структуры населения свидетельствует о неблагоприятной в целом демографической ситуации в Чеченской Республики, что существенно сказывается на состоянии социально-экономической ситуации в Чеченской Республике.

Список литературы

1. Географический атлас Чеченской Республики. Грозный: Изд.-во Чеченского государственного университета, 2013.34 с.
2. Мукаева Л. А. Территориальная дифференциация уровня безработицы в Чеченской Республике. Проблемы региональной экологии. 2013. № 6. С. 183–186.
3. Мукаева Л. А. Историко-географические факторы и предпосылки формирования трудовых ресурсов предгорных районов Чеченской Республики. Научное мнение. 2015. № 5–3. С. 50–53.
4. Чеченская Республика в цифрах. Краткий стат. сб. Грозный, 2011.74 с.
5. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. Учебное пособие /И.А. Байраков, Э.Б. Болотханов, А.И. Авторханов, Х.Э. Таймасханов, И.Я. Шахтамиров. Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2006. 375 с.

УДК 911.375 (477.75)
Баранов Андрей Владимирович
д. полит. н., д.ист. н., профессор, зав. кафедрой политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Этнодемографические процессы в Республике Крым и г. Севастополе в условиях воссоединения с Россией

Аннотация. *Актуальность проблемы - в выявлении направленности этнодемографических процессов при смене государственной принадлежности поликультурного региона. Цель статьи - определить трансформацию этнических идентичностей и ареалов проживания основных народов Крыма в условиях воссоединения с Россией. Ведущие методы исследования - конструктивистский подход, сравнительный анализ, картографирование. Аргументированы: гибридный тип этнических идентичностей в Крыму, принятие русской идентичности многими украинцами в регионе, расширение ареала крымских татар, образование новых диаспор вследствие трудовой миграции. Статья вносит вклад в развитие понятийного аппарата анализа этнодемографических процессов, имеет прикладное значение для проведения политических кампаний, картографирования ареалов этнической конфликтности в Крыму.*
Ключевые слова: *этнодемографические процессы, воссоединение, Россия, Республика Крым, Севастополь.*

Тема статьи обладает теоретической и прикладной актуальностью. Важно усовершенствовать понятийный аппарат исследований, чтобы объективно осмыслить тенденции этнодемографических процессов при смене государственной принадлежности поликультурного региона, каковым всегда являлся Крым. Тема имеет прикладное значение для проведения политических кампаний и картографирования ареалов этнической конфликтности в Крыму.

Цель статьи - определить трансформацию этнических идентичностей и ареалов проживания основных народов Крыма в 2014-2020 гг.

Научная проблема на материалах воссоединения Крыма с Россией исследована в работах В.Ю. Зорина, Р.А. Старченко, В.В. Степанова и др. [1], А.Б. Швец [2] и К.Ю. Сикач [3], Д.А. Вольхина [4], С.Я. Сущия [5], А.В. Баранова [6]. В то же время, сохраняется разрыв между демографической, географической и этнополитической научными традициями. Слабо изучена роль миграционного фактора этнической демографии Крыма, вопреки тому, что его значение возросло в 2015-2020 гг.

Методы исследования - конструктивистский подход, сравнительный анализ, картографирование. Применение социального конструктивизма позволяет объяснить сильные колебания численности русских и украинцев в Крыму в сравнении переписей 1989, 2001 и 2014 гг. при отсутствии

значительных миграционных потоков. Этническая самооценка является в большей мере фактом выбора идентичности, а не примордиальных качеств индивида, что соответствует методикам проведения переписей в России и Украине. В Крыму ярко выражены двойные и гибридные этнические идентичности, неразрывно связанные с конфессиональным и лингвистическим позиционированием, с региональной идентичностью [7, с. 325-334, 365-368, 529-534]. Сравнение проведено как в кросс-темпоральном аспекте, так и в кросс-территориальном (25 муниципальных образований) на материалах наиболее многочисленных народов в регионе: русских, украинцев и крымских татар, составляющих ныне в совокупности более 96% постоянных жителей полуострова.

Политические трансформации общества весомо отражались на этническом составе населения Крыма. Так, последняя советская перепись в январе 1989 г., проведённая до репатриации крымских татар и ряда других репрессированных народов, зафиксировала на полуострове население 2458,6 тыс. чел. В том числе, русские составляли 66,3% жителей полуострова (в том числе 74,5% в г. Севастополе), украинцы - 25,5% (в том числе 20,7% - в г. Севастополе), крымские татары - 1,6% (в том числе 0,06% - в г. Севастополе) [8]. На протяжении 1990-х гг. состоялась массовая репатриация реабилитированных народов. По украинской переписи 2001 г., русские составляли 60,2% совокупного населения Автономной Республики Крым и г. Севастополя, украинцы – 23,9%, крымские татары – 10,2% [9]. Как доказал С.А. Ефимов, уменьшение удельного веса русских на 11% происходило вследствие распада СССР, приведшей к обретению украинцами статуса «титульной нации». Смена языка русскими не происходила. Отмечены были приписки количества украинцев в Крыму [10, с. 182-188].

Исследуем более глубоко весомые изменения этнического состава населения после воссоединения Крыма с Россией. В октябре 2014 г. была проведена перепись населения Республики Крым и г. Севастополя. По данным Росстата, на полуострове постоянно проживали 2284,8 тыс. чел., из них 96,2% указали этничность. Перепись зафиксировала проживание в Крыму 175 этнических групп [11]. Русские составляли 67,9% совокупного населения Республики Крым и г. Севастополя, указавших свою этничность, украинцы – 15,7%, крымские татары – 10,6%. Ещё 2,05% назвали себя татарами, что на порядок превышает уровень 2001 г. (0,57%). Не указали этничность 87,2 тыс. жителей Крыма (3,8%) – в 8 раз больше, чем в 2001 г.

Многие украинцы и белорусы сделали выбор в пользу признания себя русскими. Это подтверждается тем, что при переписи 2014 г. назвали русский язык родным 84% жителей Крыма – больше, чем в 2001 г. (79,1%). Считают русский язык родным 79,7% украинцев в Крыму и 5,6% крымских татар [12]. Согласно переписи 2014 г., сравнительно низкий уровень владения языком, соответствующим своей национальности, - у крымчаков (2,6%), караимов (4,9%), греков (25,5%) и немцев (22,8%). Сравнительно высокие показатели владения своим языком - среди русских (99,9%), армян (45,6%), украинцев (44,6%), татар (39,9%) и болгар (по 39,5%).Среди

крымских татар 38,7% населения указали владение крымскотатарским языком и 13,5% – татарским [13, с. 119].

Вместе с тем, Республика Крым и г. Севастополь, а также 25 муниципальных сообществ РК имеют качественно различную этническую структуру (см. табл.).

Таблица -Этнический состав территориальных образований Крымского полуострова по переписям населения 2001 и 2014 гг. (в проц. от населения)

Территориальное образование	Русские		Украинцы		Крымские татары[74]	
	2001 г	2014 г.	2001 г.	2014 г.	2001 г.	2014 г.
Бахчисарайский район	54,3	56,5	19,6	12,9	21,3	27,6
Белогорский район	49,2	52,6	16,2	10,1	29,2	34,3
Джанкойский район	38,9	46,1	33,8	23,5	21,6	26,1
Кировский район	50,5	51,9	17,6	10,7	25,5	33,2
Красногвардейский район	48,7	54,3	27,3	19,0	16,7	21,7
Красноперекопский район	33,2	41,3	43,4	32,5	17,2	21,5
Ленинский район	54,8	64,0	15,5	15,2	29,2	17,2
Нижнегорский район	50,4	56,6	16,0	19,6	28,8	20,2
Первомайский район	35,1	45,7	37,9	28,6	21,5	22,2
Раздольненский район	41,1	49,8	40,1	30,3	13,3	16,2
Сакский район	45,2	52,2	31,5	21,5	17,5	21,8
Симферопольский район	49,4	56,1	23,5	15,0	22,2	25,3
Советский район	48,5	53,5	22,1	13,5	22,2	28,6
Черноморский район	52,8	63,1	23,0	18,9	12,7	14,8
г. Алушта	67,1	72,8	23,0	16,5	5,9	7,0
г. Армянск	55,7	61,4	36,2	29,5	3,5	4,5
г. Джанкой	59,8	68,0	25,9	16,9	8,1	9,6
г. Евпатория	64,9	73,7	23,3	14,8	6,9	7,4
г. Керчь	78,7	87,3	15,4	8,5	1,9	1,8
г. Красноперекопск	51,0	60,5	40,9	30,5	3,0	4,5
г. Саки	65,1	72,2	24,3	16,6	5,8	7,4
г. Симферополь	66,7	72,4	21,3	13,1	7,0	9,9
г. Судак	59,2	59,9	17,6	12,4	17,4	24,7
г. Феодосия	72,2	79,7	18,8	12,3	4,6	4,3
г. Ялта	65,6	74,0	27,6	19,3	1,3	2,6
Республика Крым	58,3	65,0	24,3	16,0	12,0	12,6
г. Севастополь	71,6	81,0	22,4	14,2	0,5	0,7
Крымский полуостров	60,3	67,9	24,0	15,7	10,2	12,7

Источник: Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. С. 135–141.

Удельный вес русского населения прямопропорционально связан с уровнем урбанизации, тогда как удельный вес крымских татар имеет обратнопропорциональную связь с процентом горожан в том или ином районе.

[74] Суммированы «крымские татары» и «татары» по самооценке.

Население РК составило 1889,4 тыс. чел., в том числе русских – 65,0%, украинцев – 16,0%, крымских татар – 12,6%, белорусов – 1,0%. Население Севастополя составило 395,0 тыс. чел., из них русских – 81,0%, украинцев – 14,2%, белорусов – 1,0%, крымских татар – 0,7% [13, с. 121-134].

Русское (по самооценке) этническое сообщество составляет наибольший удельный вес в населении г. Керчи (87,3%), Севастополя (81,0%), Феодосии (79,7%), Ялты (74,0%), Евпатории (73,7%), Симферополя (72,4%), а наименьший – в Красноперекопском районе (41,3%), Первомайском (45,7%), Джанкойском (46,1%), Раздольненском (49,8%), Кировском (51,9%), Сакском (52,2%), Белогорском (52,6%), Симферопольском сельском (56,1%) районах [13, с. 135-142].

Украинское (по самооценке) население Крыма в наибольшей мере сосредоточено в Красноперекопском районе – 32,5%, г. Красноперекопске – 30,5%, Раздольненском районе – 30,3%, г. Армянске – 29,5%, Первомайском районе – 28,6%, Джанкойском районе – 23,5%, Сакском районе – 21,5%, Нижнегорском районе – 19,6%, г. Ялте – 19,3%. В наименьшей степени украинцы проживают в г. Керчи – 8,5% и Белогорском районе – 10,1% [13, с. 135-142].

Среди муниципальных образований с наибольшим удельным весом крымских татар и татар (суммированы) выделяются Белогорский район (34,3% населения), Кировский (33,2%), Советский (28,6%), Бахчисарайский (27,6%), Джанкойский (26,1%), Симферопольский сельский (25,3%) районы и г. Судак (24,7%). Прирост удельного веса крымских татар идёт в 21 из 25 муниципальных образованиях республики, причём наиболее быстро – в престижных г. Ялта, Симферополь, Судак [13, с. 135-142].

Таким образом, русское население сосредоточено в больших и средних городах, а для украинцев и крымских татар характерно проживание в сельской местности и малых городах. Среди постоянного русского населения Республики Крым горожане составляют 64,2%, среди украинского – 50,3%, а среди крымскотатарского – 26,2% [13, с. 121-134]. Этот фактор вносит вклад в многообразие этнодемографического развития крымского сообщества, стимулируя определённое соперничество в сфере иерархии этнических статусов.

Для понимания тенденций и перспектив этнодемографических процессов в Крыму нужно учесть контрасты возрастной структуры сравниваемых этнических групп. Так, среди русских жителей полуострова в 2014 г. лица младше трудоспособного возраста составляли 18%, в трудоспособном возрасте - 56%, а старше трудоспособного возраста - 26%. Украинцы имеют ещё более «пожилую» возрастную структуру: соответственно, 9, 54 и 37%. Крымские татары - наиболее «молодой» по возрастной структуре народ: младше трудоспособного возраста - 23%, в трудоспособном возрасте - 59%, старше трудоспособного возраста - 18% [13, с. 121-134]. По текущему учёту численности населения (январь - март 2020 г.), рождаемость постоянного населения в Крыму ниже смертности на 39,3% [14]. Следовательно, в будущем удельный вес украинцев и, в меньшей мере, русских в регионе будет снижаться, а крымских татар - повышаться.

Ввиду отрицательного естественного прироста населения его численность растёт за счёт миграции. По сведениям Крымстата, за весь 2019 г. в Республику Крым прибыли 49,3 тыс. чел., а выехали 40,8 тыс. чел. В числе прибывших переселенцы из других субъектов Российской Федерации составили 40,1%, внутрикрымские - 36,5%, а 19,6% – из стран СНГ и 3,8% – из других зарубежных стран [15]. В сравнении с соседями - Краснодарским краем и Ростовской областью удельный вес иностранцев в миграционном потоке увеличен.

Сделаем выводы. Этнические идентичности русских и украинцев в Крыму имеют гибридный характер, доминирует русский язык. Вследствие этого грань между русской и украинской этничностью размыта, с 2014 г. идет принятие русской самооценки многими украинцами. В сравнении, крымскотатарская этничность отчётливо выражена. Ареал крымских татар расширяется ввиду повышенной рождаемости из степной части полуострова на Судак, Саки и Евпаторию. Трудовая миграция выступает основным источником роста численности населения Крыма, удельный вес иностранцев в миграционном потоке увеличен.

Список литературы

1. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М.:Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2017. 216 с.
2. Швец А.Б. Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса «внутристрановых» и трансграничных связей в системе «Большой Евразии» // Геополитика и экогеодинамика регионов. - 2019. - Т. 5 (15). - Вып. 4. С.29-46.
3. Сикач К.Ю., Швец А.Ю. Картографирование этнического пространства Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. - 2019. - Т. 5 (15). - Вып. 3. С.211-222.
4. Вольхин Д.А. «Приморский фактор» социально-экономической и демографической динамики Крыма // Вестник АРГО. 2016. № 5. С.154-164.
5. Сущий С.Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX - середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 4. С.139-149. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.4.14
6. Баранов А.В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 4. С.351-360.
7. Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семененко. - М.: Изд-во «Весь мир», 2017. 992 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php

9. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001г. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/.

10. Ефимов С.А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989-2001 гг. // История и современность. 2009. № 1.С.177-189.

11. Росстат: большинство крымчан считают себя русскими. URL: http:// ria.ru/society/20150319/1053370183.html#14267873405313&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration.

12. В Крыму живут представители 175 национальностей — предварительные итоги переписи. URL: http://www.c-inform.info/news/id/20417.

13. Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А.Е. Суринов. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.

14. Оперативные данные по естественному движению населения Республики Крым. URL: https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/%D0%95%D0%94%D0%9D%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%92%D0%AD%D0%91%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%2003_2020(1).pdf.

15. Оперативные данные по миграционному движению населения Республики Крым. URL: https://crimea.gks.ru/folder/27537.

УДК 314.18

Волкова Наталья Викторовна
к.э.н., доцент кафедры экономики предпринимательства, Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», Алтайский край, г. Бийск, Россия

Демографические тренды в контексте территориальной лояльности населения (на материалах сельских районов Алтайского края)

Аннотация. *Актуальность исследования определяется нарастающими темпами снижения численности населения Алтайского края, в связи с чем представляется необходимым дать прогноз демографической ситуации. В качестве метода прогнозирования использовано построение уравнений трендов. В результате обнаружено, что реализация государственных программ развития сельских территорий не приводит к улучшению демографической ситуации, что дает основание предполагать существование специфического феномена – территориальной лояльности населения, а также обосновывает будущие исследовательские задачи по поиску внеэкономических (социальных и психологических) факторов ее формирования.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00233 «Факторы территориальной лояльности жителей сельских поселений (на примере Алтайского края)».

Ключевые слова: *демография, население, сельские территории, территориальная лояльность, рождаемость, смертность, миграция.*

Снижение численности сельского населения РФ сегодня является четко прослеживаемой тенденцией. Смертность, превышающая рождаемость, а также отток населения из сельской местности в города являются серьезными проблемами социально-экономического развития как сельской местности, так и страны в целом. Именно это послужило причиной разработки и внедрения Государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий» (далее – Программа), одной из основных целей которой является сохранение доли сельского населения в общей численности населения страны на уровне не менее 25,3 % (для сравнения: в качестве базового принят 2017 год, когда численность сельского населения составляла 25,7 %) [3].

При этом численность сельского населения Алтайского края уменьшается более быстрыми темпами, чем численность сельского населения страны в целом [1, с. 27, 29]. Однако доля сельского населения в общей численности жителей в данном регионе существенно превышает целевые показатели Программы: в 2017 году – 43,7 %, в 2020 году – 43,1 % (рассчитано по [4]). Видимо по этой причине в число целевых показателей Государственной программы Алтайского края «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» не включено сохранение численности сельского населения [2].

На рисунке 1 представлен график изменения численности сельского и городского населения Алтайского края. Наглядно видно, что уменьшение численности населения рассматриваемого субъекта РФ обусловлено именно снижением численности сельских жителей, тогда как численность городского населения остается практически стабильной. В таблице 1 представлен прогноз общей численности населения Алтайского края, а также численности жителей его сельской местности, рассчитанный при помощи полученных уравнений линии трендов. Прогноз показывает, что при сохранении существующей динамики снижения численности населения вплоть до 2077 года можно сохранить долю сельского населения в общей численности жителей Алтайского края на целевом уровне – не ниже 25,3 %.

Однако, в связи с тем, что темпы оттока жителей сельских территорий Алтайского края нарастают, такой прогноз выглядит слишком оптимистично. Так, темп убыли сельского населения края в 2017 году по сравнению с 2016 годом составлял 0,7 %, а в 2019 году по сравнению с 2018 годом – уже 1,3 %.

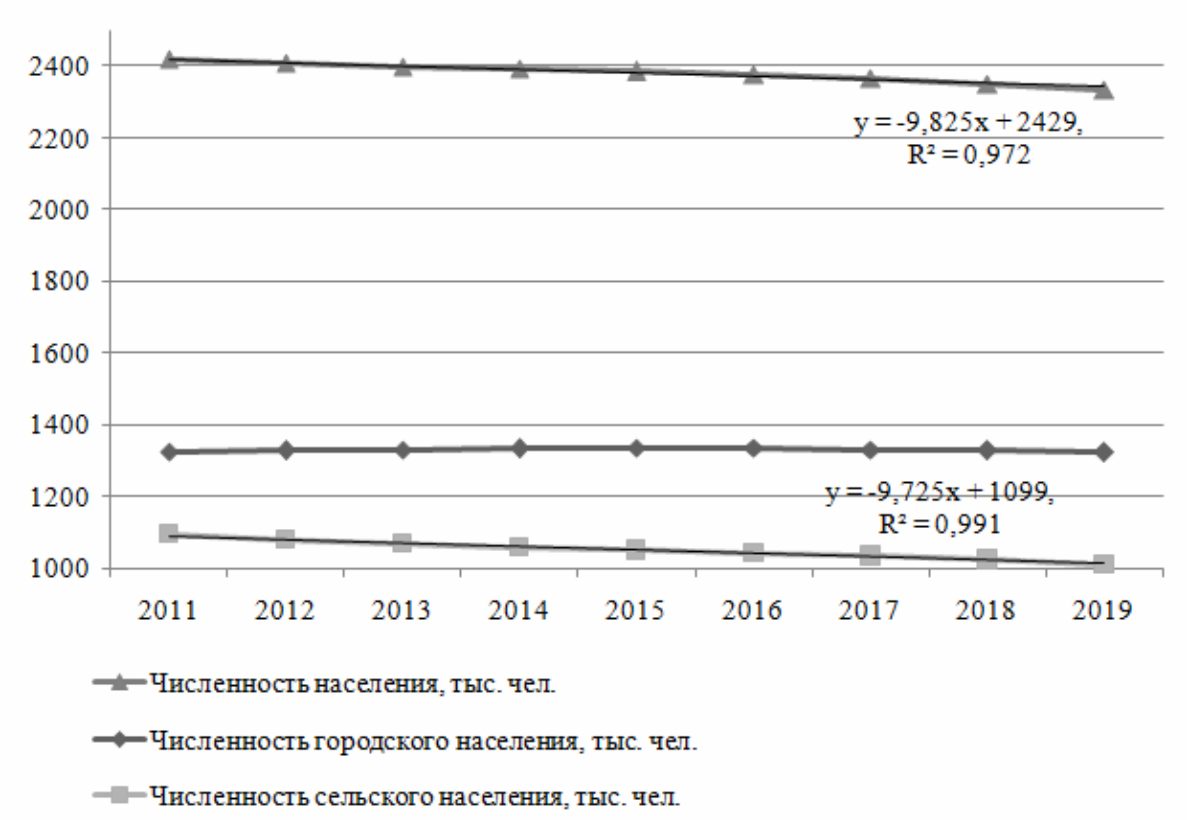

Рис.1.Динамика изменения численности населения Алтайского края [4]

Таблица 1 – Прогноз изменения численности населения Алтайского края

Год	Номер периода (*x* в уравнении тренда)	Прогноз общей численности населения, тыс. чел.	Прогноз численности сельского населения, тыс. чел.	Прогноз доли сельского населения в общей численности, %
2021	11	2320,9	992,0	42,7
2022	12	2311,1	982,3	42,5
2023	13	2301,3	972,6	42,3
2024	14	2291,5	962,9	42,0
2025	15	2281,6	953,1	41,8
…	…	…	…	…
2077	67	1770,7	447,4	25,3

На рисунке 2 приведены графики динамики численности родившихся (без учета мертворожденных) и умерших жителей Алтайского края. Очевидно, что рождаемость на сельских территориях Алтайского края падает быстрее, чем смертность, что позволяет говорить о демографическом кризисе, который в данном случае состоит в нарушении процесса воспроизводства населения. В литературе отмечается, что демографический кризис, обусловленный снижением рождаемости, в настоящее время характерен для промышленно развитых стран [5, с. 3].

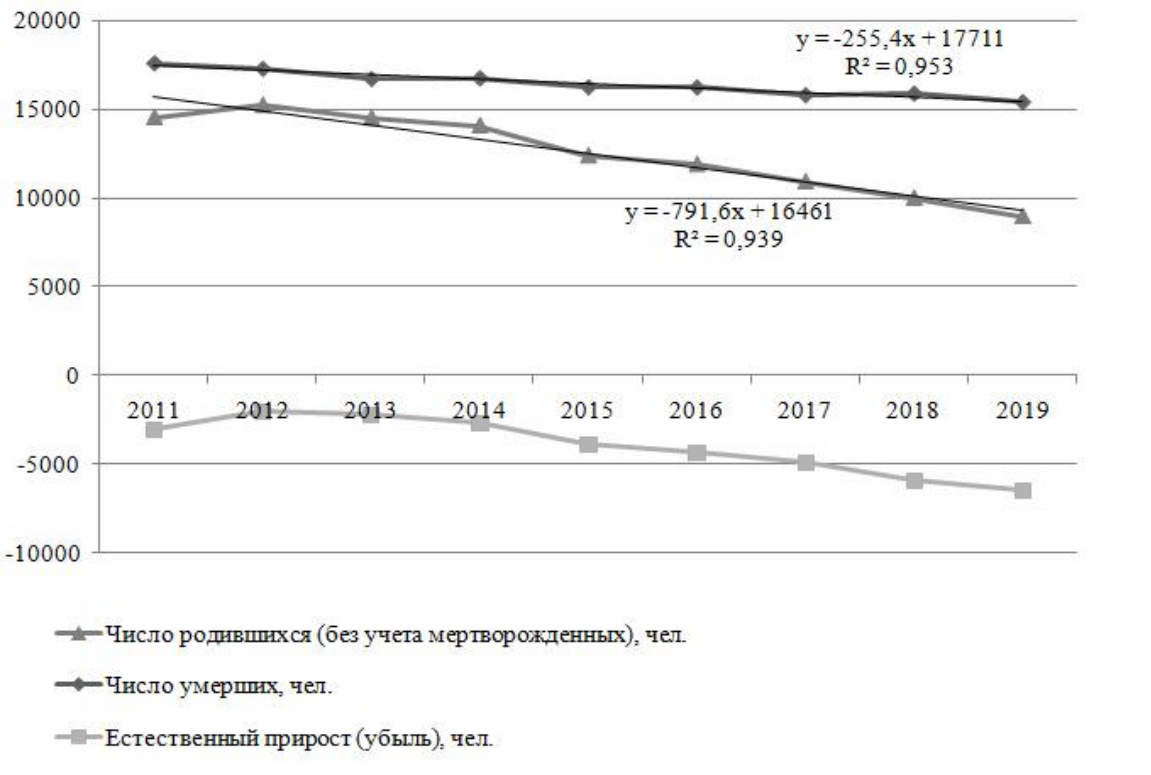

Рис.2. Динамика изменения численности родившихся (без учета мертворожденных) и умерших жителей Алтайского края [4]

В соответствии с прогнозом рождаемости и смертности населения сельских территорий Алтайского края, представленном в таблице 2, при сохранении текущих тенденций снижения рождаемости и смертности, естественная убыль населения будет нарастать.

Сложившуюся на сельских территориях Алтайского края демографическую ситуацию нельзя назвать демографическим переходом, как его определяет, например [6, p. 13], поскольку снижение рождаемости не сопровождается соответствующими темпами снижения смертности, а все больше уступает им.

Таблица 2 – Прогноз рождаемости и смертности сельского населения Алтайского края

Год	Номер периода (*x* в уравнении тренда)	Прогноз рождаемости сельского населения, чел.	Прогноз смертности сельского населения, чел.	Прогноз естественного прироста (убыли) сельского населения, чел.
2021	11	7753	14902	-7148
2022	12	6962	14646	-7684
2023	13	6170	14391	-8221
2024	14	5379	14135	-8757
2025	15	4587	13880	-9293

К сожалению, витрины статистических данных Федеральной службы государственной статистики предоставляют данные по миграционным потокам сельского населения только с 2017 года, причем данные 2019 года

для Алтайского края на момент подготовки статьи не были выложены (таблица 3). В связи с этим соответствующие тренды миграционных потоков построены не были. Однако выявленные тенденции снижения численности сельского населения Алтайского края дают основания предполагать, что в рассматриваемом субъекте РФ также наблюдается тенденция к миграционному оттоку населения, несмотря на то, что в 2018 году по сравнению с 2017 годом темп миграционного оттока сельского населения снизился с 3,74 ‰ до 0,67 ‰.

Таблица 3 – Миграционные потоки сельского населения Алтайского края [4]

Год	Численность прибывших жителей, чел.	Численность выбывших жителей, чел.	Миграционный приток (отток), чел.
2017	31347	35217	-3870
2018	35847	36533	-686

Таким образом, статистические данные свидетельствуют о том, что на сельских территориях Алтайского края сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, обусловленная тем, что уровень смертности населения превышает уровень рождаемости, а также наблюдающимся миграционным оттоком сельского населения. И выявленные тенденции сохраняются, несмотря на реализацию с 2011 года Государственной программы Алтайского края «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края». Это свидетельствует о том, что целевые показатели, достигаемые в ходе реализации указанной программы, не оказывают значимого влияния на территориальную лояльность населения, основными проявлениями которой являются отсутствие намерения сменить место жительства и стремление создать семью и воспитывать детей на территории своего проживания.

Процесс формирования территориальной лояльности – глубинный, на него оказывают влияние не только экономические показатели. Вероятнее всего, что территориальная лояльность формируется под воздействием в том числе социальных и психологических факторов, работа по выявлению которых проводится в настоящее время.

Список литературы

1. Беляев В.И. Маркетинг в управлении сельскими территориями: актуальность и принципы применения (на материалах Алтайского края) / В.И. Беляев, Н.В. Волкова // Экономика. Профессия. Бизнес. 2019. № 1. С. 24–38.

2. Государственная программа Алтайского края «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края». Утверждена Постановлением Администрации края от 02.08.2011 № 420 [Электронный ресурс]. – URL: http://docs.cntd.ru/document/453110670 (дата обращения: 01.09.2020).

3. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий. Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696 [Электронный ресурс]. – URL: http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZAw0FaFjnA79v.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

4. Демография. Численность и состав населения (витрины). Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 01.09.2020).

5. Короленко, А.В. Об исследовании современного демографического кризиса в России: подходы и оценки / А.В. Короленко // Вопросы территориального развития. 2014. № 10 (20). С. 1–14 [Электронный ресурс]. – URL: cyberleninka.ru/article/n/ob-issledovanii-sovremennogo-demograficheskogo-krizisa-v-rossii-podhody-i-otsenki/viewer (дата обращения: 01.09.2020).

6. Reher D.S. (2011) Economic and social implications of the demographic transition // Lee R.D. and Reher D.S., eds. Demographic Transition and Its Consequences. A supplements to Vol. 37 of Population and Development Review. PP. 11–33.

УДК 314.5.063

Ворошилова Анжелика Игоревна
к.социол. н., старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия
Бледнова Наталья Дмитриевна
магистрант, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия

«Зачем же в ЗАГС?»: отношение к регистрации брака среди уральского населения[75]

Аннотация. *Статья рассматривает актуальную проблему трансформации института семьи. Целью работы было выявление отношения населения к незарегистрированным и официальным бракам. В качестве основного исследовательского метода был использован анкетный опрос жителей Свердловской области. Результаты опроса свидетельствуют о нейтральном отношении граждан к незарегистрированным союзам. Данные результаты могут быть полезны при формировании демографической политики.*

[75] Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

Ключевые слова: *незарегистрированный брак, гражданский брак, брачные отношения, институт семьи и брака.*

В последние десятилетия в России, как и во всем мире, наблюдается трансформация традиционных представлений о семье и браке. Современная модель брачного поведения неизбежно адаптируется под условия новой реальности: ускоренный ритм жизни, ориентация на карьеру и получение дохода, потребность личности в самореализации и пр. В этой связи приемлемой для многих людей формой отношений становится так называемый «гражданский брак», под которым чаще всего понимается сожительство двух людей, официально не регистрирующих свой союз.

Изначально понятие «гражданского брака» противопоставлялось церковному венчанию, которое в прошлом являлось наиболее распространенным способом регистрации брачного союза в большинстве европейских стран. Исследователи отмечают, что как таковой гражданский брак появился в XVI веке в Нидерландах, где браки двух людей с разным вероисповеданием могла узаконить только власть, а не церковь [5, с. 190]. В России, в свою очередь, с 1722 г. по 1917 г. не было особых социальных учреждений, в которых могла производиться регистрация брака без участия церкви, поэтому лишь незначительная часть либерально настроенной молодежи отказывалась от церковного таинства венчания, отдавая предпочтение сожительству [6, с. 67]. Ситуация в стране изменилась с приходом советской власти. В Кодексе «О браке, семье и опеке» фактический брак (т.е. сожительство) юридически приравнивался к браку, зарегистрированному государством. Однако из-за роста внебрачных связей и угрозы разрушения института семьи как такового уже в 1944 г. незарегистрированный брак признается незаконным [7, с. 13]. В общественном сознании начинает формироваться новый образ идеального брачного союза. Брак в социалистическом обществе представлял собой «добровольный, большей частью пожизненный, союз мужчины и женщины, характеризующийся взаимным уважением супругов и порождающий их права и обязанности» [9, с. 25]. Такая семейная идеология сохранялась в России на протяжении полувека, и только со второй половины 80-х гг. исследователи начали констатировать некоторую либерализацию общественного мнения по поводу сожительства [3, с. 201]. Таким образом, процессы «либерализации» брака в России начались несколько позже, чем в Западной Европе. В настоящее время в ряде западных государств, например, в США, Франции и Нидерландах «гражданский брак» представляет собой правовое понятие, что позволяет людям, проживающим совместно, законно отстаивать свои права в случае раздела совместного имущества. Современный Семейный кодекс РФ, напротив, признает законным только тот брак, который был зарегистрирован государством. Несмотря на это, количество незарегистрированных браков продолжает расти [2]. Возможно, эта тенденция связана с нежеланием современных людей ограничивать свою свободу, связывая себя семейными узами, которые, в свою очередь,

предполагают определенную долю ответственности и обязательств между супругами [1, с. 138]. В некоторых случаях сожительство рассматривается как «пробная версия брака», что указывает на неуверенность партнеров в прочности официального брачного союза [4, с. 101]. Помимо этого, существует мнение, что сожительство без обязательств свидетельствует о неготовности молодых людей к родительству, что в конечном итоге влияет на без того негативную демографическую ситуацию в стране [8].

С целью выявления мнения населения о «гражданских» и официально зарегистрированных браках мы провели анкетный опрос жителей Свердловской области. В нем приняло участие население репродуктивного возраста (N=812), квоты по возрасту и полу выборочной совокупности соответствовали таковым в генеральной совокупности. Больше половины опрошенных нами людей на данный момент состоит в официально зарегистрированном браке, при этом почти пятая часть – в повторном. Только десятая часть респондентов отметила, что состоят в незарегистрированном «гражданском» браке. Примерно столько же опрошенных находятся в разводе. Никогда не состояли в браке почти 20 % респондентов (в основном из числа молодых людей).

На первом этапе исследования мы попросили ответить только холостых и незамужних респондентов о том, собираются ли они вообще вступать в брак. Их ответы распределились практически равномерно. 35,1 % ответили утвердительно, чуть больше (36,1 %) – отрицательно, еще 28,8 % затруднились с ответом. Таким образом, среди людей (преимущественно молодых), не состоящих в браке, установки на вступление в брак выражены весьма неоднозначно. Число людей, которые не хотят жить в браке вообще, примерно равно числу тех, кто выступает за такую «традиционную» организацию личной жизни. Значителен и равен двум предыдущим группам и процент тех, кто не принял какого-то определенного решения по поводу того, хочет ли он жить в браке, или нет.

Далее мы задали вопрос респондентам, собирающимся вступать в брак, о перспективах его регистрации. Распределение ответов представлено в табл. 1.

Таблица 1 – Перспективы регистрации брака для респондентов, имеющих намерение создать семью

Ответы	Доля ответивших, %
отсутствуют	7,9
существуют, до начала совместного проживания	8,8
существуют, при условии совместного проживания	15,8
существуют, в случае рождения ребенка	2,6
существуют, по прошествии 1-2 лет после начала совместного проживания	64,9
Итого	100,0

Таким образом, большинство респондентов (64,9 %) даже из числа уже настроенных на брак считают, что прежде, чем регистрировать отношения официально, нужно пройти «тестовый» этап «гражданского» брака или

сожительства. Примечательно также, что из числа этих «настроенных на брак» молодых людей почти 8 % не собираются официально регистрировать союз ни на каких условиях.

Следующий вопрос о причинах регистрации брака был открытым по форме и адресован всем респондентам, вне зависимости от их брачного положения и планов. Мы выявили следующие типы аргументации:

1) апелляция к традиционным представлениям и социальным нормам: «Брак – это семья, может быть только зарегистрированным», «Зарегистрированный брак – ответственный и осознанный, шаг двух взрослых людей»; «Отношение в обществе»; «Порядок»; «Социальный статус»; «Так принято, и это правильно!»; «Традиция, которую привили предки»; «Бог создал брак, а не сожительство»;

2) правовая аргументация: «В государстве без официального подтверждения родства невозможно попасть в реанимацию, распоряжаться имуществом»; «возможность попасть в реанимацию, если что-то случилось»; «Юридические основания взять ответственность за другого человека попавшего в сложную жизненную ситуацию и не в состоянии о себе позаботиться»; «бюрократические вопросы при рождении детей (отцовство, запись в муниципальные учреждения и прочее)»; «Дети»; «Господдержка», «Ипотека, Молодая семья (*имеется ввиду гос. программа – прим. авт*.)»; «Контроль со стороны государства за экономикой домохозяйств»; «Муж и жена в равных правах»; «Собственность» и т. д.

Особенное внимание среди ответов этой категории акцентировалось на ситуации развода: «Обеспечивает права супругов при разделе совместно нажитого имущества»; «При разводе можно разделить нажитое имущество поровну»; «раздел имущества при разводе» и т. д.;

3) межличностная/психологическая аргументация: «Взаимная ответственность»/»Ответственность»/»Ответственность мужчины за женщину и семью»; «Человек может взять на себя ответственность не только за себя»; «Это умение взять ответственность за другого человека»; «Любовь»; «Мужчина – собственник, если он сильно любит, значит хочет жениться»; «Не скучно»; «Поддержка друг друга», «Подтверждение серьезности отношений и намерений партнера»; «Семья нужна для всестороннего и полного воспитания детей»; «Спокойствие женщины, уверенность, чувство защищенности»; «Стабильность в семейной жизни»; «уверенность в себе, своем супруге, своих отношениях, своем будущем» и т. д.

Таким образом, причины необходимости регистрации брака, описанные респондентами, можно разделить на три группы – социальные, правовые и психологические. Среди социальных причин регистрации брака указывается соответствие традиционным нормам и представлениям, а также приобретение социального статуса. Среди правовых причин – вопросы раздела имущества в случае развода, а также возможности ведения дел супруга в определенных (или экстремальных) ситуациях. Здесь были также озвучены возможности воспользоваться государственными мерами поддержки семей, бюрократические вопросы, связанные с детьми и т. д. Ключевой аргументацией

среди психологических причин регистрации брака, стала взаимная ответственность, серьезность намерений и стабильность отношений.

Далее мы спросили всех респондентов об их отношении к незарегистрированным бракам. Распределение ответов представлено в табл. 2.

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос об отношении к незарегистрированным союзам

Ответ	Доля, %
полное непринятие	9,3
неодобрение	39,0
одобрение	38,0
принятие	5,0
другой ответ	8,6
Итого	100

При ответе на этот вопрос в категории «Другое» респондентами были высказаны следующие мнения, большинство из которых выражало нейтральное отношение к незарегистрированным союзам: «без разницы», «безразлично», «равнодушно», «все равно», «никак», «нейтрально», «всякое бывает», «дело каждого», «каждый имеет свой выбор/каждый сам решает», «каждый выбирает так, как ему важно», «их личное дело», «отношусь спокойно, это выбор двух», «как удобно людям, так пусть живут», «если людям хорошо вместе, то можно без регистрации брака», «Зачем мне вообще знать о других семьях, я хочу жить в кайф в своей», «кому как удобно, регистрация не влияет на качество семьи», «Наличие регистрации не влияет на мое отношение к семье», «Нужно прожить определенное время вместе, чтобы понимать, что вы хорошо изучили друг друга», «с пониманием», «с уважением». Другие ответы этой категории выражали затруднения с ответом: «затрудняюсь ответить», «не задумывался», «не знаю, как это», «не имею ничего против, но и не одобряю».

Обобщая результаты количественного опроса и качественного анализа открытых ответов респондентов, можно отметить, что в целом среди уральского населения преобладает нейтральное отношение к незарегистрированным союзам. Зачастую люди воспринимают гражданский брак как «проверочный» этап отношений, но в целом рассматривают его как «личное дело каждого». Аргументы же в пользу официальной регистрации брака связаны, прежде всего, с взаимной ответственностью супругов (правовой или психологической), а также со стабильностью, серьезностью и статусностью такого союза.

Список литературы

1. Вишневский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. – №5. С. 125-141.

2. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 году // Официальная служба государственной статистики [электронный

ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/ new_site/RPN17 /reports.html (дата обращения: 11.08.2020).

3. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб, ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 С.

4. Зарипова Э. А., Ильдарханова Ф. А., Ильдарханова Ч. И., Нурутдинова А. Н. Разводы в Татарстане // Социологические исследования. 2011. №3. С. 95-102.

5. Осипова Л. Б. Гражданский брак как социальное явление //Вестник Сургутского государственного педагогического института. 2014. №2. С. 189-194.

6. Пушкарева Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67-89.

7. Разумова И. А. Гражданский брак: понятие, статус, исследования // Труды Кольского научного центра. 2010. №2. С. 9-24.

8. Семейный брак. Почему демографы голосуют за ЗАГСы // Российская газета – Неделя – Урал. – 2018. – №198 [электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2018/09/06/reg-urfo/pochemu-demografy-vystupaiut-tolko-za-oficialnyj-brak.html (дата обращения: 11.08.2020).

9. Шимин Н. Д. Семья, брак, быт. М.: Политиздат, 1964. 46 с.

УДК 314.7

Гокова Ольга Владимировна,
к. социол. н., доцент кафедры региональной экономики и управления территориями, ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия
Маклакова Маргарита Владимировна,
студентка 4 курса, ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», г. Омск, Россия

Миграционная безопасность территории (на примере Омской и Свердловской областей)

Аннотация. *Исследование обусловлено проблемой складывающихся негативных миграционных процессов в промышленных регионах России, которые влияют на их социально-экономическую безопасность и устойчивое развитие. Основной категорией населения, влияющей на миграционные процессы, является молодежь. Результаты исследования показывают, что в обоих регионах необходимо формировать положительный имидж территории, разрушать сформированные негативные стереотипы, обеспечивать социально-экономическую устойчивость территории.*

Ключевые слова: *миграционная безопасность, миграция молодежи, миграционное поведение, студенческая молодежь.*

Миграционное поведение молодежи вносит существенный вклад в формирование позитивного имиджа региона, формирование экономического, демографического и инновационного потенциала территории. Необходимо отметить, что выпускники высших учебных заведений являются главным конкурентным человеческим капиталом, обеспечивающим социально-экономическую безопасность и устойчивое развитие региона. Студенческая миграция в России носит выраженный центростремительный характер, население стягивается в крупнейшие центры – Москву и Санкт-Петербург. В пределах каждого региона молодое население стремится в региональные столицы, представленные крупными городами, концентрирующими многие виды ресурсов. В настоящее время проблемной ситуацией является отток молодежи из родных регионов в крупнейшие города России.

Миграционное поведение выпускников складывается на основе собственных профессиональных целей, личностных установок и ценностей, определяется условиями жизни и ее окружающим средовым пространством. Основным критерием выбора места жительства молодежи является качество жизни в данном регионе или стране. Именно поэтому с развитием современного общества, а также с внедрением в него цифровой экономики, миграционные намерения студентов, как и сама молодежная миграция, активизируются, поскольку меняется рынок труда и показатели конкурентоспособности регионов, а также страны в целом [5, с. 174].

В этой связи актуальность исследования определяется целью выявления и понимания причин миграционного поведения молодежи, которое складывается под влиянием региональных условий и факторов жизнедеятельности и субъектных профессиональных ожиданий на рынке труда. Осенью 2019 года проведено сравнительное исследование «Миграционное поведение молодежи в рамках региональной безопасности и устойчивого развития». Оно проводилось в Омской и Свердловской областях, которые относятся к категории промышленных регионов со сложившейся образовательной инфраструктурой, обеспечивающей потребности региональных промышленных производств. Исследование проведено на основе документального метода и опроса выпускников ВУЗов двух регионов. Исследовательский интерес обусловлен отнесением этих регионов к разным федеральным округам РФ, имеющих отличия в уровнях социально-экономического развития: Омская область находится в Сибирском федеральном округе, Свердловская область – в Уральском федеральном округе.

Изменение численности населения региона при отсутствии административно-территориальных преобразований определяется всего двумя компонентами: естественным приростом (убылью) и миграцией. Величина миграционного прироста (убыли) наиболее динамично отражает демографические перемены, происходящие в обществе, и является индикатором социально-экономического благополучия региона.

Принимая за точку отсчета перепись населения 2010 года, в течение всех последующих лет, кроме 2014 и 2015 годов, решающее влияние на

формирование численности населения Омской области оказывала миграция. При этом суммарный миграционный баланс был положительным лишь однажды – в 2014 году. В последующие годы миграционная убыль нарастала и в 2018 году превысила 12 тысяч человек. Это на 22,8 % больше, чем годом ранее. При этом 80 % перемещений связаны со сменой места жительства, то есть невозвратны [1, с. 9-10].

По величине коэффициента миграционного оттока за 2018 год (-6,2 на 1000 человек населения) Омская область находится на 75 месте в Российской Федерации (первое место соответствует максимальному миграционному приросту). Среди регионов Сибирского федерального округа – в Омской области самая сильная миграционная убыль (10 место). Отрицательное сальдо миграции сложилось за счет выезда населения в другие регионы России, который продолжает усиливаться. Миграционный отток населения в 2018 году составил -12,1 тыс. человек (в 2017 г. – 9,9 тыс. человек) [1, с. 3-4; 4].

В Свердловской области до 2018 года миграционная ситуация была более благоприятная, чем в Омской области. Довольно высокая миграционная привлекательность Свердловской области была обусловлена стабильным экономическим ростом центральных городских округов, наличием богатого экономического и природно-ресурсного потенциала. Безусловно, вписываясь в тенденции Российской Федерации, в Свердловской области фиксируется преобладание городского населения. Наибольшая миграционная убыль из сельских поселений наблюдалась в 2010 г. (7 024 чел.). С 2011 по 2017 г. миграция замедлилась и в среднем составила 3 860 человек, а в 2018 году отмечается миграционная убыль населения – 1300 человек. Наиболее вероятной причиной столь значительного снижения миграционного прироста и формирования убыли является замедление темпов социально-экономического развития страны в целом и Свердловской области в частности [2].

География межрегиональной миграции сохраняется в обоих регионах на протяжении значительного времени. Регионами предпочтительного выезда как для омичей, так и для свердловчан остаются г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Тюменская область. Почти половина миграционного оттока в другие регионы России (45%) обусловлена сменой места работы [2; 4].

Миграционный отток из Омской и Свердловской областей затрагивает все возрастные группы населения. Две трети миграционных потерь (67,1%) приходится на граждан трудоспособного возраста. Пятая часть миграционной убыли (21%) обусловлена оттоком детей и подростков моложе 16 лет. Очевидно, что менее мобильными являются лица старших возрастов. На эту возрастную группу приходилась примерно десятая часть (11,9%) миграционного сальдо.

В 2018 году доля лиц с высшим профессиональным образованием в общем объеме миграционных потерь составляла около 40 % в Омской области и Свердловской областях [1, с. 7-8; 2].

Город Омск находится на четвертом месте рейтинга городов, из которых уезжает население: из 1000 человек уезжает больше 20 человек. Поскольку молодежь 20-24 лет в наименьшей мере привязана к территории, то миграционный поток в данной возрастной группе является наиболее чувствительным к изменению «привлекательности» территории. В Свердловской области также ежегодно снижается численность населения в возрастной группе 20-24 года, так, например, в 2015 году численность данной возрастной группы составляла 260,4 тыс. человек, а на начало 2019 года составила только 198,1 тыс. человек. В 2019 году миграционная убыль в данной возрастной группе составила более 80 тыс. человек в обоих регионах [4].

Отток молодых специалистов негативно сказывается на социально-экономическом положении региона, а именно ведет к снижению качества интеллектуального потенциала, к изменению структуры занятости и демографической структуры населения, росту безработицы и проблемам воспроизводства трудовых ресурсов [3, с. 118].

Положительное или отрицательное влияние миграционных трендов на социально-экономическую безопасность региона определяется характером миграционного поведения выпускников вузов. Проведенный осенью 2019 г. опрос студентов выпускных курсов ВУЗов Омской (245 чел.) и Свердловской (255 чел.) областей иллюстрирует осознанное стремление молодых людей найти себя на рынке труда, иметь возможность реализовать себя профессионально в современных экономических условиях.

Ключевым фактором успеха развития современной региональной экономики является наличие высококвалифицированных кадров в достаточном объеме и соответствующих рабочих мест, а также системы подготовки специалистов, обладающих определенными компетенциями для разработки и внедрения цифровых технологий.

Несмотря на то, что больше половины респондентов оценивают шансы своего трудоустройства как «средние» и имеют отдаленное представление о цифровой экономике, более 70 % омских и свердловских студентов считают, что в современных условиях их специальность будет востребована на рынке труда (таблица 1).

Таблица 1- Можно ли работать по Вашей специальности в условиях цифровой экономики

Варианты ответов	Омская область, % опрошенных	Свердловская область, % опрошенных
Да	33,1	30,9
Скорее да, чем нет	43,1	40,2
Скорее нет, чем да	18,4	21,7
Нет	5,4	7,2

По мнению студентов, «информационные технологии», «экономика и финансы» и «маркетинговые коммуникации» станут первыми отраслями, которые затронет цифровизация.

Кроме того, 41 % респондентов в Свердловской области и 48,5 % респондентов в Омской области считают, что в новых условиях развития экономики уровень мобильности молодежи значительно возрастет.

Большинство опрошенных студентов в обоих регионах считают, что им, скорее всего, придется получать дополнительное образование. Из данных таблицы 2 можно сделать вывод, что 56,7 % студентов в Свердловской области и 59,8 % студентов Омской области считают, что для успешного трудоустройства в будущем им потребуются знания компьютерных технологий. Почти 20 % респондентов из обоих регионов уверены, что они не смогут обойтись без экономических и управленческих знаний. 10,4 % омичей и 12,1 % свердловчан уверены, что им потребуются знания иностранных языков.

Таблица 2- Какие знания Вам понадобятся для успешного трудоустройства в будущем

Варианты ответа	Омская область, % опрошенных	Свердловская область, % опрошенных
Знание компьютерных технологий	59,8	56,7
Экономические и управленческие знания	19,8	19,6
Юридические знания	1,2	3,2
Коммуникационные знания	7,7	5,2
Знания иностранных языков	10,4	12,1
Другое	1,1	3,2

Результаты опроса представили видение молодых специалистов не только о собственных возможностях найти работу с адекватной зарплатой или продолжения учебы в хорошем ВУЗе, но и в целом о территориальной среде, в которой им предстоит жить. Это, в свою очередь, определяет их выбор будущего места жительства и свидетельствует об активном или пассивном характере миграционного поведения. Во многом причины переезда молодежи кроются в том, что в более крупных городах они видят больше перспектив для личностного развития и профессионального роста. Респонденты указывают на более развитую инфраструктуру (транспортную, социальную и т.д.), быстрое развитие цифровых технологий, колоссальный разрыв в уровне доходов в таких городах.

Результаты опроса, которые подтверждают статистическую характеристику миграционных процессов в регионах, показывают, что выпускники ВУЗов обоих регионов имеют общую тенденцию смены места жительства, определяемую на основе весомой проблемы отсутствия приверженности, лояльности молодежи к месту своего проживания и обучения.

Подводя итог, можно отметить, что для сохранения приверженности, лояльности молодежи к месту своего проживания и обучения – Омской и

Свердловской областям региональной власти необходимо особое внимание уделять развитию информационно-коммуникационной инфраструктуры на основе новых технологий, формировать положительный имидж территории, разрушать сформированные негативные стереотипы, обеспечивать социально-экономическую устойчивость территории. Последствия потери молодых кадров могут привести к резкому старению населения регионов, сокращению их численности и высокому уровню безработицы, что скажется на экономике регионов в целом.

Список литературы

1. Миграционные процессы в Омской области: статистический бюллетень. Омск: Омскстат, 2019. 45 с.
2. Общие итоги миграции населения Свердловской области в 2018 году по видам миграции [Электронный ресурс] / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской и Курганской области. – URL: https://sverdl.gks.ru/folder/29698 (дата обращения: 18.05.2020).
3. Хохлова М. Молодежный рынок труда: европейский опыт в российском контексте // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. Т. 63. № 9. С.118-128.
4. Численность и миграция населения Российской Федерации [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://gks.ru/folder/11110/document/13283 (дата обращения: 20.05.2020).
5. Kashnitsky I. Russian periphery is dying in movement: a cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // GeoJournal. 2018. № 85(1). PP.173-185.

УДК 314.83

Гунаев Евгений Александрович
к. юрид. н., старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Россия

Снижение численности населения региона как устойчивый фактор его дальнейшего политико-экономического будущего (на примере Калмыкии)

Аннотация. *Снижение численности населения (депопуляция) является угрозой существованию малочисленных регионов, в том числе малым народам. На основе данных статистики и результатов региональных исследований рассмотрено демографическое и миграционное развитие Республики Калмыкия. Они свидетельствуют о демографическом кризисе в сельской местности и постепенно ускоряющейся депопуляции населения всей республики вследствие миграционного оттока за пределы региона.*

***Ключевые слова**: численность населения, Республика Калмыкия, демографическое развитие, миграционный отток.*

Многообразие субъектов Российской Федерации обуславливает изучение и регионального демографического развития. Особняком выделяются малочисленные субъекты РФ, численность населения которых не превышает 300-500 тыс. человек. К таким регионам относится Республика Калмыкия с численностью населения на начало 2020 г. — 272.6 тыс. чел. [6]. По данным переписи 1989 г. численность населения республики достигла своего максимального значения в 322,6 тыс. чел. [9, с. 214], затем происходило ее снижение, несмотря на сохранение естественного прироста. Причина продолжающегося снижения численности населения — миграция за пределы республики, обусловленная социально-экономическими причинами. Данная тенденция является особенно устойчивой, начиная с начала 2000-х гг., в 2010-х гг. по данным статистики она резко усилилась [9, с. 226]. Это ставит перед властями региона ряд проблем, общий итог которых устойчивое снижение численности населения республики, что гипотетически ставит даже вопрос о будущем существовании республики как субъекта Российской Федерации. Официально это не постулируется, однако беспокоит общественность региона и находит свой отклик на страницах СМИ и в сети Интернет [2, с. 257].

Цель статьи — исследовать проблему снижения численности населения Калмыкии в контексте перспектив социально-экономического развития региона с учетом тенденций демографического развития республики за последнее десятилетие.

Согласно Д.М. Чурюмовой, «по сравнению с итогами Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее — ВПН-2010) численность населения региона на 1 января 2019 г. сократилась на 16,8 тыс. человек, с предыдущим годом — на 2,8 тыс. человек. После 2010 г. отмечалось ежегодное снижение численности населения региона в среднем на 0,7 %, в сельской местности — 0,9 %. Между переписями 2002 и 2010 гг. ежегодное сокращение составляло в среднем 0,1 % (между 1989 и 2002 гг. — на 0,8 %, 1979 и 1989 гг. прирост — на 1,01 %, 1970 и 1979 гг. — на 1,3 %, 1959 и 1970 гг. — на 3,7 % в год)» [9, с. 215].

Исследователи отмечают, что «показатели механического движения населения Калмыкии характеризуются стабильным оттоком населения в другие регионы страны и за рубеж. Межрегиональные внутренние миграции в основном направлены в центральные и северные субъекты Российской Федерации. Социальный состав выбывающих представлен в основном людьми с высокой профессиональной квалификацией, потому что в настоящее время оказались невостребованные в экономике региона» [1, с. 7].

В.Л. Волгин приходит к выводу, что одно из проявлений конструирования миграционной реальности заключается в том, «что выезд людей из республики в другое место проживания, работы, учебы стал в регионе привычной, регулярно воспроизводимой практикой. По данным Росстата, в 2016 г. за пределами своего региона работало 12,5 % занятого населения Калмыкии. Более значительная доля была только у 4-х субъектов

РФ» [2, с. 254]. Далее он отмечает, что «миграционный отток, действительно, вызван главным образом депрессивным состоянием региона, и с высокой степенью вероятности можно предположить, что, пока эта депрессивность не будет преодолена, практика активного выезда населения за пределы республики сохранится и в дальнейшем» [2, с. 255].

Согласно данным Росстата за 2019 г. Калмыкия по-прежнему в числе региональных лидеров по доле занятого населения (12,9%), выезжающего на работу за пределы своего региона [7].

Как отмечает Д.М. Чурюмова, «передвижение внутри региона, связанные со сменой места жительства, в общем миграционном обороте составляют около 50,9 %., на переселения из одного субъекта Российской Федерации в другой приходится более 49,1 %» [9, с. 226]. Также она обращает внимание, что «численные значения сельского населения в республике достигли уровня 60-х гг. XX в., при этом если в те годы удельный вес сельского населения достигал 70 %, то на текущий момент — 54,4 %» [9, с. 215]. То есть миграционный отток, в том числе за пределы региона, в большей степени характерен для сельского населения Калмыкии.

Б.Б. Нусхаева приводит данные социологического опроса 2017 г. на базе отделов ЗАГС трех регионов (Астраханская, Волгоградская области и Калмыкия). Всего опрошено 580 человек, из них 262 жителя Республики Калмыкия. «Более половины опрошенных из Республики Калмыкия (59,4 %) считают, что население в регионе сокращается… и чаще всего такую оценку дают сельские респонденты, чем городские (74,1 % и 38,8 % соответственно). Таким образом, наиболее неблагополучная оценка демографической ситуации выражена в представлениях сельских респондентов Калмыкии» [5, с. 44].

Е.С. Кованова на основе данных выборочного обследования отмечает высокую трудовую мобильность молодого сельского населения аграрной Республики Калмыкия. «В связи с активным отъездом молодых сельских жителей аграрная экономика может остаться без рабочих кадров, и впоследствии данная тенденция будет усиливаться. Причина такой тенденции заключается в перманентном кризисе отрасли и неразвитости сельского рынка труда. Выбытие молодежи усугубляет непростую демографическую ситуацию в республике» [3, с. 163–164].

Миграционный отток населения вызывает публичную обеспокоенность калмыцких общественных активистов. «Одни из них ведут речь о необходимости “сохранения калмыцкого этноса на родной территории”, другие на этом фоне негативно воспринимают появление в Калмыкии даже относительно немногочисленных иностранных трудовых мигрантов из центрально-азиатских стран — бывших республик СССР» [2, с. 259].

Аналитический Центр Института Цифровых Трансформаций и Исследований Экономических Трендов дал оценку и прогноз изменениям численности населения, возрастной структуры, наличию трудовых ресурсов Калмыкии до 2024 г. «Прогнозируется дальнейшее ежегодное незначительное сокращение численности населения региона. Темпы сокращения ежегодно будут увеличиваться с 2,6 тыс. чел. в 2020 г. до 2,8

тыс. чел. в 2024 г. Основная причина сокращения численности населения региона — отрицательный миграционный прирост, который будет не менее 2,5 тыс. чел. в год. Выбытие из региона будет происходит преимущественно в другие регионы РФ с более высоким уровнем дохода. В республики очень низкий уровень доходов у населения (80 место в РФ)» [4].

Усиливать тренд по сокращению численности населения будет естественная убыль населения, начиная с 2020 г. «Но до 2024 г. отрицательный естественный прирост будет невысок и составит не более 300 чел. в год. На фоне сокращения численности населения региона преимущественно из-за выбытия трудоспособного населения в другие регионы к 2024 году произойдет падение численности населения трудоспособного возраста на 5 тыс. чел., несмотря на повышение пенсионного возраста» [4].

Прогнозируется, что из Республики Калмыкии будет выбывать больше жителей, чем прибывать. «Отрицательный внутренний миграционный прирост за счет выбытия в другие регионы РФ будет составлять около 2, 5 тыс. чел. в год. В регионе предполагается умеренный рост ВРП, по данным Минэкономразвития РФ, сохранится отставание от регионов-лидеров ЮФО. Основные причины выбытия — переезд жителей в регионы с более высоким уровнем доходов населения. 60% выбывающих из региона остаются в ЮФО. 21% выбывают в ЦФО, 7% — в СКФО, далее следуют — СЗФО и УФО — 6% и 2,4% соответственно» [4].

Помимо низких доходов населения одной из возможных причин оттока населения из Калмыкии является отсутствие качественной воды, «заниматься реализацией каких-то производств, связанных с сельским хозяйством, животноводством — все это завязано на воде, в том числе» [8].

В Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 г. в числе позитивных факторов развития указывается положительный естественный прирост населения, а среди негативных факторов развития: устойчивая тенденция убыли населения, приводящая к постоянному сокращению доли населения региона в общей численности населения России; ежегодное снижение численности населения, обусловленное миграционным оттоком населения; сокращение в динамике значения показателя естественного прироста населения [5, с. 106].

В Стратегии заявлена цель — Республика Калмыкия как регион с естественным и миграционным приростом населения. Согласно консервативному сценарию Стратегии, среднегодовая численность населения республики составит по прогнозу в 2021 г. — 269,80 тыс. чел., в 2030 г. — 274,4 тыс. чел. По прогнозу целевого варианта 1: в 2021 г. — 270,33 тыс. чел., в 2030 г. — 277,1 тыс. чел., а по целевому варианту 2: в 2021 г. — 271,10 тыс. чел., в 2030 г.— 280,0 тыс. чел. [5, с. 108]. То есть даже по самому оптимистичному сценарию прогноза население республики не превысит 280 тыс. чел.

Приведем предварительные данные оценки численности постоянного населения по компонентам изменения в Республике Калмыкия на 1 января 2020 г.

Таблица 1-Предварительная оценка численности постоянного населения по компонентам изменения на 1 января 2020 г., чел. (извлечение) [6]

Республика Калмыкия	Численность на 1 января 2019 г.	Изменения за 2019 год (+,-) – предварительные			Предварительная численность населения на 1 января 2020 г.
		Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост	
Все население	272647	-1612	229	-1841	271035
городское население	124228	165	308	-143	124393
сельское население	148419	-1777	-79	-1698	146642

Из данных таблицы отмечаем, отсутствие естественного прироста сельского населения и ведущую его роль в миграционном оттоке. Учитывая, что по официальным данным в сельской местности проживает более половины населения республики, это, на наш взгляд, свидетельствует о демографическом кризисе по крайней мере в сельской местности.

Таким образом, демографическое и миграционное развитие Калмыкии, в особенности за последнее десятилетие, позволяет прийти к неутешительному выводу о постепенно ускоряющейся депопуляции населения республики, что ставит серьезные задачи перед властями региона и федеральным центром по исправлению негативных тенденций социально-экономического развития региона.

Список литературы

1. Бадмахалгаев Л. Ц., Абушинов О. А., Доржеева Б. А., Петров Ч. В., Рудакова З. В. Влияние демографических процессов на социально-экономическое развитие республики Калмыкия // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. № 2 (54). С. 11.
2. Волгин В. Л. Современные миграционные реалии в Республике Калмыкия // Государство, Общество и Церковь: миграция и межкультурное многообразие: материалы науч.-практ. конф. с международным участием, г. Новосибирск, 29–30 мая 2018 г.: в 2 ч. Ч. 1 / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы, Сиб. ин-т упр.; под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2018. 340 с. (С. 254–259).
3. Кованова Е. С. Современные тренды миграций сельской молодежи // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. статей X Уральского демографического форума / отв. ред. д. экон. наук О.А. Козлова. – Том I. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2019. 434 с. (С. 161–165).
4. Население Республики Калмыкия: численность, гендерная и возрастная структура, прогноз до 2024г. // https://argumenti.ru/society/2020/07/676868 (дата обращения 20.08.2020).
5. Нусхаева Б. Б. Демографическая ситуация в регионах Юга России (по данным статистики и опроса населения) // Социодинамика. 2018. № 10. С. 40–46.

6. Постановление Правительства Республики Калмыкия «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 года» от 24.12.2019 № 388 //http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0800201912310008 (дата обращения 20.08.2020).

7. Предварительная оценка численности постоянного населения по компонентам изменения на 1 января 2020 г. // https://astrastat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%2001012020%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf (дата обращения 20.08.2020).

8. Росстат назвал лидирующие по оттоку работающего населения регионы // https://www.rbc.ru/economics/15/07/2020/ 5f0c60359a794763d6c03073 (дата обращения 20.08.2020).

9. Хасиков назвал одну из причин оттока населения из Калмыкии //https://ria.ru/20190321/1551996931.html (дата обращения 20.08.2020).

10. Чурюмова Д. М. Развитие демографических процессов в Республике Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 2. С. 212–231.

УДК: 316.356.2-058.8

Делова Людмила Алиевна,
к.социол.н., ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, г. Майкоп, Россия

Межэтническая семья в полиэтничном регионе

Аннотация. *В полиэтничном регионе межэтнические браки – распространенное явление, один из результатов активного межэтнического взаимодействия. В разное время менялось отношение к национально-смешанным семьям. Изучение отношения населения к возможности заключения межэтнических браков весьма актуально, так как диктуется потребностью поддержания социальной стабильности в поликультурном регионе. Автором статьи проведены опросы населения Республики Адыгея с целью выявления отношения к межэтническим семьям. В последнем опросе приняли участие 128 человек. Результаты исследования показали высокий уровень толерантности жителей Адыгеи к допустимости создания межэтнической семьи, к выходцам из таких семей*

Ключевые слова: *многонациональный регион, национальность межэтническая семья.*

Наша страна полиэтнична: на её территории издавна проживают представители многих народов. Национально-смешанные браки и семьи – один из результатов активного межэтнического взаимодействия. В полиэтническом и поликонфессиональном государстве межэтнические браки – распространенное явление, во многих регионах – норма жизни. Межэтническая семья – это малая, но весьма важная микрогруппа полиэтнического общества. Межэтнические семьи остаются заметным фактом жизни современной России.

Юг России известен многообразием населяющих эти территории народов. Республика Адыгея входит в состав Южного федерального округа. В Адыгее проживают представители более 100 национальностей. Удельный вес русских и адыгов, по результатам Всероссийской переписи 2010 года, наиболее ярко выражен: 61,5% (270,7 тысяч человек) и 25% (107,0 тысяч человек). Третье место по количеству проживающих на территории Адыгеи принадлежит лицам армянской национальности – 3,5% (15,8 тысяч человек). Другими наиболее многочисленными национальностями (кроме русских, адыгов и армян), являются украинцы, курды, татары, белорусы [1; 2].

По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея, численность постоянного населения Республики Адыгея на 1 апреля 2020 г. составила 464088 человек [3].

Проблема межэтнической брачности является актуальной в современном многонациональном мире, тем более для такого полиэтничного региона, как Республика Адыгея.

Анализ функционирования национально-смешанной семьи позволяет осмыслить всю сложность межэтнического взаимодействия в поликультурном социуме, определить уровень межэтнической напряженности и прогнозировать политическую ситуацию.

В разные годы в зависимости от социально-экономических условий изменялось как количество создаваемых межэтнических семей, так и отношение к ним. В силу различных причин национально-смешанная семья становилась либо социально одобряемой, либо нет.

Уровень и динамика межэтнической брачности выявлялись по материалам ЗАГС в абсолютных числах – количество зарегистрированных браков. Органы статистики фиксировали и фиксируют лишь общее количество зарегистрированных брачных союзов, не распределяя их по национальности супругов. Однако в связи с отменой в паспортах нового образца графы «национальность» и записи в документах ЗАГС национальности вступающих в брак с их слов (по желанию) представляется крайне затруднительным определение точного количества заключаемых межнациональных браков, а также вектора межэтнической брачности. Поэтому для определения отношения жителей Республики Адыгея к

национально-смешанным бракам был проведён опрос, результаты которого представлены в данной статье.

В Республике Адыгея нами был проведен онлайн-опрос, носивший пилотажный характер, по теме «Национально-смешанная семья: за и против». В опросе участвовало 128 респондентов, возраст – начиная от 18 лет и заканчивая старшей возрастной группой (старше 60). Технически было забраковано несколько анкет, в результате к анализу была представлена 121 анкета. При проведении опроса ставилась цель выявить предпочтения жителей республики при заключении браков, их отношение к моно- и межнациональным бракам, для чего был подготовлен ряд вопросов. Необходимость исследования определялась и демографической ситуацией в России в целом и в Республике Адыгея в частности.

Результаты исследования позволяют определить матримониальные (брачные) представления, предпочтения выходцев из мононациональных и межэтнических семей. В статье предпринята попытка проанализировать результаты проведённого эмпирического исследования.

Для анализа результатов эмпирического исследования использовались как двумерные распределения («двумерка»), так и трёхмерные распределения («трёхмерка»), что позволило нам более наглядно и чётко сравнить, сопоставить мнения групп населения по различным вопросам [4].

В опросе участвовали респонденты: 43% – русские, 44% – адыги, 13% – представители других национальностей.

Возрастной состав участвовавших в опросе таков: 40% – молодежь в возрасте от 18 до 29 лет (что и понятно, так как именно брачные установки молодых людей, планирующих создать семью или только её создавших, определяют тенденции выбора брачного партнёра); 14% – респонденты в возрасте 30-39 лет; 16% – опрашиваемые в возрасте 40-49 лет; 17% – возрастная группа 50-59 лет, 13% – представители старшего возраста – 60-ти лет и старше.

Респонденты, проживающие в городе, составили 79% от числа опрошенных, в сельских поселениях – 21%.

Первый вопрос анкеты: «Как вы считаете, национальность в браке не имеет значения, если…»

Альтернативы ответов к этому вопросу были таковы:

1) Будут соблюдаться обычаи (так считают 14 % опрошенных);

2) будет изучаться язык (мнение 5%);

3) брак заключён по любви (41% респондентов);

4) нет возможности найти супруга своей национальности (7%);

5) своя национальность предпочтительна, но не обязательна (10%);

6) национально-смешанный брак нежелателен (таково мнение 21% опрошенных);

7) другое (5%).

Таким образом, наиболее приемлемым для всех опрошенных является мнение «брак заключён по любви». Из них (ответивших так на первый вопрос анкеты) 50% респондентов русской национальности, 33% опрошенных – адыги

и 33% участвовавших в опросе – люди других национальностей. Трехмерное распределение («трёхмерка») позволяет сравнить мнения по этому вопросу мужчин и женщин разных национальностей. Так, считают, что национальность в браке не имеет значения, если брак заключён по любви, мужчины: 46% – русские и лишь 30 – адыги; женщины: 51% – русские и 34 – адыгейки. Таким образом, ответы на этот вопрос анкеты свидетельствуют, что наиболее толерантны по вопросу национальности брачных партнёров женщины русской национальности.

На вопрос «Если бы Ваш сын (дочь), близкий родственник заявили о решении вступить в национально-смешанный брак, Вы…»

– были бы против. Так считают 24% опрошенных;

– не против, если это человек близкородственной культуры, языка. Таково мнение 33% участников опроса – наиболее одобряемы браки с людьми с малой культурной дистанцией;

– для меня это не имеет значения, лишь бы они понимали друг друга. Этого мнения придерживаются 43% респондентов, что свидетельствует, на наш взгляд, о высоком уровне толерантности жителей республики.

На вопрос: «Если Вы ещё не в браке, то могли бы Вы заключить брак вопреки воле родителей?». Положительный ответ на этот вопрос дали 54% респондентов (всех национальностей), из них так считают 75% опрошенных русской национальности и 36 % адыгской.

Альтернатива «Нет, только учитывая волю родителей, родственников» соответствует мнению 58% респондентов, из них адыгов 58%, русских – 19%.

Альтернатива «Только по выбору родителей»: так считают 7% респондентов, участвовавших в опросе. Вопреки гипотезе, что более прислушиваются к мнению старших членов семьи адыги, результаты опроса не подтвердили эту гипотезу: могли бы заключить брак вопреки воле родителей 5% опрошенных респондентов русской национальности и 6% адыгов.

Следующий вопрос анкеты «Готовы ли Вы вступить в брак с человеком, выросшим в национально-смешанной семье?»

С человеком, выросшим в национально неоднородной семье, допускают возможность брака 74% респондентов, из которых 87% – опрошенные русской национальности и 65% – адыги.

Из участвовавших в опросе 68% – выходцы из мононациональных семей, 39% – межэтнических, что свидетельствует о большом количестве национально-смешанных семей в нашем полиэтничном регионе.

Двумерное распределение ответов позволяет выявить мнение по различным вопросам именно этой категории респондентов.

Ответы на вопрос «Готовы ли вы вступить в брак с человеком, выросшим в национально-смешанной семье?», подтверждают мнение о том, что выходцы из межнациональных семей более толерантны, чем выходцы из моноэтнических семей: 100% опрошенных, выросших в межэтнических семьях, готовы вступить в брак с партнёром из национально неоднородной семьи, когда только 70% респондентов, выросших в мононациональной семье, допускают для себя такую возможность.

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют: межнациональная семья – это институт, способный оказывать влияние на утверждение толерантности, терпимости к иным культурам [5, с. 4].

Список литературы

1. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. Всероссийская Перепись населения 2010 г. Т.4. Национальный состав и владение языками. Электронный ресурс: URL:https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Том%204.%20Национальный%20состав%20и%20владение%20языками,%20гражданство.pdf (дата обращения 29. 05. 2020 г.).
2. Курды Адыгеи: монография / гл. ред. и руководитель научного проекта А.Н. Соколова; ред. А.Ю. Шадже, З.А. Жаде. Майкоп: Качество, 2015. 204 с.
3. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. Электронный ресурс: URL: https://gks.ru/region/docl1179/IssWWW.exe/Stg/2020%20год/04-январь-апрель,%202020г/демография.htm (дата обращения 29. 05. 2020 г.).
4. Моделирование распределения ресурсов методом динамического программирования. Общие принципы кодирования социологической информации. Электронный ресурс http://www.life-prog.ru/1_18006_lektsiya--http://www.life-prog.ru/1_18006_lektsiya--modelirovanie-raspredeleniya-resursov-metodom-dinamicheskogo-programmiro
5. Делова Л. А. Межэтническая семья в поликультурном социуме. Майкоп: ООО «Полиграф-Юг», 2009. 144 с.

УДК 911.3:314(571.53)

Дмитриева Юлия Николаевна
к.г.н., научный сотрудник, лаборатория экономической и социальной географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия

Динамика потенциальных демографических нагрузок по территории Иркутской области

Аннотация. *На фоне миграционного оттока и старения населения в Иркутской области актуальны исследования демографического потенциала территории. Цель работы состоит в оценке динамики потенциальных демографических нагрузок на трудоспособное население региона. Автором вычислены и картографически отображены коэффициенты демографических нагрузок детьми в разрезе муниципальных образований.*

Ключевые слова: *потенциальная демографическая нагрузка, территориальная дифференциация, муниципальные районы, Иркутская область*

Анализ демографического потенциала является основной задачей долгосрочной программы развития региона. При анализе экономической ситуации любой территории и выбора ее социально-экономического сценария развития вопросы демографии приобретают особую остроту и актуальность.

Проблемы демографической ситуации в Иркутской области на региональном уровне исследовались авторами по различным направлениям: как резерв и потенциал развития территории (К.В. Григоричев), с учетом демографических процессов и проблем (Е.С. Пеляничко, К.Л. Ястребов, Т.П. Урожаева), в разрезе позиционирования Иркутской области среди других регионов (А.Ю. Уфимцева и др.) [2,5,7].

В статье акцентируется внимание на возрастных группах населения: моложе трудоспособного возраста (до 15 лет) и трудоспособного возраста (мужчины – от 16 до 59, женщины от 16 до 54 лет). Коэффициенты потенциальной нагрузка (детьми) вычислялись как соотношение численности лиц в нетрудоспособном возрасте (до 15 лет) к численности населения в трудоспособном возрасте (на 1 тыс. населения) [1,3,4]. Относительность значений демографических нагрузок (на 1 тыс. чел.) обеспечивает более объективную оценку динамики демографических нагрузок в разрезе муниципальных образований с различной численностью постоянного населения.

Автор использовал демографические данные статистической базы Федеральной службы государственной статистики по городским округам (ГО) и муниципальным районам Иркутской области [6].

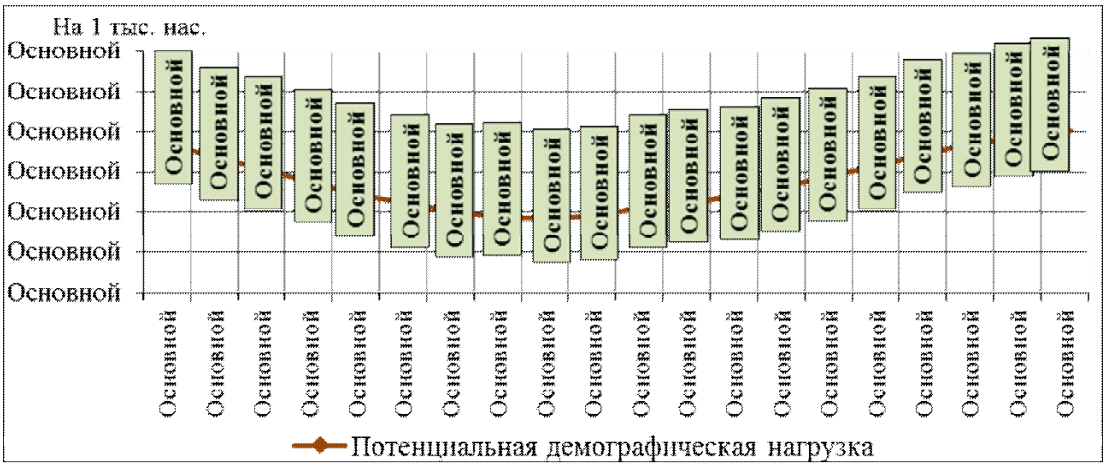

Рис. 1. Динамика значений коэффициентов потенциальных демографических нагрузок в Иркутской области, 2000-2019 гг.

Динамика коэффициентов демографических потенциальных нагрузок в Иркутской области определяется основными демографическими процессами за данный период: рождаемостью, смертностью и миграционным приростом (оттоком). Постепенное снижение показателей нагрузки детьми с 383 до 291 на 1 тыс. за период 2000-2008 гг. обусловлено общим падением уровня рождаемости (группа детей, рожденных с 1985 по 2007 гг.). Также в данный отрезок времени вошел период 90-х годов прошлого века с низкими

показателями рождаемости. Закономерно, что рост потенциальной нагрузки произошел в 2008 году, на что повлияла значительная группа детей 2000-х годов рождения (от более многочисленной когорты матерей 80-х годов рождения). В настоящее время, не смотря на понижение коэффициента рождаемости в среднем по региону, продолжается своеобразный остаточный рост коэффициента потенциальной демографической нагрузки. При этом заметно замедление данного процесса: прирост между коэффициентами нагрузки в 2015 и 2016 гг. составлял 14; в 2016 и 2017 гг. – 13; в 2017 и 2018 гг. – 9; и между 2018 и 2019 гг. – 7 (на 1 тыс. нас.). Таким образом, за десятилетний период значение коэффициента демографической нагрузки детьми в регионе практически достигло показателя 2000 года.

В абсолютных значениях в 2000 году общая численность населения Иркутской области составляла 2644 тыс. чел., из них численность населения младше трудоспособного составляла 609 тыс. или 23 % в общей структуре. К 2020 году общая численность населения сократилась до 2398 тыс. чел., численность детей составила 526 тыс. или 22 %.

В 2012 году потенциальная демографическая нагрузка варьировалась в городских округах (ГО) от 267 на 1 тыс. (Иркутск) до 385 (Свирск), в муниципальных районах от 307 (Ангарский) до 489 (Осинский). С учетом, что 1.01.2015 г. Ангарский муниципальный район поменял статус на городской округ, важны минимальные значения среди районов у Шелеховского было 318 у Иркутского – 322 на 1 тыс. По группировке территорий городской округ Иркутск единственный имел коэффициент нагрузки детьми ниже 300 на 1 тыс.

Большая часть районов входила в группу с нагрузкой детьми от 300 до 400 на 1 тыс. (рис. 2).

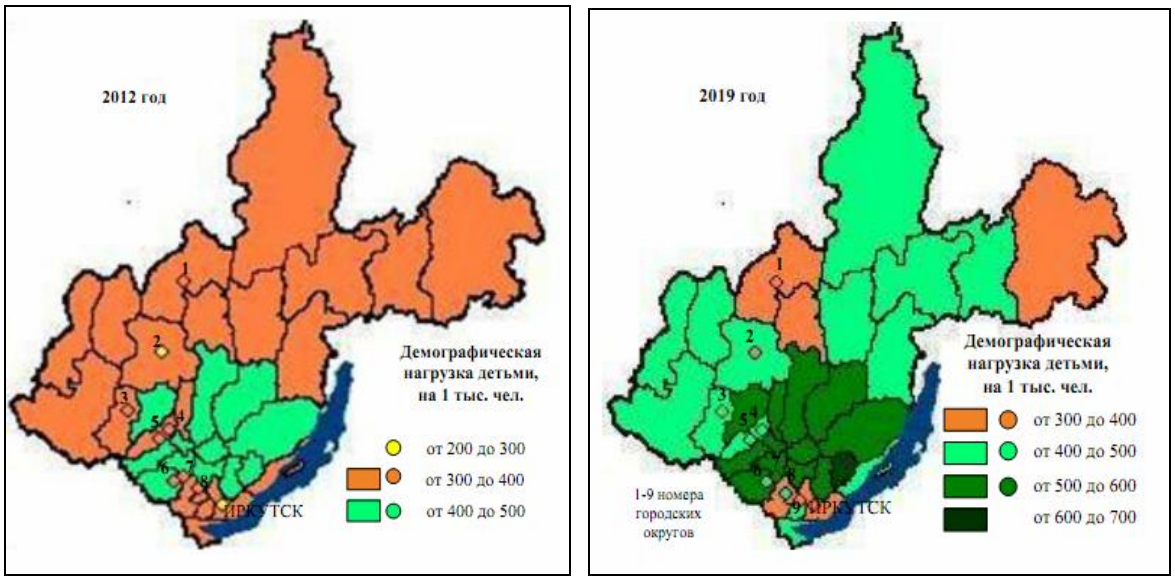

Рис. 1. Изменение значений потенциальных демографических нагрузок (детьми) по территории Иркутской области (2012-2019 гг.)

Цифрами на рисунке обозначены городские округа: 1 – Усть-Илимск; 2 – Братск; 3 – Тулун; 4 – Саянск; 5 – Зима; 6 – Черемхово; 7 – Свирск; 8 – Усолье-Сибирское; 9 – Ангарск.

В группу со значением коэффициента от 400 до 500 входили следующие районы: Жигаловский, Заларинский, Качугский, Куйтунский, Усть-Удинский, Черемховский и 6 районов Усть-Ордынского Бурятского округа.

Анализ вычисленных коэффициентов демографических нагрузок за 2019 год также показал значительную дифференциацию коэффициентов по территории Иркутской области. Среди ГО выявлена дифференциация в пределах от 344 на 1 тыс. (Братск) до 514 (Свирск), среди муниципальных районов от 369 (Усть-Илимский район) до 610 (Баяндаевский), что составляет 1,5 и 1,7 раза. По сравнению с 2012 годом выявлено, что большинство районов с нагрузкой от 300 до 400 перешли в группу с показателем коэффициента от 400 до 500. Исключениями являются три района с крупными промышленными предприятиями и как следствие с привлеченной в них значительной в общей структуре доли трудоспособного населения. Это Бодайбинский район – добыча золота, Усть-Илимский район и г. Усть-Илимск – лесозаготовка, производство древесины и целлюлозы, Нижнеилимский – горнодобывающая промышленность и деревообработка. Также к группе с минимальными показателями потенциальной нагрузки относятся южные муниципальные районы области: Иркутский (377), Усольский (397) и ГО: Иркутск (350) и Ангарск (349). Данные территории являются привлекательными для населения многофункциональными центрами. Положительным моментом здесь, в отличие от муниципальных образований на севере региона, являются более высокие показатели рождаемости. Самую многочисленную группу в2019 году составили районы со средним значениями коэффициентов потенциальной нагрузки от 400 до 500 на 1 тыс. чел.: Катангский (447 на 1 тыс.), Киренский (483), Мамско-Чуйский (486), Казачинско-Ленский (461), Чунский (461) и др. Население данных образований сокращается в результате миграционного оттока, происходит снижение рождаемости.

Группа районов с нагрузкой от 400 до 500 (в 2012 году) также к 2019 году перешла в группу с более высокими коэффициентами демографических нагрузок. В настоящий момент это территории с самыми высокими значениями нагрузки детьми (от 500 до 600), расположенные в основной полосе расселения области, со средними показателями рождаемости, смертности и миграционного оттока по региону. Исключением в группе данных районов выступают районы Усть-Ордынского Бурятского округа (УОБО), с многолетними высокими показателями рождаемости. Лидером среди муниципальных образований региона выступает Баяндаевский район, доля детей в котором составляет 30 % в общей структуре населения.

Следует подчеркнуть, что областной центр Иркутск имеет одну из самых низких демографических нагрузок детьми, при этом в нем сосредоточено 26 % населения региона, что значительно влияет на показатели потенциальной нагрузки в среднем по региону.

Таким образом, динамика коэффициентов демографических нагрузок детьми отражает специфику общих социально-демографических процессов, характерных как для региона, так и для страны в целом. За период 2012-2019 коэффициенты демографических нагрузок детьми увеличились во всех муниципальных образованиях. Для территории Иркутской области характерна значительная дифференциация коэффициентов потенциальных демографических нагрузок. Рост значений коэффициентов нагрузки детьми с одной стороны, увеличивает экономическую нагрузку на трудоспособное население региона, а с другой – обеспечивает более благоприятный прогноз в плане демографического потенциала и развития территории.

Работа выполнена в соответствии с планами НИР ИГ СО за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы - АААА-А19-119122490007-4; № темы - FUGS-2019-0006; № проекта 0347-2019-0006) на тему: «Общественно-географические факторы эколого-социально-экономических преобразований в сибирских регионах с позиции устойчивого развития»

Список литературы

1. Архангельский В.Н. Практическая демография / Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. М. :ЦСП, 2005.280 с.
2. Григоричев К.В. Демографические «резервы» экономического развития Иркутской области: исчерпание ресурса? //Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2011. № 2 (7). С. 67-77.
3. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003.352 с.
4. Демография и статистика населения: учебник /И.И. Елисеева, Э.К. Васильева, М.А. Клупт и др.; под ред. И.И. Елисеевой. М.: Финансы и статистика, 2006. 688 с.
5. Пеляничко Е.С. Проблемы демографической ситуации в Иркутской области // Вестник ИрГТУ. 2013. № 8 (79). С. 293-303.
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/ rosstat_ts/irkutskstat/ru/statistics/.
7. Уфимцева А.Ю. Демографическая ситуация в Иркутской области и Сибирском Федеральном округе // Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 223-227.

УДК 332.12:314.172
Дружинин Павел Васильевич
д.эк.н., профессор, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Пространственные особенности расселения в северных регионах[76]

Аннотация. *В статье рассматриваются четыре арктических региона Европейской части России - Мурманская и Архангельская области, республики Карелия и Коми. На примере данных регионов изучается пространственное развитие северных регионов, активно использовавших появившиеся в ходе реформ новые возможности. На основе математических моделей показано влияние начала рыночных реформ в РФ на пространственное развитие территорий. Столица региона успешно развивается, втягивает ресурсы из периферийных территорий, и постепенно расширяется территориально, захватывая и уже положительно влияя на ближайшие муниципалитеты. Отмечено, что развитие муниципалитетов определяется их расстоянием до столицы региона, чем дальше от столицы, тем быстрее снижается численность населения муниципалитета. Более успешно развиваются муниципалитеты, имеющие инновационный потенциал и центры добычи углеводородов.*
Ключевые слова: *численность населения, северный регион, муниципалитет*

Развитие регионов зависит от их географического положения, и периферийные северные регионы развиваются обычно существенно медленнее остальных, лишь при возможности активного сотрудничества с другими странами они могут получить дополнительные возможности. Для них важна активизация экспорта сырья, который может дать толчок их развитию и уменьшить отставание от центральных регионов [1]. Глобализация уменьшает существующие ограничения на торговлю, что хорошо для северных регионов, обладающих богатыми природными ресурсами.

Реформы 90-х годов сильно повлияли на пространственное развитие регионов, ускорив агломерационные процессы [2, 3]. Исследования пространственных процессов в регионах также показали процессы концентрации, причем изменение численности населения муниципалитетов близко к линейному относительно расстояния до столицы региона. Изменение концентрации зависит от объема локального рынка и активности взаимодействия агентов [3, 4, 5].

Северные регионы имеют свои особенности, поэтому при построении моделей для них проводился анализ различных моделей, чтобы выбрать наиболее подходящие. В докладе для оценки влияния северного положения на пространственное развитие регионов используется концепция кольцевых

[76] Работа выполнена по проекту РФФИ № 18-05-60296

структур, в которой выделяются центральные и кольцевые активные зоны, имеющие более современную структуру экономики, более высокую производительность труда и инвестиционную активность. В рамках концепции кольцевых структур для северных регионов дополнительно к столице региона было выделено три типа возможных активных зон на уровне региона – промышленный центр, транспортный центр и центр приграничного сотрудничества (приграничные муниципалитеты, имеющие многосторонние автомобильные пункты пропуска и другую необходимую для развития инфраструктуру).

В данной статье анализируется динамика пространственного развития в 1990-х – 2010-х годах четырех регионов Европейской части России – Мурманской и Архангельской областей, республик Карелия и Коми, полностью или частично входящих в Арктическую зону РФ. Проводился отдельно анализ развития их муниципалитетов, выявлялись активные и пассивные зоны, рассматривались тенденции изменения показателей. Исследование было основано на динамике численности населения, также использовались данные по показателям, характеризующим эффективность экономики.

Рассматривался период 1989-2018 гг. В ходе расчетов анализировались получаемые результаты, и уточнялась модель, что позволило оценить влияние активных зон на пассивные зоны, выявить условия положительного или отрицательного влияния, выделить факторы, влияющие на развитие пассивных зон.

Данные для проведения исследований по четырем регионам (численность населения, ВРП, оборот организаций, численность занятых) были получены из сайта (http://www.gks.ru) и справочников ФСГС.

На полученных статистических данных четырех регионов строились и анализировались графики изменения численности населения и других показателей в зависимости от расстояния до столицы регионов. Анализировалось влияние на динамику численности населения эффективности экономики территорий, оцениваемой по производительности труда в промышленности.

На основе проведенного анализа выделялись активные зоны с развивающейся экономикой, и, как правило, ростом численности населения, центральная в столице и кольцевые. Затем строились регрессионные уравнения для выявления зависимостей пространственного развития в четырех регионах. Рост численности населения относительно начала периода рассматривался в зависимости от расстояния до центральной активной зоны (Мурманск, Архангельск, Сыктывкар, Петрозаводск), в качестве дополнительных факторов вводились фиктивные переменные, отражающие является ли данная территория кольцевой активной зоной, и граничит ли она с кольцевой активной зоной. Кроме линейной функции использовались гипербола и мультипликативная с отрицательным показателем.

Численность населения четырех регионов и большинства муниципалитетов падает с 1990 г. (рис. 1). Численность населения

Мурманской области сократилась с 1990 г. на 37%, Республики Коми – на 35%, Архангельской области – на 28% и Карелии – на 23%. В то же время численность населения столиц регионов за годы реформ почти не изменилась.

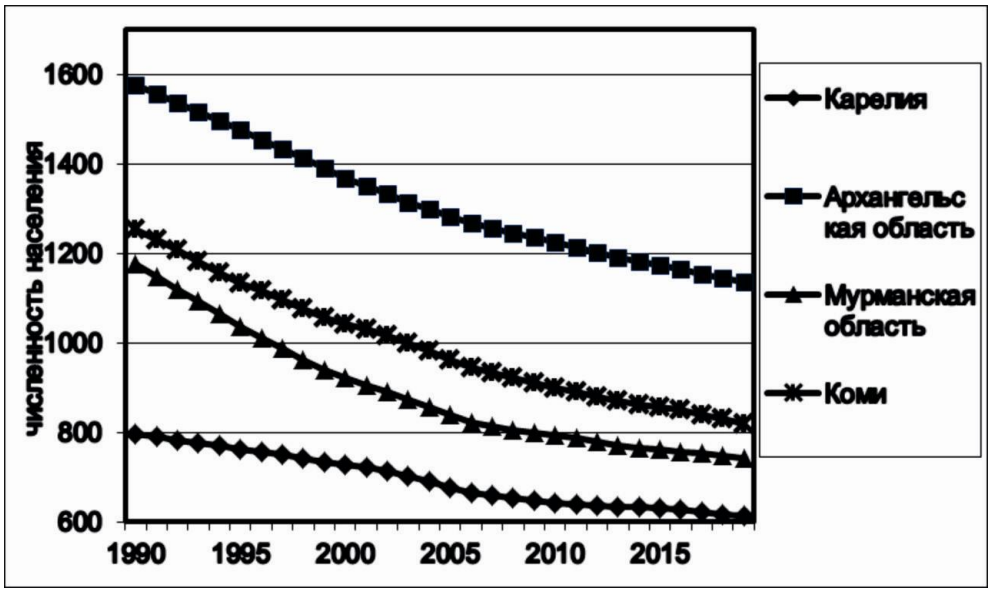

Рисунок 1- Динамика численности населения четырех регионов Европейского Севера (тыс.чел)

Для арктических регионов перелом сложившихся тенденций связан с началом рыночных реформ, примерно с 1990 г. начался спад экономики и быстрое снижение численности населения. Ранее экономика арктических регионов успешно развивалась, росли промышленные центры, увеличивалась численность населения. В 1990-х годах начался промышленный спад, останавливались предприятия, росла безработица и начался отток населения с северных территорий. Во всех четырех регионах минимальный экономический спад был в муниципалитетах, где добывалось и перерабатывалось востребованное в других странах сырье.

Либерализация и снижение барьерности границы привело к тому, что приграничное положение стало оказываться положительное влияние на развитие экономики Карелии, стала усиливаться роль приграничных муниципалитетов, обеспеченных необходимой транспортной и таможенной инфраструктурой. В 90-х годах минимальное падение численности населения было также в двух приграничных городах (Костомукша, Сортавала), вблизи которых были построены многосторонние автомобильные пункты пропуска, созданы филиалы Петрозаводского университета, успешно развивался малый бизнес. В то же время приграничное положение при отсутствии необходимой инфраструктуры никак не влияло на динамику численности населения в остальных пяти приграничных муниципалитетах.

В 2000-х годах стала немного расширяться центральная активная зона, заметно замедлилось снижение численности населения вблизи Петрозаводска и ускорилось в периферийных муниципалитетах. В

большинстве муниципалитетов численность населения стала снижаться быстрее, чем в 90-х годах.

Для построения графиков и их анализа рассматривались данные по 18 муниципальным образованиям Карелии по динамике занятости и численности населения, а также расстояние между центрами муниципалитетов по действующей дорожной сети. Для центра каждого муниципалитета определялось расстояние до г. Петрозаводск, Сортавала и Костомукша и наличие границ с муниципалитетами Сортавала и Костомукша.

По результатам данного анализа было построено линейное уравнение, которое показывает, что в среднем при удалении на каждые 33 км от Петрозаводска величина падения численности населения за 1991-2018 гг. увеличивается на 1 процентный пункт. Петрозаводск оказывает положительное влияние на соседние муниципалитеты.

Анализ динамики численности населения остальных трех регионов подтвердил сделанные для Карелии выводы. В каждом из регионов сформировалась зависимость динамики численности населения муниципалитетов от расстояния до региональной столицы. Из общей зависимости выпадает более успешно развивающихся несколько муниципалитетов. В Архангельской области это Коряжма, центр производства бумаги и Котлас, транспортный центр на границе трех регионов. В Республике Коми это четыре муниципалитета, в которых осуществляется добыча нефти. В Мурманской области это Полярные Зори, где расположена АЭС.

Эффективность экономики муниципалитетов слабо влияет на динамику численности населения, из части наиболее эффективных муниципалитетов происходил переток населения в менее эффективные, но имеющие более прогрессивную структуру экономики.

Проводилось сравнение полученных результатов с другими регионами. В большинстве регионов указанная зависимость сформировалась с началом реформ, в некоторых (Ярославская область) даже несколько раньше. В Воронежской области наоборот данная зависимость сформировалась позднее (рис. 2). Также надо отметить, что в большинстве регионов уже в 70-х годах подобная зависимость (снижение темпов роста численности населения муниципалитетов по мере отдаления от столицы региона) сложилась для муниципалитетов в пределах 100 км от столицы региона.

Как и во многих российских регионах, выделяются районы, расположенные на юге области, в данном случае Богучарский и Россошанский, граничащие с Ростовской областью [5, 6]. Россошанский район граничит и с Украиной, город Россошь – крупный центр химической промышленности. В Богучарском районе развито сельское хозяйство, практически нет промышленности, но проходит трасса «М-4» Москва-Ростов на Дону-Краснодар-Новороссийск.

На основании проведенного исследования четырех арктических регионов показано влияние начала рыночных реформ в РФ на их

пространственное развитие, построены уравнения, связывающие динамику численности населения с расстоянием от центральной активной зоны и соседства с кольцевыми активными зонами.

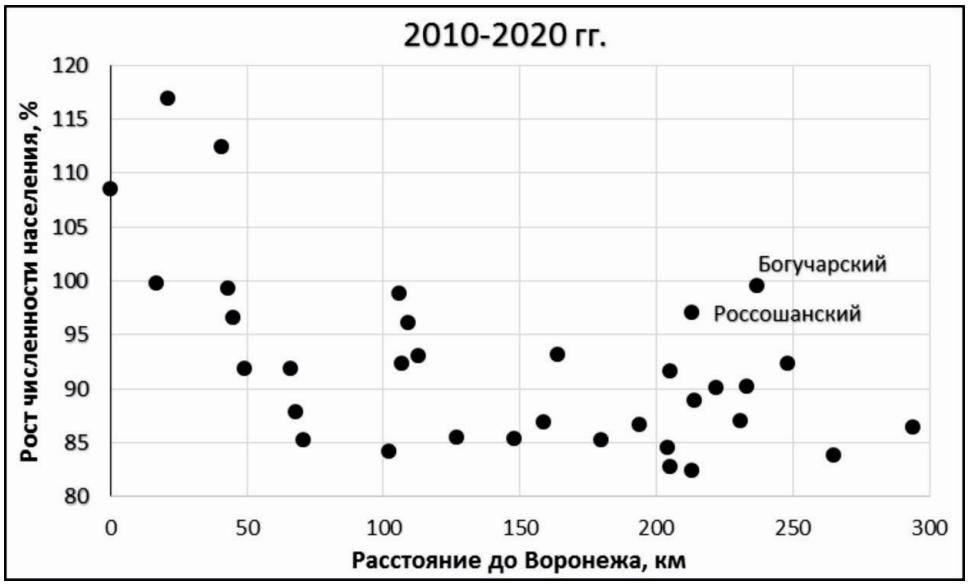

Рисунок 2- Динамика численности населения муниципальных районов Воронежской области в зависимости от расстояния до Воронежа в 2010-2020 гг., %

Происходит расширение центральной региональной активной зоны и преобразуется система кольцевых активных зон. Центральная активная зона втягивает ресурсы из пассивных зон, и постепенно расширяется территориально, захватывая и уже положительно влияя на ближайшие муниципалитеты, а ресурсы в них и в центр активной зоны привлекаются из более отдаленных муниципалитетов. При активизации трансграничного сотрудничества активными зонами вместо индустриальных муниципальных образований становятся приграничные муниципальные образования, имеющие необходимую таможенную и транспортную инфраструктуру. Успешно развиваются муниципалитеты, в которых добываются и перерабатываются природные ресурсы.

Список литературы

1. Жаров В.С., Иванова М.В. Проблемы управления социально-экономическим развитием регионов Арктики // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2015. №3. С.393-400

2. Буфетова А. Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. 2016. №3. С.38–56.

3. Коломак Е.А. Эволюция пространственного распределения экономической активности в России // Регион: экономика и социология.- 2014. №3. С.75-93.

4. Дружинин П.В., Зимин Д. (2019), Влияние внешних шоков на пространственную структуру населения приграничных территорий // Вестник СПбГУ. Серия Экономика. №3. С.397-418.

5. Яковенко Н.В., Куролап С.А., Комов И.В., Диденко О.В., Сесорова И.С. Типология муниципальных образований Воронежской области по уровню демографического развития // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 7. С. 86-89.

6. Яковенко Н.В., Тен Р.В., Комов И.В. Ключевые направления развития Богучарского муниципального района // International Journal of Advanced Studies. 2018. № 2-2. С.170-176.

УДК 314.93, 332.145

Кайбичева Екатерина Игоревна
к.эк.н, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», г. Екатеринбург, Россия

Демографическое развитие региона и его отражение в стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации

Аннотация. *В статье рассматривается демографическое развитие Свердловской области, в том числе в пространственном аспекте. С использованием демографического подхода к исследованию периферии, теории «центр-периферия» определяются демографические центры и периферия региона. Показано, что в стратегиях развития региона отражены его демографические особенности.*

Ключевые слова: *регион, региональная экономика, демографическое развитие, стратегия, демографическая периферия, центр-периферия*

Введение

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации служит ориентиром и основой для разработки иных документов стратегического планирования, как на уровне региона, так и входящих в его состав муниципальных образований. В настоящее время в Свердловской области, как и в других российских регионах, сохраняется проблема естественной убыли и постарения населения. Это актуализирует задачу рассмотрения стратегий развития Свердловской области с точки зрения учета в них тенденций ее демографического развития.

Методы

Для характеристики демографического развития Свердловской области и Российской Федерации используется стандартный набор демографических показателей (коэффициенты естественного прироста (убыли) населения, рождаемости и смертности, суммарный коэффициент рождаемости и др.), доступных на сайте Федеральной службы государственной статистики. Теоретической основой для выделения демографических центров и периферии Свердловской области послужили

теория «центр-периферия» и ее производные, а также демографический подход к характеристике периферии, получивший отражение в трудах S. Davies, R. Michie [1], S.Pelc [2] и других.

В качестве временного горизонта исследования выбран период с 2011 по 2019 годы, что обусловлено доступностью информации в разрезе муниципальных образований. В связи с проведением муниципальной реформы, статистическая информация в разрезе муниципальных образований по интересующим нас показателям в Свердловской области доступна начиная с 2011 года. Из 94 муниципальных образований региона в рамках статьи рассматриваются 64 городских округа (без 4 закрытых административно-территориальных образований) и 5 муниципальных районов.

Демографическое развитие Свердловской области: общие характеристики

Свердловская область является регионом с высокой степенью урбанизации. По состоянию на 1 января 2020 года 85% населения проживает в городах. Этот показатель на 10 процентных пунктов превышает общероссийское значение.

В Свердловской области также как и в России в целом преобладает женское население.

Показатели структуры населения по возрасту в рассматриваемый период времени имели ту же динамику, что и по стране в целом: снижение доли населения в трудоспособном возрасте при увеличении доли лиц моложе и старше трудоспособного возраста. При этом коэффициент демографической нагрузки в Свердловской области выше общероссийского значения.

Для Свердловской области характерны значения коэффициента рождаемости и суммарного коэффициента рождаемости выше общероссийских. При этом динамика показателей региона и страны идентична.

Примерно та же картина наблюдается в отношении коэффициента смертности. Наблюдается снижение показателя младенческой смертности. Значение индикатора в Свердловской области ниже среднего по России. Стоит отметить повышенную смертность населения в трудоспособном возрасте. Несмотря на тенденцию к снижению, значение показателя в регионе остается выше среднего по России.

В Свердловской области естественный прирост населения был зафиксирован по итогам 2012 года, или на год раньше, чем по стране в целом. В регионе на год раньше начался и обратный процесс – снижение показателя. С 2016 года в Свердловской области, так же как и в стране в целом, наблюдается естественная убыль населения.

Ожидаемая продолжительность жизни в Свердловской области ниже среднероссийских значений. Более того, в 2014 году наблюдалось снижение показателя (69,76 лет против 69,81 лет в 2013 году). Для России в целом была характерна устойчивая тенденция роста показателя. Стоит отметить,

что тенденции изменения показателя в отношении мужчин и женщин отличались. Так, динамика показателя ожидаемой продолжительности женщин в Свердловской области была практически идентична общероссийской, за исключением снижения значения в 2014 году. Темп роста ожидаемой продолжительности жизни мужчин в регионе в период 2012-2016 годов сохранялся на уровне 0,1-0,4 процента к уровню предыдущего года, при среднероссийских темпах 0,2-1,0 процента. Отчасти такое положение вещей может объясняться структурой экономики региона, преобладанием мужской занятости на работах с тяжелыми условиями труда, а также смертностью от внешних причин.

Подводя итог этой части исследования, отметим, что тенденции демографического развития Свердловской области во многом схожи с общероссийскими трендами. Вместе с тем, специфика региона проявляется в значительном преобладании городского населения, а также в повышенной смертности населения в трудоспособном возрасте.

Демография и пространство: демографические центры и периферия региона

Для выделения центральных и периферийных с точки зрения демографического развития территорий Свердловской области могут применяться различные подходы.

Так, в Финляндии, Норвегии и Швеции признаком периферийности считается низкая плотность населения (ниже средней по стране) [1].

S.Pelc говоря о демографических характеристиках периферии выделяет следующие:

- естественная убыль населения;
- миграционный отток населения;
- высокая доля лиц старше трудоспособного возраста (неблагоприятная возрастная структура населения) [2, с. 127]. Автор использует при выделении периферийных территорий «коэффициент демографической периферийности», который рассчитывает на базе имеющихся в муниципальном разрезе статистических данных.

Третий подход основан на динамике изменения демографических показателей.

В данной работе те территории, где наблюдается сокращение численности населения, миграционный отток и естественная убыль (суммарно за 2011-2019 годы), а также плотность населения ниже средней по региону будут считаться периферийными. Территории, отличающиеся естественным и миграционным приростом, увеличением численности и плотности населения – центральными. Остальные территории могут быть отнесены к полупериферийным.

Расчеты показывают, что за исследуемый период только в 13 муниципальных образованиях Свердловской области увеличилась численность населения. В остальных муниципалитетах число жителей сократилось. Плотность населения выше среднего по области наблюдалась в 34 муниципальных образованиях.

Расчеты показывают, что к числу центральных могут быть отнесены городской округ Верхняя Пышма, городской округ Заречный, муниципальное образование «город Екатеринбург», Березовский, Сысертский и Арамильский городские округа. Относительно благоприятная демографическая ситуация во многом объясняется наличием достаточно сильной собственной экономической базы у указанных муниципалитетов, а также близостью к региональной столице (территории находятся в пределах часовой доступности от Екатеринбурга).

Периферийными с точки зрения демографического подхода можно считать 30 муниципальных образований. Это, прежде всего, северные муниципалитеты области, а также сельские территории. Остальные муниципальные образования могут считаться полупериферийными – в них отдельные положительные моменты сочетаются с отрицательными.

Стратегии и демографическое развитие региона

В Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года преодоление негативных демографических тенденций указывается в качестве одного из приоритетных направлений развития региона. В соответствии с представленными в документе данными численность населения в 2016-2020 годах стабилизируется на уровне 4290,7 тыс. человек (стабилизационно-инерционный сценарий), 4334,8 тыс. человек (индустриально-модернизационный сценарий) или 4366,8 тыс. человек (инновационно-оптимистичный сценарий). Отмечается, что в регионе будет актуализирована Программа демографического развития Свердловской области на период до 2025 года («Уральская семья»).

В Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016 – 2030 годы представлен анализ предыдущих этапов развития региона. В части демографического развития находим следующее: «Увеличение численности постоянного населения (с учетом предварительных итогов Всероссийской переписи населения 2010 года) с 4302,9 тысячи человек в 2010 году до 4324,1 тысячи человек в 2014 году; 2) повышение ожидаемой средней продолжительности жизни при рождении с 68,8 года в 2010 году до 69,8 года в 2014 году» [5].

Среди проблем настоящего этапа развития указано «сокращение численности населения в трудоспособном возрасте в Свердловской области, в том числе вследствие высокого уровня смертности населения в трудоспособном возрасте и низкого уровня средней продолжительности жизни населения Свердловской области в целом». Одним из ожидаемых результатов реализации Стратегии станет «повышение ожидаемой средней продолжительности жизни при рождении с 69,8 года в 2014 году до 77,5 года в 2030 году» [3]. Кроме того, планируется:

«1) снижение уровня материнской смертности с 10 случаев (на 100 тысяч родившихся живыми) в 2014 году до 7 случаев (на 100 тысяч родившихся живыми) в 2030 году;

2) снижение уровня младенческой смертности с 6,2 случая (на 1000 родившихся живыми) в 2014 году до 4,6 случая (на 1000 родившихся живыми) в 2030 году;

3) снижение уровня смертности населения от болезней системы кровообращения с 661,1 случая (на 100 тысяч населения) в 2014 году до 408,1 случая (на 100 тысяч населения) в 2030 году;

4) снижение уровня смертности населения от новообразований, в том числе от злокачественных, с 226,3 случая (на 100 тысяч населения) в 2014 году до 148 случаев (на 100 тысяч населения) в 2030 году» [3].

Заключение

В заключении отметим, что в обеих стратегиях развития Свердловской области демографический аспект учтен. В рамках отдельных приоритетных направлений заявлены задачи по повышению продолжительности жизни населения региона и по преодолению негативных демографических тенденций, связанных, прежде всего, со смертностью населения, в том числе в трудоспособном возрасте. Вместе с тем, приходится констатировать, что территориальный аспект демографической ситуации в стратегиях развития Свердловской области должного отражения не получил. Вместе с тем, стоит отметить, что на решение демографических проблем региона направлены мероприятия, реализующиеся в рамках региональной составляющей национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение».

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00824 «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования»

Список литературы

1. Davies S., Michie R. Peripheral Regions: a Marginal Concern? European Policies Research Centre Paper / S. Davies, R. Michie. Scotland, United Kingdom, 2011.79 p.
2. Pelc S. Geographical Marginality in Slovenia from the Point of Demographical Indicators / S. Pelc // Revija za geografijo. 2006. № 2-1. P. 121-131.
3. О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016 – 2030 годы [Электронный ресурс]: закон Свердловской области от 21 декабря 2015 года № 151-ОЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2020).
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 27.05.2020).
5. Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года [Электронный ресурс]: постановление Правительства Свердловской области от 27.08.2008 № 873-ПП. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 18.05.2020).

УДК 316.4:314.7
Кочергин Алексей Анатольевич
эксперт Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, г. Краснодар, Россия

Особенности международной миграции в Краснодарском крае во второй половине 2010-х годов

Аннотация. *Международная миграция играет значимую роль в воспроизводстве населения Краснодарского края. Целью статьи является анализ особенностей структуры миграционного сальдо посредством демографического анализа данных официальной статистики. Отмечается, что странами-донорами населения выступают преимущественно Украина, Армения, Казахстан. В миграционном приросте до 2019 г. большая доля приходилась на женщин. Последовательно все годы росло преобладание представленности лиц трудоспособного возраста. Поток международной миграции был скорее ориентирован на городские округа Краснодарского края, при этом среди мигрантов в города фиксируется более высокая доля лиц в возрасте 25-40 лет и мужчин.*
Ключевые слова: *международная миграция, Краснодарский край, миграционный прирост, относительное сальдо*

Внешняя международная миграция весь постсоветский период играла, играет и будет играть важнейшую роль в трансформации демографической ситуации в России. С 2016 г. в стране возобновились процессы депопуляции, и лишь приток иностранных мигрантов несколько компенсирует естественную убыль населения. На этом фоне положение дел в Краснодарском крае на первый взгляд представляется более позитивным [2]. Количество жителей региона последовательно увеличивается, в частности, с 5483,6 тыс. человек в 2015 г. до 5661,8 тыс. человек в 2019 г. (+3,2%). Однако происходит это, прежде всего, благодаря положительному сальдо миграции, даже на минимуме в 2017 г. составившему порядка 35 тыс. человек (коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек – 63).

Определяющий вклад в данную ситуацию вносят результаты внутрироссийской межрегиональной миграции, но немалую роль играет и международная, хотя ее доля в структуре миграционного прироста населения края и характеризуется волатильностью. Во вт. пол. 2010-х гг. на нее чаще всего приходилось порядка одной четвертой сальдо, однако в 2017 г. доля международной миграции составила 18,2%, а в 2019 г. – уже 46,7%. В абсолютных числах динамика миграционного прироста в результате межрегионального обмена населением отличалась поочередным то ростом, то сокращением показателей. В свою очередь, относительно соответствующих значений итогов международной миграции наблюдалась нисходящая тенденция с 2015 г. (16068 человек) по 2017 г. (6369 человек), сменившаяся ростом показателей в последующие годы: 2018 г. – 11065

человек, 2019 г. – 16788 человек. Сокращение миграционного сальдо в большей степени было обусловлено увеличением числа выбывших с 6914 человек в 2015 г. до 13081 человека в 2017 г., тогда как количество прибывших даже немного увеличилось в 2016 г. (23550 против 22982 человека в 2015 г.), и только в 2017 г. наблюдалось проседание по данному показателю (19450 человек). В последующие годы наблюдался рост числа прибывших: 22302 человека в 2018 г. и, особенно, 29237 человек в 2019 г. Одновременно количество выбывших стало меньше по сравнению с максимальным значением, однако не так, чтобы значительно: 11237 человек в 2018 г., 12449 человек в 2019 г.

Среди международных мигрантов подавляющая часть приходится на выходцев из стран СНГ. В соответствующем миграционном сальдо их доля в среднем составляла порядка 90%, при этом в 2017 г. наблюдалось сокращение до 79,4%, а в 2019 г. – рост до 96,3%. Со всеми странами СНГ фиксируется положительный показатель прироста, а наибольшие значения наблюдаются в обмене населением с Украиной, что во многом стало следствием политического кризиса и войны на юго-востоке данного государства в сер. 2010-х гг. В 2015-2016 гг. на выходцев из этой страны приходилось более половины сальдо международной миграции в Краснодарский край (8454 человека, или 52,6% и 7116 человек, или 51,9% соответственно). В 2017 г. произошло значительное сокращение как абсолютного, так и относительного значений миграционного прироста (2074 человека, или 32,6%), что было связано как с существенным уменьшением числа прибывших из Украины (7632 против 9480 человек в 2016 г.), но, в большей степени, с более чем двухкратным увеличением количества выбывших (5558 против 2364 человека соответственно). В последующие годы возобладала уже тенденция роста показателей миграционного сальдо: в 2018 г. – 4011 человек, или 36,2%; в 2019 г. – 6405 человек, или 38,2%. Обусловлена она существенным увеличением числа прибывших (9409 и 11264 человека соответственно), в то время как количество выбывших немного сокращалось (5398 и 4859 человек). Тем не менее, представляется, что в ближайшей перспективе доля выходцев из Украины уже не будет расти и стабилизируется на уровне трети всего прироста в результате международной миграции.

Вторым по значимости донором населения для Краснодарского края является Армения. И по абсолютным, и по относительным значениям ситуация обмена населением с этой страной соответствует общей динамике сальдо международной миграции в регионе. С 2015 г. по 2017 г. наблюдалось сокращение показателей до минимальных (с 2167 человек, или 13,5% до 471 человека, или 7,4% соответственно), в результате чего на второе место даже вышел Казахстан. Обусловлено это было опережающим ростом числа выбывших в Армению с 1348 человек в 2015 г. до 2859 человек в 2017 г. Однако затем последовало кратное увеличение миграционного прироста до 2010 человек, или 18,2% в 2018 г. и 5073 человека, или 30,2% в 2019 г. И если сначала это было связано с уменьшением числа выбывших

(1659 человек), то в последующий год более чем вдвое выросло количество прибывших (7594 человека). Возможно, это свидетельствует о том, что характер международной миграции в Краснодарском крае возвращается к ситуации 2000-х гг., когда в ней преобладали как раз выходцы из этого закавказского государства.

Значимое место в миграционном сальдо занимают переселенцы из Казахстана. В абсолютных числах их количество в анализируемые годы оставалось сравнительно стабильным. Если в 2015 г. соответствующий прирост составил 1290 человек, или 8%, то в 2019 г. – 1583 человека, или 9,4%. Даже проседание в 2017 г. было лишь до показателя в 1194 человека, что позволило подскочить доли Казахстана в сальдо международной миграции в Краснодарском крае до 18,7%. Все эти годы показатель относительного сальдо (отношение прибывших к выбывшим в процентах) колебался в промежутке 200-240%. В ближайшей перспективе следует ожидать имеющийся уровень интенсивности миграционного обмена с данной страной, а ее вклад в ежегодный прирост может вырасти до 20%.

Из других государств Центральной Азии заметную роль в миграционном сальдо играют Узбекистан и Таджикистан. Однако если показатели первого после минимума в 2017 г. (209 человек, или 3,3%) так и не вернулись на прежний уровень (998 человек, или 6,2% в 2015 г. и 688 человек, или 4,1% в 2019 г.), то второго – многократно возросли (221 человек, или 1,4% и 1022 человека, или 6,1% соответственно). Для ситуации представителей Узбекистана после 2015 г., когда относительное сальдо составило 330% (при 1433 прибывших к 435 выбывшим), было характерно сравнительно стабильное положение с динамикой данного показателя от 130% в 2017 г. (при 995 к 786 соответственно) до 190% в 2019 г. (при 1397 иммигрантах к 709 эмигрантам). В свою очередь, касательно Таджикистана после 2017 г., когда число прибывших (410 человек) превысило выбывших (208 человек) на 190%, наблюдалось кратное увеличение относительного сальдо за счет более массового потока новых краевых жителей: 470% в 2018 г. (при 726 прибывших к 154 выбывшим), 520% в 2019 г. (при 1268 к 246 соответственно).

Важно подчеркнуть, что в структуре миграционного прироста в результате международной миграции весомая доля приходится на граждан России, и это оказывает существенное влияние на характеризующие ее тенденции, значимо для понимания ситуации. Обращаясь к динамике распределения мигрантов по гражданству, следует отметить, что как относительно количества россиян, так и иностранных граждан, в целом была свойственна общая тенденция сначала снижения показателя миграционного прироста, сменившаяся затем его ростом. Однако количественные изменения касательно граждан России были сравнительно незначительными: в 2015 г. их число в консолидированном сальдо составило 6038 человек, на минимуме в 2017 г. – 4761 человек, на максимуме в 2019 г. – 6386 человек. Зато кратными скачками характеризовалось количество иностранных граждан. Если в 2015 г. их насчитывалось 10155 человек, то в 2017 г. – только 1678 человек, но в 2019

г. – уже 10487 человек. Как следствие, доля иностранных граждан в миграционном приросте колебалась с 63,2% до 26,3% и снова к 62,5% соответственно. В то же время интенсивность их миграционного движения была значительно больше, чем россиян, и если ежегодно количество прибывших иностранных граждан примерно вдвое превышало последних (на минимуме в 2017 г. – 12590 против 6688 человек, на максимуме в 2019 г. – 20623 против 8524 человека), то число выбывших и вовсе разнилось в 3-5 раз (например, в 2017 г. – 10912 против 1927 человек, в 2019 г. – 10136 против 2158 человек). Однако если относительное сальдо иностранных граждан колебалось в пределах 120-290%, то касательно граждан России – 350-510%. Наибольшие значения по обеим категориям пришлись на 2015 г., а наименьшие – на 2017 г. В последующие годы наблюдались срединные показатели, в частности, в 2019 г. – 200% и 390% соответственно.

В гендерном отношении миграционный прирост в большей степени обеспечивали женщины, в 2015-2018 гг. на них приходилось 52-57%, однако в 2019 г. их доля снизилась до 46,7% [1]. Последовательно все годы росла представленность мигрантов трудоспособного возраста с 63,5% в 2015 г. до 76,3% в 2019 г. При этом существенно сократилась доля лиц старше трудоспособного возраста с 22,6% в 2015 г. до 11,7% в 2017 г., и хотя в последующие года она стала немного увеличиваться, тем не менее, в 2019 г. составила только 13,6%. В свою очередь представленность детей до 15 лет демонстрировала обратную динамику: с 13,9% до 16,8% и 10,1% соответственно. В приходящемся на женщин миграционном сальдо наибольшую долю составляет когорта 30-39 лет, причем если на ее представительниц выпадало в 2015-2016 гг. 20-21%, то в 2017-2019 гг. – уже более 26%. Второй по значимости выступает категория женщин 20-29 лет, чья доля также выросла с 16,7% в 2015 г. до 22% в 2017 г., а затем стабилизировалась в пределах 20% в 2019 г. Когорты 40-49 лет и 50-59 лет представлены примерно в равной мере, при этом пропорция первой выросла с 12,9% в 2015 г. до 14,6% в 2019 г., а второй – сократилась с 14,6% до 12,8% соответственно. Среди мужчин также преобладают лица 30-39 лет, и если в 2015-2017 гг. они составляли 22-24% мужского миграционного сальдо, то в 2018-2019 гг. – уже более 30%. Существенно увеличилась и представленность категории 20-29 лет с 17,2% в 2017 г. до 22,3% в 2019 г. Доля категории 40-49 лет колебалась в пределах от 13,5% в 2015 г. до 16,8% в 2019 г., а для когорты 50-59 лет скорее была свойственна нисходящая тенденция: 12,8% в 2015 г., 8,6% в 2017 г., только 10% в 2019 г.

Во вт. пол. 2010-х гг. поток международной миграции был сфокусирован на городские округа Краснодарского края. Если в 2015 г. суммарно миграционный прирост в 37 муниципальных районах (8085 человек) практически соответствовал показателю в 7 городских округах (7983 человека), то в последующие годы ориентация мигрантов на закрепление в городах стала довлеющей. На спаде в 2017 г. миграционное сальдо, приходящееся на городские округа (4682 человека), в 2,8 раз превысило прирост в муниципальных районах (1687 человек), на максимуме в 2019 г. – почти в 2 раза (11128 против 5660 человек соответственно).

В абсолютных числах как миграционнопривлекательные выделяются четыре города региона. Однако для Новороссийска все годы было свойственно последовательное сокращение миграционного прироста: с 1707 человек в 2015 г. до 121 человека в 2019 г. В Анапе уменьшение миграционного сальдо наблюдалось с 2015 г. (1194 человека) до 2017 г. (357 человек), но затем пошел рост, а резкий скачок был зафиксирован в 2019 г. (4488 человек). В Сочи постолимпийский эффект способствовал относительно высоким показателям миграционного прироста в 2015-2016 гг. (2354 и 2391 человек соответственно), однако далее они стали сокращаться (2017 г. – 2052 человека, 2018 г. – 1391 человек), и только в 2019 г. отмечалось некоторое увеличение (1698 человек). Международная миграция в Краснодар отличается волатильностью: спад в 2017 г. (1112 человек) сменился более чем трехкратным ростом в 2018 г. (3622 человека), а в 2019 г. сальдо составило уже 4138 человек. Среди крупных городов малоинтересным для мигрантов остается Армавир, показатели миграционного прироста которого снижались с нескольких сотен человек в 2015-2016 гг. до нескольких десятков в 2017-2018 гг., а в 2019 г. и вовсе был зафиксирован отрицательный результат: число выбывших превысило количество прибывших на 56 человек.

В гендерном разрезе соответствие общему тренду динамики миграционного прироста наблюдалось в Анапе. До 2018 г. в его структуре преобладали женщины, однако в 2019 г. доля мужчин составила уже 59,6%. Наблюдавшийся относительно данного города в этом году скачок показателя сальдо был обеспечен за счет увеличения представленности мужчин в 9,7 раз (273 в 2018 г. против 2647 в 2019 г.), в то время как количество женщин выросло в 4,8 раза (386 против 1841 соответственно). Среди закрепившихся в Краснодаре женщины преобладали до 2017 г., но более интенсивное умножение числа мужчин в миграционном приросте в последующие годы способствовало тому, что в 2018 г. на них пришлось 51,2% (1856 мужчин против 1766 женщин), а в 2019 г. – 56% (2318 против 1820 соответственно). В Сочи представленность женщин в миграционном сальдо была больше все анализируемые годы, однако в 2019 г. гендерная пропорция практически сравнялась (861 женщина против 837 мужчин).

В муниципальных районах края наблюдается разновекторная миграционная ситуация. Сравнительно высокими показателями прироста в результате международной миграции выделяются Славянский (842 человека в 2019 г.), Динской (689 человек), Северский (640 человек) районы. В свою очередь, стабильно на протяжении нескольких лет убыль фиксируется в Выселковском (-32 человека в 2019 г.), Белоглинском (-13 человек), Усть-Лабинском (-8 человек) районах. В структуре совокупного миграционного сальдо районных муниципалитетов все анализируемые годы преобладала доля женщин (в частности, в 2019 г. она составила 52,9%); представленность лиц трудоспособного возраста (в 2019 г. – 72,5%) была ниже аналогичных общекраевых показателей, детей 0-15 лет (в 2019 г. – 12,3%) – выше, а лиц

старше трудоспособного возраста характеризовалась волатильностью: последовательно более высокие показатели сменялись более низкими.

Список литературы

1. Краснодарский край // База данных показателей муниципальныхобразований. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst03/DBInet.cgi.

2. Миграция населения Краснодарского края // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. – URL: https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Migracia(1).htm.

УДК 911.373

Кондакова Татьяна Юрьевна
к.г.н., заведующий кафедрой социально-экономической географии и туризма ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

Современные особенности расселения населения в сельских поселениях Чеченской республики

Как и в большинстве других регионах России на расселение населения Чеченской республики оказывают влияние географическое положение, природные условия и сложная история формирования и развития территории и населения.

В геоморфологическом отношении Чеченскую республику разделяют на четыре части - Терско-Кумскую низменность, Терско-Сунженскую возвышенность, Чеченскую равнину и Горную Чечню. В настоящее время довольно точно определена площадь территории Чеченской республики, которая составляет 16,2 тыс. кв. км. Площадь территории и распределение земель по категориям представлены в таблице 1.

Таблица 1-Современная территория Чеченской республики

	Площадь, тыс. кв. км.
всего	16,2
в т.ч. леса	2,966 (19%)
внутренние воды	0,087 (0,5%)
сельхозугодья	9,931 (63,5%)
населенные пункты и объекты инфраструктуры	1,04 (6,6%)
земли промышленности и иного спецназначения	0,339 (2,2%)

Сложная история развития территории и населения сформировали и довольно сложную структуру расселения Чеченской республики. В настоящее время численность населения Чеченской республики составляет

около 1,5 млн. человек. Плотность населения Чеченской республики достаточно высокая по сравнению с другими субъектами РФ (91 чел /кв. км), при этом население Чечни – чуть меньше 1% от всего населения РФ и здесь самый высокий естественный прирост в стране (21 человек на каждую 1000).

Кроме того в республике Чечня:

- Самая большая в России доля детей (людей моложе трудоспособного возраста) - 34,7% населения.

- Самая низкая доля стариков — 9,2%.

- Самая высокая доля мужчин (на 1 тыс. мужчин в Чечне приходится всего 1034 женщины).

А резерв незанятого трудоспособного населения Чеченской республики - это один из самых высоких показателей безработицы в стране, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. Но при этом:

- показатели доходов населения возрастают;

-в Чечне меньше всего разводов в стране (1 развод на каждую 1000 населения);

- регион откуда уезжают, а не приезжают.

Территория республики согласно современному АТУ поделена на 15 муниципальных районов и три города республиканского значения. Всего насчитывается 366 населенных пунктов, из которых всего 6 городов и 360 СНП, оформленные в 213 сельских поселений. В связи с этим уровень урбанизированности территории один из самых низких в России – около 37%, и всю территорию республики можно считать «сельской». Динамика численности населения Чеченской республики представлена в таблице 2.

Таблица 2- Современное население Чеченской республики (данные на начало 2020 года)

Население, тыс. чел.		городское	сельское	г. Грозный
годы	всего			
1926 г.	309,9	Нет данных	Нет данных	97
1959 г.	710,4	Нет данных	Нет данных	242
1989 г.	1275,5	525,3	745,1	399,6
2015 г.	1370,3	476,0	894,3	283,6
2018 г.	1437,0	501,2	935,8	297,1
2020 г.	1478,7	545,4	933,3 (65%)	321,8

Согласно данным современных многочисленных исследований, чеченцы являются одним из древнейших народов Кавказа с выразительным антропологическим типом, характерным этническим лицом, самобытной культурой и богатым языком. Общеизвестно, что уже в конце 3 - первой половине 2 тысячелетия до н.э. на территории Чеченской республики развивается самобытная культура местного населения. Изменение этнического состава населения Чеченской республики показано в таблице 3.

Соотношение количества поселений в районе и сельских населенных пунктов представлено в таблице 4.

Таблица 3- Этнический состав населения Чеченской республики

Этнический состав	чеченцы	второй по численности народ	третий по численности народ	прочие народы
1959 г.	39,7%	49,4% - русские (великоросы)	0,6% - ингуши	10,3%
1989 г.	66,0%	24,8% - русские (великоросы)	0,9% - кумыки	8,3%
2002 г.	93,5%	3,7% - русские (великоросы)	0,8% - кумыки	2,8%
2010 г.	95,3%	1,9% - русские (великоросы)	1% - кумыки	1,8%

Таблица 4- Соотношение количества поселений в районе и сельских населенных пунктов в Чеченской республике

Информация о социально-экономическом положении МР по состоянию на 01.01.2019 г.		Ачхой-Мартановский	г.Аргун	Грозненский	г. Грозный	Гудермесский	Итум-Калинский	Курчалоевский	Надтеречный	Наурский	Ножай-Юртовский	Шалинский	Шаройский	Шатойский	Шелковский	Сунженский	Урус-Мартановский	Веденский
Наименование показателей		Количественные показатели																
Количество поселений в районе	ед.	12	0	25	-	22	13	13	12	14	22	10	11	15	19	2	12	39
Количество населенных пунктов в районе	ед.	12	0	39	-	22	31	20	13	29	53	10	11	31	25	2	14	50

При такой особенности устройства и развития территории географическая дифференциация расселения, демографической ситуации и других социальных характеристик определяется только в результате крупномасштабных исследований, где в качестве единицы изучения рассматривается каждый населенный пункт и каждая низовая система расселения и живущее в ней население. При этом необходимо учитывать и тот факт, что набор имеющейся «крупномасштабной» статистики отличается от «среднемасштабной» – он существенно уже.

При этом необходимо отметить общие тенденции расселения сельского населения по территории Чеченской республики:

- Характерно дисперсное рассеянное расселение (села, хутора, фермерские хозяйства) с большим расстоянием между сельскими поселениями.

- В равнинной части сельские населенные пункты тянутся на несколько километров и могут насчитывать десятки тысяч жителей.
- В предгорных районах сеть сельских населенных пунктов более густая и сами поселения достаточно крупные.
- Для горных районов более характерны мелкие поселения.
- Зональность сельского расселения нарушается в пригородных зонах более – менее крупных городов, где СНП становятся более крупными, а их сеть - более густой.
- Сохранились семьи с большим числом детей, но с низкой долей людей, имеющих профессиональное образование.
- Трансформация системы сельского расселения влечет за собой снижение густоты сельских поселений и увеличение среднего расстояния между ними.
- Преобладают села (бывшие аулы), в них разная численность населения, разное число хозяйств (дворов)
- Развалины – заброшенные аулы (покинутые) представлены культурным ландшафтом с сохранившимися культурно-историческими объектами (боевыми, родовыми башнями, крепостями), их в 2 раза больше, чем существующих СНП в настоящее время.

Хотя доля городского населения и невысока, стоит обратить внимание на социально-демографическое развитие городов Чеченской республики.

Города Чеченской республики представлены тремя городами республиканского значения (Грозный, Гудермес, Аргун). По численности населения: - крупный город (1), - средние города (3), - малые города (2). Динамика численности населения городов Чеченской республики представлена в таблице 5.

Таблица 5- Городские территории Чеченской республики, динамика численности населения

	2020	2015	2010	2005	1996	1989	1970	1959	МО
Город Грозный в т. числе	305911	283 659	271 573	215 700	186 000	399 688	341 259	242 068	ГО
- Город Грозный	70898								
- пос. Новые Нефтепромыслы	4836								
- пос. Старые Нефтепромыслы	21353								
Город Урус-Мартан	62702	55 783	49 070	43 300	38 600	32 851	24 311	11 672	ГП
Город Гудермес	5586	51 215	45 631	36 400	30 800	38 089	32 445	18 553	ГП
Город Шали	55076	51 268	47 708	42 100	24 000	24 985	18 636	11 911	ГП
Город Аргун	39275	34 078	29 525	26 900	23 400	25 491	15 148		ГО
Город Курчалой	26581	24 469	22 723					5104	ГП

Общие особенности городских поселений Чеченской республики:

- Городские поселения благодаря своим размерам и компактности влияют на практически полное отсутствие городского транспорта - всё расположено в пределах пешеходной доступности.
- Малые города отличаются спокойным ритмом жизни и практически всегда органически вписываются, и дополняют окружающий культурный ландшафт.
- Большая часть малых и средних городов часто воспринимается и ассоциируется с сельской местностью, т.к. они были образованы из сельских поселений и в настоящее время подавляющее их большинство выполняет функции «сельских столиц». Так, Курчалой только в 2018 году приобрел статус города, а до этого являлся самым крупным СНП.

Структуру экономики данных городов продолжает определять сельскохозяйственные производства или перерабатывающие сельхозпродукцию.

В целом города Чеченской республики определяют следующие отрасли промышленности, которые в общем объеме всей производимой продукции в республике составляют всего 4,1 %: Грозный остается старейшей нефтяной базой на территории Российской Федерации, который уже более 100 лет; производство прочих неметаллических минеральных продуктов (Гудермесский кирпичный завод, Грозненский кирпичный завод №2, Чеченское карьероуправление по добыче песка, Грозненский завод железобетонных конструкций №1»); крупные предприятия по производству пищевых продуктов: (Аргунский комбинат хлебопродуктов, предприятия хлебопекарной промышленности, Винзавод «Наурский, Сахарный завод); предприятия металлургического производства и производства готовых металлических изделий (Гудермесский завод Мединструмент, Завод «Трансмаш», Завод «Оргтехника», Грозненский электромеханический завод; предприятия по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования (завод «Электропульт-Грозный», Спецавтоматика, Грозненский электроремонтный завод; предприятие по производству швейных изделий - ГУП «Беркат») и т.п.

В Чеченской республике кроме малых и средних городов поселков городского типа нет.

Проблемы социально-экономического развития малых городов Чеченской республики:

- малая насыщаемость городского бюджета, которая отражается на уровне жизни, обслуживании, качестве жилищных условий;
- ограниченный выбор мест занятости (работы) для населения, ограниченный выбор профессий;
- отсутствие «городской среды», мало мест для проведения свободного времени (досуга) населения, что добавляет неблагоустроенности территории;
- значительная удалённость от транспортных магистралей и крупных центров, доступные дороги часто низкого качества, что в целом осложняет транспортную доступность этих городов.

население малых и средних городов Чеченской республики увеличивается за счет положительного естественного прироста, хотя в целом отмечается отрицательное сальдо миграции.

В качестве заключения стоит отметить такие особенности сельских поселений Чеченской республики (213 сельских поселений, в которые входят 355 населенных пунктов.

- сельские поселения ЧР играют огромную роль в структуре экономики Чеченской республики

- составляют основу сельского хозяйства и в целом АПК

- представляют основу историко-культурного наследия территории республики, представленную прежде всего развалинами брошенных аулов, крепостей, боевых башен и кроме всего прочего планировочная структура сел, практически полностью относящаяся к Средневековью.

- это может представлять интерес для развития туризма, прежде всего, отреставрированные памятники культурно-исторического наследия, которые наполнены новым функциональным назначением.

Список литературы

1. chechnya.gov.ru - официальный сайт Чеченской республики
2. Мусаева Л.З., Шамилев С.Р., Шамилев Р.В. Особенности расселения сельского населения субъектов СКФО // Современные проблемы науки и образования. 2012. №5.
3. Рыжиков В. В. География Чечено-Ингушской АССР. - Гр.: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973.
4. Тлехурай Ф.В., Лухманов Д.Н. Эволюция расселения на территории Адыгеи в XX веке. Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. 156 с.
5. Тугуз Ф.В. Историко-географическое изучение расселения (на примере территории Адыгеи) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Естественно-математические и технические науки. 2014. Вып. 3 (142). С. 148–157.
6. Чахкиев Г. Г., Кривцова М. К., Судибье А.О. Перспективы социально-экономического развития Республики Чечня // Труд и социальные отношения. 2014. Вып. 6. С. 29-38.

УДК 911.3 : 314.116 (477.61)
Краснокутская Надежда Сергеевна
к.г.н., доцент кафедры географии, ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, Луганская Народная Республика

Особенности демографического развития Луганского региона: общественно-географическая концептуализация

Аннотация. *Изучение демографической составляющей развития региона составляет важный объект исследования общественной географии. Особенность географических исследований народонаселения состоит в выявлении причинно-следственной обусловленности его трансформации. В данной связи цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать общественно-географические особенности демографического развития Луганского региона. Исследование проведено для периода 1990–2018 гг. Выявлены основные тенденции трансформации демографических изменений Луганщины, обозначить их причины и следствия.*

Ключевые слова*: общественная география, народонаселение, анализ, демографическое развитие, регион, трансформации, Луганщина.*

Одним из важнейших задач общественной географии является изучение процессов пространственных изменений народонаселения, выявление механизмов и последствий этих изменений для региона. Среди множества характеристик, которые определяют качественную характеристику населения региона, является демографическое развитие.

Демографическое развитие всякого региона является результатом и отображением его социально-экономического развития, с одной стороны; влиятельным фактором общественного развития – с другой стороны. Воспроизводство населения является залогом его же существования и определяется показателями механического и природного движения, детерминированного показателями рождаемости, смертности и естественного прироста.

Наиболее обобщающим показателем, который характеризует демографические процессы, является динамика численности населения. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что численность населения Луганщины и ее регионов на протяжении значительного исторического периода имела стабильную тенденцию к увеличению (за исключением кризисных периодов). Своего максимума численность населения региона достигла к 1992-му г. с показателем 2881,7 тыс. чел. (Рис. 1).

Однако при этом с 1991 г. Луганщина пересекла так называемый «демографический крест» (его образуют кривые рождаемости и смертности), который символизирует начало депопуляции населения. На протяжении 1991–2018 гг. численность наличного населения в Луганщине сократилась на 567,6 тыс. чел. или на 19,8 %. Важной особенностью демографического

развития Луганщины является неравномерная концентрация населения по ее территории, что связано с особенностями хозяйственной специализации. Так, важно отметить, что если общая численность жителей Луганщина в 2013 году составляла 2257,0 тыс. человек, то из них 67,4 % (1521,1 тыс. человек) проживало в южной части края [3, с. 47].

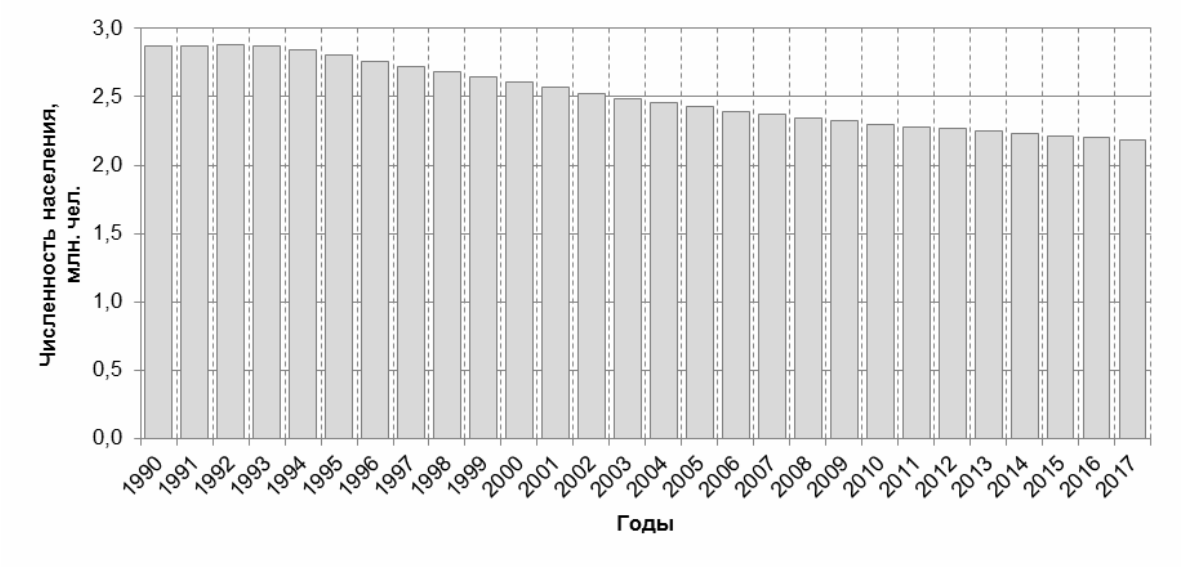

Рис. 1. Численность населения Луганщины по состоянию на 1990–2017 гг. (составлено по данным Госкомстата ЛНР [1; 4–7])

Анализ статистических данных свидетельствует о сохранении тенденции убыли населения на современном этапе социально-экономического развития южных регионах Луганщины. Так, на протяжении 2014–2018 годов численность жителей юга Луганщины сократилась на 63,2 тыс. чел. (4,2 %).

Демографическое развитие Луганщины имеет определенную общность с особенностями трансформации демографических процессов, свойственных преимущественному большинству стран и регионов Восточной Европы. Период с 1990 по 2018 гг. для Луганщины в целом и ее южных регионов в частности характерно снижение показателей естественного прироста населения (Рис. 2).

Постсоветский период развития ознаменовался для нашего региона важными изменениями в общественной жизни [2, с.73], обусловивших новые тенденции развития демографических процессов. Главной особенностью естественного движения населения в Луганщине в 1990-е гг. стало изменение положительного естественного прироста населения на отрицательный. Если в 1990 г. общий коэффициент естественного прироста составлял (-0,6 ‰), то в 2000 г. он достиг – (-11,4 ‰), в 2010 г. – (-7,8 ‰), а в 2018 г. – (-10,9 ‰). Демографический кризис в Луганщине обусловлен спецификой динамики демографических процессов рождаемости и смертности.

Анализ динамики официальных статистических показателей свидетельствует о том, что с 1990-х гг. в Луганщине происходит обвальное снижение рождаемости. Этот процесс был несколько приостановлен,

повышение рождаемости началось с 2002 г. и ускорилось с введением в 2005 г. социальных выплат в связи с рождением ребенка, а также последующими увеличениями их денежных размеров. Однако, в целом в регионе сохраняются крайне низкие показатели рождаемости, предопределенные негативной социально-экономической ситуацией и политической нестабильностью в регионе.

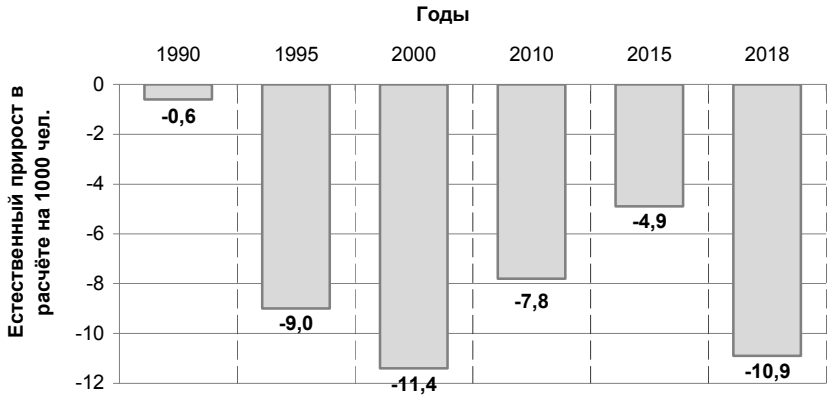

Рис. 2. Динамика коэффициента естественного прироста в Луганщине (составлено автором по данным Госкомстата ЛНР [1; 4–7])

В течение 1990–2018 гг. показатели рождаемости изменились с 11,6 ‰ в 1990 г. до 4,4 ‰ в 2018 г. (Рис. 3).

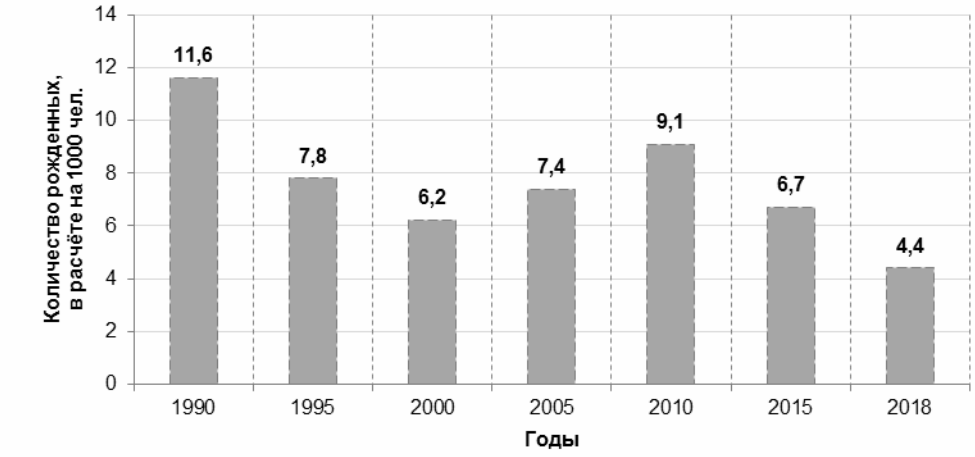

Рис. 3. Динамика коэффициента рождаемости в Луганщине (составлено автором по данным Госкомстата ЛНР [1; 4–7])

Однако можно проследить определенную особенность этих изменений. Так, до 1999 г. идет снижение рождаемости, с достижением наиболее низшего показателя на уровне 6,1 ‰, а с 2000 г. начинается постепенный рост рождаемости. Можно отметить общее улучшение рождаемости и тенденцию к ее росту. К 2010 г. уровень рождаемости в крае достигает 9,1 ‰, но после событий 2014 года коэффициент рождаемости вновь системно снижается.

Свой вклад в отрицательные тенденции демографического развития вносит негативная динамика демографического показателя смертности. Анализ данных смертности населения в Луганщине свидетельствует о его

росте с 1990-ых г. Так, согласно официальным статистическим данным уровень смертности населения в регионе увеличился с 12,2 ‰ в 1990 г. до 15,3 ‰ в 2018 г. (Рис. 4). Соответственно, графической иллюстрации показателей смертности населения можно утверждать о том, что в Луганщине сохраняется относительно высокий его уровень, начиная с 1993 г. который приобрел стагнационный тренд развития.

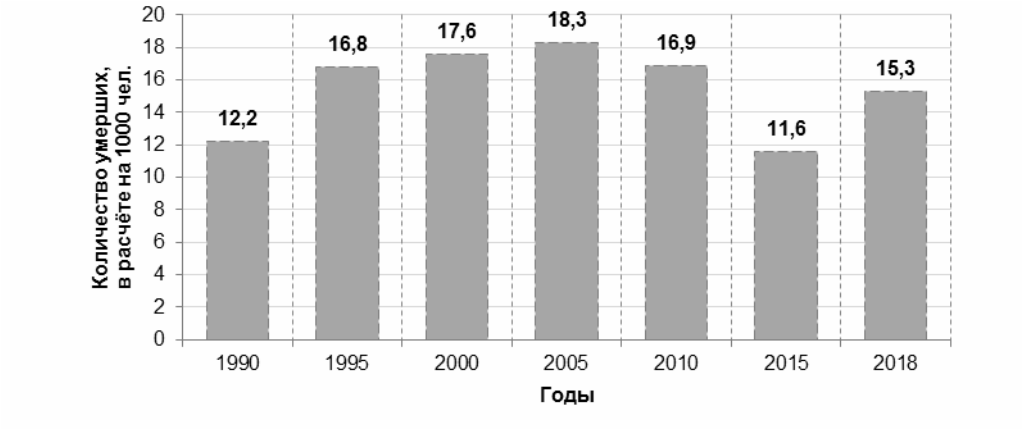

Рис. 4. Динамика коэффициента смертности в Луганщине (составлено автором по данным Госкомстата ЛНР [1; 4–7])

Таким образом, анализ естественного движения населения в Луганщине дает нам возможность сделать выводы об ухудшении демографической ситуации и обострении демографических проблем за период 1990–2018 гг. Динамика показателей демографических процессов воспроизводства населения Луганщины отображает ход историко-политических событий и социально-экономических преображений, которые были характерны для территории нашего края. Эти тенденции демографического развития накладывают свой отпечаток на сегодняшнюю ситуацию. Демографическую ситуацию в таком случае следует считать кризисной.

Список литературы

1. Госкомстат Украины: Банк данных [Електронний ресурс]. [Статистичні данні]. - Режим доступу : http://database.ukrcensus.gov.ua/.

2. Демографічні процеси на Донбасі (90-ті рр. XX - поч. XXI ст.) : монографія / [В.М Гончаров, А.З. Шайхатдінова, А.В. Черкасов та ін.]. Донецьк, 2009. 188 с.

3. Краснокутская Н.С. Факторы демографического развития Луганского региона: общественно-географический аспект /Н.С. Краснокутская // Вестник ВГУ.- Серия : География. геоэкология. 2020. N 1. С.48-57.

4. Луганская Народная Республика в цифрах 2015: Статистический сборник / Государственный комет статистики ЛНР [Под ред. И.В. Шаблиенко; ответств. за вып. И.А. Олейникова]. Луганс : Госкомстат ЛНР, 2016. 138 с.

5. Луганская Народная Республика в цифрах 2016: Статистический сборник / Государственный комет статистики ЛНР [Под ред.

И.В. Шаблиенко; ответств. за вып. И.А. Олейникова]. Луганск: Госкомстат ЛНР, 2017. 177 с.

6. Луганская Народная Республика в цифрах 2017: Статистический сборник / Государственный комет статистики ЛНР [Под ред. И.В. Шаблиенко; ответств. за вып. И.А. Олейникова]. Луганск: Госкомстат ЛНР, 2018. 255 с.

7. Луганская Народная Республика в цифрах 2018: Статистический сборник / Государственный комет статистики ЛНР [Под ред. И.В. Шаблиенко; ответств. за вып. И.А. Олейникова]. Луганск: Госкомстат ЛНР, 2019. 262 с.

УДК 314.7

Кулаков Андрей Владимирович,
к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии и туризма ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия
Кондакова Татьяна Юрьевна
к.г.н., заведующий кафедрой социально-экономической географии и туризма ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

Современные миграционные потоки в Западной Европе

Проблема такого явления как миграция существует ещё с древнейших времен, но именно в настоящее время она достигла своего максимума. Во многих европейских странах доля мигрантов за последние 50 лет выросла в несколько раз, что обострило ряд социально-экономических проблем. Именно поэтому изучение этого вопроса крайне важно для прогноза последствий, идущих за неконтролируемой миграцией.

Миграционные потоки всегда неоднородны и зависят от многих факторов. На мощность миграционного потока влияет численность участвующих в миграции, на направления миграционных потоков - развитость инфраструктуры, уровень правовой культуры, стабильность в политической и экономической системе страны.

Миграционный процесс определяется, в основном, двумя явлениями: выбытием населения из одной местности и прибытием туда мигрантов из других местностей. В целом, миграционный процесс – это множество событий, влекущих за собой смену места жительства.

В ходе истории в динамике миграционных процессов выделяют несколько периодов:

– миграции в первобытном обществе;

– миграции в эпоху Древнего мира;

– миграции в Средневековье;

– миграции Нового и Новейшего времени;
– миграции в период и после Первой мировой войны;
– миграции в годы Второй мировой войны;
– миграции после Второй мировой войны до 1990-х гг.;
– миграции в Новейшее время (конец XX – начало XXI в.).

При этом в научных исследованиях не существует единого понимания международной миграции. Наиболее объективный анализ этого процесса может дать рассмотрение основных теоретических подходов исследования данного явления, а также классификация, определение основных факторов миграции и типов миграционных систем. Научные школы и подходы по данному научному направлению развиваются в Европе и США. Среди теоретических подходов к исследованию международной миграции выделяются: индивидуальный, структурный, системный и междисциплинарный.

Очень важно также обозначить основные причины международной миграции.

Первая, и одна из самых очевидных, причин - это экономическое неравенство между богатыми и бедными странами: неравномерность мирового экономического развития, выражающаяся в неравенстве доходов и возможностей в развитых и развивающихся странах.

Ещё одной важной причиной является демографический дисбаланс: разница в численности и темпах роста населения в развитых и развивающихся странах с каждым годом увеличивается всё сильнее.

Также на направление и интенсивность миграционных потоков влияет наличие исторических, экономических, политических и других связей между странами.

Важной причиной является наличие глобальной информационной и транспортной сети.

Ещё одна причина - существование миграционных сетей, что является ярким примером того, что в реальной жизни индивидуальный и структурный подходы в объяснении причин миграции являются неразрывными.

Таким образом европейскую миграционную систему можно охарактеризовать при помощи междисциплинарного подхода. Ещё с начала эпохи географических открытий Европа стала активно участвовать в мировых миграционных потоках. Спустя несколько веков её роль кардинально изменилась: из центра массового выезда мигрантов она превратилась в центр притяжения населения из многих стран и регионов мира.

Современная миграционная система Европы является единой, по причине наличия тесных, экономических, культурных, политических, географических связей между государствами. Европейская миграционная система характеризуется многообразием миграционных потоков, их разнонаправленностью, появлением новых стран иммиграции, формированием нового вектора миграции «Восток-Запад», который сменил доминировавший еще недавно «Юг – Север». В Европейской миграционной системе центрами притяжения мигрантов, прежде всего, выступают страны

Западной и Северной Европы, но в последние годы также популярными стали страны Южной и Центральной Европы.

Так, на начало 2003 г. в 15 странах Европейского Союза численность официально занятых иностранных работников (и членов их семей) составляла более 17 млн. человек (по данным Евростата). В 2004 году в связи с расширением ЕС на 10 государств, многие из которых географически относятся к Центральной Европе, количество иностранных работников увеличилось, а также изменился их национальный состав, появился масштабный миграционный поток из стран Юго-Восточной Азии и стран СНГ. Но наибольшее количество иностранцев проживает в Германии, Франции, Великобритании, а также в Италии, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах, Швеции. В процентном соотношении иностранных и местных рабочих выделяются Австрия и Люксембург.

В каждом из государств Европейского Союза имеется своя собственная иммиграционная политика, которая включает в себя: законы, правила, статьи конституции, декреты, акты, и т.д.

Миграция в страны Европейского союза обращает на себя повышенное внимание по многим причинам. Во-первых, она оказывает значительное влияние на формирование численности и состава населения. Во-вторых, данный процесс связан с рядом социальных и экономических проблем, влияющих на всё сообщество того или иного государства. По оценке Статистического комитета ЕС (Евростата), на начало 2014 года постоянное население ЕС-28 составляло 506,8 миллиона человек, из которых 19,6 миллиона человек (3,9%) были гражданами стран, не входящих в Европейский союз («третьих стран»). Еще 14,3 миллиона человек (2,8%), будучи гражданами ЕС-28, были иностранцами в стране проживания (то есть имели гражданство другой страны-члена ЕС-28). Около 473 миллионов человек (93,3%) являлись гражданами стран, в которых они постоянно проживают.

На выбор страны для проживания иммигрантами в ЕС оказывают влияние многие факторы или их сочетание, такие как:

- языковые и культурные связи (иммиграция граждан США в Великобританию),
- географическая близость стран (иммиграция украинцев в Польшу),
- исторические взаимосвязи (иммиграция алжирцев во Францию)
- установившиеся миграционные каналы (иммиграция турок в Германию).

Причины пребывания в странах ЕС также различны, как среди иммигрантов в одной стране, так и по разным государствам. Разрешения на пребывание в стране по семейным обстоятельствам доминируют в Хорватии, Люксембурге, Швеции, Бельгии, Финляндии, Италии, Греции и Румынии. В Ирландии и Великобритании более 30% действующих видов на жительство были выданы с целью образования. С целью работы больше всего действующих видов на жительство было на Кипре (62%), связано это с наличием офшорной зоны. В Италии и Польше высока доля действующих разрешений на работу, но несколько уступает доле видов на жительство,

выданных на других основаниях (в Италии по семейным обстоятельствам, в Польше по иным причинам). В других странах (Латвии, Эстонии, и т.д.) высока доля выданных разрешений на пребывание в стране по иным причинам.

При этом стоит отдельно обратить внимание и такое явление как Европейский миграционный кризис, который по оценкам современных ученых является крупнейшим в Европе со времен второй мировой войны, возникший осенью 2015 года. Данный кризис проявился в многократном увеличении потока беженцев и нелегальных мигрантов в Европейский союз (ЕС) из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии и неготовностью ЕС к их приёму и распределению. Тогда с января по сентябрь 2015 года в странах ЕС было зарегистрировано более 700 тыс. людей, ищущих убежище, а всего за 2015 год в ЕС прибыло, по разным оценкам, от 1 до 1,8 миллиона беженцев и нелегальных мигрантов.

Распределение внешних мигрантов по территории ЕС крайне неравномерно. Различные государства по определенным причинам стали центрами притяжения конкретных этнических групп и народов:

- турки и боснийцы устремились в Германию и Австрию,
- основной поток албанцев направляется в Грецию, Италию и Швейцарию.
- украинцев и молдаван – в Италию и Испанию.

Выходцы из стран Северной и Западной Африки, чаще всего через Марокко направляются в силу их многочисленности как в соседней Испании, так и во франкоязычных Франции и Бельгии, а также Италии.

Для выходцев из бывших французских колоний в Тропической Африке и Карибском бассейне наиболее привлекательной остается Франция. Для жителей Индии, Пакистана, Бангладеш, Нигерии, Ямайки и большинства бывших колоний Британской Империи – Великобритания.

Так, на сегодняшний день ФРГ является одним из лидеров по иммиграции в мире (располагается на втором месте после США по количеству новых мигрантов) и абсолютным лидером в Европе. Около 20% населения Германии являются либо мигрантами, либо их потомками.

Согласно официальным данным, в 2013 году в ФРГ проживало 16,5 миллионов мигрантов и их потомков (в том числе 9,7 миллионов человек с немецким гражданством), что составляет 20,5% населения страны. 6 миллионов из них являются потомками мигрантов и были рождены уже на территории Германии. В 2014 году (по данным Евростата) в Германии официально насчитывалось 8,15 млн. жителей, имеющих лишь иностранное гражданство, что является наибольшим значением за всю историю государства. Около 69,4 % иммигрантов ФРГ происходят из европейских стран, в том числе 36,6% из стран ЕС, мигранты из стран Азии занимают долю в 17,8%, из стран Африки около 3,2 %. На 2014 год наибольшая доля мигрантов в Германии из Турции (12,8 %), Польши (11,4 %), России (9,0 %), Казахстана (6,9 %), Румынии (4,4 %), Италии (4,0 %) и Греции (2,1 %).

Великобритания - первая европейская страна, в которую начался активный поток мигрантов, преимущественно из её колониальных владений. После распада империи поток только увеличился и достиг пика в последние

десятилетия. Заметен активный рост числа трудовых мигрантов, как на короткий период времени, так и на длительный срок. В Великобритании вопрос о национальной принадлежности впервые был включён в перепись 1991 г. При этом выяснилось, что 76,8% (5,3 млн. человек) населения Большого Лондона составили «белые», 5% (347 тыс. человек) - индийцы, 4,3% (300 тыс. человек) - выходцы из Карибского региона, 2,4% (164 тыс. человек) - выходцы из стран Африки, 1,3% (88 тыс. человек) - пакистанцы, 1,2% (86 тыс. человек) - бенгальцы, 0,8% (57 тыс. человек) - китайцы. Большинство из этих мигрантов являлись низкоквалифицированной рабочей силой и занимались в основном тяжелой и низкооплачиваемой работой. В целом по стране на 2014 год (по данным Евростата) был следующий состав: «белые» по цвету кожи - 92,1% (54,153,898), в том числе британцы («белые» по цвету кожи) - 85,7 % (50336497).

Во Франции иммигрантом считается человек, проживающий на территории страны, не являющийся французским гражданином на момент рождения и рожденный вне территории государства. Таким образом, статус «иммигранта» присваивается человеку при первом пересечении границы на всю его жизнь.

Ежегодно во Францию приезжают около 130 тысяч иностранцев из стран, не входящих в Европейский Союз. Около половины из них получают разрешение по причине воссоединения с семьёй, то есть они близкие родственники иностранцев, легально проживающих в стране. Около 150 тысяч человек в год получают французское гражданство. Следовательно, количество иностранных граждан, проживающих во Франции, из года в год остается примерно постоянным, если не учитывать нелегальных мигрантов.

По данным Евростата, основные «страны-экспортеры» мигрантов в современную Францию - это Алжир, Португалия (примерно по 580 тысяч человек), Марокко (520 тысяч), Италия (480 тысяч), Испания (320 тысяч), а также страны Тропической Африки. Большинство из них является низкоквалифицированной рабочей силой, занятой в основном в обрабатывающем производстве и сфере услуг.

Также (по данным Евростата) более 350 тыс. иностранных работников насчитывается в Австрии, около 800 тыс. – в Италии, 600 тыс. – в Испании, порядка 750 тыс. – в Швейцарии, более 200 тыс. – в Швеции. В процентном соотношении можно выделить Швейцарию (18 %) и Люксембург (более 60 %).

Таким образом, если рассматривать ситуацию в целом, то можно сказать, что во многих странах Европы за последние десятилетия резко увеличилось количество мигрантов, и данная тенденция продолжает усиливаться. Мигранты уже стали неотъемлемой частью общества во многих государствах и плотно интегрированы в социальные, культурные, экономические и другие сферы жизни.

Список литературы

1. Авдеева Н.А., Болотина Н.И. Современные миграционные процессы в Европе в аспекте межкультурной коммуникации //Символ науки, №5-3 (17), 2016. С. 256-259

2. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / [под ред. Н.Б. Кондратьевой (отв. ред.), О.Ю. Потемкиной]. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. 144 с.
3. Сухов А.Н. Миграция в Европе и ее последствия : учеб. пособие / А.Н. Сухов, С.А. Трыканова. — 3-е изд., стереотип. М. : Флинта, 2016 — 216 с.
4. Направление основных внешних миграционных потоков [Электронный ресурс] Режим доступа: http://atlas.edu.ru/geo/nas5.html (дата обращения 12.05.2019).

УДК 314.18

Короленко Александра Владимировна
научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», г. Вологда, Россия

Демографическое развитие Вологодской области в 21 веке: тенденции и перспективы

Аннотация. *Вологодская область на протяжении 2000-х гг. стабильно входила в число регионов с нисходящей динамикой численности населения. Для понимания причин и последствий неблагоприятной демографической ситуации становится актуальным изучение особенностей демографического развития региона в последние два десятилетия и его перспектив в 21 веке. С этой целью проведен анализ статистических данных по демографической ситуации в 2000–2020 гг.; осуществлен вариативный прогноз численности населения до 2035 г. Выявлены ключевые демографические проблемы региона.*

Ключевые слова*: демографическое развитие, численность населения, естественное движение, миграция, рождаемость, смертность, демографический прогноз, Вологодская область*

На протяжении 2000-х гг. Вологодская область стабильно входила в число регионов с неблагоприятной демографической ситуацией [3]. В демографическом рейтинге российских регионов 2019 г., составленном информационным агентством «РИА Рейтинг» по данным за 2016–2018 гг. регион занимал 61 место из 85 субъектов РФ [6]. Нисходящая динамика численности населения области обусловлена двойным действием естественной и миграционной убыли населения [3]. Для понимания причин и последствий сложившихся тенденций необходимо изучение особенностей демографического развития региона в последние два десятилетия и его перспектив в 21 веке, что обусловило выбор цели данного исследования. Информационную базу составили статистические данные, характеризующие демографическую ситуацию за 2000–2020 гг., и прогнозные расчеты автора.

Тенденции демографического развития Вологодской области в 2000–2020 гг. С 2000 по 2020 гг. численность постоянного населения Вологодской области сократилась с 1 299,6 до 1 160,4 тыс. человек, т.е. на 139,2 тыс. человек или на 11% [2]. При этом наиболее существенно за анализируемый период снизилась численность сельского населения (на 22% – с 406,5 до 317,4 тыс. человек). Убыль численности городского населения оказалась не столь значительной (6% – с 893,1 до 843,0 тыс. человек). Одновременно происходило снижение удельного веса сельских жителей в общей численности населения: с 31% в 2000 г. до 27% в 2020 г. Для сравнения: в среднем по стране снижение данного показателя было менее существенным – с 27 до 25%.

На протяжении 2000–2019 гг. наблюдались изменения в возрастной структуре населения региона. Так, если удельный вес населения моложе трудоспособного возраста за рассматриваемый период не претерпел существенных изменений (19% в 2000 г., 20% в 2019 г.), то доля трудоспособного населения сократилась с 59 до 54%, а удельный вес лиц старше трудоспособного возраста, напротив, вырос с 21 до 27% [5; 8]. В целом наблюдаемые изменения в возрастной структуре соответствуют общестрановым тенденциям.

Анализ половозрастной пирамиды населения Вологодской области на начало 2020 г. позволяет выявить ряд особенностей. Наибольшие «впадины» пирамиды приходятся на возрастные группы 75–79 лет (поколения «детей войны»), 50–54 лет (поколения детей «детей войны») и 15–24 лет (поколения кризисных лет конца 1990-х-начала 2000-х гг.; рис. 1). Обращает на себя внимание факт существенного превалирования численности женского населения над мужским в отдельных возрастных группах. Если в возрасте до 39 лет численность мужчин превышает численность женщин (в среднем на 1000 мужчин приходится 955 женщин), то начиная с 40 лет соотношение меняется: на 1000 мужчин в 40–44 года приходится 1065 женщин, в 45–49 лет – 1092, в 50–54 лет – 1163, в 55–59 лет – 1258, в 60–64 лет – 1434. Начиная с 65 лет разница составляет более 1,5 раз (65–69 лет – 1641; 70–74 лет – 1904), а с 75 лет – более 2,5 раз (75–79 лет – 2643; 80–84 лет – 3170; 85 лет и старше – 4336).

На протяжении анализируемого периода в Вологодской области наблюдалась естественная убыль населения. Самого высокого значения её коэффициент достиг в 2003 г. (-9,3 ‰), после чего начал постепенно снижаться, но убыль так и не сменилась приростом. Наименьшее значение коэффициента зафиксировано в 2012 и 2015 гг. (-1,1‰). С 2016 г. естественная убыль снова начала нарастать и к 2019 г. достигла значения -4,5‰ (рис. 2). Причиной этого выступает превышение смертности над рождаемостью. С 2000 по 2012 гг. общий коэффициент рождаемости в регионе ежегодно рос, за это время он увеличился с 8,8 до 14,0‰. С 2013 г. зародилась тенденция снижения уровня рождаемости, в результате к 2019 г. её коэффициент достиг 9,6‰, что на 9% выше показателя 2000 г. Общий коэффициент смертности населения рос с 2000 по 2003 гг., в 2003 г. достигнув своего максимума (19,8‰). Начиная с 2004 г. показатель ежегодно

снижался (за исключением 2020 и 2016 гг.) и к 2019 г. составил 14,1‰. Вплоть до 2009 г. в регионе отмечался миграционный прирост, который с 2010 г. сменился миграционным оттоком населения (за исключением 2011 г. – 5 случаев на 10 тыс. чел. населения). К 2019 г. коэффициент миграционной убыли населения составил -18 случаев на 10 тыс. чел. населения.

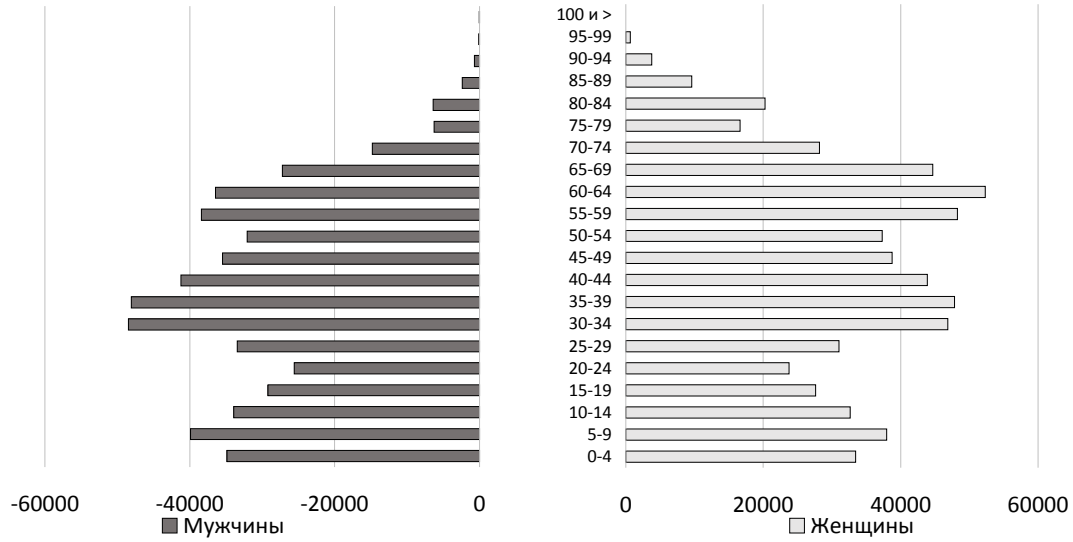

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Вологодской области (чел.; на нач. 2020 г.)

Источник: [8]

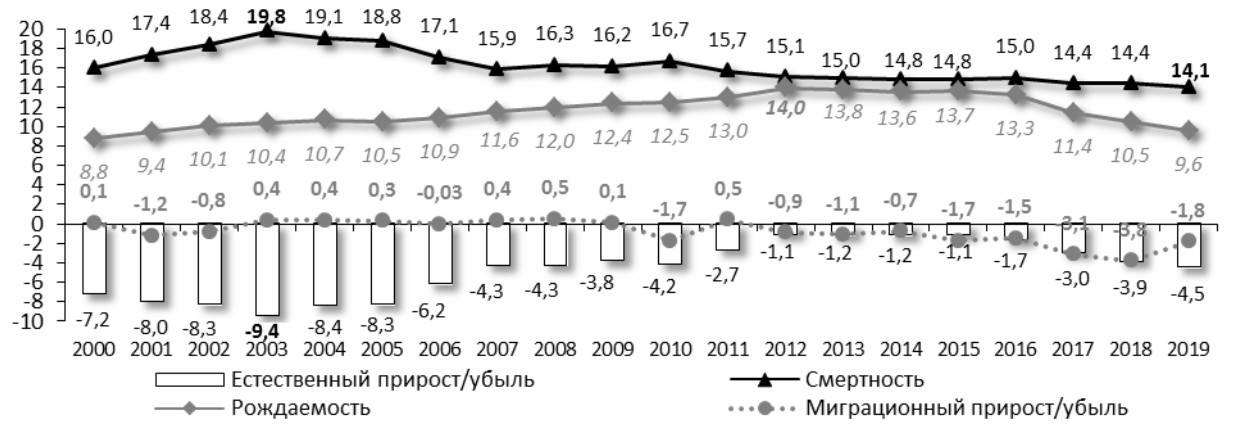

Рис. 2. Показатели естественного и миграционного движения населения Вологодской области в 2000–2019 гг. (на 1 тыс. чел. нас., ‰)

Источники: [1; 2; 7]

В целом по России вплоть до 2012 г. наблюдалась естественная убыль населения. С 2013 по 2015 гг. она сменилась естественным приростом населения, однако уже в 2017 г. вновь была зафиксирована убыль населения (-0,9‰), коэффициент которой к 2019 г. составил -2,2‰. В отличие от региона в стране в течение всего изучаемого периода отмечался миграционный прирост населения.

Более информативным в части отражения интенсивности процесса рождаемости является суммарный коэффициент рождаемости – среднее число детей, рожденных одной женщиной в репродуктивном возрасте. В период с

2000 по 2004 гг. коэффициент вырос с 1,25 до 1,41, однако в 2005 г. произошло его заметное сокращение до 1,36. С 2006 по 2015 гг. наблюдалось увеличение числа суммарных рождений (наибольший прирост в 2012 г. – на 10%), во многом связанное с активизацией демографической политики как на федеральном (с 2007 г.), так и на региональном уровне (с 2011–2013 гг.). Начиная с 2016 г. и по настоящее время интенсивность рождений ежегодно снижается. Наибольший спад СКР пришёлся на 2017 г. (на 10%), к 2019 г. он составил 1,53. На протяжении всего рассматриваемого периода СКР в регионе превышал аналогичный показатель в среднем по стране (в среднем на 5%).

В структуре причин смерти населения Вологодской области на протяжении 2000–2019 гг. на 1-м месте находились болезни системы кровообращения (57% в 2000 г., 50% в 2019 г.; рис. 3). Если в 2000 г. 2-ю позицию занимали внешние причины смерти (15%), а 3-ю – новообразования (13%), то к 2019 г. ситуация изменилась: новообразования поднялись на 2-е место в общей структуре смертности (16%), а внешние причины опустились на 3-е (7%). За анализируемый период в структуре смертности населения региона сократился удельный вес внешних причин (на 8 п.п.) и болезней системы кровообращения (на 7 п.п.). В то же время вырос вклад новообразований и болезней органов пищеварения (на 3 п.п. соответственно). С 2000 по 2019 гг. наиболее существенно сократилась смертность жителей Вологодской области от внешних причин смерти (на 59%) и болезней системы кровообращения (на 22%). Также наблюдалось снижение смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний (на 16%), болезней органов дыхания (на 11%). В то же время по сравнению с 2000 г. в 2019 г. в регионе увеличились показатели смертности от болезней органов пищеварения (на 83%) и новообразований (на 10%).

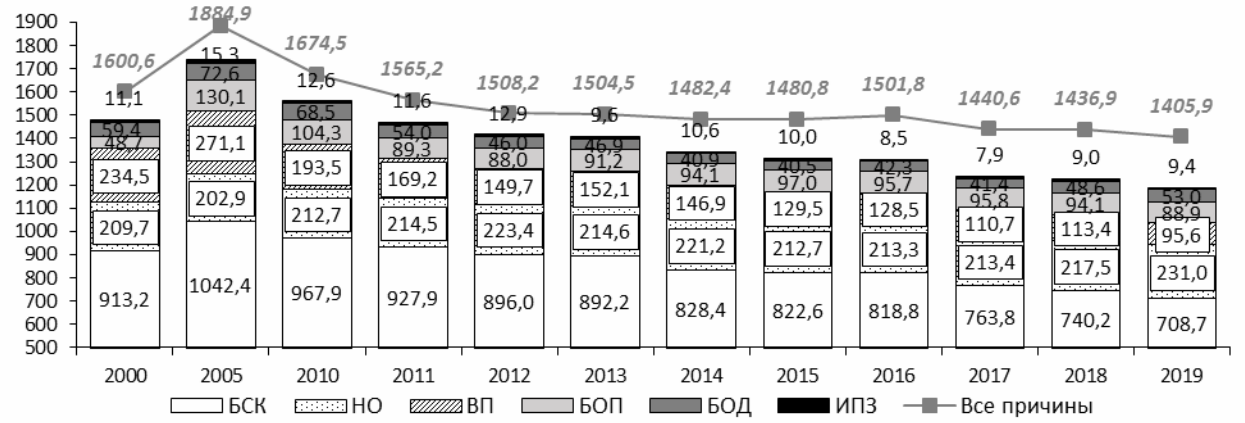

Рис. 3. Смертность населения Вологодской области от основных классов причин смерти в 2000–2019 гг. (на 100 тыс. чел. нас.)

Примечание: БСК – болезни системы кровообращения; НО – новообразования; ВП – внешние причины; БОД – болезни органов дыхания; БОП – болезни органов пищеварения; ИПЗ – некоторые инфекционные и паразитарные заболевания.

Источники: [1; 2]

Показатели смертности населения Вологодской области превышают общероссийские по таким классам причин, как БОП (в 2019 г. на 33%), БОД (на 32%), БСК (на 24%), НО (на 14%). Вместе с тем региональный уровень смертности от ИПЗ ниже среднего по России показателя (на 42%).

За период с 2000 по 2019 гг. интегральный показатель смертности населения – ожидаемая продолжительность жизни при рождении в регионе вырос на 6 лет – с 65,7 до 71,8 года, наиболее существенно среди мужского населения (на 6,7 года – с 59,2 до 65,9 года) по сравнению с женским (на 4,5 года – с 73,1 до 77,6 года; табл.). В 2000–2019 гг. ОПЖ женщин стабильно превышала аналогичный показатель у мужчин. В 2000 г. гендерный разрыв в продолжительности жизни достигал 13,9 года, однако к 2019 г. его величина снизилась до 11,7 года. Несмотря на позитивную тенденцию роста показатель ОПЖ в регионе продолжает уступать среднему значению по стране (73,3 года).

Таблица-ОПЖ населения Вологодской области и гендерный разрыв в её величине в 2000–2019 гг. (лет)

	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2000, +/-
ОПЖ, всего	65,7	63,2	67,1	70,4	70,2	71,3	71,4	71,8	*+6,1*
ОПЖ, муж.	59,2	56,1	60,6	64,4	64,2	65,5	65,7	65,9	*+6,7*
ОПЖ, жен.	73,1	71,7	74,2	76,5	76,4	76,9	77,0	77,6	*+4,5*
Генд.разрыв в ОПЖ	13,9	15,6	13,6	12,1	12,2	11,4	11,3	11,7	*-2,2*

Источник: [2]

Перспективы демографического развития Вологодской области в 21 веке. Для понимания перспектив демографического развития региона был построен вариативный прогноз численности его населения на период до 2035 г. методом передвижки по возрастам. Прогнозирование осуществлялось по четырём сценариям – *инерционному, «повышения рождаемости», «снижения смертности» и «оптимизации управления»*. Первый сценарий предполагал сохранение сложившихся тенденций рождаемости, смертности и миграции населения на протяжении всего прогнозного периода на уровне базового года (2019 г.); второй – ежегодное увеличение уровня рождаемости в соответствии с установленными целевыми ориентирами – согласно «Стратегии 2030» [4] (к 2030 г. рождаемость в регионе должна увеличиться на 4% (т.е. на 1,00244% ежегодно); третий – ежегодное сокращение уровня смертности в соответствии с установленными целевыми ориентирами (к 2030 г. смертность должна снизиться на 26% (т.е. на 0,9826% ежегодно); четвертый – ежегодное повышение рождаемости (на 1,00244%) и снижение смертности (на 0,9826%).

Согласно всем вариантам прогноза численность населения Вологодской области к 2035 г. неизбежно сократится (рис. 4). Инерционный сценарий демонстрирует самый неблагоприятный вариант развития событий – снижение численности к 2035 г. до 978,5 тыс. человек (т.е. на 16% по

сравнению с 2019 г.). Примечательно, что из сценариев «повышения рождаемости» и «снижения смертности» второй обладает наиболее позитивным эффектом для численности населения. Реализация сценария «оптимизации управления» гипотетически приведёт к наилучшим результатам, но не решит проблему убыли населения. Согласно ему к 2035 г. общая численность жителей региона составит 1 040,5 тыс. человек, что на 11% ниже, чем в базовом году.

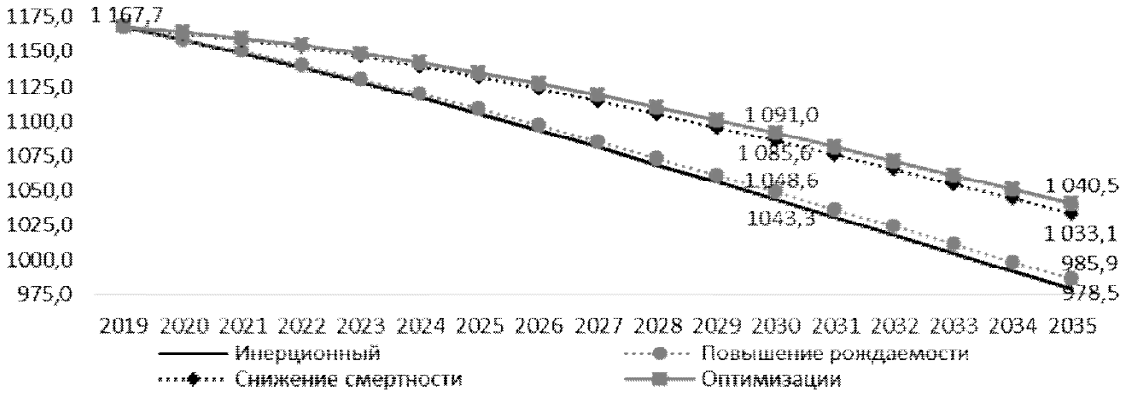

Рис. 4. Прогноз численности населения Вологодской области до 2035 г. (тыс. чел.)
Источник: расчёты автора.

Проведенное исследование позволило выявить ***ключевые демографические проблемы Вологодской области***:

- ✓ устойчивое сокращение численности населения под двойным прессом естественной и миграционной убыли населения;
- ✓ низкую миграционную привлекательность региона;
- ✓ существенное снижение численности и доли сельских жителей;
- ✓ сокращение удельного веса трудоспособного населения и рост демографической нагрузки на него;
- ✓ выраженный гендерный дисбаланс в половозрастной структуре населения;
- ✓ снижение интенсивности рождений начиная с 2017 г.;
- ✓ высокий уровень смертности населения, особенно от болезней органов пищеварения и дыхания, и низкую продолжительность жизни по сравнению с общероссийскими показателями;
- ✓ большой гендерный разрыв в величине ОПЖ (более 10 лет).

Целевые индикаторы демографического развития региона, обозначенные в ведущих стратегических документах, не смогут прервать тенденцию сокращения численности его населения, что подтвердили прогнозные расчеты. Данный факт актуализирует не только пересмотр показателей демографического развития Вологодской области, но и совершенствование мер региональной демографической политики.

Список литературы

1. Бюллетень «Естественное движение населения Российской Федерации». – URL: https://gks.ru/folder/11110/document/13269.

2. Единая межведомственная информационно–статистическая система. – URL: https://fedstat.ru/ .
3. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Итоги демографического развития России в 2000–2016 гг. // Социальное пространство. 2017. № 4 (11). URL: http://socialarea-journal.ru/article/2374.
4. О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: утв. пост. Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г. № 920 // Официальный сайт Правительства Вологодской области. – URL: https://vologda-oblast.ru/strategiya2030/strategiya/.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. – URL: https://gks.ru/folder/210/document/13204.
6. Рейтинг регионов по демографии – 2019 // РИА Рейтинг. – URL: https://riarating.ru/regions/20190423/630123901.html
7. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году. – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm.
8. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. – URL: https://gks.ru/folder/11110/document/13284.

УДК 314

Купцов Александр Евгеньевич
старший преподаватель кафедры социально-экономической географии и туризма ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия
Кондакова Татьяна Юрьевна
к.г.н., заведующий кафедрой социально-экономической географии и туризма ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

Современные особенности населения регионов Испании

Согласно современным статистическим данным в Испании проживает более 45 млн. человек. Так на начало 2018 года численность населения достигала 46 722 тыс. чел., на начало 2020 года - примерно 46,7 млн чел. Это многонациональное государство, имеющее своеобразный национальный состав, в котором, кроме испано-кастильцев выделяются такие этнические общности, как галисийцы, баски, каталонцы, а также другие этнические группы, отличающиеся определенными особенностями языка, культуры, менталитета и т.д. Этнический тип испанской нации сформировался во многом в результате сложных процессов ее взаимодействия с другими этническими сообществами и культурами.

Итак, среди коренных испанцев можно выделить четыре основные этнические группы: баски – относительно небольшая (800 тыс. человек) и

изолированная группа населения севера Испании (Страна Басков, Баскония); галисийцы – потомки кельтских народов, обосновавшиеся на северо-западе страны (Галисия) (чуть более 3 млн. человек); каталонцы – коренные жители провинции Каталония (11 млн. человек) на северо-востоке Испании; кастильцы – наиболее многочисленная (40 млн. человек), объединенная группа коренных поселенцев Пиренейского полуострова, которые расположились на обширной территории от северо-запада к центру полуострова.

Общая численность населения Испании в сторону увеличения меняется медленно. Основной прирост населения произошел во вторую половину 20 века. Основные причины низкого темпа роста населения Испании: высокие показатели смертности, которая почти равна уровню рождаемости; миграция населения в другие страны в поисках заработка или по иным причинам, в том числе в страны Латинской Америки. Именно поэтому рост населения в Испании и в настоящее время не превосходит 1,5%, не смотря на социальные реформы и политику страны, направленной на привлечение иммигрантов. Кроме того, медленному росту населения Испании способствует и рост эмиграции испанцев в европейские страны.

Население по территории страны также размещено неравномерно, и сильно отличается по регионам. Так, на начало 2018 года самыми многочисленными регионами Испании являются (в скобках указана текущая численность населения в тыс. чел.) Андалусия (8384), Каталония (7600), Мадрид (6578) и Валенсия (4963). Максимальный прирост населения характерен для области Мадрида, здесь численность населения с 1996 года увеличилась на 24%, в Каталонии на 20%, а в Андалусии – на 14% соответственно. Самыми малочисленными регионами Испании являются Сеута (85), Мелилья (86), Ла Риоха (315), Кантабрия (580) и Наварра (647). Общий прирост численности населения с 1996 года невысок и составляет в Кантабрии – 10%, Ла Риохе – 15%, Наварра – 19%.

Численность населения сократилась по сравнению с 1996 годом в Астурии на 6%, Кастилии и Леон на 4%, практически не изменилась в Эстремадуре.

В настоящее время средняя плотность населения Испании составляет согласно статистическим данным 89,4 чел/кв. км, что является невысоким показателем для страны, входящей в состав Европейского Союза.

Плотность населения в Испании – величина довольно динамичная и меняется от одного региона к другому. При этом отмечается тенденция увеличения плотности населения в городах. По последним статистическим данным этот показатель увеличился до 77,4% от общего числа жителей. Наиболее крупными городскими агломерациями являются Мадрид, Барселона, Валенсия, Севилья, Сарагоса, Бильбао и т.д. С другой стороны, заметно снижена плотность сельского населения. При этом 73% населения проживает в небольших городках плотностью в 10 тыс. человек.

Самая большая плотность населения (за исключением Сеуты и Мелильи) зарегистрирована в автономном округе Мадрида - 605 чел./кв.км. В самом Мадриде проживает более 3 млн. чел., а с населением предместий

до 5 млн. человек. Вторым по плотности населения является Барселона с числом жителей более 1,5 млн. жителей, а с пригородами превышает 4 млн. человек. Далее следуют Валенсия, плотность населения которой – 785 - 700 чел./кв.км, Севилья, Сарагоса, Малага, Бильбао.

В разрезе регионов относительно большая плотность характерна для Страны Басков (до 300 чел./кв. км), Канарских островов, Каталонии, Балеарских островов, Валенсийского Сообщества (до 100-200 чел./кв. км).

Самая низкая плотность населения отмечается в Кастилии – Ла Манча, Арагоне, Эстремадуре, Кастилии – Леоне, где этот демографический показатель падает до 30 и менее жителей на кв. км.

В соответствии с этим испанское правительство стремится к тому, чтобы пропорционально распределять городские индустриальные зоны по территории страны и тем самым устранять различия в плотности населения, хотя это и довольно сложная задача. Следует подчеркнуть, что, хотя миграция из села в город стала снижаться, но, тем не менее, этот процесс не прекратился полностью.

Гендерные состав населения Испании: соотношение между представителями женского и мужского пола примерно одинаковое – 50,6% против 49,4%. Численность женщин превышает количество мужчин практически по всей стране, кроме Балеарских, Канарских островов, Мурсии, Кастильи-Ла-Манчи, Сеуты, Мелильи.

Также в настоящее время возрастная структура населения, соотношение между рождаемостью и смертностью, занятость населения весьма специфичны для территории Испании, и особенно проявляется разница в разрезе регионов.

В 2018 году в Испании зарегистрированы самые низкие цифры рождаемости за время существования Национального Института Статистики (INE): 179,794. Количество умерших за год также перекрыло статистику всех предыдущих 77 лет: 226,384 человека. Таим образом, показатель естественного прироста составляет – 46,590.

После периода колебаний, динамика населения в регионах Испании стала еще более отрицательней. Так, в 2018, количество рожденных детей упало по всем провинциям, наиболее пострадали и без того малонаселенные и «старые» провинции: Ла-Риоха (–13,7%), Эстремадура (–10,3%) и Кантабрия (–7,8%).

Несмотря на отрицательный естественный прирост, население Испании слегка увеличивается за счет иммигрантов. Каждый пятый ребенок, родившийся в Испании в первом полугодии 2018, года был сыном иностранки.

В указанный период, благодаря матерям-иностранкам, естественный прирост улучшил свои показатели, но теперь, когда приток эмигрантов замедлился, а в годы кризиса многие иностранцы (и испанцы) предпочли покинуть Испанию, рождения уже не могут компенсировать естественную убыль стареющего населения.

Иммиграция в Испании дает 92% к приросту населения и Испания – является одним из лидеров в ЕС по приему иностранцев, приезжающих в

страну на ПМЖ. В последние годы больший прирост населения за счет иммигрантов отмечается в Андалусии (17,85%), Каталонии (15,98%), Мадриде (13,75%), Валенсии (10,84%), Галисии (5,92%), Леоне и Кастилии (5,42%), Стране Басков (4,63%). При этом большая часть иммигрантов прилетает в Испанию из латиноамериканских стран и государств Карибского бассейна (35%), 22% – граждане Западной Европы, 18% – Восточной Европы, а доля иностранцев из Африки составляет 15%.

Показатели смертности выросли по 12 автономным областям, причем больше всего количество умерших возросло на Канарах (10,2%), в Андалусии (5,3%) и в Кантабрии (5,1%). Только для трех автономий характерен положительный естественный прирост: Мадрид (3,714 чел.), Мурсия (997 чел.) и Балеарские острова (428 чел.), а также Сеута и Мелилья.

Рост иммиграции в Европе привёл к тому, что численность населения Испании увеличивается. Так, например, в 2017 году в стране постоянно проживали 46,65 миллионов человек (+132263 человека к 2016 г.). При этом число собственно испанцев в 2017 году сократилось из-за отрицательного демографического прироста.

В 2017 году в Испанию въехали на ПМЖ 532 482 иностранца (+28,4% к 2016). Уехали из страны 367 878 иностранцев, постоянно проживавших в Испании, что на 12,4% больше, чем в 2016.

На 1 января 2019 года в Испании проживали 46 934 632 человек, из которых 4 848 516 - резидентами-иностранцами. Именно рост числа иностранцев увеличивает население, проживающее в Испании, поскольку количество граждан Испании из-за отрицательного демографического прироста снизилось. Миграционный баланс также является отрицательным.

Внутри страны наблюдаются миграционные процессы с юга полуострова к северному побережью. Столичный регион, Каталония и Страна Басков являются индустриальными и наиболее богатыми областями, куда устремляются испанцы.

Таким образом, хотя для современной Испании характерен ежегодный прирост населения, все же он один из самых низких в мире, тем более, что рождаемость неуклонно падает. Основной причиной тому эмиграционные процессы из-за экономического кризиса. Безработица вынуждает граждан Испании искать финансовое благополучие в других странах. Стоит отметить, что чаще других эмигрируют не коренные испанцы, а бывшие мигранты, получившие испанское гражданство. В результате национальная однородность страны повышается.

Список литературы

1. Испания - страна с высоким региональным неравенством. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Октябрь, 2017 г. Аналитический центр при Правительстве РФ.

2. Купцов А.Е., Кондакова Т.Ю. Использование топонимического материала в формировании туристского образа регионов Испании // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды XIV

Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.И. Кружалина. Москва, 2019. С. 474-478.

3. Официальный сайт испанской газеты El Pais. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elpais.com/ (дата обращения 22.09.2019).

4. Шашкова А.В. Проблемы регионального развития Испании // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. С. 168-174.

УДК 314.172:33

Лещенко Ярослав Александрович
д. мед.н., профессор, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Восточно-Сибирский институт медико-экологических исследований», г. Ангарск, Россия

Особенности и тенденции демографических процессов в регионах Сибири и Дальнего Востока[77]

Аннотация. *Цель исследования: оценить демографические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке с позиций национальной и демографической безопасности. Проведен динамический анализ показателя средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении (СОПЖ) как интегрального индикатора уровня социально-экономического развития территории. В постсоветский период самые низкие показатели СОПЖ отмечаются в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, что свидетельствует о наиболее низком качестве жизни населения этих территорий. Проводимая федеральным центром в этих регионах социально-экономическая и демографическая политика не адекватна существующим социальным, экономическим, демографическим и другим проблемам.*

Ключевые слова: *демографические процессы, продолжительность жизни, качество жизни, Сибирь, Дальний Восток*

По многочисленным прогнозам, в 21 веке произойдет резкое сокращение, и даже исчерпание многих природных ресурсов, например, такого ценного ресурса как чистая питьевая вода. Есть все основания полагать, что уже в недалеком будущем борьба за ресурсы будет обостряться. Естественно, что взоры участников этой борьбы, прежде всего, обратятся туда, где ресурсов много, а населения мало. Западные элиты, политологи не замедлят найти «научное обоснование» необходимости очередного передела мира. Причем в качестве одного из наиболее «весомых» аргументов здесь может быть использован демографический фактор.

[77] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00781

В западной геополитологии уже давно сформирована т.н. концепция «Terra Norris» или «Terra Nullius» (ничейной земли), согласно которой к «ничейным» относят территории, где плотность населения составляет менее 5 человек на 1 км^2. И совершенно очевидно, что первоочередными объектами приложения указанной концепции становятся богатые ресурсами российские территории Сибири и Дальнего Востока. Напомним, что средняя плотность населения (количество человек на квадратный километр территории) составляет: в Иркутской области – 3,3; Республике Бурятия – 2,7; Забайкальском крае – 2,6; Амурской области – 2,4; Хабаровском крае – 1,8 чел./км^2. Сильным государством, великой державой Россия стала только после того, как присоединила и освоила восточные территории. Поэтому любые сценарии утраты даже экономического контроля над азиатской частью России равнозначны, по сути, утрате суверенитета и независимости страны.

Цель исследования: оценить демографические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке с позиций национальной и демографической безопасности. Под ***национальной безопасностью*** *следует понимать защищенность жизненно важных интересов граждан, общества, государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по своей природе* [4]. ***Демографическая безопасность*** *– это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса* [5].

Основным критерием внешней стороны демографической безопасности является формирование таких совокупностей людских (трудовых, мобилизационных, переселенческих) ресурсов, которые должны соответствовать всему кругу геополитических интересов государства: заселенности территории, охране ее границ, поддержанию оборонного потенциала, обеспечению экономики собственными трудовыми ресурсами и др.

На протяжении всего постсоветского периода в регионах Сибири и Дальнего Востока с большой остротой проявляются негативные социально-демографические проблемы: идет естественная и механическая убыль населения.

Мы не приводим развернутый анализ отдельных демографических показателей (рождаемости, смертности, дифференцированной по возрастно-половым группам населения, причинам смерти, территориям и т.д.), что не позволяет сделать ограниченный объем статьи. Представим анализ показателя средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении (СОПЖ), который широко используется в качестве системного (интегрального) индикатора уровня социально-экономического развития территории и качества жизни населения.

Данные о показателях средней ожидаемой продолжительности жизни, в федеральных округах и РФ в целом получены на сайтах Росстата, Центра демографических исследований Российской экономической школы. Для

оценки тенденций в динамике показателей применен однофакторный линейный регрессионный анализ по временно́му ряду с помощью стандартных средств Excel (Microsoft office 2007) и IBM SPSS Statistics 23.

Динамика показателя средней ожидаемой продолжительности жизни в период с 1990 по 2018 год является наглядным отражением изменений, происходивших в социально-экономической ситуации, качестве жизни, здоровье, психоэмоциональном статусе населения Российской Федерации и отдельных федеральных округов.

Первоначальным этапом выраженного ухудшения демографической ситуации стал период 1993-1996 гг., когда в стране осуществлялся ускоренный демонтаж советской модели социально-экономической системы, а также радикальный передел собственности во всех сегментах экономики. В эти годы показатель СОПЖ по Российской Федерации по сравнению с 1990 г. (69,2 года) существенно снизился – до значений 65,8-63,9 лет. В федеральных округах наблюдались подобные изменения, но их выраженность оказалась различной. Наиболее низкие значения СОПЖ были зарегистрированы в двух восточных округах: в Сибирском федеральном округе (СФО) показатель снизился с 67,9 (1990 г.) до 63,7-61,8 лет; в Дальневосточном округе (ДФО) – с 67,2 до 62,9-61,7 лет. Временное незначительное улучшение демографической ситуации в стране отмечалось в 1997-1998 гг.

В 1999-2005 гг. в России происходило новое снижение показателя средней ожидаемой продолжительности жизни (до значений 65,4-64,9 лет), продолжавшееся, в этот раз более длительный срок – с 2000 по 2005 год. И снова наихудшие показатели СОПЖ были зарегистрированы в Сибирском федеральном округе (63,7-62,7 года) и Дальневосточном округе (63,2-62,2 года). Столь выраженное неблагополучие в демографической ситуации (естественном движении населения) являлось, несомненно, свидетельством неэффективности государственной социально-экономической политики.

В 2000-е годы все более заметное позитивное влияние на демографическую ситуацию стал оказывать фактор международной экономико-ресурсной конъюнктуры – повышение мировых цен на нефть, газ, металлы – основные экспортные товары России, что вызвало огромный приток валюты в страну и привело к заметному экономическому росту [1]. Влияние данного фактора постепенно нарастало, и с 2006 г. в стране стало происходить последовательное улучшение демографической ситуации (снижение смертности и повышение показателя средней ожидаемой продолжительности жизни). По России в целом к 2018 г. показатель средней ожидаемой продолжительности жизни увеличился на 6,2, года и составил 72,9 года; в федеральных округах увеличение показателя составило от 5,4 до 7,5 лет. Но, по-прежнему, самые низкие показатели СОПЖ отмечались в Сибирском (70,7 года) и Дальневосточном (70,2 года) округах. Данный факт свидетельствовал о сохранении наиболее низкого качества жизни населения в этих макрорегионах. Подтверждением данной закономерности являются самые высокие показатели миграционного оттока населения из этих федеральных округов в западные регионы страны [3]. Показатель

миграционной убыли является индикатором, который обобщенно характеризует неудовлетворенность населения всем комплексом условий жизни. По данным социологических исследований, проведенных среди городского семейного населения Иркутской области, среди причин неудовлетворенности условиями жизни в регионе респонденты поставили на первое место высокую стоимость жизни (41,7% мужчин и 33,2% женщин). Второй по значимости причиной была названа неудовлетворенность всеми условиями жизни, вместе взятыми (28,0% лиц обоего пола) [3].

В чем же причины устойчивого сохранения крайне неблагоприятной демографической ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке? Для выяснения этих причин нам придется обратиться к мнениям и оценкам авторитетных ученых, специалистов, экспертов.

Одним из наиболее компетентных специалистов по Дальнему Востоку является экс-президент Якутии, заместитель председателя Совета по Дальнему Востоку при Совете Федерации В.А. Штыров. По свидетельству этого эксперта низкий уровень и качество жизни населения самого восточного макрорегиона России обусловливают следующие факторы и обстоятельства:

- средняя заработная плата дальневосточников ниже, чем в среднем по России, а уровень расходов на семью, наоборот, существенно выше;

- ДФО среди федеральных округов находится на последнем месте по количеству введенного жилья на тысячу человек населения (по вводу жилья Якутия находится на 21 месте по России, Сахалин – на 22 месте, остальные субъекты – на 83-85 местах);

- очень низкий уровень газификации населенных пунктов Дальнего Востока (сложилась парадоксальная ситуация: по новому газопроводу «Сила Сибири» газ не дошел до Хабаровского и Приморского краев, поскольку за Амурской областью его стали транспортировать напрямую в Китай, а потребности дальневосточников отодвинули на задний план);

- крайне негативно повлияла на качество жизни, особенно сельского населения, проведенная «оптимизация» в сфере здравоохранения: по сути, в сельской местности в значительной степени было ликвидировано первичное медицинское звено;

- во времена тяжелейшего системного кризиса 90-х годов были фактически уничтожены или сведены до ничтожного состояния крупные отрасли народного хозяйства, дававшие высокооплачиваемые рабочие места: Дальневосточное морское пароходство, мощный рыболовный флот; гигантские предприятия: «Дальзавод» – флагман судоремонта и судостроения, хабаровские «Дальдизель» и производственное объединение «Химфарм», «Амурсельмаш» и другие. Причем, многое из порушенного не восстанавливается [7].

Профессор Школы востоковедения Высшей школы экономики Алексей Маслов утверждает, что стимулов для переезда российского населения на Дальний Восток как не было, так и нет. Единственное, что может привлечь на Дальний Восток людей или хотя бы серьёзно снизить отток в европейскую Россию – индустриализация региона. Но не только –

ещё и создание необходимой для работы предприятий и жизни людей инфраструктуры, создание новых и обновление существующих учебных заведений. Создание крупных технопарков, когда технологии требуют не большого количества людей, а большого количества специалистов [6].

Кирилл Янков, зав. лабораторией прогнозирования региональной экономики Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, считает, что природные богатства и выгоднейшее географическое положение Дальнего Востока не используются даже на десятую долю. По валовому внутреннему продукту он в 10 раз уступает даже небольшой Южной Корее (про Китай и Японию говорить не приходится). Вот почему развитие восточных территорий – дело всей страны. При этом очевидно, что огромные северные пространства всегда будут дотационными. Но южные районы Дальнего Востока вполне реально вывести на уровень как минимум прилегающих китайских провинций. Упор надо сделать на создание экспортных производств, в которых Россия будет более сильна, чем её соседи по Азиатско-Тихоокеанскому региону [2].

К сказанному следует добавить, что в 2014 г. была принята тщательно разрабатываемая в течение почти 10 лет государственная программа по развитию Дальнего Востока. Вскоре в Совете Федерации подготовили специальный комплексный закон «Об особых условиях развития Дальнего Востока и Байкальского региона». По сути это был своего рода Кодекс Дальнего Востока, который получил полную поддержку со стороны субъектов Федерации, отраслевых и территориальных министерств. Единственным органом, выступившим против документа, оказался экономический блок правительства. А поскольку в существующей системе управления мнение данного органа является решающим, указанный документ оказался заблокированным и не был принят для реализации [7].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о чрезвычайной остроте и огромной сложности проблем демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Можно также понять, насколько велика роль госаппарата и субъектов управления (федерального уровня) в принятии и реализации судьбоносных для страны решений.

Заключение. В отношении демографического и социально-экономического развития восточных регионов страна все больше приближается к некоему критическому порогу с точки зрения демографической и национальной безопасности. Проводимая федеральным центром в этих регионах социально-экономическая и демографическая политика не адекватна существующим здесь природно-географическим условиям, социальным, экономическим, демографическим и геополитическим проблемам.

Если федеральная власть и в дальнейшем не предпримет сверхусилий по укреплению и развитию Сибири и Дальнего Востока (наподобие тех мер, что были сформулированы в Государственной программе и комплексном законе), отставание от соседних стран и депопуляция могут привести через 2-3 поколения к тому, что Россия фактически потеряет эти территории.

Список литературы

1. Аганбегян А. Кризис. Беда и шанс для России /А. Аганбегян.- М.:АСТ: Астрель; 2009. 285 с.
2. Жизнь на Дальнем Востоке. Как не дать региону стать белым пятном на карте? URL: https://aif.ru/politics/russia/zhizn_na_dalnem_vostoke _kak_ne_dat_ regionu_stat_belym_ pyatnom_na_karte (дата обращения 13.09.2020).
3. Лещенко Я.А. Влияние миграционных процессов на формирование демографического потенциала Сибири, Байкальского региона // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции /Я.А. Лещенко. - Иркутск, 2019. С. 295-303.
4. Петров В.Л. Геополитика России (Возрождение или гибель?) / В.Л. Петров. М.: Вече, 2003. 464 с.
5. Рыбаковский Л.Л. Прикладная демография (работы 2001-2003гг.) / Л.Л. Рыбаковский. М., 2003.
6. Сколково создали не там. Эксперт о том, как не потерять Дальний Восток. URL: https://aif.ru/politics/russia/skolkovo_sozdali_ne_tam_ ekspert_ o_tom_kak_ne_poteryat_dalniy_vostok. (дата обращения 13.09.2020)
7. Штыров Вячеслав: Государственный план подъема Дальнего Востока исчез еще в 2013 году // Аргументы недели. 2020. №29. С. 1, 3, 8-9.

УДК 314.156(985)

Логинов Владимир Григорьевич
д.э.н., заведующий сектором Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия

Особенности воспроизводства коренных малочисленных народов Севера в условиях нефтегазового региона

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности воспроизводства коренных малочисленных народов Севера в условиях нефтегазодобывающего региона. Выполнен ретроспективный анализ изменения основных параметров естественного прироста коренных этносов в региональном и муниципальном разрезе. Выявлены факторы, влияющие на воспроизводство коренного населения Севера. Отмечена роль промышленно-транспортного освоения на данный процесс.*

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, воспроизводство, естественный прирост, миграция, промышленное освоение, метисация, ассимиляция*

В период между последней Всесоюзной и второй Всероссийской переписями населения произошли значительные изменения в численности коренных малочисленных народов Севера (КМНС), обусловленные, главным образом, увеличением числа этих народов с 26 до 40, а также искусственным приростом в результате смены национальности на коренную родившихся в этнически смешанных семьях.

Типичным регионом, где наиболее ярко проявился последний фактор, является Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, наиболее динамично развивающий субъект Федерации Российского Севера. Беспрецедентный рост (в 4,5 раза) численности населения автономного округа в 1970-е и 1980-е годы, связанный с промышленным и транспортным освоением его территории повлиял на социально-экономическое развитие, проживающих здесь коренных малочисленных народов. Социальными последствиями данного процесса оказались изменения в воспроизводстве КМНС, вызванные снижением рождаемости, ростом смертности, увеличением миграционной подвижности. К сопутствующим факторам, повлиявшим жизнедеятельность, относятся ассимиляция и метисация коренного населения, уровень жизни, урбанизация, доступность медицинского обслуживания.

Вплоть до начала 1990-х гг. численность, проживающих здесь народов, хантов, манси и ненцев оставалась стабильной, что обусловило на фоне быстрого роста населения округа, неуклонное снижение их доли в общей численности населения округа с 41% в 1920-е годы до 1,5% в 1989 г., в настоящее время – около 2%.

Наиболее значительные изменения в численности коренных народов автономного округа произошли в первой половине 1990-х годов, когда наблюдался быстрый рост их числа. Увеличение численности аборигенного населения по районам округа в этот период было вызвано, главным образом, искусственными причинами, т.к. оно шло в результате смены национальности, в связи с льготами, которые получили представители коренных народов.

Исторически сложившаяся система расселения коренных народов на территории округа за последнюю четверть XX века претерпела значительные изменения, обусловленные главным образом разработкой природных ресурсов. Это проявилось, прежде всего, в соотношении численности городского и сельского коренного населения, связанное с урбанизацией территории округа, которая вольно или невольно способствовала увеличению числа горожан среди титульных национальностей за счет миграции сельских жителей во вновь появившиеся города и рабочие поселки и преобразования отдельных сельских поселений в городские (табл.1).

Воспроизводство отдельных этносов имеет некоторые различия. Так мансийское население, отличающееся более высокими уровнями

урбанизированности и метисации (хотя влияние их не так однозначно)[78], имело самые низкие показатели рождаемости и естественного прироста. В связи с этим его естественное воспроизводство идет медленнее, чем у хантов и ненцев.

Таблица 1-Динамика численности коренного титульного населения

Показатели	1970 г.	1979 г.	1989 г	2002 г.	2010 г.
Все население	18905	17375	18454	27022	30045
Ханты	12222	11219	11892	17128	19068
Манси	6684	6156	6562	9894	10977
Городское	3247	4138	6429	11663	14691
Ханты	1802	2303	3741	6798	8611
Манси	1445	1835	2688	4865	6080
Уд. вес городского, %	17,2	23,8	34,8	43,2	48,9
Ханты	14,7	20,5	31,5	39,7	45,2
Манси	21,6	29,8	41,0	49,2	55,4

Источник: данные всесоюзных и всероссийских переписей населения. Финно-угорские и самодийские народы России. Статсборник. – Сыктывкар: Территориальный орган Федеральной службы госстатистики по Республике Коми, 2006. - С.180.

В целом по округу доля городских жителей среди титульных народов Севера в 1979 г. составила 24,1%; в 1989 г. - 34,6; в 2002 – 41,7; в 2010 г. – около половины.

Удельный вес городского населения значительно дифференцирован по отдельным административным единицам и национальностям. Наиболее высок он в западной части автономного округа (Березовский и Кондинский муниципальные районы), где в численном отношении преобладает мансийское население. Манси в свою очередь являются самым урбанизированным народом, более половины их проживает в городах и поселках городского типа. Среди хантов доля городских жителей ниже на 10,2 п.п., хотя их общая численность превышает таковую манси и ненцев вместе взятых.

Хантыйское население, в отличие от манси, больше половины которых сосредоточено в поселках городского типа (57,4%), проживает в основном в городах (67%), что обусловлено географией этих населенных пунктов, расположенных преимущественно в районах расселения народа ханты.

Характерная для малочисленных народов Севера невысокая, по сравнению с другими народами, средняя продолжительность жизни в результате интенсивного промышленного освоения еще снизилась и оказалась на полтора десятка лет ниже, чем у их зарубежных соплеменников. Основной

[78] Оказывает влияние также особенность ментальности двух самых групп этого народа – сосьвинских и кондинских манси. Для первых характерен невысокий уровень урбанизированности (28%) и более низкий коэффициент метисации (отношение искусственного прироста к общей численности коренного населения) - 21,6%, для вторых эти показатели составляли соответственно 55,6 и 28,4%.

причиной ее снижения у коренных народов Севера было злоупотребление алкогольными напитками и, как следствие этого, рост числа преждевременных смертей в результате травматизма и несчастных случаев.

Так, наметившиеся во второй половине 1980-х гг. тенденции снижения коэффициента смертности среди малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа в связи с антиалкогольной кампанией (минимальный уровень его составил 9,2 чел. на 1000 жит., 1989 г.), в это же время наблюдался самый высокий естественный прирост КМНС – 23,8 промиллле (табл.2). В 1990-е гг. с ее прекращением замедлились, и к 1994 г. коэффициент общей смертности возрос до 13,5 чел. на 1000 жит.

Таблица 2- Динамика естественного воспроизводства КМНС Югры, промилле

Годы	Уровень рождаемости	Уровень смертности	Младенческая смертность	Естественный прирост
1971-1975	31,6	17,0	н.д.	14,6
1976-1980	25,8	14,9	н.д.	10,9
1981-1985	31,1	15,8	н.д.	15,3
1986-1990	34,7	10,9	30,7	23,8
1991-1995	21,7	12,2	36,7	9,5
1996-2000	18,2	12,4	30,7	5,8
2001-2005	19,8	11,8	19,0	8,0
2006-2010	23,8	8,8	13,9	15,0
2011-2015	25,5	6,6	11,4	18,9
2016-2018	21,5	6,9	11,4	14,6

Источник. Рассчитано по данным Федеральной службы госстатистики ХМАО-Югры и Департамента здравоохранения ХМАО-Югры.

После относительной стабилизации уровня смертности в 1990-е гг. в последующее пятилетие наметилась тенденция к снижению ее уровня до 6,6 промилле (2011-2015 гг.). До этого периода смертность среди малочисленных народов была значительно выше, чем в среднем по округу. Так, например, коэффициенты общей смертности по округу составляли в 1980-е гг. 4,8 промилле, среди КМНС – 12,5. В 1990-е, соответственно 6,4 и 12,3; в первой половине 2000-х гг. – 6,9 и 11,5 промилле. Сохраняется высокий уровень детской смертности, который в отдельные годы от 1,7 и более раз превышал данный показатель в целом по округу. Во второй половине 1990-х и в начале 2000-х гг. уровень общей смертности на некоторых территориях округа превышал уровень рождаемости. Позитивные изменения в естественном воспроизводстве происходят, начиная со второй половины 2000-х гг., связанные с ростом рождаемости и снижением уровня смертности. Однако, несмотря на это за последние 10 лет численность КМНС остается практически неизменной, что характерно для простого воспроизводство населения.

В территориальном разрезе в большинстве муниципальных районов отчетливо прослеживаются определенные тенденции в воспроизводстве

коренного населения. Это рост уровня естественного прироста, обусловленный снижением смертности при относительно стабильном уровне рождаемости (табл.3).

Таблица 3 -Естественное движение населения (КМНС) ХМАО-Югры в разрезе административных районов, на 1000 чел.

Муниципальные образования (районы)	Рождаемость			Общая смертность			Естественный прирост		
	В среднем за период								
	2001-2005	2006-2010	2015-2018	2001-2005	2006-2010	2015-2018	2001-2005	2006-2010	2015-2018
Белоярский	17,6	19,5	22,7	14,9	10,5	9,1	2,7	9,0	13,6
Березовский	16,4	20,0	18,0	14,9	12,0	9,8	1,5	8,0	8,2
Кондинский	18,4	18,4	19,2	8,7	7,7	8,4	9,7	10,7	10,8
Нефтеюганский	24,9	23,0	24,0	16,3	12,0	3,5	8,6	11,0	20,5
Нижневартовский	20,1	20,1	21,9	9,4	7,9	5,0	10,7	12,2	16,9
Октябрьский	18,2	22,1	14,7	10,3	9,5	7,4	7,9	12,6	7,3
Сургутский	20,2	24,2	23,0	13,5	10,4	8,5	6,7	13,8	14,5
Х.-Мансийский	10,0	22,3	22,1	10,2	7,4	6,4	-0,2	14,9	15,7
По округу	19,8	22,2	22,6	11,8	8,2	6,9	8,0	14,0	15,7

Источник. Рассчитано по данным Департамента здравоохранения ХМАО-Югры

Сложившая половозрастная структура коренного населения имеет лишь незначительные различия у хантов и манси, обусловленные их уровнями урбанизированности и некоторыми особенностями естественного воспроизводства населения (как уже было сказано выше более высокий уровень рождаемости хантов по сравнению с манси).

В связи с освоением территории округа, наряду с сокращением числа мелких деревень и поселков, выросли новые города и рабочие поселки (14 городов и 16 рабочих поселков). Они вместе с крупными сельскими населенными пунктами стали местами прибытия мигрантов из других районов страны, так как коренное население в силу своей малочисленности и отсутствия необходимой квалификации не в состоянии было занимать вновь создаваемые рабочие места. Появление молодых холостых мужчин в районах проживания малочисленных народов Севера способствовало росту числа смешанных семей, т.к. девушки коренной национальности предпочитали и предпочитают брак с молодыми людьми другой национальности.

Молодое поколение, появившееся в результате смешанных браков, в связи с их изменившейся генетической предрасположенностью, как правило, лучше адаптируется к нетрадиционным отраслям и имеет более высокий общеобразовательный уровень, чем их сверстники из однонациональных семей. Рост числа этнически смешанных браков создает прецедент увеличения числа одиноких мужчин коренной национальности, главным образом, в рабочих поселках, т.к. в результате смешанных браков они не могут найти себе партнершу в этих населенных пунктах.

Таким образом, увеличение смешанных браков оказывает влияние на общую численность коренных народов Севера, так как, с одной стороны, подрастающее поколение по существу уже не относится к этой этнической группе, а с другой стороны, увеличивается прослойка одиночек, не участвующих в процессе воспроизводства коренного населения.

Этот процесс охватил всю территорию проживания народов Севера, различия наблюдаются только в его интенсивности. В настоящее время этнически чистыми остаются только семьи кочевого и полукочевого населения и немногочисленных мононациональных поселений, главным образом на территории Сургутского района. В связи с увеличением контактов с другими народами нашей страны, ростом культурного и образовательного уровня подрастающего поколения эти процессы имеют тенденцию к расширению.

В результате данного процесса произошел размыв этнической целостности коренных народов, так как значительная часть их представителей (от 17,4 до 28,4% от общей численности) до этого времени не отождествляла себя таковыми. О высоком уровне метисации коренного населения свидетельствуют данные статистики. За период 1999-2004 гг. 67,7% детей родились в семьях, где отец был представителем другой национальности.

Сокращение зон жизнедеятельности коренных народов в связи с промышленным и транспортным освоением обусловили интенсивность *миграционных процессов* у северян. Основные направления внешней миграции малочисленных народов связаны с выездом на учебу, призывом в армию, выездом на работу за пределы районов их проживания. В отличие от внутренней миграции, не связанной с изменением социального статуса, при внешних миграциях меняется социальный статус мигранта. Благодаря внешней миграции отдельные представители малочисленных народов приобщаются к современному производству и современному образу жизни, т.е. происходит их естественная адаптация к изменившимся условиям. В этом положительная сторона внешних миграций. Отрицательной стороной миграционных процессов является то, что зачастую они идут в принудительном порядке, когда под влиянием промышленного освоения представителям малочисленных народов или нужно приспосабливаться к нетрадиционным отраслям, или покидать свои родовые угодья в поисках новых, еще не затронутых освоением мест. В первом случае ухудшается социальное и материальное положение представителей малочисленных народов, так как они оказываются на низших ступенях социальной и производственной иерархической лестницы в силу отсутствия профессиональной подготовки. Во втором случае, при сохранении прежнего социального статуса мигранта, также происходит ухудшение его материального положения вследствие уничтожения природной основы для традиционных отраслей, а при смене прежних родовых угодий их жизнедеятельность протекает в менее богатых по продуктивности биоценозах.

На перспективную численность коренного населения Югры окажет влияние имеющий место в настоящее время режим его воспроизводства: уровень общей смертности и уровень рождаемости. На изменение последнего повлияет сложившаяся в предшествующий период времени половозрастная структура населения, главным образом, число женщин в наиболее активном детородном возрасте (20-29 лет). Высокий уровень рождаемости среди коренного населения в 1980-е годы обусловил увеличение числа женщин в этой возрастной группе, что способствовало росту рождаемости. Однако со второй половины 2010-х гг. она начала вновь снижаться по причине вступления в фертильный возраст малочисленных женских когорт 1990-х гг.

УДК 314.7

Мищук Светлана Николаевна
к.эк.н., ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
ведущий научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан, Россия

Сельское население Дальнего Востока России во втором десятилетии XXI в.: влияние миграции и муниципально-территориальных преобразований

Аннотация. *В работе показана динамика численности сельского населения в Дальневосточном федеральном округе за период с 2008 по 2019 гг. В большинстве исследований по миграции в округе не уделяется внимание сельской местности. Цель статьи - анализ общей и региональной динамики миграционных процессов в сельской местности ДФО, оценка роли миграции и муниципально-территориальных преобразований в изменении численности сельского населения округа. Работа основана на анализе статистических данных. Показано, что миграция оказывает решающую роль в формировании численности сельского населения в ДФО.*

Ключевые слова: *сельское население, миграция, муниципально-территориальные преобразования, Дальний Восток.*

Миграционные процессы на Дальнем Востоке с 1991 по 2019 гг. сохраняют отрицательную динамику, что отражено во многих исследованиях [1, 2, 5].

Менее подробно рассматривается динамика сельского населения в округе. В рамках данной работы проанализирована общая и региональная динамика миграционных процессов в сельской местности ДФО, а также изменение численности сельского населения округа в результате муниципально-территориальных преобразований (МТП).

В целом за период с начала 2008 по начало 2018 гг. убыль сельского населения на ДВ составила 175,5 тыс. человек. Включение в состав ДФО в ноябре 2018 г. двух субъектов (Республики Бурятии и Забайкальского края) обеспечило рост численности сельского населения округа почти на 740 тыс. человек. Однако тенденция сокращения численности сельского населения в округе сохраняется.

Доля ДВ от численности сельского населения России на начало 2020 г. составила 5,9% (с учетом Забайкальского края и Республики Бурятии). Без учета новых двух регионов – 3,9%.

Исходя из соотношения числа сельского и городского населения, наибольшее число сельских жителей проживает в Республике Саха(Якутия), Амурской области, ЕАО, Чукотском АО и Забайкальском крае. Республика Бурятия лидирует по числу сельских жителей (рисунок 1.)

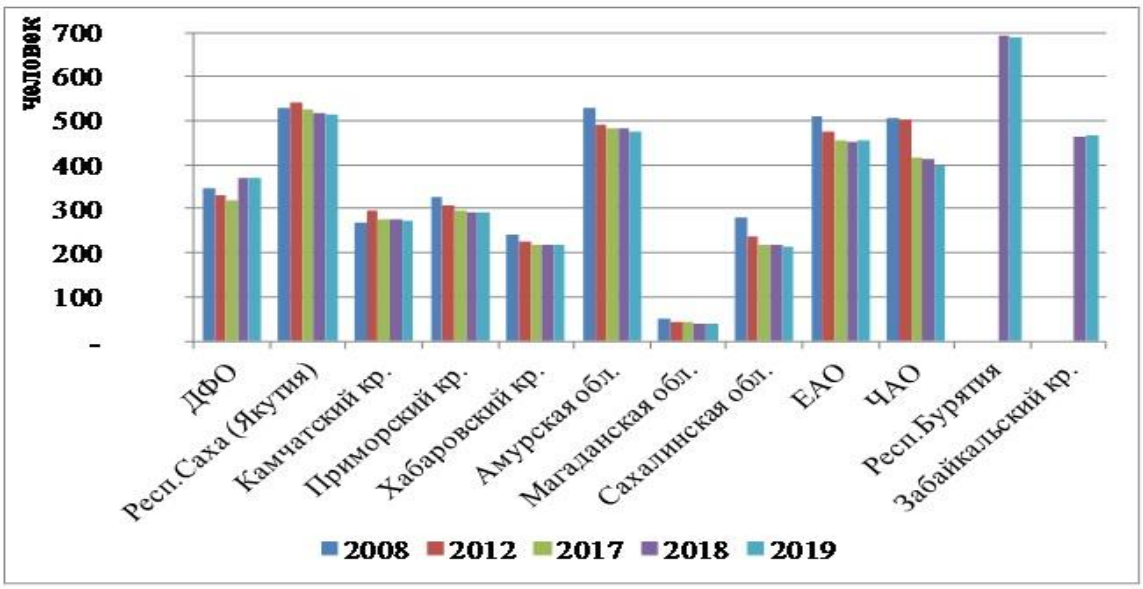

Рис.1. Число сельских жителей на 1000 городских жителей

Источник: составлено автором по Численность и миграция населения РФ, https://www.gks.ru/compendium/document/13283

Важное значение в формировании численности сельского населения имеет сочетание трех компонентов: миграционных потоков и естественного движения населения, а также муниципально-территориальных преобразований (МТП). Общий прирост городского и сельского населения равен алгебраической сумме естественного прироста, миграционного прироста и численности населения, перешедшего в городское (сельское) население в результате изменения категории населенных пунктов (преобразования сельских населенных пунктов в городские или городских в сельские на основании законодательных актов) [4].

За период с 2008 по 2019 гг. в сельской местности ДФО естественный прирост составил +12,8 тыс. человек, миграционная убыль -178 тыс. человек, объем МТП составил +25,3 тыс. человек.

Миграция оказывает сильное влияние на динамику численности сельского населения ДВ (рисунок 2).

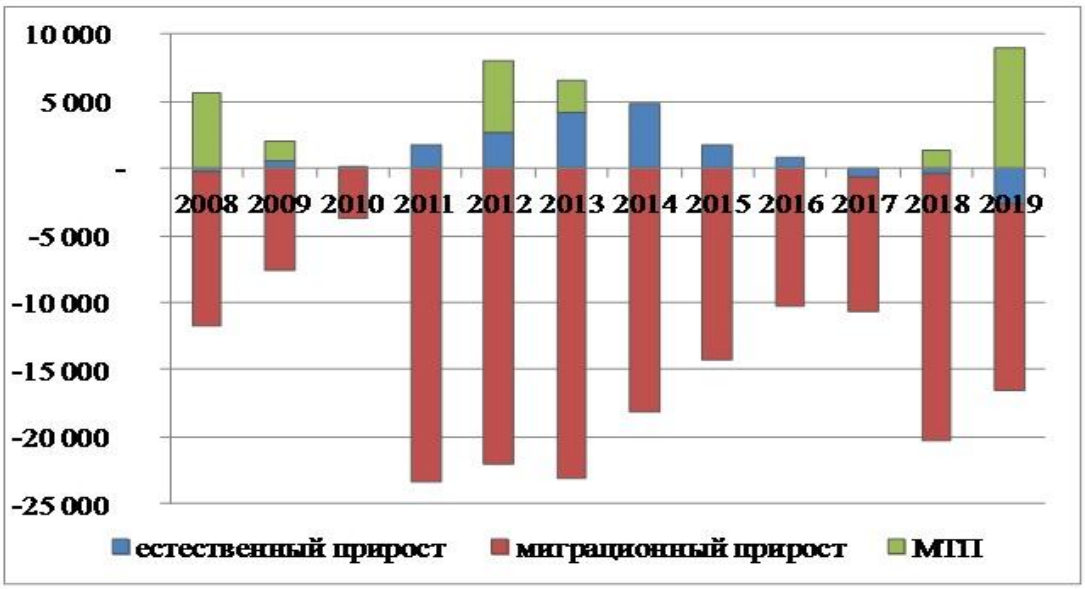

Рис.2.Компоненты изменения численности постоянного сельского населения ДВ, 2008-2019 гг.

Миграционная убыль в сельской местности значительно превышает показатели в целом по Дальнему Востоку. В 2008 г. миграционная убыль сельского населения составила 6,9 человек на 1 тыс. сельских жителей, то в целом по ДВ этот показатель достигал 3 человек. В 2019 г., при учете 11 субъектов округа, показатели выглядят более удручающими: -6,3 и -1,3 в сельской местности и в целом по округу, соответственно.

В региональном разрезе более высокий отток сельского населения характерен для северных субъектов округа (Магаданская область, Республика Саха(Якутия), Чукотский автономный округ) и Забайкальского края (таблица 1).

Таблица 1 -Коэффициент миграционного прироста сельского населения регионов ДФО

	2008	2012	2015	2017	2018	2019
ДФО	-6,9	-14	-3,9	-6,7	-8,9	-6,3
Респ.Саха (Якутия)	-19,6	-21,2	-5,6	-9,9	-13,1	-7,4
Камчатский край	-12,2	-8,6	-5,3	-2,8	-7,2	-4,2
Приморский край	-2,7	-10,3	-1,4	-5	-8,3	-3,7
Хабаровский край	1	-13	-3,7	-8,1	-6	-6,6
Амурская область	-4	-10,5	-4,7	-3,4	-7,5	-5,4
Магаданская область	-63,9	-41,3	-11,8	-44,7	-50,9	-45,6
Сахалинская область	-8	-25,7	-2,7	-0,9	-6,4	-4,8
ЕАО	-4	-3,9	-12	-15,4	-14,8	-1,4
ЧАО	-13,1	-23,9	-11,7	-28,6	-4,1	-12
Республика Бурятия					-5,2	-2,6
Забайкальский край					-12,7	-13,8

Источник: составлено автором по Численность и миграция населения РФ, https://www.gks.ru/compendium/document/13283

При более детальном анализе сельской миграции на уровне отдельных регионов важно рассмотреть направление миграции сельских жителей: покидают они регион либо они остаются в регионе, переезжая в городскую местность.

Среди основных причин миграции из сельской местности отметим низкий уровень развития социальной инфраструктуры, ограничивающий возможности образования и культурного развития населения, возможности трудоустройства с соответствующим доходом. Низкий уровень и качество жизни населения, уступающие городским показателям, выступают главными факторами миграции [3].

В отдельные годы муниципально-территориальные преобразования (МТП) оказывают существенное влияние на динамику численности сельского населения. В период с 2008 по 2019 гг. на Дальнем Востоке рост числа сельского населения из-за МТП составил 25,3 тыс. человек.

В период с января 2008 г. по январь 2018 г. МТП обеспечили рост числа сельских жителей на 15 тыс. человек, однако, общая убыль данной категории населения ДВ составила более 176 тыс. человек. Другими словами, при неизменном статусе сельских населенных пунктов за 2008-2017 гг. численность сельских жителей ДВ сократилась бы на 191 тыс. человек.

В региональном разрезе с 2008 по 2019 гг. чаще всего МТП происходили в Амурской области (2008 г., 2009 г., 2012 г., 2013 г.), однако максимальный прирост числа сельских жителей за счет МТП отмечался в Камчатском крае (+6261 человек) (таблица 2).

Таблица 2- Объем муниципально-территориальных преобразований в сельской местности ДВ, чел.

	2008	2009	2012	2013	2018	2019	Сумма 2008-2019
ДФО	5683	1478	5436	2451	1359	8933	25340
Приморский край	-	-	-	60	-	2820	2880
Амурская область	861	1478	791	1400	-	-	4530
Магаданская область	-	-	-	991	-	268	1259
Хабаровский край	-	-	2551	-	1359	-	3910
Камчатский край	4167	-	2094	-	-		6261
Республика Саха(Якутия)	655		-	-			655
Забайкальский край	Не входил в состав ДФО				-	5845	5845

Примечание. В таблице указаны субъекты ДВ и годы, где и когда происходили МТП за рассматриваемый период.

Источник: составлено автором по Численность и миграция населения РФ, https://www.gks.ru/compendium/document/13283

Однако МТП не во всех регионах обеспечили общий прирост населения. В 2019 г. в Забайкальском крае МТП обеспечивали увеличение сельского населения на 5845 человек, превысив естественную и миграционную убыль населения на 12% и обеспечив положительный общий прирост сельского населения в данном регионе (+624). Забайкальский край в 2019 г. был единственным регионом с общим приростом сельского

населения. В Приморском крае и Магаданской области объем МТП не компенсировал естественную и миграционную убыль населения и численность сельского населения в данных регионах сократилась.

Таким образом, за период с 2008 по 2019 гг. численность сельского населения в ДФО сократилась из-за миграционных процессов.

Список литературы

1. Ващук А.С., Ермак Г.Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 117-124.
2. Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 35-40.
3. Калинина И.В. Социальная инфраструктура как потенциал развития сельских территорий: от прошлого к настоящему Региональные проблемы. 2020. Т. 23. № 2. С. 39-46.
4. Методические пояснения к демографическому сборнику 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения 24.07.2020).
5. Мищук С.Н. Общая характеристика и региональные различия миграционных процессов на Дальнем Востоке России в постсоветский период // Известия РАН. Серия географическая. 2019. №6. С. 53-67
6. Численность и миграция населения РФ. URL: https://www.gks.ru/compendium/document/13283 (дата обращения 23.07.2020).

УДК 316.36+314.14-057.87(477.61-ЛНР)

Муртузалиев Сергей Ибрагимович
д.ист.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
профессор кафедры Всемирной истории и международных отношений,
Луганский государственный педагогический университет (ЛГПУ), г. Луганск, Луганская Народная Республика

Брачные, семейные и миграционные настроения студентов Луганска (ЛНР)

Аннотация. *Предметом исследования являются матримониальные, семейные и миграционные намерения студентов Луганского университета. Цель - анализ семейно-ориентированной позиции молодежи. Опрос 2019 г. позволил выяснить предпочтения молодежи Луганской республики в вопросах возраста вступления в брак и добрачных отношений, рождения первого ребенка, отношения к межнациональным бракам, миграционных намерений. Отмечается, что большинство студентов относится к*

«прагматикам», для которых выбор территории приложения профессиональных знаний, создания семьи и места проживания детей зависит от того, где будут наилучшие условия. «Прагматики» реально могут сформировать поток эмигрирующих молодых людей. Для руководства ЛНР есть веские основания для критического анализа ситуации.

Ключевые слова: *семья, брак, миграционные намерения, студенты Луганска, анкетирование*

Интерес к институту семьи во всем мире носит устойчивый характер, т.к. трансформации в семейно-брачной сфере влияют на демографию, а потеря людских ресурсов это не только внутриполитическая, но и геополитическая проблема. Она дестабилизирует и ослабляет страну, а в экстремальной ситуации может стать угрозой национальной безопасности.

Таким образом, актуальность изучения проблемы для Луганской Народной Республики (ЛНР) объясняется возможностью спрогнозировать возможные варианты социально-демографического развития республики, выявить и обосновать направления социально-демографической политики региона.

С эволюцией общества меняется и функциональность брака, который является институтом не моральным, а функциональным и прагматическим, причем в разные времена прагматика у него разная [1]. Традиции семейной жизни и заключения брака претерпевают существенные изменения под воздействием урбанизации, распространения средств массовой информации, зарубежных фильмов и т.д. Кризис современной семьи во многом обусловлен значительными изменениями социально-экономической жизни в целом.

В рамках исследования семейно-брачных и миграционных намерений молодого образованного поколения в декабре 2019 г. было проведено анкетирование 100 студентов Института истории международных отношений и социально-политических наук Луганского государственного педагогического университета (ЛГПУ), в котором обучается 9598 студентов всего региона. В связи с войной в Донбассе в 2014 г. университет официально был переведён в Старобельск. Однако большая часть сотрудников и студентов осталась в Луганске, где был организован Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко. Летом 2020 г. он переименован в педуниверситет.

Здесь я должен пояснить два важных обстоятельства: 1) Опрос проводился по анкете, составленной сотрудниками Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН (Москва) в рамках проекта (Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю., к которому подключился и автор этих строк) более масштабного исследования, проведенного в 16 городах России. Поэтому я не стал изменять формулировки некоторых вопросов, хотя, учитывая специфику региона, это было необходимо. Вынужденное «упущение» планирую исправить при проведении следующего

анкетирования, с включением ряда дополнительных вопросов; 2) Используя сложившуюся ситуацию, счел возможным провести сравнительный анализ с некоторыми российскими реалиями, отраженными в ряде подобных работ [См.: 2, с. 33-44; 3, с. 244-246].

Важным процессом современности в области создания семьи и реализации репродуктивных планов становится «отдаление» событий вступления в брачные отношения и рождение детей. Так, еще менее полвека назад 60-75% невест вступали в брак до наступления 25 летнего возраста. В настоящее время 60% невест выходят замуж после 25 лет. Этот процесс еще ранее коснулся и мужского населения. Поэтому в анкете был задан вопрос о наиболее благоприятном возрасте вступления в брачные отношения. Самым предпочтительным возрастом вступления в брак молодежь Луганска, как и в регионах России, назвала период 21-25 лет - в ЛНР на это указали 57,5%.

В вопросе о добрачном совместном проживании наиболее лояльно к совместной жизни вне зарегистрированного брака, то есть «допустимом в любом случае», относятся более половины луганских респондентов – 53,7%. Добрачная сексуальность и сожительство часто реализуется в качестве «пробного брака», имеющего цель понять и оценить возможности «совместимости» привычек и характеров в быту. Однако рождение совместного ребенка существенно влияет на статус такой семьи. В этом случае семья стремится к оформлению официального брака. Поэтому в ответах респондентов «рождение ребенка» становится решающим моментом, после которого лояльность к брачному союзу, неоформленному официально, снижается. Так, более 50% респондентов во всех опрошенных российских городах посчитали возможным незарегистрированный брак, но лишь до рождения ребенка. Среди луганской молодежи этот показатель меньше и составляет 42,4%. В общей совокупности молодежи России 26% не приемлют «сожительство», тогда как среди луганской молодежи только 3,7% считают совершенно недопустимым совместное проживание вне официального брака.

Положительные оценки межэтнических браков в среднем у российской молодежи составляют 30,4%, тогда как в ЛНР этот показатель значительно выше - 40,5%. «Нейтрально» относятся к возможности заключения межэтнических браков более половины всех опрошенных молодых россиян (55,5%), что коррелирует с показателями Луганска - 54,7%. Негативное отношение к межнациональным брачным союзам высказали только 4,7% респондентов, проживающих в Луганской республике. Тогда как отрицательное отношение к межнациональным бракам почти в три раза выше в российских городах - 14,1%.

Если в среднем по России доля респондентов, предпочитающих родить первого ребенка до 25 лет, составляет 65,1%, то среди молодежи ЛНР она сокращается до 44,3%. Однако в Луганске такой же процент в качестве благоприятного возраста для рождения первенца набрали и более старшие возраста: от 26 до 30 лет - 44,3%, старше 31 года – 3,7%. Ответили «никакой» 3,7% и «все равно» 1,8%.

В российском обществе как и в Европе в целом наблюдается снижение числа планируемых детей. Если взять за критерий минимальный показатель числа детей или суммарный коэффициент рождаемости, необходимый для простого воспроизводства следующего поколения, составляющий более 2 детей, то мы увидим, что репродуктивные планы современных луганчан тоже не соответствуют необходимому уровню детности: за 1 ребенка – 31,1%, за 2 – 48,1%, за 3 ребенка – 6,6% и не собираются иметь детей 7,5%.

Миграционные намерения молодежи ЛНР оценивались при помощи ряда вопросов анкеты: «Где Вы собираетесь (планируете) реализовывать (применять) полученные профессиональные данные?», «Где бы Вы хотели создать семью?» и «Где бы Вы хотели, чтобы жили Ваши дети?».

В данном случае следует особо отметить, что ответы респондентов на поставленные вопросы не отражают всей палитры намерений луганской молодежи. Причина в том, что в вариантах ответов отсутствовали ЛНР и Украина. Таким образом, полученные результаты «размыты» и могут оцениваться лишь приблизительно.

Итак, самые высокие показатели получены в ответах на вопросы: 1) «Где Вы собираетесь (планируете) реализовывать (применять) полученные профессиональные данные?», 2) «Где бы Вы хотели создать семью?» и 3) «Где бы Вы хотели, чтобы жили Ваши дети?». Лидирует ответ «Зависит от того, где будут приемлемые условия»: 1) – 52,8%, 2) – 45,2%, 3) – 41,5%. Результаты ответов отражены в таблице.

16.Укажите ответ по каждой строке		
	Где вы собираетесь применять полученные профессиональные навыки	
001	Только в России	5,6 %
002	В России и странах СНГ	17,9 %
003	Только за пределами России и стран СНГ	20,7 %
004	Зависит от того, где будут приемлемые условия	52,8 %
	Где бы вы хотели создать свою семью?	
001	Только в России	7,5 %
002	В России и странах СНГ	22,6 %
003	Только за пределами России и стран СНГ	20,7 %
004	Зависит от того, где будут приемлемые условия	45,2 %
	Где бы вы хотели, чтобы жили ваши дети?	
001	Только в России	9,4 %
002	В России и странах СНГ	18,8 %
003	Только за пределами России и стран СНГ	25,4 %
004	Зависит от того, где будут приемлемые условия	41,5 %

Опрос показал, что в планах луганских студентов ориентация на работу в России и странах СНГ занимает вторую позицию, тогда как «Только в России» стоит на последнем месте. Принимая во внимание определенную недостоверность полученных результатов (причину см.

выше), думается, данный показатель все же требует серьезного осмысления в свете возможного присоединения ЛНР к РФ.

Нельзя не заметить, что среди молодых респондентов Луганска с большим отрывом лидирует группа, которую условно можно охарактеризовать как группа «прагматиков». К ним относятся респонденты, которые на вопросы о предполагаемом месте работы, создания семьи и месте проживания детей выбрали ответ: «не важно, зависит от того, где будут приемлемые условия». Данная группа «прагматиков» реально может сформировать поток эмигрирующих молодых людей. Для руководства ЛНР есть веские основания и повод для тщательного анализа ситуации.

В отношении вопроса о месте создания семьи молодежь Луганска, также как и российская разделилась на две группы. Среди респондентов всех исследуемых городов России группа молодежи, в намерения которой входит создание семьи только на территории РФ, составляет почти 47%, тогда как среди луганских респондентов таковых всего 7,5%. Полагаю, что столь низкий показатель связан с отсутствием упоминания в анкете ЛНР, а возможно и Украины. В странах старого зарубежья (СНГ) хотели бы создать семью лишь 4,5% всей совокупности российских респондентов. Среди луганской молодежи таких насчитывается почти в пять раз больше – 22,6%.

При изучении ответов на вопрос о желаемом месте жительства будущих детей респондентов судьбу эмигранта для своих детей «планируют» 9% молодежи российских городов. В Луганской республике это число почти в пять раз больше и составляет 41,5%. К сожалению, в этот раз остался невыясненным вопрос о том, сколько респондентов хотели бы, чтобы дети жили только в ЛНР (не исключаю, что и в Украине?), тогда как среди всего исследуемого молодого поколения РФ этот показатель составляет 35%.

Подводя итоги, замечу, что молодежь Луганской республики подвержена влиянию современных факторов, способствующих трансформации брачных, семейных и миграционных намерений, на которые сильно влияет и особая ситуация в регионе. Вместе с тем анализ полученного материала демонстрирует влияние глобальных трендов, характеризующих увеличение возраста вступления в брак, добрачное сожительство, позднюю рождаемость, малодетность и миграционную мобильность, а так же специфику данных процессов в отличие от российских показателей.

В вопросах добрачного «сожительства» наблюдаются большие расхождения луганчан с россиянами - первые почти в семь раз лояльнее относятся к добрачному проживанию (3,7%) нежели российская молодежь (26%).

Положительно оценивают межэтнические браки 30,4% российская молодежь. Тогда как студенты ЛНР более благосклонно относятся к образованию брачного союза между представителями разных национальностей (40,5%). Причем отрицательное отношение к

межнациональному браку в ЛНР почти в три раза ниже (4,7%) чем в российских городах (14,1%).

Репродуктивные планы современных луганчан не соответствуют необходимому уровню детности как, впрочем, и в России.

Ориентация луганской молодежи на работу в России и странах СНГ занимает вторую позицию, тогда как «только в России» стоит на последнем месте. Однако это не отражает истинного положения вещей, т.к. в предложенных вариантах ответов отсутствовали ЛНР и Украина. Это же замечание относится и к ответам на вопросы о планируемом месте создания семьи и о желаемом месте жительства будущих детей в эмиграции.

Среди молодых луганчан с большим отрывом лидирует группа «прагматиков», которые при выборе места работы, создания семьи и места проживания детей будут исходить из поиска наилучших («приемлемых») условий проживания.

Результаты исследования считаю предварительными, т.к. анкета не учитывала всей специфики региона. Однако уже сейчас можно обратить внимание руководства ЛНР на необходимость серьезного осмысления ситуации.

Список литературы

1. Аммосов Юрий. По залету и расчету: как изменились браки. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2019/02/24_a_12194521.shtml (дата обращения: 17.08.2020).

2. Муртузалиев С.И., Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Особенности брачных, семейных и миграционных намерений современной молодежи российского Кавказа // Социодинамика. 2018. № 11. С. 33-44.

3. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Специфика брачного и репродуктивного поведения в высокообразованных группах населения России // Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран (Москва-Ставрополь, 11-18 октября 2015 г.) / Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. М.: Изд-во «Экон-информ», 2015. С. 244-246.

УДК 911.375(470.1/.2+571)
Обедков Анатолий Павлович
к.г.н., старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических проблем Российского Севера,
Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН», г. Сыктывкар, Россия

Убывающие города Российского Севера: проблемы и решения

Аннотация. *Анализируется динамика людности сжимающихся городов Российского Севера с убывающим населением за период с 1989 по 2020 г. Раскрыты основные проблемы их развития и функционирования. Предложены общие подходы к их решению и возможные варианты дальнейших действий в зависимости от сложности социально-экономической и демографической ситуации.*

Ключевые слова*: динамика людности, сеть городов, убывающие города, управляемое сжатие, сжимающиеся города, моногорода, Российский Север.*

Одним из важнейших итогов начавшегося в довоенный период выборочного освоения природных ресурсов и индустриализации отдельных северных территорий явилось формирование региональных сетей городов, представленных главным образом монопрофильными поселениями ресурсной специализации. Ускоренная урбанизация северных территорий страны сопровождалась непрерывным ростом числа и людности городов. В период между первой и последней советскими всеобщими переписями населения 1926 и 1989 гг. число северных городов в действовавших в конце 1980-х гг. границах районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей увеличилось в 4,5 раза (с 29 до 131), а численность проживающих в них горожан - в 33,7 раза (с 216,2 тыс. до 7282,6 тыс. человек). На конец 1991 г. в пределах законодательно утверждённых северных территорий Российской Федерации насчитывалось 136 городов [1].

В 1994 г. городская сеть районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей пополнилась за счёт включения в их состав города Дальнегорска Приморского края и пяти городов Республики Тыва, которые получили городской статус до распада СССР. В период с 1993 по 2004 г. к их числу добавились 9 новых городов, преобразованных из посёлков городского типа. Из них шесть (Губкинский, Лянтор, Покачи, Советский, Тарко-Сале, Югорск) появились на Западно-Сибирском Севере и три (Билибино, Нюрба, Покровск) – на Дальневосточном Севере. После того, как в 2004 г. статус города получил пгт. Тарко-Сале, на Российском Севере не был образован ни один новый город. В то же время в постсоветский период впервые за все послевоенные годы городской статус потеряли сразу 8 северных городов. В 1993 г. в разряд сельских населённых пунктов был переведён город Лесогорск Сахалинской области, в 2004 г. - города Горнозаводск, Красногорск, Чехов

Сахалинской области и Ключи Камчатской области. В 2005 г. число северных городов сократилось за счёт включения в городскую черту Норильска его городов-спутников Кайеркана и Талнаха, а в 2017 г. в связи с преобразованием города Шахтёрск Сахалинской области в посёлок городского типа. С этого времени и поныне в границах законодательно утверждённых северных территорий находится 141 город. В результате вышеназванных преобразований в период с 1989 по 2020 г. число северных городов увеличилось на 18 единиц, в то время как численность проживающих в них жителей уменьшилась на 347 тыс. человек (или на 5%) до 6935,6 тыс. человек.

В 1990-е гг. по мере ухудшением экономической ситуации в результате рыночных преобразований и постиндустриальной трансформации экономики определяющей тенденцией демографического развития большинства северных городов стало непрерывное снижение их людности за счёт естественной убыли и (или) миграционного оттока населения. По данным переписи населения 1989 г., в современных границах законодательно утверждённых северных территорий насчитывался 131 город, из которых каждый десятый северный город в 1980-е гг. показывал отрицательную демографическую динамику. В последующие 30 лет число северных городов, непрерывно теряющих население, увеличилось в 8,5 раз (с 13 до 110), а их удельный вес - в 8,1 раза (с 9,6% до 78%). Если в 1989 г. отрицательную динамику численности населения демонстрировали главным образом малые и полусредние северные города, то в последующие десятилетия города с убывающим населением появились во всех основных группах людности. На начало 2020 г. отрицательную динамика людности показали 33,3% крупных городов Российского Севера, 41,7% больших городов, 75% средних городов, 77,6% полусредних городов и 90,3% малых городов (табл. 1).

Таблица 1-Динамика численности населения убывающих городов Российского Севера в разрезе основных групп людности в 1989 и 2020 гг.

Основные группы городов по людности, тыс. человек	Общее число северных городов		из них убывающие города			
			всего		удельный вес, %	
	1989 г.	2020 г.	1989 г.	2020 г.	1989 г.	2020 г.
Всего	131	141	13	110	9,6	78
Крупные (250-500)	6	6	0	2	0	33,3
Большие (100-250)	11	12	1	5	9,1	41,7
Средние (50-100)	19	12	0	9	0	75
Полусредние (20-50)	57	49	6	38	10,5	77,6
Малые (до 20)	38	62	6	56	15,8	90,3

Составлено и рассчитано по данным Росстата.

Во всех макрорегионах и в подавляющем большинстве регионов Российского Севера в последние 30 лет происходило нарастание негативных демографических процессов, вызванных естественной убылью и (или) миграционным оттоком. С 1989 по 2020 г. удельный вес городов Европейского Севера с убывающим населением увеличился с 11,3% до

88,7%, Восточно-Сибирского Севера - с 10% до 78,9%, Дальневосточного Севера - с 11,4% до 90,5%. В 1989 г. на Западно-Сибирском Севере не было ни одного города с отрицательной динамикой людности, а на начало 2020 г. их доля достигла 37%. Ныне не осталось ни одного города с растущим населением в восьми северных регионах с законодательно утверждёнными северными территориями (Республика Бурятия, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Магаданская и Томская области). В двух северных регионах (Республика Карелия, Архангельская область) доля городов с убывающим населением превысила 90%, в четырёх (республики Коми и Саха (Якутия), Мурманская и Сахалинская области) варьируется от 80 до 90%, в трёх (Республика Тыва, Красноярский край и Чукотский АО) - от 60 до 70%, в двух (Ханты-Мансийский АО - Югра и Ямало-Ненецкий АО) - от 20% до 40%. При этом только в Ненецком АО, где имеется лишь один город, возобновился демографический рост (табл. 2).

Таблица 2-Динамика численности населения убывающих городов Российского Севера в разрезе северных макрорегионов в 1989 и 2020 гг.

Макрорегионы и регионы Российского Севера	Общее число северных городов		из них города с убывающим населением			
			всего		удельный вес, %	
	1989 г.	2020 г.	1989 г.	2020 г.	1989 г.	2020 г.
Всего	**131**	**141**	**13**	**110**	**9,9**	**78**
Европейский Север	56	53	6	47	11,3	88,7
Западно-Сибирский Север	19	27	0	10	0	37
Восточно-Сибирский Север	15	19	2	15	13,3	78,9
Дальневосточный Север	44	42	5	38	11,4	90,5

Составлено и рассчитано по данным Росстата.

Убывающие города Российского Севера существенно отличаются по уровням динамики сокращения людности в последние 30 лет. Для оценки глубины отрицательной динамики людности была использована следующая шкала уровней оценки демографических потерь населения северных городов от показателей 1989 г.: низкий (до 10%), умеренный (10-20%), высокий (20-40%), критический (40-60%) и обвальный (60-80%). Самой многочисленной и типичной стала группа из 47 (42,7% от общего числ) убывающих городов с высоким уровнем демографических потерь, большинство из которых находится на Европейском (22 города) и Дальневосточном (16 городов) Севере. При этом критический уровень сокращения людности имеют 25 убывающих городов, умеренный - 21, низкий - 13 и обвальный - 4. Самые катастрофические показатели демографической динамики с 1989 по 2020 г. показали 4 города, вошедшие в группу с обвальными темпами сокращения людности, в их числе - Игарка (-77,1%), Сусуман (-73,8%), Певек (-65,1%) и Билибино (-64,7%), численность населения которых за последние 30 лет

упала от 3 до 4,5 раз. В разрезе макрорегионов Российского Севера больше всего убывающих городов на Европейском Севере (47, из них 35 с высокими и критическими демографическим потерями) и Дальневосточном Севере (38, из них 31 с высокими, критическими и обвальными демографическим потерями), на долю которых в совокупности приходится 79,1% от общего числа теряющих население северных городов (табл. 3).

Таблица 3-Распределение убывающих городов макрорегионов Российского Севера по уровням отрицательной динамики людности с 1989 по 2020 г.

Шкала уровней Сокращения людности городов	Число северных городов с соответствующим уровнем сокращения людности				
	Российский Север	Европейский Север	Западно-Сибирский Север	Восточно-Сибирский Север	Дальне-восточный Север
Всего городов	141	53	27	19	42
из них убывающие	110	47	10	15	38
низкий (до 10%)	13	2	7	-	4
умеренный (10-20%)	21	10	2	6	3
высокий (20-40%)	47	22	1	8	16
критический (40-60%)	25	13	-	-	12
обвальный (60-80%)	4	-	-	1	3

Составлено и рассчитано по данным Росстата.

Суровые климатические и сложные ландшафтные условия зоны Севера способствовали преобладанию монопрофильных поселений в региональных сетях и системах городского расселения. Между тем только 31 северный город (22% от общего числа) получил официальный статус моногорода, из них 9 пребывают в наиболее сложном социально-экономическом положении, 18 имеют риски ухудшения социально-экономического положения и 4 характеризуются стабильной социально-экономической ситуацией. При этом все северные моногорода показывают отрицательную демографическую динамику. Абсолютное большинство моногородов (19, или 61,3%) находятся на Европейском Севере, 5 - на Восточно-Сибирском Севере и 7 - на Дальневосточном Севере. Между тем ни одного моногорода не осталось на Западно-Сибирском Севере [2].

Большое количество и разнообразие типов убывающих городов не позволяет разработать единую стратегию их дальнейшего развития. Поэтому для эффективного решения проблем социально-экономического и демографического развития конкретного города необходимо учитывать ведущие факторы его формирования, особенности и проблемы современного

этапа их развития. В самом общем виде возможны два основных варианта развития убывающих городов и дальнейших действий: принятие целенаправленных мер по активизации социально-экономического развития города или ставка на так называемое управляемое сжатие (уплотнение). При этом необходимо иметь учитывать, что реализация любого варианта действий в отношении убывающих городов так или иначе ставит вопроса о целесообразности его существовании в статусе города.

Первый вариант развития убывающих городов предполагает разработку и реализацию комплекса мер, направленных на сохранение городского статуса и дальнейшее развитие экономики города путём внедрения механизмов активизации его социально-экономического развития. В этом случае решение проблем северных городов будет связано с определением долгосрочных целей социально-экономического развития, направленных на реализацию комплексных программ модернизации градообразующих предприятий и профилирующих отраслей; организацию механизмов саморазвития города на основе собственных ресурсов, средств и возможностей за счёт более эффективного использования его экономического, финансового и трудового потенциалов; улучшение имиджа и ребрендинг города; повышение уровня благосостояния и качества жизни населения. Реализация этих целей будет способствовать повышению конкурентоспособности градообразующих предприятий и уровня занятости населения, привлечению инвестиционных ресурсов и уменьшению рисков, что позволит создать адекватный рыночный механизм изменения неблагоприятной социально-экономической ситуации и обеспечить их устойчивое развитие городов в долгосрочной перспективе.

Второй вариант трансформации убывающих городов предназначен для наиболее проблемных городов со сложным социально-экономическим положением и обвальным сокращением численности населения. В основе данного варианта лежит реализация программы комплексного градоэкономического преобразования города путём так называемого управляемого сжатия (уплотнения). В этой программе делается упор на сокращение неэффективных расходов местного бюджета; содействие развитию малого и среднего предпринимательства; проведение инвентаризации городского имущества; оптимизацию инфраструктурных объектов, модернизацию инженерных сетей и коммунального хозяйства; реализацию мероприятий по снижению напряжённости на рынке труда и созданию новых рабочих мест; поэтапное переселение семей из аварийного жилья и малонаселённых домов в более благоустроенные и заселённые микрорайоны города или соседние поселения. Реализация этих мероприятий будет способствовать стабилизации социально-экономической ситуации в городе и повышению уровня комфортности городской среды. В отдельных случаях может возникнуть необходимость понижения административного статуса города путём его преобразования в посёлок городского типа, сельский населённый пункт или в вахтовое поселение.

Список литературы

1. Обедков А.П. Эволюция городского расселения и процессы урбанизации на Российском Севере. - Сыктывкар: ООО «Центр оперативной полиграфии», 2019. С. 153-155.
2. Обедков А.П. Типология и механизмы модернизации моногородов Российского Севера //Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 13 /Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2018. - Ч. 2. - С. 157-166.

УДК 314.044

Прыгунова Мария Игоревна
к.э.н., ведущий научный сотрудник отдела качественных исследований ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Современные проблемы демографической безопасности регионов (на примере Республики Татарстан)

Аннотация. *Проблема демографической ситуации в Российской Федерации не нова для ученых, занимающихся данным вопросом, в данной статье упор сделан на определение основных проблем демографической безопасности и разработку своих предложений по их решению на основе информации из открытых статистических источников и нормативно-правовой базы вопроса.*

Ключевые слова: *демография, численность населения, миграция, регион, Республика Татарстан*

В рамках данной статьи мы под демографической безопасностью региона будем понимать функционирование и развитие популяции территории как таковой в ее возрастно-половых параметрах, обеспечение её целостности и сохранение существующего геополитического статуса [1].

Негативные тенденции в демографической ситуации Республики Татарстан во многом конкордируют с общероссийскими и в первую очередь связаны с изменением возрастной структуры населения. Сейчас преимущественный возраст рождений первых детей для матерей составляет от 25 до 29 лет, и в этой возрастной группе находится малолюдное поколение женщин, родившихся в конце прошлого века, при этом растет численность и доля населения старше трудоспособного возраста. Доля населения в трудоспособном возрасте неукоснительно падает с 2008 года, растет нагрузка на него за счет пожилого населения и детей. При этом уменьшается количество молодежи: в ближайшие годы численность молодых специалистов, выходящих на рынок труда, по демографическим причинам уменьшится примерно на 40%. Смена многочисленных когорт

населения малочисленными серьезно осложняет проведение демографической и социальной политики, приводит к необходимости постоянной корректировки объемов предоставления социальных услуг (образования, здравоохранения, социального обеспечения) [2]. Число рождений в Республика Татарстане по итогам 2019 года сократилось по сравнению с прошлым годом на 8,3%, при этом по России в целом глубина падения рождаемости составила 7,8%. Также произошло снижение числа рождений вторых детей (в 2019 году их доля составила 39,5%, в 2018 году – 41,4%). Доля рождений первых детей сохранилась на уровне 39%. В то же время произошел прирост доли рождений третьих и последующих детей с 19,6% до 21,6%.

Сохранение уровня рождений первых детей и рост доли рождений третьих во многом связаны с поддержкой семей с детьми, в том числе в рамках федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» национального проекта «Демография» и введения республиканских выплат для сельских мам.

В Республике Татарстан существуют региональные меры поддержки для сельского населения. Такие выплаты положены молодым женщинам, проживающим на селе не менее трех лет и родившим ребенка после 1 января 2018 года. Если мама первенца моложе 25-летнего возраста, то выплата составит 50 тысяч рублей. Если мама в возрасте до 29 лет родила третьего ребенка, то размер выплаты составит 100 тысяч рублей. Также единовременная выплата в размере 100 тысяч рублей предоставляется женщинам в возрасте до 29 лет при рождении и каждого последующего ребенка. По данным на май 2020 года Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, за установленной выплатой уже обратились 573 жительницы сел Татарстана, родившие первенца, и 119 женщин, в чьих семьях родился третий ребенок [3]. Данная выплата способствуют росту численности сельского населения, однако конкретных выводов пока сделать нельзя, так как программа работает всего несколько лет.

В этих условиях особое значение придается миграционной политике. В Приволжском федеральном округе Республика Татарстан, наряду с еще двумя крупными регионами – Самарской и Нижегородской областями, – является одним из центров притяжения миграционных потоков в России, как из-за пределов страны, так и из других российских регионов. В пределах республики население стягивается в столицу г. Казань, где успешно функционирует ряд крупных вузов, среди которых одним из самых узнаваемых является Казанский федеральный университет, и существует диверсифицированный рынок труда, позволяющий реализовать свой потенциал, – поэтому в притоке в столицу преобладает молодежь. Сельские районы, малые и средние города теряют молодежь быстрыми темпами, в ряде районов эти потери превышают 30% выпускников средних школ.

Однако и второй по величине крупный городской округ Республики Татарстан, а именно Набережные Челны с численностью более 520 тысяч человек, сталкивается с желанием молодежи уехать из родного города. Так,

по данным прошлогоднего исследования Финансового университета при правительстве РФ, осуществившего опрос, посвященный миграционным настроениям среди российской молодежи в возрасте 18-30 лет в городах, где живет свыше 250 тысяч человек, выяснилось, что 28% опрошенных в Казани и 37% в Набережных Челнах заявили о намерении покинуть свои населенные пункты [4].

Таким образом, к основным проблемам демографической безопасности Республики Татарстан мы можем отнести:

– снижение численности женского населения фертильного возраста;
– рост демографической нагрузки на трудоспособное население;
– отток местной молодежи в ближайшие годы;
– противоречие между стремлением удержать население и объективной необходимостью в усилении мобильности населения в целях более полной реализации человеческого потенциала (например, для поступления молодежи на специальности, которых нет в регионе, в столичные вузы).

Основными направлениями поддержания демографической безопасности Республики Татарстан могут стать:

– продолжение политики содействия увеличению рождаемости населения Республики Татарстан на основе реализации системных мер экономического и социального стимулирования;
– более тесное взаимодействие органов исполнительной власти с крупнейшими работодателями республики, а также с крупными образовательными организациями, занятыми подготовкой специалистов среднего и высшего образования;
– расширение информирования населения по вопросам организации и осуществления государственной демографической политики не только через официальные сайты и издания Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, но и на других интернет-площадках.

Тезисы конференции написаны при поддержке гранта Президента РФ № МК-3338.2019.6 на тему «Построение качественной модели по оценке освоения россиянами новых форм цифрового городского участия в решении социально-экологических проблем и конфликтов».

Список литературы

1. Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Финансы: теория и практика. 2014. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-bezopasnost-rossii-i-ee-regionov-problemy-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 28.08.2020).

2. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: http://i.tatarstan2030.ru/strategy/ (дата обращения: 27.08.2020).

3. В Татарстане проживающие на селе женщины могут получить единовременную выплату в связи с рождением ребенка: https://mtsz.tatarstan.ru/index.htm/news/1745538.htm (дата обращения: 27.08.2020).
4. Исследование Финансового университета при правительстве РФ: http://www.fa.ru/org/div/cos/press/Documents/85_Youth_Migration_2019.pdf (дата обращения: 27.08.2020).
5. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 6 от 12 января 2009 года «Об утверждении комплексной программы демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года»: http://docs.cntd.ru/document/917036632 (дата обращения: 27.08.2020).

УДК 325.1

Ракачев Вадим Николаевич
д.и.н., профессор ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
Ракачева Ярослава Владимировна
к.и.н., доцент ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Направление и структура миграционных потоков на Юге России: новые тенденции

Аннотация. *Важная роль миграций в качестве компонента изменения численности населения РФ определяет необходимость их детального изучения с учетом региональных особенностей. В статье представлены результаты анализа миграционных процессов на Юге России в период с 2010-2019 гг. Рассмотрена динамика и масштабы миграционных потоков, их структура. Проведенный анализ позволяет говорить об устойчивой тенденции к увеличению миграционного прироста в регионе, значительную часть которого составляют внешние миграции. При этом существует значительная внутрирегиональная дифференциация в структуре миграционного прироста.*

Ключевые слова: *население, миграция, миграционный прирост, миграционные потоки, Южный федеральный округ, ЮФО, Краснодарский край.*

В условиях устойчивого отрицательного естественного прироста, который сохраняется в большинстве регионов РФ на протяжении последних десятилетий неудивительно, что особое внимание исследователей привлекают миграционные процессы, так как именно миграция сегодня оказывает решающее влияние на численность и структуру населения.

В данной статье мы рассматриваем особенности миграций в регионах Юга России (Южного федерального округа[79]) в течение последнего десятилетия (2010-2019 гг.), их структуру относительно территорий входа и выхода, состава миграционных потоков по основным демографическим характеристикам и проч. В качестве исходных данных использованы материалы текущего учета миграций, представленные Госкомстатом РФ.

Динамика миграционного прироста в целом по ЮФО на протяжении рассматриваемого периода нестабильна, периоды подъема чередовались с периодами спада, миграционный прирост имеет характер флуктуаций (рис. 1).

При этом линия тренда восходящая, и хотя не имеет крутого подъема, но позволяет предположить, что регион в целом останется привлекательным для мигрантов и сохранит положительное сальдо миграционного баланса в перспективе.

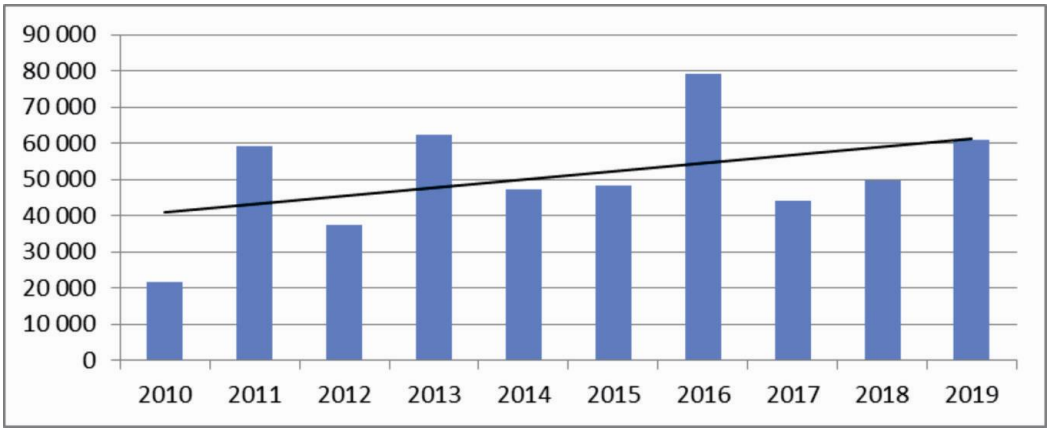

Рис.1. Миграционный прирост в ЮФО 2010-2019 гг., чел.

Близость большинства территорий ЮФО к государственным границам, а в некоторых случаях и непосредственно пограничное положение (Краснодарский край, Ростовская область) определяют значительную долю в структуре миграционного прироста международных миграционных потоков. На протяжении 10 лет вклад зарубежной миграции в миграционный прирост составлял от 40 (в 2018 г.) до 70% (в 2019 г.) [2] (рис 2).

В миграционных потоках из-за рубежа неизменно преобладает доля мигрантов из стран СНГ. На этот сегмент миграционного прироста в ЮФО приходится от 80 до 90%. Максимальное значение в 2019 г. – 98,3% международного миграционного прироста обеспечили мигранты из стран Содружества (рис. 3).

Половина – 50,4% в этом потоке пришлось на Украину и пятая часть – 19,3% на Армению. Доля других стран СНГ составила: Казахстана – 7,2%, Узбекистана – 5,5%, Туркменистана – 4,5%, Азербайджана – 4%, Таджикистана – 4%, Киргизии – 1,9%, Беларуси – 1,7%, , Молдовы – 1,4%. В совокупности на страны Центральной Азии приходится около четверти мигрантов – 23,1%. В 2019 г. среди прочих зарубежных сран ведущим

[79] В силу того, что данные по Республике Крым и г. Севастополю имеются лишь за период с 2016 по2019 гг. из анализа эти территории были исключены.

донором для ЮФО стала Индия. Доля ее мигрантов в зарубежном миграционном приросте составила 16,3%. Затем Грузия – 12,3%, Абхазия – 7,5, Сирия – 5,9, Германия – 4,5, Афганистан – 3,8, Турция – 2,9% [2].

Рис.2. Структура миграционного прироста по ЮФО 2010-2019 гг., чел.

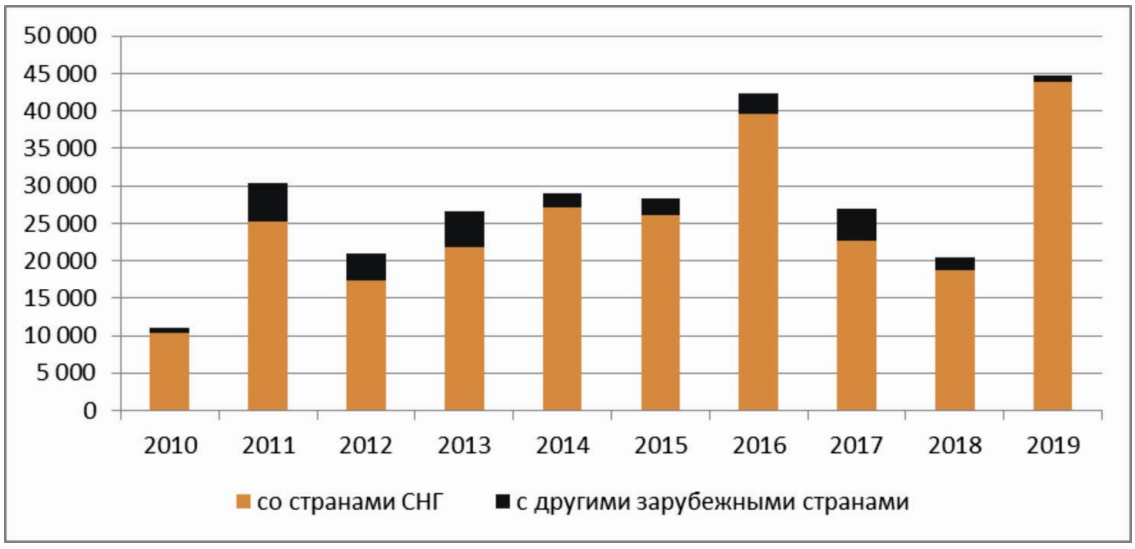

Рис.3. Структура зарубежного миграционного прироста в ЮФО в 2010-2019 гг., чел.

Миграционные потоки, направляющиеся из-за рубежа в субъекты ЮФО относительно стабильны с точки зрения направлений, но их масштабы и интенсивность меняются в зависимости от политической и социально-экономической конъюнктуры. Так в 2010 г. лидирующее положение в миграционном обмене с региона со странами СНГ и Балтии занимали Украина (18,6% миграционного прироста), Армения (18,4%) и Казахстан (17%). Также существенную долю составляли мигранты из Узбекистана (10,4%) и Киргизии (9,4%). Вдвое больше по сравнению с 2019 г. приходилось на Белоруссию (2,7%) и Молдавию (3,6%). Совокупная доля стран Центральной Азии в целом была выше и составляла 33,4%. Неизменным остается и положительное миграционное сальдо в обмене со странами Содружества. В противоположность миграционный обмен с другими зарубежными странами в начале рассматриваемого периода

зачастую был отрицательным, высокой была эмиграция из региона, прежде всего, в страны Европы и Америки. За десятилетние миграционный прирост с зарубежными странами (кроме СНГ) вырос в 15 раз (с 613 чел. до 9 040). Изменились и направления: в 2010 г. лидирующую роль в миграционном обмене здесь играли Греция, Китай США и Канада. В целом восточный вектор во внешних миграциях заметно усилился [2].

Дифференцированный анализ миграционных перемещений по субъектам ЮФО демонстрирует существенные различия. Вместе с тем по характеру миграционного прироста территории можно объединить в три группы. Первая включает Краснодарский край и республику Адыгею – субъекты, в которых на протяжении 2010-2019 гг. сохранялось стабильное положительное сальдо миграции (рис. 4). Максимальные показатели миграционного прироста здесь пришлись на середину десятилетия, но при сохранении положительного сальдо миграции линия тренда во второй половине десятилетия показывает снижение его абсолютных показателей.

Рис.4. Миграционный прирост в субъектах ЮФО в 2010-2019 гг., чел.

Вторая группа – территории где миграционный прирост не носил устойчивого характера – Ростовская и Астраханская области. Сальдо миграции то было положительным, то уходило в минус. При значительных масштабах входящих и исходящих миграционных потоков миграционный

прирост в целом здесь был невелик. Однако если в Ростовской области при частых флуктуациях тренд восходящий, то в Астраханской при тех же скачках он все сильнее уходит в минус. Третья группа – регионы с устойчивым миграционным оттоком – Калмыкия и Волгоградская область. Здесь в течении всего периода с незначительными флуктуациями наблюдался отрицательный миграционный прирост. Причем трендом для обоих территорий с середины десятилетия является постепенное восхождение. Можно предположить, что критическая точка оттока населения их регионов пройдена [2].

В структуре миграционного прироста также присуттствуют внутрирегиональные различия. В Краснодарском крае до последнего времени от 70 до 80% миграционного прироста приходилось на внутрироссийские миграции, в 2019 г. эта доля упала до 53% [1]. В Адыгее значительный вклад в миграционный прирост вносила внешняя международная миграция (от 40 до 80%). Максимальный вклад этого миграционногопотока пришелся на 2017 г. – 81,3%. В Ростовской области миграционный обмен с другими регионами РФ все 10 лет был отрицательным, тогда как с другими странами, напротив, сальдо миграции сохранялось положительным и даже компенсировало минус внутрироссийского миграционного оборота. В Астраханской области ситуация с внутрироссийскими мигрaационным обменом аналогична Ростовской области, но международной миграции не всегда удавалось компенсировать отток из области в другие регионы РФ. В Калмыкии масштабы оттока за пределы республики в другие регионы РФ были велики, а положительное сальдо международной миграции крайне мало, что в итоге формировало минус в миграционном приросте все 10 лет. В Волгоградской области структура миграционного прироста складывалась из значительного по своим масштабам отрицательноо миграционного сальдо внутри России и такого же масштабного прироста в обмене с другими странами, но он не смог конмпенсировать отток в другие регионы РФ [2].

В межстрановом обмене преобладают миграционные потоки их стран СНГ. Для Краснодасркого края основными миграционными партнерами выступают Украина, Армения, Казахстан, для Адыгеи – Туркмения, Армения, Украина, Калмыкии – Узбекистан, Украина, Астраханской области – Туркмения, Казахстан, Волгоградской – Армения, Азербайджан, Таджикистан, Ростовской области – Украина, Армения. Из других государств активнее всего обмен мигрантами в 2019 г. осущетсвляли Адыгея с Сирией, Афганистаном, Абхазией, Калмыкия с Германией, Краснодарский край с Грузией, Афганистаном, Астраханская область – с Китаем, Вьетнамом, Ростовская – Грузией, Волгоградская – Индией, Грузией [2].

Таким образом, в заключении можно отметиь, что миграционнная ситуация в регионе весьма неоднородна, и если одни территории созраняют привлекательность для игрантов как внутренних так и внешних, то другие несмотря на свое выгодное южное положение выталковав других ведущую роль играют выталкивающие факторы. В целом образ благополучного и

отому привлекательного для переселенцев Юга очень условен, структура и направление миграционных потоков позволяют говорить о том, что привлекательным он выступает преимущетсвенно для территорий и стран с депресссивным характером экономики.

Список литературы

1. Краснодарский край в цифрах. 2018: Стат. сб. / Краснодарстат – Краснодар, 2019. 302 с.

2. Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2010–2019 гг. [Электронный ресурс] https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения 29.08.2020)

УДК 314.1.

Семедова-Полупан Нина Григорьевна
к.социол.н., доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Чебоксарский филиал РАНХиГС, г. Чебоксары, Россия

Региональные особенности демографического развития Чувашии

Аннотация. *В статье дается анализ государственной политики в области демографии в Чувашии. Рассмотрены основные направления демографической политики. Представлены характеристики и определены перспективы развития. Сделан отдельный акцент на реализацию проекта «Демография», осуществляемый в рамках реализации национального приоритетного проекта.*

Ключевые слова: *государственная демографическая политика, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, демографические показатели, концепция.*

На сегодня демографические проблемы являются самыми актуальными и востребованными во всем мире. Именно показатели, характеризующие демографическую ситуацию в стране и мире, позволяют спрогнозировать дальнейшее развитие и мира и страны.

Именно поэтому реализации государственной демографической политики уделяется первостепенное внимание. Так, забота о здоровье граждан – это одна из важных задач государства, которая требует проведения специализированной государственной социальной политики по его укреплению и охране.

Государственная демографическая политика Российской Федерации довольно универсальна, потому, что увеличение продолжительности человеческой жизни, улучшение ее качества, относится к числу основных гуманитарных ценностей и является целью государственной политики

любой развитой страны. В соответствии с этим не вызывает сомнений и определение цели государственной политики в данной сфере, применительно к отдельным временным периодам развития человечества и определенных группам населения.

Обязательным элементом современной государственной демографической политики является разработка федеральных, региональных и муниципальных программ, в которых формируются современные задачи сферы здравоохранения. Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что укрепление здоровья и снижение смертности граждан – один из основополагающих факторов, обеспечивающих национальную безопасность страны.

Показатели по рождаемости и смертности, брачности и разводимости, здоровью и продолжительности жизни, миграционных процессов — это все то, что позволяет вооружать ученых, политиков источниками информации для принятия политических и экономических решений. Согласно проведенному исследователями Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС опросу «Человек, семья, общество», 81,6% россиян полагают, что демографическая политика государства оказала значительное влияние на уровень рождаемости в стране в целом.

В Чувашской Республике наметились тревожные демографические тенденции.

Численность постоянного населения Чувашской Республики на 1 января 2020 г. составила 1217820 человек (на 13297 человек меньше, чем в 2018 году). На сегодняшний день структура населения Чувашской Республики состоит из 63,4% городских жителей и 36,6% сельских жителей.

Следует отметить, что численность населения сокращается также и за счет миграционной убыли населения, которая, к сожалению, из года в год, увеличивается. Так, в 2019 году она составила 5325 человек, в 2017 году – 3107, а в 2018 году – 5325. Вместе с тем, в 2019 году прогнозная среднегодовая численность населения республики составила 507,6 тыс. чел., к 2024 году она должна составить 521,8 тыс. человек. Увеличение численности населения при снижении миграционного прироста было обеспечено естественным приростом населения.

Чувашская Республика считается субъектом с высокой плотностью населения, которая тоже снижается. На сегодня в среднем по республике на 1 января 2019 г. плотность населения составила 66,7 чел. на 1 кв. км.

В республике снижается удельный вес лиц трудоспособного возраста: по данным на начало 2019 года данный показатель снизился на 1,5% по сравнению с 2017 годом.

Количество детей 0 – 15 лет в последние годы продолжает возрастать. На начало 2019 года данный показатель составлял 19,1% от общего числа жителей республики, что на 0,3% выше, чем в 2017 году.

Таким образом, в последние годы возрастает коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население: на начало 2020 года он составил 818 на 1 тыс. человек трудоспособного населения.

Продолжает снижаться численность мужчин по сравнению с численностью женщин. В 2019 году численность женщин составила 277623 человека, что на 52364 человека больше численности мужчин. На 1 тыс. мужчин приходится 1137 женщин.

Для Чувашской Республики характерно снижение коэффициента рождаемости. Вызывает опасения и тот факт, что показатель даже ниже, чем в целом по стране и Приволжскому Федеральному округу. Так, в 2019 году в Чувашской Республике коэффициент рождаемости составил 9,5 на 1 тыс. населения, в то время как в России этот показатель составлял 10,1, а в ПФО – 9,6. При этом городская местность характеризовалась более высокой рождаемостью, чем сельская. Более чем на 2200 человек уменьшилось и количество родившихся.

На сегодня самой «рожающей» группой женщин является группа в возрасте 25 – 29 лет, затем – 20-24 лет. Половая структура населения характеризуется преобладанием женщин, но вместе с тем на сегодняшний день в фертильный возраст вступает малочисленное поколение, рожденное в начале 90-х, а умирает – наоборот, многочисленное поколение послевоенного бэби-бума.

Уровень рождаемости падает по закономерной причине – маленькое число женщин детородного возраста, поскольку большинство из них родились в 1990-х годах, когда рождаемость также была невысокой. Кроме того, ситуацию обостряет целый ряд причин: низкий уровень доходов, неуверенность в завтрашнем дне, проблемы со здоровьем, падение культуры брачных отношений и т.д.

Смертность населения – важнейший интегральный показатель демографической ситуации. В 2019 году естественная убыль населения составила минус 3,0 на 1 тыс. населения (Россия – минус 2,2; ПФО – минус 3,3). Одной из главных причин является общее старение населения республики. Так, численность населения старше 85 лет за последние пять лет увеличилась почти на 30%.

Положительная динамика наблюдалась в продолжительности жизни населения до эпидемии коронавируса. В 2018 году увеличилась продолжительность жизни населения на 2 года в сравнении с 2017 годом, составив у мужчин 67,24 года и 78,62 года у женщин.

Что касается оценки ситуации по смертности населения, то эпидемия коронавируса внесла большие коррективы. Вместе с тем, реализация государственной демографической политики в Чувашской Республики всегда была направлена на развитие инфраструктуры сети медицинских организаций, улучшение показателей здоровья населения. Кроме того, в республике был разработан «Профиль здоровья семьи», формирующий приверженность к здоровому образу жизни среди населения республики. Он представляет собой сборник рекомендаций врачей и простых правил сбережения здоровья.

Немаловажно отметить, что активное внедрение в республике эффективных технологий по содействию формирования здорового образа

жизни (традиционно проводимые ежемесячные дни здоровья, еженедельные прогулки с врачом, скрининговые программы - сосудистые и онкопатрули) способствовало снижению доли курящих до 20%, что на 38% ниже чем по России, среднедушевого потребления алкогольной продукции до 6 л, что практически в 2 раза ниже, чем по России.

В Чувашской Республике разработана и активно осуществляется программа «Здоровье на рабочем месте «Начни с себя!» для медицинских организаций. Данная программа призвана продвигать здоровый образ жизни и сохранять здоровье сотрудников. Реализация программы способствует профилактике заболеваний, вызываемых низкой физической активностью, избыточным весом, курением, нездоровым питанием.

Большое внимание в республике уделяется приоритетному направлению отрасли – развитию массового спорта и физической культуры среди жителей республики.

Необходимо также отметить, что Чувашия всегда отличалась (в лучшую сторону) уровнем младенческой смертности. На протяжении последних лет он оказывался самым низким показателем среди всех субъектов Российской Федерации, смертность детей в возрасте 0-17 лет остается значительно ниже, чем по России, – на 21%.

Среди основных причин младенческой смертности следует выделить отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде – 33,3%, врожденные аномалии – 20,5%, внешние причины смерти – 15,4%. Вместе с тем, от болезней нервной системы умирает 10,3% новорожденных, от инфекционных заболеваний – 10,3%, болезней крови – 5,0%, болезней органов дыхания – 2,6%. Вызывает опасения и тот факт, что смертность младенцев от внешних причин, к сожалению, возрастает. Кроме того, в 2019 году зарегистрирован 1 случай материнской смертности.

Анализируя смертность населения республики, наблюдается закономерность, которая прослеживается из года в год. К основным причинам смерти жителей республики относятся болезни системы кровообращения (более 39%), новообразования (11,6%); от внешних причин умирает 10,2% человек, от болезней органов пищеварения – 6,4%; смертность от болезней органов дыхания составляет 5,3%. Вместе с тем, на высоком уровне остается смертность от случайных отравлений алкоголем, а в 2019 году в Чувашской Республике увеличилось количество самоубийств: с 59 до 86.

Таким образом, для повышения эффективности государственной демографической политики и достижения индикаторов, определенных в материалах приоритетных национальных проектах, полагаю, нужно предпринять целый ряд мер, которые позволят стабилизировать, а, может, и улучшить демографические показатели в республике и в стране в целом.

К примеру, в области экономики:

- работодателям необходимо создавать здоровые и безопасные условия труда, формируя имидж социально ответственных работников;

В области безопасности:

• обеспечить население республики безопасной для человека общественной инфраструктурой, усилить противодействие употреблению наркотиков, табака и алкоголя;

В области экологической безопасности:

• планомерно снижать риски неблагоприятного воздействия внешних факторов окружающей среды на здоровье людей и распространения инфекционных заболеваний;

В области общественного здравоохранения:

• оказывать доступную и качественную медицинскую помощь населению Чувашии, особенно в отдаленных районах республики;

• внедрять в медицинских организациях Чувашской Республики современные методы экспресс-диагностики и комплексные оздоровительные технологии;

В области социальной поддержки населения:

• социализировать инвалидов, адаптируя инфраструктуру сети государственных и общественных реабилитационных центров под их нужды;

• развивать психологическую и консультативную семьи и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации;

В области социальных ориентиров населения:

• необходимо внедрить комплексный поход: возрождать в обществе духовное понимание семьи, ее ценности, и в то же время материально поощрять рождение детей и многодетность;

• активно использовать новую систему оплаты труда в образовательных и медицинских организациях, учреждениях спорта и культуры, предусматривающую стимулирующие выплаты руководителям и работникам за улучшение показателей здоровья учащихся.

Полагаю, что предложенные инициативы позволят повысить эффективность реализации государственной политики в области демографии на территории Чувашской Республики.

Список литературы

1. О профиле здоровья Чувашской Республики: постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 4 декабря 2014 г. № 420 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: consultant.ru/ document/ cons_doc.

2. О республиканской целевой программе демографического развития Чувашской Республики на 2011–2020 годы: постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 12 сентября 2008 г. № 270 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: garant.ru/hotlaw/ chuvashia/182940

3. Сайт государственных органов власти Чувашской Республики - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.cap.gov.ru.

4. Сайт Министерства здравоохранения Чувашской Республики - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.medicin@cap.ru

5. Сайт Министерства физической культуры и спорта Чувашской Республики - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http:// www. sport@cap.ru.

6. Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике (Чувашстата) - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http:// www. chuvash.gks.ru.

УДК 314.7

Сивоплясова Светлана Юрьевна
к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Отдела воспроизводства населения и демографической политики Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук; доцент кафедры экономической теории Московского авиационного института (национального исследовательского университета), г. Москва, Россия

Гендерные особенности миграционного поведения молодёжи Центральной Азии и России[80]

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей миграционного поведения молодежи в Казахстане, Киргизии и России. На основе проведенного опроса в форме анкетирования выявлена зависимость миграционных установок от пола и страны проживания. Выявлено, что более ориентированы на переезд к новому месту жительства молодые люди, проживающие в Киргизии, все респонденты довольно космополитичны в отношении места приложения своих профессиональных знаний, наиболее патриотично настроены современны студенты в вопросе места создания семьи.*

Ключевые слова: *миграционное поведение, молодежь, Центральная Азия, Россия, опрос*

Особенности миграционного поведения населения часто становятся предметом изучения социологов. Это неудивительно, так как миграция является важным компонентом формирования демографической ситуации в стране, влияет на количественные и качественные параметры структуры населения.

Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения ежегодно проводит социологический опрос с целью выявления миграционных установок россиян. Согласно исследованию, проведенному в 2020 г., около 16% людей, проживающих в нашей стране, хотели бы переехать за границу. При этом, за последние 30 лет с 1991 г. данный параметр изменялся незначительно (от 10% в 2017 г. и 2018 г. до 17% в 2019 г.) и сильно зависит от возраста респондентов (если молодежь в возрасте до 24 лет почти в 40%

[80] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № РФФИ № 20-311-70020

случаев задумываются о переезде в другую страну, то люди в возрасте старше 60 лет в 10 раз реже) [3].

Миграционное поведение формируется под воздействием множества факторов. Прежде всего, они имеют экономическую природу. В подавляющем большинстве случаев именно недостаточный уровень дохода, невозможность устроиться на работу в месте проживания, плохие условия работы побуждают людей переезжать к новому месту жительства, в том числе искать варианты приложения своих способностей за рубежом. Во-вторых, на миграцию влияют социальные факторы. Традиции принимающей и посылающей страны, ментальные особенности населения, вероисповедание и уровень религиозности в стране влияют на масштабы, направление миграции, а также гендерную структуру миграционного потока. В-третьих, политические причины, к которым относятся военные действия, притеснения по гендерным, национальным или расовым признакам нередко вынуждают людей сменить место жительства [1].

Очевидно, что миграционное поведение людей дифференцировано в зависимости от социально-демографических характеристик населения, например, пола, возраста, страны проживания. Поэтому важно исследовать не только трансформацию миграционных установок населения в целом, но и с учетом указанных параметров.

Влияние факторов миграционного поведения ярко прослеживается в результатах опроса, проведенного сотрудниками Отдела демографической политики Центра социальной демографии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в 2012-2020 гг. Исследование было реализовано в форме анкетирования среди студенческой молодежи в пяти городах России (Калининграде, Кизляре, Курске, Майкопе, Уфе), двух городах Казахстана (Нур-Султане (Астане) и Алматы) и двух городах Киргизии (Бишкеке и Оше). Одной из целей опроса являлось выявление миграционных установок современных молодых людей, проживающих в странах с разным «миграционным статусом» (страны-»доноры» и страны-»реципиенты»). В ходе анкетирования было собрано 939 анкет. Из них 544 в России, 214 в Казахстане, 181 в Киргизии. Среди опрошенных 53% составили девушки, 47% - юноши. Результаты опроса позволили выдвинуть предположения в возможных векторах развития миграционных потоков в данной группе стран.

Для выявления миграционных намерений молодых людей были заданы вопросы: Где Вы планируете реализовывать полученные профессиональные знания? Где бы Вы хотели создать семью? Где бы Вы хотели, чтобы жили Ваши дети? Ответы на данные вопросы позволяют судить о готовности молодежи к трудовой и брачной миграции, являются косвенным показателем возможного времени миграции, а также оценкой социально-экономического благополучия в стране и иллюстрируют некоторые возможные ориентиры в воспитании детей.

Анализ результатов исследования показал, что современная молодежь в вопросах выбора вариантов миграционного поведения во всех трех странах в большинстве случаев придерживается прагматических подходов [2]. Более

50% респондентов, отвечая на поставленные вопросы, выбирали вариант «не важно, зависит от того, где будут приемлемые условия» (рис. 1). При этом отмечаются значимые различия в выборе данного варианта ответа в зависимости от пола респондентов, страны проживания и поставленного вопроса. Так, наибольший прагматизм по отношению к месту реализации профессиональных знаний и месту жительства детей продемонстрировали казахстанские девушки (66,7% и 52,3% от общего числа ответивших на каждый вопрос женщин в Казахстане соответственно выбрали данный вариант ответа), а по отношению к месту создания семьи – женщины из Киргизии (59,4% респонденток). Наименее же прагматичны оказались казахстанские мужчины и российские женщины в отношении выбора места создания семьи (40,6% и 42,2% респондентов соответственно).

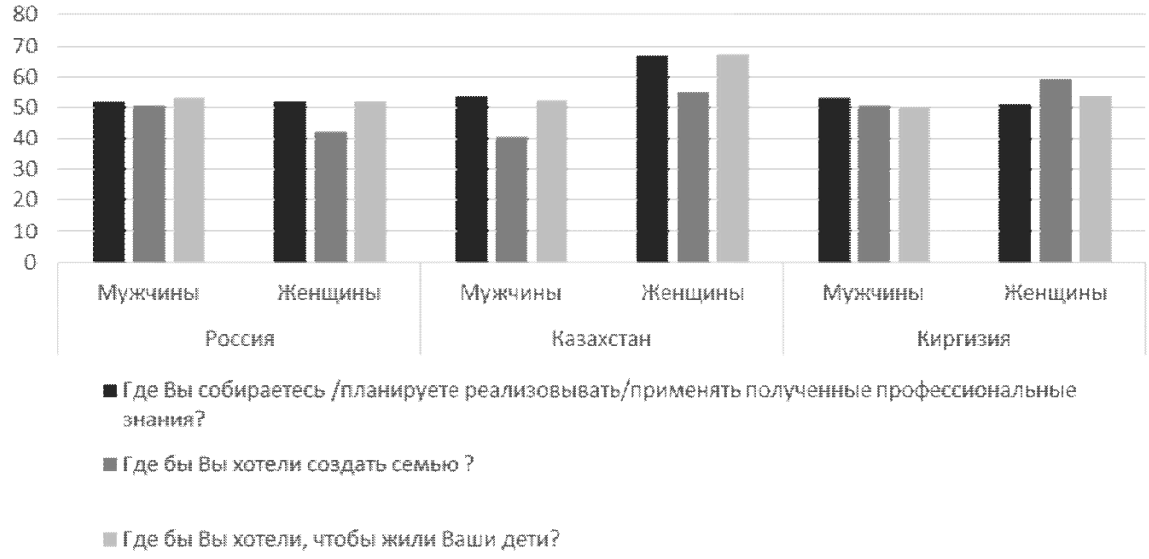

Рис. 1. Доля респондентов, выбравших вариант ответа «не важно, где будут приемлемые условия», %

Следует отметить, что среди респондентов выделяются группы, для которых свойственны существенные различия в реализации прагматических подходов в отношении тех или иных планов, связанных с миграцией. Так, российские девушки, а также молодые люди и женщины в Казахстане примерно одинаково относятся как выбору места реализации профессиональных навыков и места жизни собственных детей. В то же время, желаемое место создания семьи респонденты из этих групп определяют более узко и точно. Как показало дальнейшее исследование, чаще всего выбор делается в пользу страны, в которой проживали респонденты на момент опроса.

Вторую довольно многочисленную группу респондентов можно условно назвать «патриотами» [2]. Это лица, связывающие свою дальнейшую жизни и жизнь своих потомков с той страной, в которой они проживали на момент опроса (в рамках настоящего исследования эти страны будем называть «родиной»). Результаты исследования показывают, что наиболее «патриотично» настроены респонденты в отношении места создания семьи (рис. 2).

Причем, студенты в Казахстане в целом демонстрируют более сдержанное отношение к брачной миграции, желая создавать семьи в своей стране. В то же время, применять профессиональные знания, а также растить детей они готовы и в других странах.

Интересно отметить, что мужчины из Киргизии наиболее часто проявляли патриотические чувства в отношении страны жизни детей, чем в отношении места приложения профессиональных знаний и места создания семьи. Это может косвенно свидетельствовать о позитивной оценке социально-экономического развития страны, а также о желании привить детям и сохранить национальные культурные и ментальные традиции.

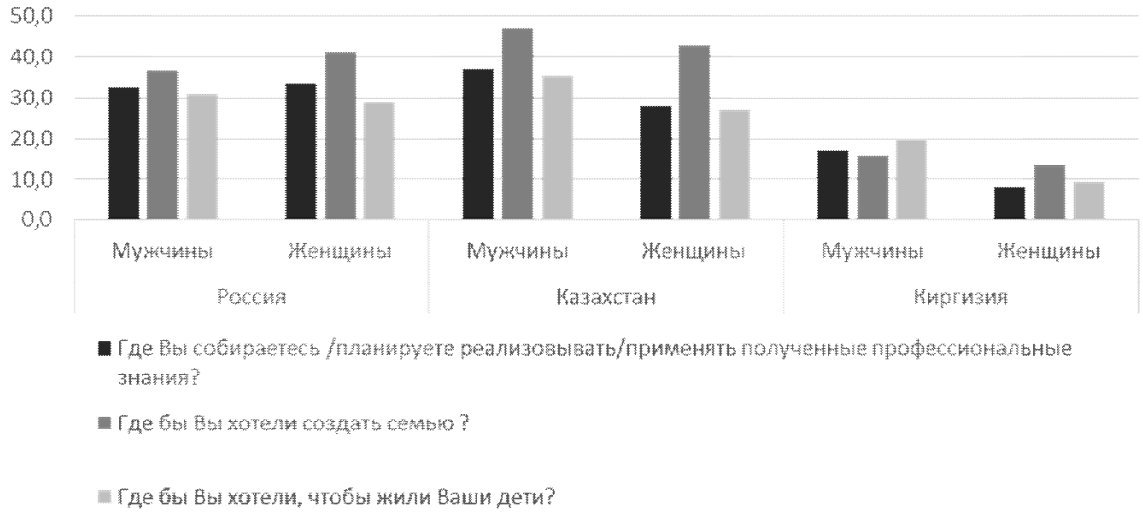

Рис. 2. Доля респондентов, выбравших вариант ответа «только на родине», %

Важным направлением исследования являлось выявление установок молодых людей в отношении миграции в страны дальнего зарубежья. Анализ результатов опроса показал, что желание уехать за пределы своей страны и стран СНГ демонстрируют не столь большое число людей (рис. 3).

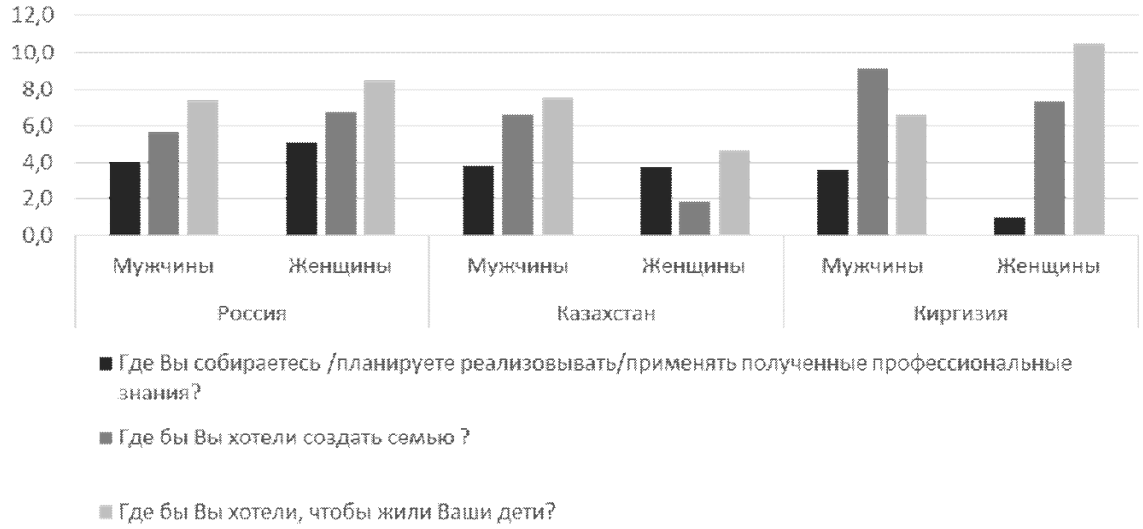

Рис. 3. Доля респондентов, выбравших вариант ответа «только за пределами своей страны и стран СНГ», %

Вместе с тем, можно выделить несколько ключевых моментов в формировании миграционного поведения молодежи с точки зрения желания переезда в страны дальнего зарубежья. Во-первых, для многих групп респондентов (мужчин и женщин в России, мужчин в Казахстане, а также женщин в Киргизии) характерен рост так называемых «антипатриотичных» [2] настроений от вопроса о месте реализации профессиональных знаний к вопросу о предпочтительном месте жительства детей респондентов. Во-вторых, наименее патриотично настроены студенты в Киргизии. Так, более 10% женщин сказали, что хотели бы, чтобы их дети жили в странах дальнего зарубежья, а 9,1% юношей в этой стране хотели бы создать семьи вдали от дома. В-третьих, менее 2% девушек в Казахстане желают заключать брак не в своей стране или стране СНГ, что является минимальным значение среди рассматриваемых показателей. То есть, казахстанки либо настроены создать семью строго на родине, либо едва ли задумывались о месте заключения брака. В-четвертых, женщины в России и Киргизии немногим более антипатриотично настроены, чем молодые люди в этих странах. В то же время ситуация в Казахстане является противоположной.

Таким образом, исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что для современной интеллектуальной молодежи крайне важны условия профессиональной реализации и комфорт в месте проживания. Поэтому создание необходимой инфраструктуры, гарантии достойной заработной платы позволят снизить масштабы миграции в рассматриваемых странах, в особенности в Казахстане и Киргизии, являющихся странами-»донорами» рабочей силы. Кроме того, многие респонденты намерены создавать семьи с своих странах. Из этого можно заключить, что мигрировать будут лица, состоящие в браке, а следовательно, либо увеличатся масштабы миграции (если переезжать в другую страну будут целые семьи), либо существенными будут потоки денежных средств, направляемых трудовыми мигрантами на родину. И наконец, желание направить детей в страны дальнего зарубежья для проживания свидетельствует о преимущественно негативной оценке уровня социально-экономического развития государств, отсутствие веры в возможность позитивного развития страны, нежелании связывать свое будущее с этим государством. Все эти выводы важно учитывать при разработке и реализации мер социально-демографической и миграционной политики России, Казахстана и Киргизии.

Список литературы

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: 2003. – URL: http://rybakovsky.ru/migracia2.html (Дата обращения: 02.09.2020).

2. Сивоплясова С.Ю., Сигарева Е.П. Некоторые аспекты миграционной мотивации российской молодежи // Народонаселение. 2014. №2. С. 65-71.

3. Эмиграционные настроения – 2020: где родился, там и пригодился [Электронный ресурс] / ВЦИОМ, 7 сентября 2020 № 4325. - URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10431 (Дата обращения: 7.09.2020).

УДК 314.18

Сигарева Евгения Петровна
кандидат экономических наук, руководитель отдела воспроизводства населения и демографической политики ИСПИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Гендерные особенности репродуктивного поведения молодого поколения в России, Казахстане и Киргизии

Аннотация. *Статья посвящена изучению гендерных особенностей репродуктивного поведения молодежи трех постсоветских государств, находящихся на разных стадиях «демографического перехода». На основе единой методики социологического опроса были получены результаты, которые показали различия в представлениях мужского и женского населения о внебрачных союзах, наиболее благоприятном возрасте для рождения первого ребенка и моделях детности.*

Ключевые слова*: репродуктивное поведение, социологический опрос, рождаемость, детность, гендер*

В связи с ориентацией российского общества на сохранение традиционных семейных отношений, закрепленных в новой Конституции РФ 2020 года, формируется интерес исследователей к тому, как происходит трансформация репродуктивного поведения молодежи в нынешней социальной реальности. Еще в советский период в единой стране наблюдалась значительная дифференциация в трендах демографических процессов, которые были обусловлены различиями репродуктивного поведения в разных республиках. Демографы в тот период отмечали существенные особенности в параметрах интенсивности рождаемости и разницу в темпах нисходящего тренда для населения различных республик СССР. Например, полвека назад в 1970 г. коэффициент рождаемости в РСФСР составлял 14,6‰, в Казахской ССР – 23,4‰, Киргизской ССР – 30,5‰. Уже тогда для этих трех союзных республик были характерны три типа рождаемости: низкий, средний и высокий. Под влиянием исторических событий (распад СССР), а также многих мировых процессов, в число которых можно включить глобализацию, культурную экспансию западных ценностей, идеологию «общества потребления», стало стремительно преобразовываться демографическое поведение населения, в том числе, и репродуктивное поведение. Теория репродуктивного поведения базируется

на том, что оно «является следствием взаимодействия психологической структуры личности (потребности, интересы, нравственные убеждения, мотивы, цели, установки, решения) с социальной средой». Поэтому изменение социальной среды, обусловленное модификацией фундаментальных факторов существования общества, несомненно, повлечет за собой и видоизменение репродуктивного поведения.

В современном обществе с точки зрения исследования акторов репродуктивного поведения становится важным изучение трансформации гендерной роли, которая под воздействием быстро изменяющихся условий становится неустойчивой. Так, сегодня мужчины могут уходить в декретный отпуск и заниматься воспитанием детей, женщины, начиная с 15 – летнего возраста могут самостоятельно решить прервать беременность, семейные отношения становятся «многоразовыми», девальвируется понятие «глава семьи», все более распространенными становятся добрачные и внебрачные сексуальные отношения, развивается установка на бездетность и т.д.

Трансформация репродуктивного поведения, обусловленная, по мнению многих демографов «вторым демографическим переходом», постепенно затрагивает и традиционные общества, и страны. Но до сих пор остается не ясным, кто более интенсивно подвержен трансформации репродуктивного поведения: мужчины или женщины. Поэтому важно для целей данного проекта было выявить особенности представлений у мужчин и женщин в отношении различных аспектов репродуктивного поведения в странах с низкой рождаемостью (Россия), средней рождаемостью (Казахстан) и высокой рождаемостью (Киргизия).

Данные социологического исследования молодого поколения этих стран были получены на основании единой методики, подготовленной в отделе воспроизводства населения и демографической политики ИСПИ ФНИСЦ РАН. В целом было опрошено более 960 человек. Молодежь России опрашивалась в 6 городах различных регионов страны. В Казахстане опрос проводился в городах Алматы и Астана (Нур-Султан), в Киргизии – в городах Бишкек и Ош.

Итоги социологического исследования показали большое значение официально зарегистрированного брачного союза в государствах со средней и высокой рождаемостью (рис.1). Причем, респонденты женского пола внутри совокупности респондентов в каждой стране были более категоричны, чем мужчины, считая недопустимой совместную жизнь вне зарегистрированного брака.

Наиболее либерально к внебрачным отношениям оказались настроены молодые мужчины России, среди которых 41,5 % считают такие отношения допустимыми в любом случае. Среди респондентов мужчин из Казахстана таких насчитывается почти 30%, а из Киргизии – чуть больше 21 %. Молодые женщины России в большей степени склоняются к мнению, что внебрачные отношения могут иметь место до рождения ребенка (40,6%), но также значительная их часть (37,6%) не допускают возможность внебрачных отношений. В Казахстане и Киргизии все же превалирует мнение о

приоритете официально зарегистрированного брака. Причем, доминирование такого взгляда характерно и для молодых мужчин и, в большей степени, для молодых женщин.

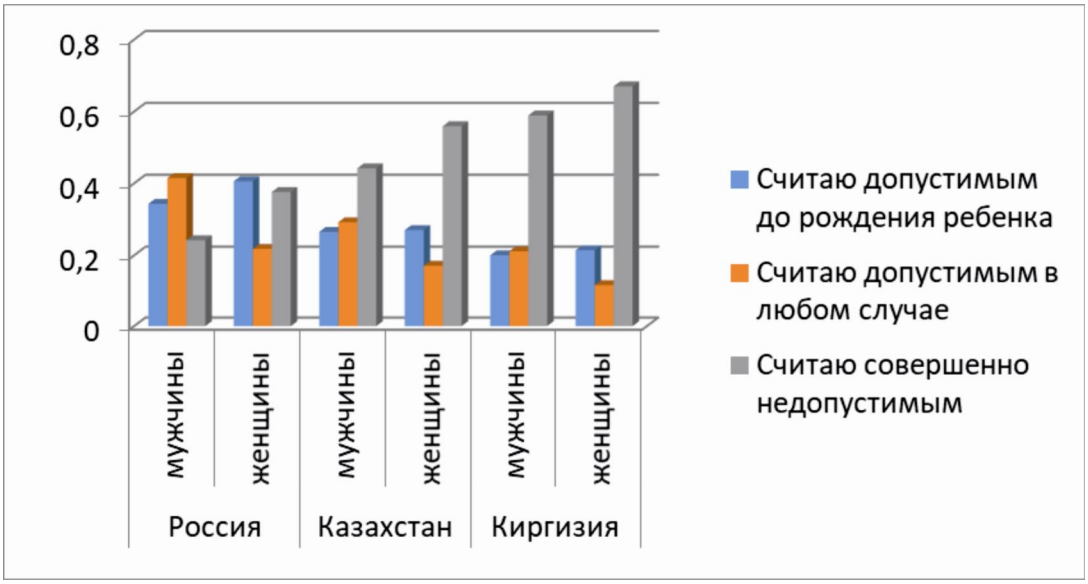

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к совместной жизни вне зарегистрированного брака?», (%)

Теория «демографического перехода» одним из признаков его прохождения считает повышение брачного возраста и возраста рождения первого ребенка. В нашем исследовании были получены данные о том, что независимо от страны опроса и пола респондента, наиболее предпочтительным периодом для рождения первого ребенка является 21-25 лет (табл.2).

Таблица 2-Ответы респондентов на вопрос: «Какой возраст, на Ваш взгляд, наиболее благоприятен для рождения первого ребенка?», (%)

	Россия		Казахстан		Киргизия	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Никакой	0,4%		1,2%			
до 16 лет						
16-18 лет	1,2%					0,9%
19-20 лет	2,8%	2,0%	3,6%		5,5%	
21-25 лет	46,2%	65,7%	63,9%	56,8%	53,8%	80,4%
26-30 лет	39,7%	30,0%	22,9%	36,9%	35,2%	17,8%
31-40 лет	6,1%	1,7%	4,8%	3,6%	4,4%	
41-50 лет						
после 50 лет	0,4%				1,1%	
все равно	3,2%	0,7%	3,6%	2,7%		0,9%

Второй по значимости подходящий возрастной период для рождения детей был обозначен респондентами в пределах 26-30 лет. И этот выбор также был свойственен как для мужчин, так и для женщин. Вместе с тем, следует заметить, что при суммировании этих двух возрастных периодов, то есть, 21-

30 лет, мы получим однозначную тотальную возрастную модель для рождения первого ребенка, как для мужского, так и для женского населения этих стран. Так называемое «золотое десятилетие», в течение которого молодому человеку необходимо получить образование, найти работу, обеспечить себя жильем, «продвигать» карьерные интересы, посмотреть мир, создать семью, было выбрано респондентами еще и как период для рождения первого ребенка. Для женской части респондентов предпочтение родить ребенка в период 21-30 лет более выразительно, чем для мужской части. Так, этот возраст наиболее благоприятен для 98,1% девушек Киргизии, для 93,7% девушек Казахстана и для 95,6% девушек России. Среди мужчин такой выбор был приоритетным, но менее значимым: 89,0% юношей Киргизии, 86,7% юношей Казахстана и 85,8% юношей России. Наиболее разнообразные установки при выборе возраста рождения первого ребенка показали российские мужчины, а наиболее единые – женщины Киргизии. Среди последних, более 80 % респондентов наиболее благополучным возрастом для рождения первого ребенка считают 21-25 лет. Это является свидетельством того, что молодые женщины Киргизии обладают наиболее традиционным представлением в отношении возраста рождения первого ребенка и пока трансформация поведения на более позднюю реализацию репродуктивной функции их коснулась в меньшей степени.

Высокий потенциал традиционности репродуктивного поведения как женского, так и мужского населения республик Центральной Азии подтверждают ответы на следующий вопрос: «Сколько детей Вам хотелось бы иметь при наличии всех необходимых условий?». Доля респондентов, заявивших о желании стать многодетными родителями, возрастала согласно географическому вектору: с севера на юг: в России - 53,4% (женщины) и 47,9% (мужчины); в Казахстане – 72,0% и 59,9% (соответственно); в Киргизии – 86,8% и 91,1% (соответственно).

Вместе с тем, в ответах респондентов встречаются мнения, которые ориентированы на бездетность. Особенно явно это выражено в ответах на вопрос: «Сколько детей лучше всего иметь в наше время?» (табл. 3).

Таблица 3-Ответы респондентов на вопрос: «Сколько детей лучше всего иметь в семье в наше время?», (%)

9 вопрос	Россия		Казахстан		Киргизия	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
0 детей	8,8%	5,8%	0,9%	1,8%	2,5%	
1 ребенок	16,3%	16,5%	3,6%	0,9%	1,3%	4,0%
2 ребенка	38,8%	46,7%	27,0%	23,9%	23,8%	35,0%
3 ребенка	23,8%	22,0%	45,9%	33,6%	33,8%	34,0%
4 ребенка	6,3%	3,4%	9,9%	17,7%	21,3%	11,0%
5 детей	2,1%	1,7%	9,0%	9,7%	6,3%	11,0%
6 детей и более	2,1%	2,4%	2,7%	11,5%	6,3%	2,0%
не знаю	0,4%	0,3%	0,9%	0,9%	2,5%	2,0%
много	1,7%	1,0%			2,5%	1,0%

Преимущество идеологии «чайлд фри» наиболее красноречиво высказали мужчины из России, а также женщины из России: 8,8% и 5,8% (соответственно). Есть респонденты с таким мнением и среди мужчин и женщин Казахстана, встречаются и среди мужского населения Киргизии. Но среди женщин из Киргизии адептов бездетности не нашлось.

В контексте данного вопроса содержалась идея, которая позволяет сопоставить современные условия жизни и идеальные репродуктивные установки. Поэтому его результаты можно сопоставить с предыдущим вопросом о желательном числе детей при наличии всех необходимых условий. Это сопоставление показало, что с учетом современных условий жизни ориентация на многодетность резко снижается у представителей России и Киргизии (как у женщин, так и у мужчин), а вот респонденты из Казахстана почти не изменили свои оценки и даже незначительно повысили. Так, только 29,5% российских девушек-респондентов считают, что в настоящее время лучше всего иметь 3 и больше детей. Среди мужчин россиян эта цифра достигает 34,3%. В Киргизии женщины, одобряющие многодетность, в настоящее время составляют 58,0%, а мужчины – 67,7%. По этим данным видно, что женщины России и Киргизии менее ориентированы на многодетность в современных условиях, чем мужчины соответствующей страны. А вот в Казахстане это соотношение противоположное: многодетность в нынешней жизни больше одобряют женщины, нежели мужчины – 72,5% против 67,5% соответственно.

Таким образом, исследование показало особенности гендерных представлений о репродуктивном поведении молодежи трех постсоветских государств, которые заключаются в присутствии консервативного традиционного мнения о недопустимости внебрачных союзах, особенно среди женского населения государств Центральной Азии. Как для мужчин, так и для женщин пока сохраняется значимость первой беременности в пределах возраста 21-25 лет. Также присутствует более сильная мотивация мужского населения на многодетную семью. Вместе с тем, следует учитывать, что сегодняшние социально-экономические условия значительно снижают вероятность реализации идеальных репродуктивных планов на многодетность, как для женщин, так и для мужчин.

Список литературы

1. Антонов А. И. Измерение репродуктивных ориентаций и установок в выборочных опросах российского населения 1976 – 2015. – URL: https://riss.ru/demography/demography-science-journal/34469/ (дата обращения: 25.06.2020)

2. Багирова А.П., Илышев А.М. Факторы репродуктивного поведения населения (Анализ межстрановых и межрегиональных различий) / Социологические исследования, № 2, Февраль 2009, С. 37-46. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/385/722/1223/Bagirova_4.pdf (дата обращения: 20.06.2020)

3. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы [Текст]:

монография / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с.

4. Основы теории народонаселения: Учеб. Пособие для экон. спец. вузов/Д.И. Валентей, В.И. Козлов, Н.В. Панкратьева и др.; Под ред. Д.И. Валентея. – 3-е изд., перераб. И доп.-М.: Высш. шк., 1986.376 с.

УДК 314.3

Скрябина Яна Альбертовна
ст.н.с. Центра исследования социального развития и формирования человеческого капитала ГАНУ «ИСИ РБ», г. Уфа, Россия

Перспективы рождаемости в Республике Башкортостан

Аннотация. *В конце 2016 г. Республика Башкортостан вступила в новый этап демографической ямы, вызванной падением рождаемости. Цель исследования – оценить уровень рождаемости. Теоретической и методологической основой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области воспроизводства населения, репродуктивного поведения. Основной вывод: снижение рождаемости – это закономерный процесс. Полученные результаты важно учитывать при разработке мер демографической политики в области рождаемости.*

Ключевые слова: *рождаемость, репродуктивное поведение, концепции рождаемости.*

За период 2006-2015 гг. рождаемость в Республике Башкортостан выросла, но не достигла уровня простого воспроизводства населения. В 2009 г. впервые за последние почти два десятка лет хотя и не очень большой, но сложился естественный прирост населения, который сохранился до 2017 года. Указанные позитивные изменения, с одной стороны, стали результатом реализации мер государственной политики материального стимулирования рождаемости, с другой, – сложившейся благоприятной половозрастной структурой населения, но не выступают доказательством того, что демографические процессы могут быть полностью подчинены государственному управлению и, соответственно, иметь в перспективе тренд на стабилизацию или рост рождаемости.

Уровень и динамика рождаемости анализируются с помощью системы показателей (табл. 1). Методологически неправильно оценивать демографические процессы исходя из анализа только одного из показателей, как это часто делается в определенных интересах.

Число родившихся за период 2016-2019 гг. в Республике Башкортостан устойчиво сокращается. Общий коэффициент рождаемости в 2019 г. составил 10,3‰, что соответствует низкому уровню рождаемости.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в 2019 г. для всего населения республики равнялся 1,511 детей в среднем на одну женщину, что практически равно критическому значению. Как отмечает австралийский демограф П. Макдональд, значение СКР выше 1,5 детей выступает некой «зоной безопасности». По мнению ученого, если рождаемость лишь незначительно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1 ребенка), то сокращение размера последующих поколений происходит медленно, и тогда, в случае необходимости, есть шанс восполнить размер конкретного поколения за счет миграции. Однако, если уровень рождаемости так и остается очень низким, происходит быстрое сокращение численности населения, и для того, чтобы как-то скомпенсировать этот процесс, потребуется массовый приток мигрантов [2].

Таблица 1-Показатели рождаемости по Республике Башкортостан, все население

Годы		Число родившихся, чел.	Общий коэффициент рождаемости	Суммарный коэффициент рождаемости	Нетто-коэффициент воспроизводства населения
факт	2016 г.	55628	13,7	1,860	0,884
	2017 г.	49315	12,1	1,696	0,804
	2018 г.	47010	11,6	1,652	0,787
	2019 г.	41767	10,3	1,511	0,720
прогноз	2020 г.	40538*	10,1*	1,501*	0,715**
	2025 г.	33809*	8,6*	1,425*	0,700**
* Прогноз Росстата (средний вариант, июнь 2020 г.) ** Авторский прогноз					

[Источник: 1, С. 46]

Для наиболее точной характеристики воспроизводства населения с учетом рождаемости и смертности используется нетто-коэффициент воспроизводства населения, который выступает количественной мерой замещения материнского поколения дочерним. Он имеет самостоятельное значение при анализе рождаемости. За период 2016-2019 гг. значение нетто-коэффициента воспроизводства для всего населения республики снизился с 0,884 до 0,720. Значение нетто-коэффициента меньше 1,0 характеризует воспроизводство населения как суженное. В условиях рождаемости и смертности 2018-2019 гг. в расчете на 1000 женщин условного поколения до возраста матери доживут 720 девочек, т.е. поколение матерей только на 72,0% заменилось поколением дочерей.

За последние 4 года в абсолютном выражении сократилось число родившихся первыми, вторыми, третьими. Изменилась структура родившихся по очередности: в 2019 г. по сравнению с 2016 г. на 1,3% сократилась доля первых рождений, на 13,1% сократилась доля вторых, доля третьих выросла на 26,0%, четвертых – на 44,1%, пятых и более – на 42,1 процент. По сравнению с предыдущим годом в 2019 г. доля первых

рождений выросла на 0,8%, на 6,5% сократилась доля вторых, доля третьих выросла на 8,9%, четвертых – на 14,0%, пятых и более – на 12,5 процентов. Изменение структуры по очередности, конечно, в значительной мере, происходит из-за старения репродуктивного возраста. Повышение возраста первых рождений сокращает возможности рождения вторых и третьих детей.

Снижение вторых, но не снижение третьих и последующих очередностей рождения, предположительно связано с тайминговым провалом после объявления в декабре 2015 г. о продлении действия Программы материнского капитала до 2018 г. включительно, затем в 2017 г. – до 2021 г. включительно и последнее продление – до 31 декабря 2026 года.

На рис. 1 представлена структура очередности рождения детей.

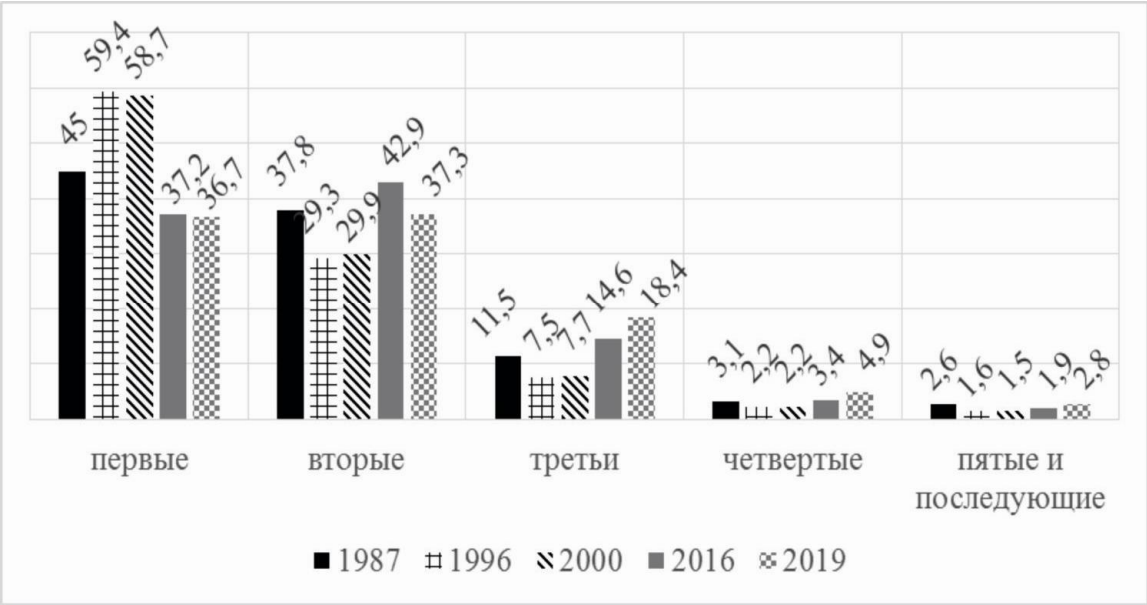

Рис. 1. Структура родившихся по порядку их рождения у матерей, 1987-2019 гг., %

Анализ изменения структуры очередности рождения детей за достаточно длительный период времени (с 1987 по 2019 г.) позволяет выделить ряд моментов. В 2000 г. по сравнению с 1987 г. доля детей, первых по очередности рождения, увеличилась в 1,3 раза, соответственно, сократились доля вторых – в 1,26 раз, третьих – в 1,5 раз, четвертых – в 1,4 раз, пятых и последующих – в 1,5 раз. Данная тенденция свидетельствует о массовом распространении среди россиян новой однодетной модели семьи. Улучшение социально-экономической ситуации (1996-1998 гг., 2002-2006 гг.) несколько изменяет распределение родившихся по порядку их рождения у матерей: доля первенцев уменьшается, увеличивается доля вторых по порядку рождения детей. При этом доля третьих и четвертых практически сохраняется на одном и том же уровне, а доля пятых и последующих к 2008 г. сократилась по сравнению с 1987 г. в 1,9 раз. За период 2016-2019 гг. произошло сокращение доли первых и вторых рождений, повышение доли третьих и почти в 1,5 раза выросла доля четвертых и пятых рождений.

Изменилось соотношение в очередности родившихся в сельской местности Башкортостана по сравнению с городской. Если в 2000 г. родившихся третьими в структуре очередности было на селе в 3 раза больше, чем в городе, то в 2019 г. – только в 1,4 раза. Соответственно, четвертыми – в 4,6 раз и 2,3, т.е. четвертых по порядку детей в сельской местности стало рождаться в 2 раза меньше.

Увеличивается доля женщин в старших репродуктивных возрастах. В возрастной группе 30-34 года (на нее приходится 31% всех родившихся детей, в т.ч. вторых – 36%, третьих – 42,4%, четвертых – 38,9%) она пока увеличивается и начнет сокращаться с 2022 г. и особенно сильно с 2024 г., когда в данный возраст будет вступать малочисленное поколение женщин 1990-1994 гг. рождения.

Изучение тенденций и факторов рождаемости осуществляется на основе данных текущего учета демографических событий и различных выборочных, в т.ч. социологических, обследований, которые позволяют исследовать репродуктивное поведение с целью определения планов населения (респондентов) относительно рождения детей.

Главной движущей силой репродуктивного поведения является потребность в детях, которая рассматривается как социальная потребность высшего уровня и конкурирует с другими потребностями. [4].

Все федеральные и региональные меры, направленные на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми, реализуемые с 2007 г. и дополненные в 2020 г., важны и необходимы. Но предложенные меры практически не учитывают ни одной из существующих концепций рождаемости, которые объясняют изменения в репродуктивном поведении индивидов. Суть основных концепций и детерминант рождаемости представлена в табл. 2.

Таблица 2-Основные концепции и детерминанты рождаемости

Концепции	Суть концепции
Ф. Нотештейн	процессы модернизации, индустриализации и урбанизации приводят к снижению смертности и ослаблению экономической отдачи от детей, что, в свою очередь, способствует снижению рождаемости
Г.Беккер, Р.Истерлин и др. (микроэкономическая концепция рождаемости)	появление детей в семье вызывается рациональными решениями – семьи «инвестируют» в качество, а не в количество детей
Р.Лестейг, Д. Ван де Каа (Теория второго демографического перехода)	в постиндустриальном обществе расширилась множественность выбора индивидуальных стратегий формирования семьи за счет развития индивидуального контроля над рождаемостью; расширения свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни; контрацептивной революции
А.Дюмон (концепция «социальной капиллярности»)	стремление индивидов добиться продвижения вверх по социальной лестнице ограничивает число детей в семье

Концепции	Суть концепции
Л.Е.Дарский (ценностная концепция)	переход от многодетности к малодетности связан с переоценкой ценностей, с изменением нравственной системы, господствующей среди населения
А. Г. Вишневский	демографический переход – это переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости – результат расширения области демографической свободы, когда общество в целом, семья, личность освобождаются от давления демографической необходимости, и рождение детей становится областью сознательного, рационального выбора
А. Я. Боярский, А. Я. Кваша и др.	демографический переход с точки зрения социально-экономической обусловленности
В.А. Борисов, А.И. Антонов	главной причиной снижения рождаемости стало постепенное изменение, а затем и отмирание экономической составляющей потребности в детях или экономической мотивации деторождения

[Источник: 3, С. 40-45]

В современном информационном обществе можно выбрать множество стратегий формирования семьи – сегодня процветает свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, широкое использование средств контрацепции. Концепции отражают основную суть сокращения рождаемости – это результат принятия новых форм репродуктивного поведения, характеризующихся преднамеренными действиями супругов по ограничению деторождения после того, как в семье появилось определенное количество детей, это закономерный процесс, который определяется конкретными социально-экономическими условиями общества. До сих пор, ни одной стране мира, проводившей активную демографическую политику с помощью пособий, льгот, оплаченных отпусков по уходу за ребенком и т.п., не удалось значительно изменить ситуацию с рождаемостью. Исключительно материальными мерами повысить рождаемость невозможно, но это не значит, что ее решение невыполнимо никакими способами вообще.

Проведенное исследование позволяет выделить совокупность некоторых условий и обстоятельств, имеющих различную природу, в силу которых рождаемость в Республике Башкортостан зафиксируется на низком уровне – 8,0-10,2 родившихся на тысячу населения:

- согласно прогнозу Росстата, в Башкортостане численность женщин в репродуктивном возрасте 15-49 лет будет ежегодно сокращаться и к 2030 г. данная категория уменьшится почти на 220,0 тыс. женщин, в т.ч. сократится численность женщин в наиболее активном репродуктивном возрасте 20-34 года;

- изменяется возрастная модель рождаемости – происходит сдвиг первых рождений к более старшим возрастам, что сокращает период деторождения, к тому же с возрастом ухудшается репродуктивное здоровье;

- универсальная модель формирования семьи, раннего деторождения и многодетность уступили место более позднему родительству и малодетности;

- широкое распространение незарегистрированных брачных союзов, пробных браков, недолговременность и непрочность брачных союзов способствуют формированию более низких репродуктивных ориентаций: чем выше брачность, тем выше рождаемость, чем выше разводимость, тем ниже рождаемость;

- с ростом уровня образования растет разрыв между желаемым и имеющимся числом детей как у мужчин, так и у женщин;

- в современных условиях активное участие женщин в политической и общественной жизни страны, предпринимательской деятельности привели к тому, что сегодня женщине очень трудно совмещать трудовую деятельность с рождением и воспитанием детей; современная женщина зачастую стоит перед выбором между самореализацией, карьерным ростом и материнством;

- материальные и сексуальные потребности главенствуют над идейно-духовными, над потребностями продолжать свой род.

Основные концепции рождаемости определяют вектор для демографической политики. Реализуемые в настоящее время меры в отношении стимулирования рождаемости необходимо откорректировать, уточнить и дополнить исходя из понимания того, что индивиды ограничивают число детей в семье, чтобы продвинуться вверх по социальной лестнице, что широко распространен личный контроль над рождаемостью, процветает свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни.

Список литературы

1. Демографические процессы в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2019. С. 46.

2. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы» (Москва, 14–15 сентября 2006 г.). М.: «Права человека», 2006. С. 27-57.

3. Скрябина Я. А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики. Монография /Уфа: БАГСУ, 2012. 284 с.

4. Социология семьи: учебник /под ред. А. И. Антонова. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 640 с.

УДК 314
Соболева Светлана Владимировна
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Смирнова Наталья Евстафьевна
научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Чудаева Ольга Владимировна
научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Особенности динамики основных показателей воспроизводства населения регионов Сибири

Аннотация. *В статье на данных Росстата представлена динамика процессов воспроизводства населения сибирских регионов за 1990-2018 гг. Показано, что после значительного улучшения демографической ситуации с 2006 г. в последние годы периода сформировались негативные тенденции в демографических процессах за счет снижения рождаемости во всех без исключения регионах Сибири.*

Ключевые слова*: регионы Сибири, качество населения, депопуляция, рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, естественный прирост, региональные различия процессов воспроизводства*

За 1989–2019 гг. численность населения Сибирского федерального округа (СФО) сократилась на 8,8% (на селе – на 13,2%), в то время как в РФ – на 1,8%[81]. Причиной стала как естественная убыль, так и миграционный отток населения, прежде всего молодых трудоспособных возрастов, не видящего здесь для себя перспектив, ввиду сокращения рабочих мест и падения уровня жизни.

Особенно интенсивно происходит обезлюдение сельской местности, сокращение числа сельских населенных пунктов, в том числе на обширных приграничных территориях [1]. Быстрее всего численность населения уменьшалась в Забайкальском крае, Иркутской и Кемеровской областях и Алтайском крае.

Помимо существенного сокращения количества населения изменились его качественные характеристики. Прежде всего, за счет старения возрастной структуры, то есть увеличения доли пожилых людей в общей численности населения [2]. В 1989 г. в России и СФО возрастные структуры были прогрессивными: в СФО, например, доля населения моложе трудоспособного возраста почти вдвое превышала долю населения старше трудоспособного возраста. Однако, начиная с 2006 г., доли пожилых в общей численности населения превышают доли населения моложе

[81] Без учета Крыма и Севастополя.

трудоспособного возраста, то есть возрастные структуры стали регрессивными.

При этом следует отметить, что в Сибири, как и в России в целом, старение населения почти целиком определяется не увеличением ожидаемой продолжительности жизни (старением сверху), а долговременной тенденцией снижения рождаемости (старением снизу). Так, рост ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) в России более чем за полвека за период с 1965 по 2018 гг. составил всего три года, причем в 1990-е гг. этот показатель еще и весьма существенно снижался.

Другим следствием низкой рождаемости стало вступление СФО с 2005 г. (РФ с 2007 г.) в длительный период сокращения численности населения трудоспособного возраста, темпы которого ускорились после 2010 г. Это произошло в результате того, что пополнение трудоспособных контингентов происходило за счет малочисленных родившихся в постсоветской России при одновременном выходе из трудоспособного возраста многочисленных родившихся в послевоенный период роста рождаемости. Ситуация осложнялась также миграционным оттоком населения данной возрастной группы из СФО. В итоге в 2019 г. численность населения трудоспособного возраста в Сибири была на 1,4 млн чел., или на 11,9% меньше, чем в 1989 г. В целом в РФ (без учета Крыма и Севастополя) – на 3,7 млн чел., или на 4,4% меньше. Таким образом, округ терял население данной возрастной группы интенсивнее, чем Россия в целом.

Другим фактором, негативно воздействующим на качество населения СФО, является плохое здоровье сибиряков. Раньше существовало понятие «сибирское здоровье», означавшее хорошее, крепкое здоровье, с большим запасом прочности. В настоящее время первоначальный смысл этого понятия совсем не соответствует действительности – уровень здоровья сибиряков один из самых низких в стране. СФО на протяжении длительного времени занимает второе-третье места среди всех федеральных округов по заболеваемости населения, а также устойчивые первые места по многим основным классам заболеваний, и в первую очередь – болезням системы кровообращения и новообразованиям, вносящим наибольший вклад в смертность и инвалидизацию [3].

Плохое здоровье сибиряков позволяет Сибири занимать лишь предпоследнее место среди других федеральных округов РФ по ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения, которая является не только обобщающей характеристикой смертности, но и важнейшим интегральным показателем здоровья и благополучия населения. Хуже ситуация только на Дальнем Востоке.

Вслед за резким падением ОПЖ в 1990-ых гг. в первой половине 2000 –ых гг. этот показатель почти не вырос, а в некоторых регионах СФО даже снижался (рис. 1). Однако, начиная с 2006 г., происходит устойчивое повышение ОПЖ во всех федеральных округах РФ. Общий рост относительного благосостояния, борьба со смертностью, особенно с младенческой и детской, силами системы здравоохранения, получившей

дополнительное финансирование в рамках национального проекта, повышение доступности высокотехнологичной медицины через строительство сети современных травмотологических и сосудистых центров, системная работа по формированию здорового образа жизни, в том числе меры по ограничению доступности алкоголя, табака, наркотиков, повышение уровня пенсий до прожиточного минимума и другие меры способствовали росту ОПЖ в России, которая в 2018 г. превзошла на 3 года максимальный дореформенный уровень 1987 г.

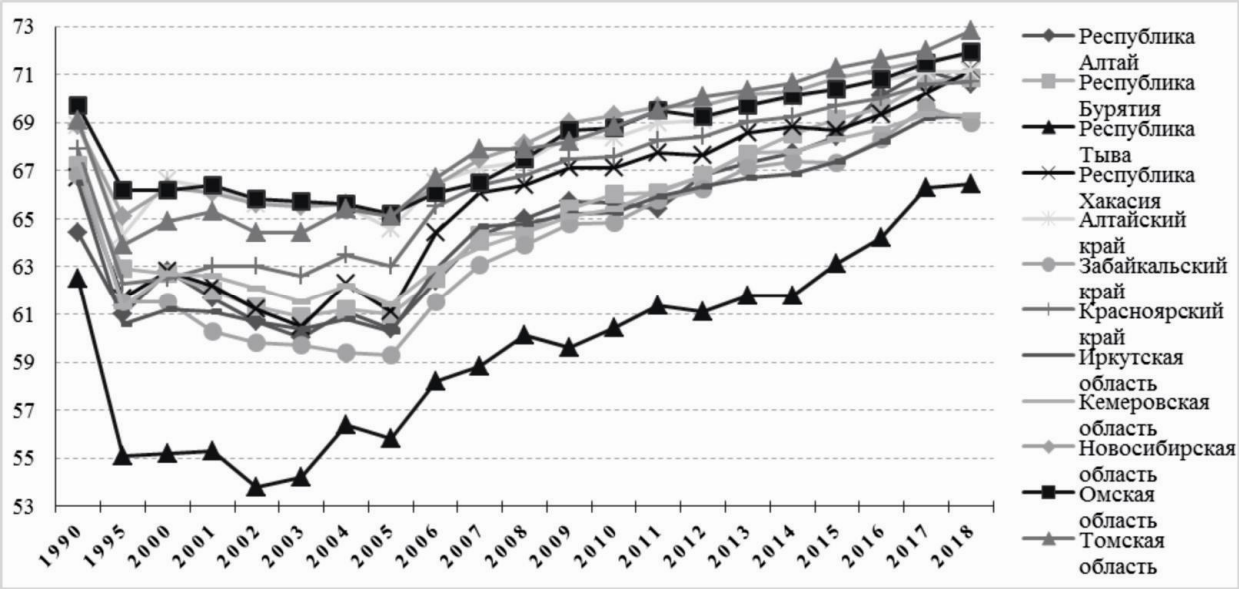

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в субъектах СФО за период 1990-2018 гг., лет

Аналогичные процессы шли и в субъектах СФО. Наибольший рост ОПЖ в 2018 г. по отношению к 2005 г. произошел в Республике Алтай и Республике Тыва – на 10-11 лет, наименьший в Омской области, имевшей в 1990 г. самую высокую ОПЖ в СФО, – почти на 7 лет. Республика Тыва, несмотря на значительное увеличение ОПЖ, на всем рассматриваемом временном отрезке сильно отставала по данному показателю от всех субъектов СФО и занимает предпоследнее место в стране, хуже ситуация только в Чукотском АО. Важно отметить, что впервые за много лет в 2018 г. произошло падение ОПЖ в Республике Алтай и Забайкальском крае. Традиционно лидерами по этому показателю в СФО являются Томская, Омская и Новосибирская области.

Несмотря на общую положительную динамику за период – во всех регионах СФО ОПЖ в 2018 г. превзошла уровень 1990 г., – следует отметить, что смертность в Сибири продолжает оставаться одной из самых высоких в стране. ОПЖ в округе на протяжении длительного времени меньше чем в РФ на 2 года, при этом абсолютно во всех регионах СФО в течение нескольких последних лет она была ниже среднероссийской. По данным за 2018 г., этот показатель в Сибири составил 71 год: у мужчин – 65, у женщин – 76 лет. Таким образом, ОПЖ у мужчин в целом по СФО только в 2018 г. впервые достигла новой границы их пенсионного возраста, причем

у мужчин села она была еще ниже – всего 64 года. В то же время у мужчин в Республике Тыва, Красноярском крае, Иркутской и Кемеровской областях ОПЖ продолжала оставаться меньше 65 лет.

Что касается рождаемости, то в 1990 г. половина субъектов СФО имела суммарный коэффициент рождаемости (СКР) выше уровня простого воспроизводства (2,15): Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Забайкальский край и Иркутская область (рис. 2). В 1990-ых гг. наряду с резким падением ОПЖ в России также резко снизилась интенсивность рождаемости выраженная СКР. Достигнув минимума в послекризисном 1999 г., в первой половине 2000-ых гг. этот показатель в большинстве сибирских регионов рос незначительно. В 2000-2002 гг., а также в 2006 г. абсолютно во всех субъектах СФО СКР падал ниже уровня простого воспроизводства.

Однако, после того как в 2006 г. в послании Федеральному собранию Президент В. Путин объявил курс на исправление катастрофической демографической ситуации, удалось добиться роста данного показателя во всех федеральных округах РФ, а также во всех регионах СФО. Большую роль в этом сыграла поддержка рождаемости, прежде всего за счет материнского капитала.

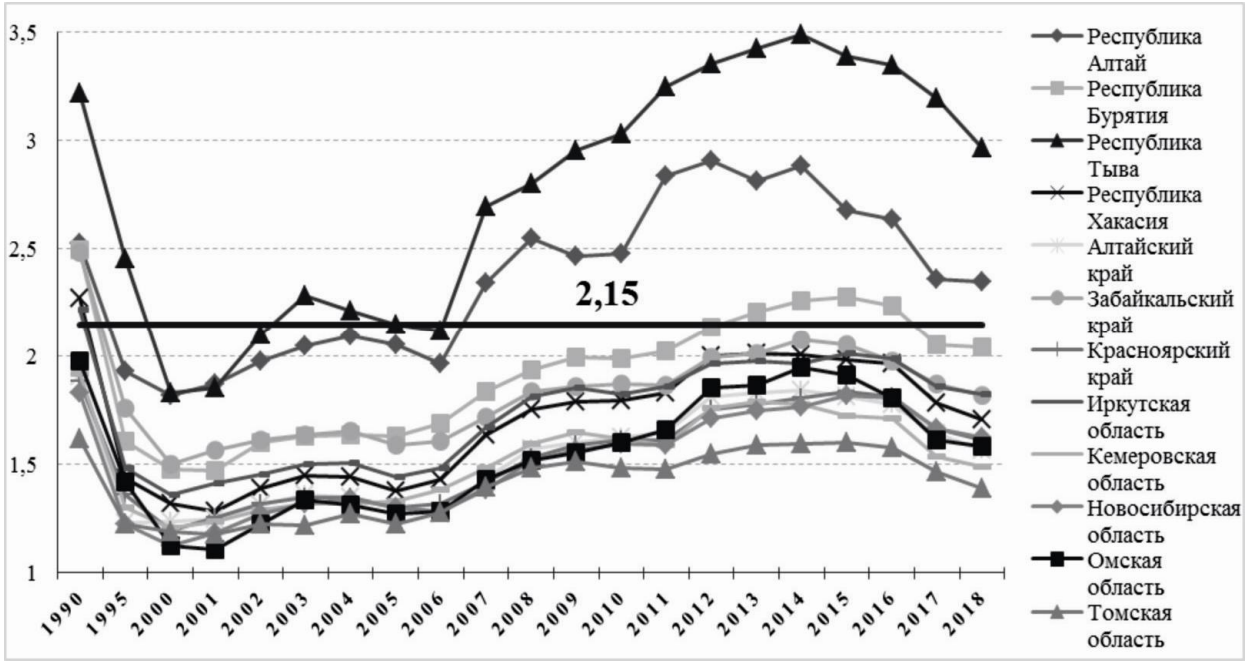

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в субъектах СФО за период 1990-2018 гг.

Особенно сильно СКР вырос в Республике Тыва в 2006-2014 гг. – на 64% до 3,5. Однако по результатам 2018 г. во всех регионах СФО этот показатель был меньше, чем в 1990 г. Самое большое относительное снижение СКР за весь рассматриваемый период пришлось на Забайкальский край, Республику Хакасия, Кемеровскую и Омскую области и Республику Бурятия. С 2007 г. расширенное воспроизводство населения имели только Республика Тыва и Республика Алтай, в период 2013-2016 гг. к ним

присоединялась Республика Бурятия. Выйдя на локальный максимум по интенсивности рождаемости в 2015 г., СФО в целом так и не достиг уровня простого воспроизводства, и в последние годы ситуация с рождаемостью во всех сибирских регионах ухудшается, как и во всех федеральных округах страны. По показателю СКР лучшими были национальные республики Сибири: Республика Тыва, Республика Алтай и Республика Бурятия, худшей – Томская область, а в конце периода к ней присоединилась Кемеровская область.

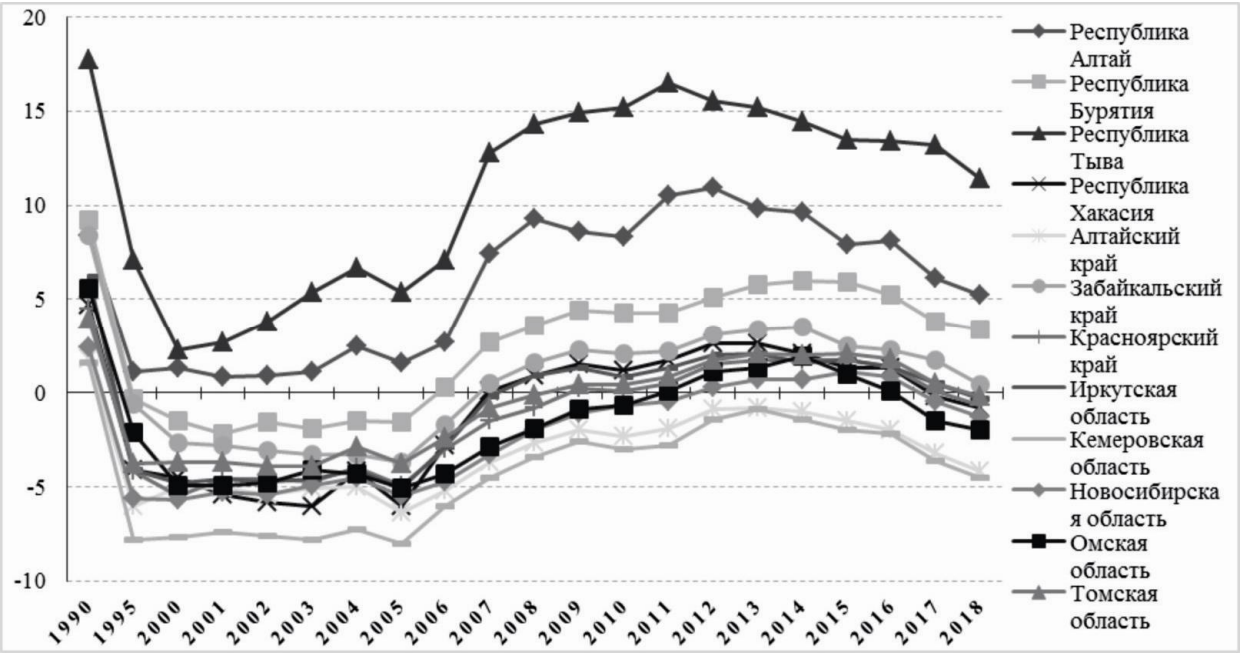

Рис. 3. Динамика коэффициентов естественного прироста населения в субъектах СФО за период 1990-2018 гг., чел. на 1000 чел. населения

Изменения смертности и рождаемости определяли динамику коэффициентов естественного прироста (рис. 3). В 1990 г. все субъекты СФО имели положительный естественный прирост. После резкого падения в 1990-ых гг. в первой половине 2000-ых гг. коэффициенты естественного прироста в СФО почти не росли. Однако с 2006 г., ставшего годом перелома негативных демографических тенденций в стране, все сибирские регионы без исключения в течение ряда лет демонстрировали позитивную динамику по данному показателю.

На протяжении всего периода положительный естественный прирост за счет высокого уровня рождаемости коренного населения имели Республика Тыва и Республика Алтай, наихудшие показатели наблюдались в Кемеровской области, а с 2004 г. и в Алтайском крае, в которых высока доля русского населения. Лучшими по коэффициенту естественного прироста являлись Республика Тыва, Республика Алтай и Республика Бурятия, а также Забайкальский край. В последние годы рассматриваемого периода ситуация ухудшалась во всех субъектах СФО – несмотря на снижение смертности, уменьшение рождаемости происходило опережающими

темпами, и с 2017 г. федеральный округ снова находится в состоянии депопуляции[82].

Мы видим, что предпринимаемые меры по противодействию депопуляции имели следствием позитивные изменения, как по смертности (рис. 1), так и по рождаемости (рис. 2). В качестве результата в течение нескольких лет почти все сибирские регионы имели положительный естественный прирост (рис. 3). Исключением стали только Кемеровская область и Алтайский край, так и не вышедшие из состояния депопуляции и на протяжении многих лет имеющие наихудшие показатели коэффициентов естественного прироста.

Однако, очевидно, что эти меры совершенно недостаточны для устойчивого преодоления депопуляции, особенно в современных условиях ухудшения демографической ситуации и плохих перспектив на будущее в этой сфере.

Помимо значительного снижения численности женщин активных репродуктивных возрастов как следствия резкого падения рождаемости в 1990-ых гг. дополнительными негативно воздействующими в самые последние годы на воспроизводство населения факторами являются снижение реальных доходов населения с 2014 г., рост бедности, которая в наибольшей степени затрагивает семьи с детьми, и неуверенности в будущем на фоне экономической неопределённости. Этим можно объяснить тот факт, что СКР в России, выйдя на локальный максимум в 2015 г. – 1,78, но, так и не достигнув уровня простого воспроизводства, начал снижаться и составил в 2018 г. только 1,58.

Общее удорожание жизни, увеличение старых и введение все новых обязательных платежей на фоне низких зарплат, закредитованности населения и угрозы безработицы, повышение пенсионного возраста, проводимое форсированными темпами, с изъятием крупных сумм денег из семейных бюджетов россиян, – все это действует в направлении дальнейшего снижения благосостояния населения в самом широком смысле этого слова, включая рост тревожности в обществе. Очевидно, что такая ситуация не способствует увеличению рождаемости и даже удержанию ее на уже достигнутом уровне.

По среднему варианту прогноза Росстата до 2035 г.[83], рассчитанному от базы на начало 2019 г., численность населения СФО и далее будет непрерывно сокращаться. Подобные долговременные изменения создают угрозу как для демографического и трудового потенциала, так и для социально-экономического развития и будущего страны, ее национальной безопасности, в том числе суверенитета и территориальной целостности. Негативные последствия описанных демографических процессов, если не предпринимать кардинальных мер в социально-экономической политике [4],

[82] Депопуляция – устойчивое превышение числа смертей над рождениями вследствие суженного воспроизводства населения, когда последующие поколения численно меньше предыдущих.

[83] Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г. URL: https://gks.ru/compendium/document/13285 (дата обращения: 24.06.2020).

будут препятствовать не только амбициозным планам освоения новых территорий, но и удержанию уже освоенных ценой больших усилий и затрат предыдущих поколений.

Список литературы

1. Соболева С.В., Григорьев Ю.А., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Особенности формирования населения приграничных территорий Сибири // ЭКО. 2014. № 11. С. 20-35.
2. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Изменения численности и половозрастной структуры населения Сибирского федерального округа и его регионов в 1989-2017 гг.: оценка последствий и риски // Регион: экономика и социология. 2019. № 2. С. 151-184. DOI: 10.15372/REG20190207.
3. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Заболеваемость населения Сибири в контексте российских тенденций // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 1. С. 71-80. DOI: 10.15372/HSS20180112
4. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития // ЭКО. - 2020. - № 8. - С. 48-65. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-48-65.

УДК: 314.1.3.4.5.6

Субхонов Акбарджон Идрисович
к.эк.н., ведущий научный сотрудник Института экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Региональные особенности демографического развития Республики Таджикистан (аспекты брачности и разводимости)

Аннотация. *Вопросы исследования семьи является очень актуально, поскольку в ней данный вопрос исследуется в качестве фактора обеспечение экономического роста трудовыми ресурсами, но семьи как объект исследования и ее устойчивость переходит на второй план. Целью статьи является изучение особенности формирование семьи и ее проблемы. В статье исследуется теоретические и практические аспекты, и далее формируется результаты где показывается теоретическая и практическая значимость исследования.*

Ключевые слова: *демография, население, брачность, разводимость, региональные различия.*

Сложная экономическая ситуация, сложившаяся в мире, затронула все общества, финансовые, экономические кризисы показали слабую защищенность домохозяйств от различных экономических потрясений.

Семья, как известно, выступает важнейшим социальным фактором, определяющим жизнестойкость как общества, так и государства. Какое поколение будет жить и работать в XXI веке во многом зависит от психологического состояния семьи, в то время как ее психологическое состояние во многом определяется социально-экономическим положением в стране. В последнее время именно семья в большей мере подвержена серьезным изменениям. По данным различных исследований семьи и семейных отношений можно выделить общие черты, свойственные семьям в современном обществе: падение рождаемости, усложнение межличностных отношений, рост разводов и, следовательно, рост числа неполных семей, широкое распространение внебрачных детей.

Правительство Республики Таджикистан уделяет большое внимание проблемам семьи и брака. В частности, 24 апреля 2010 года в ежегодном Послании Президента Республики Таджикистан Э.Рахмона парламенту было предложено повысить возраст для вступления в брак с 17 до 18 лет.

Ситуация, сложившаяся в стране, как в экономическом, так и социальном плане, повлияли на демографические аспекты жизни населения, а именно: на брачно-семейные отношения, рождаемость, смертность, продолжительность жизни и на тенденцию миграционного процесса населения.

Актуальность темы исследования связана с тем, что она мало изучена в современной социально-экономической науке Республики Таджикистан.

Рыночная экономика во многом изменила ценностные ориентации молодежи в области брака и семьи, появилось многоженство и другие новые формы взаимоотношений молодежи, увеличилось число разводов не только среди молодежи, но и среди лиц старшего возраста, повысился возраст вступления в брак молодежи и т.д. Все эти изменения уже оказывают серьезное влияние на устойчивость института семьи и вызвали появление негативных экономических и социально - психологические последствий.

Исследование закономерностей формирования семьи (брак) и ее устойчивости имеет большое значение для познания законов социального и демографического развития, поскольку процессы формирования семьи тесно взаимосвязаны со всеми другими демографическими явлениями и особенно с рождаемостью. [1]

Брачность населения является одним факторов формирования и развития семьи в любом обществе и показателями этого процесса являются общие коэффициенты брачности и разводимости населения.

По анализу динамики общего коэффициента брачности и разводимости населения можно судить, что действительно происходит ухудшение в развитии семьи, о чем свидетельствуют коэффициенты брачности и разводимости населения в современных рыночных условиях. Так, по статданным республики за 1991-2018 гг. тенденция брачности за данный период перетерпела определенные изменения, которые были связаны с гражданской войной и экономической стагнацией, большими статистическими погрешностями. За последние годы общий коэффициент

брачности населения достиг своего высшего пика -13,2 промилле в 2010 году, и дальше наблюдается снижение, - 9,2 промилле в 2018 году, что связано с уменьшением числа бракоспособного населения, но, к сожалению, общий коэффициент разводимости населения резко повышается, достиг – 1,2 промилле в 2018 г., что требует более глубокого исследования.

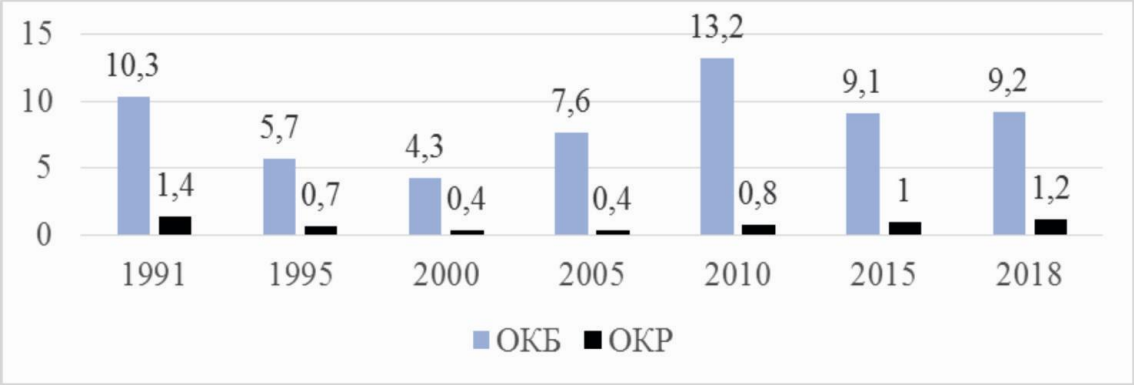

Рис. 1.Общие коэффициенты брачности и разводимости населения РТ за 1991-2018 годы (в ‰) [2]

Таблица 1-Общие коэффициенты брачности и разводимости по регионам РТ за 2018[3]

	Общие коэффициенты брачности населения			Общие коэффициенты разводимости населения		
	всего	город	село	всего	город	село
ГБАО	8,6	7,3	8,8	0,7	1,3	0,6
Душанбе	8,8	8,8	-	2,1	2,1	-
РРП	9,2	9,3	9,2	1,2	2,8	1,0
Согдийская область	8,6	8,7	8,6	1,5	2,3	1,3
Хатлонская область	9,7	9,1	9,8	0,7	1,7	0,5
Республика Таджикистан	9,2	8,9	9,3	1,1	2,1	0,9

В разрезе регионов, городских и сельских местностях наблюдаются неодинаковые тренды за 2018 год. По республике наблюдается снижение общего коэффициента брачности населения, однако общие коэффициенты разводимости населения повышаются, особенно в городских местностях – 2,1 промилле. Это может носить экономические предпосылки регистрации и расторжения брака, качественные статданные по сравнению с сельскими местностями. Также другой особенностью развития семьи является то, что за короткое время, уровень разводимости достиг уровень некоторых европейских стран.

Здесь два вопроса, которые необходимо иметь в виду при исследовании развития семьи в Республике Таджикистан по отношению с развитыми странами: в каждой семье в Таджикистане имеется больше 3 детей и при расторжении они остаются «без присмотра» и отсюда все

известные и неизвестные «современные» последствия. Другим важным моментом, почему изучение данного вопроса является актуальным для республики, это, то, что данная категория детей экономически не поддерживаются, как это делается в Европейских странах и далее участие во внешней трудовой миграции, и, в конечном счете, ухудшение количественных и качественных характеристик общества.

Здесь два вопроса, которые необходимо иметь в виду при исследовании развития семьи в Республике Таджикистан по отношению с развитыми странами: в каждой семье в Таджикистане имеется больше 3 детей и при расторжении они остаются «без присмотра» и отсюда все известные и неизвестные «современные» последствия. Другим важным моментом, почему изучение данного вопроса является актуальным для республики, это, то, что данная категория детей экономически не поддерживаются, как это делается в Европейских странах и далее участие во внешней трудовой миграции, и, в конечном счете, ухудшение количественных и качественных характеристик общества.

Так, уровень разводимости в 2014 году в Республике Таджикистан и в сельской местности составили – примерно 1,1 промилле.

Такой уровень разводимости наблюдается в Черногории – 0,94; Словении – 1,2; Италии – 0,9. Уровень разводимости в городских местностях Республики Таджикистан в 2014 году составил – 1,5 промилле и такой уровень наблюдается в Болгарии – 1,5; в Румынии – 1,4; в Польше – 1,7 промилле. В разрезе областях можно также наблюдать схожий с европейскими странам уровень разводимости населения. К примеру, в Согдийской области и в Душанбе уровень разводимости выше по сравнению с другими областями – 1,6 промилле, но в городских местностях Согдийской области разводимость составила – 2,0 промилле и такой уровень наблюдается в Австралии – 2,0 промилле; Австрии – 1,9; Новой Зеландии – 1,8; Норвегии – 1,9; Швейцарии – 2,0; Словакии – 1,9; Японии – 1,8 промилле. [4]

Проведенный анализ свидетельствует об актуальности исследования данного вопроса в призме качественных характеристик населения. Другим важным моментом является то, что в тех странах, которые были выбраны для сравнительного анализа, имеют качественные статистические данные, имеющие существенное значение и способствующие достоверному и качественному анализу.

Одной из проблем, снижающих качество аналитических работ – это отсутствие качественных статданных, которое имеет место в официальной статистике.

На первый план необходимо выделить существующие погрешности. Так, в официальных статданных указано, что общее количество разводов в 2018 году составило – 10976, тогда как по нашим расчетам это число составило - 13897, погрешность составила – 21,0%, в городских местностях – 21,1%, в сельских местностях – 21,0% соответственно, то есть каждый пятый расторгнутый брак не зарегистрирован.

Таблица 2-Разводы по продолжительности брака по городской и сельской местности РТ за 2018 г. [5]

Продолжительность брака, лет	Количество разводов	Все население, (в %)	Количество разводов	Городское население, (в %)	Количество разводов	Сельское население, (в %)
до 1	1971	14,2	920	14,3	1051	14,1
1	864	6,2	391	6,1	473	6,3
2	825	5,9	355	5,5	470	6,3
3	915	6,6	382	5,9	533	7,1
4	887	6,4	396	6,2	491	6,6
5	750	5,4	340	5,3	410	5,5
6	585	4,2	270	4,2	315	4,2
7	621	4,5	304	4,7	317	4,3
8	497	3,6	233	3,6	264	3,5
9	468	3,4	211	3,3	257	3,4
5-9	2921	21,0	1358	21,1	1563	21,0
10-14	1106	8,0	540	8,4	566	7,6
15-19	433	3,1	204	3,2	229	3,1
20 лет и выше	925	6,7	452	7,0	473	6,3
не указана	129	0,9	83	1,3	46	0,6
Рассчитано, всего	13897	100,0	6439	100,0	7458	100,0
Всего по официальной статистики	10976		5081		5895	
Погрешность	21,0%		21,1%		21,0%	

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что первые годы супружества являются самым «опасным» периодом, влияющим на стабильность брачно-семейных отношений молодоженов. Данное обстоятельство можно охарактеризовать по двум причинам: первое - это процесс адаптации к друг другу и членам семьи супруга, второе, отсутствие детей, что может служат причинами расторжения брака. По мере увеличения продолжительности брака, снижаются вероятность расторжения брака – это связано с появлением детей и устойчивостью брачно-семейных отношений. У семей с продолжительностью 5-9 лет вероятность расторжения брака очень высока, что составило по республике - 18,9%, в городских местностях – 18,4% и в сельских местностях – 19,2 % соответственно. Такой тренд может быт связан с возникновением конфликтов на почве социальной – экономической почве, то есть взросление детей требует определенного экономического и социального вклада, который для молодой семьи в современных условиях является весьма трудной задачей.

Важным закономерным фактором, влияющим на развитие и устойчивость семьи, является возраст вступления в первый брак, как принято в социально-демографической науке. Возраст вступления в первый брак, как показывают статистические данные рисунка 3, для современной молодежи Таджикистана находится на оптимальном уровне мужчины - 25,5 лет и женщины - 21,6 года. [6]

Для сравнительного анализа приводятся данные по некоторым европейским странам. В соответствие с этими данным можно судить об уровне возраста вступления в первый брак в Белоруссии -24,7 лет; в Болгарии – 26,7; в Боснии и Герцеговине – 25,9; в Польше – 26,6; в России – 25,2; и в Румынии – 26,3 лет. Динамика возраста вступления в первый брак в Республике Таджикистан показывает, что страна следует современным трендам, которые наблюдаются в Европейских странах.

Важным моментом, который беспокоит современных исследователей - демографов, социологов и психологов – это повышение данного возраста и увеличение количество разводов. Такую закономерность можно объяснить тем, что в современном мире сама ценность семьи и ее устойчивость теряют свою значимость среди важнейших и приоритетных основ общественного развития.

Отличительной особенностью такой динамики в республике является уровень неподготовленности молодого поколения к браку, отсутствие государственной поддержки и, конечно, сам процесс глобализации. Здесь необходимо учесть религиозную и культурную особенности развития семьи в Республике Таджикистан и делать упор на сохранение ценности семьи, посредством разработки различных государственных программ для укрепления семьи.

Список литературы

1. Исламов Ф. С. Тенденция демографического развития РТ. - Душанбе, «Дониш», 2005. с.25.
2. Демографический ежегодник РТ, г. Душанбе, 2019 г. С. 220.
3. Демографический ежегодник РТ, г. Душанбе, 2019 г. С. 220-224.
4. http://demoscope.ru/weekly/app/app4019.php.
5. Демографический ежегодник РТ, 2018 г. С. – 231-232.
6. Демографический ежегодник РТ, г. Душанбе, 2019 г. С. 229.
7. http://demoscope.ru/weekly/app/app4019.php.

УДК 314.9 (571.6)

Суховеева Анна Борисовна
к.г.н., научный сотрудник, ИКАРП ДВО РАН, г. Биробиджан, Россия

Проблемы сохранения численности и естественного воспроизводства населения регионов Дальнего Востока России

Аннотация. *Показано, что население ДВР убывает быстрее, чем в целом по стране по причинам миграции и депопуляции населения. Сделать вывод, что существующая диспропорция между численностью населения и размерами территории ДВР при сохраняющейся демографической тенденции заметно возрастет.*

***Ключевые слова**: численность населения, коэффициент демографической нагрузки, суженный тип воспроизводства, регионы, Дальний Восток.*

Современные тенденции в демографических процессах складывались постепенно и в немалой степени определялись характером их развития в прошлом. Развал хозяйственных связей, начиная с 1991 г. стал основным фактором спада производства. Население отреагировало на все экономические и политические катаклизмы, проявив осознанное стремление приспособиться к изменению условий своего существования [1]. В свою очередь социальные катаклизмы, произошедшие в стране, серьезно повлияли на динамику численности и возрастной состав населения и на десятилетия нарушили ход демографических процессов. Смена ориентиров в обществе отразилась на различных сторонах жизни населения, в том числе на уровне здоровья [2]. Существенные перемены претерпели процессы смертности, инвалидности, заболеваемости населения.

Последняя зафиксированная максимальная численность населения на Дальнем Востоке России (ДВР) – 8056,6 тыс. чел. была отмечена по состоянию на 01.01.1991 г. С этого момента и по сегодняшний день во всех регионах округа, кроме Республики Саха (Якутия), стабильно уменьшается число жителей по причинам депопуляции и миграции населения.

На 01.01.2017 г. численность населения ДВР к уровню 2010 г. составила 0,98% (6165 тыс. чел.), а к уровню 1991 г. – 0,76%. Потери составили 1892 тыс. чел., что соответствует нынешней общей численности населения северных регионов округа – Республика Саха (Якутия), Магаданской, Сахалинской областей, Камчатского края (табл. 1).

Наиболее существенные потери в численности населения за 2010-2017 гг. понесли Приморский край – 3% от населения региона (40 тыс. нас.), Амурская – 4% населения (31 тыс. нас.), Магаданская - 9,5% (15 тыс. нас.) и Еврейская автономная области (ЕАО) – 8% населения (14 тыс. чел.). Численность жителей Республики Саха (Якутия) за исследуемый период увеличилась на 6 тыс. человек за счет высокой рождаемости в регионе (в 2010-2017 гг. – 16,2…14,5‰ соответственно). В 2017 г. Якутия занимала 7-е место (из 85 регионов) в общем рейтинге субъектов РФ и 1-е место среди субъектов ДВР [3].

Анализ распределения населения по типу местности в регионах округа показал, что традиционно во всех субъектах преобладает городское население (75,8% в целом по округу). Максимальный уровень урбанизации характерен для Магаданской области (95,9%), Хабаровского края и Сахалинской области (по 82%).

Для населения ДВР, кроме Республики Саха (Якутия), типичен суженный тип воспроизводства населения, когда численность уходящего поколения людей превышает численность вступающего в жизнь поколения, и «старение» населения (т.е. увеличение доли пожилых людей в общей численности населения). Для Якутии, с суммарным коэффициентом рождаемости на уровне 2,1-2,2 ребенка на 1 женщину, характерно простое воспроизводство населения [3].

Таблица 1 - Демографические показатели регионов РФ [3]

	Численность населения, тыс. чел.		Коэффициент смертности, на 1000 умерших		Коэффициент демографической нагрузки, на 1000 чел. трудоспособного возраста приходится лиц соответствующего возраста			
					Моложе трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	2010	2017	2010	2017	2010	2017	2010	2017
РФ	142865	146880	14,2	12,4	264	331	362	454
ДВР	6285	6165	13,8	12,1	275	342	302	387
Республика Саха (Якутия)	958	964	9,8	8,1	365	428	201	293
Камчатский край	322	316	12,6	11,0	263	311	266	340
Приморский край	1953	1913	14,3	13,3	245	309	343	429
Хабаровский край	1343	1328	14,6	13,0	247	323	327	394
Амурская область	829	798	15,3	13,4	292	361	314	405
Магаданская область	159	144	13,0	11,4	254	316	254	358
Сахалинская область	497	490	14,9	12,0	265	341	310	409
Еврейская АО	176	162	15,5	13,3	299	377	312	410
Чукотский АО	51	50	13,8	9,4	334	369	154	236

Особенностью в изменении возрастного состава в субъектах округа является увеличение долей населения моложе трудоспособного и старшетрудоспособного возрастов. Так, удельный вес населения пожилых возрастов существенно вырос к 2017 г. против 2010 г. в Республике Саха (Якутия) на 45,7%, в Чукотском автономном округе на 53,2%, в Магаданской области на 40,9% (при общероссийском и среднеокружном значениях на 25,4% и 29,1% соответственно) [3]. Увеличение нагрузки населением старше трудоспособного возраста указывает на существующие риски в социально-экономической ситуации в регионе, а именно на резкое постарение населения, увеличение нагрузки на трудоспособных жителей занятых трудовой деятельностью, и повышения числа лиц, имеющих право на набор социальных услуг [4]. При данном соотношении занятого населения и числа иждивенцев трудно будет обеспечить высокий уровень и качество жизни населению в регионах.

Сравнительный анализ по коэффициенту демографической нагрузки по регионам ДВР за 2010-2017 гг. показал значительный прирост лиц моложе трудоспособного возраста - Приморский край на 26,1%, Амурская, Сахалинская, Еврейская автономная области на 23,6%, 28,6%, 26,0%

соответственно (в среднем по России на 25,3%) [3]. Данный факт позволяет рассматривать это как положительный элемент в формировании трудовых ресурсов при условии закрепления населения на территории ДВР.

Таким образом, можно сделать вывод, что существующая диспропорция между численностью населения и размерами территории ДВР при сохраняющейся тенденции в значительном сокращении численности населения во всех регионах округа (кроме Республики Саха (Якутия)) заметно возрастет. Данный демографический потенциал недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и создания развитой, более или менее сплошной поселенческой и экономической структуры. Население округа убывает быстрее, чем в целом по стране. Данные тенденции вызывают определенную обеспокоенность возможным нарушением в округе геополитического равновесия. Поэтому сохранение численности и закрепление населения на территории всех регионов ДВР, носит огромное стратегическое значение для безопасности России.

Список литературы

1. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России / Е.Л. Мотрич; отв. ред. П.А. Минакир; Рос. Акад. Наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т Экон. Исследований. Владивосток – Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.

2. Суховеева А.Б. Территориальная дифференциация показателей здоровья населения Дальневосточного региона в условиях трансформации социально-экономической среды // География и природные ресурсы. 2013. №3. С. 105-110.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 23.03.2019).

4. Казакова Е.В. Оценка численности населения, изменения возрастно-полового состава в субъектах РФ на территории ДФО // Якутский медицинский журнал. 2017. №3. С. 88-92.

УДК 314.144

Тельнов Виталий Иванович
к.мед.н., ведущий научный сотрудник, ФГУП Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России, г. Озерск, Челябинская область, Россия

Сравнительная динамика продолжительности жизни у населения субъектов РФ при основных причинах смерти (2005-2018 годы)

Аннотация. *Актуальность проблемы обусловлена сравнительно низкой продолжительностью жизни (ПЖ) у населения РФ. Цель – сравнительная оценка динамики ПЖ в субъектах РФ. Оценивали темпы изменения ПЖ, потерянных годов потенциальной жизни (ПГПЖ) и вклада в них смертности и возраста смерти. Повышение ПЖ, снижение ПГПЖ и*

вклады смертности и возраста смерти имели общую направленности и выраженные региональные особенности.

***Ключевые слова**: продолжительность жизни, основные причины смерти, население субъектов РФ, сравнительный анализ динамики, вклад смертности и возраста смерти*

Введение. Продолжительность жизни (ПЖ) – одна из ведущих медико-демографических характеристик, обусловленная многими, в том числе экологическими факторами. До последнего времени для оценки ПЖ использовался ряд традиционных статичных показателей, например, ПЖ при рождении, которая практически не отражала жизненный потенциал индивида, реализующийся в течении всей жизни. Более точно жизненный потенциал характеризуют потенциальные демографические показатели, в частности показатель потерянных годов потенциальной жизни (ПГПЖ), который учитывает не только интенсивность процесса вымирания, но и возраст смерти в виде числа человеко-лет недожитых до определенного возрастного норматива.

Материалы и методы. Материалом для анализа явились, данные официальной статистики 2005 и 2018 годов, представленные в Демографических ежегодниках России 2006 и 2019 годов издания [1,2]. Анализ включал сравнение динамики ПЖ, ПГПЖ в субъектах РФ при всех и основных причинах смерти, а также оценку вклада в изменения ПГПЖ уровней смертности и возраста смерти. Последние учитывали как стандартизованные коэффициенты смертности и средний возраст смерти при основных причинах. Анализ проводили по данным следующих субъектов РФ: Центрального федерального округа (ЦФО), Северо-Западного федерального округа (СЗФО), Южного федерального округа (ЮФО), Приволжского федерального округа (ПФО), Уральского федерального округа (УФО), Сибирского федерального округа (СФО) и Дальневосточного федерального округа (ДВФО). В качестве основных причин смерти анализировали: инфекции (ИНФ), злокачественные новообразования (ЗНО), болезни системы кровообращения (БСК), болезни органов дыхания (БОД), болезни органов пищеварения (БОП) и внешние причины (ВН). Оценку ПГПЖ проводили на основе европейского гендерного стандарта ОПЖ при рождении, который был принят нами в качестве стандарта продолжительности потенциальной жизни, а именно: 77 лет для мужчин и 83 года для женщин. Рассчитывали 4 варианта динамики ПГПЖ с 2005 по 2018 годы: при отсутствии изменений уровней смертности и возраста смерти, при изменении каждого из этих факторов в отдельности и при изменении обоих факторов [3]. На основе полученных оценок определяли вклад уровней смертности, возраста смерти и прочих факторов в изменение ПГПЖ при всех и основных причинах.

Результаты исследования и их обсуждение. В таблице 1 представлены данные о ПЖ у населения субъектов РФ в 2005 году и ее сдвиги (в %) в 2018 году.

Таблица 1-Продолжительности жизни (лет) населения субъектов РФ в 2005 году и сдвиг продолжительности жизни к 2018 году при основных причинах смерти*

При-чины смерти	Субъекты Российской Федерации															
	РФ		ЦФО		СЗФО		ЮФО		ПФО		УФО		СФО		ДВФО	
	2005	2018	2005	2018	2005	2018	2005	2018	2005	2018	2005	2018	2005	2018	2005	2018
	ПЖ	Сдвиг ПЖ, %	ПЖ	Сдвиг ПЖ, %	ПЖ	Сдвиг ПЖ, %	ПЖ	Сдвиг ПЖ, %	ПЖ	Сдвиг ПЖ, %	ПЖ	Сдвиг ПЖ, %	ПЖ	Сдвиг ПЖ, %	ПЖ	Сдвиг ПЖ, %
Мужчины																
Все	58,9	14,8	59,8	14,9	57,3	18,3	62,2	12,2	58,6	14,0	58,8	13,1	56,2	15,7	56,2	15,7
ИНФ	44,3	0,5	44,1	3,9	43,9	4,8	45,3	5,3	43,7	-2,1	44,6	-2,9	44,6	-1,6	44,4	5,0
ЗНО	64,4	6,7	64,9	6,9	64,7	7,9	65,1	5,2	63,7	6,4	64,8	6,3	63,6	7,2	63,1	7,0
БСК	66,6	7,4	67,0	7,6	64,4	12,1	69,0	5,4	66,5	7,1	66,9	6,0	65,6	6,7	64,4	7,8
БОД	58,6	17,9	58,2	20,6	54,5	24,2	60,9	16,4	59,8	14,4	60,2	16,4	58,7	16,7	52,8	26,9
БОП	54,0	13,9	53,6	15,7	53,0	14,5	56,5	11,3	53,0	13,4	55,7	11,1	53,8	14,3	52,8	14,4
ВП	43,2	13,0	43,9	11,6	42,7	16,4	44,3	11,1	43,4	12,9	43,5	12,4	41,8	13,9	41,7	13,7
Женщины																
Все	72,4	7,3	73,3	7,0	71,4	9,0	74,1	5,9	72,6	6,9	72,2	6,8	70,1	8,6	69,4	8,5
ИНФ	42,5	5,9	41,6	13,9	44,7	6,5	41,7	13,7	41,2	2,4	42,7	1,4	44,4	0,7	42,4	12,5
ЗНО	66,9	5,5	67,5	5,9	67,9	6,6	66,8	4,2	65,9	5,2	67,6	5,6	66,3	5,9	66,1	5,1
БСК	77,2	4,1	77,9	3,9	76,3	6,6	78,0	2,8	77,2	4,0	77,3	4,0	76,2	4,6	75,1	4,7
БОД	64,9	14,5	65,5	15,1	59,1	25,0	67,4	12,3	66,8	10,5	65,1	14,7	65,1	12,3	59,4	23,2
БОП	61,5	14,0	61,4	15,6	61,2	13,2	64,8	10,0	60,3	14,1	63,1	12,2	60,6	15,5	60,4	12,6
ВП	49,4	15,0	50,4	15,9	49,0	15,9	49,8	13,3	50,0	12,4	51,2	14,8	47,8	18,0	46,6	12,0

* -– знаком минус отмечен отрицательный сдвиг, то есть сокращение продолжительности жизни

Видно, что при всех причинах смерти, за исключением инфекционных, во всех федеральных округах и в РФ в целом наблюдалось повышение ПЖ, которое колебалось у мужчин от 12,2 (ЮФО) до 18,3 (СЗФО) %, составляя в среднем по России 14,8%, а у женщин – от 5,9 (ЮФО) до 9,0 (СЗФО)%, составляя в среднем по России 7,3%, то есть в 2 раза меньше. При этом динамика ПЖ при инфекциях не имела каких-либо закономерностей. Темпы повышения ПЖ при ЗНО у мужчин колебались от 5,2 (ЮФО) до 7,9 (СЗФО) %, составляя в среднем по России 6,7%, а у женщин – от 4,2 (ЮФО) до 6,6 (СЗФО)%, составляя в среднем по России 5,5%, то есть были довольно близкими. Различия в ПЖ между мужчинами и женщинами при ЗНО были самыми минимальными, составляя в 2005 и 2018 годах 2,5 и 1,9 года соответственно. Темпы повышения ПЖ при БСК у мужчин колебались от 5,4 (ЮФО) до 12,1 (СЗФО) %, составляя в среднем по России 7,4%, а у женщин – от 2,8 (ЮФО) до 6,6 (СЗФО)%, составляя в среднем по России 4,1%, то есть были практически в 2 раза меньше. Темпы повышения ПЖ при БОД характеризовались наибольшими различиями между субъектами как у мужчин: от 14,4 (ПФО) до 26,9 (ДВФО) %, составляя в среднем по России 17,9%, а у женщин – от 10,2 (ЮФО) до 23,2 (ДВФО)%, составляя в среднем по России 14,5%, что свидетельствует о небольших гендерных различиях. Темпы повышения ПЖ при БОП колебались у мужчин от 11,1 (УФО) до 15,7 (ЦФО) %, составляя в среднем по России 13,9%, а у женщин – от 10,0 (ЮФО) до 15,6 (ЦФО)%, составляя в среднем по России 11,0%, что свидетельствует о полуторных гендерных различиях. И, наконец, темпы повышения ПЖ при ВП колебались у мужчин от 11,1 (ЮФО) до 16,4 (СЗФО) %, составляя в среднем по России 13,0%, а у женщин – от 12,0 (ДВФО) до 18,0 (СФО)%, составляя в среднем по России 15,0%, что свидетельствует о несколько больших темпах повышения ПЖ при ВП у последних.

В целом по России темпы повышения ПЖ ранжировались в порядке увеличения следующим образом: у мужчин – ЗНО<БСК<ВП<БОП<БОД, а у женщин несколько иначе – БСК<ЗНО<БОП<БОД<ВП (табл. 1). При этом ЗНО<БСК у мужчин и БСК<ЗНО у женщин наблюдались практически во всех субъектах. В отношении темпов повышения ПЖ при других причинах смерти следует отметить, что, как у мужчин, так и у женщин они были более высокими по сравнению с ЗНО и БСК. При этом у мужчин темпы ранжировались в порядке – ВП<БОП<БОД в пределах от 13,0 до 17,9%, а у женщин – БОП<БОД<ВП в пределах от 14,0 до 15,0%.

Из таблицы 2 видно, что у мужчин все ПГПЖ в 2005 и 2018 году были в 3,5 раза больше, чем у женщин. При этом, как у мужчин, так и у женщин снижение ПГПЖ при всех и отдельных причинах смерти в 2018 году было довольно близким по отношению к 2005 году. Наибольший вклад в снижение ПГПЖ у мужчин и женщин был обусловлен снижением прежде всего ПГПЖ при БСК и ВП. В целом темпы снижения ПГПЖ у мужчин и женщин составили при всех причинах – 68 и 67%, при ЗНО – 45 и 32%, при БСК – 72 и 78%, при БОД – 78 и 72%, при БОП – 44 и 47% и при ВП – 64 и

65% соответственно. Подобная картина отмечена и для сдвигов ПГПЖ в субъектах РФ.

Таблица 2-Снижение ПГПЖ и вклады в понижения смертности (ПС) и повышения возраста смерти (ПВС) в динамику ПГПЖ населения субъектов РФ при основных причинах смерти с 2005 по 2018 годы

Причины смерти	РФ					Разброс показателей в субъектах РФ		
	ПГПЖ, лет			Вклады, %		Сдвиги ПГПЖ, лет	Вклады, %	
	2005	2018	Сдвиг	ПС	ПВС		ПС	ПВС
Мужчины								
Все	39340	12609	-26731	44	56	(-18975)–(-34074)	42-47	53-58
Инфекции	1475	1021	-454	98	2	(-1106)–(+284)	76-100	24-0
ЗНО	3484	1925	-1559	32	68	(-1068)–(-1841)	18-42	63-82
БСК	11863	3293	-8570	50	50	(-5748)–(-12507)	44-55	45-56
БОД	2164	480	-1684	46	54	(-1015)–(-2304)	32-50	50-68
БОП	2001	1130	-871	33	67	(-671)–(-1172)	20-44	56-80
ВП	11918	4317	-7600	77	23	(-4714)–(-10860)	75-79	21-25
Женщины								
Все	10957	3628	-7329	40	60	(-5494)–(-10616)	39-44	56-61
Инфекции	421	498	+77	100	0	(-52) –(+473)	23-100	0-77
ЗНО	2156	1472	-684	33	67	(-612)–(-849)	22-50	50-78
БСК	3720	819	-2901	48	52	(-632)–(-3879)	39-54	46-61
БОД	485	138	-347	44	56	(-270)–(-567)	26-51	49-74
БОП	929	495	-433	22	78	(-229)–(-666)	10-41	59-90
ВП	2759	954	-1805	72	28	(-1019)–(-1872)	69-76	24-31

При оценке вклада пониженной смертности (ПС) и повышениого возраста смерти (ПВС) в снижение ПГПЖ при всех причинах смерти у населения РФ наибольший вклад вносил ПВС по сравнению с ПС: у мужчин 56 против 44%, у женщин – 60 против 40% (табл. 2). Данный эффект наблюдался при ЗНО, БОД и БОП. При БСК вклады обоих факторов были практически одинаковыми (по ~50%), а при инфекциях и ВП преобладал вклад ПС относительно ПВС. Подобные соотношения вкладов ПС и ПВС при всех и отдельных причинах смерти отмечались, как видно из таблицы 2, и в субъектах РФ.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что с 2005 по 2018 годы в РФ и всех субъектах РФ, наблюдалась однотипная динамика ПЖ и такого важного показателя потенциальной ПЖ, как ПГПЖ. Несмотря на определенные различия в значениях ПЖ и ПГПЖ при всех и отдельных причинах смерти и вклада в их

динамику ПС и ПВС в разных федеральных округах, в целом в РФ и во всех ее субъектах отмечены одинаковые тенденции повышения ПЖ и снижения ПГПЖ, обусловленные снижением уровня смертности и повышением возраста смерти. При этом наблюдаемые тенденции при их общей направленности в РФ и ее субъектах имеют выраженные региональные особенности.

В целом, полученные в данном исследовании результаты свидетельствуют о том, что к 2018 году, как у мужчин, так и у женщин наибольший вклад в снижение ПГПЖ, а в конечном счете в повышение ПЖ, в РФ и ее субъектах при всех причинах смерти, в том числе при ЗНО, БОД и БОП вносит повышение возраста смерти при одинаковом вкладе обоих факторов в случаях БСК, а при инфекциях и ВП снижение уровня смертности. Следует отметить, что в 2010 году относительно 2005 года вклад повышения возраста смерти в процесс снижения ПГПЖ у населения РФ был меньше, чем снижения уровня смертности, однако, он превалировал в случаях смерти от БСК у мужчин и в случаях ЗНО у мужчин и женщин [4]. Это обстоятельство свидетельствует о целесообразности динамического мониторинга за ПЖ, ПГПЖ и вклада в их изменения уровня смертности и возраста смерти, что позволит оценить улучшение социально-экономических условий, в том числе эффективности мероприятий первичной и вторичной профилактики заболеваний, способствующих улучшению статичных и потенциальных показателей ПЖ.

Список литературы

1. Демографический ежегодник России, 2006: Стат. сб. / М.: Росстат, 2006. 561 с.

2. Демографический ежегодник России. 2019: Стат. Сб. / М.: Росстат, 2019. 252 с. https://gks.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf

3. Тельнов В.И. Плутоний и сокращение продолжительности жизни у профессиональных работников // Гигиена и санитария. 2015. Т. 94.№ 3. С. 56-60.

4. Тельнов В.И., Тихонова М.А. Вклад смертности и возраста смерти в динамику потерянных лет потенциальной жизни у населения Уральского федерального округа и Российской федерации / Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 159-163.

УДК 338.1
Тишков Сергей Вячеславович
к.эк.н., ученый секретарь, Карельский Научный Центр Российской Академии Наук, г. Петрозаводск, Россия
Ромашкина Юлия Валерьевна
младший научный сотрудник, Карельский Научный Центр Российской Академии Наук, г. Петрозаводск, Россия

Трудовой потенциал Арктических территорий и его роль в социально экономическом развитии[84]

Аннотация. *Анализ количественных характеристик трудового потенциала исследуемых регионов показал стабильную негативную динамику на протяжении всего постсоветского периода. Выявлен ряд причин, способствующих оттоку населения из регионов Арктики, важнейшими из которых являются низкий уровень жизни по сравнению со среднероссийскими показателями, а также неэффективное функционирование механизмов северных гарантий и компенсаций. При этом качественные характеристики трудового потенциала, в частности, уровень образования населения можно повысить за счет имеющегося образовательного потенциала соседних регионов.*
Ключевые слова*: трудовой потенциал, Арктические территории, миграция населения, рынок труда*.

Несмотря на природные богатства, самым ценным ресурсом Арктики следует считать человеческий капитал. Это важнейший источник благополучия и экономического развития, поэтому сохранение населения, рост демографического потенциала, благосостояния людей и уровня их жизни необходимо рассматривать в качестве приоритетных задач в развитии Арктики. Демографический потенциал, являясь частью трудового потенциала, формируется за счет основных демографических показателей – естественного движения населения, рождаемости и смертности, миграционных потоков.

Анализ естественного движения населения показал, что период с 1993 года по настоящее время наблюдается естественная убыль населения в большинстве регионов России. Среди исследуемых регионов, только Ненецкий автономный округ показывает постоянный рост населения за счет естественного движения. За период с 2000 по 2018 гг. превышение рождаемости над смертностью в Мурманской области и в Республике Коми наблюдалось только в течение 4 лет и 6 лет, соответственно (рисунок 1).

[84] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-310-70005 «Развитие методов оценки и повышения энергоэффективности экономики Арктической зоны Российской Федерации на основе экономико-математического моделирования»

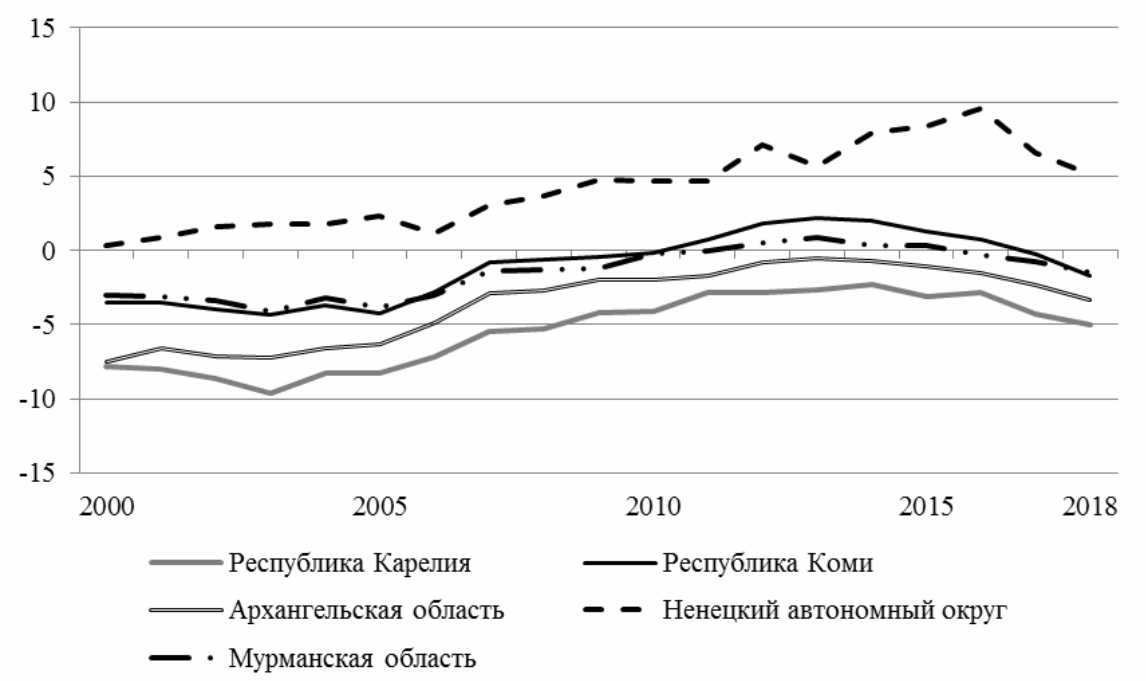

Рисунок 1 - Естественный прирост населения за период 2000-2018 гг., человек на 1000 человек населения (по данным Росстата)

Несмотря на демографическую политику государства, направленную на стимулирование рождаемости и снижение смертности, рост численности населения за счет этих показателей является долгосрочным проектом. Поэтому не менее важным показателем в формировании демографического, а впоследствии и трудового потенциала территории является миграция населения.

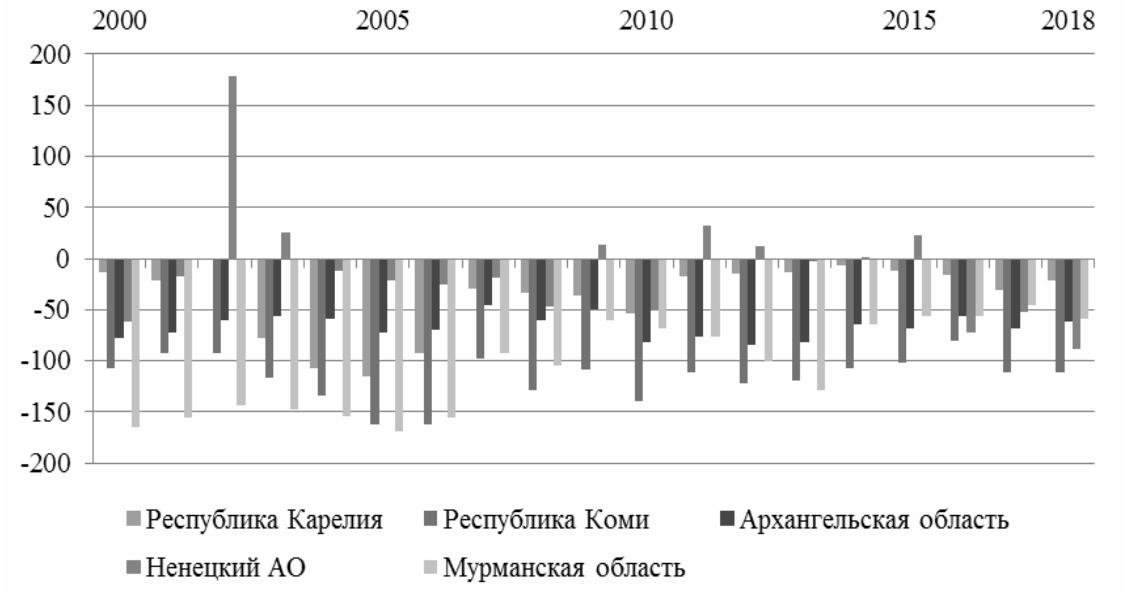

Рисунок 2 – Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения за период 2000-2018 гг. (по данным Росстата)

Убыль населения в северных регионах особенно заметна ввиду миграционного оттока населения, усиливающего территориальную

диспропорцию в численности и плотности населения. Направление миграционных потоков с севера на юг и с периферии к центру является глобальной тенденцией и наблюдается по всему миру.

Стоит отметить, что заселение Арктики в советский период происходило преимущественно за счет принудительной миграции. После развала Советского Союза миграция населения в большей степени стала экономически-мотивированной.

Таблица 1-Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по территориям нахождения их работы (въезд в субъекты Российской Федерации) по данным выборочного обследования, тыс. чел.

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Республика Карелия	0,9	0,8	1,4	1,1	2,0	2,3	1,8	1,8
Республика Коми	8,0	13,7	14,0	16,5	16,1	19,2	16,8	17,7
Мурманская область	3,5	3,8	5,8	6,3	6,5	6,5	9,1	8,9
Архангельская область	3,0	8,3	9,0	6,3	7,8	5,4	5,9	9,0
в том числе								
Ненецкий автономный округ (АО)	0,4	1,1	3,9	2,4	2,3	1,2	3,6	3,7
Архангельская область без Ненецкого АО	2,6	7,1	5,1	3,9	5,4	4,2	2,3	5,3

Роль рынка труда в формировании трудового потенциала регионов

Важным условием закрепления населения в северных территориях является развитие рынка труда. В таблице 1 приведены показатели трудовой миграции по регионам. Трудовая миграция в Северных регионах это, как правило, сезонная работа или работа вахтовым методом. Система северных гарантий и компенсаций не позволяют сохранить уровень жизни местного населения на среднероссийском уровне. Кроме того, за последние 10 лет средняя заработная плата в отдельных регионах снизилась относительно среднероссийского уровня, а в Республике Карелия и Архангельской области в течение всего периода была стабильно ниже. Это говорит о низкой эффективности механизма северных гарантий и компенсаций в части регулирования доходов населения, проживающих и работающих в тяжелых природно-климатических условиях. Кроме того, в исследуемых регионах наблюдается высокий уровень безработицы.

Помимо несовершенства механизма северных гарантий и компенсаций, барьером для изменения направления миграции с юга на север выступает рынок жилья и неразвитость рынка аренды жилья. Поэтому для привлечения и удержания населения в Арктических регионах, необходимо

разрабатывать механизмы, благодаря которым переезд на постоянное место жительства с юга страны на север сопровождалось ростом реальных доходов, уровня и качества жизни и низкими барьерами для закрепления на местах. Однако на сегодняшний день такие механизмы не получили должного распространения, и миграция населения является фактором сокращения, а не роста численности населения Арктики.

Список литературы.

1. Арктика // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Советская Энциклопедия, 1970. Т.2. С. 203-205.
2. Гасникова А.А. Некоторые вопросы развития альтернативной энергетики в регионах севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. №4 (35). С. 51–56.
3. Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России: монография / отв. ред. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2018.
4. Елисеев Д.О., Наумова Ю.В. Проблемы и перспективы развития возобновляемой энергетики в Арктической зоне России // Modern Economy Success. 2019. №6. С. 51-57.
5. Змиева К.А. Проблемы энергоснабжения Арктических регионов // Российская Арктика. 2020. №8. С. 5-14.
6. Коровкин А.Г. Макроэкономическая оценка состояния региональных рынков труда Европейской части Российской Арктики // Проблемы прогнозирования. 2016. №1. С. 74-89.
7. Коровкин А.Г. Макроэкономическая оценка состояния региональных рынков труда Азиатской части Российской Арктики // Проблемы прогнозирования. 2016. №2. С.69-86.
8. Корчак Е.А. Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России // Арктика и Север. 2019. №36. С. 5–23.
9. Корчак Е.А., Скуфьина Т.П. Трудовой потенциал как социальный фактор саморазвития регионов и местных сообществ Арктической зоны России // Теория и практика общественного развития. 2018. №10. С. 44-48.
10. Корчак Е.А. Трудовой потенциал северных регионов в рамках реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Апатиты: КНЦ РАН, 2017.

УДК 433.91.914
Толстых Оксана Николаевна
к.г.н., доцент кафедры туризма и гостиничного дела ФГБОУ ВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК)», г. Москва, Россия

Этнокультурные территориальные комплексы на примере коренных народов провинции Квебек (Канада)

Аннотация. *В статье рассматриваются этнокультурные территориальные комплексы коренных народов провинции Квебек. Раскрывается и анализируется современное расположение резерваций «первых наций» Квебека. Предлагаются подробные картографические материалы, наглядно иллюстрирующие теоретический блок публикации.*

Ключевые слова*: этнокультурный территориальный комплекс, коренные народы, провинция Квебек, Канада, геоэтнокультурная система, этнос.*

Под этнокультурными территориальными комплексами (ЭТК) понимают этнокультурные системы, сложившиеся в результате синхронного взаимодействия этнокультурных групп друг с другом и с вмещающим ландшафтом на определенной территории в течение длительного исторического периода [1]. Чаще всего исследуя ЭТК отдельных регионов, подразумевается работа с территориальной организацией этнической культуры, также рассматриваются пространственно – временные взаимосвязи, как внутри конкретного ЭТК, так и во взаимосвязи одной системы (ЭТК) с аналогичными. Также анализируются факторы, определяющие развитие и функционирование ЭТК. Географические различия отдельных элементов ЭТК являются важной частью анализа в общей исследовательской работе.

В основе любого ЭТК всегда находятся носители этнической культуры, другими словами, этнос. А этническую культуру в свою очередь следует трактовать, как совокупность накопленных и созданных материальных и духовных ценностей. Создает культуру материальную и духовную именно этнос.

Наиболее стабильные и основополагающие элементы этнической культуры (По Герасименко Г.И. 2005 г.) это: миропонимание, мораль, система ценностей, нравственность, национальный характер, менталитет. А такие признаки, как религия, язык, способы и орудия производства важны, они имеют пространственно – территориальные различия, но они менее стабильны, могут заимствоваться, меняться или вообще в целом исчезать.

Этническая культура является частью сложного и многогранного понятия «феномена культуры ЭТК». ЭТК в свою очередь различаются по территориальному охвату, составу, территориальной структуре, географическому расположению. Из этих характеристик можно провести

параллель между понятиями ЭТК и геосистемы. По большому счету это взаимосвязанные понятия, имеющие общий термин «геоэтнокультурные системы» - ГЭКС (Дружинин А.Г. 1999 г.).

Территориальная структура этнокультурной среды провинции Квебек представляет собой пространство разного иерархического уровня (региональный ЭТК и локальный ЭТК). Как и другие территории Канады, провинция Квебек – это многонациональная территория, где проживает большое количество этносов, но данная публикация будет посвящена коренным народам провинции Квебек.

Как правило, в поликультурных регионах представленные культуры неравномерны по своей роли. Провинция Квебек не исключение. Здесь выделяется доминирующая культура французских переселенцев, укоренившаяся после освоения ими новых земель и их дальнейшего заселения. Другими словами, французская культура является привнесенной, как и многие другие на сегодняшний день после открытия официальных иммиграционных программ. Таким образом, Канада и Квебек в частности являются территориями смешения большого количества этносов. Также Квебек – это провинция, обладающая ЭТК коренных народов или, как их называют согласно Конституции Канады 1982 года, «первые нации» [5]. Конституция - это основной законодательный акт, который регулирует отношения между коренными народами и правительством Канады [2]. К «первым нациям» согласно данному документу относят инуитов, метисов и индейцев.

Всю территорию Канады делят на 6 зон по принципу «культурных ареалов» (Рис. 1). Провинция Квебек попадает в 2 зоны: Северная часть территории провинции в Субарктический регион и Южная часть в Северо-Восточный регион. Подробно об этом можно прочитать в публикации Толстых О.Н. и Беломестновой М.Е. [3].

На сегодняшний день на территории провинции Квебек проживают представители 11-ти племен, общим количеством 182 890 человек (перепись 2016 г.) [6]. Это составляет 2,3% от общего количества жителей в провинции. На долю индейцев приходится 92 650 человек, метисов – 69 360 человек, инуитов – 13 940 человек. Подробная карта с территориальным расположением мест проживания коренных народов провинции Квебек представлена на рисунке 2. Племена Инуитов, Инну, Кри и Наскапи располагаются в зоне 2 (Субарктический регион согласно районированию территории по принципу «культурных ареалов»). Остальные племена довольно равномерно размещены в Южной части провинции Квебек, входящей в Северо-Восточный регион.

Далее представлена краткая информация о коренных народах провинции Квебек, которые образуют этнокультурные территориальные комплексы.

Племя Абенаки (Abenakis) – название народа Абенаки происходит от слов Waban и aki, что означает «земля восходящего солнца». Резервации находятся в городах Оданак (Odanak) и Волинак (Wôlinak). Представители

данного народа впервые появились на территории США (современные штаты Мэн, Вермонт и Нью-Гемпшир). Они известны своим плетением, традиционными танцами, изготовлением масок, тотемов и открытием первого музея коренных народов в провинции Квебек.

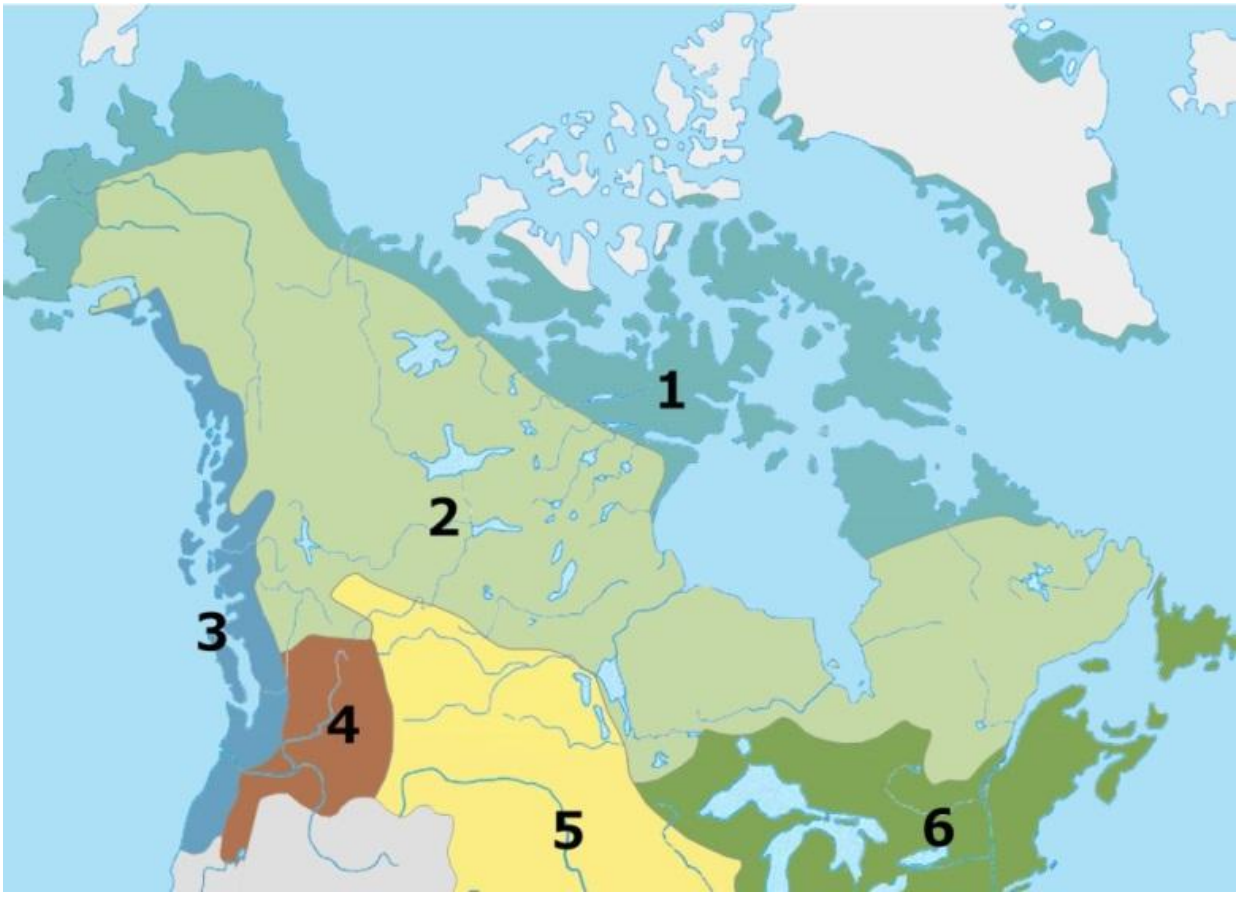

Рис. 1. Зоны проживания коренных народов Канады по принципу культурных «ареалов» [3]
(1 –Арктический регион, 2 – Субарктический регион, 3 – Регион Северо-Западное побережье, 4 – Регион Плато, 5 – Регион Равнин, 6 – Северо-Восточный регион)

Племя Алгонкины (Algonquins) – места проживания расположены в западном Квебеке. Алгонкины и сегодня очень близки к своим корням и сохраняют образ жизни предков. Большинство из племени говорит на своем родном языке, на котором их имя означает «реальные люди». Одежда из лося, корзинки из бересты, вышивка бисером, и тикинаган (традиционный кенгуру) являются символами ремесленничества алгонкинов.

Племя Атикамек (Atikamekw) – представители данного племени сегодня стремятся к современному образу жизни и экономическому развитию. Их общество уважает традиции сегодняшнего мира и законы окружающей среды. Atikamekwявляются мастерами работы по коре, изготовлению каноэ и изготовлению черничной жевательной конфеты, а также традиционного для Канады кленового сиропа! Название их племени в переводе означает «Белая рыба».

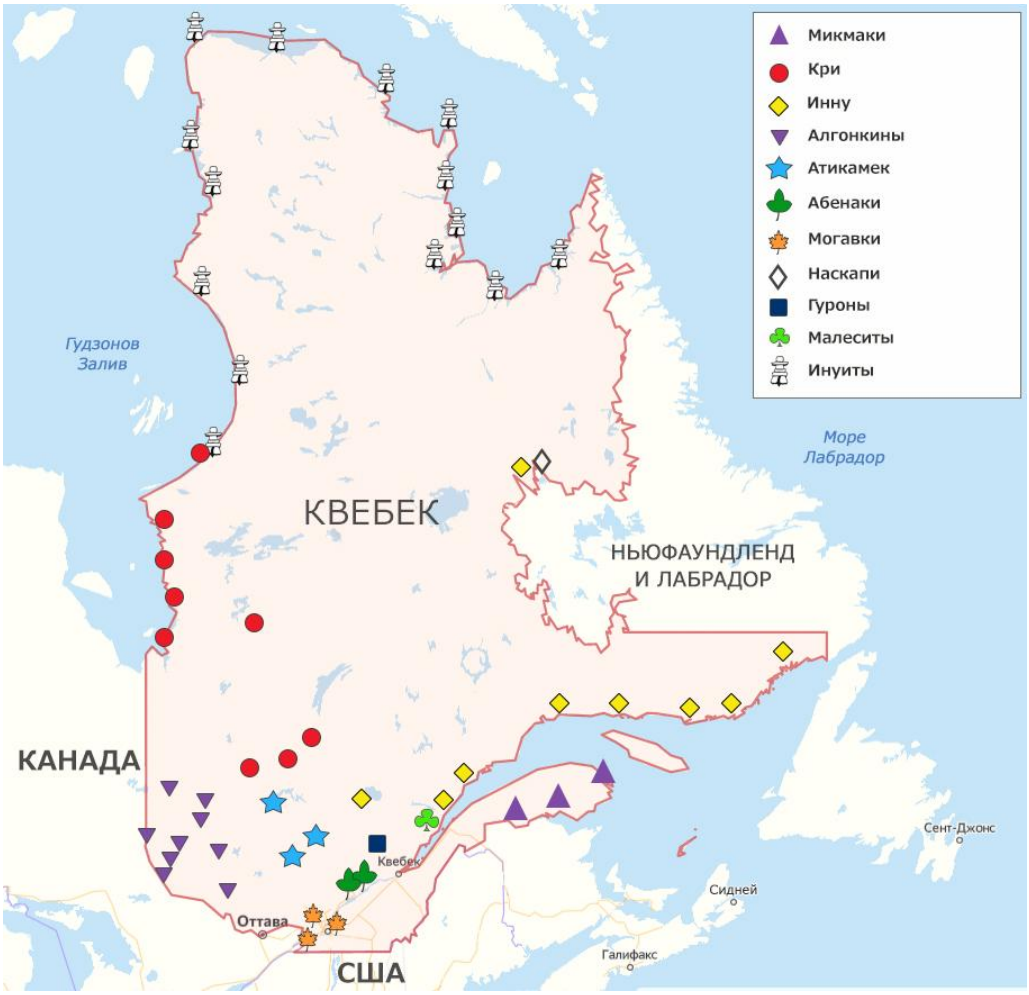

Рис. 2. Зоны проживания коренных народов по принципу культурных «ареалов». Составлено автором на основании [4]

Племя Кри (Cree) – третья по численности населения нация коренных народов в Квебеке. Это большое сообщество, которое вместе с инуитами находилось в центре переговоров 1975 года с федеральными и провинциальными правительствами относительно гидроэнергетических проектов в регионе. Эти действия были решающими шагами к их автономии. Ихкультура живет, и есть несколько видов деятельности, которые активно пропагандируются для большего знакомства с их культурой.

Племя Гуроны (Hurons) – в городке Вендаке (Wendake), недалеко от столицы провинции города Квебек – Сити, располагается сообщество Huron-Wendat. Оно единственное во всей Канаде, а не только в провинции Квебек. Расположенная рядом их бывшая деревня Стадакона обладает качественной инфраструктурой, которая позволила сообществу продвигать свое наследие и развивать сектор культурного туризма.

Племя Инну (Innus) – ранние французские исследователи современной территории Квебека, называли представителей этого племени «Mountaineers», т.е. «альпинистами», благодаря их домам среди небольших гор региона Кот-Норд. Инну является самой густонаселенной нацией в Квебеке. В городке Saguenay-Lac-Saint-Jean (Pekuakami) они известны как Ilnus. Язык innu–aimun все еще широко используется. Культура племени

представлена разными талантами: известные писатели, поэты и певцы. Эта тысячелетняя культура привлекает посетителей и туристов уже много лет не только своей самобытностью, но и настоящей отлаженной системой обслуживания, индустрией туризма.

Племя Инуиты (Inuit) – на инуктитутском языке слово «инуиты» означает «народ». Оно возвращает нас назад во времена, когда жители Арктики, т.е. инуиты, думали, что они были единственными людьми на Земле. Инуиты Квебека проживают в 14-ти деревнях, расположенных на огромных расстояниях друг от друга на севере провинции. Их образ жизни и их искусство, а особенно скульптура, всемирно известны.

Племя Малеситы (Maliseet) – Нация Wolastoqiyik Wahsipekuk (Сен-Лоран Maliseet) - сообщество, живущее в Какуне (Cacouna), на берегу реки Святого Лаврентия (St. Lawrence River). Это отличное место для наблюдения за перелетными птицами и морскими млекопитающими. Именно эти виды туристской активности и продвигают малеситы. Эта нация всегда была известна своей скульптурой, квиллингом, вышивкой бисером и плетением корзин.

Племя Микмаки (Micmacs) – в 16 веке Микмаки встретили первых европейцев на побережье полуострова Гаспе (Gaspé Peninsula). Помощь аборигенов в рыболовстве и навигации оказались решающими для исследователей и торговцев тех лет. Сегодня микмаки делятся своей историей и традициями, активно продвигая туристские места полуострова Гаспе (охота и рыболовство). Музыка лежит в основе ритуалов племени, а праздники и культурные церемонии – основные элементы событийного туризма.

Племя Могавки (Mohawks) – некогда могущественная нация ирокезов, член Лигипяти наций, и сегодня остается сильно привязанной к традициям и ритуалам. Могавки (Ирокезы) – это вторая по численности населения нация в Квебеке. Они смогли сохранить свои ценности и индивидуальность, несмотря на влияние соседних городов.

Племя Наскапи (Naskapis) – представители народа Наскапи обладают глубокими знаниями обширной бореальной области. Наскапи продолжают применять свои традиционные ноу-хау для охоты, рыбалки и туризма в экспедициях по тундре и тайге. Карибу являются основной темой в их мастерстве и народном творчестве.

Весь XX в. и начало XXI в. происходила серьезная деформация всей системы ценности региональной идентичности. Всему виною стали глобальные модернизационные процессы. В такой ситуации становится ясно одно, что именно этнический фактор продолжает быть важнейшей составляющей самобытности народа. А развитие региональных сообществ сегодня происходит именно благодаря народным традициям, которые являются составляющей культурологической основы.

Список литературы

1. Герасименко Т.И. Этнокультурное развитие трансграничных регионов: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. СПб., 2005. С. 44.

2. Толстых О.Н. Региональная политика в сфере туризма на примере северной территории Нунавут (Канада) / Актуальные проблемы развития туризма. Материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 310-315.
3. Толстых О.Н., Беломестнова М.Е. Регионализация в современной Канаде на примере коренных народов: демографический, культурный и географический аспекты // Инновации и инвестиции. 2020. №6. С. 76-79.
4. Комиссия по здравоохранению и социальному обеспечению коренных народов Квебека и Лабрадора https://www.cssspnql.com/en/about-us/communities (дата обращения: 27.07.2020 г.)
5. Сайт законов о правосудии Канады https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page-16.html#h-52 (дата обращения: 27.07.2020 г.)
6. Статистическое управление Канады https://www150.statcan.gc.ca /n1/ en/subjects/indigenous_peoples (дата обращения: 27.07.2020 г.)

УДК 911

Тюрин Александр Николаевич
к.г.н., доцент кафедры географии и МПГД,Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Характеристика населения Оренбургской области на начало XXI века

Аннотация. *В статье представлено современное состояние населения Оренбургской области. Охарактеризованы демографическая составляющая, этнический и конфессиональный состав населения.*

Ключевые слова*: население, Оренбургская область, этнос, религиозный состав, демографическая ситуация.*

Оренбургская область – субъект Российской Федерации с административным центром в городе Оренбурге. В период с 1938 по 1957 год называлась Чкаловской областью. Ранее – Оренбургская губерния. Область расположена на стыке двух частей света – Европы и Азии. Территория области охватывает юго-восточную окраину Восточно-Европейской равнины, южную оконечность Урала и южное Зауралье. Включает в себя следующие административно-территориальные единицы: 35 районов, 12 городов, 1 закрытое административно-территориальное образование [1].

Развитие региона происходило в результате колонизации на стыке культур (кочевой и оседлой; исламской и христианской), ландшафтов (лесных, лесостепных, степных и полупустынных; пойменных, водораздельных, равнинных и низкогорных в пределах Русской равнины, Уральской складчатой страны и возвышенных равнин Зауралья) на протяжении довольно длительного периода [2].

В настоящее время в Оренбургской области наблюдается естественная убыль населения. В 2020 году их количество уменьшилось на 12 тысяч человек, или на 0,65%, и это связано как со снижением рождаемости, так и с оттоком населения.

Лидером по численности населения в области является г.Оренбург – 571 449 человек, на 2 месте г.Орск – 226 638 человек и на 3 месте г.Новотроицк 83 647 человек.

То есть каждые 20 лет численность населения Оренбургской области уменьшается на 220-230 тысяч человек, что сравнимо с населением такого города, как Орск. Именно поэтому изучение демографической ситуации очень важно для дальнейшего существования и развития Оренбургской области.

Современная демографическая ситуация сложилась в результате процесса длительного исторического освоения и заселения нашей области.

В давние времена кочевые народы пересекали территорию Оренбургской области с востока на запад, оставляя здесь свой культурный след. Заселение территории современной Оренбургской области русскими началось в конце 17 века. Огромная территория не была защищена от набегов кочевников, поэтому основную роль в развитии нашего края сыграли казаки, которые не только охраняли границы, но и владели землей и занимались торговлей на ней. В годы Великой Отечественной войны в нашу область приехали люди вместе с эвакуированными предприятиями, в период освоении целинных земель и создании газового комплекса также произошло увеличение населения Оренбургской области. Этот рост произошел в основном за счет центральной и восточной частей Оренбургской области, где был расцвет промышленное производство [2].

Начало значительного и ускоренного роста населения относится к первой половине 18 века, что было связано с масштабным освоением Оренбургского края Российской империей и созданием военного и торгово-экономического центра новой губернии – города Оренбург. Российское правительство стремилось обосноваться на новых территориях, которые быстро развивались и заселялись с выездом из внутренних регионов России. Наличие множества полезных ископаемых и обширных просторов плодородных земель привлекало казаков и крестьян, сельскохозяйственных рабочих и горняков. Создание пограничной полосы укрепленных городов и функциональное развитие Оренбурга как военного форпоста и торгового центра так же способствовало притоку военных и торговых людей.

Устойчивый рост численности населения региона продолжился в XIX и в начале XX века, существенно возрастая в отдельные периоды, например, после отмены крепостного права, когда обретавшие свободу крестьяне получили возможность создавать общины и индивидуальные хозяйства на свободных землях [3].

С 1998 года, когда население области составляло 2,218 млн. человек (исторический максимум!), отмечается тенденция к ежегодному снижению численности населения. С этого момента число жителей области

уменьшилось на 11%. Так, на начало 2001 года этот показатель составлял 2 203 616, а на 1 января 2020 года численность населения равна 1,957 млн. человек, что составляет 23 место по численности субъектов РФ [4; 5].

С конца 90-х и в настоящее время отчетливо проявляется и нарастает новая тенденция трансформации региональной системы расселения, типичная для многих регионов Российской Федерации, но в тоже время с заметной местной спецификой. В течение последних 12-14-ти лет в динамике расселения явственно прослеживается усиление центростремительного вектора. Значительная часть населения области «сдвигается» в центр, где в зоне влияния Оренбургской агломерации интенсивно уплотняется и укрупняется основной массив расселения. Происходит сужение региональной «ойкумены», и переход к ее сжатию диагностирует эволюционную смену тренда в системе расселения – от полицентрической к центрально-периферийной. В региональной тенденции расселения, где исключительным ареалом притяжения населения является город Оренбург и Оренбургский район, прослеживается определенное сходство сюжетной линии расселения в российском измерении с Москвой и Московской областью [8].

Современная этническая мозаика Оренбургской области представляет собой сложный конгломерат народов. Согласно переписи населения на 2010 года в области проживают представители 126 национальностей (из них 26 – малочисленные с населением 1-3 человека). В 2002 году - 119. Крупнейшие из них – русские, татары, казахи, украинцы, башкиры, мордва, чуваши, немцы, белорусы составили 97,7% от населения, указавшего национальную принадлежность (в 2002 году – 97,8%), или 96,8% от всего населения [5].

Совместно с центростремительными тенденциями в расселении свойственными большинству регионам Российской Федерации, нюансировка элементов в пространственно-временной динамике размещения населения Оренбургской области определяет некоторые отличительные черты:

– наименьшая интенсивность заполнения новыми жителями города Оренбурга в отличие от таких региональных центров как Краснодар, Красноярск, Екатеринбург, Новосибирск, Воронеж, Тюмень, Махачкала (Москва и Санкт-Петербург вне конкуренции)

– существование разных пропорций в приросте городского и сельского населения в Оренбурге и Оренбургском районе. За период 2003-2013 годы численность горожан увеличилась на 8%, а численность сельских жителей за этот период – на 21%.

– более быстротечные темпы сокращения населения вне Оренбургской области, чем темпы прироста населения в городе Оренбурге и Оренбургском сельском районе [6].

Несмотря на определенный ресурс сельского населения (40% жителей), особенности конфигурации области, и прежде всего, менее влиятельный агломерационный эффект города Оренбурга, ориентирует миграционные установки населения западных и восточных окраин Оренбуржья на региональные столицы соседних регионов. Опережающий

рост сельского населения в Оренбургском районе, особенно в пригородной зоне, связан с менее дорогостоящими условиями приобретения и аренды жилья, и в тоже время, с наличием определенных возможностей трудоустройства в областном центре [7].

По данным территориального органа Федеральной службы статистики по Оренбургской области, в регионе наметилась очень печальная статистика. На конец 2020 года процесс депопуляции в Оренбургской области продолжается: в регионе умерло больше людей, чем родилось. Ситуация с пандемией COVID-19 только усугубляет ситуацию. Если такая тенденция сохранится, то к началу 2021 года показатель естественной убыли будет выше 8,5 тысяч человек. Стабилизация демографической ситуации в регионе требует, как экономических, так и социально-политических решений.

Список литературы

1. География Оренбургской области. Население и хозяйство: учебное пособие / Н.А. Иванищева, Е.А. Семенов, О.Б. Попова, А.Н. Тюрин, Т.В. Чибилёва. Оренбург: ООО «Типография «Агентство Пресса», 2019. 230 с.
2. Герасименко, Т.И. Этнокультурная география Оренбургской области: учебное пособие / Т.И. Герасименко, И.Ю. Филимонова. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2009. 92 с.
3. Герасименко, Т. И. Этнографический атлас Оренбургской области / Т.И. Герасименко, Н. Ю. Святоха, И. Ю. Филимонова. Казань : ПИК «ИДЕЛ-ПРЕСС», 2017. 80 с.
4. Кузнецова, Н.С. Современная демографическая ситуация в Оренбургской области / Н.С. Кузнецова // Демографические риски XXI века. Минск: Белсэнс, 2017. С. 122 – 123.
5. Оренприрода.ру [Электронный ресурс]. URL: http://orenpriroda.ru/steppene/our_materials/очерки-экономическойгеографии-оренбургского-края-том-i/677-1-3-демографическийпотенциал-оренбургской-области.
6. Семенов, Е.А. Экономическая и социальная география Оренбургской области: учебное пособие / Е.А. Семенов, Т.А. Герасименко, Р.Ш. Ахметов. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2011. – 136 с.
7. Стратегия развития Оренбургской области до 2030г. [Электронный ресурс] URL: http://www.orb.ru.
8. Численность населения по городам, внутригородским и административным районам Оренбургской области на 1.01.2014. [Электронный ресурс] URL: http://orenstat.gks.ru.

УДК 911.3:314
Уставщикова Светлана Владимировна
к.г.н., доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Демографическое старение городского населения Саратовской области

Аннотация. *Актуальность исследования: мониторинг ситуации процессов демографического старения населения создает предпосылки для формирования механизма адаптации экономики региона. Демографическое старение населения Саратовской области не изучалось. Особенно важно рассмотрение старения городского населения, которое представит, как стареет население местности, в которую направлена миграция молодого населения из села. Методы исследования: системный, анализа и обобщения, статистический. Изучение показало что в городских поселениях ситуация лучше, чем в сельской местности. Статус поселения: областной, районные города, центры районов - поселки городского типа, на данном этапе не имеют определяющего значения на глубину старения.*

Необходима опережающая реорганизация системы образования в медицинских учреждениях, социальных служб, производства продуктов питания, отдыха ориентированных на стареющее население.

Ключевые слова*: городское население, демографическое старение, индекс старения, гендерные различия, шкала старения.*

Введение. Население большинства развитых стран мира стареет. Темп старения очень высокий. В России при оценке процесса демографического старения используется шкала Ж. Божё -Гарнье - Э. Россета, в ней в качестве критерия старения используется показатель «доля лиц в возрасте от 60 лет и старше» в населении [2]. Наиболее существенным фактором старения населения является сокращение рождаемости, увеличение ожидаемой продолжительности жизни. В ряде регионов наибольшую роль в постарении населения оказывает миграционный отток, т.к. в нем в основном задействовано молодое население.

Старением населения, занимается значительное число исследователей. Их работы касаются демографических аспектов старения, экономических (влияние процесса роста пожилых людей на экономику, занятость), функционирование социальной сферы, изменения предпочтений потребления.

На 1.01.2019 в РФ 21,8% населения находилось в возрасте старше 60 лет. Сельское население старше, показатель равен 22,6%. Население стареет в результате низкой рождаемости при увеличении продолжительности жизни. Отличительной чертой старения России является его ярко выраженный гендерный дисбаланс.

Основная часть. Цель исследования – раскрыть тренд демографического старения городского населения Саратовской области. Тенденции старения рассматриваются в сравнении с процессами, происходящими в сельском населении. Старение сельского населения области было рассмотрено в отдельной статье (Уставщикова С.В., 2020). Методы исследования: системный, анализа и обобщения, статистический.

Численность населения области сократилась за 2010 – 2019 годы неодинаково: городское на 1,4%, сельское на 8,5 (на самом деле сокращение еще значительнее, т.к. за рассматриваемый период 2 поселка городского типа перешли в статус сельских). Численность сельского населения выросла в 5 районах (из 38) области, причем в 2 – х из них в результате административных преобразований. В 11 районах численность сократилась до 10%, в 18 - на 10-20%, в 4 - более чем на 20%. Численность же населения каждого города и ПГТ (поселка городского типа) сократилась не более чем на 10%. Численность населения Саратова и Энгельса выросла. Рост и не значительное сокращение численности городского населения – результат миграционного притока в городскую местность.

Доля населения в возрасте от 60 лет и старше на 1.01.2019 г. в области составила 25,4% (20,4% в 2010). Наблюдается существенная разница значений показателей старения по городской и сельской местностям. Приводимые показатели, характеризующие процесс старения, используются в большинстве работ, посвящённых демографическому старению (табл.1)[6]. Население села стареет быстрее, с сокращением трудоспособных и детей до 15 лет. Среди населения старше 60 лет в Саратовской области, женщин почти в 2 раза больше, чем мужчин. Что говорит о гендерном дисбалансе в населении 60+.

Таблица 1- Показатели старения населения и соотношения полов в городской и сельской местности Саратовской области. 2010г./2019г. [1,3]

Показатели	Городское население	Сельское население
Коэффициент старения (доля населения в возрасте 60+)	20,5/25,4	20,1/26,4
Индекс глубины старения (80+/60+) на 100	15,3/16,8	16,0/17,1
Женщин на 100 мужчин в возрастах 60+	179/192	178,6/180
Индекс старения: число лиц в возрасте 60+ на 100 детей до 15 лет	142/135	118/141
Число трудоспособных, приходящихся на одного человека в возрасте старше 60 лет	3,0/2,3	2,9/2,1

Основным фактором демографического старения сельского населения является значительный миграционный отток молодежи в ходе учебной миграции и трудоспособного населения в результате сокращения занятости в сельском хозяйстве. Миграционный поток направлен в городскую местность своего района, Саратовскую агломерацию, в другие регионы страны. В городской местности старение обусловлено сокращением рождаемости и

ростом продолжительности жизни, миграцией населения в другие регионы страны[5].

Городские поселения и сельские районы по показателю «доля населения 60+» разделились на 4 группы (табл.2). Среди городов и ПГТ на 2019 год нет поселений с долей населения 60+ во всем населении в категориях «ниже средней» и «высокой».

Таблица 2 - Распределение городских поселений и сельских районов Саратовской области по доле лиц возраста 60+ , 2010/ 2019 г. (в %) [1,3]

Регион	**Доля лиц возраста 60+ в общей численности, %**			
	Ниже средней, менее 20	Средняя, от 20 до 25	Выше средней, от 25 до 30	Высокая, от 30 до 35
	Количество городов, пгт, сельских районов в группе, 2010/2019			
Города*	8/ -	9/9	-/8	-/-
ПГТ**	8/ -	7/8	1/8	-/-
Правобережье (20 районов)	4 /-	11/8	5/7	-/5
Левобережье (18 районов)	13/3	5/9	-/4	-/2

*Город Шиханы не рассматривается (ЗАТО до 2019г.). **В некоторых районах по 2 ПГТ

Различаются субъекты и по росту за 2010-2019гг. доли старшего населения. По сельским районам области прирост на 5 и более процентов произошло в 15 районах из 38. Тогда как только в 5 городах и 6 ПГТ доля старшего населения выросла более чем на 5 % (рис.1,2).

Рис. 1. Изменение доли лиц, в возрасте 60 лет и старше, в общей численности населения в городах, 2010-2019гг. (в %) [1,3]

*в Балашовском, Вольском, Красноармейском, Энгельсском районах городское население проживает в городе и ПГТ.

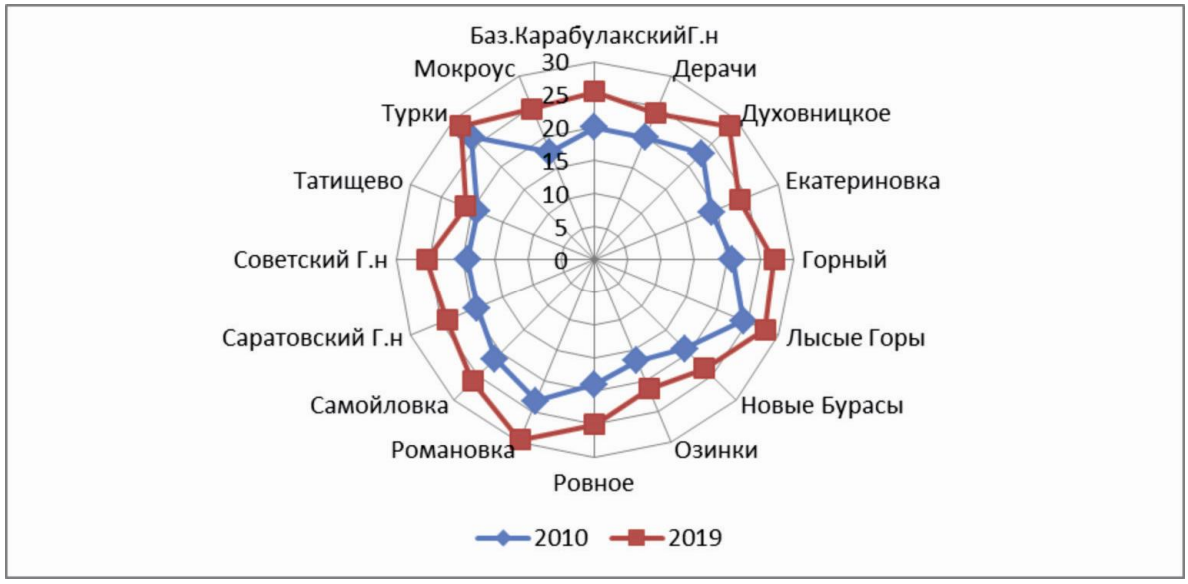

Рис.2. Изменение доли лиц, в возрасте 60 лет и старше, в общей численности населения в ПГТ , 2010-2019гг. (в %) [1,3]

*В Базарно-Карабулакском, Саратовском, Советском районах по 2-3 ПГТ.

Исследование выявило, что города области различаются по таким значимым для определения старения населения показателям как:

- коэффициент старения (доля лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения);

- скорость старения, изменение доли населения 60+ за рассматриваемый период.

Используя данные показатели, была проведена типология городов и ПГТ Саратовский области по характеру динамики демографического старения.

1Тип – уровень демографического старения – средний (20-25%) – 19 (46%) городских поселений области. 1 тип делится на 2 подтипа: *подтип 1А* – прирост доли населения 60+ за 2010 - 2019гг. менее 5% - 16 поселений; *подтип 1Б* - прирост доли населения 60+ за 2010 - 2019гг. более 5% - 3 городских поселения. Первый тип старения населения характерен, в том числе и для областного центра (Саратов), 2 больших городов области – Энгельса, Балаково, среднего (по классификации городов по численности населения) – Вольска.

2Тип – уровень демографического старения - выше среднего (25-30%) – 22 (54%) городских поселений. 2 тип делится на 2 подтипа: *подтип 2А* – прирост доли населения 60+ за 2010 -2019гг. менее 5% - 9; *подтип 2Б* - прирост доли населения 60+ за 2010 -2019гг. более 5% - 13 городских поселения. Во 2 типе, подтип 2А характерен для одного среднего по величине города – Балашова. Все другие города малые и ПГТ.

Тип старения показывают еще и такие показатели как: демографическая нагрузки на одного трудоспособного и индекс старения. Самая большая демографическая нагрузка, число трудоспособных на 1 человека в возрасте 60+, менее 2 человек: в Аткарске, Петровске, Калининске и Хвалынске. Среди ПГТ аналогичные поселения: Духовницкое, Горный, Лысые Горы, Романовка,

Самойловка, Турки. В других поселениях этот показатель 2 и более человек трудоспособного возраста на одного в возрасте 60+.

Индекс старения (число пожилых, приходящееся на 100 детей в возрасте от 0 до 15 лет) – «средний» – на 100 детей менее 100 человек в возрасте 60+ - только в пгт Озинки, «высокий» - на 100 детей - 100-150 – в 13 городах и 8 ПГТ, «очень высокий» - на 100 детей приходится более 150 человек в возрасте 60+ в городах Балаково, Балашов, Ртищево, Петровск, в ПГТ – Саратовского, Советского районов, Лысые Горы, Романовка, Турки, Самойловка (самый большой показатель 215).

Городской статус поселения, совмещенный, в большинстве случаев, с функциями центра района, способствует сохранению молодежи, трудоспособного населения, миграционной привлекательности. Статус поселения: областной, районные города, центры районов - поселки городского типа, на данном этапе не имеют определяющего значения на глубину старения.

Планомерная работа по изучению и исследованию процессов демографического старения на региональном уровне позволит оценить перспективы и масштабы старения населения региона, а также создаст предпосылки для формирования механизма адаптации экономики в условиях демографического старения населения [6]. В региональном планировании должно быть предусмотрено строительство новых объектов социального обеспечения и геронтологических центров. Необходимо «создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, как составной части мероприятий, направленных на развитие и поддержание функциональных способностей граждан старшего поколения, включающей сбалансированные социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, в полустационарной и стационарной форме с привлечением патронажной службы и сиделок, а также поддержку семейного ухода»[4]. В сфере образования, системе подготовки и переподготовки специалистов есть необходимость уделить внимание выпуску медицинских, социальных работников, профессионалов в рекреационной сфере, сфере досуга для работы с пожилыми людьми.

Список литературы

1. Возрастно-половой состав населения Саратовской области: Статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2012. 176 с.

2. Демографическое старение URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94% (дата обращения: 2.03.2020).

3. Муниципальная статистика Саратовской области. URL:https://gks.ru/scripts/db_inet2 /passport/ pass.aspx?base= munst63&r =63603000 (дата обращения: 12.03.2020).

4. Национальный проект «Демография». URL: https://strategy24.ru/rf/demography/ projects/ natsional-nyy-proyekt-demografiya (дата обращения: 2.04.2020).

5. Самонина С.С. Миграция как фактор изменения численности и состава населения субъектов Приволжского федерального округа./ В сборнике: Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования материалы международной научной конференции в рамках X научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). Ассоциация российских географов-обществоведов. 2019. С. 189-191.

6. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75).С.76-87.

УДК 314 (571.651)

Ушакова Валентина Леонидовна
научный сотрудник ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Региональные особенности формирования демографического потенциала арктических районов российского Дальнего Востока[85]

Аннотация. *В статье рассмотрены преимущества и недостатки демографического потенциала Чукотского автономного округа. Отмечается сокращение численности населения за счет межрегионального миграционного оттока. Дана оценка естественного воспроизводства населения, показана сложившаяся к настоящему моменту возрастная структура населения. В округе остается высокий показатель внебрачных рождений. Наблюдается высокий уровень младенческой смертности. Сохраняется самая низкая ожидаемая продолжительность жизни среди субъектов Российской Федерации. Отмечается снижение удельного веса населения в трудоспособном возрасте и рост численности старших возрастов. По среднему варианту демографического прогноза ожидается дальнейшее снижение численности населения округа.*

Ключевые слова*: динамика населения, естественное воспроизводство, миграция, возрастная структура, прогноз, Арктическая зона, Чукотский автономный округ.*

Приоритетным направлением устойчивого демографического развития арктических российских регионов, согласно «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной

[85] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Пространственная дифференциация уровней и форм адаптации групп населения к изменению природных, социально-экономических и экологических условий в районах Восточной Арктики» (№18-05-60103)

безопасности на период до 2020 года» [4], является обеспечение положительных изменений в постоянно обновляемых процессах воспроизводства населения, проживающего в Арктике, основой которых является естественный прирост населения, обеспечиваемый снижением смертности и ростом рождаемости. В сухопутные территории [5] Арктической зоны РФ полностью входят территории субъектов РФ – Мурманская область, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа и частично территории субъектов РФ – республик Коми и Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области.

Чукотский автономный округ (ЧАО), расположенный на переднем географическом рубеже, в сложившихся геополитических условиях должен стать одним из приоритетов в пространственном развитии, прежде всего в освоении природных ресурсов, в активизации деятельности Северного морского пути.

ЧАО является единственным из четырех автономных округов России, не входящим в состав другого субъекта РФ. Значительная часть территории лежит за Северным полярным кругом, вследствие чего здесь сложились экстремальные для проживания природно-климатические условия. Плотность населения на российском Севере достаточно низкая, что определяет и экономические возможности территориального развития. ЧАО имеет самую низкую плотность населения в РФ – 0,07 чел./кв. км.

В ЧАО на площади в три четверти миллиона квадратных километров, на 1 января 2019 г. проживало 49,7 тыс. человек. Для округа характерно размещение населения отдельными редко расположенными ареалами. Здесь, как и в улусах Республики Саха (Якутии), преобладают оленеводческо-промысловый и горнопромышленный типы расселения, на побережье расположены поселения – локальные организационно-хозяйственные, административные центры и пункты по обслуживанию Северного морского пути. На правом берегу реки Анадырь расположен г. Анадырь, центр Чукотского автономного округа, в котором вместе с поселком-спутником Угольные Копи проживает 19,3 тыс. человек. В систему расселения вписываются вахтовые поселки горнодобывающих предприятий и села коренных народов.

Динамика численности населения ЧАО характеризуется относительно интенсивным приростом в советское время, обвальным оттоком населения в результате смены экономической парадигмы развития страны в 1990-е гг., и довольно устойчивым состоянием демографического потенциала на протяжении двух десятилетий нового столетия. Округ по численности населения вернулся в начало 1960-х гг. прошлого века. Является ли современная демографическая ситуация оптимальной, необходимо ли ее поддерживать дальше, или малочисленное население для округа является серьезной проблемой?

Снижение численности населения в Чукотском автономном округе сохраняется, вместе с тем следует отметить снижение темпов ее изменения.

Так, за период 1989-2002 гг. численность населения сократилась на 67,2% (110,1 тыс. человек), а в 2011-2017 гг. – на 2,3% (1,0 тыс. человек) за

счет превышения миграционного оттока (2,1 тыс. человек) над естественным приростом (1,1 тыс. человек). Уезжало преимущественно население, прибывшее из других российских регионов. Их демографическое поведение отличалось от поведения коренного населения, и результаты воспроизводства для пришлого и коренного населения разные.

В Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. [1] приоритет отдан естественному воспроизводству населения. Чукотский автономный округ и Республика Саха (Якутия), у которых общий коэффициент рождаемости в 2017 г. составлял соответственно 13,1 о/оо и 14,5 о/оо (для сельской местности он выше: 17,6 и 16,0 о/оо). При относительно низком уровне смертности (9,4 и 8,1 о/оо) это обеспечивало естественный прирост. Тенденция естественного воспроизводства населения последних лет в Чукотском автономном округе положительная: общий коэффициент рождаемости в 2017г. достиг 13,1 о/оо. Это второй результат по Дальневосточному федеральному округу (ДФО) и четырнадцатый – по РФ. Суммарный коэффициент рождаемости за 2011-2017 гг. возрос от 1,812 до 2,079, при этом он выше среднероссийского уровня (с 1,582 до 1,621 ребенка на одну женщину). При сохранении уровня рождаемости 2017 г. в среднем одна женщина в ЧАО в течение репродуктивного периода (15-49 лет) родила бы более 2-х детей. Но прогноз дает снижение, как абсолютного числа родившихся, так и общего коэффициента рождаемости (табл. 1), что объясняется структурой поколения 1990-х гг. У городского населения суммарный коэффициент рождаемости значительно ниже простого воспроизводства и сегодня: повышенный уровень рождаемости обеспечивает сельское (коренное) население, где наблюдается расширенное воспроизводство: в 2017 г. на женщину репродуктивного возраста пришлось более 6,081 детей [3]. Пик рождаемости в сельской местности приходится на возраст 20-24 года (779,9 рождений на 1000 женщин данной возрастной группы), тогда как в городских поселениях максимальное число

Таблица1-Демографические изменения численности населения Чукотского автономного округа [3]

Годы	Всего, человек			На 1000 человек населения			Миграции-онный отток
	родившихся	умерших	естественная убыль	родившихся	умерших	естественная убыль	
2011	688	560	128	13,6	11,1	2,5	515
2017	649	467	182	13,1	9,4	3,7	-656
2020	511	564	-53	10,5	11,6	-1,1	-232
2025	509	519	-10	10,7	10,9	-0,2	-229
2030	474	475	-1	10,2	10,3	-0,1	-220
2035	528	458	70	11,6	10,1	1,5	-189

рождений приходится на возрастную группу 25-29 лет (127 на 1000 населения). Средний возраст матерей для городских поселений (28,8 лет) и для сельской местности (24,2 года) подтверждает различие в процессах воспроизводства населения в округе.

Региональной особенностью процесса рождаемости в ЧАО является высокая доля внебрачных рождений. По этому показателю округ занимает первое место среди дальневосточных субъектов – 40,2% от общего числа родившихся, и второе место по РФ.

Самые высокие показатели коэффициента смертности отмечаются в районах преимущественного проживания коренного населения (Чукотский, Анадырский, Провиденский ГО), а низкие – в районах проживания пришлого (преимущественно городского) населения (Билибинский, ГО Певек).

Чукотский автономный округ характеризуется более высоким уровнем смертности населения трудоспособном возрасте, повышенной смертностью от внешних причин, а также «сверхсмертностью» мужчин в трудоспособном возрасте (в 2013-2016 гг. этот показатель в 1,8 раза превышал аналогичный показатель для женщин). Длительное время сохраняется доля умерших от несчастных случаев, отравлений и травм, то есть от внешних причин.

В 2013-2017 гг. в округе произошло значительное снижение младенческой смертности (в 2,2 раза) по сравнению с РФ 91,5 раза) и ДФО (1,9 раза). И все же уровень младенческой смертности в ЧАО остается высоким (10,7 $^{o}/_{oo}$). По этому показателю он занимает второе место после Еврейской автономной области (10,8 $^{o}/_{oo}$).

Важным обобщенным показателем уровня смертности выступает ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). По РФ продолжительность жизни за период 2011-2017 гг. увеличилась на 2,87 года и составила 72,7 года для обоих полов. Среди федеральных округов, ДФО имеет самые низкие показатели, как по величине продолжительности жизни (70,09 лет, 2017 г.), так и по абсолютным (3,73 года) и относительным (5,6%) темпам изменения. При этом в самом округе показатели отдельных субъектов федерации сильно дифференцированы. Только в Республике Саха (Якутия), Хабаровском крае, Амурской и Сахалинской областях, Еврейской автономной области рост продолжительности жизни превысил дальневосточный уровень, а в Чукотском автономном округе показатель составил 66,10 лет (это самая низкая ОПЖ в РФ, 2017 г.).

Изменение структуры населения, связанное с демографическим старением в результате миграционного оттока, выразилось в существенном сокращении доли детей: в Республике Саха (Якутия) с 32,6 до 24, 9%, в Магаданской области с 29,3 до 18,9%, в Чукотском автономном округе с 30,6 до 23,0%, а также росте удельного веса в структуре населения лиц старше трудоспособного возраста: в Магаданской области с 3,8 до 21,4%, Чукотском автономном округе с 1,9 до 14,7%, Камчатском крае с 5,3 до 20,6%.

Похожие тенденции изменения возрастной структуры населения характерны практически для всех субъектов РФ, но масштаб этих изменений для севера ДФО выше дальневосточных и среднероссийских показателей, а

доля лиц старше трудоспособного возраста значительно ниже по сравнению со среднероссийским уровнем. В Чукотском автономном округе выше российского (на 6,3%) и дальневосточного (на 4,5%) уровня доля населения трудоспособного возраста (62,3%, 2017 г.). Сокращение численности этой возрастной группы вместе с ростом доли лиц старше трудоспособного возраста представляет серьезную демографическую проблему обеспечения экономики округа трудовыми ресурсами.

Основной причиной сокращения численности населения в ЧАО является миграционная убыль населения, влияние которой продолжается до настоящего времени. Например, в 1985 г. в г. Певеке работали 25 тыс. человек, в настоящее время – меньше 4 тыс., при этом следует подчеркнуть, что Певек с морским портом и аэродромом является важнейшим форпостом Северного морского пути – от Мурманска до Анадыря и бухты Провидения, где находится конечный пункт походов арктических ледоколов и караванов [2].

Для Чукотского автономного округа характерна межрегиональная миграция, здесь самый высокий показатель среди дальневосточных субъектов (82,2% – по прибытию, 84,6% – по выбытию, 2017 г.). По коэффициенту миграционной убыли (-13,2 на 10 000 населения) округ занимает последнее место среди 85 субъектов РФ[6].

Чукотский автономный округ, как и Республика Саха (Якутия), Еврейская автономная область отличаются низкой привлекательностью для внешних мигрантов, но на степень внутрироссийской миграции особенности этноструктуры и этнополитических процессов в субъектах ДФО не оказывают существенного влияния.

При современной демографической структуре тенденция убыли населения сохранится. Незначительная стабильность численности населения на протяжении почти двух десятилетий, небольшой естественный прирост (на фоне отрицательных показателей по большинству других дальневосточных субъектов) порождает иллюзию, что кризис миновал. По расчетам предположительной численности населения до 2035 г., выполненным Федеральной службой государственной статистики (по среднему варианту развития демографических процессов от базы на начало 2018 г.), тенденция к сокращению численности постоянного населения в Чукотском автономном округе сохранится. К 2025 г. она составит 47,3 тыс. человек, сократившись по сравнению с 2017 г. на 2,0 тыс. человек (2035 г. – 45,4 тыс. человек) [3]. Устойчивая тенденция миграционного оттока свидетельствует о том, что сложившаяся ситуация пока не меняется. Поэтому зафиксированный Концепцией демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. прирост на 6,0 тыс. человек можно считать весьма оптимистичным.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года (с изменениями на 23 декабря 2019 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 27. 03.07.2017. Ст. 4062.

2. Половинкин В.Н. Человеческие ресурсы – главная проблема развития Севера //Арктика: экология и экономика. 2013. № 4(12). С. 26-31.
3. Предположительная численность населения Российской Федерации. Статистический бюллетень. [Электронный ресурс] //ФСГС. URL: http: //www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812.
4. Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена Президентом РФ от 8.02. 2013 г., №Пр-232) // Справочно-правовая база «Консультант-плюс» URL: http://www.consultant.ru
5. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» URL: http://Kremlin.acts/bank/38377
6. Численность и миграция населения Российской Федерации (2011-2017 гг.). URL: www.gks.ru.

УДК 991.3

Ушакова Людмила Олеговна
соискатель, Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия
Баринова Галина Михайловна
к.г.н., доцент, профессор-консультант, Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия
Краснов Евгений Васильевич
д-р. геол.-минерал. наук, профессор, профессор-консультант, Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия
Романчук Анна Юрьевна
к.б.н., доцент, Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия
Гаева Дара Владимировна
к.г.н., Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Качество жизни как стратегический ресурс устойчивого развития региона: социальные индикаторы

Аннотация. *Впервые в качестве стратегического ресурса регионального развития категория «качество жизни» обсуждается в междисциплинарном ключе как совокупность экономических и экологических предпосылок достижения целей устойчивого развития. Представлен анализ экологических, экономических и социальных отношений, определяющих качество жизни и устойчивость регионального развития, на примере Калининградской области и сопредельных стран Балтийского моря.*

Выявлена региональная специфика индикаторов, характеризующих качество жизни населения приморских регионов.

Ключевые слова: *качество жизни, междисциплинарный подход, система индикаторов, стратегия развития, Балтийский регион, Калининградская область*

Качество жизни населения – одна из важнейших стратегических целей современного развития общества. Сложность этой проблемы требует учитывать взаимодействие множества социально-экономических, экологических, историко-культурных и других факторов и процессов. Качественное исследование региональной специфики качества жизни возможно лишь с использованием междисциплинарных подходов, методов эмпирико-статистического и картографического моделирования пространственно-распределенных геоэкологических и геодемографических показателей с их последующей типологизацией. Особое внимание нами уделяется геосистемной специфичности приморских социумов, обусловленной их формированием и развитием в контактной зоне «суша-море», почти не изученной в отношении многих сторон категории «качество жизни». Недостаточно разработаны теоретико-методологические основы, понятийно-терминологический аппарат, эффективный инструментарий оценки, моделирования и прогнозирования качества жизни, историко-географические особенности формирования и стратегии развития. Требует уточнения само понятие «качество жизни», в которое многие авторы вкладывают самый различный смысл.

Информационной базой исследования послужили статистические материалы Территориального органа Федеральной службы государственной статистика по Калининградской области и сопредельных государств, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, данных социологических опросов, которые проводились исследователями БФУ им. И.Канта в Калининградской области в 2005 году (1200 респондентов) и в 2012 году (804 респондента, опросом охвачено 16 из 22 муниципальных образований области).

Балтийский регион, включающий Швецию, Данию, Финляндию, Литву, Латвию, Эстонию, приморские территории России, Германии, Польши неравномерен по качеству жизни. Оценка стран по параметрам покупательской способности граждан, уровню здравоохранения, стоимости жизни, стоимости недвижимости, затратам на поездки, безопасности, климату, уровню загрязнения окружающей среды выявляет среди лидеров, прежде всего промышленно развитые страны со стабильной экономикой, высокими зарплатами, качественной медициной – Данию, Финляндию, Германию (таблица).

К наиболее значимым показателям качества жизни, отражающим всю совокупность воздействия на организм человека социально-экономических, политических, генетических, экологических факторов многие авторы относят воспроизводство населения. Интегральный показатель - ожидаемая

продолжительность жизни населения в странах Балтийского региона наиболее велика в Швеции – 82,3, в Германии – 80,99, в приморских территориях России [2] значительно ниже (Ленинградская область – 72,5 , Калининградская область – 72,6).

Таблица-Рейтинг стран Балтийского региона по уровню жизни в 2019 году (список Numbeo) [6]

Место	Страна	Индекс качества жизни
1	Дания	192,67
3	Финляндия	190,22
9	Германия	179,78
10	Эстония	177,82
11	Швеция	175,95
22	Литва	159,42
31	Латвия	150,00
36	Польша	141,83
67	Россия	102,31

Калининградская область - одна из проблемных областей РФ по остроте демографической ситуации. Если в период 1992-2012 гг. смертность значительно превышала рождаемость, при некотором росте рождаемости с 2005 г. всё же наблюдается убыль населения. В 2013-2017 гг. отмечается отрицательная динамика естественного прироста населения. Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области естественная убыль населения в 2017 г. составила (-1,5 ‰). Современный уровень рождаемости – 10 рождений на 1000 жителей оказывается явно недостаточным для роста воспроизводства населения. Среди смертности от всех причин на первом месте в области - болезни системы кровообращения – 557,1 на 100 тыс. населения в 2017 г., на втором - злокачественные новообразования – 200,7 на 100 тыс. населения, на третьем месте – несчастные случаи, травмы и отравления – 95,5 на 100 тыс. населения [2].

В результате отрицательного естественного движения численность населения области без прироста за счёт притока мигрантов близка к кризисной ситуации [2]. Однако, необходимо заметить, что с точки зрения подверженности заболеваниям, адаптации к новым природным и социальным условиям, мигранты – наиболее уязвимая часть населения. Так, по уровню заболеваемости совокупного населения (87007,29 на 100 тыс.) в 2017 г. Калининградская область отнесена к «территориям риска» [2]. По сравнению с 2016 г. в 2017 г. уровень первичной заболеваемости всего населения вырос на 6%, в том числе по экологически зависимым заболеваниям – по новообразованиям – на 19%, болезням мочеполовой системы – 19%.

Возрастной состав населения в этом регионе характеризуется гендерной диспропорцией – женщин на 12,3 % больше, чем мужчин. Низкая рождаемость, высокая смертность, особенно мужчин в активном

трудоспособном возрасте, приводят к росту людей преклонного возраста. Население области можно считать старым, поскольку доля людей в возрасте 65 лет в 2017г. превышает 14%. Количество людей старшего трудоспособного возраста составляет около 25%, что увеличивает нагрузку на экономически активное население.

Факт устойчивого роста числа пенсионеров актуализирует ряд проблем – возраст выхода на пенсию, возможности здоровьесбережения, снижения смертности населения, особенно в возрасте высокой социальной мобильности. По прогнозам к 2030 г. существенно возрастет количество граждан пенсионного возраста с низким уровнем экономической активности [2].

Особого внимания требуют тренды развития образования и воспитания, повышение экологической культуры общества. Основные проблемы: объективные и субъективные сложности обеспечения населения медицинскими и учебными учреждениями; дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы, подготовка кадров без учета реально складывающейся на региональном рынке труда ситуации и на перспективу регионального развития, что приводит к оттоку трудоспособной части населения в другие регионы и из села в город.

Особый блок представляют экспертные оценки качества жизни, выявляемые в результате социологических опросов [5], они позволяют учитывать отношения человека (субъекта) к наиболее важным для него аспектам жизнедеятельности, выделяя значимые ценности, потребности и др. Специфику регионального менталитета населения Калининградской области (в данном случае на уровне города) демонстрирует опрос, проведённый в 2019 г.

Среди самых проблемных сторон качества жизни респонденты признают: рост тарифов ЖКХ, низкую оплату труда/рост цен на товары и низкое качество медицинского обслуживания. К сожалению, лишь на восьмом месте оказались экологические угрозы и опасности. Такую же картину выявил соцопрос, проведенный в марте 2005 г., когда ни один из 1200 респондентов не отнес экологические проблемы к наиболее важным [1,3].

В 2012 г. социологический опрос в муниципальных образованиях Калининградской области среди взрослого населения (от 18 и старше) показал, что особую тревогу у жителей вызывает качество питьевой воды, загрязненность поверхностных водных объектов и несанкционированные свалки (70-90% опрошенных). В прибрежных районах респонденты подчеркнули значимость загрязнения морской акватории, разрушения побережья, сокращение площади пляжей (60-65% ответов). Население восточных районов области обеспокоено деградацией лесов, сокращением разнообразия растительного и животного мира [7].

Опросы населения Литвы в 18 городских и 21 сельских населенных пунктах в 2011 г. показали, что самый высокий удельный вес – 15,3% занимает показатели качества жизни – здоровье и физическое состояние. На втором и третьем месте (14,2%, 12,3% соответственно) – материальное благосостояние, эмоциональное состояние, душевное самочувствие.

Качество воздуха, воды, почвы и другие экологические факторы считают значимыми лишь 8,6% респондентов – 5 место [4].

На основе выборки опроса почти 500 респондентов из разных регионов Словакии выявлено, что наибольшее негативное влияние на их жизненные предпочтения оказывают количество автомобилей, протяженность дорог, муниципальных отходов и крупных населенных пунктов (отрицательная корреляция), а положительное влияние оказывает участие граждан в управлении регионом [8]. Рассматривая проблему качества жизни O'Nell и др. пришли к выводу, что ни одна страна в мире не удовлетворяет основные потребности своих граждан. Для достижения достаточного уровня удовлетворенностью жизнью уровень использования ресурсов должен в 2–6 раз превышать современный [9].

Список литературы

1. Баринова Г.М., Краснов Е.В. Социально-экологические реалии и стратегия развития Калининградской области //Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире: сб. научных статей – Смоленск: Универсум. 2006. С. 41-45.
2. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Калининградской области в 2018 г.» /Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Калининградской области и ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Калининградской области». Калининград. 2019. 257 с.
3. Краснов Е.В., Кривошеев В.В. Социальная экология: от науки к реальности // Социологические исследования: Российская Академия наук. Москва.2006. №7. С. 93-96.
4. Ракаускене О., Сярвяткене В. Качество жизни населения Литвы //Народонаселение, №1. 2013. –С. 111-125.
5. Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии // М.: МНЭПУ. 2010. – 399 с.
6. Уровень жизни в странах мира, рейтинг 2019 года (режим доступа https://basetop.ru/uroven-zhizni-v-stranah-mira-rejting-2019-goda/)
7. Шихотарова Т.В., Белов Н.С. Применение ментальных карт для оценки геоэкологических ситуаций региона (на примере Калининградской области) // Современные проблемы науки и образования. 2014. №4. С. 635.
8. Cole, D. A. V. I. D., Kubisova, L., Murray Svidronova, M., Kožiak, R. A. D. O. S. L. A. V., & Gubalova, J. O. L. A. N. A. (2019). The analysis of the living preferences in Slovakia in the light of sustainability. Proceedings of the 22nd International Colloqium on Regional Sciences (Brno: Masaryk University, in print).
9. O'Neill, D. W., Fanning, A. L., Lamb, W. F., & Steinberger, J. K. (2018). A good life for all within planetary boundaries // Nature Sustainability, 1(2), 88.

УДК 316.356.2
Хачатрян Людмила Александровна
к.ист. н., доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Россия
Киряева Дарья Алексеевна
студент ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь,Россия

Полные и неполные семьи Пермского края: проблемы функционирования

Аннотация. *Актуальность темы обусловлена тем, что семья как «фундаментальная основа российского общества»[7], выполняет важнейшую функцию воспроизводства населения. На основе структурно-функционального подхода в статье раскрываются возникающие в процессе трансформации российского общества проблемы функционирования полных и неполных семей России и Пермского края, которые приводят к деформациям разного рода, что и определяет теоретическую значимость и новизну содержания статьи.*
Ключевые слова*: Пермский край**, социальные проблемы, полные семьи, неполные семьи, стратегии поведения.*

Социология семьи – это отрасль социологического знания, которая исследует закономерности возникновения, развития и функционирования семьи как социального института и малой социальной группы. В науке существует множество понятий семьи: в одном из определений семья трактуется, как социальная система воспроизводства людей, фундаментом которой является кровное родство, брак или попечительство, объединяющая членов этой системы общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью [6. С.170]. Это определение отражает теорию функционализма Т. Парсонса, которая не утратила актуальности и в настоящее время. В основе этой концепции лежат нормы поведения личности для удовлетворения общественных потребностей. Т. Парсонс считал, что семья выполняет две функции – социализацию детей, предполагающую приспособление к культурным нормам и ценностям. И другую немаловажную функцию – стабилизации членов общества. По его мнению, муж должен реализовывать инструментальные роли, а жена – экспрессивные, т.е. создавать комфорт дома, заботиться о детях и муже, поддерживать отношения с соседями и родственниками. Процесс нуклеаризации семьи, где социальной нормой становится двухпоколенная семья, влечет за собой дисфункцию взаимодействия с родственниками. По мнению исследователя, оторванность нуклеарной семьи от системы родственников увеличивает материнскую ответственность, что проявляется в изменении семейных ролей [3. С. 46].

Изучение проблем семьи – это достаточно широкая и развитая отрасль социологического знания на мезо- и микроуровне. С начала 2000-х годов интерес к изучению проблем семьи, как на общероссийском, так и региональном уровне, значительно возрос в результате появления новых тенденций в развитии семьи и разных темпов депопуляции населения.

Одним из динамичных региональных образований Российской Федерации является Пермский край, который был образован 1 декабря 2005 года в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в единый субъект Федерации, входящий в состав Приволжского Федерального округа. В то время как население Российской Федерации увеличивалось, население Пермского края сокращалось. Так, в 2010 г. численность россиян составляла 142,9 млн. чел., в 2015 г. население России выросло почти на 4 млн. и составило 146,3 млн. чел., а в 2019 г. темпы прироста несколько снизились, и число россиян достигло 146,8 млн. чел.[10]. В Пермском крае за пять лет (2010-2015 г.г.) численность населения сократилась на 10,8 тыс. чел., а в следующие пять лет - еще на 38,6 тыс. чел., т.е. с 2648,7 тыс. в 2010 г. до 2599,3 тыс. к началу 2020 г.[8. С.17].

Семья является неотъемлемой частью общества. Ее форма и отличительные черты соответствуют потребностям не только целого общества, но и отдельного человека. Социальные проблемы, которые возникают в обществе вследствие глобализации, внедряются в семью и обусловливают негативные тенденции, влияющие на ее функционирование, отчего семья не может полноценно удовлетворять общественные потребности. Социальные проблемы являются причиной возникновения семейного кризиса, который представляет собой состояние дезорганизации семьи, в процессе которого члены семьи переживают серьезные перемены жизненных паттернов или методов преодоления стрессовых ситуаций [1. С. 111]. Социальными проблемами можно считать вопросы и ситуации, которые прямо или косвенно влияют на интеракцию членов семьи и требуют коллективных усилий по их решению [12. С.773]. Современная ситуация в России обостряет ряд проблем семьи, обусловливая кризис, который негативно сказывается на состоянии семьи. К проблемам можно отнести: экономические, демографические, медицинские, жилищные, проблемы социальных девиаций, проблемы досуга, проблемы воспитания детей и др. Особое внимание исследователи уделяют деформациям, проявляющимся в процессе реализации семьей репродуктивной, экзистенциальной и воспитательной функций.

В современном обществе наиболее важно изучение разных типов семьи, поскольку в них по-разному реализуется множество функций и формируется базис важнейших человеческих качеств. И для поддержания этого базиса необходимо, чтобы семья была благополучной. А на благополучие в семье в большей степени, влияет тот факт, является семья полной или неполной [14. С.114]. Социальные проблемы по-разному отражаются на функционировании семей данных типов.

Предметом внимания в данной статье являются полные и неполные семьи, имеющие несовершеннолетних детей.

В современной России из 42 млн. семей 11600 тыс. полных семей с детьми, т.е. 27,6%[11]. Полные семьи – это, как правило, двухкарьерные, реже однокарьерные семьи. Говоря иначе, это семьи с двумя работающими либо с одним работающим супругом, но с полной супружеской парой. Семьи, в которых работают оба супруга, имеют определенные преимущества перед теми, в которых работает только один супруг. Как показывает статистика, в 2018 г. в России среднемесячная заработная плата работников организаций составила 43724 руб.[10. С. 151], что в «двухкарьерных семьях» может составить 87448 руб. В Пермском крае среднемесячная зарплата равна 35802 руб.[10.С.153], и полная семья может рассчитывать на 71604 руб. в месяц. В таких семьях не наблюдается острых финансовых проблем, поскольку они имеют более высокий уровень жизни за счет двойных доходов семьи, что позволяет семье реализовать экзистенциальную функцию в полной мере, и дать лучшее образование детям. Но следует подчеркнуть, что полные семьи не стремятся быть многодетными. Сегодня утвердившейся социальной нормой стали одно-двухдетные семьи, которые не обеспечивают даже простого воспроизводства населения.

Для семейной структуры российского общества характерно наличие неполных семей. Существуют разные определения неполной семьи. Так, в демографии неполная семья определяется как «… семья – неполное ядро семьи, состоящая из одного из родителей с одним или несколькими детьми, не состоящими в браке» [5. С. 284]. В педагогической науке неполная семья – это «… семья, состоящая из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми» [2. С. 284]. Появляются исследования, авторы которых видят в неполной семье более устойчивую и жизнеспособную семейную модель нового образа жизни, чем преобладающую сегодня модель полной семьи. Неполная семья представляет собой семью, в которой функции и семейные отношения реализует один из родителей.

Увеличение доли неполных семей в семейной структуре общества обусловлено такими факторами, как развод, внебрачное рождение ребенка, смерть одного из супругов. В современном обществе существуют несколько типов неполных семей: материнские и отцовские, неполная простая и неполная расширенная семья и др.

Авторы данной статьи проявили интерес к неполным семьям с несовершеннолетними детьми. В России давно наблюдается процесс нарастания доли неполных семей в семейной структуре общества. Так, на их долю в 1989 г. приходилось 15,2%, в 2002 г.– 21,7%, а к 2010 г. – произошло существенное увеличение численности неполных семей, доля которых возросла до 48,6%. Сегодня из общего количества российских детных семей статус неполных имеют 5600 тыс. (т.е. 48,3%), причем 600 тыс. из них – отцовские семьи [11].

Следует отметить, что до недавнего времени как в России, так и в Пермском крае, большинство неполных семей представляли материнские семьи, в которых было 1-2 ребенка, но в настоящее время увеличивается

число материнских семей с двумя, тремя и более детьми[13]. Среди семей типа «отец-дети» абсолютное большинство, как в стране, так и в Пермском крае, составляют семьи с одним ребенком. Но наблюдается тенденция увеличения детности отцовских семей. Например, в Пермском крае все активнее появляются семьи, в которых отец воспитывает более одного ребенка: доля отцовских семей с двумя детьми составляет 13,7%, а с тремя и более детьми – 2,3% [11].

Наиболее острой проблемой неполных семей является проблема серьезных материальных трудностей. Именно в этих семьях высок риск попадания в низкодоходные группы населения в связи с единственным кормильцем [4. С. 108]. Реальность такова, что к началу 2019 г. 12,6% российских семей и 14,9% семей Пермского края имели доходы ниже прожиточного минимума[10], и значительную часть этих семей составляли неполные семьи. Данную ситуацию можно объяснить тем, что, во-первых, в России средняя зарплата женщин равна чуть больше 71,7% от средней зарплаты мужчин, а в Пермском крае – 72,2%, и, во-вторых, в настоящее время стало почти нормой уклонение и отцов, и матерей от исполнения алиментных обязательств, определенных решением суда.

В неполных семьях обостряется проблема воспитания и социализации детей, поскольку в них наблюдается деформация родительских ролей: в семьях типа «мать-дети» женщина вынуждена реализовать не только свою материнскую роль, но и роль отца, а в семьях типа «отец-дети» отец старается быть не только хорошим отцом, но и «хорошей матерью». Дети не могут в полной мере усвоить образцы семейного поведения обоих родителей. Еще одна проблема, которая требует внимания общества к неполной семье с несовершеннолетними детьми, связана с их здоровьем. Исследователи-педиатры, которые изучают уровень здоровья детей, приходят к неутешительному выводу, что дети из неполных семей значительно чаще, чем дети из полных семей, болеют острыми и хроническими заболеваниями в тяжелой форме.

Для разрешения семейных проблем выделяется ряд стратегий поведения, которые склонны выбирать супруги. Стратегии поведения в работе рассматриваются как целый ценностно-нормативный комплекс характерных черт членов семьи, которые являются образцами эмоций, действий, точек зрения, поступков и принципиальных установок. К таким стратегиям поведения можно отнести:

1. *Уход* от разрешения возникших трудностей.
2. *Сглаживание*, когда один из членов семьи либо оправдывает себя, либо соглашается с претензией.
3. *Компромисс* – это открытое обсуждение проблемы, которое направлено на поиск наиболее удобного для всех членов семьи решения.
4. *Конфронтация* – критический и непродуктивный выход из проблемы – никто из участников не принимает во внимание позицию другого.

Принуждение – это самый нежелательный способ выхода из проблемы, когда членов семьи принуждают силой или психологическим

давлением согласиться или действовать по указанию более властной или сильной стороны [9. С. 95].

Полные семьи могут применять такие стратегии поведения в решении социальных проблем, как сотрудничество и компромисс. Неполные семьи используют малоэффективные стратегии: конфронтация и уход.

Рассмотренные в работе социальные проблемы в полных и неполных семьях негативно отражаются на функционировании института семьи и обусловливают появление дисбаланса на уровне общества. С задачей урегулирования социальных проблем члены полных и неполных семей не всегда могут справиться своими силами, поэтому семье необходима государственная поддержка. В Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации подчеркивается, что «решение проблем, возникающих в процессе жизнедеятельности российских семей, остается в центре внимания государства», а успешное развитие страны обусловлено укреплением семьи и созданием условий, в которых семья «…могла бы чувствовать уверенность в будущем»[7]. Современная семья подвержена большому количеству рисков и угроз, существующих в обществе и влекущих за собой негативные последствия, и преодоление таких ситуаций может быть обеспечено повышением роли семьи «в партнерстве с властью, бизнесом и общественностью»[7].

Список литературы

1. Баранова Е.В. Психологическая помощь семье, находящейся в кризисе / Е.В. Баранова / Теория и практика общественного развития. 2012. №5. С. 110-114.
2. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 528.
3. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2010. С. 184.
4. Дементьева И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье// Социологические исследования. 2001. № 11. – С. 108-113.
5. Демографический энциклопедический словарь. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1985. С. 640.
6. Зритнева, Е.И. Социология семьи: учебное пособие / Е.И. Зритнева. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2006. С. 246.
7. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 29.08.2014).
8. Пермский край в цифрах. 2019. Краткий статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. – Пермь, 2019. – 200 с. URL: https://permstat.gks.ru/storage/mediabank/пермский_край_в_цифрах2019(1).pdf (Дата обращения: 14.03.2020).
9. Попова Л. Г. Особенности поведения супругов с разной степенью удовлетворенности браком в конфликтных ситуациях / Л. Г.

Попова, С. Е. Балина // Психологический вестник Уральского государственного университета. Вып. 7. Екатеринбург: [Изд-во Урал. ун-та], 2009. С. 93-108.

10. Российский статистический ежегодник. 2019: Стат.сб./Росстат.– М., 2019 – 708 с. URL: https://www.gks.ru/folder/210/document/12994 (Дата обращения: 14.03.2020).

11. Сколько семей в России. URL: https://vserasskajem.ru/skolko-semej-v- rossii.html (Дата обращения: 24.05.2020).

12. Социальная проблема: Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера, 2002. – С. 1200.

13. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет.

14. URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (Дата обращения: 18.10.2018).

15. Целуйко В.М. Психология современной семьи.М.: ГИЦ «ВЛАДОС», 2004. С. 287.

УДК 911.3:314

Чаплыгина Ольга Георгиевна
к.г.н., доцент, г. Курск, Россия
Чаплыгина Татьяна Анатольевна
студентка, ФГБОУ «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

Анализ основных демографических показателей на региональном уровне в Российской Федерации

Аннотация. *Изучение основных демографических тенденций, характерных для территорий представляет существенное значение. Основные демографические показатели, которые использовались авторами, включают общий коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста населения. Целью является рассмотрение общих тенденций и региональных особенностей демографической обстановки в настоящее время. Для России свойственны регионы, в которых отмечается естественный прирост и территории со сложившимся преобладанием смертности над рождаемостью, в результате чего население сокращается за счет естественной убыли. Государство относит демографическую проблему к числу приоритетных и осуществляет комплекс мер, направленных на постепенное преодоление демографического кризиса. Результаты статьи имеют прикладное значение.*

Ключевые слова*: население, регион, общий коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, демографическая ситуация, естественная убыль, естественный прирост населения.*

К числу важнейших факторов, которые определяют развитие территории различной иерархии, относится население. Изменение численности населения происходит под влиянием естественного движения населения и миграций. Благополучная демографическая ситуация способствует росту населения. Однако население России сокращается, и это представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности России в XXI веке. Данная проблема во многом связана с неблагоприятной ситуацией в области воспроизводства населения, которая может быть охарактеризована как демографический кризис. Современная демографическая обстановка в Российской Федерации сложилась на фоне длительных неблагоприятных тенденций развития населения начиная с конца 60-х годов XX века. Эволюция процессов в области рождаемости, смертности, семейно-брачных отношений, миграции оказалась резко усиленной экономическим кризисом и падением уровня жизни значительной части населения. Естественная убыль населения, которая была отмечена с начала 90-х годов, в значительной мере сказалась на потерях населения. Стоит подчеркнуть, что для Российской Федерации характерна высокая степень территориальной дифференциации экономических, социальных и этнических процессов. Все это и многое другое сказывается на демографическом поведении многонационального населения страны, вносит существенные различия в характер демографических процессов, влияет на глубину депопуляции, охватившую большинство регионов страны [1].

Деятельность государства, направленная на изменение демографических тенденций, была закреплена в 2007 году в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года и ряде других документов. Осуществление основных направлений демографической политики в последующий период способствовало некоторому улучшению демографической ситуации. Имело место постепенное повышение рождаемости на фоне снижения смертности. Однако демографические тенденции очень неустойчивы, краткосрочное улучшение вновь сменилось уменьшением уровня рождаемости.

В настоящее время общий коэффициент рождаемости в стране составляет 10,9 ‰ (2018 г.), некоторый рост, после существенного падения в 90-е годы, отмечался с 2000 г. – 8,7‰, к 2005 г. – 10,2‰, 2010 г. – 12,5‰, 2015 г. – 13,3‰ затем, вновь снижение, к 2019 – 10,1‰ (рис.1) [4].

В составе макрорегионов более высокий показатель, чем в среднем по России, имеют Северо-Кавказский – 14,4‰, Уральский – 11,9‰, Дальневосточный – 11.9‰, Сибирский – 11,4‰, ниже – Приволжский – 10,6‰, Южный – 10,5‰, Северо-Западный – 10,4‰, Центральный – 9,9‰ (2018 г.).

Среди регионов России выделяются группа субъектов, в которых рассматриваемый показатель значительно превышает среднероссийский. По данным 2018 г. к их числу относятся Чеченская Республика (20,7‰), Ингушетия (16,3 ‰), Дагестан (15,6‰). В этих республиках еще не завершился демографический переход, сохраняются традиции

многодетности, характерно преобладание сельского населения. Соответственно высока доля детей, лиц молодого населения. Регионы с высокой рождаемостью выделяются и в восточных районах – Республика Тыва (20,2‰) и Республика Алтай (15,3 ‰). В сельской местности сохраняется традиционный образ жизни и рождаемость выше, чем в городах.

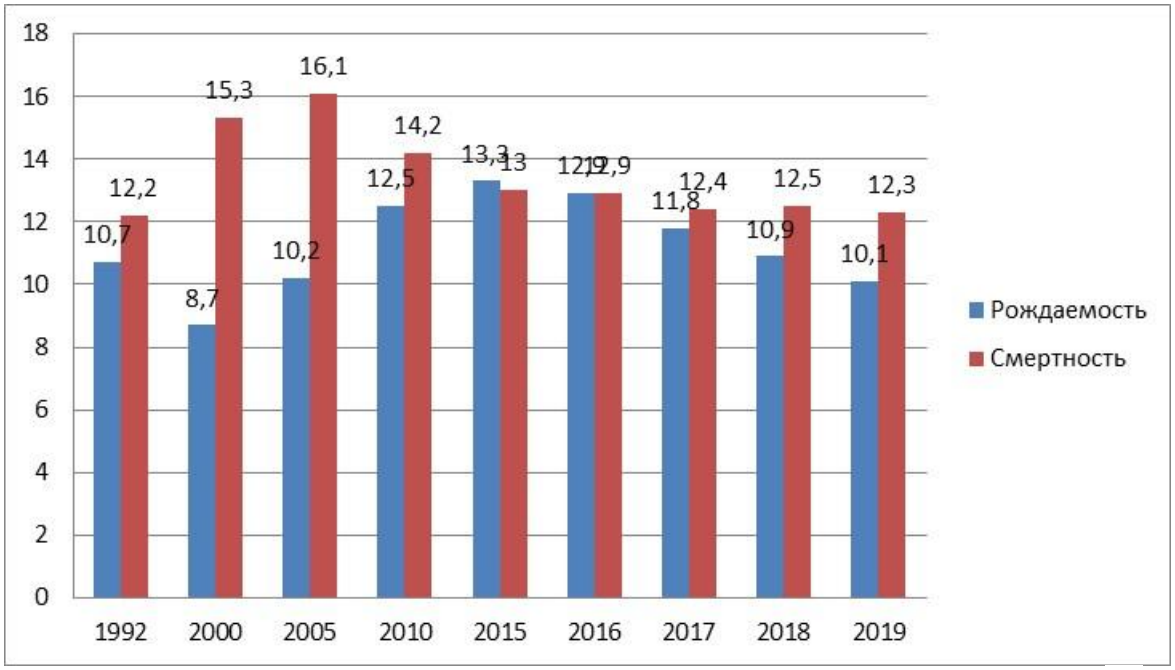

Рис.1. Общие коэффициенты рождаемости и смертности в России, ‰ (сост. по данным [4])

Другая группа регионов – Ненецкий (14,1 ‰), Ямало-Ненецкий (13,4‰), Ханты-Мансийский (13,6‰) автономные округа и ряд других субъектов восточных районов страны, в пределах которых существенна доля населения молодого возраста и общий показатель рождаемости выше среднего по стране. Но и в регионах-лидерах рождаемость заметно упала по сравнению с 2007-2015 гг. [3].

Большую группу регионов составляют субъекты, в которых общий коэффициент рождаемости близок к среднему показателю в России**.** Вместе с тем, следует выделить территории с низкой рождаемостью – это значительная часть регионов Центральной и Северо-Западной России, Урала, Поволжья и ряда других, в которых высока доля лиц старших возрастов из-за многолетнего оттока населения в столицы, крупные города, а удельный вес молодежи мал. В их числе Ленинградская (7,6‰) Тамбовская (8,1‰), Смоленская (8,3‰), Тульская (8,3‰) области, Республика Мордовия (8,3‰).

Положительной стороной демографической ситуации в РФ является снижение смертности. В среднем по стране общий коэффициент смертности составляет 12,5 ‰ (2018г.), 12,3 ‰ (2019 г.), уменьшение отмечалась с 2010 г. – 14,2 ‰, это ниже чем в 2005 г. – 16,1‰ (рис.1). Характеризуемый показатель, имеющий значение ниже, чем в среднем по стране имеют следующие федеральные округа: Северо-Кавказский (7,5‰), Уральский (11,9‰), Дальневосточный (12‰). Выше, чем в среднем по стране, общий коэффициент

смертности в Северо-Западном (12,6‰), Южном (12,8‰), Центральном (12,9‰), Сибирском (13‰) и Приволжском (13,3‰) (2018 г.) макрорегионах.

Региональные различия в уровне смертности свойственны субъектам РФ, где основным фактором выступает возрастная структура населения. Низкой смертностью отличаются такие республики Северного Кавказа, как Ингушетия, Дагестан Чечня, Дагестан (3–5 ‰), автономные округа Тюменской области (5–7 ‰). В возрастной структуре населения этих регионов значителен удельный вес лиц молодого возраста.

Сохраняется высокая смертность в территориях с высокой долей лиц пожилого возраста. В этой группе – Псковская (17,2‰), Тверская (16,8‰), Новгородская (16,7‰), Тульская (16,2‰), Ивановская (16,1‰) области. Максимальный уровень общей смертности характерен для областей Центра и Северо-Запада России, где ярко выражен процесс старения населения. В большей части субъектов страны данные показатели варьируют 11–16‰.

Результирующим показателем между рождаемостью и смертностью является естественный прирост (естественная убыль) населения, уровень и территориальная дифференциация которых определяется временем совершения в регионах демографического перехода [2]. Состояние близкое к естественному приросту в России было отмечено в 2012 г. Естественный прирост (0,2‰) был зафиксирован в 2013 г. Это та положительная тенденция, которая имела продолжение до 2015 г (0,3 ‰), но, начиная с 2016 г., смертность вновь превысила рождаемость (–1,8‰) (рис.2).

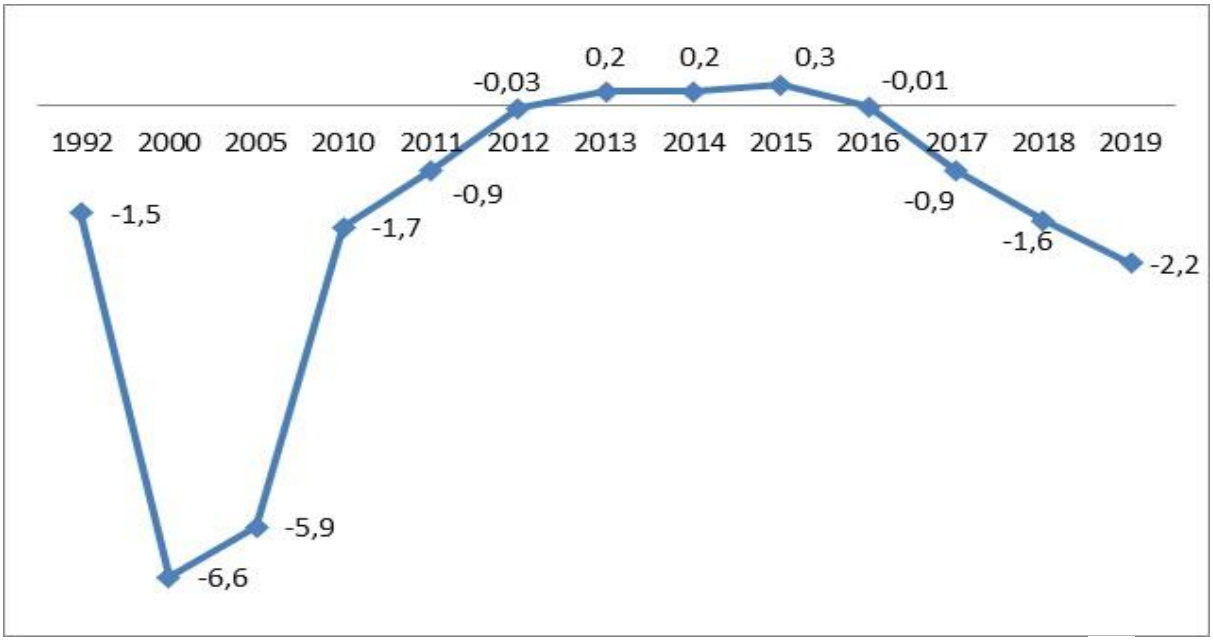

Рис.2. Коэффициент естественного прироста (убыли) в России, ‰
(сост.по данным [4])

В разрезе макрорегионов по коэффициенту естественного прироста населения лидирует Северо-Кавказский (6,9‰), затем с отрывом следует Уральский (0,01‰) ФО. Естественная убыль характерна для Центрального (–3‰), Приволжского (–2,7) ‰, Южного (–2,4‰), Северо-Западного (–2,2‰), Сибирского (–1,6‰) и Дальневосточного (–0,1‰) федеральных округов.

К числу субъектов России, имеющих превышение уровня рождаемости над уровнем смертности, относятся: Чеченская Республика (16,3‰), Республика Ингушетия (13,2‰), Республика Тыва (11,4‰), Республика Дагестан (10,8‰), Ямало-Ненецкий (8,7‰), Ханты-Мансийский АО (7,3‰), Республика Якутия (5,9‰), Республика Алтай (5,2‰), Ненецкий АО(5,1‰), Кабардино-Балкарская Республика (4,4‰), Республика Северная Осетия-Алания (2,9‰), Карачаево-Черкесская Республика, (1,7‰), Республика Калмыкия (1,4 ‰), Чукотский автономный округ (1,4‰). Кроме того, стоит отметить и территории с минимальными значениями естественного прироста – Москва, Санкт-Петербург (0,8‰) и Волгоградская область (0,05‰) [3].

Естественная убыль характерна для большинства территорий России. Значительное преобладание умерших над родившимися характерно для Псковской и Тульской (–7,9 ‰), Тверской (–7,7‰), Тамбовской (–7,5‰), Смоленской (–7,2‰), Калужской (–7,1‰), Новгородской (–7,0‰) Воронежской (– 6,7 ‰) Ивановской (–6,5‰), Курской и Липецкой (–6,2‰), Московской (–6,0‰) областей и ряду других субъектов Центра, Северо-Запада, Волго-Вятской территории, Поволжья, Урала. В некоторых территориях Сибири, Дальнего Востока естественная убыль менее выражена.

Таким образом, реальное улучшение демографической ситуации связано с проведением эффективной демографической политики, формируемой как на федеральном, так и на региональном уровнях, которая учитывала бы все многообразие процессов воспроизводства населения в российских регионах. В современных условиях необходимо научное осмысление новых демографических реалий, их всесторонний анализ в целях улучшения воспроизводственных процессов как в стране в целом, так и в каждой территории[5]. Изучение демографических процессов и возможности управления ими, понимание характера происходящих в них изменений на территориальном уровне, факторов и перспектив их развития представляют теоретическое и практическое значение [1].

Список литературы

1. Ищенко А.Н. Региональные особенности современного демографического развития России: автореф. дис. … д-ра экон. наук: 08.00.05 /А.Н.Ищенко; РАНХиГС.Москва, 2008. 48 с.
2. Карачурина Л. Региональные особенности российской демографической ситуации // Отечественные записки. 2006. №5(32). С.168-178.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
4. Россия в цифрах. 2020: Крат. стат.сб./Росстат. М., Р76 2020. 550 с.
5. Чаплыгина О.Г., Чаплыгина Т.А. Региональные особенности демографических процессов в России //Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. Материалы международной научно-практической конференции "Первые Максаковские чтения". Москва, 2016. С. 215-217.

УДК 314.72
Чернышев Константин Анатольевич
к.г.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Россия

Миграционное взаимодействие Кировской области с областями Черноземья[86]

Аннотация. *Актуальность работы связана с необходимостью изучения миграционного взаимодействия регионов России. Рассматривается миграционный обмен между Кировской областью и регионами Центрально-Чернозёмного района России за 1958–2018 гг. Основной метод – анализ данных текущего миграционного учёта населения. Выявлено, что в целом за рассматриваемый период Кировская область имела отрицательное миграционное сальдо в обмене с Центрально-Чернозёмным районом. Однако особенности и результат миграционного взаимодействия различаются как для обмена с конкретными областями Черноземья, так и для различных периодов времени.*

Ключевые слова*: Кировская область, Центрально-Чернозёмный район, миграции, коэффициент результативности миграционного обмена*

В данной работе ретроспективно рассматриваются миграционные связи между, с одной стороны, Кировской областью и областями Центрально-Чернозёмного района России с другой. Источником информации явились статистические формы Территориального органа Росстата по Кировской области и его предшественника – Статистического управления по Кировской области, отражающие передвижение населения по территориям прибытия и выбытия.

Тенденции демографического развития Кировской области и регионов Центрально-Чернозёмного района, в первую очередь Тамбовской и Курской областей, имеют черты сходства, сокращение численности в указанных регионах населения прослеживалось, как в советский, так и в постсоветский периоды (табл. 1). Население Воронежской и Липецкой областей между переписями 1959 и 1989 гг. несколько увеличивалось, а в дальнейшем сокращалось. Лучшее положение было характерно для Белгородской области, где численность жителей в советские и постсоветские годы возрастала.

В соответствии с итогами Всесоюзной переписи населения 1989 г. (первой за весь рассматриваемый период, где присутствовал вопрос о месте рождения) значительная часть уроженцев данных областей Центрально-

[86] Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта № 19-010-00319 А «Ретроспектива миграционных связей: оценка масштабов и социально-экономических последствий для региона-миграционного "донора"»

Черноземного района проживала за пределами региона рождения. Из таблицы 2 видно, что Курская и Тамбовская области (как и Кировская) являются ярко выраженными территориями-миграционными донорами.

Таблица 1-Численность населения Кировской области и областей Центрально-Черноземного района в 1959–2019 гг. [1, 2, 5]

Область	15.01.1959 г.	12.01.1989 г.	01.01.2019 г.
Кировская	1913,6	1692,7	1272,2
Белгородская	1226,3	1380,7	1547,4
Воронежская	2368,7	2469,8	2327,8
Курская	1483,3	1339,4	1107,0
Липецкая	1141,6	1230,0	1144,0
Тамбовская	1549,0	1320,7	1016,0

Таблица 2-Распределение уроженцев Кировской области и областей Центрально-Черноземного района по месту проживания (согласно переписи 1989 г.) [3]

Область	Численность уроженцев региона, проживавших в нём, тыс. чел.	Численность уроженцев региона, проживавших в других частях СССР	Доля уроженцев региона, проживавших в других частях СССР от общей численности уроженцев региона, %
Кировская	1383,9[87]	1074,9	43,7
Белгородская	1029,6	470,9	31,4
Воронежская	2018,5	1161,1	36,5
Курская	1135,0	1030,5	47,6
Липецкая	987,193	465,7	32,1
Тамбовская	1129,9	934,7	45,3

Полноценному изучению двусторонних миграционных связей удалённых территорий за длительный период времени препятствуют два ограничения. Первое из них связано с низким качеством информационной базы: неполнотой регистрации мигрантов (непаспортизированное население вообще не учитывалось в формах до 1960 г.), а также многократным изменением методологии миграционного учёта за столь длительный промежуток времени. В связи с этим сравнение во времени абсолютных показателей миграции малополезно.

Другое ограничение вызвано изменением территориального устройства регионов страны. В 1954 г. были образованы Белгородская и Липецкая области и, соответственно, стали учитываться в статистических формах миграции. В 1957 г. наступила стадия устойчивого равновесия

[87] В действительности численность уроженцев Кировской области, проживавших в «своём» регионе, составила 1339,9 тыс. чел., а доля пожизненных мигрантов 44,5%, поскольку в постоянное население области по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г. было перераспределено 43 тыс. жит. «закрытого» города Арзамас-16 Горьковской области [4].

системы административно-территориального деления [6], когда были упразднены Каменская и Балашовская области с передачей части территории областям Центрально-Черноземного района. Период рассмотрения целесообразно ограничить временем существования со времени формирования Центрально-Черноземного экономического района в современных границах: с 1958 года по настоящее время.

Характер взаимодействия с отдельными территориями в советский период различался. Первые годы рассматриваемого периода характеризуются наиболее значительными объёмами зарегистрированного миграционного оборота. С 1960 г. сельские жители, не имеющие паспортов, стали получать их при выезде за пределы административных районов, а паспортные столы начинают заполнять листки прибытия и убытия по сельскому населению. В 1964–1965 гг. миграционный оборот между Кировской областью и регионами Центрально-Черноземного района составлял более 2,9 тыс. чел. (рис.). В 1959–1968 гг. Кировская область имела заметный миграционный прирост в обмене с Центрально-Черноземным районом, в первую очередь за счёт обмена с Курской областью, в меньшей мере с Липецкой и Белгородской областями. В период с конца 1960-х и до конца 1980 х гг. характер взаимодействия рассматриваемых территорий изменяется. Несмотря на то, что в отдельные годы в Кировской области регистрировался миграционный прирост по данному направлению, в целом за 1969–1988 гг. регион терял населения в обмене со всеми областями Центрально-Черноземного района, кроме Тамбовской, в обмене с которой отмечалось небольшое положительно сальдо.

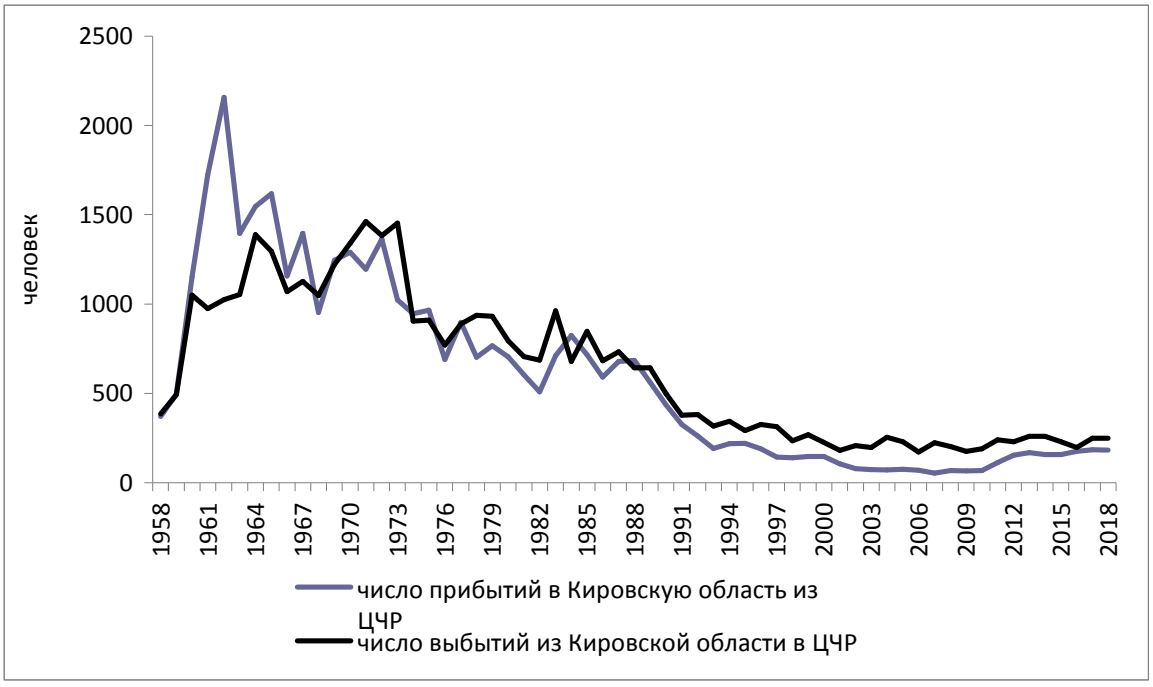

Рис. Миграционное потоки между Кировской областью и регионами Центрально-Черноземного района в 1958–2018 гг.

Постсоветский период характеризуется большей однородностью в результатах миграционного обмена. В 1989–2018 гг. Кировская область

теряла население во взаимодействии с каждой из областей по отдельности и Центрально-Черноземного районом в целом (табл. 1). Наибольший отток населения наблюдался в Воронежскую область (самый крупный регион района) и на Белгородчину (наиболее привлекательный в миграционном отношении субъект РФ в Черноземье).

Таблица 3-Миграционное взаимодействие Кировской области с регионами Центрально-Черноземного района в 1958–2018 гг.

Область	Прибытий в Кировской область	Выбытий из Кировской области	Миграционный прирост	КРМС
Белгородская	4679	6248	-1569	1,34
Воронежская	7715	9366	-1651	1,21
Курская	11662	10383	1279	0,89
Липецкая	6092	5771	321	0,95
Тамбовская	5916	6216	-300	1,05
Центрально-Черноземный район в целом	36064	37984	-1920	1,05

Для анализа миграционного обмена Кировской области в целом за период 1958–2018 гг. нами были определены сальдо миграции с каждой из областей Центрально-Черноземного района, а также коэффициент результативности миграционного обмена (КРМС), представляющий собой отношение числа выбывших на 1 тыс. прибывших. Несмотря на то, что значение КРМС в целом за 1958–2018 гг. лишь немного выше 1, характер и результаты миграционного обмена Кировской области с рассматриваемыми субъектами РФ различаются по годам. Наиболее интенсивный миграционный обмен осуществлялся с Курской областью, взаимодействие с которой (а также с Липецкой) в целом за 1958–2018 гг. характеризуется положительным для Кировской области балансом. Однако основная часть миграционного прироста с данными областями сформирована до 1968 г. Наибольшее выраженное отрицательное сальдо миграции и наиболее высокие значения КРМС отмечаются во взаимодействии с Белгородской и Воронежской областями. Таким образом, не имеющие общей границы и находящиеся на значительном удалении друг от друга территории осуществляли и продолжают осуществлять миграционное взаимодействие.

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность наличного населения городов и других поселений, районов, районных центров и крупных сельских населенных мест на 15 января 1959 года по республикам, краям и областям РСФСР http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php

2. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php

3. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение населения республик СССР и их регионов по месту рождения. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pob_89.php
4. Кировская область в 1995 году. Стат. ежегодник. Часть II. Киров: Киров обл. ком. гос. стат., 1996. 182 с.
5. Население субъектов Российской Федерации на 1 января 2011–2019 гг. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_reg_2011.php
6. Тархов С.А. Основные пространственные закономерности эволюции сетки административно-территориального деления России за 300 лет //Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 16–33.

УДК 571(63)

Шведов Вячеслав Геннадьевич
д.г.н., старший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия
Ушаков Евгений Александрович
младший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия
Чурзина Анна Александровна
младший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Демографические проблемы Тихоокеанской России и Восточной Арктики

Аннотация. *Рассматриваются вопросы, связанные с демографическими проблемами Тихоокеанской России и Восточной Арктики, их сходства и различия. Выделены факторы, которые негативно сказываются на динамики численности населения, в особенности – его миграционного оттока. Указаны основные территориальные проблемы демографического характера в этом макрорегионе.*

Ключевые слова: *Динамика численности населения, демографические проблемы, социально-экономические факторы, Тихоокеанская Россия, Восточная Арктика.*

Тихоокеанская Россия является одним из важнейших макрорегионов в перспективе дальнейшего развития нашей страны. Поэтому отдельного рассмотрения заслуживает каждый из составляющих её отдельных регионов. Из их числа наиболее благоприятными в плане развития внешнеэкономических связей являются Приморский и Хабаровский края. Это обусловлено их

экономико-географическим положением – максимальной приближенностью к странам АТР и наиболее благоприятными для Тихоокеанской России навигационными условиями. Специфика Сахалинской области обусловлена её лидерским положением в макрорегионе по добыче углеводородного сырья. Камчатка и Курильские острова дают наибольшие объёмы добычи рыбы и морепродуктов. Магаданская область во всероссийском масштабе специализируется на производстве благородных металлов (Бакланов, 2001; Бакланов, Мошков, 2016; Геосистемы…, 2012).

Отдельно стоит отметить ещё один, весьма важный и тесно примыкающий к Тихоокеанской России регион – Восточную Арктику, которая играет значимую роль в развитии Северного морского пути и располагает крупными запасами углеводородов, благородных и редкоземельных металлов.

Актуальная проблема данных территорий – обеспечение их устойчивого развития данных территорий, одним из важнейших факторов формирования которого является демографический. Между тем, ситуацию вокруг него следует рассматривать как неудовлетворительную. В первую очередь, и для Тихоокеанской России, и для Восточной Арктики общими демографическими проблемами являются:

- снижение численности населения;
- изменение его возрастной структуры.

1. Сокращение численности населения данных территорий наблюдается с начала 1990 гг., что было вызвано общегосударственным кризисом конца XX столетия. В свою очередь это сказалось на естественном приросте (снижении рождаемости и увеличении смертности), а также создало миграционный отток населения, особенно с северных территории, которые больше всего пострадали от результата так называемых «рыночных реформ».

Особенно активно снижение численности населения фиксировалось 90-е годы, когда его численность более чем в 2 раза упала Магаданской области и Чукотке. Менее всего численность населения снижалась в Приморском и Хабаровских краях. В 2000-х гг. ситуация начала изменяться в лучшую сторону, но убыль населения продолжалась по всем регионам, особенно в северных, где она превышала 1% в год, а в Магаданской области этот показатель был свыше 2%. В 2010-х гг. динамика численности населения начала стабилизироваться во всех регионах, за исключением Магаданской области (убыль населения за 2010-2019 – 10,6%). В настоящее время вновь обозначилась тенденция на убыль населения в регионах Тихоокеанской России. А в Восточной Арктике в 2019 г., напротив, зафиксирован прирост населения (рис.1).

2. Важно также учитывать и развитие демографических процессов внутри самих субъектов. Здесь главная демографическая проблема связана, с одной стороны, со значительной убылью населения в сельских районах и большинстве городов, а с другой – с концентрацией населения в административных центрах субъектов. Фактически численность населения в основном росла в последнее десятилетие в региональных столицах, которые распространили агломерационный эффект на своё ближайшее

территориальное окружение, где также отмечался рост численности населения.

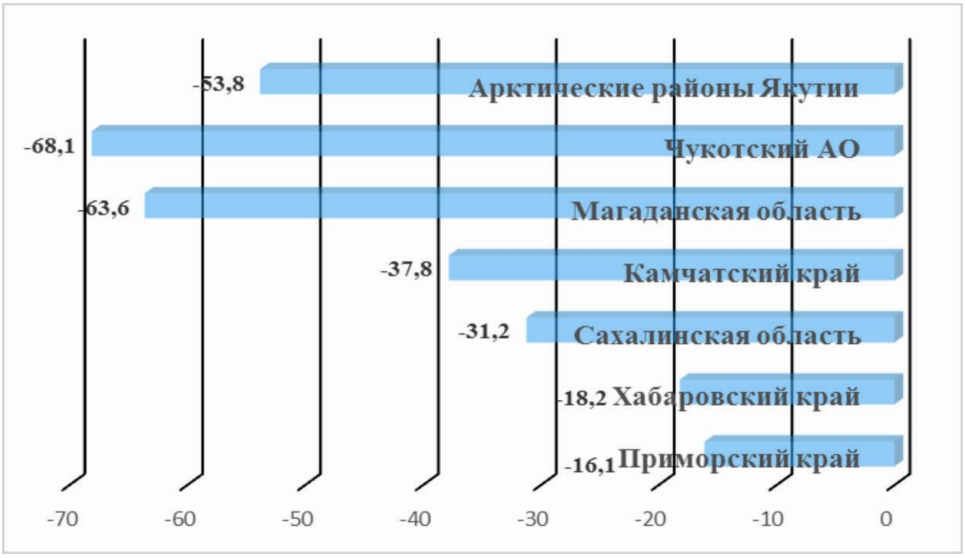

Рис. 1. Динамика численности населения Тихоокеанской России и Восточной Арктики за период 1989-2019 гг.

В сельских районах также существует разница динамики численности населения между большими и малыми населёнными пунктами. В крупных селах, которые в большинстве случаев являются административными центрами районов, происходит меньшее снижение численности населения – в основном менее 1% в год. В малых сёлах с численностью населения менее 1 тыс. чел. оно может доходить до 3% в год (Ущаков, Чурзина, 2016). Это вызвано, прежде всего, большим миграционным оттоком населения в административные центры субъектов и другие большие города с целью улучшения качества жизни и надеждой на трудоустройство с более высоким уровнем оплаты труда (Рис.2).

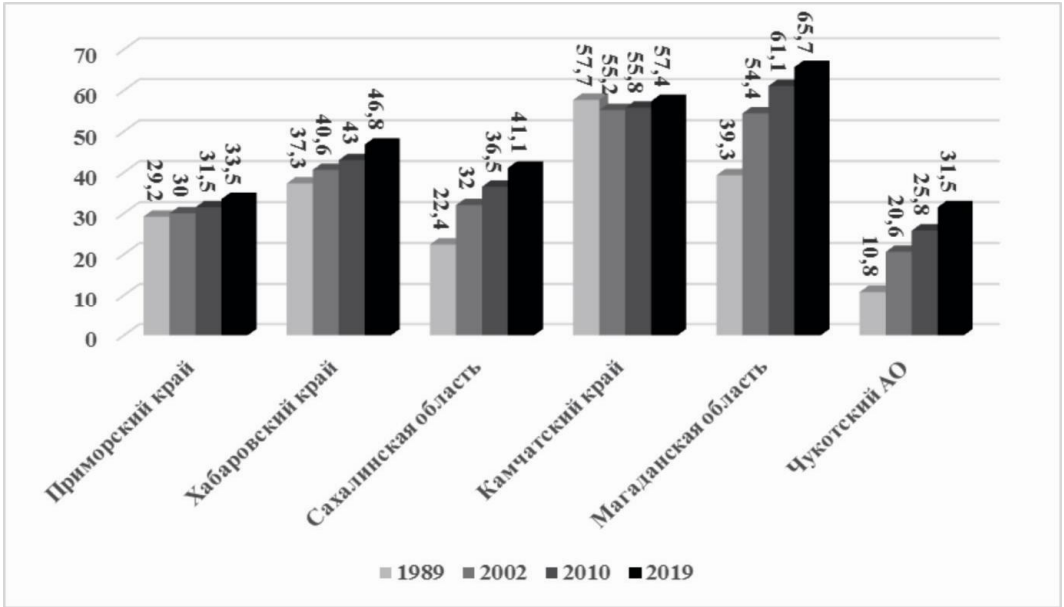

Рис. 2 Доля населения субъектов проживающего в административных центрах субъектов

3. Изменение возрастной структуры населения. Данная демографическая проблема связано с уменьшением доли трудоспособного населения. Если в 2005 году его доля по регионам колебалась в пределах 64-70%, то сейчас она составляет 56-60%. Значительно возросла доля лиц старше трудоспособного возраста. Так, в 1989 г. доля лиц этой возрастной группы колебалась в пределах 12% (Магаданская область - 4%), а после активного оттока населения, прежде всего, трудоспособного возраста (особенно молодежи) к 2005 году эта доля возросла 16-18% и в настоящее время она составляет 20-23%. Доля лиц моложе трудоспособного возраста составляет 18-20% по регионам (в 2005 г. – 16-17%), что намного меньше по отношению к 1989 г – 26-28%. Поэтому в ближайшем будущем, нагрузка на трудоспособное население будет возрастать только за счет такого резерва, как работающие лица старше трудоспособного возраста на фоне продолжающегося миграционного оттока молодёжи.

Почти во всех муниципалитетах наблюдается отрицательный прирост населения. При сравнении итогов переписи населения 2010 г. с данными на 01.01.2019 согласно Росстату, численность населения выросла в административных центрах регионов (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск), ряда больших городов (Уссурийск, Артем) и пригородных территорий административных центров регионов (Хабаровский, Благовещенский районы). Данный факт был прежде всего, вызван внутрирегиональным миграционным притоком (Ушаков, Чурзина,2020). Этот процесс связан с депопуляцией малых городов и сельской местности, что влечёт за собой их разноплановую деградацию и явление населенческого запустения обширных территорий.

На основе изложенного можно утверждать, что демографический фактор не является условием, обеспечивающим устойчивое развитие Тихоокеанской России и Восточной Арктики. Численность населения здесь, в целом, продолжает снижаться; а внутренние миграционные процессы имеют, по преимуществу, негативные последствия, в первую очередь – для сельской местности. Главной причиной снижения численности населения (особенно в сельской местности и ряде небольших городов) являются социально-экономические факторы, которые негативно сказываются на качестве жизни, проживающего на этих территориях населения. Это слабая развитость местной экономики и ее депрессивное состояние, большая безработица, низкая среднемесячная заработная плата, неудовлетворительное состояние сфер здравоохранения, бытовых услуг и организации досуга.

Благодарность. Результаты исследований получены в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разно ранговых территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России», № АААА-А16-116110810013-5. Раздел 1).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-05-60103

Список литературы

1. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
2. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Структурные трансформации хозяйства в Тихоокеанском регионе России // Экономика региона. 2016. №1. С.46-65.
3. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX-XXI веков. Том 3. Территориальные социально-экономические структуры. Владивосток: Дальнаука, 2012. 364 с.
4. Ушаков Е.А., Чурзина А.А. Изменение численности населения в населенных пунктах Приморского края // Современные проблемы регионального развития. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 216. С. 497-500.
5. Ушаков Е. А., Чурзина А. А. Демографический фактор устойчивого развития южных регионов Дальнего Востока // Актуальные вопросы и инновационные технологии в развитии географических наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2020. С.382-385.

УДК 571 (63)

Шведов Вячеслав Геннадьевич
д.г.н., старший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия
Ушаков Евгений Александрович
младший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия
Чурзина Анна Александровна
младший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия

Динамика численности населения Восточной Арктики в поселениях разноуровенной иерархии

Аннотация. *Рассматривается динамика численности населения территории Восточной Арктики на уровне поселений. Поселения были группированы по различиям в степени своего социально-экономического развития, и на этой основе был произведён анализ динамики численности населения. Особое внимание было уделено административным центрам районов; кроме того, при рассмотрении изменения численности населения в небольших посёлках учитывался этнический фактор. Актуальность проведённого исследования обусловлена тем значением, которое в настоящее время придаёт Восточной Арктике федеральный центр.*

Ключевые слова: *Динамика численности населения, муниципальный уровень, поселения, Восточная Арктика.*

Арктическая зона Дальневосточного региона занимает 38% его площади, но здесь проживает всего 2 % его населения – около 117 тыс. человек. Эту территорию можно разделить на две подзоны – Прибрежную, в которую входят Чукотский АО и 5 районов Якутий (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский), и Континентальную, образованную 8 районами Якутии (Абыйский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оленекский, Среднеколымский, Эвено-Бытантайский) (Ушаков, 2018). В целом Арктическая зона по своим социально-экономическим показателям отстает при сравнении Дальневосточным регионом в целом (табл.1) (Бакланов, Мошков, 2015; Мошков, 2018).

Таблица 1-Социально-экономические показатели арктических районов Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа (статический ежегодник..., 2018)

	Республики Саха (Якутия)	**Чукотский АО**
Численность населения, чел.	25987	49348
Численность рабочей силы, тыс. чел.	9,2	31,0
Среднемесячная заработная плата, руб.	68129	94100
Безработица, %	2,3	2,2
Число больничных коек на 1000 человек населения	102	133,1
Численность врачей на 1000 человек населения	42,7	74,8
Объем работ, выполненных по виду деятельности строительство, млн. руб.	1610	3723,6
Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения, $м^2$	60	83
Объем сельскохозяйственной продукции, млн. руб.	86,1	1469,4
Грузооборот автомобильным транспортом, млн. т.	0,2	1,5
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	159993	183781
Оборот общественного питания на душу населения, руб.	1027	12219
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	146258	237367

С 1990-х годов численность населения Восточной Арктики претерпела негативные изменения, сократившись более чем в два раза (таб. 2). Процесс депопуляции активнее шёл в Чукотском АО и прибрежных районах Якутии

арктических районов. Его основу составлял миграционный отток, который 2000-х гг. пошёл на убыль. В последние годы наблюдается стабилизация численности населения, как и за счет естественного прироста и снижения отрицательного миграционного сальдо.

Таблица 2-Динамика численности населения Восточной Арктики 1989-2019 гг.

	Всего	**%**	Якутия	%	*Прибрежные*	%	*Внутренние*	%	Чукотский АО	%
1989	**303908**		146380		*81335*		*65045*		157528	
2000*	**142173**	**-53,2**	84639	-42,2	*35165*	*-56,8*	*49474*	-23,9	57534	-64,5
2010**	**124241**	**-12,6**	73895	-12,7	*28359*	*-19,4*	*45536*	-8,0	50346	-12,5
2011	**123769**	**-0,4**	72781	-1,6	*28117*	*-1,5*	*44664*	-1,9	50988	+1,3
2012	**121952**	**-1,5**	71172	-2,3	*27213*	*-3,2*	*43959*	-1,6	50780	-0,4
2013	**119950**	**-1,6**	69395	-2,5	*26447*	*-2,8*	*42948*	-2,3	50555	-0,4
2014	**119400**	**-0,5**	68860	-0,8	*26194*	*-1,0*	*42666*	-0,7	50540	-0,0
2015	**118174**	**-1,0**	68557	-0,4	*26107*	*-0,3*	*42450*	-0,5	50157	-0,6
2016	**118315**	**+0,1**	68493	-0,1	*26190*	*+0,3*	*42303*	-0,3	49822	-0,6
2017	**117507**	**-0,7**	68159	-0,5	*25987*	*-0,8*	*42172*	-0,3	49348	-1,0
2018	**117226**	**-0,2**	67593	-1,0	*25882*	*-0,4*	*41711*	-1,1	49633	+0,6
2019	**117938**	**+0,6**	67652	+0,1	*26131*	*+1,0*	*41521*	-0,5	50286	+1,3

Одним из главных образующих элементов размещения населения Восточной Арктики являются поселения. Их классификация проведена по следующим основным показателям: разница в природных условиях мест размещения, динамика численности населения, бюджетная составляющая (наличие собственных доходов, которые в основном формируются за счет отчислений с НДФЛ), наличие и специализация производства; в отдельных случаях использовались и иные, имеющие значение, показатели (Ушаков, 2019). На этой основе было выделено группы поселений:

Социально-экономические центры 1 порядка – поселения, имеющие большое значение в экономике рассматриваемых территории. Они отличаются положительной динамикой населения. Главная их характеристика – лидирующее положение по большинству социально-экономических показателей, относительно высокий уровень занятости населения и размера среднемесячной заработной платы. Собственные доходы в бюджете этих муниципальных образований превышают 20000 руб. на 1 человека. Эту группу образуют Анадырь (который в отличие от других поселений является отдельным муниципальным районом), Певек, Билибино, а также 2 алмазодобывающих центра на территории Якутии - Саскылах и Сиктях.

С некоторой долей условности к этой группе можно отнести ещё несколько крупных населенных пунктов Чукотки – Угольные Копи, Эгвекинот, Провидения. С одной стороны, они не обладают экономическим потенциалом ранее перечисленных поселений, но не уступают им в социальных показателях

и имеют положительную динамику численности населения. Также они имеют важное стратегическое значение для Северного морского пути.

Социально-экономические центры 2 порядка – поселения, также имеют важное значение в социально-экономической сфере районов, но их соответствующие количественные показатели значительно меньше центров 1 порядка. К таким населенным пунктам можно выделить Беринговский, Чокурдах, Оленек и Тикси. Отдельно следует выделить посёлок Беринговский, который в ближайшие годы может перейти в центры I порядка за счет создания ТОР, созданной на основе крупнейшего на Чукотке угледобывающего месторождения. Он имеет промышленное производство, близкое к центрам первого порядка, но его основная проблема заключалось прежде всего в неблагоприятной динамике численности населения (с 2010 по 2017 г. она упала на 44,6%), хотя после создания ТОР минимальное число жителей Беринговского к 2019 г. вновь увеличилось на 23,6%. Поселения Чокурдах, Оленек и Тикси характеризуются снижением численности жителей за последнее десятилетие, которое относительно стабилизировалось лишь в последние годы.

Социально-экономические центры 3 порядка – поселения, не имеющие большого значения для экономики исследуемой территории, но обладающие зннаичельным числом работающих и высокой наполняемостью бюджета собственными доходами. К этому типу можно отнести населенные пункты, большинство из которых являются районными центрами. Эти населенные пункты, выделяются как локальные центры производства электроэнергии, газа и воды. При этом их население убывает. Большинство работающего населения заняты в бюджетных сферах деятельности (образование, здравоохранение, государственное управление).

Слаборазвитые поселения с признаками депрессивности – поселения, которые имеют небольшие показатели в численности занятости, размере заработной платы, с неблагоприятным отрицательным ростом численности населения – убыль в числе их жителей превышает 1% в год (в ряде поселений она свыше 3 % в год). И они полностью зависят от внешних безвозмездных поступлений в бюджет, при том, что доля своих доходов не превышает 10% в структуре доходной части. Значительную часть поселений можно охарактеризовать как «вымирающие», что особенно характерно для территории Чукотского АО.

Восточная Арктика в последние годы имеет признаки стабилизации численности населения, которой присуще незначительное снижение численности населения, а в отдельные годы или на определенных территориях фиксируется ее рост. Необходимо отметить, что, начиная с 1990-х гг. численность населения более активно снижалось за счет миграционного оттока в Чукотском АО и прибрежных районах Якутии, но в настоящее время эти районы имеют положительную динамику. В то же время, континентальные районы, имевшие меньшую интенсивность убыли численности населения в сравнении с прибрежными районами, в настоящее время сохраняют отрицательный прирост населения.

Среди поселений, где динамика численности населения является положительной, лидирующими являются те, где главная экономическая функция - добыча полезных ископаемых, наличие портовых сооружений, а также административная статусность поселения как центра субъекта (Анадырь). В этих поселениях преобладают большие значения социально-экономических показателей, которые снижают факторы миграционного оттока населения, а также являются притяжением переезда людей на постоянное место жительства с ближайших территорий. Вместе с тем, большинство поселений региона находится в депрессивном состоянии. Причиной этому служит высокий уровень безработицы, небольшой размер среднемесячной заработной платы, бесперспективность для будущего молодежи, а также иные факторы (в т. ч. природные) негативно влияющие на качество жизни местного населения). Все это ведет к сохранению оттока населения из этих небольших поселений (более 3% в год). Особенно такая ситуация наибольше неблагоприятна с поселениями депрессивного характера на Чукотке. Ярким примером этому может служить поселок мыс Шмидта, где в период 2010-2019 гг. численность населения сократилась с 492 до 117 чел., хотя в 1989 г. здесь проживало 4587 чел. Более благоприятнее обстановка с депрессивными поселениями имеется в Якутии, где имеется менее интенсивный отток населения (до 2% в год). Отдельно следует упомянуть этнический фактор: в поселениях, образованных полностью или преимущественно коренными народами с начала XX в. наблюдается хотя и незначительный, но стабильный прирост.

В целом же необходимо отметить, что на динамику численности населения населенных пунктов Восточной Арктики решающее воздействие имеют следующие факторы:

1. Социально-экономический.
2. Административный статус поселения.
3. Этническая составляющая.

Благодарность. Результаты исследований получены в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разно ранговых территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России», № АААА-А16-116110810013-5. Раздел 1).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-05-60103

Список литературы

1. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Пространственная дифференциация структуры экономики регионов Арктической зоны России //Экономика регионов. 2015. №1. С. 53-63.
2. Мошков А.В. Изменение структуры занятого населения арктических субъектов Дальневосточного федерального округа России // Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты. – Воронеж: ВГПУ, 2019. С. 640-644.

3. Статистический ежегодник республики Саха (Якутия). Якутск: Территориальный орган Федеральной государственной службы по Республики Саха (Якутия), 2018. 652 с.
4. Ушаков Е.А. Собственные и внешнеэкономические факторы развития Арктических районов Республики Саха (Якутия) //Пространственная организация общества теория, методология, практика. Пермь: ПГНИУ, 2018. С. 566-571.
5. Ушаков Е.А. Социально-экономическое положение прибрежных арктических районов Якутии и Чукотки //Проблемы обеспечения экологической безопасности и устойчивое развитие арктических территорий. Архангельск: Ом-Медиа, 2019. С. 587-591.

УДК 316.34

Шматова Анна Николаевна,
к.социол.н., доцент кафедры социологии, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия

Динамика качества жизни населения в 2014-2019 годах в муниципальном образовании г. Черкесск

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления изменений качества жизни населения конкретного муниципального образования; цель исследования состоит проведении социологического исследования методом анализа документов; практическая значимость статьи состоит в выявленной автором динамике качества жизни населения и в предлагаемых им способах анализа проблемы.*

Ключевые слова: *качество жизни населения, уровень жизни, муниципальное образование, муниципальные программы*

В данной статье нами приводятся результаты сравнительного анализа показателей за несколько лет, отражающих качество жизни населения муниципального образования г. Черкесск. К ним нами были отнесены показатели, в частности, финансово-экономического блока: численность и заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства); объем налогооблагаемых денежных доходов населения; объем социальных выплат населению; ввод в действие жилых домов; ввод в действие жилых домов, построенных индивидуальными застройщиками.

Ниже приведены данные об объеме социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения Черкесска за 2016 и 2017 годы (табл. 1).

Таблица 1 – Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения г. Черкесска за 2016-2017 г., тыс.руб.

Года	Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения		в том числе			
			налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей	социальные и другие выплаты	из них выплаченные населению	
	всего	в расчете на одного жителя в месяц, рублей			пенсии	пособия
2016	22 672 958,4	15 385,7	15 003 408,1	7 107 312,8	5 052527,2	2 054 85,6
2017	24 271 84,3	16 519,8	15 923 273,0	8 348 111,3	5 572 47,6	1 644 923,6

Проведенный нами сравнительный анализ социальных выплат и доходов населения выявил увеличение объема показателя 2017 года по сравнению с 2016 годом на 7%, причем, в расчете на одного жителя Черкесска увеличение составило 7,4%. Денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей увеличились на 6,1%; социальные и другие выплаты – на 17,5%, пенсии – на 10%; это привело к снижению почти на четверть суммы пособий, выплаченных населению. По показателю «Доля населения, получившего жилые помещения и улучшившего жилищные условия в отчетном году, в общей численности населения, состоящего на учете в качестве нуждающегося в жилых помещениях»: в 2018 году доля населения, получившего жилые помещения и улучшившего жилищные условия, в общей численности населения, состоящего на учете в качестве нуждающегося в жилых помещениях составила 7,3% (на конец 2018 года на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях состояло 3 431 человек, на конец 2017 – 3 682) [1].

Проведем сравнение показателя «Численность и заработная плата работников организаций» за 2018 и 2019 годы (табл. 2).

Таблица 2 – Численность и заработная плата работников организаций» за 2018 и 2019 года

Года	Средняя численность работников (без внешних совместителей), человек	Среднемесячная заработная плата	
		рублей	В процентах к предыдущему году
2018	32451	29714.0	108,8
2019	31325	30851,1	108,5

Важнейшей составляющей денежных доходов населения г. Черкесска является заработная плата. Согласно таблице можно отметить некоторый ее рост: так, в 2019 году размер среднемесячной заработной платы составил 31225 руб., что на 5% превышает показатель 2018 года (29714 руб.).

Ниже представлены результаты анализа ряда муниципальных программ, принятых мэрией муниципального образования г. Черкесск, которые отражают некоторые направления ее деятельности по улучшению уровня и качества жизни населения. Одним из показатели качества жизни населения является его социальная поддержка. В 2014 году была принята муниципальная программа «Социальная поддержка населения города Черкесска» на 2014-2021 годы».

Ожидаемые результаты реализации программы:

1) обеспечение поддержки и содействие социальной адаптации граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию или находящихся в социально опасном положении;

2) увеличение охвата отдыхом и оздоровлением детей, в том числе детей, находящихся в трудной жизненной ситуации;

3) повышение уровня и качества жизни пожилых граждан, инвалидов, семей с детьми и других социально незащищенных категорий граждан, проживающих в городе Черкесске;

4) отсутствие кредиторской задолженности по публичным обязательствам.

5) повышение средней заработной платы социальных работников до 100% от средней заработной платы в городе Черкесске;

6) создание прозрачной и конкурентной системы государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций;

7) преобладание к 2019 году семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Не вызывает сомнения направленность данной программы на повышение уровня и качества жизни населения муниципального образования. Анализ содержания программы в части ее финансирования показывает тенденцию увеличение объема средств, выделяемых на эти нужды. Так, раздел «Объемы бюджетных ассигнований» подпрограммы 1 ««Развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» показывает, что ассигнования из местного бюджета составили 210 395,3 тыс. рублей, из них по годам (табл. 3):

Таблица 3 – Распределение объемов бюджетных ассигнований подпрограммы 1 «Развитие мер социальной поддержки отдельных категорий граждан» по годам.

Года	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Объем ассигнований подпрограммы, тыс. руб.	17 908,6	19 777,2	21 860,7	27 449,4	28 701,2	30 425,7	31 531,9	32 740,6

Таблица фиксирует явно выраженную тенденцию к увеличению объема ассигнований с 2014 года, но, при этом, ее рост с 2019 по 2021 невелик. Это объясняется стабилизацией контингента слабообеспеченные слоев населения.

Важнейшим направлением повышения качества жизни населения является создание условий для удовлетворения культурных потребностей. Подвергнув анализу содержание муниципальной программы «Развитие культуры города Черкесска» на 2015 – 2021 годы, мы констатируем, что она в целом и ее подпрограммы направлены на повышение качества жизни населения.

Общий объем финансирования реализации программы за 2015 – 2021 годы составляет 782199,7 тыс. рублей, из них по годам (рис. 2).

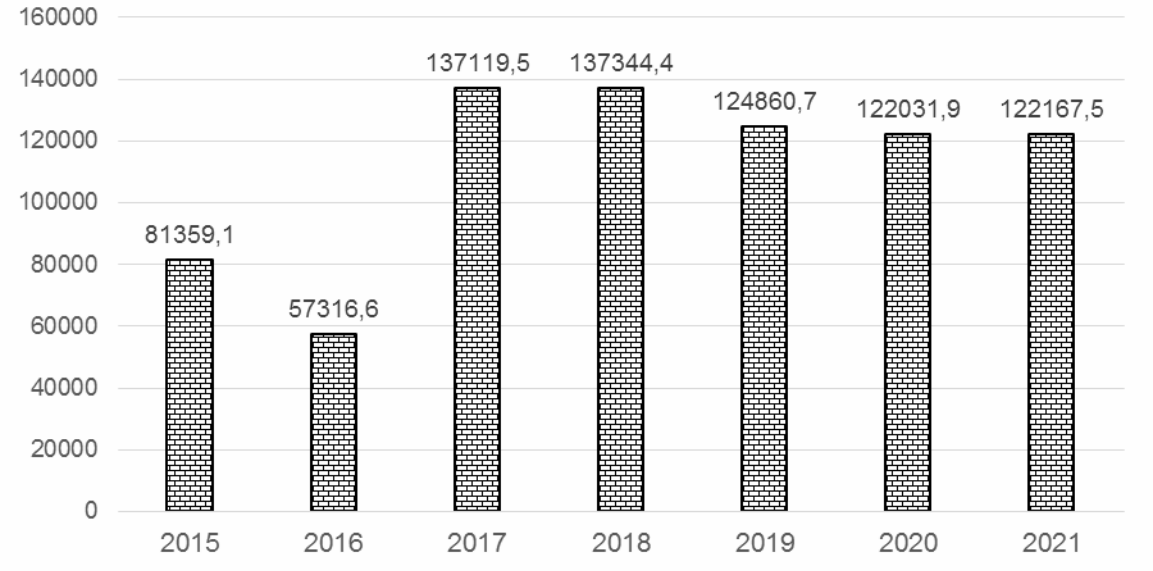

Рис.1. Распределение объемов бюджетных ассигнований программы «Развитие культуры города Черкесска» на 2015 – 2021 годы, тыс. руб.

Отмечается тенденция к некоторому снижению расходов на отрасль культуры в связи с достижением нормативных показателей в учреждениях культуры.

На улучшение качества жизни людей с ограничениями в жизнедеятельности направлена Муниципальная программа «Доступная среда» на 2014-2019 годы, согласно которой ожидаемыми результатами ее реализации должны выступить: повышение уровня и качества жизни инвалидов и маломобильных групп населения, эффективность их реабилитация за счет повышения доступности объектов социальной инфраструктуры – объектов социальной защиты населения, культуры, образования, здравоохранения, а также транспорта, информации и связи.

В таблице 4 представлены данные о финансировании данной программы по годам.

Анализ показал, что поскольку основные мероприятия формирования безбарьерной городской среды проведены в 2015-2016 году, то финансирование этой программы в последующие годы ведется по остаточному принципу.

Таблица 4 – Распределение объемов бюджетных ассигнований программы «Доступная среда» по годам.

Года	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Объем ассигнований подпрограммы, тыс. руб.	2 072,6	38 585,9	30 974,3	503,0	503,0	503,0

Уровень образования является одним из показателей качества жизни населения. муниципальная целевая программа «Развитие системы образования в городе Черкесске» на 2015-2019 годы имеет целью повышение качества и доступности предоставляемых образовательных услуг населению города Черкесска. Среди задач программы можно выделить те, которые непосредственно отражают направленность на повышения качества жизни: обеспечение доступности, повышение эффективности и качества дошкольного образования; повышение качества образования и развитие востребованности образовательных услуг; обеспечение условий для выявления и реализации способностей одаренных детей для дальнейшей профессионализации в сфере культуры [2]. На повышение уровня качества жизни также направлены такие программы, как «Профилактика терроризма и экстремизма в городе Черкесске» на 2015-2019 годы; «Безопасность дорожного движения в городе Черкесске» на 2016-2019 годы; «Обеспечение жильем молодых семей» на 2014-2019 годы; «Защита населения и территории муниципального образования города Черкесска от чрезвычайных ситуаций» на 2014-2019 годы.

Экономические показатели динамики факторов, обусловливающих изменение уровня и качества жизни населения города Черкесска, представлены в докладе мэра [1] (табл. 5)

Таблица 5 – Экономические показатели динамики факторов, обусловливающих изменение уровня и качества жизни населения города Черкесск

Показатель	Единица измерения	Отчетная информация				Примечание
		2016	2017	2018	2019	
Расходы бюджета муниципального образования на общее образование в расчете на 1 обучающегося в муниципальных общеобразовательных учреждениях	тыс. рублей	34,4	31,9	35,6	36,6	Увеличение показателя обусловлено реализацией положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Показатель	Единица измерения	Отчетная информация				Примечание
		2016	2017	2018	2019	
Доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом	процентов	33,61	33,7	33,72	37,2	
Результаты независимой оценки качества условий оказания услуг муниципальными организациями в сферах культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и иными организациями, оказывающими услуги в указанных сферах за счет бюджетных ассигнований бюджетов муниципальных образований.	(баллы) в сфере культуры	0	0	100	100	
	в сфере образования	0	55	0	0	
	в сфере охраны здоровья	0	0	0	0	
	в сфере социального обслуживания	0	0	0	0	

Итак, мы провели анализ динамики показателей качества жизни населения муниципального образования г. Черкесск за 2014-2019 годы и выявили, в основном ее положительный характер.

Список литературы

1. Доклад руководителя мэрии (Мэра) муниципального образования города Черкесска «О достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципального образования города Черкесска за 2018 год // cherkessk09.ru.

2. Российская Федерация. Карачаево-Черкесская республика. Черкесск. Мэрия муниципального образования города Черкесска. Постановления. О внесении изменений в постановление мэрии муниципального образования города Черкесска от 31.12.2015 № 1816 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие системы образования города Черкесска» на 2015-2020 годы»: пост. от 28.11.2019№ 517 //cherkessk09.ru.

СЕКЦИЯ 3

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

УДК 325.11
Али Сарбаз Азиз Али
аспирант, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия
Яковенко Наталия Владимировна
д.г.н., профессор, главный научный сотрудник, директор НИИ ИТЛК, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Россия
Комов Игорь Владимирович
к.г.н., доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Современные миграционные потоки в Воронежской области: тенденции в развитии[88]

Аннотация. *В статье раскрыты особенности миграционных потоков на территории Воронежской области. Показаны основные причины миграционного движения населения. Актуализирован акцент на влиянии миграционных процессов на качество человеческого капитала региона.*
Ключевые слова*: население, потенциал, человеческий капитал, миграция*

Миграция населения занимает особое место среди демографических процессов, изменяя численность населения и его возрастно-половую структуру, а также влияя на развитие человеческого капитала и социальную безопасность региона. В условиях демографического кризиса и естественной убыли населения миграция выполняет наиболее важную роль, поскольку частично позволяет компенсировать убыль населения и выступает главным источником пополнения трудовых ресурсов. Миграционный прирост является тем ресурсом, который оказывает компенсирующее действие, смягчая эффект депопуляции. В 2019 г. миграционный прирост в области составил 9690 чел. и заместил естественную убыль населения на 72.8%.

В 2019 г. области впервые за последние пять лет зафиксировано снижение миграционного оборота (96.4 % к уровню 2018 г.). Наблюдалось уменьшение интенсивности миграционных передвижений как по числу прибывших (98.2 % к уровню 2018 г.), так и по числу выбывших (94.5 % к

[88] Исследование подготовлено при финансовой поддержке проекта РФФИ 19-29-07400 мк

уровню 2018 г.). При этом миграционный прирост населения Воронежской области по сравнению с 2018 г. увеличился на 41.2%, что обусловлено менее интенсивным выбытием из области мигрантов.

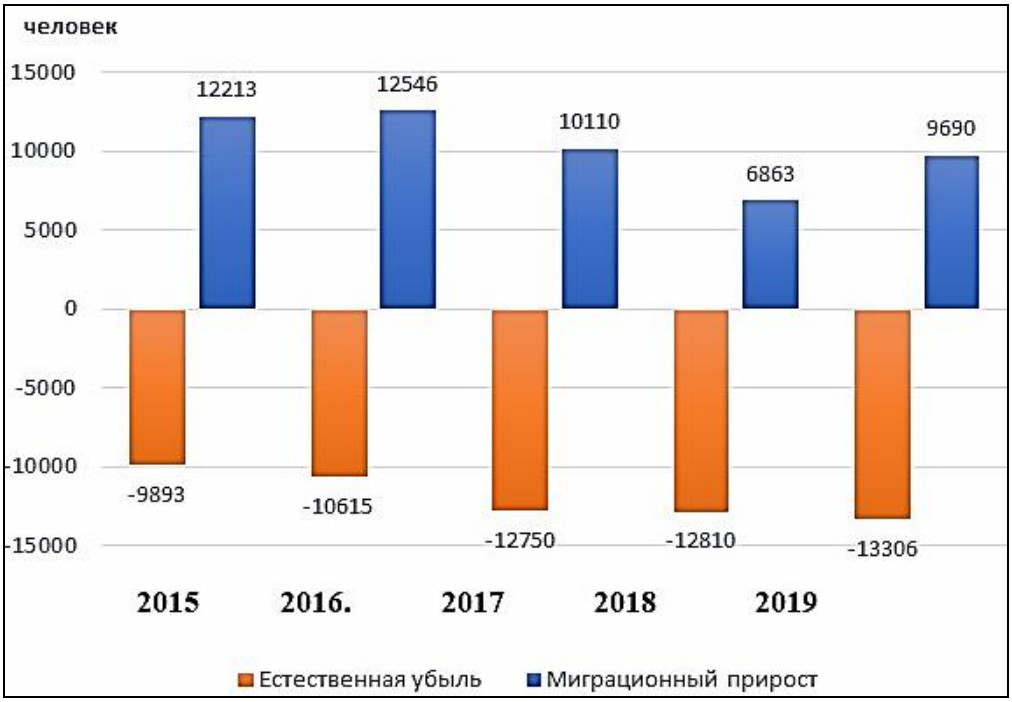

Рис.1. Естественная убыль и миграционный прирост населения Воронежской области в 2015 - 2019 гг.

Миграционная подвижность населения снизилась и составила 69.6 чел. в расчете на 1000 населения, приблизившись к уровню 2017 г. (69.5 чел.). При этом снижение коэффициента интенсивности миграционного оборота зафиксировано, как в городских поселениях, так и в сельской местности. Традиционно сохранилась более высокая миграционная активность сельского населения (79 перемещений в сельской местности против 65 – в городских поселениях).

На протяжении последних пяти лет наблюдался волнообразный характер изменения интенсивности миграции (коэффициента миграционного прироста). В 2019 г. коэффициент миграционного прироста увеличился до 4.2 чел. в расчете на 1000 населения. При этом в городских поселениях сохранилась тенденция снижения коэффициента миграционного прироста (с 4.7 %0 в 2018 г. до 4.4 %0 - в 2019 г., а в сельской местности, наоборот, в 2019 г. миграционная убыль сменилась миграционным приростом, и коэффициент миграционного прироста возрос до 3.7 чел. в расчете на 1000 населения.

В структуре миграции выделяется миграция в пределах Российской Федерации (в том числе внутрирегиональная и межрегиональная миграция) и международная миграция (в том числе миграция со странами СНГ и другими зарубежными странами). При этом положительное сальдо миграции Воронежской области формирует внешняя для региона миграция, включающая межрегиональную миграцию в пределах России и международную миграцию.

В 2019 г. положительное сальдо миграции населения области было обеспечено как обменом жителями с российских территорий (16.2 % его общего объема), так и с государствами-участниками СНГ (71.4 %) и с другими зарубежными странами (12.4 %).

Ключевую роль в миграционном обороте Воронежской области занимает внутрирегиональная миграция, которая преобладает над межрегиональной и международной. В структуре прибытия доля внутрирегиональной миграции составляет 41%, выбытия – 46.2%. Во внутренних миграциях участвовало 35.1 тыс., что на 1.6% меньше, чем в 2018 г.

Из 31 муниципального района области положительное сальдо миграции имело место в 21 районе (в 2018 г. - в 11). Оно сохранилось в Богучарском, Верхнемамонском, Новоусманском, Нижнедевицком, Панинском, Рамонском, Семилукском и Хохольском муниципальных районах. В 2019 г. в Репьевском муниципальном районе зафиксировано миграционное равновесие. Еще в 12 муниципальных районах области миграционная убыль сменилась миграционным приростом.

Наиболее существенный миграционный прирост населения отмечен в Новоусманском (1854 чел.), Рамонском (1311), Семилукском (651) и Хохольском (341 чел.) муниципальных районах. Наибольший отток населения зафиксирован в Кантемировском (272 чел.), Верхнехавском (217), Лискинском (168), Таловском (165) и Калачеевском (161 чел.) муниципальных районах.

Из трех городских округов сальдо миграции было положительным в городских округах город Воронеж и Нововоронеж (6475 и 135 чел. соответственно). По сравнению с 2018 г. миграционный прирост в городском округе город Воронеж снизился на 21.4%, а в городском округе город Нововоронеж – на 42.6%. Отрицательное сальдо миграции сохранилось в Борисоглебском городском округе (666 чел.), которое выросло на 116 чел. (по сравнению с 2018 г.).

Проанализируем территориальную дифференциацию миграционного движения в разрезе муниципальных образований Воронежской области за последние пять лет по показателям сальдо, объема, интенсивности и эффективности миграции. За анализируемый период в большинстве муниципальных образований Воронежской области прослеживался волнообразный характер изменения сальдо миграции. С 2015 по 2019 гг. положительное сальдо миграции было только в городском округе город Воронеж и пяти районах области: Богучарском, Нижнедевицком, Новоусманском, Рамонском и Хохольском. В течение всего анализируемого периода районами-донорами были Калачеевский, Лискинский, Таловский и Эртильский муниципальные районы, а также Борисоглебский городской округ, так как они имели отрицательное сальдо миграции. При этом необходимо отметить, что за последние три года в Лискинском и Эртильском муниципальных районах, относящихся к группе доноров, наблюдался рост отрицательного коэффициента миграционного прироста населения.

В 2019 г. к районам с наиболее низким коэффициентом интенсивности миграции относились Верхнехавский и Кантемировский, а также Борисоглебский городской округ. Наибольшей интенсивностью миграций в прошедшем году отличились Рамонский, Новоусманский, Хохольский, Верхнемамонский и Семилукский муниципальные районы, в которых коэффициент миграционного прироста находился в диапазоне от 36.9 до 9.7 %0. В этих же районах наблюдалась и высокая эффективность миграции (в диапазоне от 36.2% до 11.9%).

Динамика миграционных процессов по административным единицам Воронежской области показывает общую неустойчивость интенсивности и миграционной подвижности населения: происходит «оголение» одних территорий (в глубинке), в то время как происходит концентрация населения в областном центре и прилегающих к нему районах.

Внутрирегиональная или внутриобластная миграция отражает механическое движение в границах области и не оказывает влияния на изменение численности населения области. Общий миграционный прирост населения области формируется за счет внешней для области миграции, состоящей из трех основных потоков: обмена с другими регионами России, государствами-участниками СНГ и другими зарубежными странами. Реальное влияние на численность и состав населения в целом по области оказывали первые два потока.

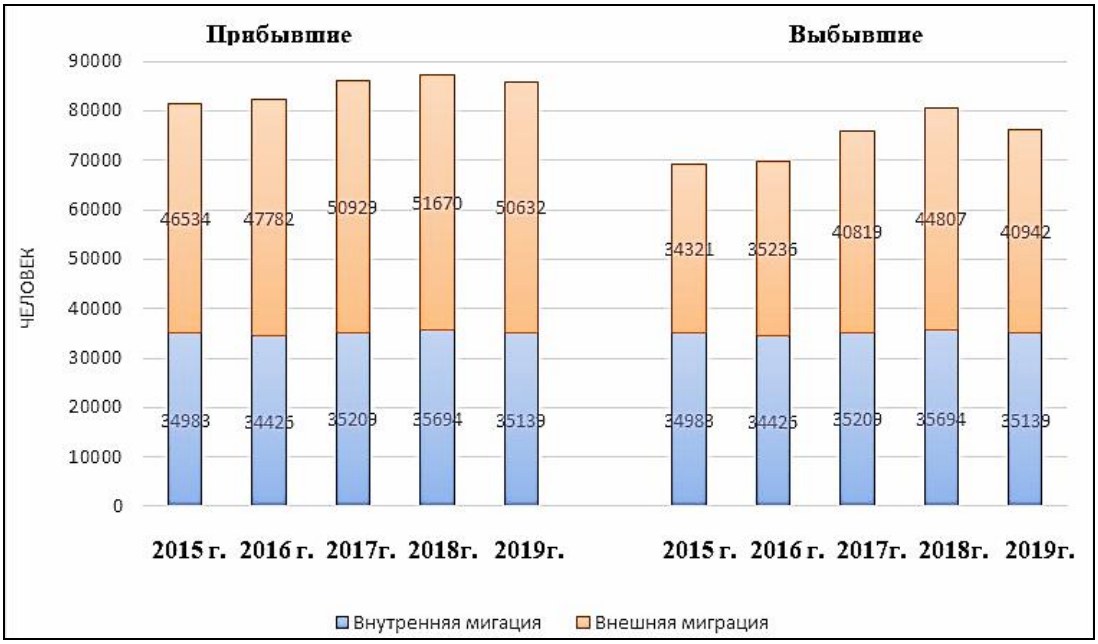

Рис.2. Динамика прибытия и выбытия населения в разрезе направлений миграции за 2015-2019 гг.

Объемы внешней миграции по прибытию и выбытию в 2015–2018 гг. имели выраженную тенденцию к росту, хотя и несколько снизились в 2019 г.

Внешняя для области миграция в 2019 г. составила 56.6% от общего объема миграции, в том числе миграционный оборот с регионами России – 34.1%, со странами СНГ и другими зарубежными странами – соответственно 20 и 2.5 процента. Во внешнем миграционном обороте населения

Воронежской области преобладала межрегиональная миграция. Ее удельный вес в числе прибывших составил 56.1%, в числе выбывших – 65.5 %.

Миграционный обмен с другими регионами России характеризовался уменьшением объемов по сравнению с 2018 г. на 6.7%. Приток прибывших из других регионов России мигрантов сократился на 4.3%, а отток населения из области в другие регионы – на 9.1%. Вследствие этого величина сальдо миграции по данному направлению возросла в 8.7 раза по сравнению с 2018 г. (рис.3).

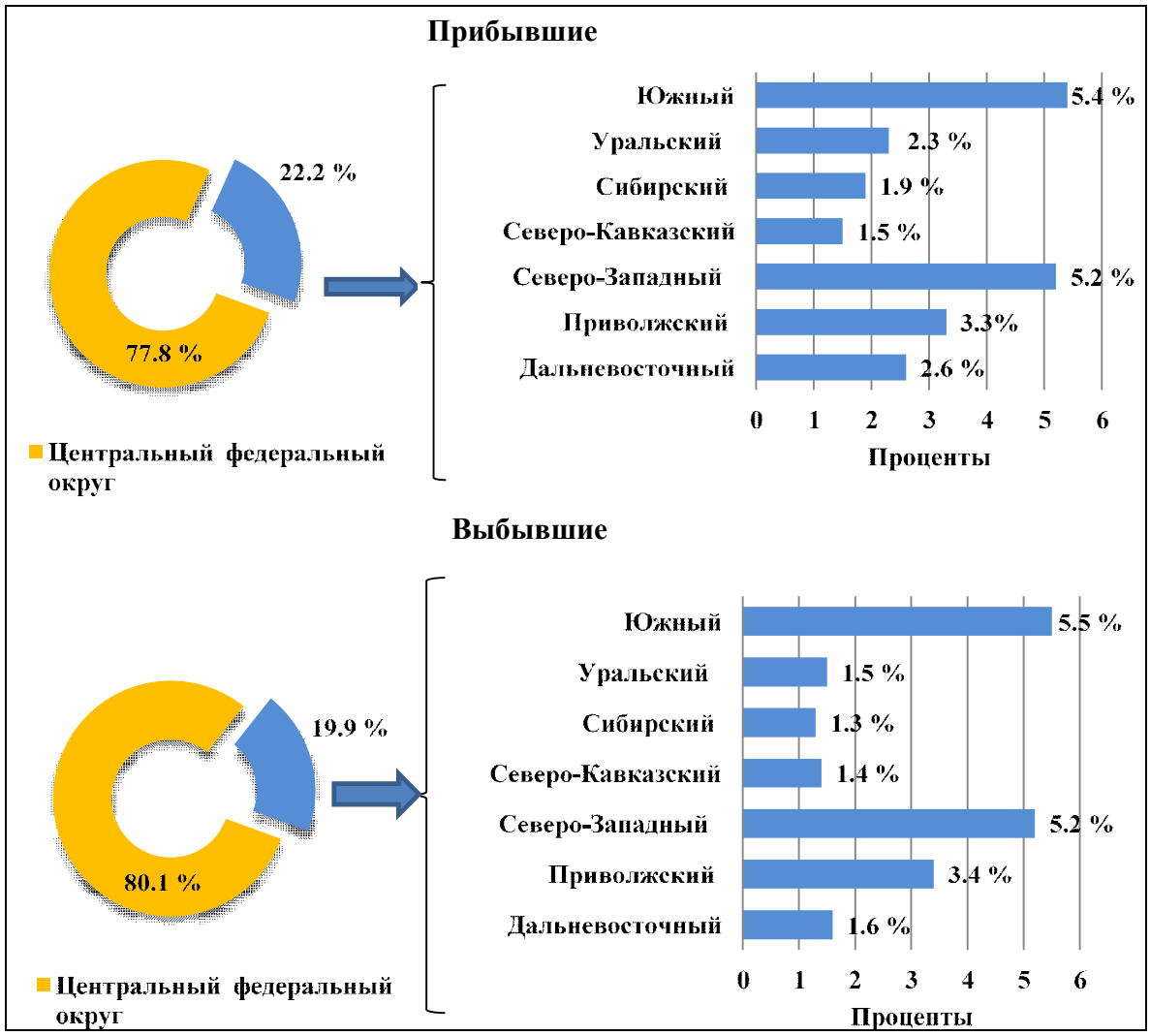

Рис.3. Структура межрегиональных потоков в Воронежской области в 2019 году

Как правило, межрегиональные миграционные потоки протекают между близлежащими территориями. В структуре прибытия населения в Воронежскую область в рамках межрегиональной миграции преобладали жители других регионов Центрального федерального округа (77.8 % входящего потока мигрантов). Центральный федеральный округ также лидировал среди федеральных округов по объему выбытия из Воронежской области (80.1%). При этом за анализируемый период зафиксирована устойчивая тенденция роста числа прибывающих и выбывающих мигрантов в пределах Центрального федерального округа.

2017 г. стал для Воронежской области крайне неблагоприятным. Регион стал «теряющей» территорией, поскольку наблюдалось превышение числа выбытий в другие субъекты Российской Федерации. В 2018 г. вновь был зафиксирован миграционный прирост в результате межрегионального обмена населением, но он был незначительным (181 чел.).

Положительное сальдо межрегиональной миграции в 2019 г. (1569 чел.) обеспечили шесть федеральных округов России. Наиболее ощутимый приток населения в область отмечался из Дальневосточного, Уральского и Сибирского федеральных округов – число прибывших в область из этих регионов превысило число выбывших на 661, 530 и 413 чел. соответственно.

С Центральным федеральным округом Воронежская область стабильно имела отрицательное сальдо миграции, которое на протяжении последних трех лет снизилось в 9.1 раза (с 2005 чел. выехавших в другие регионы ЦФО в 2017 г. до 220 чел. – в 2019 г.). Со всеми остальными федеральными округами наблюдался волнообразный характер изменения сальдо миграции.

Исходящие миграционные потоки направлены, прежде всего, в Центральный федеральный округ. Внутри Центрального федерального округа Воронежская область отдавала мигрантов лишь в пять субъектов: в Московскую область (1554 чел.), город Москву (595), Ивановскую, Брянскую и Рязанскую области (23, 15 и 11 чел. соответственно).

При этом область привлекала мигрантов из двенадцати субъектов Центрального федерального округа, а главными миграционными донорами в 2019 г. стали Белгородская, Липецкая, Тамбовская, Курская и Орловская области. В межобластном миграционном обмене население области в 2019 г. приобрело 696 чел. (жители Белгородской области, 476 – Липецкой, 187 – Тамбовской, 146 и 128 чел. – Курской и Орловской областей соответственно).

Основные потери в пределах Северо-Западного федерального округа Воронежская область несла за счет Ленинградской области (231 чел.), города Санкт-Петербурга (202 чел.) и Калининградской области (116 чел.).

В масштабах России в 2019 г. еще девять субъектов отнимали у Воронежской области население. Наиболее ощутимый отток населения из области был в Нижегородскую область (312 чел.), Краснодарский край (139 чел.) и город Севастополь (37 чел.).

Международная миграция в 2019 г. составляла 22.5% от общего миграционного оборота, однако именно она оказала наибольшее влияние на миграционный прирост, который обеспечивался за ее счет на 83.8%. Миграционный прирост населения области в 2019 г. по данному направлению (8121чел.) по сравнению с 2018 г. увеличился на 21.5%. Международная миграция на протяжении всего рассматриваемого периода времени обеспечивала устойчивый миграционный прирост, что очень важно для демографической ситуации в регионе.

В международной миграции число прибывших мигрантов составило 22233 чел., из которых 19652 чел. (88.4%) приехали в область из стран СНГ и 2581 чел. (11.6%) из других зарубежных стран. По сравнению с 2018 г. число прибывших из стран СНГ и других зарубежных стран увеличилось на 248 чел., или на 1.1%.

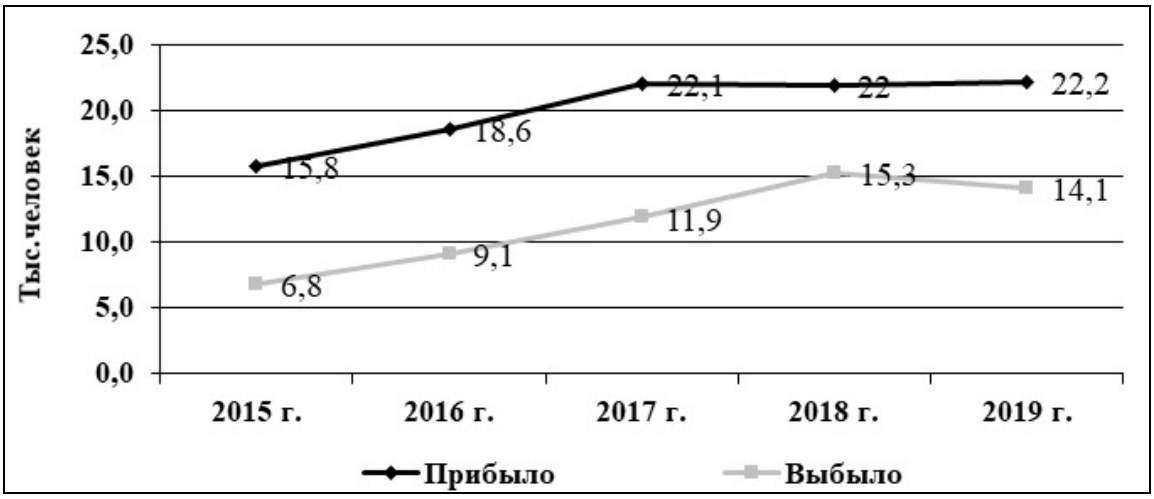

Рис.4. Международная миграция

Наиболее тесные внешние миграционные связи сложились в области со странами СНГ. На протяжении ряда лет поток мигрантов прибывающих из стран СНГ и выезжающих в эти страны постоянно увеличивался. Однако в 2019 г. по сравнению с предыдущим годом зафиксировано снижение интенсивности обмена мигрантами со странами СНГ по прибытию на 4%, выбытию – на 7.1%.

В 2019 году положительное сальдо миграции сохранилось со всеми странами СНГ. Больше всего в область прибыло мигрантов с Украины – 37.8 процента всего миграционного прироста со странами СНГ, при этом их доля по сравнению с 2018 годом снизилась на 6.4%.

Следует отметить рост числа мигрантов из стран Средней Азии, доля которых в миграционном приросте области в 2019 г. составила 49.4%, что выше показателей 2018 г. на 4.5%. В структуре этого миграционного потока произошли изменения. Туркмения в 2015 г. была аутсайдером среди стран Средней Азии в миграционном приросте области, но к 2019 г. поднялась на вторую позицию. Доля мигрантов из Туркмении увеличилась с 2.4% в 2015 г. до 12.8% в 2019 г. Лидирующая позиция сохранилась за мигрантами из Казахстана. За пять лет их доля увеличилась на 6.2% (с 10.4 % в 2015 г. до 16.6 – в 2019 г.) Второй по значимости в 2015 г. источник мигрантов – Таджикистан (5.1 %) к 2019 г. стал третьим, при этом его доля составила 10.8%.

В 2018 г. в страны СНГ выехали 12734 чел., что на 975 чел. (7.1%) меньше данных 2018 г. Среди выбывших из области в страны СНГ избрали новым местом жительства Украину 41% мигрантов, Узбекистан – 10.6, Таджикистан – 9.7, Туркменистан и Казахстан – 9.4 и 9.2 % мигрантов соответственно. Отток мигрантов в страны ближнего зарубежья можно отнести к возвратной миграции, так как в качестве основной причины смены места жительства стало «возвращение после временного отсутствия», которую отметили 99.4% мигрантов в возрасте 14 лет и старше.

Миграционный оборот с другими зарубежными странами не оказывал значительного влияния на миграционные процессы в нашей области, так как по итогам 2019 года его доля в миграционном обороте региона составила

2.4%. В отличие от 2018 г. по данному направлению миграции в 2018 г. зафиксировано положительное сальдо миграции (1203 чел.).

Среди учтенных эмигрантов преобладали иностранные граждане, которые были сняты с регистрационного учета в связи с завершением срока пребывания. Доля россиян среди эмигрантов, выезжающих в страны дальнего зарубежья, за последние пять лет практически не изменилась (168 и 152 чел. соответственно в 2015 и 2019 году). В 2019 г. большинство россиян выехало в Германию и США (38 и 21 чел. соответственно).

Анализ причин смены места жительства свидетельствует о том, что основные причины приезда – причины личного, семейного характера, которые указали 39.7% прибывших в регион мигрантов. Среди въехавших в область мигрантов больше всего мигрантов, сославшихся на эти обстоятельства, из стран СНГ (52.6%). Второй по значимости причиной стало возвращение из других регионов России после временно отсутствия (18.1%). Причину переезда в регион в связи с учебой и работой указали соответственно 14.5 и 7.3% прибывших.

Несколько иная ситуация складывается при рассмотрении причин отъезда населения Воронежской области. В данном направлении миграции лидирует причина «возвращение после временного отсутствия», доля которой составляет 42%. Причины личного и семейного характера занимают вторую позицию (27.4%). При этом из области в поисках работы мигрировало 6.9% выехавших мигрантов, а в связи с учебой – 5.7%.

В Воронежской области продолжала сохраняться центростремительная урбанистическая направленность территориальных перемещений сельского населения в городскую местность, поэтому в 2019 г. проблема стабилизации постоянного сельского населения оставалась актуальной.

В 2019 г. из числа прибывших в Воронежскую область мигрантов в городской местности разместилось 55 тыс. чел. Однако, за пятилетний период доля городских поселений в структуре прибытия населения в регион сократилась с 65.7 до 64.1 %, а доля сельских поселений, соответственно, возросла с 34.3 до 35.9%. Такая же тенденция прослеживалась и в структуре выбытия населения из Воронежской области, хотя снижение доли городского населения было незначительным (на 0.4%).

В городском миграционном обороте 37.1% пришлось на межрегиональных мигрантов, 36.6%– на мигрантов, перемещавшихся внутри области, и 26.3 % – на международных мигрантов. В сельском миграционном обороте ситуация несколько иная. В сельской местности преобладали мигранты, перемещавшиеся внутри области (55.4 % от сельского миграционного оборота), при этом их количество по сравнению с 2018 г. увеличилось на 1.3%. На мигрантов, перемещавшихся между регионами, пришлось 28.9%, на международных мигрантов – 15.7%.

Особенно ярко тенденция стабильного уменьшения притока городского населения Воронежской области видна при рассмотрении сальдо миграции.

Внутрирегиональная миграция оказывала заметное влияние на перераспределение численности между городскими и сельскими территориями области с преобладанием переезда жителей из сельских поселений в городскую местность. Это связано, прежде всего, с низкими доходами и отсутствием работы на селе. Население стремилось улучшить свой уровень жизни, переехав ближе к административным центрам, в населенные пункты с лучшими условиями для жизни. За счет селян миграционный прирост в городских населенных пунктах за 2019 г. составил 1125 чел. (в 2018 г.– 2938 чел.).

Основным источником миграционного прироста сельских жителей осталась международная миграция – 3116 чел. (в 2018 г. – 2800 чел.). При этом миграционный прирост наблюдался как со странами СНГ (3025 чел.), так и с другими зарубежными странами (91 чел.). За счет межрегиональной миграции численность селян увеличилась на 781 чел.

Сокращение численности лиц трудоспособного возраста – ситуация характерная для большинства российских регионов, в том числе для Воронежской области. Исходя из анализа возрастного состава мигрантов можно утверждать, что миграция по-прежнему остается единственной возможностью восполнения трудовых ресурсов.

В 2019 г. доля лиц трудоспособного возраста в общем миграционном обороте составила 72.3% и не изменилась по сравнению с 2018 г. Миграционный прирост мигрантов в трудоспособном возрасте составил 6229 чел. (64.3 % от общего миграционного прироста), что в определенной мере компенсировало потери смертности населения трудоспособных возрастов. По сравнению с 2018 г.доля лиц трудоспособного возраста в общем миграционном приросте Воронежской области выросла на 7.1%.

Среди возрастных групп наиболее мобильным было население в возрасте от 15 до 34 лет (период профессионального обучения, выбора профессии, желания увидеть мир, создать семью). Миграция данной возрастной группы составила 49.3% от общего объема миграции и уменьшилась по сравнению с 2018 г. на 0.5%.

Таким образом, общероссийские тенденции сокращения естественного прироста и формирования естественной убыли населения характерны для Воронежской области, поэтому миграция остается главным фактором регулирования темпов сокращения общей численности населения и восполнения естественной убыли трудоспособного населения. По прогнозам Федеральной службы государственной статистики, миграционный прирост населения области будет незначительно расти, достигнув 10.2 тыс. чел. к 2037 г.

Главными задачами демографической политики на территории Воронежской области являются снижение числа умерших, материнской смертности, повышение рождаемости, укрепление здоровья населения, института семьи, привлечение мигрантов на территорию области. Для этого есть все условия, так как Воронежская область – регион, обладающий значительным экономическим потенциалом, располагающий современной

социальной инфраструктурой, реализующий политику по привлечению инвестиций, развитию инновационной деятельности и малого бизнеса.

Для повышения эффектности и результативности региональной политики, направленной на равномерное развитие муниципальных образований региона, необходимо проводить учет миграционных потоков, который позволит выявить территории риска и центры наибольшего миграционного притяжения. Выявление факторов, которые определяют миграционные потоки в регионе, а также своевременное принятие соответствующих управленческих решений будет способствовать развитию точек социально-экономического роста, а на перспективу способствовать стабилизации демографической ситуации и повышению качества человеческого капитала.

Список литературы

1. Яковенко Н.В. Миграционные процессы: историко-географический подход//Проблемы региональной экологии. 2007. № 6. С. 141-147.

2. Яковенко Н.В. Стратегическая конкурентоспособность региона: теоретические аспекты исследования/Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В.//Наука Красноярья. 2017. Т. 6. № 1-3. С. 93-96.

3. Тенденции развития социально-демографических и миграционных процессов в Воронежской области. Воронеж, 2020. 44 с.

УДК 347.4:17

Бабкин Роман Александрович
младший научный сотрудник РЭУ им. Г.В. Плеханова, аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Изучение «быстрых» демографических изменений на примере Новой Москвы с использованием данных операторов сотовой связи

Аннотация. *Официальная статистика в силу своей «инертности» не способна своевременно отражать изменения, происходящие под влиянием «быстрых» трансформаций, вызванных масштабными проектами развития. К числу территории с подобными изменениями относится Новая Москва – крупнейший девелоперский проект в России. В исследовании показано как данные сотовых операторов могут использоваться для актуализации демографической статистики подобных быстроменяющихся территорий.*

Ключевые слова: *демография, данные сотовых операторов, Новая Москва*

В Новой Москве ведется, пожалуй, самое массовое в нашей стране комплексное освоение территории. Помимо строительства жилья и сопутствующей социальной инфраструктуры здесь активно создаются новые рабочие места, формируются зоны массового отдыха, усиленно развивается транспортная инфраструктура. С момента расширения Москвы в 2012 году, изучение новых территорий города стало одним из популярных направлений урбанистических исследований. Изучению общего состояния, динамики и перспектив социально-экономического развития Новой Москвы посвящено множество работ экономико-географов, урбанистов и градостроителей [Большеротов, 2012; Махрова и др., 2012; Токмакова, Болтаевский, 2012; Махрова, Ткаченко, 2013; Тишков, 2014]. Эта территории стала настоящим открытием для учёных, позволяя изучать трансформационные процессы в значительной мере в новых для России формах. В то же время демографические и социально-экономические сдвиги, наблюдающиеся здесь, в полной мере не могли быть изучены из-за того, что массовость жилищного и офисно-делового строительства, ведущегося в Новой Москве, обуславливают «отставание» официальной статистики, не «поспевающей» за реальными изменениями демографической картины присоединенных к столице территорий.

Официальная статистическая информация в силу различных причин искажает реальную численность населения и его распределение в пределах системы расселения [Андреев, 2012; Бабкин, 2020]. При этом искажения, фиксируемые в территориях «ускоренного» социально-экономического освоения существенно выше. Это хорошо видно при сравнении данных Росстата с ночным населением среднестатистического буднего октябрьского дня (когда максимальное число людей находится дома), полученным при помощи данных сотовых операторов. По переписи населения 2010 г., непосредственно до начала реализации проекта «Новая Москва» численность населения этой территории оценивалась в 235 тыс. чел. (в т.ч. 90 тыс. чел. на территории будущего Троицкого АО и 145 тыс. чел. в районах современного Новомосковского АО). Следующий временной срез – рубеж 2015/2016 гг., согласно официальным данным, демонстрирует рост людности этих территорий примерно на треть – до 314 тыс. чел. (в ТАО проживало уже 114 ты. чел., а в НАО – примерно 200 тыс. чел.). При этом данные мобильных операторов, взятые для ночи буднего октябрьского дня, увеличивают численность населения ТиНАО до 570 тыс. чел. (155 тыс. чел. в Троицком и 415 тыс. чел. в Новомосковском округах). В 2018 году различия становятся еще более выраженными: по данным Росстата, людность ТАО и НАО на конец 2018 года составила 127 тыс. чел. и 260 тыс. чел. соответственно. При этом сведения о локализации абонентов в буднюю октябрьскую ночь того же года дали значения в 195 тыс. чел. для ТАО и 645 тыс. чел. для НАО.

Таким образом, судя по сведениям операторов мобильной связи, Росстат недоучитывает людность Новой Москвы в 2015 году почти на 250 ты. чел. или в 1,8 раз, а в 2018 году – уже на 450 тыс. чел. или в 2,2 раза.

Мобильные данные показывают, что Росстат занижает показатели людности для всех районов Новой Москвы за исключением городских округов Щербинка и Троицк. Для городских центров завышение численности населения официальной статистикой – распространенное явление, связанное с тем, что перепись населения для подобных территорий имеет склонность к двойному учету некоторых категорий граждан [Андреев, 2012; Мкртчян, 2012]. В частности, Троицк и Щербинка, являются сформировавшимися городскими центрами в непосредственной близости к суператтрактивному мегаполису. С одной стороны, они отдают ему значительную часть своего молодого и трудоспособного населения (работающего в Москве и часто фактически постоянно проживающего там, но учитываемого по месту регистрации). С другой стороны, там проживает большое число граждан в пожилом возрасте (при этом такая картина менее свойственна районам с интенсивным жилищным строительством, поскольку в них, как правило, доля пожилого населения невысока). В результате эти группы населения, учитываемые переписью населения как постоянное населения, на деле могут проживать в совершено других местах, что ведет к искажению численности населения в сторону его завышения. В целом, официальная статистика более чем в 2,5 раза занижает реальную людность Новой Москвы. При этом наибольшие искажения (в пять раз и более) наблюдаются в районах, где ведется масштабное жилищное строительство (рис. 1).

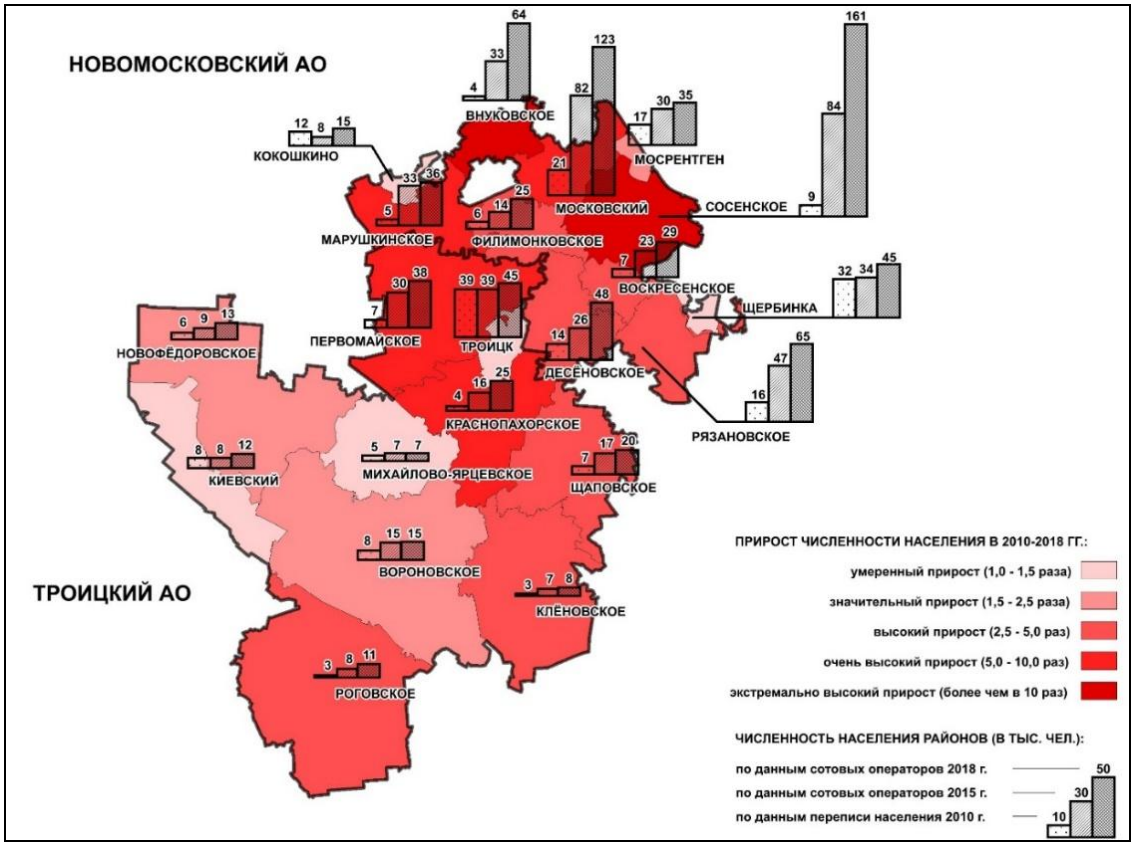

Рис. 1. Сопоставление численности населения в районах Новой Москвы в 2010-2018 гг

Источник: составлено автором по данным сотовых операторов и Всероссийской переписи населения

Таким образом, за восьмилетний период рассмотрения (2010-2018 гг.) людность Новой Москвы в целом увеличилась более чем в 3,5 раза, а в, упомянутых районах активного жилищного освоения – в 5-17 раз. При этом официальная статистика говорит о менее чем 2-х кратном росте людности этой территории.

Список литературы

1. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. №11. С. 21-35.
2. Бабкин Р.А. Оценка численности населения муниципальных образований Московского столичного региона по данным операторов сотовой связи // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. №4. С. 116-121.
3. Большеротов А.Л. Концептуальные подходы развития Москвы и ее новых территорий // Жилищное строительство. 2012. №5. С. 33-37.
4. Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и Новая Москва // Pro et Contra. 2012. - № 6 (57), ноябрь. С. 19–32.
5. Махрова А.Г., Ткаченко Л.Я. Планы и реалии Новой Москвы: продолжение или смена вектора развития //Экологическое планирование и управление. 2013.№ 1 (14). С. 37–50.
6. Мкртчян Н.В. Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонения полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития / Под ред. М.Б. Денисенко. Вып. 22. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 197-214.
7. Тишков А.А. Стратегические ресурсы развития Новой Москвы //Стратегические ресурсы и условия устойчивого развития Российской Федерации и ее регионов. М., 2014. С. 134–143.
8. Токмакова Ю.Н., Болтаевский А.А. Концепции «Новой Москвы»: Проблемы и перспективы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Техника и технологии. 2012. № 2. Ч. 3. С. 239–245.

УДК 314.335.7
Глухова Анна Дмитриевна
студентка ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко», г. Воронеж, Россия
Фомина Наталья Николаевна
к.э.н., ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко», г. Воронеж, Россия

Меры экономического стимулирования рождаемости в Воронежской области

Аннотация. *В предлагаемой статье авторы представляют обзор федеральных и региональных мероприятий современной государственной политики в области демографии, озвучивают результаты опроса молодежи об их репродуктивных планах, а также предлагают рекомендации по повышению эффективности мер стимулирования рождаемости.*
Ключевые слова: *демография, население, рождаемость, молодежь, Воронежская область*

Значительной проблемой России, и Воронежской области, в частности, является демографический кризис, одной из причин которого выступает низкий уровень рождаемости. Уменьшение желаемого количества детей на фоне массовости так называемых гражданских браков, негативного опыта родителей (расторжение брака, проблемы с выплатами алиментов), финансовой нестабильности проявляется в снижении уровня рождаемости. В 2019 году 3144 ребенка (16,1 % от общего числа родившихся) родилось у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. Среди разведенных пар в 2019 году доля супругов с несовершеннолетними детьми составляла 59,3 % [2]. Число детей стало одним из основных факторов нищеты. Чем больше детей в семье, тем ниже средний доход, тем выше доля бедных семей с доходами ниже прожиточного минимума [1].

Перед государством стоит вопрос стимулирования населения к рождению детей, в том числе второго, третьего и следующих.

Проблема низкой рождаемости актуальна для Воронежской области. Постоянное сокращение численности населения в регионе отмечается, начиная с 1995 года. При этом снижение числа проживающих особенно остро наблюдается в сельской местности.

На сегодняшний день ситуация в регионе продолжает ухудшаться. Так, в 2019 году численность населения в области сократилась на 10895 человек, что на 297 человек больше, чем в 2018 году. При этом в 2019 году количество новорожденных детей составило 16654, что на 1534 ребенка меньше, чем в 2018 году (родилось 18188 детей).

Если сравнить статистику численности населения Воронежской области за последние 9 лет, а также с данными 2001 года, то становится очевидным, что количество граждан, проживающих на территории региона постепенно

сокращается. Если, к примеру, в 2001 году в области насчитывалось население в 2422,4 тыс. человек, то в 2019 году показатели сократились на 94,6 тыс. человек. Подробная статистика представлена в таблице 1.

Таблица 1- Численность населения Воронежской области [3]

Год	Все население, тыс. человек	В том числе		В общей численности населения, процентов	
		городское	сельское	городское	сельское
2001	2422,4	1491,7	930,7	61,6	38,4
2011	2334,8	1529,9	804,9	65,5	34,5
2012	2331,5	1536,9	794,6	65,9	34,1
2013	2330,4	1545,0	785,4	66,3	33,7
2014	2329,0	1552,9	775,1	66,7	33,3
2015	2331,1	1559,9	771,2	66,9	33,1
2016	2333,5	1566,9	766,6	67,1	32,9
2017	2335,4	1572,5	762,9	67,3	32,7
2018	2333,8	1576,4	757,4	67,5	32,5
2019	2327,8	1578,6	749,2	67,8	32,2

По статистике в Воронежской области за последние 12 лет прослеживается тенденция по увеличению возраста женщин для рождения первых и последующих детей. Так, средний возраст матери при рождении первого ребенка изменился с 23 лет в 2005 году до 26, 5 лет в 2018 году. Кроме того, изменился показатель рождаемости в возрасте женщин от 18 до 23 лет. В 2006 году записей о рождении было около 7 тыс., в 2017 году – 3,6 тыс., а за 9 месяцев 2018 года число зарегистрированных актов о рождаемости уменьшилось до 2,4 тыс.

Таким образом, довольно остро встает необходимость корректировки демографической политики с целью роста численности населения.

В этой связи в конце 2019 года губернатором области было выдвинуто предложения о дополнительной выплате в виде регионального материнского капитала в размере 200 тысяч рублей при рождении второго ребенка. Условием выплаты служит возраст матери, который не должен превышать 28 лет. Выбор данной возрастной категории был обусловлен тем, что по данным Росстата средний возраст женщины при рождении первого ребенка составляет 22 года, а при рождении второго - 27 лет. При этом, если будет достигнута положительная динамика в снижении возраста, в котором женщина решается на рождение первого и второго ребенка, повышаются шансы рождения третьего и последующих детей. Депутаты областной Думы г. Воронежа поддержали данный проект. В ходе соцопроса 142 студентов ВГМУ им. Бурденко было выявлено, что только треть из опрошенных знают о данных мерах стимулирования рождаемости в регионе. В этой связи необходимо активизировать просветительскую работу среди молодежи по данному вопросу.

Цель проекта не столько поощрить семьи, сколько стать мотивационным подспорьем для семей, которые хотят иметь больше детей, но не могут себе этого позволить ввиду отсутствия или недостатка в денежных средствах. Данная выплата должна предоставляться

дополнительно к материнскому капиталу, выплачиваемому из федерального бюджета. Важно также заметить, что с 1 января 2020 года материнский капитал предоставляется уже при рождении первого ребенка (466,6 тыс. руб.), если он был рожден после указанной даты и увеличивается еще на 150 тыс. руб. после рождения второго ребенка.

Помимо предложенной выплаты семьям в Воронежской области также действует областная программа «Финансовая поддержка семей при рождении детей», в рамках которой в 2019 году регионом было выделено 1,8 млрд рублей для поддержки семей. Данная программа направлена на рост суммарного коэффициента рождаемости в Воронежской области до 1,472 к 2024 году.

В рамках реализации данной программы депутаты областной Думы г. Воронежа разрабатывают стратегию оказания помощи семьям, которые приняли решение о рождении ребенка. Так, данной программой был установлен дополнительный к федеральному материнский капитал, который выплачивается семьям при рождении 3-х детей и более. Данная выплата утверждена в области с 1 января 2012 года. Важно отметить, что данные денежные средства выплачиваются не единожды (только на 3-го ребенка, как в других регионах страны), а на третьего и каждого следующего ребенка, рожденного в семье.

Данная мера стимулирования детей на сегодняшний день продолжает корректироваться с целью оказания большей мотивации для граждан. Ввиду данного факта с 1 декабря 2019 года сумма регионального материнского капитала в области выросла с 116 тыс. рублей до 150 тысяч рублей и, таким образом, поднялась на второе место по размеру аналогичных выплат среди других регионов Центрального Федерального округа (рисунок 1). Следует заметить, что, с 2017 года материнский капитал на третьего и последующих детей в области выплачивается только малоимущим семьям. При этом, с 2019 года для получения этой выплаты необходимо, чтобы доход на одного члена в семье не превышал два минимальных размера оплаты труда, а не один, как это было ранее.

Рис.1. Региональный материнский капитал на третьего ребенка (ЦФО) (тыс. руб.)

В результате опроса студентов, нацеленного на определение демографического поведения молодежи и выявлении условий для стимулирования рождаемости в регионе, нами выделены наиболее значимые

факторы, подавляющие желание иметь больше детей и на которые необходимо обратить внимание при проведении социальной политики. В качестве мер, которые будут способствовать улучшению демографической ситуации и мотивировать семьи к рождению второго и последующих детей студентами медицинского вуза г. Воронежа отмечено:

- помощь со стороны государства в жилищном вопросе для семей с детьми;

- оказание помощи семьям, в которых есть дети, в вопросе получения дошкольного образование (предоставление возможности получать соответствующие услуги дошкольных образовательных учреждений);

- создание доступных условий для родителей в сфере реализации трудовой деятельности (в случае, если ребенок младше трех лет). Данный критерий предусматривает предоставление источника дохода для семей с учетом необходимого графика и по возможности удаленной формы работы для того, чтобы родители могли сочетать трудовую деятельность и уход за ребенком;

- создание необходимых условий для того, чтобы молодые мамы могли продолжать получать образование после рождения ребенка, а также получать дополнительное образование или повышать имеющуюся квалификацию;

- организация работы с семьями, которые находятся в зоне риска семейного неблагополучия, включая работу как социологов, так и психологов. Также в данном критерии речь идет о помощи семьям, которые оказались в тяжелой жизненной ситуации или приняли решения взять под опеку или усыновить/удочерить ребенка и столкнулись с последующими трудностями как финансовыми, так и во взаимоотношениях и т.д. Здесь также предусмотрена разработка проекта социальной реабилитации семей с перечисленными трудностями, а также соответствующих организаций, в которых оказывалась бы всесторонняя поддержка таких семей в целом и каждого из членов семьи в отдельности;

- организация мероприятий, направленных на переоценку ценностей у современного общества: создание идеи важности семьи, популяризация семейных ценностей и ценности многодетных семей. К примеру, проведение акций благодарности многодетным родителям, проживающим в области, в рамках, к примеру, логически подходящих праздников, таких как день семьи или день матери. Составление программ и проведение лекций, направленных также на стимулирование современной молодежи к созданию крепких семей и рождению детей, а также на создание правильного образа семьи, которое сегодня зачастую довольно омрачено различными медийными примерами и т.д.;

- применение принципа социального партнерства с целью повышения престижности среди населения области сотрудников различных учреждений, у которых родилось более двух детей, а также рост престижности молодых семей с детьми. В рамках данного аспекта также предусмотрена такая организация трудовой деятельности для родителей, которая не только бы не мешала, но и содействовала их активному участию в воспитании детей.

Проведенное исследование показало, что размер выплат при рождении ребенка не является для молодежи важным мотивом становится родителями. К сожалению, на начало 2020 года демографическая ситуация в Воронежской области продолжает ухудшаться, в связи с чем следует изучить факторы, отмеченные молодежью, определить их значимость, чтобы смоделировать наиболее результативную социальную политику.

Список литературы

1. Бондаренко А.Е., Фомина Н.Н. Медико-демографические показатели здоровья населения в Воронежской области с 2007 по 2017 годы. // Молодежный инновационный вестник. 2019. Т. 8. № 2. С. 455-456

2. Дети Воронежской области глазами статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://voronezhstat.gks.ru/news/document /87026?print=1

3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области / Официальная статистика: население [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://voronezhstat.old.gks.ru/wps/wcm/ connect/rosstat_ts/voronezhstat/ru/statistics/population/ (дата обращения 26.04.2020).

УДК 316.4, 314.12

Карпова Вера Михайловна
к.социол.н., Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, г. Москва, Россия

Региональные особенности сохранения ценности семейно-детного образа жизни

Аннотация. *В статье показана актуальность исследования региональной специфики демографических процессов в современной России и факторов их обуславливающих. На основе данных межрегионального социологического исследования, проведенного в 2018-2019 году показана региональная дифференциация репродуктивных установок и ценности семейно-детного образа жизни. Также отмечено значимое влияние типа населенного пункта на приверженность респондентов семейным ценностям.*

Ключевые слова: *семейные ценности, семейно-детный образ жизни, региональные различия*

При оценке демографического положения современной России необходимо не только анализировать общие тенденции изменения основных компонент динамики численности населения (рождаемости, смертности и миграции), но и обращать особое внимание на региональные особенности

демографического развития. Многие авторы, проводя сравнительный анализ ключевых показателей демографического развития России в региональном разрезе, говорят о высокой региональной дифференциации, неоднородности как позитивных, так и негативных тенденций [1, 2].

Анализ демографической безопасности России и ее региональной дифференциации, проведенный О.Н. Калачиковой и А.В. Короленко также подтвердил существенные отличия между регионами по всем рассматриваемым направлениям демографического развития [3]. Однако в контексте данной статьи наиболее интересно рассмотрение региональной дифференциации характеристик воспроизводства населения, а именно показателей суммарного коэффициента рождаемости, а также показателей, косвенно характеризующих ценность семейно-детного образа жизни: число абортов на 100 родов, доли населения, состоящего в браке и числа разводов на 1 тысячу браков. Результаты анализа статистической информации 2018 года показали, что регионы-лидеры по блоку показателей воспроизводства населения, остаются неизменными: это в первую очередь республики Северо-Кавказского федерального округа (самые высокие показатели СКР наряду с наиболее низкими показателями числа абортов и разводов наблюдаются в таких регионах как Чеченская республика, Северная Осетия, Дагестан). В то время как регионами аутсайдерами по этим показателям в 2018 году являются преимущественно субъекты федерации, входящие в Северо-Западный ФО или Центральный ФО (наименьшие значения по большинству показателей наблюдаются в Ленинградской и Смоленской области, а также в Архангельской, Мурманской, Новгородской, Орловской областях и республике Коми). Любопытно, что Москва отличается достаточно благоприятным положением, особенно по сравнению с другими субъектами федерации Центрального и Северо-Западного округов (столица входит в десятку регионов с наиболее низкими показателями по числу абортов и разводов, однако уступает другим лидерам по уровню СКР и доли населения, состоящего в браке). Такое положение может говорить о том, что жители Москвы скорее отказываются от рождения детей и вступления в брак, чем пытаются отменить эти демографические события (путем аборта и развода соответственно).

Существенная региональная дифференциация показателей репродуктивного поведения позволяет выдвинуть гипотезу о существовании аналогичных отличий и в ценностных ориентациях населения, которые являются основными детерминантами репродуктивного и брачно-семейного поведения. Для проверки этой гипотезы в данной работе будет использованы данные, полученные в ходе межрегионального социолого-демографического исследования семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019), проведенного под руководством кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2018-2019 годах [5]. В ходе данного исследования были опрошены 2489 респондентов, состоящих в браке (90%) или сожительствующих (10%), большинство из которых имеют детей (88%). В опросе принимали участие оба супруга, что позволяло в дальнейшем проводить анализ как личных ответов, так и

выражение семейных установок и ценностей. В данной работе в первую очередь будут использованы результаты первого подхода.

Инструментарий исследования содержал блок вопросов, посвященных измерению ценностей семейно-детного образа жизни и репродуктивных установок. Выводы, представленные в данной работе, опираются на классические вопросы о репродуктивных установках (идеальное, желаемое и идеальное число детей), ранжированную оценку ценности семьи (респондентов просили проранжировать 15 ценностей, одной из которых была «семья, дети, заботливые близкие») а также результаты изучения семантического пространства респондентов и семантического дифференциала таких понятий как «дети» и «бездетная» семья. Совмещение трех подходов в оценке ценностей семейно-детного образа жизни и репродуктивных установок позволяет получить более глубокое и в то же время разностороннее представление о ценностных ориентациях респондентов. Обращение к методу семантического дифференциала позволяет контролировать и проверять степень распространения социально-желательных ответов, так как данная методика наиболее устойчива в этом аспекте.

Сравнительный анализ проводился в первую очередь в разрезе сравнения Москвы и других регионов, а также интересные данные показало сравнение ответов респондентов, проживающих в различных типах населенных пунктов. Первым неожиданным результатом оказались более высокие показатели идеального и желаемого числа детей среди москвичей по сравнению с жителями других регионов (2,63 против 2,45 для идеального, 2,91 против 2,61 для желаемого и 2,02 против 1,91 для ожидаемых чисел детей). Причем наблюдаемые отличия сохранялись в рамках многофакторного дисперсионного анализа, где был осуществлён контроль дополнительных переменных: пол, возраст, семейное положение и наличие детей в семье. Следует отметить, что все показатели репродуктивных установок в данном исследовании выше, чем в среднем по России, так как участниками исследования были супружеские пары в большинстве имеющие детей. Дальнейшее рассмотрение взаимосвязи репродуктивных установок с типом населенного пункта выявило любопытную тенденцию: наиболее высокие показатели ожидаемо были среди жителей сельской местности, однако на втором месте оказались москвичи, в то время как жители городов-миллионников и другие городские жители в целом демонстрировали более низкие репродуктивные установки (таблица 1).

Аналогичная закономерность была обнаружена при анализе места, которое семья занимает в системе ценностей респондентов. Ответы москвичей наряду с мнением респондентов, проживающих в сельской местности, были статистически ниже, что говорит о более высоком месте семьи в системе ценностей этих респондентов.

Для дополнительного контроля эффекта социально-желаемых ответов были проанализированы оценки респондентов понятий «бездетная семья» и «дети» (позитивный и негативный эталоны) по пяти шкалам семантического дифференциала (рисунок 1).

Талица 1. Зависимость репродуктивных установок и ценности семьи от типа населенного пункта.

	Тип населенного пункта				
	Москва	Города с населением свыше 1млн. человек	Города с населением от 250 тыс. до 1 млн. человек	Город с населением менее 250 тысяч человек	Сельская местность (в том числе ПГТ)
Идеальное число детей	$2.63_{a,c}$	2.42_{b}	2.40_{b}	$2.46_{a,b}$	2.85_{c}
Желаемое число детей	2.91_{a}	2.52_{b}	2.56_{b}	2.64_{b}	3.05_{a}
Ожидаемое число детей	$2.02_{a,c}$	1.86_{b}	$1.87_{a,b}$	2.17_{c}	$2.17_{c,d}$
Средний ранг ценности семьи	3.49_{a}	4.01_{b}	4.04_{b}	3.11_{a}	2.83_{a}

Примечание. Буквенные индексы показывают наличие статистически значимых отличий в средних значениях. Если буквы в двух сравниваемых столбцах не совпадают, то данное отличие является статистически значимым, при α=0,05. Если хотя бы один из буквенных индексов совпадает, отличия статистически не значимы.

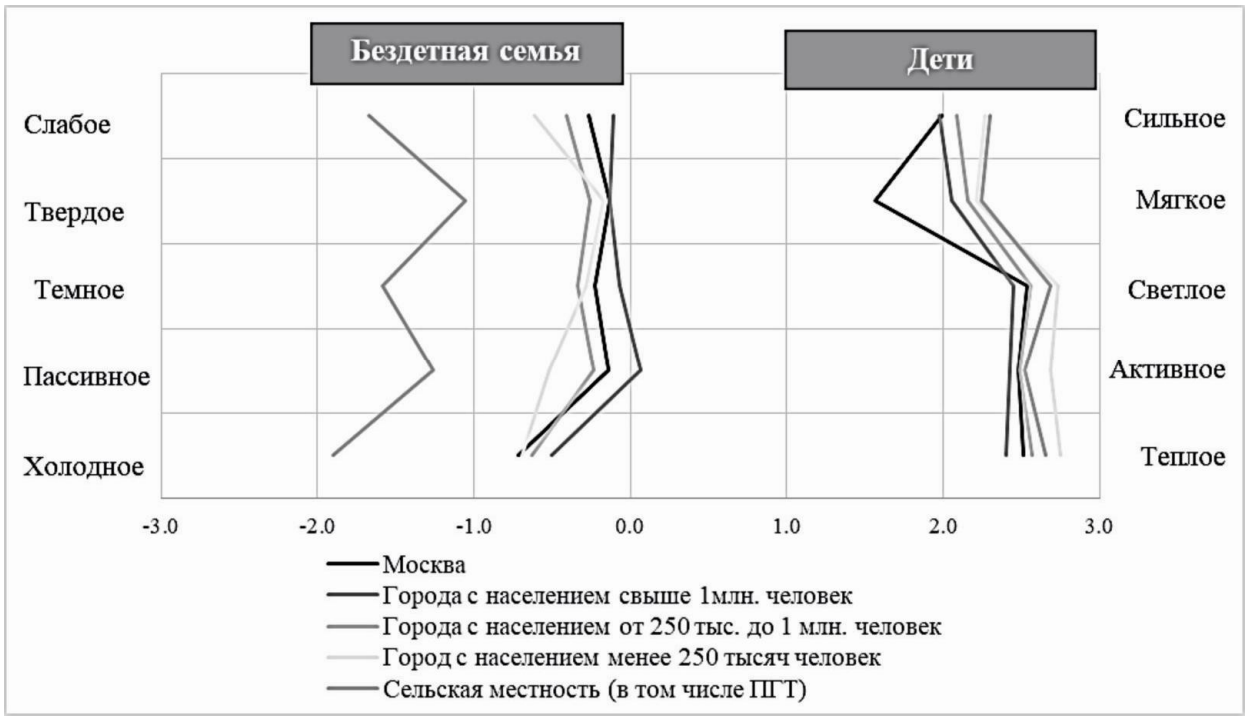

Рис.1. Зависимость оценок полюсов семантического дифференциала «бездетная семья» и «дети» в зависимости от типа населенного пункта.

Так результаты семантического дифференциала показали, что несмотря на заявленные москвичами достаточно высокие показатели репродуктивных установок и ценности семьи даже среди респондентов представленного исследования высока лояльность к бездетному образу жизни. Традиционно использующееся в качестве негативного эталона понятие «бездетная семья»

действительно негативным является лишь для жителей сельской местности, в то время как оценки жителей Москвы и всех остальных типов населенных пунктов практически не отличаются друг от друга и существенно более толерантны (лишь незначительно отступая от нуля). Сравнение оценок позитивного эталона «дети» показывает гораздо меньшую дифференциацию мнений и сохранение положительной валентности оценок.

Учитывая специфику выборочной совокупности представленного исследования (супружеские пары с детьми) его результаты в целом соответствуют отмеченному ранее достаточно благополучному положению Москвы с точки зрения числа абортов и разводов. В случае если люди выбирают для себя семейно-детный образ жизни, что характерно для респондентов данного исследования, они более последовательны в своем выборе и менее склонны к разводу и аборту, однако в связи с более низкой долей людей, придерживающихся таких ценностей в населении Москвы в среднем показатели результатов семейного и репродуктивного поведения (доли населения, состоящего в браке и суммарный коэффициент рождаемости) более низкие, чем в среднем по России. Таким образом, можно сформулировать гипотезу о наличии значимой дифференциации самих москвичей с точки зрения семейно-детных ценностных ориентаций: население Москвы либо практически отвергает эти ценности, вплоть до выбора идеологии чайлд-фри (по данным ВЦИОМ [4] доля людей, не желающих иметь детей в Москве достигает 17%), либо является достаточно стабильными приверженцами семейно-детного образа жизни, когда результаты поведения хорошо соотносятся с декларируемыми ценностями.

Также важно подчеркнуть, что по результатам данного исследования, лишь в сельской местности еще сохраняются ценностные ориентации семейно-детного образа жизни и достаточно сильно неприятие альтернативных форм сожительств и бездетности, в то время как городское населения демонстрирует единодушную толерантность по отношению к чайлд-фри и более низкие репродуктивные установки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

Список литературы

1. Архангельский В. Н. Региональная дифференциация рождаемости в России / В. Н. Архангельский // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума. Том I. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2019. С. 16-27. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/77572/1/978-5-94646-620-2_2019_02.pdf

2. Данилова И. А. Территориальная дифференциация воспроизводственных и миграционных процессов в России // Региональная демографическая политика. — Т. 20 из Демографические исследования. МАКС Пресс Москва, 2012. С. 94–110.
3. Калачикова О. Н., Короленко А. В. Региональная дифференциация демографического развития России в контексте демографической безопасности // Проблемы развития территории. 2015. №6 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-differentsiatsiya-demograficheskogo-razvitiya-rossii-v-kontekste-demograficheskoy-bezopasnosti
4. Рождаемость в России: меры и мнения // Данные опроса ВЦИОМ. URL: https://www.wciom.ru/index.php?id=236&uid=116649
5. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова и др. Москва: Москва, 2020. 486 с.

УДК 338.439.62

Комов Игорь Владимирович
к.г.н., доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Обеспечение продовольственной безопасности в Воронежской области[89]

Аннотация. *Раскрыты условия обеспечения продовольственной безопасности населения как фактор развития человеческого капитала региона. Показаны возможности обеспечения региона продовольствием.*

Ключевые слова*: продовольственная безопасность, Воронежская область, обеспечение*

Анализ литературных источников позволяет говорить о том, что, несмотря на различия показателей, применяемых при исследовании вопроса продовольственной безопасности региона, она определяется, прежде всего, уровнем производства продовольственной продукции. В связи с этим первостепенную важность при оценке продовольственной безопасности Воронежской области имеет анализ сельскохозяйственных показателей административного субъекта. Воронежская область стабильно является одним из субъектов, лидирующих по производству сельскохозяйственной продукции в Центральном федеральном округе. Это обусловлено как совокупностью природных факторов (благоприятным сочетанием климатических параметров, плодородными черноземными почвами и др.) [], так и выгодным социально-

[89] Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ 19-29-07400 мк

экономическим положением области, хорошо развитыми транспортными путями, налаженной сельскохозяйственной инфраструктурой [].

Сельскохозяйственный сектор Воронежской области представлен как растениеводством, так и животноводством. На протяжении последних нескольких лет доля сельскохозяйственной продукции в валовом региональном продукте составляет примерно четверть (24,3 %, согласно данным Воронежстата.

Кроме того, в области существует ряд предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. В целом пищевая промышленность является одной из наиболее развитых в районе исследования – на производство пищевых продуктов приходится порядка 40 % в структуре обрабатывающих производств.

Вместе с тем, несмотря на большой потенциал в развитии производства сельскохозяйственной продукции, фактическое распределение отраслей сельского хозяйства в пределах области обладает пространственно-временной неоднородностью (рис. 1)

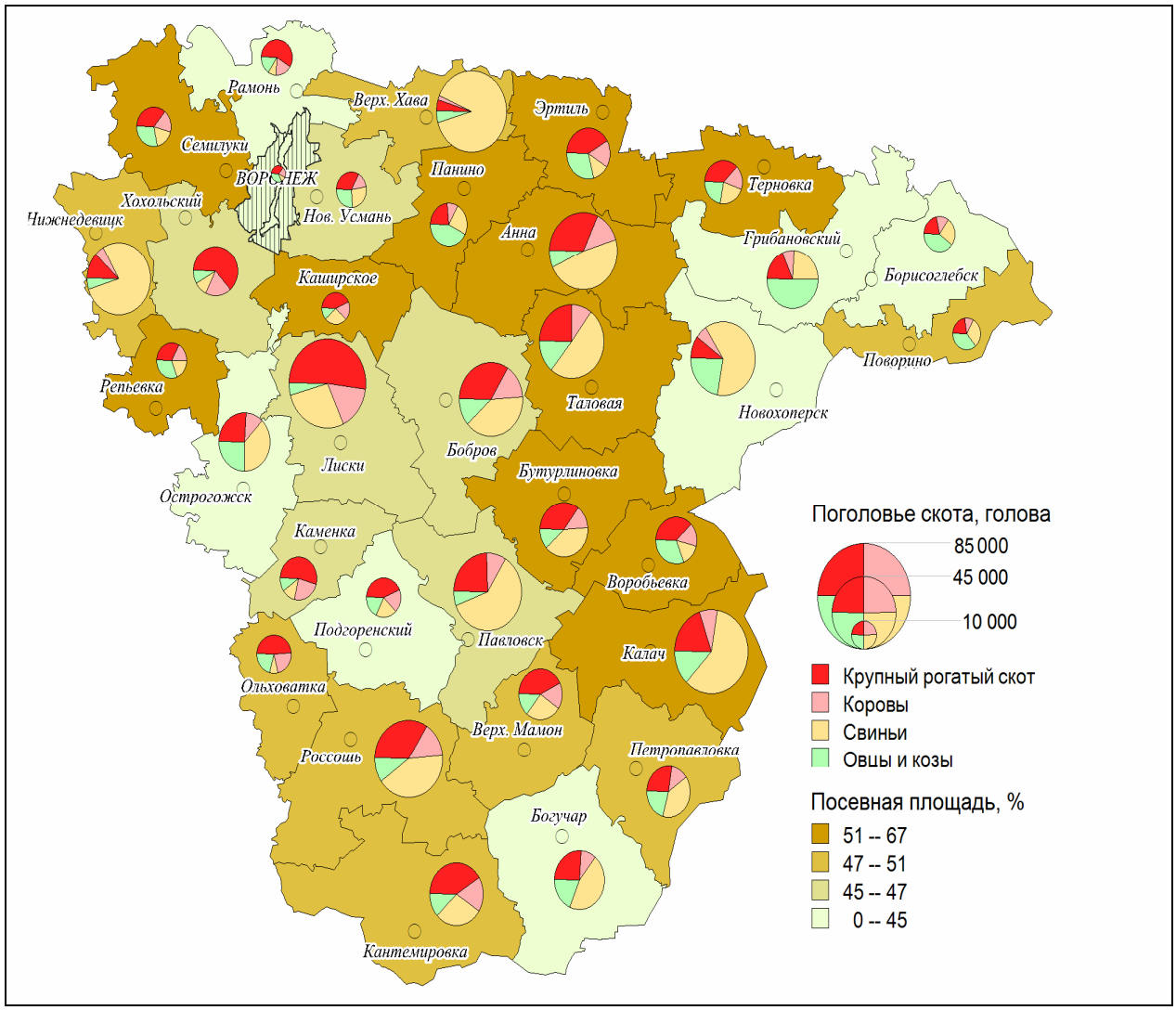

Рис. 1. Пространственные особенности сельского хозяйства в Воронежской области

В структуре растениеводства преобладающими культурами в большей части муниципальных районов Воронежской области являются сахарная свекла, а также зерновые и зернобобовые культуры. В большинстве районов выращивается также картофель, но в то же время объемы его производства в среднем на порядок ниже, чем для сахарной свеклы и зерновых культур. В производстве таких сельскохозяйственных культур как плоды и ягоды, овощи в целом сложно выделить четкие пространственно-временные закономерности, но, тем не менее, в том или ином объеме они производятся почти во всех муниципальных образованиях области [5].

Наибольшая доля посевных площадей отмечается в меридиональном направлении по линии Эртиль – Калач. Сюда относятся такие районы как Аннинский, Бутурлиновский, Воробьевский, Калачеевский, Панинский, Таловский, Терновский. Второй кластер сосредоточен вблизи г. Воронежа, где можно выделить Семилукский, Каширский и Репьевский муниципальные районы. При этом в первом кластере основу для развития растениеводства составляет повышающийся в этом направлении показатель гидротермического коэффициента, тогда как во втором кластере принципиальную роль играет обеспечение потребностей областного центра и развитая сельскохозяйственная инфраструктура. То есть в первом случае ведущую роль играет физико-географический фактор, а во втором – социально-экономический [4]. Структура животноводства в пределах области последние годы довольно устойчива и имеет следующий вид (рис.2).

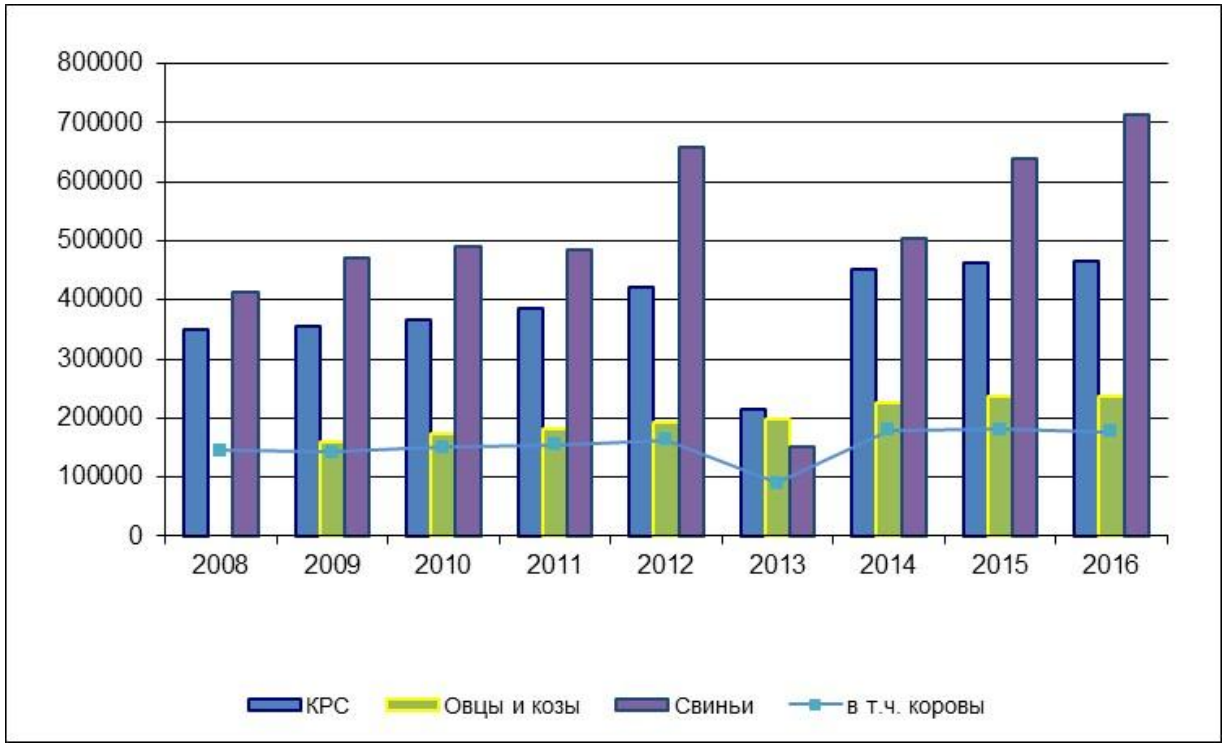

Рис.2. Поголовье скота в пределах Воронежской области в 2008-2016 гг. (сост. по [1])

Аквакультура в пределах области на сегодняшний день развита довольно слабо. В последние годы количество предприятий, занимающихся разведением

рыбы, стабильно и составляет около пятидесяти. В то же время объемы рыбы, производимой в местных хозяйствах, устойчиво сокращаются (рис. 3).

В целом по области за весь рассматриваемый период в поголовье скота преобладают свиньи. При этом почти во всех муниципальных районах, занимающих лидирующие позиции по показателям животноводства, ведущей отраслью является свиноводство (Верхнехавский, Павловский, Калачеевский, Аннинский, Россошанский, Новохоперский и Нижнедевицкий) (рис. 3). Исключение составляет лишь Лискинский район, который лидирует в показателях поголовья за счет преобладания крупного рогатого скота.

Поголовье овец и коз в пределах области существенно уступает аналогичным показателям свиноводства и поголовью крупного рогатого скота. Тем не менее, в ряде районов продукция овцеводства вносит значительный вклад в формирование пищевой продукции (как, например, в Грибановском, Панинском, Борисоглебском, Поворинском, Новохоперском, Острогожском районах) [2].

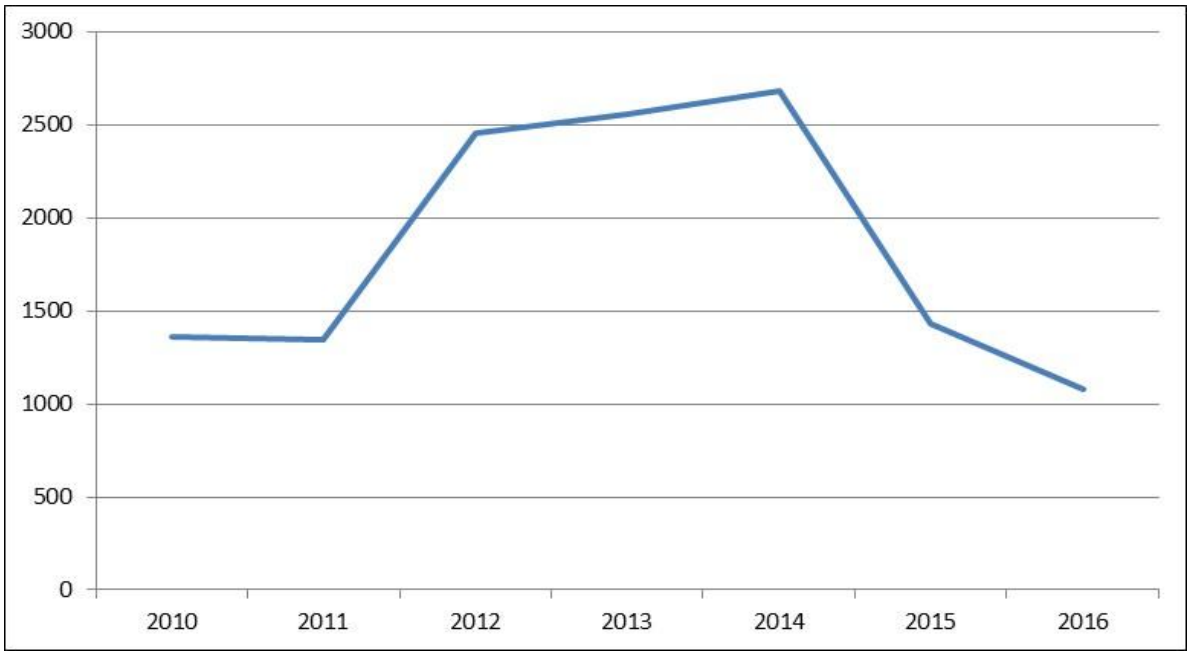

Рис. 3. Производство живой рыбы в хозяйствах Воронежской области, т (сост. по [1])

За последнее десятилетие в целом отмечается положительная динамика производства сельскохозяйственной продукции. При этом данная тенденция характерна для всех показателей как в весовом исчислении, так и в денежном эквиваленте (рис.4). Примечательно, что объемы производства продукции растениеводства, в последний год несколько снизились, тогда как объемы производства продукции животноводства стабильно возрастают. В то же время данная тенденция не позволяет полностью нивелировать существующий крен в сторону производства растительной продукции: темпы развития животноводства по-прежнему отстают, несмотря на наметившееся в последние годы развитие данной отрасли.

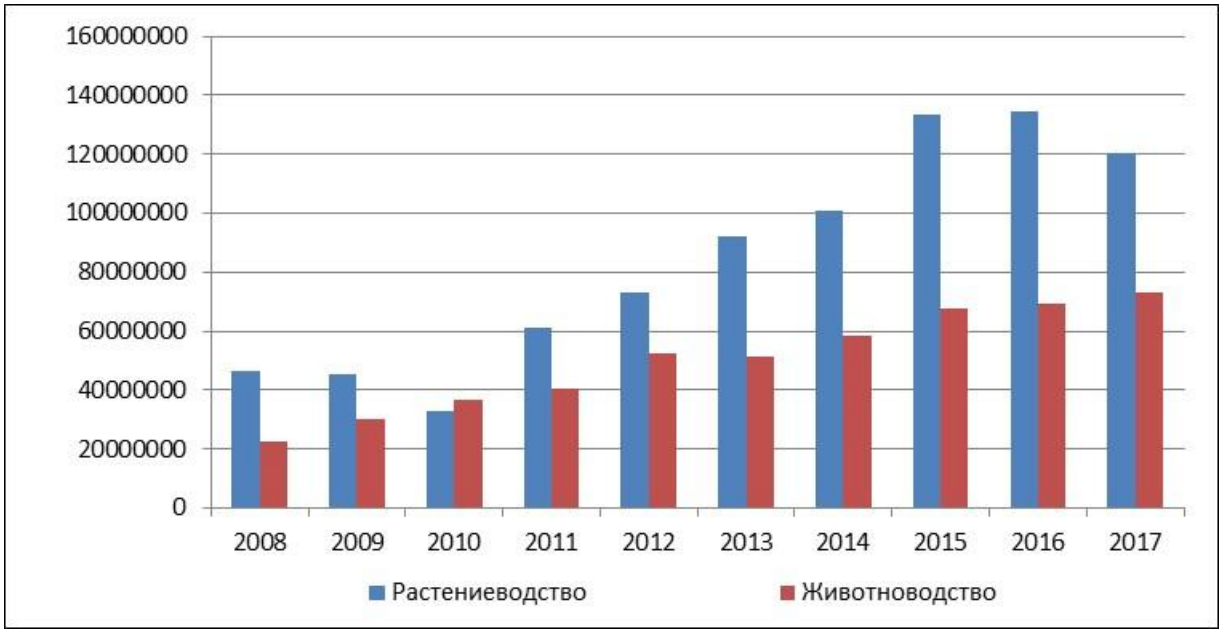

Рис. 4. Продукция сельского хозяйства, тыс. руб. (сост. по [1])

В настоящее время эта отрасль не играет существенной роли в экономике области, хотя для развития рыборазведения и переработки в пределах рассматриваемого района имеется определенный потенциал [2-4].

Стоит отметить, что продовольственная безопасность не ограничивается только показателями производства сельскохозяйственной продукции, так как она зависит также от множества других факторов. Как отмечалось в первой главе, многие исследователи при оценке уровня продовольственной безопасности оперируют, прежде всего, показателями, связанными с расчетом обеспеченности населения продуктами питания местного производства, их ассортиментом и качеством. Для анализа обеспеченности населения продуктами питания рассчитаем относительные показатели производства сельскохозяйственной продукции на душу населения (таблица 1).

Таблица 1-Реализация сельскохозяйственной продукции

	Абсолютные показатели, тонна*		Относительные показатели на душу населения	
	2017	2018	2017	2018
Пшеница	1791108,9	1708000,6	0,77	0,73
Зерно злаковых и бобовых культур	2829333,6	2754549,5	1,21	1,18
Свекла сахарная	2288168,9	2049856,3	0,98	0,88
Картофель	15436,1	11560,5	0,01	0,00
Плоды, ягоды и орехи	37392,9	63169,0	0,02	0,03
Овощи	6249,4	8515,0	0,003	0,004
Скот и птица (в живом весе)	329678,4	424421,6	0,14	0,18
Молоко от всех видов животных	558395,3	618740,9	0,24	0,27
Яйца, кроме инкубационных (шт.)	4035000	21000	1,73	0,01

*Количество яиц указано в штуках

Если сопоставить рассчитанный за последние два года показатель обеспеченности зерном на одного жителя с нормами, принятыми Всемирной продовольственной организацией, можно отметить, что необходимый уровень безопасности по производству зерна на душу населения в пределах области достигнут. В целом в районе исследования этот показатель близок к величине 1,2 т/чел. при норме не менее одной тонны. В то же время, подробный анализ таблицы позволяет выявить существующий в области дисбаланс по другим продуктам питания.

Для анализа соответствия актуальной структуры реализованной сельскохозяйственной продукции существующим нормам и рекомендациям, сравним приведенные показатели с рекомендациями Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Данное ведомство рекомендует следующие объемы потребления пищевой продукции на одного человека в год (таблица 2).

Таблица 2-Рекомендуемые объемы потребления пищевых продуктов, кг/год

Группа продуктов	Рекомендуемый объем
Хлебобулочные и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупы, бобовые	95-105
Картофель	95-100
Овощи и бахчевые	120-140
Фрукты и ягоды	90-100
Мясо и мясопродукты	70-75
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	320-340
Яйца, шт.	260
Рыба и рыбопродукты	18-22
Сахар	24-28
Масло растительное	10-12
Соль	2,5-3,5

Анализ таблиц позволяет выявить резкий дисбаланс по возможностям потребления яиц, картофеля, овощей, фруктов и ягод собственного производства, который составляет десятки и даже сотни раз. Также отмечается дефицит по потреблению молока и молочных продуктов, который, однако, менее остро выражен и не превышает 20 % от рекомендуемых норм.

Из сильных сторон области можно отметить высокий потенциал по производству мясной продукции, масел и жиров, сахара, которые при надлежащем развитии перерабатывающей инфраструктуры могут быть полностью обеспечены местным сырьем. В настоящее время значительную долю в структуре обрабатывающего производства занимают масла и жиры, молоко и молочные продукты, сахар и продукты из мяса [Кондратьева].

Успешное функционирование перечисленных отраслей пищевой промышленности позволяет не только обеспечить местный рынок продуктами питания, но и направлять часть продукции на экспорт. В настоящее время в

экспорте продовольственной продукции преобладают жиры и масло растительного происхождения, а также сахар и кондитерские изделия.

На сегодняшний день экспорт продуктов питания существенно превосходит импорт продовольствия (рис. 5). В частности, в 2018 г. разница составила приблизительно 2,4 раза.

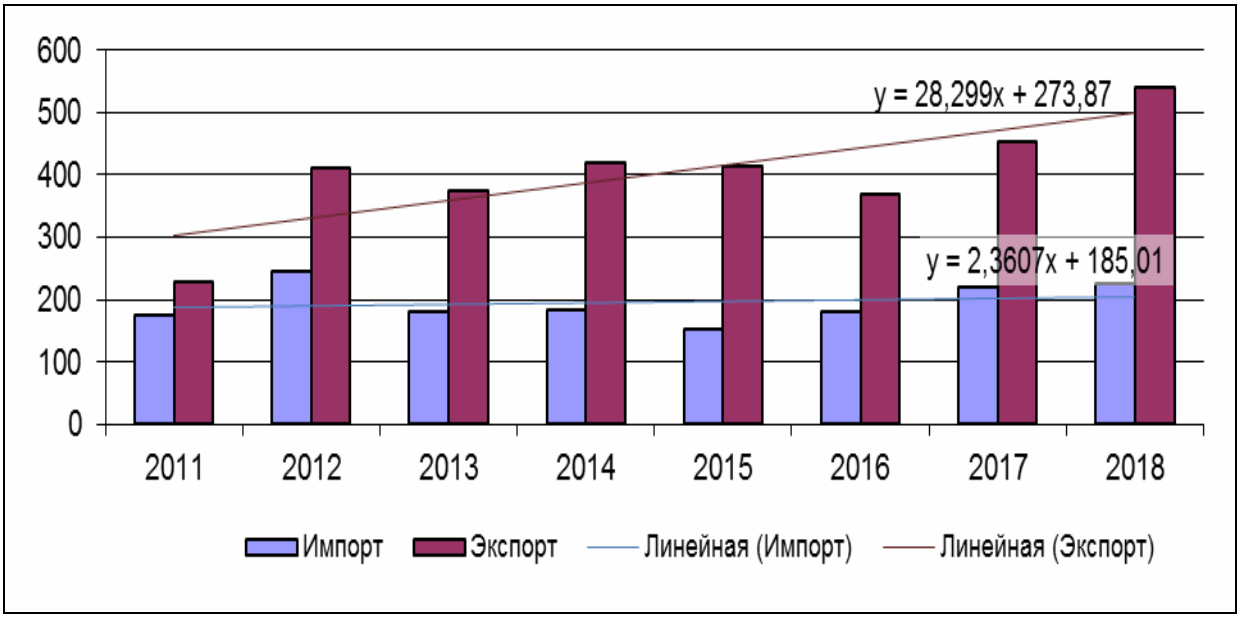

Рис. 5. Динамика импорта и экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) в Воронежской области в 2011-2017 гг., млн $США (сост. по [1])

Стоит отметить, что в абсолютных показателях экспорт продовольствия достиг своего пика в 2018 г. Однако соотношение между импортом и экспортом год от года меняется, и разница между этими двумя показателями достигла максимума в 2015 г. Тогда экспорт превысил импорт в 2,7 раза, в значительной степени за счет того, что импорт достиг своих минимальных значений за весь рассматриваемый период. В последние несколько лет, несмотря на активные попытки перехода на импортозамещение и повышение продовольственной независимости области, импорт пищевой продукции несколько увеличился.

Примечательно, что в структуре внешнего оборота продовольственных товаров Воронежской области преобладают связи со странами дальнего зарубежья, нежели со странами СНГ. В плане импорта продукции это связано, в первую очередь с тем, что область ввозит те продукты, производство которых в существующих климатических и социально-экономических условиях нецелесообразно или затруднительно (например, цитрусовые, морепродукты и др.). Кроме того, на внутренний рынок поставляется из-за рубежа продукция всемирно известных брендов, ставшая привычной отечественному потребителю (товары торговых марок Nestle, Coca-Cola и др.).

В то же время наряду с этими продуктами, позволяющими значительно расширить ассортимент товаров на прилавках магазинов, осуществляется ввоз продовольствия и сырья, которые могут быть заменены продукцией

областного производства. Основную конкуренцию продуктам местного производства составляют товары из сопредельных областей: Белгородской, Липецкой, Курской.

Производители этих административных субъектов расширяют на местном воронежском рынке ассортимент таких продуктов как хлеб, кондитерская продукция, молоко и молочные продукты, мясные изделия, макаронные изделия.

Однако наряду с положительным моментами, которые порождает конкуренция продовольствия из сопредельных областей, подобный ввоз сырья и продуктов имеет ряд негативных последствий, так как ставит область в зависимое положение. Поэтому в последнее время регион взял курс на замещение импортируемой продукции. Согласно Прогнозу научно-технологического развития Воронежской области [], в перспективе до 2030 г. ожидается сокращение импорта пищевых ресурсов до 1,0-1,5 % от общей структуры потребления. Предполагается, что наиболее значимыми в области отраслями пищевой промышленности при этом останутся переработка молока, переработка мяса, производство растительного масла и жиров, производство сахара.

В то же время, если оценивать уровень продовольственной безопасности на сегодняшний день в области рассматриваемый показатель составляет 13,5%. Такой уровень импорта соответствует безопасному уровню продовольственной зависимости. Однако разница между прогнозным и текущим показателем, составляющая порядка десяти раз, не позволяет рассматривать прогнозные показатели как доступные к достижению в установленный срок.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на хорошие предпосылки для развития сельского хозяйства и пищевой промышленности, которые являются важнейшими звеньями в системе обеспечения продовольственной безопасности, в настоящее время в области существует ряд проблем в этой сфере, которые требуют более подробного рассмотрения и анализа.

Список литературы

1. Воронежский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб. / Воронежстат. Воронеж, 2015.312 с.

2. Комов И.В., Яковенко Н.В. Агропромышленный комплекс как конкурентное преимущество социально-экономического развития Воронежской области//Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8. № 1 (32). С. 18.

3. Яковенко Н.В., Велюга И.В. Стратегический мониторинг в системе комплексной программы социально-экономического развития муниципального образования: теоретические подходы//В мире научных открытий. 2011. № 4 (16). С. 262-267.

4. Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В. Социально-экономическое прогнозирование в развитии региона//International Journal of Advanced Studies. 2018. Т. 8. № 2-2. С. 144-152.

5. Gridchina A.V., Orekhova L.L., Lyubimtseva S.V., Yakovenko N.V., Komov I.V. Agrarian policy of the region in terms of economic development innovation//International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Т. 6. № S8. С. 54-59.

УДК 338.439.66

Комов Игорь Владимирович
к.г.н., доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Перспективы обеспечения продовольственной безопасности в Воронежской области[90]

Аннотация. *Раскрыты перспективы обеспечения продовольственной безопасности населения как фактора развития человеческого капитала региона. Показаны возможности обеспечения региона продовольствием на прогнозный период*

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, Воронежская область, обеспечение, прогноз, перспективы*

Обеспечение продовольственной безопасности Воронежской области складывается из текущего уровня производства сельскохозяйственной продукции, а также импорта продовольственного сырья. Поэтому, для того чтобы оценить возможную динамику уровня продовольственной безопасности в пределах региона исследования, необходимо рассмотреть динамику уровня развития сельскохозяйственного производства, а также тенденции в импорте продукции. Для выявления имеющейся тенденции производства сельскохозяйственной продукции был рассчитан коэффициент, характеризующий темпы роста отмечаемых параметров. Чтобы получить искомую величину, мы воспользовались функцией ЛИНЕЙН в пакете Microsoft Office Excel, которая рассчитывает статистику для ряда с применением метода наименьших квадратов, чтобы вычислить прямую линию, которая наилучшим образом аппроксимирует имеющиеся данные и затем возвращает массив, который описывает полученную прямую. Результаты расчетов представлены в виде картосхем, отражающих пространственную вариацию полученных значений показателя.

Построение картограмм осуществлялось в среде MapInfo Professional. Группировка данных осуществлялась при помощи автоматического выделения диапазонов, в качестве метода объединения было выбрано равное количество записей, так как этот подход позволяет оценить ситуацию по области в целом при отсутствии стандартных критериев выделения признака.

[90] Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ 19-29-07400 мк

Согласно имеющейся тенденции [2,4-6], все районы Воронежской области характеризуются ростом производства продукции растениеводства. При этом наиболее высокие темпы роста отмечаются в Таловском, Калачеевском, Семилукском, Грибановском, Острогожском и Аннинском районах (рис. 1).

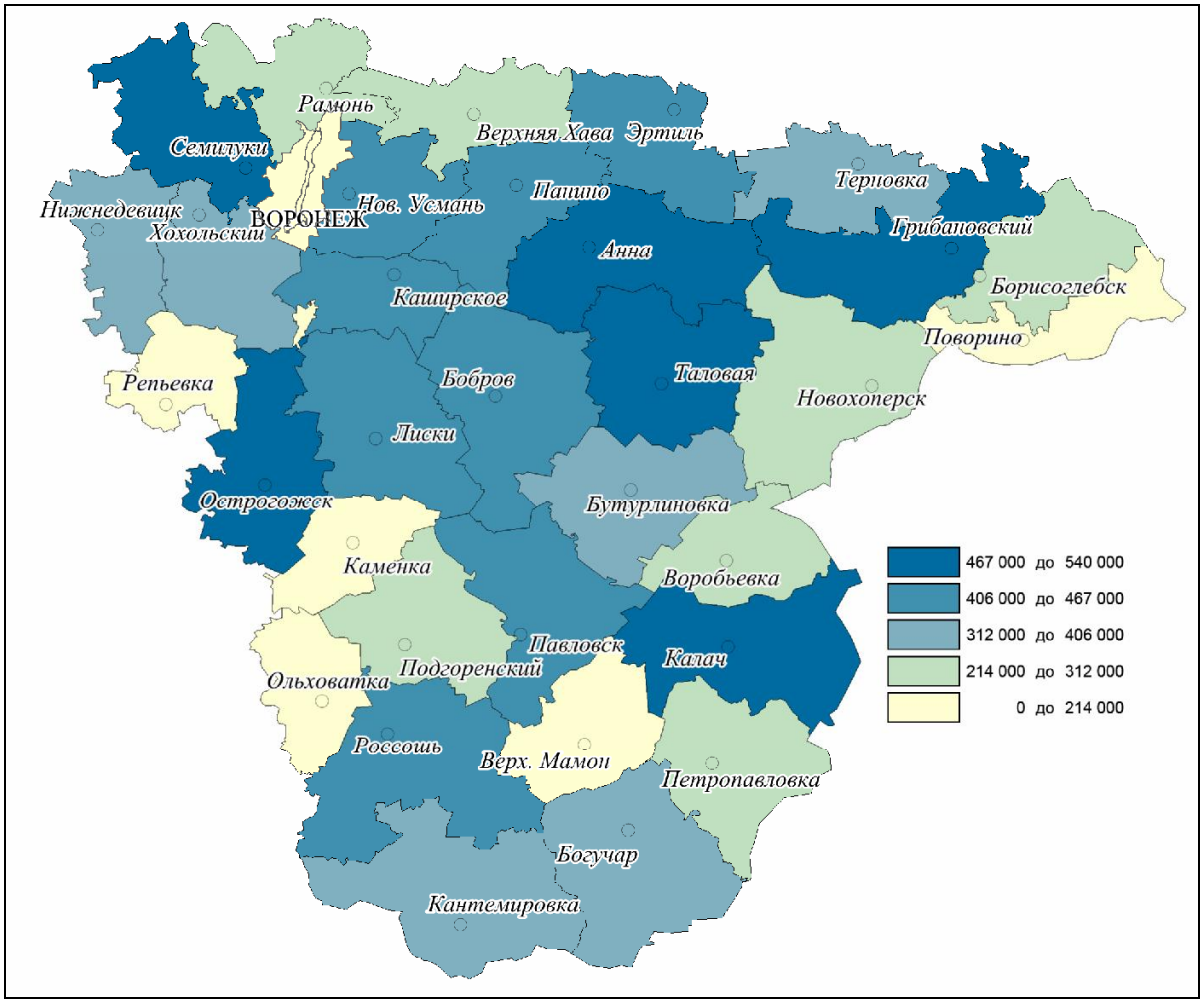

Рис. 1. Тенденция производства продукции растениеводства

Определенная пространственная закономерность в распределении районов с наибольшими темпами развития растениеводства в пределах области отсутствует. Стоит отметить, что в настоящее время не все из этих районов характеризуются ведущими объемами производства сельскохозяйственной продукции. Это означает, что даже при существующих высоких темпах роста производства растениеводческой продукции, для того чтобы они заняли ведущие позиции в обеспечении области продовольствием потребуется некоторое время (возможно, даже десятилетия).

В темпах роста производства животноводческой продукции преобладают Лискинский, Бобровский, Таловский, Павловский, Новохоперский и Россошанский районы [2]. По большей части они сосредоточены в центральной части области, в особенности при переходе Калачской возвышенности в Окско-Донскую низменную равнину (рис. 2).

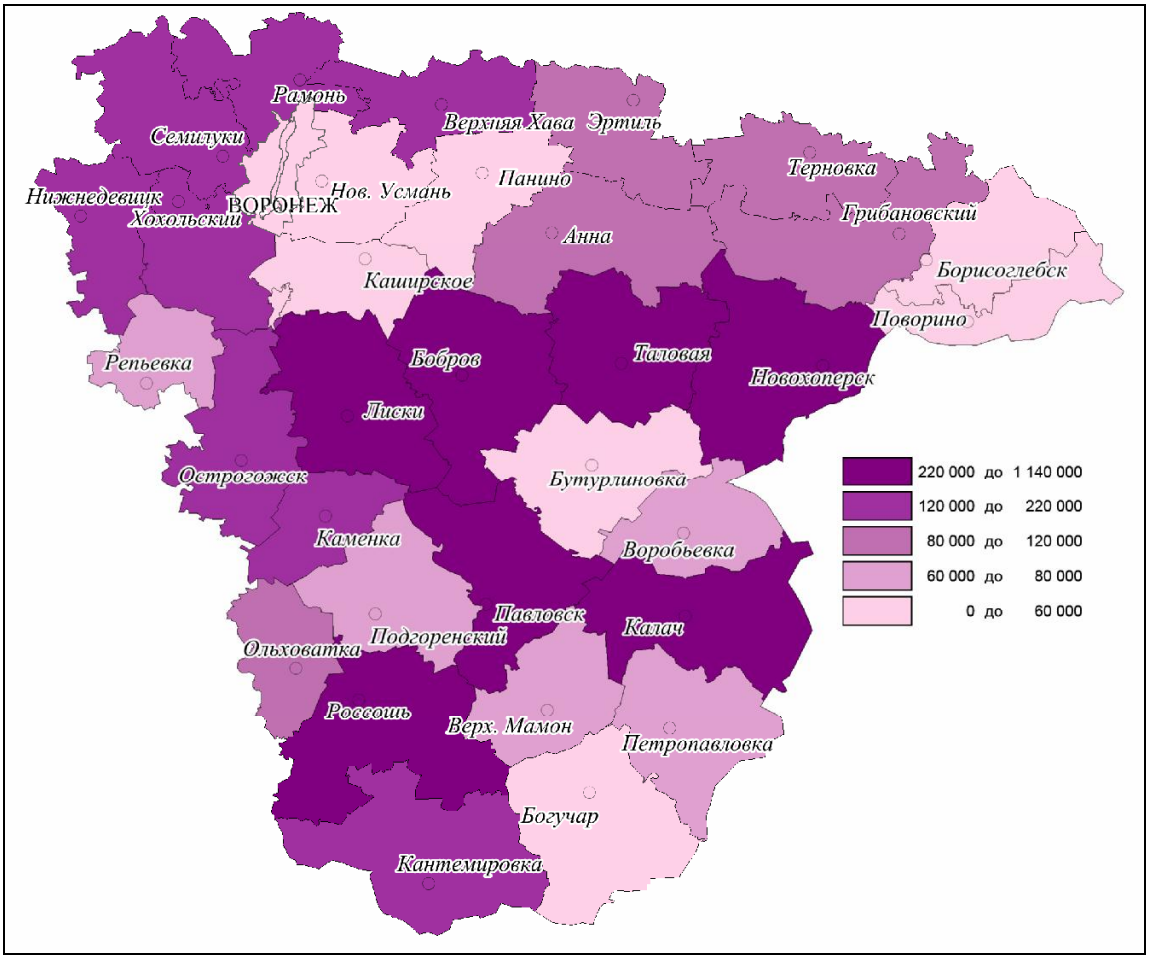

Рис.2. Тенденция производства продукции животноводства

В настоящее время наиболее высокие объемы производства животноводческой продукции характерны для Лискинского муниципального района. Остальные административные единицы существенно отстают от него, а также от некоторых других районов, доминирующих в настоящее время в производстве сельскохозяйственного сырья (таких как Эртильский и Калачский муниципальные районы).

В целом имеющиеся тенденции как в растениеводстве, так и в животноводстве, позволяют говорить о том, что пространственная структура сельского хозяйства в ближайшее время в области кардинально не изменится. Существующая положительная динамика обусловлена в значительной мере внедрением в сельское хозяйство инноваций [4], предусмотренных Прогнозом научно-технологического развития Воронежской области до 2030 г. [3].

В сфере агропромышленного комплекса и пищевой промышленности развитие будет происходить по нескольким направлениям. Так, в растениеводстве основной упор необходимо сделать на внедрении ресурсосберегающих технологий (например, минимальная и нулевая обработка почвы, полосное вспахивание). Кроме того, перспективным считается внедрение ГИС-технологий в процесс производства растениеводческой продукции, так как это позволит учитывать неоднородность участков поля по рельефу, почвенному покрову,

агрохимическому содержанию и дифференцированно использовать семена, удобрения, пестициды, орошение.

В животноводстве предполагается внедрение специальных мер отдельно для молочного и мясного скотоводства, для производства свинины и птицеводства. Так, в первом случае целесообразно внедрение технологий, направленных на улучшение кормов (с повышенной долей бобовых и бобово-злаковых культур, объемистых кормов, силоса с применением биологических консервантов) и технологий кормления, а также на повышение автоматизации и компьютеризации технологических операций. В свиноводстве также предполагается уделить большое внимание производству кормов и технологиям кормления (производство полнорационных комбикормов, внедрение самокормления и др.), улучшению условий содержания животных, совершенствованию селекционной работы, автоматизации и компьютеризации технологических процессов. В птицеводстве основной упор предполагается сделать на совершенствование селекционных технологий, оптимизацию условий выращивания, внедрение безотходных технологий производства [].

Кроме того, согласно [3], предполагается научно-технологическое развитие пищевой промышленности, которое предполагает внедрение ресурсосбережения, технологий утилизации отходов пищевых и микробиологических производств в других отраслях промышленности, инновационных технологий производства продукции, использование пищевых добавок из нетрадиционного и дешевого сырья.

Также до 2030 г. в пределах региона исследования предполагается активное внедрение кластеризации, в том числе создание кластера «Индустрия питания». Последний направлен на реализацию проектов в сфере производства продуктов питания, оборудования для пищевой промышленности, пищевых ингредиентов, тары и упаковки для пищевых продуктов, в сфере торговли и логистики, исследований, разработок и образования, связанных с пищевой промышленностью, технологическим машиностроением [Прогноз].

Положительные тенденции в развитии сельскохозяйственного производства и агропромышленного комплекса создают благоприятную ситуацию для обеспечения продовольственной безопасности за счет увеличения доли продуктов местного производства.

В то же время тенденция импорта продовольственной продукции в целом по области положительна. Если рассматривать уравнение линейной тенденции для имеющихся значений импорта с 2011 по 2018 гг.,, то можно отметить, что коэффициент при x, характеризующий скорость роста функции, составляет приблизительно 2,4. Согласно [Прогноз], наиболее значительный объем импорта до 2030 г. ожидается в сфере производства мяса, мясных и молочных продуктов.

Можно отметить, что рост показателя в настоящее время весьма незначителен, поэтому нельзя говорить о том, что отмечаемая тенденция является статистически значимой. Существует также вероятность того, что в

дальнейшем наблюдаемая положительная динамика сменится отрицательной. Во всяком случае, согласно [3], на первом этапе развития пищевой промышленности (2014-2022 гг.) необходимо снизить импорт продовольствия до уровня 1-1,5 % и затем поддерживать рассматриваемый показатель в пределах этих значений. При таком уровне импорта продовольствия, уровень продовольственной безопасности может считаться высоким, так как он соответствует безопасному уровню продовольственной зависимости. В то же время отсутствие количественных прогнозных показателей объемов производства и потребления продовольствия на ближайшее десятилетие затрудняет количественную оценку уровня продовольственной безопасности.

Таким образом, в настоящее время в пределах региона исследования существует положительная динамика на всех этапах производства пищевой продукции: в растениеводстве, в животноводстве и в пищевой промышленности. Стоит отметить, что в случае достижения показателей, предполагаемых Прогнозом [3], продовольственная безопасность будет весьма высокой. В то же время гарантий своевременного достижения прогнозных показателей нет. В частности, на настоящий момент доля импорта продуктов питания примерно в десять раз выше прогнозируемых показателей. Это обусловливает необходимость более тщательного планирования региональной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности.

Список литературы

1. Воронежский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб. / Воронежстат. Воронеж, 2015.312 с.
2. Комов И.В., Яковенко Н.В. Агропромышленный комплекс как конкурентное преимущество социально-экономического развития Воронежской области//Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8. № 1 (32). С. 18.
3. Прогноз научно-технологического развития Воронежской области до 2030 года//Url.: file:///C:/Users/%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%B000699.pdf.
4. Яковенко Н.В., Велюга И.В. Стратегический мониторинг в системе комплексной программы социально-экономического развития муниципального образования: теоретические подходы//В мире научных открытий. 2011. № 4 (16). С. 262-267.
5. Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В. Социально-экономическое прогнозирование в развитии региона//International Journal of Advanced Studies. 2018. Т. 8. № 2-2. С. 144-152.
6. Gridchina A.V., Orekhova L.L., Lyubimtseva S.V., Yakovenko N.V., Komov I.V. Agrarian policy of the region in terms of economic development innovation//International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Т. 6. № S8. С. 54-59.

УДК 312
Леденева Виктория Юрьевна
д.с.н., руководитель отдела Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
профессор Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Демографическая безопасность и межэтнические отношения в субъектах Центрального федерального округа

Аннотация. *Автором анализируются тенденция изменения этнодемографического баланса и воздействие социально-экономических факторов на этносоциальную ситуацию. Описаны влияние демографического фактора в межнациональных конфликтах, рассмотрены признаки демографических трансформаций. ЦФО привлекательный регион для мигрантов, что оказывает существенное влияние на межнациональную ситуацию в регионе, т.к. с каждым годом усиливается проблема нарушения этнодемографического баланса в регионе.*

Ключевые слова*: демографическая безопасность, миграция, межэтнические отношения, межэтнические конфликты, миграционная и национальная политика, региональные органы власти.*

Введение

Демографическая система общества как одна из составляющих социальной системы не только отражает происходящие в обществе экономические, политические и социокультурные процессы, но и оказывает на них непосредственное влияние. Жизнеспособность этноса, народа и государства в целом напрямую связана с численностью населения, его возрастно-половой структурой, структурой семейной организации, уровнем здоровья и, соответственно, продолжительности жизни и т.д. Именно поэтому вопросы, связанные с демографическим развитием страны, стали важнейшим звеном в цепи накопившихся проблем в современном российском обществе.

Межэтнические отношения в полиэтнических системах, какими является Центральный федеральный округ, заслуживают особого внимания и изучения. На возникновение и протекание межэтнических конфликтов наиболее сильное влияние оказывает социальное и экономическое благополучие жителей региона.

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России в 2018 году в ЦФО прибыло 7 826 722 иностранных граждан, указали целью въезда «работа» – 2 727 812 чел.

Значительной проблемой для ЦФО, как и для большинства субъектов Российской Федерации, являются неконтролируемые миграционные процессы, которые расшатывают стабильность в обществе, становятся

угрозой межнационального мира и согласия в нашей стране. Регионы ЦФО в силу их высокого экономического потенциала являются особо привлекательными для иностранных граждан. В 2019 году в ЦФО на миграционный учет было поставлено – 7,8 млн чел. (в 2018 – 6,7 млн чел.).

В ЦФО определился перечень регионов, притягивающих наибольшее число мигрантов, к которым относятся крупные экономические центры с диверсифицированными рынками труда, обеспечивающими относительно высокий уровень заработной платы. Так, в 2019 г. на миграционный учет поставлено с целью работы: г. Москва – 4,5 млн чел., Московская обл. – 1,9 млн чел., Калужская обл. – 247 тыс. чел., Тульская обл. – 192 тыс. чел. Кроме того, крупные центры привлекают людей более развитой инфраструктурой и более высоким уровнем жизни. Меньше всего иностранных граждан прибывает в Костромскую и Ивановскую области.

Количество трудовых мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность на территории Воронежской области в 2019 году составило 19106 чел., из них на основании патента трудились 14283 чел., в том числе у юридических лиц 8687 чел., у физических лиц 5596 чел.

Наибольшее количество мигрантов прибывает из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Китая, Киргизии, Молдовы Таджикистана и Украины. Как правило, вновь прибывшие трудовые мигранты из республик Средней Азии не имеют опыта жизни в инокультурной среде, не владеют русским языком даже на элементарном разговорном уровне, а их низкий уровень общей культуры провоцирует негативное отношение со стороны принимающего сообщества, приводит к росту социальной и межнациональной напряженности.

Отмечается, что наилучший уровень владения русским языком выявлен у мигрантов из Армении, Белоруссии, Киргизии, Молдовы, Украины. С наибольшими проблемами в освоении русского языка сталкиваются выходцы из Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана.

В трудовую миграцию вовлекаются преимущественно молодые иностранные граждане, большинство из которых не имеют опыта жизни в инокультурной среде, имеют довольно низкий уровень образования, элементарных навыков культуры поведения в обществе, что отражается на развитии отношений с принимающим сообществом. Их низкий уровень культуры провоцирует негативное отношение к ним со стороны местных жителей. Увеличение притока трудовых мигрантов приводит к росту социальной напряженности, вызванной различиями в менталитете, языке, культурных особенностях и обусловленной низкими возможностями для адаптации мигрантов в принимающем обществе, обособленностью и отчужденностью иностранных диаспор в России. Социальные общности мигрантов испытывают целый ряд проблем правового, бытового и адаптационного характера (трудоустройство, эффективная занятость, языковые барьеры, и социокультурные особенности жизни (принятие ценностей нового общества, включенность в его конкретную микросреду), и обучение детей, и отношение населения страны, и многое другое).

Новая тенденция, наблюдаемая в последние годы, – рост числа моноэтнических поселений иностранцев. Рост происходит во всех федеральных округах, но особенно интенсивно в Центральном Федеральном округе. Конкретные случаи формирования моноэтнических анклавов зафиксированы в Тульской, Орловской и Тверской областях. В Орловской, Тверской, Тульской, Калужской областях действует многоуровневый теневой рынок посреднических услуг по легализации иностранных граждан. По-прежнему остается проблема «резиновых квартир и офисов», когда в одном помещении регистрируются десятки и сотни человек. Чтобы быстрее и проще освоиться в новой обстановке, мигранты стараются селиться вместе, создают новые поселения.

На фоне количественного роста иностранных граждан происходят качественные изменения в их поведении. В первую очередь, это возрастание социальной агрессии, проявления пренебрежительного отношения к России и её коренным жителям, рост преступности в среде иностранных граждан, их слабая социокультурная адаптация. Таким образом в некоторых субъектах ЦФО нарастает социальная напряженность между коренным населением и внешними трудовыми мигрантами.

Приезд трудовых мигрантов вместе с своими семьями на территорию ЦФО приводит к следующим негативным последствиям:

– рост нагрузки на медицинские, образовательные и иные учреждения социальной сферы, которые и без того испытывают большие затруднения, что вызывает недовольство граждан регионов и способствует росту протестных настроений;

– большинство трудовых мигрантов – выходцы из республик Средней Азии, поэтому их семьи очень велики, количество детей превышает средние показатели среди граждан Российской Федерации;

– в семьях мигрантов рождается множество детей, которые потом будут автоматически претендовать на Российское гражданство;

– дети-мигранты, приходящие в дошкольные и учебные заведения, зачастую не только не знают традиций, культуры, особенностей общения, но в большинстве случаев не владеют языком в той степени, которая способствует быстрой адаптации в среде русскоязычных сверстников;

– проблемы освоения учебных программ детьми мигрантов, которые не владеют или не в полной мере (слабо) владеют русским языком, данный факт тормозит процесс обучения всех школьников и снижает качество образования в целом.

В целом, т.к. миграционная нагрузка на ЦФО больше чем в других ФО, уровень социальной напряженности наиболее критический по стране. Наиболее положительно оценивают состояние межнациональных отношений в Белгородской, Липецкой и Смоленской областях.

В свою очередь, большинство руководителей регионов стараются нивелировать подобные негативные явления, в субъектах ЦФО постепенно формируется инфраструктура по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в стране.

Вместе с тем в Белгородской области в качестве основной проблемы в сфере этноконфессиональных отношений отмечается недостаточное взаимодействие национальных объединений и религиозных организаций между собой и с органами местного самоуправления. Несмотря на все усилия органов исполнительной власти, привлечь национальные объединения к общественной жизни региона со стороны вышеуказанных организаций не удается.

В свою очередь, большинство руководителей регионов стараются нивелировать подобные негативные явления, в субъектах ЦФО постепенно формируется инфраструктура по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в стране.

Специализированных программ по адаптации и интеграции иностранных граждан на территории Воронежской области не принималось. Специализированных центров по адаптации и интеграции иностранных граждан на территории Воронежской области не создавалось. Данная задача решается в регионе через инфраструктуру «Домов дружбы».

Автономной некоммерческой организации «Центр социально-правовой поддержки переселенцев «Искусство жить» реализуется проект «Социокультурная адаптация мигрантов на территории Воронежской области «Обретение новой Родины».

Основными способами работы с мигрантами в целях профилактики межэтнических конфликтов являются:

- осуществление информационно-разъяснительной работы по доведению информации о действующем миграционном, трудовом, налоговом законодательстве в сфере трудовой миграции до сведения работодателей, а через работодателей до сведения иностранных работников;
- размещение информационных материалов о действующем миграционном законодательстве в СМИ и в сети Интернет;
- проведение межведомственных областных, межмуниципальных и муниципальных встреч с работодателями, привлекающими иностранных работников;
- консультации, проводимые некоммерческими организациями, сформированными по национальному признаку или занимающимися вопросами в сфере миграции.

Заключение.

Очевидно, что принимаемые в настоящее время попытки ограничить миграционное давление на субъекты Российской Федерации недостаточны, так как не приносят ожидаемого эффекта. Необходимы более действенные меры, направленные на снижение социального напряжения и устранения факторов, генерирующих конфликты на национальной и религиозной почве.

Субъектам должно даваться право, как принимающей стороной, выдвигать свои условия по предоставлению места занятости мигрантам, желающим трудоустроиться на территории. Такое направление официально должно быть признано приоритетом деятельности местных властей, которые стремятся таким образом не допустить постепенного размывания титульной нации. Это позволит эффективно решать проблемы демографической

безопасности и межэтнических отношений в субъектах Центрального федерального округа.

Список литературы

1. Боков А.Н. Демографические угрозы как объект статистического исследования//Экономика, Статистика и Информатика 2015. №3. С.157-163.
2. Демографическая безопасность России: монография /А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, П.В.Станиславский М.: РУСАЙНС, 2016. 116 с.
3. Статистические сведение по миграционной ситуации ГУВМ МВД России// Url.: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya
4. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2019 г. Ст.сб./Url.: https://www.gks.ru/folder/210/document/12994.

УДК 911.375

Мартынов Игорь Сергеевич
аспирант, кафедра экономической и социальной географии имени академика РАО В.П. Максаковского, географический факультет, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ), г. Москва, Россия

Некоторые демографические особенности пространственной дифференциации электоральных предпочтений населения города Москвы в ходе выборов мэра города Москвы (1995-2018)

Аннотация. *В статье автор анализирует электоральные предпочтения населения Москвы, проявившиеся в ходе нескольких электоральных циклов, их пространственную дифференциацию и её демографические особенности. Актуальность работы обусловлена активным политическим процессом в Москве, целью работы является дальнейшее изучение особенностей этого процесса и его пространственных проявлений. Применяя метод расколов, а также применяя модель «центр-периферия», автор выявляет корреляцию между демографическими особенностями и пространственной дифференциацией электоральных предпочтений.*

Ключевые слова: *электоральная география; политическая география; Москва; мэр Москвы; выборы*

Москва, являясь самым населённым субъектом Российской Федерации, а также крупнейшим населённым пунктом страны, представляет особый интерес для исследователя российской демографии. Несмотря на то, что, в целом, демографии Москвы посвящено много работ – много вопросов остаётся вне поля зрения исследователей. Попытаемся в определённой

степени прояснить один из них – кратко укажем, что это будут некоторые демографические факторы в электоральном поведении москвичей.

Территориальным полигоном нашего исследования станет город Москва, в границах до 01.07.2012, в качестве ячейки исследования мы берём отдельные районы города Москвы (принцип отбора которых будет объяснён ниже) в границах, утверждённых Московской городской Думой и указанных в соответствующем городском законодательстве.

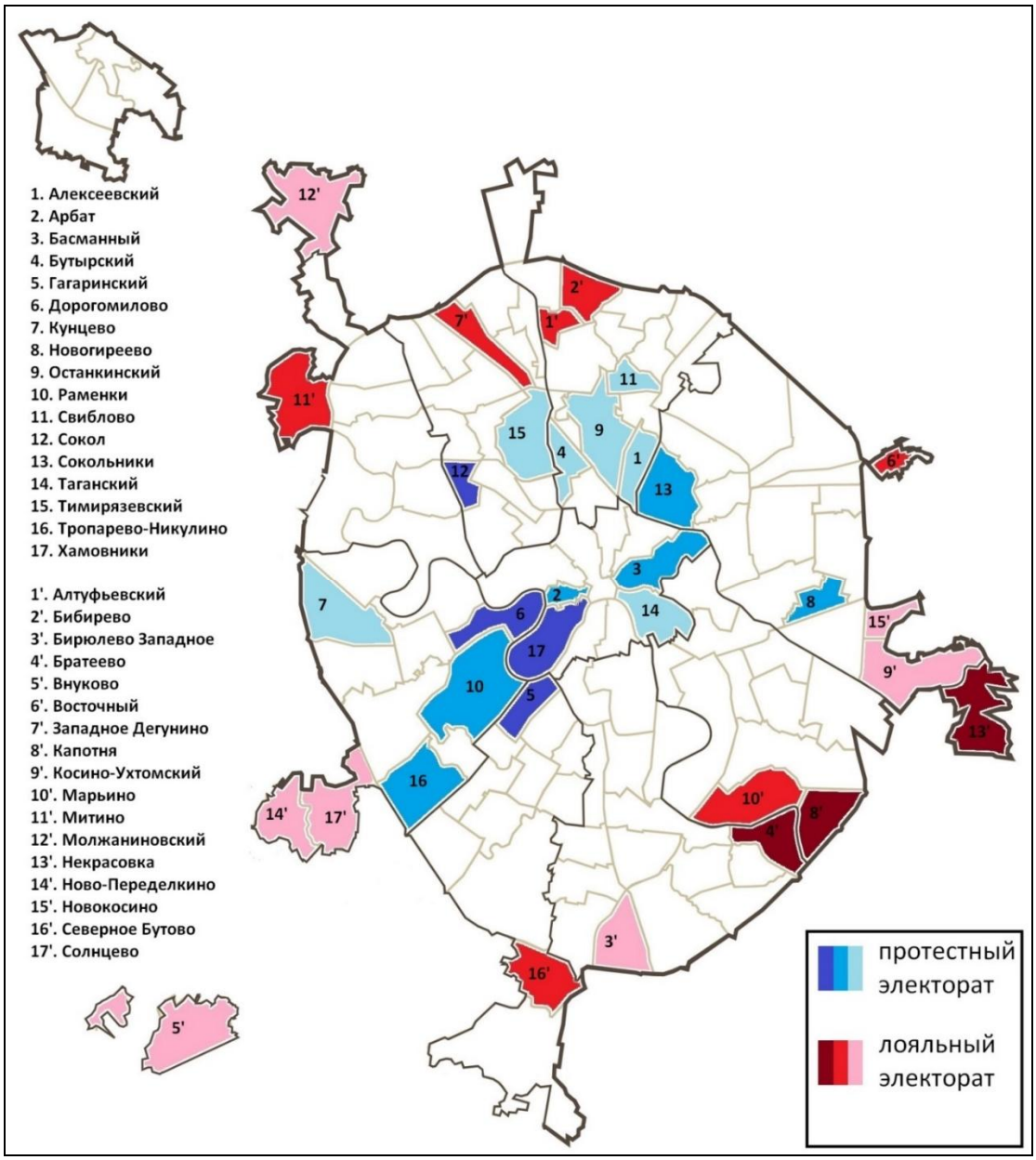

Рис. 1. Некоторые районы выраженного протестного голосования и выраженного лояльного голосования в ходе выбором мэра Москвы (1995-2018)

(рассчитано по: А. Е. Любарев, «Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000»[91], данным ЦИК РФ, МГИК)

[91] Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989-2000. - М.: Стольный град, 2001

Задачей нашего исследования станет выявление и описание некоторых долгосрочно проявляющихся особенностей пространственной дифференциации электоральных предпочтений населения Москвы, с целью дальнейшего применения предложенной модели в иных исследованиях, более подробных.

Временная рамка исследования взята максимально широкая и включает в себя все прошедшие в постсоветское время прямые выборы руководителя субъекта федерации – мэра Москвы.

Статистический материал, содержащийся в работе, опирается на официальные данные Центральной избирательной комиссии РФ, Московской городской избирательной комиссии, территориальных избирательных комиссий города Москвы, а также на иные источники.

Выборы мэра Москвы с 1995 по 2018 годы проходили в совершенно различных политических условиях, баллотировались разные кандидаты, действующие мэры также были разными. На выборах 1995-2003 кандидатом от власти был мэр Москвы Ю. М. Лужков, на выборах 2013-2018 кандидатом от власти был мэр Москвы С. С. Собянин. Тем не менее, электоральная география Москвы весьма стабильна и показывает значительную устойчивость – по сути, электоральное поведение москвичей мало зависит от личности действующего градоначальника (хотя и этот фактор нельзя обойти вниманием) и обусловлено иными факторами.

Проанализируем карту (рис. 1). На данной карте нами выделены отдельные районы протестного голосования и отдельные районы лояльного голосования. Выбор тех или иных районов продиктован устойчивостью трендов в электоральных предпочтениях. Так, наиболее тёмными оттенками красного и синего цветов обозначены районы, которые в ходе большинства избирательных кампаний по выборам мэра Москвы попали в верхнюю (красный цвет), либо нижнюю (синий цвет) десятку наибольшей и наименьшей поддержки действующего градоначальника.

Тем не менее, нами сделаны и определённые допущения – оттенками средней интенсивности обозначены районы, показавшие лояльное/нелояльное голосование на выборах мэра Москвы в 1995 г., оттенками слабой интенсивности показаны районы, показавшие лояльное/нелояльное голосования в ходе последней кампании, в 2018 г. В них электоральное поведение жителей не всегда устойчиво, (так, район Новогиреево, в 1995 году проголосовавший протестно, в последующие годы подобного поведения не демонстрировал), но по ним можно судить о трендах в электоральном поведении москвичей.

Итак, что же мы видим на данной карте? Наиболее интенсивными оттенками показаны районы в центре, либо на юго-восточной окраине – и это ярко иллюстрирует известный исследователям раскол на электоральной карте Москвы. Обычно, в Москве выделяют два крупных ареала – лояльный электорат (преимущественно южные и юго-восточные окраины города) и нелояльный, либо протестный (преимущественно центр, запад и юго-запад города). Здесь мы видим, что наиболее устойчивый протестный тренд демонстрируют

Дорогомиловский район, Гагаринский район, Хамовники. Наибольшую поддержку действующей власти же демонстрируют районы Капотня, Братеево на юго-востоке Москвы, а также Некрасовка – на востоке города.

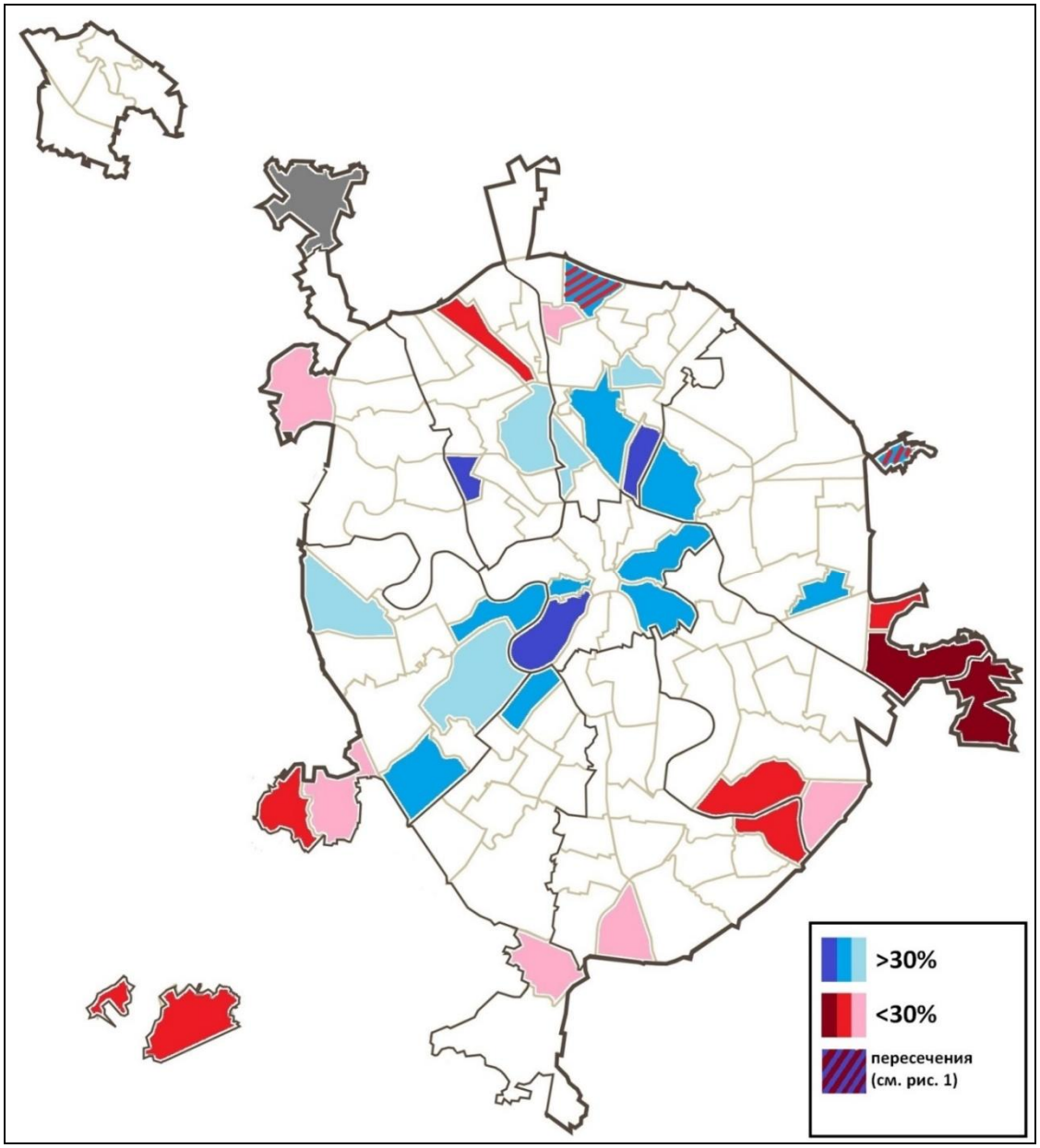

Рис. 2. Численность пенсионеров в процентном отношении к общей численности населения района
(рассчитано по: А. Пирогов, «Дети и пенсионеры на карте Москвы», 2015 г.[92])

Прочие взятые нами районы также укладываются в эту картину центр-периферийного раскола. Среди отмеченных районов, близких к центрально-юго-западной оси, нет ни одного, который бы попал в первую десятку поддержки действующей власти на выборах мэра Москвы, среди отмеченных районов по окраинам города – нет, соответственно, ни одного, который бы попал в первую десятку по протестному голосованию.

[92] Дети и пенсионеры на карте Москвы. // GISGeo URL: http://gisgeo.org/research/city/demography-of-the-moscow-population.html (дата обращения: 06.09.2020).

Выделяется упомянутый ранее район Новогиреево – отмечен синим цветом на востоке города – но, предположим, что в 1995 году электоральное поведение жителей района было обусловлено ситуативными факторами, впоследствии своей роли не сыгравшими. Это будет заметно и по демографии районов – перейдём к ней.

Рассмотрим некоторые демографические особенности, опираясь на статистику Мосстата, представленную на портале Открытых данных города Москвы в 2013 году и собранную на сайте GISGeo.

Отчётливо видно, что районы, показавшие большую протестную активность на выборах мэра Москвы, отличаются большим количеством проживающих там людей пенсионного возраста. Население же окраин, больше склонных голосовать лояльно к действующей власти, напротив – отличается молодостью населения. Связано это с различными факторами – на окраинах (Марьино, Братеево и т. д.) в 1990-е гг. велась массовая жилая застройка, в эти дома заселялись молодые семьи – москвичи, стоявшие в очереди на получение жилья, жители других регионов России, переехавшие в Москву. Переехавшие и сами, чаще всего, были молодыми людьми – кроме того, это были молодые семьи, зачастую многодетные, что также способствовало большей «молодости» районов.

Центральные же районы, где численность пенсионеров в отношении к общей численности населения, более значительная, отличались и отличаются совсем иным демографическим положением – это районы старой застройки, дорогой недвижимости, куда не так просто переехать, например, человеку из регионов России. Кроме того, часть населения пенсионного возраста в этих районах – люди, отмеченные государством за свои заслуги в тех или иных областях деятельности. Работники науки, культуры и искусства и прочие.

В политологических публикациях порой ставится знак равенства между людьми пенсионного возраста и так называемым «административно-зависимым электоратом» – сравнив эти две карты, представленные на рис. 1 и рис 2, мы видим, как большую лояльность демонстрируют районы, с большим количеством молодёжи, в то время как районы с более «возрастным» населением демонстрируют более протестное электоральное поведение. Из этого мы можем делать вывод, что молодое население окраин Москвы – это люди благодарные правительству города за предоставленные им возможности для жизни в столице, за благоустройство районов, создание необходимой инфраструктуры и т. д.

Пожилое же население центральных районов – это зачастую владельцы квартир, предоставленных государством за особые заслуги, наследники прежних владельцев, достигшие преклонного возраста, и прочие пенсионеры, свои благосостоянием непосредственно государству не обязанные и потому не считающие необходимым демонстрировать ему лояльность.

Выделяются два района (Восточный и Бибирево), выделенных штриховкой – это районы, где численность пенсионеров велика, но электоральное поведение они демонстрируют лояльное. Анализируя это,

следует предположить, что пенсионеры, живущие в этих районах – это как раз пенсионеры, либо проработавшие на государственных предприятиях большую часть трудовой жизни (Бибирево), либо благодарные властям города за присоединение и благоустройство района (Восточный). Отдельно отметим Молжаниновский район, по которому численность пенсионеров по состоянию на 2013 год найти оказалось проблематично.)

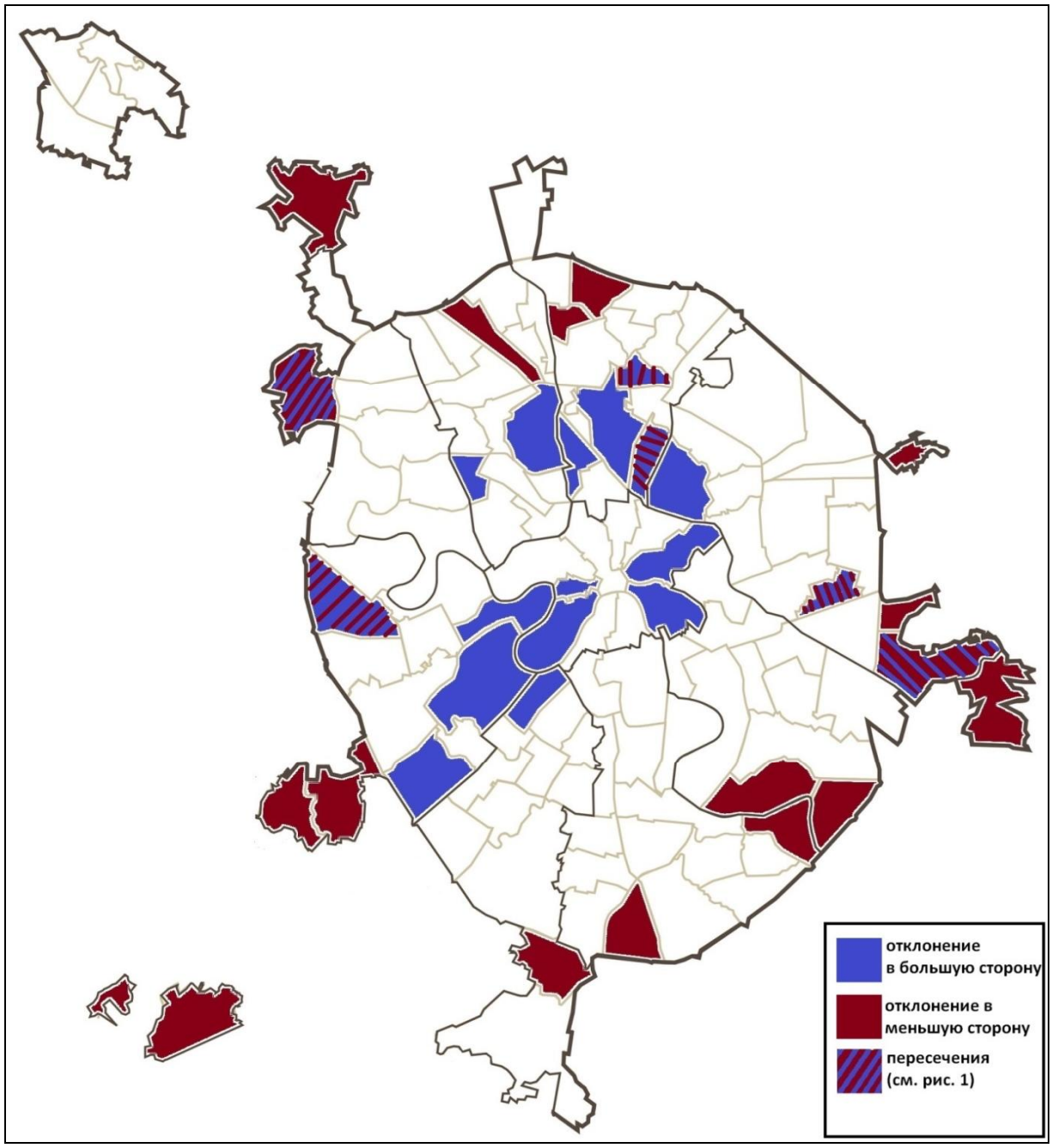

Рис. 3. Отклонение количества жителей с высшим образованием от среднего по Москве

(рассчитано по: Уровень высшего образования в Москве по районам // Московские Новости. - 2013. - 16/01/2013.[93]*)*

[93] Уровень высшего образования в Москве по районам // Московские Новости URL: https://www.mn.ru/multimedia/infographics/164448 (дата обращения: 06.09.2020).

Здесь рассмотрим ещё один демографический фактор на электоральной карте Москвы – уровень образованности московского населения.

Не градуируя детально, на этой карте отмечено общее отклонение, в ту или иную сторону, количества жителей районов, имеющих высшее образование, от медианного по Москве, который в 2013 г. составил 40,1%.

Здесь мы видим распределение приблизительно в тех же самых границах – районы, которые на первой карте были отмечены как склонные к протестному голосованию, а на второй выделялись большим количеством жителей пенсионного возраста, выделяются и на этой карте, средняя численность проживающих в этих районах людей, имеющих высшее образование, отклоняется вверх от среднего показателя по городу.

В противоположную сторону отклоняются районы, на первой карте отмеченные как склонные к лояльному голосованию, а на второй – как те, в которых проживает меньше людей пенсионного возраста. Их отклонение, чаще всего, в меньшую сторону – людей с высшим образованием в этих районах меньше, чем в среднем по Москве.

Это объясняется многими факторами, в том числе и тем, что, как уже было сказано, в этих районах проживает много детей, которые и не могут иметь высшее образование, однако взаимосвязь демографических факторов с устойчивостью электоральных ареалов отрицать невозможно.

В районах же устойчивого протестного голосования, где, в то же самое время, проживает большее количество пенсионеров, расположено значительное количество, как уже было сказано, высших учебных заведений, и жители этих районов зачастую представляют преподавательский состав этих учреждений.

На этой карте заметно выделяются районы, отмеченные нами штриховкой. Красная штриховка поверх синей заливки (районы Алексеевский, Свиблово, Кунцево, Новогиреево) говорит о том, что это районы, склонные к протестному голосованию, но где количество жителей, имеющих высшее образование, отклоняется вниз от среднего – синяя же штриховка поверх красной заливки (районы Митино, Косино-Ухтомский) говорит об обратном.

Изучив эти три карты, на которых мы в некоторых подробностях рассмотрели отдельные районы, представляющие два противоположных полюса электорального поведения москвичей, мы можем сделать следующие выводы о проявляющихся здесь демографических факторах:

Москва – город, разделённый электорально по оси «центр-периферия», центральные районы склонны к протестному голосованию, также к ним тяготеют районы запада и юго-запада. Районы же окраинные, периферийные – склонны к лояльному голосованию за действующую власть.

В районах, склонных к протестному голосованию, чаще проживает больше людей пенсионного возраста, чем в районах, склонных к голосованию лояльному, где больше жителей молодых возрастов. В

условиях Москвы пенсионеров нельзя определённо назвать административно-зависимым электоратом – московские пенсионеры, особенно, проживающие в центральных районах, это люди, живущие в Москве всю жизнь, заслуги которых отмечены государством. Этим обусловлена большая склонность к протестному голосованию. Население же окраин – это зачастую те жители, которые переехали в Москву из регионов России, чьё благосостояние напрямую оказалось связано с действиями московских властей.

Уровень образованности населения рассматриваемых районов, также показывает корреляцию и с численностью пенсионеров, и с лояльным/протестным электоральным поведением. В районах, склонных к протестному голосованию, чаще проживает больше людей с высшим образованием, чем в среднем по Москве – в районах же, склонных к лояльному электоральному поведению, наоборот.

Таким образом, рассмотрев несколько районов Москвы, проследив тренды и корреляции, можем отметить демографические факторы, многие годы оказывающие непосредственное влияние на электоральное поведение москвичей – и это находит своё отражение на электоральной карте Москвы.

Список литературы

1. Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989-2000 [Текст] / Любарев А. Е.М. : Стольный град, 2001. 413 с.
2. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А. В. Иванченко, А. Е. Любарев. М.: Аспект Пресс, 2006. 222 с.
3. Вендина О. И. Социальный атлас. Москва за пределами исторического центра: городские районы и их социальные лица. Московский урбанистический форум, 2013. 28 с.
4. Вендина О. И. Две Москвы: мировоззрение москвичей и дифференциация городского пространства //Вестник института Кеннана в России. 2013. № 23. С. 87–100.
5. Лузанов А.Н. О территориальной дифференциации электоральных предпочтений населения России //Вестник Московского университета. Серия 5: География. 1998. № 5. С. 15–22.

УДК 911.37 (470. 316)
Невзоров Вадим Александрович
к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии и туризма, ФГБОУ ВО Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

Современный демографический кризис в регионах Верхневолжья

Аннотация. *В статье представлен современный анализ демографической ситуации, сложившейся во второй половине 2010-х годов в Ярославской, Ивановской, Костромской и Тверской областях. Демографическая ситуация анализируется с помощью коэффициентов естественного и миграционного прироста и суммарного коэффициента рождаемости. Рассматривается динамика численности населения регионов за советский и постсоветский периоды. Данные демографического анализа могут быть использованы при проведении мероприятий демографической политики.*

Ключевые слова*: численность населения, демографическая ситуация, коэффициент естественного прироста, суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент миграционного прироста, регионы Верхневолжья, муниципальные образования.*

Верхневолжский регион сформировался в Центральной России в верхнем течении великой русской реки и традиционно включает четыре региона – Тверскую, Ярославскую, Костромскую и Ивановскую области. Район Верхневолжья имеет достаточно богатую демографическую историю. В начале XX в. численность населения данных губерний была значительной, средняя плотность населения показывала перенаселенность многих территорий. В течение XX в. процессы ускоренной индустриализации, коллективизации, интенсивной урбанизации, так же изменения образа и качества жизни населения привели к резкому сокращению процессов рождаемости, старению населения и полномасштабному демографическому кризису [9].

Ярославская область и ее верхневолжские соседи уже долгое время относятся к демографически проблемным территориям России. Это связано с более ранним переходом регионов к малодетной модели семьи, характерной для урбанизированных территорий. Для анализа современного демографического кризиса, использовался важный период 2015-2019 годов. За это время демографическая ситуация изменилась от умеренно неблагоприятной до неблагоприятной. Кроме того, важнейшим фактором снижения рождаемости и воспроизводства стало ухудшение возрастной структуры населения.

Говоря об истории демографического изучения регионов можно отметить, что существуют достаточно разнообразные публикации, в которых присутствуют области Верхневолжского региона.

Демографическое развитие как фактор устойчивого развития региона, динамика сельского населения и расселения на примере Тверской губернии и области раскрыты Л. П. Богдановой, А. А. Ткаченко, А. С. Щукиной [1]. Территориальные аспекты демографического развития Костромской области отражены М. Б. Денисенко [3]. Демографическая ситуация в Ивановской области с позиций медико-демографической оценки представлена в работах С. В. Клюзиной, Н. А. Птицыной [5].

Геодемографическими проблемами Ярославского края интересовались в XX в. Г. И. Курочкин [7], С. М. Воскобойникова [2]. В наше время известны публикации о демографической ситуации в регионе Е.Н. Селищева [10], А. С. Емельянова [4], о сельском расселении области - Е. Ю. Колбовского, Т.Ю. Кондаковой [6] и др.

Самым крупным по численности населения регионом Верхневолжья является Тверская область. Область за последнее столетие значительно обезлюдела: в 1926 г. в области проживало 2,2 млн. человек, в 1959 г. — 1,85 млн. человек, а в 2020 г. — 1,26 млн. человек (табл. 1). В настоящее время, кроме областного центра, население региона продолжает значительно сокращаться из-за неблагоприятной возрастной структуры населения.

Костромская область самая незначительная по численности населения область не только в Верхневолжье, но и в Центральном федеральном округе. В основном это связано с двумя факторами: достаточно поздним выделением из состава Ярославской области в 1944 году и ролью Волги, как экономического препятствия для развития большей части региона. Потери населения от невыгодного географического положения большей части региона и недостаточное развитие экономики в советское время привели в последние два-три десятилетия к резкому сокращению численности населения.

Ивановская область в начале XX века была одним из новообразованных регионов, включивших территории южной части Костромской губернии и северные индустриальные уезды Владимирской губернии. Максимальной численности населения область достигла к 1990 году став при этом крупным узкоспециализированным районом текстильного производства. Последнее обстоятельство привело в постсоветское время к наиболее острым проблемам в социальной сфере и экономике и резкому сокращению численности населения [9].

Таблица 1-Динамика численности населения регионов Верхневолжья за 1926-2020 год, тыс. чел. [11]

Регион	1926	1990	2006	2010	2016	2020
Ивановская область	1195	1295	1100	1061	1029	997
Костромская область	811	804	690	666	656	633
Тверская область	2242	1663	1399	1350	1326	1260
Ярославская область	1343	1474	1300	1271	1272	1253

Современная демографическая ситуация в регионах Верхневолжья при постоянных отрицательных значениях, выглядит по-разному и зависит в основном от миграционной привлекательности территории и возрастной структуры населения.

Анализ общего коэффициента естественного прироста приводит к выводу, что относительно благополучная ситуация сложилась в Костромской области. Регион многие годы отличался повышенной рождаемостью, занимая ведущие места по этому показателю в Центральном федеральном округе. Более молодая возрастная структура и повышенная доля сельского населения с частично сохранившимися традиционными установками на многодетность позволяют этой области иметь наиболее высокий суммарный коэффициент рождаемости среди регионов Верхневолжья (табл. 2).

Ярославская область была одним из немногих регионов Центральной России, наряду с Калужской областью, где численность населения стабилизировалась в первой половине 2010-х годов во многом благодаря миграционному приросту (табл. 2). Начиная с 2017 года, вновь началась общая убыль населения. Высокая естественная убыль населения Ярославской области в настоящее время незначительно компенсируется миграционным приростом. Большая часть мигрантов прибывает из Архангельской, Вологодской, Костромской областей, республики Коми и бывших республик СССР.

Таблица 2-Коэффициент естественного прироста, коэффициент миграционного прироста и суммарный коэффициент рождаемости регионов Верхневолжья [11]

Регионы и страны	Коэффициент естественного прироста (убыли) на 1000 человек		Суммарный коэффициент рождаемости		'Коэффициент миграционного прироста на 1000 человек	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019
Ивановская область	-4,6	-7,9	1,63	1,27	-6,8	0,8
Костромская область	-3,5	-5,6	1,89	1,54	-4,5	-0,5
Тверская область	-6,5	-7,9	1,7	1,4	-7,9	0,5
Ярославская область	-3,4	-5,8	1,7	1,37	0,2	0,8
Российская Федерация	0,3	-2,2	1,78	1,5	1,9	1,9

Ивановская область относится к группе наиболее демографически депрессивных регионов Центральной России и Верхневолжья. Область характеризуется самыми низкими в настоящее время показателями воспроизводства населения. Рождаемость значительно ниже, а смертность значительно выше среднероссийских показателей за счет большего

«старения» возрастной структуры населения, усугубляет ситуацию низкое отношение душевых доходов к прожиточному минимуму среди регионов Центральной России.

Тверская область – крупный ареал российской депопуляции. Причиной этому стал большой миграционный отток населения за последние десятилетия в Москву и Санкт-Петербург. В последние годы демографическая ситуация ухудшилась как и в большинстве регионов России.

Внутрирегиональные различия.

Ярославская область и ее муниципальные образования уже долгое время относятся к демографически проблемным территориям России [8]. Демографическая ситуация на районном уровне зависит в первую очередь от возрастной структуры населения и миграционной привлекательности территории. Рассмотрение общих коэффициентов естественного прироста по муниципальным образованиям приводит к выводу, что относительно благополучная обстановка в Ярославской области сложилась в Ярославле, Ярославском и Тутаевском муниципальном районе. Историческое развитие, крупные советские индустриальные стройки и выгодное географическое положение предопределило большую численность и относительно молодую структуру населения этих городов области [9]. Небольшая естественная убыль населения Ярославля компенсируется миграционным приростом.

Демографическое неблагополучие Тверской области нарастает по мере удаления от центра региона к западу и северо-востоку. Особенно тяжелая демографическая обстановка сложилась в западных районах (в Бельском, Нелидовском, Оленинском районах) и северо-восточных районах области (Весьегонском, Сандовском, Молоковском, Лесном), здесь зафиксированы самые высокие показатели смертности населения. Демографические проблемы населения в Тверской области актуальны не только для сельской местности, но и для целого ряда средних и особенно малых городов Вышнего Волочка, Западной Двины, Нелидово, Кувшиново и других [9].

Центр-периферийная модель в демографическом исполнении характерна для Ивановской и Костромской областей. Так местом относительного демографического благополучия в Ивановской области является областной центр и прилегающие к нему города Кохма и Шуя. Наиболее сложная ситуация в восточных районах области, испытывающих миграционный отток. В Костромской области более благоприятная ситуация с уровнем воспроизводства населения сложилась в юго-восточных муниципальных образованиях – Костроме, Волгореченске, Красносельском районе. Наиболее неблагополучные показатели – в центральных и восточных районах Костромской области (Мантуровский, Межевской, Макарьевский, Антроповский, Поназыревский районы).

Заключение. Если первая половина 2010-х годов характеризовалась улучшением основных демографических показателей как для страны в целом, так и для регионов Верхневолжья, то начиная с 2017 года, началось резкое сокращение рождаемости и воспроизводства населения.

Основной причиной снижения уровня рождаемости стала неблагоприятная возрастная структура населения: на смену относительно многочисленному поколению 1980-х годов пришло малочисленное поколение, рожденное в 1990- е годы. В целом регионы Верхневолжья переживают сейчас более острый демографический кризис за все время научных наблюдений.

Поэтому необходимо более активное проведение государством семейной политики и стабилизация экономической ситуации в стране.

Список литературы

1. Богданова Л.П. Демографическое развитие Тверского региона/Л.П. Богданова, А.А. Ткаченко, А.С. Щукина / Научная серия «География и региональное развитие». Тверь: ЧуДо, 2001. 64 с.
2. Воскобойникова С.М. Демографические особенности современной урбанизации и расселения Ярославском Нечерноземье/ С.М. Воскобойникова //Структурно-географические сдвиги в развитии населения и хозяйства Верхневолжского Нечерноземья. Сб. науч. трудов. Вып. 181. Ярославль: Изд-во ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1979. С. 18-35.
3. Денисенко М.Б. Территориальная неоднородность в демографическом развитии Костромской области [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hse.ru/pubs/ lib/data/access/ram/ticket. (Дата обращения 20.01.2017).
4. Емельянов А. С. Депопуляция сельского населения как одна из форм социально-демографического кризиса в Ярославском Нечерноземье [Текст] /А.С. Емельянов // Ярославский педагогический вестник. 2000. № 1 (23).
5. Клюзина С. В., Птицына, Н. А. О демографической ситуации в Ивановской области //Женщина в российском обществе. 2007. №2. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.cyberleninka.ru/article/n/o-demograficheskoy-situatsii-v-ivanovskoy-oblasti. (дата обращения: 14.02.2017).
6. Кондакова Т. Ю. Социальная география и экология сельской местности в зеркале территориального планирования/ Т.Ю. Кондакова, М.В. Пасхина, Е. Ю. Колбовский //Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 94-99.
7. Курочкин, Г.И. Проект сети врачебных участков и лечебниц Ярославского уезда. /Г.И. Курочкин – Ярославль: Типография Губернской земской Управы, 1912. 137 с.
8. Невзоров В.А. Демогеографические аспекты проведения демографической политики в Ярославской области/В.А. Невзоров // Проблемы региональной экологии. 2018. № 1. С.111-115.
9. Невзоров В.А., Селищев Е.Н. Геодемографическое развитие регионов Верхневолжья: состояние, динамика, прогноз/ В.А. Невзоров, Е.Н. Селищев // Проблемы региональной экологии. 2017. № 2. С.112-118.
10. Селищев Е.Н. Структурно-территориальная организация населения и хозяйства Ярославской области: Монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2003.

11. Федеральная служба государственной статистики России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.http://gks.ru. – (дата обращения: 25.12.2016).

УДК 314.172

Панков Сергей Викторович
д.г.н., профессор кафедры экологии и природопользования, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», г. Тамбов, Россия

Демографический потенциал Тамбовской области: реальность и перспективы

Аннотация. *Вопросы демографического и социально-экономического развития сельской местности в нашей стране остаются одними из наиболее актуальных, включая вопросы их качественных и количественных изменений, возрастание доли исчезающих поселений. Цель статьи – анализ сложившейся критической демографической ситуации в сельской местности. Статья основана на комплексном анализе факторов, влияющих на депопуляцию региона. Устойчивое развитие сельской местности позволяет обеспечить комплексное и интегрированное решение демографических проблем села в рамках единой государственной концепции.*

Ключевые слова: *демографический потенциал, сельские населенные пункты, сельская демография, Тамбовская область, людность поселений*.

Проблемам демографического развития страны посвящено множество публикаций, научных исследований, государственных программ. И это понятно, рассматриваемый вопрос долгое время остается актуальным, он очень сложный, труднорешаемый и результаты можно увидеть только спустя годы и десятилетия. Новейшая история России показала как игнорирование демографического вопроса или его половинчатое решение приводит к негативным, а чаще, к катастрофическим последствиям в социально-экономическом развитии государства. Демографическое развитие и его составляющие – изменение численности населения, рождаемость, смертность, естественный прирост, продолжительность жизни и другие должны постоянно находится в приоритетных задачах государства, малейшее ослабление внимания к этому вопросу и, мы опять, вынуждены его форсировано решать. Данный аспект нашёл подтверждение в январском 2020 г. послании Президента Федеральному Собранию: «Россия вошла сейчас в очень сложный демографический период. Рождаемость, как вы знаете, снижается».

Тамбовская область, к сожалению, остается одной из самых демографически депрессивных в ЦФО и в стране в целом. По данным Тамбовстата, за период с января по октябрь 2019 г. естественная убыль

населения составила 6864 человек, сальдо миграции также с минусом, отток составил 1373 человека. Таким образом, по сравнению с 2018 г. численность населения области сократилась на 8793 человека и составила 1 млн 15 тыс. 966 человек. При сохранении таких темпов мы, уже через два года, перейдем через «психологическую отметку» в 1 миллион жителей. И это будет впервые (!) с момента проведения первой Всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 году.

Необходимо остановиться на проблемах сельской демографии, конкретнее, местах, где и реализуется демографический потенциал – сельских населенных пунктах. Именно состоянием сельской местности (наличие или отсутствие мест приложения труда, условия и качество жизни, степень освоенности и качество среды обитания) определяется уровень демографического развития. Состояние сельских территорий – самый верный показатель развитости аграрного сектора страны, степени ее цивилизованности, уровня жизни сельского населения. Эта оценка нашла отражение в федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на период до 2020 г.», которая в том или ином виде будет продолжена, о чем заявил Президент в своем послании: «Ключевым, долгосрочным фактором устойчивого роста сельского хозяйства, конечно же, должно стать повышение качества жизни людей, тех, кто трудится на селе. Я обращаю внимание Правительства, уже в этом году необходимо принять новую программу развития сельских территорий, и она должна заработать с 1 января 2020 года».

Начало процесса сокращения сельских поселений в Тамбовской области относится к 20-м годам прошлого века с сохранением указанных тенденций в последующие годы, вплоть до сегодняшнего дня, например, с карты области, начиная с 1945 года и до начала 90-х годов, исчезло 2477 сельских поселений. Обстоятельства таких изменений различные: экономические, административные, политические и другие. В России ежегодно исчезает до 3 тысяч сел и деревень, 700 тысяч человек мигрируют из села, выбывают из сельскохозяйственного оборота миллионы гектаров земель, а с этим мы теряем историю, культуру, уклад жизни. Смерть человека – это всегда горе, трагедия, деревни же умирают тихо, почти незаметно. Здесь, как нельзя лучше, звучат строки из стихотворения поэта Эдуарда Асадова «Гибнущая деревня»:

Умирают деревни, умирают деревни!
Исчезают навеки, хоть верь, хоть не верь.
Где отыщется слово суровей и гневней,
Чтобы выразить боль этих жутких потерь?!
Без печали и слез, будто так полагается,
Составляется акт, что с таких-то вот пор
Деревенька та «с данных учетных снимается»
И ее больше нет. Вот и весь разговор.

Сокращение поселений вызывалось рядом причин. В годы послевоенного строительства осуществлялось упорядочение селитебных

территорий, в частности объединение поселений при их территориальном слиянии или сравнительной близости. Из общего числа сокращенных поселений за 1970-1979 гг. доля поселений, объединившихся со своими «соседями», по нашим подсчетам, составила около 20%.

Подавляющая часть убыли сельских поселений приходится на мелкие упраздненные селения, так называемые «неперспективные», в связи с переселением их жителей в более крупные пункты и выездом за пределы сельской местности, в том числе и из Тамбовской области. Среди упраздненных поселений, например, наибольшее число составили так называемые «однодворки». В основном это пункты, население которых было связано с ведением лесного хозяйства. Самым негативным социальным последствием этой политики стал значительный ущерб, нанесённый сельской инфраструктуре. Возникла парадоксальная и непросчитанная властями ситуация, когда подвергшиеся переселению жители (уже снявшиеся с насиженных мест) переезжали не в опорные «перспективные» села, а в райцентры, областные центры и другие города, в т.ч. в столицу. Эта ситуация усиливала миграцию из сельской местности и вела к демографическому старению деревни. Даже после отмены проекта разрушение сети сельских населённых пунктов, спровоцированное данной политикой, продолжалось. Мелкие населённые пункты продолжали исчезать.

Снижение людности поселений и полное их обезлюживание сопровождается уменьшением численности хозяйств (дворов); часть приусадебных участков приходит в запустение и лишь иногда используется для выращивания кормовых культур. Кроме того, без присмотра остаются и не используются плодово-ягодные насаждения, хозяйственные постройки, жилье, образуя небольшие сплошные массивы неиспользуемых земель; поселение фактически распадается на несколько мелких, слабо между собой связанных жилых образований. В таких условиях население ощущает дискомфорт, живет с предчувствием быстрой самоликвидации поселения, а поэтому усиливается его отток. Когда влияние населенного пункта на окружающую территорию становится незначительным или он вообще прекращает функционировать, обслуживаемые угодья оказываются заброшенными или используются не полностью.

В ландшафтном отношении сельские поселения более долговечны, чем в социально-экономическом. Наличие социально-экономического фактора у поселения − это и есть критерий разграничения селитебного от постселитебного состояния поселения. Актуальное селитебное состояние может постепенно закончиться, начинается процесс деградации и поселение продолжает существовать чисто структурно. В связи с этим можно выделить четыре стадии деструктивного процесса в сельских поселениях:

1) деградация социально-экономического потенциала поселения (сельхозпредприятия ликвидированы, социальная инфраструктура отсутствует, поселенческая структура сохраняется, но начался деструктивный процесс (массовый исход населения, дома разваливаются, дворы и пруды зарастают, сельхозугодия не обрабатываются);

2) сохраняются отдельные черты поселенческой структуры (население практически отсутствует, материальные формы поселения представлены разрушенными домами, образуются земли первичного (начального) запустения, где легко прослеживаются черты недавнего поселения) – процесс ренатурализации «в разгаре»;

3) от поселения сохранились отдельные ландшафтные объекты (аллеи, парки, сады, в составе которых доминируют сорные виды растительности), канавы, насыпи, искусственные русла рек, кладбища; население полностью отсутствует, поселенческая структура фрагментарна, где заметны лишь отдельные элементы, а общая структура не прослеживается;

4) окончательное формирование постселитебного комплекса, представленного только в виде трансформированных антропогенных ландшафтных структур («одичавший» фауно-флористический состав) [1].

Из этого следует, что любое поселение, жизнь которого не поддерживается социально-экономическим фактором, морфологически все-таки продолжает существовать некоторое время. Земли прошлых поселений часто содержат большой информационный материал о былой социально-экономической структуре, примером тому земли древних городищ и селищ.

Кроме регулирования пространственной структуры сельских поселений и для того, чтобы избежать ущерба или свести его до минимума, необходимо полномасштабное использование такой категории поселений как исчезнувшие и исчезающие. В этом плане их использование предполагается в трёх основных направлениях: 1) площади бывших поселений – источник увеличения площади сельскохозяйственных земель. Это, в первую очередь, относится к тем участкам, на месте которых еще сравнительно недавно были села, а теперь малоценные залежи с одичавшими садами. Вовлечение этих пустошей в сельскохозяйственный оборот несколько компенсирует потери ценных угодий; 2) для выполнения природоохранных функций желательно нахождение поселения на территории заповедника, заказника, национального парка (в т.ч. и планируемых). Кроме стандартных функций (сторожевые пункты, пункты наблюдения) могут осуществляться и другие, например, обслуживание посетителей и туристов, базы отдыха и ночные стоянки. Такие поселения, характеризующиеся, приспособленностью к окружающей среде и местным природным условиям, наиболее органично впишутся в природный ландшафт; 3) значительно шире возможность использования мельчайших поселений в чисто рекреационных целях. Кроме внешних факторов (характеристики окружения), большое значение приобретают и внутренние: наличие электричества, состояние жилого фонда, наличие воды и т.д. Учитывая фактически неограниченное использование исчезающих поселений в рекреационной деятельности, возможно их развитие по интенсивному пути – полному и комплексному охвату территории районов и области [2].

Наконец, за масштабностью социально-экономических проблем, остаются нерешенными вопросы реставрации и реконструкции разных типов наследия, включая культурные ландшафты сельских поселений. Но если в городах эта проблема как-то обсуждается и решается, то на селе данный вопрос

остается открытым. До сих пор нет критериев выделения исторических сёл. Пока эти вопросы не решаются как на уровне управления, так и самими жителями, не осведомленными в значимости собственного наследия.

В заключении необходимо отметить, что демографический потенциал сельской местности напрямую связан с качественно-количественными характеристиками самих сельских населенных пунктов. К сожалению, мы не смогли осветить все вопросы сельской демографии, обозначены были лишь общие, начальные контуры.

Список литературы

1. Панков С.В. Динамика и современное состояние сельского расселения Тамбовской области / Трешниковские чтения-2018: Современная географическая картина мира и технологии географического образования: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И.Н. Тимошиной, Е.А. Артемьевой, В.Н. Федорова и др. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2018. С. 54-55.

2. Панков С.В. Деградация сельских селитебных территорий (динамика, факторы, перспективы) // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания / под ред. А.А. Лобжанидзе. Материалы международной научно-практической конференции «Первые Максаковские чтения». Т.1. М.: МПГУ. 2016. С. 210-214.

УДК 316.346: 314.8.062

Пасовец Юлия Михайловна
к. социол.н., доцент, доцент кафедры социологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, Россия

Социокультурные факторы динамики демографических процессов в регионе Центральной России (на материалах Курской области)[94]

Аннотация. *В работе обосновывается необходимость обращения к анализу социокультурных факторов демографического развития российских регионов как одной из актуальных проблем современного социального знания. Основным подходом к рассмотрению проблемы исследования выступает социокультурный подход; методом сбора данных – опрос населения Курской области как одного из российских регионов, позволяющий представить субъективные оценки роли внешних и внутренних факторов в сохранении низкого уровня рождаемости в регионе. На основе анализа данных делаются выводы о доминировании в региональном общественном*

[94] Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)» № 18-011-00739

мнении представления о ведущей роли материальных факторов в регуляции рождаемости и повышении роли установок на малодетность.

Ключевые слова: *демографические процессы, рождаемость, социокультурные факторы, установки, регион*

В современных условиях приобретает особую актуальность выявление ключевых социокультурных факторов демографического развития российских регионов. Динамика демографических процессов и соответствующие изменения структуры населения регионов опосредованы доминирующими ценностными ориентациями и установками, социальными практиками и моделями поведения их жителей. В научном плане продуктивным для осмысления этих аспектов демографического развития региональных сообществ представляется социокультурный подход.

В современной отечественной научной литературе методология социокультурного подхода как система принципов понимания сущности личности, общества и культуры, их взаимосвязи раскрывается в работах ведущих философов и социологов, которые обосновывают модель общества как социокультурной системы, образуемой и изменяемой в результате действий и взаимодействий людей [7, с. 26].

В русле этого подхода, по мнению А.С. Ахиезера, являясь многослойным, иерархичным и внутренне противоречивым феноменом, культура понимается как программа деятельности социального субъекта. При этом в целях существования и воспроизводства этого субъекта достигается некий консенсус между имеющимися культурными противоречиями, сохраняется стремление к его интеграции и единству. В силу этого для общества важна способность социальных субъектов взаимопроникаться смыслами, генерировать новые смыслы и программы деятельности и посредством этого изменять социум [2].

Развивая социокультурную методологию, Н.И. Лапин рассматривает «общество как единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [8, с. 3]. Соответственно ключевыми принципами этого подхода выступают:

– антропосоциетальное соответствие, выражающееся в совместимости свойств личности и ее поведения с принятыми в обществе нормами;

– взаимопроникновение культуры и социальности как взаимосвязь и взаимовлияние элементов культуры и социальных отношений;

– симметрия и взаимообратимость социетальных процессов, предполагающие, с одной стороны, воспроизводство, а с другой – изменение социальных структур и процессов;

– необратимость эволюции социокультурной системы как целого, связанная с нарушением симметрии структур и процессов, возрастанием вероятности бифуркации и перехода к новому состоянию по мере удаления от точки равновесия и другие принципы [8, с. 5–6].

Как отмечает Ю.М. Резник, основной ракурс социокультурного подхода сосредоточен на анализе «соотношения институциональных и

внеинституциональных связей социокультурных явлений и процессов», характер которых обусловлен «либо постепенной трансформацией различных неформализованных видов жизненной активности людей в образцы и виды системной организации (процессы институционализации), либо обратным переходом системных образований (целостностей) в дифференцированные и разнонаправленные виды спонтанной активности субъектов (процессы деинституционализации)» [12, с. 306].

С позиции рассматриваемого подхода становится возможным говорить о социокультурной обусловленности мотивации и поведения человека, его установок и социальных действий. Личность с ее системой ценностей и смысловых ориентиров, осуществляя социальную деятельность и взаимодействие, преобразует социальный мир и мир культуры, определяет происходящие социальные перемены.

Наряду с этим социокультурный подход создает необходимую модель объяснения специфики современного российского общества, отличающегося противоречивым единством отношений личности, социальных общностей и социума в целом, позволяя проявить их взаимосвязь через систему представлений, установок, норм и других элементов культуры. Следует учитывать, что с позиции рассматриваемого подхода открываются возможности осмысления внутренних вызовов, стоящих перед российским социумом, обусловленных как объективными, так и субъективными факторами [1].

На современном этапе развития социального знания применение социокультурного подхода расширяет свои границы, выходя за область собственно социологии культуры. Данный подход находит применение в исследованиях проблематики социальной структуры и стратификации [3], социально-трудовых отношений и трудового потенциала населения [10] и других актуальных вопросов социальной теории и практики. Помимо этого социокультурный подход начинает использоваться в качестве теоретико-методологической основы анализа демографических и этносоциальных процессов [4; 5; 9; 13].

Его специфика, связанная с акцентом на взаимосвязи личностных, культурных и институциональных компонентов социальной жизни, позволяет обнаруживать имеющие социокультурную природу факторы влияния на демографические структуры и процессы в обществе. К таким факторам относят, например, иерархию ценностей, отношение к религии, репродуктивные установки, модели брачного поведения, стили воспитания детей и обозначают их как внутренние по отношению к внешним регуляторам демографического развития (географическим, биологическим, экономическим и другим). При этом они могут иметь свою специфику на каждом уровне пространственной организации общества: в масштабах страны в целом, регионального и локального сообщества.

Применительно к современному российскому обществу отдельного внимания заслуживает его региональный уровень, поскольку регион выступает как особая социальная и социокультурная среда, отличающаяся

сложностью и внутренним разнообразием социальных отношений, которая в современных условиях высокой динамичности общественной жизни может быть понята как гетерархическая система [6]. Изучение социокультурных факторов демографических процессов в российских регионах составляет одно из направлений исследований по научной программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» [например, см. 14; 15].

В настоящее время, несмотря на наметившуюся тенденцию к постепенной стабилизации численности населения, депопуляция оказывается одним из ключевых вызовов социально-демографического развития для российского общества в целом и большинства его регионов. В регионах Центральной России одной из причин такой демографической ситуации является низкая рождаемость. По данным государственной статистики, с середины 2000-х гг. до 2015 г. в Курской области, как и во всех регионах Центрального Черноземья, наблюдался некоторый рост рождаемости. Однако с 2016-2018 гг. отмечается обратная тенденция [11, с. 65]. В 2018 г. в областях Центрального Черноземья коэффициент общей рождаемости различался в пределах от 8,1 ‰ в Тамбовской области до 9,5 ‰ в Липецкой области. Для Курской области, как и для Белгородской и Воронежской областей, он составил 9,2 ‰ [11, с. 65]. По шкале величин общего коэффициента рождаемости, предложенной В.А. Борисовым и Б.Ц. Урланисом, значения этого показателя для макрорегиона составляют меньше 16‰, что соответствует низкому уровню рождаемости и свидетельствует о высоком уровне этого демографического риска, поскольку данный уровень рождаемости не обеспечивает простое воспроизводство населения.

В этом плане сохраняет свою актуальность вопрос о роли социальных установок как регуляторе процесса рождаемости в современных российских условиях, в том числе с учетом региональной специфики. При этом существенное значение для регуляции демографического развития имеют как репродуктивные установки населения на рождение определенного количества детей, так и субъективные представления о благоприятности социальных и экономических условий для рождения и воспитания детей.

Обращение к результатам массовых опросов населения, проведенных нами в рамках регионального мониторинга на основе типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» среди населения Курской области в 2009 г. (N=1000 человек) и 2018 г. (N=550 человек), позволяет раскрыть представления населения о роли социокультурных факторов в динамике рождаемости на примере данного региона.

Для подавляющего большинства жителей региона характерно осознание наличия низкого уровня рождаемости в регионе и существование своеобразных препятствий его росту как в 2009 г. (94,2% от числа всех опрошенных), так и в 2018 г. (90,9%). Основными причинами снижения уровня рождаемости в Курской области ее жители считают низкие доходы (65,7% респондентов в 2009 г.; 64,5% 2018 г.); неудовлетворительные жилищные условия (33,5% в 2009 г., 26,5% в 2018 г.) и распространенность установки на рождение одного ребенка (24,3% в 2009 г., 32,9% в 2018 г.). Значительно меньшее число курян

относят к препятствиям росту рождаемости в регионе недостаточную материальную поддержку семей с детьми со стороны государства (23,0% – в 2009 г., 15,1% в 2018 г.) и другие причины.

Таким образом, как показывает пример Курской области как одного из российских регионов, на протяжении последних десяти лет в общественном мнении доминируют представления о ведущей роли материальных факторов в сохранении низкого уровня рождаемости в регионе. Низкий уровень доходов и жилищных условий оцениваются большинством населения как ключевые препятствия росту рождаемости в области. Наряду с этим в общественном мнении получает все большее распространение убеждение в повышении значимости репродуктивной установки на рождение одного ребенка, что отражает усиление роли этого социокультурного фактора в регуляции рождаемости в области.

Список литературы

1. Беляева Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации // Философские науки. 2014. № 11. С. 32–45.
2. Белякова Ю.Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы [Электронный ресурс] //Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 12 (29).
3. Груздева М.А. Использование социокультурного подхода для социальной стратификации общества // Территория науки. 2018. № 4. С. 26–32.
4. Ерохина Е.А. Социокультурный подход в исследовании этносоциальных процессов // Философия образования. 2014. № 6 (57). С. 116–126.
5. Калабаева Ж.А. Место социокультурных факторов в исследованиях демографических процессов // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2010. № 16 (197). Вып. 17. С. 126–131.
6. Каргаполова Е.В., Дулина Н.В. Модернизация региона как гетерархической системы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 11. № 1. С. 70–86. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.4
7. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 23–33.
8. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 7–12.
9. Лурье С.В. Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 108–121. DOI: 10.7868/S0869049918030085
10. Немировский В.Г. Динамика социокультурных показателей трудовой конкурентоспособности населения крупного сибирского региона (2010–2016) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 1. – С. 180–190. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.12

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
12. Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1(2). С. 305–328.
13. Соколова М.В., Петросян Д.И. Особенности демографического развития европейских стран // Экономика и предпринимательство. 2020. № 7 (120). – С. 234–237. DOI: 10.34925/EIP.2020.120.7.044
14. Социокультурный потенциал Владимирской области в контексте модернизационных процессов / Е.А. Плеханов (отв. ред.), М.В. Соколова, Д.И. Петросян, Л.А. Февралева. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. 217 с.
15. Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья / Когай Е.А., Пасовец Ю.М. и др.; Курск. гос. ун-т. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2018. 192 с.

УДК 332.1

Пациорковский Валерий Валентинович
д.э.н., гл.н.с., Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Демографическое развитие Центрально-Черноземного макрорегиона: движение и расселение населения

Аннотация. *Главное внимание в работе уделено анализу движения населения Центрального-Черноземья. Исходный пункт напряжений в рассматриваемой сфере - коллапс сельского развития, продолжающейся уже много лет. Объект исследования - движение населения в субъектах федерации, входящих в макрорегион. Единица наблюдения – муниципальные образования – городские округа и муниципальные районы. Основной источник информации - база данных «Муниципальная Россия».*

Ключевые слова: *демографическое развитие, движение населения, расселение населения, муниципальные образования, сельское развитие, макрорегион.*

Движение и расселение населения представляют собой важнейшие составляющие демографического развития. Актуальность этой проблематики диктуется непрекращающейся уже довольно продолжительное время естественной убылью населения РФ, в том числе и Центрально-Черноземного макрорегиона, который включает в себя Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области [5, Приложение 2]. Цель исследования – поиск причин затяжной депопуляции в макрорегионе. Работа дополняет уже хорошо известные и получившие широкое признание положения о демографическом переходе,

ограничивающем влиянии урбанизации на воспроизводство населения, демографических ямах, поздних браках и др. Базовая гипотеза исследования формулируется следующим образом: исходным пунктом запуска кризиса воспроизводства населения в исторически аграрном Центральном-Черноземье служит коллапс сельского развития, который продолжается уже много лет. Отсутствие на селе основного агента сельского развития – крестьянина-земледельца имеет тяжелые последствия для всей жизни макрорегиона, включая и воспроизводство населения. Объект исследования расселение и движение населения в регионах (субъектах федерации), входящих в Центральное-Черноземье. Единица наблюдения – муниципальные образования (МО) – городские округа (ГО) и муниципальные районы (МР). Основной источник хранения и анализа, собранной информации - база данных «Муниципальная Россия» [1].

Центральное-Черноземье - это на редкость компактное и однородное территориальное образование в природно-климатическом, этническом и хозяйственном отношениях. Показатели численности и плотности населения, его этнического состава, естественного и механического движения, а также удельного веса городского и сельского населения всех пяти субъектов федерации, составляющих макрорегион, весьма близки по своим значениям.

Сосредоточивая более 7,1 млн. людей (2020 г.), макрорегион включает в себя 52 города (2 крупных, 5 больших, 6 средних, 39 малых), 68 поселков городского типа (пгт) и 9299 сел, из которых 547 или 5,9% без постоянного населения. В то же время в стране доля сел без постоянного населения в два раза выше и составляет 12,7%. Приведенные данные свидетельствуют в пользу того, что система расселения макрорегиона опирается на сельско-городской континуум, все еще находящийся в устойчивом состоянии. Он далеко не так слаб, как полагают сторонниками гиперурбанизации, предлагающие искусственное создание агломераций и формирование городов-миллионников.

Трудный путь Воронежа при реализации такого рода установок, который после многолетних усилий наконец-то втянули в миллионники в 2013 г., наглядное тому подтверждение. В способности сопротивляться такому насилию собственно и проявляется устойчивость сельско-городского континуума. Скорее всего, Воронеж, как Волгоград и Пермь, в один момент сбросят излишнюю численность населения, как только ее перестанут поддерживать административно. И, напротив, если *сельское развитие понимается как участие экономически активных хозяев, их сообществ и территориального самоуправления в жизни села и решении вопросов местного значения,* то проблематика сельского развития будет все актуальнее в Центральном-Черноземье. Сюда и нужно уделять больше сил, средств и внимания. Возможно, тогда и появится отдача в демографическом развитии.

Весьма заметное представительство в системе расселения макрорегиона пгт характеризует хозяйственное развитие в эпоху отраслевого управления, когда проводилась экономическая политика привязки жилища к

местам труда работников. Тогда и возникла категория пгт–недогородов, позволявших решать многие социально-экономические проблемы путем минимизации расходов на эти цели. При этом если в других регионах страны распространение пгт связано прежде всего с недропользованием, то в Центральном-Черноземье это в первую очередь агропромышленное производство. Например, сахарные заводы, породившие такие моногорода как пгт Елань-Коленовский и Знаменка. В противовес этому Липецкая область – один из немногих регионов не только Центрального-Черноземья, но и всей страны, в котором вообще нет пгт, равно как и вошедших в правительственный список моногородов [2].

Относительно высокая доля селян (треть населения) и черноземы обуславливают хозяйственный профиль макрорегиона. Он сложился исторически и не подвергается сомнению. Более того, в соответствии со Стратегией пространственного развития [5, Приложение 3], это *единственный* макрорегион страны, в котором все МО, специализирующиеся на сельском хозяйстве, отнесены к перспективным агропромышленным центрам экономического роста.

Здесь важно отметить, что успехи сельского хозяйства в нашей стране уже давно не связаны с сельским развитием. Для современного российского села характерны: безработица, низкие пенсии и оплата труда, хроническая сельская бедность, развал первичного звена в здравоохранении, дошкольном и школьном образовании, который осуществляется под лозунгом «оптимизации» - все это реалии сельской жизни нашего времени. Понятно, что они оказывают заметное влияние на депопуляцию в макрорегионе.

Между тем исходно решающую роль в запуске деплпуляции сыграло и до сих про играет насильственно-принудительное раскрестьянивание села (1929-1937 гг.). Оно попутно привело к ликвидации крестьянского двора и самого крестьянина - основного действующего лица сельской жизни. Раскулачивание и последующая коллективизация, сопровождавшие преобразование крестьянского хозяйства в личное подсобное хозяйство (ЛПХ), могут рассматриваться как основные вехи ликвидации крестьянства посредством превращения тех, кто выжил, из крестьян в селян.

Для минимизации последствий, допущенных в свое время ошибок и перекосов, в качестве основного материального агента сельской жизни опять следует принять крестьянский двор. ЛПХ по условию не может быть таковым. В свою очередь глава сельского двора и есть тот самый экономически активный хозяин, который в терминах ушедших времен именовался как крестьянин-единоличник. Уместно заметить – именно крестьянин, а не фермер. Для сложившейся в нашей стране многовековой традиции ведения хозяйства на селе указанное обстоятельство весьма значимо [6, С. 203, 273].

Отдельные показатели движения населения в административно-территориальных образованиях, составляющих Центрально-Черноземный макрорегион представлены в табл. 1. В 2010-2018 гг. только одна Белгородская область сумела сохранить и даже едва заметно нарастить

численность населения. Все другие области теряли численность населения в наблюдаемый период (столбец 5). При этом если потери Воронежской и Курской областей можно рассматривать как минимальные, то потери Липецкой области близки к средним по стране, а потери Тамбовской области превышают их более, чем в два раза. Рассматриваемая динамика численности населения обусловлена совокупностью факторов. Среди них, во-первых, низкая рождаемость, которая ниже средней рождаемости по стране (столбец 2).

Во-вторых, естественная убыль населения, свидетельствующая о том, что смертность повсеместно превышает рождаемость (столбец 3).

Таблица 1- Показатели движения населения Центрально-Черноземного макрорегиона в 2010/2018 гг.

Регион	Суммарный коэффициент рождаемости	Коэффициенты естественного прироста населения на 1000 человек, промилле	Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения	Динамика изменения численности населения, в %
1	2	3	4	5
Белгородская область	1,395/1,358	-3,5/-4,3	39/27	1,04
Воронежская область	1,358/1,339	-6,8/-5,5	68/29	-0,3
Курская область	1,545/1,441	-6,5/-6,2	-18/-12	-1,69
Липецкая область	1,473/1,494	-5,8/-5,0	15/-4	-2,39
Тамбовская область	1,344/1,333	-8,0/-7,5	-10/-97	-6,79
РФ	1,567/1,579	-1,7/-1,6	19/9	2,74

Источники: База данных «Муниципальная Россия» [1]. Регионы России. [3, С. 43,75, 77, 91].

В-третьих, ограниченная миграционная привлекательность Белгородской и Воронежской областей, как и потери населения Курской, Липецкой и Тамбовской областей (столбец 4). Особенно обращает на себя внимание значение последнего показателя в Тамбовской области. Оно несет в себе элементы исхода населения.

На уровне МО в исключительно редких случаях рождаемость превышает смертность. Такая тенденция в 2016 г. была характерна для следующих четырех ГО и МР Центрального-Черноземья: ГО Белгород (0,97 промилле), ГО Железногорск (0,76), ГО Курчатов (1,03) и МР Токарёвский (1,22 промилле) в Тамбовской области. Сопоставление данных изменения численности населения на уровне МО позволяет увидеть более полную картину сходства и различия процессов движения населения в регионах Центрального-Черноземья (табл. 2).

Таблица 2- Динамика изменения численности населения в отдельных муниципальных образованиях регионов в 2010-2018 гг., в %

Регион	Три муниципальных образования региона:	
	Максимально нарастившие численность населения	Больше других сократившие численность населения
Белгородская область	ГО Белгород (9,8), МР Белгород-ский (9,5), МР Корочанский (2,9)	МР Красненский (-11,9), Вейде-левский (-11,1), Прохоровский (-9,7)
Воронежская область	МР Новоусманский (14,2), ГО Во-ронеж (7,4), МР Рамонский (6,4)	МР Воробьёвский (-15,4), Тернов-ский (-15,2), Петропавловский (-14,4)
Курская область	МР Октябрьский (8,5), ГО Курск (8,1), ГО Железногорск (6,0)	МР Хомутовский (-22,0), Дмитриев-ский (-20,0), Конышевский (-19,5)
Липецкая область	МР Грязинский (5,5) Липецкий (4,5), ГО Липецк (0,2)	МР Воловский (-13,4), Данковский (-11,8), Лебедянский (-10,4)
Тамбовская область	ГО Тамбов (4,8), Тамбовский (0,4) -	МР Бондарский (-18,0), Ржаксинский (-17,0), Мордовский (-16,3)
РФ	Максимум прироста: 250,6% в ГО Магас, Республика Ингушетия	Максимум потерь: – 29,8% МР Мам-ско-Чуйский, Иркутская область

Источник: База данных «Муниципальная Россия» [1].

Для МО, нарастивших численность населения в регионах Центрального-Черноземья, наиболее характерная особенность состоит в том, что все они либо ГО – образованные областными центрами, либо пригородные МР, тяготеющие к областным центрам. Исключением здесь может служить только ГО Железногорск, который отнесен с 2014 г. к моногородам, оставаясь в то же время привлекательным для населения. Более того, Железногорск, скорее всего, формируется в качестве противовеса областному центру в региональной системе расселения. В этом плане Курская область, воспроизводит положительный опыт соседних Белгородской и Липецкой областей. В их системах расселения четко видна биполярность (Белгород-Старый Оскол, Липецк-Елец). Ничего подобного нет в Воронежской области.

Наиболее драматичные потери численности населения в рассматриваемый период характерны для МО Курской области. В ней три МР Хомутовский (-22,0%), Дмитриевский (-20,0%), Конышевский (-19,5%) теряли ежегодно более 2% населения, что не просто много, а очень много [4, С. 61]. Минимальные изменения численности населения (до 1% в наблюдаемый период) характерны: в Белгородской области - МР Ровеньский (-0,91%), в Воронежской области - МР Семилукский (0,2%), Хохольский (-0,16%), в Курской области - МР Медвенский (-0,5), в Липецкой области - МР Задонский (-0,2), в Тамбовской области - МР Тамбовский (0,4). Во всех этих

МО сохранение численности населения оказалось возможным за счет миграционного притока, а не за счет естественного прироста.

Список литературы

1. База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.

2. 2. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 16 апреля 2015 г. № 668-р. [Электронный ресурс]: Правительство России: [веб-сайт]. 16.04.2015. URL: http://government.ru/docs/17800/ (Дата обращения: 20.06.2020).

3. Регионы России. 2019. Социально-экономические показатели. М.: Росстат, 2019. 1204 с.

4. Симагин Ю.А. Территориальное распространение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне //Народонаселение. 2018. № 1.С. 60-69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21- 1-05.

5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]: Правительство России: [веб-сайт]. 14.02.2019. URL: http://government.ru/docs/35733/ (Дата обращения: 20.06.2020).

6. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. 492 с.

УДК 314.011

Попело Антон Владимирович
к.г.н., г. Воронеж, Россия

Категории количества населения в России (Руси) в средневековье: "малое количество", "среднее количество", "большое количество" (Поднепровье, Поочье, Подонье)

Аннотация: *В работе рассмотрена проблема определения количества населения в России в средневековую эпоху в категориях: "малое количество", "среднее количество", "большое количество" при накладывании на историко-культурные объекты и некоторые административные территории (деревня, город). Выделены, категории: "Типичный (крупный) город - столица"; "Типичный (средний) город"; "Типичный (крупный) город"; "Типичный (небольшой) город" Сделан вывод, что размеры городов входящих в выше названные категории при удалении от центральных районов Средневековой Руси (бассейны рек Днепр, Ока), в частности Подонье (бассейн реки Дон) могут иметь несколько меньшие размеры.*

Ключевые слова: *географическая территория, административная территория, средневековье, деревня, город, столица, историко-культурный объект.*

Для лучшего понимания текущих демографических процессов, территориального народонаселения, экономико-географических процессов, историко-географических процессов, экологии человека (в том числе исторической), археологии, истории, краеведения и т.д. важно понимать количество населения (сколько было населения) на конкретных географических и/или административных территориях. До конца XVII века изменений в демографической ситуации на планете не наблюдалось [1]. Характеризовалось тем, что чем древнее был исторический период тем населения было меньше. Естественно если сравнивать (сопоставлять) сопоставимые административные единицы (территории).

Целью данной работы является рассмотрение того, какое количество населения по меркам Средневековья (примерно до 1500г.) (приоритетно локализующегося в бассейнах рек: Дон; Ока; Днепр) считается большим, средним и небольшим при накладывании на историко-культурные объекты и некоторые административные территории (деревня, город).

Определения понятие историко-культурный объект дано в работе [1, 2].

Известно, что Киев в Средневековую эпоху имел размер примерно 400га и население 50000 человек [4, 5, 6].

По подсчетам исследователей, второй город Русси - Новгород - в XIIIв. имел население 30 тыс. человек, столица Англии - Лондон - XIв. - 20 тыс. человек, а в XIVв. - 35 тыс. человек, крупнейшие города Ганзейского торгового союза, имевшие исключительную концентрацию населения, насчитывали около 20 тыс. человек (каждый) [4].

Таким образом, Киев не только не уступал, но значительно превосходил крупнейшие города средневековой Европы; вероятно, только Париж был больше Киева XII - XIIIвв. [4].

Отметим, что предположительно первоначальной резиденцией киевских князей был г. Вышгород (один из пригородов Киева); Его размеры (вала) примерно 3 км в окружности [8]. То есть каждая из 4-х стен примерно длиной по 750 м.

Открытие в Вышгороде мощей Бориса и Глеба еще более возвысило значение этого города, куда стали направляться многочисленные паломничества; это не только создавало из Вышгорода религиозный центр, но и притягивало к нему литературные силы; по крайней мере о некоторых записях, относящихся к чудесам Бориса и Глеба, можно сказать утвердительно, что они написаны в Вышгороде [8].

Говоря про остальные Российские города периода Средневековья можно выделить следующие.

Значительным было Рязанское княжество.

Рязанская земля по течению Оки и Прони была населена в XII - XIII вв. довольно густо) [8].

Крупнейшим Рязанским городом была Рязань (Старая Рязань) [8]. Именно в нем была резиденция рязанского князя. площадь рязанского городища составляет 48 га.) [8, 9].

Столицей Рязанского княжества после разорения татаро-монголами в 1237 году стал город Переяславль (Переяславль Рязанский) [10].

Современный город Рязань. Находится на территории его исторического центра.

Размеры городища 690 х 54 0м. [11].

Изяславль Рязанский является **типичным (крупным) городом** Рязанского княжества. Он располагается на территории современного с. Ижеславль, Рязанская область. Размеры городища 280 х 200 м. [11].

Детинец (укрепленый замок) города имел размеры 20 х 30 м. [11].

Как **типичный (небольшой) город** Рязанского княжества можно выделить Новый городок Ольгов (д. Никитино, Рязанская область) [11]. Размеры городища 170 х 120м (1,3 га) [11].

Говоря о размерах средневековых русских деревень можно процитировать известного дореволюционного историка В. И. Сергеевича "Размеры старых деревень и число входящих в них дворов очень ранообразны; в общем можно сказать, что старые деревни были невелики; восемь - девять дворов на деревню - это наибольший размер, какой мы заметили; встречается он однако нечасто; в большинстве случаев на деревню приходилось три, два, полтора двора; один - тоже составлял деревню" [12].

Отметим, что "старых деревень" означает примерно по XVI век включительно.

По нашему мнению количество дворов в средневековых русских деревнях было: 2 - 3 двора в среднем.

Площадь русской избы в средневековую эпоху была примерно 20м^2 .

Количество человек в семьях в средневековье в среднем было от 4 - до 6 - 8 человек. Это справедливо для всех социальных слоев.

Определение количества населения на географических и/или административных территориях в предыдущие исторические эпохи может помогать эффективному проведению мониторинга земель и объектов историко-культурного назначения. Это может уточнять размеры историко-культурных объектов, и то, какая велась хозяйственная деятельность, ее масштабы и др.

Таким образом, можно сделать вывод:

1. В среднем типичным количеством дворов в деревне было 2 - 3. То есть больше этого количества - много, а меньше этого количества - мало. В них жило в среднем не более 24 человек разного пола. Опять же больше этого количества - много, а меньше этого количества - мало.

2. **Типичным большим (крупным) городом - столицей** - можно считать Рязань. Соответственно размер такого (подобного) территориального образования примерно был 40га.; или примерно 670 х 600м.

3. Изяславль Рязанский является **типичным большим (крупным) городом** Рязанского княжества. Он располагается на территории современного с. Ижеславль, Рязанская область. Размеры городища 280 х 200м. Примерно 5га. [11].

4. Размеры **типичного (среднего) города** примерно от 2 - до 5 га.

5. Как **типичный (небольшой) город** Рязанского княжества можно выделить Новый городок Ольгов (д. Никитино, Рязанская область) [11]. Размеры городища 170 х 120 м (2 га) [11].

Возможно, правомочно, в более отдаленных районах, например в Подонье города такого плана (типа) как средневековая Рязань могут быть меньше размерами, на наш взгляд, примерно от 5га (примерно минимальная граница), то есть как типичный (крупный) город Рязанского княжества. А типичные (небольшие) города - менее 2га (то есть в среднем 1 - 2га). А типичные (средние) города - от 2 - до 5га.

Отметим, также, что говоря о типичным крупных городах - столицах: Киев и Великий Новгород - являются исключениями по своей площади.

Список литературы

1. ECOBLOGER / Демографический взрыв [Электронный ресурс] - Режим доступа: https: // ecobloger.ru / demograficheskij - vzryv (Дата обращения 25.03.2020.
2. Попело А. В. Обоснование методов мониторинга земель историко-культурного назначения (на примере территории Верхнего и Среднего Дона). / Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук Воронеж: ВГПУ, 2006. 177 с.
3. Попело А. В. К концепции мониторинга земель и объектов историко-культурного назначения // Вестник ВГУ, Серия: География. Геоэкология. 2013. №2. С. 44 - 47.
4. Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII - XIIIвв._Киев, 1980. 223с.
5. Ивакин Г. Ю. Киев в XIII - XV веках. _ Киев, 1982. 104с.
6. Википедия свободная энциклопедия / История Киева / [Электронный ресурс] - Режим доступа: https: // https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Киева (Дата обращения 25.03.2020).
7. Бунин А. В. История градостроительного искусства_Т. 1._ Москва, 1953. 533 с.
8. Тихомиров М. Н. Древнерусские города_Издание 2-е дополненое и переработанное_Москва, 1956. - 477с.
9. Монгайт А. Л. Топография Старой Рязани // Краткие сообщения ИИМК XLIV, 1952. С.104 - 115.
10. Советский энциклопедический словарь / Научно - редакционный совет: А. М. Прохоров (председатель). - М.: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.
11. Куза А. В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.
12. statehistory.ru / Василий Иванович Сергеевич / Древности русского права. Т. 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения [Электронный ресурс] - Режим доступа: https: // statehistory.ru/books/Vasiliy-Sergeevich--Drevnosti-russkogo-prava--T-3--Zemlevladenie--Tyaglo--Poryadok-oblozheniya/8 (Дата обращения 25.03.2020).

УДК 316.346.32-053.6
Сазонова Анна Львовна
к.эк.н., доцент кафедры «Социология и культурология» МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва, Россия

Студенты московской агломерации о браке и семье (по материалам социологических исследований)

Аннотация. *Статья посвящена анализу представлений студенческой молодежи Московского региона о семье. В фокусе анализа – место ценностей «Семья» и «Любовь» в иерархии ценностей студенческой молодежи, мотивация создания семьи и выбора супруга, отношение к различным формам брака, репродуктивные установки.*
Ключевые слова*: семья, любовь, студенческая молодежь, формы брака, репродуктивные установки.*

Статья построена на материалах социологических исследований – «Представления московского студенчества о семье», «Отношение молодёжи московского региона к семье», «Студенты московской агломерации о семье», проведённых под руководством автора в 2016, 2017, 2020 гг., соответственно. Несмотря на различие целей и задач, у них много общего: исследовательская методика, включающая анкетный онлайн-опрос как метод сбора информации, основные группы аналитических показателей; использование унифицированного инструментария (пакет прикладных программ для обработки информации SPSS/PS, устоявшиеся формы подачи информации), компонентов инструментария (идентичных блоков анкет), апробированных в других исследованиях технологиях (например, расчёт рейтинга ценностей). Наконец, общим для всех 3-х исследований является контингент респондентов – молодёжь, в основном студенческая, московской агломерации.

Известно, что система ценностей определяет системы деятельности и поведения людей во всех сферах бытия, в т.ч. в семейной. В таблице 1 представлены пятёрки ценностей (по годам), занимающие верхние ступени ценностной иерархии. Респондентов просили определить значимость лично для них ряда ценностей (или вписать свои) по 5-балльной шкале от «высшая ценность», до «не значимая совсем». Иерархия выстраивалась согласно рейтингу, который рассчитывался по специальной методике, успешно апробированной и доказавшей свою функциональность более чем в 10 исследованиях, разного уровня.

При этом «Семья» занимает 1-е место по количеству респондентов, обозначивших её как высшую ценность во всех трёх массивах. «Любовь», по этому показателю занимает 2-ые места в 2016 и 2020г.г. и 4-е место в 2017 г.

Таблицы 2 и 3 иллюстрируют отношение молодых людей к различным формам брака. В анкете 2017г. вопрос о отношении к официально зарегистрированному браку был вынесен в отдельный блок (см. табл.3).

Таблица 1 -Самые значимые ценности (в % от опрошенных)

2016 год, n=224		2017 год, n=413		2020 год, n=374	
Ценность и её место в ценностной системе	Балл рейтинга	Ценность и её место в ценностной системе	Балл рейтинга	Ценность и её место в ценностной системе	Балл рейтинга
1 Семья	2.28	1 Честность и порядочность	2.3	1 Любовь к ближнему, готовность помочь ему	2.29
2 Честность и порядочность	2.27	2 Дружба	2.29	2 Дружба	2.26
3 Дружба	2.24	3 Свобода	2.24	3 Семья	2.25
4 Любовь между мужчиной и женщиной	2.23	4 Семья	2.2	4 Честность и порядочность	2.23
5 Любовь к ближнему, готовность помочь ему	2.17	5 Независимость	2.14	5 Любовь между мужчиной и женщиной	2.22

Таблица 2 - Отношение к различным формам брака (в % от опрошенных)

Отношение	Положительное			Отрицательное			Безразличное		
Год/ n=	2016/ 224	2017/ 413	2020/ 374	2016/ 224	2017/ 413	2020/ 374	2016/ 224	2017/ 413	2020/ 374
Формы брака Зарегистрированный («официальный») брак	76.3	-	77	1.3	-	4.5	15.6	-	18.5
Незарегистрированный брак (так называемый «гражданский»)	27.2	36	53.5	14.7	12.7	14.2	46.4	51.1	32.3
Сознательно бездетный брак (child-free)	10.7	19.7	35	40.2	34.5	19.8	36.6	45.9	45.2
Брак со свободой половых связей супругов	4	5.3	16.6	62.9	72.1	55	20.1	22.5	28.4
Однополый брак	6.7	13.3	26.7	51.8	47.9	35.6	29.9	38.6	37.7

Таблица 3 - Приемлемые формы брака (в % от опрошенных, n=413)

Какие формы брака для Вас приемлемы?	%
Только официально зарегистрированный брак государственными органами	35
Только брак, освященный церковью	1
Обязательная регистрация брака государственными органами и церковью	7,5
Незарегистрированный брак	3,9
Любая форма брака	45
Затрудняюсь ответить	7,5

А теперь представляем структуру мотивации заключении брачного союза и выбора брачного партнёра. Кроме мотивов, представленных в таблице 4, респонденты отметили: «Желание попробовать себя в новом качестве, испытать новые эмоции, ощущения» - 6.5% в 2017 и 13.4% в 2020г.г.; «Стремление повысить свой статус с помощью брака» - 3.9% и 6.4, соответственно; Стремление добиться, с помощью брака, независимости от родителей 4.6% и 6.1%; «Стремление к самоутверждению» - 7% и 3.2%.

В исследовании 2016г. в фокусе анализа была студенческая семья, поэтому блок вопросов о мотивах вступления в брак был «студенческим» (см. табл. 5).

Таблица 4- Главные мотивы вступления в брак (в % от опрошенных)

Что будет (было у имеющих семью) главными мотивами заключения официального брака лично для Вас?	2017 год n=413	2020 год n=374
Любовь	75.3	69.3
Желание иметь семью	73.6	65.2
Общие взгляды на жизнь, интересы, хобби	51	59.4
Желание иметь детей	35.2	26.5
Утилитарные мотивы	15.2	20.7

Таблица 5-Мотивация вступления в брак в студенческой среде (в % от опрошенных)

Каковы, по Вашему мнению, основные мотивы создания студенческой семьи?	
Сильные чувства (любовь,…)	67
Незапланированная беременность	62,5
Желание иметь семью	40.2
Стремление удержать перспективного партнера (партнершу)	20.5
Страх «не выйти замуж» после окончания института	19.2

А ещё: «Постоянство в сексуальных отношениях» - 18.3%; «Бытовое удобство и экономия от совместного проживания во время учебы» - 17.4%; «Желание иметь ребенка» - 12%; «Желание «узаконить» интимные отношении» - 8.9%.

О мотивах выбора супруга можно судить по ответам на вопрос, представленный в Табл. 6.

Таблица 6-Наиболее ценимые качества будущего, влияющие на выбор «спутника жизни» (в % от опрошенных)

Насколько важны для Вас были/будут	2017 год / n=413	2020 год / n=374
Очень важны + Достаточно важны =		
Общность жизненных планов и целей	51.2 + 42.6= 93.8	55 + 35.1= 90.1
Духовный мир	49 + 42 = 91	47.4 + 44.4 = 91.8
Общность интересов	31.1 + 59.3 = 9.4	30.3 + 58.5 = 88.8
Качество сексуальной жизни	39.1 + 46.5 = 85.6	40 + 46.1= 86.1
Любовь к детям	52.7 + 31.4 = 84.1	38.9 + 45.5 = 84.4

Корреляционный анализ выявил достаточно сильную гендерную детерминацию предпочтений тех или иных качеств. Во многих ответах разница достигает 15-30 пунктов (и больше). Так, девушки, значительно больше чем юноши ценят: «Любовь к детям», «Уровень образования» и «Уровень благосостояния», «Способность хорошо зарабатывать», «Чистоплотность и аккуратность», «Ближайшее окружение супруга». Юноши больше обращают внимание на следующие аспекты: «Внешность», «Духовный мир», «Умение хорошо выполнять домашнюю работу», «Качество сексуальной жизни».

Картину дополняют ответы на вопросы блока «Что/кто и в какой мере может повлиять на выбор супруга». Здесь молодёжь всех 3-х массивов продемонстрировала единодушие, назвав самыми сильными детерминантами «Любовь» - 88% (43 абсолютно влияет + 4 значимо влияет) в 2016г.; 74.1% (41.1+ 33) в 2017г.; 83.1% (54 + 29.1) в 2020 и «Чувства, эмоции (чувство долга или ответственности, страх одиночества, влюбленность и др)» - 61.8% (25.7 + 36.1) в 2016г.; 69.9% (36.4 + 33.5) в 2017г.; 72.7% (43 + 29.7) в 2020. Другие детерминанты, по мнению респондентов, такие, как «Мнение родителей», «Национальные предпочтения», «Религиозные убеждения», «Мнение друзей, родственников, соседей», «Обычаи и традиции», «Утилитарные мотивы» гораздо слабее. Они набирают по совокупности 2-х позиций от 13% до 33 %.

Данные таблиц 7 и 8 отражают мнения респондентов об обязательных условиях создания семьи и дальнейшего её успешного функционирования и о готовности опрашиваемых к семейной жизни.

Таблица 7 -Условия, необходимые для создания крепкой семьи (в % от опрошенных)

Какие условия, по Вашему мнению, обязательно необходимы для создания семьи?	2017 год n=413	2020 год n=374
Любовь	76.5	51.9
Желание создать семью	64.2	58.8
Наличие работы, обеспечивающей достаточный доход	54.2	58.6
Психологическая совместимость	52.5	30.7
Наличие собственного жилья	30.5	28.6

Таблица 8 -Субъективные оценки собственной готовности к семейной жизни (в % от опрошенных)

Готовность к семейной жизни:	2016 год n=224	2017 год n=413	2020 год n=374
экономическая: 1 готов(а)	18.3	22.8	17.1
2 не готов (а)	59.8	57.4	73.5
3 затрудняюсь ответить	19.2	19.9	9.4
психологическая: 1 готов(а)	34.4	44.7	32.6
2 не готов (а)	35.3	39.6	57
3 затрудняюсь ответить	27.6	15.6	10.4

Последнее – репродуктивные установки молодёжи московской агломерации иллюстрируют данные таблиц 9,10. Данные очень красноречивы и не требуют пространных комментариев.

Таблица 9- Желаемое и планируемое количество детей (в % от опрошенных)

Сколько детей Вы…		
хотели бы иметь в идеале? 2016 планируете с учетом n= 224 реальных жизненных обстоятельств?		
8.9	1-го ребенка	16.1
41.1	2-х детей	54
35.3	3-х детей	12.5
7.1	4-х и более детей	1.3
5.3	Не хочу/ не планирую иметь детей	12.9
хотели бы иметь в идеале? 2017 планируете с учетом n=413 реальных жизненных обстоятельств?		
9.8	1-го ребенка	24.6
39	2-х детей	34.8
27.6	3-х детей	10
8.6	4-х и более детей	3.2
6.7	Не хочу/ не планирую иметь детей	17.9
хотели бы иметь в идеале? 2020 планируете с учетом n=374 реальных жизненных обстоятельств?		
9.9	1-го ребенка	23
46.5	2- х детей	41.2
24.9	3-х детей	13.4
10.7	4-х и более детей	4
8	Не хочу/ не планирую иметь детей	18.4

Таблица 10 -Причины мешающие иметь желаемое количество детей (в % от опрошенных)

Назовите основные причины, которые могут помешать Вам иметь столько детей, сколько хотелось бы.	2016 год n=224	2017 год n=413	2020 год n=374
Материальные проблемы	51.8	61.7	60.2
Жилищные проблемы	37.9	45	40.6
Моральная и психологическая неготовность	23.7	31.7	34.8
Страх за будущее своих детей	23.7	20.9	29.4
Состояние здоровья	24.1	32.7	29.1
Ничего не может помешать	21.9	8.6	10.2

Полученные результаты подтвердили тезис о глубоком кризисе института семьи. Несмотря на то, что «Семья» традиционно занимает самые

высокие места в ценностной иерархии россиян, является компонентом ценностного ядра в сознании большинства представителей молодого поколения, проблемы семьи имеют сегодня устойчивую тенденцию к обострению. Об этом свидетельствует, например, растущая привлекательность нетрадиционных форм брака.

Говоря о кризисе семьи, приходится повторять банальные истины, но данные наши просто вопиют. 35% опрошенных в 2020г. студентов положительно относятся к сознательно бездетному браку, а 26.7% - к однополому; каждому шестому нравится брак со свободой половых связей супругов;45% приемлют любую форму брака. От трети до половины молодых людей относятся безразлично к новым формам так называемого «брака». А ведь безразличие не менее страшно, чем открытое позитивное отношения к подобным явлениям. Такое положение дел прямо сказывается на функционировании семьи, т.е. на выполнении этим институтом своих функций, которые никакой иной субъект выполнить не может, прежде всего, репродуктивной. Тому свидетельство данные таблицы 9, зафиксировавшие колоссальный разрыв между желаемым и планируем количеством детей.

Причины, обусловившие такое состояние институту семьи известны. Это экономическая, политическая, нравственная ситуации в стране; превращение Земли в единое информационное пространство и развитие изощрённых технологий воздействия на сознание людей (в первую очередь молодых) и отставание наше в этой области (постоянно проигрываем в информационной войне). Можно долго продолжать. Но у нас есть и огромный потенциал, используемый лишь отчасти. Это историческая память нашего народа, великая культура, уникальный менталитет. И наше исследование подтверждает данное суждение.

Любовь, удивительный уникальный тип социального взаимодействия, наряду с семьёй входит важным компонентом в ценностное ядро юношей и девушек, является главным мотивом и обязательным условием создания семьи, по убеждению почти двух третей обследованной молодёжи.

От того как мы распорядимся этим потенциалом, во многом, зависит место и значение России в мировом сообществе: окажется ли она на периферии мирового развития или займет достойное положение в мире.

Список литературы

1. Сазонова А.Л. Любовь как демографический фактор. В сборнике: Управление социальными изменениями в нестабильных условиях. Материалы Всероссийской научной конференции /МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2016. С.703-706.

2. Сазонова А.Л., Еремеев М.О. Представления московского студенчества о семье в XXI веке. В сборнике:Как наше слово отзовется: Гуманитарное образование в развитии российского социума и человека. Сборник материалов международной научно-практической конференции. М.: МИИТ, 2017. С. 834-843.

3. Сазонова А.Л. Семья в структуре системы ценностей российских студентов. В сборнике: Социальная динамика населения и устойчивое развитие: II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. Сборник тезисов / под общ .ред. А.И. Антонова. – М.: МАКС Пресс, 2019. С. 294-297.

УДК 314.7

Сазонова Нина Васильевна
к.г.н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
Сазонова Оксана Александровна
к.юрид.н., старший преподаватель кафедры административного и уголовного права, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», г. Белгород, Россия

Региональные особенности демографического развития (на примере Белгородской области)

Аннотация. *В статье отмечается, что в настоящее время геодемографические и геокультурные процессы являются объектом научного интереса некоторых современных региональных наук. Подчеркивается, что Белгородская область является одним из регионов Центрального федерального округа, численность населения которых в 2019 году возросла и стабильно сохраняет тенденцию к росту. Утверждается, что регион оказался привлекательным не только своими благоприятными природными условиями, но и стабильной политической и экономической обстановкой. Сформулирован вывод о том, что миграционная ситуация в области в целом более благоприятная на фоне многих регионов страны.*

Ключевые слова*: демография, население, миграция, Белгородская область.*

В настоящее время геодемографические и геокультурные процессы являются объектом научного интереса современных региональных наук, таких как региональная экономика и общественная география. В связи с особой актуальностью демографических проблем во многих регионах России выполняются исследования по геодемографической ситуации.

Геодемографическая ситуация региона – это сложившееся на данной территории соотношение рождаемости, смертности и миграционной подвижности, создающих определенную структуру населения и динамику его численности. Она соединяет его экономическую, социальную, расселенческую и другие функциональные подсистемы (этносистему, социоэкосистему) с демографической и включает демографические

процессы и структуры, а также экономико-, социально-, расселенческо-, этно-, эколого-демографические связи (отношения).

Наиболее общие категории геодемографической ситуации: демографические – естественное и миграционное движение, возрастно-половая структура населения; экономико-демографические – трудовые ресурсы; социально-демографические – демографическое и миграционное поведение; расселенческие – плотность населения и урбанизированность; этнодемографические – этнический состав населения с его демографическими различиями; эколого-демографические – состояние здоровья населения.

Указанные категории определяются многочисленными факторами: демографическими, экономическими, социальными, расселенческими, этническими, экологическими и другими, обусловливающими региональную дифференциацию геодемографической ситуации.

Стоит отметить также общую динамику роста численности на протяжении последних 90 лет. В 1926 году население Белгородской области составляло 896 тысяч человек. За последующие 30 лет этот показатель вырос почти на 25 %. К 1970 году численность превышала 1,3 миллиона человек. По состоянию на 1 января 2020 года численность населения составила 1549,1 тыс. человек и увеличилась за 2019 год на 1,7 тыс. человек или на 0,1% [1, С. 152]. Наряду с г. Москва и Московской областью Белгородская область вошла в число 3-х регионов Центрального федерального округа, численность населения которых в 2019 году выросла и стабильно сохраняет тенденцию к росту. Несмотря на повышение численности населения Белгородского региона, коэффициент естественной убыли на 1000 человек в 2019 году составил – 3,8 промилле. Общему росту численности населения способствует положительное сальдо миграции при отрицательном естественном приросте.

Основное сокращение числа жителей относится к началу 30-х годов XX столетия. Основными причинами резкого падения численности населения был: голод, форсирование индустриализации и коллективизации, которые сопровождались массовыми репрессиями: в 40-е гг. – события ВОВ и чрезмерные потери мужского населения на фронте и в тылу, в 50-е – миграционные потоки в индустриальные центры и на целину. За период с 1939 по 1959 гг. область потеряла 214 тыс. человек (15%). С 1959 года и по сегодняшний день численность населения региона растёт. Однако причины роста различны: в 60-е гг. – за счёт естественного прироста; в 70-е гг. – за счёт притока людей в область, вызванного формированием территориально-производственного комплекса на базе ТПК КМА (Территориально-производственный комплекс Курской магнитной аномалии). Численность населения в 1970 г. составила 1 млн. 261 тыс. чел. Прирост увеличился всего на 67 тыс. за 16 лет. При этом численность горожан увеличивалась быстрее. Особенно сильный прирост населения (20-25%) имели промышленные города Губкин и Старый Оскол.

Доминирование экономического фактора в межреспубликанской миграции Белгородской области в тот период было предопределено динамичными и быстрыми темпами социально-экономического развития региона. Приток населения в область из республик Советского Союза был, в первую очередь, обусловлен развитием ТПК КМА. Освоение железорудных богатств региона привлекало в этот период в Белгородскую область мигрантов из всех союзных республик. Отметим и то обстоятельство, что значительный их процент оседал в Старооскольско-Губкинском регионе Белгородской области, где освоение железорудных месторождений шло самыми быстрыми темпами. В этом районе шло сооружение Стойленского и Лебединского ГОКов, велась всесоюзная комсомольская стройка Оскольского Электрометаллургического комбината (ОЭМК). Демографический потенциал Старооскольско-Губкинского промышленного узла в 70-80-х годах формировался в определенной мере именно за счет переселенцев из союзных республик [2, С. 210].

Волна миграционного прироста середины 90-х годов затронула все регионы Черноземья. Однако Белгородская область оказалась единственным во всей России регионом, где приток мигрантов был столь интенсивным и продолжительным. До сих пор в области сохраняется положительный миграционный баланс. Белгородская область оказалась привлекательной для русскоязычных переселенцев из стран СНГ, демобилизованных офицеров и мигрантов из северо-восточных регионов России не только своими благоприятными природными условиями, но и стабильной политической и экономической обстановкой.

Несмотря на естественную убыль в Белгородской области за последнее десятилетие, наблюдается увеличение численности населения. Это, прежде всего, связано со значительным притоком мигрантов. Максимальный миграционный прирост населения за последние 20 лет наблюдался в 1994 году (28,8 тысяч человек). В последующие годы число мигрантов, прибывших в область, значительно уменьшилось.

В настоящее время миграции являются единственным источником роста численности населения Белгородской области. Как показало исследование, с 1992 по 2000 год в структуре миграционного прироста региона доминировал приток населения из стран СНГ. В 2001 – 2006 годах в структуре миграционного прироста области преобладают уже внутрироссийские миграции населения. В 2006 году на их долю приходилось 62,6% всего миграционного прироста, а на долю внутрироссийской миграции всего 37,4% .

С 2006 года и по настоящие время основу миграционного прироста региона составляют внешние миграции населения. С нашей точки зрения, такая тенденция сохранится и в ближайшие годы. В 2015 и 2016 гг. наблюдается отрицательный миграционный прирост с регионами РФ и увеличением доли со странами СНГ и дальнего зарубежья.

Анализируя структуру миграционного движения населения Белгородской области со странами СНГ и Балтии, можно сделать вывод, что

начиная с 1992 года снижение СМ наблюдается практически со всеми странами СНГ и Балтии, кроме Украины, где, наоборот, возросло с 25,5 % в 1992 году до 90,3 % в 2016 году.

Белгородская область, собиравшая в 90-е годы жителей со всей России, после начала конфликта на Украине быстро потеряла свою привлекательность в глазах россиян. Причиной, оказывающей негативное воздействие на миграцию в области, явилось приграничное положение региона, которое теперь является не столько преимуществом, сколько недостатком для желающих здесь обосноваться. Территориальная близость военного конфликта в Донецкой и Луганской областях Украины отпугивает потенциальных мигрантов, да и сами экономические связи с соседними регионами Украины, длительное время являвшиеся положительным фактором социально-экономического развития региона, в настоящее время значительно сократились.

К другим основным причинам снижения притока мигрантов на территорию Белгородской области следует отнести экономический кризис, связанный с негативными тенденциями в агропромышленном комплексе и металлургии (двух базовых отраслях региональной экономики). Так, основной проблемой агропромышленного комплекса является несоответствие мощностей переработки объемам производства сельскохозяйственного сырья, что ведет к большим потерям продукции сельского хозяйства. А для металлургии характерны низкий уровень технической оснащенности предприятий переработки, большая доля ручного труда, слабо развитая инфраструктура.

Таким образом, можно сказать, что 2015 г. стал первым за многие десятилетия годом отрицательного миграционного баланса Белгородской области с другими регионами России. Вполне очевидно, что назрела необходимость в управлении и комплексном научно обоснованном мониторинге всех разновидностей миграционных процессов в регионе для решения данной проблемы. Учитывая экономические и социокультурные риски, неизбежно возникающие при массовом миграционном притоке, это важное направление социального развития региона должно иметь соответствующую стратегическую программу развития с эффективными механизмами регулирования.

Тем не менее, подчеркнем, что регион сохранил высокий миграционный прирост благодаря приезжим из СНГ, однако число россиян, переезжающих в другие субъекты РФ, было значительно выше. Сложности с транзитом на Украину, опасения в связи с приграничным положением, экономический кризис в целом в России заставили многих россиян пересмотреть свои планы на переезд в Белгородскую область. Этот же фактор незамедлительно сказался и на жилищном строительстве – сократился поток мигрантов из северных регионов, они перестали инвестировать в покупку жилья в Белгородской области. Эти факторы сильно повлияли на «заморозку» и падение цен на жилую недвижимость в регионе – ранее подобных трендов здесь не было. Без привычного

миграционного притока область не осталась. В последние годы она стала популярна для переезжающих из стран СНГ**.**

Необходимо также отметить, что увеличение миграционного оттока населения Белгородской области имеет и свои этнические особенности. Например, среди крупнейших этнических меньшинств, представленных в регионе, наиболее распространены миграционные настроения среди узбеков, армян, цыган и азербайджанцев. А белгородские белорусы, украинцы, немцы и татары, напротив, в подавляющем большинстве настроены на дальнейшее проживание в Белгородской области [3, С. 59].

По данным последней переписи в регионе проживают представители 161 национальности и этнических групп**.** Во время предыдущей переписи – в 2002 году – их было 124. По национальному составу преобладают русские (94,4 %); в районах, граничащих с Украиной – украинцы (2,8 %). На долю армян приходится – 0,5 %, на долю турок и азербайджанцев – по 0,3 %, татар – 0,21 %, молдаван – 0,14 %, цыган – 0,13 %, немцев – 0,12 %. За последние годы увеличилась численность казахов, цыган, таджиков, корейцев, езидов, гагаузов и узбеков.

В заключение отметим, что миграционная ситуация в Белгородской области в целом более благоприятная на фоне многих регионов России. Здесь миграционный прирост пока полностью компенсирует естественную убыль населения. Анализ структуры миграционных потоков в Белгородскую область свидетельствует, что в настоящее время основной миграционный обмен происходит со Странами СНГ и Балтии, среди прибывающих мигрантов большинство составляют граждане России трудоспособного возраста с довольно высоким уровнем образования. Поскольку коренное население области сокращается и стареет, миграция положительно влияет не только на стабилизацию численности, но и на его характеристики (например, демографические и профессионально-квалификационные).

Список литературы

1. Белгородская область в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Белгородстат. 2019. 252 с.

2. Сазонова Н.В. Территориальная организация современных миграций населения региона / Н.В. Сазонова, А.Б. Соловьев // Монография. – Белгород, Белгородский институт переподготовки и повышения квалификации учителей, 2004. 310 с.

3. Сазонова Н.В., Сазонова О.А. Анализ современных миграционных процессов в Белгородской области / Н.В. Сазонова, О.А. Сазонова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 12-8. С. 58-61.

УДК 616-036.22: 616.9: 616.97.
Сафонова Ирина Вячеславовна
преподаватель кафедры экологии, защиты леса и лесного охотоведения, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Россия
Яковенко Наталия Владимировна
д.г.н., профессор, главный научный сотрудник, директор НИИ ИТЛК, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Россия
Диденко Ольга Валериевна
к.г.н., доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия
Комов Игорь Владимирович
к.г.н., доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Характеристика ВИЧ-заболеваемости в Воронежской области[95]

Аннотация. *В статье показаны тенденции развития ВИЧ-заболеваемости в 2018 году на территории Воронежской области. Раскрыты особенности заболеваемости по социальным группам населения.*
Ключевые слова: *ВИЧ, заболеваемость, Воронежская область*

По состоянию на 30.06.2018 г. число живущих с ВИЧ/СПИД (ЛЖВС) на территории Воронежской области (включая временно проживающих иногородних и лиц БОМЖ) составило 3544 человека – 151,7 на 100 тыс. населения, из них постоянного населения – 3771 человек – 144,3 на 100 т.н. (табл. 1). Показатель пораженности по постоянным жителям области на 30.06.2018 г. в 4,6 раз ниже среднего по России (666,1 на 100 тыс. населения). В учреждениях ФСИН на территории области пребывают до 500 ВИЧ-инфицированных, как жителей области, так и других регионов.

Всего на территории Воронежской области за период с 1987 г. по 30.06.2018 г. с диагнозом ВИЧ-инфекции находились 5422 пациента, из них 4892 – граждане России, в т.ч. 4025 – жители Воронежской области. Из выявленных с диагнозом - 500 граждан стран СНГ, преимущественно среди граждан Украины и Узбекистана, и 30 граждан дальнего зарубежья.

Умерли из выявленных ВИЧ-инфицированных 637 человек, в том числе в I полугодии 2018 года – 64. Из них умерли вследствие ВИЧ-инфекции 273 человека, в 2018 году - 28. Абсолютное число умерших вследствие ВИЧ и их доля имеет тенденцию к увеличению, за счет позднего выявления в МО области и обращения пациентов для назначения лечения.

Число зарегистрированных за 6 месяцев 2018 года ВИЧ-инфицированных (впервые выявленных и с уже установленным в других

[95] Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ 19-29-07400 мк

регионах РФ диагнозом) составило 465 человек, что на 3,7% ниже, чем в предыдущем году (табл. 1).

От ВИЧ-инфицированных матерей (с диагнозом на момент родов) родилось 594 ребенка, кроме того, у 5-ти матерей диагноз установлен после родов, дети выявлены в возрасте 1,5-5 лет (табл. 1). За 6 месяцев 2018 года от ВИЧ- инфицированных женщин родились 42 живых ребенка, из них 39 пар мать-дитя получили полный курс химиопрофилактики вертикальной передачи. Охват полным курсом химиопрофилактики по области всего 92,8% (при нормативном 95%), с учетом не состоящих на учете и явившихся в роддом асоциальных женщин (пропущен I этап не по вине медработников).

Таблица 1-Распределение ВИЧ-инфицированных по полу и возрасту (на момент выявления)

Возраст \ пол	с 1 Январь 1987 г. по 30 июня 2018 г. (граждане РФ)				2018 г. (впервые выявленные, включая иностранных граждан)			
	муж	жен	всего	% возр	муж	жен	всего	% возр
дети до 15 лет	22	24	46	0,9	0	3	3	0,7
подростки 15-17 лет	24	64	88	1,8	2	1	3	0,7
18-20 лет	128	120	248	5,1	1	2	3	0,7
21-30 лет	1163	680	1843	37,7	85	34	115	27,3
31-40 лет	1412	504	1916	39,2	149	44	193	45,7
41-50 лет	418	155	573	11,7	63	16	79	18,7
старше 50 лет	106	72	178	3,6	18	8	26	6,2
Всего взрослые	3227	1531	4758	96,9	312	104	416	98,6
Всего	3273	1619	4892		314	108	422	
% по полу	66,9	33,1			74,4	25,6		

Не получили полный курс ППМР 3 пары мать-дитя:

Не проведен I этап ППМР вставшей на учет в женскую консультацию в поздних сроках беременности асоциальной иногородней женщине, оповещенной медицинскими работниками о полученном положительном результате на ВИЧ, направленной в БУЗ ВО ВОКЦПиБС для уточнения диагноза и получения курса ППМР, но скрывавшейся и не явившейся в БУЗ ВО ВОКЦПиБС. Сотрудниками БУЗ ВО ВОКЦПиБС были разосланы письма в родовспомогательные учреждения города с информацией о необходимости проведения II и III курса ППМР при поступлении данной роженицы.

Не проведен I этап ППМР не состоявшей на учёте в женской консультации и в БУЗ ВО ВОКЦПиБС асоциальной матери (наркоманка), выявленной при экспресс-тестировании в роддоме.

Не проведен I этап ППМР не вставшей на учёт в женскую консультацию асоциальной беременной (наркоманка)-БОМЖ с установленной ранее ВИЧ-инфекцией, выявленной при экспресс-тестировании в роддоме. У ребенка реализовался перинатальный путь инфицирования, ему выставлен диагноз: ВИЧ-инфекция.

Диагноз ВИЧ-инфекция в 2018 году установлен двум детям:

- ребенку 2018 г.р. от иногородней ВИЧ-инфицированной матери, находившейся на территории Воронежской области в реабилитационном центре для наркозависимых и поздно вставшей на учет по беременности, поздно начавшей курс ППМР и имеющей низкую приверженность к терапии.
- ребенку (декабрь 2017 г.р.) от иногородней асоциальной матери с ранее установленной ВИЧ-инфекцией в другом регионе, с низкой приверженностью к терапии. Оформлен отказ от ребенка.

За 2018 г. впервые выявлены 422 случая ВИЧ-инфекции, с показателем заболеваемости 18,1 на 100 т.н., что на 2,3% меньше, чем в аналогичный период 2017 года (табл. 2). По жителям Воронежской области заболеваемость на уровне прошлого года – 15,7 на 100 тыс. населения. Ещё 43 человека прибыли в Воронежскую область с ранее установленным диагнозом, включая 2-х детей раннего возраста. Среди лиц с впервые установленным диагнозом ВИЧ-инфекции жителей Воронежской области 86,7%; из прибывших - 60,5%.

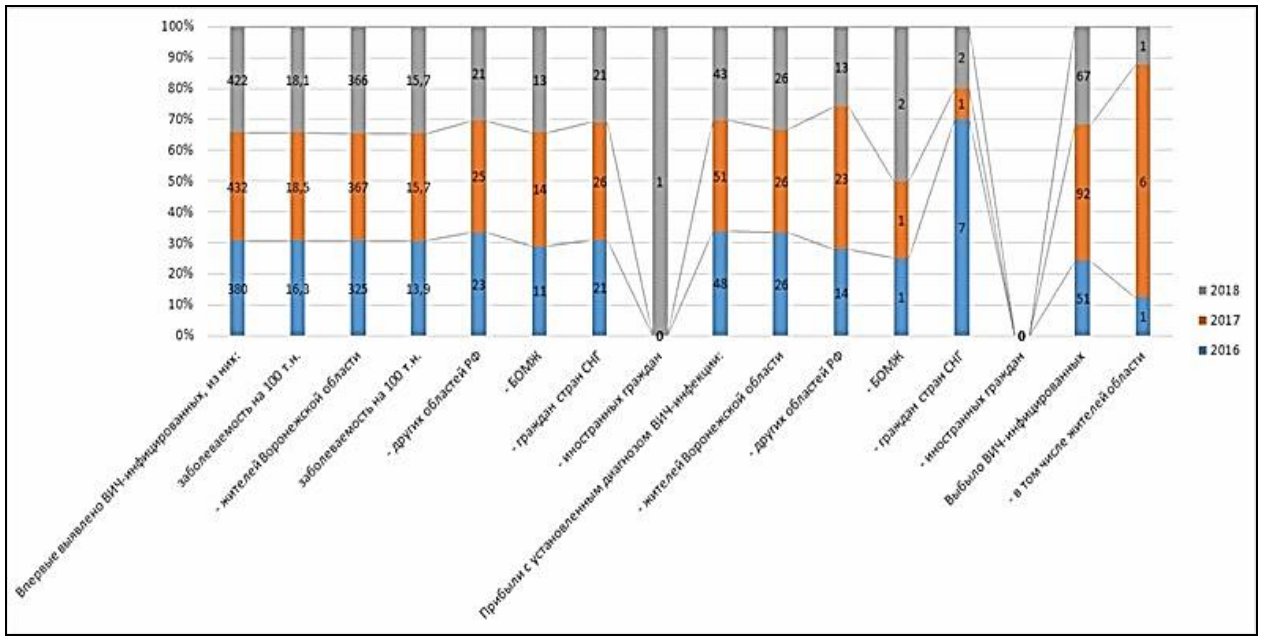

Рис.1.Сравнительный анализ выявления ВИЧ-инфицированных за 6 месяцев 2015-2017 гг.

Из всех выявленных в 2018 г. проведено освидетельствование на ВИЧ и диагноз установлен в местах лишения свободы у 76 человек, в т.ч. 65 жителей Воронежской области (18% от новых случаев). По отдельным районам, при единичных случаях, половина и более ВИЧ-инфицированных выявлены медицинской службой ФСИН.

Наибольшее число новых случаев выявлено среди жителей г. Воронежа - 44,8% от жителей области; показатель заболеваемости 15,7 на 100 тыс. населения – 16-е место в рейтинге 2018 г. Максимальный показатель заболеваемости – 47,6 на 100 тыс. населения зарегистрирован в г. Нововоронеже. Также активно вовлекались в эпидпроцесс Бобровский,

Эртильский, Павловский, Лискинский, Борисоглебский, Новоусманский, Семилукский, Острогожский, Подгоренский, Репьевский, Воробьевский, Ольховатский, Каширский, Верхнехавский районы. По 3-м районам за 6 мес. 2018 г. новых случаев не выявлено (рис.2).

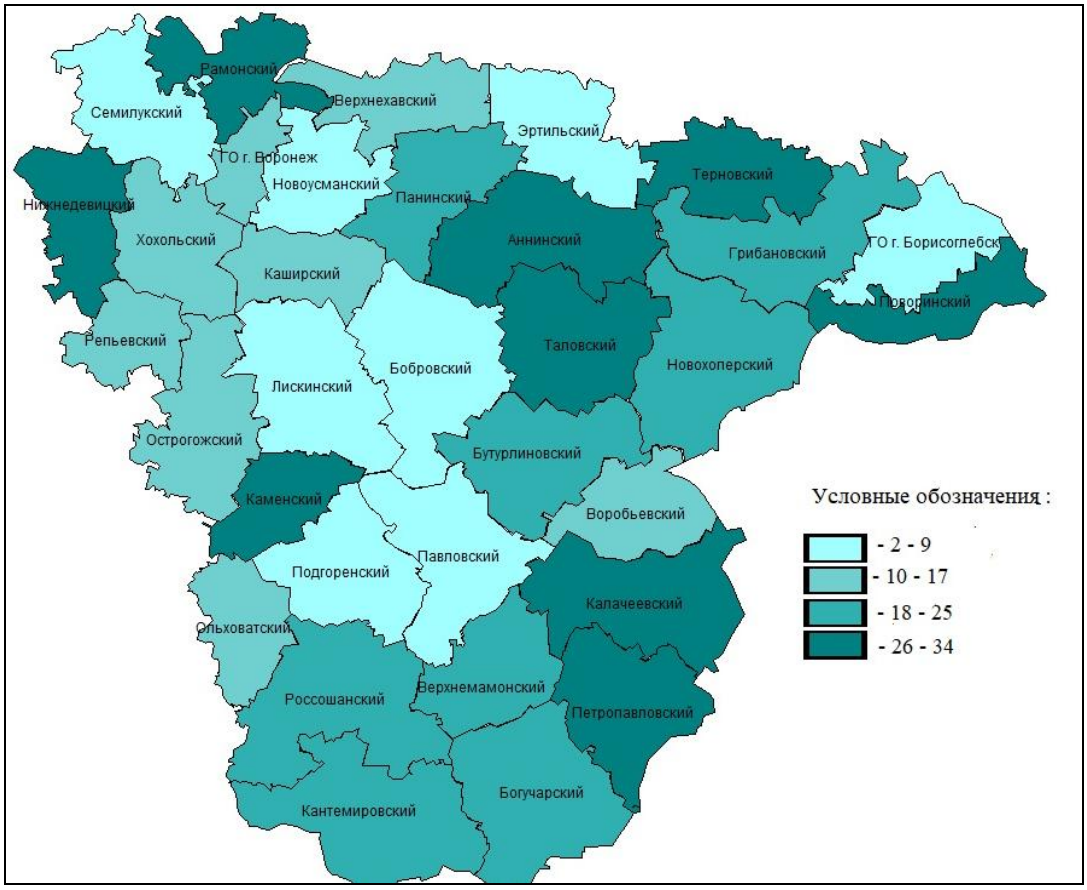

Рис. 2. Заболеваемость ВИЧ-инфекций по муниципальным районам Воронежской области

Показатели пораженности (число живущих с ВИЧ на 100 тыс. населения) по территориям неравномерны: 12 районов имеют низкие уровни, средние - 10 районов, выше среднеобластного показатель пораженности в Подгоренском, Эртильском, Острогожском, Ольховатском, Лискинском, Каширском, Бобровском, Новоусманском, Репьевском, Семилукском районах, в г. Воронеже и г. Нововоронеже (рис.3.).

В течение всего периода регистрации случаи ВИЧ-инфекции преимущественно выявлялись у мужчин – 66,9% (табл. 4). Существующая в течение семи предыдущих лет тенденция к выравниванию соотношения между мужчинами и женщинами, с конца 2014 года изменилась в сторону увеличениядоли мужчин. Это связано с ростом выявления ВИЧ-инфекции у потребителей инъекционных наркотиков, большинство из которых мужчины: их доля составила 74,4% среди первичных случаев 2018 года.

В многолетней возрастной структуре преобладают молодые люди в возрасте 18-30 лет – 42,8%, на возрастную группу от 30 до 40 лет приходится 39,2% от всех выявленных ВИЧ-инфицированных граждан России (табл. 4). Сохраняется тенденция последних лет к «взрослению» ВИЧ-инфекции, как и в

целом по стране: с 2014 года доля лиц 30-40 лет стала превалирующей, в 2017 году достигла 49,8 %, а в I полугодии 2018 года составила 45,7% от впервые зарегистрированных. Доля молодых людей (18-30 лет) снизилась до 28,0%.

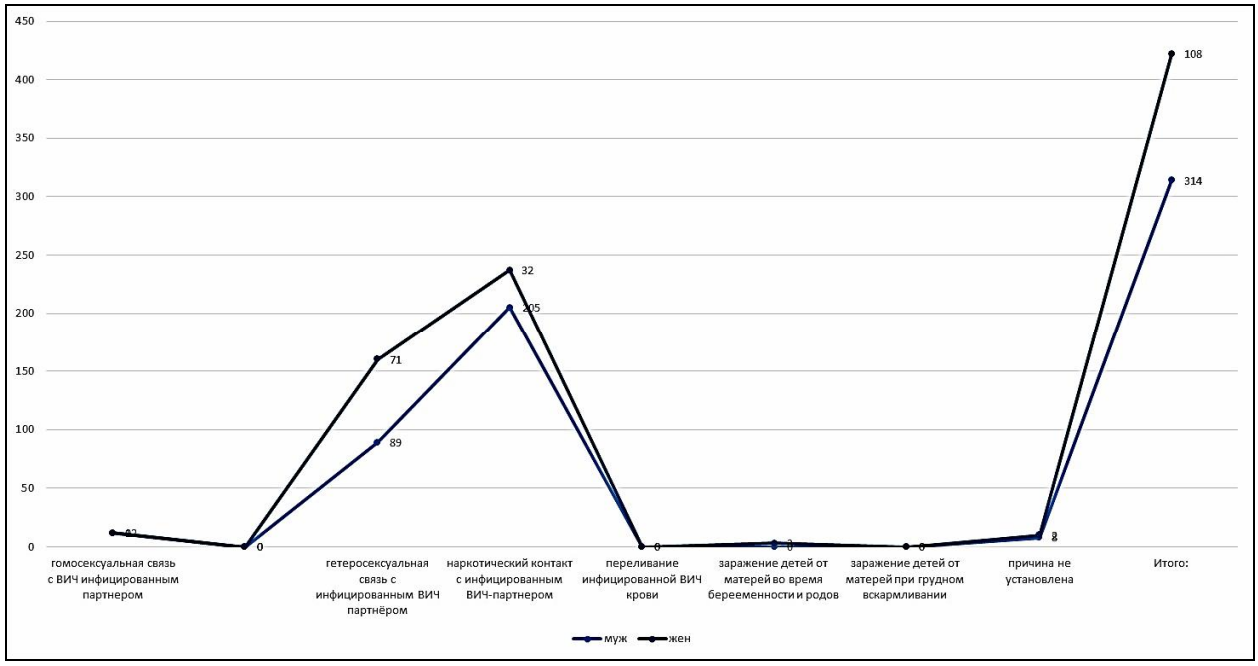

Рис. 3. Распределение ВИЧ-инфицированных по причинам заражения

За весь период наблюдения из всех случаев ВИЧ-инфицирования российских граждан путь заражения установлен в 95,5%. У 48,9% лиц с установленным путём передачи заражение связано с незащищенным половым контактом (в т. ч. 2,0% - гомосексуальном), 50,1% составляют инфицированные при внутривенном употреблении наркотиков (рис.1.)

С 2015 года преобладает заражение при употреблении внутривенных наркотиков вследствие изменения «наркосцены» - употребление новых синтетических наркотиков (соли) с крайне рискованной практикой в плане инфицирования ВИЧ, в I полугодии 2018 года его доля составила 57,5% (табл. 5). Большинство инфицированных этим путем (86,5%) – мужчины. На долю инфицирования ВИЧ при незащищенном половом контакте приходится 38,8% всех случаев, у мужчин – 33,0%, нарастает роль гомосексуального заражения - 3,9% от всех впервые выявленных случаев у мужчин. У женщин основным путём инфицирования являются незащищенные половые контакты, хотя его доля в 2018 г. снизилась до 67,0%.

Основная масса ВИЧ-инфицированных была определена на стадии субклинических проявлений – 71,3%. Число выявленных на ранних стадиях 2А, 2Б, 2В – 14,1% (в 2017 г. – 14,9%, в 2016 г. – 12,9%, 2015 г.- 13,8%) – это лица, главным образом потребители инъекционных наркотиков. На поздних стадиях болезни с выраженными клиническими проявлениями (4А, 4Б, 4В) зарегистрированы 14,6% из числа впервые выявленных пациентов. У 2,6% пациентов не было установлено (неполно обследованные иностранные граждане).

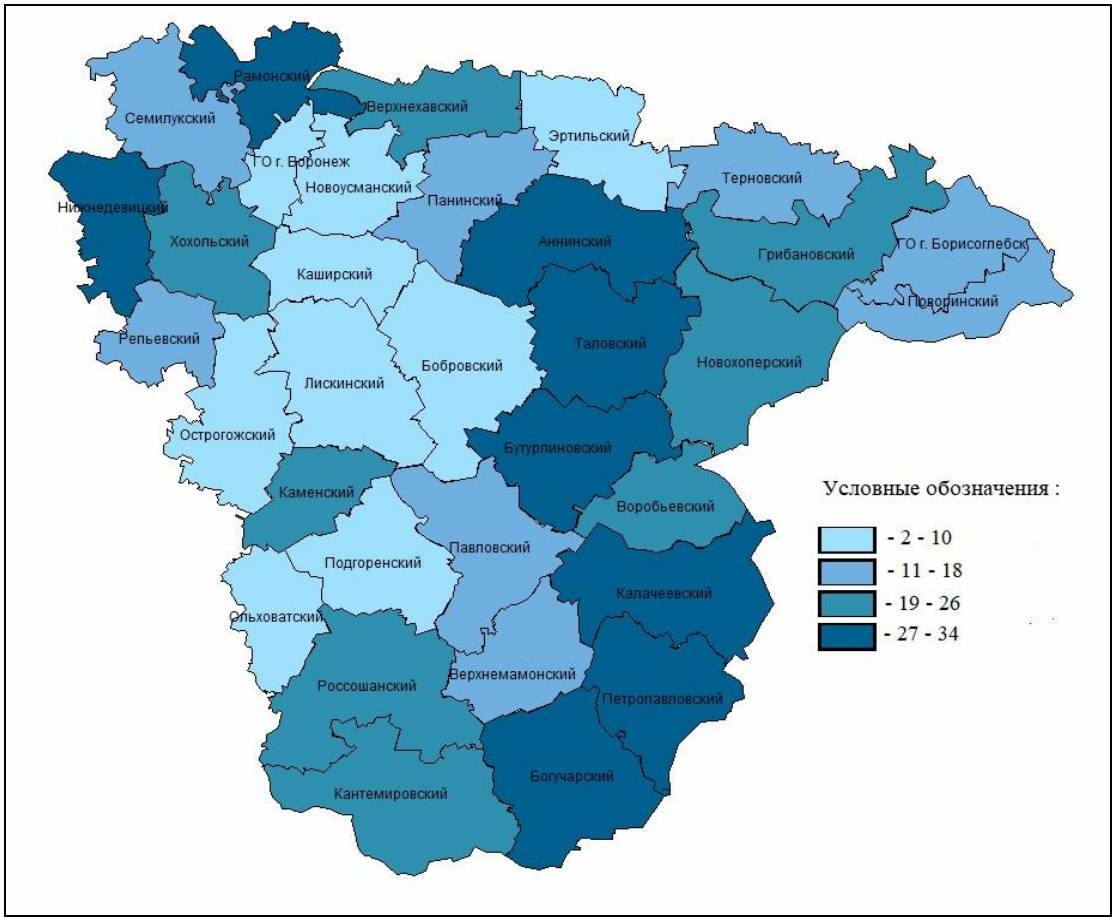

Рис. 4. Пораженность ВИЧ-инфекцией по районам Воронежской области

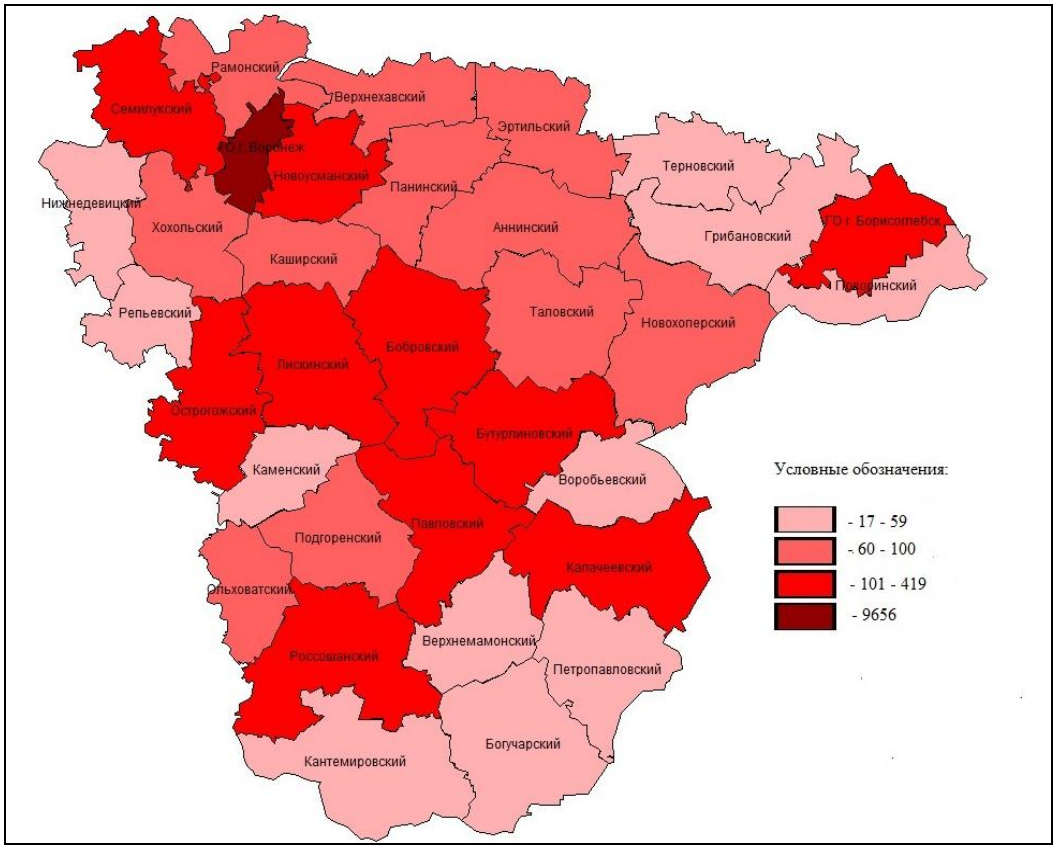

Рис. 5. Охват обследованиями на ВИЧ-инфекцию населения и контингентов ключевых групп (потребителей психоактивных веществ и больных с ИППП)

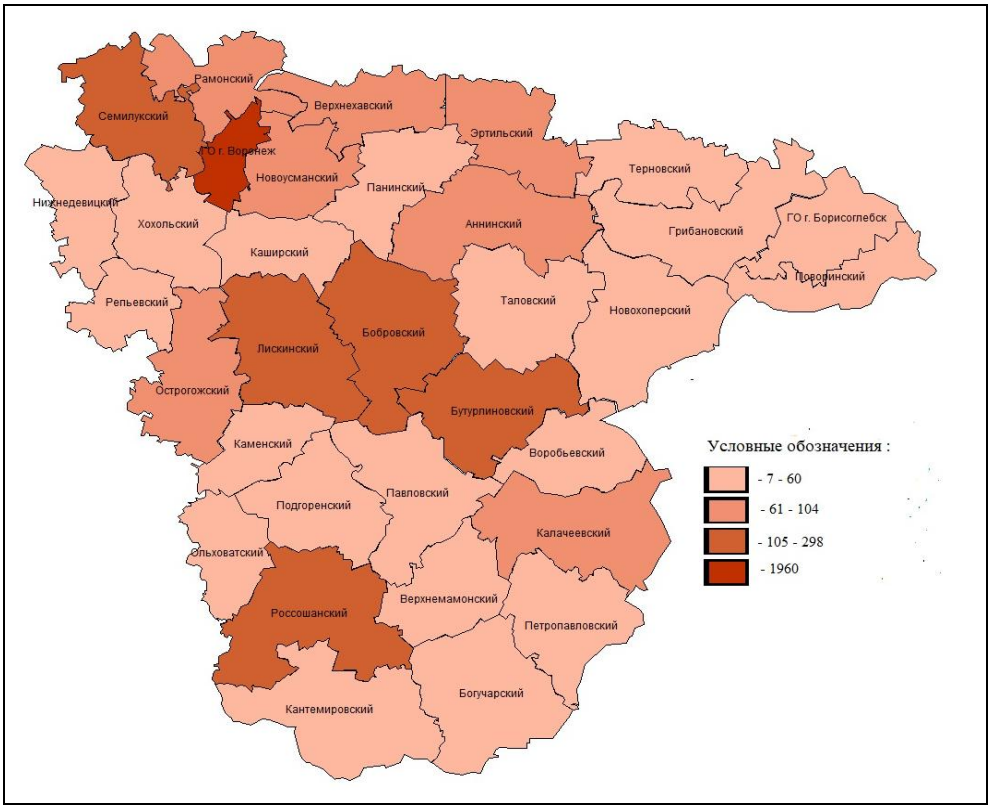

Рис.6. Обследовано на ВИЧ-инфекцию населения и контингентов ключевых групп (потребителей психоактивных веществ и больных с ИППП)

В 2018 г. было зарегистрировано лиц с ВИЧ в 90,8% случаев. Остальные были зарегистрированы при проживании или выездах в другие территории РФ с высоким уровнем инфицирования ВИЧ- инфекцией или республики СНГ. В предыдущие годы преобладало инфицирование на других территориях. Источники заражения установлены в 21%. При обследовании 113 человек как контактных лиц инфицированных ВИЧ было выявлено 11 новых случаев ВИЧ-инфекции.

По социальному статусу первичные ВИЧ-инфицированные распределись:

- по образованию: 49,2% - только школа (в т.ч. 8, 9 классов), среднее специальное образование имеют 42,7%, высшее образование (в т.ч. незаконченное) у 8,1%;
- по занятости: 38,9% не работают, 23,2% имеют постоянную работу и 15,2% временную, находятся в УФСИН – 18,0%, прочие группы (учащиеся, пенсионеры и инвалиды) – 6,1%;
- состоят в браке 21,8%; имеют постоянного сожителя 20,3%; разведены 16,5%; не состоят в браке – 39,0%, вдовцы – 2,5%.

Скрининговыми обследованиями на ВИЧ в области охвачены 287215 человек - 12,3% (включая иностранных граждан), из них 272903 – граждане РФ, что составляет 11,7% от населения области (табл. 6). Высокие уровни охвата населения обследованиями на ВИЧ-инфекцию отмечаются в Борисоглебском, Подгоренском, Терновском, Бутурлиновском, Каменском, Петропавловском, Верхнемамонском районах и г. Воронеж. Охват ниже расчетного значения

«дорожной карты» на 6 мес. 2018 года отмечается в Острогожском, Бобровском, Воробьевском, Грибановском, Калачеевском, Лискинском, Новоусманском, Поворинском, Рамонском, Семилукском районах.

Самая высокая выявляемость ВИЧ-инфекции на 1000 тестированных лиц регистрируется при обследовании контактных при эпидрасследованиях (81,2‰), лиц, находящихся в местах лишения свободы (26,5‰) и потребителей инъекционных наркотиков (18,7‰). Высокий показатель выявления ВИЧ- инфекции среди лиц, находящихся в местах лишения свободы, связан с изменением контингента: 80,5% впервые выявленных - потребители наркотиков.

На учете у нарколога в некоторых районах недостаточен (табл. 6). Кратность менее 0,5 от диспансерной группы обследованных на ВИЧ потребителей наркотиков и психотропных веществ отмечена в следующих районах: Борисоглебский (26 из

101 состоящего на учете), (Верхнемамонский (16 из 50 состоящих на учете), Воробьевский (7 из 40), Кантемировский (15 из 46), Каширский (16 из 88), Нижнедевицкий (10 из 53), Новохоперском (26 из 61), Новоусманский (64 из 348), Острогожский (88 из 206), Павловский (56 из 157), Поворинский (14 из 42), Таловский (27 из 93 наркопотребителей). При том, что на долю жителей г. Воронежа приходится 48,1% новых случаев ВИЧ-инфекции с заражением при употреблении наркотиков, обследованы только 20% от числа состоящих на учете.

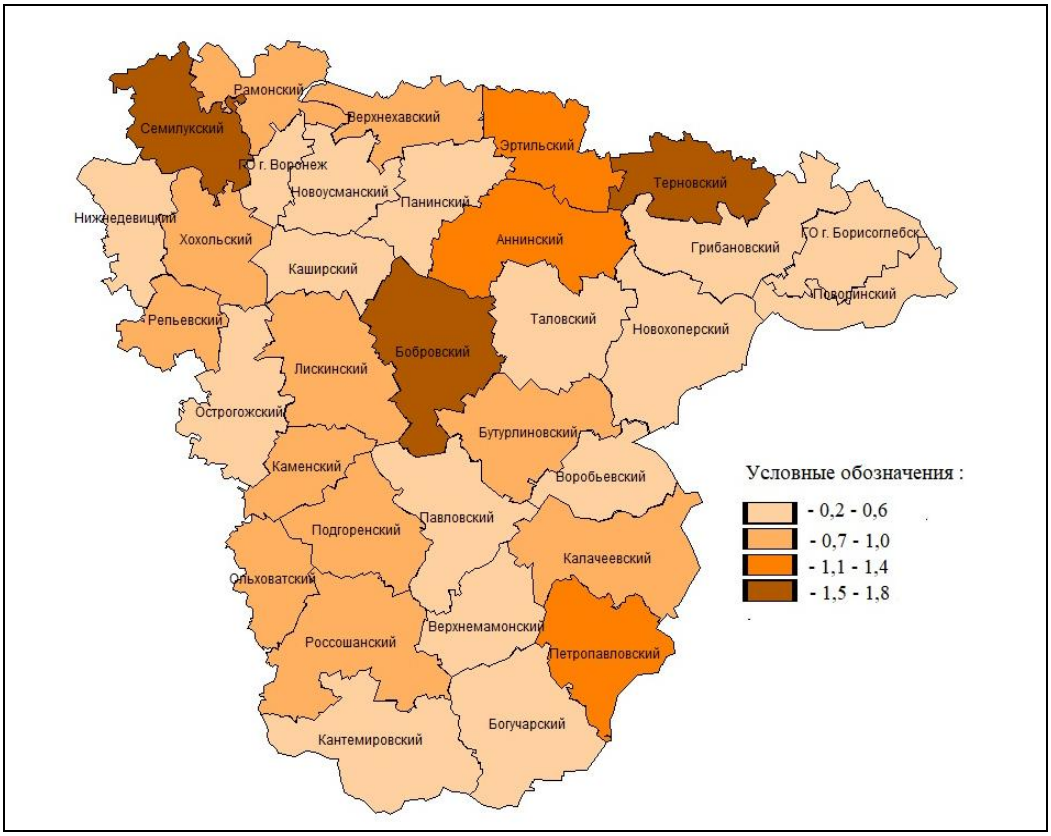

Рис.7. Обследовано на ВИЧ-инфекцию населения и контингентов ключевых групп (потребителей психоактивных веществ и больных с ИППП) (кратность раз)

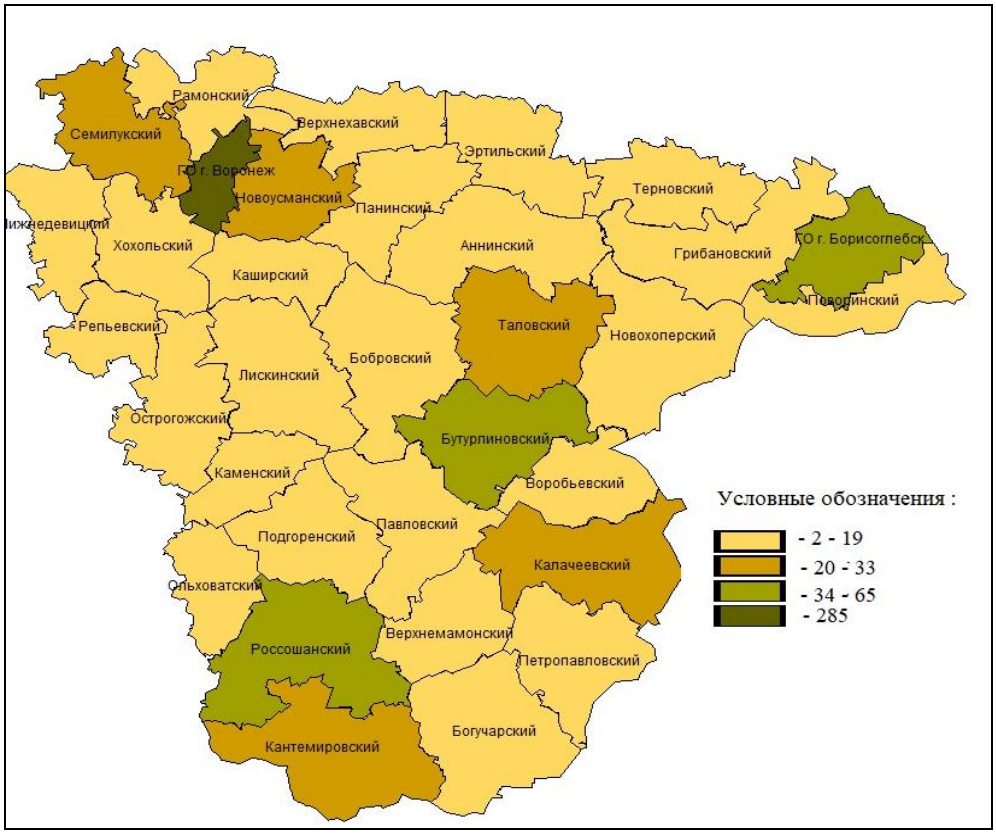

Рис. 8. Количество больных, выявленных с ИИПП по муниципальным районам Воронежской области

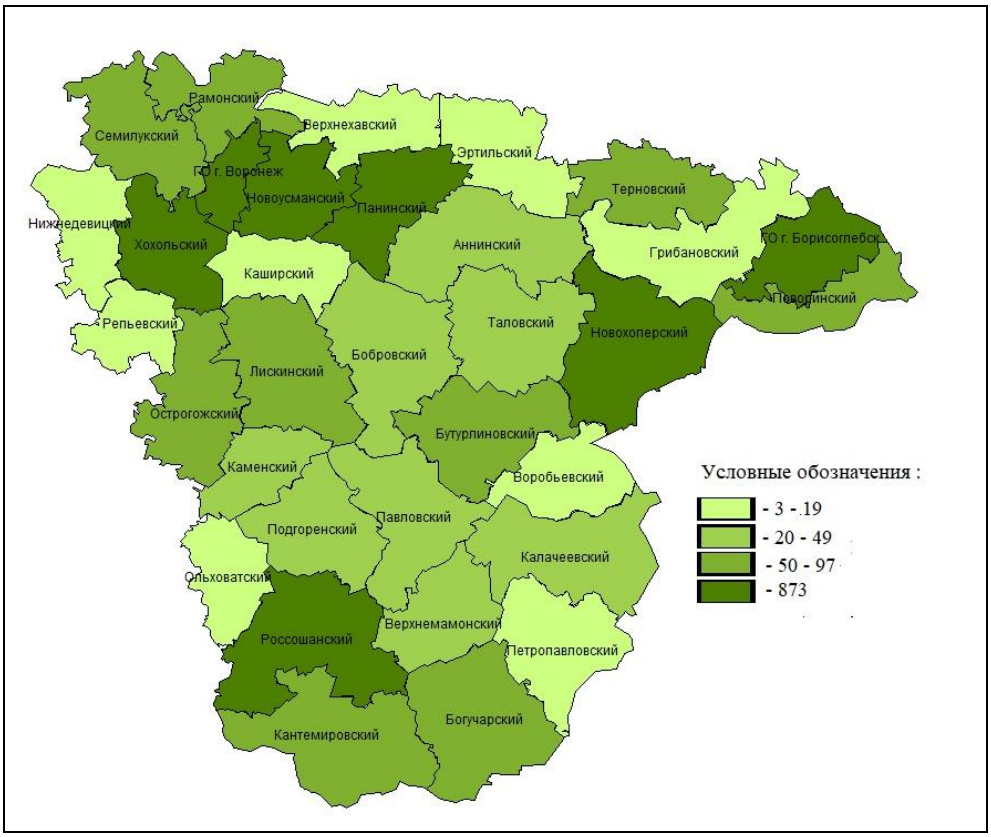

Рис.9. Обследовано на ВИЧ-инфекцию населения и контингентов ключевых групп (больных с ИППП)

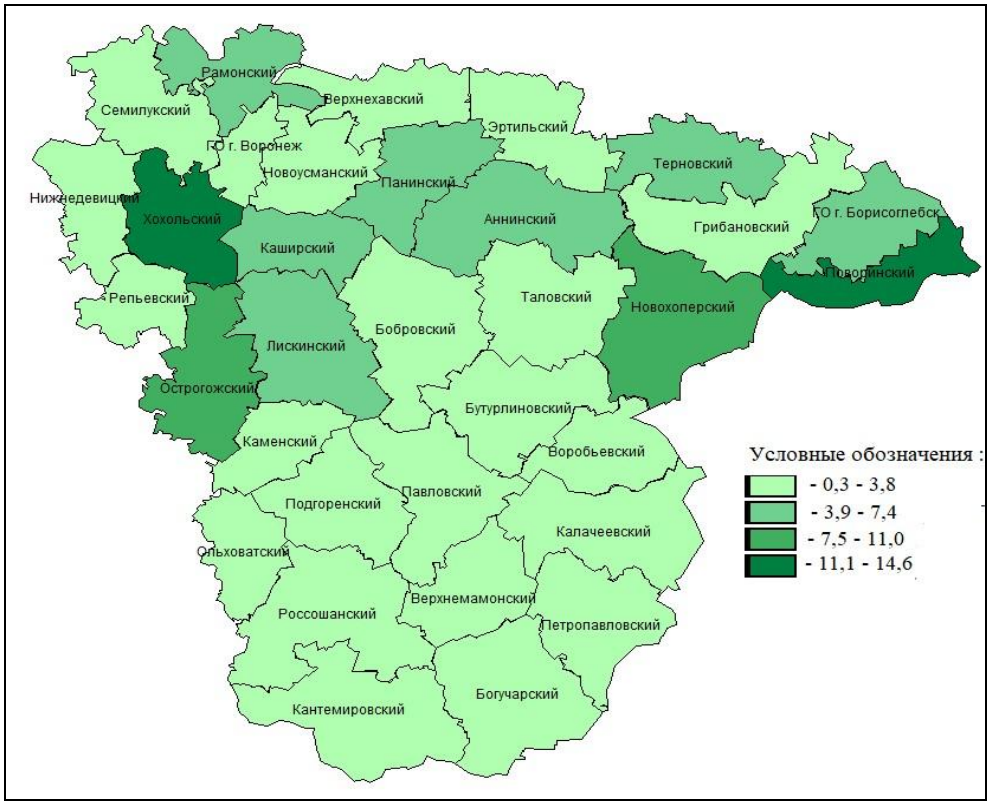

Рис.10. Больные ВИЧ-инфекцией (больных с ИППП) (кратность раз)

Обследования на ВИЧ больных с подозрением или подтверждёнными инфекциями, передаваемыми половым путём, в целом по области налажены, основная масса обследуется на ВИЧ-инфекцию не менее 2-х раз за время диспансерного наблюдения. Низкий охват обследованиями на ВИЧ лиц с ИППП в Нижнедевицком, Репьевском и Эртильском районах объясняется отсутствием преемственности в отчетных сведениях: больные с ИППП наблюдаются и обследуются в БУЗ ВО «ВОККВД» и межрайонных КВД, сведения по районам в отчете лабораторий ИФА не выделяются.

С травмами, полученными при проведении медицинских манипуляций ВИЧ- инфицированным пациентам и пациентам с неизвестным ВИЧ-статусом, обратились 18 медработников, двенадцати из них назначен курс АРВТ. Не назначен курс постконтактной АРВТ 5 медработникам, получившим травмы от пациентов с неизвестным на момент травмы ВИЧ-статусом, у которых впоследствии были получены отрицательные результаты обследования на ВИЧ, и медсестре МСЧ-33, получившей травму при обслуживании пациента с неуточненным на момент аварии ВИЧ-статусом, но имеющим положительный результат исследования на ВИЧ, поздно обратившейся за постконтактной профилактикой.

Таким образом, в Воронежской области в 2018 г. эпидемическая ситуация по ВИЧ-инфекции остается напряженной, поддерживается за счёт активной передачи вируса в среде потребителей наркотических веществ, но наметилась тенденция к снижению ее доли. Общее число больных увеличивается, в том числе за счет выявленных в старших возрастах и на продвинутых стадиях ВИЧ-инфекции, что влияет на число смертей ВИЧ-инфицированных.

Список литературы

1. Яковенко Н.В. "Качество жизни населения" как научная категория демографии/Яковенко Н.В.//Экология урбанизированных территорий. 2007. № 1. С. 41-46.
2. Яковенко Н.В., Марков Д.С., Молодцева А.А., Туркина Е.П. Факторы окружающей среды в формировании здоровья населения ивановской области (атмосферный воздух)//Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 461.
3. Яковенко Н.В. Гигиена населенных мест и ее влияние на здоровье населения Ивановской области//Проблемы региональной экологии. 2009. № 2. С. 123-130.
4. О ситуации по ВИЧ-инфекции в Воронежской области, Международном дне памяти умерших от СПИДа и мерах профилактики //Url.: http://36.rospotrebnadzor.ru/news/20713
5. Информационный бюллетень. Эпидемическая ситуация по ВИЧ-инфекции по состоянию на 30.06.2018 г. //Url.: http://spid.zdrav36.ru/files/YSjMgadd_2018.pdf.

УДК 332.1.

Сафонова Ирина Вячеславовна
преподаватель кафедры экологии, защиты леса и лесного охотоведения, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Россия
Яковенко Наталия Владимировна
д.г.н., профессор, главный научный сотрудник, директор НИИ ИТЛК, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж, Россия

Индекс человеческого развития в регионах Центрального Федерального округа[96]

Тенденции экономического развития нового институционального общества требуют уделять особое внимание возможности применения опыта развитых стран по формированию человеческого капитала как необходимого условия конкурентоспособности национальной экономики. Человеческий капитал как потенциальный ресурс экономического развития стран влияет на качество и уровень жизни населения и социально-трудовые отношения [2]. В структуре различных видов капитала человеческого капитала, его рациональное использование становится стратегическим ресурсом общественного развития, ключевым фактором создания конкурентных преимуществ и рост благосостояния общества [1].

[96] Исследование подготовлено в рамках проекта РФФИ 19-29-07400 мк

Для всех регионов ЦФО характерен рост значения индекса человеческого развития (ИЧР) в 2017 г. по сравнению с 2013 г. (таблица 1). Традиционно для Российской Федерации лидирующие позиции по данному показателю занимают г. Москва и г. Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тюменская область и республика Татарстан - федеральные города и ведущие экспортные, нефтяные и металлургические регионы с более сбалансированным развитием, в которых высок охват образованием и показатели долголетия соответствуют среднероссийскому уровню, а также достаточно высок уровень доходов населения. Именно эти регионы можно отнести к группе с очень высоким ИЧР (>0,9). Для России за период наблюдений с 2013 по 2017 гг. темп роста составил всего 0,02%.

Для ЦФО стабильно высокие значения отмечаются в г. Москва, Белгородской и Курской области, но только г. Москва можно отнести к группе с очень высоким ИЧР, остальные же регионы стабильно попадают в группу с высоким ИЧР со значениями >0,8, за исключением Ивановской области, которая в 2013 г. относилась к группе со средним значением ИЧР со значением 0,778.

Таблица 1 – ИЧР населения ЦФО за период с 2013 по 2017 гг.

Регион	2013			2014			2015			2016			2017			Темп роста за 5 лет,%
	ИЧР	Место в России	Место в ЦФО	ИЧР	Место в России	Место в ЦФО	ИЧР	Место в России	Место в ЦФО	ИЧР	Место в России	Место в ЦФО	ИЧР	Место в России	Место в ЦФО	
Белгородская область	0,89	5	2	0,89	5	2	0,89	8	2	0,9	7	2	0,91	6	2	2,21
Брянская область	0,8	64	16	0,83	69	17	0,84	67	16	0,84	67-69	17	0,84	67	17	5,45
Владимирская област	0,8	62	15	0,83	63	15	0,84	64	14	0,84	60-62	13	0,85	61	13	5,99
Воронежская область	0,81	43	9	0,86	22	6	0,87	19	5	0,87	19-21	4	0,88	21	4	7,82
Ивановская область	0,78	77	18	0,81	77	18	0,82	75	18	0,82	78	18	0,83	79	18	5,93
Калужская область	0,82	34	7	0,86	33	8	0,86	37	11	0,86	33-35	8	0,87	32	8	6,18
Костромская область	0,81	54	11	0,84	52	13	0,84	56	13	0,84	60-62	14	0,85	64	16	5,06
Курская область	0,84	14	3	0,87	14	4	0,87	16	4	0,87	19-21	5	0,88	23	6	4,55
Липецкая область	0,83	17	4	0,87	13	3	0,88	15	3	0,88	15-17	3	0,89	17	3	5,98
Московская область	0,82	35	8	0,86	29	7	0,87	21	7	0,87	19-21	6	0,88	21	5	7,03
Орловская область	0,82	29	6	0,85	38	11	0,86	36	9	0,86	38-39	11	0,87	37	10	5,29
Рязанская область	0,81	47	10	0,85	35	10	0,86	37	10	0,84	64-66	15	0,87	35	9	6,89
Смоленская область	0,8	57	13	0,84	54	14	0,84	61	15	0,86	33-35	9	0,85	61	14	5,52
Тамбовская область	0,81	55	12	0,86	34	9	0,86	28	8	0,86	33-35	10	0,87	39	11	7,04
Тверская область	0,8	66	17	0,83	64	16	0,83	65	17	0,84	67-69	16	0,85	61	15	6,35
Тульская область	0,8	59	14	0,85	47	12	0,85	43	12	0,86	43-45	12	0,87	43	12	7,50
Ярославская область	0,83	23	5	0,87	18	5	0,87	23	6	0,87	24-25	7	0,88	23	7	5,80
г. Москва	0,93	1	1	0,95	1	1	0,95	1	1	0,95	1	1	0,96	1	1	3,02

- очень высокий уровень развития (ИЧР > 0,9)
- высокий уровень развития (0,8 > ИЧР > 0,9)
- средний (0,5 > ИЧР > 0,8)

Темп роста за пятилетний период стабильно превышает российский показатель, наибольшие темпы роста отмечаются в Воронежской, Тульской, Тамбовской и Московской областях (>7%). Интересно, что наименьшие темпы роста наблюдались у регионов-лидеров по значению ИЧР – г. Москва (+3%) и Белгородской области (+2,2 %). Это можно объяснить тем, что данные регионы уже ранее достигли достаточно высоких значений ИЧР, после чего темпы роста существенно сократились. Для г. Москва подобные

низкие темпы роста может быть связана также с постоянным ростом численности населения.

Полученные результаты позволяют сделать выводы, что большинство населения ЦФО на настоящий момент живут в относительно благополучных регионах и уровень человеческого развития в этих регионах имеет тенденцию к повышению. В Воронежской области значения всех показателей, используемых для расчёта ИЧР устойчиво возрастали: индекс дохода вырос на 1,2%; индекс долголетия – на 2,5%; индекс образования – на 1,4% (сравнивались значения индексов в 2013 и 2016 гг.) (таблица 2, 3).

Таблица 2 - Значения показателей для расчета индекса человеческого развития в ЦФО в 2013 г.

Регион	Душевой ВВП, долл. ППС	Индекс дохода	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет	Индекс образования
РФ	**25 018**	**0,922**	**70,76**	**0,763**	**99,7**	**0,792**	**0,929**
ЦФО							
Белгородская область	27 833	0,939	72,16	0,786	99,7	0,811	0,935
Брянская область	13 478	0,818	69,75	0,746	99,6	0,777	0,923
Владимирская области	14 807	0,834	69,13	0,736	99,7	0,781	0,925
Воронежская область	18 948	0,875	70,89	0,765	99,6	0,815	0,936
Ивановская область	10 747	0,781	69,84	0,747	99,7	0,772	0,922
Калужская область	21 264	0,895	70,02	0,75	99,8	0,78	0,925
Костромская область	15 583	0,843	69,86	0,748	99,6	0,802	0,931
Курская область	18 997	0,876	70,14	0,752	99,6	0,932	0,975
Липецкая область	20 847	0,891	70,66	0,761	99,6	0,793	0,928
Московская область	22 096	0,901	0,901	70,78	99,9	0,7	0,899
Орловская область	16 946	0,857	70,22	0,754	99,6	0,866	0,953
Рязанская область	16 983	0,857	70,74	0,762	99,7	0,815	0,936
Смоленская область	16 202	0,849	68,9	0,732	99,7	0,83	0,941
Тамбовская область	16 258	0,85	70,93	0,766	99,5	0,771	0,92
Тверская область	14 561	0,831	68,13	0,719	99,7	0,799	0,931
Тульская область	16 657	0,854	69,41	0,74	99,7	0,759	0,918
Ярославская область	19 995	0,884	70,45	0,854	99,8	0,856	0,951
г. Москва	44 646	1	76,37	0,856	99,99	0,923	0,974

В 2013 г. Воронежская область занимала 43 место в РФ и 9 в ЦФО по значению ИЧР населения, в 2017 г. – 21 место в РФ и 4 место в ЦФО. В 2016 г. значение ИЧР населения Воронежской области (значение 0,87) соизмеримо со значением аналогичного показателя такой страны, как Эстония (значение 0,873). К 2017 г. значение ИЧР населения Воронежской области приблизилось к значению ИЧР населения по РФ, и, как ожидается существенно превысит его в ближайшие годы (по оптимистичному прогнозу) (рисунок 1).

Наблюдается также тенденция к сокращению разницы между значением ИЧР населения у региона-лидера по ЦФО – г. Москва, и Воронежской области, и, в то же время, увеличение разрыва между значением ИЧР населения Воронежской области и аналогичным показателем региона-аутсайдера по ЦФО – Ивановской области.

Таблица 3 - Значения показателей для расчета индекса человеческого развития в ЦФО в 2016 г.

Регион	Душевой ВВП, долл. ППС	Индекс дохода	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7-24 лет	Индекс образования
РФ	**24877**	**0,921**	**71,9**	**0,781**	**99,7**	**0,83**	**0,941**
ЦФО	**9267**	**0,948**	**73,1**	**0,801**	**99,8**	**0,863**	**0,953**
Белгородская область	28147	0,941	72,9	0,798	99,7	0,857	0,95
Брянская область	13164	0,815	70,9	0,765	99,6	0,819	0,937
Владимирская области	14988	0,836	70,3	0,755	99,7	0,822	0,939
Воронежская область	20148	0,886	72,1	0,785	99,6	0,856	0,949
Ивановская область	9659	0,763	70,8	0,763	99,7	0,819	0,938
Калужская область	19703	0,882	71,2	0,77	99,8	0,819	0,938
Костромская область	14330	0,829	70,9	0,765	99,6	0,812	0,935
Курская область	19778	0,882	70,9	0,766	99,6	0,919	0,97
Липецкая область	24708	0,92	71,6	0,777	99,6	0,815	0,936
Московская область	23060	0,908	72,5	0,792	99,9	0,762	0,92
Орловская область	16974	0,857	70,7	0,762	99,6	0,897	0,963
Рязанская область	16776	0,855	71,9	0,781	99,7	0,852	0,949
Смоленская область	14730	0,833	70	0,75	99,7	0,817	0,937
Тамбовская область	17554	0,863	72,1	0,785	99,5	0,832	0,941
Тверская область	14950	0,836	70,6	0,737	99,7	0,834	0,943
Тульская область	19318	0,879	69,2	0,759	99,7	0,818	0,937
Ярославская область	19976	0,884	71,2	0,77	99,8	0,872	0,956
г. Москва	41836	1	77,1	0,868	100	0,969	0,989

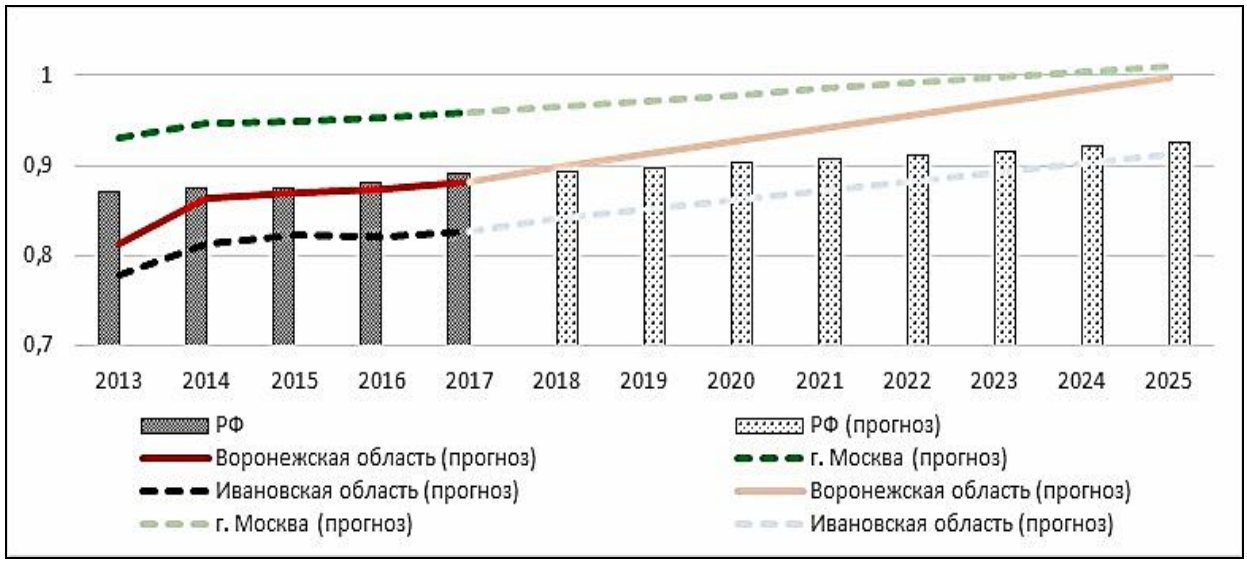

Рис.1. Динамика ИЧР населения Воронежской области сравнительно со значениями ИЧР по РФ, а также максимальным (г. Москва) и минимальным (Ивановская область) значениями ИЧР по ЦФО

Таким образом, а результатам проведенного исследования можно утверждать, что имеющаяся неравномерность в любом ее проявлении ограничивает выбор людей, сужает диапазон возможностей, замедляя прогресс. Масштабное неравенство в сфере благосостояния людей заставляет поставить под сомнения устойчивость прогресса человеческого развития. Диспропорции внутри и между странами продолжают тормозить

прогресс. В детстве и юности гендерный разрыв сокращается, но в зрелом возрасте неравенство стойко сохраняется. Именно поэтому дальнейшие исследования оценки качества развития не должны ограничиваться лишь Индексом человеческого развития, ведь он скрывает неравенство в распределении человеческого развития среди населения на уровне страны. Именно поэтому важно учитывать социально-экономические неравенства во всех трех плоскостях ИЧР, а также дифференцировать ИЧР по половому признаку, соотношениям женского и мужского ИЧР, рассчитывая Индекс гендерного развития (ИГР).

Список литературы

6. Черепніна О.І.Р Розвиток видів капіталу і підвищення конкурентоспроможності національної економіки// Теоретичні та прикладні питання економіки. 2011. Вип. 26. С. 168–172.

7. Яковенко Н.В. "Качество жизни населения" как научная категория демографии/Яковенко Н.В.//Экология урбанизированных территорий. 2007. № 1. С. 41-46.

УДК 911.37 (470.3)

Селищев Евгений Николаевич
старший преподаватель кафедры социально-экономической географии и туризма, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

Пространственные «дивизионы» третьих городов Центрального федерального округа России

Аннотация. *В статье рассматриваются третьи города Центрального федерального округа. Обосновано выделение трех пространственных «дивизионов» городов в пределах округа. Выявлены географические особенности и факторы формирования третьих городов. Определен уровень урбанизированности пространственных «дивизионов». Представлен анализ доли первого, второго и третьего городов в городском населении регионов.*

Ключевые слова: *Центральный федеральный округ, третий город, пространственный «дивизион», особенности, факторы*

Третьи города Центрального федерального округа (среди них особенно распространены малые и средние города) важны и имеют большое значение, поскольку совместно с сельской местностью формируют «пространственное поле» регионов. Данные города имеют третью численность населения в каждой области федерального округа и представляют собой определенные «реперные точки», необходимые для изучения урбанистической структуры территорий.

К третьим городам федерального округа относятся: Губкин (Белгородская обл.), Новозыбков (Брянская обл.), Муром (Владимирская обл.), Борисоглебск (Воронежская обл.), Шуя (Ивановская обл.), Людиново (Калужская обл.), Буй (Костромская обл.), Курчатов (Курская обл.), Грязи (Липецкая обл.), Химки (Московская обл.), Мценск (Орловская обл.), Скопин (Рязанская обл.), Рославль (Смоленская обл.), Рассказово (Тамбовская обл.), Вышний Волочек (Тверская обл.), Донской (Тульская обл.), Тутаев (Ярославская обл.).

По разным причинам третьи города федерального округа оказались вне «поля зрения» исследователей. Однако без третьих городов большие, крупные и крупнейшие города станут практически «кораблями в пустыне». Третьи города в условиях ремиссии «ткани» населенных пунктов могут стать значимыми центрами для окружающей территории. К тому же, города с численностью населения до 100 тыс. чел. признаются наиболее оптимальными для жизни, поскольку они относится к гетеротрофной экосистеме (по Ю. Одуму). Третьи города Центральной России на практике соответствуют этому критерию.

Поэтому в настоящей статье предпринята попытка географического анализа третьих городов Центрального округа с позиций экономической и социальной географии. Указанный анализ представляет собой географическую дифференциацию на основе определенных групп – так называемых пространственных «дивизионов» третьих городов.

Исходя и комплекса природных, исторических, географических детерминант в настоящей статье нами выделены три «дивизиона» третьих городов Центрального федерального округа: Северный Верхневолжский, Центральный и Южный Черноземный.

Северный Верхневолжский «дивизион» третьих городов соответствует макрорегиону Верхневолжья. Он включает города: Вышний Волочек (Тверская обл.), Тутаев (Ярославская обл.). Буй (Костромская обл.), Шуя (Ивановская обл.).

Центральный «дивизион» третьих городов включает: Рославль (Смоленская обл.), Химки (Московская обл.), Муром (Владимирская обл.), Скопин (Рязанская обл.), Людиново (Калужская обл.), Донской (Тульская обл.)

Южный Черноземный «дивизион» самый многочисленный. В него входят города: Новозыбков (Брянская обл.), Мценск (Орловская обл.), Грязи (Липецкая обл.), Рассказово (Тамбовская обл.), Курчатов (Курская обл.), Борисоглебск (Воронежская обл.), Губкин (Белгородская обл.).

Рассмотрим отдельно Северный Верхневолжский, Центральный и Южный Черноземный «дивизионы» третьих городов макрорегиона с географических и социально-экономических позиций.

К сожалению, специфика достаточно компактной работы не позволяет подробно отразить все вопросы развития пространственных «дивизионов» третьих городов. Далее сформулируем лишь некоторые географические особенности «дивизионов» и городов в тезисной форме.

На севере Центрального федерального округа третьи города формировались, прежде всего, как опорные пункты для защиты от внешних вторжений, торговой деятельности, на основе выполнения несельскохозяйственных функций, часто вырастая из рабочих поселков [1]. Для Северного Верхневолжского «дивизиона» огромную роль играет фактор расстояния (Вышний Волочек, Буй, Тутаев и др.).

Городские поселения Центрального «дивизиона» известны разнообразием экономической деятельности. Значение и историческая ценность многих городов обусловлена формированием на данной территории великоруской народности. Фактически это сакральные земли русских людей. Данные города всегда славились своими мастерами. Здесь поддерживалась обороноспособность страны, создавалась средневековая Засечная черта. Интегрирующую роль здесь играет столица, поскольку Москва была и остается главным организующим центром страны в целом и округа в частности, города Московской обл. крупнее и разнообразнее по выполняемым функциям.

На юге округа причины возникновения городов были довольно дифференцированы. Первоначально это могли быть форпосты русского присутствия, укрепленные поселения, созданные для защиты Москвы от врагов. Здесь так же создавались засечные оборонные рубежи (например, Белгородская черта). Среди населенных пунктов Центрального дивизиона встречаются поселения, созданные в развитых промышленных и сельскохозяйственных районах, на транспортных путях, в местах добычи полезных ископаемых и т.д.

Впрочем, рассмотрим данные тезисы, включая все города трех пространственных «дивизионов». Прежде всего, обратим внимания на такие факторы формирования третьих городов, как оборонно-географические, транспортно-географические, промышленно-географические или другие (рис. 1).

Разумеется, предложенное деление городов достаточно условно, относительно (и в то же время символично), поскольку факторы создания городских поселений всегда комплексны, многообразны, диверсифицированы. Тем не менее, отмеченные нами факторы проявились наиболее очевидно, явно и рельефно.

Большинство городов всех трех дивизионов были основаны в XVI XIX вв., когда происходило укрепление российской государственности и осуществлялся промышленный подъем.

Для определения уровня урбанизированности по пространственным «дивизионам» федерального округа, нами рассчитана доля городского населения (в %), проживающего в первом, втором, третьем городах каждой области федерального округа.

Представляется полезным осуществить мониторинг не абсолютной численности населения третьих городов дивизионов, а их относительный вес, доля в сравнении с первыми и вторыми городами своих регионов, что отмечено на рис. 2.

Рис. 1. Факторы формирования городов пространственных «дивизионов» Центрального федерального округа

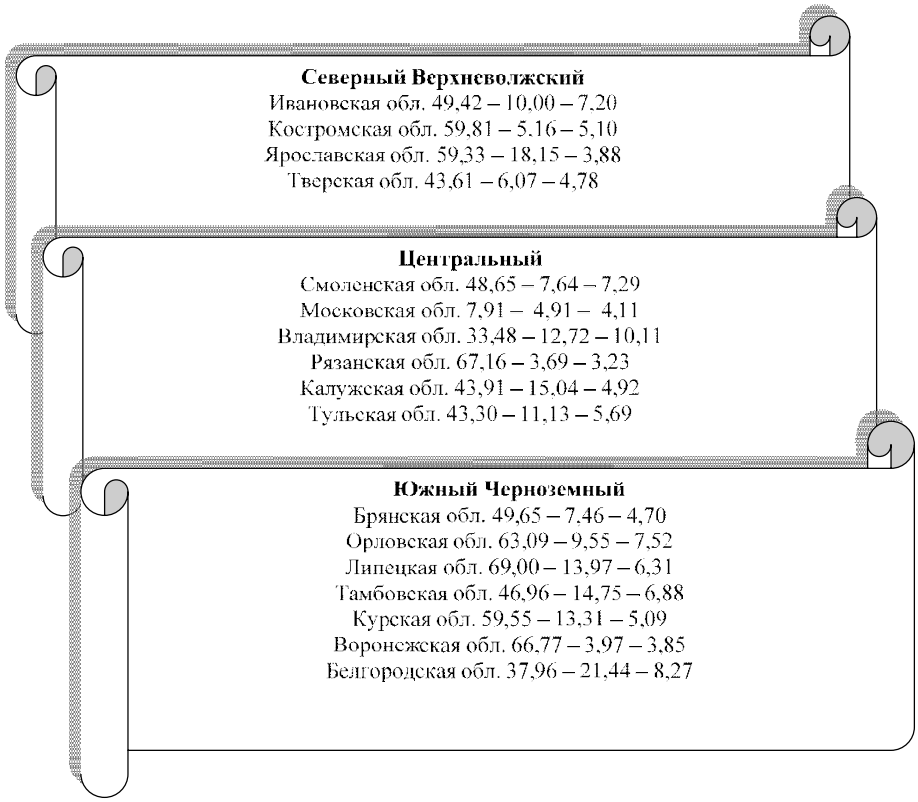

Рис. 2. Доля первого, второго и третьего городов в городском населении регионов Северного Верхневолжского, Центрального, Южного Черноземного «дивизионов» (в %)* Составлено по [2].

*Примечание: цифры означают соответственно долю первого, второго, третьего городов в каждом регионе.

Выше всего доля первого города (более 60%) наблюдается в отдельных субъектах федерации Центрального и Южного Черноземного дивизионов, а именно – в Рязанской, Воронежской, Липецкой, Орловской обл. Самые низкие показатели (менее 40%) – в Московской, Владимирской, Белгородской обл. Впрочем, Московская обл. необычна тем, что она фактически сформирована населенными пунктами – спутниками, в различной степени корреспондированными, связанными со столицей нашей страны. Положение таких городов области в «тени» Москвы не позволило им развиться до размеров крупнейших городов. Города Московской обл. в значительной степени утратили автономность, став частью единого столичного урбанизированного ареала.

Самые большие вторые города сформировались в Ярославской и Белгородской обл. Достаточно диверсифицированная урбанизированная система создана в Белгородском регионе [3].

Подавляющее большинство третьих городов имеют долю в городском населении «родных» регионов всего в пределах 3-8% (особый случай – Владимирская обл.). Наименьшая людность третьих городов наблюдается в Северном Верхневолжском «дивизионе». Кстати, различия между вторым и третьим городами Костромской обл. (Шарья и Буй) минимальны.

Наиболее ослаблено положение третьих городов в Ярославской, Рязанской, Воронежской обл. Реально доля третьих городов в регионах всех дивизионов еще скромнее, поскольку люди трудоспособного возраста только зарегистрированы в данных городах, а по факту проживают в областных центрах, столице, других регионах.

В урбанизации регионов Центрального федерального округа, несмотря на продолжительный характер городского развития, городские процессы так и остались до конца незавершенными. То есть пока третьи города не стали полноправными фокусами притяжения населения и социально-экономической деятельности.

Итак, мы видим, что во всех дивизионах федерального округа (несмотря на некоторые своеобразие и самобытность) проявляются общие черты и особенности третьих городов. Третьи города, по сути, оказались в промежуточном положении между крупными и крупнейшими городами и самыми малыми населенными пунктами. Эти города в областях округа выступают как межрайонные центры. С одной стороны многие третьи города уже вышли из архаичного «сельского» состояния и имеют свойства значительных центров, с другой стороны – они по многим параметрам уступают, не дотягивают до первых и вторых городов своих регионов.

Список литературы

1. Смирнов И.П. Средние города Центральной России / Смирнов И.П.Тверь: Тверской гос. ун-т., 2019. 165 с.

2. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года [Электронный ресурс].

– URL http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (Дата обращения: 29.04.2020).

3. Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Романов И.В. Результаты и тренды развития региональной системы расселения в эпоху неолиберальной урбанизации (на материалах Белгородской области) // Географический вестник. 2019. № 2(49). С. 34–45.

УДК 314.044

Субботина Ирина Алексеевна
к.ист.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия
Остапенко Любовь Викторовна
к.ист.н., старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

Брачно-репродуктивные установки русской провинциальной молодежи

Аннотация. *В статье исследуются вопросы брачно-репродуктивных ориентаций русской молодежи малых российских городов, где социально-демографические проблемы в настоящее время стоят особенно остро и требуют к себе серьезного внимания. В качестве основного источника в работе используются материалы этносоциологического опроса, проведенного в 2018 г. сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН в двух малых городах Центральной России – Белеве (Тульская область) и Старице (Тверская область). Для сравнения привлекаются данные исследования, осуществленного в том же году по близкой программе в Москве. Анализируя гендерные и возрастные характеристики респондентов, авторы показывают трансформацию взглядов молодого поколения горожан по сравнению со старшим, общее и особенное в ориентациях на брак и семью мужской и женской части провинциальной молодежи.*

Ключевые слова: *брачные и репродуктивные установки, русская молодежь, малые города*

Постсоветский период в России был отмечен нарастанием в стране социально-демографических проблем, в частности снижением численности народонаселения. Начиная с 2010 г. численность населения в России стала постепенно возрастать, но и к 2017 г. все еще не достигла показателей 1990 г. [5, с.85].

Особенно остро встала проблема социально-демографического развития малых городов, т.к. именно малые города претерпели наиболее

тяжелые испытания в процессе перехода страны к рыночной экономике и экономического кризиса. По данным исследователей, малочисленные города России, расположенные вдали от крупных городских поселений, не обладающие развитой экономической и социальной сферами, не имеют демографической перспективы.

Социально-экономические потрясения, произошедшие в ходе реформ, ухудшили условия жизни основной части населения малых городов, посеяли неуверенность в завтрашнем дне, что заставило людей вырабатывать для себя новые стратегии брачного и репродуктивного поведения, в наибольшей мере соответствующие общей стратегии выживания в кризисных условиях.

Между тем, к 2018 г. удельный вес городов с численностью до 50 тысяч человек в системе расселения вырос по сравнению с 1989 г. с 34 до 40% [1]. В 2018 г. население в городах с численностью ниже 20 тыс. чел. увеличилось с 4,3 млн. чел. (1989 г.) до 5,0 млн. чел. [1], т.е. около 5% городского населения России проживает в таких крохотных городках. Эти города по-прежнему играют определенную роль в картине сложившегося пространственного развития своих регионов, в сохранении народных традиций, исторического культурного наследия.

Выбранные нами для исследования города – Белев (Тульская обл.) и Старица (Тверская обл.) расположены в историческом центре русской государственности – Центральной России, где наблюдается самая большая демографическая убыль населения. Если ЦФО является самым депрессивным, с демографической точки зрения, регионом России, то Тульская и Тверская области, входят в пятерку областей с наихудшими показателями демографического воспроизводства этого региона. Белев и Старица – это очень маленькие города, численность населения которых ниже 15 тыс. человек. Они находятся на значительном расстоянии от областных центров. Белев относится к городам с устойчивой убылью населения, хотя в советский период динамика численности населения этого города была неизменно позитивной. Согласно данным статистики, ежегодно Белев теряет свыше 1% своих жителей.

В Старице весь советский период и до начала 2000-х гг. численность населения последовательно росла, но затем и здесь число горожан начало сокращаться [5]. Ежегодные потери населения Старицы в среднем были почти в два раза ниже, чем в Белеве, и составили около 0,6% численности горожан.

Низкий уровень рождаемости, миграционный отток молодежи в значительной степени повлияли на возрастную структуру населения малых городов. По данным переписи населения 2010 г., доля людей старше трудоспособного возраста превысила долю молодежи в 2,2 раза. [2].

В последующее после переписи населения 2010 г. десятилетие при неизменном снижении абсолютного числа горожан удельный вес молодежи в Белеве последовательно возрастал, но, росла и доля лиц старше трудоспособного возраста, достигнув почти 30%. Одновременно с этим шло сокращение доли трудоспособного населения (с 57,4% в 2011 г. до 53,4% в

2017 г.), прежде всего вследствие миграционного оттока из города лиц трудоспособного возраста. В Старице демографическая ситуация складывалась схожим образом.

Русская молодежь, о которой идет речь в статье, - это горожане Белева и Старицы в возрасте от 16 до 29 лет, представленные учащимися старших классов школ, студентами колледжей, работающей и неработающей молодежью, это представители того поколения русских, которое выросло в совершенно новой политической, экономической и социальной реальности России. Исследование, некоторые итоги которого предложены в данной статье, было выполнено сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН в 2018 г., число молодежи, попавшей в выборку, составило более 200 человек в обоих городах [3, с. 11].

Говоря о брачно-семейной сфере, особое внимание следует уделить вопросу стабильности/трансформации такого института как брак, изменениям брачных и репродуктивных установок населения, в особенности молодежи. Изменение отношения к браку зачастую приводит к замене супружеских отношений партнерскими, а многовариантность брачных союзов предоставляет молодым людям большую свободу, так ценимую молодежью, но в то же время способствует снижению рождаемости.

Материалы этносоциологического исследования, проведенного в 2018 г. в Белеве и Старице, показали, как в настоящее время относится к браку русская молодежь провинциальных городов Центральной России. Возрастная, поколенческая дифференциация установок на обязательность брачных отношений проявилась очень отчетливо. Среди респондентов в возрасте 50 лет и старше, в сравнении с молодыми людьми 16-29 лет, оказалось в два раза больше тех, кто считает обязательным вступление в брак (соответственно 46 и 23%).

В то же время материалы опроса выявили очень небольшие гендерные различия в отношении обязательности брачных отношений: если строго обязательным вступление в брак считали 25% юношей и 21% девушек, то на необязательность брачных отношений были несколько чаще ориентированы девушки (соответственно 19% и 24%).

Материалы этносоциологического опроса русской молодежи Москвы, также проведенного в 2018 г., дали возможность сравнить ориентации на брак русской провинциальной и столичной молодежи. Молодежи Москвы, более урбанизированной, образованной, активно усваивающей стандарты жизни Запада, свойственно несколько иное отношение к браку, чем жителям русской провинции: среди столичной молодежи значительно (в 1,7 раза) больше тех, кто признает необязательность брачных отношений (соответственно 36 и 21%).

Новизна гендерных отношений проявляется в их новой организации, т.е. в появлении альтернативных видов брака, в том числе так называемого гражданского брака, брака без официальной регистрации. Так, на вопрос: «Обязательно ли регистрировать брак или можно жить в гражданском браке, без регистрации?» у опрошенных жителей малых городов возрастная

дифференциация проявилась весьма заметно: чем старше население, тем весомее установки на обязательность официальной регистрации брака. Так, среди жителей старше 50 лет вдвое больше, чем среди молодежи, тех, кто выступает за обязательную регистрацию брачных отношений (44% и 22% соответственно). Чем моложе население, тем более распространенным является мнение о необязательности и ненужности регистрации брака: среди опрошенной молодежи 16-29 лет так считает 20% опрошенных, тогда как среди респондентов старше 50 лет такой установки придерживается только 12% .

Различия в этом вопросе между провинциальной и столичной русской молодежью очень отчетливы: у молодых москвичей в два раза чаще, чем у молодежи провинции, встречается установка на необязательность официальной регистрации брачных отношений (соответственно 41 и 20%).

Перейдя от анализа брачных установок русского населения провинциальных городов к реальной структуре брачных отношений, мы видим (по результатам опроса 2018 г.), что такое явление как незарегистрированный брак становится все более распространенным (12% по всему массиву опрошенных), при этом наиболее часто подобные браки отмечаются в возрастной группе 30-49 лет (16%).

Сравнение брачной структуры молодежи в возрасте 16-29 лет, живущей в малых российских городах и в столице, дает возможность говорить о сходстве и различиях, наблюдаемых в брачном состоянии молодых людей провинции и высоко урбанизированной среды Москвы. В среде столичной молодежи более высока доля тех, кто еще не состоит в браке (78% и 68% соответственно). И если удельный вес состоящих в официально незарегистрированном браке и в столице, и в провинции примерно одинаков (11% и 10% соответственно), то соотношение зарегистрированных и незарегистрированных браков сильно различается. У провинциальной молодежи на 1 незарегистрированный брак приходится 2 официально зарегистрированных брака, в то время как у московской молодежи доля незарегистрированных браков даже несколько превышает долю зарегистрированных (11 и 8% соответственно).

Очень важным видится выяснение репродуктивных установок русской молодежи провинции. В анкете был поставлен вопрос, нацеленный на выявление идеальных представлений о числе детей в семье, складывающихся без учета конкретной жизненной ситуации: «Сколько детей лучше всего иметь в семье?». Распределение ответов на данный вопрос выглядело следующим образом. Наиболее распространенной у молодежи была установка на двоих детей: ее придерживался 51% опрошенных. Установка на троих и большее число детей была характерна для 17% респондентов. Одного ребенка в семье в качестве идеального числа назвали только 14% молодых жителей малых городов. Бездетную семью идеальной признали лишь 2% опрошенных. Среднее идеальное число детей у молодежной группы составило 2,0 ребенка, тогда как среди горожан старше 50 лет этот показатель составил 2,3 ребенка.

Если сравнить репродуктивные установки русской молодежи провинции и столицы, то можно увидеть существенное сходство и определенные различия в идеальных представлениях о количестве детей в семье. В столице наблюдается больший разброс мнений: только 42% опрошенных идеальной назвали двухдетную семью, а полярные ответы («один ребенок» и «без детей» на одном полюсе, «трое и более детей» – на другом) выбрало по 21% респондентов. В итоге, и в провинции, и в столичном городе у русской молодежи среднее идеальное число детей в семье равно 2,0 ребенка.

Исследование 2018 г. показало наличие гендерных различий в репродуктивных установках русской молодежи провинции и Москвы. Молодые люди существенно чаще, чем девушки (примерно в полтора раза) ориентировались на троих и более детей [4, с.19].

Таким образом, две трети опрошенных представителей русской провинциальной и столичной молодежи в возрасте от 16 до 29 лет ориентированы на двух и более детей в семье. Молодежи, ориентированной на бездетную жизнь, оказалось чрезвычайно мало –2-4% опрошенных. Примерно каждый пятый респондент высказал идеальную установку на троих и более детей. Это является позитивной демографической тенденцией, которая требует всестороннего изучения и поддержки, ибо реализация таких репродуктивных установок может обеспечить России выход из демографического тупика, нацелив молодое поколение русских на расширенное демографическое воспроизводство.

В этой связи немалый интерес представляет анализ влияния материальных факторов на репродуктивное поведение жителей провинции. Сравнение данных об идеальном количестве детей у респондентов с разным уровнем доходов показало, что в настоящее время все сильнее стало проявляться негативное влияние низкого уровня жизни на репродуктивные установки. Люди с более высоким достатком готовы иметь большее число детей, чем люди с низким. Соответственно на многодетные семьи (от 3 детей более) были ориентированы 25% горожан с доходами выше средних и только 15% малообеспеченных.

Проведенный краткий анализ позволяет сделать вывод, что стереотипы демографического поведения русской молодежи малых городов оказались динамичными, подвижными, и под воздействием стремительно изменяющихся социальных, экономических и этнокультурных факторов довольно быстро заменяются новыми демографическими феноменами. При этом женщины заметно быстрее мужчин освобождаются от традиционных стереотипов брачного и репродуктивного поведения. Новые демографические феномены зачастую противоречат друг другу. Так, например, при снижающейся установке на обязательность брачных союзов, у молодых людей отмечается четкая установка на большее число детей в семье. Совокупность сегодняшних норм и стереотипов демографического, в том числе брачного и репродуктивного поведения русской молодежи в рамках сложившейся в последние десятилетия этнокультурной традиции, морали или уже вне ее,

является неотъемлемой частью капитала русской культуры, составляющего значительную долю человеческого, демографического капитала – основного фактора инновационного развития России.

Список литературы

1. Государственный комитет по статистике РФ. URL:https://gks.ru/bgd/regl/b18_13/IssWWW.exe/Stg/d01/04-13.doc
2. Государственный статистический комитет Тульской обл. URL: //http://www.tulastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tulastat/resources/937660804ddde003bcedbf4a5acbf972/%8F+2010.htm
3. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М., Старый сад, 2019. 290 с.
4. Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь Москвы (социально-демографические и этнокультурные характеристики). Полевая этностатистика. М., ИЭА,, 2018. 84 с.
5. Российский статистический ежегодник 2018. М., Росстат, 2018. 694 с.
6. Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тверской (Тверьстат) области. 2016 г.

УДК 323.1

Черникова Виктория Владимировна,
к.полит.н. доцент кафедры социологии и политологии исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Россия

Реализация государственной национальной политики в Воронежской области: новые вызовы

Аннотация. *Статья посвящена реализации государственной национальной политики в Воронежской области в свете вызовов 2020 г. Цель исследования стал анализ новых вызовов и трендов, влияющих на гармонизацию межнациональных отношений в регионе. Статистика и социологические исследования, проведенные по методологии Института этнологии и антропологии РАН, отражают динамику протекающих процессов. Институциональная среда и межкультурные связи, позволили этнонациональным группам адаптироваться к новым вызовам (COVID-19 и др.). Полученные рекомендации помогут органам власти внести коррективы в реализацию государственной национальной политики.*

Ключевые слова*: демография, государственная национальная политика, Воронежская область, миграционные потоки, межнациональные отношения, население, дифференциация.*

В декабре 2012 г. Указом Президента РФ принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года. А в декабре 2018 г. был подписан Указ о внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики. Причиной стали позитивные тенденции в развитии межнациональных отношений и необходимость совершенствования работы в этом направлении.

За период действия Стратегии с 2012 г. по 2018 г. достигнуты существенные результаты в обеспечении национального мира и согласия в РФ. По итогам соцопросов, 78,4% граждан от опрошенных положительно оценивают состояние межнациональных (межэтнических) отношений, 93% граждан не испытывали на себе дискриминации, уровень общероссийской гражданской идентичности составил 84%. [8]

Проведенный нами массовый опрос в октябре - ноябре 2019 г. по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этномониторинга позволил выявить в Воронежской области следующее: 84% воронежцев не испытывали на себе дискриминации, уровень общероссийской гражданской идентичности составил 69%.

За период действия Стратегии, по оценкам В.Ю. Зорина, удалось сделать многое: «государство вернулось в сферу межнациональных отношений, продекларировало современное понимание национального вопроса в контексте общегражданского вопроса; складывается система органов власти и управления в данной сфере при формировании широкой системы общественно-консультативных органов (советов, комиссий); удалось сформулировать реалистичные цели и приоритеты государственной национальной политики на федеральном уровне, и это получило поддержку в обществе; достигнуто новое качество национально-культурного самоопределения при разнообразии форм этно-культурной самоорганизации граждан; расширились сферы социально и граждански ответственной деятельности национально-культурных объединений и автономий (профилактика национализма, радикальных и экстремистских настроений, деятельность по адаптации мигрантов и содействию соотечественникам за рубежом)». [4, с.6-7]

Реализация государственной национальной политики напрямую осуществляется не столько на федеральном, сколько на региональном и местном уровнях. Значимость регионального уровня подчеркивали на семинаре-совещание по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики в Общественной палате РФ 9 сентября. В.Ю. Зорин отметил, что наблюдается линия на повышение роли субъектов РФ в государственной национальной политике, а заместитель руководителя администрации Президента М. М. Магомедов напомнил, что «Владимир Владимирович Путин поручил высшим должностным лицам регионов принять меры по повышению эффективности деятельности общественных советов и иных консультативных органов по межнациональным и межрелигиозным вопросам при главах субъектов и муниципальных образований». [1]

Воронежская область расположена в ЦФО, согласно переписи населения 2010 г. 95,5% составляют русские. Кроме того, есть и значительные группы украинцев – 1,9%, армян – 0,5%, цыган, азербайджанцев, турок-месхетинцев и других национальностей. [3]

В Воронеже сложилась институциональная структура, направленная на решение различных задач в области межнациональных отношений. Большинство действующих в регионе национальных общественных организаций сконцентрировано в г. Воронеж. Их руководители входят в Национальную палату при Губернаторе Воронежской области, которая была образована в 2010 г. и объединила руководителей крупных и активных диаспор, НКО, занимающихся различными вопросами в области межнациональных отношений, а также представителей русского населения. В 2019 г. был открыт Воронежский Дом дружбы. В области действуют ещё 6 домов дружбы.

Этнонациональная ситуация в Воронежской области типична для регионов Центрального Черноземья. Демографическая ситуация в регионе не вызывает оптимизма. Численность постоянного населения области по состоянию на начало 2019 года составила 2327.7 тыс. человек, что на 6.1 тыс. человек (или на 0.3 %) ниже численности населения на начало 2018 г. Смертность превышает рождаемость, миграционный прирост является единственным источником, компенсирующим естественную убыль населения области. Одна из целей Стратегии отмечает необходимость успешной социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграцию в российское общество.

При этом сохраняется тенденция на сокращение миграции, что не позволяет в полной мере компенсировать естественную убыль. Увеличение миграционного прироста в 2019 г. позволило компенсировать естественную убыль населения на 72,8%.[6].

Однако, уже в 2020 г. из-за ограничений, вызванных эпидемией ковида-19, миграционный прирост был остановлен. Если за январь-апрель текущего года численность населения Воронежской области увеличилась за счет миграционного прироста на 2538 человек, то за январь-июль 2020 он составил всего 100 человек, в то время как за аналогичный период 2019 г. – 3735 чел. [7]

Резкое снижение миграционных потоков создает риски для рынка труда, негативно влияет на демографическую ситуацию в регионе. А введенный режим самоизоляции привел к резкому сокращению доходов населения, что в значительной мере ударило по мигрантам.

Параллельно закрытию границ в большинстве регионов России был объявлен карантин и ограничена работа разных организаций, среди которых – стройки и предприятия общественного питания, где до пандемии была трудоустроена существенная часть мигрантов. [2, 4] Ограничения привели к снижению привлекательности рынка труда в России.

Рассматривая успехи в реализации государственной национальной политики в Воронежской области, стоит отметить снижение напряженности

в области межнациональных отношениях, рост лояльности местного населения к приёму и адаптации мигрантов. Так, число воронежцев, которые приветствуют приток эмигрантов из стран ближнего зарубежья, выросло после 2013 года с 17% до 27%.[5] Согласно нашему исследованию 2019 г., 86% респондентов считают труд мигрантов нужным для региона.

Наблюдается более широкое вовлечение национально-культурных организаций в работу с разными категориями граждан, участие их в проектах социально-экономического развития региона.

Ситуация 2020 г. показала, что у регионального сообщества есть ресурс самосохранения. В частности, можно зафиксировать тренды

- взаимная поддержка в рамках этнических сообществ;
- готовность участвовать в благотворительности и волонтёрских движениях в мультикультурных и поликонфессиональных группах на благо всего регионального сообщества;
- снижение преступности и асоциального поведения среди мигрантов, как ответ на кризис и ухудшение условий жизни.

В тоже время, ситуация 2020 года показала, что реализация государственной национальной политики требует оперативного реагирования на новые вызовы.

1) Сокращение миграционных потоков. На протяжении последних 10 лет наблюдались изменения миграционных потоков: от их резкого увеличения в 2014 г., до почти полного отсутствия в 2020 г. Это требует гибкой корректировки миграционного законодательства. Особенно в создании механизма перерегистрации мигрантов без выезда за пределы России.

2) Падение уровня доходов, вызванное приостановкой деятельности из-за коронавируса, снижает репродуктивную активность населения. За январь - июль 2020 г. естественная убыль в Воронежской области составила 9260 чел.[9] Замещение преобладающих в регионе русских вызовет не только изменение этнокультурного состава, но и возможное усиление межнациональной напряженности.

3) Внесение в Конституцию поправок, включая поправку о статусе русского языка, предполагает не только внесение изменений в другие нормативные акты, но и расширение программы обучения русскому языку мигрантов и их детей. Большинство местных жителей доброжелательно относятся к приезжим, допускают включение их в региональный социум. Но есть вопросы, которые представляются для людей значимыми. Это русский язык: 87% респондентов считают нужным обучать мигрантов русскому языку.

4) Рост активности гражданского общества предполагает поддержку инициатив в области гармонизации межнациональных отношений, идущих от общественных организаций и инициативных групп.

5) Волна волнений в США на расовой почве, актуализировала вопрос снижения неравенства в доступе к различным благам представителей разных национальностей. В том числе, развитие социальной

инфраструктуры в сельской местности, включая территории, где проживают представители разных национальностей (турки-месхетинцы, курды, цыгане и другие).

6) Увеличение терактов в мире и их освещение исключительно как религиозно и этнически определенных. Отсюда – боязнь представителей исламских этносов.

7) Рост количества международных конфликтов, в которые в том или ином качестве вовлечена Россия. Стериотипизация сторон конфликта.

8) Дестабилизация ситуации в приграничных к России странах. Украинский кризис продолжает оказывать влияние на проведение государственной национальной политики в регионе, однако, сейчас появилась необходимость реагировать на возможные другие кризисы. В первую очередь, белорусский.

В Воронежской области имеется успешный опыт адаптации мигрантов. Ситуация с переселением в регион турок-месхетинцев. В 2014 - 2015 гг. регион принял, наряду с Ростовской областью и Краснодарским краем основной поток людей с востока Украины. В этой ситуации были отработаны механизмы взаимодействия власти-общества-бизнеса. Успешная интеграция прибывших в региональное сообщество, показало возможности межсекторного партнерства в сфере национальных отношений.

Расширение взаимодействия позволяет на ранней стадии выявлять проблемные точки и принимать адекватные решения.

Новые вызовы требуют и новых ответов.

В обществе сформировался запрос на создание благоприятной для развития всех национальностей обстановки. Наше исследование показало, что представители разных этнических групп, включая преобладающих в регионе русских, очень трепетно относятся к информационному сопровождению их мероприятий, испытывают дискомфорт, когда нет или мало мероприятий с участием этой социальной группы и они плохо освещаются. Изменения в информационном поле предполагают более широкое освещение события или проблемы в сети Интернет. Особенно в популярных социальных сетях.

Реальность социально-экономического положения населения ставит перед необходимостью перехода к практической работе: поддержка организаций, которые создают рабочие места, решают серьезные задачи.

Изменение условий, когда органам власти, НКО и бизнесу пришлось работать в стрессовой ситуации, обусловило необходимость подготовки кадров в сфере государственной национальной политики, открытия информационно-ресурсных центров, где могут осуществляться консультационные услуги.

Список литературы

1. В Общественной палате РФ состоялся семинар-совещание по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики // Сайт Комиссии по вопросам информационного сопровождения

государственной национальной политики: Режим доступа: https://sovetnational.ru/information-support/news/v-obschestvennoy-palate-rf-sostoyalsya-seminar-soveschanie-po-voprosam-realizacii-strategii-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki.html .

2. Варшавер Е. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса/Е. Варшавер, Н. Иванова, А. Рочева. -РАНХиГС, 2020.

3. Всероссийская перепись населения //Воронежстат. – http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010. (дата обращения 15/09/2020).

4. Государственная национальная политика России: экспертное мнение / ред. Степанов В.В., Черных А.В. Москва: ИЭА РАН, 2018. 380 с.

5. Квалитас 2018. №10.

6. Миграционные потоки // https://voronezhstat.gks.ru/storage/mediabank /T6k2I3jz/Миграционные%20потоки%20за%20январь-%20июль%202020%20года.pdf.

7. Миграционные процессы в Воронежской области в 2019 году. Режим доступа: https://voronezhstat.gks.ru/storage/mediabank/Миграция_2019.pdf (дата обращения 15.09.2020).

8. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Указ Президента РФ. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902387360 (дата обращения 15.09.2020).

9. Показатели естественного движения населения за январь – июль 2020 // Воронежстат: Режим доступа: https://voronezhstat.gks.ru/storage/mediabank/tfzlP4GN/Показатели%20естественного%20движения%20населения%20за%20январь-%20июль%202020%20года.pdf(дата обращения 15.09.2020).

СЕКЦИЯ 4

ЭКОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНОВ. ПРИРОДНО-ТЕХНОГЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

УДК 504.05.001.18

Байраков Идрис Абдурашидович
к.б.н., доцент кафедры Географии, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», г. Грозный, Россия
Мантаев Халид Закриевич
к.г.н., доцент кафедры Экологии БЖ ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный, Россия

Природно-техногенные риски на территории Чеченской Республики и их воздействие на развитие регионов[97]

Аннотация. *Большое разнообразие ландшафтных условий на территории Чеченской Республики, занимающей площадь 16,2 тыс. км^2, определяет здесь широкое развитие опасных природных процессов и явлений различного генезиса: эндогенных, экзогенных, гидрологических и метеорологических. В наибольшей мере опасными процессами поражены горные районы, что обусловлено наличием сильно расчлененного рельефа с крутыми склонами и значительной глубиной вреза узких речных долин. Наиболее активными процессами здесь являются лавины, сели, оползни, обвалы и осыпи. Хотя факторы образования и характер проявления этих процессов различны, все они в значительной степени связаны с высокими значениями градиента силы тяжести. Для равнинной части и предгорий характерен свой набор опасных явлений, среди которых преобладают наводнения и паводки, ливни, град, грозы, пыльные бури и т.д.*

Ключевые слова: *Чеченская Республика, население, демография, население, дифференциация, региональные различия*

На территории Чеченской Республики в наибольшей степени лавинной опасности подвержены высокогорные субальпийские кустарниково-луговые ландшафты, оползневой опасности - среднегорно-лесные ландшафты, селевой опасности - верхнегорные лесные и послелесные ландшафты, наибольшая вероятность затопления характерна для дельтовых и пойменных ландшафтов, ветровой эрозии подвержены полупустынные и пустынные ландшафты.

[97] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-45-200002

В настоящее время существует достаточно много в разной степени разработанных перечней и классификаций природных опасностей. Данные классификации, как правило, охватывают только отдельные группы опасностей: геологические, экологические, биологические, гидрометеорологические и др.

Они строятся с учетом определенных признаков выделения: среда развития, генезис, механизмы развития опасных процессов, масштабы проявлений, характер воздействия и др. В целом опасные природные процессы и явления носят ярко выраженный геоэкологический характер, поскольку являются фактором развития не только природных, но природно-антропогенных систем.

Наиболее часто проявляющими на территории природные риски это оползневые и эрозионные процессы, наносящие значительный материальный ущерб.

Условия и факторы развития оползневого процесса. Параметры, отражающие закономерности формирования и развития оползней, могут быть разделены на условия (постоянно действующие) и факторы (быстроизменяющиеся). При этом, один и тот же параметр может выступать как в качестве условия, так и фактора (литология – условие, изменение свойств пород – фактор и т.д.) (табл.1).

Таблица 1-Основные условия и факторы оползнеобразования на территории Чеченской Республики

Условия	Факторы
Литолого-стратиграфические комплексы	Изменение свойств пород
Тектоническая структура	Современные тектонические движения
Геоморфологическое строение	Изменение рельефа
Гидрогеологические условия	Динамика подземных вод
Климат	Режим климатических параметров
	Сейсмологическая обстановка
	Техногенная деятельность

Выяснение условий и факторов оползнеобразования требует достаточно большого объема исследований, как по геологическому, геоморфологическому и гидрогеологическому строению территории, так и по таким направлениям, как изменение климата, сейсмология, техногенез и др. необходимы также специальные исследования по механизму образования оползней и динамике их развития.

Пространственное проявление оползневых процессов четко указывает на их приуроченность к нескольким литолого-стратиграфическим комплексам: верхнесарматскому, нижнее среднесарматскому, караганчокракскому, майкопскому и альбскому. Общая характеристика литолого-стратиграфических комплексов показывает, что все они имеют преимущественно глинистый состав и отличаются наличием в некоторых из них (караганский, чокракский, в меньшей степени верхнесарматский) прослоев песчаников, известняков или мергелей [1].

Таким образом, в оползневые подвижки вовлечены различные по возрасту (от нижнемеловых до голоценовых), степени литификации (от прочных песчаников и известняков до слабопрочных рыхлых супесей и суглинков) и обводненности (от слабовлажных хрупких мергелей до вязкопластичных глин) комплексы пород.

Структурно-тектонические и сейсмические условия. Рассматривая тектоническую структуру района, нетрудно заметить, что оползневые процессы приурочены не просто к определенным литолого-стратиграфическим комплексам, а к определенным геологическим структурам, в строении которых принимают участие эти комплексы.

Такими структурами для Бенойского оползневого района являются Бенойская антиклиналь, для Шатойского района – Варандийская антиклиналь (ее западная переклиналь) и для Малгобекского района – Терский антиклинорий [2].

Поэтому, для рассматриваемой территории в прогностических целях, важен анализ крутизны склонов, как индикатора оползневой опасности.

Глубокие оползни срезания (типа Пачу и Стерч-Керч) образовались при средней крутизне склона порядка 8-12°. В верхней своей части, где зарождаются оползни, склоны несколько круче, до 20-25°.

Для оползней скольжения наиболее характерен диапазон крутизны от 10 до 20° (при высоте склонов 100-250 м).

Рельеф Шатойского оползневого района прямой, эрозионно-тектонический, низкогорный с абсолютными отметками от 600 до 1200 м и относительными превышениями 400-500 м. Эрозионная сеть развита достаточно хорошо. Пораженность склонов долины р. Вердыэрк, правого притока р. Аргун, в пределах Шатойского мульды достигает 44%, в долине реки Сюжи – даже до 60%. По сравнению с Бенойским районом поражен-ность территории активными оползнями значительно ниже (6%), что свидетельствует о более низкой динамичности древнеоползневого рельефа. Это объясняется вероятнее всего тем, что современная подвижность Варандийской антиклинали (ее западной переклинальной части) по сравнению с таковой Бенойского антиклинального купола существенно меньше [3].

Рельеф этой части Терского хребта обусловлен структурными особенностями и характеризуется ассиметричным строением. Абсолютные отметки гребня изменяются от 500 м на западе (уч. Западный) до 700 м на востоке (уч. Вознесенский). Северный склон хребта более крутой (отношение высоты к заложению 0,11-0,15), имеют более глубокий врез (до 100-150 м). это объясняется тем, что базисом для них служит Надтеречная равнина, которая на 100-150 м ниже Алханчуртовской долины, являющейся базисом для эрозионной сети южного склона хребта. Именно этим обстоятельством объясняется более широкое развитие оползней на северном склоне, где оползневая пораженность древними формами достигает 40%, в то время как южный склон характеризуется пораженностью в 9%.

Для Передовых хребтов устанавливается четкая прямая зависимость между их общей пораженностью оползнями и гипсометрией главных

водоразделов, а также связь количества неглубоких оползней с экспозицией склонов [4].

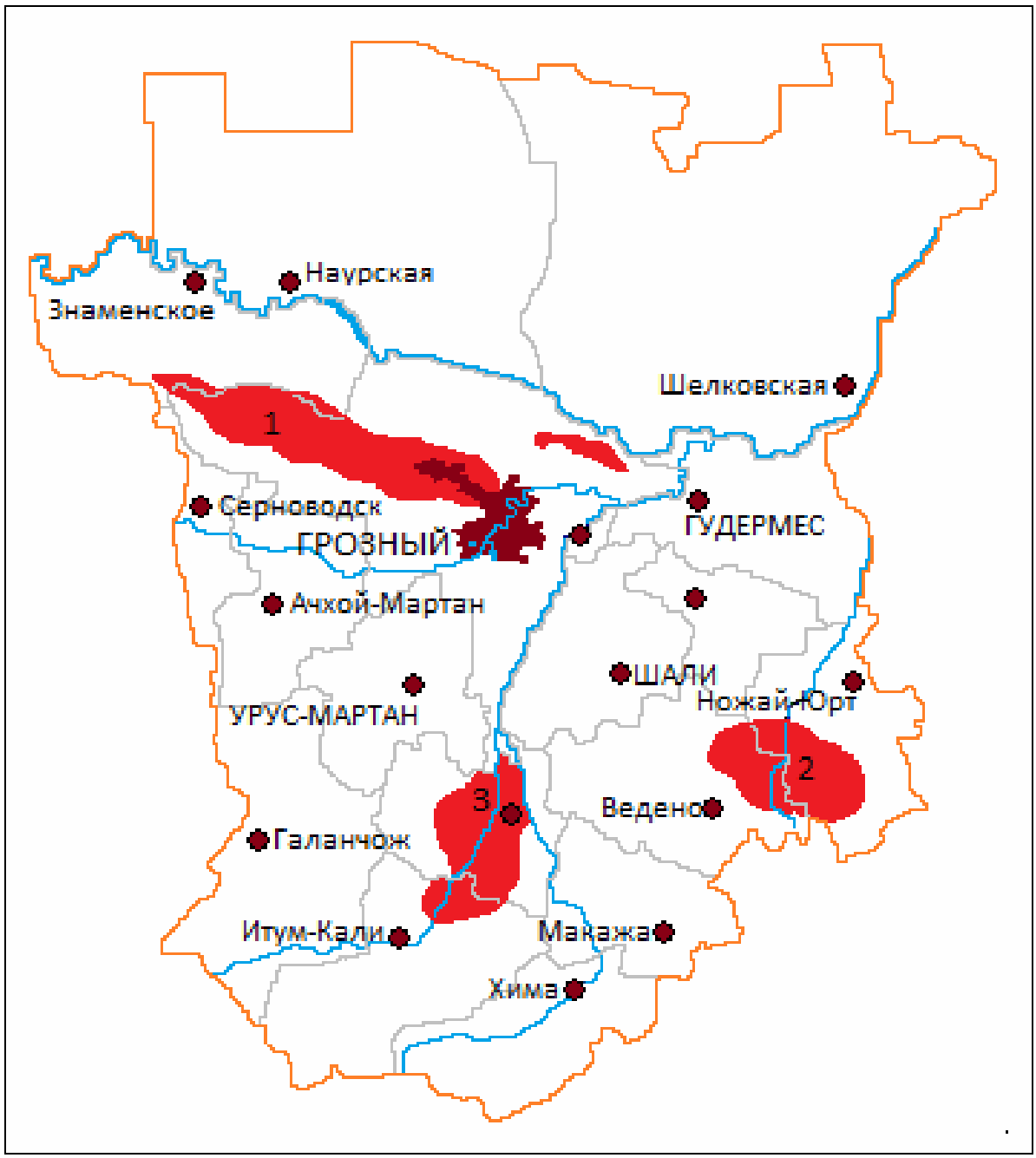

Рис.1. Карта выделения районов проявления оползневых процессов на территории Чеченской Республики

Климатические факторы. Влияние климатического фактора и, в частности, осадков на активацию оползневых процессов общепризнанно. Достаточно подробно он изучен применительно к территории Чеченской Республики и использован в качестве одного из основных элементов прогноза [4]. Рассмотрим краткую характеристику климатических условий летнее-зимнего периода 1988-89 гг. непосредственно перед оползневой активацией. Чрезвычайно дождливое лето 1988 г. (превышение по июлю среднемесячных сумм осадков над среднемноголетними значениями составило для метеостанции Ведено в 2,2 раза, для метеостанции Шатой – в

1,8 раза и для метеостанции Ножай-юрт – в 2 раза) способствовало накоплению избыточной влаги, которая в условиях затрудненного дренажа осталась на зимний период. Усугубила положение аномально снежная зима.

Список литературы

1. Байраков И.А. Климатические ресурсы Чеченской Республики. Изд-во ЧПГИ Махачкала-2013.168с.
2. Байраков И.А. Антропогенная трансформация геосистем Северо-Восточного Кавказа и пути оптимизации природопользования. РИО ЧГУ. Назрань, 2010.
3. Байраков И.А. Техногенные факторы развития оползневого процесса на Северо-Восточном Кавказе. «Научная мысль Кавказа». Научный и общественно-теоретический журнал СКНЦВШ. Прил. № 9. Ростов – на - Дону, 2005.
4. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. Учебное пособие /И.А. Байраков, Э.Б. Болотханов, А.И. Авторханов, Х.Э. Таймасханов, И.Я. Шахтамиров. Грозный: Изд-во Чеченского государственного университета, 2006. 375 с.

УДК 316.013

Барсукова Татьяна Ивановна
д.социол.н., профессор кафедры социологии, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия
Байрамкулова Динара Далхатовна
соискатель кафедры социологии, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия

Социальное здоровье женщин репродуктивного возраста Ставропольского края (по материалам социологического исследования)

Аннотация. *Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления уровня социального здоровья женщин фертильного возраста, проживающих в одном из регионов Северного Кавказа; цель исследования состоит в анализе результатов социологического исследования, осуществленного методом анкетирования; практическая значимость статьи заключается в возможности использования полученных данных для пропаганды и развития самосохранительного поведения женщин репродуктивного возраста.*

Ключевые слова: *социальное здоровье, женщины репродуктивного возраста, фертильный возраст, самосохранительной поведение. саморазрушительное поведение*

Авторами статьи был проведен анкетный опрос женщин, проживающих в Ставропольском крае. Всего в нем приняли участие 588 человек, представляющих разные группы женщин репродуктивного возраста: раннего репродуктивного возраста (до 20 лет) – 164 женщины (27,9% от числа участников опроса); оптимального репродуктивного возраста (от 20 до 30 лет) – 167 женщин (28,4% от числа респондентов); позднего репродуктивного возраста (от 30 до 45 лет) – 174 женщины (29,6% опрошенных); были опрошены также женщины старше 45 лет, находящиеся по физиологическим признакам на границе или уже вышедшие из репродуктивного возраста – 83 человека (14,5% от числа участников опроса). В данном исследовании представлены результаты анализа двух блоков проблемы, отражающих данные, выявленные на основе разработанных нами критериев: оценки социального здоровья в целом и оценка на основании нормативно-ценностного критерия.

Нами выявлена прежде всего когнитивная составляющая первого блока, которая является основой системы целеполагания, принятия решений и поведенческих установок. Вопрос касался источников информации, оказавших существенное влияние на формирование представлений женщин о социальном здоровье. (табл. 1).

Таблица 1- Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой источник получения информации о социальном здоровье женщин репродуктивного возраста для Вас является основным?»
(возможно несколько вариантов ответа)[*]

	Частота	% наблюдений
Мать	325	57,5
Врач / врачи	289	51,2
Интернет	213	37,7
Подруга / подруги	105	18,6
Телевидение	105	18,6
Сестра / сестры	78	13,8
Газеты	34	6,0
Журналы	32	5,7
Свекровь	25	4,4
Другое («Биографии, монографии заслуженных деятелей искусства, их лекции, общение со старшим поколением, позитивно отзывающимся о своих семьях», «Книги», «Медицинская литература», «Получение медобразования», «Священное писание»)	5	0,9
Итого:	1211	214,3

Среди статистически значимых отличий были обнаружены следующие. Врачи как источник информации о социальном здоровье

[*] 23 респондента отказались от ответа.

женщин репродуктивного возраста более авторитетны для участниц опроса с высшим образованием (отметили свыше половины респондентов), тогда как для женщин со средним образованием и средним профессиональным этот показатель составляет значительно менее половины. Интернет как источник информации является более актуальным для женщин раннего и оптимального репродуктивного возраста – отметили, соответственно, 41,5% и 41,9% опрошенных.

Самооценка знаний о требованиях здорового общества к социальному здоровью женщин репродуктивного возраста представлена в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2- Распределение ответов респондентов на вопрос «Знаете ли Вы, какие требования к социальному здоровью женщин репродуктивного возраста предъявляет здоровое общество?»

Варианты ответов	Физическое здоровье		Психическое здоровье		Нравственное здоровье	
	Частота	%	Частота	%	Частота	%
Знаю	228	38,8	202	34,4	199	33,8
Имею представление	127	21,6	132	22,4	120	20,4
Слышала	82	13,9	60	10,2	66	11,2
Не знаю	32	5,4	41	7,0	49	8,3
Затрудняюсь ответить	119	20,3	153	26,0	154	26,2
Итого:	588	100	588	100	588	100

Статистическое распределение ответов свидетельствует о среднем уровне знаний участниц опроса о требованиях здорового общества к физическому, психическому и нравственному здоровью женщин. Самый низкий уровень оценок отмечается в знаниях требований о нравственном здоровье.

В исследовании было выявлено отношение женщин к ряду факторов, приводящих к ухудшению их социального здоровья. Это готовность перейти на работу с ненормированным рабочим днем, вредными условиями труда; нерационально питаться (табл. 3).

Таблица 3- Распределение ответов респондентов на вопрос «Если бы Вам предложили хорошо оплачиваемую работу, но с ненормированным рабочим днем, Вы бы ...»

	Частота	%
Согласились	146	24,8
Скорее, согласились	191	32,5
Скорее, оказались	85	14,5
Отказались	77	13,0
Затрудняюсь ответить	89	15,2
Итого:	588	100

Согласно ответам респондентов, большинство из них готовы к ухудшению социального здоровья для повышения своего материального благополучия.

Несколько иная ситуация складывается в отношении к фактору ухудшения социального здоровья «хорошо оплачиваемая работа, но с вредными условиями труда». Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4- Распределение ответов респондентов на вопрос «Если бы Вам предложили хорошо оплачиваемую работу, но с вредными условиями труда, Вы бы …»

	Частота	%
Согласились	48	8,2
Скорее, согласились	71	12,1
Скорее, отказались	169	28,7
Отказались	237	40,3
Затрудняюсь ответить	63	10,7
Итого:	588	100

Рациональным, согласно ответам респондентов, является питании 16,0% из них и «скорее, рациональным» – 34,2%, Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5- Распределение ответов респондентов на вопрос «Является ли Ваше питание рациональным для женщины репродуктивного возраста?»

	Частота	%
Да, является рациональным	94	16,0
Скорее, является рациональным	201	34,2
Скорее, не является рациональным	163	27,7
Не является рациональным	49	8,3
Затрудняюсь ответить	81	13,8
Итого:	588	100

Мы можем констатировать, что здоровьесберегающую стратегии не являются преобладающими в поведении и намерениях женщин исследуемой категории.

Нормативно-ценностный критерий в оценке социального здоровья женщин репродуктивного возраста позволяет установить значимость жизненных ценностей для его сохранения и поддержания. В следующей таблице (табл. 6) представлены результаты оценки ценностей респондентами.

Рассмотрим приоритеты ценностей в сегментации по группам репродуктивного возраста участниц опроса. Для категории участников опроса раннего репродуктивного возраста (до 20 лет) главными ценностями сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного возраста являются: отсутствие болезней и хорошее здоровье; благоприятная экологическая обстановка, возможность обеспечивать детей, хорошие семейные отношения, возможность иметь детей, рациональное питание. Для категории участников опроса оптимального репродуктивного возраста (от 20

до 30 лет) главной ценностью социального здоровья женщин репродуктивного возраста является возможность иметь детей (4,5 балла по пятибалльной шкале). Для категории участников опроса позднего репродуктивного возраста (от 30 до 45 лет) главными ценностями сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного возраста являются отсутствие болезней и хорошие семейные отношения. Такие ценности, как хорошее здоровье, возможность обеспечивать детей, материальная обеспеченность, хорошая зарплата также заслужили высоких оценок.

Таблица 6- Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является ценностью для сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного возраста?» в зависимости от группы репродуктивного возраста *(средний балл по пятибалльной шкале)*

Варианты ответов	Группы репродуктивного возраста				Всего по опрошенной совокупности
	Ранний репродуктивный возраст (до 20 лет)	Оптимальный репродуктивный возраст (от 20 до 30 лет)	Поздний репродуктивный возраст (от 30 до 45 лет)	Женщины старше 45 лет	
Рациональное питание	3,75	4,03	3,62	3,52	3,76
Хорошие семейные отношения	3,78	4,24	4,08	3,66	3,98
Регулярные половые связи	2,52	3,44	3,29	2,90	3,07
Отсутствие болезней	4,13	4,41	4,24	4,07	4,23
Благоприятная экологическая обстановка	3,87	4,23	3,81	3,53	3,91
Хорошие жилищные условия	3,53	3,96	3,79	3,58	3,74
Благоприятные отношения в коллективе	2,98	3,57	3,37	2,46	3,19
Место проживания	3,37	3,75	3,45	3,24	3,48
Наличие работы	3,09	3,64	3,64	3,34	3,44
Достойная зарплата	3,46	3,99	3,88	3,55	3,75
Хорошее здоровье	4,05	4,39	3,92	3,70	4,06
Возможность иметь детей	3,76	4,50	3,60	2,77	3,78
Возможность обеспечивать детей	3,84	4,31	3,91	3,55	3,95
Любовь	3,66	4,28	3,53	3,02	3,71
Материальная обеспеченность	3,76	4,23	3,88	3,75	3,93

Для категории участников опроса старше 45 лет главной ценностью сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного

возраста является отсутствие болезней. Определенные отличия можно обнаружить при анализе приоритетов ценностей для сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного возраста в сегментации по уровням образования (табл. 7).

Таблица 7- Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, является ценностью для сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного возраста?» в зависимости от уровня образования *(средний балл по пятибалльной шкале)*

Варианты ответов	Уровень образования			Средняя оценка по опрошенной совокупности
	Среднее	Среднее профессио-нальное	Высшее	
Рациональное питание	3,23	3,66	4,01	3,76
Хорошие семейные отношения	3,32	4,00	4,23	3,98
Регулярные половые связи	2,35	3,24	3,25	3,07
Отсутствие болезней	3,75	4,06	4,50	4,23
Благоприятная экологическая обстановка	3,55	3,68	4,16	3,91
Хорошие жилищные условия	3,18	3,64	4,00	3,74
Благоприятные отношения в коллективе	2,64	3,18	3,41	3,19
Место проживания	2,92	3,38	3,75	3,48
Наличие работы	2,99	3,63	3,53	3,44
Хорошая зарплата	3,40	3,69	3,91	3,75
Хорошее здоровье	3,58	3,88	4,33	4,06
Возможность иметь детей	2,93	3,43	4,26	3,78
Возможность обеспечивать детей	3,23	3,77	4,32	3,95
Любовь	2,83	3,51	4,14	3,71
Материальная обеспеченность	3,38	3,82	4,19	3,93

Мы отметили, что для категории участников опроса со средним уровнем образования главными ценностями сохранения и поддержания социального здоровья женщин репродуктивного возраста являются: отсутствие болезней; хорошее здоровье; благоприятная экологическая обстановка; со средним профессиональным уровнем образования – отсутствие болезней и хорошие семейные отношения; с высшим образованием – отсутствие болезней, хорошее здоровье, возможность обеспечивать детей, возможность иметь детей, хорошие семейные отношения.

Анализ данного блока вопросов показал определенную степень готовности женщин репродуктивного возраста к поддержанию здоровье сберегающих стратегий поведения.

УДК 504.06; 504.75
Башева Ольга Александровна
к.социол. н., научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Цифровые формы решения проблем окружающей среды как инструменты нового поколения активистов экологического движения России[98]

Социально-экологическая сфера стала одним из ярких примеров реализации новых социальных практик, основанных на возможностях применения цифровых технологий. Разные группы российского населения, решая острые социально-экологические проблемы, все чаще обращаются к таким формам виртуального действия как краудсорсинг и краудфандинг, а также создание сетевых виртуальных сообществ, и др.

Краудсорсинговые экологические проекты в России стали особенно популярны в последнее десятилетие как реакции на многочисленные стихийные бедствия и экологические нарушения. Примерами служат многочисленные мониторинги состояния окружающей среды (например, BreatheMoscow), экологических нарушений (например, ЭкоКарта.ру), карты весенних пожаров[99] и проч. Большую роль в распространении информации с мест экологических нарушений, мобилизации общественности, координации акций играют социальные сети и созданные ad-hoc сайты (например, Stop Шиес!). Количество подобных проектов и практик в последние годы неуклонно растет, как и их эффективность, но как показывает обзор литературы, экологический активизм является пока недооценнной и малоизученной темой в российском научном ландшафте. В большей степени цифровые формы активизма рассматриваются в рамках исследований политического участия, тогда как именно экологическое движение в последние 30 лет стоит в авангарде цифровизации гражданского сообщества, поскольку еще в 1990-е гг. при поддержке с Запада адаптировали зарубежный опыт, используя все новейшие технологии[100]. Активисты нового поколения российского экодвижения продолжают этот тренд.

Ниже кратко рассмотрим формы, преимущества и вызовы цифровизации экологического активизма сегодня в России.

---

[98] Доклад подготовлен в рамках работы по гранту Президента РФ № МК3338.2019.6 на тему «Построение качественной модели по оценке освоения россиянами новых форм цифрового городского участия в решении социально-экологических проблем и конфликтов»

[99] См., например, Ягодина В. Как мы собирали карту весенних пожаров. Краудмеппинг, чаты, космоснимки / Greenpeace.ru, 2020. 6 июня. URL: https://greenpeace.ru/stories/2020/06/06/kak-my-sobirali-kartu-vesennih-pozharov/

[100] Яницкий О.Н. Экологический архив О.Н. Яницкого // Официальный сайт ИС РАН, 2014. 3233 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=2983

Цифровой активизм понимается как гражданская деятельность, реализующаяся посредством стационарных и мобильных устройств с доступом к Интернету[101], и в данном случае направленную на решение социально-экологических проблем. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют активистам создавать децентрализованные сетевые структуры для коллективной мобилизации, быстрого информирования, координации усилий, а также стали источником саморазвития граждан и стимулом к кооперации с IT-сообществом, поскольку новые методы защиты природы предполагают наличие навыков программирования, пользования различными программами (например, мониторинговыми) и технологиями (например, управления беспилотными летательными аппаратами).

Известно порядка десяти видов цифровой активности, которую применяют активисты: это, например, кликтивизм, информирование, электронное финансирование, цифровые петиции, активация данных, ботивизм и проч. Среди их преимуществ можно отметить скорость распространения информации и мобилизации, широкий охват аудитории, повышение прозрачности информации с мест и проч. Техно-оптимисты называют цифровые платформы ключевым элементом протестных движений последних лет[102]. Но есть и ряд «слабых» сторон виртуализации экологического активизма, а именно: отчуждение пользователей от реального протестного движения в случае лишь виртуальных форм взаимодействия[103]; отсутствие возможности участия у граждан, не имеющих доступа к Сети, т.е. цифровое неравенство и социальные дистанции, связанные с инфраструктурными, возрастными или образовательными ограничениями.

Тем не менее, нельзя не признать, что сегодня практически все экологические инициативы используют виртуальные методы работы, что особенно ярко проявилось в условиях глобальной пандемии COVID-19.

[101] Joyce M. Digital Activism Decoded. The New Mechanics of Change. New York: Idebate Press. 2010. P. 101.
[102] Gerbaudo P. Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto, 2012.
[103] См., например, Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе: автореф. дис. к.социол.н. – Саранск. 2015. 25 с.

УДК 314
УДК [331.46+613.62] (470.1/.2)
Бедарева Виктория Евгеньевна
главный специалист ГУ-Архангельское региональное отделение Фонда социального страхования РФ, г. Архангельск, Россия
Варакина Жанна Леонидовна
декан лечебного факультета, д.м.н., доц., ФГБОУ ВО «Северный Государственный медицинский университет», г. Архангельск, Россия

Структура и динамика производственного травматизма и профессиональных заболеваний на Европейском Севере России

Аннотация. *В настоящее время в России наблюдается ежегодное сокращение численности трудоспособного населения. Сокращение численности трудоспособного населения в определенной мере связано с ростом смертности от неестественных причин, в том числе в результате несчастных случаев на производстве.*

В статье представлены результаты анализа состояния производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, как одного из факторов, влияющего на демографическую ситуацию Европейского Севера России.

Ключевые слова: *производственный травматизм, профессиональное заболевание, травма на производстве со смертельным исходом*

По данным Международной организации труда (МОТ), каждый год в мире от несчастных случаев на производстве или от профессиональных заболеваний умирает примерно 2,3 млн. чел. [1].

По данным Росстата на конец 2019 года 38,3% работающих от общего количества занятых в отраслях экономики РФ были заняты во вредных и (или) опасных условиях труда. Негативное влияние на здоровье работника оказывают многочисленные химические вещества, биологические и физические факторы, а также характер труда. Невозможно полностью возместить значительные потери, связанные с утратой жизнедеятельности работников, со снижением производительности труда.

Европейский Север – это самый большой экономический район европейской части России. В состав этого региона входят: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область с Ненецким АО, Вологодская и Мурманская области. Территории Европейского Севера России (ЕСР), отличаются промышленной специализацией. На севере РФ производится более 20% валового внутреннего продукта и 18% электроэнергии, добывается 93% природного газа, 75% нефти, 63% золота, 83% серебра, 90% никеля и меди, 100% алмазов и платиноидов, 43% угля, заготавливается 45% экспортной древесины, вылавливается 61% рыбы [3].

Наряду со сложными организационно-техническими факторами, характерными для других регионов России, на эффективность освоения

минерально-энергетических ресурсов Севера нашей страны оказывают влияние экстремальные климатические и экологические факторы [2]. Это приводит к тому, что в этих условиях показатели производственного травматизма превышают аналогичные показатели по РФ (по данным Федеральной службы государственной статистики (рис.1).

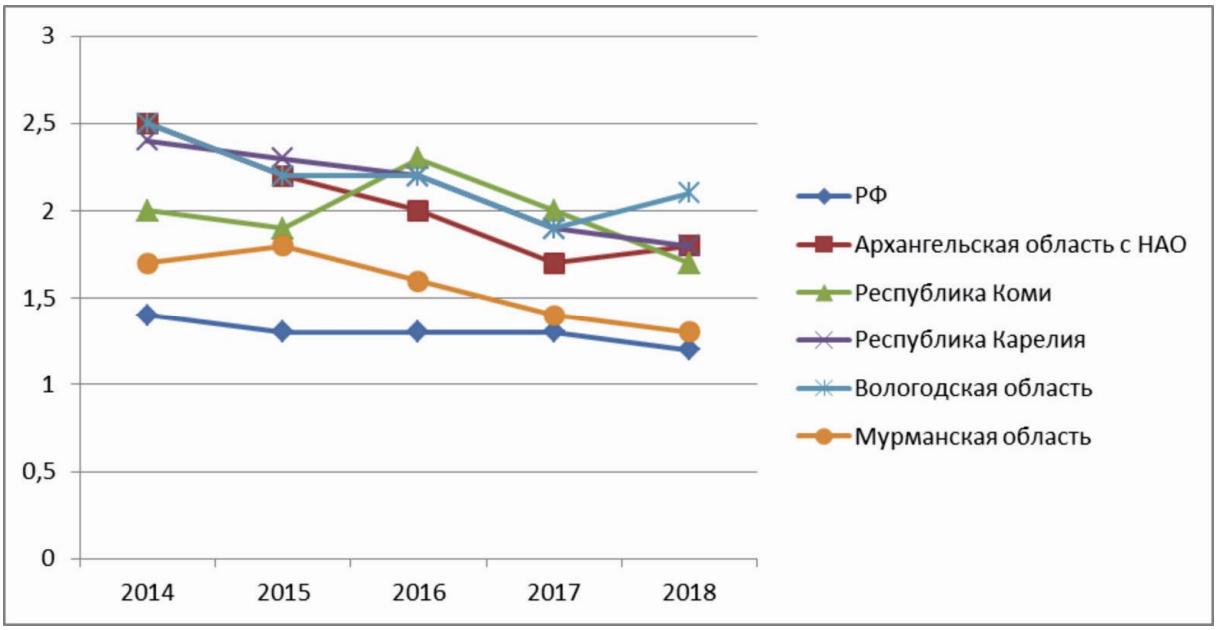

Рис.1. Несчастные случаи на производстве в регионах ЕСР в сравнении с РФ (2014-2018г.г.), на 1000 раб.

По данным Фонда социального страхования (ФСС) большинство травм приходятся на опорно-двигательный аппарат — 60,7%, кожу и мягкие ткани — 15,7% и черепно-мозговые травмы — 10,7% (табл.).

Таблица-Локализация травм (по данным Фонда социального страхования)

Классификация травм	% от общего числа страховых случаев
Опорно-двигательный аппарат	60,7
Кожа и мягкие ткани	15,7
Черепно-мозговые травмы	10,7
Комбинированные травмы	8,1
Органы зрения	3,1
Органы дыхания	1,0
Органы пищеварения	0,2
Сердечно-сосудистая система	0,2
Нервная система	0,2
Мочеполовая система	0,1
Органы слуха	0,1

По данным Роспотребнадзора показатели профессиональной заболеваемости в большинстве регионов Европейского Севера превосходят показатели по РФ (рис.2).

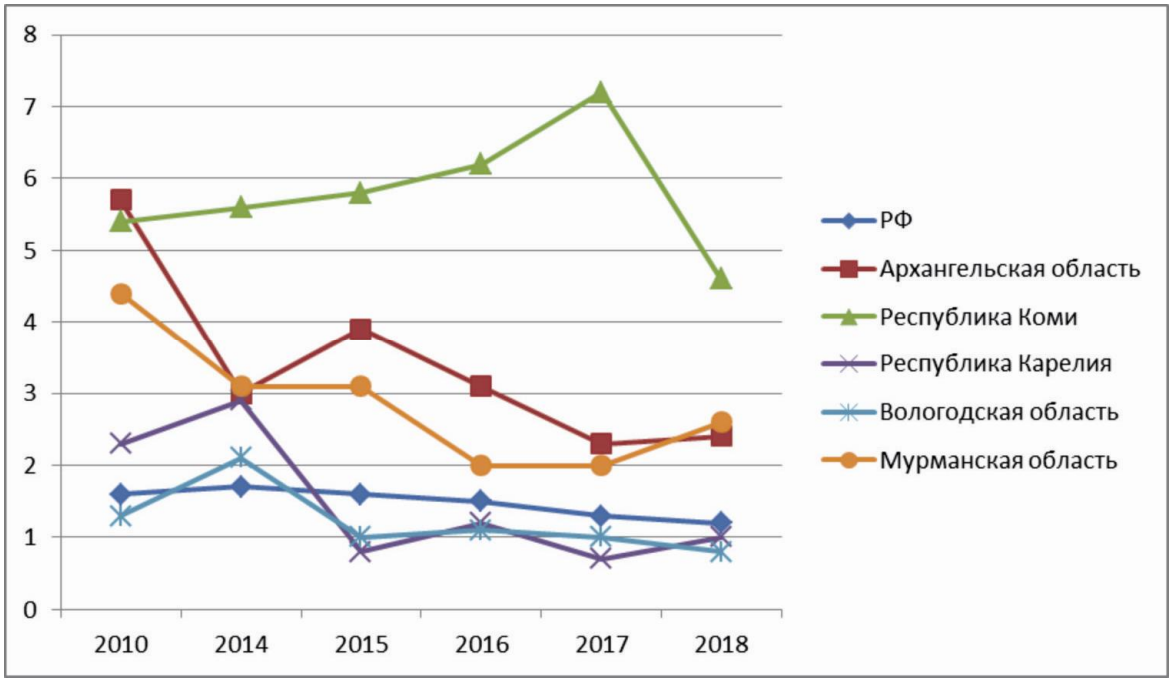

Рис. 2. Численность лиц с впервые установленным диагнозом профессионального заболевания на ЕСР в сравнении с РФ (2010-2018г.г.), на 10000 раб.

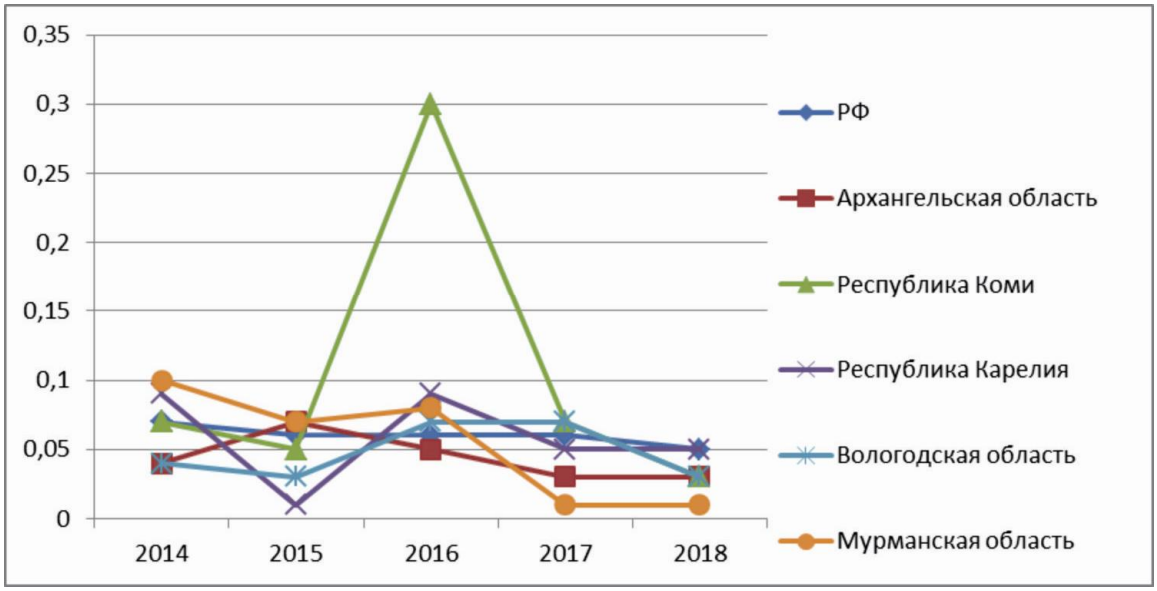

Рис. 3. Численность пострадавших на производстве со смертельным исходом на ЕСР в сравнении с РФ (2014-2018г.г.), на 1000 раб.

Наиболее высокой профессиональная заболеваемость регистрируется на территории Республики Коми. В структуре профзаболеваний на долю предприятий по добыче полезных ископаемых приходится 91,3 % от всех впервые выявленных случаев профессиональных заболеваний (по данным Роспотребназора Республики Коми). В Вологодской области и республике Карелия данный показатель ниже чем в целом по РФ, что связано с наличием на указанных территориях обрабатывающих производств, где уровень профессиональной заболеваемости ниже, чем на добывающих предприятиях.

По данным Федеральной службы государственной статистики показатели травматизма со смертельным исходом снижаются незначительно (0,1 до 0,01 на 1000 раб) (рис. 3). В 2018 году показатели производственного травматизма со смертельным исходом на территории Вологодской, Архангельской и Мурманской областей, Республики Карелия ниже аналогичных показателей в целом по РФ.

Наиболее травмоопасным продолжает оставаться подземный способ добычи полезных ископаемых [4]. В республике Коми в 2016 году зарегистрирован значительный рост смертельных случаев (до 0,3 на 10000 раб.), связанных с групповой гибелью работников (36 чел.) на шахте г.Воркута.

Таким образом, ситуация в большинстве северных районов характеризуется негативными тенденциями в состоянии производственного травматизма и профессиональной заболеваемости. С учетом снижения рождаемости, значительном увеличении смертности и уменьшении средней продолжительности жизни благосостояние Европейского Севера находится под угрозой.

Список литературы

1. Бухтияров И.В., Измеров Н.Ф., Тихонова Г.И., Чуранова А.Н. Производственный травматизм как критерий профессионального риска // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5 (164). С. 140-149.
2. Гендлер С.Г., Фалова Е.С., Воронкова Ю.А. Особенности оценки риска профзаболеваний и производственного травматизма в горнодобывающих отраслях северных регионов России //Известия ТулГУ. Науки о Земле. 2019. №4.
3. Леонидова Е.Г. Динамика структурных изменений в экономике Европейского Севера России // Экономика и экологический менеджмент. 2019. №4.
4. Литвинов А.Р., Коликов К.С., Ишхнели О.Г. Аварийность и травматизм на предприятиях угольной промышленности в 2010-2015 годах // Вестник Научного центра. 2017. №2.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики https://www.gks.ru (дата обращения 31.05.2020).
6. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека https://www.rospotrebnadzor.ru/ (дата обращения 31.05.2020).

УДК 314.42
Боброва Анастасия Григорьевна
к.эк.н., доцент заведующий отделом человеческого развития и демографии ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», г. Минск, Республика Беларусь

Эпидемиологическая модель смертности в Беларуси

Аннотация. *В Беларуси реализация мер программ демографической безопасности последнего десятилетия частично позволила сгладить негативные последствия депопуляции в стране. Уровень смертности населения снизился, но продолжает оставаться высоким по сравнению с развитыми странами. Изучена структура смертности населения Беларуси. Приводится сравнительный анализ эпидемиологической модели смертности за последние 25 лет. Обоснована профилактика на уровне населения как устойчивая стратегия в долгосрочной перспективе.*
Ключевые слова: *смертность, ожидаемая продолжительность жизни, профилактика*

В отличие от предыдущих лет, когда развитые страны старались повысить рождаемость, 2020 год приковал пристальное внимание к смертности. Уроки, которые можно извлечь из происходящего в мире бедствия, могут быть самые разные. В демографии точно произойдут изменения. Хотелось бы выразить надежду, что в сторону к изменению отношения к своему здоровью и осознанием необходимости вести нормальный образ жизни. Как следствие, тысячи сохраненных жизней и продление здоровой ее продолжительности.

В Беларуси реализация мер программ демографической безопасности последнего десятилетия частично позволила сгладить негативные последствия депопуляции в стране. Уровень смертности населения снизился, но продолжает оставаться высоким по сравнению с развитыми странами. Среди причин как негативные структурные изменения в численности населения, так и образ жизни. Состояние медико-санитарной службы в стране уже находится на достаточно высоком уровне. Потенциал сохранения жизней кроется не в росте обеспеченностью медикаментами или повышении качества медицинских услуг, а в предотвращении заболеваний и, соответственно, преждевременной смертности.

Определяющим фактором устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу выступает рост численности населения.

В 1950-1960 годы стране удавалось достигать прироста почти в 150 тысяч человек в год. Наиболее весомая роль в тот период принадлежала сельской местности. В 1970-х годах сельское население начинает стремительно сокращаться, в том числе и по причине миграционного оттока в города. Спад рождаемости и рост смертности привел к депопуляции вначале в сельской местности в 1980-е годы, а потом и всего населения в 1993 году.

Общие тенденции улучшились только с 2006 г., благодаря реализации комплекса мер по улучшению демографической ситуации в стране. Однако преодолеть депопуляцию так и не удалось. Главным приоритетом обеспечения демографической безопасности является всестороннее стимулирование рождаемости. Однако не менее важным является сократить смертность.

В Беларуси продолжает наблюдаться неравенство возможностей, когда и от чего умереть, в том числе связанное с различиями по полу и возрасту, а также месту проживания. Беларусь теряет мужское население, которое не доживает до пенсионного возраста.

К началу 60 годов XX века Беларусь совершила рывок в ожидаемой продолжительности жизни, значительно опередив развитые страны. В среднем для всех развитых стран показатель не превышал 68 лет, тогда как Беларусь к 1964 г. достигла уровня 73 лет.

В тот период успехи были достигнуты благодаря контролю над средовыми факторами, т.е. реализация мер, которых не требовала большой активности со стороны населения (благоустройство городской среды, санитарно-эпидемиологический контроль, обязательная вакцинация, надежная система медицинской помощи и т.п.). В результате инфекционные болезни и причины смерти, обусловленные материнской, перинатальной и смертностью, вызванной плохим питанием, утратили свою роль как причина смертности.

К началу 1970-х годов в развитых странах начала набирать популярность новая стратегия в сфере охраны здоровья – контроль над поведенческими факторами. Соответственно, распространился новый тип профилактики, направленный на поощрение здорового образа жизни. Ответственное отношение людей к своему здоровью потребовало соответствующего ответа со стороны государственных институтов – совершенствования систем здравоохранения, социального обеспечения, роста затрат на охрану здоровья, развития медицинских технологий, фармацевтической промышленности и т.д.

В результате сократился риск нарушений здоровья неинфекционного происхождения (сердечно-сосудистые заболевания, рак, диабет и хронические респираторные заболевания, заболевания органов чувств и пищеварительного тракта и ряд других).

Рост продолжительности жизни в развитых странах сопровождается и увеличением среднего возраста, в котором умирают, практически от всех болезней. В Беларуси в 70-80- е годы XX века наблюдалась стагнация продолжительности жизни и, как следствие, постепенно нарастало отставание по данному показателю от развитых стран.

В общем виде модель характерна для развитых стран (рисунок 2). Большинство населения умирает от болезней системы кровообращения, на которые приходится половина всех смертей. Следствием развития системы здравоохранения и системы учета смертей стало увеличение общей доли выделенных причин смерти. За 25 лет сократилось число прочих и

неустановленных диагнозов, смертей, связанных с беременностью и родами, смертей в перинатальном периоде.

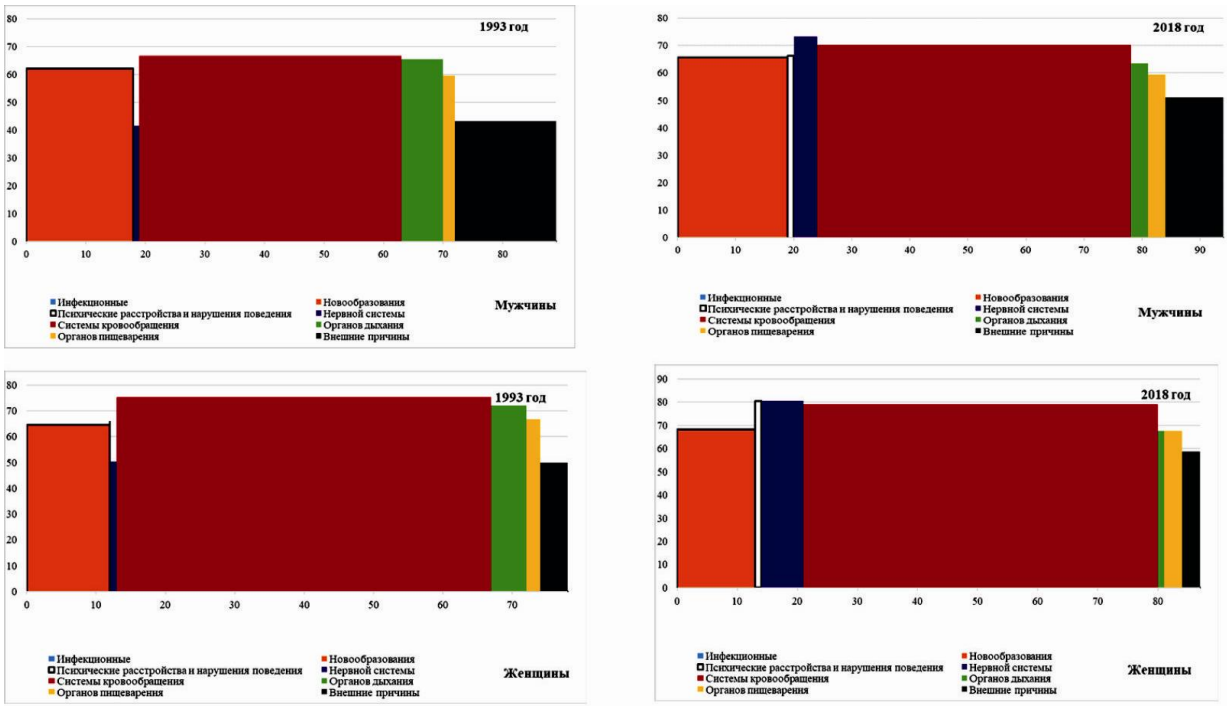

Рис.1. Средний возраст смерти и доля умерших от основных групп причин смерти в Беларуси в 1993 и 2018 гг. с разбивкой по полу

Приходится констатировать ряд негативных моментов существующей эпидемиологической модели смертности населения Беларуси, связанных с различиями в разрезе пола: для мужчин характерна высокая доля смертности от внешних причин, более значимая доля смертности от новообразований и органов дыхания, более низкий средний возраст смерти от всех причин. Как результат, низкая продолжительность жизни у мужчин, не позволяющая обеспечить высокий средний уровень показателя. В 2018 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении у белорусских мужчин была на 10 лет меньше, чем у белорусских женщин, и на 8 лет меньше, чем у европейских мужчин.

Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Беларуси составляет 74,5 лет, т.е. на 10 лет меньше, чем в Японии, и на 6,5 лет меньше, чем в странах Евросоюза.

По сравнению с началом 60-х лет XX века продолжительность жизни в Беларуси выросла всего на 1,6 года, тогда как в развитых странах на 13 лет.

Если бы продолжительность жизни с 1990 г. увеличивалась ежегодно на 0,1 года (средний темп прироста за последние 30 лет), то значение показателя было бы схоже с тем, которое мы достигли к 2018 г. (рисунок 2). Последние десять лет удалось устранить провал в продолжительности жизни, который образовался еще в 90-е годы.

Справедливости ради, нужно отметить, что если бы такого провала не было и продолжительность жизни ежегодно росла на 0,3 года (средний темп прироста в 1960-е годы), то средняя продолжительность жизни при

рождении уже в 2018 г. составила 80,5 лет, значение которое прогнозируется на 2035 год.

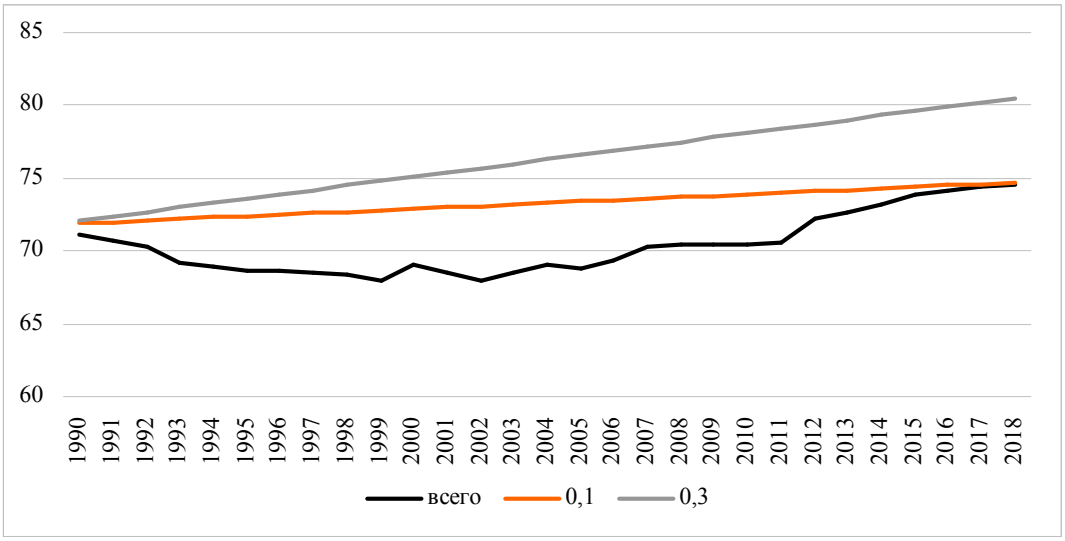

Рис. 2. Реальная и гипотетическая динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Республике Беларусь в 1990-2018 гг.

Для нарастания темпов прироста продолжительности жизни и преодоления разрыва с развитыми странами требуется доказавшая свою эффективность в странах Евросоюза стратегия продвижения ответственного отношения к своему здоровью у населения.

В условиях неоспоримого успеха в части развития медицинских технологий и фармацевтической отрасли для Беларуси профилактика становится флагманом системы здравоохранения на пути к сокращению смертности и повышению здоровой продолжительности жизни для всех граждан.

Опыт стран, где наблюдается устойчивая тенденция к снижению смертности, показывает, что эффективный контроль над неинфекционными заболеваниями возможен только при внедрении системных профилактических мер на межведомственной основе.

Существуют меры по профилактике неинфекционных заболеваний и борьбе с ними, реализация которых экономически выгодна и эффективна с точки зрения увеличения продолжительности здоровой жизни, в то время как затраты, связанные с принятием таких мер, меньше, чем среднедушевой валовой внутренний продукт [2].

В Беларуси учет не выделяет расходы на профилактику в чистом виде. В 2020 г. 71,7 млн рублей или 0,2% от суммы расходов на здравоохранение консолидированного бюджета распределяется на финансирование подпрограмм Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь», которые имеют ярко выраженную профилактическую направленность: профилактика и контроль неинфекционных заболеваний, предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма, туберкулез, профилактика ВИЧ-инфекции.

Хотя в целом в структуре консолидированного бюджета на 2020 г. расходы на здравоохранение занимают весомую позицию и составляют 15,3%. Пятая часть приходится на расходы республиканского бюджета. Средства республиканского бюджета расходуются на медицинскую помощь населению (577 млн рублей), научные исследования (18 млн рублей), санитарный надзор (6,7 млн рублей) и прочие расходы, включая закупку лекарств и медицинского оборудования (672,4 млн рублей) (рисунок).

Увеличение расходов на реализацию мер, направленных на преодоление сразу нескольких факторов риска, не только повлияет на сокращение смертности всего населения, но и сократит экономические потери, связанные с преждевременной смертностью.

УДК 316.334.3

Больницкая Айталина Николаевна
к. социол. н., ведущий научный сотрудник, Арктический научно-исследовательский центр АН РС(Я), г. Якутск, Россия

Социальная защита и поддержка пожилых граждан в российском обществе

Аннотация. *В условиях старения населения особую важность приобретают исследования, направленные на изучение социальной поддержки пожилых граждан. В статье дается описание основных тенденций развития пенсионной системы РФ, как одного из институтов социальной защиты пожилых граждан. Актуализируется необходимость выработки социальной политики в сфере занятости, социальной поддержки, здравоохранения, социального обслуживания, доходов, пенсионного обеспечения с учетом интересов различных возрастных групп пожилых граждан.*

Ключевые слова*: социальная поддержка**, социальная политика**, старение населения, пожилые граждане, пенсионная система, социальная защита*

Проблемы социальной защиты пожилых граждан приобретают повышенную актуальность в условиях распространения одного из самых значимых глобальных демографических процессов последних десятилетий – старения населения, характеризующегося увеличением удельного веса пожилых граждан в составе населения, причиной которого служат длительные изменения в характере воспроизводства населения [3]. Пожилой возраст и старость, как переход в систему новых социальных ролей и отношений, рассматривается как разновидность социального риска, сопровождаемая, как правило, потерей дохода, изменением социального статуса, вследствие утраты трудоспособности.

По своему составу группа пожилых неоднородна, ей присуща внутренняя дифференциация по социальным и экономическим характеристикам. В рамках данной группы можно выделить с одной стороны, социально и экономически активных, с другой – одиноких, нуждающихся в помощи и уходе пожилых граждан.

Старость характеризуется объективными изменениями, приводящими к необходимости развития особых форм социальной помощи и услуг:

- ухудшение состояния здоровья, которое связано с возрастными биологическими изменениями в организме, ослаблением функций отдельных органов и систем – расширение сферы здравоохранения и оказание медицинской помощи;

- проблемы с самообслуживанием, и связанная с этим необходимость в уходе – развитие системы социального обслуживания;

- стигматизация (стеротипизация), приводящая к ущемлению трудовых прав пожилых – разработка мер социальной поддержки в сфере трудовых отношений;

- изменение социального статуса, обусловленного сменой образа жизни, потребностей, интересов, выполняемых функций в семье и обществе, зачастую приводит к снижению уровня жизни пожилых – развитие мер социальной поддержки;

- утрата работоспособности – основным механизмом обеспечения гарантии доходов граждан старшего поколения, утративших трудоспособность, является пенсионное обеспечение.

Наряду с депопуляцией коренного населения, вызванной снижением рождаемости в развитых странах мира, старение населения – это процесс, имеющий большие социальные последствия для развития общества. Изменения возрастной структуры населения влияют на параметры трудовой сферы, системы социальной поддержки населения, социального страхования, что приводит к необходимости пересмотра направлений социальной политики государства, формулирования новых государственных и общественных задач в отношении граждан старшего поколения и общества в целом. Создание общества для всех возрастов, включая формирование условий для использования знаний, опыта, потенциала граждан старшего поколения, проявление заботы о пожилых гражданах и оказание им необходимой помощи стало одной из ключевых задач Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года.

Предоставление гражданам социальных и социально-экономических прав служит одним из проявлений прогресса человеческой цивилизации. Будучи в начале ограниченной, такая тенденция получает широкий охват и практически повсеместное распространение. «Всеобщая декларация прав человека», принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., провозгласила наряду с политическими и личными правами право каждого человека на «такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства,

наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам» (ст.25) [1].

Пожилые – это одна из самых многочисленных категорий получателей различных видов социальной помощи, на выплату которых государством предусмотрены немалые финансовые средства. В современных условиях в рамках применения механизмов системы социальной защиты речь идет об изменении стратегий, использовании новых форм и методов социальной защиты пожилых граждан.

Такие составляющие старения населения как изменение социальной структуры общества, в том числе привнесение в систему ориентиров, потребностей и интересов общества ориентиры, потребности и интересы пожилых граждан, увеличение продолжительности жизни меняют институциональные характеристики (характеристики учреждений, нормы, объем помощи, охват населения), в том числе и критериально-нормативные параметры системы социальной защиты – возраст выхода на пенсию, размер пенсии, коэффициент замещения пенсии, изменяются критерии, возрастные ограничения при поступлении в образовательные учреждения и др.

Одним из основных институтов социальной защиты пожилых граждан является – пенсионная система. Современная пенсионная система – это комплекс институтов пенсионирования, призванных выполнять функцию социальной защиты прежде всего пожилых граждан общества. Создание в большинстве развитых государств условий, позволяющих пенсионерам жить, не слишком ограничивая себя в рамках сложившихся жизненных стандартов, рассматривается в качестве одного из принципиальных завоеваний современных обществ. Сегодня большое значение придается уровню реализации социальных прав граждан. Одним из таких прав является право на достойную пенсию. Пенсионная система исторически рассматривается как звено общего защитного механизма населения и как часть социальной политики государства, которая с одной стороны призвана обеспечить эффективную социальную защиту пенсионеров, а с другой функционировать так, чтобы интересы разных групп населения, в первую очередь, работающих и уже вышедших на пенсию, не противоречили друг другу. Социальная защита пенсионеров проявляется в уровне и качестве их жизни, в характере их материального, духовного и социального потребления.

Направление развития социальной политики государства в рамках той или иной модели имеет особое значение для выстраивания структуры пенсионной системы, влияя на формирование ее ключевых критериев – условия назначения и выплаты пенсий, порядок исчисления размеров пенсий и финансовое обеспечение. Особенности сочетания этих критериев формируют общие характеристики, модель пенсионной системы.

Как показывает практика, для большинства национальных пенсионных систем характерны следующие признаки. Обязательное пенсионное страхование в большинстве стран играет ключевую роль, обеспечивая соответствие пенсии трудовому вкладу. Перераспределительная часть, которая реализуется в «базовой», «социальной» пенсии сохраняет свое значение для обеспечения минимального дохода. Роль институтов индивидуального

пенсионного страхования является пока скромной по сравнению с другими институтами. При этом формы и пропорции сочетания институтов пенсионирования зависят от особенностей социальных доктрин устройства общества (либерального, консервативного, социал-демократического и т.д.), а также сопутствующих внешних и внутренних факторов развития.

Будучи порождением общества, пенсионная система вплетена сетями в социальные взаимодействия через экономические, трудовые и демографические механизмы. Сбои в этих сетях приводят к рассогласованию системных связей, особенно в системах, использующих распределительные схемы. Бесперебойная работа механизмов пенсионирования требует соблюдения демографических условий – соотношение работоспособных и нетрудоспособных граждан; экономических – показатели эффективности экономики (ВВП, объем производства и пр.); трудовых – показатели занятости населения, размер заработной платы. Сложность регулирования и поддержания этих условий объясняется усилением влияния внешних факторов – мировых социальных процессов (глобализация, безработица, финансовые кризисы). Эти процессы меняют характер социальных, трудовых взаимодействий, определяющих социальные устои государств.

Большое влияние на институциональное развитие пенсионной системы имеют политические, экономические и культурные трансформации, порожденные внутренними процессами государств – изменения общественно-политического устройства, влекущие системные преобразования в институциональной структуре обществ, а также в системе ценностей социальных групп. Общественные изменения, вызванные внешними и внутренними социальными процессами влияют на развитие человека, его поведение, интересы и социальное положение. Социальные практики, обусловленные повседневными поведенческими характеристиками человека, в свою очередь определяют характер развития культурных факторов развития пенсионной системы – ответственность, активность, солидарность, самозащита. В рамках исследований трансформации общества, исследователи анализировали формальные и неформальные практики социальных групп [2], систему ценностей человека [5], восприимчивость к изменениям норм [3]. Социальные практики, являющиеся продуктами системы ценностей, норм, правового сознания людей, непосредственно влияют на эффективность деятельности пенсионной системы.

Еще одно следствие влияния социальных процессов – изменение социальной структуры общества – во-первых, появление новых социальных групп, со своими интересами и потребностями (средний класс, индивидуальные предприниматели), во-вторых, дифференциация населения (появление бедной прослойки, крайние формы неравенства), и в-третьих, изменение социально-трудовой структуры (состава, социальных и трудовых характеристик работников).

Переустройство пенсионной системы советского образца предполагало переход к формированию ее нового рыночного типа, основу, которой должно было составить пенсионное страхование вместо пенсионного обеспечения, характерного для советского периода. Итогом

реформирования стала структурная модификация пенсионной системы и коррекция ее параметрических характеристик. Главное нововведение – это внедрение накопительного элемента в обязательную пенсионную систему, а также изменение некоторых параметров пенсионной системы (формулы расчета, необходимого стажа и др.).

Цель, движущая реформаторов – вливание в фондовый рынок длинных денег, с риторикой ее активизации со всеми вытекающими выгодами для экономики страны. Реформа, ее результаты должны были проявиться в долгосрочной перспективе с учетом накопительной составляющей концепции. Однако уже через несколько лет реформаторы заговорили о провале реформы, о ее несостоятельности, и необходимости ее пересмотра, вплоть до смены курса.

На переходном этапе несомненными достижениями реформы стали: формальное решение проблемы бедности, благодаря нормативному достижению размера пенсии до уровня прожиточного минимума пенсионера; зависимость размера пенсии от трудового вклада; увеличение размера пенсий для отдельных категорий пенсионеров (инвалидов, престарелых и пр.).

Реформа пенсионного страхования, в частности повышение возраста выхода на пенсию с 55 до 60 для женщин и с 60 до 65 для мужчин, увеличение численности пожилых в составе трудовых ресурсов поднимает вопросы трудоустройства лиц предпенсионного возраста, увеличения периода активного долголетия, реализации трудового и профессионального потенциала пожилых, преодоления дискриминации пожилых по возрастному критерию. В Российской Федерации по официальным данным, занятость пожилых людей, начиная с 2002 года, растет и в настоящее время охватывает около четверти всех людей пенсионного возраста.

Таким образом, старение населения комплексно влияет на развитие всего общества. Это обстоятельство требует формирования социальной политики государства с учетом демографических факторов. Социальная политика в сфере занятости, социальной поддержки, здравоохранения, социального обслуживания, доходов населения, пенсионного обеспечения должна формироваться с учетом интересов пожилых граждан. При этом меры социальной политики должны быть дифференцированы в зависимости от потенциала и потребностей различных возрастных групп граждан старшего поколения. Кроме того, государство должно создать условия для удовлетворения нарастающих потребностей пожилых в социальных и медицинских услугах.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения 28.05.2020)

2. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования. 2002. № 6. С. 3-17.

3. Кузьминов Я.И. Институты: От заимствования к выращиванию / Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. //Вопросы экономики. 2005. №5. С.5-27.
4. Федотова Г.В. Социальное государство и рынок // Свободная мысль. 2002. № 7.
5. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4. С. 4-36.

УДК 316.4

Гоманова Сильвия Олеговна
к.соц. н., научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
доцент кафедры ЮНЕСКО «Зеленая химия для устойчивого развития», ФГБОУ ВО «РХТУ им. Д.И. Менделеева», г. Москва, Россия

Предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций силами волонтеров в РФ[104]

Аннотация. *Высокие темпы экономического роста и усложнения инфраструктуры приводят к повышению рискогенности окружающей среды, определяют возникновение чрезвычайных ситуаций разного уровня. Ликвидация их последствий представляет собой значительный ущерб для экономики и народонаселения России. Огромный социальный, экономический и экологический эффект имеет привлечение для предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций разного уровня сил добровольцев. Важным, по мнению автора, является учет рискогенности и специфики отдельных регионов для формирования эффективной системы взаимодействия с волонтерами.*

Ключевые слова: *чрезвычайные ситуации (ЧС), предотвращение ЧС, ликвидация ЧС, риски, волонтеры, добровольцы.*

Современное общество характеризуется высокими темпами наращивания объектов инфраструктуры (в широком смысле) и усложнения систем управления ими, а также усилением давления на окружающую среду. Масштабы изменений приводят к возрастанию рисков возникновения чрезвычайных ситуаций (ЧС) как природного, так и антропогенного характера.

В 2018 году природные и техногенные катастрофы в мире стали причиной экономического ущерба в размере 165 млрд. долларов и только около половины этих средств были покрыты страховыми компаниями [16].

[104] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №19-78-10052 «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России».

Очевидно, что ЧС невозможно избежать. Это также ясно, как и то, что ни одно государство в мире не может позволить себе содержать штат официальных служб спасения, который в случае возникновения ЧС сможет эффективно справиться с ликвидацией ее последствий без посторонней помощи. Эффективность в данном случае предполагает минимизацию социальных, экономических и экологических последствий ЧС в максимально короткие сроки.

Вопреки распространенному мнению о том, что масштабные бедствия, способствуют пассивности, запуганности населения и порождают мародерство и грабежи, существуют исследования, доказывающие, что ЧС способствуют активному сплочению населения для преодоления возникших проблем [15].

В связи с этим многие государства мира активно используют силы волонтеров в ликвидации последствий и предотвращении возникновения ЧС [18]. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был подчеркнут вклад добровольцев в развитие общества в целом и в ЧС в частности [14]. Вклад добровольческой деятельности в ВВП в среднем составляет около 0,9-1% [1-2; 17].

Анализ материалов Государственных докладов «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [3-12] показал, что за последние 5 лет в Российской Федерации произошло 18 ЧС федерального характера, а за предыдущие 5 лет отмечено 10 аналогичных ситуаций. За последние 10 лет в нашей стране суммарно умерло около 7 тысяч человек и более 800 тысяч пострадало в результате ЧС. Экономический эффект составил в среднем 12 млрд. рублей за последние 5 лет.

Основными видами являются техногенные, природные и биолого-социальные ЧС. На рисунке 1 показано, что за последние 10 лет соотношение разных типов ЧС изменилось: стало меньше природных и больше техногенных аварий, а также значительно снизилась частота террористических акций.

Что касается учета участия безвозмездной помощи граждан, то можно заметить, что в Государственных докладах [4-12] за период с 2010 по 2018 годы учитывается деятельность исключительно добровольной пожарной охраны. В докладе 2019 года для деятельности волонтеров и объединений выделен отдельный параграф «Привлечение общественных объединений и других некоммерческих организаций к деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций» [3], который раскрывает количественные и качественные характеристики добровольческой деятельности в ЧС.

Наиболее крупными волонтерскими организациями в РФ, по мнению авторов доклада, являются:

– Всероссийское добровольное пожарное общество (ВДПО);

– Общероссийская общественная организация «Российский союз спасателей» (РОССОЮЗСПАС);

– Всероссийская общественная молодежная организация «Всероссийский студенческий корпус спасателей»;

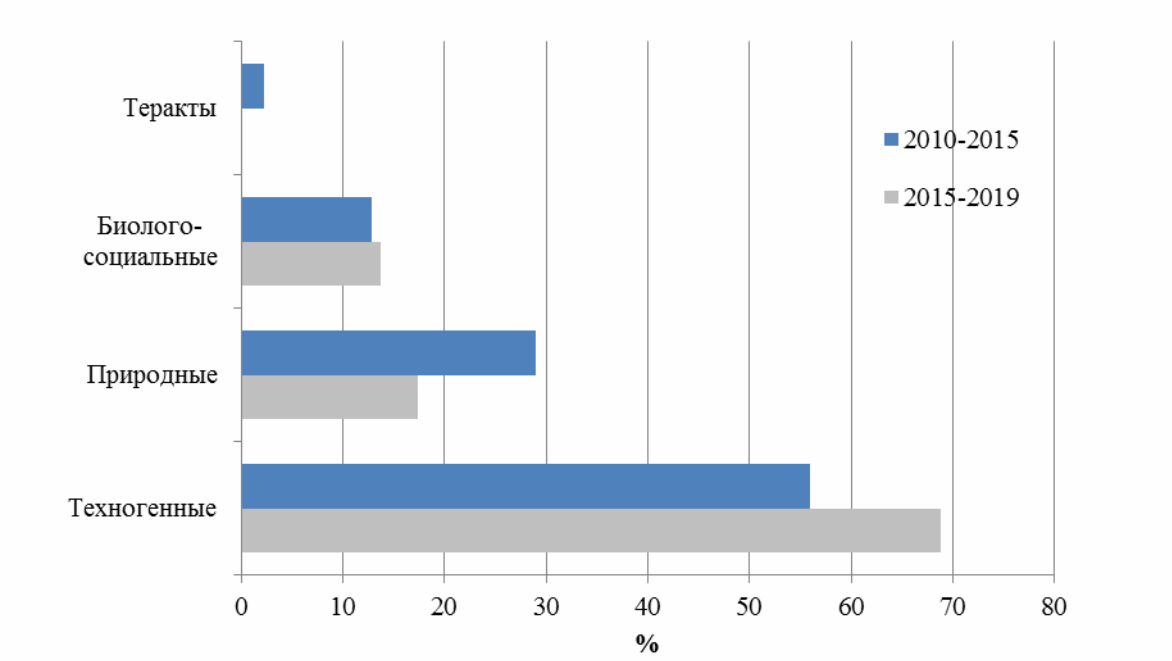

Рис. 1. Соотношение типов чрезвычайных ситуаций в РФ за последние 10 лет (в % от общего количества ЧС за каждые 5 лет) [3-12]

– Волонтерское некоммерческое общественное объединение «Поисково-спасательный отряд «Лиза Алерт»;

– Всероссийское общество спасания на водах;

– Интернет-служба экстренной психологической помощи;

– Студенческий психологический добровольческий отряд на базе ФКУ ЦЭПП МЧС России.

Интересно, что государственные службы стали более активно вести работу по привлечению добровольцев для участия в предупреждении и ликвидации последствий разного рода ЧС. Например, в 2019 г. с целью активизации «чрезвычайного добровольчества», МЧС России проводило разного рода интерактивные мероприятия в 9 собственных социальных сетях: акции, конкурсы, флешмобы и челенджи. Эти действия позволили увеличить охват аудитории, он достиг 24 млн. человек, из них более миллиона активных участников.

Учет региональной специфики в развитии волонтерской деятельности в ЧС, по мнению автора, имеет принципиальное значение. Во-первых, необходимо учитывать основные угрозы, возникающие на определенной территории и их причины. Так, из рисунка 2 видно, что наиболее рискогенными в целом по стране являются Приволжский, Южный и Центральный федеральные округа, в то время как техногенные ЧС распространены в большей степени в Центральном, Приволжском и Сибирском, а природные катаклизмы чаще обрушиваются на Приволжский, Сибирский и Южный округа. Во-вторых, важно понимать культурные особенности местности как для работы с населением по предупреждению ЧС, так и для эффективной работы по ликвидации последствий.

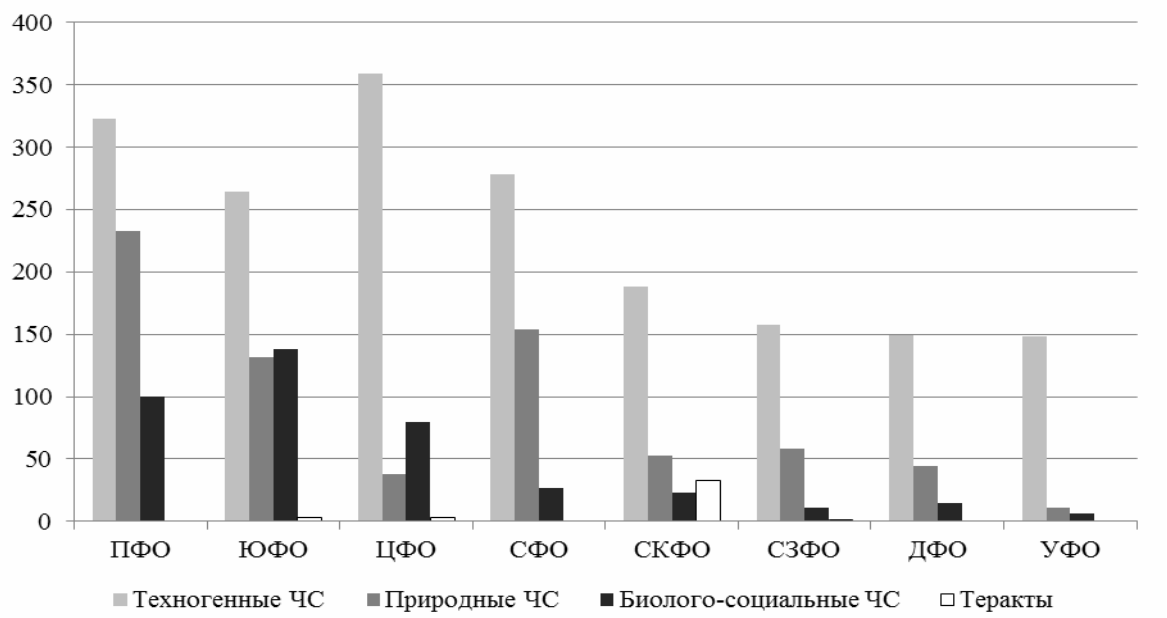

Рис. 2. Распространенность разного типа ЧС в зависимости от федерального округа за 2010-2019 гг. (*суммарное количество случаев, федеральные округа расположены по убыванию относительно общего количества ЧС за указанный период*) [3-12]

Деятельность добровольцев в области предотвращения и ликвидации последствий ЧС в РФ должна и может быть эффективной за счет нескольких важных факторов. Во-первых, это возможности решения конкретных задач, в том числе и узконаправленных, что в комплексе дает широкий охват типов ЧС. Во-вторых, заинтересованность в урегулировании той или иной проблемы из-за высокой степени вовлеченности (сопереживания). В-третьих, высокая скорость реагирования и аккумулирование средств и ресурсов для разрешения возникшей ситуации, которые достигаются за счет уменьшения бюрократической нагрузки по сравнению со штатными службами [13, С.23].

Тем не менее, результаты анализа интервью с экспертами и волонтерами в условиях ЧС в России (2020 г.) вскрывают следующие основные проблемы:

1) необходимости учета региональной специфики типов ЧС;
2) скученности волонтерского движения в более развитых регионах;
3) разрозненности и недоверия всех участников профилактики и ликвидации последствий ЧС (официальные службы спасения, бизнес, благотворительные фонды, общественные объединения, волонтеры (добровольцы), пострадавшие);
4) формальности существования некоторых добровольческих организаций;
5) институционализации волонтерства (несовершенство нормативно-правовой базы) и т.д.

Вместе с тем, даже сейчас очевидно, что волонтеры играют важную роль в предупреждении и ликвидации последствий ЧС наряду с официальными службами. Но важно понимать, что отработанный механизм

взаимодействия с официальными службами и знание региональной специфики ЧС позволит повысить качество работы и ее эффективность.

Список литературы

1. Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / под ред. И. В. Мерсияновой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 69 с. URL: https://grans.hse.ru/data/2019/04/12/1175038522/Волонтерство%20и%20благотворительность%20НА%20САЙТ.pdf (дата обращения 05.09.2020).
2. Волонтерство как потенциал развития здорового общества // ТАСС, ПМЭФ-18. URL: https://tass.ru/pmef-2018/articles/5239129 (дата обращения 08.09.2020).
3. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2020. 259 с.
4. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». в 2018 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2019. 344 с.
5. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2017 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2018. 376 с .
6. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2016 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2017. 360 с.
7. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2015 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2016. 90 с.
8. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2014 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 350 с.
9. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2013 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2014. 344 с.
10. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2012 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2013.341 с.

11. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2011 году». М.: МЧС России; ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2012. 309 с.
12. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2010 году». М.: МЧС России; ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2011. 299 с.
13. Мерсиянова И.В. Якобсон Л.И. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2009. 201 с.
14. Резолюция 56 сессии Генеральной Ассамблеи ООН / Рекомендации о поддержке добровольчества. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/56/38 (дата обращения 05.09.2020).
15. Aminizade M., Nekouei Moghaddam M., Birami Jam M., Shamsi M., Majidi N., Amanat N., et al. The Role of Volunteer Citizens in Response to Accidents and Disasters // Health in Emergencies and Disasters Quarterly. – 2017. – №2 (3). – P.107-124.
16. McCarthy N. The Massive Cost Of Disasters URL: https://www.statista.com/chart/12379/economic-losses-from-natural-disasters (дата обращения 05.09.2020).
17. The State of Global Civil Society and Volunteering: Latest findings from the implementation of the UN Nonprofit Handbook (2013) / Lester M. Salamon. URL: http://www.ncdsv.org/images/JHUCCSS_State-Global-Civil-Society-Volunteering_3-2013.pdf (дата обращения 10.09.2020).
18. Twigg J., Mosel I. Emergent groups and spontaneous volunteers in urban disaster response // Environment & Urbanization. 2017. Vol. 29 (2).PP. 443-458.

УДК 614:316.3:711.4

Григорьева Елена Анатольевна
к.б.н., ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИКАРП ДВО РАН), г. Биробиджан, Россия

Разработка интегральной модели благополучия человека, связанного со здоровьем, для обеспечения социальной безопасности региона

Аннотация. *Рост урбанизации на фоне глобальных климатических изменений значительно влияет на здоровье и благополучие городского населения. Предлагается современная интегральная модель благополучия населения, связанного со здоровьем, учитывающая комбинированное и комплексное воздействие природно-экологических, социально-экономических и культурных факторов городской среды на организм человека. Разработка*

модели позволит эффективно управлять городским планированием для обеспечения социальной безопасности региона.

Ключевые слова: *здоровье населения, интегральная модель, социальное благополучие, городское планирование, социальная безопасность.*

Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, для существенного повышения качества жизни населения необходимо создание технологий и продуктов, способных своевременно реагировать на большие вызовы [1]. Среди больших вызовов для общества, государства и науки наиболее значимыми для научно-технологического развития РФ называются, в том числе, демографический переход, обусловленный увеличением продолжительности жизни людей, возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду, рост рисков для жизни и здоровья граждан.

В связи с увеличением уровня урбанизации на фоне глобального изменения климата необходимо понимание полной картины влияния новых условий на здоровье человека в городской среде [8, 18, 19]. Это не только обострение социально-демографических вопросов, главным образом, в связи со старением населения, но и связанные с быстрой урбанизацией экологические проблемы, такие как загрязнение и деградация окружающей среды, появление островов городского тепла и др., которые комбинированно и комплексно воздействуют на здоровье населения. В то же время, при повышении уровня урбанизации наблюдается улучшение медицинского обеспечения, что позитивно сказывается на показателях состояния здоровья [5].

Мы предлагаем интегральную модель благополучия и здоровья человека, объединяющую все компоненты, участвующие в формировании городского пространства. Создание такой модели позволит выявить основные влияющие на здоровье факторы в их сложном и зачастую синергетическом взаимодействии; определить важнейшие для здоровья риски; выявить основные группы риска, что позволит, в конечном итоге, эффективно решать проблемы урбанизированных территорий. Для построения модели проведен анализ литературы: систематизированы разработанные ранее концепции; определены основные составляющие и их блоки; уточнены прямые и косвенные, а также синергетические взаимосвязи между ними.

Прежде всего, модель основывается на концепции качества жизни (КЖ), связанного со здоровьем (health-related quality of life), которое понимается как интегральная характеристика физического, психического и социального функционирования здорового и больного человека, и базируется на его субъективном восприятии [13, 15, 17, 21, 22]. Качество жизни, связанное со здоровьем, является новой методологией в медицине XXI века и дает возможность анализа эффективности функционирования системы здравоохранения через субъективную оценку населением состояния своего физического, психического, социального здоровья и его роли в контексте влияния на общее качество жизни [15]. В этом контексте модель КЖ состоит из

основных частей – качества населения и качества среды жизнедеятельности, которая рассматривается как совокупность природных, производственных, антропогенных, социальных, рекреационных элементов; в итоге КЖ служит важнейшим показателем общественного благополучия и здоровья [4].

Одним из самых перспективных является созданный более 30 лет назад проект «Здоровые города» [2, 10, 21, 24]. Модель «Здорового города» основывается на системе, состоящей из экологического, экономического, социально-демографического, культурного, управленческого блоков; при этом здоровье городского населения является функцией условий жизни, формирующихся на муниципальном, национальном и глобальном уровнях [14]. На сегодня в мире инициативой охвачено около 1000 городов. Например, в Европе составлен план, состоящий из 7 основных этапов, предусматривающих к 2024 г. постепенное достижение целей улучшения здоровья и повышения уровня благополучия городского населения. Он включает, в том числе, решения вопросов социального развития, включая проблемы здорового старения, повышения устойчивости к неблагоприятным внешним воздействиям, городского планирования с учетом здоровья, т.е. обустройства благоприятного для здоровья дизайна городов [3]. Основное требование – наличие скоординированного политического, стратегического и оперативного планирования городского здравоохранения, направленного на достижение принципа «здоровье для всех».

Концепция «Экологической взаимосвязи между окружающей средой и здоровьем» для достижения целей индивидуального здоровья предполагает учет таких составляющих, как жизненный уклад, окружающая среда, человек как биологическое существо, и использование медицинского образования, исследований в области медицины и всестороннее развитие здравоохранения [12]. Доступное жилье, стабильная занятость, транспортные услуги, здоровое питание и качественное общее образование называются в ряду важнейших социальных детерминант здоровья, являющихся ключевыми компонентами профилактики хронических заболеваний и укрепления здоровья [11].

Не менее интересен проект «Карты здоровья», где общественное здоровье рассматривается в контексте состояния естественной и урбанизированной окружающей среды с учетом образа жизни, социального устройства, местной экономики, при этом экосистемные услуги тесно связаны с городским здравоохранением [6].

Заслуживает внимания суммирующая идеи движения за здоровые города концептуальная модель городского благополучия населения UrbWellth, предложенная немецкими коллегами [23]. UrbWellth включает два основных блока: городское население на индивидуальном и популяционном уровне, с одной стороны, и окружающую городскую среду, как естественную, так и созданную человеком, с другой стороны. Модель объединяет индивидуальные физические (объективный статус здоровья), психические (субъективный статус здоровья) и эмоциональные (эмоциональное благополучие) аспекты здоровья с природной (климат) и городской

специфической (общественные парки) средой с учетом политической системы (городское управление) и социального обустройства [23].

Современные изменения демографического профиля населения в сторону старения с тенденцией на сокращение заболеваемости в пожилом возрасте, направленность вопроса «выживания» не только на количество, но и на качество, стимулируют дальнейший интерес к внедрению мер, нацеленных на повышение качества жизни групп населения, уязвимых к воздействию различных факторов городской среды [7,16]. И здесь важным звеном в решении вопросов урбанизированных территорий является правильное планирование городской инфраструктуры с учетом экологических нормативов [20].

Беря за основу схему UrbWellth и ее основные блоки, и с учетом концепции качества жизни, связанного со здоровьем, мы предлагаем Интегральную модель благополучия и здоровья человека. В модели рассматривается взаимосвязь между устойчивостью урбанизированных территорий и качеством жизни, принимая во внимание комбинированное и комплексное взаимодействие природных, экологических, социально-экономических и культурных факторов городской среды. Усиление эффекта городской острова тепла и проявление волн жары, загрязнение природных сред требуют особого внимания к наиболее чувствительным группам населения, что должно учитываться в блоках «Планирование и управление градостроительными технологиями», «Городская система здравоохранения». В свете глобальных проблем, связанных с возможностью распространения эпидемий, и нарастающей уязвимостью городских территорий [9], необходимо правильное пространственное проектирование и соответствующее развитие транспортной инфраструктуры. В итоге разработка такой модели позволит эффективно управлять городским планированием для обеспечения социальной безопасности региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00923.

Список литературы

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (Утверждена Указом Президента РФ от 01.12. 2016 г. № 642).

2. Бабенко А.И. Программа «Здоровый город»: концепция, стратегия, методология формирования, критерии // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2004. № 5. С. 29-34.

3. ВОЗ. Что такое «Здоровый город»? URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/environment-and-health/urban-health/who-european-healthy-cities-network/what-is-a-healthy-city [Дата обращения: 28.05.2020].

4. Суховеева А.Б. Качество среды жизнедеятельности населения дальневосточных регионов России: социально-экологический аспект // Вестник уральской медицинской академической науки. 2019. Т. 16, №2. С. 230–236, DOI: 10.22138/2500-0918-2019-16-2-230-236

5. Улумбекова Г.Э., Гиноян А.Б., Чабан Е.А. Количественный анализ факторов, влияющих на состояние здоровья населения в Российской Федерации // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2016. №2 (24). С. 107-120.

6. Barton H., Grant M. A health map for the local human habitat // J. R. Soc. Promot. Health. 2006. V.6. P. 252–253. https://doi.org/10.1177/1466424006070466

7. Brennan E.M. Population, urbanization, environment, and security: a summary of the issues // W. Wilson Comp. Urban Stud. – 1999. – V. 5. – P. 4–14.

8. Childers D.L., Cadenasso M.L., Grove J.M., Marshall V., McGrath B., Pickett S.T.A. An Ecology for Cities: A Transformational Nexus of Design and Ecology to Advance Climate Change Resilience and Urban Sustainability // Sustainability. 2015. V. 7(4). P. 3774–3791. https://doi.org/10.3390/su7043774

9. Connolly C., Keil R., Ali H. Extended urbanisation and the spatialities of infectious disease // Urban Stud. – 2020. doi: 10.1177/0042098020910873

10. D'Onofrio R., Trusiani E. For the "Human" Development of Cities in an Era of Climate Change // Urban Planning for Healthy European Cities. – SpringerBriefs in Geography. Springer, Cham. 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71144-7_1

11. Elias R.R., Jutte D.P., Moore A. Exploring consensus across sectors for measuring the social determinants of health // SSM – Population Health. – 2019. – V. 7. – P. 100395. https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100395

12. Evans R.G., Stoddart G.L. Producing health, consuming health care // Soc. Sci. Med. 1990. V. 12. P. 1347–1363. https://doi.org/10.1016/0277-9536(90)90074-3

13. Ferrans C.E., Zerwic J.J., Wilbur J.E., Larson J.L: Conceptual model of health related quality of life // J. Nurs. Scholarsh. 2005. V. 37(4). P. 336–342. https://doi.org/10.1111/j.1547-5069.2005.00058.x

14. Galea S., Freudenberg N., Vlahov D. Cities and population health // Social Science & Medicine. 2005. V. 60. P. 1017–1033. doi:10.1016/j.socscimed.2004.06.036

15. Grigorieva E.A., Sukhoveeva A.B. Quality of Life, Reproductive Health and Social Security: Medical and Social Environment at the Russian Far East // Geography, Environment, Sustainability. 2020.V.13(1). P. 92–98. DOI-10.24057/2071-9388-2019-48

16. Hickey, A., Barker, M., McGee, H. et al. Measuring health-related quality of life in older patient populations // Pharmacoeconomics. 2005. V. 23. P. 971–993. https://doi.org/10.2165/00019053-200523100-00002

17. Kindig D., Stoddart G. What Is Population Health? // Am J Public Health. 2003. V. 93. P. 380–383. https://doi.org/10.2105/AJPH.93.3.380

18. Majeed M.T., Ozturk I. Environmental degradation and population health outcomes: a global panel data analysis // Environ Sci Pollut Res. 2020. V. 27.P. 15901–15911. https://doi.org/10.1007/s11356-020-08167-8

19. McMichael A.J., Woodruff R.E., Hales S. Climate change and human health: present and future risks // The Lancet. 2006. V. 367(9513). P. 859–869. doi:10.1016/s0140-6736(06)68079-3

20. Pazhuhan M., Shahraki S.Z., Kaveerad N., Cividino S., Clemente M., Salvati L. Factors Underlying Life Quality in Urban Contexts: Evidence from an Industrial City (Arak, Iran) // Sustainability. 2020. V. 12(6). P. 2274. https://doi.org/10.3390/su12062274

21. Stigsdotter U.K., Ekholm O., Schipperijn J. et al. Health promoting outdoor environments-associations between green space, and health, health-related quality of life and stress based on a Danish national representative survey // Scandinavian Journal of Social Medicine. 2010. V.38.P. 411-417. https://doi.org/10.1177/1403494810367468

22. Vlahov D., Freudenberg N., Proietti F et al. Urban as a Determinant of Health // J. Urban Health. 2007. V. 84. – P. 16–26. https://doi.org/10.1007/s11524-007-9169-3

23. von Szombathely M., Albrecht M., Antanaskovic D., et al. A Conceptual Modeling Approach to Health-Related Urban Well-Being // Urban Sci. 2017. V. 1(2). P. 17. https://doi.org/10.3390/urbansci1020017

24. World Health Organization. Health Promotion Glossary. Geneva, 1998.

УДК 616.921.5:576.8.097.3

Гундаров Игорь Алексеевич
д.м.н., к.ф.н., профессор, главный специалист Института лидерства и управления здравоохранением Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова г. Москва, Россия
Гундаров Борис Игоревич
аспирант кафедры социологии управления Академии труда и социальных отношений, г. Москва, Россия

Значение волн респираторных заболеваний для профилактики смертности от вирусных инфекций

Особенностью коронавирусной инфекции COVID-19, в отличие от предыдущих вспышек острых респираторных заболеваний (ОРЗ), является противоречивость теоретических объяснений, хаос управленческих решений, глобально ухудшение социально-экономических условий жизни. Этим объясняется решение правительства Австралии, поддержанное многими странами мира, предложить Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) провести оценку сложившейся ситуации [1].

В объяснении происхождения COVID-19 мировое здравоохранение исходит из гипотезы «нулевого пациента» – жителя города Уханя (Китай), заразившегося от морепродуктов местного рынка в декабре 2019 г. От него

пошли эпидемические волны. Если бы ни эта случайность, не было бы пандемии. Поэтому основой профилактики считается максимальная изоляция больных от здоровых.

Накопленные факты ставят эту версию под сомнение. По мнению экспертов ВОЗ [2], первые больные неизвестной пневмонией появились осенью 2019 г. в США, т.е. задолго до уханьской вспышки. При рентгенографии лёгких у них отмечались мутные пятна, характерные для ковидных поражений [3,4]. Во Франции у заболевшего к концу 2019 г. пневмонией парижанина ретроспективный анализ обнаружил коронавирус [5]. В России тогда же отмечалась волна тяжелой пневмонии, особенно выраженная во Владимирской, Самарской, Оренбургской областях, в городах Москве, Ростове-на-Дону, Ульяновске, Красноярске и др. Клиническая картина характеризовалась высокой температурой и длительным «разрывающим грудь» кашлем. Причина не была установлена [6]. Аналогичные по тяжести респираторные заболевания наблюдались в Латвии, Литве, Эстонии, трактовавшиеся как грипп [7].

Трудно объяснимо появление одновременных вспышек COVID-19 в закрытых воинских контингентах при строгом соблюдении противоэпидемических режимов. На французском авианосце Шарль де Голь 14 апреля обнаружили около 700 инфицированных моряков. Тогда как его заход в порт случился два инкубационных периода назад [8]. На американском авианосце Теодор Рузвельт 24 марта среди 4,6 тысяч человек экипажа у 840 обнаружили коронавирус. Ещё три американских авианосца вскоре оказались заражёнными [9,10]. Загадочность усиливается исследованиями китайских учёных, доказавших отсутствие следов коронавируса в образцах морепродуктов, продававшихся в декабре 2019 г. на рынке г. Уханя [11].

На этом основании возникла альтернативная экологическая гипотеза. Экология есть наука о взаимодействии живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой. В результате образуются биогеоценозы, использующие механизмы цикличного функционирования. Разработкой этой темы в советские годы занимались Институт проблем экологии и эволюции имени А. Н. Северцева (Москва), Институт экологии растений и животных (Свердловск), Институт фундаментальной медицины и биологии (Казань). Коронавирусы наряду с другими микробами являются элементами ежегодного биоценоза. Поэтому вспышка COVID-19 может оказаться не случайностью, а экологической закономерностью, проявляющейся циклическими волнами смертности от пневмоний. Врачам хорошо известна сезонных респираторных заболеваний – осень, зима, весна. В то же время нет ясности, что понимается под «эпидемической волной», сколько волн существует, какова их длительность, когда конкретно они появляются и чем обусловлены причины? Не менее важен вопрос о респираторной заболеваемости вне волн. Бытует мнение, что с завершением эпидемии устраняется опасность летальных ОРЗ. А если вновь появляются

заболевшие, значит, наступает очередная эпидемическая волна. Однако доказательств этому не представлено.

Для объяснения фактов изучена помесячная динамика респираторной вирусной инфекции за 2015-2020 гг. [12]. Наиболее достоверному учёту подлежит сезонная смертность от пневмоний: они имеют точные клинические показатели и их трудно фальсифицировать. Цель исследования – изучение связи смертности от острых пневмоний, включая коронавирусные, с годичной цикличностью экологических условий. В качестве материала использовались данные Росстата (сведения о помесячной смертности от пневмоний за 2015–2020 гг.) [13] и информационный ресурс Института Джона Хопкинса о заболеваемости COVID-19 в 181 стране мира за 2020 г. [14].

Предметом анализа служила смертность от внебольничных пневмоний – надёжный индикатор респираторного неблагополучия. Математические расчёты осуществлялись с применением классических методов медицинской статистики. При изучении годичных процессов начальным месяцем обычно используется январь. Это соответствует юлианскому календарю, веденному римским императором Юлием Цезарем. При таком рассмотрении траектория смертности от пневмоний имеет хаотичный вид (рис.1).

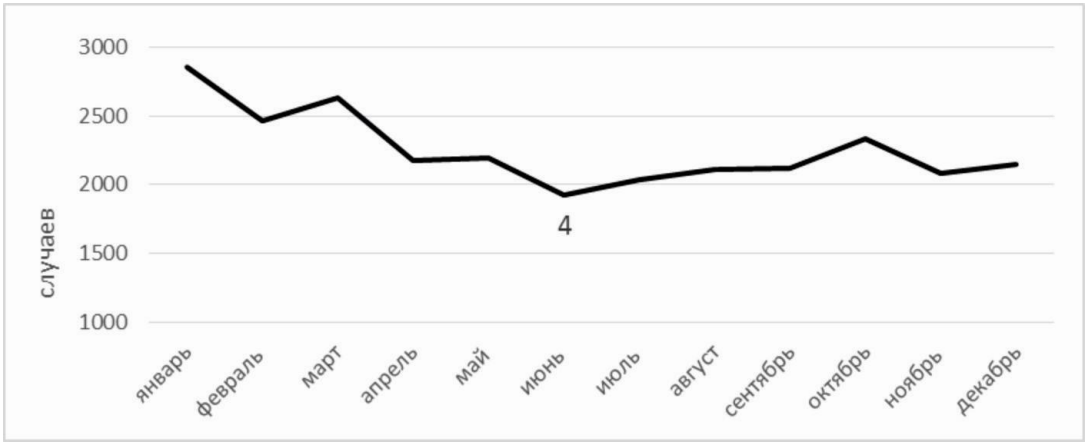

Рис. 1. Динамика смертности от пневмоний в России по юлианскому календарю (усреднённые данные за 2016-19 гг.)

В отличие от субъективного подхода римлян, греки и славянские народы предложили объективный критерий нового года – летнее солнцестояние 21 июня. Здесь началом астрологического года оказывается июль. Использование такого подхода выявляет циклы трёхволновой смертности от пневмоний с наличием пиков: 1 – в октябре, 2 – в январе, 3 – в марте (рис. 2). Длительность каждой волны – два месяца: по месяцу на подъём и спад.

Самая низкая смертность регистрируется в июне. По сути, это есть четвёртая волна, но с отрицательным знаком в виде провала (рис. 1).

По материалам Института Джона Хопкинса среди стран мира с впервые выявленными больными COVID-19 (два случая и более) обнаруживается аналогичная помесячная кластерность (рис. 3). В январе 2020 г. наблюдалось

большое количество заболевших стран. В феврале заболеваемость прекратилась, и новых случаев не зарегистрировано. Затишье продолжалось в течение инкубационного периода. В третьей декаде февраля – всплеск новых зараженных стран с пиком в марте и затуханием к апрелю.

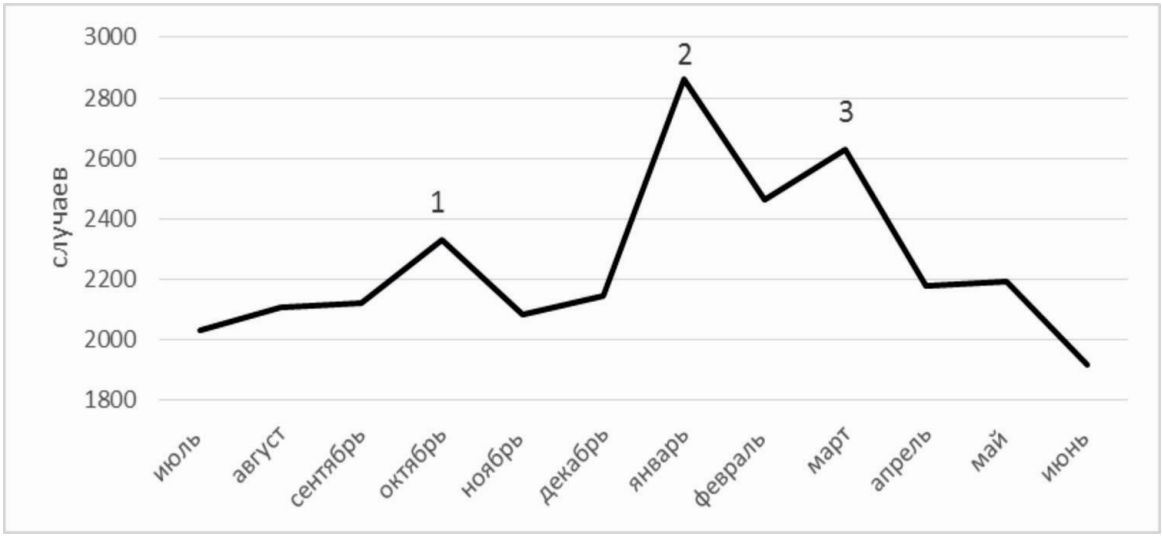

Рис. 2. Динамика смертности от пневмоний в России по астрологическому календарю (усреднённые данные за 2015-2019 гг.)

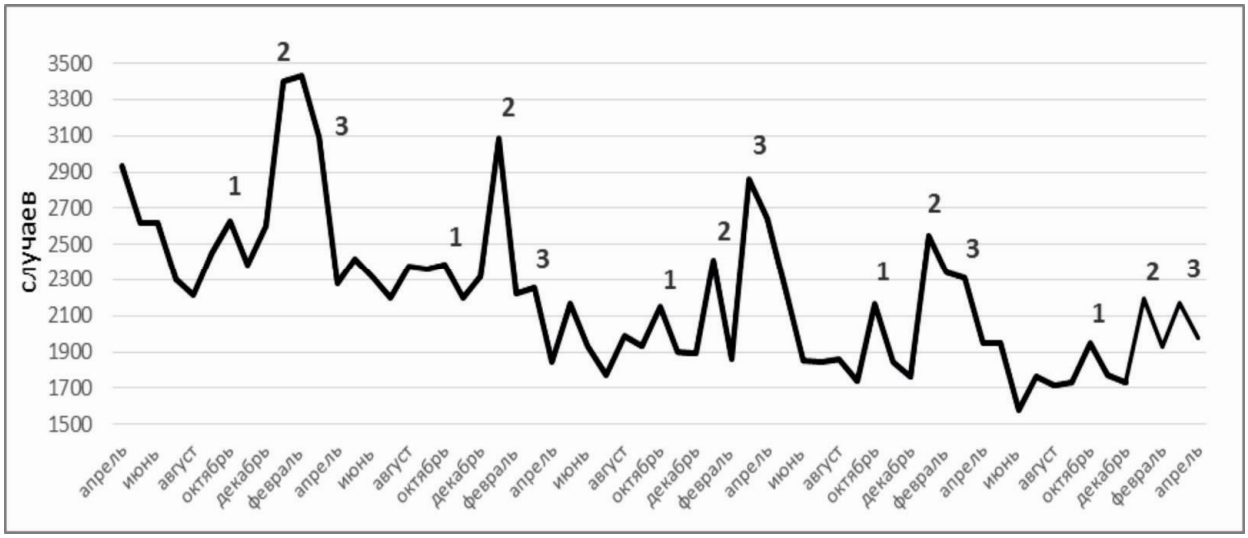

Рис. 3. Кластеры стран мира с впервые выявленными коронавирусными больными (два случая и более) в январе-апреле 2020 г.

Количество годичных летальных волн и время их возникновения предстают устойчивыми характеристики. Тогда как формы и амплитуды волн могут различаться. Самой низкой обычно оказывается первая волна. Вторая и третья волны могут соотноситься по-разному: вторая выше третей (2016-17 гг.; 2018-19 гг.) или третья выше второй (2017-18 гг.). Особенно выделялась траектория 2015-16 гг. – выраженные подъёмы и отсутствие спада в феврале, амплитуда которого сравнялась с январской. Причиной атипичности оказалась бушевавшая тогда по миру и в России пандемия «свиного гриппа».

Для оценки патогенности SARS-COV-2 сравнили смертность от пневмоний за 2019-20 г. с эпидемическим стандартом (рис.4). В качестве стандарта приняты показатели 2016-19 гг. Материалы 2015-16 г. не учитывались из-за наличия пандемии гриппа. Амплитуды COVID-19 оказались ниже пороговых значений. Новый коронавирус оказался самым безопасным по сравнению с предшествующими возбудителями.

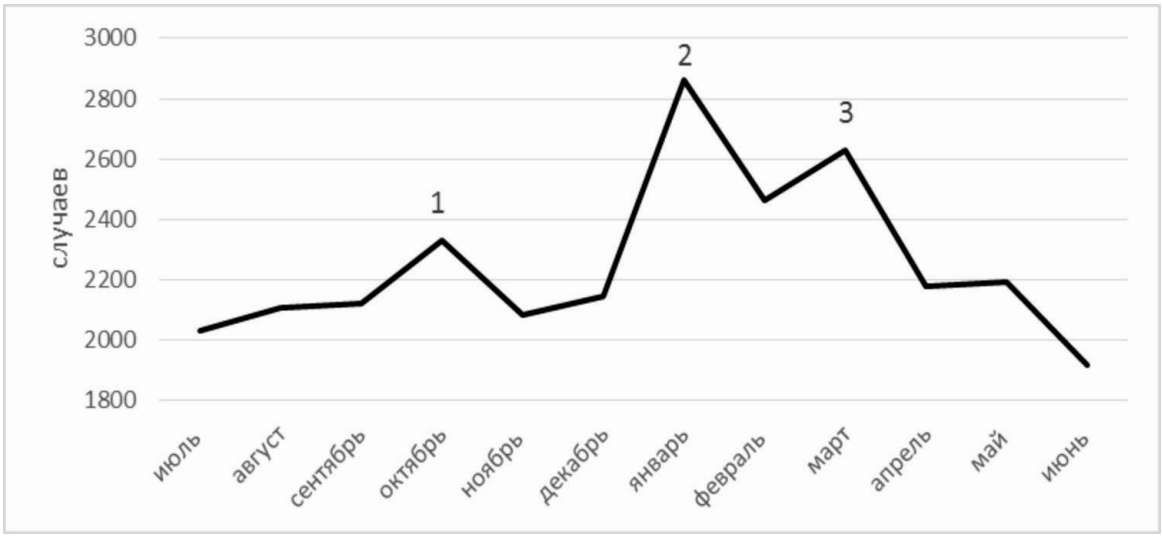

Рис. 4. Помесячная смертность от пневмоний в России в обычные годы (2016-19 гг.) и при COVID-19 (2019-20 гг.)

Обнаруживается снижение из года в год волн смертности от пневмоний (рис. 5). При сравнении 2015-2016 гг. и 2019-2020 гг. у январской волны спад составил 1,7 раза (от 3400 до 2196 случаев).

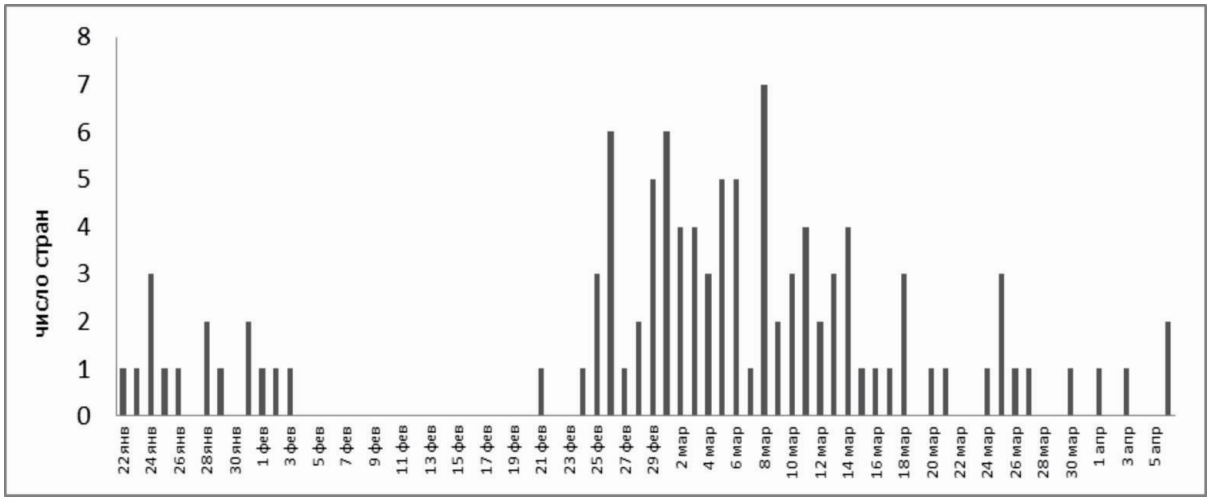

Рис. 5. Динамика амплитуд основных волн смертности от пневмоний в России за 2016-20 гг.

Избыточное внимание к сезонным вспышкам приводит к искажённому представлению, что респираторная смертность осуществляет преимущественно в волнообразной форме. Считается, что затухание эпидемической волны говорит об исчезновении летальной опасности. А если появляются новые заражённые, значит, начинается следующая волна. Тогда

как в реальности площадь колеблющейся респираторной смертности составляет лишь малую часть общей площади (рис. 6).

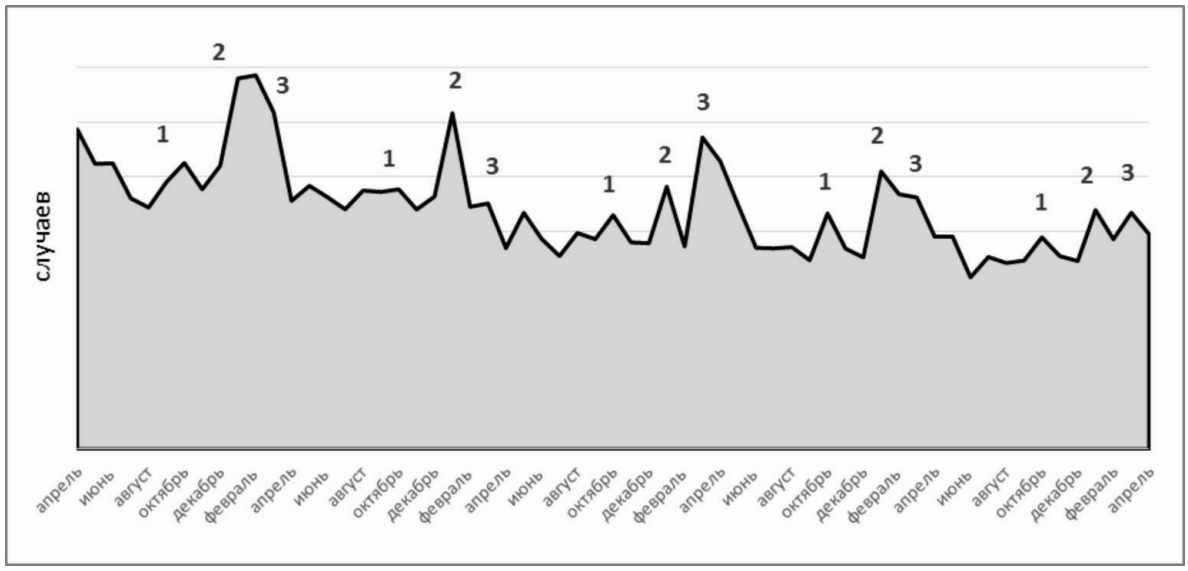

Рис. 6. Ежемесячная общая смертность от пневмоний в России в 2015-20 гг.

Обсуждение

Представленные материалы говорят о неспособности «нулевой гипотезы» объяснить загадки вспышек респираторных заболеваний, включая COVID-19: наличие трёх пиков смертности от острых пневмоний, их устойчивую привязанность к одним и тем же месяцам, одновременность появления многочисленных больных на отдалённых территориях и др. Ответы даёт экологическая теория убиквитарности вирусов. Убиквитарность (ubique – повсюду, во всём) говорит о повсеместном распространение вирусов в живой природе. Большую часть времени они существуют как сапрофиты, что называется здоровым вирусоносительством. Классическим примером является носительство вируса герпеса, имеющегося почти у всех.

Сапрофитное взаимодействие прерывается циклическими обострениями. Причины цикличности остаются мало изученными. Традиционным объяснением служит влияние температурного фактора – охлаждение окружающего воздуха [15]. Организм не успевает к нему адаптироваться, и инфекция находит слабые места. Но в ноябре температура обычно ниже октября, а смертность уменьшается. В марте, наоборот, температура повышается, а смертность увеличивается. Тем более, что сезонную цикличность имеют также смертность от болезней системы кровообращения [16] и общая смертность [17].

В процессе исследования обнаружено, что пики смертности приходятся на объективно существующие рубежи: летнее солнцестояние 21 июня, осеннее равноденствие 23 сентября, зимнее солнцепадение 22 декабря, весеннее равноденствие 20 марта. В это время изменяется вирусная активность: количество циркулирующих элементов, энергия прикрепления к клеточным рецепторам и др. Изучением влияния астрофизических факторов на функционирование живой природа занимается наука астрология. Этой

теме посвящены работы А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского, Л.Н. Гумилёва и др. Здесь массовая заболеваемость возникает не путём передачи инфекции от одного человека к другому, в одновременным появлением сразу большого числа заболевших в разных местах.

Иллюстрацией служат представленные материалы Джона Хопкинса по странам мира (рис. 3). В январе 2020 г. случилась вспышка коронавирусных заболеваний, а с начала февраля новых заболевших уже не было. Пауза продолжалась в течение инкубационного периода, прервав все прежние эпидемические связи. А в конце февраля и марте – новая самостоятельная волна. Игнорирование теории убиквитарности привело к тому, что сезонную вспышку ОРЗ в 2020 г. ошибочно приняли за что-то новое и страшное.

Абсолютизация роли волнового течения ОРЗ привела к игнорированию межволновой заболеваемости. В ней коронавирусы занимают малую часть. Доминируют стрептококки, стафилококки, пневмококки, кишечная палочка, вирусы гриппа А и Б, вирус парагриппа, хладимии пневмонии, легионелла и др.

Полученные результаты имеют важное практическое значение:

1) обнаружение трёх волн роста смертности от ОРЗ, регулярно повторяющихся из года в год, устраняет паническое состояние неизвестности, способствуя восстановлению психического здоровья населения. Более точным классифицирующим рубежом могут оказаться 20-е числа пограничных месяцев;

2) утопичным предстаёт упование на жёсткую изоляционную политику в борьбе с сезонной респираторной инфекцией. Циклические вспышки пневмоний, индуцированные астрологическими воздействиями, неизбежны вне зависимости от территорий и состояния здравоохранения;

3) привязанность волн смертности к определённым месяцам позволяет здравоохранению, работодателям не распылять профилактические меры в течение года, а фокусировать на определённых месяцах: предупреждение переохлаждений, контроль за сквозняками, приём общеукрепляющих препаратов; в здравоохранении – резервирование коек под инфекционных больных, перераспределение медицинских кадров и др.;

4) патогенное влияние коронавируса SARS-COV-2 оказалось самым слабым в сравнении с возбудителями предыдущих эпидемий. Для борьбы с ним достаточно стандартных профилактических ограничений, применявшихся прежние годы;

5) низкая вирулентность COVID-19 делает неактуальной массовую вакцинацию населения, тем более наспех сделанной вакциной без тщательной проверки на эффективность и безопасность.

Список литературы

1. URL https://vzru.turbopages.org/s/vz.ru/news/2020/5/18/1039911.html?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (Available at 31.05.06)

2. URL https://www.kommersant.ru/doc/4336624 (Available at 31.05.06)
3. URL «https://www.km.ru/world/2020/04/05/virusnye-zabolevaniya-i-ikh-lechenie/872731-amerikantsy-dolzhny-koe-chto-obyasnit (Available at 31.05.06)
4. URL https://news.rambler.ru/other/43844154-shok-amerikantsy-kitayskim-koronavirusom-boleli-uzhe-v-sentyabre-i-skryvali-eto/ (Available at 31.05.06)
5. URL https://www.kp.ru/daily/27127/4211839/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (Available at 31.05.06)
6. URL https://www.1tv.ru/news/2019-11-19/375932-vspyshka_pnevmonii... (Available at 31.05.06)
7. URL https://argumenti.ru/world/2019/01/600628 (Available at 31.05.06)
8. URL https://www.rbc.ru/society/15/04/2020/5e975bcd9a79477ad5feb62d (Available at 31.05.06)
9. URL https://www.kp.ru/daily/27112.4/4188871/ (Available at 31.05.06)
10. URL https://www.mk.ru/politics/2020/04/09/koronavirus-porazil-chetvertyy-amerikanskiy-avianosec.html (Available at 31.05.06)
11. URL https://veved.ru/events/144355-v-kitae-zayavili-chto-rynok-v-uxane-ne-byl-istochnikom-pervoj-vspyshki-koronavirusa.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (Available at 31.05.06)
12. Гундаров И.А., Гундаров Б.И. Загадки волн респираторных вирусных инфекций. Стратегические приоритеты. 2020, №1-2 (25-26), с. 83-92.
13. URL https://aftershock.news/?q=node/855262&full (Available at 31.05.06)
14. URL https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6
15. URL de'Donato F.K., Leone M., Noce D., Davoli M., Michelozzy P. The impact of the February 2012 cold spell on health in Italy using surveillance data. http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0061720 (Available at 31.05.06)
16. Бойцов С.А., Лукьянов М.М., Концевая А.В., Деев А.Д., Баланова Ю.А., Капустина А.В., Кляшторный В.Г., Худяков М.Б. Особенности сезонной смертности населения от болезней системы кровообращения в зимний период в регионах Российской Федерации с различными климато-географическими характеристиками // Рациональная Фармакотерапия в Кардиологии. 2013. № 9(6). С. 627-632.
17. URL https://euromomo.eu/graphs-and-maps (Available at 31.05.06)

УДК 330.101
Денисова Анна Михайловна
главный специалист Департамента культурного наследия Правительства г. Москвы, Россия

Роль санаторно-курортной деятельности в демографической ситуации в России

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы санаторно-курортной отрасли в Российской Федерации и ее роль в демографической ситуации в стране. Раскрывается и анализируется современное состояние и направления развития отечественного санаторно-курортного комплекса. Предлагаются направления преодоления главных проблем, стоящих перед отечественным санаторно-курортным комплексом. Делается вывод, что развитие санаторно-курортного комплекса Российской Федерации имеет в настоящее время стратегическое значение и играет важную роль в демографической ситуации в России*
Ключевые слова: *санаторно-курортная деятельность, демографическая ситуация, санаторно-курортные учреждения, государственное регулирование санаторно-курортных услуг*

Процессы формирования здоровья российских граждан являются отражением общих тенденций социально-экономического развития России. Показатели состояния здоровья россиян могут войти в число специфических ограничений экономического развития Российской Федерации, ухудшая показатели состояния трудового потенциала всего государства. По оценкам ряда специалистов такие показатели как высокая заболеваемость, инвалидность и смертность россиян каждый год наносят экономический ущерб государству в размере 65-70 млрд. долларов США [2].

Для сохранения здоровья и трудоспособности населения очень важны раннее выявление и эффективное лечение заболеваний [3].

Отечественная санаторно-курортная отрасль выполняет важные социальные функции: лечение, оздоровление населения, реабилитация после болезни и др.

Для развития санаторно-курортной сферы Российская Федерация обладает высоким туристско-рекреационным потенциалом, богатыми природно-лечебными ресурсами, их необходимым перспективным запасом. Все это дает возможность организовывать санаторно-курортное обслуживание на высоком уровне, развивать внутренний и въездной лечебно-оздоровительный туризм. Помимо влияния на экономику многих стран, туризм влияет на их социальную, культурную и экологическую среду [5]

В постсоветское время санаторно-курортная отрасль находилась в глубоком кризисе. В процессе рыночных реформ, в особенности после принятия реформы ФСС в 2002 году, значительно снизились ключевые показатели отрасли и затем стабилизировались на определенном уровне.

Вследствие кризиса, в 2009 г. число отдыхающих на российских курортах уменьшилось на четырнадцать процентов по сравнению с 2008 годом, при этом значительно затормозился процесс увеличения доходов объектов размещения. [1].

К 2011 г., по мнению исследователей А. М. Ветитнева и Я. А. Войновой, экономическая ситуация в отечественной санаторно-курортной сфере несколько стабилизировалась, при этом наблюдалось некоторое оживление на рынке.

В настоящее время эксперты отмечают прогрессирующую коммерциализацию отечественного санаторно-курортного комплекса, которая вызвана отсутствием целенаправленной государственной политики в данном направлении. Исследователи отмечают, что в настоящее время «социальную функцию СКУ игнорируют и исполняют лишь в рамках государственных обязательств перед определенными контингентами населения» [1].

В условиях данного подхода санаторно-курортная помощь не является одним из видов гарантированной государством медицинской помощи, а нахождение в санаторно-курортном учреждении не представляет собой страховой случай, а, значит, не финансируется по линии медицинского страхования.

Помимо этого, в отечественном санаторно-курортном комплексе выделяется ряд серьезных проблем:

– слабая материально-техническая база многих санаторно-курортных учреждений, в первую очередь, средств размещения;

– несоответствие цены и качества оказываемых услуг во многих санаторно-курортных учреждениях;

– недостаточно высокий уровень сервиса, скромный ассортимент санаторно-курортных услуг, недостаточность персонала высокой квалификации;

– недостаточное развитие транспортной и инженерной инфраструктуры отечественных курортов и др.

Кроме собственной грамотной политики руководства санаторно-курортного учреждения, необходимы действия государства как основного регулятора отрасли. Например, как отмечает М. Ю. Шерешева, «часть услуг санаторно-курортного комплекса в условиях кризиса может оказаться просто недоступной для части населения, и это один из вопросов государственного регулирования» [4].

Направления преодоления главных экономических проблем, стоящих перед отечественным санаторно-курортным комплексом, можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это меры государственного регулирования и поддержки.

Необходимо сформировать единый орган государственного управления, ввести федеральный реестр санаторно-курортных учреждений.

Кроме этого, особое внимание следует уделить составлению Федеральной целевой программы, направленной на развитие санаторно-курортной отрасли в Российской Федерации.

Более активно должны использоваться все возможности внебюджетных фондов, а, кроме этого, следует отказаться от государственного заказа на санаторно-курортную помощь, имеющего заниженную цену койко-дня. Санаторно-курортное лечение должно трактоваться как страховой случай, соответственно, оно должно войти в систему мероприятий обязательного и добровольного медицинского страхования.

Еще одним направлением решения проблем, стоящих перед санаторно-курортным комплексом Российской Федерации, является усиление управленческой и маркетинговой составляющих в управлении санаторно-курортной сферой.

Проблемой в санаторно-курортной сфере нашей страны является и несоответствие качества услуг международным стандартам, что необходимо решать, применяя как международные, так и федеральные стандарты. В этом же направлении звучит предложение повышения требований к уровню професиональной подготовки сотрудников российских санаториев.

Также в санаторно-курортной сфере Российской Федерации пока несовершенно использование предпроиятиями инструментов маркетингового комплекса; необходимо делать более эффективной маркетинговую политику, выходить на новые рынки, предлагать новые продукты, продумывать новые эффективные каналы сбыта.

Стабилизация отечественного рынка санаторно-курортных учреждений связана, в первую очередь, с оптимизацией деятельности его участников, с их адаптацией к рыночным условиям, с сохранением связей санаториев с промышленными предприятиями.

Вместе с тем, руководству предприятий санаторно-курортного комплекса следует «работать на опережение»: проводить маркетинговый анализ, выделять целевые аудитории и стремиться к удовлетворению их запросов. Без этого санаторно-курортное учреждение не будет конкурентоспособным и, в конечном итоге, будет вынуждено со временем покинуть рынок.

На современном этапе санаторно-курортный комплекс оказывает значительное влияние на уровень экономического развития страны, уменьшая затраты на здравоохранение, социальное обеспечение население, способствуя восстановлению трудоспособности российских граждан.

В настоящее время одной из ключевых задач, которые стоят перед государством, является сохранение трудового потенциала и поддержание трудоспособности экономически активного населения как одного из главных производственных факторов. В связи с этим, развитие санаторно-курортного комплекса Российской Федерации приобретает стратегическое значение по той причине, что от состояния данной сферы зависит, каковы будут характеристики здоровья, являющегося одной из трех ключевых составляющих качества трудовых ресурсов [4].

Исследование позволило сделать вывод, что развитие санаторно-курортного комплекса Российской Федерации имеет в настоящее время стратегическое значение и играет важную роль в демографической ситуации в

России. От развития санаторно-курортной отрасли зависит состояние здоровья граждан России, качество трудовых ресурсов в масштабах всей страны.

Список литературы

1. Ветитнев А.М., Войнова Я.А. Организация санаторно-курортной деятельности. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. 272 с.
2. Решетова Г. Г., Левицкий Е. Ф., Зайцев А. А., Абдулкина Н. Г. Состояние и проблемы развития санаторно-курортного комплекса Сибирского федерального округа // Курортная медицина. 2015. № 1. С. 83-90.
3. Толстых О.Н. Значение рекреации и санаторно-курортного комплекса в улучшении здоровья населения // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2019. Т. 15. № 1. С. 352-361.
4. Шерешева М.Ю. Лечебно-оздоровительные услуги санаторно-курортного комплекса Москвы: основные тенденции и проблемы //Экономика и производство. 2016. № 5. С. 1087-1091.
5. Nikolskaya E.Y., Dusenko S.V., Belomestnova M.E., Pestova A.A., Imangulova T.V. Technologies for Tourism Development in Russia and Kazakhstan // International Journal of Engieering and Advanced Technology. 2019. Т. 9. № 1. С. 5054-5057.

УДК 316.3

Ермолаева Юлия Вячеславовна
научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия, г. Москва, Россия

Волонтёрские практики предотвращения изменения климата в городах[105]

Аннотация. *В концепции резильетного города переосмысливается и усиливается роль гражданского сообщества и волонтёрского сектора в противостоянии изменению климата. На основе мета-анализа научных источников, международных и российских кейсов в статье анализируются основные экологические факторы и чрезвычайные ситуации, обусловленные изменением климата в городах глобального Юга и Севера. В качестве ЧС, сопровождающих изменения климата, рассматриваются проблемы тепловых волн, наводнений, пожаров, мегапожаров, которые ведут к истощению природных и городских сред и негативным социальным эффектам. Выделено два типа практик, которые могут быть реализованы волонтёрами в городских ЧС в условиях изменения климата: неотложные практики прямого реагирования (reactive) в условиях ЧС, и практики, ориентированные на предотвращении (prevention) ЧС в будущем.*

[105] Работа выполнена при поддержке РНФ «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», грант №19-78-10052

Ключевые слова: *резильентность; ООН Хабитат; чрезвычайные ситуации; волонтёры*

В мире 91 % всех природных катастроф в 1998-2017 годах были вызваны климатическими причинами - наводнениями, ураганами, засухой, экстремальной жарой. По оценкам UNISDR мегатренд урбанизации будет набирать обороты, а вместе с ним и локальное изменение климата в городах. К 2050 году более 67 процентов населения мира будут проживать в городах, увеличивая экологическую и климатическую нагрузку.

Городская устойчивость (resielence) определяется как «измеримая способность любой городской системы поддерживать функционирование в потрясениях и стрессах, в то же время позитивно адаптируясь и трансформируясь, оставаясь устойчивой» (UN HABITAT) [Trends in Urban Resilience, 2017].

Вклад гражданского общества и волонтёрства все более значим в условиях надвигающихся катастроф [Stallings, Quarantelli, 1985].

В спонтанное волонтёрство вовлекаются как отдельные личности, так и гражданские объединения, узкоспециализированные волонтёрские сети, профессиональные группы [Drabek, McEntire, 2003]. В вопросах изменения климата можно выделить реактивное, спонтанное волонтёрство, организованное в период катастроф, или период повышенного риска (назовем его reactive voluntarism) и предотвращающее катастрофы и изменение климата волонтёрство (prevention voluntarism), т. е. такое волонтёрство, которое организовано, спланировано, ориентировано на разработку стратегии и кумулятивного положительного эффекта от экологических практик. Для эффективности предотвращения изменения климата важны оба вида волонтёрства.

По данным обзора, в исследуемых кейсах прошедших катастроф, правительство определяет три разные позиции в отношении положения волонтёрской деятельности при авариях и катастрофах в городах [Whittaker, 2004] в условиях изменения климата: (1) добровольцы замещают функцию профессиональных спасательных служб в условиях катастроф; (2) добровольцы ценный ресурс организованного реагирования при авариях и катастрофах, который можно учитывать в планировании резильентности городов; (3) волонтёры необходимы как жизнеобеспечивающий социальный капитал, создающий ресурс для резильентности города, и привлекаться на всех этапах развития катастроф: предупреждение, неотложное реагирование, восстановление и реабилитация инфраструктуры города и сообществ, для замены или дополнения ресурсов профессиональных служб спасения [Shaw, Goda, 2004].

В данном исследовании применен обзор предметного поля (scoping review) по данным волонтёрским практик и в условиях изменения климата, куда входят: а) концепции (волонтёрство в ЧС, резильентность городов); б) экологические факторы изменения климата в городах в) практические иллюстрации – практики, кейсы.

По базам данным журналов Scopus, Web of scinces осуществлялся поиск материалов по выбранной тематике.В исследовании было выявлено, что наиболее эффективны гибридные формы практик (т. е. прямого реагирования и предотвращающих), которые реализуются место или удаленно - в формах цифрового активизма. Вместе с функциями спонтанного, самоорганизующееся волонтёрства возрастает потребность в новых версиях волонтёрства (концепция инновационного волонтёрства, ориентированная на долговременное партнерство, лидерство, применение в волонтёрских проектах профессиональных навыков); возрастает роль сетей и самоорганизующихся движений в согласовании с научными проектами (ревайлдинг, сбор данных для научных исследований), или гуманитарно-экологическими проектами (создание климатических деревень и поселений).

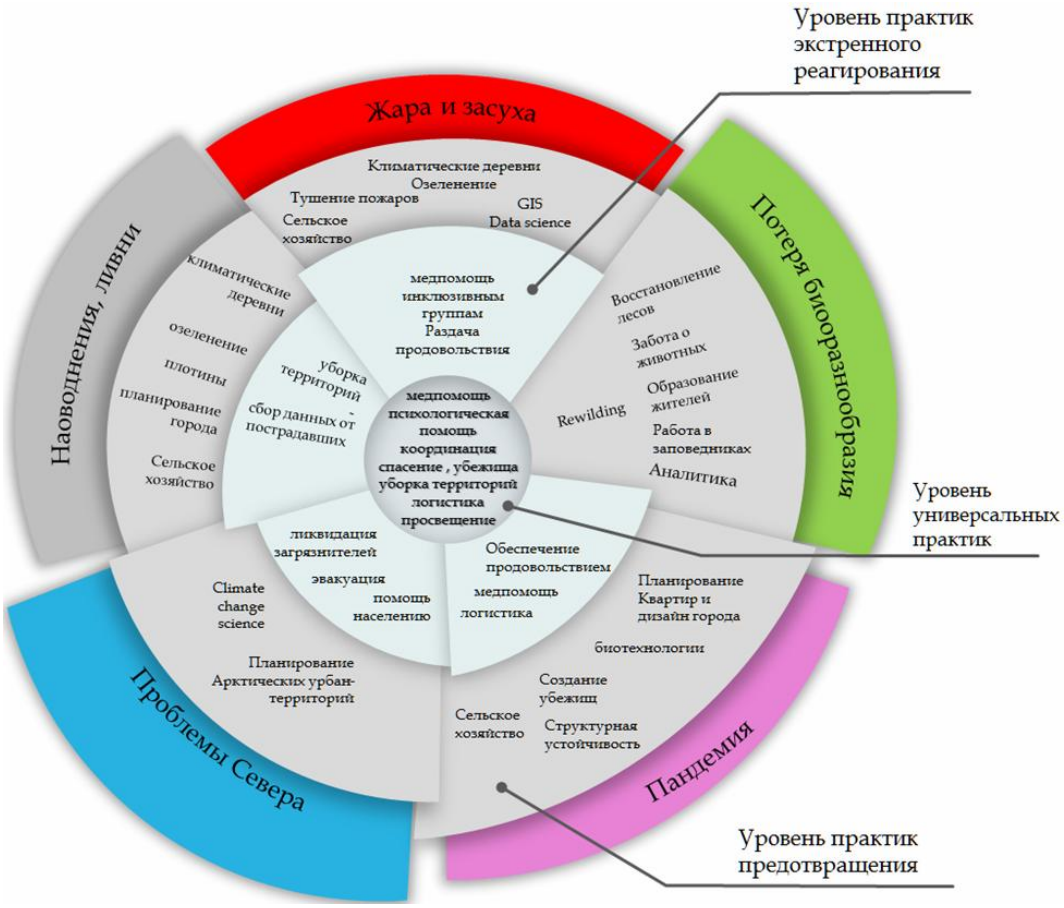

Рис. 1. Волонтёрские практики в реагировании, предотвращении, действиях универсального характера в условиях изменения климата в городах

Жара, засуха, пожары. Тепловые волны становятся все более распространенным явлением по мере изменения глобального климата. В городах жара и засуха суммируется с эффектом городского теплового загрязнения – «городскими островами тепла». Причины большого количества таких городских островов тепла состоит в геометрии планирования городов (плотная застройка) и альбедо материалов (бетон и асфальт), которые поглощают и хранят тепловую энергию намного эффективнее, чем окружающая природная среда. Тепловые волны и периоды засухи являются лишь частью «уравнения» с точки зрения рисков смертности; смертность

значительно повышается при комбинации факторов и увеличивается при социальной изоляции, удаленности от медицинских пунктов скорой помощи, отсутствия кондиционера [Oke, 1982]. Пожары, засуха, колебание пиковые для территории температур тесно связаны с пожарами, а пожары провоцируют изменение климата. **Основной** метод борьбы с приливами жары и предупреждением засухи с позиции волонтерских практик - озеленение городских пространств, увеличение альбедо (светоотражения) городских поверхностей, которые не могут быть озеленены деревьями. Волонтерами организуется социальная поддержка недееспособных людей в обеспечении продуктами питания или медицинской помощи. Помощь волонтёров существенно компенсирует административные нестыковки в области ответственности полномочий и тушения пожаров.

Наводнения, вызванные погодными явлениями, повышением уровня моря, являются основной причиной смертей в городах всего мира, нанося так же значительный экономический урон [IPCC, 2007]. Наводнение предполагает большое количество операций, на этапе экстренной ситуации – спасательные работы, организация волонтёров, обеспечение населения пропитанием и питьевой водой, медицинская помощь (при наличии навыков). На этапе завершения острой фазы ЧС необходима гуманитарная помощь, восстановление инфраструктуры и экосистемы, очистка территории, сбор и организация доставки вещей, пропитания, организация укрытия, оценка ущерба, психологическая помощь населению (при наличии навыков). В качестве предупреждения наводнений так же волонтерами практикуется озеленение пространств, участие в установке дамб или различных видов зеленых крыш.

Сельское хозяйство является одним из значимых факторов изменения климата. **Потеря биоразнообразия и угроза продовольственной безопасности** является следствием интенсификации сельского хозяйства. «Климатические деревни» в развивающихся странах как комплексное решение проблем изменения климата и продовольственной безопасности. В качестве примеров стратегии адаптации на уровне общин можно привести практические мероприятия по улучшению рационального использования воды: строительство инфраструктуры более эффективных ирригационных систем и маломасштабных сооружений для сбора, хранения и использования воды; реализация мероприятий, направленных на очищение и ресурсоэффективность использования водных ресурсов, сохранения органики и питательных веществ, использование растительных и продовольственных культур с коротким вегетативным циклом; создание общинных банков семян и зерна. Фермеры не могут успешно адаптироваться к изменению климата как чрезвычайной ситуации. Им необходима поддержка правительств и частного сектора и гражданского общества как потребителей.

Еще одной комплексной стратегией сохранения биоразнообразия субурбанистических территорий как комплексная поддержка городов в условиях изменения климата является ревайлдинг (Rewilding). Ревайлдинг (rewilding) предполагает комплексную стратегию – поэтапное восстановление характерных для данного региона высокопродуктивных экосистем путем

поэтапного возвращения крупных животных (т.н. видов-инженеров) в места их традиционного ареала обитания, в особенности там, где ранее они были полностью истреблены [Soulé, Noss, 1998]. В ходе сложных метаболитических воздействий с окружающей средой они влияют на популяции других видов, меняется характер осеменение растений, биоценоз, и, впоследствии, микроклимат территории, а из микроклиматов складывается целостный климат зоны [Heller, Zavaleta, 2009]. Для этого были созданы программы и стажировки для волонтёров, проводимых различными организациями, такими как Европейская добровольная служба (EVS) и ERASMUS, программы ERN Bridge – с регулярно обновляемой базой данных иностранных студентов, заинтересованных в волонтёрстве или участии в стажировках по различным темам, связанным с ревайлдингом по разным странам.

Вызовы Севера – комплексные факторы изменения климата, которые включают в себя повышение температуры, уменьшение площади и толщины морского льда, таяние Гренландского ледяного щита. Поскольку арктический регион наиболее чувствителен к глобальному потеплению, климатические изменения в Арктике часто рассматриваются в качестве индикатора этого процесса, включают в себя наводнения. колебания температур. Пандемии и эпидемии в условиях изменения климата одно из самых опасных проявлений. Существует два основных целевых направления волонтёрской помощи. Медицинское волонтёрство оказывает среднему медперсоналу, врачам и администрации больницы. работают и в «красной зоне» (здесь лежат пациенты с подтверждённым COVID-статусом или с подозрением на инфекцию), и в «зелёной», чистой зоне, где ставят внутривенно катетеры, капельницы, делают внутримышечные уколы, работают в процедурном кабинете, выполняют все обязанности постовой и палатной медсестёр, помогают врачам в ординаторской, на обходах, заполняют дневники, помогают в администрации, меняют постельное бельё, оказывают психологическую помощь, ведут организационную работу а также работают на горячей телефонной линии для общения с родственниками заболевших[Ревич, 2008].

Список литературы

1. Trends in Urban Resilience. UN Habitat, 2017.
2. Ревич Б. А. Изменение здоровья населения России в условиях меняющегося климата // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3. [Электронный ресурс] // cyberleninka: [веб-сайт]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-zdorovya-naseleniya-rossii-v-usloviyah-menyayuschegosya-klimata (дата обращения: 14.05.2020).
3. Basheva O. A., Ermolaeva P. O. The phenomenon of digital volunteering in emergency: nature, types, theoretical frameworks. Vestnik instituta sotziologii. 2020. 11 (1). P. 47–69. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625
4. Drabek T. E., McEntire D. A. Emergent phenomena and the sociology of disaster: Lessons, trends and opportunities from the research literature// Management. Public Administration Review. 1985. 45. p. 93–100.

5. Heller N. E., Zavaleta E. S. Biodiversity management in the face of climate change: a review of 22 years of recommendations // Biological Conservation. 2009. 142. P.14–32.
6. IPCC. Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Summary for Policymakers. Contribution of Working Group II to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge University Press, 2007.
7. Stallings R., Quarantelli E. Emergent citizen groups and emergency management // Public Adm Rev. 1985. 45. P. 93-100.
8. Whittaker J. A review of informal volunteerism in emergencies and disasters: definitions, opportunities and challenges // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2015. 13. P. 358–368.
9. Shaw R., Goda K. From disaster to sustainable civil society: the Kobeexperience // Disasters. 2004. 28 (1). P. 16–40.
10. Oke T. R. The energetic basis of the urban heat island // Quarterly Journal of the Royal Meteorological Society. 1982. 108 (455). P. 1–24. doi:10.1002/qj.49710845502.
11. Soulé M., Noss R. Rewilding and Biodiversity: Complementary Goals for Continental Conservation // Wild Earth. 8. P. 19–28.

УДК 378:159.9.072

Зубок Юлия Альбертовна
д. социол. н., проф., руководитель Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
Чанкова Елена Вадимовна
д. социол. н., профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна РЭУ им. Плеханова, г. Москва, Россия
Каменева Татьяна Николаевна
д. социол. н., доцент, заведующая кафедрой общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО Курского государственного медицинского университета, г. Курск, Россия

Молодежь в условиях пандемии: отношение к здоровью и особенности саморегуляции[106]

Отношение к здоровью является, с одной стороны, результатом социокультурных проекций в пространстве жизнедеятельности молодежи. А с другой, основанием их поведенческих установок в аспекте саморегуляции.

Активизация саморегуляционных процессов является одной из значимых особенностей современного общества и проявляется во всех сферах его жизнедеятельности. Выстраивая свои поведенческие сценарии,

[106] Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности»

организуя свою жизнь, молодые люди осуществляют постоянную многоуровневую саморегуляцию.

Не смотря на высокую институционализацию современных обществ, в которых большинство потребностей поддержано различными структурами для их удовлетворения, ключевые решения в отношении своей жизни и здоровья принимаются самими людьми. Ситуация пандемии, переживаемая глобальным сообществом, во всей полноте продемонстрировала те противоречия, которые возникают в отношении молодежи к здоровью и противоэпидемическим мерам. Фактически поведение молодых людей в условиях пандемии – это вопрос рефлексии, самоограничений и дисциплины, т.е. их саморегуляции.

Саморегуляция отражает способность, умение и готовность индивидов и групп на самих себя и свою жизнедеятельность с целью приведения ее в желаемое состояние при взаимодействии с объектами реальности. Применительно к сфере здоровья это означает отношение к здоровью и способам его поддержания, а в ситуации пандемии дополняется еще и определенными способами реагирования. В социологическом плане под *отношением* к объектам реальности понимается «система сложившихся индивидуальных, групповых представлений, понятий, суждений о социальном объекте, явлении, возникающих вследствие эмоционально-чувственного отражения в индивидуальном или групповом сознании социальной реальности в форме интериоризированного опыта взаимодействий с другими людьми, познания ее природы и сущности, выраженных в социальной позиции индивида, группы»[107].

В основе отношения к объектам реальности лежит понимание их смысла, т.е. сущности. Источником смыслов и значений являются осмысленные и эмоционально пережитые знания и опыт. Контексты, в которых обретается опыт и смыслы, различаются, отражая конкретные условия жизнедеятельности разных групп и сложившиеся социальные практики. Они отражаются в сознании, картине мира или же в жизненной практике, бытии в мире. Фоновый смысловой контекст задает культура, а конкретные проявления смыслов определяются социально-групповыми особенностями. Они конкретизируют процесс смыслообразования и формирование отношения к объектам реальности: восприятие здоровья как ценности, представления о здоровьесбережении и тех мерах, которые способствуют сохранению здоровья в условиях пандемии.

В период первой волны пандемии (май - июнь 2020 г.) Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН проведен массовый опрос молодежи в рамках исследования саморегуляции отношения молодежи к здоровью в условиях пандемии. Опрос проводился методом заполнения

[107] Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. – М.: НОРМА, 2014.С. 83

анкеты, размещенной в гугл - форме. Была опрошена молодежи в возрасте от 15 до 29 лет в 22 регионах Российской Федерации. Выборка формировалась по признакам пола, возраста, типа поселения.

Результаты опроса можно представить в виде нескольких блоков: смыслообразующий по отношению к физическому здоровью; субъективное восприятие ответившими уровня своего физического здоровья; отношение к масштабу и степени опасности коронавируса; оценка уровня доверия государственным и медицинским учреждениям, поведение, направленное на профилактику и защиту здоровья. Анализ распределений дает представление об особенностях отношения молодежи к здоровью в условиях пандемии.

Первый блок вопросов направлен на выявление особенностей представлений о физическом здоровье как части социальной реальности. Сравнение значения смысловых характеристик здоровья не показывает статистического различия в терминальных ценностях у молодых женщин и мужчин. Терминальные ценности, связанные с физическим здоровьем, однозначно превалируют над инструментальными. Каждый второй рассматривает здоровье в значении «самоощущения». При этом, молодым женщинам важнее ощущать себя здоровыми, в свою очередь, молдые мужчины вкладывают в понятие физического здоровья больше прагматизма, связывая его с социальными возможностями и достижениями. То есть, в молодежной среде больше половины респондентов связывают смысл физического здоровья тесно с хорошим самочувствием и жизненными возможностями.

В целом состояние своего здоровья как благополучное оценила треть опрошенной молодежи. При этом самооценка выше у мужчин, чем у женщин, это же распределение сохраняется в самооценке проблем со здоровьем и уровня заболеваемости. По субъективному критерию молодые мужчины более здоровы физически, нежели молодые женщины.

Каждый третий респондент делают все возможное для сохранения здоровья, делая серьезные инвестиции в свое здоровье. Не следят за здоровьем одинаково каждая десятая женщина и каждый десятый молодой мужчина.

Второй блок вопросов связан с отношением молодежи к новой короновирусной инфекции. Подавляющее большинство опрошенных считают COVID опасным лично для себя. При этом женщины проявляют большую тревожность, чем мужчины и по отношению к себе, и к окружающим. Такая высокая степень тревожности в определенной степени обьясняется восприятием COVIDa как настоящей пандемии (около половины опрошенных). Однако столько же молодежи затрудняется в ее оценке. При этом 2/3 молодых людей считают, что противостоять пандемии невозможно, и чаще скептицизм проявляют молодые мужчины, чем женщины. Более высокий уровень тревожности женщин по поводу своего здоровья и глобального масштаба распространения вируса сочетается у них с более высоким уровнем оптимизма в отношении контроля над вирусом.

Третий блок вопросов связан с выявлением собственного отношения молодежи к мерам, предпринимаемым для контроля над ситуацией и в целом уровня доверия структурам управления, оценки отношения российского населения к пандемии и отношения к источникам возникновения пандемии.

В целом, молодежь доверяет действиям государственных и медицинских учреждений (2/3 опрошенных). Одновременно с этим, более 70% не верят в способность отечественной системы здравоохранения справиться с вызовом. При этом две трети молодых людей уверены, что «опасность не в самом вирусе, а в панике вокруг него». Такое распределение характеризует отношение молодежи к пандемии как противоречивое. Выявленная противоречивость может быть связана с неустойчивым балансом доверия/недоверия структурам, ответственным за борьбу с пандемией. Третья часть опрошенной молодежи однозначно придерживаются конспирологии и склонны видеть причину появления COVID- 19 в деятельности западных спецслужб. А тот факт, что значительная часть молодых людей затрудняется с ответом, говорит о растерянности, наблюдаемой в массовом сознании молодежи.

В аспекте профилактики большинство молодежи (76%) всегда готовы к самоизоляции и около 20% иногда и каждый третий соблюдает дистанцию. Однако гигиену соблюдают лишь треть опрошенных, чуть больше занимаются дезинфекцией предметов, но значительно хуже дело обстоит с ношением масок и респираторов: около четверти молодежи надевают их лишь от случая к случаю и лишь 8,9% мужчин и 6,6% женщин используют их всегда. Готовность к сдаче анализов, тестированию и обследованию составляет менее 10%, как у молодых мужчин, так и женщин.

На фоне разного отношения к конкретным профилактическим мерам личной гигиены мужчины чаще, чем женщины предпринимают регулярные меры безопасности, а стратегия игнорирования в равной мере присуща молодежи (3,4% мужчин и 3,7% женщин).

Проведенный опрос выявил противоречия в формировании отношения молодежи к здоровью в условиях пандемии: относительно высокая терминальная ценность здоровья в целом; наиболее благоприятные оценки здоровья среди молодых мужчин, чем женщин; более выраженное стремление инвестировать в здоровье у молодых женщин, чем у мужчин; относительно высокий уровень тревожности, но и готовность противостоять коронавирусной инфекции в сочетании с выборочными мерами профилактики, преимущественно в пользу дистанцирования и самоизоляции; неоднозначность в оценках потенциала медицинских служб на фоне в целом позитивного отношения к мерам, предпринимаемым властями по противодействию пандемии.

УДК 314.1, 316.4
Ишкинеева Фарида Фалесовна
к.социол., н., доцент кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия
Ахметова Симбуль Абдулловна
к. фил.н., доцент кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

«Умный город» Иннополис в восприятии его жителей (опыт эмпирического исследования)

Аннотация. *В фокусе внимания социальное самочувствие жителей одного из самых молодых городов России города Иннополис (Республики Татарстан), который создавался как первый российский высокотехнологичный «умный» город на основе современных концепций городского развития. Удовлетворенность жителей различными аспектами городской среды и своей жизни в городе является интегрированным показателем эффективности городского развития. На основе количественных и качественных показателей выявляются индексы удовлетворённости и счастья жителей и работников города Иннополис. Полученные результаты позволяют констатировать общий высокий уровень удовлетворенности жителей и работников города Иннополис различными аспектами городской и социальной среды, что является несомненным показателем потенциала для дальнейшего развития города в качестве «умного города».*

Ключевые слова*: «умный» город, социальное самочувствие, высокие технологии, удовлетворенность жизнью, индекс счастья, креативный класс, бизнес, экология, коммуникация, релевантный индикатор.*

Идея формирования функционального, рационально обустроенного города в современном мире становится все более актуальной. В этой связи одной из **популярных является концепция «**умного, интеллектуального города», которая максимально соответствует потребностям современного информационного города (города, обладающего постиндустриальной структурой экономики, в котором главными сферами деятельности являются управление, финансовая и научная деятельность, культура и информационное обслуживание в которых занято более половины всех работающих[108]). Определение города в качестве «умного» связано в первую очередь с его оснащением информационно-коммуникационными технологиями и предоставлением разнообразных услуг в электронном виде. Это наиболее явно отражено в трудах американских и европейских ученых

[108] Mark E. Hepworth Planning for the Information City: the Challenge and ResponseFirst Published August 1, 1990 https://doi.org/10.1080/00420989020080501

1970-1980-х гг.[109] и ряда российских ученых. «Умный город» в интерпретации экспертов – это комплексное, долгосрочное развитие города, в том числе наполнение города «умными» зданиями, дорогами, логично выстроенными транспортными, инженерными, энергетическими сетями [110].

При этом высокие технологии выступают не самоцелью, а средством формирования благоустроенной городской среды. Рациональное функционирование города достигается за счет диалога власти с населением, образ общего будущего мыслится в согласии с его стремлениями и действиями. «Умным» является город, в котором высокие технологии применяются для осуществления коммуникации с целью плодотворного использования имеющихся ресурсов для создания комфортной среды обитания, для внедрения инноваций, а также для обеспечения благоприятного социального самочувствия его жителей. Роль города в развитии мировой цивилизации своеобразно охарактеризовал Ф.Бродель: «Города – это как электрические трансформаторы, они повышают напряжение, ускоряют обмен, беспрестанно вершат жизнь людей» [4, с.509].

Во многих странах мира в последние десятилетия стали реализовываться амбициозные проекты по развитию городской инфраструктуры на базе широкого использования достижений современных технологий, в особенности средств информационно-коммуникационных технологий. Реализация идеи «умного», высокотехнологичного города началась и в Республике Татарстан. По инициативе ее правительства: в 2015 г. в 40 км от г. Казани стартовал амбициозный проект по строительству города будущего, удобного и благоприятного для работы, учебы, досуга, для жизни в целом. В проекте используются ключевые идеи концепции «Умный город» (Smart City), основной из которых является создание научно-технологического центра, средоточия основных достижений в области информационных технологий. Стратегия развития города рассчитана на двадцать лет с населением в перспективе 155 тыс. человек, при этом 60 тыс. будут составлять специалисты, занятые в высокотехнологичных отраслях [5].

В настоящее время Иннополис – уникальный, активно развивающийся мини-город, центр ряда высокотехнологичных ИТ-проектов, где работают 115 компаний, подразделения российских корпораций и предприятий с иностранным участием, а также первый в России ИТ-университет федерального уровня. **Университет Иннополис — интеллектуальное ядро нового города и новый российский вуз, специализирующийся на образовании и научных исследованиях в области современных информационных технологий.** Территория города составляет 1200 га, планировка рассчитана на «шаговую доступность» любого объекта. В городе постоянно проживают примерно три тысячи человек: это сотрудники компаний, научных, образовательных,

[109] Graham, S. and Marvin, S. Telecommunications and the city: electronic spaces, urban place. - London: Routledge, 1996. – С. 96-100.

[110] Кром Е. Дорожная карта для «умного» Петербурга [Электронный ресурс] URL: http://spb.rbc.ru/daily/18/07/2011/606027.shtml, дата обращения: 2.03.2020.

медицинских учреждений, сферы культуры, студенты университета, дети дошкольного и школьного возраста. Кроме того, значительна группа маятниковых мигрантов, ежедневно приезжающих в город на работу и возвращаются на свое постоянное место жительства.

В фокусе исследования, проведенного сотрудниками Лаборатории социологических исследований Казанского университета в апреле-мае 2019 г. [6], - социальное самочувствие и степень удовлетворённости жителей и работников Иннополиса состоянием городской и социальной среды. На основе пилотных интервью с жителями города были выделены пять ключевых компонентов (релевантных индикаторов): работа/учеба, жилье, инфраструктура, экология и социальная среда, наиболее значимых для горожан, и «вес» каждого из них для расчета как общего показателя степени удовлетворенности проживанием в Иннополисе, так и показателей, дифференцированных по компонентам.

В качестве объекта исследования выступили совершеннолетние жители города как проживающие в нем постоянно, так и являющиеся маятниковыми мигрантами (работники предприятий и организаций города), в качестве предмета – их оценки состояния городской и социальной среды, связанные с учебой и работой в «умном» городе. Основные методы получения эмпирической информации: репрезентативный онлайн-опрос (N=430 чел.) и серия интервью (n=20 текстов).

В числе респондентов – 430 человек: это работники IT-компаний – 31%, студенты Университета Иннополис – 18%, сотрудники Университета Иннополис – 17%, работники управляющих компаний (Мэрия, ОЭЗ, АО «Иннополис», ОАО «Иннополис сити») – 13,5%, члены семей работников Иннополиса (неработающие) – 8,5%, сотрудники социальных учреждений (лицей, школа, детский сад, медицинский центр) – 8%, работники компаний сферы сервисов и услуг – 4%. Почти все взрослое население – лица с высшим образованием. Уровень образования, сфера занятости и учебы позволяют считать, что город населен «умными» людьми. Жители Иннополиса – преимущественно молодые люди: респондентов в возрасте 18-35 лет – 84%, остальные – в возрасте 36-51 год. По гендерному составу 54,4% мужчины, 45,6% - женщины. Стаж жизни и/или работы в Иннополисе: менее года – у 33% респондентов, 1-3 года – 54%, 4-6 лет – 13%.

Полученные результаты позволяют утверждать, что Иннополис в целом как среда обитания устраивает большинство его жителей. Общий индекс удовлетворенности жителей городской и социальной средой в Иннополисе с учетом «веса» каждого компонента составил 74,3 пункта (из максимально возможных 100 пунктов) [6]. При этом индексы удовлетворенности отдельными компонентами жизни в городе различаются довольно значительно.

Один из ключевых компонентов, определяющих общий показатель удовлетворенности респондентов своей жизнью в городе, это работа/учеба. Этот показатель характеризуется индексом 75,1. Инфраструктура как компонент городской жизни характеризуется индексом удовлетворенности

80,7. Это значимый компонент для таких групп населения, как родственники (партнеры) работников Иннополиса, то есть для тех, кто проводит значительную часть времени в заботе о детях и доме. Абсолютное большинство жителей Иннополиса удовлетворены спортивной инфраструктурой, качеством работы школы и дошкольных учреждений, содержанием улиц. Абсолютное большинство респондентов считают Иннополис безопасной территорией для жизни. Респонденты высоко оценивают работу консьерж-сервиса города, его работа удовлетворяет абсолютное большинство (95%) тех, кто обращался к данному виду услуг.

Жителей Иннополиса устраивает окружающая среда: индекс удовлетворенности – 89,7. Город строится в живописном районе республики, где сохранена естественная среда обитания, позволяющая сочетать благоприятные условия жизни в сельской местности и городской комфорт.

Относительно низкий уровень удовлетворенности жителей Иннополиса связан с жильем: индекс 65,7, что почти на десять пунктов ниже, чем общий индекс удовлетворенности жизнью в городе. Для определенных групп локального сообщества жилье является очень значимым компонентом: сотрудники университета, работники социальных учреждений и сферы сервисов и услуг ставят жилье на второе место по значимости после работы. Среди факторов, вызывающих неудовлетворённость значительной части жителей, – размер коммунальных платежей, качество ремонта/отделки мебели, бытовой техники в жилом комплексе города.

Наименьший уровень удовлетворенности 63,8 характерен для такого компонента, как социальное окружение: наличие друзей, возможностей для общения, развитая социокультурная сфера. Этот аспект является наиболее актуальным и значимым прежде всего для молодежи, в том числе для студентов университета. Респонденты выражают озабоченность по поводу ограниченных возможностей проведения досуга, отсутствия развлекательных центров, кинотеатров, клубов, объединений по интересам. Попытки компенсации этой ограниченности проявляются через формирующиеся элементы гражданского общества.

В то же время для большинства жителей и работников Иннополиса характерна позитивная оценка основных компонентов городской и социальной среды. Жители дорожат особым микроклиматом, сформировавшимся в городе. Почти три четверти опрошенных (72%) считают Иннополис городом, где хочется жить и работать. В целом Иннополис можно назвать «умным» городом счастливых людей. Значение индекса счастья по результатам исследования является высоким и составляет 82,5 пункта [6], индекс счастья россиян на протяжении 2008-2018 гг. в среднем составил 62 пункта [7].

Опрос выявил широкий спектр мнений: от однозначно положительных суждений о городе, «нейтральных» - и плюсы и минусы – до отрицательных. Порой выражаются противоположные взгляды на один и тот же объект: для одних респондентов Иннополис – город будущего, «идеальное место для

развития и работы», «один из лучших городов для жизни», «молодой перспективный город с наилучшими условиями проживания в РФ», «уникальный город в постсоветском пространстве», «надежда, что Иннополис будет нестандартным городом с уникальными карьерными возможностями». Такая позиция связана с тем, что большинство жителей заняты интеллектуальным трудом в успешных компаниях в IT-сфере, имеют высокий уровень дохода, амбициозные карьерные планы, свободу передвижения (креативный класс). Другие респонденты воспринимают город иначе: это «рай для социофоба», «город как будто в состоянии стагнации». Такие оценки объясняются тем, что, несмотря на развитую городскую инфраструктуру, культурные сервисы, доступные горожанам (кино, кафе, учреждения культуры), еще ограничены. В условиях, когда многие работники компаний, расположенных в Иннополисе, являются маятниковыми мигрантами, а постоянные жители вынуждены проводить свободное время преимущественно в собственном доме, улицы и общественные пространства, как правило, пустынны и малолюдны.

На характер настроений и оценок горожан влияют множество разнообразных факторов, связанных с профессиональной и личностной самореализацией, удовлетворенностью или неудовлетворенностью различными сторонами жизни города. Существует надежда, что самый молодой город России в состоянии в перспективе продемонстрировать себя миру как реализованное воплощение оригинальных идей XXI века.

Список литературы

1. Mark E. Hepworth Planning for the Information City: the Challenge and ResponseFirst Published August 1, 1990 https://doi.org/ 10.1080/00420989020080501
2. Graham, S. and Marvin, S. Telecommunications and the city: electronic spaces, urban place. London: Routledge, 1996. С. 96-100.
3. Кром Е. Дорожная карта для «умного» Петербурга [Электронный ресурс] URL: http://spb.rbc.ru/daily/18/07/2011/606027.shtml, дата обращения: 2.03.2014.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV- XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 592 с.
5. Официальный сайт города Иннополис (РТ).
6. Текущий архив Лаборатории социологических исследований КФУ.
7. Индекс счастья. ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news /ratings/indeks_schastya/ (24.03.2019).

УДК 316.4
Корунова Валерия Олеговна
научный сотрудник отдела качественных исследований, аспирант, ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Социально-экологические вызовы управления демографическими процессами в российских регионах (на примере Республики Татарстан)

Аннотация. *Статья посвящена определению роли социально-экологических факторов в управлении демографическими процессами российских регионов. Приведены результаты анализа официальной статистики и вторичного анализа данных исследований по теме. На примере Республики Татарстан обоснована связь направлений движения населения с качеством его жизни и экологической обстановкой на территории. Выдвинуты предложения по актуализации проводимой демографической политики.*
Ключевые слова*: управление демографическими процессами, демографическая политика, качество жизни, экология, Республика Татарстан.*

В условиях становления в нашей стране экономики знаний, движимой адаптивным и инновативным обществом высококвалифицированных специалистов, эффективное управление демографическими процессами выступает сегодня центральным приоритетом государственного развития в целом, а также в частности – развития наиболее передовых российских регионов, в число которых входит Республика Татарстан. Достижение данного приоритета реализуется в рамках федеральной и региональных (в данной статье – татарстанской) демографических политик, использующих экономико-административные и информационно-просветительские инструменты контроля за развитием разных сфер общественной жизни с целью обеспечения успешного воспроизводства населения (в широком смысле). Между тем, фиксируемое направление его естественного и механического движения указывает на недостаточную результативность мер проводимых политик и на необходимость их актуализации с учетом наиболее значимых вызовов современности.

Несмотря на то что в начале 2020 года численность населения Республики Татарстан достигла отметки в 3,9 млн человек (3 902 888 человек), темпы ее прироста постепенно снижаются (с 0,4% в 2015 году до 0,1% в 2019 и 2020 годах), что в первую очередь связано с направлением естественного движения населения республики. Последовательное уменьшение числа регистрируемых браков (изменение значения коэффициента брачности с 7,9 в 2015 году до 6,2 в 2019 году), хотя и не сопровождаемое увеличением числа их расторжений (изменение значения коэффициента разводимости с 3,5 в 2015 году до 3,4 в 2019 году), выступает

одним из факторов снижения рождаемости (изменение значения коэффициента рождаемости с 14,7 в 2015 году до 10,9 в 2019 году), темпы которого, к тому же, выше темпов снижения смертности в республике (изменение значения коэффициента смертности с 12 в 2015 году до 11 в 2019 году). Последнее определяет неуклонное снижение темпов естественного прироста населения республики в период с 2015 по 2018 годы и переход к его убыли в 2019 году (изменение значения коэффициента естественного прироста (убыли) населения с 2,7 в 2015 году до -0,1 в 2019 году) [5]. Усугубляется данная ситуация негативными тенденциями в механическом движении населения Республики Татарстан: число прибытий внешней миграции с 2014 по 2018 годы сократилось более чем на 2 тыс. человек (с 39 988 до 37 837 человек), тогда как число выбытий из республики за данный период, наоборот, возросло (с 32 740 до 35 100 человек), что привело к почти трехкратному снижению миграционного прироста (с 7 248 человек в 2014 году до 2 737 человек в 2018 году) [6].

Движение населения отражает совокупность наличествующих условий его жизни и результирующее качество последней, в связи с чем проводимая в Республике Татарстан демографическая политика должна быть способной к ответу одновременно на множество различных вызовов. При этом социально-экологические среди них представляют сегодня все больше опасности как для воспроизводства населения, так и для его закрепления в рамках той или иной территории. Высокое значение благоприятной окружающей среды и обеспечивающих ее сохранение мировоззрения и поведенческой культуры находит отражение в экспертных оценках и в представлениях рядовых граждан. Так, экологические условия в том или ином виде входят в число стандартных признаков ежегодного рейтингования российских регионов по качеству жизни их населения аналитическими агентствами «РИА Рейтинг» и «Национальные кредитные рейтинги» [8, 3], а в соответствии с результатами опроса ВЦИОМ 2018 года также являются четвертыми из наиболее значимых факторов жизни для россиян, вкупе с качеством медицинского обслуживания и распространенностью культуры здорового образа жизни определяющими достижимую величину продолжительности жизни в стране [4].

Неблагоприятная экологическая обстановка в месте проживания, по мнению респондентов опроса ВЦИОМ 2019 года, входит в число основных рисков для здоровья, в большей степени, чем плохая наследственность, вредные привычки, сидячий образ жизни и неправильное питание, способствуя развитию болезней [11]. В отражение этому, несмотря на то что абсолютное большинство опрошенных ВЦИОМ в 2020 году россиян очень серьезно подходят к своему питанию (7% соблюдают диету, предписанную врачом, 15% – самостоятельно выбранную диету, 38% стараются употреблять только здоровую пищу), не курят (52% – никогда, 19% – в последнее время), не употребляют алкоголь (37% – вообще, 24% – реже одного раза в месяц) и с определенной периодичностью занимаются спортом (по 27% – регулярно и время от времени), на высший балл свое здоровье

оценивают менее десятой части (8%) респондентов. Большинство из них (51%) состояние своего здоровья находят удовлетворительным, еще треть (31%) – просто хорошим, а десятая часть суммарно – плохим и очень плохим (8% и 2% соответственно) [2]. Оценки своего репродуктивного здоровья среди россиян значительно выше: половина (50%) респондентов опроса ВЦИОМ 2020 года считают его хорошим, еще четверть (24%) – очень хорошим, однако абсолютное большинство из них (75%) никогда не проходили соответствующую диагностику у профильного специалиста (акушера-гинеколога, уролога, репродуктолога или другого врача) [9].

Тем временем, статистика показывает, что репродуктивное здоровье населения в последние годы ухудшается: в 2019 году более 15% всех российских пар фертильного возраста (18-49 лет) не смогли зачать ребенка; в Республике Татарстан их доля выросла до 17% [10]. Данная тенденция, по свидетельствам зарубежных ученых, характерна для большинства экономически развитых стран мира и определена в том числе постепенным углублением ряда экологических проблем. В частности, последние исследования обнаруживают связь между бесплодием и загрязнением атмосферного воздуха [12, 13], на основании динамического анализа показателей которого по Республике Татарстан можно говорить о существовании серьезной угрозы. Так, в 2018-2019 годах доля проб атмосферного воздуха в городах республики с превышением нормативов по гигиеническим показателям продолжила расти после своего падения в 2017 году (0,9%, 0,85% и 0,8% в 2019, 2018 и 2017 годах соответственно), что, в соответствии с официальной статистикой, в настоящее время создает «благоприятные» условия для развития у населения болезней не только мочеполовой системы, но и органов дыхания, иммунной, нервной и пищеварительной систем, а также для распространения онкологических заболеваний, болезней сердечно-сосудистой системы и органов кроветворения [1, с. 18, 210].

Последние из перечисленных последствий загрязнения атмосферного воздуха в республике выступают не просто факторами здоровья ее населения, но наиболее частыми причинами его смертности. Половина всех умерших в 2019 году татарстанцев (48,6%) скончались от болезней системы кровообращения, пятая часть из них (17,1%) – от новообразований, а еще около десятой части суммарно – от болезней органов пищеварения (5%), органов дыхания (4%) и нервной системы (2,5%) [6]. Помимо атмосферного воздуха, на состояние здоровья населения Республики Татарстан, включая репродуктивное здоровье, и его смертность оказывают влияние низкий усредненный уровень лесистости территории республики (17,9%), усугубляющий проблему нехватки чистого воздуха, а также прогрессирующая загрязненность водных ресурсов. В 2019 году выросла доля проб воды из рекреационных водоемов республики с превышением нормативов по микробиологическим и паразитологическим показателям (9,4% и 0,35% соответственно), практически не изменилась / несколько выросла доля проб воды из источников централизованного водоснабжения с превышением нормативов по санитарно-химическим и микробиологическим показателям (27,2% и 3,8%) [1, с. 99, 212, 214]. Связанное

с этим снижение жизне- и средообразующей способности территории сопровождается также падением ее привлекательности в качестве места постоянного проживания, о чем в том числе свидетельствуют результаты опроса ВЦИОМ 2019 года. Плохая экология выступает третьей самой значимой миграционной причиной для россиян, уступая только стремлениям к трудоустройству и более высокому уровню зарплат, пенсий и других выплат, ради которых они готовы покинуть свой – «неблагополучный» по указанным причинам – населенный пункт [7].

Таким образом, возрастающая значимость социально-экологических вызовов высокому качеству жизни населения Республики Татарстан определяет необходимость актуализации проводимой в республике и в стране в целом демографической политики в части проработки ее экологически-ориентированной составляющей. Наблюдаемая связь векторов естественного и механического движения населения с экологическим состоянием территории указывает также на их связанность с доминирующими в обществе способом восприятия окружающей среды и культурой взаимодействия с ней. Последние задают силу антропогенного воздействия на территории и – с учетом наличествующих проблем – должны быть скорректированы целевыми мерами демографической политики.

Список литературы

1. Государственный доклад «О состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2019 году». – Казань: Министерство экологии и природных ресурсов Республики Татарстан, 2020. – 404 с.
2. Здоровье – высшая ценность [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2020. – 9 июня. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10321 (дата обращения: 26.08.2020).
3. Как рассчитывался рейтинг регионов РБК [Электронный ресурс] // РБК. – 2020. – 21 июля. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/specials/21/07/2020/5f1186599a79474d3fccacd2 (дата обращения: 26.08.2020).
4. Качество жизни россиян: ключевые факторы [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2018. – 3 декабря. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9460 (дата обращения: 04.08.2020).
5. Отчеты ведомств : Демография [Электронный ресурс] // Открытый Татарстан. – Режим доступа: https://open.tatarstan.ru/reports/categories/search?category=10172161 (дата обращения: 24.08.2020).
6. Официальная статистика : Население [Электронный ресурс] // Татарстанстат. – Режим доступа: https://tatstat.gks.ru/naselenie (дата обращения: 24.08.2020).
7. Охота к перемене мест: зачем и почему? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2019. – 30 октября. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976 (дата обращения: 28.08.2020).
8. Рейтинг качества жизни регионов России. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных

технологий. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/research/quality-of-life-russian-regions-ranking/info (дата обращения: 26.08.2020).

9. Репродуктивное здоровье: уверены, но не проверяли… [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2020. – 15 июля. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10372 (дата обращения: 26.08.2020).

10. Субботина Д. Казанские эксперты о тестировании молодоженов на бесплодие: поднять рождаемость могут только деньги // Вечерняя Казань. – 2019. – 28 февраля. – Режим доступа: http://www.evening-kazan.ru/articles/kazanskie-eksperty-o-testirovanii-molodozhenov-na-besplodie-podnyat-rozhdaemost-mogut-tolko-dengi.html (дата обращения: 27.08.2020).

11. Тяжкий труд, бедность и старость: три причины болезней в России [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2019. – 16 мая. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9687 (дата обращения: 27.08.2020).

12. Ученые: загрязнение воздуха может вызывать бесплодие у мужчин [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2017. – 22 ноября. – Режим доступа: https://ria.ru/20171122/1509355988.html (дата обращения: 27.08.2020).

13. Чернышева Е. Загрязнение воздуха может привести к снижению женской фертильности [Электронный ресурс] // +1. – 2019. – 27 июня. – Режим доступа: https://plus-one.ru/society/zagryaznenie-vozduha-mozhet-privesti-k-snizheniyu-zhenskoy-fertilnosti (дата обращения: 27.08.2020).

УКД:338.486

Кушнир Ксения Владимировна
преподаватель кафедры туризма Высшей школы бизнеса ФГБОУ ВО «Южного федерального университета», г.Ростов-на-Дону, Россия

Региональные бренды как стандарт продвижения внутреннего туризма РФ

Аннотация. *Развитие ключевых процессов в территориальном брендировании представляется актуальным теоретическим и практическим вопросом в настоящей повестке продвижения туриндустрии регионов России. Автором проанализирован профиль туристских брендов 20 российских регионов, парадигмы их коммуникативных элементов, сформулированы критерии и рамки в подходах к изучению бренд-концепций регионов нашей страны.*

Ключевые слова: *туристский бренд, региональное развитие, продвижение территорий, внутренний туризм*

Современные представления о туристском бренде территории объединяют наиболее эффективные концептуальные подходы и формируют комплексную типологию туристских возможностей, направленную на внешние аудитории с учетом внутренних интересов. Прикладной

инструментарий, с помощью которого разрабатываются методологии бренд-концепций в настоящее время широко применяется ведущими туристскими странами, а в последние годы и регионами нашей страны.

Основные идеи, задачи и программы мероприятий в контексте действующих туристских брендов регионов РФ можно проанализировать посредством обращения к нормативным документам (стратегиям, положениям, законам, программам), регламентирующим развитие туризма в каждом регионе. Среди сформулированных (региональными нормативными документами развития туризма) кейсов есть общие задачи, которые обозначены в рамках управления региональным брендом. В обобщенном формате комплекс мероприятий по созданию туристского бренда территории сегодня - это последовательный и поэтапный план внедрения туристско-рекреационных возможностей региона, направленный на устойчивую и долгосрочную кросс-функциональную реализацию (рис.1). В результате формируется уникальный образ – комплекс семантических ассоциаций, созданный на основе актуального туристского потенциала территории – туристский бренд территории.

Процесс разработки туристского бренда, его продвижение и управление им являются составляющими брендинга территорий, который находится в компетенции Министерств экономического развития (департаментов туризма), АНО (агентств по развитию туризма в регионах или центры развития туризма) и принимающих туристских операторов (Destination Management Companies), которые при этом разрабатывают и формируют локальный туристский продукт. В эту схему не вошла еще одна структура – ТИЦ (туристские информационные центры), однако, с точки зрения, технологического процесса, им отводится функция реализации и продвижения регионального бренда, но не разработки и управления им.

Рис.1. Схема управления туристским брендом региона [составлено автором]

Автором проанализированы концепции туристских брендов 20 российских регионов с целью идентификации моделей продвижения, выявления общих кейсов и уникальных маркетинговых решений.

Результаты анализа позволяют отметить создание и развитие комплексных национальных проектов, базирующихся на ресурсах, представляемых региональными брендами. В рамках создания брендов регионов России формируются и национальные проекты такие как «Гастрономическая карта России» (в соответствии с национальной стратегией продвижения экспорта, бизнеса и культуры "Сделано в России"), в которую входят и уникальные локальные производители, являющиеся представителями региональных брендов.

Проект «BE IN RUSSIA» представляет интерактивную карту MICE&Event-возможностей регионов и возглавляет фестивальное движение BE IN RUSSIA. В рамках этого направления в 2019 году проведены MICE-дни в пяти городах России: Ростове-на-Дону (31 мая), Екатеринбурге (28 июня), Санкт-Петербурге (13 сентября), Москве (10 октября) и Сочи (14 ноября). Среди основных задач проекта - проведения мероприятий на региональных площадках с целью демонстрации потенциала российских регионов как дестинаций делового туризма профильным потенциальным заказчикам и агентствам.

Еще одним ярким примером следует привести проект «Карта гостя РФ» - единая достоверная информационная платформа, включающая гарантированные опции бесплатного городского транспорта, посещения музеев и туристских объектов, путеводители по регионам и спецпредложения. Несмотря на национальный уровень функционирования платформы, используется она в формате «визитной карточки региона», доступной, в том числе, и для местных жителей. В связи с чем, несмотря на внешнюю направленность, брендирование региона, не может не отразиться и на повышение внутреннего спроса, поскольку концепция бренда охватывает все ключевые элементы жизни региона: экономику, культуру, локальных производителей товаров и услуг и т.п. Это позволяет утверждать, что современный бренд региона служит также индикатором комфортной среды для его жителей.

Анализ современных практик туристского брендирования территорий РФ позволил выявить актуальное состояние продвижения туризма в некоторых регионах, проследить лучшие практики, общие кейсы и особенности бренд-концепций. В результате автор приходит к выводам о том, что многие регионы (Нижегородская, Новгородская, Воронежская, Ростовская область и др.) располагают условиями для успеха созданных и продвигаемых туристских брендов, при условии дальнейшего развития сети региональных проектов и выражении идей в эквивалент конкретных туристских предложений (рис.2).

Подход к исследованию проектов по туристскому брендингу регионов для определения их релевантности необходимо формировать учитывая следующие направления:

- временные рамки создания и развития бренда, когда разработан и как представлен сегодня;

- цветовая символика бренда, как влияет логотип на ассоциативный ряд в представлениях туристов;

- заключает ли в себе содержание бренд-концепции выраженные национальные особенности региона, легко считываемые внешними целевыми аудиториями;

- показатели результативности бренд-концепции, существует ли алгоритм определения эффективности;

- прогнозирование: в какой форме в дальнейшем может осуществляться продвижение туристского потенциала региона? Представляется необходимым понимать перспективу развития этого направления. Какие форматы продвижения территорий стратегически верно рассматривать на ближайшие 5-10 лет?

Рис.2. Условия успеха современных бренд-концепций регионов РФ [составлено автором]

По мнению автора, эффективность регионального бренда сегодня может быть определена следующими позициями:

1. Осведомленность. Информационный поток, который бренд в себе заключает – содержательная часть идеи бренда.

2. Заинтересованность. Формат информации, ее подача, акцент на уникальность ресурсной базы региона, простота и доступность ее для туристов.

3. Готовый туристский продукт. Наличие обновляемого ассортимента брендовых туристских продуктов и услуг, которые направлены на разные целевые группы туристов.

Рассматривая смысловую нагрузку концепций территориального брендинга и целый ряд примеров в рамках регионов нашей страны, следует отметить, что результативность такие концепции будут иметь в случае неразрывности восприятия самого бренда (ожиданий, которые турист испытывает, просматривая контент бренда) и реальности представленного

потенциала на месте, включая природные, инфраструктурные и кадровые категории.

Кроме того, понятие туристско-рекреационного потенциала сегодня в обязательном порядке включает и информативное поле - информированность о ресурсах и инфраструктуре территории. Насколько легко можно найти релевантную инф-ю по туристским объектам и маршрутам в регионе? Анализ туристских бренд-концепций 20 российских регионов позволяет утверждать, что региональные туристские бренды сегодня выполняют эту функцию по информированию потребителей.

Список литературы

1. Бритвин А.М., Бритвина И.Б., Старостова Л.Э. Интегративная модель бренда российского города: региональный аспект: монография / под общ. ред. А. М. Бритвина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 8 112
2. Дубейковский, В. Бренд города? 35 ответов / В. Дубейковский. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. 108 с.
3. Кушнир К.В. Внутрирегиональный туристский продукт: условия формирования и направления продвижения // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития туризма». г. Москва. 2019. С.195-199.

УДК 314.04; 551.583

Лукьянец Артем Сергеевич
к.эк.н., заместитель директора по инновационному проектированию, ФГБУН «Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН», г. Москва, Россия

Климатические риски для населения регионов России[111]

Аннотация. *В работе рассматриваются подходы к определению климатических рисков. Было установлено, что научная направленность тех или иных дефиниций климатических рисков определяется как целями проводимого научного исследования, так и конкретной предметной научной сферой. Было предложено авторское определение климатических рисков с упором на социально-демографические и экономические аспекты. Был проведен анализ имеющихся научных работ и направлений по изучаемой научной проблематике. Были охарактеризованы основные тенденции климатических изменений в Российской Федерации и выявлены основные направления влияния климатических рисков на население.*

Ключевые слова*: климатические риски, заболеваемость, миграция, уровень жизни, население, регионы России.*

[111] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-01006

Начало XXI века оказалось под властью трех основных детерминант, оказывающих существенное воздействие на всё мировое хозяйство. Во-первых, демографический сдвиг, а именно, увеличение доли пожилого населения, во-вторых, быстрый технический прогресс и, в-третьих, возможно самое главное, – глобальное изменение климата.

В XXI веке изменение климата стало одной из основных и реальных проблем человечества, которая угрожает политической, экономической и социальной стабильности целых стран и континентов.

Происходящие климатические изменения ведут к изменению воздействия климатического фактора как на экономику и на социальную сферу, так и на население в целом [8].

В настоящий момент экстремальные погодные явления оцениваются ведущими экспертами как явления, несущие наиболее серьезный потенциальный риск для дальнейшего последовательного развития общества, который способен спровоцировать масштабный кризис мирового масштаба уже в среднесрочной перспективе.

Одним из самых простых определений понятия «риск», является определение, данное Томом Беером в работе «Оценка экологических рисков на примере Австралии», где риск – это сочетание вероятности события и его опасности, выражающейся в возможных последствиях [1]. Опасность в широком смысле можно описать как событие, которое может причинить вред. В этой связи к опасным климатическим явлениям на местном (локальном) уровне относят явления, связанные с прямым воздействием климата на те или иные негативные природные явления такие, как наводнения и пожары. К опасным климатическим явлениям глобального масштаба относятся потепление, наиболее опасными последствиями которого являются повышение уровня мирового океана, таяние ледников и уменьшение слоев вечной мерзлоты [3]. В контексте РФ, согласно экспертным оценкам, наиболее значимым риском следует считать последствия потепления климата для ускоренной деградации многолетней мерзлоты, которая занимает почти две трети территории страны [7].

Так что же такое климатический риск? Существует множество определений этого термина. Главная и основная вариабельность в их трактовке состоит в том, какие научные цели преследуются в том или ином исследовании, с одной стороны, и из какой области научного знания вытекает то или иное исследование, - с другой. Так, определение данное, например, учеными климатологами, будет отличаться от определений ученых в области экономики и геофизики. В докладе Росгидромета дано следующее определение климатическому риску. «Климатический риск – вероятность (в течение определенного периода времени) существенных нарушений в нормальном функционировании природных, технических и социальных систем вследствие климатического воздействия (в результате изменений или колебаний климата)» [4]. В данном определении была предпринята попытка охватить все основные сферы воздействия климатических рисков, начиная от нарушений привычных ритмов

природных процессов и заканчивая социальными. При этом в данном определении не охватываются важнейшая составляющая любого по сути риска – экономический ущерб, который провоцируется тем или иным риском. Определение риска, сугубо с экономической точки зрения, было дано Д.В. Насоновым, который определил климатический риск как вероятность возникновения экстремальных ситуаций, приводящих к недопустимо большим хозяйственным потерям [6]. На наш взгляд, данное определение сильно сужает предметную область исследований, так как не учитывает большинство важнейших составляющих климатических рисков, в том числе и воздействие на человека и общество в целом.

Наиболее полным, но в то же время далеко неисчерпывающим вариантом определения климатических рисков, может стать следующая его трактовка: Климатический риск – вполне определенная временным интервалом вероятность наступления неблагоприятных социально-экономических, социально-демографических и природных и метеорических условий, вызванных причинами климатического характера. В данном определении был сделан преднамеренный упор на социальные, экономические и демографические дефиниции климатических рисков. Тем не менее можно отметить, что до окончательного, общепризнанного мировым научным сообществом определения «Климатического риска», крайне далеко.

В этой связи проблемы изменения климата и окружающей среды вызывают всё больше обеспокоенности по всему миру не только у научного сообщества, но и у представителей власти, бизнеса, общественных и международных организаций. Согласно докладам о глобальных рисках, ежегодно публикуемым Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), экстремальные погодные явления оцениваются экспертами как наиболее серьезная угроза будущему человечества на протяжении трёх лет подряд. В списке пяти наиболее вероятных рисков за 2019 г. второе место занял провал современной экологической политики, третье место – стихийные бедствия [2].

Научная публикационная активность по данной проблематике также достаточно высока на международном уровне. Так, в базе Scopus за 2018 г. было проиндексировано почти пять тысяч статей, так или иначе затрагивающих вопросы, связанные с климатическими рисками. В российской науке данная проблема пока не получила освещения, соответствующего её актуальности. За тот же период в базе РИНЦ было проиндексировано лишь немногим более 200 статей на сходную тематику. Большая часть как российских, так и зарубежных публикаций (порядка трех четвертей) относится к области естественных наук (климатология, география, агрономия, медицина, инженерия, энергетика, химия и биология). Социально-экономические аспекты климатических рисков исследованы в меньшей степени.

Общую оценку глобальных климатических рисков проводит Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) в своих регулярных докладах. МГЭИК были определены и систематизированы ключевые глобальные климатические риски.

Особая экспертная группа по управлению климатическими рисками (Expert Team on Climate Risk and Sector-specific Climate Indices) была создана

Всемирной метеорологической организацией. В 2012 г. ими был подготовлен доклад, содержащий рекомендации для местных органов власти по разработке и применению новых практик и инструментов для минимизации возможных негативных последствий глобального изменения климата.

Комплексные исследования климатических рисков и механизмов управления ими проводятся при поддержке крупнейших международных организаций, таких как Всемирный Банк и Организация экономического сотрудничества и развития. Всемирная организация здравоохранения занимается изучением климатических рисков для здоровья человека.

Отдельное направление составляют исследования, посвященные оценке и прогнозированию экономического ущерба, наносимого вследствие изменения климата. Наиболее известной работой по данной тематике можно назвать «Доклад Стерна» (Stern Review on The Economics of Climate Change), прогнозирующий, что потери мировой экономики от глобального изменения климата будут составлять около 5% мирового ВВП ежегодно, если никаких действий по охране окружающей среды не будет предпринято в ближайшее время. Другие ученые проводили подобные оценки, уточняя их, например, с учетом региональной специфики стран мира.

Большинство публикаций зарубежных ученых посвящено анализу влияния глобального изменения климата на такие экономические и социальные показатели как продуктивность сельского, рыбного и лесного хозяйства, заболеваемость и смертность населения, потребление электроэнергии и водных ресурсов. Однако ряд ученых доказали, что ухудшение природно-климатических условий несет даже такие риски для социально-экономического развития общества как рост преступности.

Как уже отмечалось, в отечественной науке работы, посвященные проблемам климатических рисков, пока не столь многообразны. Чаще всего данная тема рассматривается в контексте проблем сельского хозяйства. Есть научные работы, рассматривающие климатические риски для бизнеса, а также публикации, посвященные методологии оценки ущерба от природных катастроф и неблагоприятных погодных явлений.

Отдельного внимания заслуживает Оценочный доклад Росгидромета о климатических рисках на территории Российской Федерации, опубликованный в 2017 г. В докладе приведены оценки климатических рисков для населения, инфраструктуры, а также отдельных отраслей экономики России. Кроме того, даются прогнозы динамики рисков по мере дальнейшего изменения климата и делаются рекомендации для органов государственной власти по разработке и применению мер адаптации к ним [4].

В то же время анализ отечественных научных работ показал, что комплексные оценки климатических рисков для отдельных регионов Российской Федерации ранее не проводились, в то время как подобные исследования необходимы для минимизации ущерба, наносимого неблагоприятными метеорологическими явлениями, выбора оптимальной стратегии пространственного развития территорий и обеспечения устойчивого социально-экономического развития в целом.

Согласно данным Росгидромета, на территории России продолжается потепление, темп которого намного превышают среднее по Земному шару [5]. Средняя скорость роста среднегодовой температуры воздуха на территории России в 1976-2018 гг. составила 0,47°С за 10 лет. Это в 2,5 раза больше скорости роста глобальной температуры за тот же период. Наиболее быстрыми темпами росла температура Северной полярной области, особенно в последние три десятилетия: там рост среднегодовой температуры в этот период превысил 1,0°С за 10 лет.

По данным Росгидромета, для России 2018 г. год был третьим по количеству опасных гидрометеорологических явлений, нанесших значительный ущерб отраслям экономики и жизнедеятельности населения: неблагоприятных природных событий было зафиксировано 465, тогда как за период с 2000 г. в среднем их насчитывалось 250-300 в год. При этом ущерб, причиняемый стихийными бедствиями, и их интенсивность заметно выросли за последние два десятилетия.

Климатические риски для населения России и ее регионов носят многоаспектный, неоднозначный и подчас противоречивый характер, вектор которого зависит от двух основных детерминантов. Во-первых, это экономико-географическое расположения территории, включая основные тенденции климатических изменений, протекающих на этой территории. Во-вторых, это социально-экономическая и социально-демографическая обстановка на рассматриваемых территориях, которая во многом определяется режимами воспроизводства населения, этнической, половозрастной структурами населения, а также системой показателей экономической устойчивости региона и его населения к потенциальным угрозам, вызванных климатическими изменениями. Обобщенно, климатические риски оказывают воздействие на население территории по следующим основным направлениям:

1) здоровье человека. В частности: повышенный риска травматизма, болезней и преждевременной смерти; риски, связанные с недоеданием и заболеваемостью из-за некачественных продуктов питания и питьевой водой; риски, связанные с психическим состоянием человека.

2) Изменение уровня и качества жизни населения из-за изменяющихся условий окружающей среды. В большинстве случаев, прогнозируется значительное ухудшение уровня жизни населения, в регионах, наиболее подверженных климатическим изменениям;

3)массовая климатическая миграция населения, вызванная причинами природно-климатического и экологического характера.

4) изменение привычного образа жизни человека, включая такие параметры как занятость, досуг, бытовые условия, которые в конечном счете в среднесрочной перспективе могут кардинально изменить психическое состояние человека.

Указанные выше направления отнюдь не исчерпывают полные перечень возможных последствий климатических рисков для населения. По нашему мнению, данное научное направление будет определять развитие отечественной и зарубежной научной мысли на несколько десятилетий вперед.

Список литературы

1. Beer, T. and Ziolkowski, F. Environmental risk assessment – an Australian perspective, in Norton. T.W., Beer, T. and Dovers, S.R., Risk and Uncertainty in Environmental Management, Centre for Resource and Environmental Studies, Canberra, 1995, P. 3-13.
2. Global Risks Report 2019. Электронный ресурс. Режим доступа - URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 10.09.2019)
3. Schneider, S.H. (2001) What is «dangerous» climate change? // Nature, 2001. – 411. P. 17–19
4. Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2017. 106 с.
5. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2018 год. Москва, 2019. 79 с.
6. Насонов Д.В. Климатические риски и адаптация земледелия // Сельскохозяйственные вести. 2011. №1. С. 36-37.
7. Оганесян В.В. Климатические изменения как факторы риска для экономики России // Гидрометеорологические исследования и прогнозы. - 2019. – № 3 (373). С. 161-184.
8. Салль М.А. Климатические риски: временные тренды и гетероскедастичность //Метеорология и гидрология. 2015. № 7. С. 84-92.

УДК 316.62:330.16(476)

Мартищенкова Елена Владимировна
научный сотрудник, ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», отдел социальной теории и методологии, г. Минск, Республика Беларусь
Баханов Андрей Геннадьевич
научный сотрудник, ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», отдел социальной теории и методологии, г. Минск, Республика Беларусь

Стратегии экономического поведения населения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий Беларуси

Аннотация. *Сегодня проблематика малого и среднего бизнеса является самой актуальной для развития экономики Беларуси. Правительство Республики Беларусь ставит перед собой задачу развития малого и среднего предпринимательства, так как видит в нем один из факторов обеспечения стабильно высокого уровня занятости населения и экономического роста. Результаты проведенных социологических исследований показали, что проблема занятости населения является особенно актуальной для населенных пунктов, пострадавших от аварии на ЧАЭС. В этих условиях развитие малого и среднего бизнеса на загрязненных территориях является серьезным шагом для повышения уровня и качества*

жизни их жителей, что вследствие приведет и к росту экономических показателей в данных регионах.

***Ключевые слова**: социологические исследования, материальное положение, экономическое поведение, стратегии экономического поведения, авария на ЧАЭС*

Существует такая общеизвестная фраза «Человек – сам творец своей судьбы» и, по нашему мнению, ее можно в какой-то мере интерпретировать и так: «Каждый сам отвечает за свое материальное благополучие». То есть государство, конечно, должно заботиться о благополучии своих граждан, но и сами люди должны прикладывать максимум усилий для улучшения качества своей жизни. Конечно, так называемый «чернобыльский синдром» оказал и продолжает оказывать негативное влияние на социально-психологическое состояние людей пострадавших от аварии на ЧАЭС территориях. Человек с таким синдромом не всегда задумывается о том, как жить и работать, чтобы добиваться успеха и улучшить свое и своих близких материальное благополучие. Это ведет к демобилизации, к формированию иждивенческих настроений и к непродуктивному образу жизни. Сколько сегодня таких людей (по районам), с кем они идентифицируют себя, кто для них является примером, как помочь им преодолеть болезненное чувство «психологии жертвы», мобилизовать свои ресурсы в направлении самоактуализации – все это сегодня крайне важные теоретические и практические вопросы социальной политики в загрязненных районах. В настоящее время к пострадавшим вследствие чернобыльской катастрофы относится 49 районов Беларуси: в Брестской области – 4 района, в Гомельской – 19, в Гродненской – 3, в Минской – 10 и в Могилевской – 13. К наиболее пострадавшим – относится 21 район Брестской, Гомельской, Могилевской областей Республики Беларусь. На данных территориях продолжается жизнь, создаются семьи, приезжают на работу молодые специалисты, которым выделяется жилье, создаются достойные условия для самореализации. Государство прилагает серьезные усилия для возвращения пострадавших территорий к достойной жизни, росту социально-экономического благополучия граждан, однако без активного участия в данном процессе самого населения ожидаемого результата достичь будет весьма сложно. В связи с этим, одной из задач социологического исследования, проведенного ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в октябре-ноябре 2019 года[112] было изучить стратегии экономического

[112] Данные исследования «Провести социологический мониторинг оценок населения эффективности реализации целей устойчивого развития, в том числе и возможностей трудоустройства в районах пострадавших от аварии на ЧАЭС (по различным сферам экономики)», проведенного в рамках реализации Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011-2015 годы и на период до 2020 г. Объем выборочной совокупности – 2800 человек. Общий объем выборки распределялся между Гомельской, Брестской и Могилевской областями пропорционально численности в них городского и сельского населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях.

поведения населения загрязненных территорий. Для этого в инструментарий исследования были заложены следующие типы стратегий экономического поведения (формулировка вопроса «Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?»): 1) *активистская* (достиженческая) – ориентированная на достижение более высокого уровня и качества жизни, повышение социального статуса по сравнению с наличным («повышаю свой доход всеми возможными способами»); 2) *адаптационная* – ориентированная на сохранение наличного уровня и качества жизни, а также социального статуса («стараюсь жить по средствам»); 3) *регрессионная*, которая позволяет индивидам приспособиться к изменившимся условиям жизни только за счет существенного ухудшения уровня и качества жизни, а также понижения социального статуса («снижаю уровень своих запросов и потребностей»); 4) *эскапистская* (от английского глагола «to escape» – убегать, избегать, спасаться, ускользать) – поведенческая стратегия, при которой человек старается избежать взаимодействия с окружающим миром, уйти от решения возникших проблем («ничего не предпринимаю»).

Проведенные исследования показали, что около половины опрошенных в среднем по выборочной совокупности (54,9%) придерживаются адаптационной стратегии экономического поведения, т.е. при ответе на вопрос выбирали вариант ответа «стараюсь жить по средствам». В ходе исследования выявлены существенные различия в стратегиях экономического поведения в зависимости от принадлежности респондента к определенной социально-демографической категории (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?» в зависимости от пола и возраста, в % от числа опрошенных

Варианты ответа	Всего	По полу		По возрасту			
		Мужской	Женский	16-29 лет	30-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Повышаю свой доход всеми возможными способами	17,4	**22,0**	13,6	20,4	22,1	18,4	**7,7**
Стараюсь жить по средствам	54,9	52,8	56,7	49,0	53,5	54,8	**63,0**
Снижаю уровень своих запросов и потребностей (в питании, в одежде, в отдыхе, в лечении)	20,5	16,9	**23,4**	20,4	20,9	19,5	21,1
Ничего не предпринимаю (пытаюсь забыться, отвлечься от проблем)	10,6	12,1	9,4	**14,1**	8,8	9,3	10,3
Всего*	103,4	103,8	103,0	103,9	105,3	102,0	102,2

*Сумма ответов больше 100%, т.к. некоторые респонденты при ответе на вопрос отмечали два варианта ответа, чаще всего «стараюсь жить по средствам» и «повышаю свой доход всеми возможными способами».

Исследование показало, что мужчины более склонны, чем женщины прилагать дополнительные усилия для повышения своего уровня жизни – 22,0% и 13,6%, соответственно, либо «ничего не предпринимать (забыться, отвлечься)» – 12,1% и 9,4%. И, наоборот, женщины чаще, чем мужчины выбирали вариант ответа «снижаю уровень своих запросов и потребностей» – 23,4% и 16,9%. В возрастных категориях выделяются респонденты 60 лет и старше – они чаще других склонны жить по средствам (63,0% при среднем 54,9%), и, наоборот, реже отмечали вариант ответа «повышаю свой доход всеми возможными способами» – 7,7% (в среднем по выборке 17,4%). Такие стратегии в данной возрастной категории связаны скорее всего с тем, что с возрастом уже ухудшается состояние здоровья и прилагать какие-то дополнительные усилия становится все сложнее. Еще одной причиной, на наш взгляд, может оказаться и привычка (еще с советских времен) довольствоваться малым.

Также отметим, что среди опрошенной молодежи (16–29 лет) чаще, чем в других возрастных категориях встречались респонденты, которые скорее готовы забыть о проблемах финансового характера, чем попытаться их решить – 14,1% из них при ответе на вопрос выбирали вариант ответа «ничего не предпринимаю (пытаюсь забыться, отвлечься от проблем)».

Размер населенного пункта, в котором проживает респондент также оказывает влияние на стратегию его экономического поведения (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?» в зависимости от размера населенного пункта, в % от числа опрошенных

Причины	Всего	По размеру населенного пункта:			
		г. Гомель	Средние города (10-60 тыс.)	Малые города (менее 10 тыс.)	Село
Повышаю свой доход всеми возможными способами	17,4	14,6	18,9	19,0	19,9
Стараюсь жить по средствам	54,9	54,8	57,7	53,0	54,6
Снижаю уровень своих запросов и потребностей (в питании, в одежде, в отдыхе, в лечении)	20,5	19,2	22,7	24,9	19,9
Ничего не предпринимаю (пытаюсь забыться, отвлечься от проблем)	10,6	15,2	5,5	6,9	7,8
Всего*	103,4	103,7	104,8	103,8	102,2

*Сумма ответов больше 100%, т.к. некоторые респонденты при ответе на вопрос отмечали два варианта ответа, чаще всего «стараюсь жить по средствам» и «повышаю свой доход всеми возможными способами».

Как видно из данных таблицы 3, среди опрошенных областного центра (г. Гомеля) гораздо меньше тех, кто готов прилагать дополнительные усилия

для повышения своего материального положения, чем среди респондентов средних и малых городов, а также сельчан – 14,6% при среднем по выборочной совокупности 17,4%. Среди гомельчан также оказалось больше приверженцев эскапистской стратегии поведения – 15,2% при среднем 10,6%. Также отметим, что снижать уровень своих запросов чаще других готовы респонденты из малых городов (24,9% при среднем 20,5%).

Результаты предыдущих исследований (2017–2018 гг.) показали, что в исследуемых районах существуют серьезные проблемы с рабочими местами. Однако, возможность улучшить свое материальное благополучие посредством открытия собственного бизнеса прельщает далеко не многих (только около 1/5 опрошенных) – об этом красноречиво говорят данные, представленные на рисунках 1-2.

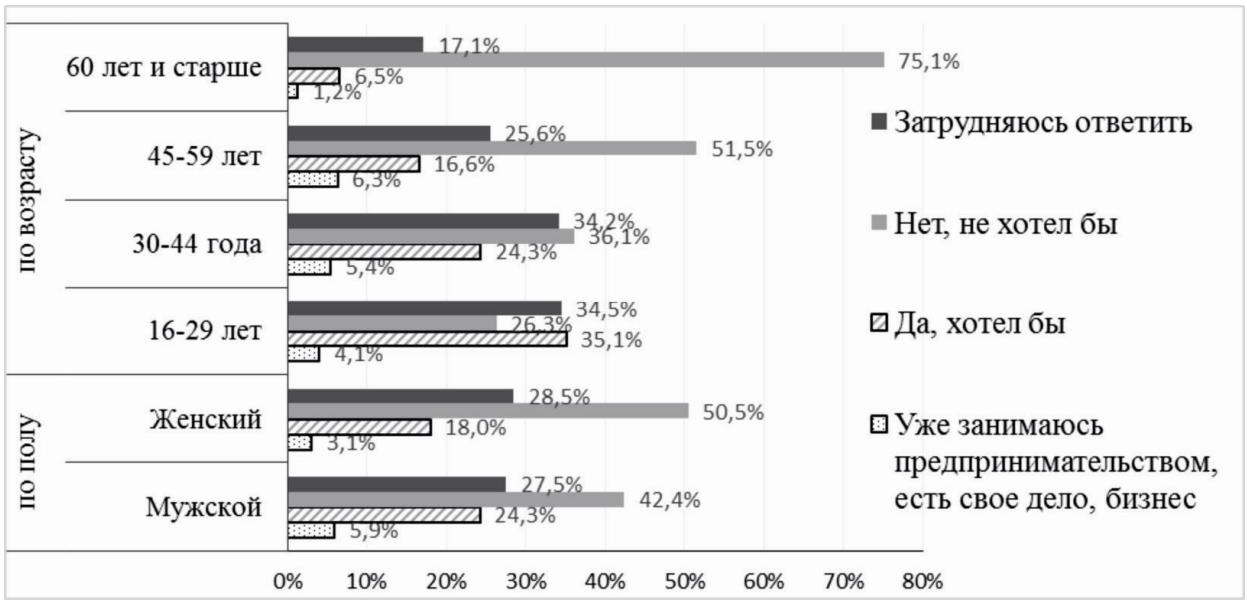

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы заниматься предпринимательством, открыть свое дело?» в зависимости от пола и возраста, %

По данным рисунка 1 мы видим, что больше всего желающих заняться предпринимательской деятельностью и тем самым повысить свое материальное положение среди молодежи (16–29 лет) – 35,1%, а наименьшее среди старшего поколения (60 лет и старше) – 6,5% опрошенных. Мужчины также чаще, чем женщины высказывались о том, что они хотели бы открыть свое дело – 24,3% и 18,0%, соответственно.

Также, проведенный опрос показал, что чаще других проявили интерес к открытию своего бизнеса респонденты из средних городов (10–60 тысяч жителей) – 25,8% опрошенных при среднем по выборочной совокупности 20,8%. Реже такое желание высказывалось сельчанами – 15,9% опрошенных (рис. 2).

Во всех рассматриваемых социально-демографических категориях около 1/3 опрошенных не смогли дать определенного ответа о том хотят ли они заниматься предпринимательской деятельностью и более 40% отвечали, что не имеют такого желания. В связи с этим в ходе опроса респондентам,

которые не высказали желания заняться частным бизнесом, было предложено назвать причины этого нежелания, а также личные или социальные препятствия, которые по их мнению могли бы помешать заниматься предпринимательской деятельностью. Вопрос был сформулирован следующим образом «Если Вы не можете или не хотите создать собственное предприятие, то по каким причинам?».

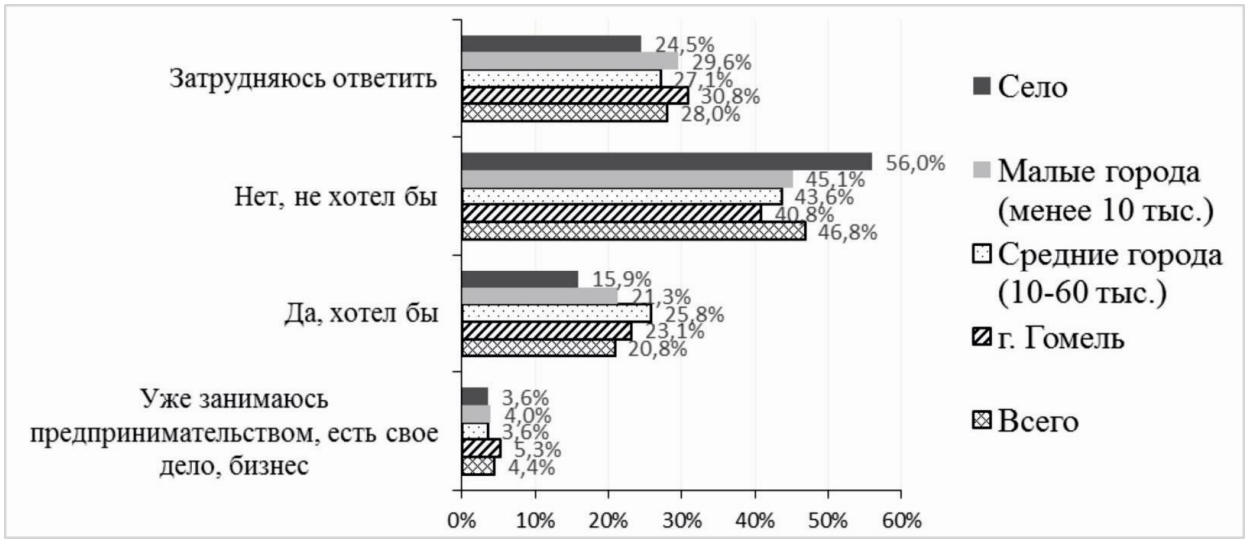

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы заниматься предпринимательством, открыть свое дело?» в зависимости от размера населенного пункта, %

Основные причины нежелания заниматься предпринимательской деятельностью, на которые ссылались респонденты были следующие (в порядке снижения частоты упоминания): «У меня нет для этого денег, и я не знаю, где их взять»; «Меня это не интересует, это не мое»; «Не тот возраст, нет здоровья»; «Слишком много трудностей с организацией своего дела»; «У нас в стране сложно заниматься предпринимательством, бизнесом»; «У меня нет соответствующих способностей, знаний».

Подводя итог, отметим, что полученные в ходе данного опроса, результаты не показали существенных подвижек в вопросе развития предпринимательской активности у населения пострадавших районов – только около 1/5 респондентов выразили желание и готовность заниматься предпринимательской деятельностью (такие же показатели были получены и в ходе проведения исследований 2017–2018 годов). Причем, опрошенные называли все те же причины, что и в прошлые годы – отсутствие начального капитала, отсутствие необходимых знаний и навыков, а также на сложности с ведением бизнеса в стране в целом.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что все проводимые государством мероприятия по социально-экономическому развитию пострадавших территорий должны строиться по принципу оказания помощи для самопомощи, т.е. следует уделить особое внимание расширению возможностей эффективной трудовой деятельности и созданию дополнительных рабочих мест. Требуются активные меры, для того чтобы способствовать созданию и развитию малых и средних предприятий в

загрязненных районах и прилегающих к ним поселках и городах, используя для этого комплекс методов поддержки предпринимательства, апробированных и проверенных в других странах. Это позволит повысить активность самого человека в обеспечении собственного благополучия и благополучия своей семьи при поддержке государства.

УДК 316.44:504.75.05(476)
Мартищенкова Елена Владимировна
научный сотрудник, ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», отдел социальной теории и методологии, г. Минск, Республика Беларусь

Уровень соблюдения правил безопасной жизнедеятельности (на примере вылова и потребления продукции рек и водоемов) населением районов Беларуси, пострадавших от аварии на ЧАЭС

Аннотация. *Актуальность рассмотренной в статье проблематики заключается в том, что население Беларуси до сих пор в полной мере ощущает последствия произошедшей на Чернобыльской АЭС катастрофы. Потребление продуктов питания с собственного подворья, а также даров леса, рек, водоемов на загрязненных территориях имеет определенные риски для местного населения. Изучение уровня информированности сельского населения о необходимости соблюдать правила безопасной жизнедеятельности на загрязненных радионуклидами территориях позволит усилить меры социальной политики, направленные на повышение уровня радиологической культуры с учетом территориальной и социальной специфики населения регионов, пострадавших от аварии на ЧАЭС.*
Ключевые слова*: социологические исследования, авария на ЧАЭС, радиоактивное загрязнение окружающей среды, накопление радионуклидов, внутреннее облучение, радиационная безопасность*

Произошедшая авария на ЧАЭС привела и к значительному загрязнению водных систем Беларуси. Если в начальный период основную роль играло прямое выпадение радионуклидов в воду, то в последующем – вторичное загрязнение, вызванное смывом радионуклидов с территорий водосбора. В настоящее время поверхностные воды рек практически не загрязнены радионуклидами, однако замкнутые же водные системы (озера, пруды, водохранилища) аккумулируют радионуклиды, вымываемые с территорий водосбора. Как следствие, значительное содержание цезия-137 в рыбе особенно характерно для озер наиболее пострадавших районов. Употребление рыбы с превышением содержания ^{137}Cs выше нормативных значений приводит, в конечном итоге, к увеличению дозы облучения человека, а также существенно увеличивают его предрасположенность к различным заболеваниям или напрямую вызывая их.

И в реках, и в замкнутых водоемах радионуклиды в основном содержатся в донных отложениях. В связи с этим очень важно, чтобы население пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий не только знало, но и соблюдало основные правила, касающиеся вылова и потребления продукции рек и водоемов в своих регионах: рыболовством разрешается заниматься на территории с плотностью загрязнения почв ^{137}Cs до 15 Ки/км^2; рыбу рекомендуется ловить в реках и проточных водоемах, а также в искусственно созданных водохранилищах, где для выращивания растительноядных рыб используют чистые корма; рыба, выловленная в закрытых водоемах и на территориях с более высоким уровнем радиоактивного загрязнения, должна проходить радиометрический контроль; загрязнение рыб ^{137}Cs зависит от места их обитания. Наиболее загрязненными являются придонные и хищные рыбы: *карась, карп, линь, окунь, щука, сом и др.* Наименее загрязненными являются обитатели верхних слоев воды: *плотва, лещ, судак, голавль и др.* [1, 2].

Активность людей, пренебрегающих правилами радиационной безопасности, способствует распространению зараженных продуктов и предметов за границы четко определенных территорий. Данная проблема фиксируется лишь фрагментарно в практических ситуациях – появление на рынках продукции, не соответствующих нормам радиационной безопасности. Комплексные социологические исследования с акцентом на выявление устойчивых поведенческих практик населения, проживающих на территории пострадавших районов и нарушающих правила радиационной безопасности, позволят снизить данные риски.

Определение уровня знаний населения о правилах рыбной ловли на загрязненных радионуклидами территориях, а также применение этих знаний в повседневной жизни являлось одной из задач социологического исследования, проведенного ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в сентябре-октябре 2019 года[113].

Для выявления того, каков процент населения может попасть в «группу риска» в контексте употребления рыбной продукции, выловленной в водоемах загрязненных радионуклидами территорий, респондентам задавался вопрос «Занимаетесь ли Вы или члены вашей семьи рыбной ловлей, ловлей раков и пр. на водоемах в регионе Вашего проживания?». Анализ данных опроса показал, что более половины опрошенных рыболовством не занимается вообще или почти не занимается (76,2% в целом по выборке). Но все же 16,3% респондентов отмечали, что время от

[113] Данные исследования «Выявить реальный уровень информированности сельского населения о специфике употребления продуктов питания (собственного подворья, даров леса, рек, водоемов и т.п.) и возможностях выращивания чистой продукции в районах, пострадавших от аварии на ЧАЭС», проведенного в рамках реализации Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011-2015 годы и на период до 2020 г. Объем выборочной совокупности – 1150 человек. Общий объем выборки распределялся между Гомельской, Брестской и Могилевской областями пропорционально численности в них сельского населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях.

времени занимаются рыбной ловлей (в Могилевской области – 19,3%), а часто рыбачат 7,5%. В Брестской области выявлено наименьшее количество респондентов, которые занимаются рыбной ловлей – 11,3% рыбачат время от времени и 7,3% часто. Проведенный социологический опрос показал, что чаще других рыболовством занимаются лица в возрасте 16–44 лет и, что в принципе не удивительно, мужчины.

В целом по выборке получается около 1/3 опрошенных, которые могут попасть в «группу риска», если не учитывают специфику своих регионов и не соблюдают определенные правила рыбной ловли и ее употребления. Именно на этой категории будет обращен фокус нашего внимания при анализе полученных в ходе исследования данных. Далее при анализе мы будем учитывать ответы только тех респондентов, которые отвечали, что занимаются рыболовством хотя бы иногда, т.е. исключив тех, кто отвечал «нет, не занимаемся».

Первое правило для рыбаков на пострадавших территориях – «рыболовством разрешается заниматься на территории с плотностью загрязнения почв ^{137}Cs до 15 Ки/км^2». Однако, как показал проведенный опрос, половина респондентов не обращает внимания на уровень загрязнения водоемов, на которых рыбачит. В региональном разрезе несколько более ответственными можно назвать рыболовов Могилевской области, где оказалось чуть больше тех, кто всегда обращает внимание на уровень загрязнения водоема при выборе места рыбалки – 20,5% (при среднем 17,9%), в Гомельской области больше респондентов, которые иногда интересуются уровнем загрязнения – 35,6% (в среднем по выборке 31,7%). Рыбаки Брестской области чаще других отвечали, что не интересуются уровнем загрязнения водоемов 62,8% (при среднем 50,5%).

По социально-демографическим характеристикам, как наиболее ответственных в данном вопросе, можно выделить респондентов в возрасте 30–44 лет – 22,7% из них всегда проверяют уровень загрязнения, а также молодежь 16–29 лет, которые делают это иногда – 43,8%. Также отметим, что женщины чаще мужчин интересуются уровнем выбранных для рыбалки водоемов (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Обращаете ли Вы внимание на уровень загрязнения водоемов для рыбной ловли?» по полу и возрасту, в %

Варианты ответа	Всего	По полу		По возрасту			
		Мужской	Женский	16-29 лет	30-44 года	45-59 лет	60 лет и старше
Да, всегда	17,9	17,6	18,2	14,3	22,7	19,8	14,4
Да, иногда	31,7	28,0	36,6	43,8	29,4	24,8	29,0
Нет, не обращаю	50,5	54,3	45,2	41,9	47,8	55,4	56,7

Далее рассмотрим уровень знания и соблюдения следующего правила по выбору для рыбалки водоема «Рыбу рекомендуется ловить в реках и

проточных водоемах, а также в искусственно созданных водохранилищах, где для выращивания растительноядных рыб используют чистые корма». В ходе исследования респондентам было предложено ответить на вопрос: «Какие водоемы в месте Вашего проживания Вы выбираете для рыбной ловли? И в каких водоемах, по Вашему мнению, отлов рыбы наиболее безопасен?».

Как показал проведенный опрос, достаточно большое количество опрошенных имеет слабое представление о том, какие водоемы являются наиболее безопасными для рыбной ловли. Судя по результатам опроса, многие знают или интуитивно чувствуют, что наиболее безопасными для ловли являются реки и проточные водоемы – более 60% опрошенных рыбаков считают наиболее безопасными для рыбной ловли реки, но чаще всего занимаются рыбной ловлей на местных реках уже более 70%. В то же время 42,3% респондентов в целом по выборке считают и озера водоемами, в которых наименьший уровень радиоактивного загрязнения и 34,9% занимаются рыбной ловлей именно на местных озерах. Еще 22,0% считают безопасными водохранилища и используют их для рыбалки 9,8%; 15,4% безопасными назвали естественно созданные пруды, а для рыбалки их использует уже 18,1% опрошенных. Как видим в некоторых случаях количество респондентов, отмечавших позицию «Водоемы, где Вы рыбачите, ловите раков и пр.» больше, чем «Водоемы, где водится рыба, раки и пр. с меньшим уровнем радиоактивного загрязнения». Это означает, что они готовы рыбачить на водоемах, которые не считают безопасными. Особенно актуальна данная проблема для Могилевской области – 52,8% опрошенных выбирают для рыбалки местные озера, хотя безопасными их считают только 31,8%. Тоже касается и водохранилищ – их выбирают 20,2% опрошенных данной области, но считают безопасными только 11%.

Что касается различий в ответах на данный вопросе в зависимости от пола и возраста, то отметим, что среди наиболее активной группы в плане рыбалки – респонденты в возрасте 16–29 лет – наибольшее количество тех, кто считает озера водоемами с меньшим уровнем загрязнения (50,7%, при среднем 42,3%) и 44,7% респондентов данной возрастной категории ловят рыбу на местных озерах. Так же отметим, что почти 40% мужчин, также считают озера менее загрязненными и используют их для рыбалки. Небольшие различия в ответах о выборе водоема для рыбалки и уровне знаний в вопросах безопасности наблюдаются в зависимости от уровня образования респондентов. Так, озера и естественные пруды чаще отмечали как безопасные и выбирали для рыбалки респонденты с более низким уровнем образования.

Одной из задач исследования было выявление уровня знаний населения о различиях по способности накапливания радиации рыбой в зависимости от ее вида (наиболее загрязненными являются придонные и хищные рыбы – карась, карп, линь, окунь, щука, сом и др., а наименее загрязненными являются обитатели верхних слоев воды – плотва, лещ, судак, голавль и др.), а также применение этих знаний в повседневной жизни. С этой целью респондентам было предложено ответить на вопросы: «Как часто Вы (Ваша семья) употребляете рыбу, которая была выловлена из местных водоемов?» и «Как Вы считаете, какие виды рыб в регионе Вашего

проживания содержат относительно меньшее количество радиоактивно опасных для здоровья человека веществ?».

Как показало проведенное исследование, большей популярностью у опрошенных являются виды рыбы, относящиеся к накапливающим радионуклиды в большей степени – около 70% отвечали, что иногда останавливают свой выбор на щуке, карасе, карпе и окуне и от 15 до 23,5% употребляют данные виды рыбы часто (рис. 1). Причем, результаты опроса выявили, что подавляющее большинство (более 90% опрошенных) никогда не проверяют рыбу в пунктах радиационного контроля ни предназначенную для продажи, ни для собственного употребления. Своими дозиметрами проверяют продукцию также менее 10%.

Существенных различий в ответах респондентов о предпочтениях в употреблении рыбы в зависимости от социально-демографических характеристик не выявлено. Отметим только, что респондентов Брестской области, отмечавших вариант ответа «часто» относительно придонных и хищных рыб было в два раза больше, чем в Гомельской и Могилевской областях.

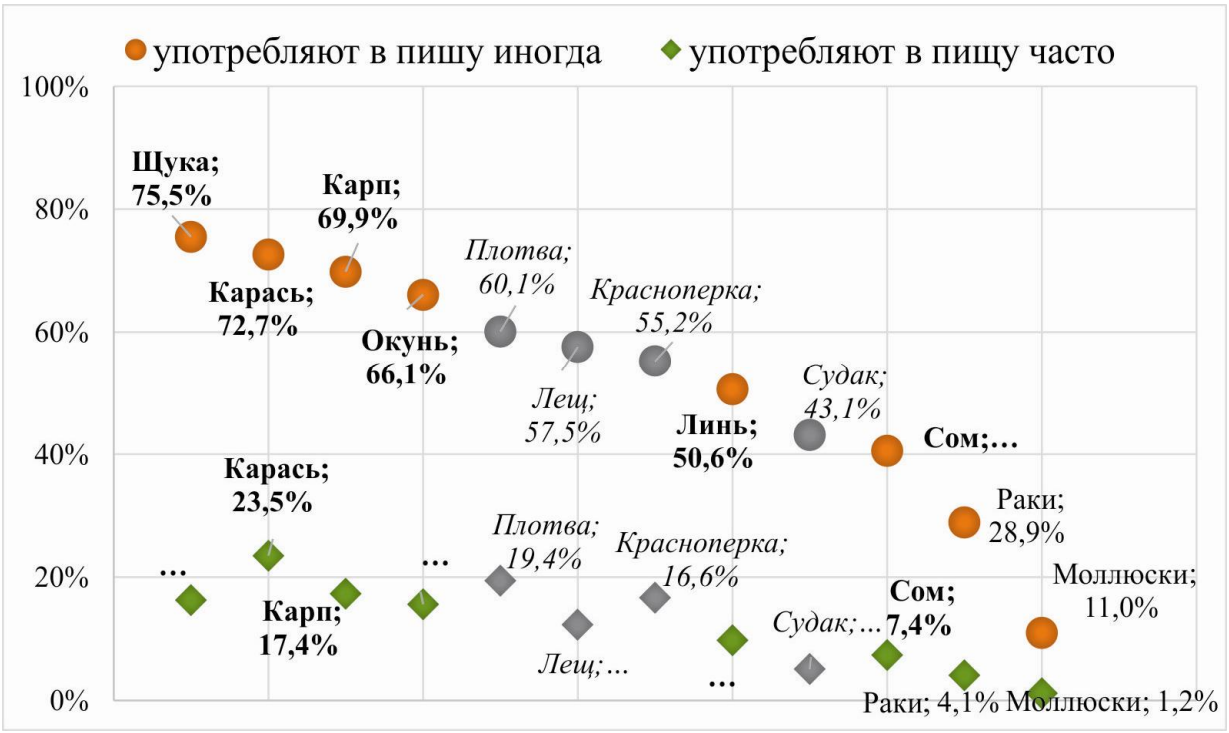

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов о предпочитаемых видах рыбы и частоте ее употребления, %

Проведенный опрос также показал, что большинство опрошенных имеет слабое представление и о том, какие виды рыбы являются наиболее безопасными для употребления, т.е. меньше накапливают радионуклиды – около 60% респондентов не смогли дать ответ на вопрос о том, какие виды рыб в меньшем количестве накапливают радионуклиды. Причем наименее осведомленными в данном контексте являются жители Могилевской области (70,9% затруднились с ответом), а респонденты из Брестской области чаще других допускали ошибки при ответе – 20,4% отнесли придонных и хищных

рыб к наименее накапливающим. Опрошенные Гомельской области показали более высокую осведомленность по данному вопросу – только половина из них затруднилась с ответом, 1/3 дали правильный ответ.

В возрастных категориях можно выделить только респондентов в возрасте 16–29 лет – среди них больше всего неправильно определивших способности рыб накапливать радионуклиды в зависимости от мест обитания, 19,9% отметили, что менее всего накапливают радионуклиды придонные и хищные виды рыб при среднем по выборке 14,9%.

В рекомендациях ученых радиологов указано, что при приготовлении рыбы, выловленной в водоемах, расположенных на загрязненной радионуклидами территории, необходимо следовать определенным правилам – использовать для кулинарной обработки только филе рыбы; вымачивать уже разделанную рыбу в течение 10 часов, с периодической сменой воды; при варке – первый бульон всегда сливать. Также известно, что различные способы приготовления пищи могут приводить как снижению, так и концентрированию радионуклидов в готовых к употреблению продуктах. Например, обезвоживание продуктов в результате сушки, вяления, вымораживания приводит к увеличению их удельной активности.

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, какие меры приводят к снижению содержания радионуклидов в рыбе?», в %

Варианты ответа	%
1. Промывать под проточной водой	49,1
2. Вымачивать рыбу в течение 10 часов, с периодической сменой воды перед разделкой	19,9
3. Очищать от чешуи, потрошить	52,4
4. Удалять хребты и плавники	41,0
5. Удалять головы	48,9
6. Вымачивать уже разделанную рыбу в течение 10 часов, с периодической сменой воды	13,0
7. Рыбу только варить, сливая первый бульон	18,1
8. Рыбу следует только жарить	8,5
9. Рыбу следует только сушить	5,8
10. Другие способы	7,2

Проведенное исследование показало, что только около половины опрошенных знает о том, что промывание под проточной водой, потрошение рыбы, удаление головы, плавников и хребтов приведет к снижению у нее содержания цезия. О том, что при варке необходимо сливать первый бульон знает только 18,1% респондентов. В идеальном варианте по каждой из этих позиций, а также по варианту «Вымачивать уже разделанную рыбу в течение 10 часов, с периодической сменой воды» должно было быть 100% ответивших – тогда будет достигнут наибольший эффект в плане снижения содержания радионуклидов в рыбе, но как видим результаты пока очень далеки от желаемого. Полный «комплект» правильных вариантов обработки рыбы отметило совсем незначительное количество опрошенных – 2,1% в

целом по выборке, в том числе: 0,5% респондентов Брестской области, 1,4% – Гомельской и 6,0% из Могилевской.

Подводя итог отметим, что употребление населением загрязненных территорий непроверенной на содержание радионуклидов рыбы, причем без необходимой правильной кулинарной обработки может привести к увеличению у них дозы внутреннего облучения, приводящего к риску развития серьезных заболеваний. Перед источниками радиоактивного загрязнения, проникшими в организм, мы совершенно беззащитны. Попадая внутрь с продуктами питания и водой, они беспрепятственно воздействуют на желудок, кишечный тракт, почки и другие жизненно важные органы. В связи с этим необходимо продолжать информирование населения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий о необходимости соблюдать правила безопасной жизнедеятельности на них.

Список литературы

1 Вы собираетесь в лес: памятка / РНУИП «Институт радиологии». – Гомель, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rbic.mchs.gov.by/upload/iblock/b04/b04801ff64bebe92e333140e4669d52e.pdf. – Дата доступа: 19.09.2019.

2 Шашко, А.В., Шашко Л.Н. Накопление и содержание цезия-137 в организме рыб, обитающих в водоемах припятского полесья / Веснік Палескага дзяржаўнага універсітэта. Серыя прыродазнаўчых навук, – 2009, № 2 – С. 14–18.

УДК 314

Молчанова Екатерина Владимировна
д.эк.н., к.техн.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, Россия

Методика оценки общественного (популяционного) здоровья населения[114]

Аннотация. *Сохранение и укрепление здоровья граждан является приоритетной задачей любого государства. Цель данной статьи - разработка методики оценки общественного (популяционного) здоровья населения с помощью проекта Глобальное бремя болезней (ГББ), основу которого составляет индикатор «потерянные годы здоровой жизни» (DALY). В результате проведенного исследования выявлены основные причины потерь здоровья в нашей стране и зарубежных государствах, определены направления для минимизации негативных тенденций.*

[114] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010-00029_а «Возможность внедрения бенчмаркинга при разработке медико-демографической политики»

***Ключевые слова**: демография, здоровье, потерянные годы здоровой жизни, система здравоохранения.*

В настоящее время существуют различные точки зрения по поводу возникновения напряженной медико-демографической ситуации в России [1, 5]. Эксперты Всемирного банка считают, что основная причина неблагоприятных тенденций связана с высокой смертностью, особенно в трудоспособном возрасте, что существенно отражается на структуре и качестве населения нашего общества. Многие исследователи отмечают необходимость проведения более обоснованной миграционной политики, которая помогла бы компенсировать возникающие потери человеческих ресурсов в нашей стране (В. Переведенцев) [9]. Ряд работ посвящены изучению кризиса семейных отношений, снижения рождаемости и ценности брачного союза (А. Антонов, В. Борисов, А. Шабунова) [2]. Все чаще авторы пишут о том, что основная причина возникшего демографического кризиса связана с утратой прежних духовных ценностей, психологическим неблагополучием, социальным стрессом, которые провоцируют высокий уровень смертности, суицидальных и асоциальных тенденций в обществе (В. Алиев, И. Гундаров) [4]. В ряде работ отмечается, что медико-демографическую ситуацию можно изменить только путем разработки специальной стратегии, учитывающей весь комплекс возникших проблем, в том числе снижение рождаемости, рост смертности, сложность сохранения общественного (популяционного) здоровья нации, отсутствие продуманной миграционной политики (Н. Римашевская, Л. Рыбаковский, И. Орлова, Б. Хорев) [10, 11].

На наш взгляд, демографический кризис в России не может быть преодолен без сохранения и укрепления физического и психического здоровья нации [8]. В теоретическом плане можно выделить основные направления изучения здоровья индивидуума [6, 7]: теории обусловленности здоровья (Э. Гюан, А. Дюссер, Р. Дюбо), натуралистические медико-биологические теории (Г. Селье, З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм), теории функциональной патологии и медицины (И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, А.А. Ухтомский), натуралистические теории народонаселения и здравоохранения (Т. Мальтус, У. Томсон), синтетические, универсальные теории (Дж. Гелбрайт, К. Уинслоу). Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в качестве универсальных целей для всех национальных систем здравоохранения рассматриваются следующие аспекты [3, 12]: 1 - улучшение здоровья населения, 2 - достижение справедливости в несении бремени расходов на здравоохранение (всеобщая доступность медицинской помощи), 3 - обеспечение отзывчивости на ожидания людей, связанные с немедицинскими аспектами оказания помощи (этические принципы). На протяжении 25 лет самой большой аналитической научной работой по количественному измерению потерь здоровья на глобальном, национальном и региональном уровне является проект по оценке Глобального

бремени болезней (ГББ), который дает возможность провести анализ состояния общественного (популяционного) здоровья населения [13 - 15].

Координатором исследований выступает Институт по измерению показателей и оценке состояния здоровья (Institute for Health Metrics and Evaluation, IHME) Университета Вашингтона. Статистическая база данных ГББ находится в открытом доступе в сети Интернет [14]. Идеология проекта ГББ предлагает использовать показатель потерянных лет здоровой жизни (DALY – Disability Adjusted Life Years). Индекс DALY для некоторого заболевания или расстройства здоровья представляет сумму двух величин: DALY=YLL+YLD. Показатель YLL (Years Life Lost – годы потерянной жизни) характеризует потери вследствие преждевременной смертности, второй компонент – индекс YLD (Years Lost due to Disability) – годы жизни, утраченные вследствие нарушений здоровья (без учета смертельных исходов).

Показатель DALY основан на утверждении, что наилучший подход к измерению бремени болезней состоит в использовании единиц времени. Достоинством данного показателя является его интегральный характер. Он обеспечивает многоаспектность анализа смертности, повышает уровень информированности, соизмеримости и сопоставимости оценок. С его помощью проводится оценка смертности от всех причин, в разбивке по отдельным причинам и с учетом структуры смертности по полу, возрасту, а также территории и определенного периода времени. По «эгалитарной» идеологии исследования ГББ смерть в любом возрасте является преждевременной, поэтому в ГББ для оценки потери лет жизни для смертей в различных возрастах использовалась (одинаковая, как для мужчин, так и для женщин) таблица дожития – 86 лет (это сама высокая в настоящее время в мире ожидаемая продолжительность жизни, достигнутая у женщин в Японии).

В рамках данной работы была разработана информационная система (база данных) для России, мировых лидеров и бывших союзных республик, включающая основные медико-демографические индикаторы (уровень смертности, DALY, YLL, YLD, ведущие факторы риска) в комплексе с социально-экономическими показателями, что позволяет выявить причины, по которым страны имеют высокие или низкие значения бремени болезней, определить взаимосвязь и динамику наблюдаемых изменений. В том числе, была систематизирована информация в разрезе различных групп и классов болезней, половозрастной структуры, факторов риска (поведенческих, метаболических, экологических) для стран Западной Европы, Северной Европы, БРИКС и СНГ (как в целом по группе стран, так и для мировых лидеров). Данные Института по измерению показателей и оценке состояния здоровья (Institute for Health Metrics and Evaluation, IHME) были дополнены демографическими и социально-экономическими индикаторами, а также показателями развития системы здравоохранения в разных странах мира, с

целью установления причинно-следственной взаимосвязи происходящих тенденций.

Методику проекта ГББ можно использовать, как систему бенчмаркинга (процесса непрерывной оценки и сравнения территории с любым из мировых лидеров с целью получения информации, которая поможет этой территории улучшить свои показатели). Термин «бенчмаркинг» образован от английского «benchmark» – стандарт, ориентир. История показывает, что страны, готовящиеся занять место лидера в мировой экономике, многое заимствуют у тех, кто был их предшественником на лидирующей позиции. Бенчмаркинг в национальных системах здравоохранения развивается очень медленно и применяется в основном для оценки положения отдельных медицинских организаций или структурных подразделений.

Внедрение данного подхода может быть эффективно использовано в российской практике для снижения потерь от основных причин заболеваемости и смертности. При этом возникает пять задач, которые следует решить в процессе реализации бенчмаркинга в системах охраны общественного (популяционного) здоровья: определить основные причины потерь здоровья в стране в настоящее время; выявить причины, по которым ситуация становится хуже, а по каким улучшается; оценить уровень потерь здоровья, по которым страна занимает позиции существенно выше (или ниже), в сравнении с совокупностью релевантных стран; установить причины, по которым ситуация изменяется в лучшую или худшую сторону, в сравнении с совокупностью релевантных стран; определить болезни, травмы и факторы риска, по которым имеются существенные возможности уменьшить бремя болезней.

Решение поставленных задач предполагает активное использование современных информационных технологий. В том числе применение инструментария проекта ГББ: «Шаблоны причин (Cause Patterns)» для сравнения стандартизованных коэффициентов смертности, потерянных лет жизни (YLL), лет, прожитых с нарушениями здоровья (YLD), потерянных лет здоровой жизни (DALY), как по странам, так и в различные периоды времени; «Стреловидных диаграмм (Arrow Diagrams)» для анализа изменения динамики ведущих болезней и травм; «Сравнение (Compare)» для оценки основных различий в бремени болезней между странами и др. [14].

В России за четверть века сложилась существенная разница в значении индекса DALY («потерянные годы здоровой жизни», на 100 тыс.) в сравнении с аналогичным показателем в Великобритании, Германии, Японии и США, в 2017 году он составил 41884 единицы, в том числе для мужчин – 49484 пункта, для женщин – 35282. При этом, в России также значительно выше уровень смертности по всем группам и классам болезней (в 2017 году в России – 12,9, в Великобритании – 9,0, Германии – 11,3, Японии – 10,7, США – 8,3 на 1000 чел.). Такая ситуация характерна для всего анализируемого временного периода, начиная с 1990 года. Основными

причинами потерь здоровья в России в 2017 году (согласно индексу DALY) стали сердечно-сосудистые заболевания (30,5%), «внешние причины» (14,6%), злокачественные новообразования (11,6%), заболевания органов пищеварения (5,6%) и болезни нервной системы (4,8%). К числу ведущих причин, оказавших наибольшее влияние на состояние здоровья населения в анализируемых странах в 2017 году, относятся сердечно-сосудистые заболевания (14,88 – 18,88%), злокачественные новообразований (14,69 – 19,12%), болезни нервной системы (6,74 – 8,95%), «внешние причины» (7,04 –10,53%). Причем в Великобритании, Германии, Японии и США уровень потерь общественного здоровья значительно ниже, чем в России по всем группам и классам болезней (таблица 1).

Таблица 1- Изменение индикатора DALY – «потерянные годы здоровой жизни» (на 100 тыс.) с 1990 по 2017 гг. в странах с разной организацией системы здравоохранения

Год	Страна				
	Россия	Великобритания	Германия	Япония	США
1990	40433	33036	33845	23623	31126
1995	52047	31672	32146	24769	30756
2000	52134	29973	30540	25130	29656
2005	56530	28623	29825	25829	29535
2010	49879	27593	30214	26548	28881
2015	43355	27374	30641	26833	30051
2017	41884	27665	30834	27367	30958

Таким образом, для анализа состояния общественного здоровья населения и оценки функционирования системы здравоохранения в России необходимо использовать методы статистики и моделирования. Методика ГББ дает возможность сопоставления основных индикаторов состояния здоровья в России и различных странах мира. Такой подход позволяет получить численные оценки (критерии) влияния факторов риска на заболеваемость и смертность, а также оценить степень воздействия состояния здоровья на демографические процессы. Результаты расчетов можно использовать для прогнозирования ситуации, а также при разработке конкретных мер и рекомендаций по выходу из демографического кризиса, для формирования новых моделей в системах охраны общественного здоровья.

Список литературы

1. Атлас демографического развития России / под ред. ак. РАН Г. В. Осипова и проф. С. В. Рязанцева. М.: Экономическое образование, 2009. 220 с.

2. Борисов В. А. Демография. М.: Издательский дом NOTABENE, 2001. 272 с.

3. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). URL: http://www.who.int (дата обращения 15.03.2018).

4. Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.

5. Демографические вызовы (экспертно-аналитический доклад). М: Центр стратегических разработок, 2017. 71 с.

6. Калью П.И. Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М.: ВНИИМИ, 1988. 220 с.

7. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 512 с.

8. Молчанова Е. В., Буркин М. М. Современная демографическая ситуация и здоровье населения России. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 2017. 170 с.

9. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М. Наука, 1975. 231 с.

10. Римашевская Н.М. Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 4 (12). С. 48-61.

11. Римашевская Н.М., Бочкарева В.К., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В., Токсанбаева М.С. Человеческий потенциал российских регионов //Народонаселение. 2013. № 3. С. 82–141.

12. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.garant.ru (дата обращения 15 марта 2018).

13. GBB 2016 Causes of Death Collaborators. Global, regional, and national age-sex specific mortality for 264 causes of death, 1980-2016: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. Lancet, 2017, no. 390, pp. 1151- 1210.

14. Institute for Health Metrics and Evaluation. URL: http://www.healthdata.org/results/datavisualizations

15. Murray CJL, Lopez AD. The Global Burden of Disease: a comprehensive assessment of mortality and disability from diseases, injuries, and risk factors in 1990 and projected to 2020. Cambridge MA: Harvard University Press on behalf of the World Health Organization and The World Bank, 1996.

УДК 314.8
Новоселова Елена Николаевна
к.социол.н., наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, социологический факультет, г. Москва, Россия

Экологические угрозы здоровью населения России и демографическая безопасность[115]

Аннотация. *Работа посвящена актуальной теме демографической безопасности в условиях нарастания экологических проблем. Цель - продемонстрировать связь между ухудшением демографических и экологических показателей, в частности влияние загрязнения окружающей среды на смертность, продолжительность жизни, репродуктивное здоровья и рождаемость. Базируется на принципах системного анализа, теоретического моделирования и научного обобщения. Эмпирическая база - исследования ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр, ВОЗ, Росстат. Статья будет полезна специалистам в области инвайронментальной социологии, демографии.*

Ключевые слова: *демографическая безопасность, экология, здоровье, смертность, рождаемость, окружающая среда, экологический патернализм.*

Человеческое общество сталкивается с множеством проблем. Особый интерес вызывают так называемые глобальные проблемы, охватывающие весь мир, несущие угрозу человечеству, осмысление которых является чрезвычайно важной, теоретически и практически значимой задачей, стоящей сегодня перед научным сообществом. К их числу относятся экологические и демографические проблемы, о которых пойдет речь в данной работе. Экология и демография – приоритетные направления развития любой страны и от грамотности государственных стратегий в данных областях зависит наше будущее.

Переход на экологически чистые возобновляемые источники энергии, переработка отходов, очистка водоемов и сохранение водных ресурсов, ужесточение санитарных норм - все эти вопросы все чаще поднимаются на государственном уровне. «Постепенно приходит понимание того, что без сбережения природных богатств, контроля в экологической сфере невозможно формирование здоровой нации» [7], а значит и выход из плачевной демографической ситуации.

Состояние среды обитания непосредственно отражается на здоровье, считает почти половина жителей нашей страны - 43%. Данный фактор, с минимальным отрывом, занимает второе место в рейтинге факторов

[115] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037

здоровья после качества продуктов питания - 44% (ВЦИОМ, 2015). Россияне абсолютно правы, неблагоприятная экологическая ситуация провоцирует, прямо или опосредованно, заболевания органов дыхания, сердечно-сосудистой, репродуктивной системы, желудочно-кишечного тракта, крови, аллергию и многие другие заболевания. По мнению экспертов ВОЗ, опасные факторы окружающей среды такие как загрязнение атмосферного воздуха, питьевой воды, продуктов питания и др. ответственны 20-25% всего бремени болезней в мире и миллионы смертей ежегодно [12]. Плохая экология не только увеличивает заболеваемость и смертность, снижает продолжительность жизни, но и оказывает серьезное воздействие на функциональное состояние репродуктивной системы как женщин, так и мужчин и таким образом сказывается на демографической обстановке. Загрязненная окружающая среда приводит к врожденным аномалиям у новорожденных и ежегодно убивает 1,7 миллиона детей младше 5 лет [13], таким образом экологическая ситуация ставит под угрозу не только наше демографическое настоящее, но и будущее.

Несмотря на то, что в России уже долгое время одним из приоритетных проектов является «Демография», смертность в нашей стране превышает рождаемость. Естественная прирост выражается в отрицательных величинах (-2,2 на 1000 населения на 2019 год [8]). Судя по прогнозам убыль населения продолжит ускоряться и дальнейшее катастрофическое сокращение население неизбежно (-3,7 на 2030 по среднему варианту прогноза, -6,7 по низкому) [8].

Основной причиной сокращения населения в России является снижение числа женщин репродуктивных возрастов, которые, к тому же, имеют весьма низкие репродуктивные установки и даже их реализуют не полностью. Свой немалый вклад вносят смертность и низкая продолжительность жизни, на которые, оказывает серьезное влияние неблагоприятная экологическая ситуация. По данным на 2015 год наша страна находится на 7 месте в мире по показателю смертности от плохой экологии - это 172,5 тыс. человек в год или около 8% от общего числа смертей [11]. Важно также отметить воздействие экологии на репродуктивное здоровье, т.к. это напрямую влияет на демографическую безопасность. Согласно данным «Научно-исследовательского института акушерства и гинекологии им. Д.О. Отта» РАМН «наиболее информативной характеристикой внешней среды являются показатели репродуктивной функции женщины как наиболее чувствительной к воздействию неблагоприятных факторов различного происхождения» [1]. Загрязненная окружающая среда провоцирует отягощенный репродуктивный анамнез, увеличивает количественные показатели частоты патологии беременности, родов и исходов беременности для новорождённых. Как показываю исследования, в районах с неблагоприятной экологической ситуацией у значительно более высокой доли женщин отмечаются угрозы выкидыша, наблюдается увеличение количества детей с врождёнными аномалиями, мертворождений, беременные значительно чаще страдают анемией, дети рождаются с малокровием [1].

По данным опроса, проведенного Левада-Центром самая главная угроза, с которой человечество столкнется XXI веке - загрязненная окружающая среда, так считает 48% россиян (Левада-Центр, 2019). Как хорошую экологическую ситуацию в мире оценивают лишь 4%, при этому позитивных сдвигов респонденты не отмечают, по мнению 64% ситуация в последнее время лишь ухудшается (ФОМ, 2019). Если говорить о России, то здесь результаты опросов также не внушают оптимизма - лишь 11% отмечают какие-то позитивные сдвиги в экологической ситуации в последние годы, 55% замечают лишь ее ухудшение (ФОМ, 2018). Более всего население нашей страны обеспокоено такими проблемами как: скопление и отсутствие должной переработки мусора, свалки, состояние воздуха и его загрязнение, воздействие промышленных предприятий на окружающую среду и др. (См. Таблицу 1).

Таблица 1 ТОП-5 проблем окружающей среды, вызывающих беспокойство россиян. Ответ на вопрос: Что в экологической ситуации, в состоянии окружающей среды больше всего беспокоит вас в последнее время, вызывает у вас недовольство?

ПРОБЛЕМА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	%
Мусор, свалки, антисанитария	32
Состояние воздуха, его загрязнение	13
Воздействие промышленных предприятий на окружающую среду, отсутствие очистных сооружений	13
Загрязнение водоемов, плохая питьевая вода	12
Вырубка, уничтожение лесов, нехватка зеленых насаждений	10

Источник данных: Состояние экологии и включённость в экологические практики. ФОМ, 2018.

Свалки и мусор – одна из самых актуальных экологических проблем для России. В последние два-три года по стране прокатилась волна «мусорных протестов» против действующих и строящихся муссонных полигонов. Приоритетными целями экологической политики России 78% россиян считают переработку мусора и ликвидацию свалок [6]. Общая площадь мусорных полигонов на территории РФ 4 млн га (и этот показатель увеличивается с каждым годом на 0,4 млн га). Это 100 миллиардов тонн отходов, 20 тысяч незаконных муссонных полигонов и около 5 тысяч легальных [3]. Свалки источают зловонье, заявляют 41% россиян озабоченных данной проблемой, периодически горят отравляя воздух - 31,8% (ФОМ, 2020), их стоки попадают в подземные воды, они загрязняют почву и воздух являются рассадниками инфекционных заболеваний, содержащиеся на полигонах и свалках токсичные вещества угрожают жизни и здоровью более 17 млн человек [4].

Нацпроект «Экология» предусматривает, что к 2024 году количество вредных выбросов будет снижено на 22%. Ни одного города с «высоким и очень высоким уровнем загрязнения воздуха» в России к 2024 г. остаться не

должно [5]. Ну а пока лишь малая часть населения нашей страны дышит относительно чистым воздухом. По данным Росгидромета в 2018 году превышение нормы загрязненности воздуха зафиксировано в 89% российских городов, в некоторых из них предельно допустимые концентрации загрязнения атмосферы превышены в разы [2]. Воздух, которым мы дышим становится опасным для здоровья – это треть случаев инсульта, рака легких и сердечных заболеваний в мире и 7 миллионов смертей ежегодно т.к. 9 из 10 человек дышат воздухом с высокой концентрацией загрязняющих веществ [10].

Приведённые выше опросы, казалось бы, демонстрируют обеспокоенность россиян экологией своего региона. Однако если не заострять внимание на экологической проблематике и предложить россиянам выделить наиболее важные и волнующие их лично социально-экономические проблемы своего региона, то экологические проблемы займут лишь 16 место (11%) из 20 возможных, пропустив далеко вперёд низкий уровень зарплат - 45%, высокие цены на ЖКХ – 45%, рост цен на товары и услуги - 35% [ФОМ, 2020]. Данная статистика свидетельствует о несформированности экологического сознания россиян, характеризуя которое необходимо отметить, что основными его чертами являются экологическое иждивенчество и нежелание большей части населения участвовать в решении проблем. Наибольшую ответственность за состояние окружающей среды россияне возлагают на власть и руководителей предприятий (61% в совокупности) при этом они нередко забывают о том, что экология - ответственность каждого (ФОМ, 2018).

Государство, безусловно, должно нести ответственность за охрану окружающей среды, однако, если обратиться к Индексу экологической эффективности, который оценивает политику стран мира в области экологии (около 180 стран), России предстоит в этой области еще огромное количество работы [9]. В 2018 году наша страна опустилась с 32 на 52 место, т.е. сразу на 20 позиций с 2016 года. Очень печальная статистика, особенно если принимать во внимание «экологическую фору» которую имеет РФ в виде лесов, переувлажненных земель и болот, которые регенерируют атмосферный кислород и выступают геохимическими барьерами для загрязнителей и крупнейшего на планете массива практически не освоенных земель.

Однако, как уже было сказано выше, нельзя переложить всю ответственность за окружающую среду полностью на государства, т.к. экологию формируют обычные люди и их совокупные каждодневные действия, но далеко не все это осознают. Судя по опросу ФОМ 41% респондентов считают, большинство людей в России ничего не делают для защиты окружающей среды (ФОМ, 2018) и они скорее правы, современные способы заботы об экологии пока крайне мало распространены в России, максимум, что предпринимает основная масса соотечественников - убирают за собой мусор находясь на природе, да и то, далеко не все и далеко не всегда.

Современный человек возвел себя на пьедестал «царя Природы» и ради собственного комфорта и не ожидая от природы милости

нерационально использует ее богатства, загрязняет и отравляет разнообразными отходами и высокотоксичными веществами. Тем самым, забывая о том, что ресурсы не являются неиссякаемыми люди ставят под угрозу всю мировую экосистему, свое здоровье и жизнь, да и само существование человека как вида. Homo cosumericues, человек-потребляющий, все более настойчиво пытается уничтожить homo sapiens, человека думающего. По-видимому, этот процесс уже невозможно остановить, но его необходимо притормозить, т.к. если мы этого не сделаем, то демографическое будущее человечества представляется весьма шатким.

Список литературы

1. Додхоева М.Ф., Шарипова М.И., Султанова М.М., Назаров Х.М. Окружающая среда и репродуктивное здоровье // Вестник Авиценны. 2016. №4 (69).
2. Ежегодники о загрязнении окружающей среды (по компонентам) // Росгидромет. URL: http://www.meteorf.ru/
3. Ермолаева П. Россия заросла мусором: Путин поручил разгрести свалки // Интернет газета Вести.ru. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2825974
4. На каждого россиянина приходится свыше 200 тонн отходов - Генпрокуратура // Москва 24. 28 июня 2018. URL: https://www.m24.ru/
5. Паспорт Национального проекта «Экология» // Минприроды РФ. URL: http://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/
6. Свалки и мусор являются основной экологической проблемой для россиян – опрос// Альянс зеленых. URL: http://russian-greens.ru/node/2879
7. Тонков Е. Е., Туранин В. Ю. Экологическая безопасность: понятие, проблемы и перспективы правового обеспечения // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. №2 (199).
8. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт URL: https://www.gks.ru/
9. Environmental Performance Index // URL: http://epi.yale.edu/
10. How air pollution is destroying our health// World Health Organization URL: https://www.who.int/airpollution/news-and-events/how-air-pollution-is-destroying-our-health
11. Landrigan P. et al. The Lancet Commission on pollution and health // The Lancet Commissions. Volume 391, Issue 10119. URL: https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736(17)32345-0.pdf
12. Neuf personnes sur 10 respirent un air pollué dans le monde // Organisation mondiale de la santé. URL: https://www.who.int/fr/
13. The cost of a polluted environment: 1,7 million child deaths a year, says WHO // WHO. URL: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2017/pollution-child-death/en/

УДК 314
Подгорнова Наталья Алексеевна
к.эк.н., доцент кафедры «Государственное, муниципальное и корпоративное управление», ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет», г. Рязань, Россия

Здоровье нации - качество и продолжительность жизни

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы здоровья и продолжительности жизни населения. Проводится анализ факторов, влияющих на демографические показатели населения. Отмечены неблагоприятные внешние факторы, влияющие на продолжительность жизни и приводящие к преждевременной старости и смерти.*
Ключевые слова: *здоровье, продолжительность жизни, здоровый образ жизни, заболеваемость, смертность, здравоохранение, экологическая среда*

Здоровье - это сбалансированная система биологических, психологических, социальных состояний индивида и общности, которая изменяется под воздействием социальной, экологической среды и развивается за счет воспитания осмысленной саморегуляции.

Здоровье населения - понятие статистическое, описываемое комплексом демографических показателей, таких как: рождаемость и смертность, в т.ч. младенческая (смертность детей первого года жизни); средняя продолжительность жизни; возрастно-половой состав населения; физическое развитие; заболеваемость.

Интересы государства и общества состоят в том, чтобы и нынешнее, и будущее население было здоровым, полноценным в количественном, качественном и трудовом отношении. Если структура населения страны будет смещаться в сторону преобладания нетрудоспособной или низко трудоспособной его части над трудоспособной, то произойдет увеличение трудовой нагрузки последней. А это может привести к негативным социальным эффектам в виде неспособности трудоспособного населения «содержать» иждивенцев (детей, стариков, инвалидов). Даже простое отсутствие численного воспроизводства трудового потенциала страны и ее регионов из-за потерь общественного здоровья или по другим причинам при современном уровне развития производства порождает опасность снижения величины производимого валового внутреннего продукта страны и национального дохода.

С состоянием здоровья населения тесным образом связана безопасность страны. Возможность призыва в армию, формирования вооруженных сил полноценными исполнителями воинских обязанностей резко снижается в условиях, когда уровень здоровья молодого поколения не соответствует требованиям жестких условий армейской службы.

Общественное здоровье зависит от многих факторов в большей степени, чем от системы здравоохранения, тем не менее, и этот сегмент

социально-экономического механизма сбережения народа требует больших инвестиций. Решение проблемы восстановления здоровья населения посредством лечения болезней связано с расходованием значительных материальных средств. Кроме того, существует еще один крупный раздел расходов, направленных на поддержание здоровья. К ним относятся затраты на профилактику инфекционных и соматических заболеваний, санитарно-гигиенические мероприятия, организацию рекреационной деятельности, расходы на оздоровление экологической ситуации. Крупные инвестиции должны направляться в медицинскую промышленность, производство лекарственных средств.

Общественное здоровье превращается в финансовую категорию, так как в соответствии с состоянием здоровья населения страны и отдельных регионов формируются бюджеты здравоохранения (федеральный, субъектов федерации, муниципальный), изыскиваются внебюджетные источники финансирования расходов на нужды здравоохранения.

Связь здоровья с экономикой и социальной стороной жизни людей проявляется и в том, что уровень здоровья как медико-социальная категория является важной составной частью социально-экономического понятия «уровень жизни населения». Состояние здоровья людей существенно зависит от того, как живут люди, какие блага они потребляют, каков их уровень жизни. В то же время образ и качество жизни людей отражают и состояние их здоровья - чем лучше здоровье, тем выше качество жизни, и наоборот. Продолжительность жизни считается и показателем здоровья населения и показателем уровня, качества жизни людей.

Мировой опыт со всей очевидностью свидетельствует, что в странах с высоким уровнем материального благосостояния продолжительность жизни людей на десять - пятнадцать и более лет выше, чем в странах, где господствует бедность. Не менее явно проявляется зависимость между материальным благосостоянием родителей, семей и уровнем детской заболеваемости и смертности.

Общественное здоровье - это не только совокупность характеристик и признаков индивидуального здоровья, но и интеграция социально-экономических черт, делающих его жизненно необходимой частью того социального организма, каким является общество.

По мнению некоторых демографов, если не принять срочных мер, снижение численности населения России может оказаться катастрофическим, и к 2060 г. в нашей стране будет всего 65-69 млн. граждан. Уже через 25-30 лет может наступить качественная деформация, т. е. число пожилых людей и инвалидов превысит половину населения и встанет вопрос о возможности поддержания жизнеобеспечения государства.

Самая неудовлетворительная медико-демографическая обстановка находится в Сибирском и Дальневосточном округах. В этих округах очень низкий уровень здоровья, а в некоторых автономных субъектах Федерации уровень здоровья просто катастрофический. На большинстве территорий в этих округах самая низкая продолжительность жизни населения, наибольшая

младенческая смертность, самая высокая заболеваемость и смертность от туберкулеза, наиболее высокие уровни алкоголизма и наркомании. Эти округа отличаются очень высоким уровнем преступности, которая в 1,4 раза выше, чем в Центральном округе.

Очень неблагоприятна динамика средней продолжительности жизни и смертности в нашей стране. На сегодняшний день средняя продолжительность жизни в России меньше, чем в развитых странах, где давно уже преодолен 70-летний рубеж. Необходимо обратить особое внимание на огромный разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин. Ни в одной стране мира нет такого огромного разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин как в России. В отдельные годы он превышал 13 лет. В большинстве же развитых стран женщины живут дольше мужчин примерно на 5-7 лет [1].

Какие же факторы определяют продолжительность жизни? Это и уровень жизни населения, эффективность служб здравоохранения, санитарная культура общества, экологическая среда.

Кризисные явления в обществе - одна из важнейших причин снижения продолжительности жизни, однако не единственная. На их фоне продолжают действовать отрицательные долговременные тенденции: несбалансированное питание, отсутствие физической культуры, вообще пренебрежение к своему здоровью и вредные стереотипы поведения. Особенно в этой связи следует отметить такую проблему, как алкоголизм. Эта причина вышла в России на первое место среди причин смертности мужчин трудоспособного возраста, опережая смертность по причине сердечнососудистых заболеваний и др. В последнее время к алкоголизму присоединилась быстрорастущая наркомания, имеются случаи смерти совсем молодых, только начинающих жизнь людей. Наркомания точно так же влияет на ожидаемую продолжительность жизни, как и алкоголизм, действуя быстрее и захватывая более молодые возраста. Кроме того среди наркоманов стремительно распространяются опасные заболевания, такие как гепатит/ СПИД и т.п.[1].

Для предотвращения данных последствий необходимо решить следующие вопросы:

- снижение преждевременной смертности от всех причин;
- улучшение репродуктивного здоровья нации;
- улучшение здоровья новорожденных и уменьшение младенческой смертности;
- снижение частоты социально обусловленных болезней (туберкулез, алкоголизм, наркомания, венерические заболевания).
- В структуру образа жизни входят:
- Деятельность, направленная на сохранение и улучшение жизни человека (хозяйственно-бытовая, рекреационная - направленная на восстановление физических сил, оздоровление, лечение и т.п.).
- Деятельность, направленная на создание и укрепление семьи.
- Трудовая деятельность, профессиональная активность.
- Социально-культурная деятельность (общественная активность).

- Духовно-нравственная активность.

Здоровый образ жизни - это деятельность, активность людей, способствующая сохранению и улучшению здоровья. Это единство и согласованность всех уровней жизнедеятельности человека - биологического, психологического, профессионального, социально-культурного и духовно-нравственного.

Факторы, влияющие на здоровье: образ жизни, социально-экономические условия (примерная доля фактора - 49-53 %), генетика, биология человека (18-22 %); качество, внешняя среда, природно-климатические условия (17-20 %); здравоохранение (8-10%).

Наибольшее влияние на состояние здоровья оказывает образ жизни, социально-экономические факторы. От него зависит почти половина всех случаев заболеваний. Второе место по влиянию на здоровье занимает состояние среды жизнедеятельности человека (не менее одной трети заболеваний определяется неблагоприятными воздействиями окружающей среды). Наследственность обусловливает около 20% болезней.

Слабая мотивация у современного человека в отношении поддержания собственного здоровья имеет две причины. Первая состоит в том, что между факторами нездоровья (курение, потребление алкоголя) и следствием (например, болезни системы кровообращения или органов дыхания) имеется достаточно продолжительный интервал времени. В таких условиях в обыденном сознании человека с трудом связываются причины и последствия в виде болезней. Вторая причина состоит в том, что человек с раннего возраста подвержен влиянию множества воздействий, которые конкурируют со здоровьем. Богатство, карьера, удовольствия - все это мощные и значимые цели для людей, часто несопряженные с собственным здоровьем. Многие расценивают богатство и удовольствия выше, чем здоровье. Особенно это проявляется в семьях, где не сложились традиции социального наследования самосохранительного поведения или таковые отсутствуют [1].

Человек в течение всей своей жизни находится под постоянным воздействием целого спектра факторов окружающей среды - от экологических до социальных. Помимо индивидуальных биологических особенностей все они непосредственно влияют на его жизнедеятельность, здоровье и, в конечном итоге на продолжительность жизни.

На здоровье и продолжительность жизни оказывают влияние индивидуальные приспособительные реакции каждого члена общества с его социальными и биологическими функциями в определенных условиях конкретного региона [1].

Безусловно, важнейшей предпосылкой роста ожидаемой продолжительности жизни является повышение уровня жизни населения, стабильный рост экономики, уверенность в завтрашнем дне. Также важно развитие здравоохранения, которое потребует больших затрат. Однако многое можно сделать уже сейчас. Для решения проблемы необходима пропаганда здорового образа жизни, включающего сбалансированное питание, физическую активность, отказ от вредных привычек и т. д. [1].

Беспрецедентное для условий мирного времени падение ожидаемой продолжительности жизни в России на фоне продолжающегося сокращения населения, вызванного ростом смертности и снижением уровня рождаемости, требует принятия серьезных мер на самом высоком государственном уровне, тем более что известные на сегодня прогнозы неутешительны и не позволяют надеяться на преодоление сложившихся тенденций пока ситуация в стране радикально не изменится. Анализ связи ожидаемой продолжительности жизни с некоторыми внешними факторами показывает, что решение наиболее важной стратегической задачи государства - сбережения народа путем повышения качества общественного здоровья, в первую очередь, зависит от улучшения условий жизни населения, для чего необходима стабилизация на высоком уровне социально-экономической ситуации в стране. Число факторов, влияющих на состояние общественного здоровья, в том числе на ожидаемую продолжительность жизни, весьма велико. Это и многочисленные природные факторы, и загрязнение окружающей среды и качество медицинской помощи. Ярким индикатором социально-экономической обстановки служит уровень преступности в том или ином городе или регионе. Тем не менее, наиболее существенная роль в формировании качества здоровья населения принадлежит социально-экономическим, в том числе коммунально-бытовым факторам [1].

Среди факторов непосредственно влияющих на качество здоровья, особого внимания заслуживают: доходы населения, число безработных, наличие убыточных предприятий, сбалансированность питания, качество жилищной сферы - размер жилой площади, приходящейся на одного человека, степень благоустройства жилья, прокладка и ремонт жизненно важных коммуникаций. Недостаточное внимание к этим проблемам со стороны руководства страны, регионов, муниципальных образований приводит к различным негативным социальным последствиям, в первую очередь - к снижению качества общественного здоровья.

Здоровье представляет собой интегральный показатель, результат сложного взаимодействия наследственных особенностей человека с природой и обществом. Оно зависит не только от качества окружающей среды, но также от условий труда, обучения и быта, от привычек и поведения людей, материальной обеспеченности, уровня развития здравоохранения и многих других факторов. Заболеваемость и смертность связаны, прежде всего, с образом жизни людей.

Список литературы

1. Подгорнова Н.А. Основные тенденции продолжительности жизни в России. Международная научно-практическая конференция «Теоретические и практические научные инновации». Краков. Польша. 2013. С.41-46.

2. Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И., Тарасова Е.В. Общественное здоровье и экономика. М., МАКС Пресс, 2007. 92 с.

УДК 314.114
Русанова Нина Евгеньевна
д.эк.н., ведущий научный сотрудник, ФНИСЦ ИСЭПН РАН, г. Москва, Россия

Социально-экономические последствия пандемий

Аннотация. *Пандемии отмечались на протяжении всей истории человечества, но из-за недостатка информации большинство их социальных и экономических результатов известны лишь в общем виде. В статье показаны некоторые общественные последствия вирусных пандемий XX-XXI вв., актуальные для регулирования текущей пандемии коронавируса.*
Ключевые слова*: пандемия, заболеваемость, демографические последствия, экономические потери, образ жизни*

Пандемия - распространение нового заболевания в мировых масштабах [2]. «*Под эпидемиями, или эпидемическими болезнями понимают такие, которые от времени до времени возникают где-либо и оттуда распространяются на большие или меньшие области, поражая сразу многих индивидуумов, и, прекратившись, долгое время не появляются. … При одновременном распространении болезни на все населенные области земного шара или при поражении ею громадного большинства людей на более ограниченной территории, говорят о пандемии*» [6].

Пандемии отмечались на протяжении всей истории человечества, но из-за недостатка информации большинство их социальных и экономических последствий известны лишь в самом общем виде. Замечено, в частности, что часто даже эпидемии приводили к росту уровня жизни выживших, поскольку в условиях аграрной экономики из-за естественной убыли населения им доставались освободившиеся земельные наделы, позволявшие лучше прокормить себя, а нехватка рабочей силы заставила повышать производительность труда, вводя технические усовершенствования. «*…Характер распространенных инфекционных болезней на протяжении истории человеческого рода изменился: в древнем мире свирепствовали некоторые массовые заболевания, как напр., аттическая зараза (430-425 до Р. Хр.) и чума Антонина (165-168 после Р. Хр.), которые современному человечеству совершенно незнакомы; в средние века господствовали эпидемически сифилис и бубонная чума; в новейшей истории появились ранее неизвестные азиатская холера и дифтерия*» [6].

Из всех пандемий прошлого достаточно полно описаны общественные последствия чумы в середине XIV в., результатом которой стало сокращение населения Европы чуть ли не наполовину и уничтожение избытка сельскохозяйственной рабочей силы, мигрировавшей в города; трудности найма способствовали росту оплаты труда и привлечению селян в городские мастерские, ускорив объективные процессы общественной эволюции. Пандемии периода позднего феодализма также корректировали вектор

хозяйственного развития, однако их масштабы, локализация, разработанные за несколько веков карантинные и профилактические меры позволяли свести к минимуму социально-экономические последствия массовой заболеваемости.

Эпидемии острозаразных респираторно-вирусных инфекций, к которым сегодня относится грипп и коронавирус, фиксировались с XII в. Наиболее грандиозной была пандемия гриппа 1580 г., которая, начавшись в Сицилии и Нидерландах, обошла за полгода всю Европу, Северную Америку, Африку и Восток; ощутимые демографические потери принесли пандемии гриппа 1780-1782 гг., 1830—1833 гг., 1836—1837 гг., 1847—1848 гг. и 1889—1890 гг. В условиях низкой территориальной мобильности населения и нестабильных мирохозяйственных связей негативный демографический эффект, связанный, главным образом, с повышенной смертностью, ограничивался национальным или даже региональным уровнем, а экономический зависел от внутренней ситуации в стране. Так, пандемию 1889 г., за год поразившую более половины населения Земли, в России сразу ощутили крупные предприятия, где из-за массового невыхода заболевших на работу резко снизился объем производства, а затем начался экономический спад - суммарные убытки российской экономики превысили показатели периода борьбы с чумой и холерой [5].

Во время пандемии «испанского гриппа» (1918-1920 гг.) число зараженных насчитывало, по разным оценкам, до трети населения планеты, а умерших - до нескольких десятков миллионов человек. Развитие транспортного сообщения, в том числе международного, а также миграции периода Первой мировой войны способствовали быстрому распространению инфекции, и в некоторых странах уровень заболеваемости достигал 20-80% всего населения [1]. Смертность от гриппа была особенно высокой среди туберкулезных больных и беременных, что после окончания пандемии привело к естественному снижению смертности от туберкулеза за счет сокращения числа зараженных, и временному падению рождаемости из-за уменьшения количества женщин детородного возраста. После окончания пандемии в одних странах рождаемость выросла благодаря заместительному эффекту, но в других продолжила снижение из-за неблагоприятной экономической ситуации или ухудшения популяционного здоровья [8].

Традиционные противоэпидемические меры предполагали ограничение социальных контактов, поэтому на многие месяцы были закрыты школы, церкви, кино и проч., а торговля перешла на выполнение индивидуальных заказов и обслуживание «на вынос». Однако в индустриальных странах стремление сохранить комфортный образ жизни приводило к тому, что в некоторых городах расходы на театры, музеи и прочие учреждения культуры превышали затраты на содержание школ, коммунальные нужды, пожарную охрану, что способствовало росту числа умерших от гриппа жителей [7]. Производственные линии останавливались из-за массовой заболеваемости рабочих, что, в итоге, привело к падению мирового ВВП на 6,6% и масштабной рецессии 1919-1921 гг. [4].

Россию «испанка» настигла в период Гражданской войны, совпав с эпидемией паразитарных тифов, что существенно затрудняет определение

истинной величины демографических потерь от вирусной инфекции, но межстрановые аналогии говорят о нескольких миллионах человек. Экономические последствия оценить еще сложнее, поскольку их невозможно выделить из общих военных и революционных потерь, однако общая хозяйственная разруха очевидна; в этих условиях восстановление хозяйства происходило с учетом противоэпидемических требований. В частности, создаваемая Н.А. Семашко новая система общественного здравоохранения позволяла профилактировать и, при необходимости, быстро купировать эпидемии со сравнительно небольшими материальными затратами. С целью всестороннего охвата населения профилактическими медико-санитарными услугами была сформирована новая отрасль – курортология, существенно расширилась подготовка медицинских работников разного уровня, повысилась женская занятость в медицине; особое внимание уделялось медицинскому обслуживанию сельского населения и жителей труднодоступных районов.

Поскольку к середине XX в. мировая экономика уже имела стабильные межнациональные связи, то последующие вирусные пандемии (азиатский грипп 1957-1958 гг., гонконгский грипп 1968-1969 гг., свиной грипп 2009-2010 гг., атипичная пневмония SARS и проч.) с высокой скоростью поражали население разных стран и деформировали трансхозяйственные отношения (табл. 1).

Таблица 1-Экономические и демографические последствия некоторых вирусных пандемий

Вирус	Число зараженных, тыс чел	Летальный исход, тыс чел	Экономический ущерб
Свиной грипп	220	2	1 трлн $ (1,5% мирового ВВП)
Атипичная пневмония	8,437	0,813	59 млрд $
Лихорадка Эбола	28,64	11,315	32,5 млрд $

Источник.[4]

Экономические последствия пандемий можно разделить на прямые и косвенные. Прямые включают больничные и лекарственные расходы, потерянные рабочие дни и проч., а также физические потери отраслей, например, массовое уничтожение домашней птицы из-за птичьего гриппа либо затоваривание магазинов модной одежды во время обязательной самоизоляции. Косвенные означают мультипликативный эффект от прямых, а также потери от снижения и переструктуризации потребления, но вместе они сокращают налоговые поступления, увеличивают противоэпидемические расходы (на здравоохранение и помощь пострадавшим отраслям), и повышают бюджетный дефицит. Учитывая международный характер пандемии, после вспышки лихорадки Эбола в ряде стран Западной Африки в 2013-2014 гг. Всемирный банк (ВБ) учредил специальный фонд Pandemic Emergency Financing Facility (PEF), который

летом 2017 г. выпустил «пандемические облигации» на $425 млн для борьбы с шестью вирусами: новыми вирусами гриппа, коронавирусами, филовирусами, вирусом геморрагической лихорадки Ласса, вирусом лихорадки долины Рифт, вирусом конго-крымской геморрагической лихорадки. Прибыль от капиталовложений предполагалась в случае, если один из этих вирусов достигнет определенных темпов распространения и летальности [3]. По оценкам ВБ, число погибших от лихорадки Эбола сократилось бы на 90%, будь у стран доступ к финансированию на ранних стадиях распространения вируса; на борьбу с эпидемией международные организации потратили ок. $7 млрд [3].

8 декабря 2019 г. стало официальной датой вспышки коронавируса Covid-2019 в китайском городе Ухань, а 11 марта 2020 г. генеральный директор ВОЗ официально объявил начало пандемии. В настоящее время пандемия продолжается, однако некоторые социально-экономические перемены уже видны. В рамках модернизации системы общественного здравоохранения растет популярность дистанционных медицинских консультаций (телемедицины), чему способствует цифровизация, а отраслевое реформирование предполагает восстановление служб эпидемиологической помощи в международном масштабе. Реструктуризация национальных хозяйств началась с перепрофилирования производств под выпуск средств индивидуальной защиты, развития служб доставки и интернет-торговли, появления на рынке труда профессий с удаленной занятостью, расширения волонтерства. Отдельное внимание привлекает изменение городского образа жизни, что особенно важно в условиях урбанизации – еще в XIX в. отмечалось, что «*городская смертность от эпидемических болезней заметно превышает деревенскую*», а «*в одном и том же городе смертность растет по направлению от наружных поясов к центральным*» [6]. На практике это означает приспособление современной городской среды к противоэпидемическим нормам, в частности, направленным на снижение скученности населения: расширение тротуаров ради социального дистанцирования, строительство велодорожек, перевод улиц в режим «медленных» и »открытых», замена городской автомобилизации индивидуальной микромобильностью (велосипеды, самокаты и проч.). Другим процессом является активизация загородной жизни, что для больших городов проявляется в росте популярности дач («вторых домов»), которые все чаще приобретают черты малонаселенного стационарного жилья.

Список литературы

1. Берман В.М., Левитов А.М., Рогозин И.И. Курс частной эпидемиологии. ОГИЗ 1936

2. ВОЗ, официальный сайт https://www.who.int/csr/disease/swineflu/frequently_asked_questions/pandemic/ru/ (Дата обращения 22.08.2020)

3. Всемирный банк выпустил первые в мире облигации и деривативы на случай пандемии https://www.interfax.ru/business/568542 29.06.2017

4. Коронавирус — первая пандемия, которая обрушила фондовые рынки https://dev.by/news/istoriya-vliyaniya-epidemii-i-pandemii-na-fondovye-rynki 12 марта 2020 (Дата обращения 23.08.2020)

5. Протасов Н.А. Исторический очерк эпидемий гриппа в России // Военно-медицинский журнал. — 1891. — Т. CLXXII, Вып. 3. — С. 534–531.

6. Фрумер А. Л. Эпидемические и эндемические болезни // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907. https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%AD%D0%BF%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B8_%D1%8D%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B7%D0%BD%D0%B8 (Дата обращения 22.08.2020)

7. Blickle K. Pandemics Change Cities: Municipal Spending and Voter Extremism in Germany, 1918-1933 *Federal Reserve Bank of New York Staff Reports*, no. 921 May 2020 https://ssrn.com/abstract=3592888 (Дата обращения 25.08.2020)

8. MacKellar L. Pandemic Influenza: A Review Population and Development Review 33(3):429-451 https://www.researchgate.net/publication/4917039_Pandemic_Influenza_A_Review#read September 2007 (Дата обращения 25.08.2020)

9. World Bank Launches First-Ever Pandemic Bonds to Support $500 Million Pandemic Emergency Financing Facility. Press release June 28, 2017 https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2017/06/28/world-bank-launches-first-ever-pandemic-bonds-to-support-500-million-pandemic-emergency-financing-facility (Дата обращения 27.08.2020)

УДК 001.5

Сандомирский Игорь
демограф-общественник, г. Новосибирск, Россия

Системный подход - веление времени

1. Данные риски - последствие общих и специфических факторов.

1.1. Общие факторы: экспортно-сырьевая модель экономики; дисбаланс между хозяйственной деятельностью, климато-географическими угрозами и неадекватным реагированием властей, особенно в экологически неблагополучных местностях в Арктике, в Сибири, на Дальнем Востоке (приложение 1)[4]. Власти самоустранились от глубокого социального и имущественного расслоения, от произвола в политике Банка России, других социально-экономических реалий.[1; 2]

1.2. Специфические факторы: депопуляция населения, отсутствие системы подготовки кадров демографов, семьеведов, специалистов по

эколого-демографической безопасности (таблица 2); искусственно заниженный статус данной сферы; недооценка пагубного воздействия девиантных проявлений на общественное мнение и на медиа- пространство, например: гедонизм, мода на child-free, на западные образцы семейного, репродуктивного и сексуального поведения [3;2]. Картину дополняет отсутствие соответствующей популярной литературы. Однако политика «на авось» обречена!

Выход из эколого-демографического кризиса видится в разработке и осуществлении научно обоснованной государственной программы, а не в характерных для нацпроектов бессистемных мероприятиях.

2. В упомянутой программе могут быть рассмотрены предложения для центра и регионов:

2.1. Создать систему подготовки соответствующих кадров путем учреждения профильных кафедр в государственных университетах, использования институтов переподготовки специалистов и т.п. (приложение 2) [2]

2.2. Создать при губернаторе профильный центр для решения соответствующих задач.

Поручить кураторство одному из первых вице-губернаторов.[6]

2.3. В корне переформатировать контент медиа-пространства, включая социальную рекламу, с целью возрождения и укрепления семейных и моральных ценностей, содействия дискуссиям в молодежной среде и противодействия деструктивным установкам. [1;6; 7] Вопросы финансирования решать на основе справедливого распределения природной ренты, создания эндаументов и др.

2.4. В экологически благополучной местности построить перинатальные центры и родильные дома для размещения на добровольной основе беременных и кормящих женщин [4;8] Передать родовспомогательные учреждения Минздраву. Тем самым преодолеть ведомственные разрывы в здравоохранении. Откорректировать нормативную базу.

2.5. Дополнить нацпроект «Экология» [8;4]:

- программой передислокации вредных производств за городскую черту Красноярска и других экологически неблагополучных городов;

- последовательно снижать долю сырья в экспорте, повышать объемы выпуска продукции высоких переделов;

- безотлагательно перевести на газ предприятия теплоэнергетики;

- отказаться от бензина и дизтоплива. Перевести автотранспорт на электротягу и иные безопасные технологии (опыт Китая);

- снизить продолжительность работы за Полярным кругом до 50 % годового фонда рабочего времени каждого работника.

2.6. Просить Российскую Академию наук:

- обеспечить научное сопровождение проектов по данной тематике; [2]

- совместно с общественными организациями, МСП и др. учредить Российское демографическое общество (РДО) не позднее декабря 2020 года;

2.7. Откорректировать нормативную базу:

- в отношении зон экологического бедствия;

- в отношении компетенции Правительства РФ, дополнив ст.114 Конституции словами:

п. 1- в «демографии», «информации».

п. 1-д «эколого-демографической безопасности, информационной безопасности, продовольственной безопасности»

на основании ст. ст. 5,20,24,38,72 Конституции.

До внесения поправок предлагаю одобренные предложения включить в Указ Президента.

Безотлагательно принять закон о статусе многодетных семей.

2.8. Безотлагательно запретить импорт и производство продуктов, не отвечающих требованиям продовольственной безопасности, в том числе пальмового масла, кормовой

пшеницы (в хлебо-булочной отрасли), чая в пакетиках, поддельного алкоголя, псевдоколбас с наполнителями и др.

2.9. Одним из факторов, влияющих на демографическую ситуацию, является неуверенность людей в завтрашнем дне [7;6]. Предлагаю разработать и осуществить соответствующую государственную программу в составе проекта социально-экономических преобразований.

2.10. Т.к. в число важнейших приоритетов России входят защита и воспитание детей и подростков, предлагаю перестроить деятельность соответствующих отраслей, а также отраслей, причастных к защите и помощи семье. Учитывать, что этот контингент является показательным для оценки влияния окружающей среды на здоровье населения.[1;5].

По данному показателю Россия в разы отстает от стран Запада.

Таблица 1 Общая заболеваемость детей и подростков в регионах с городами-миллионниками в 2017 г., на 100000 детского населения (Госстат России) [9]

Регион	Дети 0-14 лет	Подростки 15-17 лет
1. Башкортостан	215991	262343
2. Волгоградская область	207365	207388
3. Воронежская область	67722	191387
4. Краснодарский край	100801	200415
5. Красноярский край	214215	202578
6. Москва	223937	184279
7. Нижегородская область	256339	250447
8. Новосибирская область	237925	212273
9. Омская область	208270	214597
10. Пермский край	278128	244318
11. Ростовская область	231432	253393
12. Самарская область	283307	230951
13. Санкт-Петербург	314474	356993
14. Свердловская область	202849	184192
15. Татарстан	228150	256836
16. Челябинская область	241964	244163

Таблица 2 -Примерная потребность в демографических кадрах, кол-во ставок

Наименование	1	2	3	4	5	6
1. Педагоги, преподаватели	0,5-2					
2.Методист		0,5-1				
3.Профессор- демограф		1 - 3				
4.Профессор- семьевед		1 – 3				
5.Лаборант- демограф		0,5-3				
6. Разработчик		1 - 3			1-2	1
7 Оператор дем., сем..			1-3			
8. Руководитель-демограф				1 – 2		
9. Консультант				1 – 3		
10. Специалист по эколого-демографической безопасности				1		
11. Аналитик				0,5-2		
12. Исследователь					1 – 6	
13. Печатники						2-6
14. Тех. Персонал		0,5-2	0,5	1 - 2	1	1- 2

Расшифровка столбцов: 1 – школа; 2- ВУЗ; ССУЗ; 3.- муниципальный, межмуниципальный орган; 4 – региональный орган гос. власти; 5- научное учреждение; 6-издательство.

Список литературы

1. Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. редактор академик В.В. Кулешов. Новосибирск:изд-во СО РАН, 2014.
2. Социально--демографическая безопасность России/ под ред. В.А. Черешнева, А.И.Татаркина. Екатеринбург. Институт зкономики Уро РАН, 2008.
3. Рыбаковский Л.Л.. Демографическое развитие России в XXI веке. М., 2009.
4. Хаснулин В.И.. Здоровье человека и космогеографические факторы Севера. Экология человека. 2013. № 12.
5. Соболева С.В. и др. Особенности динамики заболеваемости детей и подростков СФО в контексте российских тенденций. Регион: экономика и социология. 2018. №3
6. Соболева и др. Многорегиональный анализ динамики демографических рисков на территории Сибири. Регион :экономика и социология, 2016. №3.
7. Ласточкина М.А. Измерение демографического благополучия регионов. Регион: экономика и социология.2018. №2.
8. Аистов А.В., Александрова Е.А. Здоровье населения и загрязнение окружающей среды. Регион: экономика и социология. 2018. №2.
9. Росстат России. Общая заболеваемость детей и подростков за 2017 год.

УДК 338.45+330.35.01
Сергиевич Татьяна Владимировна
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право», Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь

Развитие индустрии моды в контексте экологической безопасности

Аннотация. *Актуальность исследования развития индустрии моды в контексте экономической безопасности обусловлена тем, что негативное влияние индустрии моды на окружающую среду постоянно возрастает. Цель исследования заключается в рассмотрении экологической безопасности как ограничителя развития индустрии моды. Сквозь призму воззрений Ж. Бодрийяра исследуются механизмы действия моды как фактора стимулирования потребления в современном обществе. Показана роль государства в регулировании развития индустрии моды в контексте экологической безопасности.*

Ключевые слова*: экологическая безопасность, устойчивое развитие, индустрия моды, общество потребления, знаковое потребление, Ж. Бодрийяр, структурная политика, быстрая мода, экологическая рента, мода.*

Высокая дифференциация стран по критерию институционального оформления подходов к содержанию экологической ренты, отвечающей требованиям сегодняшнего социо-эколого-экономического развития, влияет на структуру и размещение мировых производительных сил. Низкие экологические и социально-трудовые стандарты и не полное их соблюдение в определенных странах привлекают иностранные инвестиции в производство текстиля, обуви, одежды и аксессуаров, что позволяет лидерам индустрии моды получать сверхприбыли за счет присвоения природной ренты, практически не возмещая экологические издержки. В то же время очевидно, что «мир в XXI в. кардинально изменился. И дело не только в нарушении геополитических равновесий, формировании однополярного мира и усилении борьбы за все виды ресурсов, но и в том, что человечество начинает по-новому смотреть на цели и критерии общественного прогресса» [1, с. 74], среди которых большую роль начинают играть социальные и экологические критерии.

Индустрия моды – это система производства, распределения, присвоения и потребления обладающих знаковой меновой стоимостью модных благ, на функционирование которой направлена производственная, управленческая, интеллектуальная, творческая и информационная деятельность субъектов различных секторов экономики, обеспечивающих постоянную обновляемость данных благ.

Для того, чтобы оценить развитие индустрии моды в контексте экологической безопасности, ее влияние на окружающую среду должно быть рассмотрено комплексно – от деятельности поставщиков сырья до

утилизации продуктов потребления. В условиях нарастания экологических угроз, усиления негативного антропогенного воздействия на природу, актуализации поиска механизмов решения экологических проблем, рассмотрение экологических издержек материального производства в отрыве других звеньев цепочек создания стоимости и потребления не соответствует критериям устойчивого развития. «Сегодня сутью концепции устойчивого развития, – справедливо отмечает С. Ю. Солодовников, – является разработка социально-экономических механизмов управления социоприродными системами на региональном, национальном и глобальном уровнях в целях обеспечения устойчивого роста благосостояния населения с минимальным ущербом для окружающей среды и здоровья человека» [2, с. 58]. Воздействие индустрии моды на окружающую среду и экологическую безопасность подлежит комплексной оценке.

По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) относительно негативного влияния индустрии моды на окружающую среду, сегодня индустрия моды является второй по уровню загрязнения окружающей среды индустрией в мире, уступая только нефтяной промышленности [3]. Кроме того, «ежегодно индустрией моды используется около 93 млрд. кубометров воды (что достаточно для удовлетворения потребностей 5 млн. чел.) и около полумиллиона тонн микроволокна сбрасывается в океан (что эквивалентно 3 млн. баррелей нефти). Что касается выбросов углерода, отрасль несет ответственность за более чем все международные рейсы и морские перевозки вместе взятые» [3]. Кроме этого, неизмеримый ущерб планете наносит технология выращивания хлопка, при котором используются пестициды, загрязняющие почву, и потребляется огромное количество воды для орошения земель.

С одной стороны, стремительный рост платежеспособного спроса на модные блага обеспечивает возможность создания и сохранения миллионов рабочих мест, а также роста целых национальных экономик. С другой стороны, последствия увеличения платежеспособного спроса и изменения структуры потребления приводят к резкому увеличению негативного воздействия человека на окружающую среду и появлению угроз экологической безопасности целых регионов и даже экологических катастроф. В качестве примера можно привести наиболее загрязненные реки Индонезии (Читарум), Бангладеш (Буриганга), Аргентины (Матанза), Филиппин (Марилао), Китая (Чжуцзян) и др., куда сбрасываются химические отходы кожевенных, меховых, текстильных производств и воды которых используются местными жителями для жизненно важных нужд. Это приводит к тотальному разрушению целых экосистем и многочисленным проблемам со здоровьем у местных жителей, на решение которых у них нет средств.

Наряду с отрицательным влиянием на экологию процессов производства и распределения текстиля, обуви и одежды (от сельскохозяйственных организаций до торговых сетей с готовой продукций), существует проблема вторичного использования, переработки и утилизации отходов данной продукции. Культура потребления в современном обществе

изменилась: «стало привычным покупать одежду, носить ее несколько раз или вообще ни разу не надеть и выбрасывать со все возрастающей скоростью. Отчеты показывают, что почти всю одежду, которая выбрасывается вместе с бытовыми отходами, можно было бы использовать снова, по оценкам, 95% можно было бы повторно носить, использовать или перерабатывать – в зависимости от состояния текстильных отходов. Вместо этого в странах с преобладающими потребительскими культурами подавляющее большинство старой одежды выбрасывается с бытовыми отходами и оказывается на свалках или мусоросжигательных заводах, что составляет миллионы тонн отходов текстиля во всем мире. Согласно отчетам, это судьба более 80 % одежды, выброшенной в ЕС» [4, p. 13]. Резкое увеличение темпов и объемов потребления одежды в последние годы обусловлено ускорением модных циклов и распространением феномена быстрой моды, а также ростом населения на планете. По экспертным оценкам, сегодня «в среднем человек покупает на 60 процентов больше предметов одежды ежегодно чем 15 лет назад и примерно в два раза быстрее их выбрасывает» [4, p. 15]. Лишь небольшая часть использованной одежды впоследствии перерабатывается или подлежит вторичному использованию. Часто утилизация текстиля и одежды осуществляется путем ее сжигания.

Феномен быстрой моды сформировался в условиях общества изобилия (Ж. Бодрийяр [5, с. 25]), которое характеризуется изменением системы потребления, являющейся «системой манипуляции знаками» [5, с. 33]. Все большее число предметов наряду с их прагматическими функциями наделяется знаковыми функциями, которые зачастую становятся первичными, что предопределяет выбор современного покупателя. Потребление опосредовано постоянным обновлением вещей и симуляцией выбора. Потребитель «переживает отличительные формы своего поведения как свободу, стремление, выбор; он не переживает их как принуждение к дифференциации и подчинение кодексу, – пишет Ж. Бодрийяр. – Но отличаться всегда означает в то же время принимать общий порядок отличий, который сразу оказывается фактом целостного общества и неизбежно выходит за рамки индивида» [5, с. 61]. В современном обществе институтом, устанавливающим общий порядок отличий, является мода, которая символизирует социальную дифференциацию. Несмотря на то, что индустрия моды выделилась в полноценную сферу относительно недавно (во второй половине XX ст.), сегодня она является одной из самых быстро растущих индустрий. Не последнюю роль при этом играет всеобщая идеология экономического роста и оправданность на этой основе растущих объемов и интенсивности потребления. Количественная оценка развития индустрии моды затруднительна, поскольку она затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. Это обусловливает сложность оценки ее экологических экстерналий, что вместе с тем является актуальной проблемой в контексте устойчивого развития.

Ж. Бодрийяр категорически заявляет: «Общество потребления реализует стремление к вещам, но еще более оно нуждается в их

разрушении. "Использование" вещей ведет только к их медленному отмиранию. Созданная ценность гораздо более значительна, если в нее заложено ее быстрое отмирание. Вот почему разрушение остается основной альтернативой производству: потребление только промежуточное звено между обоими» [5, с. 47]. Не производство и потребление, а производство и разрушение Ж. Бодрийяр возводит в рамки парных категорий. «Система производства живет только ценой этого уничтожения, этого подсчитанного постоянного "самоубийства" совокупности объектов, что вся эта операция покоится на технологическом "саботаже" или на организованной устареваемости в силу моды, – подчеркивает Ж. Бодрийяр. – Реклама реализует чудо значительного увеличения потребления, преследуя цель не добавить, а лишить товары потребительской ценности, лишить их ценности времени, подчиняя ценности моды и ускоренного обновления» [5, с. 36]. Реклама является одной из форм общественно-функциональных технологий, формирующих потребительский выбор. Ю.В. Мелешко справедливо отмечает, что «в условиях осуществления четвёртой промышленной революции с её интеллектуальным гибким производством <...> конкурентоспособность промышленного предприятия формируется уже не только и не столько за счёт технико-технологических инноваций, сколько благодаря использованию общественно-функциональных инноваций» [6, с. 74], поскольку именно последние (реклама, брендинг, формирование имиджа предприятия, создание собственной системы ценности, разделяемой лидерами мнений (от англ. Influencer)) закладываются в основу стратегий продвижения товаров. Снижается ценность вещи как таковой, которая выражается как в ее потребительских, так и знаковых функциях; повышается ценность возможности быстро обновлять вещи, что само по себе является знаком. Такова социально-экономическая природа феномена быстрой моды.

Определенной попыткой ответа на угрозы экологической безопасности становится развитие концепции устойчивого или ответственного потребления. Приверженцы данной концепции среди потребителей снижают объемы индивидуального потребления, передают одежду для вторичного использования, а также демонстрируют снижение лояльности к корпорациями, не разделяющим ценности устойчивой моды. Многие производители на этом фоне показывают приверженность целям устойчивого развития, предпринимая меры по отказу от сжигания одежды, использованию переработанных и экологически чистых материалов, сбору использованной одежды для переработки и др. Однако инициативные меры без жестких государственных запретов не оказывают существенного влияния на размер негативного экологического влияния индустрии моды на окружающую среду. Вместе с тем, как справедливо отмечает С. Ю. Солодовников, «безоговорочное следование по пути устойчивого развития порождает большое количество экономических и социальных рисков, которые в совокупности при определенных условиях могут привести к угрозам национальной, социальной и экономической безопасности государства по причине снижения ВНП, роста номинальных и реальных доходов населения, а значит, могут способствовать росту социальной

напряженности» [7, с. 179–180]. Поэтому прямые запретительные меры могут иметь не только экономические, но и социальные негативные последствия.

Иллюзорность неукоснительной реализации принципов зеленой экономики очевидна, поэтому необходимо развивать технологии в сфере производства, распределения, присвоения, потребления обладающих знаковой меновой стоимостью модных благ, а также их переработки и утилизации, с учетом соблюдения экологической безопасности. В этих условиях должна быть определена роль государства как конфигуратора социально-экономических интересов субъектов, входящих в систему моды, и общественных интересов, выражающих стремление к экологической безопасности. Актуализируется необходимость наличия сильного «государства», которое, являясь представителем общественных интересов, создавало бы условия для реализации концепции устойчивого развития на национальном и региональном уровнях, а также отстаивало бы данные интересы на международной арене. Оценка экологических экстерналий индустрии моды не приводит к отказу от развития легкой промышленности и индустрии моды. Отказ от присвоения функции производства социальных статусов приведет не только к негативным последствиям экономического, но и социального характера. Решение данной задачи видится в нахождении оптимального баланса (компромисса) между целями экономической, социальной и экологической безопасности. При определении направлений дальнейшего развития легкой промышленности и индустрии моды должны учитываться экологические угрозы в контексте обеспечения целей устойчивого развития, наряду с экономическими и социальными рисками.

Список литературы

1. Солодовников,С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012 – № 3. – С. 74–91.
2. Солодовников С. Ю. Экономический рост и истинные инвестиции: сущность и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2017. № 18 (23). С. 56–63.
3. UN launches drive to highlight environmental cost of staying fashionable [Electronic resource]. – Publ. 25.03.2019. – Mode of access: https://news.un.org/en/story/2019/03/1035161 – Date of access: 24.06.2020.
4. Cobbing,M. Fashion at the Crossroads: a review of initiatives to slow and close the loop in the fashion industry / M. Cobbing, Y. Vicaire // Hamburg, Greenpeace e.V. Germany 2017. 107 p.
5. Baudrillard, J. The Consumer Society. Myths & Structures / J. Baudrillard. – London : SAGE Publications, 1998. 208 p.
6. Мелешко Ю. В. Услуги промышленного характера и четвертая промышленная революция / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2018. № 20 (25). С. 71–77.

7. Солодовников С. Ю. Направления создания, исследования и совершенствования в Республике Беларусь механизма хозяйствования, ориентированного на рост истинных накоплений / С. Ю. Солодовников // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2018 : сборник статей Шестой Всероссийской научно-практ. конф. (с междунар. участием): в 3 частях. Ч. 2. 2018. С. 179–183.

УДК 615.015.6

Чевтаева Наталия Геннадьевна
д.социол.н., доцент, зав кафедрой управления персоналом, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Россия
Качанова Елена Анатольевна
д.экон.н., доцент, декан факультета экономики и менеджмента, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Екатеринбург, Россия

Риски приобщения молодёжи к наркопотреблению в экономически благополучном регионе России

Аннотация. *Молодёжь остаётся самой уязвимой социальной группой для распространителей наркотиков. Авторы исследуют внешние и внутренние факторы риска формирования привычки к употреблению наркотиков среди подрастающего поколения. Статистический анализ позволил выделить внешние риски связанные с демографической ситуацией и экономическими показателями благополучия региона – Ханты-Мансийского автономного округа-Югра. Социологический опрос населения округа демонстрирует внутренние риски наркопотребления, отражающие поведенческие и ценностные особенности молодёжи.*

Ключевые слова*: наркозависимость, демография, миграция, причины наркопотребления, профилактика*.

Актуальность. Наркопотребление остаётся острейшей социальной проблемой современного общества. Противодействие наркопотреблению определено приоритетной задачей в В «Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», также закреплено в Паспорте национального проекта «Демография» как одна из ключевых задач по укреплению общественного здоровья населения России [2].

По оценкам экспертов, среди негативных тенденций отмечается рост доступности наркотиков и изменение структуры наркопотребления за счет роста синтетических наркотиков [3], «омоложение» наркозависимых [3]. Молодые люди с еще не устоявшимися жизненными ценностями легче могут

быть подвергнуты опасности приобщения к наркозависимости [4]. Изучение особенностей поведения и мотивации отказа от наркопотребления поможет точечно корректировать формы профилактической работы среди молодежи [5].

Методы исследования. Для выявления рисков приобщения молодежи Ханты-Мансийского автономного округа-Югра к наркозависимости, авторы использовали анализ демографических и экономических показателей развития округа, предоставленных Департаментом экономического развития ХМАО-Югры; результаты социологического опроса населения округа (2000 респондентов), проведенного в октябре-ноябре 2019 года при участии авторов в рамках мониторинга наркоситуации в субъектах РФ.

Результаты исследования. Риски приобщения молодёжи округа к наркопотреблению можно разделить на две группы, связанные:

- ✓ со средой проживания, включая особенность демографической ситуации в регионе - внешними для наркопотребления факторами;
- ✓ с поведенческими особенностями и ценностными ориентациями молодежи, с внутренними факторами.

Характеристика внешних факторов риска.

Можно выделить факторы, которые традиционно определяют распространение наркомании в Ханты-Мансийском автономном округа – Югре:

высокие доходы населения, миграционные потоки из регионов России и стран ближнего зарубежья с высоким уровнем наркопотребления, демографические показатели, связанные в том числе и с высокой долей городского населения (92,3 %), развитая инфраструктура и транспортно-логистическая сеть (автомобильные дороги, ж/д пути и др.) особенно в отношении крупных городов автономного округа.

Характеристика экономического благополучия региона как фактор риска распространения наркомании. Доля автономного округа в общем объёме налогов и сборов, собранных в Российской Федерации (по оценкам Департамента экономического развития ХМАО-Югры) – 15,0 %. От общего объёма расходов консолидированного бюджета автономного округа 66,0 % направлено на развитие здравоохранения, образования, социальной политики, культуры, физкультуры и спорта.

Стабильное социально-экономическое положение нефтедобывающего региона России обеспечивает достаточно высокий по российским меркам уровень жизни населения (табл.1).

В 2019 году среднедушевые денежные доходы жителей автономного округа составили 52,7 тыс. рублей, что значительно превышает общероссийский показатель – 32,2 тыс рублей; средняя заработная плата – 74,5 тыс. рублей – тогда как в России в среднем – 46,4 тыс рублей; реальная заработная плата составила 100,5 % относительно уровня 2018 года[116].

[116] Распоряжение Правительства автономного округа от 11.10.2019 № 532-рп «О прогнозе социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»;

Таблица 1-Динамика социально-экономического развития ХМАО-Югры и РФ

Показатель	Российская Федерация		Югра	
	январь-декабрь			
	2018	2019	2018	2019
Среднедушевые денежные доходы населения, рублей	33178,0	33225,3	50717,0	52659,9
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах	100,1	100,2	101,7	100,0
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата 1 работника, в рублях	43724,0	46432,0	70896,2	74528,2
Уровень зарегистрированной безработицы к экономически активному населению, в процентах	0,9	0,9	0,43	0,44

По уровню общей зарегистрированной безработицы Югра входит в 5 субъектов – лидеров Российской Федерации с наилучшим показателем, наряду с г. Москвой, г. Санкт-Петербургом, Ямало-Ненецким автономным округом и Московской областью. На 1 января 2020 года показатель составил 0,44 % от экономически активного населения (РФ – 0,9 %).

В миграционной ситуации наблюдается риски приезда в округ лиц из числа регионов с традиционно низким уровнем контроля наркопотребления. На миграционный учет по месту пребывания в 2019 году поставлено 200 тыс. (+0,2%; 197777) иностранных граждан. Основные миграционные потоки составляют граждане Таджикистана (28,4%), Узбекистана (24,9%), Украины (12,6%), Киргизии (10,7%), Азербайджана (7,2%). Как видно миграционные потоки связаны со странами, имеющими высокий уровень риска распространенности наркомании.

Демографическая ситуация в округе достаточно стабильная. По данным органов статистики[117]: естественный прирост населения за январь-декабрь 2019 года - 10,7 тыс. человек (январь-декабрь 2018 года – 12,1 тыс. человек); рождаемость в Югре превышает смертность в 2,1 раза. Демографические показатели в округе за январь-декабрь 2019 года выглядят более благоприятными по сравнению с общероссийскими: коэффициент рождаемости в ХМАО-Югре превышает общероссийский (12,5 против 10,1 на 1000 населения по РФ в целом); коэффициент смертности в округе ниже, чем в РФ (6,1 против 12,3 на 1000 населения по РФ); коэффициент естественного прироста населения 6,4 против 2,2 на 1000 населения в целом по России). Высокая доля молодёжи и подростков, как наиболее уязвимой группы населения, на которых направлены интересы наркоторговцев, объективно увеличивает риски распространения наркомании в регионе.

[117] Сведения за январь-декабрь 2019 года Росстатом выгружены из Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС)

Вторая группа факторов риска распространения наркомании связана с внутренними факторами: поведенческими особенностями и ценностными ориентациями молодежи.

В чем же респонденты видят основные причины распространения наркомании (рис.1).

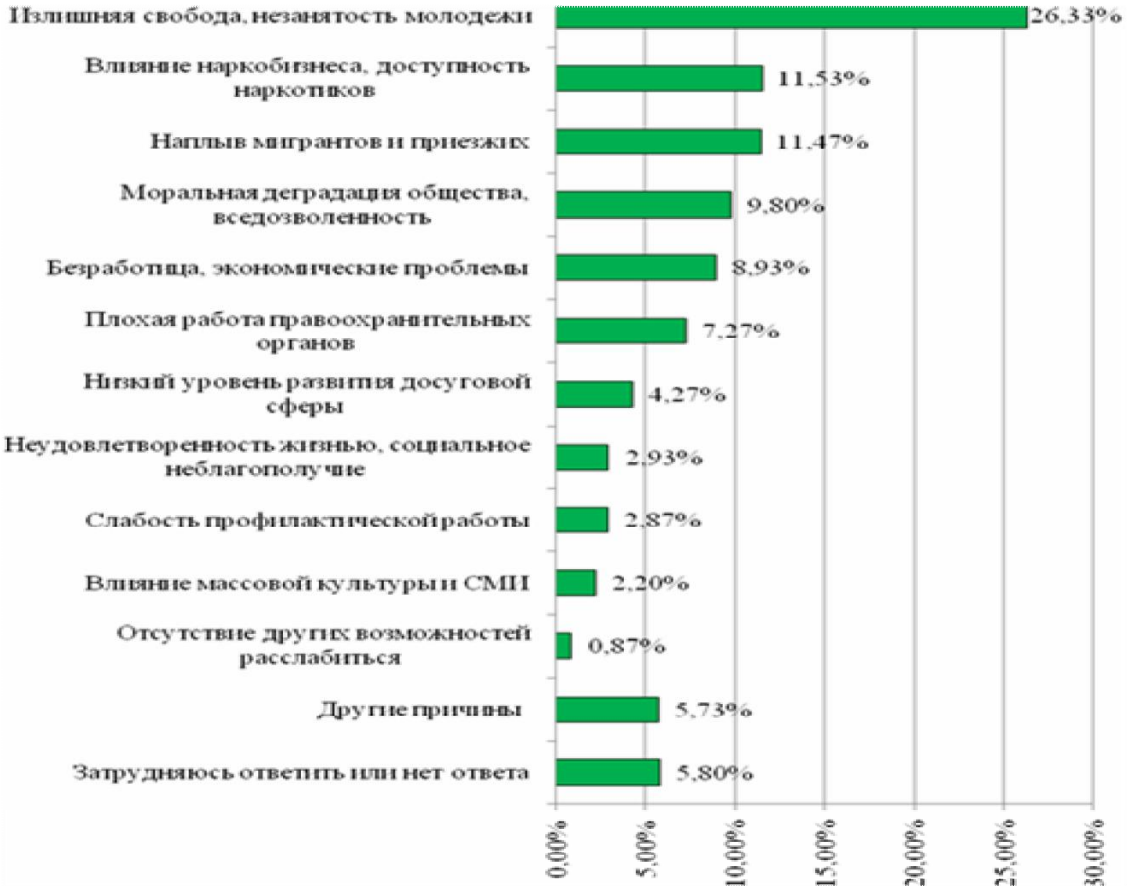

Рис. 1. Оценка респондентами причин распространения наркомании (% от числа опрошенных)

Доминирующая позиция в ответах респондентов (26,3 %) связана с излишней свободой и незанятостью молодежи. Доступность наркотиков и активные миграционные потоки (порядка 11-12 %) - следующая по значимости группа причин в оценках респондентов. Общая ситуация вседозволенности вкупе с экономическими проблемами (8-9 %, по мнению респондентов также создает неблагоприятные условиях для роста наркопотребления в регионе.

Сравнивая оценки респондентами различных профессиональных групп причин сохраняющейся сложной ситуации наркопотребления, можно выделить следующие особенности. Люди с высшим образованием чаще всего говорят, что в распространенности наркомании «виновата» моральная деградация общества, вседозволенность; почти 40% ответивших граждан с низким уровнем материального положения винят в распространенности наркомании «неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие» (39,5%); мнение о том, что на масштабы наркомании влияют «излишняя

свобода, отсутствие организованного досуга», характерно больше для людей высокого материального достатка (30,2%). Пожилые граждане в возрасте 50-60 лет чаще винят в проблеме наркомании правоохранительные органы и их плохую работу, а юные граждане 14-17 лет чаще других отмечают влияние наркобизнеса и доступность наркотиков (рис.2).

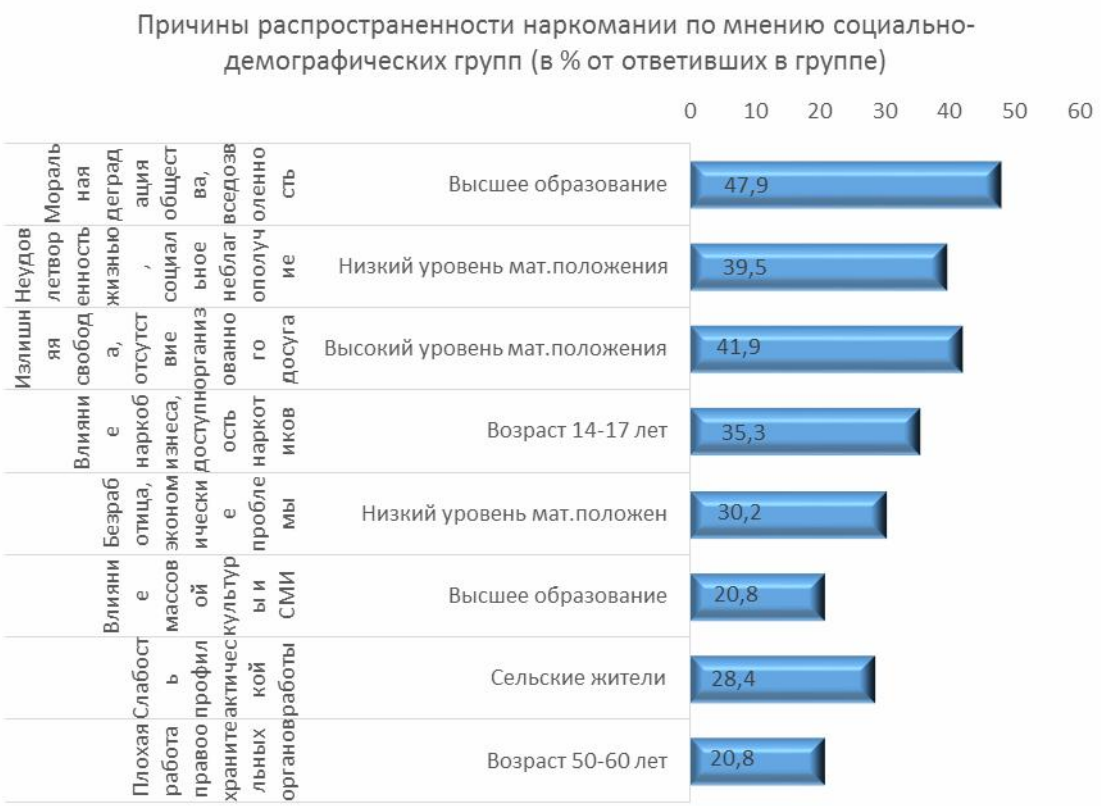

Рис. 2. Оценка причин распространения наркомании в разных социальных группах

Что является сдерживающим фактором формирования наркозависимости, каковы причины отказа от наркопотребления? Не может не внушать сдержанный оптимизм, что доминирует настрой на осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков (более 70 %). Вторая группа причин отказа от наркотиков связана как с физиологическими причинами (страх ранней смерти - 17,9%, боязнь полного привыкания - 16,1%), так и с угрозой потери значимых социальных контактов («боязнь отлучения от семьи» - 12,3 % и «потеря уважения близких -16 %). Каждого десятого останавливает страх тюремного заключения.

Молодые люди в возрасте от 14 до 17 лет чаще, чем другие категории, отказываются от употребления наркотиков из за страха ранней смерти (32,3% в группе опрошенной категории), полного привыкания (24,5%) и оказаться в тюрьме (19,3%), но реже, чем другие категории респондентов, они ссылаются на осознанный выбор (57,4%) (рис. 3).

При проведении профилактических мероприятий следует учитывать специфику мотивации отказа от наркопотребления разных возрастных групп населения, ориентируясь на поведенческие особенности молодежи.

Факторы, наиболее и наименее сдерживающие от употребления наркотиков (по социально-демографическим характеристикам)		
Наиболее частое упоминание	Значение в среднем по Югре (%)	Наименее частое упоминание
Осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков		
Возраст 50-60 лет (90,2%) Высшее образование (80,6%)	72,5	Возраст 14-17 лет (57,4%) Сельские жители (57,2%)
Ранняя смерть		
Возраст 14-17 лет (32,3%) Высокий уровень мат.положения (26,6%)	17,9	Жители Среднее профессиональное образование (11,6%)
Полное привыкание		
Высокий уровень мат.положения (27,8%) Возраст 14-17 лет (24,5%)	16,1	Возраст 50-60 лет (14,1%)
Потеря уважения близких		
Высокий уровень мат.положения (27,6%) Возраст 14-17 лет (24,5%)	16,0	Возраст 40-49 лет (7,1%) Возраст 50-60 лет (7,8%)
Боязнь отлучения от семьи		
Возраст 18-29 лет (17,0%)	12,3	Сельские жители (4,5%)
Боязнь оказаться в тюрьме		
Возраст 14-17 лет (19,3%)	10,3	Возраст 50-60 лет (4,0%) Среднее профессиональное образование (7,0%)
Боязнь остаться ненужным обществу		
Возраст 30-39 лет (12,2%)	9,9	Возраст 50-60 лет (4,8%)

Список литературы

1. Нахимова Я.Н., Ромашкина Г.Ф. Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // Образование и наука. 2017.-Т. 19. № 4. С. 138-160. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-6-138-160.

2. Паспорт национального проекта «Демография» (утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ (дата обращения 24.05.2020)

3. Рубан Л.С. Современное девиантное поведение и отношение молодежи к его проявлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология.- ui.ranepa.rumенеджментаоты средиии отказа от наркопотребления поможет точечно корректировать формы профилактической работы среди.2018.№18.Т.2.С.318-333. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-318-333.

4. Чевтаева Н.Г., Качанова Е.А., Никитина А.С. «Мягкие» и «жесткие» стратегии социального контроля наркопотребления //

Социологические исследования. 2018. № 11. С. 152-156. DOI: 10.31857/S013216250002795-7.

5. Чевтаева Н.Г., Никитина А.С., Скаво К., Усова О.В. Трансформация употребления наркотиков в России и США: инновационные формы профилактической работы среди молодежи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета.2019. -№ 5 (62). С. 210-223. DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.020

УДК 796.011

Шаяхметова Римма Рафаэлевна
доцент кафедры социологии и работы с молодежью ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия

Модели самосохранительного поведения молодежи в Республике Башкортостан (по результатам социологического исследования)

Аннотация. *Статья написана по результатам качественного социологического исследования молодежи, проживающей в Республике Башкортостан. Фокус-группа была проведена в ноябре 2019 года. В статье отражены основные модели самосохранительного поведения молодежи: информационная, «культ спорта», патерналистская, селфи-образ, подражающая, игнорирующая, деструктивная, комплексная.*

Ключевые слова*: самосохранительное поведение, молодежь, образ жизни, модели самосохранительное поведение*

В настоящее время идут процессы модернизации во всех сферах российского общества, в том числе и в здравоохранения. Одним из объектов модернизации является социально-демографическая группа - молодежь.

Анализ влияния модернизации на здравоохранение требует характеристики элементов самосохранительного поведения молодежи. Поведенческий фактор при этом является наименее изученным из всех факторов, влияющих на здоровье. Самосохранительное поведение - система влияющих на здоровье и продолжительность жизни индивида действий и отношений [2, с. 92].

Самосохранительное поведение включает в себя: качество питания, занятия физкультурой или спортом, табакокурение и употребление алкоголесодержащих напитков, соблюдение санитарно-гигиенических правил; уровень медицинской информированности; санитарно-гигиеническая грамотность; обращаемость в медицинские учреждения, диспансеризация, уровень медикализации [1, с. 69].

Чтобы выявить основные модели самосохранительного поведения молодежи, мы провели качественное социологическое исследование (фокус-группу). Анализ проведенного фокус-группового интервью на тему «самосохранительное поведение студентов».

Место проведения: город Уфа, Башкирский государственный университет. Состав участников: молодежь в возрасте 18-30 лет, проживающая в Республике Башкортостан. Социологическое исследование было проведено в декабре 2019 года.

Опишем модели самосохранительного поведения молодежи:

1. Информационная модель - максимальная информированность в сфере медицины, чтение журналов, посещение медицинских сайтов и сайтов о здоровье, изучение достижений в сфере медицины, личное использование инновационных фармакологических препаратов.

Респонденты отвечали, что им важно было получить информацию: «…как правильно очищаться», «изучала правильное питание», «…использую нутрикосметику», «посещала процедуры иглоукалывания…это очень полезно», «я знаю, что сейчас появились анаэробные препараты против всяких вирусных заболеваний… взамен существующим антибиотикам… их правда в Уфе не продают, но можно заказать в Питере», «считаю профилактику лучшей защитой, поэтому часто обследуюсь… ну и семья у меня такая, почти все врачи».

2. Модель «культ спорта» характеризуется: активные занятия физкультурой и спортом, увлеченность спортивным питанием (белковые напитки, биодобавки для спортсменов), частое посещение фитнес-центров, уход за собой с помощью медицинских и косметических процедур.

Опрашиваемые отмечали: «… уже год посещаю фитнес клуб, как минимум 3 раза в неделю с утра», «в 25 лет начинается погоня за молодостью», «…обязательно сделаю ботокс, подтяжку лица», «…я, например, помимо каких-то физических упражнений занимаюсь ревитоникой…это такие специальные упражнения для мышц лица», «моя подруга занимается с персональным тренером, я тоже планирую, но пока посещаю групповые занятия, т.к. это дешевле для меня».

3. Патерналистская модель - обращение к врачам в случае болезни или недомогания, выполнение всех рекомендаций врача, посещение поликлиник и платных медицинских центров.

Ответы респондентов: «…своим здоровьем я занялась год назад, вообще серьезно, из-за заболевания», «мне приходится предпринимать различные меры для оздоровления, т.к. у меня серьезное заболевание… у меня сахарный диабет», «из-за хронической болезни мне часто приходится лежать в больнице…также я часто езжу на кавказские минеральные воды по рекомендациям врачей», «…хотя в день приходится пить 5 препаратов, чувствую себя хорошо…нет это не бады, это врач выписал».

4. Селфи-образ. Характеристика: забота о здоровье как часть презентации собственной жизни перед зрителями, поддержка со стороны публики, высокий уровень подписчиков, реклама самосохранительного поведения, ведение фото-дневника в различных социальных сетях, мотивация через поклонников, выкладывание селфи.

Респонденты отвечают: «…слежу за комментариями, что хотят увидеть мои подписчики», «какие проблемные зоны хотят проработать», «…часто в ответах нахожу новую информацию», «…подписчики

подбадривают», «…мотивируют развивать свое самосохранительное поведение», «… лайкните …так проверю активность», «тренируюсь, питаюсь правильно, показываю это все через инстаграмм, делюсь советами», «…рассказываю, что я ем в течении дня», «правильное питание-это легко-главное легко его приподнести», «…на самом деле в любом заведении можно найти здоровую еду», «…в ближайшее время у меня на странице начнется марафон тренировок»

5. Подражающая модель. Характеристика: респонденты являются подражателями своего кумира или какой-либо звезды, повторяют модели поведения своего кумира, кумиры являются для такой молодежи интернет-тренерами, онлайн-диетологами, онлайн-психологами и т.д. Кумиров могжет быть несколько. Иногда интернет-тренеры подразделяются по различным сферам: спорт (кардио, силовые и др.), еда (правильные и здоровые продукты, продуктовая корзина, пп-еда, пп-рецепты, виды обработки, вегетарианство и др.), избавление от вредных привычек и т.д. Кумиры благодаря своему социальному, материальному положению притягивают новых подражателей.

Респонденты отмечают: «...регулярно занимаюсь дома по ее тренировкам», «активно комментирую ее страницу в вк/инстаграмме/одноклассника», «часто можно спросить о баллансе ЖБУ», «…часто готовлю по пп-рецептам моего кумира», «спрашивала какая нагрузка необходима для похудения», «…занимаюсь по коротким роликам, которые выкладывает мой кумир», «…потому что она взращивает во мне позитивное отношение к физической активности, которое не было мне привито изначально… вернее пытается взрастить, т.к. я ленивое существо».

6. Игнорирующая модель. Характеристика: Хорошее самочувствие, хорошее состояние здоровья, наличие глобальных целей, достижение которых приоритетно для респондента, иногда наблюдается наличие вредных привычек, здоровье не рассматривается как важный ресурс, склонны игнорировать любые проблемы со здоровьем и не прибегают ни к каким действиям по его защите или улучшению.

Респонденты отмечают «…у меня было такое ощущение, что надо», «важна карьера, квартира, машина…», «узнаю о своем здоровье на медосмотре», «… жить нужно полной жизнью».

7. Деструктивная модель. Характеристика: не задумывается о здоровье, оценивает свое здоровье как отличное или хорошее, наличие вредных привычек, не обращается к врачу при наличии заболевания, отсутствие лечения при болезни.

Опрашиваемые отмечают: «…у меня все хорошо», «…у меня не так все плохо», «…у меня все пройдет само».

8. Комплексная. Характеристика: гармония физического, психологического и социального здоровья, здоровый образ жизни, все действия сбалансированы и осознанны.

Респонденты отвечают: «здоровье - это состояние, когда тебя ничего не тревожит не только в физическом плане (боль, например), но и в психологическом состоянии, ты чувствуешь полный комфорт внутри себя и

с окружающими», «я абсолютно здорова физически и психически тоже», «я стремлюсь к идеальному здоровью, все должно рассматриваться в комплексе, здоровье в том числе».

Представленные модели наиболее подробно и ярко описывают часто встречающиеся характерные черты самосохранительного поведения молодежи.

Список литературы

1. Журавлева И.В Поведенческий фактор и здоровье населения// здоровье человека в условиях НТР: Методологические аспекты: Сб. науч. Трудов – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. С. 300.
2. Назарова И.Б. Здоровье в представлении жителей России // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 92-102.

УДК 614.2:311.3

Шкарин Владимир Вячеславович
к.м.н., доцент, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Института непрерывного медицинского и фармацевтического образования ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Волгоград, Россия
Ивашева Виктория Васильевна
к.м.н., доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Института непрерывного медицинского и фармацевтического образования ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Волгоград, Россия
Емельянова Ольга Сергеевна
к.м.н., доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Института непрерывного медицинского и фармацевтического образования ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Волгоград, Россия

Показатели состояния здоровья населения. О чем говорят сопоставления?

Аннотация. *Показатели состояния здоровья населения традиционно являются востребованными при планировании различных социальных программ. Целью работы стала оценка информативной значимости и взаимосвязи наиболее важных и используемых для определения состояния здоровья и развития сферы здравоохранения показателей. Результаты исследования показали высокий разброс значений идентичных показателей по регионам, а также отсутствие значимых корреляционных зависимостей между рядом логически связанных показателей.*

Ключевые слова: *Ожидаемая продолжительность здоровой жизни, ожидаемая продолжительность жизни, показатели здоровья населения РФ, Национальный проект «Демография».*

Уровень и динамика показателей состояния здоровья населения позволяет определить основные проблемы и направления развития, оценить успешность реализации и эффективность вложений в социальную сферу, включая здравоохранение. По ним устанавливаются соответствующие целевые значения, которые поэтапно должны достигаться регионами РФ для решения общих стратегических задач.

К наиболее часто используемым показателям, характеризующим здоровье населения, традиционно относятся показатели общей смертности, а также смертности в разрезе основных причин, ожидаемой продолжительности жизни, рождаемости, фертильности и ряд других. Значительно реже принимаются во внимание стандартизованные показатели смертности, а также уровень заболеваемости.

Показатели состояния здоровья, отражая разные грани этого понятия, тем не менее, связаны между собой логически и организационно, при этом оценка этой взаимосвязи позволяет принимать грамотные управленческие решения для достижения суммы поставленных задач. Определение лучших региональных практик, тиражирование позитивного опыта и «подтягивание», показателей от «худшего» к «лучшему», добиваясь таким образом «выравнивания» - эффективный механизм достижения общей цели. При сравнение регионов РФ важное значение имеет не только непосредственное значение показателя и степень достижения заданных целевых значений индикаторов, но и ранговое место региона среди остальных, при сопоставлении аналогичных и связанных показателей. Представляется, что именно такой подход расширяет спектр соответствующих оценок, делая его более комплексным и объективным, а также позволяет определить степень корректности самих оценок.

С 2019 г. в соответствии с Указом Президента в РФ реализуются ряд Национальных проектов, в том числе «Здравоохранение» и «Демография», содержащих целевые значения показателей, которых необходимо достичь, в том числе по каждому региону - субъекту РФ.

Национальный проект «Демография», начавший свою реализацию в 2019 году и запланированный до 2024 года, рассчитан на достижение ряда показателей, в том числе: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет (далее - ОПЗЖ), снижение смертности населения старше трудоспособного возраста, увеличение суммарной рождаемости, увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни.

Следует отметить, что такой показатель, как ОПЗЖ впервые был использован в качестве критерия достижения задач нацпроекта с установленным целевым значением индикатора. Это и определило основную задачу исследования – оценить по ранговым местам регионов взаимосвязь ряда показателей, характеризующих состояние здоровья населения, положив

в основу ранжирование по показателю ОПЗЖ, что, в свою очередь, позволило бы определить степень корректности использования указанных показателей для оценки эффективности реализации соответствующих мероприятий нацпроектов.

Цель исследования: оценить информативную значимость и взаимосвязь наиболее важных и используемых для оценки состояния здоровья и развития сферы здравоохранения показателей путем сопоставления ранговых значений, занимаемых субъектами РФ по указанным показателям, а также определения коэффициента корреляции между самими значениями показателей.

Материалы и методы: проведен анализ данных официальной статистики (Росстат, ЦНИИОИЗ за 2018 - 2019 г.г.) в разрезе субъектов РФ по показателям [1, 2]:

-Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (лет) – за 2019 г.

-Ожидаемая продолжительность жизни (лет) за 2019 г.

-Смертность общая (на 1000 населения) за 2019 г.

-Смертность стандартизированная (на 100 000 населения) за 2018 г.

-Доля лиц, ведущих здоровый образ жизни (%) за 2019 г.

-Уровень общей заболеваемости взрослого населения (на 100000 взрослого населения) за 2019 г.

-Уровень общей заболеваемости населения старше трудоспособного возраста (женщины старше 55 лет, мужчины – старше 60 лет на 100000 населения соотв. возраста) за 2019 г.

Определены ранги регионов по каждому из показателей.

Основное ранжирование регионов проведено по показателю ОПЗЖ (пять «лучших» и пять «худших» регионов) Определены ранги выбранных регионов по всем остальным показателям, проведено сопоставление. На основании значений показателей по всем регионам РФ определены также коэффициенты корреляции.

Результаты и обсуждения. Под ожидаемой продолжительностью здоровой жизни (ОПЗЖ) понимают показатель, для расчета которого ожидаемая продолжительность жизни корректируется на состояние здоровья индивида. Данный индикатор представляет собой промежуток времени (годы, месяцы, дни), в течение которого, как ожидается, индивид будет обладать определенным состоянием здоровья, при неизменном уровне смертности и заболеваемости. В основе ОПЗЖ лежат возрастные показатели смертности и состояние здоровья человека.

Приказом от 25 февраля 2019 г. № 95 утверждена методика расчета ОПЗЖ. Она базируется на методике, предложенной Даниэлем Ф. Салливаном в 1971 году и используется национальными статистическими службами разных стран и Всемирной организацией здравоохранения. В основе метода используются данные таблиц смертности, а также данные выборочных наблюдений о состоянии здоровья населения. В 2019 г. Росстат впервые представил данные по показателю ОПЗЖ в разрезе регионов.

В 2019 году Росстат также впервые подсчитал долю граждан, которые в течение года вели здоровый образ жизни (ЗОЖ). Основными пятью официальными условиями ЗОЖ стали отсутствие курения; потребление овощей и фруктов ежедневно в количестве не менее 400 г.; адекватная физическая активность (не менее 150 минут умеренной или 75 минут интенсивной физической нагрузки в неделю); нормальное потребление соли (не выше 5 г в сутки); употребление алкоголя не более 168 г чистого спирта в неделю для мужчин и не более 84 г для женщин.

Публикация указанных официальных данных по субъектам РФ позволила произвести сопоставление показателей ОПЗЖ и доли граждан, ведущих ЗОЖ, а также ряда других показателей, характеризующих здоровье населения и определить степень корреляционной зависимости между ними.

ОПЗЖ россиян в 2019 году составила 60,3 года. Самые высокие значения отмечены в Республике Ингушетия – 67,2 года, далее следует Республика Дагестан – 66,2, Чеченская Республика – 66,1, Республика Татарстан – 65,4 и город Москва – 65,1.

Самые низкие показатели ОПЗЖ отмечаются у жителей Чукотского автономного округа - 49,1 года, Еврейской автономной области – 53 года, Брянской области, Ростовской области и Ненецкого автономного округа - 55,7 лет (Таблица 1).

Показатель, характеризующий долю граждан, которые вели здоровый образ жизни, появился впервые в федеральном плане статистических работ в конце 2018 года. Опрос проводился в августе 2019 года в 60 тыс. домохозяйств, среди всех членов домохозяйств. В нем приняли участие более 131 тыс. человек, из них 56% - женщины и 44% - мужчины.

Наиболее высокая доля людей, ведущих здоровый образ жизни, в 2019 году зафиксирована в Республике Ингушетия - 48,8%. На втором месте Республика Крым с 29,2%, на третьем – Республика Адыгея с 28,8%, четвертую и пятую позицию заняли – Чувашская Республика и Воронежская область с 24,7% и 24,2% соответственно.

Аутсайдером по количеству населения, которое придерживается ЗОЖ, стали Чукотский автономный округ - 0,4%. В пятерку с наименьшими показателями также вошли Республика Тува с 1,1%, Ненецкий автономный округ (2,1%), Хабаровский край (2,2%) и Забайкальский край (3,3%).

В целом отмечается очень высокий разброс значений по субъектам РФ практически по всем показателям:

-смертность общая (на 1000 населения)– от 2,9 до16,9;

-смертность стандартизированная (на 100 000 населения) - от 445,1 до 1574,7;

-ожидаемая продолжительность здоровой жизни от 49,1 года до 67,2 лет;

-ожидаемая продолжительность жизни – от 67,57 лет до 83,41 года;

-уровень общей заболеваемости взрослого населения (на 100000 взрослого населения) от 86515,9 до 255001,2;

-уровень общей заболеваемости населения старше трудоспособного возраста (женщины старше 55 лет, мужчины – старше 60 лет) (на 100000 населения соотв. возраста) от 125746,8 до 329823,1;

-доля лиц, ведущих здоровый образ жизни от 0, 4%до 48,8 %.

Значения и ранговые места рассматриваемых субъектов РФ по показателям ОПЗЖ, ОПЖ, доли лиц, ведущих ЗОЖ, общей и стандартизированной смертности, заболеваемости взрослого населения и населения старше трудоспособного возраста представлены в таблицах 1-3.

Таблица 1-Значения и ранговые места рассматриваемых субъектов РФ по показателям ОПЗЖ, ОПЖ, доли лиц, ведущих ЗОЖ

Субъект РФ	Уровень ОПЗЖ (в годах)	Рейтинг по ОПЗЖ	ОПЖ (в годах)	Рейтинг по ОПЖ	Доля лиц,вед.ЗОЖ (в%)	Рейтинг по ЗОЖ
Республика Ингушетия	67,2	1	83,41	1	48,8	1
Республика Дагестан	66,2	2	79,1	2	13,2	33
Чеченская Республика	66,1	3	75,9	7	10,4	45
Республика Татарстан	65,4	4	75,03	10	14,8	27
Г.Москва	65,1	5	78,36	3	8,8	53
Брянская область	55,7	83	72,31	51	5,5	73
Орловская область	55,7	84	72,56	45	7,1	62
Ненецкий автономный округ	55,7	85	73,19	32	2,1	85
Еврейская автономная область	53	86	68,08	85	11,5	38
Чукотский автономный округ	49,1	87	68,09	84	0,4	87

(вектор ранжирования – от большего к меньшему)

Как видно из таблицы, высокие показатели ОПЗЖ в субъекте РФ далеко не всегда сочетаются с высокими показателями ОПЖ, а оба эти показателя – с долей лиц, ведущих здоровый образ жизни.

Сопоставление выбранных регионов по показателям смертности общей, стандартизированной (по возрасту) и ОПЖ также не дают однозначного синхронного результата по ранговым местам.

В целом, по всем регионам РФ коэффициент корреляции между показателями ОПЗЖ и:

- долей лиц, ведущих ЗОЖ составил 0,3303 (слабая положительная корреляция);

-показателями ОПЖ составил 0,6629 (средняя положительная корреляция);

-показателями общей смертности составил — 0,3012 (слабая отрицательная корреляция);

-показателями заболеваемости взрослого населения составил 0,3301 (слабая положительная корреляция);

Таблица 2-Значения и ранговые места рассматриваемых субъектов РФ по показателям общей смертности, стандартизированным показателям смертности и ОПЖ

Субъект РФ	Смертность (на 1000 нас.)	Ранговое значение	Стандартизированный показатель смертности	Ранговое значение	ОПЖ (в годах)	Ранговое значение
Республика Ингушетия	2,9	1	445,1	1	83,41	1
Республика Дагестан	4,7	4	617,0	2	79,1	2
Чеченская Республика	4,3	2	867,0	8	75,9	7
Республика Татарстан	11,0	17-19	879,1	9	75,03	10
Г.Москва	9,6	13	644,3	3	78,36	3
Брянская область	14,7	72	1041,7	52	72,31	49
Орловская область	15,4	80	1067,8	60	72,56	44
Ненецкий автономный округ	8,5	9	883,6	11	73,19	31
Еврейская автономная область	14,2	65	1257,7	85	68,08	84
Чукотский автономный округ	9,2	11	1574,7	87	68,09	83

(вектор ранжирования – от меньшего к большему)

Таблица 3-Значения и ранговые места рассматриваемых субъектов РФ по показателям общей заболеваемости и заболеваемости старше трудоспособного возраста

Субъект РФ	Общая заболеваемость (на 100 тыс. нас.)	Ранговое значение	Заболеваемость старше труд возраста (на 100 тыс. нас)	Ранговое значение
Республика Ингушетия	104643,1	4	166946,9	18
Республика Дагестан	125669,5	19	177994,6	25
Чеченская Республика	108128,8	6	157563,7	10
Республика Татарстан	144142,9	36	189403,0	38
Г.Москва	124760,1	18	181623,9	29
Брянская область	149723,1	46	181130,7	27
Орловская область	192993,8	80	226078,8	69
Ненецкий автономный округ	192322,9	79	329823,1	85
Еврейская автономная область	91963,5	2	127841,1	3
Чукотский автономный округ	147982,0	41	159032,0	14

(вектор ранжирования – от меньшего к большему)

-показателями заболеваемости населения старше трудоспособного возраста составил 0,3116 (слабая положительная корреляция).

Сопоставление выбранных регионов по показателям заболеваемости взрослого населения, в том числе населения старше трудоспособного

возраста также демонстрирует практическое отсутствие связи с показателем ОПЗЖ. Известно, что низкий уровень зарегистрированной заболеваемости как у взрослого населения в целом, так и у лиц старше трудоспособного возраста, может свидетельствовать не только о реальном состоянии здоровья контингентов, но и отражать проблемы в организации медицинской помощи на уровне первичного звена, в частности, низкую выявляемость, дефекты учета и регистрации заболеваний.

Вместе с тем, возникает вопрос об информационной значимости и корректности используемого методологического подхода при оценке ОПЗЖ и доли граждан, ведущих ЗОЖ, если значение этих показателей практически не связаны между собой. Аналогичный вопрос касается сопоставления показателей ОПЗЖ и других показателей, характеризующих состояние здоровья населения. Требует также решения вопрос о взаимосвязи ОПЗЖ и уровней зарегистрированной заболеваемости: если фиксируется пусть и слабая, но положительная корреляционная связь, и в среднем на одного человека приходится более одного заболевания (с учетом острой патологии) должны ли показатели заболеваемости учитываться при расчете показателя ОПЗЖ и каким образом? Представляется, что ответы на поставленные вопросы помогут объективизировать и усилить информационную поддержку предпринимаемых в регионах управленческих решений, повысив эффективность выбираемых в рамках реализации нацпроектов стратегических, тактических решений и планируемых мероприятий.

Выводы.

Высокий разброс значений идентичных показателей по регионам, отсутствие значимых корреляционных зависимостей между логически связанными показателями требует дополнительного исследования причин такой ситуации, включая, в ряде случаев оценку самой методики (доля лиц, ведущих ЗОЖ, показатель ОПЗЖ).

Оценка эффективности реализации мероприятий по охране здоровья населения региона должна проводиться по широкому комплексу показателей, при этом субъективные компоненты оценок должны максимально объективизироваться.

Выявленный высокий разброс значений идентичных показателей по регионам позволяет, при должном определении его причин, использовать резерв «выравнивания», т.е. тиражирования лучших практик, как инструмента достижения общих задач.

Список литературы

1. Здравоохранение в России. 2019: Стат.сб./Росстат. М., 2019. 170 с.
2. Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2018 году` 2019: Стат. справочник/ Минздрав России. М., 2019. 253 с.

СЕКЦИЯ 5

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕМОГРАФИЯ

УДК 314.72
Габдрахманов Нияз Камилевич
к.г.н., доцент, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Масштабы и перспективы образовательной миграции в России в условиях распространения коронавирусной инфекции

Аннотация. *Образовательная миграция формирует постоянные потоки населения, которые обуславливают перераспределение молодежи в пространстве и формируют предпосылки социально-экономического развития регионов России. Пандемия оказала влияние на все без исключения сферы жизнедеятельности человека, в том числе образование. В данной статье мы пытаемся дать оценку последствий пандемии на образовательную миграцию молодежи в помощью анализа их подписок в социальной сети «ВКонтакте». Первичные результаты показали сокращение интереса молодежи к официальным университетским интернет-сообществам, как в целом по России, так и к сообществам, которые расположены в других регионах. В тоже время нами были выявлены региональные различия в таком поведении, что косвенно может свидетельствовать о снижении интереса молодежи к высшему образованию в ряде регионов, которые в большей степени пострадали от коронавируса, и о наличии изменений образовательной траектории молодежи.*

Ключевые слова: *образовательная миграция, молодежная политика, население, региональные различия, социальные сети, цифровой след.*

Миграционный контекст в распространении коронавируса чаще рассматривается через призму трудовой миграции. Однако не меньшее влияние он может оказать на образовательную миграцию молодежи, не только международную, но и межрегиональную внутри России. По данным официальной статистики этот процесс набирает обороты, в результате чего происходит активно перемещение молодежи из периферии в центр [2].

Российская система высшего образования характеризуется высокой внутрирегиональной и межрегиональной мобильностью, меньше международной. Все уровни мобильности оказались под угрозой, так как студентам было рекомендовано освободить общежития и вернуться по месту постоянного места жительства. Наибольшее количество иногородних студентов концентрировалось в крупнейших образовательных центрах:

Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Казани, Екатеринбурге и ряде других, где доля иногородних студентов достигала почти половину. Студенты, которые снимали жилье, так же решили вернуться домой, так как арендовать жилье теряло всякий смысл. При этом доходы многих их них значительно сократились.

Ряд исследователей выделяет возвратную миграцию, как один из ключевых факторов распространения коронавируса в регионы России [7]. Студенты вузов в том числе могли выступать носителями вируса, так как у молодежи болезнь могла протекать абсолютно бессимптомно. Если на первом этапе распространения коронавируса сыграло транзитное положение крупных авиахабов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и т.д.), то на втором этапе распространение было обусловлено в большей степени личными контактами с родственниками и знакомыми на малой родине [6].

Пандемия коронавируса COVID-2019 стала серьёзным вызовом для многих сфер деятельности человечества, система образования не стала исключением. В этой связи стоит говорить не только об ограничениях, но и возможностях, которые открылись как со стороны обучающих, так и со стороны обучающихся. Ситуация неопределённости продолжает сохраняться, а последствия коронавируса во многом несут отложенный характер и вероятно будут оказывать воздействие на систему образования ближайшие несколько лет. Сложившаяся ситуация позволяет говорить как о краткосрочных последствиях кризиса, так и долгосрочных. Текущая ситуация до сих пор не дает полного понимания, что произойдёт с системой высшего образования в будущем и каких последствий стоит ожидать. Единственное что можно сказать с уверенностью, что кризис дал мощный толчок для развития он-лайн образования.

Проведенные ранее исследования показывают, что больше остальных, от подобных внешних факторов, страдают города с высокой плотностью и численностью населения. Это обусловлено большим количеством контактов между людьми. Таким образом, городские агломерации страдают в большей степени, как от вынужденного социального дистанцирования, так и экономических потерь. Еще одной важной особенностью в контексте нашего исследования является высокая концентрация образовательных учреждений в подобных крупных городах. Как показывают наши исследования именно в городах миллионниках, с высокой плотностью населения расположено большинство вузов России.

С одной стороны удаленный формат работы, сокращение рабочих мест в сфере обслуживания и ряд других факторов сформировал предпосылки для возвратной миграции, в тоже время закрытие предприятий и сокращение мест труда в регионах могут усилить отток молодежи из периферии в центр. Ряд исследователей предполагает, что кризисные явления, особенно после снятия ограничений на передвижение после прохождения пика пандемии, подстегнут рост внутренней миграции, что в масштабах страны будет приводить к более быстрому обезлюдению Сибири и Дальнего Востока. Как известно этот вызов имеет долгосрочную природу [4].

Образовательная миграция приводит к перераспределению человечного капитала между странами (чаще называемым «утечка мозгов») и регионами (межрегиональная миграция молодежи). Судя по существующим прогнозам, будет продолжаться частичная компенсация эмиграции высококвалифицироанных работников из России за счёт перетока талантливой и образованной части населения из постсоветских стран, прежде всего молодежи, в том числе за счёт учебной миграции [1]. Однако существующие в данный момент ограничения не вселяют оптимизма в представлениях ректоров на этот счет. Закрытие границ стран оказала серьезное давление на авиасообщения между странами и перемещение граждан, в том числе с образовательной целью. Пока их планы на интернационализацию весьма скромные и в лучшем случае они планируют сохранить текущие показатели.

Такая компенсация не сможет целиком возместить потери России от «утечки мозгов», небольшого всплеска, которой можно ожидать в краткосрочном периоде, в основном из-за сужения окна возможностей для молодёжи в условиях социально-экономического кризиса в России.

Перемещения с целью получения образования всегда накладывали дополнительные финансовые издержки на семьи и на фоне сокращения рабочих мест и реальных доходов населения возникают риски сокращения образовательной мобильности молодежи не только в международном масштабе, но и межрегиональном. При этом стоит учесть, что, как правило, деньги на образование детей – это накопленные средства, следовательно, реакцию от пандемии мы увидим в результатах приемной кампании российских университетов в последующем, так как она имеет накопленный эффект. Роль образовательной миграции остается существенным фактором социального-экономического развития регионов России.

Первые результаты социологических опросов [3] свидетельствуют о сохранение ориентации молодежи на получение высшего образования, примерно 80% выпускников 11 класса планируют поступать в университеты. Если до пандемии около 40% выпускников школ поступала в вузы другого региона, то вероятно в этом году и последующих картина может измениться и меньшее количество выпускников и их родителей найдут возможности для этого. Хотя предварительные итоги ряда вузов говорят об обратной картине [5], доля студентов из регионов становиться больше и они более осознанно делают свой выбор.

В связи с тем, что официальных данных об итогах приема 2020/2021 учебного года пока нет, мы можем лишь предполагать о намерениях выпускников школ продолжать образовательный трек и поступать в высшее учебное заведение. Тем не менее, существует множество других индикаторов, которые косвенно свидетельствуют о намерениях выпускников школ продолжить академический трек.

Одним из таких источником информации, который мы активно используем в своих исследованиях, являются данные социальных сетей. Этот источник данных имеет большой охват среди молодежи, что

обеспечивает репрезентативность получаемых результатов. Как известно наиболее популярной социальной сетью среди молодежи является «ВКонтакте». Все больше абитуриентов получают необходимую им информацию о процедуре поступления, необходимых документах и тд. в интернете, на официальной странице университета, в том числе в социальных сетях. Практически у каждого университета, есть своя официальная группа в социальных сетях, где можно получить необходимую информацию. Поэтому в силу большой популярности данного ресурса, мы попытались оценить насколько изменилась аудитория официальных групп, активность среди выпускников школ, с помощью оценки количества подписок на официальные страницы университетов в социальных сетях. При этом мы оценили общую ситуацию в стране и в регионах в частности.

Проводя исследования образовательных треков молодежи было сформулировано две основные гипотезы последствий коронавируса:

1. Доля выпускников 11 класса ориентированных на поступление в вуз сокращается;

2. Доля выпускников 11 класса ориентированных на поступление в вуз, расположенном в другом регионе, сокращается.

Для подтверждения или опровержения данной гипотезы были выгружены сведения среди целевой аудитории (выпускников 11 класса) из социальной сети «ВКонтакте», содержащих данные за 2019 и 2020 годы. Рассчитанный на основании этих данных индекс содержит следующие сведения:

- среднее количество подписок, приходящееся на одного учащегося;
- среднее количество подписок на сообщества своего региона, приходящееся на одного учащегося 11 класса;
- среднее количество подписок на сообщества другого региона, приходящееся на одного учащегося 11 класса.

Предварительный анализ полученных данных показал, что выпускники школ начали меньше подписываться на официальные группы университетов в социальной сети сообществам вузов, в среднем по РФ на 37%. Почти в два раза сократилось количество подписок на университетские сообщества в Пензенской, Омской, Ростовской, Воронежской, Тюменской областях, Республике Чувашия и Калмыкия, Приморском крае. Гипотетически эти сведения говорят о снижение интереса у выпускников школ к высшему образованию.

На 42% сократился интерес выпускников школ на официальные сообщества университетов в родном регионе и на 32 % на сообщества вузов пас положенных в другом регионе. Интерес к местным университетским сообществам вырос в Республике Алтай, Кемеровской, Орловской, Псковской, Смоленской областях. В тоже время в ряде регионов интерес к вуза, расположенных в другом регионе вырос: республика Адыгея, Дагестан, Забайкальский край, Карелия, Орловская, Псковская и Тамбовская область.

Резюмируя вышесказанное стоит отметить, что это не единственный шок, который сотрясает экономику, мы хорошо помним последствия экономического кризиса 2008 и 2014 гг. Вместе с тем последствия кризиса 2020 года могут быть значительно серьезнее, масштабнее так как ухудшение экономической конъектуры сопровождалось пандемией. Практики использования дистанционного образования в российских вузах по прогнозам также будут продолжены, что позволит получить образование в образовательных центрах без физического переезда. В связи с изменениями в организации учебного процесса (увеличение доли дисциплин, проводимых в дистанционном режиме, освобождением общежитий, учебных корпусов, нагрузки на IT инфраструктуру и т.д.), а также в связи с потерей дохода (большинство студентов, которые активно совмещали работу с учебой в сфере услуг) формирует предпосылки для трансформации представления об обучении за пределами родного региона. Учебная миграция из постсоветских стран (миграционных доноров России) будет нарастать, и в этом потоке станут более заметны учебные мигранты в российские образовательные учреждения среднего профессионального образования, выпускники которых имеют хорошие перспективы трудоустройства в России [4].

В целом нельзя полностью исключить роль пандемии в образовательном треке молодежи. Внешние факторы среды, которые могут оказать воздействие: финансовые возможности, эпидемиологическая ситуация, социальное самочувствие, внутренняя готовность к переезду. Как правило, в условиях неопределенности и повышенного риск индивиды откладывают решение о переезде в другой город, регион и тем более страну, так как это влечет дополнительные издержки (финансовые, социальные и др.). Увеличение количества академических часов, которые будут проводиться в дистанционном режиме формирует основания для двух гипотез. Во-первых расширения географии обучающихся, во-вторых отсутствие необходимости находится непосредственно в регионе, где располагается университет. Эти гипотезы оказывают непосредственное влияние на трансформацию образовательной миграции. В настоящее время развивается много дискуссий о том, в каком формате будет проходить обучение в новом учебном году. Однако с уверенностью можно сказать, что оно будет другим.

Список литературы

1. Габдрахманов Н. К. Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности // Географический вестник. 2020. Т. 1. № 52. С. 96-107

2. Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея…»: образовательная миграция молодежи в РФ. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019

3. Груздев Иван «Большинство идет в вуз: коронавирус несильно повлиял на планы выпускников» // Сайт НИУ ВШЭ 13 июля 2020 года (https://www.hse.ru/news/admission/378890381.html?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=bolee-80-vypusknikov-rossiyskih-shkol-pl)

4. Дмитрий Полетаев «Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции?» // Сайт РСДМ, 7 сентября (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/)
5. Кадочников С.М. «В условиях неопределенности абитуриенты выбирают вузы с репутацией» // Сайт НИУ ВШЭ 1 сентября 2020 года (https://spb.hse.ru/news/395786015.html?fbclid=IwAR2hPkNTsskQAg-jXq74sLkJsAdmLT_FhXsTiF8ZfKWdemVevs-WM2Y0Mxo)
6. Кашницкий И., Барчук А. «Эпидемию коронавируса ждут в больших городах. Но основной удар может прийтись на «стареющие» регионы», статья на сайте Meduza.io, 30.03.2020.
7. Михайлова Т., Валсеки М. Внутренняя миграция и вирус COVID-19 // Экономическая политика во времена COVID-19, стр.26-32 https://www.nes.ru/files/COVID19(21apr2020).pdf

УДК 314.01:378

Зайцева Анна Михайловна
к.э.н., доцент кафедры национальной и региональной экономики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, Донецкая Народная Республика
Закотнюк Оксана Леонидовна
к.э.н, ст.преподаватель кафедры национальной и региональной экономики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, Донецкая Народная Республика
Ефимова Анна Юрьевна
старший преподаватель кафедры национальной и региональной экономики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Формирование интереса к демографии в процессе профессиональной подготовки молодежи

Аннотация. *Актуальными в настоящее время являются проблемы формирования количественного и качественного социума на уровне государства. Здоровое молодое поколение с активной гражданской позицией – основа социально-экономического прогресса. Поэтому целью данного исследования является комплексное изучение процесса формирования активной гражданской позиции у молодежи путем изучения и практического применения демографии при создании научных сообществ, туристических клубов и различных проектов на уровне региона и государства. В статье проанализированы практические подходы и реализуемые проекты в профессиональных образовательных учреждениях*

на примере студенческого научного географического общества (г. Донецк, ДНР) и проект «Приморский барс» (г. Уссурийск, Приморский край, РФ). Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в обосновании необходимости создания различных научных сообществ и клубов демографической направленности, которые повышают эффективность профессиональной подготовки молодежи.

***Ключевые слова**: демография, молодежь, научное сообщество, гражданская позиция, туристический клуб.*

При оценивании демографической ситуации любой страны важным аспектом является изучение закономерностей воспроизводства её населения – смены поколений в результате его естественного движения. Длительный период времени Российская Федерация находилась в состоянии демографического кризиса, который в своей истории прошел несколько этапов развития. Для более эффективного преодоления кризисной ситуации на современном этапе необходимо, по нашему мнению, вовлечь молодежь в изучение демографических процессов: миграция населения, рождаемость, репродуктивное поведение, смертность, средняя ожидаемая продолжительность жизни, демографическая политика и прогнозирование.

Проблемы народонаселения и формирование качественного репродуктивного слоя изучал советский социолог, экономист Д.И. Валентей. Весомый вклад в развитие отечественной демографической науки внёс А.Я. Боярский – советский экономист-статистик. Предложенные им методы статистических расчётов активно используются в современных научных демографических исследованиях. Среди статистиков-современников демографическими исследованиями Российской Федерации занимались Антонов А.И. [1], Борисов В.А., Залунин В.И. В их работах одними из первых описывается современный этап демографического кризиса в России.

Демография как учебная дисциплина крайне редко встречается в профессиональной подготовке молодежи, даже по экономическим и социальным направлениям. Чаще обучающиеся сталкиваются с демографической тематикой в таких дисциплинах: «Региональная экономика и управление», «Экология», «Экономическая и социальная география», «Государственное регулирование занятости», «Социальная политика», «Стратегическое управление человеческими ресурсами». Поэтому актуальным трендом в рамках воспитательного процесса молодежи в образовательных учреждениях является создание обществ и клубов. Такая деятельность позволяет на регулярной основе вызвать интерес к демографии как науке и сформировать активную гражданскую позицию в процессе профессиональной подготовки молодежи в образовательных учреждениях.

В 2019 году на базе кафедры национальной и региональной экономики экономического факультета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» начало свою работу Студенческое Научное Географическое Общество. На сегодняшний день количество участников СНГО составляет более 80 человек. Это добровольное объединение учащихся школ ДНР,

студентов и молодых ученых, созданное для творческого формирования учащейся молодежи, стремящейся совершенствовать свои знания в определенной области науки, техники и производства, развивать свой интеллект, приобретать умения и навыки научно-исследовательской и проектно-опытной деятельности под руководством ученых, педагогов и других специалистов. Основными задачами СНГО являются [2]:

– создание условий для всесторонней реализации научных инициатив в области демографии, геологии и географии для научной молодежи ДНР;

– создание информационных, материальных и организационных баз реализации инициатив членов СНГО;

– организация и проведение научных конференций школьников, студентов, аспирантов и молодых ученых, научных семинаров, круглых столов и иных форм деятельности;

– обеспечение поощрения выдающихся представителей научной молодежи.

Работа СНГО осуществляется в трех основных формах: массовая, индивидуальная и групповая работа (рис. 1).

Рис. 1. Основные формы работы СНГО

Создание туристических клубов может осуществляться по направлениям: познавательному, социальному, экологическому, спортивному и другим. В общепринятом сознании понятие «туризм» ассоциируется со спортом: формируются клубы, проводятся слеты, сборы, соревнования. Курируют это направление обычно руководители и преподаватели физической культуры, безопасности жизнедеятельности. Экологический и познавательный туризм, как активная форма рекреации, с одной стороны прививает экологическое мышление и культуру, а с другой, способствует социальной адаптации и личностному самосовершенствованию подростков. Это направление, как правило, поддерживают преподаватели географии, истории.

Безусловно, направление и специфика туристического клуба зависят от личностных приоритетов организатора: тематика маршрутов может быть историко-археологическая, эколого-натуралистическая, краеведческо-патриотическая, спортивно-оздоровительная, познавательная, рекреационная и другие. Программа клуба может включать одно либо несколько направлений. Важна цельность и системность деятельности клуба, поскольку только в этом случае, можно сформировать преемственность традиций, самоуправление и четко координировать организацию. Важен вопрос финансовой поддержки клуба, т.к. кружковая работа на добровольных началах, основанная на инициативе организатора – форма, которая не гарантирует долговременное существование клуба, а главное его развитие в современных формах.

Еще одним актуальным направлением формирования активной гражданской позиции у молодежи является социальный туризм, который предусматривает походы выходного дня, пешие экскурсии, участие в туристических слетах. Он играет значительную роль для социально незащищенных категорий, например, сирот, проживающих далеко от дома (в общежитии), малообеспеченных детей. Преимуществом развития такого вида туризма является высокий потенциал адаптации обучающихся, уменьшение фактора девиантного поведения и успешная социализация среди сверстников.

В последнее время в педагогическом процессе применяется уже ставшая традиционной формой организации воспитательной работы – проектная деятельность. Команды туристических клубов являются участниками различных по временному диапазону и тематическим направлениям проектов. Популярные формы в настоящее время – квесты, экспедиции, конференции, активные семинары-тренинги, слёты молодёжи.

Примером активного вовлечения российской молодежи в изучение демографии является туристический проект «Приморский барс», созданный в 2001 году Берсеневым О.П. на краевом уровне. В результате проекта участники покоряют 10 вершин, расположенных в различных районах Приморского края, затем обосновывают для комиссии фото- и маршрутные листы. Анализ данных по материалам официального сайта федерации

спортивного туризма [3], позволяет сделать вывод о растущей популярности проекта, причем с 2017-го года – значительной (рис. 2).

Статистико-демографический анализ позволил выявить, что за 11 лет существования проекта 162 (72%) участника совершили походы самостоятельно, 62 (28%) – в составе туристических организаций – клубов, фирм, компаний. Мужчины в походах составили 54%, а 46% – женщины. Возраст старшего участника – 78 лет, а младшего – 11 лет. Расчет среднестатистического возраста успешно завершивших проект участников показывает, возраст 40-45 лет, причем наблюдается тенденция к семейным восхождениям с участием детей, подростков [4].

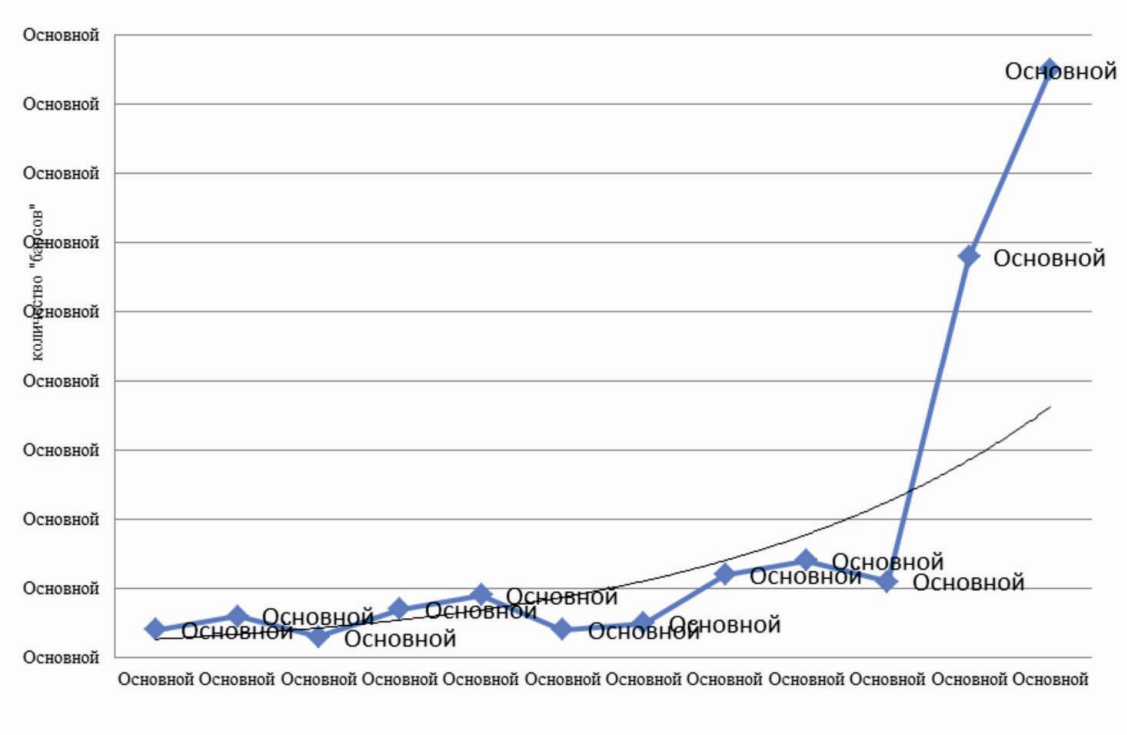

Рис. 2. – Динамика активности проекта «Приморский барс»

Успешная апробация данного проекта в профессиональном образовательном учреждении подтверждает его востребованность. Он удачно вписывается в стратегию развития профессиональных образовательных учреждений, что способствует формированию наиболее продуктивной демографической прослойки – молодежи по ряду причин. Студент, вовлеченный в активный воспитательный процесс гармонично адаптируется: усиливается социализация, двигательная активность, что облегчает психо-соматическое состояние подростка. Заметны повышения успешности обучения и развития аналитических способностей студентов-участников по результатам научно-практических конференций и конкурсов.

Пример подобного проекта, как основа может существовать в различных формах: в условиях Донецких степей – это может быть привязка к заповедным территориям 10 уникальных ландшафтных мест. Еще одним возможным вариантом трансформации идеи проекта может быть

составление полного каталога 10-ти потенциальных туристических объектов, где участник должен побывать. Студенческое научное географическое общество осуществляет статистико-демографический и социально-экономический анализ проекта. Кроме того, проект может быть успешно реализован во временных рамках периода обучения. Разумеется, речь идет о равномерной систематической работе, а не походах на скорость за минимальный период. Наиболее удачным временем для походов, как в горы Приморья, так и в степи Донецкого края является ранняя осень и весна. Что касается социально-экономических и рекреационных объектов – временной диапазон не ограничен.

Таким образом, качественное преобразование социума является стратегической задачей демографической политики государства, а формирование у молодежи активной гражданской позиции напрямую зависит от эффективной деятельности молодежных объединений в образовательных учреждениях, в которых реализуется молодежная инициатива, стремление молодых людей к участию в жизни социума, к реализации собственных интересов и потребностей. Уровень развития социальной активности, ее интенсивность зависит от позиции человека по основному виду деятельности, в которую он включен как гражданин. Именно в результате этой основной деятельности происходит овладение социально важными обязанностями, завоевывается престиж, определяется самооценка, накапливается опыт коллективных отношений. Наиболее успешными в данном направлении являются вовлечение студентов в проекты, работу студенческого научного географического общества и создание туристического клуба.

Список литературы

1. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и возможности его преодоления в России / А.И. Антонов // Демография, 27.03.2016. С. 10-12.

2. Студенческое научное географическое общество ДонНУ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/ssgs_geographers.

3. Официальный сайт Городской федерации спортивного туризма. Приморский барс [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://gfst-vl.ru/primorsky-bars.

4. Закотнюк О.Л. Туризм в воспитательном процессе среднего профессионального образования Приморья: вызовы и преимущества / О.Л. Закотнюк // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2020. С. 172-176.

УДК 314.174
Ионова Наталья Владимировна
к.г.н., заведующий кафедрой географии, регионоведения и туризма, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» г. Новосибирск, Россия

Демографическая ситуация как фактор устойчивого развития региональной системы образования (на примере Новосибирской области)

Аннотация. *В статье на основе данных из официальных отчетов Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области рассмотрено влияние ключевых показателей демографической ситуации на формирование региональной системы образования, в том числе в контексте концепции устойчивого развития. В настоящее время сокращение показателей рождаемости, асимметрия в половой и возрастной структуре населения области на фоне достаточно высокой смертности, в том числе в трудоспособном возрасте и положительного миграционного прироста в течение длительного времени оказывают существенное влияние на структуру, состав и тенденции развития Новосибирской системы образования. Отмечается, что динамика демографических показателей неизбежно приводит к необходимости трансформации не только процесса организации, в том числе образовательных технологий, методов и приемов обучения, но и содержания образования.*

Целью исследования является определение роли демографического фактора в обеспечении устойчивого развития региональной системы образования. Для выявления характера влияния демографического фактора на развитие региональной системы образования в контексте концепции устойчивого развития автором была осуществлена систематизация и аналитический метод с использованием системы статистических показателей, отражающих состояние системы образования Новосибирской области и демографической ситуации в регионе на основе официальных отчетов Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что демографический фактор является одним из ведущих факторов, определяющих возможность развития системы образования на региональном уровне особенно в условиях реализации концепции устойчивого развития.

Ключевые слова: *демографическая ситуация, население, человеческий капитал, регион, устойчивое развитие, региональная система образования, футуризация, образование для устойчивого развития.*

В современных условиях все более очевидным становится, то, что ключевой целью становления человеческого общества выступает реализация принципов концепции устойчивого развития, которые были существенно расширены в содержании Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года, принятой в 2015 году [2; 10]. Причем развитие мирового сообщества возможно лишь в условиях перехода к так называемому образованию для устойчивого развития. Этот процесс преобразования системы образования призван обеспечить все аспекты устойчивого развития: экологические, экономические и социальные [9].

Ведущая роль в формировании новой культуры на региональном, национальном и мировом уровнях принадлежит именно образованию, основой которого должны стать системный и деятельностный подходы, способствующие установлению и раскрытию причинно-следственных связей. В условиях реализации концепции устойчивого развития образовательный процесс должен носить опережающий характер, а, следовательно, возрастает роль таких образовательных методов как моделирование, мониторинг, прогнозирование и интерактивных образовательных технологий как, например, проектная деятельность, кейс-технологии и др. В итоге это должно привести к трансформации стратегии мышления человечества.

Однако для успешного осуществления перехода от традиционного к опережающему образованию (рис. 1) повышаются «требования» к образовательным возможностям людей (человеческого потенциала), к характеристикам человеческого капитала ориентированного на непрерывное образование в режиме опережения. В связи с этим демографическая ситуация (ДС) выступает необходимым условием эффективной реализации данного перехода, а поскольку ДС не является статичной характеристикой населения, то трансформация ее показателей преобразует ДС в ранг фактора.

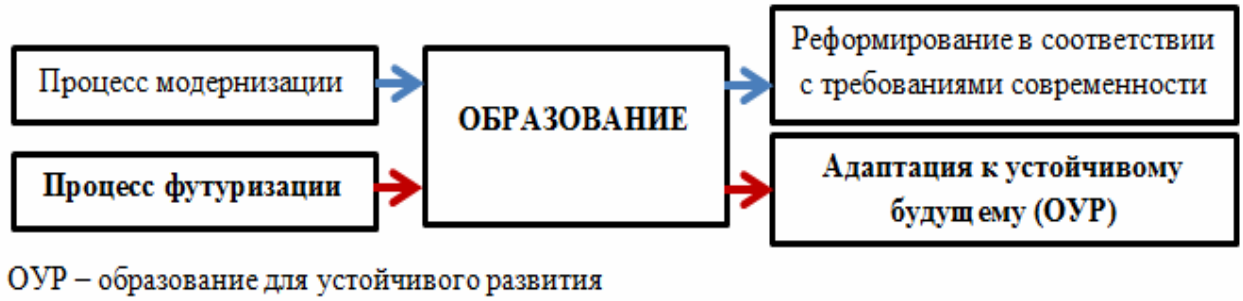

Рис. 1. Направления трансформации образования Составлено по: [9]

На территории Новосибирской области (по данным на 1 января 2020 г.) проживало 2 798,2 тыс. человек, что составило 16,3% численности населения Сибирского федерального округа и 1,9% населения Российской Федерации. Новосибирск – третий по численности населения город в России, самое крупное муниципальное образование в РФ с численностью населения – 1 618,04 тыс. человек, что составляет 57,9% (для справки: в 2010 г. – 53,2%) от всей численности населения области и 73,2% населения от

числа городских жителей области [5]. Всего за 9 лет доля населения областного центра увеличилась на 3%. В городских поселениях области проживает 2 210 тыс. человек (79,1%; в 2010 г. их доля составляла 75,6%), в сельской местности – 583,2 тыс. человек (20,9%; в 2010 г. доля жителей составляла 24,4%). За 18 лет (с 1990 по 2008 гг.) численность населения области сократилась на 99 тыс. человек [8]. Начиная с 2009 г. отмечается положительная динамика роста численности населения области (на 155,5 тыс. чел. с 2009 по 2019 гг., т.е. на 5,9%). Увеличение числа жителей области в основном происходило за счет притока мигрантов.

Таким образом, отмечается усиление территориальной концентрации населения в городских поселениях, в частности в г. Новосибирске, и напротив сокращение численности сельского населения.

Устойчивое значение суммарного коэффициента рождаемости, равное 1,6 в Новосибирской области (как и в РФ), свидетельствует об активном распространении 1–2-детных семей, что приводит к ограничению роста показателя рождаемости, который отмечается с 2004 г. несмотря на вхождение в фертильный возраст многочисленной женской когорты второй половины 80-х гг. XX века. Ситуацию усугубляет сокращение заключаемых браков, асимметрия возрастной и половой структур населения. Все это негативно сказывается на процессах воспроизводства населения. С 2012 г. отмечается рост показателя рождаемости и восстановление положительного естественного прироста, однако на очень не продолжительный период – с 2017 г. вновь фиксируется естественная убыль населения [1].

Соотношение полов также играет существенную роль в процессах естественного движения населения (табл. 1). С 90-х гг. XX в. усилилась тенденция превышения численности женщин над численностью мужчин в Новосибирской области.

Таблица 1-Динамика основных демографических показателей Новосибирской области (2001, 2005, 2018 гг.)

Показатель	2001	2005	2018
1	*2*	*3*	*4*
1. Численность населения – всего, тыс. чел.	2 730,5	2 662,3	2 793,3
в том числе:			
городское, тыс. чел.	2 016,6	1 998,6	2 210,1
сельское, тыс. чел.	713,9	663,7	583,2
мужчины, тыс. чел.	1 277,6	1 230,9	1 300,1
женщины, тыс. чел.	1 452,9	1 431,4	1 493,2
трудоспособного возраста, тыс. чел.	1 688,5	1 695,4	1 555,9
моложе трудоспособного возраста, тыс. чел.	483,2	424,7	528,1
старше трудоспособного возраста, тыс. чел.	558,8	542,2	698,2
2. Прирост (убыль) населения, чел.	–13 078	–12 693	4 535
3. Естественный прирост (убыль) населения, чел.	–14 520	–14 450	–3 495
4. Миграционный прирост (+), снижение (–), чел.	1 442	1 757	8 030

Составлено по: [8]

В целом по области уровень рождаемости на 1/3 ниже необходимого для простого численного замещения поколений родителей их детьми. В 1999 г. в Новосибирской области зафиксирован самый низкий показатель рождаемости за все послевоенные годы (7,9 на 1000 человек или 21 688 человек, умерших – 37 165 человек или 13,5 на 1000 человек). При этом в сельской местности общий коэффициент рождаемости на 1/4 выше, чем в городских поселениях области [3].

Сохранение достаточно высокого уровня смертности – одно из тревожных явлений в развитии демографической ситуации. Дифференциация городских округов и муниципальных районов Новосибирской области по значению общего коэффициента смертности в первую очередь объясняется особенностями возрастного состава населения.

Люди стали умирать в более молодом возрасте. Уровень преждевременной смертности населения в трудоспособном возрасте колеблется от 30 до 40% в Новосибирской области (в РФ – 30%) в основном за счет роста ее уровня у мужчин. Причинами этих потерь является ишемическая болезнь сердца, нарушения мозгового кровообращения и так называемые внешние причины (отравления, травматизм, последствия насильственных действий). Несмотря на снижение данного показателя с 2006 года на 35,8% преждевременная смертность в трудоспособном возрасте косвенно участвует в регулировании процесса рождаемости и приводит к сокращению трудового потенциала области [2, 8].

Основной причиной диспропорции полов (в абсолютном выражении более чем на 193 тыс. человек), которая на начало 2019 г. составила 53,46% и 46,54% соответственно в пользу женщин, является высокая преждевременная смертность мужчин [8]. Динамика смертности находится в прямой зависимости от роста удельного веса лиц старших возрастов в составе населения, однако жители области все чаще умирают молодыми.

В Новосибирской области впервые естественная убыль населения была отмечена в ноябре 1991 г., в целом по итогам года была зафиксирована в 1992 г. (–3,4 тыс. человек), достигнув в 1994 г. максимального показателя (–19,1 тыс. человек). В дальнейшем показатели естественной убыли стали постепенно снижаться, и даже в период с 2012 по 2016 гг. отмечался естественный прирост. Несмотря на некоторое снижение показателя смертности и прекращение падения рождаемости, в 2018 г. число умерших превысило число родившихся в 1,1 раза (в 2000 г. – в 1,7 раза), т.е. естественная убыль населения области сохраняется [7].

Многолетнее снижение уровня естественного воспроизводства населения в сочетании с ростом абсолютной численности людей старших возрастов сделали процесс демографического старения населения практически необратимым. Резкий спад рождаемости в 90-е гг. его ускорил. Данные таблицы 2 свидетельствуют о существовании обратной зависимости между числом родившихся и долей людей 65 лет и старше, а также об интенсивном протекании процесса старения населения в Новосибирской области [1].

Наблюдается систематический рост среднего возраста населения, который в 2018 году составил 39,6 лет. Это объясняется главным образом уменьшением удельного веса детей. Средний возраст женщин (42 года) на пять лет выше, чем у мужчин (36,8 лет) за счет более высокой продолжительности жизни [7, 8].

Таблица 2 -Число родившихся и доля людей 65 лет и старше в России и Новосибирской области

Год	Число родившихся на 1000 населения		Доля в населении людей 65 лет и старше, в %	
	РФ	НСО	РФ	НСО
1995	9,3	8,5	12,1	11,5
1996	8,9	8,3	12,3	11,8
1997	8,6	8,3	12,5	12,0
1998	8,8	8,2	12,5	12,1
2002	9,8	9,9	12,8	12,3
2018	10,9	11,7	25,3	25,4
Рост (падение) в 1998 к 1995 г., %	↓ 5,4	↓ 3,5	↑ 3,3	↑ 5,2
2009 (рост в 2009 к 1995 г., %)	12,4 (↑ 133,4 или в 1,3 раза)	12,9 (↑ 151,8 или в 1,5 раза)	21,7 (↑ 179,4 или в 1,8 раз)	21,8 (↑ 189,6 или в 1,9 раз)
2018 (рост / снижение в 2018 к 2009 г., %)	↓ 12,1	↓9,3	↑16,6	↑16,5

Составлено и рассчитано по: [7, 8]

В Новосибирской области с 2015 года наметилась тенденция незначительного роста численности населения за счет миграционного притока в городские поселения, особенно г. Новосибирск. Практически по всем основным демографическим показателям (уровню рождаемости, смертности, старения населения) сложилась очень тревожная ситуация. Она выражается в депопуляции населения, более ярко выраженной в Новосибирской области как субъекте Российской Федерации. С 1992 г. на фоне естественной убыли населения миграция стала единственным источником восполнения потерь численности населения [1].

Таким образом, тенденции демографического развития свидетельствуют о сокращении демографического и человеческого потенциалов и их перераспределении по территории Новосибирской области, что в свою очередь выступает фактором, тормозящим процесс перехода к ОУР, несмотря на весьма благоприятные предпосылки. Для стабилизации ситуации важную роль играет тот факт, что образовательные организации Новосибирской области представляют собой достаточно сложную разветвленную сеть (рис. 2).

Общий объем расходов на развитие образования Новосибирской области в 2018 году составил более 30% от бюджета [8]. Новосибирская область обладает огромным потенциалом в сфере высшего и

профессионального образования, благодаря наличию лидирующих школ и конкурентоспособного на международном уровне исследовательского университета, что существенно усиливает ее конкурентные преимущества в сфере образования для устойчивого развития [6] по сравнению с другими регионами России.

Новосибирская область располагает значительным потенциалом для запуска процесса футуризации образования в рамках реализации концепции устойчивого развития.

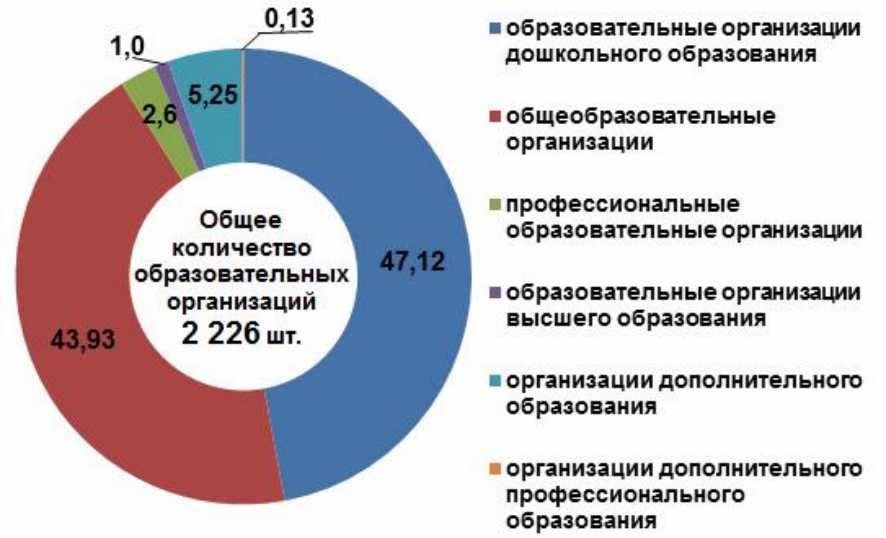

Рис. 2. Структура сети образовательных организаций Новосибирской области на 2018 г., % Рассчитано и составлено по: [8]

В рамках сетевого взаимодействия с образовательными организациями образовательные организации высшего образования региона будут способствовать совершенствованию системы общего, среднего и дополнительного профессионального образования в части кадрового обеспечения и в целом формирования человеческого капитала. Все это требует обновления содержания учебных программ, разработки социально значимых проектов, востребованных на региональном рынке образовательных услуг. Следует помнить, что процесс развития ОУР характеризуется динамичностью, что неизбежно со временем приведет к изменению представлений о системе опережающего непрерывного образования, и модели перехода к устойчивому развитию [4].

Таким образом, Новосибирская область характеризуется мощным научно-образовательным, инновационным, институциональным, инфраструктурным потенциалом [6]. Необходимым условием для непрерывного развития [11] Новосибирской области выступает региональная система непрерывного образования, развивающаяся с учетом специфики демографической ситуации. Именно она может, обеспечить переход к экономике знаний, становление области как центра науки, инноваций и высоких технологий мирового уровня, обеспечивающего динамичный рост экономики и создание благоприятных условий для развития человеческого капитала.

Список литературы

1. Беляева М.В., Горошко Н.В., Ионова Н. В., Литвинова О.С., Нечепуренко Г.Я., Пацала С. В. География родного края. Новосибирская область / Русское географическое общество [Электронный ресурс]. – URL: georegions.ru (дата обращения: 25.05.2020).
2. Ионова Н.В. Экономическая и социальная география Сибири и Новосибирской области. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. 241 с.
3. Ионова Н.В. Динамика экономико-географического положения и ее влияние на миграционные процессы (на примере Новосибирской обл.). Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012. 258 с.
4. Кукушкина А.В. Концепция устойчивого развития (международно-правовые аспекты) // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. - № 23. – С. 34-38.
5. Основные итоги социально-экономического развития Новосибирской области за 2000 – 2007 годы // Сибирская финансовая школа. – 2008. - №1. – С. 3 – 32. [электронный ресурс]. URL: http://journal.safbd.ru/ru/content/osnovnye-itogi-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-novosibirskoy-oblasti-za-2000-2007-gody (дата обращения: 13.08.2020).
6. Панова В.В. Оценка конкурентных особенностей Новосибирской области: потенциал, факторы развития и угрозы // Пути повышения финансовой стабильности регионов Северного Кавказа: взгляд молодых ученых. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Махачкала, 30 октября 2019. Махачкала. 2019. С. 188 – 195. [электронный ресурс]. URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=41783352 (дата обращения: 13.08.2020).
7. Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 694 с. [электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
8. Статистика Новосибирского статкомитета [электронный ресурс]. URL: www.novosibstat.ru (дата обращения: 20.02.2020).
9. Урсул А.Д. Инновационное образование в интересах устойчивого развития: от модернизации к футуризации // Открытое образование. 2008. №5. С. 84 – 93.
10. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Цели перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации // Гуманитарные науки: теория и методология. 2016. № 2. С. 65 – 72.
11. Шпаковский Ю.Г. Устойчивое развитие – новая парадигма сохранения цивилизации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Вектор юридической науки. 2016. №1. С. 38 – 52.

УДК 314.18+37.014.3+908
УДК 331.55
Камарова Татьяна Александровна
ст. преподаватель кафедры Экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия

«Цифровая» прекаризация занятости научно-педагогических работников вуза при переходе на дистанционное образование[118]

Аннотация. *В статье представлены результаты опроса научно-педагогических работников (НПР) вузов Свердловской области, который проводился весной 2020 г. в период пандемии COVID-19. Целью исследования было выявление проблем у НПР, вязанных с переходом от очного классического на дистанционный формат образования с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИТК). В результате опроса было выявлено обострение признаков прекаризации занятости преподавателей вузов во время вынужденной трансформации системы образования.*

Ключевые слова*: высшее образование, дистанционное образование дистанционная занятость, информационно-коммуникационные технологии. прекаризация научно-педагогических работников, цифровая образовательная среда.*

В настоящее время уделяется большое внимание вопросам прекаризации занятости научно-педагогических работников, продиктованное постоянными изменениями в экономической и социальной сферах, нововведений, ускорением ритма жизни людей, огромный поток новой информации, в виду чего от них требуется быть максимально гибкими и многозадачными. Для прекариазации нестабильное существование становится нормальным состоянием, она сопровождаются неустойчивостью, снижением социальной защищенности и ростом социальной уязвимости работников.

«Под прекаризацией занятости научно-педагогических работников университета понимается состояние неустойчивости и неопределенности в социально-трудовых отношениях для данного работника, сопровождаемое экономической незащищенностью, при котором работа в вузе перестает являться предметом средне- и долгосрочного планирования в части занятости и дохода» [1].

Тема прекаризаии занятости исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными, так, проблемам удовлетворения потребностей

[118] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–010–00900 «Влияние прекаризации занятости научно-педагогических работников на кадровый потенциал региональных вузов»

преподавателей вузов в условиях трансформации российской системы образования посвящены труды ученых [2-4], в ряде работ рассматриваются вопросы возможности привлечения молодежи к труду НПР [5]. Можно отметить, что наблюдаемые изменения настоящих сложившихся условий труда при переходе на on-line обучение обострили признаки прекаризации занятости научно-педагогических работников, среди которых: изменение содержания и объемов работ; методы нормирования, учета и контроля труда; относительно невысокая оплата труда и т.п. [1].

Вызов начала 2020 года, вызванный пандемией, продиктовал новые условия для всего образовательного процесса, обучение вынуждено было полностью перейти на дистант. Не все вузы были одинаково готовы к такому переходу, как показала практика, те вузы, в которых был опыт проведения дистанционного обучения без сильных потрясений вошли в новый режим работы.

Дистанционное образование представляет собой взаимодействие преподавателя и обучающегося на расстоянии, при этом присутствуют все компоненты учебного процесса, но они реализуются с помощью информационно-коммуникационных и Интернет технологий, позволяющих интерактив. Можно отметить, что информационные технологии при такой форме обучения являются ведущими средствами. На рисунке 1 представлены элементы современного дистанционного образования.

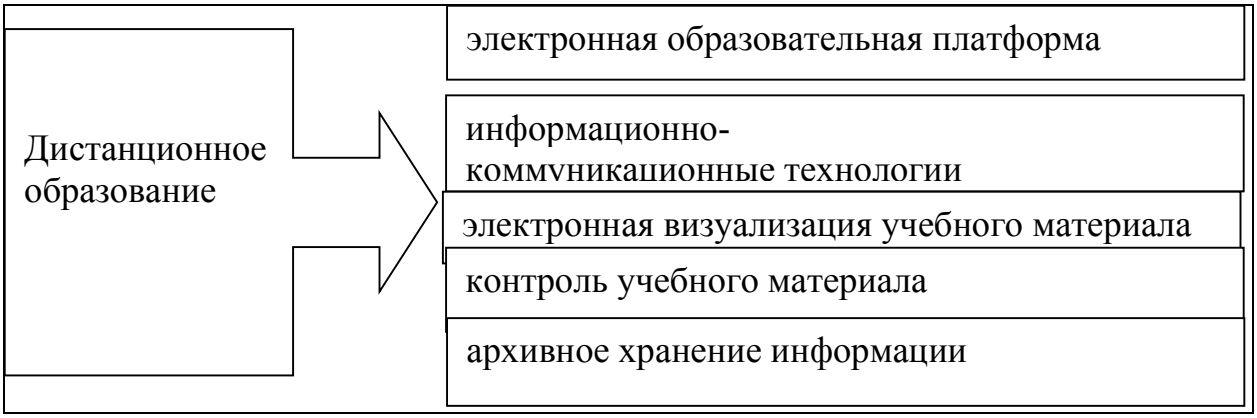

Рис.1.Элементы дистанционного образования

При дистанционном образовании меняются способы коммуникаций между обучающимся и преподавателем, появляются новые формы и методы подачи учебного материала с использованием ИТК, виртуальная образовательная среда, где происходит непосредственно само обучение, контроль за пройденным материалом со стороны преподавателя. Со стороны организации учебного процесса можно отметить различные формы дистанционного обучения: чат- и веб-занятия; телеконференция и телеприсутствие.

Дистанционное образование является революционной формой обучения, которая представляет собой отличную от классического образования модель взаимодействия между стейкхолдерами образовательного процесса, где обязательным условием является наличие необходимых технических средств с

обеих сторон. Дистанционное образование обладает рядом преимуществ, например, сокращает расходы и время на поездки до места обучения и обратно; дает возможность обучающимся получать образование независимо от места нахождения. Наряду с этим, дистанционное образование имеет ряд недостатков, в большей части связанный с отсутствием очного общения между студентами и преподавателями, при помощи которого передается не только знания, а также культура и воспитание. Считаем, что при комбинировании очного и дистанционного обучения образовательный процесс будет являться полноценным.

Автор провел исследование среди преподавателей вузов Свердловской области о последствиях вынужденных изменений условий труда, связанных с переходом в период пандемии COVID-19 на дистанционное обучение с помощью информационно-коммуникационных технологий. В настоящей работе представлены частично результаты исследования, в котором приняли участие 97 преподавателей, 73,20 % респондентов – женщины, 26,80 % – мужчины. Наибольшее количество преподавателей работают в образовании более 15 лет – 63,92 %, со стажем работы в вузах до 1 года приняли участие 3,09 % респондентов, от 1 до 3 лет – 5,15 %, от 3 до 5 лет – 4,12 %, от 5 до 10 лет – 8,25 %, 10-15 лет – 15,46 %.

Структура ответов на вопрос «произошли ли изменения в условиях труда в период пандемии» представлена на рисунке 2.

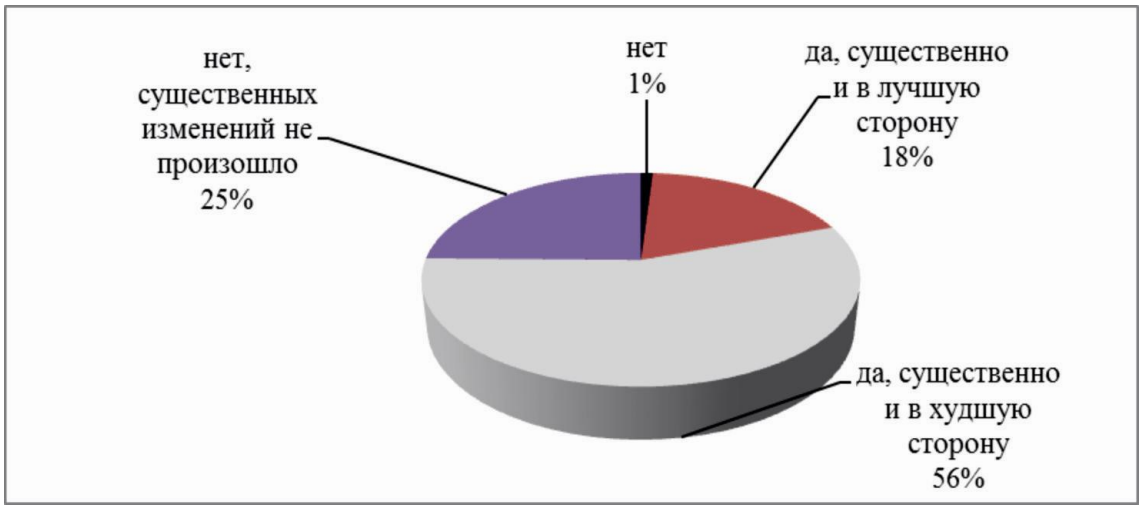

Рис.2. Распределение ответов на вопрос «Произошли ли изменения в условиях труда?»

Как можно отметить, произошли существенные изменения в худшую сторону более чем половины респондентов – 55,67 %. Возможно, одна из причин связана с увеличением трудовой нагрузки (рис. 3).

Как мы видим, переход на дистанционное образование повлиял на существенное увеличение трудовой нагрузки почти у половины преподавателей (48,45 %), также 1/3 респондентов отметили увеличение нагрузки, но не существенное; а 18,56 % отметили, что трудовая нагрузка осталась прежней, произошли изменения по ее формам и инструментам труда.

Преподаватели стали больше времени проводить за работой с применением ПК и цифровых технологий, больше половины, 64,95 %, вынуждены проводить более 6 ч. за компьютером для подготовки и адаптации учебного материала к дистанционному формату, а также контрольных точек.

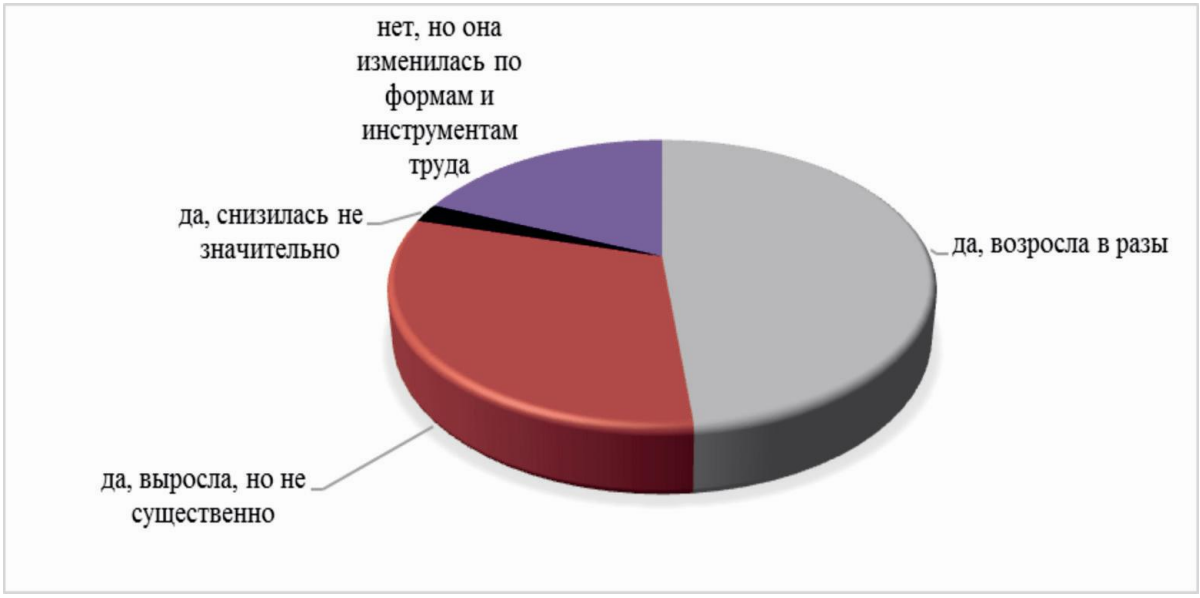

Рис.3. Распределение ответов на вопрос «Изменилась ли Ваша трудовая нагрузка?»

Преподавателями были отмечены технические трудности перехода на дистанционное образование (табл. 1), лишь чуть больше 10% отметили отсутствие каких-либо затруднений.

Таблица 1 – Структура возникших технических проблем при переходе на дистанционное образование

Технические проблемы	%
не возникают технические сложности	13,53
освоение online-платформ	18,82
отсутствие оперативной технической поддержки	11,76
проблемы с качеством Интернет-связи	20,59
отсутствие возможности выбора online-платформ	10,59
отсутствие необходимого и современного технического обеспечения	18,24
отсутствие достаточного уровня развития компетенций в области цифровых технологий	6,47

*у респондентов была возможность выбрать несколько вариантов ответов

Можно отметить, что не только у преподавателей возникали технические проблемы, также трудности наблюдались и у студентов, не у всех была возможность работать on-line. Наряду с техническими проблемами, были отмечены ряд организационных вопросов, которые появились у преподавателей при организации учебного процесса у себя дома на дистанте (табл. 2).

Таблица 2 – Структура возникших организационных проблем при переходе на дистанционное образование

Организационные проблемы	%
отсутствие отдельно выделенного рабочего места	4,04
не возникают организационные сложности	31,31
сложность соблюсти «Work-*Life Balance*»	36,36
сложности планирования рабочего времени	24,24
внешние помехи	4,04
ВСЕГО	100

Подводя итог, можно сделать вывод, что в условиях трансформации образовательного процесса и вынужденного повсеместного перехода на дистанционный формат работы, у большей части преподавателей наблюдаются прекарные признаки: увеличилась нагрузка, что связано с «перекраиванием» учебного материала под дистанционный формат обучения, разработке новых контрольных точек, обязательных при данной форме подачи дисциплины, осваивании в быстрые сроки новых виртуальных образовательных платформ. При этом наблюдается неготовность многих сотрудников вуза с технической и организационной составляющей своей работы. Также работая дистанционно, часть преподавателей ощущает социальную изолированность и нехватку живого общения со студентами и коллегами.

Список литературы

1. Лобова С.В. Прекаризация занятости научно-педагогических работников вузов: содержание и последствия // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2019. № 6. С. 243-259.
2. Камарова Т.А. Влияние прекаризации занятости на степень удовлетворенности условиями труда научно-педагогических работников вузов. // Сборник: Достойный труд - основа стабильного общества Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 20-26.
3. Лапина Т.А. Гуманизация труда преподавателей: результаты исследования //Сборник: Человеческое измерение университета и корпоративные практики управления персоналом материалы Международной конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; Томский государственный университет. 2017. С. 51-53.
4. Лапина Т.А., Стукен Т.Ю. Отношение к труду преподавателей вузов в условиях изменения систем стимулирования. Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № 1 (57). С. 92-99.
5. Патутина С.Ю. Привлечение молодежи к труду научно-педагогических работников как средство борьбы с прекаризацией// Сборник: Достойный труд - основа стабильного общества Материалы XI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 125-131.

УДК: 331.314
Кодиров Шодибег Шарифович
к.эк.н. научный сотрудник Института экономики и демографии Академия наук Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Влияние образования на демографические показатели

Аннотация. *В данной статье рассматривается влияние уровня образования на демографические процессы в Республике Таджикистан. Автор на основе корреляционно-регрессионного анализа показывает влияния выпуска специалистов с высшим образованием из числа женщин на показатели воспроизводства населения (рождаемость, смертность и естественный прирост населения) Республики Таджикистан. Автор доказывает, что образование является важным влияющим фактором естественного движения населения.*
Ключевые слова*: уровень образования, человеческий капитал, воспроизводство населения, рождаемость, демографические процессы.*

В Республики Таджикистан вопросы влияния образования на демографические процессы широко отражены в работах профессора Исламова С.И. Он установил, что между уровнем образования и репродуктивным поведением семей Республики Таджикистан существует тесная взаимосвязь. В частности, он пишет, что: «в репродуктивном поведении отдельных семей серьезные сдвиги произошли в тех, которые получили более высокое образование и переехали жить в большие города. В среднем, в больших семьях малая семья имела (к концу репродуктивного периода) 8-10 детей. То же самое сохранилось в семьях последующих поколений, которые оставались жить в местах своих предков. В семьях из последующих поколений данного рода, переехавших в г. Душанбе, в основном 6-7 детей, те, где жена и муж не имеют высшего образования и работают рабочими. В тех семьях, где родители являются более образованными и соответственно занимают посты служащих или инженерно-технических работников, то число детей у них составляет 4-5 человек» [4]. Профессор Исламов С.И также утверждает, что в Республике Таджикистан развитие производительных сил, появление машин, организация труда, развития сфера услуг, наука и образование выступили важными факторами уменьшение рождаемости, снижения потребности семей в детях, и изменение в структуре причин смертности [4].

Образовательный компонент человеческого капитала эффективно влияет на воспроизводство населения через уровень образования женщин. Анализ демографической ситуации во многих странах мира показывает, что увеличение уровня образования женщин снижает рождаемость и показатель желаемого числа детей в расчете на каждую женщину. Более образованные женщины имеют информацию о планировании семьи, методы ограничения рождаемости и по сравнению с необразованными позже выходят замуж и

грамотно ухаживают за маленькими детьми. Поэтому у образованных женщин меньше детей и выше уровень выживаемости новорожденных.

В литературе не редко встречается мнение, что не всегда высокий уровень образованности женщин положительно влияет на снижение рождаемости. Например, по мнению Сангха и Кастерлайна, образование уменьшает потребности в детях и увеличивает желание регулировать рождаемость. Однако не всегда высокий уровень образования способствует снижению рождаемости, так как традиционные факторы ограничения рождаемости влияют сильнее, чем уровень образования женщин: «Дело обстоит иначе в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, где любое формальное образование, даже несколько лет начальной школы, обычно приводит к снижению рождаемости, а полное начальное и среднее образование также приводят к значительному снижению рождаемости» [3].

Таджикский демограф, профессор Исламов С. пишет, что: «На рождаемость женщин относительно слабо влияет получение ими среднего общего образования. Более ярко это влияние заметно у женщин, имеющих высшее и среднее специальное образование» По его расчетам «увеличение численности женщин коренной национальности республики с высшим и средним специальным образованием на 1% приведет к снижению числа рожденных детей в городе на 1,8 и на селе на 1,4%, или в абсолютных цифрах около 2,3 тыс. рождений, в целом по республике» [5].

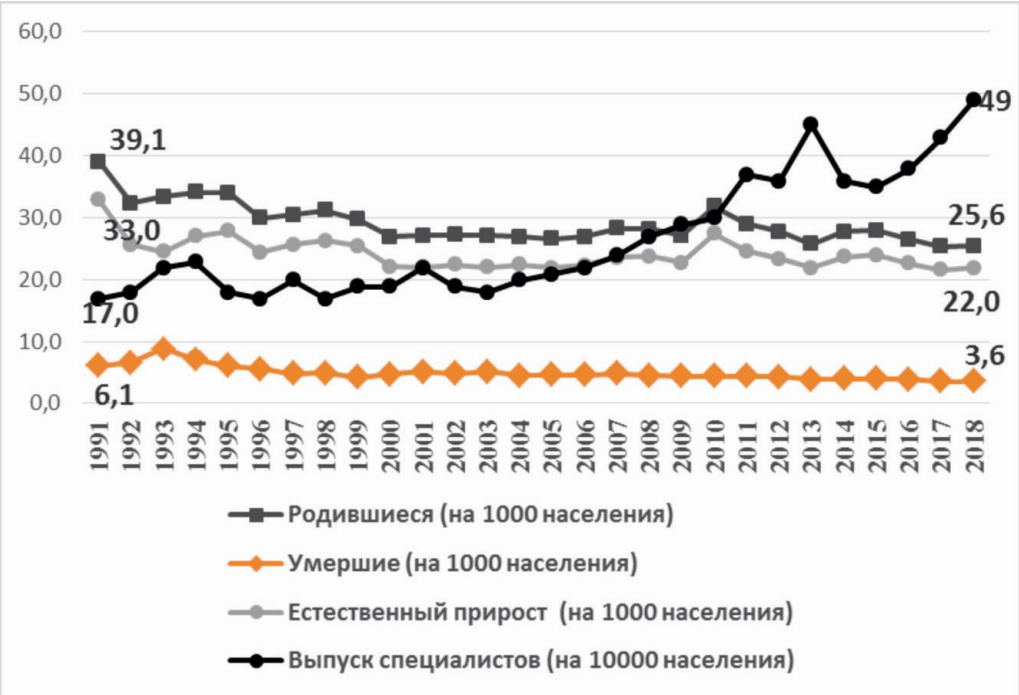

Рис.1. Корреляционно-регрессионный анализ влияния выпуска специалистов на показатели воспроизводства населения Республики Таджикистан

Источник: Рассчитано и составлено автором по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан -www.stat.tj

Корреляционно-регрессионный анализ влияния выпуска специалистов на показатели воспроизводства населения (рождаемость, смертность и

естественный прирост населения) Республики Таджикистан также показывает, что образование особенно высшее образование является важным влияющим фактором естественного движения населения [9].

Коэффициенты показателей воспроизводства населения (количество родившихся на 1000 населения, умерших на 1000 населения, естественный прирост на 1000 населения) имеют корреляционную связь с выпуском специалистов с высшим профессиональным образованием. Как видно из данных диаграммы 1, за последние 27 лет выпуск специалистов на 10000 населения вырос с 17 до 49 человек (более чем в три раза). По мере увеличения данного показателя уменьшается рождаемость, смертность и естественный прирост населения. Особенно после 2010 года данная связь очевидна и наблюдается резкое снижение рождаемости и смертности при резком увеличении выпуска специалистов с высшим образованием. Существует тесная зависимость показателей воспроизводства населения Республики Таджикистан (естественный прирост на 1000 населения), от выпуска специалистов с высшим образованием, так как коэффициент детерминации (R^2)[119] равен 0,7583 (см. диаграмму 1). Исходя из этого, можно сделать вывод, что снижение рождаемости и смертности происходит именно на фоне улучшения образовательного уровня населения.

С точки зрение логики, уровень образования одного поколения влияет на уровень образования следующего поколения. Безусловно, существует и влияние среды проживания на получение образования ребенком, однако реальность Республики Таджикистан показывает, что дети родителей, имеющих высшее образование, с большой вероятностью получат высшее образование, чем дети менее образованных родителей. Поэтому. На улучшение образовательных показателей женщин надо обратит особое внимание. Анализ официальной статистики показывает, что количество выпускаемых специалистов из числа женщин в 2018 году по сравнению с 2013 выросло на 30,2%. В системе начального - профессионального образования наблюдается снижение количества выпускников из числа женщин. Заметное увеличение наблюдается в системе средне-специального образования и незначительное увеличение в системе высшего образования.

В 2018 году выпускники-женщины профессиональных учебных заведений составили всего 1,08% от общего количества женщин трудоспособного населения. Это свидетельствует о том, что незначительное количество женщин получают профессиональное образование. Во многих исследованиях [10,11,12]

---

[119] Коэффициент детерминации для модели с константой принимает значения от 0 до 1. Чем ближе значение коэффициента к 1, тем сильнее зависимость. При оценке регрессионных моделей это интерпретируется как соответствие модели данным. Для приемлемых моделей предполагается, что коэффициент детерминации должен быть хотя бы не меньше 50% (в этом случае коэффициент множественной корреляции превышает по модулю 70%). Модели с коэффициентом детерминации выше 80% можно признать достаточно хорошими (коэффициент корреляции превышает 90%). Значение коэффициента детерминации 1 означает функциональную зависимость между переменными. Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki

указано, что высшее образование, несмотря на предпринимаемые меры, становится недоступным для женщин из сельских районов.

В целом анализ уровень образования населения и демографического развития Республики Таджикистан показывает, что только наличие профессионального образования, особенно высшего, приводит к изменению таких демографических показателей как: желаемое число детей в расчете на каждую женщину, рождаемость на одну женщину с профессиональным образованием, смертность новорождённых, материнская смертность и др. По мере улучшения качества человеческого капитала воспроизводство населения, особенно смертность и уровень рождаемости изменяются. Усиление человеческого капитала положительно в частности его образовательной части влияет на планирование семьи.

Список литературы

1. Гендерный обзор Национального доклада о ходе реализации стратегических целей долгосрочной и среднесрочной стратегий развития Республики Таджикистан в контексте Целей устойчивого развития (ЦУР). Душанбе, 2018.
2. Доклад Римского клуба 2018. Url.: http://spkurdyumov.ru/uploads/2019/12/doklad-rimskogo-kluba-2018.pdf.
3. Зинькина Ю. В. Способно ли образование предотвратить социально-демографические коллапсы в Тропической Африке?// Журнал: Историческая психология и социология истории. Т.7. №2. 2014- https://www.socionauki.ru/journal/articles/254535/
4. Исламов С.И. Биосоциальное развитие человека. Демографический и социальный переходы. – Душанбе, 2019.
5. Исламов С.И. Демография Таджикистана.Душанбе, 1985.
6. Кодиров Ш.Ш. «Особенности формирования образовательного потенциала Республики Таджикистан в годы независимости// Журнал «Экономика Таджикистан», № 03.2019.
7. Кодиров Ш.Ш. Шукуллобекова Г.Я. «Особенности формирования образовательного потенциала (на материалах ГБАО)» // Журнал «Экономика Таджикистан» №02.2019
8. Кодиров Ш.Ш. «Высшее образование как фактор воспроизводства человеческого капитала в условиях Республики Таджикистан//Журнал «Экономика Таджикистан». №02.2019.
9. Кодиров Ш.Ш. «Уровень образования, как элемент человеческого капитала и его влияние на демографические процессы». Журнал «Экономика Таджикистан», №4. 2019.

УДК 314.74
Лебедева Тамара Васильевна
к.г.н., доцент, научный сотрудник кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета), МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

География современной образовательной миграции в Российскую Федерацию

Аннотация. *В статье исследуются объёмы и направления современных образовательных иммиграционных потоков. Обозначены основные страны-«поставщики» учебных мигрантов в Российскую Федерацию. Отражено распределение иностранных граждан, обучавшихся в вузах России, по федеральным округам, по населённым пунктам разной людности и административной значимости. Обозначены ведущие по численности обучающихся иностранцев вузы страны.*
Ключевые слова*: образовательная миграция, учебная миграция, учебные мигранты, студенты-иностранцы.*

Под образовательной миграцией в современной науке понимается перемена места жительства с целью получения или продолжения образования. В образовательной миграции некоторые отечественные учёные выделяют поток учебной миграции – перемещение иностранцев, которые ориентированы на получение знаний в школах, колледжах и вузах [1, С. 21]. Основной поток в Российскую Федерацию составляют иностранцы, желающие получить российское высшее образование разных ступеней по очной форме обучения (таблица 1).

Таблица 1- Число иностранных граждан, обучавшихся в учебных заведениях на территории Российской Федерации в 2017/2018 академическом году, тысяч человек

Программы обучения	Итого	в том числе	
		по очной форме	по заочной, очно-заочной форме
Программы высшего образования	334,5	256,9	77,6
в том числе бакалавры, специалисты, магистры	268,8	194,0	74,8
Программы среднего профессионального образования	30,2	26,2	4,0
Всего	364,7	283,1	81,6

Составлено автором по [2, С. 30, 31, 38, 308, 315]

В последние годы объёмы образовательной миграции в Россию постоянно возрастают, особенно по программам высшего образования (таблица 2), что способствует повышению занятости профессорско-преподавательского состава учебных заведений страны, росту доходов за

счёт предоставления образовательных услуг на контрактной основе и росту престижа национальной системы образования.

Таблица 2 - Динамика общей численности иностранных граждан, обучавшихся в организациях высшего и среднего профессионального образования Российской Федерации по очной и заочной формам обучения в 2007/2008 - 2017/2018 академических годах

Учебный год	Численность иностранных студентов в вузах, тыс. человек	Доля студентов-иностранцев от всех студентов российских вузов, %	Численность иностранцев, обучавшихся в организациях СПО, тыс. чел.	Доля иностранцев в составе всех студентов организаций СПО, %
2007/2008	147,6	1,97	7,2	0,31
2008/2009	166,4	2,21	7,7	0,34
2009/2010	175,6	2,36	8,5	0,39
2010/2011	187,3	2,65	12,1	0,57
2011/2012	198,5	3,05	14,2	0,68
2012/2013	225,0	3,70	16,4	0,78
2013/2014	250,2	4,43	19,0	0,96
2014/2015	282,9	5,43	24,9	1,18
2015/2016	296,2	6,21	24,6	1,13
2016/2017	313,1	7,11	30,6	1,33
2017/2018	334,5	7,88	30,2	1,26

Составлено автором по [2, С. 30, 31]

За 2007/2008 - 2017/2018 академические годы численность иностранных студентов в отечественных вузах увеличилась в 2,3 раза, а доля студентов-иностранцев в общем контингенте всех студентов российских вузов возросла в 4 раза. За тот же период численность иностранных граждан, обучавшихся в организациях среднего профессионального образования России, увеличилась в 4,2 раза, а доля студентов-иностранцев в составе всех студентов колледжей и техникумов – в 4,1 раза. Как свидетельствуют результаты сравнения, процесс привлечения иностранцев на учёбу в ссузы нашей страны за 2007/2008-2017/2018 учебные годы был в два раза активнее, чем в отечественные вузы. Но поскольку основной поток учебных мигрантов составляют иностранные граждане очной формы обучения, в дальнейшем анализе будет использована статистика только по иностранцам-очникам организаций высшего образования Российской Федерации.

Согласно данным Центра социологических исследований Минобрнауки России, в декабре 2018 г. в 703 вузах страны (из 766) очно обучалось 256,9 тыс. иностранных граждан из 178 зарубежных стран [3, С. 8]. Основными «поставщиками» учебных мигрантов в Российскую Федерацию являлись следующие 20 стран мира (таблица 3). Наибольшие контингенты обучающихся в вузах России иностранцев составляют граждане новых независимых государств - бывших республик СССР, где лидирует Казахстан (около 40 тыс. чел.). Из стран дальнего зарубежья в

первую десятку входит три страны – Китай, Индия и Вьетнам. Следует отметить, что до 2010/2011 учебного года лидером по числу учебных мигрантов в Россию был Китай, но с указанного академического года первенство удерживает Казахстан. Контингент обучающихся в вузах России из Казахстана увеличился за 12 лет (2006/2007 – 2017/2018 учебные годы) в 3,4 раза - с 12,3 до 41,3 тыс. студентов. Сравнение «двадцатки» стран-лидеров за два последних учебных года позволяет сделать выводы о том, что перечень стран по 13 место включительно не претерпел изменений, хотя контингент студентов-иностранцев из некоторых государств увеличился заметно (например, из Индии +33,3%, из Туркменистана + 28%, из Киргизии +21%). При этом поток учебных мигрантов из некоторых стран незначительно, но уменьшился, – это Украина, Азербайджан, Вьетнам. Но, начиная с 14 места в списке, произошли некоторые изменения: в перечне стран за 2017/2018 учебный год появились Нигерия и Иран, вытеснив за пределы «двадцатки» Малайзию (-19% контингента обучающихся в России) и Республику Корея (-5%). В этой части списка значительно увеличилась численность иностранных студентов из Ирана (+107%) и Египта (+73%).

Таблица 3 - Страны мира-лидеры по числу обучающихся в вузах России образовательных мигрантов в 2016/2017 и 2017/2018 учебных годах

Страны мира	Обучалось в вузах России, тыс. человек	Страны мира	Обучалось в вузах России, тыс. человек	2017/2018 к 2016/2017 (+, -) в %
	2016/2017		2017/2018	
Казахстан	39,8	Казахстан	41,3	3,8
Китай	26,8	Китай	29,2	9,0
Туркменистан	17,3	Туркменистан	22,1	27,8
Узбекистан	14,2	Узбекистан	17,0	19,7
Таджикистан	13,7	Таджикистан	16,3	19,0
Украина	13,7	Украина	13,1	-4,4
Индия	9,9	Индия	13,2	33,3
Киргизия	5,7	Киргизия	6,9	21,1
Белоруссия	5,0	Белоруссия	5,5	10,0
Вьетнам	4,9	Вьетнам	4,8	-2,0
Азербайджан	4,7	Азербайджан	4,6	-2,1
Молдавия (с Приднестровьем)	4,0	Молдавия (с Приднестровьем)	4,1	2,5
Ирак	3,8	Ирак	4,4	15,8
Монголия	3,0	Египет	3,8	72,7
Марокко	2,6	Монголия	3,2	6,7
Сирия	2,3	Марокко	2,9	11,5
Египет	2,2	Иран	2,9	107,1
Армения	2,2	Сирия	2,8	21,7
Малайзия	2,1	Армения	2,3	4,6
Республика Корея	2,0	Нигерия	2,0	0

Составлено автором по [3, С. 23-29]

За пределами «двадцатки» заметно увеличились контингенты студентов-иностранцев из Аргентины (в 3,6 раза), из Канады (в 2,5), из Австралии (в 2,4), из Румынии (в 2,0), Греции (в 1,9) и из некоторых других стран. Но сократилась численность образовательных мигрантов из Португалии (- 41%), Италии (-36%), Великобритании (-31%), Финляндии (-28%), а также в меньших объёмах из других государств.

В целом за 10 лет численность привлекаемых в Россию мигрантов с целью получения высшего образования увеличилась в 2,5 раза (см. таблицу 4).

Численность иностранцев, обучающихся в российских вузах, выросла за 11 лет (2007/2008 - 2017/2018 учебные годы) во всех федеральных округах. Так, более всего контингент иностранцев увеличился в вузах Приволжского федерального округа - в 5,2 раза, Уральского – в 4,2 раза, Южного и Северо-

Таблица 4 - Распределение иностранных граждан*, обучавшихся в 2007/2008 и в 2017/2018 академические годы в вузах России, по федеральным округам

Федеральные округа Российской Федерации	2007/2008 учебный год		2017/2018 учебный год	
	Численность обучающихся иностранцев, чел.	Доля от общего числа иностранных студентов, %	Численность обучающихся иностранцев, чел.	Доля от общего числа иностранных студентов, %
Центральный	53063	52,4	99124	38,5
Северо-Западный	17206	17,0	38706	15,1
Южный**	7611	7,5	24306	9,5
Северо-Кавказский	-	-	6445	2,5
Приволжский	7757	7,7	40472	15,8
Уральский	2326	2,3	9689	3,8
Сибирский	10110	10,0	31065	12,1
Дальневосточный	3109	3,1	7057	2,7
Всего	101182	100	256864	100

* в их числе слушатели подготовительных отделений, бакалавры, специалисты, магистры, стажёры, интерны, ординаторы, аспиранты, докторанты

** включая в 2007/2008 учебном году Северо-Кавказский федеральный округ, образованный в январе 2010 года и Крымский федеральный округ, образованный в июле 2016 года. Данные Южного федерального округа за 2017/2018 учебный год также включают данные Крымского федерального округа

Составлено автором по [3, С. 88, 90, 118, 120]

Кавказского – в 4,0 раза. И хотя лидерами по числу образовательных иммигрантов в Российской Федерации являлись Центральный (ЦФО) и Северо-Западный федеральные округа (СЗФО), где в вузах в сумме обучалось около 70,3 тыс. иностранцев в 2007/2008 и 137,8 тыс. – в 2017/2018-м. При этом совокупная доля ЦФО и СЗФО в общем числе обучавшихся в вузах России за 11 лет сократилась с 69,4% до 53,6%.

Согласно данным Центра социологических исследований Минобрнауки России [3, С. 68, 83], в 2007/2008 академическом году более половины всех иностранных граждан (55,5%) обучалось в вузах мегаполисов, 42% - в

республиканских, краевых и областных центрах Российской Федерации и только 2,4 % - в других городах страны (рис. 1). За 11 лет произошли заметные изменения в размещения учебных мигрантов (рис. 2): в 2017/2018 учебном году только чуть больше трети 38,5% (в 1,4 раза меньше) обучалось в вузах мегаполисов; при этом в республиканских, краевых и областных центрах уже 56,3% (рост в 1,3 раза), в других городах страны - 5,2% (больше в 2,2 раза).

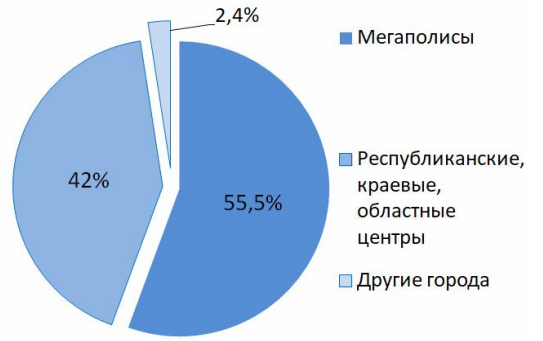

Рис.1 Доля иностранных граждан в вузах поселений разного типа в 2007/2008 учебном году, в %
Составлено автором по: [3, С. 68]

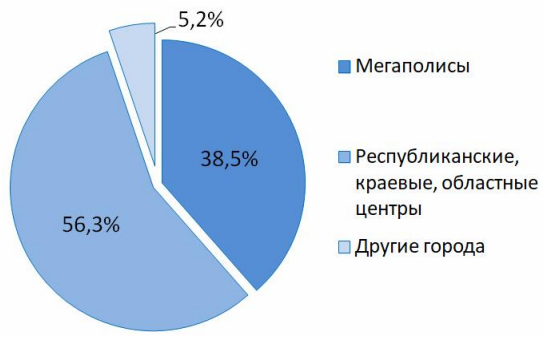

Рис.2 Доля иностранных граждан в вузах поселений разного типа в 2017/2018 учебном году, в %
Составлено автором по: [3, С. 83]

Вузы-лидеры по числу обучающихся очно иностранных студентов представлены в таблице 5, все они расположены в мегаполисах нашей страны.

Таблица 5 - Российские вузы-лидеры по общей численности иностранных граждан очной формы обучения в 2013/2014 и в 2017/2018 учебных годах, человек

Наименование вуза	2013/2014	2017/2018
Российский университет дружбы народов	8763	14896
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого	3085	5928
Казанский (Приволжский) федеральный университет	1354	5564
Санкт-Петербургский государственный университет	4600	5563
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова	3286	4454

Составлено автором по [3, С. 204]

Таким образом, по итогам исследования можно сделать выводы о том, что объёмы образовательной и учебной миграции в Российскую Федерацию постоянно возрастают. И хотя основные контингенты студентов-иностранцев обучаются в учебных заведениях Центра и Северо-Запада России, постепенно происходит переориентация потоков учебной миграции на вузы Приволжского, Уральского, Южного и Северо-Кавказского федеральных округов и в пользу республиканских, краевых, областных центров и других городов.

В целях стимулирования образовательной миграции в регионах России необходимо создание новой и поддержание на соответствующем уровне имеющейся специальной инфраструктуры для обучения и проживания

студентов-иностранцев, заключение соглашений с зарубежными странами о подготовке кадров. Разработка и реализация специальных программ натурализации и кредитования иностранных выпускников российских вузов позволит увеличить вклад учебной миграции не только в экономическое, но и в демографическое развитие регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования) / Дисс. …д-ра социол. наук по спец-ти 22.00.03 – Экономическая социология и демография. М.: ИСПИ РАН, 2009. 328 с.
2. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 9/ Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. - М.: Центр социологических исследований, 2019. 536 с. (С. 30, 31, 38, 308, 315)
3. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. - М.: Центр социологических исследований, 2019. 208 с. (С. 8, 88, 90, 118, 120).

УДК 314.114

Медведева Елена Ильинична
докт. экон.наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и экономки, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Россия
ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия
Крошилин Сергей Викторович
канд. техн. наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и экономки, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Прогноз кадрового потенциала образовательных организаций с учетом изменения демографических показателей рождения детей

Аннотация. *Современная демографическая ситуация в России обусловлена изменением возрастной структуры. Это приводит к необходимости пересмотра социальных стратегий – в том числе в системе образования и подготовке кадров. Предлагается авторский подход к разработке прогноза кадрового потенциала образовательных организаций с учетом изменения демографических показателей рождения детей в регионе. В основе две методики: Гребневой модели структуры детей и молодежи и*

Методика формирования кадрового потенциала образовательного учреждения, которые были апробированы на системе образования Московской области

***Ключевые слова**: демографическая динамика, кадровый потенциал, демографические показатели, социально-экономические проблемы, рождение детей, система образования, эконометрическое моделирование*

Прогноз кадрового потенциала образовательных организаций с учетом изменения демографических показателей рождения детей строится на основе двух авторских методик, которые были апробированы на системе образования Московской области [1,2]. В нашем случае рассмотрим данную методику применительно к общеобразовательным школам региона [3,4].

Методика формирования Гребневой модели возрастной структуры детей и молодежи следующая (далее ГМ): для расчета потенциальной потребности учителей начальных классов в модели «Кадровый потенциал школ» можно применить ГМ возрастной структуры детей и молодежи. Эта модель позволяет проанализировать динамику численности детей при рождении, а также сделать прогноз их количества на разных уровнях образования. Для этого необходимы данные РОССТАТа о численности детей (возрастных групп: до 1 года, 3 года, 7 лет, 16 лет, 18 лет) в муниципальном образовании. Применение ГМ позволяет выявить тенденции роста/убыли численности детей при рождении и на всех уровнях образования. В нашем случае это количество детей, которые придут в общеобразовательные учреждения через 5 – 10 лет. [5,6].

Алгоритм построения ГМ [2,7]:

1) На основе статистики (РОССТАТа, областной статистики или данных отдельного района) формируется массив численности детей по определенным возрастным группам: дети до 1 года; дошкольного возраста (ясли и детский сад, в возрасте от 3 до 7 лет); начальной школы (от 7 лет до 12 лет); старших классов или СПО (до 16 лет); ВУЗ (с 18 лет). Сущность отбора заключается в выборе когорты, например, рожденных в 1990 году. Затем они рассматриваются в 1991 году, что соответствует возрасту в 1 год, в 1993 (3 года – детский сад), в 1997 (поступают в школу), в 2006 (16 лет – СПО или переход в старшие классы) и 2008 год (18 лет - окончание общеобразовательной школы, поступление в ВУЗ). Далее аналогичным образом осуществляется процесс формирования массива данных, касающихся когорты в 1991 году, 1992 и т.д. Их количество отслеживается до достижения 18-летнего возраста. [2,7]

2) Сформированный по различным возрастным группам массив служит основой для эконометрического моделирования при построении ГМ. Для каждой группы детей на основе анализа лаговых эндогенных и экзогенных переменных подбирается собственная зависимость. В результате определяются функции для каждой из анализируемых групп [2,7]. Визуализация модели для всех представленных функциональных зависимостей приведена на рисунке 1.

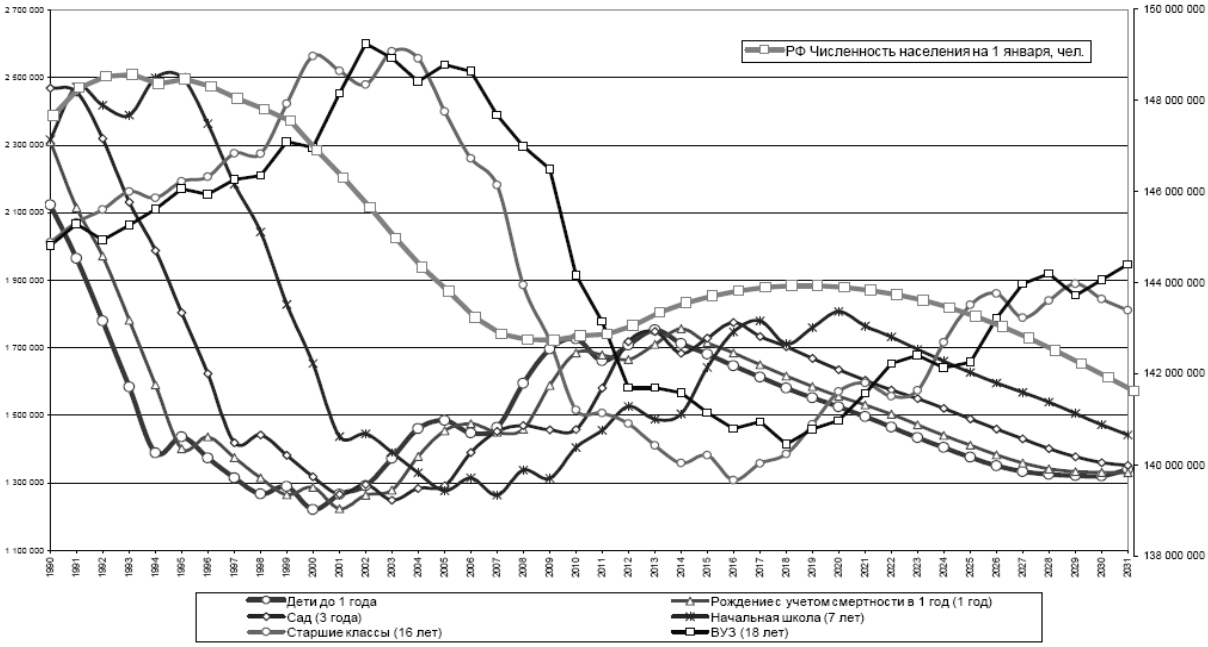

Рис. 1. Пример построения ГМ до 2031 года, чел.

С помощью идентификации модели и оценивания неизвестных параметров, выполняется верификация и осуществляется расчет возрастной структуры детей и молодежи. Таким образом, модель позволяет при известном значении показателя «рождаемость» спрогнозировать количество детей в возрастных группах: до 1 года, 3 года, 7 лет, 16 лет, 18 лет, что соответствует уровням образования. Применение Региональной ГМ позволило спрогнозировать численность детей по различным уровням образовательной системы в зависимости от рождаемости (рис. 2).

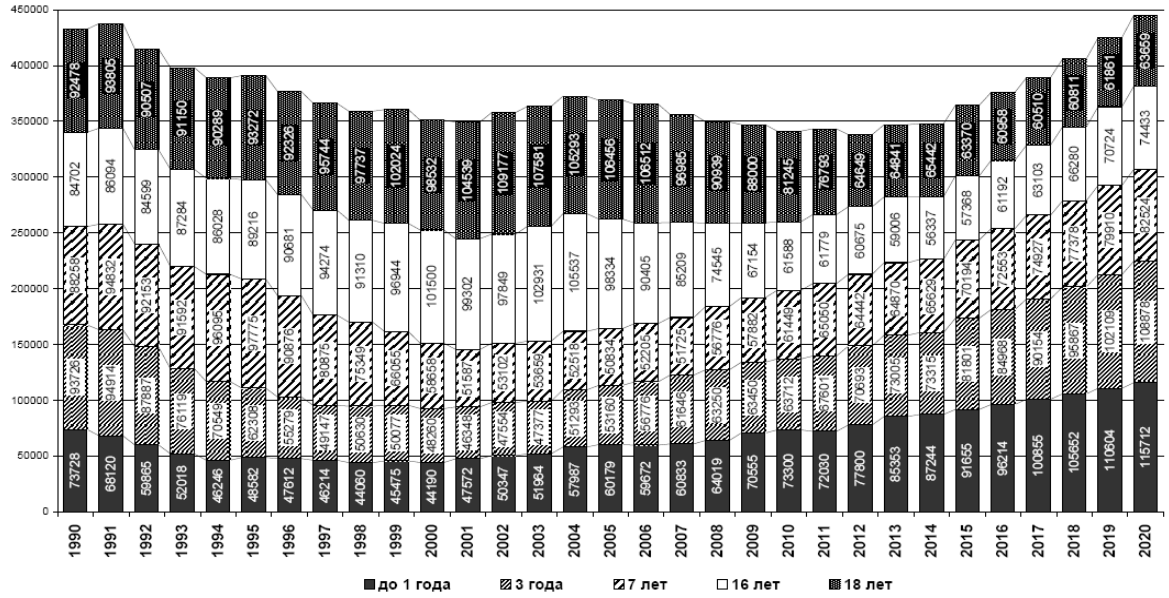

Рис. 2. Региональная ГМ возрастных когорт в Московской области (1990-2020 гг.), чел.

Как видно из приведенных на графике данных, в Московской области наблюдается положительный прирост численности практически по всем

рассматриваемым возрастным группам. Сложнее ситуация с 16 и 18-летними, так как начиная с 2004 года наблюдается спад. Однако к 2020 году тенденция изменяется.

Методика формирования кадрового потенциала образовательного учреждения рассмотрим на примере общеобразовательных школ региона. Модель Кадровый потенциал строится на основе анализа численности учителей (предметников) и половозрастной структуры в образовательных организациях (например, общеобразовательных учреждений региона). К полученному массиву информации применяется Метод передвижки возрастов, позволяющий увидеть потенциальную потребность в работниках (передвижка возрастных когорт предпенсионного возраста в пенсионный) и по направлениям обучениям (учителей предметников). Моделируется потенциальная потребность в учителях на 2-3 периода (с амплитудой 5 лет). В модели так же можно учесть приток молодых кадров, за счет количественного прогноза прихода молодых специалистов в школы (их численное значение вычитается из потенциальной потребности в работников по предметам на указанные в модели периоды). В результате прогнозируется «Кадровый потенциал школ» и имеется возможность определить самых востребованных учителей в регионе через 5 лет, Педагогические ВУЗы имеют возможность на этапе квотирование мест на будущий год приема абитуриентов определить каких именно предметников необходимо подготовить в каком количестве при гарантированном трудоустройстве студентов после окончания обучения.

Алгоритм формирования «Кадрового потенциала школ» следующий:

1. Делается запрос в региональную структуру управления общеобразовательными организациями. В нем указывается на необходимость предоставления следующей информации: Название школы; Количество классов; Показатели наполняемости классов; Потребность в учителях. По каждой из школ необходима информация по учителям: Учитель предметник; Возраст (полных лет); Образование; Категория; Стаж. По каждой из школ необходима информация по молодым кадрам (в динамике за 5 лет).

2. Формируется массив данных: база данных (в таблицах MS Excel).

3. В Модели указывается три периода для применения Метода передвижки возрастов (например, с амплитудой 3, 5 и 5 лет соответственно).

4. Рассчитывается «переход» учителей из предпенсионного возраста в пенсионный (с учетом пенсионного возраста 55 лет). Таким образом, получаем краткосрочный (на 3 года), среднесрочный (8 лет) и долгосрочный прогноз (13 лет) в потенциальной потребности в учителях.

5. На полученный массив данных потенциальной потребности в учителях накладываем прогноз «притока» молодых специалистов.

6. После вычислений получаем Модель «Кадровый потенциал школ».

7. С помощью системы запросов можно определить самых востребованных учителей в регионе через 5 лет.

8. Полученную информацию доводим до системы подготовки педагогических кадров (Педагогические ВУЗы). У последних появляется возможность на этапе квотирование мест на будущий год приема абитуриентов определить каких именно предметников необходимо подготовить и в каком количестве. Это гарантирует трудоустройство студентов с «квотированных мест» после окончания обучения.

Результата формирования кадрового потенциала образовательного учреждения приведем на примере полученных результатов для общеобразовательных учебных заведений городского округа Коломна (рис. 3).

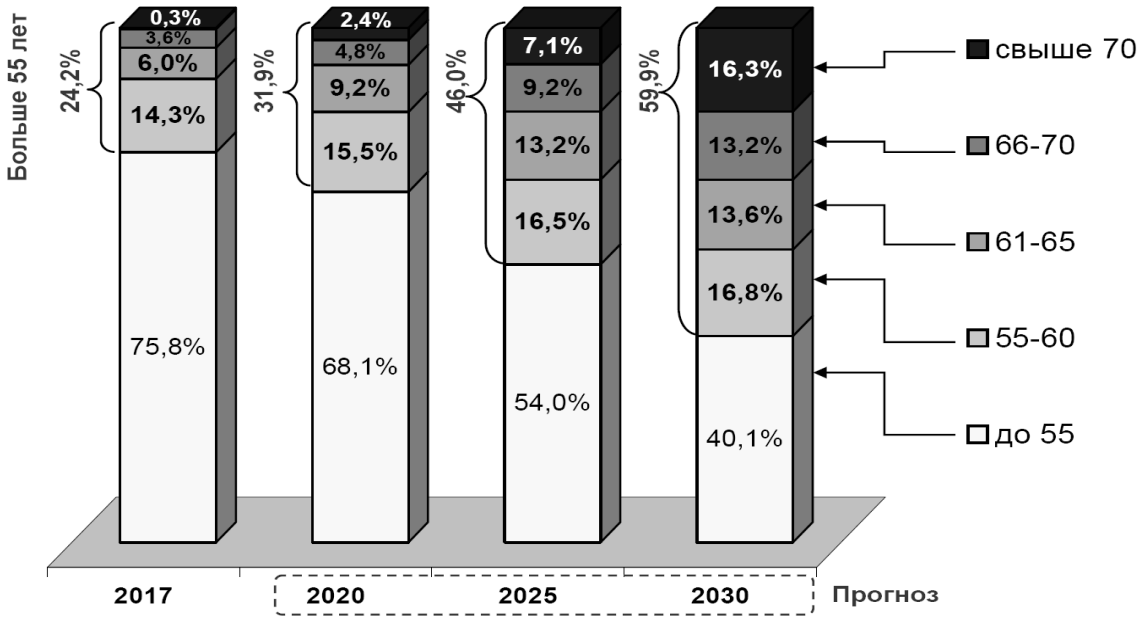

Рис. 3. Доля учителей пенсионного возраста в школах Коломенского городского округа 2020, 2025, 2030 гг. (основа сравнения 2017 г.)

В 2017 году доля учителей пенсионного возраста в рассматриваемом муниципалитете составила около 25%. При существующей динамике в 2020 году доля учителей старше 55 лет уже будет 1/3. К 2030 году – 60%. Необходимо отметить «глубину» пенсионного возраста. Если в 2017 году учителей свыше 70 лет было менее 0,5%, то к 2030 году таких будет более 15%.

Для анализа сбалансированной структуры численности персонала необходимо оценить возможность «компенсации» учителей-пенсионеров молодыми кадрами. Динамика количества молодых специалистов в школах городского коломенского округа с 2013 по 2017 гг., а также прогноз до 2030 года, представлен на рис. 4.

Было выявлено, что потенциальной потребности в учителях, при неизменности существующих условий к 2030 году, дефицит может составить более 800 человек. Была также определена десятка самых востребованных учителей (по предметам) в школах Коломенского городского округа. Данный подход был использован для нескольких регионов (Наро-Фоминск, Кашира, Озеры, Луховицы и т.д.) и доказал свою состоятельность.

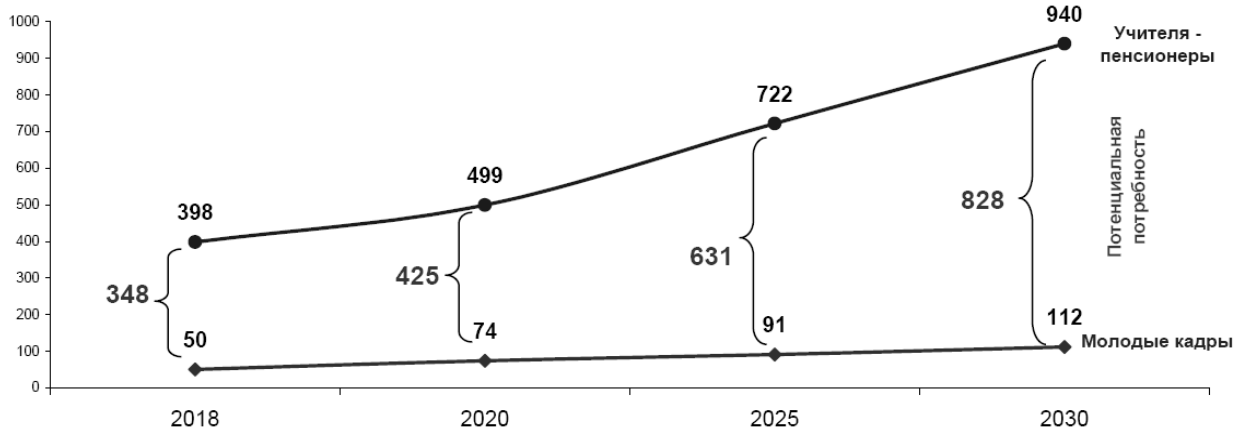

Рис. 4. Количество молодых специалистов в школах Коломенского городского округа 2020, 2025, 2030 гг., чел.

Список литературы

1. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Гребневая модель возрастной структуры детей и молодежи «Ridge Model ver.1.0» // Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ в РОСПАТЕНТ, №2018613095 от 02.03.2018.

2. Римашевская Н.М., Медведева Е.И., Крошилин С.В. Региональная гребневая модель для оптимизации системы образования // Народонаселение. М.: ИСЭПН РАН. – 2016. №4 (74). С. 39-46.

3. Римашевская Н.М., Медведева Е.И., Крошилин С.В. Гребневая модель прогноза половозрастной структуры детей и молодежи // Народонаселение – М.: ИСЭПН РАН. 2014. №3. С. 57-68.

4. Крошилин С.В. Реформирование образования и демографические проблемы в России // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. Гуманитарные науки // Коломна: ГСГУ, № 1 (21) 2016, С. 21-29.

5. Рыбаковский Л.Л. Результаты современной демографической политики России // Народонаселение. М.: ИСЭПН РАН. 2014. № 1. С. 4-5.

6. Доброхлеб В.Г., Медведева Е.И., Крошилин С.В. Новые подходы к моделированию возрастной динамики численности детей и молодежи // Экономический журнал.М.: РГГУ, Каллиграф, 2014. №3 (35). С. 30-37.

7. Медведева Е.И. Прогнозирование потребности в образовательных услугах в регионах на основе гребневой модели //Электронное обучение в непрерывном образовании 2015. II Международная научно-практическая конференция (Россия, Ульяновск,16 – 18 марта 2015 г): сборник научных трудов. Т.1. Ульяновск: УлГТУ, 2015. С. 103-109.

УДК 338.4
Морошкина Марина Валерьевна
к.эк. н, научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, Россия
Поташева Ольга Вячеславовна
к.эк. н, научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, Россия

Зависимость образовательного потенциала от уровня развития экономики региона[120]

Аннотация. *Оценка зависимости экономического развития региона и социальных показателей является актуальной для понимания причин и снижения региональной неоднородности. Исследование нацелено на определение зависимости уровня развития территории и образовательного потенциала. Методом оценки является ранжирование и регрессионный анализ. Проведенный анализ не выявил зависимости между развитием региона и уровнем образовательного потенциала.*
Ключевые слова*: экономическое развитие, ВРП на душу населения, образовательный потенциал, регрессионная зависимость.*

Введение. Экономическое развитие российских регионов имеет крайне неодинаковую динамику. Вопросы неравномерности регионального развития являются ключевыми в исследованиях по региональной экономике. Особого внимания заслуживают направления, факторы, процессы, которые позволяют определить воздействие на экономическое развитие территорий. Одни исследователи считают, что на динамику экономического развития регионов оказывает влияние ресурсный потенциал территории [1]. Другие, видят причину в наличии финансовых потоков и развитии финансовой инфраструктуры [2]. Часть исследователей особое значение отводят количеству и качеству человеческого потенциала, который определяет основные направления экономического развития [3].

Важность и значимость в понимании процессов неравномерности регионального развития имеют все направления, так как процесс региональной дифференциации не является однозначным [4]. Оценка региональной асимметрии имеет множество причин, которые влияют на ее динамику. В результате существующих методик и подходов к оценке и объяснению причин, выявлены некоторые обобщающие характеристики территорий, занимающих лидирующие позиции. Большинство исследователей к таким характеристикам относят наличие производственного и ресурсного потенциала, развитость финансового и банковского сектора, активность экономической политики.

Особое значение в контексте экономического развития территорий отводится качественным и количественным характеристикам человеческого

[120] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00549 «Межрегиональная дифференциация российских регионов»

капитала, обеспечивающего большинство социально-экономических и производственных процессов. В рамках данного исследования аспекту использования образовательного потенциала региона уделяется особое внимание, данный показатель рассматривается в качестве определяющего т.к. показывает процесс формирования человеческого капитала территории. Оценивая экономическое развитие регионов по показателю ВРП на душу населения и выделяя группы регионов лидеров и регионов аутсайдеров, проводиться сопоставление параметров по уровню образовательного потенциала, который оценивается по показателю численности студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования (программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек). Проведенное исследование позволит глубже оценить влияние человеческого капитала на динамику регионального развития

Методология. В рамках проведенного исследования уделяется внимание сложности исследования, которая выражается в многообразии исследуемых факторов и показателей. Изучение качественных и количественных показателей развития исследуемых российских регионов определяется ресурсным потенциалом, зависит от динамики общей численности населения, ряда экономических показателей развития, таких как ВРП, уровень развития промышленного сектора, инвестиционные потоки и ряда других.

Оценка влияния образовательного потенциала региона может быть рассмотрена при исследовании значительного количества показателей региональной системы образования. В рамках данной работы анализируется показатель численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек.

Информационная база исследования включает данные Федеральной службы государственной статистики, а также статистические данные, публикуемые в отечественных и зарубежных изданиях и представленные на Интернет-сайтах.

Результаты работы, характеризующие научную новизну, включают следующее:

- сравнительный анализ ряда экономических и социальных показателей за разные периоды времени;
- оценка развития российских регионов на основе классических методов анализа.

В рамках работы будет проведен сравнительный анализ территорий на основе статистических данных по основным экономическим и социальным показателям. В результате анализа будет изучена динамика развития территорий, находящихся на разных уровнях экономического роста.

Результаты. Неравномерность российских регионов, отмечаемая по экономическим показателям, влияет на большинство процессов происходящих на территории. Оценив и выделив регионы, обладающие потенциалом экономического роста, становиться возможным и определить уровень влияния на другие экономические показатели. В рамках данной статьи авторы анализируют зависимость экономического развития территории, оцениваемая

по показателю ВРП на душу населения и показателя численности студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек.

Показатель ВРП на душу населения определяется как индикатор экономического развития территории. Большинство исследователей, оценивая динамику экономического развития регионов, принимают показатель за основной [5, 6, 7].

Таблица 1-Валовый региональный продукт на душу населения (млн рублей), 2018 год

Субъекты	2018
ВРП РФ	578 740,0
Сахалинская область	2 407 929,4
Тюменская область	2 370 551,5
Чукотский автономный округ	1 578 496,1
г. Москва	1 423 588,6
Магаданская область	1 196 690,1
Осетия – Алания	185 641,3
Кабардино-Балкарская Республика	168 192,1
Карачаево-Черкесская Республика	165 358,9
Чеченская Республика	133 435,8
Республика Ингушетия	112 553,4

**Источник: данные Росстата*

Оценка регионального массива данных по показателю ВРП на душу населения определила регионы, которые обладают высоким значением. Высокий позиции рейтинга занимают субъекты Российской Федерации, у которых экономика имеет ресурсную направленность.

Другим направлением, которое исследуется, является оценка использования человеческого капитала в общероссийском формате. Рассмотренная классификация регионов (таблица 1) по показателю ВРП на душу населения определила различия распределения регионов методом ранжирования в зависимости от обеспеченности территории ресурсным и финансовым потенциалом. Рассмотрев распределение регионов РФ по уровню развития образовательного направления можно определить наличие зависимости экономического развития и уровня образования.

Замечено, что: «Динамика изменения численности студентов российских вузов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры за период с 2000 по 2017 гг. представлена до 2008 г. ежегодно увеличивалась и составила в 2008 г. 7 млн 513,1 тыс. чел. После 2008 г. наблюдается резкое сокращение численности студентов, так в 2017 г. этот показатель составил 4 млн 245,9 тыс. чел.3 , т.е. в 2017 г. количество студентов в РФ уменьшилось в 1,8 раз по сравнению с 2008 г.» [8].

Полученные результаты показали, что часть лидирующих регионов по индикатору ВРП на душу населения попадают в отстающие по показателю численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета,

магистратуры, на 10000 человек, что позволяет говорить об отсутствии зависимости между данными показателями.

Таблица 2-Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек, 2018 г.

субъекты	2018
г.Москва	560
г.Санкт-Петербург	550
Томская область	548
Орловская область	410
Омская область	405
Московская область	108
Мурманская область	106
Ленинградская область	42
Чукотский авт.округ	34
Ямало-Ненецкий авт.округ	14

Проведенный анализ показал, что специализация регионов в группе лидеров и аутсайдеров в исследуемых показателях отличается, что говорит о отсутствии влияния ресурсного потенциала на показатель развития образовательного потенциала. Другим направлением, позволяющим оценить уровень зависимости исследуемых показателей является построение регрессионной зависимости (рисунок 1).

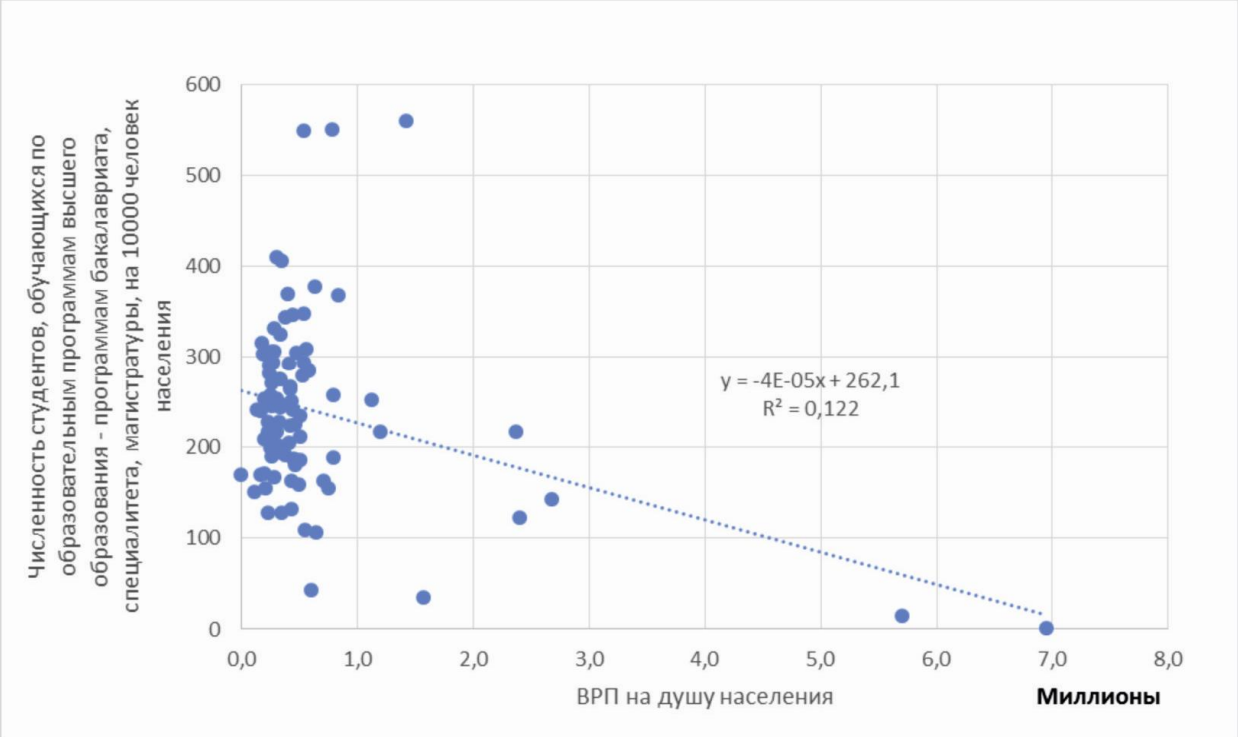

Рис.1. Зависимость ВРП на душу населения и показателя численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 человек, 2018 г.

Полученные результаты проведения регрессионного анализа подтверждают выводы, получившиеся по исследованию лидирующих и отстающих групп регионов. Коэффициент корреляции не значительный, зависимость между исследуемыми переменными не высокая.

Вывод. В настоящее время наблюдается отсутствие прямого влияния численности студентов на экономику российских регионов, с учетом влияния демографического кризиса в 1990-х на уровень численности обучающихся в организациях высшего образования. Срабатывает фактор ресурсной зависимости региональной экономики. Но по прогнозам специалистов [9] улучшение ситуации предсказывается лишь к 2030 году, при этом подчеркивается, что число вузов расти не будет, но число мест в них будет увеличиваться.

На следующем этапе исследования следует обратить внимание на сильное влияние фактора географического положения на дифференциацию регионов по качеству населения и структуру занятых с уровнем высшего и среднего профессионального образования.

Список литературы

1. Колмакова Е.М., Колмакова И.Д., Дегтярева Н.А. Пространственное развитие региона в контексте стратегии социально-экономического роста //Вестник Челябинского государственного университета. 2018. №3(413). Экономические науки. Вып. 60. С. 30-37.
2. Сахиб Б.Е. (2019) Концептуальные подходы к обеспечению регионального экономического роста / Региональная экономика. №122. УЭкС. - (04.04.2019) http://uecs/economicheskiy-analiz/item/5458-2019-04-08-07-41-16
3. Поташева О.В., Морошкина М.В. Статистическая оценка региональных различий субъектов РФ по уровню образовательного потенциала молодых поколений населения. - Статистика и Экономика. 2018. 15(2). 38-48. DOI: 10.21686/2500-3925-2018-2-38-48 34/S1075700716040122
4. Морошкина М. В. Дифференциация российских регионов по уровню экономического развития / Проблемы прогнозирования. 2016. №4(157). С. 09-115. doi 10.11
5. Коломак Е. А. (2013) Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. № 2. С. 132–150.
6. Маслихина В.Ю. (2012) Межрегиональная дифференциация в России //Научный журнал КубГАУ. №84(10). С. 1-12
7. Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала // Экономика региона. 2015. №4. С. 185-196. doi 10.17059/2015-4-15
8. Жукова Д.В., Суханова Е.И. Эконометрическое моделирование влияния социально-экономических показателей развития регионов РФ на численность студентов вузов // Российская наука: актуальные исследования и разработки. Сборник научных статей VII Всероссийской научно-практической конференции. Том. Часть 1. Издательство: Самарский государственный экономический университет. 2019. С. 71-74.

9. Семенец А. Вузы недосчитаются студентов? Федеральное информационно-аналитическое агентство "Росбалт". URL: http://www.rosbalt.ru /moscow/2018/06/25/1712823.html (дата обращения: 19.02.2019).

УДК 331.53

Шевалдина Елена Ивановна
к.социол.н., доцент кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Россия

Проблемы занятости выпускников ВУЗов в Республике Башкортостан

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблема занятости выпускников ВУЗов в Республике Башкортостан, которая заключается в том, что, начиная с момента появления молодых специалистов на республиканском рынке труда, возникает противоречие: регион и ВУЗы занимаются трудоустройством выпускников, но при этом они решают данную задачу независимо друг от друга и, как следствие, безработица среди выпускников повышается.*

Ключевые слова*: высшее образование, выпускник, трудоустройство, трудовая мотивация.*

Высшее образование в Республике Башкортостан является системой, где формируются знания и перспективы для обеспечения инновационного развития республиканской экономики. Преимущества, которые житель республики получает благодаря высшему образованию, заключаются в возможности более высоких заработков и потенциальной защите от безработицы. На практике между результатами функционирования сферы высшего профессионального образования и потребностями рынка труда в РБ существуют противоречия, которые выражаются в сочетании высокой потребности предприятий и организаций в квалифицированных и образованных кадрах и невостребованности на рынке труда выпускников ВУЗов, ищущих работу впервые. Данные противоречия значительно усилятся по итогам пандемии коронавирусной инфекции, одним из неблагоприятных итогов которой станут рост безработицы, закрытие многих субъектов малого и среднего предпринимательства.

Данное положение, прежде всего, сложилось из-за невозможности республиканских ВУЗов преодолеть следующие проблемы в своей деятельности:

- система профессионального образования не полностью соответствует структуре потребностей рынка труда, особенно в условиях его трансформации в рамках общероссийского режима самоизоляции;
- не получили должного развития системы непрерывного профессионального образования и послевузовского образования;

- несоответствие ресурсного обеспечения сферы образования задачам социально-экономического развития республики;

- отсутствие единой шкалы качества образовательных услуг в высших образовательных учреждениях и у потенциальных работодателей;

- незначительное влияние имеющихся производственных и отраслевых связей с предприятиями и организациями на управление качеством образования в республиканской образовательной системе;

- недостаточное информирование потенциальных работодателей о содержании и объёме образовательных услуг с целью получения от них информации для внесения поправок на этапе составления рабочих программ учебных дисциплин;

- отсутствие успешной конкуренции со студентами других регионов в условиях всероссийского рынка образовательных услуг при проведении профессиональных конкурсов и разработки студенческих проектов;

- в условиях снижения доходов населения образование перестало играть роль «социального лифта», снизилась образовательная и социальная мобильность молодежи, ограничен доступ детей из низкодоходных семей к качественному образованию.

Свою роль в диспропорции на рынке труда между спросом и предложением рабочей силы, невостребованностью выпускников ВУЗов сыграла отмена государственного заказа на подготовку специалистов и отмена системы обязательного распределения выпускников. При отсутствии трудоустройства сразу по окончании ВУЗа или при трудоустройстве выпускников на работу не по специальности наблюдается экспоненциальное сокращение профессионального потенциала, навыков и умений, полученных в ВУЗе.

В Республике Башкортостан с этой целью в сфере образования на период до 2030 года был определен круг задач по обеспечению доступности и качества образования, соответствующего требованиям инновационного развития, позволяющего максимально эффективно использовать человеческий потенциал и создать условия для самореализации граждан в течение всей жизни. Для достижения заданных целевых ориентиров были запланированы следующие основные направления:

- участие в приоритетном проекте «Подготовка высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров с учетом современных стандартов и передовых технологий»;

- участие в приоритетном проекте «ВУЗы как центры пространства создания инноваций»;

- участие в приоритетном проекте «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации».

- участие в конкурсных проектных мероприятиях, проводимых в рамках реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»;

Дисбаланс между рынком образовательных услуг и рынком труда, проявляющийся в низкой конкурентоспособности на рынке труда выпускников республиканских ВУЗов, призвана преодолеть государственная политика занятости, целью которой является содействие реализации прав

граждан на полную, продуктивную и свободно избранную занятость. В рамках этой политики необходимо активизировать взаимодействие всех сторон, что предусматривает выполнение следующих мероприятий:

- обеспечение участия работодателя в мониторинге рынка труда;
- разработка государственных образовательных стандартов, процедур контроля качества подготавливаемых системой профессионального образования специалистов, как во время обучения, так и при выпуске из учебного заведения;
- изучение инновационных практик удалённой работы, актуальных для участия студентов в деятельности потенциального работодателя ещё на стадии вузовского обучения.

Реализация обозначенных мер будет осуществляться в соответствии с положениями Постановления Правительства Республики Башкортостан от 21 февраля 2013 года N54 «О государственной программе "Развитие образования в Республике Башкортостан" (с изменениями на 20 января 2020 года) и Постановления Правительства Республики Башкортостан от 29 августа 2016 года N354 «Об утверждении Концепции управления трудовыми ресурсами Республики Башкортостан на период до 2025 года» (с изменениями на 4 июля 2018 года).

Несмотря на то, что в условиях пандемии и режима самоизоляции спрос на сотрудников во многих отраслях заметно снизился, выделились сферы, которые сейчас очень нуждаются в квалифицированных сотрудниках. Это медицина, фармацевтика, IT-технологии, транспорт и логистика, агрохолдинги и сфера безопасности. Обновлённый, после снятия запретов, рынок труда должен превратиться в мощнейший регулятор системы профессиональной подготовки кадров, выступая одновременно и заказчиком, и контролером качества образовательного продукта. Роль республиканских органов власти должна сводиться к обеспечению необходимых условий для реализации мероприятий, включающих разработку стимулов для привлечения бизнеса к финансированию профессионального образования, участие в долевом финансировании подготовки специалистов.

Для выхода из сложившейся ситуации ВУЗам Республики Башкортостан можно предложить несколько решений:

- постоянно проводить мониторинг рынка труда, своевременно вносить изменения в образовательные стандарты и учебные дисциплины;
- изучать передовые образовательные практики, особенно их дистанционные формы;
- поддерживать партнерские отношения с потенциальными работодателями;
- нацеливать студентов на диверсификацию источников доходов от своей трудовой деятельности в организациях всех форм собственности;
- организовывать стажировку и практику студентов на предприятиях, в организациях;
- осуществлять анализ соответствия качества подготовки специалистов требованиям рынка труда по итогам первого года работы выпускника и в последующие годы путём анкетирования работодателей и опроса самих выпускников;

- осуществлять поиск места работы для частичной занятости студентов, изъявивших желание работать в свободное от учебы время в период самоизоляции или каникул;

- проводить консультации для студентов и выпускников вузов по вопросам составления резюме, планирования карьеры, существующих технологий поиска работы, самопрезентации, специфики прохождения собеседования.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Государственная программа Российской Федерации "Развитие образования". [Электронный ресурс]: https://docs.edu.gov.ru/ document/ 3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/ (Дата обращения 28.04.2020).

2. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 21 февраля 2013 года N54 «О государственной программе "Развитие образования в Республике Башкортостан" (с изменениями на 20 января 2020 года). [Электронный ресурс]: http://docs.cntd.ru/document/463501208 (Дата обращения 28.04.2020).

3. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 29 августа 2016 года N354 «Об утверждении Концепции управления трудовыми ресурсами Республики Башкортостан на период до 2025 года» (с изменениями на 4 июля 2018 года). [Электронный ресурс]: http://docs.cntd.ru/document/432994809 (Дата обращения 28.04.2020).

УДК 372.893

Ястребова Наталья Валерьевна
старший преподаватель кафедры географии и методики преподавания географии, УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь
Оберюхтина Татьяна Евгеньевна
старший преподаватель кафедры востоковедения ФГАО ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина», г. Екатеринбург, Россия

Особенности преподавания отдельных вопросов демографии в школьных курсах географии Российской Федерации и Республики Беларусь

Аннотация. *Данная статья направлена на выявление различий в изучении вопросов демографии в школьных курсах географии в Республика Беларусь и России. В результате сравнительного анализа, было выявлено, что вопросы демографии в школьном курсе географии в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь рассматриваются на протяжении 8-10-ого классов, с более детальным изучением населения*

страны в 9-ом. В России в результате проведенной реформы в системе школьного образования и перехода на ФГОС данные вопросы поднимаются на протяжении изучения всего курса географии с углубленным изучением в 7,9,10 и 11 классах.

Ключевые слова: *образовательный процесс, география населения, практико-ориентированное обучение, демография.*

В связи с продолжающимся в Республике Беларусь переходом образовательного процесса на обновленное содержание образовательной программы среднего образования отдельные вопросы демографии начинают рассматриваться при изучении раздела I «Население и его хозяйственная деятельность» в курсе «География. Страны и народы» (8 класс). На изучение самого раздела отводится 33 учебных часа (урока), а непосредственно на изучение темы 2 «Население мира» только 5 [5].

В рамках рассмотрения данной темы у учащихся формируются *знания*:

– численности населения мира и Республики Беларусь;
– динамики численности населения мира;
– факторов, определяющих изменение численности и плотности населения;
– расового состава населения и его географии;
– мировых религий и ареалов распространения христианства, ислама и буддизма;
– об этническом составе населения;
– национальных религиях;
– статусе объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО;

основных понятий: демография, естественный прирост, миграция населения, плотность населения, урбанизация, агломерация, раса.

Умения и навыки:

– характеризовать динамику численности населения мира;
– выявить особенности размещения населения;
– показать на карте ареалы с наибольшей и наименьшей плотностью населения в мире, ареалы распространения основных мировых религий;
– сравнивать динамику численности населения регионов мира, объяснять эти изменения;
– анализировать средние показатели естественного прироста населения регионов мира, сравнивать их и объяснять различия;
– анализировать факторы естественного движения населения и последствия миграций;
– характеризовать расовый, этнический, конфессиональный состав населения;
– характеризовать особенности материальной и духовной культуры;
– находить и показывать на карте объекты всемирного наследия ЮНЕСКО;

– решать задачи по определению изменения численности населения.

Кроме того, в рамках изучения темы предусмотрено выполнение практической работы №1* «Решение задач на определение численности населения с учётом рождаемости, смертности и миграции населения».

Цель данной работы: научиться определять зависимость численности населения от рождаемости, смертности и миграции; совершенствовать умение работать со статистическими данными [3].

В качестве ключевых заданий учащимся предлагается на основании приведённых данных рассчитать демографические показатели естественного прироста населения мира, коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста, а также демографические показатели Беларуси: естественный прирост населения, сальдо внешней миграции, абсолютный прирост населения.

Углубленное рассмотрение вопросов демографии, но уже с учётом национального и краеведческого факторов, продолжается в курсе «География Беларуси» (9 класс) при изучении темы 5 «География населения» (4 учебных часа) [5].

Учитывая психолого-педагогические особенности учащихся 9-х классов, а также узкую специализацию дисциплины, учебная программа направлена на формирование:

знаний понятий «депопуляция», «экономически активное население», «расселение», «город-спутник», «агрогородок»;

представлений о демографических процессах Беларуси, структуре населения по полу и возрасту;

умений характеризовать особенности размещения населения; рассчитывать по статистическим данным; трудовые ресурсы, этнический и религиозный состав населения; типы расселения; определять перспективы развития крупных городов и городских агломераций.

Как фактор закрепления учебного материала предусмотрено выполнение практической работы №5 «Построение диаграммы половозрастной структуры населения Беларуси и её анализ». В процессе выполнения работы, учащиеся совершенствуют умения работать со статистическими данными для построения диаграммы половозрастной структуры населения Беларуси и её анализа.

Фактическое закрепление темы демографии происходит в 10 классе при изучении курса «География. Социально-экономическая география мира» в разделе 2 «География населения мира» (10 учебных часов) [6].

С целью детализации и закрепления учебного материала данный раздел разбит на темы:

– Тема 3. «География демографических понятий»;
– Тема 4. «География международной миграции»;
– Тема 5. «География расселения мира».

Кроме углубленного рассмотрения демографических процессов и их географии, половозрастной структуры населения мира, факторов и видов

миграции населения, учебной программой предусмотрено изучение теории демографического перехода, проблемы беженства в современном мире, причин и географии.

Подытоживает курс демографии написание двух практических работ: практической работы №1 «Составление демографического профиля развитых и развивающихся стран по типовому плану» и практической работы №2 «Два портрета урбанизации: сходства и различия между развитыми и развивающимися странами по типовому плану».

После перехода общего (школьного) образования на новый федеральный государственный образовательный стандарт в России, предмет география переместился из раздела естественнонаучные дисциплины в раздел общественно-научных предметов, что в априори предполагает рассмотрения географических вопросов с антропоцентричной точки зрения. Школьная география направлена теперь на понимание основных принципов жизни общества, роли окружающей среды как важного фактора формирования качеств личности, ее социализации [8].

На протяжении всего курса географии с 5 класса по 9 класс рассматривается место человека в географической оболочке, его влияние на окружающую среду и взаимодействие с природой. Вопросы демографии впервые начинают рассматриваться лишь в 7 классе. Рассмотрим на примере учебно-методического комплекса Домацких Е.М. «География».

В 7 классе из 68 часов на раздел «Земля – планета людей. Человек разумный» отводиться лишь 5 часов, 1 час из которых теме «Население Земли». В рамках темы, учащиеся знакомятся с понятиями «раса», «расселение население», «плотность населения», «численность населения». При изучении данной темы у учащихся формируются следующие универсальные учебные действия:

- Формировать целостное мировоззрение, соответствующее современному уровню развития науки и общественной практики;
- Поиск и выделение необходимой информации с помощью ИКТ, энциклопедии;
- Научиться собирать информацию и применять ее на практике. Работа с ИКТ, энциклопедией [1].

Далее в рамках этого же курса «География. 7 класс» учащиеся знакомятся с особенностями расселения населения, распределения численности и этническом составе по материкам (Африка, Южная и Северная Америки, Евразия) в их сравнительном анализе.

В рамках федерального государственного стандарта основного общего образования (5-9 класс) построенного по логические цепочки от общего к частному, вопросы демографии вновь поднимаются в 9 классе в курсе социально- экономической географии России.

- Тема 3. Население России объем 7 часов включает в себя разделы: численность населения, этнический и религиозный состав населения, размещение населения, миграции, сельская и городская формы расселения, трудовые ресурсы и рынок труда. В рамках данный темы учащиеся, на примере своей страны, знакомятся ближе с понятиями «естественный

прирост», «воспроизводство населения», «трудовые ресурсы», «плотность населения», «миграции», «расселение», «урбанизация» [7]. На этом вопросы демографии в рамках основного общего образования завершаются.

На ступени среднего общего образования в России (10-11 класс) федеральный государственный стандарт предполагает разделение курса географии на базовый и углубленный [9].

В рамках базового курса географии 10-11 класс. Тема «География населения мира» (6 часов) рассказывает о динамике численности населения, рассматриваются вопросы состава населения, его сложности и мозаичности и, как следствие, сложного клубка этно-религиозных проблем. Делается важный вывод о том, что причина этих конфликтов кроется как в истории отдельных стран и территорий, так и в экономической сфере жизни общества [2]. В этой теме также реализуются межпредметные связи с историей, обществознанием.

Самый большой объём часов на изучение демографических вопрос представлен в курсе «География 10-11 класс. Углубленный уровень». В 10 классе, на протяжении всего процесса изучения, учащиеся сталкиваются с основными понятиями и терминами демографии сначала в мировом масштабе, затем на региональном уровне. В 11 классе изучение географии начинается с *Раздел 1. «Население и культура»*, которому отводится 24 часа из них на тему «Размещение населения» - 13 часов и на тему «Культурные районы мира - 11 часов.

Раздел 2. «Городское и сельское поселения» - 17 часов, где на тему «Урбанизация» запланировано – 10 часов и на «Система расселения» - 7 часов.

Углубленный курс более практикоориентированный и включает в себя практические занятия с обработкой и анализом демографических показателей [6].

В целом можно сказать, что переход на новые федеральные государственные образовательные стандарты в России и перенос географии из раздела естественнонаучных предметов в общественно-научные, привели к тому, что вопросы демографии поднимаются на протяжении изучения всего курса географии в основной школе (5-9 класс) и в средней (10-11класс) с более глубоким погружением в 7, 9, 11 (базовый уровень) и 10-11 (углубленный уровень) классах. В тоже самое время, в связи с переходом образовательного процесса Республики Беларусь на обновленное содержание образовательной программы среднего образования данные вопросы начинают рассматриваться в 8-ом классе, в 9-ом добавляется краеведческий компонент и локализация на уровне страны, а в 10-ом – фактически происходит конкретизация, углубление и обобщение изученного материала.

Список литературы

1. Вильгельм, Л.И. Календарно-тематическое планирование 7 класс к учебнику Е. М. Домогацких по новым стандартам [Электронный ресурс] / Социальная сеть работников образования – Режим доступа

https://nsportal.ru/shkola/geografiya/library/2015/02/01/kalendarno-tematicheskoe-planirovanie-7-klass-k-uchebniku-e-m, свободный. – Яз.рус.

2. Домогацких, Е.М., Алексеевский Н.И. Экономическая и социальная география мира, 10 класс Ч1.М.: Русское слово, 2014. 238 с.

3. Кольмакова, Е.Г. География. Страны и народы. 8 класс: тетрадь для практических и самостоятельных работ: пособие для учащихся учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Е.Г. Кольмакова, О.В. Сарычева, А.Г. Шандроха. 3-е изд. Минск : Аверсэв, 2020. 92 с. (рабочие тетради).

4. Плужникова, Т.С. Календарно- тематическое планирование 10-11 класс к учебнику Е. М. Домогацких по новым стандартам [Электронный ресурс] / Социальная сеть работников образования – Режим доступа https://nsportal.ru/shkola/geografiya/library/2019/01/07/rabochaya-programma-po-geografii-10-11-klass-k-uchebniku-e-m. – Яз.рус.

5. Сарычева, О.В. География. 8-9 кл.: примерное календарно-тематическое планирование : пособие для учителей учреждений общ. сред. образования / О.В. Сарычева, Л.В. Шкель. Минск: НИО: Аверсэв, 2020. 64 с. (Библиотека учителя).

6. Сарычева, О.В. География. 10-11 кл.: примерное календарно-тематическое планирование : пособие для учителей учреждений общ. сред. образования /О.В. Сарычева, Л.В. Шкель. Минск: НИО: Аверсэв, 2020.42 с. (Библиотека учителя).

7. Терехина Н.С. Календарно- тематическое планирование 9 класс к учебнику Е. М. Домогацких по новым стандартам [Электронный ресурс] / Социальная сеть работников образования – Режим доступа https://nsportal.ru/shkola/geografiya/library/2015/11/13/rabochaya-programma-ktp-po-geografii9-klass-umk-domogatskih-e-m, свободный. – Яз.рус.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] / Федеральные государственные образовательные стандарты – Режим доступа https://fgos.ru/, свободный. - Яз.рус.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс] / Федеральные государственные образовательные стандарты – Режим доступа https://fgos.ru/, свободный. - Яз.рус.

СЕКЦИЯ 6

КОМПЛЕКСНОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. ПРИМЕНЕНИЕ ГИС И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДАННЫХ В ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ, ДЕМОГРАФИИ И ГЕОДЕМОГРАФИИ

УДК 311.2

Аристова Екатерина Михайловна
к.ф.-м.н., доцент, доцент кафедры вычислительной математики и прикладных информационных технологий факультета прикладной математики, информатики и механики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Россия
Боева Яна Юрьевна
студент факультета прикладной математики, информатики и механики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Россия

Приложение для расчета и визуального изображения демографических показателей в регионе

Аннотация. *В статье рассказывается о работе приложения «Калькулятор», созданного для расчета основных демографических показателей и проведения сравнительного анализа.*

Ключевые слова*: демографические показатели, рождаемость смертность, временной интервал, логическая структура программы*

Демографический процесс – это последовательность однородных демографических событий в жизни людей, которая имеет значение для смены их поколений. Основными демографическими процессами являются рождаемость, смертность, брачность, расторжение брака, миграция, социальная мобильность (межгрупповые переходы). Эти процессы состоят из демографических событий, которые происходят с отдельными людьми и изменяют их демографическое состояние [1].

В ходе выполнения бакалаврской работы [2] было написано приложение «Калькулятор», которое предназначено для расчета основных демографических показателей и используется для представления данных для их сравнительного анализа. Программа обладает интуитивно понятным интерфейсом, пользователю предоставляется несколько вариантов действий: рассчитать необходимые показатели и рассмотреть их разницу между регионами за один год или за определенный период (рисунок 1). Логическая структура программы представлена на рисунке 2.

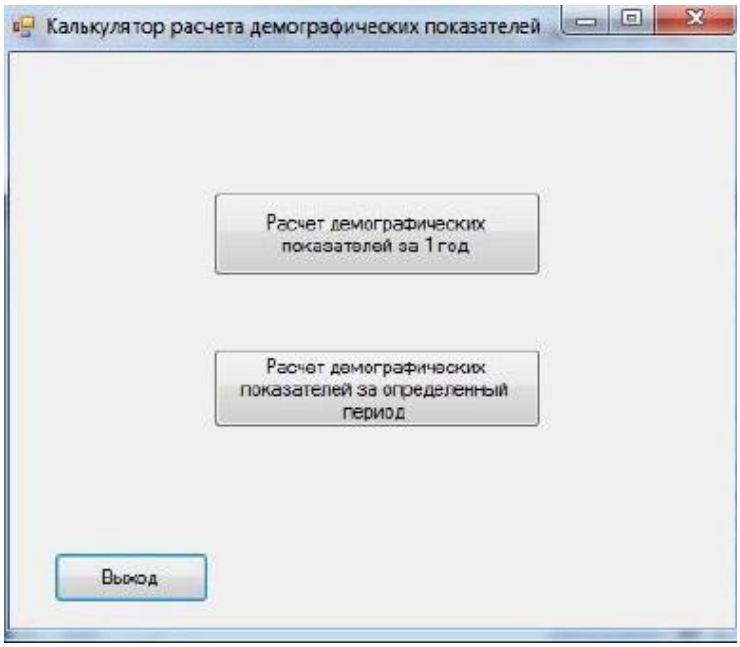

Рис. 1. Стартовое окно выбора

Рис. 2. Логическая структура программы

При нажатии кнопки «Рассчитать демографические показатели за 1 год» открывается новая форма, представленная на рисунке 3. Слева, в открывшемся окне, пользователю предлагается ввести данные, по которым будут рассчитываться коэффициенты: численность населения, количество родившихся, количество умерших, число заключенных браков и число разводов. Все пункты необходимо заполнить для нужных регионов (рассматривались Российская Федерация (РФ), Воронежская область (ВО) и Воронеж (В)). Если какое-то из полей будет пустым или заполнено не числовым значением, то программа выдаст ошибку.

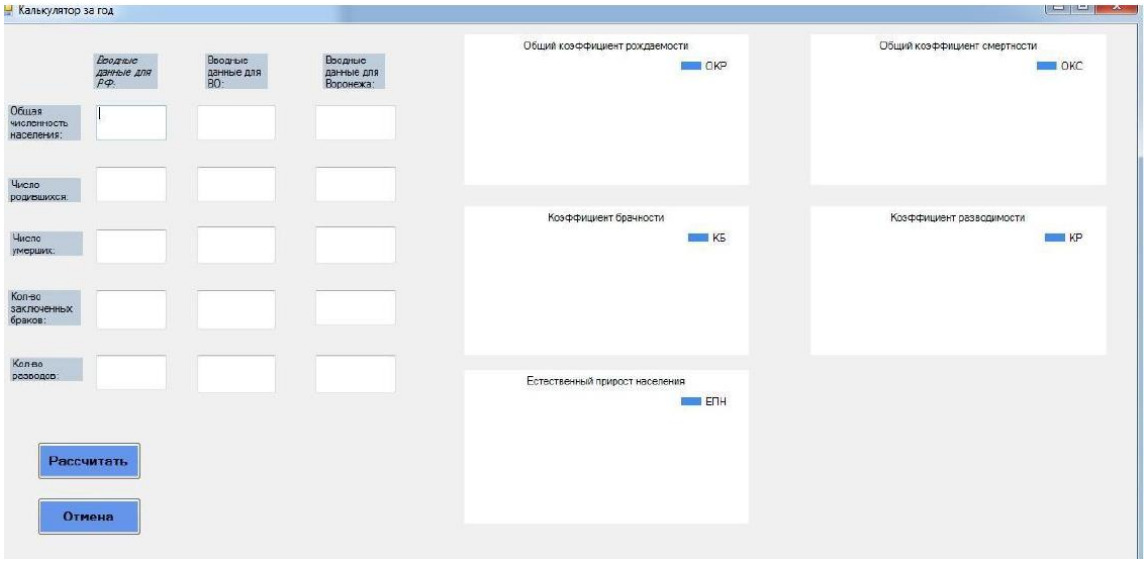

Рис. 3. Калькулятор демографических показателей за год

В правой части находится пространство под диаграммы. При запуске программы оно пустое. При нажатии кнопки «Рассчитать» введенные данные сохраняются в память приложения, рассчитываются необходимые коэффициенты. Затем строятся требуемые столбчатые диаграммы, по которым сам пользователь может сравнить демографическую ситуацию в рассматриваемых регионах. Таким образом, всего получается 5 диаграмм: общий коэффициент рождаемости (ОКР), общий коэффициент смертности (ОКС), коэффициент брачности (КБ), коэффициент разводимости (КР) и естественный прирост населения (ЕПН). У пользователя есть возможность вернуться к предыдущей форме.

Далее, нажав на кнопку «Расчет демографических показателей за определенный период», откроется новая форма (рисунок 4).

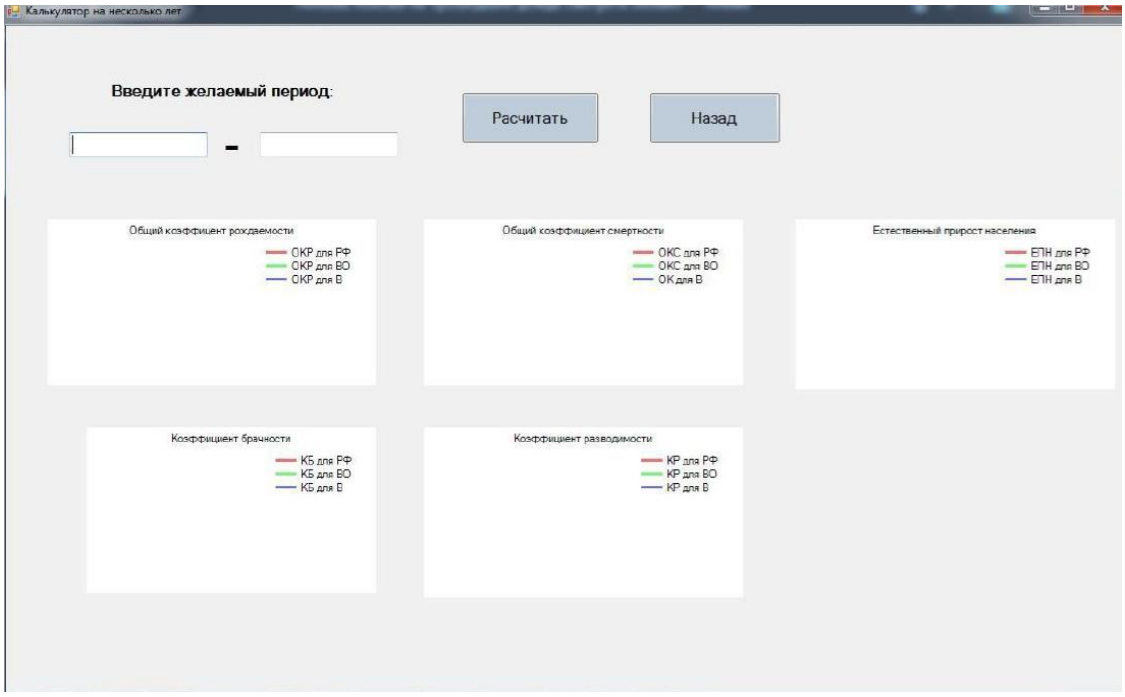

Рис. 4. Калькулятор демографических показателей за определенный период

Пользователю предлагается ввести необходимый временной интервал. Оставшееся пространство занимают графики. В этой части программы тоже осуществляется проверка введенных данных.

В случае удачно пройденных проверок, программа сохраняет введенный период, извлекает данные из файлов, по ним рассчитывает коэффициенты и изображает графики, выделяя каждый регион отдельным цветом.

Для демонстрации работы программы в качестве примера рассмотрим следующие входные данные (табл. 1) [3, 4].

Таблица 1- Входные данные по регионам

Показатель	РФ	ВО	В
Общая численность населения	143474219	2364939	848800
Число родившихся	1457376	19866	8400
Число умерших	2303935	43752	18800
Количество заключенных браков	1066366	16549	6000
Количество разводов	604942	10405	3200

Результаты работы программы представлены на рисунке 5.

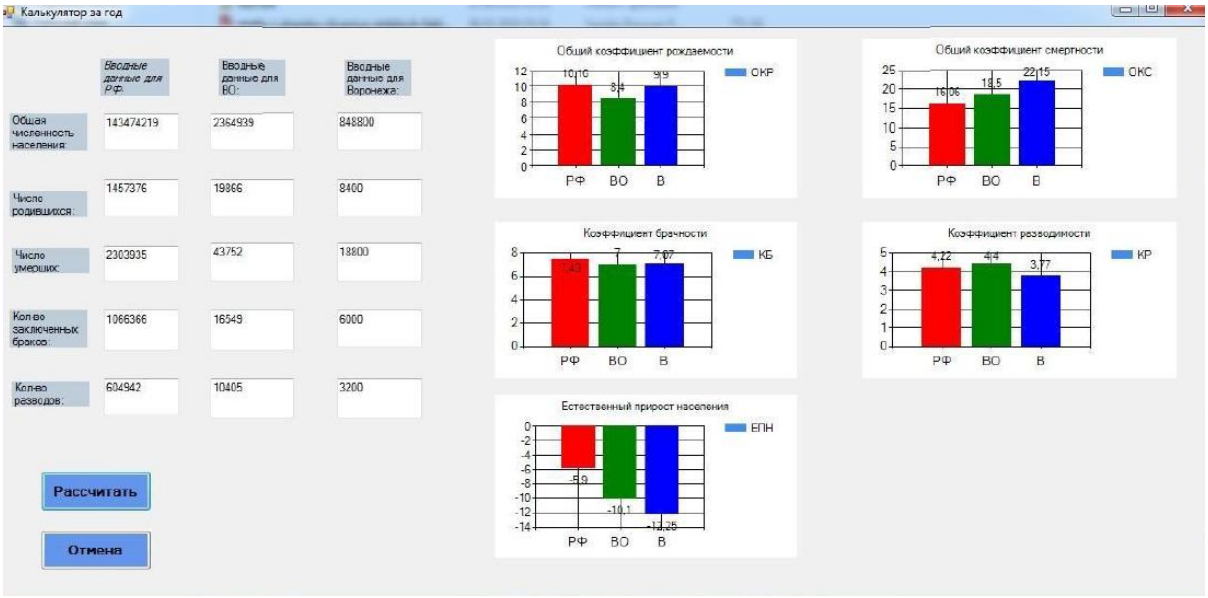

Рис. 5. Результаты тестирования

Обратим внимание на ОКР: мы видим, что этот коэффициент в РФ и Воронеже находится почти на одном уровне, в то время как в ВО несколько меньше. ОКС, напротив, в Воронеже является самым большим показателем. Пользуясь специальной шкалой, мы можем сделать вывод, что показатели в трех регионах отражают высокий уровень смертности. Причем в РФ он находится на нижней грани этого уровня, а в Воронеже практически уходит в очень высокий уровень смертности. ОКБ во всех регионах примерно одинаковый. По ОКРаз можно сделать вывод, что в Воронеже число разводов в расчете на 1000 человек меньше, чем в двух других регионах. Но

по ЕПН видно, что ситуация во всех регионах плачевная. Численность населения только падает.

Для демонстрации работы второй части программы рассмотрим данные (табл. 2) [3, 4].

Таблица 2- Входные данные по регионам

Год	Численность населения			Число родившихся			Число умерших			Количество заключенных браков			Количество разводов		
2005	14347219	2364939	848800	1457376	19866	8400	2303935	43752	18800	1066366	16549	6000	604942	10405	3200
2006	142753551	2360912	846300	1479637	19832	8400	2166703	41789	18100	1113562	17528	5904	640837	10346	3315
2007	142220968	2353805	840703	1610122	21185	9000	2080445	40720	17700	1262500	20426	7000	685910	11820	3900
2008	142008838	2344413	839900	1713947	22976	9800	2075954	40323	17700	1179007	17748	5864	703412	12434	3856
2009	141903979	2338997	843496	1767687	24326	10400	2010543	38594	17000	1199446	18744	6154	699430	13004	4000
2010	142856536	2334895	889680	1788948	23816	10200	2028516	39693	17000	1215066	19300	7120	639321	11454	4202

Результаты работы программы представлены на рисунке 6.

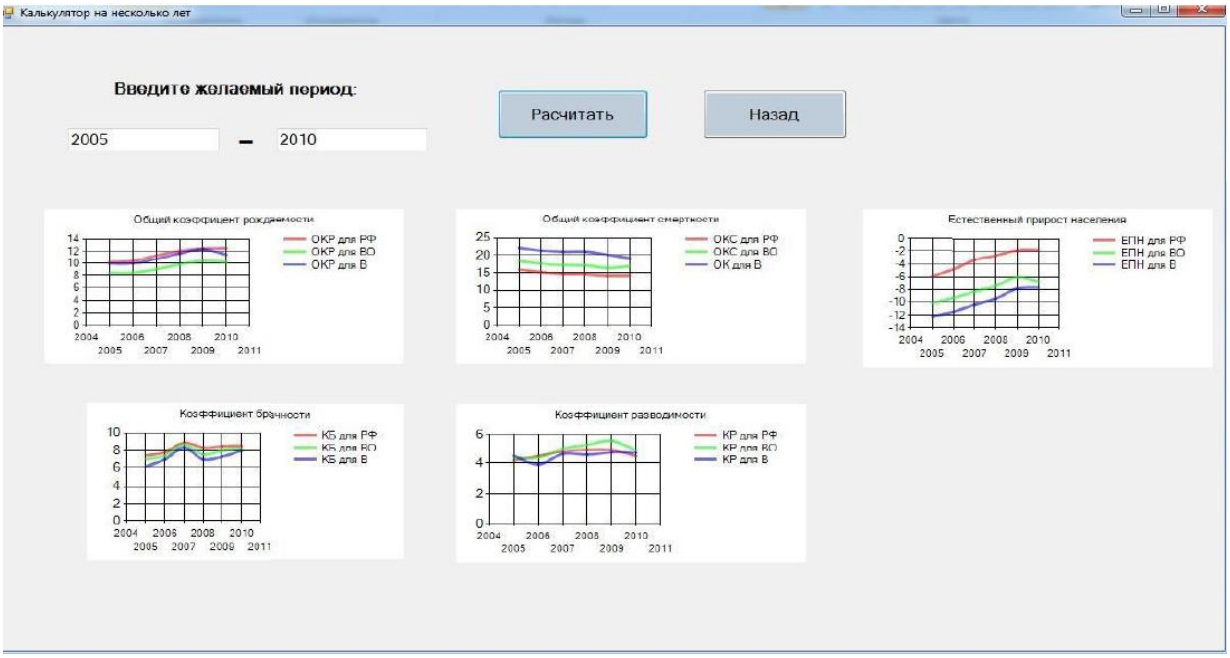

Рис. 6. Результаты тестирования

Анализ начинаем с рассмотрения ОКР. Наблюдается тенденция на увеличение. Графики похожи, но сами показатели в ВО меньше. ОКС уменьшается во всех регионах, но, тем не менее, показатели находятся на уровне высокой смертности. ОКБ медленно увеличивается со скачком в 2007 году. КР также растет по годам, только график Воронежа обладает некоторыми колебаниями. ЕПН увеличивается в данном временном периоде, в РФ почти выходит в 0, а вот Воронеж обладает самыми низкими показателями.

Таким образом, важно выявить в процессе анализа негативные тенденции, которые возникают в демографическом развитии страны. Такая необходимость связана с задачами прогнозирования и планирования социально-экономических процессов, в целом. Без предварительного демографического прогноза недопустимо представить альтернативы развития экономики в стране, производства и расходования товаров, социальной сферы и иных направлений развития.

Данное приложение может помочь в том, чтобы рассчитать необходимые демографические показатели и сделать соответствующие выводы.

Список литературы

1. Антипова Е.А. География населения мира: курс лекций / Е.А. Антипова. Минск: БГУ, 2003. - 99 с.
2. Боева Я.Ю. Анализ факторов, определяющих демографическую ситуацию в стране: бакалаврская работа: 01.03.02 / Я. Ю. Боева; Воронежский государственный университет; научный руководитель: Е. М. Аристова. Защищена: 29.06.2020. Воронеж, 2020. - 62 с. – На правах рукописи.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: http://www.gks.ru.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики ВО. – URL: https://russia.duck.consulting.

УДК 314.7

Бухаров Дмитрий Николаевич
старший преподаватель, ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет, г. Владимир, Россия

Диффузионная модель миграции и ассоциации населения

Аннотация. *Рассматривается один из возможных подходов к моделированию актуального на сегодняшний день процесса миграции населения в рамках имитационного моделирования. В качестве модельного приближения используется подход в рамках модели диффузно ограниченной агрегации, реализованной клеточным автоматом, с дифференцировкой мигрирующих агентов и варьированием параметров внешней среды. Для смоделированных структур оценивается фрактальная размерность. Предложенный подход может быть применим для оценки процессов миграции и ассоциации населения в первом приближении.*

Ключевые слова*: миграция, ассоциация, моделирование, диффузионная модель, фрактал*

Сегодня результаты демографических исследований широко используются во многих сферах жизни, как отдельных индивидов, так и государства в целом: социальное и экономическом планирование, образовании, здравоохранение, спорт и т.д. [6,12]. Все это делает особенно актуальной задачу научного описания демографических данных, а так же построение обоснованных демографических прогнозов. При решении таких задача особенно полезным являются аппараты математического и компьютерного моделирования [11].

Миграция населения – это зеркало социально-экономических процессов в стране и поэтому очень важно анализировать ее направления и динамику. В период перехода страны и ее регионов на инновационный путь развития, когда управление миграционными процессами становится одной из важных задач социально-экономического развития как на федеральном, так и на региональном уровне [10].

При моделировании процессов миграции и ассоциации населения применятся множество подходов, но наибольшее распространение получили детерминированные статистические и стохастические дискретные модели [3,5] .

Поскольку реальные процессы миграции и ассоциации населения протекают в реальном времени и являются стохастическими, а также достаточно сложно формализуемыми, то наиболее подходящим является построение стохастической модели в рамках имитационного моделирования [2,8].

Поскольку процессы миграции населения с последующей ассоциацией носят неравномерный диффузионный характер [1, 7, 9], то удобной моделью для их описания является диффузно-ограниченная агрегация (DLA) [15]. В рамках рассмотренного приближения на прямоугольной расчетной области задается начальное распределение центров ассоциации мигрирующего населения. На каждом временном шаге моделирования в расчетную область вводится частица, представляющая индивида-мигранта или ассоциацию мигрантов, которая с указанной вероятностью может быть заданного типа (например, мигрант-иностранец или мигрант-соотечественник). Введенная частица совершается случайные блуждания в рамках окрестности фон Неймана [14], в соответствии с коэффициентом вязкости среды, характеризующим сложности миграции. При подходе к центру ассоциации частица с заданной вероятностью присоединяется к нему (прилипает), формируя, фрактальную структуру [13], или проходит мимо. Коэффициент вероятности прилипания описывает вероятность ассоциации мигранта с другими. Для сгенерированных фрактальных фигур, описывающих структуры ассоциаций мигрантов, вычислялись фрактальные размерности, в соответствии с методом концентрических окружностей [14], которые позволили оценить динамику процесса миграции-ассоциации.

Предложенная модель была реализована в среде MATLAB, в относительных единицах, и проведены расчеты фракталов при варьировании вероятности прилипания и вязкости среды, а также времени жизни для различных начальных условий.

Рис.1. Описание модели: схема формирования DLA фрактала (а), окрестность фон Неймана(б)

На рис.2 приведено модельное изображение фрактала ассоциации (2 б) для 7 случайно расположенных центров (рис 2а) при дифференциации мигрантов (желтые – иностранные, голубые – отечественные в концентрации 50:50) на квадратной расчетной области с величиной стороны 100 отн.единиц. Номерами 1-7 отмечены начальные центры и фракталы, полученные на их основе. Вероятность ассоциации мигранта sc варьировалась на (0; 1]: sc=1 – в начале расчета, когда время t≤1000*s временных шагов, s – величина стороны расчетной области), а sc=0.01 – в конце. При t≥ 1000*s она уменьшалась на 0.1 через каждую 1000 временных шагов, причем минимальное значение вероятности ассоциации достигало 0.01. Сложности миграции выбиралась минимальной, равной 1.

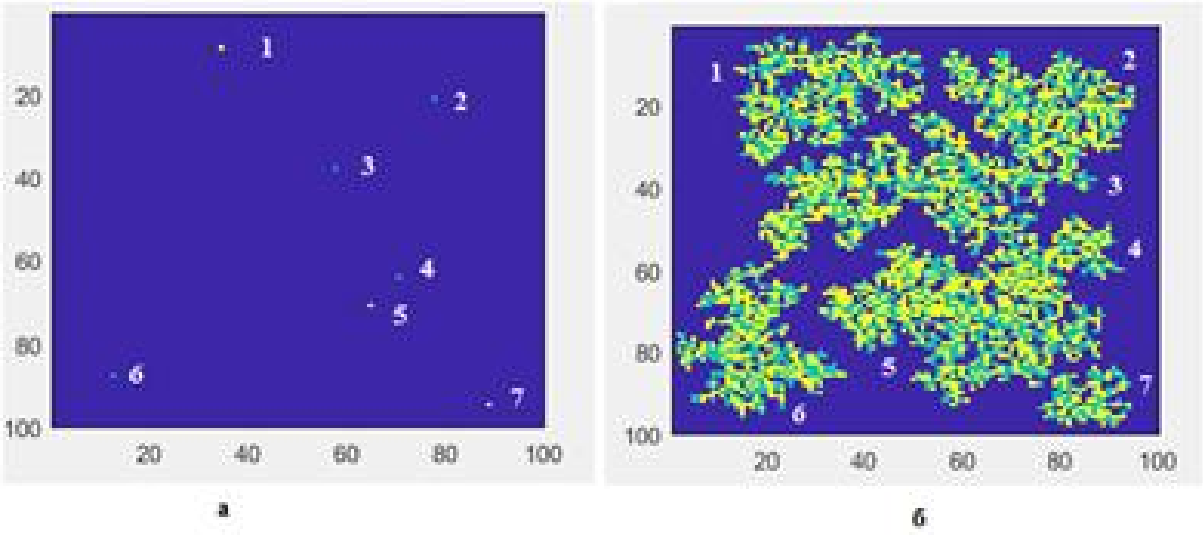

Рис. 2. Модельное изображение фрактала ассоциации мигрантов : распределение начальных центров ассоциации (а), фрактал после 1376656 временных шагов из 4000 частиц

На начальных этапах генерации, когда величина вероятности ассоциации высока, структура фрактала характеризовалась достаточно сильным разветвлением, а фрактальная размерность наоборот была невысока. С течением времени, значение вероятности ассоциации

уменьшалось, и генерируемая фрактальная структура становилась практически равномерно распределенной по краям, фрактальная размерность увеличивалась. В случае генерации фракталов из первоначально однородной системы (рис. 2а), одновременно возникало несколько фигур, чей рост реализовывался за счёт поглощения мелких частиц, а также слиянием с уже сформированными структурами. Например, на рис 2б фракталы 2, 3, 4, 5 объединились в единую структуру. Так для структуры из рис. 3б величина фрактальной размерности составила 1.6941. Анализируя различные варианты расчетов, можно проследить пропорциональную зависимость между начальным количеством центров ассоциации и фрактальной размерность. Так, с увеличением их количества размерность возрастает. Например, для случая из 8 затравочных частиц d=1.7298. Таким образом, расчет фрактальной размерности позволяет оценить динамику процесса ассоциации – при низком значении процесс протекает бурно и неравномерно, при высоком – медленнее и более равномерно.

Предложенная модель позволяет в первом приближении оценить размеры фракталов ассоциаций, перейдя от относительных к абсолютным единицам через указание характеристической величины частицы.

Таким образом, предложенный подход может быть применим для оценки процессов миграции и ассоциации населения в первом приближении.

Список литературы

1. Бедрина Е. Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах/ Бедрина Е. Б. / Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 451-464.
2. Белотелов Н.В. Компьютерное моделирование демографических, миграционных, эколого-экономических процессов средствами распределенных вычислений/ Белотелов Н.В., Бродский Ю.И., Павловский Ю.Н. М.: ВЦ РАН,2008. 124 с.
3. Волков А.Г. Имитационные модели в демографии. М.: Статистика, 1980. 207 с.
4. Гущина Е.С.Фрактальная размерность в оценке планировочной структуры крупного города / Гущина Е.С., Смогунов В.В. // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2. С. 110-116.
5. Дмитриев М.Г. Миграционные процессы: модели анализа и прогнозирования/ Дмитриев М.Г., Юдина Т.Н.// Труды ИСА РАН. 2017. . Т. 67. № 2. С. 3-14.
6. Елизаров В. В.Прикладные демографические исследования: сборник статей./ Елизаров В. В., Джанаева Н. Г. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. 192 с.
7. Козыкина Н. В. Миграционные процессы в Забайкальском крае: состояние и тенденции развития: [монография]/ Козыкина Н. В. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 160 с.
8. Корепина Т.А. Сравнительный анализ подходов к моделированию миграции/ Корепина Т.А. // Вопросы территориального развития. 2017. № 1 (36).

9. Мкртчян Н.В.Дальность межрайонной миграции в России: тенденции и современная ситуация/Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. //Научный труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2004. С. 488-504.

10. Огородников П. И. Моделирование миграционных потоков в регионе/ Огородников П. И., Макарова Н. А.//Экономика региона . — 2013. —№ 2.

11. 11. Саралашвили А.А. Компьютерное моделирование демографических процессов/ Саралашвили А.А., Гусева Е.Н. // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 1.

12. Сидоркина З.И. Использование системного подхода в демографических исследованиях/ Сидоркина З.И., Цициашвили Г.Ш. // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6. С.129-132.

13. Федер Е. Фракталы/ Федер Е. М.: УРСС: Ленанд, 2014. 256 с.

14. Maignan L. Moore and Von Neumann Neighborhood N-Dimensional Generalized Firing Squad Solutions Using Fields/ Maignan L., Yunès J-B// Proceedings - 2013 1st International Symposium on Computing and Networking. 2013.

15. Mroczka J. Algorithms and methods for analysis of the optical structure factor of fractal aggregates/ J. Mroczka, M. Woźniak, F.R.A. //Metrol. Meas. Syst. 2012. V. XIX. №. 3.PP. 459-470.

УДК 314

Дмитриева Юлия Викторовна
д.эк.н., ведущий научный сотрудник Лаборатории проблем воспроизводства населения, ФГБУН Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва, Россия

Управление демографическими процессами через использование интеллектуального анализа данных

Аннотация. *В статье определяется возможность применение новых технологий в управлении демографическими процессами («менеджмент воспроизводства»), что позволит получить наибольший эффект от трудозатрат, при использовании новых инструментов в управлении процессом. Показано, что оптимизация и преобразование потока данных в управлении, сделает возможным отказаться от малоэффективных и устаревших инструментов исследования, что создаст условия для облегчения работы в системе управления и повлияет на эффективность работы системы в целом. Обоснованы возможности применения новых технологий в процессе управления воспроизводственными процессами, используя алгоритмы для исследования данных и извлечения из них осмысленной информации для предсказания будущих тенденций. Доказано,*

что применение новых технологий в анализе данных о миграции населения будет способствовать ускорению и высокой точности научных исследований в демографической области с использованием информации и связи как внутри научной области, так и между областями знаний.

***Ключевые слова**: воспроизводство населения, управление демографическими процессами, искусственный интеллект, большие данные, машинное обучение*

Управление демографическими процессами носит характер решения насущных проблем, с которыми сталкиваешься в процессе управления. Однако эффективное управление любым процессом – это управление, направленное на поиск новых возможностей. Если мы направим усилия на поиск новых возможностей в демографическом управлении, назовем это «менеджмент воспроизводства», то скорее всего получим и наибольший эффект от наших трудозатрат, т.к. приобретем новые инструменты в управлении процессом. Оптимизация всех ресурсов в управлении, сделает возможным отказ от малоэффективных и устаревших инструментов и механизмов управления, по средствам вычленения или перенаправления ненужных действий со стороны системы управления. Таким образом, отказываясь от малоэффективных и устаревших инструментов управления, можно создать условия для облегчения работы в системе управления, что влияет на эффективность работы системы в целом.

Далее на первое место в эффективной системе управления любым процессом выходит маркетинг - управленческий процесс, который выявляет, предвидит и удовлетворяет требования потребителя (в данном случае государство) при соблюдении принципов эффективности и прибыльности (в данном случае от воспроизводственных процессов). Безусловно, любой процесс, и в первую очередь управление, требует постоянного совершенствования и использования знаний. Кроме того, необходимо следить за тем, чтобы происходящие события в системе управления не определяли, что делать, что решить, что отложить, что принять – нужно предупреждать события и быть к ним готовым.

Прогнозирование воспроизводственных процессов, предупреждение негативных событий и явлений возможно и необходимо Эффективность данного инструмента во многом будет зависеть от того, насколько руководству организации удастся систематизировать данные по процессу и преобразовать в инструмент, который способен сделать управление интеллектуально грамотным, качественным и, что самое важное, повысить скорость принятия решений. Воспроизводственные процессы - это процессы, где, где изменения наступают быстро в зависимости от изменения социально-экономической и политической обстановки в обществе, а управленческие решения вырабатываются годами. Поэтому применение новых технологий, а именно современных программ и методов обработки данных, в процессе демографического управления необходимо.

В настоящее время для аналитического процесса используются программы статистической обработки данных, а именно SPSS для Windows. Этот программный продукт предназначен для всех этапов аналитического процесса – планирования, сбора данных, доступа к данным и управления данными, анализа, создания отчетов и распространения результатов. SPSS позволяет проводить частотный анализ, описательную статистику, корреляционный анализ, дисперсионный анализ, кластерный анализ, факторный анализ, а также регрессионный анализ данных. Казалось бы, совершенный продукт, лучшее программное обеспечение, позволяющее решить исследовательские задачи, используя статистические методы.

Однако, рост технологических возможностей вместе с постоянно увеличивающимся объемом данных и информации, которые необходимо анализировать, стали причиной радикальных изменений, хотя порой мы просто их не замечаем. Именно благодаря новым технологиям поисковая машина понимает, какие результаты показывать в ответ на ваш запрос в интернете. Ваша электронная почта очищена от спама с помощью самообучающихся алгоритмов.

«Большие данные» этот термин получает все большее распространение и уже обозначает новую прикладную область, которая формируется на поиске способов быстрого анализа огромных обьемов разнородной информации. Самым распространенным и перспективным подходом к анализу больших данных считается машинное обучение. Использование машинного обучения, на наш взгляд, способно кардинально изменить систему подходов к анализу данных. Если статистические методы исследования предназначены для того, чтобы доказать связь между переменными или делать выводы из существующих данных. Тогда как машинное обучение способно составить максимально точный прогноз события, явления, процесса и т.п., используя огромные объемы информации. Еще одно существенное различие – статистический анализ данных использует описательный, исследовательский, прогнозирующий. причинный аспекты анализы, а машинное обучение фокусируется только на интеллектуальном моделировании. Другими словами компьютер сможет найти в массивах данных изначально неизвестные взаимосвязи и закономерности. Статистические модели - это вероятностные модели, любой анализ начинается с предположения. Машинное обучение не привязано к вероятности и может использовать другие подходы к решению проблемы.

Другими словами, машинное обучение – это процесс, который обучает искусственный интеллект принимать правильные решения, т.е. компьютер должен не просто использовать составленный алгоритм, а сам обучаться решению поставленной задачи. Машинное обучение состоит из данных, признаков и алгоритмов. Безусловно, данные это самое важное в машинном обучение – каким бы не был используемый алгоритм, если данные не качественные, то и результат будет соответствующим. Здесь следует отметить, что с помощью машинного обучения мы можем анализировать

изображения. Что раньше не мог сделать ни один компьютер. Сейчас компьютер может видеть и читать одновременно.

В настоящее время актуальной темой машинного обучения должна стать тема прогнозирования в области демографических явлений, воспроизводственных процессов, что, безусловно, будет являться эффективным и качественным инструментом управления. Например, у нас есть данные о 100 тыс. пациентов в Москве, причем нам известна их возрастная, половая структура, диагнозы и причины заболевания, частота обращения за медицинской помощью, как часто снимался поставленный диагноз пациентам. Кроме того, у нас есть данные о количестве смертей. Нашей задачей будет построить модель, которая на основе данных признаков будет предсказывать количество смертей. Это пример решение задачи с «учителем», где есть данные по населению (возраст, пол, диагноз и т.п.) и отклики (количество смертей). Мы сможем предвидеть рост или снижение смертности заранее. Что позволит принимать грамотные и взвешенные решения далеко заранее грядущих событий, другими словами мы будем способны их предотвратить.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в управлении воспроизводственными процессами сделает возможным решать комплекс демографических проблем России более эффективно и результативно, корректно выделяя приоритеты и формулируя текущие задачи, учитывая национальные, прежде всего, геополитические интересы страны в целом.

Список литературы

1. Айвазян С. А., Енюков И. С., Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика: основы моделирования и первичная обработка данных. — М.: Финансы и статистика. 1983.
2. Бенедикт Эванс: «Мы не до конца понимаем возможности машинного обучения». Интернет-ресурс: https://rb.ru/story/how-to-think-about-ml/
3. 3.Воронцов К.В. Математические методы обучение по прецендентам. МФТИ.2006.
4. Машинное обучение: как оно применяется в жизни. Интернет-ресурс: https://rb.ru/opinion/mashinnoe-obuchenie/
5. Машинное обучение. Интернет –ресурс: http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Machine_Learning
6. Что такое машинное обучение простыми словами. Интернет-ресурс: https://www.reg.ru/support/vps-servery/oblachnie-serveri-vps/usluga-oblachnyye-servery/chto-takoe-mashinnoe-obuchenie-prostymi-slovami
7. Mitchell T. Machine Learning. McGraw-Hill Science/Engineering/Math, 1997.

УДК 314.7
Максимова Анастасия Сергеевна
к.эк.н., доцент кафедры социологии знания, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Big data для изучения миграции населения: возможности и ограничения

Аннотация. *Актуальность рассмотрения категории «большие данные» для изучения социально-экономических явлений и процессов обусловлена их возможностями расширения концепций цифровой идентификации личности и внедрения принципиально нового научно-методологического аппарата миграционных исследований. Цель статьи сводится к описанию исследовательских возможностей больших данных применительно к миграции населения.*
Ключевые слова*: миграция, big data, большие данные, источники информации о миграции*

Экспоненциальное увеличение количества генерируемых сегодня данных позволяет расширять их использование в целях получения научного знания о социально-экономических явлениях.

Большие данные (или big-data) представляет собой объемные наборы структурированных полуструктурированных и неструктурированных данных, анализ которых невозможно произвести вручную. Технологии big data связаны с данными, генерирующимися пользователями мобильных устройств, интернет-платформ или цифровыми датчиками и измерителями, например, спутниковыми изображениями и прочими электронными средствами [4]. Использование анализа информации в формате big data позволяет совершенствовать арсенал исследовательских методов и расширить круг решаемых с помощью них исследовательских задач.

Безусловно, использование новых источников информации и анализ больших данных имеют существенный потенциал для обогащения текущей официальной статистики миграции. В качестве преимуществ использования big data выделяются:

– большой объем информации, позволяющий провести наблюдение, приближенное к сплошному, а также детализировать данные по различным срезам генеральной совокупности;

– оперативность генерации данных: практически мгновенное их возникновение при совершении тех или иных социальных актов в реальности;

– оперативность поступления данных в центр обработки и работы с ними;

– непрерывность информации: постоянное обновление базы данных;

– минимальные издержки анализа: временные затраты и затраты труда.

Суть преимуществ анализа больших данных была объединена Д.Ленни в концепции 3V: volume (объем, масштаб), velocity (скорость), variety (разнообразие, вариативность). Позднее она трансформировалась в концепцию 4 V за счет включения **value (ценность)** [1].

Работа с большими данными зачастую ставит ряд не только технических, но и этических проблем. В отношении использования информации возникают два основных принципиальных вопроса:

1.Вопрос конфиденциальности используемых данных. Достаточно дискутируемой является тема правовых основ использования больших данных, ввиду того, что она находится на стыке вопроса о персональных данных. Актуализация данного вопроса восходит также к принятию в настоящее время европейской декларации General Data Protection Regulation (GDPR) [5] и обязательств выполнения странами ее пунктов.

В случае изучения миграции и мобильности населения вопрос о конфиденциальности персональных данных решается путем их сбора только из открытых источников, то есть это те сведения, которые человек сам о себе сообщает, даже если делает это невольно и не для целей сбора информации о миграции.

2. Вопрос валидности данных в результате ограниченной сопоставимости виртуального и реального мира. Проекция реального мира на виртуальное пространство зачастую носит фрагментарный характер.

Если речь идет о социальных сетях, то наблюдается процесс конструирования цифровой идентичности, то есть создания желаемого (не всегда достижимого в реальном мире) образа путем сообщения о себе фактов, которые не являются подлинными, либо определяюще важными в данный момент для данного человека (приобретение новой одежды и др.) при умалчивании действительно значимых событий (смерть, рождение и т.д.). Срабатывает механизм подкрепления желаемого образа в воображении человека.

Кроме того, наблюдается умышленное искажение качества контента в социальных сетях за счет ложных аккаунтов, спам-сообщений и др. Идентификация личности в сети может быть выражена отношением «один ко многим»: один пользователь создает несколько профилей в одной и той же социальной сети и использует их в зависимости от необходимости оперировать тем или иным информационным полем. Другой вариант идентификации может быть выражен отношением «один к одному», когда один человек имеет только один профиль в каждой из социальных сетей. В то же время представители более старшего поколения зачастую не имеет ни одного профиля в социальных сетях. За счет указанных особенностей проекции реального общества на виртуальный мир социальных сетей, возникают ограничения исследовательских возможностей получаемой с помощью них информации.

В этой связи представляется необходимым говорить не о людях, а о цифровых идентичностях, виртуальных образах, информационном портрете, инфо-личности, информационных идентичностях. При этом собирательный потрет личности в информационном пространстве можно создать на основе консолидации информации о ней из нескольких открытых источников. Например, данные профиля в социальной сети, данные форумов, данные с сайтов объявлений и др.

По мнению некоторых экспертов «большие данные пока не могут быть альтернативой традиционным источникам информации для разработки надежной и понятной статистики миграции» [2, с.48].

Наряду с «сетью мобильной телефонной связи и устройствами GPS, другими регистрирующими устройствами; изображениями, полученными со спутников, и другими видами геопространственной информации» [3, с.191] в качестве одного из источников информации в формате big data рассматриваются социальные сети. Использование социальных сетей позволяет решить проблему отсутствия «переменных, характеризующих структуру миграционных потоков и контингентов». При этом эксперты отмечают, что «социальные сети могут стать источником предварительных оценок и снизить необходимость проведения статистических обследований, поскольку оценки на основе данных из социальных сетей могут быть получены с большей частотностью и с меньшими затратами» [3, с.192]. Остановимся на рассмотрении аналитических возможностей больших данных трех источников: операторов сотовой связи, запросов маршрутизации с мобильных устройств и социальных сетей.

Реализующийся в настоящее время проект Italy (Istat) - Persons and Places: Mobility Estimates based on Mobile Phone Data посвящен анализу маятниковой трудовой и учебной миграции. В ряд задач исследования также входит сравнение данных административных источников информации и данных, полученных с помощью мобильных операторов. Предварительные результаты продемонстрировали прочную взаимную изменчивость двух величин показателя численности маятниковых мигрантов, полученных, соответственно, из двух вышеупомянутых источников информации.

Необходимо отметить, что практика подобных исследований миграции в России, проведенных на основе данных, полученных с помощью мобильных операторов и запросов маршрутизации, отсутствует. Однако, ее потенциал состоит в обогащении теоретико-методологического научного аппарата за счет получения эмпирических данных в новом формате, что позволит не только усовершенствовать научные подходы, но и сконструировать новые знания о социальной реальности в части миграционного движения населения.

Для использования в качестве источников информации о миграции социальных сетей, первоочередная задача сводится к построению лингво-семантической модели описания внутренних мигрантов и идентификации их

профилей. То есть составления набора текстовых переменных в виде множества слов и словосочетаний, по наличию которых конкретный аккаунт можно идентифицировать как аккаунт мигранта. В ходе проведения исследования встает вопрос сепарации мигранта-индивида- той категории, о которой мы привыкли говорить в рамках традиционного научного знания о миграции, и цифрового профиля мигранта. Данные множества пересекаются в подмножестве, состоящем из тех лиц, которые имели опыт переселения и принадлежащих им аккаунтах, в которых оставлена запись об этом событии. Первичные данные, представляющие собой совокупность аккаунтов и опубликованных в них сообщений о переселении, должны пройти процедуру проверки в целях устранения систематических ошибок и шума (случайных ошибок), что позволить получить более точную оценку отражения явления миграции и его закономерностей в сети. Контент-анализ позволит провести анализ сообщений, опубликованных на страницах пользователей, в аккаунтах которых было когда-либо сообщение о переселении.

Существенное увеличение численности выборки, особенно в отдельных возрастных группах, в частности, молодежи, позволяет получить объемы информации в сочетании с полнотой данных, не доступные традиционным методам исследований: опросам и интервью. Кроме того, анализ big data позволяет сократить затраты ресурсов на получение и обработку информации, в сравнении с опросными методами. Значительно увеличивается скорость обнаружения явления и его динамики, что позволяет повысить оперативность реагирования на социальные и экономические вызовы, проявляющиеся, в частности, в нарастании социальной напряженности.

Список литературы

1. Дмитриев А.С. Big Data, 4V: Volume, Velocity, Variety, Value// Мониторинг общественного мнения. 2015.№2 (126). С.156-159.
2. Мусин У.Р. Нусратуллин И.В. Применение «больших данных» в оценке миграционных процессов // Вестник университета. 2017. № 7-8.
3. Чудиновских О.С. Большие данные и статистика миграции// Вопросы статистики. 2018.№25(2). С. 48-56.
4. Migration Data Portal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://migrationdataportal.org/themes/big-data (дата обращения: 03.09.2020).
5. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ogdpr.eu/en/gdpr-2016-679 (дата обращения 14.09.2020).

УДК 332.156:911.37
Нарожняя Анастасия Григорьевна
к.г.н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный научно-исследовательский университет», г. Белгород, Россия
Чугунова Надежда Васильевна
к.г.н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный научно-исследовательский университет», г. Белгород, Россия
Полякова Татьяна Анатольевна
к.г.н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный научно-исследовательский университет», г. Белгород, Россия
Кухарук Наталья Степановна
к.б.н., доцент кафедры природопользования и земельного кадастра, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный научно-исследовательский университет», г. Белгород, Россия
Морковская Дарья Николаевна
студ. кафедры природопользования и земельного кадастра, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный научно-исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Определение пространственной организации региональных метрополисов приграничных областей ЦЧР с использованием ГИС[121]

Аннотация. *Одной и основных тенденций современной территориальной организации общества Российской Федерации является концентрация населения, институтов власти, социально-экономической деятельности в региональных центрах-метрополисах, приводящая к их доминированию над периферией, поляризации условий и качества жизни населения. Модификация урбанистической среды затронула и приграничные с Украиной регионы Центрально-Черноземного района. Для выявления неравенства развития региональных столиц и периферии района необходимо установление границ метрополисов и ареала их влияния. Цель нашего исследования – определение границ региональных метрополий приграничных областей ЦЧР, анализ их пространственной структуры с использованием ГИС-инструментов программы ArcGIS. В результате исследования разработан методологический подход решения делимитации городских агломераций, установлены границы четырех метрополисов, их площади, численность населения, создана и адаптирована для ГИС методика делимитации границ агломераций, которая может быть применена для других регионов.*

[121] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-05-00074

***Ключевые слова**: метрополисы, метрополизация, ГИС, Белгородская, Воронежская, Курская, Старооскольско-Губкинская, агломерации, структура, Центрально-Черноземный район.*

Введение. В территориальной организации современного российского общества ключевое место занимают региональные центры – метрополисы (метрополии), трансформирующие системы расселения, устанавливающие доминирование центра над периферией [1, 2], располагающие высоким «портфелем ресурсов»: человеческим капиталом, научным потенциалом, новыми производственными технологиями, инновациями. Не меньшую значимость имеют сформированные ими агломерации (метрополисные ареалы), возникающие, когда концентрация городских видов деятельности выходит за пределы административных границ и распространяется на соседние населенные пункты и объединяющее начало им придают многообразные, интенсивные внутриагломерационные связи [4, 6]. Но следует отметить, что научным сообществом не выработан единый подход определения (делимитации) границ агломераций.

Географической основой формирования и воспроизводства метрополий выступают узловые (нодальные) районы – ареалы с центром, ядром, возникающие в результате разделения пространства между производственными, социальными, культурными и другими предприятиями и учреждениями, административными органами, частными собственниками [5]. А.Г. Дружинин [3] в модели территориальной структуры региональной метрополии предлагает выделять непосредственно город-метрополию с ядром и внутригородскими узлами; основной ареал метрополизации вне города-метрополии; регион метрополизации; пространство вне основного ареала и региона метрополизации (с элементами метрополии) и антиметрополии вне основного ареала.

Уточним, что границы региональных метрополисных ареалов идентичны границам агломераций. Для делимитации границ, на наш взгляд, наиболее оптимально использование видоизмененных П.М. Поляном методик ЦНИИПГ и ИГ АН СССР [4, с. 349, 352], адаптированные нами для использования ГИС-технологий.

Поэтому целью исследования стало определение границ метрополисов, метрополисных ареалов приграничных с Украиной областей (Белгородской, Воронежской, Курской) Центрально-Черноземного района, анализ их пространственных структур методами ГИС-инструментов программы ArcGIS.

Результаты исследования. Выполнение работ с использованием ArcGIS проходило в несколько этапов: 1) получение векторных данных о дорожной сети и границах городов и поселений (мы воспользовались данными сервиса data.nextgis.com); 2) верификация данных и задание в атрибутивной таблице дорог средней скорости движения согласно ее типу, расчет длины среднего времени прохождения участка дороги; 3) создание в ArcCatalog набора сетевых данных (заданные параметры: для связности использована любая вершина, добавлен новый атрибут Time с типом

применения «Стоимость» и единицами измерения «Минуты»); 4) границы городов-метрополисов преобразованы в точки (инструмент в ArcToolBox: Управление данными – Пространственные объекты – Вершины объекта - в точки); 5) с использованием панели инструментов Network Analyst задана новая область обслуживания, в свойствах которой на закладке «Настройка анализа» задан импеданс Time, а «границами по умолчанию» для крупнейших городов стало 90 мин., для крупных и больших – 60 мин. и 30 мин. – для средних; 6) автоматизированный расчет временных изохрон и ручная корректировка с учетом сглаживания линий; 7) определение пространственной структуры агломераций.

Построенная с использованием ArcGIS карта региональной системы расселения рассчитана для населенных пунктов по данным переписи населения 2010 г. Картосхема отражает установленные границы четырех метрополисных ареалов общей площадью 44919 кв. км и населением 3,6 млн. человек, людность населенных пунктов, очаговый характер высокой плотности населения вокруг городов.

Структурные ядра метрополий и территорий метрополизации выделены при условии наличия трех и более объектов метрополизации (административные, культурные, социальные, промышленные объекты) на расстоянии друг от друга не более 500 м (рис. 1).

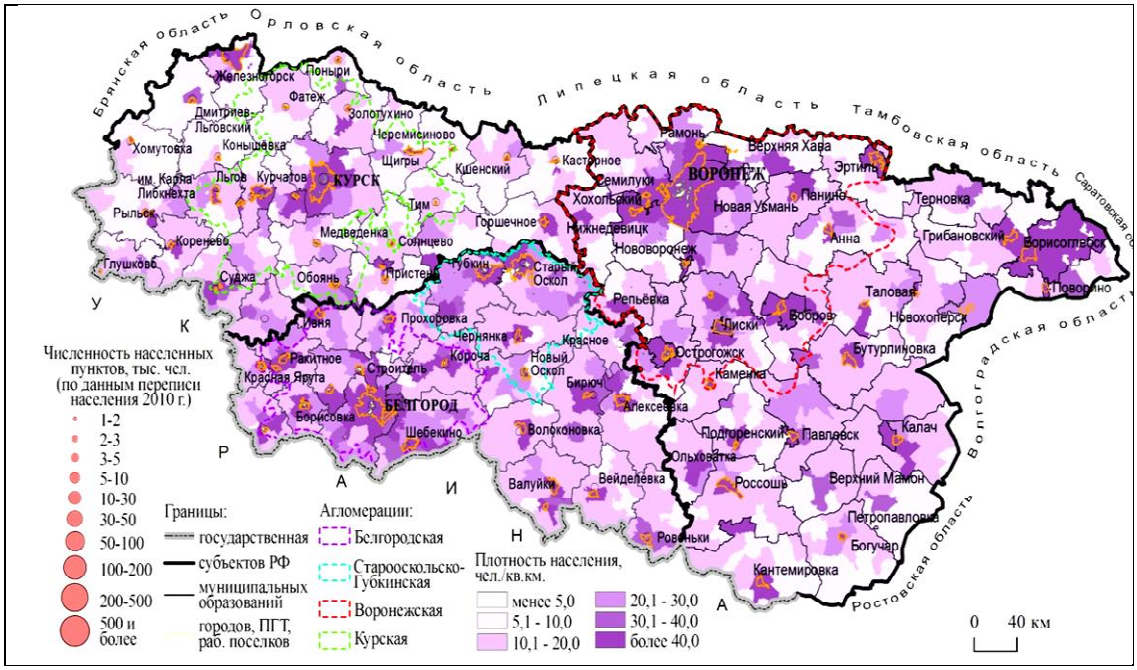

Рис. 1. Региональная система расселения ЦЧР. По данным переписи населения 2010 г.

Установлено, что во всех областях вне прямого влияния метрополии (антиметрополии по А.Г. Дружинину) сформированы экзометрополии – центро-периферийные системы пространственной организации власти. В Белгородской области к экзометрополиям можно отнести города – Валуйки, Алексеевка, Воронежской - Борисоглебск, Калач, Россошь; Курской – Железногорск.

Отличительными особенностями системы расселения приграничных областей ЦЧР выделяется Курская область с наименьшими показателями плотности населения (37,8 чел. / кв. км) и количеством средних и больших по людности городов. Ареалы агломераций ЦЧР фактически пересекаются между собой, но анализ миграционных (маятниковых) потоков показал, что зоны влияния агломераций распространяются преимущественно в пределах субъекта РФ.

Подтверждены закономерности уменьшения концентрации и плотности населения с удалением от города-метрополиса к периферии территории области.

Наибольшая по площади и людности метрополия – Воронежская (рамки объема тезисов не позволяют привести выполненные картосхемы по Белгородскому, Старооскольско-Губкинскому и Курскому метрополисным ареалам), но ее основное ядро расположено компактно и занимает всего 1,9 % территории города (метрополиса) Воронежа (рис. 2, табл. 1).

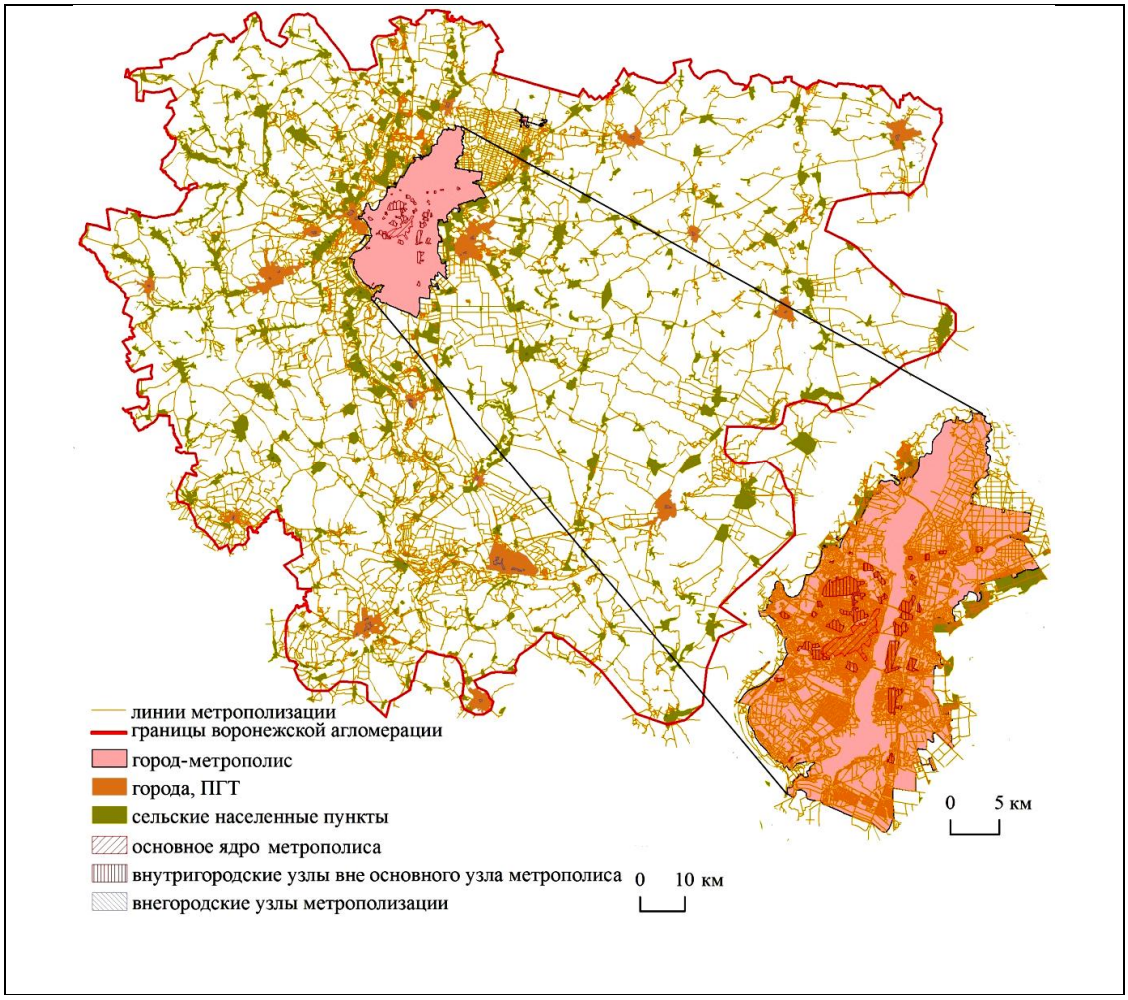

Рис. 2. Территориальная структура Воронежского метрополисного ареала

Основное ядро метрополиса сосредоточено в центре г. Воронеж и является доминантой локализацией власти, административно-деловым центром с развитой экономической, социальной инфраструктурами. Внутригородские узлы вне основного ядра расположены в периферии и в

дополнение к основному ядру сосредотачивают еще и промышленные объекты. Населенные пункты пригородных зон преимущественно выполняют функции «спален» (для маятниковых мигрантов, работающих в городе-метрополисе). В пространственной организации территории они концентрируют узлы метрополизации. В южной части ареала увеличивается количество и площадь внегородских узлов метрополии, повышается плотность линий метрополизации.

Таблица -Структура территорий метрополизации приграничных территорий ЦЧР

Характеристика	Ед.изм.	Белгородская	Старооскольско-Губкинская	Воронежская	Курская
Площадь территории метрополизации	км^2	8113	5169	20414	11223
Площадь города-метрополиса	км^2	153,1	200,8	596,1	208,2
Количество городских поселений	шт.	16	5	20	14
Население	чел.	777980	448695	1628515	740681
в т.ч. в городе-метрополисе	чел.	356402	221085	1023570	415159
	%	45,8	49,3	62,9	56,1
Городское	чел.	537350	350606	1270890	535506
	%	69,1	78,1	78,0	72,3
Плотность дорог	км/км^2	1,84	1,83	1,37	1,39
Площадь основного ядра метрополиса	км^2	4,50	8,14	11,26	3,67
	% от S города-метрополии	2,94	4,05	1,89	1,76
Площадь внутригородских узлов вне основного ядра	км^2	5,82	4,51	29,24	4,32
Внегородские узлы метрополизации	км^2	20,26	10,53	15,57	4,03

По данным переписи населения 2010 г.

Пространственная структура Белгородской агломерации близка Воронежской, однако для нее характерна меньшая плотность населенных пунктов на периферии с развитыми внегородскими узлами. Курскую и Старооскольско-Губкинскую агломерации отличает слабое развитие внегородских узлов.

В рассматриваемых городах-метрополиях сосредоточено от 46 до 63 % (табл.) населения ареала метрополисов. В среднем 74 % населения метрополии является городским.

В территориальной структуре метрополисов площадь основного ядра и внутригородских узлов в среднем (за исключением Курской метрополии) невелика и составляет 6,6 % от площади города-метрополиса (см. табл. 1).

Внутригородские и внегородские узлы метрополизации Курска в сравнении с остальными тремя метрополисами и их ареалами недостаточно сформированы, заметно меньшее развитие получили и инфраструктурные элементы (плотность дорог), что приводит в движение центростремительные миграционные потоки населения (в Курск).

Необходимо отметить, что формирование и развитие метрополисов и метрополисных ареалов в ЦЧР не завершено, процессы отличаются высоким уровнем динамизма, формируются новые внутри- и внегородские узлы, происходит сокращение численности населения вне метрополий [7] и увеличение в ареале метрополисов, в людности антиметрополий вне основного ареала установилась ситуация неустойчивого равновесия.

Краткие выводы. Определены границы региональных метрополий приграничных областей ЦЧР адаптированной для ГИС методикой делимитации границ агломераций. Установлено, что самая большая по площади и людности Воронежская метрополия отличается компактным основным ядром, занимающим всего два процента территории метрополиса Воронеж. Выявленная пространственная структура метрополисов, их ареалов показала, что в Курской агломерации (метрополисном ареале) внутригородские и внегородские узлы метрополизации недостаточно развиты, как и инфраструктурные элементы. Созданная и адаптированная для ГИС методика делимитации границ агломераций, может быть применена для других регионов.

Список литературы

1. Бюркнер Х.П. Устойчивость как приоритет // Urban Agenda. М. 2019. С. 056-057.
2. Дружинин А.Г. Метрополизация как доминантная тенденция территориальной организации общества в постсоветский период: универсальные проявления и Южно-Российская специфика //Географический вестник. 2009. № 3. С. 54–61.
3. Дружинин А.Г. Метрополии и метрополизация в современной России: концептуальные подходы в политико-географическом контексте //Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2014. №1. С. 19-27.
4. Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014. 786 с.
5. Родоман Б.Б. Районирование как обладание пространством. Электронный ресурс. Режим доступа: https://proza.ru/2017/11/27/2118.
6. Чугунова Н. В. Белгородская агломерация в региональной системе расселения //Управление городом: теория и практика. Тема номера: «Развитие Белгородской агломерации». 2014.№1 (12)/С. 30-37.
7. Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Романов И.В. Результаты и тренды развития региональной системы расселения в эпоху неолиберальной урбанизации (на материалах Белгородской области) //Географический вестник. 2019. №2(49). С. 34–45.

УДК 004
Турков Сергей Леонидович
к.эк.н., старший научный сотрудник, Вычислительный центр ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия

Информационное обеспечение процессов стратегического управления демографией регионов

Аннотация. *Обсуждается ситуация в области стратегического управления демографическими процессами в регионах. Цель исследования – разработка «человеко-машинных» систем принятия оптимальных управляющих решений в сфере демографии. Ведущими являются «ноосферный» и «геосистемный» подходы. Результат и его практическая значимость сводятся к необходимости перехода от дифференциации доступных нам знаний о Природе и Обществе к их полной интеграции.*
Ключевые слова: *информационное обеспечение, стратегическое управление, демография*

Из философии («гносеология») известно, что современная наука не может успешно развиваться вне регулярного методологического переосмысления своих основ. Сегодня в науках о Земле и Обществе именно этот процесс мы и наблюдаем, поскольку с начала нового века происходит фундаментальное переосмысление старой парадигмы и переход к новому естественнонаучному знанию и парадигме, – «ноосферному» мышлению. По В.И. Вернадскому для этой теории (1933) характерна неразрывная «… связь законов природы, мышления и социально-экономических законов развития общества».

Демография, как общественная и социально направленная наука, целью которой сейчас является изучение строго ограниченного объекта и предмета её исследования, – человек, семья, община, нация, народонаселение в целом, также не может оставаться в стороне от этих процессов. Тем более, что на практике она реализует одну из определяющих функций человека, как существа разумного и биосоциального: «управление» динамическими (в «пространстве–времени») процессами своего бытия в каждый конкретный момент его развития. Сегодня в современной философии, в том числе и на бытовом уровне, под этим термином понимается: *«… функция организованных систем (биологических, технических, социальных), обеспечивающая сохранение их структуры, поддержание режима деятельности, реализацию её программы, цели*». Несложно заметить, что в этом она полностью адекватна теории «ноосферы»; с ней непосредственно связаны и такие науки как география, экология, экономика, медицина, и многие другие области знаний и практической деятельности человека и общества.

Также известно, что фундаментальная наука всегда исходила из следующей, общепринятой для неё, схемы познания: «объект» <=>

«предмет» ⇒ «методы исследования». Важно, что только такая, полностью адекватная исходному объекту исследования, «методическая связка» может обеспечить нам успех в получении нового знания. Проведённый нами (в приложении к методологии и теории этой науки) общий системный анализ и синтез показывают, что её главный недостаток определяется логическим и алгоритмическим «разрывом» отдельных элементов данной схемы (например, в части связи «объект» <=> «предмет» исследования; хотя известно, что именно они далее позволят нам, по связи ⇒, перейти к принципиально иным, наиболее адекватным и эффективным «методам» исследования, что по факту и есть *«… основания для выбора проблем, а также модель для решения поставленных задач»*). В итоге этим демография серьезно блокирует свои теоретические и практические приложения в части решения процессов устойчивого стратегического управления регионами.

Для нас очевидно, что сегодня в основу общей теории демографии положен «механистический» (или «объектно-ориентированный») подход, который не учитывает новую Парадигму системного представления мира: «ноосферный» («нормативный») подход. Смысл и логику такого вывода наиболее точно объясняет следующее утверждение П.Т. де Шардена: *«… мыслить мир – это не только его регистрировать, но придавать ему форму единства, которой он был бы лишён, если бы не был мыслим»* («Феномен человека», Пекин, 1940). Более того, об этом же свидетельствуют и такие, широко известные, физические «постулаты»: «соответствия», «дополнительности», «неопределённости» и «зависимости» («система» + «прибор») Н. Бора и В. Гейзенберга, 1913, 1927.

Отсюда понятно, что исходя из Концепции новых «научных революций» Т. Куна (1962), на основе современных знаний о Природе и Обществе, общая теория демографии должна быть нами переосмыслена с целью уточнения её ratio, т.е. на основе изучения «разумного начала, принципа, смысла» динамики и эволюции любого конкретно исследуемого явления; Й. Хёйзинга (1938). Целью и итогом подобных действий станет тот факт, что в текущем веке наша планета и цивилизация вступает в эру «ноократии», или в процесс формирования нового глобального общества («ноосферы»), где в будущем будет господствовать власть разума и справедливости, основанная на науке и знаниях (по общей схеме: «информация» + «синергетика» = «искусственный интеллект»).

Методология и концептуальный аппарат данного исследования определяются следующими, широко известными сегодня научными гипотезами, теориями и отдельными, физически и математически доказанными, фактами. Во-первых, признания в качестве ratio факта полной (физической) «двойственности» окружающего нас мира (С. Хокинг, 1988). Более того, если рассматривать глобальной уровень нашего бытия, то общая цель и итог развития всей окружающей нас материи (или, по Н.Н Моисееву, «ноосферогенез») – это последовательное «связывание» свободной энтропии Вселенной в её вновь организуемые и потребные человеку сегодня и в будущем формы. Во-вторых, исходя из достижений квантовой физики:

Единая Теория Поля (ЕТП, конец XX века, «квантовая теория эволюции» (начало нашего века); теория «ноосферы» (Э. Ле Руа, П.Т. де Шарден, 1927; В.И. Вернадский, 1933); В-третьих, Концепция новых «научных революций» (или «некумулятивных скачков»), Т. Куна, 1962; «новая теория энтропии» (А.Н. Панченков, 1999); технология "Knowledge Industry" (Т. Стониер, 1987), а также методы реинжиниринга ("Reengineering"), НБИКС (нано-, био-, инфо-, конвергентные и социо-гуманитарные; НИЦ «Курчатовский институт», Россия), ГИС-, ГРИД-, "Blockchain" технологии; BIGdata, нейронные сети и системы искусственного интеллекта (AI), самообучающие системы (SOMS), виртуальные модели (ВИМ); «Игры с Природой» ("Game against Nature"), нечёткие множества и игры с ненулевой суммой ("non-zero-sum"; разрешение конфликта в условиях неопределённости).

Другие теоретические аспекты исследования сводятся к следующим важным положениям и моментам. Сегодня главной для нашей цивилизации является решение проблемы устойчивого экономического и социального развития. Это проблема известна со времени работы комиссии Г.Х. Брундтланд (1967); позднее она была принята мировым сообществом как «Концепция устойчивого развития» ("Sustainable Development", КУР в аббревиатуре ООН, 1993; в России – два года позднее; см.: Указ Президента РФ № 440 от 01.04.1996).

К сожалению, сейчас эта Концепция должным образом не воспринимается фундаментальной наукой в качестве новой научной Парадигмы XXI века. Так, несмотря на значительные усилия, нам до сих пор не совсем понятно, как её реализовать в текущей практике управления развитием территорий разных уровней организации планеты (глобальный, региональный, локальный), как достичь сформулированной в ней цели или, хотя бы, объективно оценить степень приближения к ней? Отсюда следует вывод: именно эта стратегия позволит нам в будущем достичь полной логической и алгоритмической «связи» (на основе методов и методик оптимальной оценки) всех возникающий в стране и регионах демографических ситуаций. Но это возможно только при условии, если мы сможем полностью и адекватно Природе и Обществу решить главную проблему трансформации её объекта и предмета исследований в новую логическую и организационную структуру стратегического управления территориями.

Теоретически объяснить возможное решение этого важного для новой Парадигмы и КУР вопроса можно на основе принципа «соответствия» Н. Бора, 2013. Им утверждается: «… смена одной естественнонаучной теории другой обнаруживает не только различие, но и связь, преемственность между ними, которая может быть выражена с математической точностью».

Графическое разъяснение общего методологического и информационного смысла этого принципа представлено на Рис. 1, где старая и новая парадигмы условно нами оформлены в виде двух окружностей разной размерности (они обозначены римскими цифрами I и II). Из него следует, что полное соответствие достигается только в 3 варианте их состояний, когда математически обеспечивается и полностью реализуется

главное условие: «частности» старой парадигмы или теории по отношению к любой вновь предлагаемой форме научного знания о Природе и Обществе.

В приложении к современной методологии и теории демографии это означает следующее. Во-первых, принципиально расширяются её общие научные представления о системной организации мира, которые должны быть учтены при глобальном, региональном, локальном стратегическом управлении любыми территориями. Методически и технологически – это переход от старого («механистического», объектно-ориентированный подход) к новой форме его представления: «ноосферное» мышление (нормативный подход). В итоге, на внешнем (человеко-машинном) уровне стратегического управления появляется возможность в десятки раз увеличить «вариантность», а значит и оптимальность, будущих решений. И это совсем не противоречит тому факту, что демография сегодня, по своей сути, связана с изучением только одной подсистемы сложно организованной системы (АСС) класса «природа» <=> «общество». Объясняется это тем, что Человек, по своей природе, при стратегическом управлении всегда функционирует как «двойственное» (биосоциальное) существо, поскольку во всех схемах он одновременно является и «объектом», и «субъектом» этого процесса (см.: известную схему управления «телеологическими» системами Н. Винера; 1950). Более подробнее, это объяснено в работе [1].

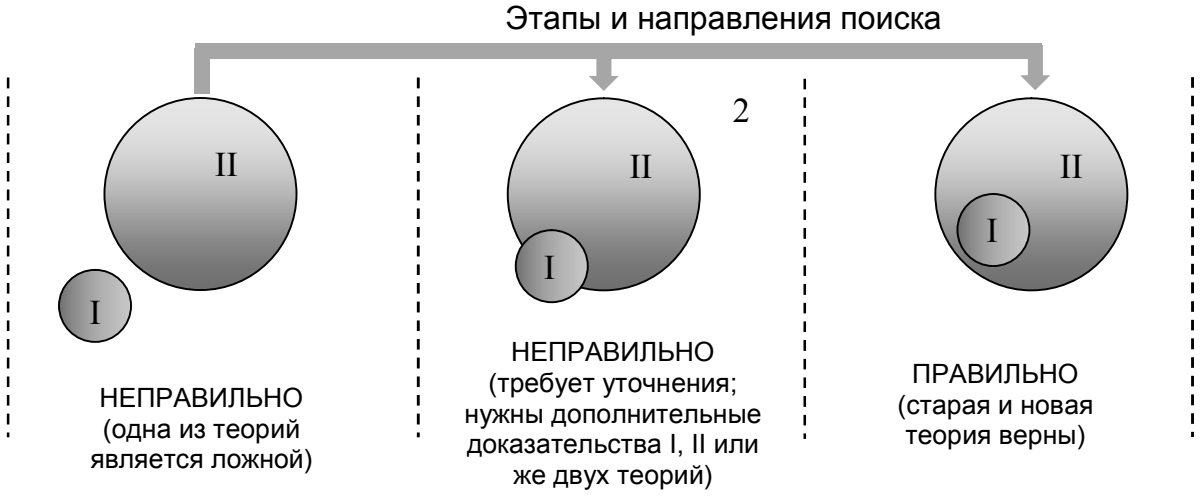

Рис. 1. Варианты трёх возможных информационных состояний двух научных парадигм или научных теорий

Во-вторых, в наших исследованиях границы подобного расширения объекта регулируются пределами области «метазнаний» геоэкологии, состав которой на высшем, – глобальном, — уровне характеризуется следующими элементами планеты и окружающей среды: космо-, лито-, педо-, гидро-, атмо-, био- и антропо- сферы (или оболочки) планеты. Этот, вновь предлагаемый, термин по ratio, т.е. по форме и сути, представляет собой логически (теоретически, методически и технологически) связанные знания высшего уровня об объектной, предметной, проблемной (задачной)

подобластях и методах исследования каждой из комплекса наук о Земле, Обществе и естествознания в целом, общая целевая функция которых направлена на принятие эффективных управляющих решений в процессе их взаимной «коэволюции» (Н.В. Тимофеев-Ресовский, 1968). При этом была предложена следующая формула геоэкологии: ГП, ЖР (объект – геосферы планеты, предмет – жизнеобеспечивающие ресурсы); => БС, НС (исходные теории – биосферы и ноосферы); → РВ, УР (цель – равновесие и устойчивое развитие); ГЛ, РН, ЛК (уровни управления – глобальный, региональный, локальный); КН (основное свойство их функционирования и развития – конфликт в условиях неопределённости).

Также следует специально отметить, что при её разработке был использован известный принцип «дополнительности» Н. Бора, 1913, которым утверждается следующее: *«… для воспроизведения целостности явления… необходимо применять взаимоисключающие и взаимоограничивающие друг друга… «дополнительные» классы понятий, которые… только взятые вместе исчерпывают всю поддающуюся определению и передаче информацию»*. По нашим оценкам для принятия эффективных управляющих решений на любом уровне необходимо не менее 24 отдельных теорий, терминов и новых понятий, вне которых реализация КУР в принципе невозможна [1. С. 19-20].

В-третьих, переход к «конфликту и неопределённости» как к главному свойству для систем класса «природа» <=> «общество», которые далее подлежат научному объяснению, позволяет обеспечить нам полную адекватность любого объекта и предмета будущим методам исследования. Так очевидно, что для этих целей наиболее предпочтительны методы Теории игр и стратегического распознавания образов (РО). Отсюда следует общий критерий оптимальности динамики их функционирования и развития: “min” потерь исходной природной материи, при “max” общественно необходимых материальных благ [2-5], [7]. При этом, в качестве высшей меры моральной оценки (или «ноосферного» мышления) и всех результатов расчёта возможных вариантов стратегического управления, могут служить широко известные сегодня 7 основных правил конфессионального и кооперативного поведения [6].

Эти три главные теоретические и методические положения были проверены нами в 2017 г. в процессе разработки проектов: [2], [4]. В заключение следует особо отметить полную «универсальность» предлагаемого подхода. Например, его использование в любой области знаний может привести только к «сжатию» исходных «объекта» и «предмета» исследования. Но для «данных», которые непосредственно определяют структуру планируемых «методов исследования», станет возможным независимое их расширение при любом варианте развития техники и технологии принятия управляющих решений. Отсюда становится возможным использование в АСПР самообучающихся систем (SOMS).

Список литературы

1. Турков С.Л. «Метазнания» геоэкологии: методология, теория, концептуальный аппарат. Препр. № 225. Хабаровск: ВЦ ДВО РАН. 2017.45 с.
2. Турков С.Л. Национальная концепция устойчивого развития России //Интеркарто/ИнтерГИС-24: «Цифровая Земля и устойчивое развитие территорий». Матер. Междун. конф. М.: Изд-во МГУ.Т. 1. 2018.С.30-45.
3. Турков С.Л. Концепция устойчивого развития в решении научных и прикладных проблем демографического развития Дальнего Востока / Матер. конф. «Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока» - Владивосток: ДВФУ. 2018.С.130-134.
4. Турков С.Л. Методологические основы стратегического управления экологической политикой городов / Матер. XIX междун. конф. городов-побратимов «Формирование и управление экологической политикой городов» и YI Всерос. научно-практ. конф. с междун. участ. «Экология и безопасность жизнедеятельности городов: проблемы и решения». Хабаровск: ДВГУПС.2019.С.-229-233.
5. Turkov S.L. Experience in the use of “metaknowledge” of geoecology in the working out of the National Concept Sustainable Development of Russia. Environment, Energy and Earth Sciences (3S).France.2018. PP.-1-7.
6. Curry O., Mullins D., Whitehouse H. Is It Good to Cooperate? Testing the Theory of Morality-as-Cooperation in 60 Societies // Current Anthropology.-Vol. 60.-Number 1.2019.PP.-47-69.
7. Turkov S.L. Noospheric thinking and problems of sustainable development of territories // Int. J. Innovation and Sustainable Development.-Vol. 13.-Nos. 3/4.2019.PP.259-274.

УДК 316.3

Шакирова Алиса Фиргатовна
научный сотрудник, ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Применение методов искусственных нейронных сетей при изучении проблем социальной защиты населения (на примере г. Казани)

Аннотация. *Статья направлена на изучение проблем социальной защиты населения с применением методов искусственных нейронных сетей на примере города Казани. Авторами разработана оригинальная пространственная карта распределения индекса удовлетворённости населения города Казани институтом социальной защиты населения. Результаты исследования показали, что на распределение оценок влияет проживание в районах с развитой инфраструктурой, рядом с*

организациями социальной защиты, культурными и спортивными объектами.

Ключевые слова: *социальная защита населения, картографирование, пространственный анализ.*

Политика в сфере социальной защиты играет важнейшую роль в обеспечении достойного уровня жизни населения. Неудовлетворённость населения социальной защитой населения ведет к росту неравенства, бедности и социальных проблем. Поэтому необходимо изучать проблемы, которые возникают при обращении в органы социальной защиты, выявить проблемные зоны оказания социальных услуг, с целью повышения удовлетворённости населения и обеспечения эффективного функционирования института социальной защиты населения в целом. Недостаточный охват социальной защитой или ее отсутствие вызваны хронически высоким уровнем бедности и экономической нестабильности, расширением масштабов неравенства, недостаточными объемами инвестиций в развитие человеческого капитала и человеческих возможностей, а также с вялым совокупным спросом в периоды экономического спада и низких темпов роста.

На сегодняшний день существует множество исследователей в области социальной защиты, социальной работы (В. В. Антропов, Л. С. Ржаницына, Л. Н. Гатвинский, Е. И. Холостова, Н. Н. Абакумова, Т. К. Миронов). Но при этом, исследований в области комплексного картографирования городских территорий с выделением ландшафтных единиц или урбогеосистем существует мало. Город как пространственная структура представляет собой крайне неоднородное образование. Учет подобной пространственной неоднородности важен при прогнозировании неблагоприятных для здоровья населения зон, проведения мер по социальному оздоровлению территорий, распределения индекса социальных настроений и др.

Одними из ярких представителей, которые изучили город как сложную природно-антропогенной геотехнической территориальной системы (урбогеосистемы), включенной в ландшафтную структуру окружающей территории с учетом мнения населения является В.З. Макаров, Б.А. Новаковский и А.Н. Чумаченко [3,4]. Применение метода пространственного анализа для изучения социальных проблем отражены в трудах Ермолаева О.П., Селиванова Р.Н., Ермолаевой П.О. [1,7]. Они применили метод искусственных нейронных сетей для изучения социальных настроений горожан.

Среди зарубежных авторов можно выделить следующих Sauer C., Sinclair K.D., Zipper W.C. [10,11,13]. Они адаптировали методику искусственных нейронных сетей для урболандшафтного районирования города.

Таким образом, мы можем сказать, что на сегодняшний день существуют мало исследований, которые направлены на применение метода искусственных нейронных сетей при анализе общественного мнения.

Применению данного метода для изучения проблем в сфере социальной защиты вообще отсутствуют. Поэтому наша работа направлена на восполнение пробела в данной области.

Пространственный анализ представляет собой процесс поиска географических закономерностей и пространственных взаимоотношений между объектами исследования с использованием геоинформационных систем [8]. К основным этапам пространственного анализа относятся:

1) создание цифровой карты исследуемой территории;

2) наложение объектов исследования на цифровую карту;

3) изучение закономерностей пространственного распределения объектов.

Решение сложных задач классификации (районирования) является одним из многочисленных направлений использования пространственного анализа путем распределения данных, обобщения этих данных и выделения участков (типологических районов) с условно однородными значениями. Непараметрические методы на основе нейронных сетей Кохонена, кроме этого, позволяют аппроксимировать непрерывное изменение свойств объекта [8].

В своем исследовании для построения социальной карты мы выбрали два основных подхода. Во-первых, это генерализация полученных данных в рамках наиболее адекватной урболандшафтной модели зонирования города Казани, построенной с использованием методов искусственных нейронных сетей [8], а во-вторых, это эмпирический байесовский кригинг (ЭБК, Empirical Bayesian kriging) – наиболее продвинутый, точный, инновационный метод геостатистической интерполяции [9]. Для расчета индекса удовлетворенности населения Казани институтом социальной защиты необходимо получить от респондентов ответы по высказываниям, с которыми они должны были выразить определенную степень своего согласия или несогласия.

Для построения индекса мы рассчитали среднее значение по трем компонентам для каждого респондента (формула 1). Интерпретация результатов производилась в соответствии со следующей шкалой: 1) от 1 до 2 баллов – «полностью не удовлетворен», 2) от 2,1 до 3 баллов – «скорее не удовлетворен», 3) от 3,1 до 4 баллов – «скорее удовлетворен, 4) от 4,1 до 5 баллов – «полностью удовлетворен». Затем ответы каждого респондента наносились на карту в зависимости от места его проживания в городе.

Индекс удовлетворенности институтом социальной защиты населения $= \frac{\text{Объем + качество + защищенность}}{3}$

Формула 1. Индивидуальный индекс удовлетворенности институтом социальной защиты населения для построения социальной карты

Построение картографических произведений для всех городов Республики Татарстан – задача, осложненная рядом технических и

организационных условий, и именно поэтому в качестве пилотного региона был взят город Казань. Выбор города обусловлен несколькими причинами: во-первых, Казань является столицей Республики Татарстан, а во-вторых, в ней расположено множество видов учреждений социальной защиты населения. Таким образом, нами был проанализирован не только субъективный уровень удовлетворенности институтом социальной защиты населения, но и объективные основания функционирования городских систем в сопоставлении с их восприятием горожанами. Индекс удовлетворенности институтом социальной защиты населения был рассчитан на базе оценок респондентов в отношении объема и качества предоставляемых социальных услуг, а также в отношении их социальной защищенности.

Как показали результаты исследования, большая часть казанцев «скорее не удовлетворены» институтом социальной защиты населения [2,5]. Респонденты, которые, напротив, «скорее удовлетворены», проживают на отрезке улиц Маршала Чуйкова – проспект Ямашева – Чистопольская. Далее, «скорее удовлетворены» институтом социальной защиты жители северной части города на отрезке улиц Беломорская – Химиков – Дениса Давыдова – Литвинова – Карагандинская, а также на улице Васильченко. В данной части города расположены крупные промышленные заводы, такие как «Казань Фарм», завод по производству полиэтиленовых труб и «КазаньОргсинтез», при этом отсутствуют спортивные, культурные объекты, торгово-развлекательные центры и новостройки. В основном здесь проживают социально уязвимые слои населения, 74,3% из которых получают различные меры социальной поддержки, и возможно, что преобладание положительных оценок качества социального обслуживания связано с позитивным опытом взаимодействий с организациями социальной защиты населения.

Подводя итоги пространственного анализа, на распределение оценок удовлетворенности потребителей мерами социальной поддержки влияет также проживание в районах с развитой инфраструктурой, рядом с организациями социальной защиты, культурными и спортивными объектами. Таким образом, при анализе эффективности функционирования социальной защиты населения целесообразно изучать и пространственный анализ. Так как при использование данного метода дает возможность посмотреть на существующие проблемы социальной защиты совершенно с другой стороны.

Список литературы

1. Ермолаев О.П., Селиванов Р.Н. Автоматизированное ландшафтно-экологическое картографирование городских территорий с использованием нейронных сетей (на примере г. Казани) // Ученые записки Казанского университета. 2010. Т. 152 (4). С. 52-67.

2. Ермолаева П.О., Шакирова А.Ф., Селиванов Р.Н. Изменение индекса социальных настроений горожан в зависимости от благоустройства

общественных пространств города Казани // Вестник Мирбис. 2019. № .3 (19). С. 183–187.

3. Макаров В.З. Ландшафтно-экологический анализ крупного промышленного города / Под ред. Ю.П. Селивёрстова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 176 с.

4. Макаров В.З., Новаковский Б.А., Чумаченко А.Н. Эколого-географическое картографирование городов // М.: Науч. Мир, 2002. - 196 с.

5. Прыгунова М.И., Шакирова А.Ф. Сравнительный анализ индекса социальных настроений и объективных статистических показателей г. Казани // Научные труды центра перспективных экономических исследований. 2019. № 16. С. 192-196.

6. Трофимов В.Т. Новый теоретический подход к определению содержания и развития геоэкологии // Геоэкология. 2006. - № 2. С. 216-225.

7. Ermolaeva P.O., Safiullin M.R., Yermolaev O.P., Selivanov R.N. Current Perspectives on Social Mapping of Urban Territories // Asian Social Science. 2015. Vol. 11. №6. DOI: http://dx.doi.org/10.5539/ass.v11n6p207.

8. Kohonen T. Self-Organization and Associative Memory. Berlin, 1984.

9. Omre Y. Bayesian kriging – merging observations and qualified guesses in kriging // Mathematical Geology, 1987. - № 19.

10. Sauer C. The Morphology of Landscape // University of California Publications in Geography. 1925. № 2. PP. 19-53.

11. Sinclair K.D., Knuth B.A. Non-industrial private forest landowner use of geographic data: a precondition for ecosystem-based management // Soc. Natur. Res. - 2000. - Vol. 13. - № 6. - pp. 521-536.

12. Yermolaev O.P., Selivanov R.N. The use of automated geomorphological clustering for purposes of urban planning (the example of the city of Kazan) // World Applied Sciences Journal. 2014. Т. 30. № 11. PP.1648-1655.

13. Zipper W.C., Wu J., Pouyat R.V., Pickett S.T.A. The application of ecological principles to urban and urbanizing landscapes // Ecolog. Appl. 2000. Vol. 10. № 3. PP. 685-688.

СЕКЦИЯ 7

ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

УДК 314.7
Али Сарбаз Азиз Али
аспирант, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Меры государственного регулирования иностранной трудовой миграции

Аннотация. *В статье раскрыты основные направления государственного регулирования иностранной трудовой миграции. Показаны особенности концепции государственного регулирования миграционной политики.*
Ключевые слова: *миграция, иностранные мигранты, концепция*

Миграционная политика – это система юридических концептуально единых способов и мер целенаправленного воздействия государства, международных и общественных организаций на миграцию населения [2].

Значительная доля мер в настоящее время направлена на внешнюю миграцию. У каждой страны есть право самостоятельно расставлять приоритеты миграционной политики. Внешние трудовые миграции осуществляются посредством разносторонних международных договоров и организаций (МОТ). А увеличивать или уменьшать потоки трудовых мигрантов - зависит от демографической ситуации и состояния рынка труда в стране-реципиенте.

Рассмотрим подробнее содержания государственного регулирования иностранной трудовой миграции.

В России существует концепция государственной миграционной политики до 2025 г. [1]. В ней выделены следующие основные положения: представлены направления деятельности, а также система взглядов на ее содержание. Также здесь определяется назначение и принципы ведения государственной миграционной политики РФ. Стоит отметить еще, что данная концепция разработана в соответствии с нормативно-правовыми актами, а также Конституцией страны и рядом документов стратегического планирования в сфере миграции населения. Важно, что эта концепция создана на основе как международного, так и отечественного опыта регулирования процесса миграции населения. Ее реализация позволит решить ряд проблем, связанных с политическими и экономическими рисками в результате иммиграции. В Концепции также рассматривается основные понятия, в числе которых есть и трудовая миграция.

В Концепции также упоминается тот факт, что привлечение иммигрантов в качестве рабочей силы позволяет РФ в дальнейшем поступательно развиваться. В настоящее время миграция высококвалифицированных рабочих кадров обеспечивает рост экономики, а также благосостояние в станах, которые их принимают. Ведь подобные работники создают конкуренцию, ведь только наиболее достойные страны могут их заполучить. Поэтому, для этого создаются определенные условия и механизмы, в основном на долгосрочную перспективу. Миграционная привлекательность России на сегодняшний день относительно остальных стран, которые принимают иммигрантов, достаточно невысока. Преимущественно иностранную трудовую миграцию в Россию совершают граждане государств, входящих в состав СНГ. Но, стоит отметить, что мигранты нового поколения отсюда, по сравнению с предшественниками, преимущественно имеют более низкий уровень образования, отмечаются плохим владением русского языка, а также профессионально-квалифицированной подготовки. Ориентируясь на привлечение иностранных трудовых ресурсов, важно помнить, что мигранты стран СНГ, которые ориентированы на РФ будут постепенно уменьшаться.

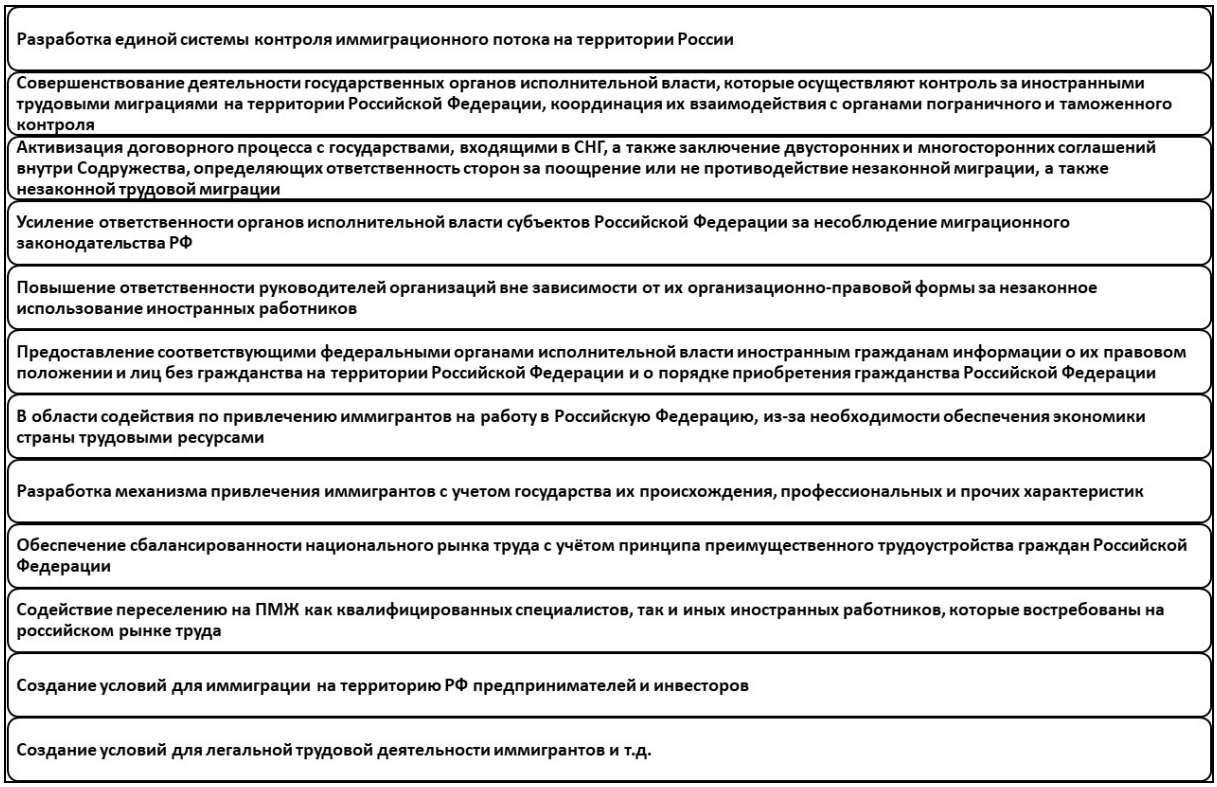

Рис.1. Направления деятельности по регулированию миграционных процессов

Но также здесь назревает важная проблема, которая вытекает из несовершенства системы управления миграционными потоками. Это незаконная миграция. Каждый год, порядка 3-5 млн. нелегальных иностранных мигрантов, не имея официального разрешения, осуществляют трудовую деятельность на территории страны. Подобное механическое

движение населения насыщает трудовыми ресурсами теневой сектор экономики. Это приводит к не доверительному отношению к лицам, совершающим такой вид миграции, со стороны значительной доли российских граждан. На данный момент в России создаются условия для привлечения иностранных трудовых мигрантов. Но возникает важный вопрос: каким путем можно регулировать миграционные потоки? Ведь сейчас на территории страны проживают и работают множество нелегальных иностранных иммигрантов. Из этого следует, что государственное регулирование трудовой миграции абсолютно необходимо.

Государственное регулирование трудовой миграции преследует своей целью достижение необходимого для принимающей страны масштаба иммиграции (в том числе и отбор требующихся рабочих кадров) [3]. Но из-за того, что процесс миграции имеет как положительные, так и негативные последствия государственное регулирование может как привлекать иммигрантов, так и быть направленно на сокращение потоков мигрантов.

Существует несколько направлений деятельности по регулированию миграционных процессов (рис.1).

Приток иностранных мигрантов в промежутке с 2012 по 2017 годы смог компенсировать естественную убыль населения. Также он способствовал привлечению трудовых ресурсов для экономики России. Гражданство РФ получили более 1 млн. человек, из них 525 тыс. чел. сделали это в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. В результате, за рассматриваемый период миграционный прирост составил порядка 1,6 млн. чел. Около 3 млн. чел. составила численность трудящихся-мигрантов в среднем за год. Стоит отметить, что это 3-4 % от среднегодовой численности всех трудовых ресурсов страны. Ежегодно около 10 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства пребывают на территории Российской Федерации, при этом временно или постоянно в РФ проживает более 1 млн. иностранцев.

Итак, для обеспечения экономического роста в стране проводится государственное регулирование иностранной трудовой миграции. Она может быть направлена как на стимулирование миграционных потоков, так и на сдерживание их.

Список литературы

1. Концепция государственной миграционной политики до 2025 г.Url.: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/.

2. Яковенко Н.В. Миграционные процессы: историко-географический подход//Проблемы региональной экологии. 2007. № 6. С. 141-147.

3. Яковенко Н.В. Рынок труда Ивановской области как показатель количественной оценки качества жизни населения//Юг России: экология, развитие. 2007. Т. 2. № 4. С. 6-15.

УДК 908
Босова Юлия Дмитриевна
студентка, Институт естествознания и экономики, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия

Изучение городов Оренбургской области в школьном курсе географии

Аннотация. *Одна из целей образования – адаптация обучающихся к существующей реальности. Немаловажным в этом является изучение родного края, но не во всех школах предусмотрен курс историко-географического краеведения. В этом случае необходимо, чтобы школьные учебники по географии России включали в себя описание различных субъектов, или же какие-то упоминая о них в качестве примеров.*
Ключевые слова: *краеведение, Оренбургская область, школьный курс географии.*

В настоящее время широкое распространение в школах получает региональный компонент, введение уроков краеведения. Но, кроме того, увидеть упоминания о каком-либо регионе Российской Федерации можно и в общих для всех субъектах страны учебниках школьного курса географии. Оренбургская область не исключение.

Оренбургская область – субъект Российской Федерации с административным центром в городе Оренбурге. В период с 1938 по 1957 год называлась Чкаловской областью. Ранее – Оренбургская губерния. Область расположена на стыке двух частей света – Европы и Азии. Территория области охватывает юго-восточную окраину Восточно-Европейской равнины, южную оконечность Урала и южное Зауралье. Включает в себя следующие административно-территориальные единицы: 35 районов, 12 городов, 1 закрытое административно-территориальное образование.

Проведя анализ линии учебников по географии 6-11 классов автора Е.М. Домогацких, было выявлено, что упоминания о городах Оренбургской области встречаются в курсах 8-9 классов, так как именно в этих классах программа построена на изучении географии России, её физико-географических характеристик, населения и хозяйства. В тех курсах, где изучается география мира, города Оренбуржья не затрагиваются [1, 2].

В 8 классе Е.М. Домогацких достаточно подробно разбирает тему «Урал», где и можно встретить упоминания о нашей области. Автор пишет о богатстве Южного Урала полезными ископаемыми, отмечая то, что на территории Орска – одного из крупных городов Оренбуржья, были найдены железные, медные и никелевые руды. Кроме того, в этой же теме обозначен город-курорт Оренбургской области – Соль-Илецк: «Недалеко от Оренбурга есть городок Соль-Илецк. В его окрестностях уже с XVII в. добывают соль. На месте старых разработок, в образовавшихся понижениях возникли небольшие

озёра, вода некоторых из них в несколько раз солоней, чем вода всемирно известного Мёртвого моря! Утонуть в этих озёрах невозможно – плотная, насыщенная солями вода сама держит тело на поверхности». Также в этой теме автор отмечает дату учреждения Оренбургского заповедника – 1930 год.

Но тема «Урал», не единственная в 8 классе, где ученики могут встретить Оренбургскую область. Она также упоминается в качестве примера при объяснении автором астрономического времени в теме «Часовые пояса и зоны России». При этом указана протяженность области с запада на восток [3].

В тексте учебника 9 класса Оренбургская область встречаются гораздо чаще. Впервые – при перечислении субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский экономический район. Затем мы можем увидеть город Орск, изучая тему «Хозяйственная деятельность и изменения природной среды», так как он попал в список самых экологически неблагоприятных городов России.

В теме «Топливно-энергетический комплекс» Оренбургская область была указана дважды: при описании территориальной расположенности Волго-Уральской нефтяной промышленности и при перечислении пунктов, через которые проходит газопровод «Союз».

Город Новотроицк, входящий в состав Оренбургской области, упоминается автором в теме «Металлургический комплекс». При этом указывается, что здесь расположен один из крупных комбинатов полного цикла Уральской базы черной металлургии.

Город Соль-Илецк также встречается и в темах 9 класса, но упоминается уже не как город-курорт, а как город с большими запасами поваренной соли в теме «Химическая промышленность».

Автор неоднократно затрагивает Оренбургскую область при описании Уральского экономического района, указывая при этом, что область богата природным газом. Также Е.М. Домогацких отмечает юг Оренбуржья как центр развития мясного скотоводства данного экономического района. В этой же теме автор упомянул город Орск, в котором производят различное машиностроительное оборудование [4].

Таким образом, мы выяснили, что города Оренбургской области можно встретить в школьном курсе географии при изучении тем, связанных с описанием Уральского экономического района, в который область непосредственно входит, Южного Урала, а также при объяснении расположения химической и металлургической промышленности как в целом по России, так и в данном экономическом районе. Встречаются упоминания Оренбуржья и в других темах, но это происходит реже и носит скорее случайный характер [5].

Такая краткая характеристика области в отдельно взятых темах курса географии побуждает интерес к предмету у учеников, относящихся непосредственно к Оренбуржью, и развивает целостное представление о России у обучающихся других субъектов страны.

Список литературы

1. Домогацких Е.М. Физическая география: учебник для 6 классов общеобразовательных учреждений /Е.М. Домогацких, Н.И. Алексеевский. М.: Русское слово, 2013. 233 с.
2. Домогацких Е.М. География. Материки и океаны: учебник для 7 классов общеобразовательных учреждений/Е.М. Домогацких, Н.И. Алексеевский. М.: Русское слово, 2012. 280 с.
3. Домогацких Е.М. География: учебник для 8 классов общеобразовательных учреждений/Е.М. Домогацких, Н.И. Алексеевский. М.: Русское слово, 2012. 336 с.
4. Домогацких Е.М. География. Население и хозяйство России: учебник для 9 классов общеобразовательных учреждений/Е.М. Домогацких, Н.И. Алексеевский. М.: Русское слово, 2013. 280 с.
5. Домогацких Е.М. География. Экономическая и социальная география мира: учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений/ Е.М. Домогацких, Н.И. Алексеевский. М.: Русское слово, 2009. – 232 с.

УДК 316.43

Бросов Александр Сергеевич
соискатель, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия

Критерии и показатели исследования социальных страхов работающих пенсионеров

Аннотация. *Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью разработки социологического инструментария исследования социальных страхов работающих пенсионеров; цель исследования состоит в подборе наиболее адекватных проблеме исследования критериев и показателей; ведущим методом исследования проблемы является структурно-функциональный, применяя который автор выявил основные направления исследования; теоретическая значимость статьи состоит в обосновании возможности исследования выбранной автором темы, практическая – в предлагаемом инструментарии.*

Ключевые слова*: пожилой возраст, работающие пенсионеры, социальные страхи, инструментарий исследования, эйджизм*

На современном этапе развития социальных наук старшее поколение чаще рассматривается с позиций демографического, социологического, социально-философского, культурологического, психологического, адаптивного, экономического, политико-правового, медико-рекреационного подходов, о чем пишут в своей статье О.Б. Истомина, Т.Б. Аншукова [1]. Старшее поколение неоднородно, и внутри него можно выделить разные

социальные слои, в том числе, пенсионеров. «Выход на пенсию можно рассматривать как вариант социальной мобильности (чаще всего, нисходящей) в связи с переменой социального статуса пожилого человека и переходом его в разряд пенсионеров. Эта смена статуса несет изменения во многих сферах жизни и вызывает необходимость социальной адаптации к новым обстоятельствам – не только внешним, но и внутренним – психическим, физиологическим и пр. Индивид должен осознать себя пенсионером и понять, что находится на специфическом этапе жизненного пути» [3, с. 124]. Научные источники отражают массив проблем, связанных с пенсионерами. К данному социально-демографическому слою относится особая социальная категория – работающие пенсионеры.

Актуальность исследования проблем, связанных с работающими пенсионерами как социальной категорией, детерминирована рядом факторов экономического, социального и психологического характера.

Так, к примеру, работающие пенсионеры не относятся к числу тех, кому индексируется пенсия, что вызывает недовольство с их стороны, так как они исправно отчисляют пенсионные сборы. Кроме того, они часто устраиваются на работу не по специальности, в силу эйджизма (возрастная дискриминация), что сказывается на их зарплате.

К социальным причинам, требующим их изучения, относятся отношения работающих пенсионеров с семьей, коллегами, отношение к ним социума в целом.

Психологические проблемы – конфликты в коллективе между молодыми работниками и людьми пожилого возраста, снижение самооценки, депривация, эксклюзия и др.

Мы обозначили ряд направлений, которые необходимо проанализировать, изучая социальные страхи работающих пенсионеров. Работающие пенсионеры испытывают комплекс витальных страхов: опасение из-за воздействия трудовой деятельности на ослабление функционального состояния организма; боязнь потери профессионализма в деятельности, вызванной слабым здоровьем; опасение увольнения, страх сокращения штатов и увольнения по инвалидности; боязнь смерти на рабочем месте.

Страхи, вызванные потерей способности к коммуникативности, проблемы, возникающие на этой почве у работающих пенсионеров с коллективом, менеджментом предприятий и учреждений, молодыми коллегами, коллегами-пенсионерами.

Работающие пенсионеры испытывают также ряд социальных страхов, вызванных проблемами, детерминирующими их социальное самочувствие.

К профессиональным страхам, испытываемым работающими пенсионерами, относятся: боязнь не осилить запросы нынешнего социума, обусловленные внедрением информатизации и цифровизации; опасение не справиться с новыми технологиями; опасения, вызванные не совсем качественным выполнением рабочих обязанностей.

Страхи, вызванные семейными взаимоотношениями: опасение, что семья не одобрит (дети, внуки, муж и др.) дальнейшую трудовую деятельность; страх порицания намерения продолжить рабочие дела; опасение того, что близкие не понимают жажды пенсионера быть общественно деятельным и нужным; переживания из-за безразличия родственников по поводу пролонгирования деятельной активности на работе; боязнь утраты места труда, так как необходимо осуществлять фамильные обязанности, страх потерять родных или близких из-за невозможности оказания им помощи. «В тяжелое финансовое положение пенсионеры, пенсии которых доведены до их прожиточного минимума, могут попасть только если выступают кормильцами для неработающих трудоспособных родственников»; «объективно бедные пенсионеры тоже формируют запрос на трудоустройство и справедливые механизмы оплаты труда, однако он в большей степени обуславливается незанятостью их трудоспособных родственников и касается выправления положения последних» [2, с. 29,33].

Страхи, имеющие финансовую и материальную основу: боязнь, что невозможно жить, только исходя из пенсионного обеспечения; страх нищеты; опасение, что ухудшится столовый набор; боязнь недоступности покупки нужных лекарств и вообще платной медицины.

Страх социальной смерти. Социальная смерть – процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума. Он совмещается со страхом быть ненужным обществу.

Страх профессиональной деструкции или потери квалификационных качеств профессионала.

Страх эйджизма (возрастной дискриминации) в отношении работающих пенсионеров.

Выделение данных направлений было необходимо для разработки критериев и показателей исследования социальных страхов работающих пенсионеров. Нами разработаны следующие критерии и показатели.

Критерий выявления страхов, связанных с финансовой и материальной обеспеченностью работающего пенсионера. Показатели: уровень финансовой и материальной обеспеченности; уровень страха снижения финансовой и материальной обеспеченности.

Критерий профессиональных страхов. Показатели: уровень профессиональной деструкции; уровень страха перед эйджизмом.

Коммуникативный критерий. Показатели: уровень опасений возникновения проблем общения в трудовом коллективе; с начальством, с более молодыми сотрудниками.

Критерий опасения изменения семейных отношений. Показатели: уровень страха неодобрения дальнейшей трудовой деятельности; ее порицания непонимания желания пенсионера быть общественно деятельным и нужным; переживания из-за безразличия и др.

На основе предложенных критериев и показателей, разработав индикаторы, мы планируем осуществить эмпирическое исследование и

вывить. как социальные страхи преобладают у современных российских работающих пенсионеров.

Список литературы

1. Истомина О. Б. Аншукова Т. Б. Старшее поколение: региональные особенности социального положения //Управление экономическими системами: электроннный научный журнал. 2016. № 11.
2. Слободенюк Е.Д. Глубокая бедность в России: специфика объективного и субъективного положения //Социологическая наука и социальная практика. 2019. №4. С. 29-33.
3. Тумакова С.Ю. Выход на пенсию как социологическая проблема //Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 1 (135). С. 124-125.

УДК 316.34/35

Долбилина Софья Николаевна
студент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия
научный руководитель:
Яковенко Наталия Владимировна
д.г.н., профессор, главный научный сотрудник, директор НИИ ИТЛК, Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия

Национальная идентичность в контексте глобализации

Аннотация. *Рассматриваются проблемы национальной идентичности, с которыми сталкивается современное общество в условиях процесса глобализации.*

Ключевые слова*: национальная идентичность, глобализация, цивилизация*

XXI век можно назвать веком взрыва идентичностей. Национальный идентичность как самоопределение индивидов и групп в координатах национальное сообщество, вопреки логике глобализации мира модели гражданства и транснациональной идентичности глобализованный мир, который проецируется на сферу международного, внутри социальные, межличностные отношения, влияющие таким образом на социальные мега, мезо, микро уровни. Национальная идентичность- это не только следствие архаизма, локализации, но и путь, инструмент интеграции народов в современном мире. Эти обстоятельства делают его необходимым для анализа и оценки национальных идентификация, сравнение и идентификация объяснительных, аналитических и прогностические

возможности, сформированные теоретико-методологическими подходами к национальной идентичности в контексте глобализационных процессов.

Этот формирование национальной идентичности в условиях глобализации характеризуется, с одной стороны, изолированностью, дистанцированием от других национальные и этнические группы, Поиск коллективного Национального "я" другое-включение ресурсной идентичности в качестве" приза конкуренция за позиции в глобализованном мире.

Современная национальная идентичность находится под влиянием "транснационализации", что затрудняет сохранить свою целостность, но по сути это форма самоопределения, что часто приводит в движение парадоксальное, но связанное с разнообразием возможности в определении национальной стратегии персонажей. Таким образом, национальная идентичность в контексте глобализации дифференциация, фрагментаризация, система комплементарности и субъективность факторы. Сложность процесса национальной идентичности многомерна критерии идентичности, актуализация политического, социального, культурного и символического капитал.

E. Giddens ставит и интерпретирует фундаментальные проблемы нации, национализма и национальное государство. С его точки зрения, национальная идентичность и чувство принадлежности чтобы нация не могла быть конструктивной силой, потому что национализм националистический и националистический стремления, обычно воинственные, становятся причиной насильственного конфликта [1].

Действительно, национальная выступает в качестве важнейшей социальной константы в мире социальной изменение. В то же время рост национального самосознания может быть представлена как естественная реакция на стандартизацию общественной жизни. Мультикультурализм и национальная идентичность сейчас находятся под угрозой навязать какую-то одну модель как единственно верную, нейтрализовать все ее разнообразие под одну трафарет. Отсюда и естественная реакция людей-защитить себя, своих уникальность. Растущие антиглобалистские тенденции связаны с тем, что люди хотят быть представителями общего безликого мира и носителями особая этнокультурная и национальная общность.

Троельч отмечает, что, зная в каждом случае свое социальное бытие, " на самом деле, мы знаем только сами." Это знание является как практической необходимостью, так и обязательное условие деятельности по формированию культуры. Понять сущность общества, поэтому становится необходимым понимание его этнокультурного аспекта целостность и независимость, путем признания и принятия историческая судьба. "Если вы путешествуете по всему миру и имеете самый короткий путь к себе, мы на пути, сравнивая и учась, и всегда приходим назад к себе " [1, 340 с].

Все это предполагает методологическое единство в изучении общей истории и национального сознания и идентичность через осознание социальной и исторической преемственности термины общего понимания процессов социального становления и развитие. Теоретические основы

формирования основных компонентов эмпирическое исследование было сравнительным анализом различных теорий идентичность, существующая в социальных науках и претендующая на объяснение процесса его формирования.

Важной особенностью современного общества является быстрое изменение и глобального, как глобального сообщества и отдельных социальных структур, когда можно с уверенностью сказать, что социальные изменения немедленно охватывают все поколения и социальные слои. В сознание народа отражается и пониманием социальных и социальных культурные противоречия тенденций глобализации и локальный консерватизм, язык и аспекты взаимной концептуальной Западной и русской мысли. Все это сопровождается когнитивной неоднозначностью, экзистенциальными противоречиями, может быть проявляется в потере жизненных целей и модификации существующей системы ценности. Аналогичная ситуация получена в научной литературе как "кризис социальной идентичности", который происходит прежде всего на уровне индивидуальное сознание. Ситуация предполагает возможность идентичности кризис в начале 70-х Леви-Штраус, который утверждал, что он станет новым столетняя катастрофа и прогнозируемые изменения в статусе проблемы социально-философское и психологическое в междисциплинарном[2].

В научной литературе как основные компоненты этнической идентичности выделяются, например, следующие основные компоненты: а) когнитивный (самоидентификация, выбор оснований этнической идентичности, содержание авто-и гетеростереотипы, понятия "дистанции" между его группами и соответствующих этнических групп); б) аффективный (чувство принадлежности к этническая общность) [3].

С позиций в развитие концепции психоанализа идентичность должна принимать учитывать его структурные и динамические характеристики. На основе этой теории позиция можно отметить, что изучение идентичности, особенно в масштабной выборке социологические опросы должны быть направлены на процедурные и содержательные исследования. стороны, так что прошлое, настоящее и будущее являются опытным человеком (и поэтому общество) в целом. В этом смысле необходимо учитывать, что идентичность всегда остается "незаконченной", она формируется непрерывно. Это от эта позиция в исследовании была введена в серию последовательных вопросов направлена на выявление наиболее популярных с точки зрения общественного мнения тенденций развитие казахской культуры, образования и идеологии.

С позиций направления в социологии и социальной психологии как символические интеракционизм важным компонентом анализа процессов идентичности являются символические аспекты социального взаимодействия, основанные на идее социального происхождения "я".

Наиболее важный, если не единственной основой формирования идентичности является историческое наследие людей.

Именно в процессе исторического развития формируется уникальный специфика социальной жизни людей, их культура, духовность, образ мышления. Утверждение, что историю можно назвать процессом приобретения индивидуальных черт, будут одинаково действительны как для отдельных субъектов, так и для глобальных социальная система. Только уникальность отдельных историй создает неповторимость сочетание специфических свойств, отличающих их друг от друга системы с аналогичной структурой, и что история расскажет нам историческую системы идентификации, позволяющие их идентифицировать. Потому что, культурные и социальные системы, также как и индивидуальность, идентифицируют себя с помощью своих исторической идентичности, поскольку историческая личность может быть описана как "идентичность."

Призывы к защите национальной самобытности способствуют выводу о том, что что-то описывается на том же уровне абстракции, присущем всему этому лежит выше партийных и религиозных разногласий. Другими словами, глубоко укоренились национальная идентичность может быть описана только через ее уникальную историческую сущность.

Эти идентичности формируются символическими формами, такими как флаги, архитектура, искусство и многое другое. цените историю и заповедники. Государственные школы, университеты, церкви и вещательные организации также являются хранилищами национальной идентичности. Мы можно предположить, что эти символы и идеи за ними находятся не только за пределами краткосрочная политическая целесообразность, но даже за пределами исторических этапов и политический режим.

В конечном счете, идентичность социальных и исторических субъектов может быть отображена только с помощью помощь их историй, так как эта идентичность, как и сегодня, всегда содержит больше чем то, что можно понять, проанализировав условия настоящего времени. В некотором смысле, понятие исторической идентичности не является результатом действия, и результат самосохранения и развития субъекта. Вот почему по отношению к истории, придавая ей идентичность, она не является ее действующим субъектом., но только ссылочный.

В контексте глобализации затрагиваются процессы идентичности и интенсивного диалога с миром, в том числе Европейская культура как носитель особого вида идентичности необходимый на данном этапе казахской культуры вид самореализации, способный сделать наше страна узнаваема в разнообразии мировой истории.

Это явление говорит дело в том, что чем интенсивнее диалог, тем больше появляется национальная идентичность поразительно казахская культура. И наоборот, ослабление диалога, возведение идеологических барьеров может негативно сказаться на национальной культуре. Важно также, чтобы его развитие не было заменено искусственные идеологии не только препятствуют поступательному движению, но и делают его сложно общаться с собственными традициями. В социологических и психологическая литература выделяет различные функции социальной

идентичности, обобщая существующие теории, можно выделить следующие ее основные функции:

- ориентация (найти свое место в мире);
- структурный (сохранить определение, соотношение детерминизма и неопределенности);
- целевое устройство, построение моделей поведения);
- экзистенциальный (прогнозирование, собственный духовный потенциал).

Эти функции формируется в полном объеме сразу, поэтому можно говорить об этапах формирование социальной идентичности в целом и об этапах формирования этническая идентичность в частности.

Характерные этапы формирования этнической идентичности, разработанные французами психолог Жан Пиаже [4, 34-56]. Пиаже описал три стадии:

- 6-7 лет - а ребенок приобретает первые фрагментарные и бессистемные знания о своих этническая принадлежность. В этом возрасте для него важнее всего семья и семья. непосредственная социальная среда, а не страна и этническая группа;

- 8 -9 лет - а ребенок должен четко идентифицировать себя со своей этнической группой на основе такие критерии, как гражданство родителей, место жительства, родной язык, пробуждение национальных чувств;

- 10-11 лет - ребенок уже имеет этническую идентичность во всей ее полноте, может описать характеристики различных народов, понимает уникально историю, специфика традиционной потребительской культуры.

Л. Гумилев писал, что «культурная самобытность каждого этноса создает своего рода мозаика человечности, придающая ей гибкость».[3] "Этническое разнообразие, согласно Гумилев, это оптимальная форма человеческого существования". Структура идентичность в мультикультурной среде очень сложна. В мультикультурном окружающая среда, особенно в постконфликтных ситуациях межэтнических отношений, кроме необходимости дифференциации проявляется тенденция к межгруппированию интеграция, стирающая границы идентичности отдельных этнических и этнических групп. культурная группа. В то же время размытая идентичность может сосуществовать с глубоким смысл их этничности, использование в построении идентичности большего количества элементов.

Этот исследователь отмечает, что именно идентичность наиболее благоприятна для жизни многонационального общества, ведь она позволяет органично сочетать разные перспективы восприятия мира, приобретения богатств другой культуры без ущерба для стоимости имущества.

Список литературы

1. Авксентьев В.А. Этнические проблемы современной России: социально философский аспект анализа. /В.А Авксентьев, В.А. Шаповалов. Ставрополь, 2017. 186 с.

2. Амелин В.В. Этнополитические конфликты: типы и формы проявления, региональные особенности/ Н. Амелин. М.2017. 36 с.
3. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб.: ООО "Издат. Дом "Кристалл"", 2002.
4. Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 35-48.

УДК 331.5, 351.83

Вострикова Нина Владимировна
студент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия
Диденко Ольга Валериевна
к.г.н., доцент, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Управление процессами адаптаций и интеграции мигрантов в современном обществе

Интеграция мигрантов в новом обществе – актуальная проблема для России, но также и для других развитых стран, которые являются привлекательными для мигрантов.

На сегодняшний день существует два подхода решения проблемы интеграции мигрантов

- ассимиляционистский (в США, Франции, ФРГ),
- мультикультуралистский (теория сосуществования различных культур в одной территориальной плоскости -в Великобритании, Скандинавия, Канаде).

После распада СССР Российская Федерация привлекает огромное количество мигрантов из стран бывшего Советского Союза, а также Закавказья, Центральной Азии, Дальнего Востока, Ближнего Востока и даже Африки. Можно сказать, что ситуация, связанная с политикой, социально-экономической отраслью и демографией, которая имеет место быть в большинстве стран, имеющих границы с Россией способствует увеличению числа мигрантов, которые прибыли с целью заработать на жизнь и постоянное место жительства.

Необходимость успешной интеграции вынуждает разработать грамотной миграционной политики. С помощью миграционной политики ведется управление всеми процессами адаптаций и интеграции мигрантов в современном обществе [3]. У трудовых мигрантов возникает необходимость понимания зависимости своего нахождения в стране и работы на российских предприятиях с учетом своей адаптации согласно нормам и обычаям жизни в принимающей стране. После этого возникает необходимость в создании определенных условий по пути к границе мигрантам и их семьям, которые

прибыли заработать денег на непродолжительное время. Необходимо сделать так, чтобы разрешение на въезд получали только те, кто хоть немного владеет русским языком, имеющим какое-нибудь образование. В случае любого нарушения закона, а в частности уголовного, нужно принимать своевременные меры, возможно даже запретить посещать страну пожизненно. Важным в интеграции мигрантов также является культурная политика государства. Многие страны уже создали систему мер для политической аккомодации культурных различий.

Страны Европы проводят определенные меры по созданию жизни по соседству среди смешения разных культур. Изменения коснулись всех сфер жизни. Для России такие меры кажутся удивительными или невозможными. Но стоит подумать и возможно хотя бы часть применить в российском обществе(рис.1).[2].

Рис.1. Определенные меры по созданию жизни по соседству среди смешения разных культур

Для успешной интеграции важнейшим фактором является возможность выбора культурной идентичности. Принимающая страна желает, чтобы мигранты как бы слились с новым социумом- ассимиляции. Для полного участия в другой для мигранта жизни ему необходимо доверие. Как доказывает практика на примере Европы, мигранты чувствуют доверие тогда, когда они не сталкиваются со случаями проявления двойных стандартов, а также отторжения и/или агрессии. Это означает, что особую важность играют отношение и обстановка в обществе.

Список литературы

1. Кузнецов И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы): автореф. дисс. к. соц. н. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/avtoreferat_KuznezovIM.pdf [Дата посещения: 17.06.2020].
2. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований//Социальная психология и общество. 2013. №4. С. 34-45.
3. Яковенко Н.В. Миграционные процессы: историко-географический подход//Проблемы региональной экологии. 2007. № 6. С. 141-147.

УДК 314.15

Гудяева Людмила Александровна
аспирант, старший научный сотрудник отдела макроисследований и экономики роста ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань, Россия

Анализ опыта научного осмысления социально-экономических процессов в контексте проблем воспроизводства населения

Аннотация. *Стабилизация динамики основных демографических показателей является одной из основополагающих целей устойчивого роста экономики любой страны. Современная наука уже занимается исследованиями в этой области, значимость и целевые ориентиры которой сегодня подчеркнуты в нацпроекте «Демография». По мнению автора, преобразования социальной сферы невозможны без трансформации всех сфер жизни и ее осмысления научным сообществом.*

Ключевые слова*: устойчивое развитие, демографическая политика, социальная сфера, население.*

Основной целью устойчивого сбалансированного развития и роста экономики любой страны является создание благоприятных условий для обеспечения процесса стабильного воспроизводства населения и улучшения

его благосостояния. Поэтому в поле основного внимания государства находятся механизмы реализации демографической политики, а именно проведение грамотно выстроенных социальных и демографических процессов. Стоит отметить, что в России сегодня наблюдается критическое положение с динамикой основных демографических показателей. Численность населения Российской Федерации на начало 2020 года сократилось только за год на 35,6 тыс. человек или на 0,24% от его общего количества (43,7 тыс. человек – по состоянию на 2019 год) [1]. Таким образом, на территории современной России к началу 2020 года нас осталось 146 млн. человек. По состоянию на 2012-2016 гг. из 85 субъектов лишь около 25 имели положительный показатель прироста [2].

О приоритете обозначенной проблемы начали говорить и политики, и ученые, и специалисты начиная с конца 90-х годов, обеспечивая меры по улучшению демографической направленности через министерства здравоохранения и социального развития. А в настоящее время данный вопрос нашел свое отражение в национальном проекте «Демография», ряде федеральных социальных проектов, вектор целей которых направлен на улучшение благосостояния семей и увеличения продолжительности жизни. Стоит отметить, что преобразования в социальной сфере и достижение заявленных в нацпроекте «Демография» глобально значимых результатов к 2024 году запланированы за счет мер финансовой поддержки государства, обеспечивая при этом макроэкономическую стабильность, что еще раз подчеркивает попытку выстраивания грамотной социальной и демографической политики.

Проблемы воспроизводства населения немыслимы без учета текущих демографических событий, то есть оценки численности и состава населения, его компонентов, в том числе основных показателей общественного здоровья. Обратимся к некоторым показателям, заваленным в реалистичном сценарии реализации национального проекта «Демография» к 2024 году для текущего цифрового обзора: увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1.7 детей на 1 женщину, доступность дошкольного образования для детей в возрасте от полутора до трех лет до 100 %, увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет.

Нельзя обсуждать проблемы демографической ситуации в стране без научного осмысления социально-экономических процессов современной наукой. Основы изучения концепции демографических процессов и ее факторов в экономическом росте территорий были заложены рядом зарубежных экономистов и философов, таких как Р. Харрод, Е. Домар, Г. Беккер, Э. Гувер, Р. Истерлин, А. Коул, Р. Нельсон, Х. Лебенштейн, Э. Фелпс и др., идеи которых предопределили появление с начала 1960-х теории демографического развития и экономической теории рождаемости [4]. Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни населения и их влияние на социально-экономическое развитие давно является предметом глубокого изучения специалистов в области философских, политических и экономических наук, в числе которых, например: Е. Карпенко, О. Карпенко,

О. Борискевич, В. Голуб, С. Сайфиева, М. Колосницыной, Т. Коссовой, М. Шелунцовой и др. [5]. Кроме того, важным источником информации и инструментом оценивания рассматриваемой проблемы являются официальные и статистические материалы и нормативные документы, отражающие состояние демографического развития России, требующего научного осмысления и анализа его важности. Так, например, прогнозные значения изменения численности населения, опубликованные Федеральной службой государственной статистики, при заявленном среднем сценарии развития показывают, что к 2030 году естественный прирост населения уменьшится на 535,3 тыс. человек, при этом миграционный прирост увеличится на 258,5 тыс. человек [6].

Анализ литературы показал, что в отечественной науке проблема воспроизводства населения России на современном этапе в экономическом аспекте недостаточно проработана как с точки зрения гарантий социальной поддержки семей, представителей старшего поколения и инвалидов, так и с точки зрения предоставления услуг в сфере здравоохранения, образования, жилья, питания.

В этой связи большой интерес представляет опыт европейских стран по улучшению своей демографической ситуации. Например, Швеция. По коэффициенту рождаемости (1,88) Швеция поднялась на первое место в Европе, обойдя Францию. При этом наблюдается быстрый прирост мусульманской диаспоры: 22% новорожденных за год – дети афро-арабских иммигрантов. Европейские аналитики прогнозируют, что через 40 лет такими темпами коренные белые шведы станут этническим меньшинством в своей стране, а к 2060 году население Швеции достигнет 12 407 982 человека. Из них коренное население будет составлять 52,08%, а иммигранты – 47,92% [7]. А в Италии парламент на волне беспокойства единой демографической проблемой и постоянным прогрессивным снижением рождаемости в период между 2008 и 2018 годами рекомендовал правительству принять меры по поддержке естественного прироста населения, среди них: стимулы для предотвращения абортов и поддержки женщин на пути к материнству; введение пособий на детей в размере 400 евро в месяц в течение первых шести лет жизни каждого ребенка для пар с доходом ниже 80 000 евро в год; пересмотр налоговой системы ради упрощения процедур для семей с детьми-иждивенцами; поощрение бизнеса, который нанимает молодых матерей и женщин детородного возраста; содействие восстановлению женской занятости и ряд других социальных гарантий [7]. Из изложенного выше наблюдается, что предложенные итальянским государством мероприятия охватывают наиболее уязвимые аспекты социально-правовых гарантий, необходимых для естественного восполнения населения.

К сожалению, в России содержание правовых социальных гарантий отстает от стран Европейского союза. Очевидно, что наша страна идет по шведскому пути за счет прироста численности населения из-за мигрантов в нашу страну, а не за счет внутренних ресурсов. Хочется наблюдать в нашей

стране «картину» Италии, обеспечивая систему социальных гарантий в обществе.

По мнению автора, преобразования социальной сферы невозможны без трансформации всех сфер жизни и ее осмысления научным сообществом. Однако, по зарубежному опыту, чтобы в значительной мере заработали механизмы социальной и демографической политики стоит задуматься о суммарном коэффициенте государственных затрат, направленном на укрепление общественного здоровья, гарантированное материальное стимулирование и поддержку жизнедеятельности коренного населения страны: коренные налоговые перемены, пересчет реальной стоимости жизни, конкурентоспособная система здравоохранения, а в первую очередь своевременная необходимо доступная инфраструктура для родителей и их детей.

Список литературы

1. Население России в 2019 году сократилось на 35,6 тыс. человек [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4232598 (дата обращения: 11.08.2020).

2. Егоров Д. О. Новый российский демографический кризис и его сельско-городская проекция (на примере Республики Татарстан) // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 190–217.

3. Динамика изменения населения России с 1897 года [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2019. – 24 января. – Режим доступа: https://tass.ru/info/6036200 (дата обращения: 11.08.2020).

4. Дрепа Е.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию демографических процессов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 9 (17). – Режим доступа: file:///C:/Users/Admin/Downloads/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-issledovaniyu-demograficheskih-protsessov.pdf (дата обращения: 11.08.2020).

5. Колосницына М., Коссова Т., Шелунцова Н. Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни: кластерный анализ по странам мира // Демографическое обозрение. 2019.Т.6, №1. С. 124-150

6. Население: Демография [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения 01.09.2020).

7. Как Европа поднимает рождаемость // Деловая газета «Взгляд». – 2019. – 15 декабря. – Режим доступа: https://vz.ru/society/2019/12/15/1013777.html (дата обращения 01.09.2020).

УДК 314
Дронов Алексей Витальевич
магистрант направления подготовки 05.04.02 «География», Факультет естественных наук ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, Луганская Народная Республика

Современные тенденции демографического развития Свердловской области

Аннотация. *Обоснована актуальность общественно-географических исследований субъектов Российской Федерации. Целью исследования стал общественно-географический анализ особенностей демографического развития Свердловской области на современном этапе социально-экономического развития. Были использованы методы анализа и синтеза, математико-статистический и графический методы. Проанализирована динамика изменения численности населения в области, её половозрастной состав. Дана характеристика особенностей естественного и механического движения населения. Раскрыты основные проблемы демографического развития Свердловской области.*
Ключевые слова: *демография, население, демографическая ситуация, воспроизводство, миграции, Свердловская область*

В результате изменений в политической и социально-экономической сферах жизни, произошедших в Российской Федерации в конце XX века, многие регионы столкнулись с острыми экономическими проблемами, связанными с закрытием производств в тяжёлых отраслях промышленности, низким качеством инфраструктуры. Всё это привело к качественным трансформациям в различных структурах населения.

Решение задач разностороннего общественного развития Российской Федерации обуславливает необходимость общественно-географических исследований отдельных субъектов. Свердловская область обладает значительным промышленным комплексом, который достаточно сильно пострадал в результате изменений в экономике. Основные социально-экономические проблемы здесь выражены наиболее остро.

Всё вышеизложенное говорит о крайней актуальности социально-экономико-географических исследований субъектов Российской Федерации. Анализ научных публикаций свидетельствует о том, что исследования данной направленности в научной литературе представлены мало. В связи с этим, объектом нашего исследования стала Свердловская область Российской Федерации.

Целью нашей статьи стал общественно-географический анализ особенностей демографического развития Свердловской области на современном этапе социально-экономического развития.

Демографическое развитие является важной составляющей общественно-географического регионального комплекса. Основным его

показателем служит динамика численности населения, которая тесно связана с социально-экономическим развитием региона. Её положительный характер говорит про улучшение социально-экономического положения территории.

Согласно официальным данным переписей населения, статистических ежегодников, а также данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области, до 1991 года происходил рост численности населения, в 1991 году количество жителей области достигло 4,766 млн. чел. (3,2% от численности населения России), после этого численность населения стабильно сокращалась до 2012 года (примерно на 0,5% в год), на 2012-2016 гг. пришёлся период незначительного роста численности населения (в среднем на 0,15% в год), с 2016 г. население Свердловской области продолжает сокращаться, в 2020 году численность населения достигла 4,311 млн. чел. (2,9% от РФ). Рост численности населения в Свердловской области в середине XX века связан с наращиванием производственных мощностей в регионе, после 1991 года начался упадок промышленности, определивший быстрое сокращение численности населения [1, 2].

Среди единиц административно-территориального деления Свердловской области прирост населения в 2020 году относительно 1989 года наблюдается лишь в городах Верхняя Пышма, Екатеринбург, Заречный, Берёзовский, Белоярском, Сысертском районах, все они являются частью первого пояса Екатеринбургской агломерации, кроме центра агломерации Екатеринбурга и Заречного, входящего во второй пояс. Увеличение численности населения в поселениях первого пояса агломерации объясняется наличием субурбанизационных процессов. Так в Верхней Пышме наблюдаются наибольшие темпы прироста населения в области (около 1% в год). Рост населения в Заречном связан с увеличением мощности Белоярской АЭС, развитием в нём социальной инфраструктуры. Наибольшие темпы сокращения населения наблюдаются в слабозаселённых (Гаринский, Таборинский – 1,9% в год) и горнозаводских районах (Пригородный район, города Красноуральск, Кушва – 1,1% в год) [1, 2].

За последние 30 лет в области произошли значительные изменения в характере воспроизводства населения (Рис. 1). Если в 1990 году показатель естественного прироста составлял примерно 1,0‰, то к началу XXI века он снизился до -8,2‰ за счёт повышения уровня смертности и снижения рождаемости. Затем до 2013 года наблюдается рост рождаемости (от 8,4‰ в 2000 до 14,4‰ в 2013 году) при слабом уменьшении смертности (от 16,6‰ до 14,7‰), в 2013 году показатель естественного прироста составляет 0,7‰, что является максимальным значением за период с 1992 по 2019 годы [2]. К 2019 показатель рождаемости уменьшился до 10,7‰, что на 0,6‰ выше, чем в среднем по Российской Федерации (10,1‰), при этом смертность составила 13,3‰ (в среднем по РФ – 12,3‰), в результате - естественная убыль возросла до 2,6‰ (в РФ – 2,2‰ [3]).

С особенностями воспроизводства населения тесно связаны показатели брачности и разводимости. В течение 1990-х годов снижается количество

зарегистрированных браков в расчёте на 1000 человек (от 8,3‰ в 1990 году до 5,8‰ в 2000 году), что связано с ухудшением социально-экономической ситуации в стране, при этом растёт число разводов (от 3,4‰ в 1990 году до 4,4‰ в 2000 году), в дальнейшем ситуация в стране улучшается, наблюдается медленный и нестабильный рост числа браков, подкреплённый в 2010-2013 гг. вступлением в брачный возраст многочисленного поколения 1980-х годов. Начиная с 2013 г. число браков на 1000 человек вновь сокращается (от 9,2‰ в 2013 г. до 6,8‰ в 2019 г.), число разводов при этом с 2003 года колеблется на уровне 4,8±0,5‰ [2].

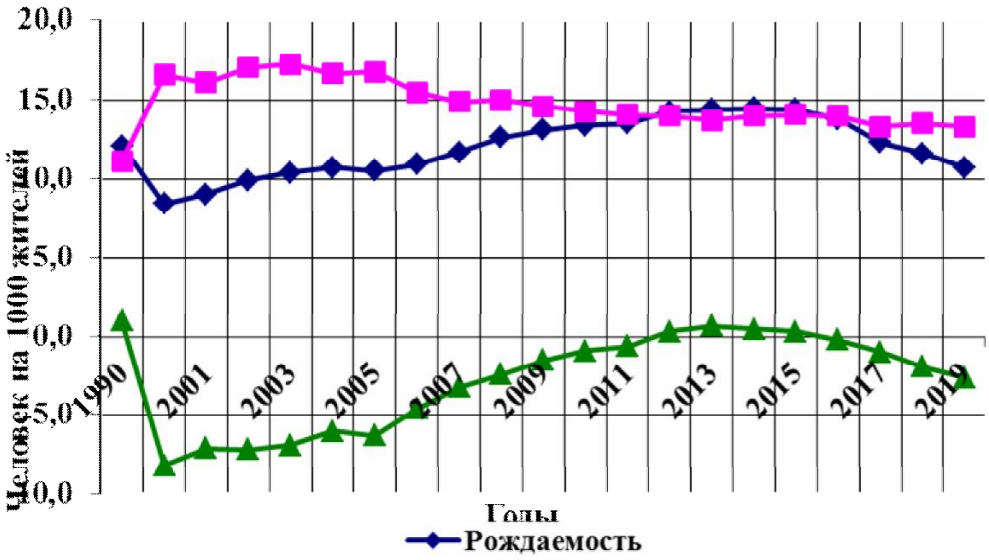

Рис. 1. Динамика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста в Свердловской области на 1990-2019 гг.

Показатели миграционного прироста также изменялись в течение последних десятилетий, так до 2006 года в области наблюдалась эмиграция, после 2006 года сальдо миграции стало положительным (1,4‰ в 2019 году), за исключением в 2010 и 2018 годах. Такая динамика говорит об улучшении социально-экономического положения региона, формирования в нём центров притяжения людей. В то же время, среди сельского населения по-прежнему продолжается отток населения в города, отрицательные показатели сальдо миграции в области связаны преимущественно с миграцией сельского населения. Стоит отметить, что наибольшее сальдо миграции населения в области наблюдается среди людей в возрасте от 22 до 40 лет.

Экономический потенциал населения определяется соотношением жителей в возрасте младше трудоспособного (0-15 лет), в трудоспособном возрасте (16-59 лет для мужчин (начиная с 2020 года – от 16 до 60 лет) и 16-54 лет для женщин (начиная с 2020 года – от 16 до 55 лет), в возрасте старше трудоспособного (мужчины старше 60 лет (с 2020 года – старше 61) и женщины старше 55 лет (с 2020 – старше 56). В Свердловской области в 1990 года распределение населения по этим группам составило 24,4%, 56,9%, 18,7% соответственно, наблюдается очень высокий уровень

демографической старости. В течение следующего десятилетия происходит снижение рождаемости, что стало причиной снижения доли лиц младше трудоспособного возраста, к 2000 году воспроизводство становится суженым, распределение населения по группам в этом году – 19,4%, 59,9%, 20,7% соответственно (Рис. 2). С 2000 года начинается рост показателя рождаемости, при этом увеличение доли молодёжи не происходит, так как трудоспособного возраста достигает многочисленное поколение середины 80-х и начала 90-х годов XX века. В 2006 году начинает достигать шестидесятилетнего возраста многочисленное послевоенное поколение. К 2008 году показатель рождаемости превышает показатель рождаемости на момент рождения людей возрастом 15 лет, соотношение представителей разных групп становится 15,5%, 62,9%, 21,6%. За счёт роста численности населения младше и старше трудоспособного возраста с 2008 уменьшается доля трудоспособного населения, растёт коэффициент демографической нагрузки. В 2020 году доля лиц младше трудоспособного возраста составляет 19,7%, трудоспособного – 53,9%, старше трудоспособного – 26,4% [2].

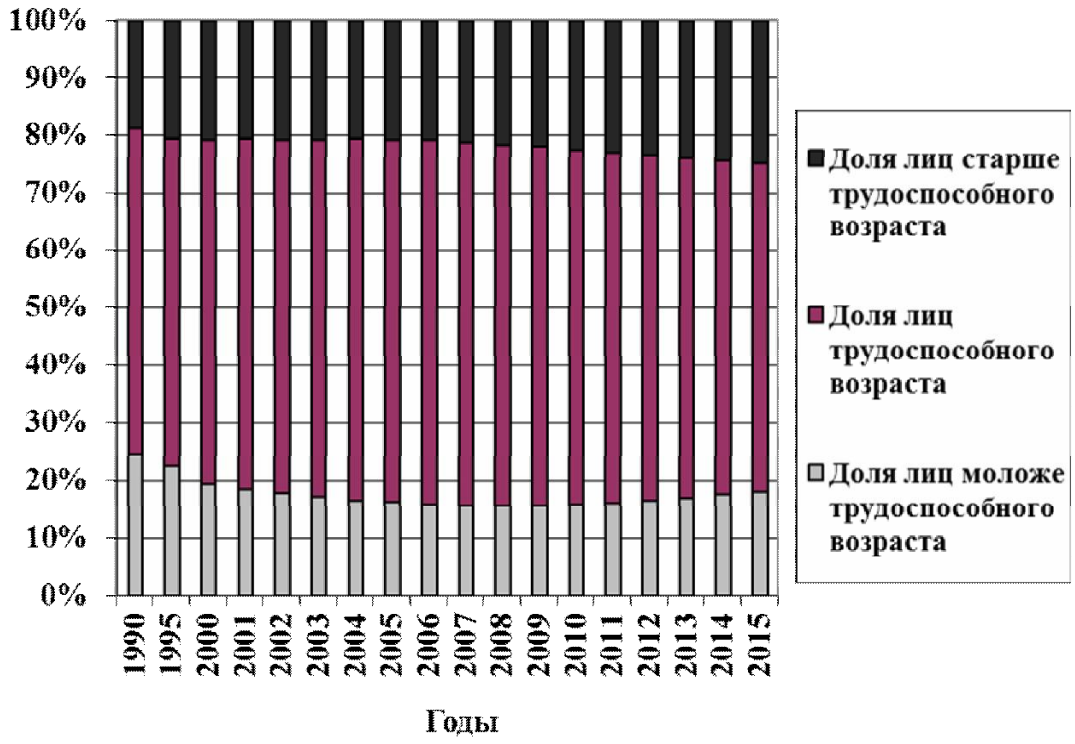

Рис. 2. Динамика возрастной структуры населения Свердловской области на 1990-2015 гг.

В половой структуре населения Свердловской области, как и в России в целом, численно преобладают женщины, на 1000 которых приходится 849 мужчин, удельный вес мужчин составляет 46%. В целом преобладание мужчин в разных возрастных группах наблюдается до 35 лет (в сельской местности – до 45 лет), с увеличением возраста растёт и доля женщин. Такая

диспропорция связана с тяжёлыми условиями труда мужчин, ухудшением здоровья из-за вредных привычек.

Таким образом, проведённый анализ демографической ситуации в Свердловской области позволяет сделать вывод о том, что регион располагает значительным демографическим потенциалом, который может служить ресурсом стабилизации социально-экономического положения. При этом для населения области характерен комплекс проблем, определяемых депопуляцией, демографическим старением, повышенной демографической нагрузкой. В целях обеспечения стабильного развития Свердловской области одним из приоритетов государственной и региональной политики должны стать меры, направленные на улучшение социально-экономического положения региона как основного фактора негативных трансформаций демографического развития.

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1989 года [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly – Режим доступа : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php, свободный [дата обращения : 20.08.2020 г.]. – Заглавие с экрана.
2. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт Управления ФСГС по Свердловской области и Курганской области. – Режим доступа: https://sverdl.gks.ru/, свободный [дата обращения : 20.08.2020 г.].
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФСГС. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ , свободный [дата обращения : 20.08.2020 г.].

УДК 332.145

Ишкинеева Гузэль Фаридовна
студент PhD – аспирант, университет Цукубы, г. Цукуба, Япония

Умный город в системе подходов к городскому развитию

Аннотация. *Настоящая статья приводит обсуждение концепции умный город в качестве актуального подхода к городскому развитию. Приводятся разные подходы к определению умного города и предлагается обобщенная дефиниция концепции. Предлагается определять умный город как концепцию, позволяющую обеспечить оптимальное развитие города, лучшее оказание государственных услуг и улучшение жизни горожан и городских систем за счет использования ИКТ.*

Ключевые слова*: умный город, городское развитие, городские проблемы, информационно-коммуникационные технологии*

В 21 веке города становятся доминирующим типом расселения. По данным ООН, более половины населения планеты проживает в городах (United Nations, 2014). Современные города представляют собой сложные системы с экспоненциально растущим числом взаимосвязанных граждан, организаций, различных видов транспорта, сетей связи, сервисов и коммунальных услуг (Neirotti et al, 2014).

Города играют все более важную роль в формировании возможностей для развития человеческого потенциала и экономического благополучия. С одной стороны, города могут быть чрезвычайно эффективными из-за удобной близости людей и услуг. С другой стороны, ‘рост населения и усиление урбанизации порождают целый ряд технических, социальных, экономических и организационных проблем, которые, как правило, ставят под угрозу экономическую и экологическую устойчивость городов’ (Neirotti et al, 2014). Существующие городские системы становятся нестабильными и неспособными удовлетворить потребности граждан. Кроме того, глобальная тенденция урбанизации обостряет необходимость поиска более разумных путей решения проблем, с которыми сталкиваются города (Nam, T. et al., 2011). Это особенно верно для постсоветского региона, где, с одной стороны, большая часть городской инфраструктуры была создана в советский период и часто не реконструировалась после него, а с другой стороны, несмотря на некоторые изменения в формате городского менджмента, системе управления присущ унаследованный централизованный характер. В то же время многие постсоветские города внедряют западные подходы к городскому управлению, такие как умный город, партисипативная демократия, краудсорсинг и др. которые были разработаны в странах и городах со зрелой демократией и отвечают потребностям таких стран и городов, отличающихся от российских реалий. Это подчеркивает необходимость научного исследования применения концепции умный город в российских городах и обсуждения потенциала данного подхода для улучшения городов и муниципального управления в России.

Дискуссии о городах и возросшее число дебатов о новых способах решения городских проблем делают города центром внимания многих современных исследований. В этих дебатах города, как ожидается, становятся ключевыми акторами в решении глобальных проблем. Все больше вопросов управления и регулирования потоков финансов, людей и информации ложится на плечи городских властей. Как было верно отмечено рабочей группой администрации города Вены, внесшей большой вклад в концептуализацию умного города, ‘наше будущее будет проектироваться в городах… Традиционно города были местами крупных перемен и социальных инноваций; они являются домом для большинства населения мира и предлагают большие возможности для нового способа обращения с ресурсами’(Vienna City Administration). Можно заметить, что современная риторика подчеркивает роль городов в решении глобальных проблем. В

связи с этим повышаются требования к улучшению городского планирования. Чтобы справиться с новыми вызовами, именно мэры городов теперь должны отвечать на глобальные вызовы, не забывая о потребностях городского уровня и горожанах.

В процессе поиска оптимальной стратегии развития городов многие муиципалитеты обращаются к концепции умных городов. Эта концепция получила получила широкое распространение, и теперь она предстает как новая парадигма интеллектуального городского развития и устойчивого социально-экономического роста (Neirotti et al, 2014). Хотя это относительно новое дополнение к лексике городской политики и планирования, спрос на технологии умного города растет экспоненциально. Новая концепция обещает улучшить городские системы и жизнь горожан за счет внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Эта концепция развивается в потоке технологического оптимизма, присущего многим ученым, включая в том числе Мануэля Кастельса и других.

Однако, несмотря на стремительный рост популярности концепции, до сих пор нет ее однозначного определения, что создает значимые концептуальные и эмпирические трудности и обуславливает необходимость дальнейшего исследования. Более того, исследования умного города в значительной степени неравномерны и варьируются в зависимости от местоположения, области исследования, цели реализации концепции. Это находит свое отражение в различных дискурсах, формирующих умный город.

В рамках одного из наиболее комплексных подходов к концепции предполагается, что умный город должен обладать следующими характеристиками (Caragliu et al., 2011): (1) повышение административной и экономической эффективности и создание условий для развития культуры и общества за счет использования сетевых инфраструктур; (2) основной акцент ставится на бизнес-ориентированное городское развитие; (3) сильный акцент на цели реализации социальной интеграции различных видов городских жителей в общественные услуги.; (4) обращается внимание на значительную роль высокотехнологичных и креативных отраслей в долгосрочном росте; (5) уделяется большое внимание функции социального и реляционного капитала в развитии городов; и (6) социальную и экологическую устойчивость определяется в качестве важного аспекта развития умных городов. Так, на более поздних этапах развития термина от умного города ожидают большего. Помимо чисто цифровых подходов или усовершенствований государственной системы умный город теперь должен стать решением глубоко укоренившихся социальных проблем. В то же время верно, что, несмотря на развитие литературы по умным городам и более высокие ожидания, навязываемые некоторыми авторами, до сих пор нет единого мнения о понятии умного города.

Несмотря на огромное количество определений умного города, есть две основные характеристики, которые можно найти почти в каждом определении. Этими характеристиками являются намерение улучшить город

и использование ИКТ. Таким образом, предлагается определять умный город как концепцию, позволяющую обеспечить оптимальное развитие города, лучшее оказание государственных услуг и улучшение жизни горожан и городских систем за счет использования ИКТ.

Примечательно, что умный город становится все более популярным в постсоветском регионе, где его дискурсы в основном формируются разработчиками, ИКТ-компаниями и политиками, рассказывающими о проблемах города и заявляющими умный город в качестве ключевого подхода к решению задач, стоящих перед городской администрацией. В то же время существует лишь несколько исследований по умным городам в постсоветских регионах, что обуславливает необходимость дальнейших исследований.

Список литературы

Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P. Smart Cities in Europe. Journal of Urban Technology,2011. 18 (2). PP. 65-82. [Электронный ресурс] URL: https://inta-aivn.org/images/cc/Urbanism/background%20documents/01_03_Nijkamp.pdf Дата обращения: 14.07.2020

Nam T. & Pardo T. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions. (Концептуализация умного города с учетом параметров:технологии, люди и институты) ACM International Conference Proceeding Series. 2011. PP.282-291. [Электронный ресурс] URL: https://dl.acm.org/citation.cfm?id=2037602 Дата обращения: 20.07.2020.

Neirotti P. & De Marco, A. & Cagliano A. C. & Mangano, G. & Scorrano F. Current trends in Smart City initiatives: Some stylised facts. (Современные тенденции инициатив умного города: некоторые стилизованные факты) Cities. 38. 2014. PP.25–36. [Электронный ресурс] URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0264275113001935 Дата обращения: 20.07.2020.

United Nations. World Urbanization Prospects: The 2014. Revision. Highlights. (Перспективы мировой урбанизации: 2014 год. Основные моменты) [Электронный ресурс] URL: https://esa.un.org/unpd/wup/publications/files/wup2014-highlights.pdf Дата обращения: 14.07.2020.

Vienna City Administration, Smart City Wien: Framework Strategy. (Умный город Вена: рамочная стратегия) [Электронный ресурс] URL: https://www.eu-ascin.at/Downloads/SmartCityWien_FrameworkStrategy_english_doublepage.pdf Дата обращения: 15.07.2020.

УДК 316.628+314.335(470+571)
Колесников Владислав Геннадьевич
студент, магистрант, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Социально-демографические последствия распространения феномена чайлдфри в России

Аннотация. *В настоящее время семья как социальный институт претерпевает изменения. Одной из негативных тенденций современного общества является феномен чайлдфри – добровольный отказ от рождения детей. Цель данного исследования – определение возможных социально-демографических последствий распространения чайлдфри в России. Исследованием данной проблематики занимались Виверс Дж., Нил Д., Джоши Х., Д. Ван де Каа и Лестаг Р., Уоткинс С. и др. Для достижения цели мы использовали 2 метода исследования – онлайн-опрос и экспертное интервью. В ходе исследования мы выяснили, что в последнее время уменьшилась важность семьи и детей в жизни человека, а распространение чайлдфри может привести к негативным социально-демографическим последствиям.*

Ключевые слова: *демография, семья, чайлдфри*.

Семья – первичная социальная группа, с которой ребенок в первую очередь берет пример. Если в семье не говорят о том, что дети являются важной частью жизни, то и ребенок, скорее всего, будет придерживаться подобной точки зрения. Важно отметить, что ученые не пришли к единому определению понятия «семья». Проанализировав ряд определений, мы выбрали определение Антонова А.И. основополагающим в нашей работе.

А.И. Антонов трактует понятие семьи следующим образом – это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества–родительства–родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи[122]. Это определение семьи является одним из классических определений, где также подчёркнута связь между семьёй и рождением детей. Однако А.И. Антонов также делает акцент на социализации детей, процессе, в ходе которого ребенок перенимает у родителей ценности и нормы поведения.

Зарождение феномена чайлдфри происходило в Соединенных штатах Америки в 70-ые гг. XX века, когда начало зарождаться сообщество, состоящее из людей, не желающих рожать и воспитывать детей. Также была создана организация под названием «The National Organization for Non-Parents» («Национальная организация для бездетных»), в которую входили представители чайлдфри. Целью создания данной организации являлось

[122] Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции/ Антонов А.И., Сорокин С.А – М.:Издательский дом «Грааль», 2000. – С.81

доказательство обществу того, что отказ от материнства – норма. Само же движение получило название «childfree» – (англ. – «свободные от детей»). Основателями этого движения стали писательница Эллен Пек и ее подруга Ширли Радл. Идеи, предложенные Эллен Пек и Ширли Радл, показывали, что благополучной семья может быть и без детей. Таким образом, они меняли мировоззрение людей, которые считали, что семья обязательно должна состоять из мужчины, женщины и детей[123].

Дж. Виверс была одной из первых исследовательниц, решивших заняться изучением феномена чайлдфри. Она дала следующее определение этому феномену: чайлдфри – фертильные люди, живущие активной половой жизнью, которые имеют возможность рожать детей, но не делают этого по определенным причинам[124]. Дж. Виверс предлагает разделять сторонников чайлдфри на следующие группы – *реджекторы и аффексьонадо*. Первую группу составляют те, кто ненавидит детей, плохо к ним относятся и испытывает отвращение при мысли о процессе рождения. Зачастую причинами добровольного отказа от рождения детей является собственный негативный опыт реджектора, который мог подвергаться насилию в семье. Вторую группу – аффексьонадо – составляют те, кто хочет наслаждаться жизнью без детей. Аффексьонадо боятся, что появление детей не позволит им проживать жизнь так, как им нравится. Аффексьонадо часто являются люди, которые привыкли к свободной, ничем не ограниченной жизни[125].

На основне работ Дж. Виверс, Дилан Нил и Хизер Джоши выделили еще два класса представителей чайлдфри. *Постоянные откладыватели (constant delayer)* – индивиды, которые постоянно применяют контрацепцию, при этом они сознательно не отказываются от деторождения в будущем, однако по каким-то причинам так и не рожают детей до конца репродуктивного возраста. *Волнообразные отказники (wavy refuseniks)* – индивиды, которые периодически хотят иметь детей, однако в то же время они находят что-то, что кажется им важнее в данный момент, а это, в свою очередь, приводит к сознательному отказу от деторождения.

Д. Ван де Каа и Р. Лестаг предложили концепцию «Второго демографического перехода». Этот процесс связан с фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека и в системе индивидуального брачно-семейного планирования, с расширением свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни, с более ответственным подходом к последствиям сексуальных отношений, с более высокой, чем прежде, эффективностью планирования сроков появления потомства. Этот переход свидетельствует о возросших возможностях индивида управлять своей демографической судьбой. Растущие доходы, экономическая и политическая безопасность, которые демократические государства обеспечивают своим гражданам, дали начало «бесшумной революции», в результате которой

[123] Борисова О.А. Репродуктивная модель добровольной бездетности/ Борисова О.А. – Ижевск: Вестник Удмуртского университета, 2016. – С.7
[124] Veevers, J.E. Childless by choice/J.E. Veevers – Butterworths,1980. – P. 220
[125] Там же

сексуальные предпочтения индивида воспринимаются такими, какие они есть, а принятие решения о разводе, аборте, стерилизации или добровольной бездетности в большинстве случаев рассматривается как сугубо личное дело[126].

Решение о бездетности принимается тогда, когда родители осознают, что для них «полезность» и «ценность» детей ниже, а экономические затраты выше психологических выгод. Согласно теории рационального выбора Г. Беккера, вопрос о решении иметь детей нужно рассматривать в контексте инвестиций и рациональной выгоды. В ходе экономического развития стоимость человеческого времени все больше превращается в один из ключевых факторов благополучия и процветания семьи и личности. В то же время рождение ребенка отнимает это время, а рождение последующего еще больше сокращает свободное время родителей. Исходя из этого, рождение ребенка не является «полезным» для родителей. В соответствии с теорией рационального выбора, увеличение показателей рождаемости может быть достигнуто благодаря увеличению психологических выгод либо сокращению экономических издержек на детей[127].

С.К. Уоткинс является создательницей теории, именуемой демографами как «теория о голосах в спальне». Она писала о переходе к современному типу рождаемости, при котором люди сознательно предпочитают малодетность. Чтобы контролировать деторождение, они используют различные средства контрацепции, стерилизацию. Демографическая «теория о голосах в спальне» описывает репродуктивные установки людей, навеянные со стороны родственников, друзей и близкого окружения. Даже когда мужчина и женщина остаются наедине в спальне, на их поведение влияют действия и установки близких людей[128].

Изучением мотивов добровольного отказа от детей занималась М.М. Бичарова. Она пришла к выводу, что у сторонников чайлдфри мотивы бывают самые разнообразные: собственный комфорт и независимость, желание добиться успеха, а некоторые готовят о своем несчастливом детстве и переживают, что их собственный ребенок тоже будет несчастлив. Также Бичарова М.М. считает, что в России число приверженцев чайлдфри небольшое и серьезно повлиять на демографическую ситуацию они не могут[129].

Исупова О.Г. также исследовала феномен чайлдфри в условиях современной России. Она выделила несколько причин, способствующих отказу от рождения детей в современной России: изменение социальных норм (рождение детей перестало быть обязательным условием благополучия

---

[126] Van de Kaa D. Europe and its Population: the Long View//European Populations:Unity in Diversity. Dordrecht-Boston-London, 1999. P. 30—31

[127] Becker G.S. An Economic Analysis of Fertility. Demographic and Economic Change in Developed Countries / Becker G.S. – Princeton: National Bureau of Economic Research, 1960. – P. 209–240

[128] Bongaarts J., Watkins S.C. Social interactions and contemporary fertility transition, population and development review/ Bongaarts J., Watkins S.C. – 1996. – P. 639–682

[129] Бичарова М.М. Добровольная бездетность как последствие кризиса института семьи в современном российском обществе [Электронный ресурс]: [Режим доступа]: http://kaspy.asu.edu.ru/files/4(41)/190-196.pdf (21.02.2020)

семьи); ухудшение социальной и экономической ситуации в России; рождение детей – лишь один из возможных жизненных сценариев (выбранный сторонником чайлдфри жизненный сценарий не включает в себя рождение детей); работа и связанные с ней трудности (государство заботится о благополучии ребенка только первые годы жизни, а дальше социальная политика в этой сфере недостаточно продумана); низкий социальный престиж материнства (матери раздражают окружающих)[130].

Далее перейдём к рассмотрению проведенного нами исследования, состоявшего из двух опросов – экспертного и онлайн-опроса. Генеральную совокупность онлайн-опроса составляют мужчины и женщины от 16 до 35 лет, поскольку нас интересует репродуктивная часть населения, представители которой, по нашему мнению, чаще всего отказываются от рождения детей. В нашем анкетном опросе приняли участие 643 человека. В экспертном опросе приняли участие 8 экспертов.

В первую очередь рассмотрим установки, сформировавшиеся в изучаемой нами группе. Мы попросили респондента выбрать три наиболее важных для него ценности в жизни среди 9 представленных вариантов: любовь, семья и дети, дружба, свобода, творчество, карьера и деньги, научные достижения, саморазвитие, развлечение и отдых. В тройку наивысших ценностей среди опрошенных вошли саморазвитие (49,3%), свобода (48,7%) и любовь (46,5%). Далее предпочтения респондентов распределились следующим образом: карьера и деньги (40,3%), дружба (38,9%), творчество (38,9%), отдых и развлечения (27,5%), семья и дети (16,7%) и научные достижения (10,8%). Таким образом, семья и дети оказываются далеко не главной ценностью в жизни людей. Современные люди в первую очередь нацелены на саморазвитие, хотят быть свободными.

Далее рассмотрим вопрос, в котором респонденту нужно было выразить степень согласия по поводу утверждений. Первое утверждение звучало следующим образом: «Семья обязательно должна состоять из мужчины, женщины и детей». Полностью согласны с этим утверждением 10,8% опрошенных, скорее согласны – 6,6%, среднюю степень согласия выразили 10,4%, 11,6% скорее не согласны с этим утверждением, а абсолютное большинство – 60,5% – полностью не согласны с утверждением. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что у большинства опрошенных не сформирована идея об идеальной семье, состоящей из мужчины, женщины и детей. В другом утверждении мы высказываем мысль о том, что «женщина обязательно должна иметь детей». Полностью согласны с данным утверждением 3,7%, скорее согласны – 4,1%, среднюю степень согласия по данному вопросу выразили 9,9%, скорее не согласны с утверждением 6,9%, а абсолютное большинство – 75,3% – выразили полное несогласие. Распределение ответов на данный вопрос показывает нам, что в люди не согласны с мнением, что каждая женщина должна иметь детей.

[130] Исупова О.Г. Феномен чайлдфри в обществе [Электронный ресурс]: [Режим доступа]: https://postnauka.ru/video/31220 (12.01.2020)

При ответе на вопрос «Может ли человек жить счастливо, не имея детей?», абсолютное большинство высказало мнение, что человек может жить счастливо, не имея детей (93,3%). Противоположной точки зрения придерживаются 6,7% опрошенных. Следовательно, у большинства опрошенных нет установки о том, что жизнь без ребенка может быть несчастливой.

Чтобы понять, как респонденты относятся к детям, мы задали вопрос «Как Вы относитесь к детям?» Положительное отношение к детям высказали 25,4% респондентов, скорее положительно относятся 17,7%, нейтрально – 38,8%, скорее негативно – 15,6%, ненавидят детей 2,5% респондентов. Таким образом, можно заметить, что большинство респондентов относятся к детям положительно или нейтрально, однако негативное отношение к детям высказывают 18,1% опрошенных. Следовательно, у них сформирован негативный образ ребенка и, скорее всего, они не захотят иметь собственных детей.

Перейдём к анализу экспертного опроса. Экспертам были заданы 6 вопросов. В ходе экспертного опроса нами были выявлены факторы, способствующие распространению феномена чайлдфри в России. К ним относятся распространение в России европейских ценностей; недооценка негативного влияния чайлдфри; вступление в детородный возраст подростков 90-х годов; невозможность бабушек и дедушек помочь молодым семьям в уходе за детьми; низкий уровень доходов большинства молодых семей; недостаточное семейное воспитание; распространение в интернете сайтов, направленных на распространение идей чайлдфри; материальное благополучие; досуг; распространение внесемейных ценностей; отход от семейных ценностей; самореализация; нехватка времени на детей; экономический фактор; низкий уровень жизни; низкие доходы населения; проблемы жилищного обустройства; не ясные перспективы социально-экономического положения конкретного домохозяйства; обесценивание института семьи; пропаганда нон-стоп развития; поддержание стереотипа о кардинальном изменении жизни после рождения ребенка; поддержание стереотипа о том, что после рождения женщине трудно вернуться к работе; высокий уровень жизни; гедонизм разрушение института семьи; распространение негативных тенденций общественного развития. Также эксперты выделили социально-демографические последствия распространения феномена чайлдфри в России: дальнейшее разрушение института семьи; продолжение снижения рождаемости; старение населения; сокращение продолжительности жизни; раскол общества на тех, кто хочет иметь детей, тех, у кого есть дети и тех, кто осуждает такие семьи; увеличение числа разводов, депрессий и суицидов; повышение риска возникновения раковых заболеваний у женщин. Эксперты придерживаются мнения, что распространение чайлдфри в России носит исключительно негативный характер. Большинство экспертов считают, что феномен чайлдфри на данном этапе незначительно влияет на социально-демографическую ситуацию.

Список литературы

1. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции/ Антонов А.И., Сорокин С.А. М.:Издательский дом «Грааль», 2000. С.81
2. Бичарова М.М. Добровольная бездетность как последствие кризиса института семьи в современном российском обществе [Электронный ресурс]: [Режим доступа]: http://kaspy.asu.edu.ru/files/4(41)/190-196.pdf (21.02.2020)
3. Борисова О.А. Репродуктивная модель добровольной бездетности/ Борисова О.А. Ижевск: Вестник Удмуртского университета, 2016. С.7
4. Исупова О.Г. Феномен чайлдфри в обществе [Электронный ресурс]: [Режим доступа]: https://postnauka.ru/video/31220 (12.01.2020)
5. Becker G.S. An Economic Analysis of Fertility. Demographic and Economic Change in Developed Countries / Becker G.S. Princeton: National Bureau of Economic Research, 1960. P. 209–240
6. Bongaarts J., Watkins S.C. Social interactions and contemporary fertility transition, population and development review/ Bongaarts J., Watkins S.C. 1996. PP. 639–682
7. Van de Kaa D. Europe and its Population: the Long View//European Populations:Unity in Diversity. Dordrecht-Boston-London, 1999. P. 30—31
8. Veevers, J.E. Childless by choice/J.E. Veevers.Butterworths,1980. P. 220.

УДК 502.35:622.85
УДК 631.47

Кошулько Андрей Павлович
студент IV курса, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Геодинамика сельского расселения и характеристика аграрного сектора Оренбургской области

Аннотация. *Оренбуржье – один из ведущих агропромышленных регионов России.По объему сельскохозяйственной продукции Оренбургская область занимает 15-е место среди российских регионов, 4-е место в Приволжском федеральном округе. Вместе с тем, в общем объеме произведенной продукции в области, доля сельского хозяйства не превышает 10%. Как и для большинства регионов, с наличием развитого многоотраслевого сельского хозяйства, для Оренбургской области характерна относительно невысокая доля городского населения. Урбанизированность области – одна из самых низких в Урало-Поволжье. Только 60% населения проживают в городских поселениях. В последние годы*

в области на продукцию животноводства пришлось 51 – 53%, доля продукции растениеводства составила 47-49%.

***Ключевые слова**: сельское население, растениеводство, животноводство, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, Оренбургская область.*

Средняя плотность сельского населения Оренбургской области (6,5 человек на 1 кв. км на 2014 год) за последние 25 лет почти не изменилась, даже несколько повысилась в отличие от большинства регионов Европейской части РФ.

Временный рост доли сельского населения в период с 1990 года по 1998 год был обусловлен аномальным массовым притоком в сельскую местность «кризисных» постсоветских мигрантов из ближнего зарубежья после распада СССР. А 7-ми процентный прирост сельского населения в 2000 году был связан с административным переформатированием горожан в сельских жителей в ходе муниципальной реформы, когда 22 поселка городского типа (рабочих поселка) были переведены в категорию сельских поселений. В начале 00-ых годов вследствие заметного падения международного миграционного притока и исчерпания административных ресурсов закрепления людей на селе и пополнения ими аграрного пространства возобновилась тенденция устойчивого сокращения сельского населения и снижения его плотности [5].

Современная палитра по районной плотности сельского населения области отражает основные тенденции расселения за 23-24 года. Наибольшую плотность сельского населения имеют районы центральной зоны Оренбуржья – Оренбургский, Сакмарский, Переволоцкий и Саракташский. Здесь плотность населения в среднем превышает 13 чел. на 1 кв. км. Особенно высокую плотность сельских жителей – 16 чел. на 1 кв. км имеют районы формирующие Оренбургскую агломерацию (Оренбургский и Сакмарский).

Еще превышает среднеобластную величину устойчиво сокращающаяся (кроме Бузулукского района) плотность населения в староосвоенных районах западной и северо-западной части области, где она составляет 7,5-8,5 чел. на 1 кв. км.

Восточные и южные районы нового сельскохозяйственного освоения имеют наименьшую в регионе плотность населения (Ясненский, Светлинский, Домбаровский, Адамовский, Кваркенский, Беляевский, Первомайский). В пяти восточных районах средняя плотность сельских жителей не превышает 3 чел. на 1 кв. км, а в Светлинском и Ясненском районах ее средний показатель составляет всего 1,6 чел. на 1 кв. км. Аномально повышенная плотность населения в Новоорском районе, в 1,5 раза превышающая среднеобластую, обусловлена переводом 2-х поселков городского типа этого района в сельские поселения, почти 22 тысячи жителей которых стали сельчанами, увеличив население сельской местности муниципального образования на 60%.

Растениеводство и животноводство – важные и перспективные отрасли агропромышленного комплекса Оренбуржья. Поэтому в области принимаются программы, направленные на повышение эффективности и развитие сельского хозяйства, а также на улучшение качества жизни в сельской местности.

В Оренбургской области земли сельскохозяйственного назначения составляют 88,3% площади территории. Из них: около 58% – сельскохозяйственные угодья, 42% – сенокосы и пастбища. Высокая степень распаханности обусловлена равнинностью рельефа. Вместе с тем наличие естественных пастбищ, кормовых угодий в сочетании с производством зерновых на лучших почвах благоприятны для развития животноводства и производства молока и мяса.

Основой сельскохозяйственного производства области является земледелие, специализирующееся на производстве зерновых культур, – 60 % посевных площадей области, из них на долю пшеницы приходится около 40%. Из-за низкой высоты снежного покрова и отрицательных зимних температур выращивается преимущественно яровая пшеница [1].

Оренбургская твердая пшеница с повышенным содержанием белка признана одной из лучших в мире. Она содержит 20-24% белка, тогда как у краснодарской, куйбышевской и волгоградской – 16-17%. Так же большая разница в содержании белка обнаруживается при сравнении оренбургской твердой пшеницы с зарубежными аналогами.

Основная часть посевных площадей твёрдой пшеницы (154 тыс. га) приходится на восточную часть Оренбургской области: Кваркенский, Адамовский, Ясненский, Домбаровский, Нооворский и Кувандыкский районы. Здесь выращивают пшеницу, отличающуюся высоким качеством зерна, которое определяется стекловидностью, клейковиной, процентом твердости и крупностью зерен [2].

Зерновые культуры выращиваются повсеместно, но по объемам сбора лидируют три муниципальных образования области – Адамовский, Кваркенский и Новосергиевский. Высокие урожаи зерновых получают аграрии Грачевского, Ташлинского, Асекеевского, Бугурусланского районов.

В последние годы в области происходит сокращение площади зерновых культур и постепенное вытеснение зерновых культур техническими, главным образом подсолнечником. Главная причина – низкая рентабельность зернового хозяйства, которое в засушливые годы (2002, 2005, 2012) является убыточным, и высокой рентабельностью подсолнечника. Последствия такого дисбаланса в структуре посевов приведут к истощению почв, повышению затрат на восстановление их плодородия, резкому спаду производства зерна.

Ограничения на сев подсолнечника в том или ином виде уже действуют в ряде российских регионов. В нашей области сделаны первые шаги по ограничению сева подсолнечника.

Вместе с тем необходимо решать проблему повышения эффективности растениеводства за счет его интенсификации, т.е. повышения качественных показателей – роста производительности труда, получения стабильных и

высоких урожаев. Для этого необходимо внедрение высокопроизводительных технологий, выполнения агромелиоративных мероприятий, пересмотр структуры сельхозугодий и выведение из оборота низкопродуктивных земель.

Особое место в сельском хозяйстве Оренбургской области отводится производству бахчевых культур. В последние годы по объемам производства бахчевых область вышла на 4-е место в общероссийском рейтинге, обеспечив при этом свыше 9% всего производства бахчевых продовольственных культур в России. Выращиваются бахчевые в южных районах области, лидирующие позиции принадлежат Соль-Илецкому городскому округу.

Основным поставщиком сельскохозяйственной продукции в последние годы являются фермерские и личные подсобные хозяйства. Если в 2016 г. на крупные сельскохозяйственные предприятия приходилось примерно 34% всех произведённых продуктов, то в 2018 г. – только 29%. [4].

Резко континентальный климат ограничивает развитие растениеводства, особенно в южных и юго-восточных районах области. В то время как наличие естественных пастбищ, кормовых угодий благоприятны для развития животноводства и производства молока и мяса.

Так, в последние годы (2016-2019 гг.) на долю продукции животноводства пришлось 51-53%, когда доля продукции растениеводства составила только 47-49% [3].

Главное направление животноводства Оренбургской области, дающее 2/3 стоимости от всей продукции отрасли – молочно-мясное скотоводство**.**

Скотоводство распространено по области повсеместно. Юго-запад, юг и юго-восток – места распространения овцеводства. Для сохранения этой отрасли необходимо сохранение обширных пастбищ, так как в 90х годах, из-за падения спроса на шерсть, сократилось поголовье овец.

На территориях Гайского, Кувандыкского, Новоорского, Домбаровского, Ясненского и Соль-Илецкого районов занимаются козоводством. Здесь разводят особую породу козы – оренбургскую, пух которой обладает отличными прядильными качествами, отсюда и народный пуховязальный промысел. На сегодняшний день единственным в России племенным репродуктором по разведению коз является СПК колхоз «Донской» Беляевского района.

Свиноводство – единственная отрасль животноводства области, устойчиво развивающаяся в последние годы. Причин этого несколько: нет необходимости в обширных пастбищах, подходит для распространения даже в плотно населенных районах, в своем размещении меньше зависит от природных условий. Свиноводство развито в Оренбурге, Орске, Новотроицке, Адамовском, Кваркенском, Светлинском районах.

Оренбуржье – крупный зернопроизводящий район, а значит, есть условия и кормовая база для развития птицеводства. Продукция этой отрасли (мясо птицы, яйца) направлена на потребителя, поэтому и её распространение тяготеет к транспортным узлам и крупным населенным пунктам.

В предыдущее десятилетия в области была незаслуженно забыта перспективная отрасль животноводства – коневодство. Лошадь – экологичное и удобное для малого хозяйство животное, дающее ценное мясо и молоко. К тому же степные растения адаптированы под выпас крупных копытных.

Ириклинское и Сорочинское водохранилища – места развития перспективного прудового рыбоводства, развито которое пока весьма слабо.

Так же в незначительных масштабах в области представлены пушное звероводство и пчеловодство.

В заключение сформулируем следующие выводы:

1. В Оренбуржье 36% населения проживает в сельской местности. В то же время трудовые ресурсы, сосредоточенные в сельской местности, при условии повышения культуры земледелия, достаточны для модернизации растениеводства с учетом природных условий.
2. В будущем сельская местность области, скорее всего, будет представлять собой ареально-фрагментарную пространственную структуру с концентрацией сельского населения в пригородной зоне, в ареалах вокруг районных центров и крупных сел с выгодным географическим положением и лучшими агроклиматическими условиями.
3. Растениеводство является базовой отраслью агропромышленного комплекса и одной из ведущих и перспективных отраслей экономики Оренбургской области.
4. Резко континентальный климат ограничивает развитие растениеводства, особенно в южных и юго-восточных районах области. Вместе с тем наличие естественных пастбищ, кормовых угодий благоприятны для развития животноводства и производства молока и мяса.
5. Специализацию растениеводства определяет производство зерновых культур, на долю которых приходится около 60% посевных площадей области. Однако урожайность зерновых культур невысока и сильно колеблется в зависимости от природных условий и качества проведения агротехнических работ.
6. Животноводство области представлено молочно-мясным скотоводством, свиноводством, птицеводством и овцеводством, а также частично коневодством.

Список литературы

1. Кошулько А.П. Оренбургский чернозём как стратегический ресурс Российской Федерации по выращиванию твёрдых сортов пшеницы / А.П. Кошулько //Ломоносов-2019: XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых: Секция «Почвоведение»: 8-12 апреля 2019 г.: тезисы докладов. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 71-72.
2. Кошулько А.П. Производство яровой твёрдой пшеницы в Оренбургской области / А.П. Кошулько, А.Н. Тюрин // Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (28 декабря 2019 г.) – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. – С. 71-75.

3. Кошулько А.П. Оренбургская область – один из основных поставщиков высококачественного зерна яровой твёрдой пшеницы в России / А.П. Кошулько, А.Н. Тюрин // Теоретические и прикладные проблемы географической науки: демографический, социальный, правовой, экономический и экологический аспекты: материалы международной научно-практической конференции: в 2 т. / отв. ред. д.г.н. Н.В. Яковенко. Воронеж, 2019. Т. 1. С. 437-440.

4. География Оренбургской области. Население и хозяйство: учебное пособие /Н.А. Иванищева, Е.А. Семенов, О.Б. Попова, А.Н. Тюрин, Т.В. Чибилёва. Оренбург: ООО «Типография «Агентство Пресса», 2019. 230 с.

5. Тюрин, А. Н. География почв Оренбургской области / А.Н. Тюрин, С.С. Журба //Трёшниковские чтения – 2019: Современная географическая картина мира и технологии географического образования: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. / под. ред. И.Н. Тимошиной, Е.Ю. Анисимовой, Е.А. Артемьевой и др. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2019. – С. 234-235.

УДК 39

Кузьминская Оксана Анатольевна
магистрант факультета естественных наук, кафедры география Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, Луганская Народная Республика
Краснокутская Надежда Сергеевна
к.г.н., старший преподаватель кафедры географии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет» , г. Луганск, Луганская Народная Республика

Этнокультурная составляющая населения Республики Дагестан

Аннотация. *Раскрыта актуальность проведения комплексных общественно - географических исследований этнокультурных особенностей населения многонациональных регионов. Дана комплексная характеристика полиэтнической структуры населения Дагестана, которая определяет уникальность этнокультурных особенностей региона. Обозначены ареалы расселения основных этносов Дагестана. Охарактеризована специфика влияния природно-географического, лингвистического и религиозного факторов на формирование этнокультурных особенностей региона.*

Ключевые слова*: этнос, культура, национальность, структура, этнокультурные особенности, регион, факторы, Республика Дагестан*.

Этническая культура на протяжении всей истории человечества являлась основным индикатором самоидентификации населения определённой национальной принадлежности. В современном обществе этнокультурная составляющая определена «специфическим» ресурсом территории на предмет возможностей более эффективного социально-экономического развития. Значимость уважительного отношения к этнокультурам растёт как на глобальном, так на региональном и локальном уровнях. В контексте этого, в своём исследовании Ю.Н. Гладкий отметил: «Культура способна охладить мировой «политический котёл», поэтому тщательное исследование культурного разнообразия мира, его цивилизационных рубежей разломов, являющихся очагами кризиса, в современную эпоху исключительно актуально и важно» [2, с. 14]. Главный постулат на пути к гармонизации экономических, социальных, политических и других видов общественных взаимоотношений заключается в исключении этнической унификации на ряду с поиском социальных моделей межэтнического взаимодействия. Толерантное отношение к этнокультурным традициям разных диаспор позволяет, с одной стороны, избежать вероятности возникновения межэтнических конфликтов (включая военно-политический исход их разрешения), а, с другой стороны, сохранить полиэтнокультурность как особый резерв для социально-экономического развития. Высокая актуальность исследования этнокультурных особенностей населения характерна для регионов со специфической национальной структурой населения. Многонациональность — важнейшая и исторически унаследованная черта культурного пространства России, одна из главных его цивилизационных характеристик [5, с. 292]. Среди субъектов Российской Федерации одним из самых пёстрых в этно-культурном отношении является Республика Дагестан. Этническое многообразие и сопутствующие ему культурные традиции быта, хозяйственной деятельности определяют всю специфичность и неповторимость Дагестана как уникального общественно-территориального комплекса.

Целью статьи является составляющая населения Республики Дагестан. В наиболее широком понимании под этнической культурой принято понимать унаследованный комплекс социального поведения и хозяйствования, системы верований, традиций и обычаев, которые определяют образ жизни этноса. Если этничность является выражением культурных различий, то этносы выступают носителями культуры. Соответственно, именно национальная структура населения региона определяет его этнокультурное многообразие.

Согласно последним обследованиям национальной структуры населения РФ по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Республики Дагестан зафиксированы представители 117 национальностей и этнических групп (при переписи 2002 г. — 121). У 8 национальностей Республики (аварцы, даргинцы, азербайджанцы, кумыки, лакцы, лезгины, русские, табасараны) численность населения превышала 100 тыс. чел., как и при переписи 2002 г. (в 1989 г. таких национальностей было

5). Остальные этносы насчитывает от единиц до нескольких сотен человек [3]. Расселения основных коренных народов Дагестана существенно дифференцировано по его территориальным округам (рис.), а именно:

– в Северном территориальном округе Дагестана наибольший удельный вес в этнической структуре населения приходился на аварцев (31,1 % от общей численности населения округа), кумыков (19,0 %) и чеченцев (16,3 %);

– в Центральном территориальном округе — на аварцев (27,8 %), кумыков (24,7 %), даргинцев (19,2 %);

– в Горном территориальном округе — на аварцев (70,0 %), даргинцев (23,6 %), лакцев (5,8 %);

– в Южном территориальном округе — на лезгинов (41,8 %), азербайджанцев (17,6 %) и даргинцев (13,9 %) [4, с. 23].

Наибольший удельный вес русских был характерным для Северного территориального округа, где на их долю приходилось 9,5 % от общей численности населения округа.

Существующие географические закономерности расселения основных этносов по территориальным округам предопределены в первую очередь природно-географическими факторами. Это обусловлено тем, что само существование самобытной культуры этносов, проживающих в том или ином регионе, во многом определяется особенностями их хозяйственной деятельности, которая напрямую определима природными ландшафтами.

В границах своей природой среды обитания человек развивает

специфические хозяйственные занятия, создаёт орудия труда, вырабатывает технику определённых навыков, и в конце концов приспосабливает своё жилище так, чтобы оптимально благоустроить свою жизнедеятельность.

Соответственно, адаптация особенностей ведения жизнедеятельности по отношению к природной среде, по существу, являет собой процесс формирования и воспроизводства неповторимой культурной индивидуальности этнических групп населения. Формирование и развитие культурных образов многочисленных этносов и субэтносов Дагестана первоочередно предопределены мозаичностью природной среды. Дагестан — самый богатый по разнообразию ландшафтов регион России. Разнообразие природы умеренных широт представлено всевозможными природными комплексами. Чрезвычайное многообразие природно-географических условий Дагестана обусловило соответствующее многообразие хозяйственных форм, характеризующихся локальными традиционно-культурными чертами, свойственными отдельным этносам. Обзор природно-географических условий Дагестана подтверждает, что особенности расселения представителей разных этносов подчиняется закономерностям природно-хозяйственного районирования, где основное значение принадлежит рельефу.

В целом природно-хозяйственное районирование Дагестана включает четыре района:

1) равнинный район с земледельческо-скотоводческим хозяйством и зимним использованием для выпаса скота;

2) предгорный район также с хозяйством, в котором преобладает удельный вес земледелия и содержания крупного рогатого скота;

3) горно-предгорный район (среднегорье) со скотоводством и земледелием и подзоной «горные долины» с добавлением насаждений;

4) горный район с развитым скотоводством и слабым земледелием [1, с. 9].

Наиболее сложные ландшафтные условия жизнедеятельности населения сосредотачивают большее коренное этническое разнообразие населения со свойственной ему спецификой культурного образа жизни. Народы «гор» в меньшей степени подвержены процессам этнической ассимиляции и аккумуляции, что достигается путём строгого соблюдения культурных традиций и исключения всякого вероятного межэтнического брака.

Этнокультурной определяющей Дагестана является лингвистическая структура населения. Для своего общения жители этого региона используют 30 языков и несколько десятков диалектов. Представители всех этносов и практически всех субэтносов имеют свои языковые особенности. Этнические группы населения Дагестана образуют три основные языковые семьи:

1) нахско-дагестанская ветвь иберийско-кавказской языковой семьи;

2) тюркская ветвь алтайской языковой семьи;

3) индоевропейская языковая семья.

Географические особенности распространения языков и диалектов привязаны к местам расселения этносов, которые являются носителями этих языков. Культурные традиции и жизненный уклад этносов во многом определяется религиозной принадлежностью. Этносу каждого конфессионального течения присущи специфические стереотипы поведения. Касательно полиэтничного Дагестана, то здесь религия способствует сближению народов, взаимовлиянию и взаимообогащению культур, сглаживанию межнациональных противоречий. Главной религией, которая консолидировала многонациональный Дагестан, является ислам, его исповедуют более 90,0 % населения республики. В Дагестане так-же исповедуют христианство и иудаизм. Однако, именно мусульманская община Дагестана сегодня — это достаточно многочисленный и прочный социальный институт, который формировался здесь на протяжении более чем тринадцативековой истории. На протяжении этого времени ислам небезосновательно стал идеологической основой формирования норм и правил во всех сферах жизни дагестанского общества: социальной, экономической, культурной, идеологической.

Таким образом, современный социально-культурный облик народов Республики Дагестан обозначается традиционными этническими компонентами духовной и материальной культуры, семейного и общественного быта. Каждый из этнических народов Дагестана имеет свои особенности и отличия, которые придают им самобытность, определяя в своём совокупном образе уникальность этнокультуры Республики Дагестана в целом и её регионах. Полиэтническая структура общества Дагестана

определяет специфические условия социально-экономического развития региона. В последнее время в Республике Дагестан отмечается рост социальной, межнациональной и межконфессиональной напряжённости. Наличие регионов со специфическими этнокультурными особенностями населения требует пространственного подхода в реализации политики урегулирования проблем межэтнического характера.

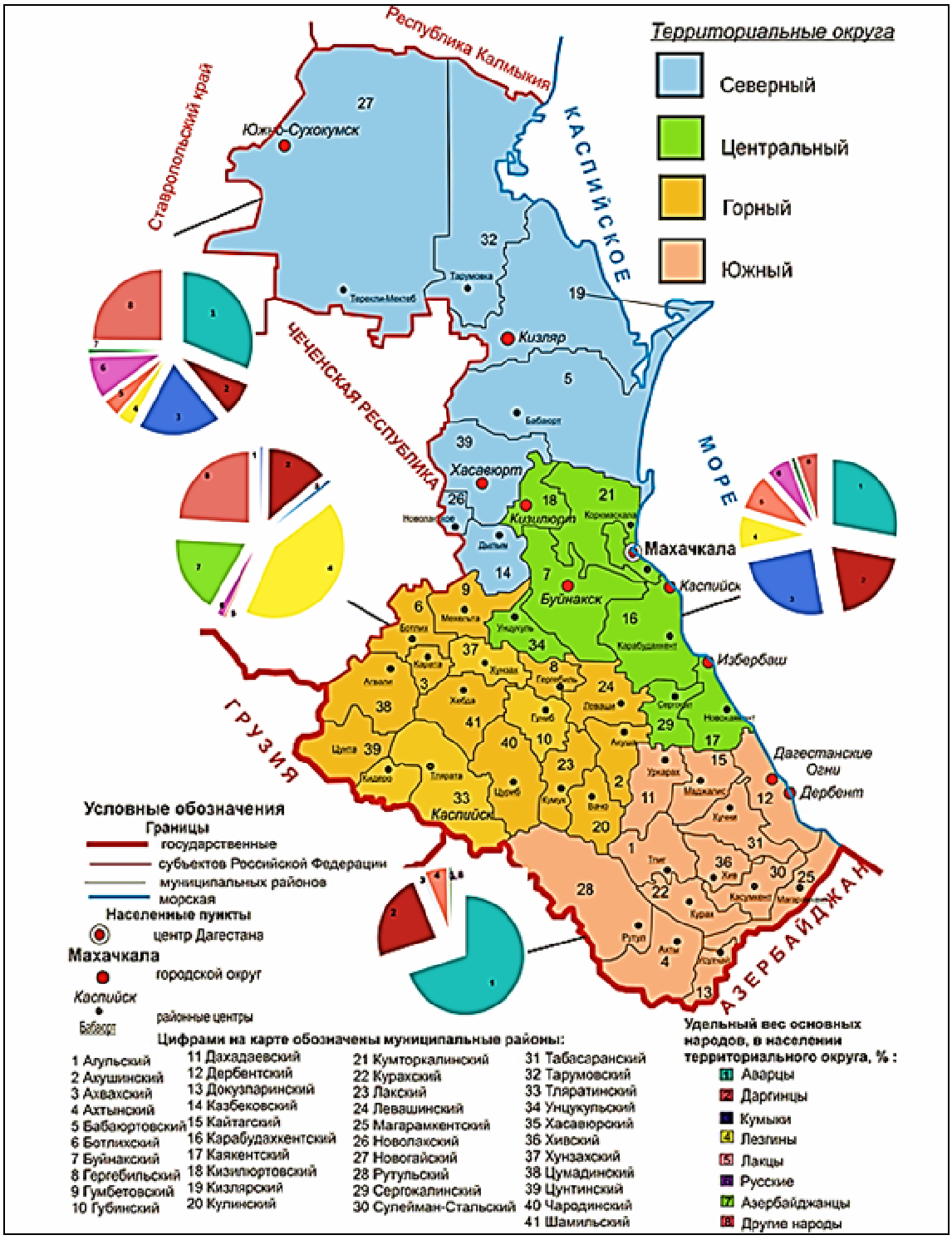

Рис. Структура национального состава населения Республики Дагестан в разрезе территориальных округов

(составлено по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. [4])

Список литературы

1. Богатуров Д. С. Современные особенности этнического расселения республиках Северного Кавказа: Автореферат дис. канд. геогр. наук: 25.00.24 СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010. 17 с.
2. Герасименко Т. И., Филимонов И. Ю. Этнокультурная география Оренбургской области: учебное пособие. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2009. 92 с.
3. Глава Республики Дагестан: официальный сайт. [Электронный ресурс]: URL: http://president.e-dag.ru/home/respublika/2016-03-24
4. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан: статистический сборник / Председ. ред. кол. С. В. Ильяшенко, А. Ш. Эфендиева, Т. М. Туриева, Л. Б. Сагидова, Р. Д. Газимагомедова. Махачкала: Дагестанстат РД, 2012. 45 с. [Электронный ресурс]: URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/ros stat_ts/dagstat
5. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А. Г. Дружинина и В. Н. Стрелецкого. Ростов/н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2014. 536 с.

УДК 504.06

Кузьминский Игорь Олегович
обучающийся секции «География и ландшафтоведение» НО «РМАН» ГУДО ЛНР «РЦНТТ», ученик 9-А класса ГОУ ЛНР «Антрацитовская гимназия № 1 имени почетного гражданина Владимира Яковлевича Ткаленко» г. Антрацит, Луганская Народная Республика
Краснокутская Надежда Сергеевна
к.г.н. руководитель секции «География и ландшафтоведение» НО «РМАН» ГУДО ЛНР «РЦНТТ», доцент кафедры географии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Луганской Народной Республики «Луганский государственный педагогический университет» г. Луганск, Луганская Народная Республика

Особые экологические риски в системе промышленного развития Луганской Народной Республики

Аннотация. *В статье раскрыта актуальность экологических проблем Донбасса, которыми является затопление угольных шахт из-за отсутствия водоотлива. С начала военного конфликта на Донбассе ситуация в регионе ухудшилась. Многие промышленные предприятия и шахты остановлены, их «режут» на металл, а вопрос об экологической безопасности отошел на второй план. В ходе проведенных исследований выделены аспекты, имеющие влияние на улучшение экологической ситуации региона.*

Ключевые слова: *регион, военный конфликт, экологическая безопасность, региональные различия, засоление почв, повышается минерализация, радиоактивность подземных и поверхностных вод.*

«Индустриальное развитие Донбасса привело к серьезным экологическим проблемам: Донецкая область занимает одно из первых мест в Европе и первое место на Украине по уровню деградации окружающей среды. Территория области в ходе индустриализации оказалась практически полностью вовлечённой в хозяйственный оборот. К 1991 году природно-заповедный фонд Донецкой области составлял лишь 0,6 % её территории (при европейских критериях не менее 5 %)», - именно так описывает экологическую обстановку в Донецкой области интернет-энциклопедия «Википедия» (российская редакция).

С начала военного конфликта на Донбассе ситуация в регионе ухудшилась. Многие крупные промышленные предприятия и шахты были остановлены, их «режут» на металл, а вопрос об экологической безопасности отошел на второй план. Последствия боевых действий и непродуманного закрытия предприятий станут ощутимыми не сразу, но они могут спровоцировать настоящую экологическую катастрофу, которая коснется всей территории Донбасса. И не только Донбасса…

Любой военный конфликт оказывает серьезное влияние на экологическую безопасность региона, в котором он происходит. Наибольший экологический ущерб боевые действия оказывают на промышленные территории, такие как Донецкая и Луганская Народные Республики. Нужно понимать, что Донбасс - это наиболее техногенно нагруженный регион Европы. Например, по данным статотчетности за 2013 год, в регионе объем выбросов в атмосферный воздух от стационарных источников составлял 44% от всего объема выбросов в Украине.

Боевые действия на востоке затрагивают практически все составляющие окружающей среды, начиная от атмосферного воздуха и заканчивая подземными и поверхностными водными источниками, почвами, ландшафтами, сельскохозяйственными землями, объектами природозаповедного фонда и так далее. Природная среда получает загрязнения в результате как прямого воздействия от ведения боевых действий, так и в результате косвенного воздействия, например, при возникновении перебоев в работе промышленных предприятий, нарушении работы объектов критической инфраструктуры.

Одной из основных экологических проблем Донбасса является затопление угольных шахт из-за отсутствия водоотлива. Это приводит к изменению режима подземных вод и влечет за собой целый ряд негативных экологических последствий. Не исключены подтопления и засоления почв, поскольку шахтные воды на Донбассе отличаются высокой минерализацией. Засоление почв приводит к выводу их из хозяйственной эксплуатации, повышается минерализация и радиоактивность подземных и поверхностных вод и так далее. Кроме того, подтопления провоцируют процессы проседания грунта, что может повлечь за собой нарушения целостности

хвостохранилищ и разрушения наземных объектов, в том числе и экологически опасных.

Почву после засоления сложно рекультивировать. При восстановлении водоотлива шахт уровень грунтовых вод снизится, но процесс восстановления почв будет длительным и дорогостоящим. К сожалению, засоление может стать необратимым из-за экономической нецелесообразности рекультивационных работ. Сейчас еще возможно минимизировать ущерб, нанесенный природной среде Донбасса, однако, если мы потеряем время, (а в 2014-2015 внимание экологической безопасности региона практически не уделялось) многие негативные процессы, происходящие сейчас, могут стать необратимыми.

Я думаю, что часть территорий Донбасса может стать непригодной для жизни в течение 5-10 лет из-за невозможности экономической эксплуатации. Прежде всего, это коснется тех территорий, которые находятся вблизи линии разграничения, территорий в районе Горловки, Торецка, Дебальцево, Золотого, Первомайска в случае серьезной экологической катастрофы, например, химического загрязнения рек Северский Донец или Кальмиус, мы можем получить загрязнение всей акватории Азовского моря.

Вопрос об экологической миграции, возможно, станет актуальным в среднесрочной перспективе, если не принять меры для минимизации экологических последствий конфликта уже сейчас. Пока на повестке дня стоят вопросы миграции населения из-за боевых действий.

Сосредоточение значительных природных ресурсов в месторождениях полезных ископаемых, весьма приемлемые климатические условия, наличие значительных площадей, пригодных для сельскохозяйственного производства (чернозёмы, водные ресурсы), выход к Азовскому морю обусловили беспрецедентное развитие промышленности Донбасса и высокую концентрацию населения. Не случайно наш край занял центральное место в проекте индустриализации экономики Советского Союза, по праву закрепив за собой статус «индустриального сердца России». Именно здесь рождались трудовые рекорды Алексея Стаханова, Прасковьи Ангелиной, Никиты Изотова, Макара Мазая, Петра Кривоноса. А популярным в настоящее время наукоёмким отраслям предшествовали в своём развитии также крайне необходимые для народного хозяйства энергоёмкие отрасли, такие, как добывающая, металлургическая, машиностроительная, химическая (в т.ч., углехимия) и др. Естественно им сопутствовали экологические риски, что предопределило создание и развитие соответствующей инфраструктуры в области защиты окружающей среды.

Задачей законодательства Луганской Народной Республики об охране окружающей среды является регулирование отношений в области охраны, использования и воспроизводства природных ресурсов, обеспечения экологической безопасности, предотвращения и ликвидации негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранения природных ресурсов, генетического фонда живой природы, ландшафтов и других природных комплексов, уникальных территорий и природных объектов, связанных с историко-культурным наследием.

С целью проведения эффективной и целенаправленной деятельности Луганской Народной Республики по организации и координации мероприятий по охране окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, рационального использования и воспроизведения природных ресурсов на перспективу разрабатываются и принимаются государственные целевые, межгосударственные, местные экологические программы.

Также для обеспечения реализации Концепции, 31 октября 2019 года распоряжением Главы ЛНР был утвержден План мероприятий, который определил конкретные меры государственной политики в сферах: совершенствования законодательства ЛНР – разработка проектов законов Об охране атмосферного воздуха, о мониторинге, о животном мире, лесной и водный кодексы; экономического механизма природопользования – определение источников финансирования природоохранных мероприятий, в т.ч. и за счет госбюджета, разработка и реализация целевых программ по охране окружающей среды; мониторинга окружающей природной среды – расширение сети наблюдений и количества компонентов окружающей среды, за которыми проводится наблюдение; охраны атмосферного воздуха, рационального использования и охраны водных ресурсов, земель, минерально-сырьевых ресурсов, сохранения объектов животного и растительного мира, управления особо охраняемыми природными территориями, обращения с отходами производства и потребления, обеспечения экологической безопасности, формирования экологической культуры, развития экологического образования и воспитания, развития международного сотрудничества в области охраны окружающей среды.

Список литературы

1. Закон «Об охране окружающей среды» № 100-II от 17.06.2016 г.
2. Зубков Р.М., Аверин Г.В. Энергетические проблемы деминерализации шахтных вод // Охорона навколишнього середовища та раціональне використання природних ресурсів / Збірка доповідей I Міжнародної наукової конференції аспірантів та студентів. Т.1 – Донецьк: ДонНТУ, ДонНУ, 2002. С. 90-91.
3. Кравчук П. Ликвидация угольных шахт, которая осуществляется по остаточному принципу, приводит к осложнению экологической ситуации. / / Родная природа. 2001. № 6 – С. 87-88.
4. Кононов И.Ф., Кононова Н.Б., Денщик В.А. Кризис и самоорганизация: Шахтерские города Донбасса в период реструктуризации угольной промышленности: социальное и экологическое измерения. Луганск: Альма-матер, 2001.
5. Материалы «Годового отчета Госуправления экологической безопасности в Луганской области о состоянии окружающей природной среды за 1999 год».
6. Плющев В. Реконструкция угольной отрасли, без учета требований экологической составляющей непременно приведет к экологическому кризису //Родная природа. 2001. № 6. С. 27-67.

УДК 314.74
Марченко Андрей Владимирович,
студент Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия

Вьетнамцы в России: динамика демографических изменений

Аннотация. *Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что вьетнамцы – одна из крупнейших групп мигрантов, прибывающих в РФ из стран дальнего зарубежья. В докладе представлены материалы по истории развития и динамике численности вьетнамской диаспоры в РСФСР и РФ в 2002–2019 гг. по данным всеобщих переписей и миграционных органов РФ. Материал содержит информацию о региональном распределении и демографической динамике вьетнамского населения, попытку оценить численность вьетнамцев, проживающих в РФ на данный момент. Статья подготовлена на основе анализа Всероссийских переписей, Госкомстата, а также исследований, посвященных миграции вьетнамцев в Россию.*
Ключевые слова: *вьетнамская диаспора, трудовая миграция, образовательная миграция, всеобщая перепись, экономические отношения.*

Ввиду того, что начиная со второй половины XX века отношения Советского Союза и Вьетнама, а затем Российской Федерации и Вьетнама принимали формы сотрудничества и даже стратегического союза, миграционный обмен между двумя странами носил интенсивный характер. Численность вьетнамцев в России в различные достигала нескольких десятков тыс. чел.[1]

Одна из проблем исследования миграции вьетнамцев в РФ в современный период – отсутствие достоверных источников об их численности. Существует три основные группы источников. Первый – это данные всероссийских переписей населения, которые указывают численность только постоянно проживающих на территории страны граждан Вьетнама и по этой причине данный источник показывает меньшую численность вьетнамцев по сравнению с другими источниками (максимально 26206 чел. на 2002 г.[2]). Второй источник – официальные и неофициальные данные МВД и ФМС России. Согласно этим данным, численность вьетнамцев в РФ составляет до восьмидесяти тыс. чел., что значительно превышает данные переписей[3]. Третий – результаты экспертных оценок (см, например, В.М. Мазырин, С.В. Рязанцев), которые «увеличивают» численность вьетнамцев в 1.5–2 раза [4].

Мы кратко рассмотрим данные первых двух групп источников, то есть всероссийские переписи населения 2002 и 2010 года, а также данные Всероссийской службы государственной статистики, составленные на основе отчетов МВД и ФСБ. Исходя из анализа этих данных, мы сделаем краткий обзор динамики численности вьетнамского населения РФ в современную эпоху.

Для начала обратимся к данным переписей.

Заметим, что данные по национальному составу учитывают не наличное, а постоянное население[5;6]. Образовательные и значительная часть трудовых мигрантов не попадают в эту группу, поскольку приезжают в РФ на определенный ограниченный срок. В то же время данные всеобщих переписей традиционно считаются основным источником для демографических исследований. На наш взгляд, они достаточно репрезентативны, в частности, с точки зрения распределения данного контингента населения по регионам.

Согласно данным переписей, в 2002 году численность вьетнамцев составляла 26202 чел., а в 2010 г. – 13954 чел [7].

Рассмотрим динамику распределения вьетнамцев по регионам РФ Обратимся к рис. 1:

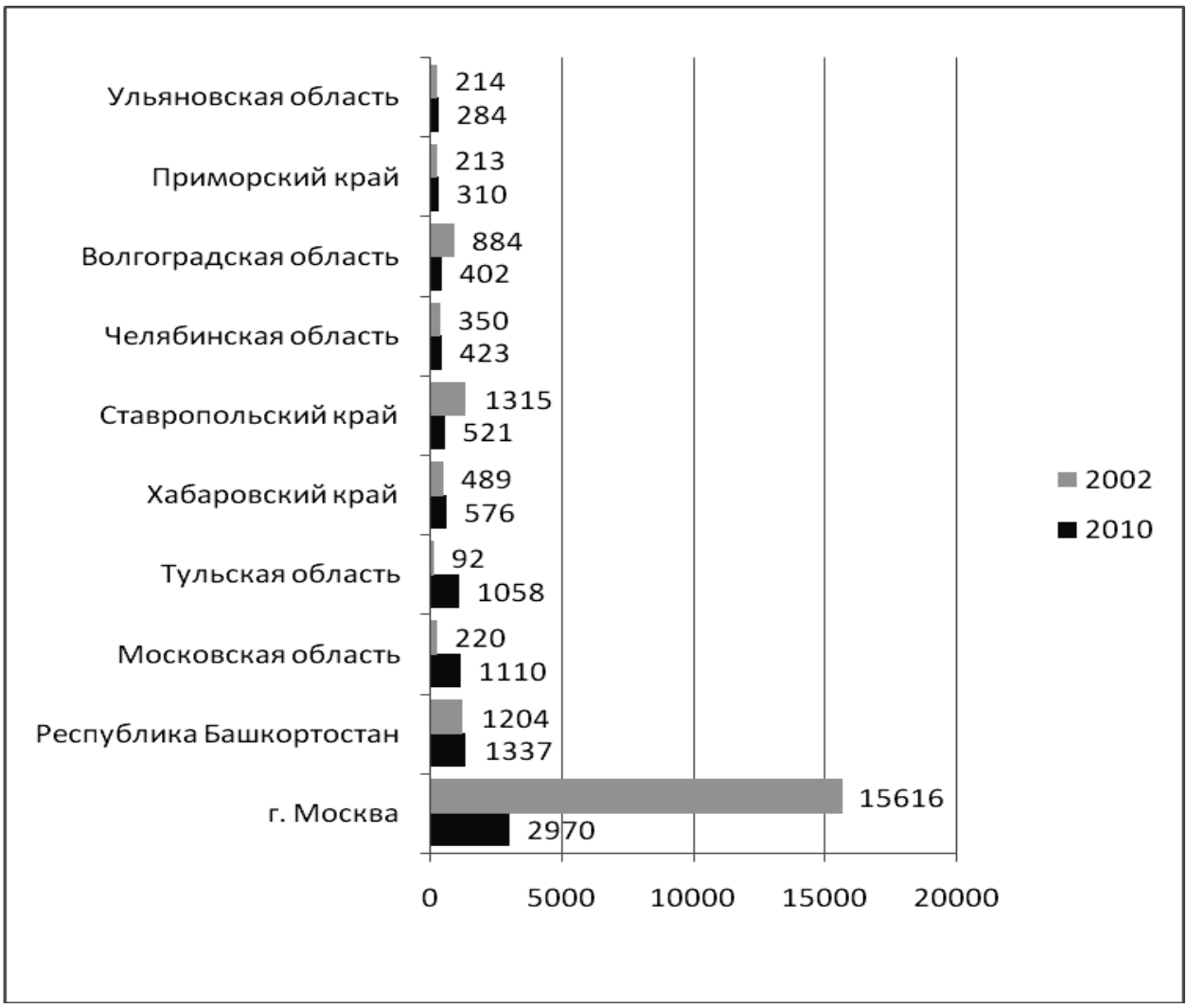

Рис.1. Десять регионов РФ с наибольшей численностью вьетнамского населения в 2010 г. по сравнению с 2002 г. по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., чел. [8]

Мы видим, что в 2010 г. в Москве проживала одна пятая от всех российских вьетнамцев. Более тысячи вьетнамцев жили в Республике Башкортостан, Московской области и Тульской области, то есть по 7-9% российских вьетнамцев в каждой. Это составляет достаточно большой отрыв

от регионов с меньшим вьетнамским населением, где оно насчитывает порядка нескольких сотен чел.

По сравнению с 2002 г. не наблюдается существенного изменения распределения, учитывая сокращение в два раза числа вьетнамцев в РФ вообще. Однако в нескольких регионов ситуация отличается от всероссийской тенденции.По данным переписи 2002 г. число вьетнамцев в Московской и Тульских областях составляло всего 220 и 92 чел. соответственно, в то время как к 2010 г. возросло до соответственно 1110 и 1058 чел. Заметим, что в 2002 г. в десятку регионов с крупнейшим вьетнамским населением входили также Санкт-Петербург, Краснодарский край, Ростовская и Свердловская области. Однако некоторое сокращение числа вьетнамцев там и небольшой (в абсолютных величинах) рост в Приморском крае и Ульяновской области, а также значительный – в названных выше Тульской и Московской областях привели к изменению порядка ранжирования регионов по численности вьетнамского населения.

Другое важное изменение – вьетнамская диаспора в Москве существенно сократилась: 2970 чел. (21% от общего числа вьетнамцев в РФ) против 15615 в 2002 г. (60%). Одна из возможных причин – рост ксенофобских настроений по отношению к вьетнамцам именно в Москве по свидетельству самих вьетнамцев[9]. Также весьма вероятна миграция в соседнюю Московскую область, что могло бы объяснить рост численности вьетнамской диаспоры там в эти же годы. Поскольку перепись 2010 г. была последней всероссийской переписью населения, дальнейшую информацию мы будем брать из базы данных Федеральной службы государственной статистики. Обратимся к рис. 2:

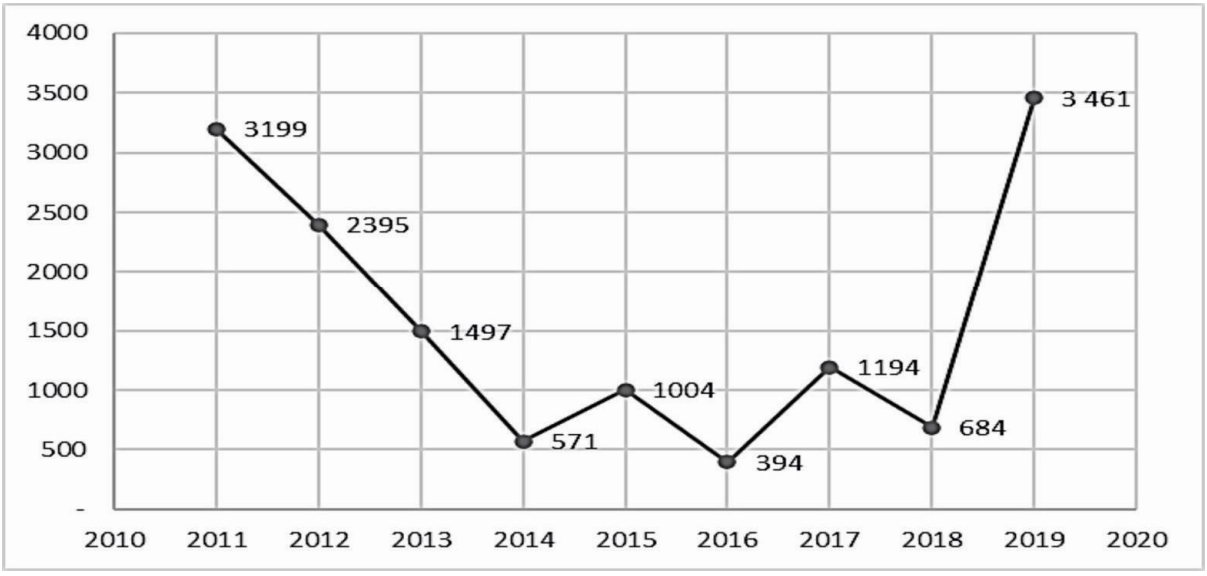

Рис.2. Динамика миграционного прироста РФ со Вьетнамом в 2011-2019 гг., чел. [10]

Данный график изображает динамику миграционного баланса в рамках миграционных отношений между Россией и Вьетнамом, то есть, другими словами, насколько больше человек прибывает в РФ, чем выезжает (обратно) во Вьетнам.

Как мы видим, каждый год число прибывающих больше числа выезжающих. Разница варьируется от 394 чел. до 3461 чел., почти в десять раз, составляя в среднем 1600 чел. в год. Всего за период 2011-2019 гг. миграционный прирост составил 14399 чел.

Обратимся подробнее к наиболее свежим данным по 2019 году, когда в РФ из Вьетнама прибыло 6742 чел. Вьетнам является 14 страной в списке стран, откуда прибывают мигранты в РФ и третьей после Китая и Индии среди стран дальнего зарубежья (не относящихся к бывшему СССР). Регионы РФ, куда прибывает больше всего людей из Вьетнама – это Тульская область, Московская область, Республика Башкортостан, Псковская область, Владимирская область, Свердловская область, Воронежская область, Приморский край, Москва и Хабаровский край. Почему лидируют Тульская и Московская области? Тульская область – важный экономический партнер вьетнамской провинции Тханьхоа, объем торговых отношений между ними превышает 12,5 млн. долл. в год. Российская сторона поставляет удобрения, инструменты, оптические, медицинские, измерительные аппараты. [11] Московская область же является регионом, куда инвестируют сотни млн. дол. вьетнамские молочные компании, открывая свои животноводческие комплексы и стремясь выйти на европейский рынок. [12]

Исходя из этого, можно было бы ожидать, что грядущая перепись населения зафиксирует существенный рост вьетнамского населения, однако на данный момент сложно предсказать влияние карантинных мер, вызванных эпидемией COVID-19 на вьетнамскую диаспору.

Список литературы

1. Мазырин В.М. Вьетнамцы в России: образ жизни, проблемы, перспективы // Индокитай: тенденции развития. М.: Гуманитарий, 2004. С.160 – 163.
2. Всероссийская перепись населения 2002 г. В 14 томах. Том 4. [Электронный ресурс] // М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17 (дата обращения: 31.08.2020).
3. Мазырин В.М. Вьетнамцы в России… С. 161 – 162.
4. Население СССР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: «Финансы и статистика», 1990. С. 5.
5. Методологические пояснения [Электронный ресурс]// Всероссийская перепись населения 2002 года. Том 14. Сводные итоги. С 469. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_14_MP.pdf (дата обращения: 25.07.2020).
6. Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]// РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр. 6174-6238 (Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку) URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php (дата обращения: 25.07.2020); Всесоюзная перепись

населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс] // Рабочий архив Госкомстата России.Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 25.07.2020); Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 25.07.2020)

7. Там же

8. Мазырин В.М. Вьетнамцы в России… С. 173 – 178.

9. Рассчитано по: Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2012 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b12_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020); Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020); Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b14_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020).; Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2015 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020).; Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2016 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020).; Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020).; Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020).; Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020).; Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2020 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 08.08.2020).

10. К. Черьевская. Что объединяет Тульскую область и вьетнамскую провинцию Тханьхоа? // Вести Тула: [веб-сайт]. – 2009. – 23 июля. – Режим доступа: https://vestitula.ru/lenta/14096.

11. Московская область привлечет $500 млн. на развитие молочного животноводства. // Milknews - Новости молочного рынка: [веб-сайт]. – 2016. – 13 января. – Режим доступа: https://milknews.ru/index/novosti-moloko_3452.html.

УДК 910.3

Морковская Дарья Николаевна
студентка кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный научный исследовательский университет - НИУ «БелГУ», г. Белгород,Россия

Экологические воздействия на окружающую среду системы расселения Центрально-Черноземного района, возможные социальные риски[131]

Аннотация. *Интенсификация социально-экономической жизни населения приводит к росту экологических воздействий на окружающую среду, влияет на устойчивость системы населения и его расселения. В данной работе для достижения цели - выявления степени экологических воздействий на окружающую среду Центрально-Черноземного района, возникновения возможных социальных рисков, выбраны и рассчитаны показатели, наиболее загрязняющие окружающую среду. Главными методами исследования послужили методы математической статистики и системно-структурного анализа. ГИС-технологии позволили визуализировать процессы загрязнения территорий от стационарных источников и использовать полученную картограмму в качестве метода исследования.*

Ключевые слова*: окружающая среда, антропогенная нагрузка, население, расселение, социальные риски.*

Введение. Развивающийся населенный пункт сталкивается с большим количеством социальных, экономических, экологических проблем, которые трудно предусмотреть. Численность населения и состояние окружающей среды тесно взаимосвязаны, урбанизированные же территории значительно влияют на компоненты среды обитания человека. К основным воздействиям на окружающую среду относятся технические преобразования, разрушения природных систем, ландшафтов, разнообразные виды загрязнений, исчерпание природных ресурсов [5].

Объектом исследования данной работы являются территория и население Центрально-Черноземного района. *Основные цели* – определение степени экологических воздействий на окружающую среду, выявление

[131] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №20-05-00074

возникновения возможных социальных рисков. Информационной базой послужили официальные статистические данные Росстата [4] и Государственных докладов о состоянии и охране окружающей среды Российской Федерации [1].

Результаты исследования и их анализ. Для оценки воздействия загрязняющих веществ на окружающую среду использованы данные самых загрязняющих окружающую среду индикаторов: выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников, использование воды, сброс загрязненных сточных вод. Для расчета экологических воздействий на окружающую среду по областям Центрально-Черноземного района (ЦЧР) выбрана методика «Рейтинги устойчивого развития регионов Российской Федерации 2010» [2]. Отображение динамики экологической ситуации каждой области ЦЧР достигнуто использованием статистических данных Государственного доклада на две даты: 2010 и 2017 гг. [1].

На основе указанных показателей выявлен средний уровень антропогенного воздействия. Качественные оценки ранжированного ряда показателей антропогенной нагрузки формализованы – им присвоено значение в баллах (очень слабая – 1; слабая – 2; средняя – 3; сильная антропогенная нагрузка – 4 балла).

Проведенные расчеты свидетельствуют о том, что антропогенная нагрузка ЦЧР отвечает критериям «допустимая», т.е. соответствующая нормам, но она дифференцирована по областям: высокие показатели характерны для Белгородской и Воронежской областей, что обусловлено численностью населения и специализацией экономик, минимальные показатели – для Тамбовской области (рис. 1).

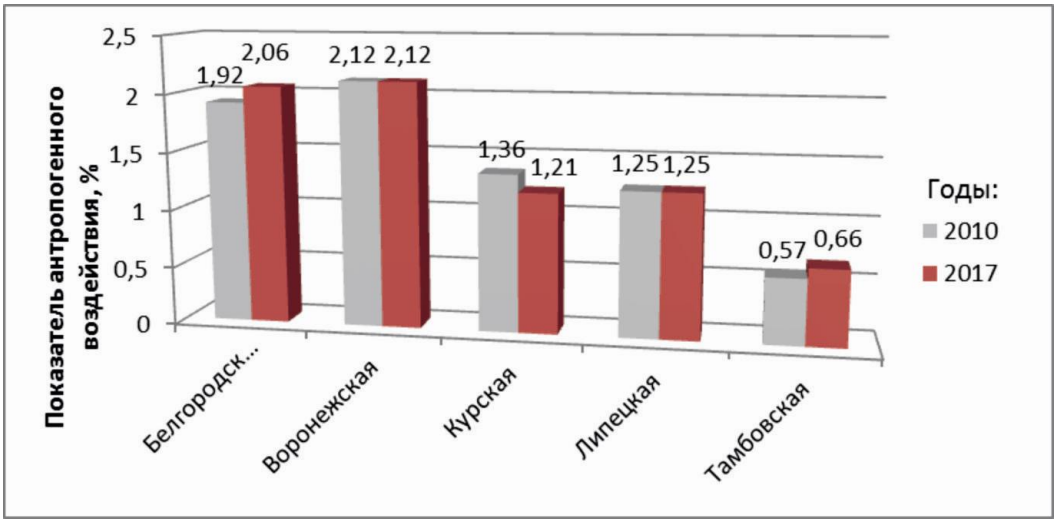

Рис.1. Показатели антропогенного воздействия на окружающую среду Центрально-Черноземного района, % (составлено по: [4]).

Исследование показало, что главной причиной загрязнения окружающей среды является сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты. В Воронежской области за 7 лет сброс увеличился на 126,7 млн. куб. м - в 2 раза. Аналогичная ситуация в

Тамбовской области, где показатель увеличился на 31,9 млн. куб. м., - в 3,5 раза, но остался самым низким в ЦЧР [1]. В Белгородской, Курской, Липецкой областях сброс загрязненных сточных вод за 7 лет снизился.

Основными загрязнителями сточных вод являются «производство и распределение электроэнергии, газа и воды», «предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» [4].

Не менее важной проблемой является загрязнение атмосферного воздуха. Основными организованными источниками загрязнения атмосферного воздуха на территории Центрально-Черноземного района являются стационарные источники. Чтобы оценить их воздействие на окружающую среду, использован показатель общего количества загрязняющих веществ, отходящих от всех стационарных источников [4], рассчитан на 100 человек и построена картограмма (рис. 2).

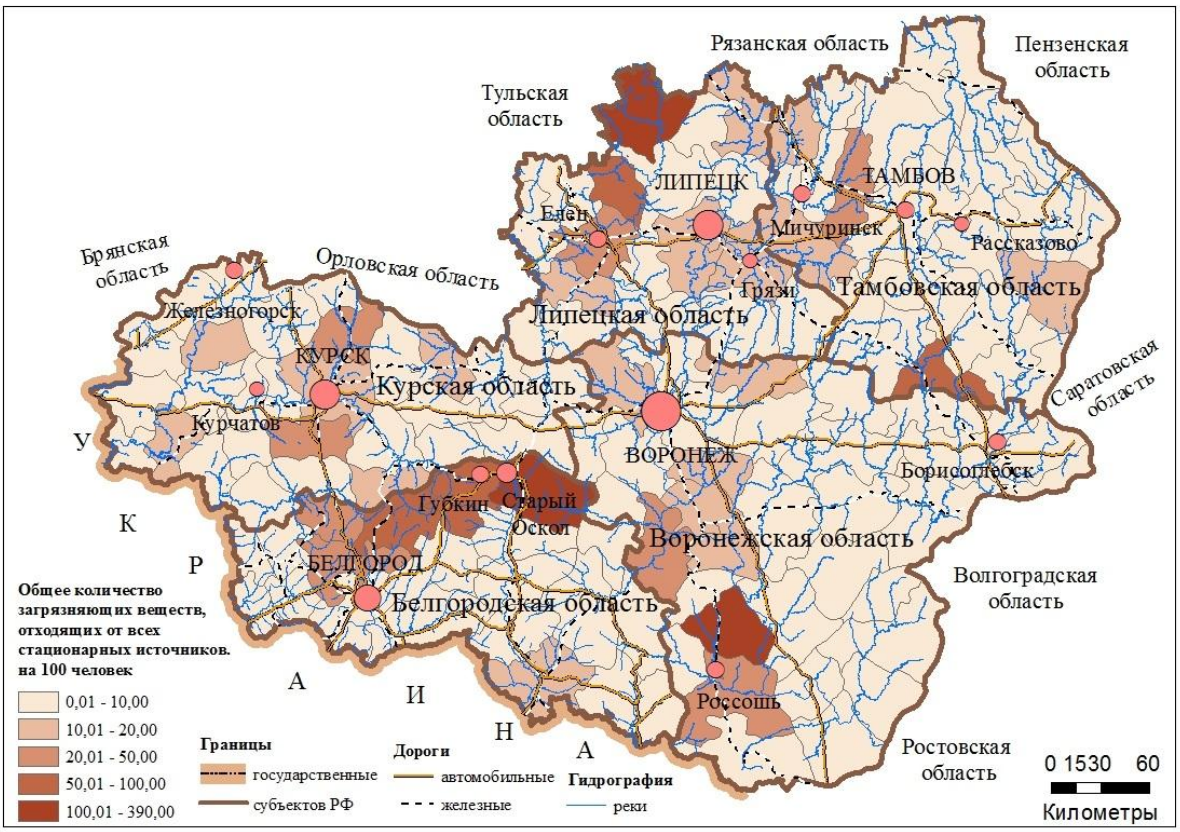

Рис. 2. Общее количество загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников Центрально-Черноземного района, на 100 человек (составлено по [4])

В ходе исследования были выявлены наиболее загрязненные муниципальные образования: Данковское (Липецкая область), Подгоренское (Воронежская область) и Старооскольский городской округ (Белгородская область). Активная промышленная деятельность в этих районах негативно сказывается на качестве атмосферного воздуха, количество загрязняющих веществ возрастает. Данковский доломитный комбинат является одним из крупнейших в отрасли добычи и переработки флюсового доломита на территории России. Подгоренский цементный завод ОАО "Подгоренский

цементник" ведет добычу и первичную обработку известняка и гипсового камня. Основным стационарным источником загрязнения на территории Старооскольского ГО является ОАО «Стойленский горно-обогатительный комбинат» по добыче и обогащению железной руды.

Выявлена стойкая тенденция ухудшения качества атмосферного воздуха, обусловленная постоянным увеличением масштабов промышленности в регионе, ростом числа автомобилей. Антропогенная нагрузка на окружающую среду, состояние экологической ситуации находятся в прямой зависимости от численности населения, его размещения на конкретной территории [5].

На основе ранее проведенных исследований [6, 7] установлено, что расселение поляризуется – растут концентрация населения в больших городах и социально-демографическое опустынивание периферии. Соответственно размещению населения увеличивается стратификация экологических воздействий на окружающую среду – усиливается в агломерациях, сокращается в сельской местности (см. рис. 2). Отмеченные тенденции трансформации экологической ситуации и расселения сохранятся в перспективе: районами минимальной антропогенной нагрузки будут территории с малой численностью населения – преимущественно сельским.

Население загрязненных территорий подвергается социальным рискам, которые выражаются в вероятности опасных событий (аварий, стихийных бедствий), связанных с гибелью людей или ущербом их здоровью [8]. Подразделениям министерства чрезвычайных ситуаций следует особое внимание уделять населенным пунктам, расположенным вблизи «грязных» промышленных предприятий, объектов повышенной опасности, вероятность возникновения в которых экологических и социальных рисков высока и может нарушаться социальное положение групп населения.

Краткие выводы. Состояние окружающей среды влияет на устойчивость систем населения и расселения: увеличивается количество и разнообразие загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, растут объемы бытовых отходов, масштабы использования воды из природных водных объектов, количество автотранспорта, но без этих составляющих невозможна экономическая и социальная жизнь населения. Чем более развитым будет населенный пункт, тем выше станет антропогенная нагрузка.

Поэтому уже сейчас следует обратить внимание на способы уменьшения загрязнений окружающей среды. Основные пути снижения загрязнения атмосферы и водной среды известны: использование экологически безопасных источников энергии, безотходные технологии производства, борьба с выхлопными газами автомобилей, озеленение городов и сельских поселений [3].

Список литературы

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2010 г., 2017 г.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://gosdoklad-ecology.ru/2017/subjects/cfo/.

2. Артюхов В.В., С.И. Забелин. Рейтинги устойчивого развития регионов Российской Федерации 2010 / Под ред. В.В. Артюхова. М.: Интерфакс. 2011. – 96 с.
3. Константинов В.М., Ю.Б. Челидзе. Экологические основы природопользования. М.: Издательский центр «Академия». 2014. – 240 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1 138623506156.
5. Тетиор А.Н. Городская экология. М.: Издательский центр «Академия». 2006. 336 с.
6. Чугунова Н.В., Морковская Д.Н. «Мертвые» деревни в структуре сельского расселения Центрально-Черноземного района / Материалы Международной географической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Владимира Васильевича Воробьева. Иркутск: Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 97-100.
7. Чугунова Н.В. Трансформации в системах расселения Белгородской области: новые тренды в современных геоэкономических условиях / Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды // Отв. редактор В.Н. Стрелецкий.М.: ИП Матушкина И.И., 2017. С. 215-228.
8. Шарин В.И. Социальные риски как угрозы социальному положению. Уральский государственный экономический университет: Известия УрГЭУ. 2013. С. 118-124.

УДК 37.09
Ногманова Мадина Айдаровна
магистрант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет», г. Казань, Россия

Тенденции развития технологий дополненной реальности в российском образовании

Аннотация. *Дополненная реальность активно используется в современном обществе практически во всех сферах деятельности человека. В данной статье рассматриваются возможности и перспективы использования дополненной реальности в российском образовании на основе анализа научных статей российских исследователей. По результатам их исследований можно сделать вывод, что за технологиями дополненной реальности стоит будущее российского образования.*
Ключевые слова*: дополненная реальность, QR-код, образование.*

Информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни человека. Они активно используются во всех сферах деятельности: в науке,

медицине, экономике, спорте и, конечно же, в образовании. И несмотря на отставание в развитии информационных технологий в России от развитых стран (США, Япония, Южная Корея и пр.), нельзя утверждать, что наша страна недостаточно развита.

Эксперты Центра социально-экономического развития школы Института образования НИУ ВШЭ подсчитали, что в среднем по РФ на 100 школьников приходится 13 персональных компьютеров, и более 90% школ имеют беспроводной интернет в 2017 году. Каждый третий учитель использует электронную доску, а двое из трех пользуются мультимедийным проектором [6].

Однако это не предел, и все чаще российские эксперты начинают говорить об использовании смартфонов учащихся во время уроков в учебных целях. Обычно преподаватели просят убрать гаджеты, но ведь можно их использовать и сделать уроки более интерактивными и интересными. Есть различные образовательные платформы, сайты, мобильные приложения, которые можно и нужно использовать при обучении. Большой популярностью заграницей пользуются приложения дополненной реальности.

Дополненная реальность (Augmented reality, AR) – это среда, которая создается посредством наложения информации или объектов на реальный мир в реальном времени. И есть множество заграничных исследований, которые показывают, что использование дополненной реальности в образовании благоприятно воздействует на процесс обучения: ученики лучше усваивают информацию из-за визуализации и интерактивности [1, 4, 9].

Есть несколько причин, из-за которых сложно ввести приложения дополненной реальности в обиход в России, как в США или в Японии: во-первых, отсутствие надлежащих приложений, адоптированных к учебникам, во-вторых, недостаточное спонсирование со стороны государства, в-третьих, консервативность некоторых преподавателей, которым больше по душе традиционные методы преподавания. Однако ученые, увлеченные возможностями AR-технологий, и разработчики программного обеспечения и цифровых гаджетов объединились в Ассоциацию дополненной и виртуальной реальности в России [7], первое заседание которой состоялось в 2015 г. Некоторые школы Москвы и Санкт-Петербурга уже начали проводить эксперименты, которые показывают положительные результаты и подтверждают гипотезу о том, что использование технологий дополненной реальности повышает эффективность изучения какого-либо предмета по сравнению с традиционным способом ведения урока.

В качестве примера можно привести эксперимент А. В. Гриншкуна по предмету «Информатика и ИКТ». Этот эксперимент проводился в 2014/15 учебном году в городе Москве в гимназии №1409 где участвовало 187 учеников 5-7 классов. Тема уроков была посвящена жесткому диску и особенностям его работы. Для данной темы были специально разработаны 3D-модели жесткого диска и маркеры, которые находились в основе применения технологий дополненной реальности. Результат эксперимента

показал превосходство экспериментальной группы над контрольной. Также в той же школе в том же году был проведен эксперимент, в ходе которого педагоги оценили уровень владения учеников технологиями дополненной реальности при выполнении различных задач. Показатели экспериментальной группы также были выше контрольной. А. В. Гриншкун отмечает, что в ходе экспериментов на всех этапах изучения информатики наблюдался интерес учеников к предложенной форме обучения. Особо понравился нестандартный подход к подаче материала, его визуализации при помощи интеграции виртуальных и реальных объектов [2].

На базе школы №548 в городе Санкт-Петербурге было проведено исследование в 2017 году среди школьников 1-4 классов. В нем также участвовали родители, учителя начальных классов, воспитанники и педагоги детского сада №68 «Росток». Была создана региональная инновационная (экспериментальная) площадка по теме: «Организация игровой деятельности с использованием технологии «дополненной реальности» для дошкольников и учеников младшего школьного возраста». Для реализации программы исследования была использована концепция BYOD (bring your own device – принеси свое собственное устройство). Педагоги разработали специальные дидактические игры, где дети взаимодействовали с дополненной реальностью. Диагностические исследования показали, что до применения AR-технологии в обучении был низкий уровень у 19% школьников, средний – у 60%, высокий – у 21% учащихся. После применения AR-технологии низкий уровень отмечался у 8% детей, средний – у 45% и высокий у 47%. Значительно вырос уровень мотивации у детей, а также исследователи отметили снижение эмоционального выгорания у педагогов, которые участвовали в разработке дидактических игр [3].

Активно используются технологии дополненной реальности в ГБОУ СОШ №17 в городе Санкт-Петербурге, о чем пишут в своей статье директор Т. В. Корниенко и заместитель директора А. А. Потапов [5]. Учителя используют QR-коды при работе с детьми: для создания банка электронных предметных ресурсов, для работы в группах, викторин, для онлайн-опросов т.д. Ученики имеют доступ к вопросам, отвечают на своих или школьных электронных устройствах, а учителя имеют возможность мгновенно отслеживать правильность ответов со своих компьютеров. Результаты можно выводить на интерактивной доске.

Также в данной школе активно используют QR-коды во внеурочное время. Например, их можно найти в школьной газете для ознакомления с дополнительными материалами. Часто проводятся квесты, где ученики выполняют различные задания, ищут разные подсказки для перехода на следующий этап. Цель этой деятельности - преобразовать традиционные школьные пространства в интерактивную «смарт-среду», что соответствует современным тенденциям развития образования в мире. Т. В. Корниенко и А. А. Потапов также отмечают высокий интерес у детей к обучению, усиление их мотивации к самостоятельной деятельности, повышение их самооценки и т.д.

Приложения дополненной реальности находятся на грани разрушения устоявшегося за многие поколения мира образования и в скором времени радикально изменят роль учителей и преподавателей по сравнению с тем, что они выполняли с незапамятных времен. Пока что есть небольшой интерес только благодаря стараниям педагогов-энтузиастов. Но быстрый переход невозможен без поддержки государства. Поэтому необходимо продвигать идеи инновационного образования, разрабатывать новые методики, писать новые учебники совместно с приложениями дополненной реальности.

Список литературы

1. Mehmet Kesima, Yasin Ozarslanb. Augmented reality in education: current technologies and the potential for education / Procedia // Social and Behavioral Sciences – 2012. P.297–302.
2. Гриншкун А.В. Об эффективности использования технологий дополненной реальности при обучении школьников информатике / А.В.Гриншкун // Трибуна молодых ученых. М., 2017. С. 98–103.
3. Жебровская О.О. Пивненко О.А. Особенности обучения школьников с использованием «Технологии дополненной реальности» / О.О. Жебровская, О.А. Пивненко //Ананьевские чтения – 2017: Преемственность в психологической науке: В.М. Бехтерев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов: материалы международной научной конференции, 24–26 октября 2017 г., СПб.: Айсинг, 2017. С.195–196.
4. Зильберман М.А. Использование дополненной реальности в образовании: из опыта работы / М.А. Зильберман // Рождественские чтения. Материалы XVIII Региональной науч.-метод. конф. по вопросам применения ИКТ в образовании. Пермь, 2015. С. 22–25.
5. Корниенко, Т.В., Потапов, А.А. Медиаобразование в школе с использованием технологии дополненной реальности / Т.В.Корниенко / Потапов А.А. // Вестник БелИРО. 2017. С.74-82. №2(4)
6. Обеспеченность школ компьютерной техникой [Электронный ресурс]. – URL: https://ioe.hse.ru/news/204222268.html (дата обращения 30.08.2020).
7. Официальный сайт Ассоциации дополненной и виртуальной реальности в России. URL: http://ar-vr.org/ (дата обращения: 30.08.2020).
8. Шапиро К.В. Личная информационно-коммуникационная среда (ЛИКС) педагога / К.В.Шапиро // Школа управления образовательным учреждением. СПб: ООО Издательство «Форум Медиа», 2015. С.12-13. № 5 (45).
1. Петрова О.Г. Дополненная реальность в образовании. URL: https://sites.google.com/site/ relarn2010/glavnaa-stranica/tezisy-relarn-2013/petrova-oksana-dopolennaa-realnost-v-obrazovanii (дата обращения: 30.08.2020).

УДК 314.1
Панченко Анастасия Сергеевна
аспирант, Институт экономики - обособленное подразделение ФГБУН ФИЦ "Карельский научный центр Российской академии наук" (ИЭ КарНЦ РАН), г. Петрозаводск, Россия

Использование идеологии Глобального бремени болезней (ГББ) как механизма планирования стратегии по улучшению медико-демографической ситуации в современной России[132]

Аннотация. *Демографическая ситуация в стране зависит от состояния здоровья ее граждан. Целью данной работы является изучение здоровья населения России и Израиля. Для достижения поставленной цели была использована методика проекта ГББ. Исходя из полученных результатов можно сказать, что предложенная методика может быть использована в качестве инструмента для планирования мероприятий по улучшению медико-демографической ситуации в стране.*
Ключевые слова: *здоровье, демография, глобальное бремя болезней, смертность, факторы риска*

Демографическая ситуация в стране является одним из главных составляющих роста уровня жизни населения, фактором национальной безопасности, необходимым условием экономического развития и характеризуется рядом показателей. Основные из них – рождаемость, смертность, заболеваемость и ожидаемая продолжительность жизни.

В настоящее время, когда во многих странах мира наблюдается падение уровня рождаемости, увеличение доли лиц пожилого возраста и сокращение общей численности людей трудоспособного возраста, особенно важными становятся вопросы сохранения здоровья населения.

Здоровье человека является комплексной категорией и имеет множество определений. В 1946 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определила здоровье как состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Научно доказано, что улучшение состояния здоровья людей оказывает непосредственное влияние на развитие экономики, повышение производительности труда. Поэтому забота об укреплении здоровья населения является одной из важнейших задач государства и общества в целом [1].

Само по себе здоровье является сложным составным показателем, а его состояние зависит от множества факторов, в том числе от эффективности программ, направленных на решение медико-демографических проблем.

[132] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект **№18-010-00029_а** «Возможность внедрения бенчмаркинга при разработке медико-демографической политики»

Последнее время для анализа состояния здоровья населения, факторов, влияющих на демографическую ситуацию, и функционирования системы здравоохранения в разных странах мира начинают внедрять, предложенную в 1993 году, методику оценки Глобального бремени болезней (ГББ). В основе идеологии ГББ лежит подсчет причин потерь здоровья с помощью показателя потерянных лет здоровой жизни DALY (Disability Adjusted Life Years). При расчете DALY учитываются годы жизни, утраченные вследствие преждевременной смертности YLL (Years Life Lost) и потерянные годы здоровой жизни по причине нетрудоспособности YLD (Years Lived with Disability). Расчет DALY в динамике количественно оценивает масштабы утраты здоровья населения из-за болезней, травм и факторов риска с учетом территориального разделения, половозрастных характеристик и моментов времени. Координатором исследований является Институт по измерению и оценке показателей состояния здоровья IHME (Institute for Health Metrics and Evaluation) Университета Вашингтона в Сиэтле, США [2].

Идеологию ГББ можно использовать, как систему бенчмаркинга - процесса непрерывной оценки и сопоставления территории с любым из лидеров с целью получения информации, которая поможет этой территории улучшить свои показатели. Бенчмаркинг является одним из инструментов управления, однако национальных системах здравоохранения развивается весьма медленно. Внедрение данного подхода может быть эффективно применено в российской практике для снижения потерь от основных причин смертности и заболеваемости [3].

В качестве примера рассмотрим состояние здоровья в России и Израиле, используя идеологию и данные проекта ГББ. Согласно представленным в последнем исследовании данным, основными причинами DALY в России в 2017 году стали сердечно-сосудистые заболевания (30,5%), новообразования (11,6%), непреднамеренные травмы (7,1%), заболевания органов пищеварения (5,6%) и психические расстройства (8,9%). Помимо распространения в России болезней системы кровообращения, значительная доля приходится на онкологические заболевания.

Израиль на протяжении долгого времени остается одним из мировых лидеров в лечении рака [4]. При этом, несмотря на то, что стране удалось достичь колоссальных успехов в решении данной проблемы, по данным IHME, онкологические заболевания продолжают оставаться ведущей причиной DALY в Израиле (15,1%). Однако общий показатель выздоровления по всем видам рака составил 64%. Также среди основных причин DALY в 2017 году оказались болезни, связанные с нарушением опорно-двигательного аппарата (12,4%), сердечно-сосудистые заболевания (10,4%), болезни нервной системы (8,9%) и психические расстройства (8,4%).

В таблице 1 представлены значения показателей DALY, YLL и YLD (на 100 тыс.) от онкологических заболеваний за период в четверть века в России и Израиле.

Таблица 1- Изменение показателей DALY, YLL и YLD (на 100 тыс.) от онкологических заболеваний с 1990 по 2017 г. в России и Израиле

Страна	DALY		YLL		YLD	
	1990	2017	1990	2017	1990	2017
Россия	4936,54	4871,24	4829,01	4694,83	107,53	176,41
Израиль	2952,47	2891,78	2865,85	2765,59	86,62	126,19

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что хотя развитие раковых заболеваний для Израиля является основной причиной потерь здоровья, достигнутые значения почти в два раза ниже российских. Существенный разрыв между странами указывает на эффективность политики Израиля и отставание России. Важно отметить, что вместе со снижением числа случаев YLL от онкологии, в каждой из стран возросло количество зафиксированных случаев заболевания данной болезнью. За указанный отрезок времени прирост числа случаев YLD в России составил 64%, в Израиле значение данного показателя увеличилось на 45,7% . Однако имеющийся рост может быть вызван не только увеличением распространенности онкологических заболеваний, но и развитием технологий ранней диагностики рака.

Одной из ключевых причин возрастания смертности от онкологических заболеваний в ряде регионов России является позднее обнаружение болезни. Научно доказано, что для более эффективного лечения онкологии, доля ее выявления на ранней стадии должна достигать 70%, что соответствует уровню большинства европейских стран. Кроме того, раннее выявление рака существенно сокращает и финансовые последствия, связанные с данным заболеванием.

За последнее десятилетие в Израиле произошел прорыв в сфере лечения рака. Большая заслуга в этом принадлежит возрастающему уровню качества его диагностики. Ученые разрабатывают новые методы диагностирования, совершенствуют те, которые существуют уже давно. Развиваются технологии, способные выявлять не только уже протекающий в организме раковый процесс, но и вероятность того, что он разовьется в ближайшем будущем. Кроме того, израильские медицинские организации тесно работают с населением, подробно рассказывая пациентам о признаках болезни и симптомах, при возникновении которых необходимо обращаться к врачу. Именно по этой причине пациенты из разных стран мира приезжают в Израиль. Ежегодно в Израиль на лечение отправляется около 30 тыс. больных раком [5].

Являясь одним из лидеров медицинского туризма, клиники Израиля отличаются высоким качеством оборудования, оснащенностью больниц и комфортными условиями пребывания для пациентов. Многие из специализирующихся на лечении раковых заболеваний клиники в стране добились мирового признания (Ихилов, Шиба, Ассута, Давидов, Рамбам и др.). Однако нельзя однозначно определить лучшую из них. У каждого центра есть свои сильные стороны.

Кроме выявления ведущих причин утраты здоровья целесообразно рассмотреть и факторы риска, которые во многом определяют медико-демографические процессы. Разработанная в конце 1960-х годов концепция факторов риска в настоящее время получила широкое применение. Основной особенностью факторов риска считают их многочисленность (условия жизни, социальное поведение, экологическую обстановку и т.д.), а также разную степень воздействия на состояние здоровья людей [6].

Наибольшее влияние на развитие онкологических заболеваний в России и Израиле оказывают риски, относящиеся к группе поведенческих. Однако существует огромная разница в значениях данных показателей между странами исследования, и она не в пользу России (Таблица 2).

Таблица 2. Вклад поведенческих факторов риска в показатель DALY от онкологических заболеваний (на 100 тыс.) в России и Израиле в 2017 г.

Страна	Поведенческие риски				
	Табакокурение	Употребление алкоголя	Неправильное питание	Употребление наркотиков	Низкая физическая активность
Россия	1341,04	463,75	383,98	41,43	29,14
Израиль	645,47	95,66	121,48	20,86	18,63

Так, по данным IHME, в 2017 году в России табак стал причиной 6343,23 случаев DALY (на 100 тыс.), из которых было зафиксировано 1341,04 случая DALY от онкологических заболеваний. Значение аналогичного показателя для Израиля составило 1897,70 случаев, из них 645,47 стали причиной потерь здоровья, вызванных развитием новообразований.

Курение наносит колоссальный вред здоровью человека. На протяжении долгого времени Россия удерживает лидирующие позиции по распространенности употребления табачных изделий. По официальным данным в 2018 году Россия заняла пятое место в рейтинге самых курящих стран мира. Согласно последним опубликованным данным Минздрава России, в 2017 году доля курильщиков из числа взрослого населения в России составила 29%. Существенно снизился процент курящих мужчин (до 45%), среди женщин статистика практически не изменилась (15%). По данным Министерства здравоохранения Израиля в 2018 году число лиц, употребляющих табачные изделия, снизилось до 20%. Однако положительная тенденция затронула лишь мужскую часть населения страны.

К настоящему времени накоплен огромный международный опыт борьбы с пагубной привычкой. Современная практика показала, что наиболее эффективной мерой в борьбе с табакокурением является увеличение цен на табачные изделия через рост акцизов. Цены на сигареты в странах исследования растут из года в год, увеличивается и налог на импорт табачной продукции. Однако, на текущий момент, средняя стоимость пачки сигарет в Израиле составляет около 420 руб., а стоимость акциза на нее находится в пределах 230 руб. В свою очередь, размер акциза на пачку сигарет в России

составляет около 40 руб., что является одним из самых низких значений в мире. Средняя стоимость пачки сигарет в нашей стране равна 110 руб. Повышение стоимости акцизов способно оказать положительное влияние не только на систему здравоохранения, но и увеличить доходы государства. Особенно, если принять во внимание то, что ежегодно экономические потери России от курения составляют около 3% от ВВП.

Отказавшись от курения, чрезмерного употребления алкоголя, вредной пищи и снизив избыточный вес, можно снизить риск возникновения злокачественных новообразований. Естественно, сложно контролировать такие характеристики, как возраст, пол и наследственность, являющиеся также важными составляющими профилактики возникновения заболеваний.

Исходя из опыта Израиля, при разработке мер по снижению уровня заболеваемости и смертности от онкологических заболеваний в нашей стране особое внимание требуется уделить профилактике и методам раннего диагностирования болезни. Разумеется, не следует забывать о развитии технологий и способов лечения рака. Однако хорошо известно, что предотвратить болезнь гораздо проще, а зачастую и дешевле, чем пытаться ее вылечить.

Таким образом, предложенный метод анализа на основе оценок, полученных с использованием идеологии ГББ, дает сравнительную характеристику стран в области охраны здоровья населения, что в свою очередь предоставляет возможность разработать комплекс мер по повышению качества мероприятий, проводимых в том или ином направлении, на основе опыта лидирующей страны. Методика ГББ позволяет сопоставить между собой индикаторы состояния здоровья и описывающие демографические процессы в России и других странах мира. Такой подход позволяет получить количественные оценки влияния факторов риска на заболеваемость и смертность. Результаты расчетов могут быть использованы при разработке программ и формировании конкретных мер и новых моделей по повышению состояния здоровья населения и выходу из демографического кризиса.

Список литературы

1. Рыбалкина Д.Х. Обзор современных эпидемиологических аспектов по онкопатологии / Рыбалкина Д.Х., Дюсембаева Н.К., Шпаков А.Е. и др. //Гигиена труда и медицинская экология.2015.Т. 4.№ 49.С. 31–48.

2. Ермаков С.П. Оценка индикаторов здоровья населения России и Финляндии / Ермаков С.П., Молчанова Е.В., Терехин П.А., Новгородова А.В. // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 1. С. 86–107.

3. Молчанова Е.В Принципы страхования и оханы здоровья в России и Финляндии Молчанова Е.В., Панченко А.С. // Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов : материалы VI международной научно-практической конференции 26-28 сентября 2019 г.- Петрозаводск. 2019. С. 201-205.

4. Clarfield A.M. Health and Health Care in Israel: An Introduction. / Clarfield A.M., Manor O., Bin Nun G. at al. // The Lancet. 2017.Vol. 389.Iss. 10088.PP. 2503–2513.
5. Панченко А.С. Оценка качества здоровья населения Российской Федерации и Израиля: основные проблемы и пути решения // Экономический анализ: теория и практика. 2020.Т.19. Вып. 4. С. 618-632.
6. Бойцов С.А. Смертность и факторы риска развития неинфекционных заболеваний в России: особенности, динамика, прогноз / Бойцов С.А., Деев А.Д., Шальнова С.А. //Терапевтический архив. 2017. № 1. С. 5–13.

УДК 314.04
Ракачева Александра Вадимовна
студентка Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия

Характер и тенденции демографических изменений в составе этносов и этнических групп Кубани (материалы к энциклопедическому изданию «Народы и культуры Кубани»)

Аннотация. *Национальный состав, будучи важной составляющей региональной идентичности, является при этом частью политического дискурса. Динамика и характер изменений национального состава региона, отраженные в статистических данных, могут предоставить нам необходимые инструменты для понимания того, как события в мире отразились на ситуации в регионе, и как наоборот, события в регионе повлияли на его связь с внешним миром. Национальный состав Краснодарского края, измененный в ходе различных внутри- и внешнеполитичеких ситуаций, через анализ переписей 1989-2010 гг. позволяет нам увидеть основные крупные изменения, произошедшие в регионе после распада Советского Союза и позднее в 2000е.*
Ключевые слова: *миграция, демографические изменения, межнациональные отношения, постсоветсткое пространство.*

На протяжении многих столетий Кубань была местом совместного проживания разнообразных этнических групп. Социальные и политические изменения, происходившие в регионе, всегда отражались на составе и характере населения. Демографические изменения, происходившие и происходящие на Кубани, лучше всего отражены в данных переписей. Мы использовали их для определения и описания изменений в национальном составе региона в 1990-2010-е гг. Сам по себе этнический состав Кубани за столетия существования региона и изменялся самостоятельно - за счет естественного прироста и убыли; и был изменяем под воздействием внешних факторов: - колонизации, мухаджирства, войн и голода

Тот этнический состав региона, который знаком нам по учебникам и данным переписей, начинает складываться только в XVIII–XIX в. - прежде здесь проживали преимущественно адыги. Данные начала XIX в. выделяют 13 ключевых адыгских племен, составлявших коренное население региона. Эти племена не были так уж малочисленны: так, численность одного из адыгских племен - шапсугов - по данным исследовавших Кавказ Ф.Ф. Торнау и К.Ф. Сталя составляла в 1830–1840-х гг. 150 и 160 тыс. чел. мужского пола.

Кавказская война и ее последствия сильно сократили численность адыгов: как за счет военных потерь, так и за счет мухаджирства - массовой миграции адыгов в Турцию после присоединения Кавказа, так и за счет вынужденного переселения оставшихся горцев на равнинные территории Прикубанья.

Плановое заселение региона русскими и украинцами, которые в настоящее время являются доминирующими по численности группами в этническом составе населения Кубани, началось только в конце XVIII в. и продлилось вплоть до начала XX в. На XVII и XIX в. выпало и появление в регионе прочих значимых этнических групп - армян, греков, позже - немцев. В XIX веке также начинает складываться субэтнос «кубанское казачество».

В нашем исследовании в фокусе находятся изменения этнического состава населения региона в период 1989-2010 гг., которые мы исследуем на основе данных переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. соответственно.

Формируя наглядный материал, нами было принято решение разделить этнические группы на кластеры: население от 10.000 чел и население менее 10.000 чел., а также выделить русских в отдельную группу с целью облегчения восприятия графиков.

Говоря о самых крупных народностях, проживающих в крае, необходимо указать, что подавляющее большинство жителей Кубани идентифицируют себя как русские.

Русские - одна из групп, где наблюдается стабильный прирост населения. Это происходит за счет рождаемости, а также за счет бывшего актуальным в 1990-х - 2000-х гг. миграционного коридора «Север-Юг».

Помимо русских одними из самых многочисленных народностей, проживавших в крае в указанный период, были также армяне, украинцы и белорусы.

Количество армян постепенно возрастает с 1989 года: это можно объяснить массовыми миграциями из Армении в Россию после распада Советского Союза[3]. ЮФО представляет собой крайне привлекательную зону для миграции. Так, Ж.А. Зайончковская отмечает важную роль географического положения областей запада России: «Самыми притягательными являются области юго-западного пограничья России, выдвинутые к западу, превратившиеся после распада СССР из «глубинки» в форпостную зону страны. Не случайно именно этот пояс отличается более высоким уровнем развития частного сектора, а значит, лучшими возможностями для заработков, проявления личной инициативы, предпринимательства. Все это привлекает мигрантов». [4]

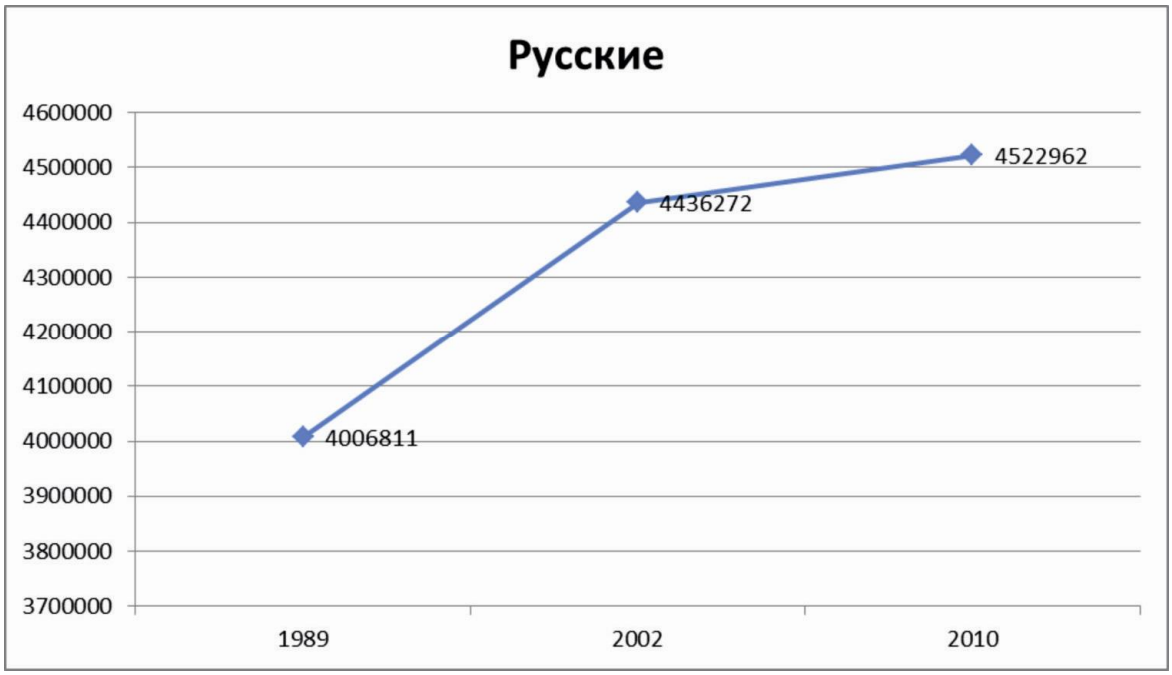

Рис. 1. Динамика изменения численности русских в 1989-2010-х гг по данным всеобщих переписей населения [1]

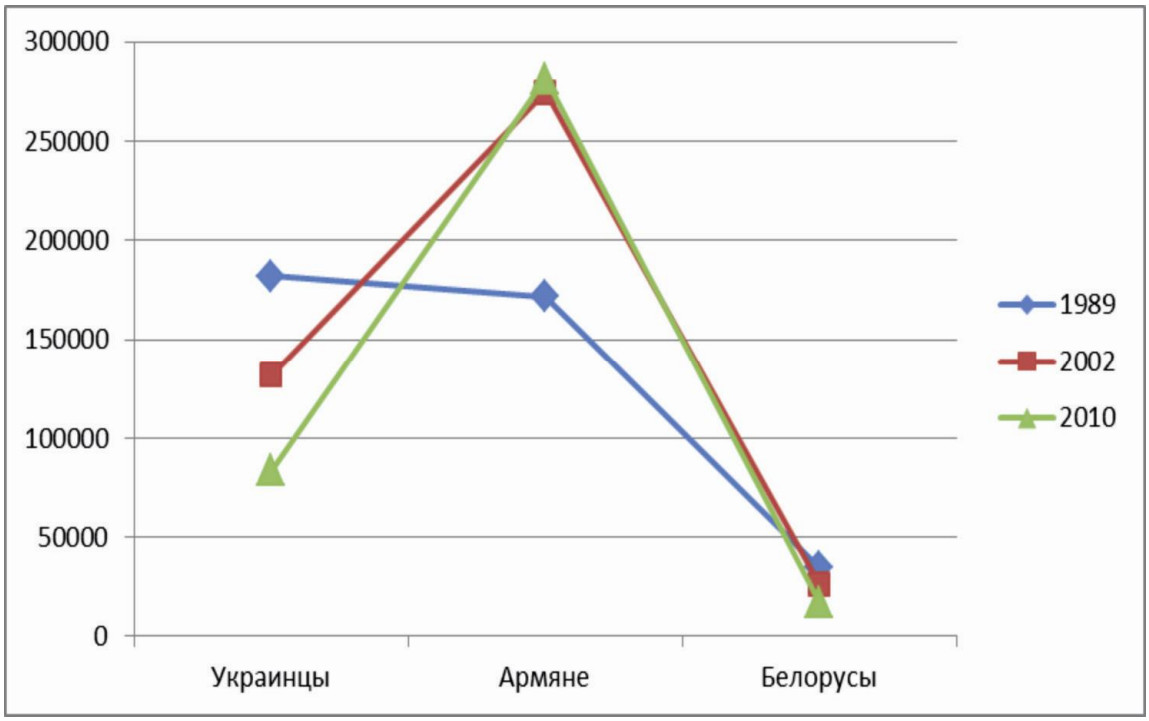

Рис. 2. Динамика изменений численности украинцев, армян и белорусов 1989-2020 гг [2]

Среди народностей, составлявших большую часть населения края, есть те, чье количество пошло на убыл после распада Советского Союза и массовой миграции «на историческую родину»/по программам воссоединения семей. К таким народам относятся греки, немцы, украинцы и белорусы.

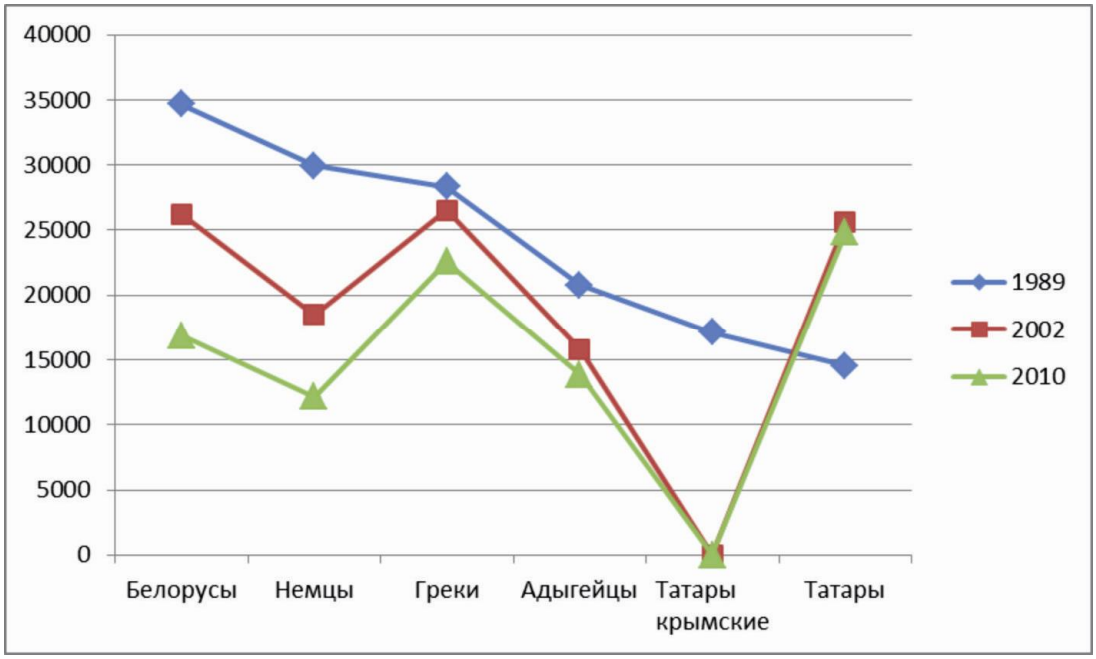

Рис.3. Динамика изменений численности белорусов, немцев и др. народностей в 1989-2010 гг. [5]

Украинцы являлись второй по величине этнической группой на Кубани в 1989 году, однако данные переписей и 2002, и 2010 годов показывают, что их число идет на убыль. При том, что Украина, наряду с Белоруссией, имеет, но мнению ряда ученых, «нормальный» миграционный обмен с Россией, убыль украинцев и белорусов очевидна и имеет примерно одинаковую динамику (см. график). При этом, традиционно считается что миграционный обмен между Россией и Белоруссией и Украиной осуществляется со значимым перевесом в сторону миграции из этих стран в Россию [6]. Вероятно, такие данные могут объясняться оттоком белорусов и украинцев из периферийных регионов России в «свои» национальные государства при общем стремлении жителей этих государств мигрировать в центральные районы России.

Из вышеупомянутых четырех этнических групп сильнее всего сократилось число немцев – как в период 1989-2002 (на 38% от числа), так и в период 2002 – 2010 (на 34% от общего числа). То есть программы по «возвращению на историческую родину» работают для них как миграционный коридор: при этом немцы заселились на Кубань относительно недавно - в XIX в., в рамках колонизационной политики Российской империи, и, возможно, чаще рассматривают возможность эмиграции. Наименее интенсивно происходит миграция греков - это, во-первых, может быть связано с давней историей проживания греков на Кубани - так, Француз Ферран, посетивший этот регион в 1709 г., писал: «Кроме природных жителей, в Черкесии живут еще четыре народа: татары, греки и армяне, заезжие по делам торговли, и евреи, здесь поселившиеся...» [7].

Интересно и появление казацкой идентичности на постсоветстком пространстве. Так, в переписи 2002 года - в период самоопределения в постсоветский период появляются «казаки» численностью 17542 чел.,

однако их число сокращается к 2010м на 70%. Самоопределение, значимое для 1990-х - начала 2000-х, начало терять позиции к 2010-м.

Что касается адыгов, исконно населявших эту территорию, то их доля сокращается, но сокращается не так интенсивно: переписи 2002, а следом и 2010 годов фиксируют сокращение их числа на 24% и на 12,56% соответственно.

Прирост же татар отчасти сопряжен с изменениями в переписи. Так, вместе с резким возрастанием количества татар существенно сократилась доля крымских татар в населении края. Можно предположить, что массовая миграция в Крым после распада Советского Союза спровоцировала убыль крымских татар, однако, есть вероятность что доля их, оставшись, просто идентифицировалась как «татары».

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2002 г. В 14 томах. Том 4. [Электронный ресурс] // М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17 (дата обращения: 25.07.2020); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс] // Рабочий архив Госкомстата России. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 25.07.2020); Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 25.07.2020)
2. Там же.
3. Шаповалов С.Н. Некоторые аспекты армянской миграции в Краснодарский край // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-armyanskoy-migratsii-v-krasnodarskiy-kray (дата обращения: 16.09.2020).
4. Зайончковская Ж. А. россия: миграция в разном масштабе времени. М., 1999. С. 46.
5. Всероссийская перепись населения 2002 г.; Всесоюзная перепись населения 1989 года.; Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года.
6. Рыбаковский Л. Л. Пространственные перемещения населения в России и постсоветских государствах // Мониторинг. 2009. №1 (89). С. 186 – 198.; Королева Марианна Игоревна Особенности миграционных процессов приграничных территорий РФ с Украиной и Белоруссией // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2008. №4. С. 148 – 159.
7. Колесов В., Сень Д. Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспоры. 2000. № 3. С. 198–199.

УДК 911
Романова Елена Викторовна
студентка 4 курса, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Этническая мозаика многонационального Оренбуржья: современная ретроспектива

Аннотация. *В статье рассматривается история формирования и современное состояние этнического состава населения Оренбургской области. Данная статья позволит сформировать представление о поэтапном развитии и формировании этнографической ситуации в Оренбургской области.*
Ключевые слова: *этническая мозаика, Оренбургская область, этнические группы, этапы формирования.*

Этническая мозаика Оренбургской области складывалась достаточно долгое время под влиянием разнообразных факторов. Основным из них является географическое положение, а так же культура, цивилизация и общая этнокультурная история Российского государства. История этнокультурного развития Оренбуржья – это история миграций и колонизации, сопровождавшаяся адаптацией в ландшафте и межкультурным взаимодействием. На данный момент миграции продолжают так же играть значительную роль, но мигранты не являются основными носителями культурных инноваций, как это было раньше [1].

Развитие региона происходило в результате колонизации на стыке культур (кочевой и оседлой; исламской и христианской), ландшафтов (лесных, лесостепных, степных и полупустынных; пойменных, водораздельных, равнинных и низкогорных в пределах Русской равнины, Уральской складчатой страны и возвышенных равнин Зауралья) на протяжении довольно длительного периода [2].

Для этнических культур было неизбежно взаимовлияние, а так же межкультурные заимствования. Переселенцы сохраняли свою культуру, но при этом принимали особенности региона и области на которой находились. Региональная культура, сложившаяся на основе этнокультурной мозаики при доминирующей роли русской культуры, система ценностей, образ жизни имеют много общего и позволяют считать регион единым целым. Оренбуржцы – это особый этнокультурный конгломерат, образующий своеобразную региональную культуру, основным звеном которой является региональная идентичность [3].

Формирование этнической мозаики региона можно разделить на этапы:

1. Ранний этап (до IX-X вв.). Этносы в этот период сменяли друг друга в результате переселения с востока на запад и до настоящего времени

не сохранились. Они вели полукочевой образ жизни, занимались охотой и скотоводством, вели торговлю с соседями

2. Номадный этап (IX-В. – 30-е годы XVIII в.). На данном этапе происходит господство кочевых народов, которое сопровождается полным или частичным замещением оседлых культур в результате поглощения, ассимиляции, уничтожения, изгнания культурой народов – номадов. До настоящего времени в регионе проживают потомки башкир и киргиз-кайсаков (казахов).

К моменту российской колонизации региона к югу от Яика кочевали киргиз-кайсаки (казахи), севернее находились места, где кочевали башкиры. К востоку от Волги и к югу от Самары кочевали калмыки, позже переселившиеся в низовья Волги.

Так же здесь проживали и оседлые народы: татары, мещеряки, мордва, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), чуваши и др. Первыми поселенцами были беглые крестьяне, преследуемые правительством раскольники, гонимые за веру сектанты и др. В долинах рек проживали казаки.

3. Этап массовой колонизации (30-е годы XVIII в. – начало I мировой войны). Это важнейший период в развитии современного этнокультурного пространства региона. В результате своей деятельности Оренбургская экспедиция (1734-1744 гг.) положила начало широкому заселению огромных территорий.

В конце XVIII в. согласно ревизии 1795 года в Оренбургской губернии в границах того времени проживало около 500 тыс. чел. (без учета казахского населения, которое составляло примерно 80-100 тыс. человек). Насчитывалось порядка 100 тыс. башкир. Пришлое русское население стало преобладать над башкирами. Проживали здесь татары, мордва, чуваши, марийцы, удмурты и калмыки. 36% населения составляли казаки. Прибывающее нерусское население селилось частично в русских деревнях (чуваши и мордва), частично изолированно (большая часть татар). Оренбуржье стало многонациональным [4].

В этот период в основном сложилась современная география таких крупнейших этнических групп: русских, татар, мордвы, чувашей, казахов, башкир, немцев и др. В регионе селились люди разных вероисповеданий - православные, мусульмане, лютеране, сюда привозили ссыльных староверов, поляков-католиков. Образовалась иудейская община. С началом реформы 1861 года освоение и заселение территории пошло более быстрыми темпами.

4. Этап, который можно условно назвать советским (большая часть XX в.). Этот этап характеризуется усложнением этнокультурного пространства, усилением взаимодействия этносов, в том числе под влиянием административного фактора, регламентирующего межэтническое взаимодействие. В начале XX в. в регионе активный миграционный обмен был связан со Столыпинской реформой, мировой войной, революцией и Гражданской войной, голодом 1921-1922 годов. Миграции носили и возвратный характер, поэтому серьезных изменений в этническом составе не произошло, за исключением роста доли украинцев.

В годы II мировой войны сюда переселялись люди из западных регионов СССР, в том числе вместе с эвакуированными предприятиями. В период освоения целины население пополнили ряды добровольческой комсомольской молодежи. Произошли изменения и в связи с индустриализацией региона, в том числе с развитием газового комплекса.

В 1989 году в области проживали представители более восьмидесяти национальностей. В этот период завершилось формирование этнокультурного пространства региона.

5. Современный этап, начавшийся в конце 80-х – начале 90-х годов XX в., характеризуется новой волной переселений, появлением государственной границы и ослаблением традиционных связей между Россией и Казахстаном. Он привел к изменению этнического состава населения в результате массовой эмиграции немцев и евреев и иммиграции в Оренбуржье русскоязычного населения из бывших союзных республик, а также представителей центрально-азиатских и кавказских этносов, привнесших новые этнокультурные характеристики. В крупных урбанизированных центрах, в некоторых районах сельской местности реальностью стала сегментизация экономики по этническому признаку. К примеру, прибывшие армяне заняты или владеют предприятиями сферы услуг, корейцы трудятся в сельском хозяйстве, таджики и узбеки – в строительстве.

С конца 90-х и в настоящее время отчетливо проявляется и нарастает новая тенденция трансформации региональной системы расселения, типичная для многих регионов Российской Федерации, но в тоже время с заметной местной спецификой. В течение последних 12-14-ти лет в динамике расселения явственно прослеживается усиление центростремительного вектора. Значительная часть населения области «сдвигается» в центр, где в зоне влияния Оренбургской агломерации интенсивно уплотняется и укрупняется основной массив расселения. Происходит сужение региональной «ойкумены», и переход к ее сжатию диагностирует эволюционную смену тренда в системе расселения – от полицентрической к центрально-периферийной. В региональной тенденции расселения, где исключительным ареалом притяжения населения является город Оренбург и Оренбургский район, прослеживается определенное сходство сюжетной линии расселения в российском измерении с Москвой и Московской областью.

Современная этническая мозаика Оренбургской области представляет собой сложный конгломерат народов. Согласно переписи населения на 2010 года в области проживают представители 126 национальностей (из них 26 – малочисленные с населением 1-3 человека). В 2002 году - 119. Крупнейшие из них – русские, татары, казахи, украинцы, башкиры, мордва, чуваши, немцы, белорусы составили 97,7% от населения, указавшего национальную принадлежность (в 2002 году – 97,8%), или 96,8% от всего населения [5].

Совместно с центростремительными тенденциями в расселении свойственными большинству регионам Российской Федерации, нюансировка

элементов в пространственно-временной динамике размещения населения Оренбургской области определяет некоторые отличительные черты:

– наименьшая интенсивность заполнения новыми жителями города Оренбурга в отличие от таких региональных центров как Краснодар, Красноярск, Екатеринбург, Новосибирск, Воронеж, Тюмень, Махачкала (Москва и Санкт-Петербург вне конкуренции)

– существование разных пропорций в приросте городского и сельского населения в Оренбурге и Оренбургском районе. За период 2003-2013 годы численность горожан увеличилась на 8%, а численность сельских жителей за этот период – на 21%.

– более быстротечные темпы сокращения населения вне Оренбургской области, чем темпы прироста населения в городе Оренбурге и Оренбургском сельском районе [6].

Несмотря на определенный ресурс сельского населения (40% жителей), особенности конфигурации области, и прежде всего, менее влиятельный агломерационный эффект города Оренбурга, ориентирует миграционные установки населения западных и восточных окраин Оренбуржья на региональные столицы соседних регионов. Опережающий рост сельского населения в Оренбургском районе, особенно в пригородной зоне, связан с менее дорогостоящими условиями приобретения и аренды жилья, и в тоже время, с наличием определенных возможностей трудоустройства в областном центре.

Список литературы

1. Герасименко Т.И. Этнокультурная география Оренбургской области: учебное пособие / Т.И. Герасименко, И.Ю. Филимонова. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2009. – 92 с.
2. Герасименко Т. И. Этнографический атлас Оренбургской области / Т.И. Герасименко, Н. Ю. Святоха, И. Ю. Филимонова. – Казань : ПИК «ИДЕЛ-ПРЕСС», 2017. – 80 с.
3. Семенов Е.А. Экономическая и социальная география Оренбургской области: учебное пособие / Е.А. Семенов, Т.А. Герасименко, Р.Ш. Ахметов. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2011. – 136 с.
4. Orenpriroda.ru [Электронный ресурс]. URL: http://orenpriroda.ru/steppene/our_materials/очерки-экономическойгеографии-оренбургского-края-том-i/677-1-3-демографическийпотенциал-оренбургской-области
5. Стратегия развития Оренбургской области до 2030г. [Электронный ресурс] URL: http://www.orb.ru
6. Численность населения по городам, внутригородским и административным районам Оренбургской области на 1.01.2014. [Электронный ресурс] URL: http://orenstat.gks.ru

УДК 81.246
Садыкова Регина Римовна
аспирантка, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия
Научный руководитель:
Шаяхметова Римма Рафаэлевна
доцент кафедры социологии и работы с молодежью ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия

Теоретические аспекты языка, билингвизма, многоязычия

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические подходы к понятиям «язык», «билингвизм», «многоязычие». Раскрываются основные компоненты многоязычия. Автор выделяет основные типы идентичности, этнической идентичности. Выделяются функции языка. Определяются актуальные направления изучения языка и общества в современных условиях.*
Ключевые слова: *язык, билингвизм, многоязычие, идентичность, этническая идентичность, функции языка, диглоссия*

В современном обществе наблюдаются такие социальные явления как билингвизм, диглоссия, многоязычие. Билингвизм - это взаимодействие двух языков, сосуществующих равно функционально и взаимно дополняющих друг друга в социокультурном пространстве, а диглоссия – это взаимодействие двух сосуществующих разновидностей одного и того же языка или двух языков с разным - высоким и низким - статусом. До У.Вайнрайха двуязычие обозначалось как «взаимодействие», «смешение языков», и было предметом научного интереса таких видных русских лингвистов, как И.А.Бодуэна де Куртенэ, В.А.Богородицкого, Е.Д.Поливанова, Л.В.Щербы, Б.А.Ларина.

По способу классификации социально-лингвистических параметров коммуникации билингвизм может быть координативным, смешанным, субординативным [2, с.137].

Многоязычие по Ф. Грожану - это использование индивидом двух и более языков в повседневной жизни [1, с.54]. Вахтин Н.Б. определял многоязычие как «мощный ресурс, позволяющий людям более эффективно взаимодействовать» [3, с.41].

Существует два основных подхода к определению понятия «многоязычие»:

1) полноценное владение языком или языками на уровне, близком к родному языку;

2) знание только «базового минимума», достаточного лишь для ограниченного числа коммуникационных ситуаций [10, с.136].

Многоязычие включает два компонента:

- механизм обеспечения доступа к достижениям мировой цивилизации;

- использование английского языка или другого, способного выдержать с ним конкуренцию [10, с.137].

Процессы интеграции и глобализации усиливают борьбу этногрупп за свои права в многоязычной социальной среде. Многоязычие – социокультурное пространство, где сосуществуют представители разных культур и этносов. Главный показатель этнической идентичности - язык этнической группы. Судя по родному языку индивидуума, мы определяем его национальность. Использование родного языка является основным условием сохранения этнокультурной идентичности.

Этносоциолог М.В. Савва выделяет два важнейших субъективных элемента этнического статуса: внутреннюю сплоченность группы и степень сохранности ее этнической культуры, в частности языка [11, с.22].

В научной литературе выделяют 5 типов идентичностей:

1) социальная – это сложная система, которая отражает принадлежность человека к определенной социальной группе;

2) культурная, состоит в осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и моделей поведения, ценностных и языковых ориентаций, понимании своего «Я» такими культурными характеристиками, которые считаются в этом обществе как норма;

3) этническая (переживание взаимоотношений своего «Я» и этнической среды, то есть идентичности с определенной этнической общиной и признания отделения от других;

4) профессиональная, т.е. принятие личностью, имеющихся профессиональных ценностных ориентаций в конкретном профессиональном пространстве.

5) глобальная (глокальная) идентичность [7, с.211].

Наиболее динамичную концепцию связи между языком и этнической идентичностью представляет собой теория этнолингвистической идентичности Г. Джайлза и П. Джонсона.

В 1951 году вышла работа П.И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы», в которой он рассматривает этническую общность и ее признаки (язык и материальная культура). Психологический фактор для определения этнической принадлежности имеет решающее значение, т.к. лежит в основе так называемого национального сознания» [8, с.65].

По словам Дж.А. Фишмана «сохранение подлинной этнической идентичности кажется невозможным без традиционно связанного с нею языка» [14, с.14]. Д.Л. Горович считает, что «этничность является мощной объединяющей силой как в виду «высокой ценности» сходства, так и потому, что кровнородственные (или, мнимые кровнородственные) истоки и ранняя социализация являются потенциальными источниками сходства или во всяком случае его символами, проявляющимися во внешности, традициях, поступках, языке, одежде, вкусах и привычках». Все это поддерживается идеологией общего происхождения, придающей эмоциональную значимость реальным и фиктивным родственным связям [5, с.51].

Л.М. Дробижева выделяет главные компоненты этнической идентичности: осознание принадлежности к своему народу, осознание интересов своего народа, представление о культуре, языке и территории [6, с.17].

Язык - это основа этнической культуры. Д.В. Телегин описал модель языковой общности на основе социокультурной идентичности [13, с.137]. Язык выполняет в обществе несколько социальных функций:

- коммуникативную,
- познавательную,
- этнокультурную (объединение представителей определенной этнической группы как носителей какого-нибудь одного родного языка),
- идентифицирующую [12].

Социологический аспект функционирования языка предполагает наличие двух уровней:

- внешнего, как использования языка в окружении других языков;
- внутреннего, в виде социального и демографического расслоения в пределах одного языка [9, с.137].

Вахтин Н.Б. выделил 4 направления изучения языка и общества:

- первое направление - языковые структуры определяют общественные структуры. Сознание человека определяется языком, на котором человек говорит с детства, и общественными отношениями, которые определяются общественным сознанием [4].
- второе направление - социальная структура определяет язык. Язык подвержен изменениям под влиянием общества.
- третье направление - признает существование корреляции между языковыми и социальными факторами. Лингвистические и социальные факторы влияют друг на друга и определяют друг друга. Здесь можно выделить два разных подхода: позитивистский (констатация фактов взаимозависимости) и диалектический (наличие взаимной причинной связи).
- четвертое направление – языковые и социальные структуры определяются более глубокими факторами. Эти глубокие факторы могут варьироваться. Например, для Деллы Хаймс культура является таким глубоким фактором. По его словам, культура определяет как языковые, так и социальные явления. Для философа Греймаса это набор абстрактных структур сознания. Для Наума Хомски и Дерека Бикертона это врожденные биологические модели, с которыми рождается каждый человек. По мнению этих ученых, факторы, которые не зависят от языка или общества, определяют как общество, так и язык.

Сейчас активно изучается отношение между языком и обществом, влияние общества на язык.

Список литературы

1. Grosjean F. Bilingual: Life and reality. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 276 p.

2. Белл Р. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. . 137,161.

3. Вахтин Н. Б., Головко Е. В. Социолингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: «Гуманитарная Академия», 2004. С. 41.

4. Вахтин Н.Б. Социальные аспекты исследования языка. URL:https://smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-28-13-47-51/43-2010-08-30-12-19-02/678-2011-01-02-18-46-06?format=pdf (дата обращения 17.03.2020)

5. Горовиц Д.Л. Структура и стратегия этнического конфликта (продолжение публикации) // Власть.- 2007, №4. –С.51.

6. Дробижева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М.: 1994. С. 16-47.

7. Дугин А.Г. Этносоциология. - М.: Академический проект, 2011. 634 с.

8. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы: монография / П.И. Кушнер. М.: АН СССР, 1951. 285 с.

9. Могилевич Б. Р., Калинкин А. А. Многоязычие как социокультурный феномен // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 136-138.

10. Могилевич Б.Р., Калинкин А. А. Многоязычие как социокультурный феномен // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 136-138.

11. Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена) / М.В. Савва. – Краснодар : КубГУ, 1997. С.28.

12. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. М.:Восток-Запад,2006. URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/LingFak1.htm (дата обращения 03.01.2020)

13. Телегин Д.В. Социокультурная идентичность и модель языковой общности / Д.В.Телегин // Преподаватель XXI век. 2008. № 3. С. 86– 93.

14. Фишман Дж. А. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (49). С.133.

УДК 911.375
Синицын Никита Александрович
аспирант кафедры Экономической и социальной географии России, МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Разнообразие вкусов и интересов пользователей по открытым данным социальной сети «ВКонтакте» на примере городов Вологодской области

Аннотация. *Работа подражает исследованиям П. Бурдье о важности человеческого капитала. Индикатор вкусов и интересов человека – набор его сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Используя кластерный анализ графа, выделены группы пользователей, склонных подписываться на ограниченный набор сообществ, всего 11 кластеров. По основным городам Вологодской области рассчитано разнообразие кластеров. Показана связь разнообразия с людностью города и структурой его экономики.*

Ключевые слова: *социальная сеть «ВКонтакте», кластерный анализ графа, типология пользователей, энтропия Шеннона, города Вологодской области*

Гипотеза исследования: должна существовать связь между разнообразием групп горожан со схожими вкусами и интересами с социально-экономическими характеристиками города.

Рабочий полигон – города Вологодской области с населением от 10 тыс. чел. (взято с запасом относительно официального критерия в 12 тыс. чел.).

В качестве индикатора вкусов и интересов использовались данные о подписках пользователей социальной сети «ВКонтакте» на сообщества. Они посвящены очень широком спектру тем и охватывают довольно существенную часть личной жизни человека и общественную повестку в целом.

Выгружались данные только пользователей старше 15 лет (регистрация в сети с 14 лет) и младше 70 лет (у пожилых поколений мало пользователей).

Сбор данных выполнен через API (интерфейс машинного доступа) «ВКонтакте». Информация и подписках пользователей на сообщества является открытой.

На первом этапе были собраны списки пользователей по городам области, всего 616 тыс. страниц, попутно собиралась личная информация – год рождения, время последнего посещения, число подписчиков, статус. Она понадобилась на втором этапе, когда выполнялась фильтрация фейковых пользователей. Это те персональные страницы, которые используются людьми не для личных целей – маркетинг, политика и т.д. Во-первых, фейки создаются под отдельный проект и потом часто забрасываются, большая часть их давно не была активной. Такие «спящие» фейки фильтруются по критерию последней активности – не далее 2 недель назад с момента выгрузки. Во-вторых, фейков нередко используют для поднятия рейтинга в поисковой выдаче «ВКонтакте» -

чем больше у пользователя подписчиков, тем выше его рейтинг. Следовательно, их можно фильтровать по чересчур большому числу подписчиков. В-третьих, фейки используют статусы для продажи товаров и услуг – там они размещают рекламу и объявления. Составив словарь с характерными словами («руб», «услуг», «тел» и др.) легко отфильтровать пользователей, у которых есть подобные слова в статусе. Третий этап сбора данных – выгрузка списка сообществ, на которые подписан нефейковый пользователь. Нельзя получить списки сообществ всех пользователей, у некоторых закрыты страницы. Трансформация половозрастной пирамиды в процессе выгрузки данных показана на рис. 1. В таблице 1 можно проследить соотношение между числом пользователей на разных этапах сбора данных и общим числом жителей Вологодской области в возрасте от 15 до 70 лет.

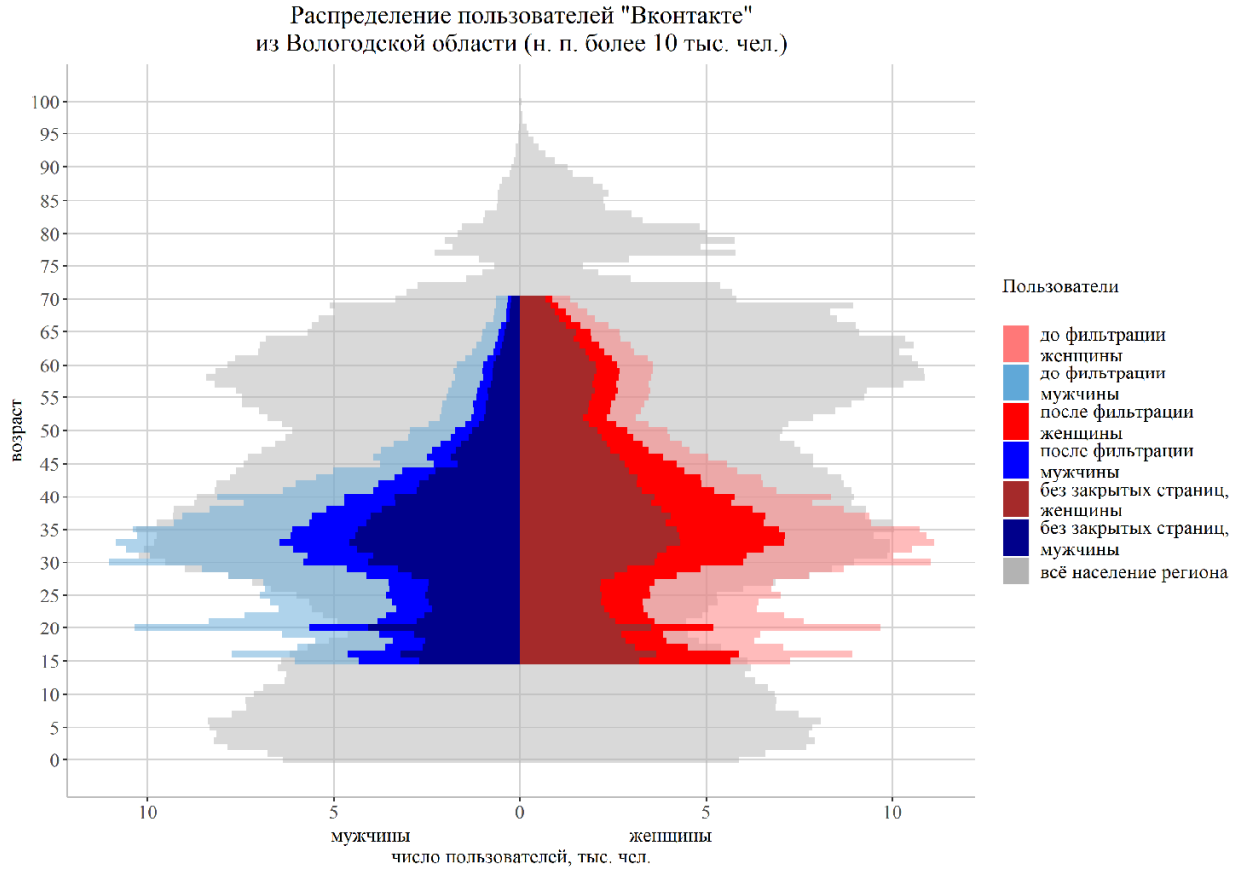

Рис. 1. Изменение половозрастной пирамиды пользователей при выгрузке данных

Таблица 1- Изменение численности пользователей на разных этапах сбора данных

Этап сбора данных	Число пользователей, тыс. чел.	Доля от горожан Вологодской области в возрасте 15-70 лет, %
Составление списков пользователей по городам	616	72 %
Фильтрация фейков	381	44 %
Выгрузка подписок	277	32 %

После выгрузки списков сообществ пользователей у нас появляется возможность представить граф в табличной форме. Таблица состоит из 2 столбцов, каждая строка – ребро графа. Левый столбец – пользователь, правый – сообщество.

В основе методики лежит кластеризация графа с использованием силового алгоритма укладки OpenOrd (Martin et al., 2011). Сильно упрощая, его работу можно описать следующим образом. Допустим, на бильярдный стол укладываются металлические шары в случайном порядке. Их положение жёстко фиксируется. Всем шарам сообщается одинаковый электрический заряд. Каждый шар представляет отдельную вершину графа – пользователь или сообщество. Далее, если пользователь подписан на сообщество, между соответствующими шарами натягивается металлическая пружина. После этого все шары отпускают и система приходит в движение. Эволюция завершается, когда она придёт в состояние равновесия. Пружины будут стягивать пользователей и сообщества в отдельные скопления. Когда нет пружин, то шары станут отталкиваться за счёт электростатических сил дополнительно способствуя агломерации.

Сгущения шаров пользователей и сообществ являются группами со схожими вкусами и интересами – пользователи будут иметь больше связей с сообществами, принадлежащими сгущению, чем с теми, которые находятся вне его.

Укладка графа только расставляет определённым образом точки в двухмерном пространстве. Необходимо выделить отдельные кластеры в тех местах, где есть сгущения точек. Эту работу делает алгоритм иерархической кластеризации, предварительно удаляются шумовые точки с помощью алгоритма плотностной кластеризации DBSCAN (Ester et al., 1996). Шум – те точки, которые находятся вне сгущений, между кластерами. На зашумленных данных алгоритм иерархической кластеризации работает некорректно.

Результат кластеризации данных представлен на рисунке 2.

В левой нижней половине укладки на рис. 2 расположены неподписанные кластеры – это фейки, которых не удалось отфильтровать (их немного, 10 % пользователей). В дальнейшем они исключены из анализа. Подобный эффект наблюдали в гарвардском центре Беркмана, при анализе русскоязычного сегмента Твиттера (Etling et al., 2010) и Живого Журнала (Etling et al., 2012).

В таблице 2 показаны основные характеристики групп горожан по вкусам и интересам, которые состоят из реальных пользователей.

Разнообразие оценивалось энтропией Шеннона (Shannon, 1948):

$$E = \sum_{1}^{n} w \cdot \log_2 w$$

n – число групп по вкусам и интересам, w – доля пользователей определённой группы по вкусам и интересам в численности пользователей города.

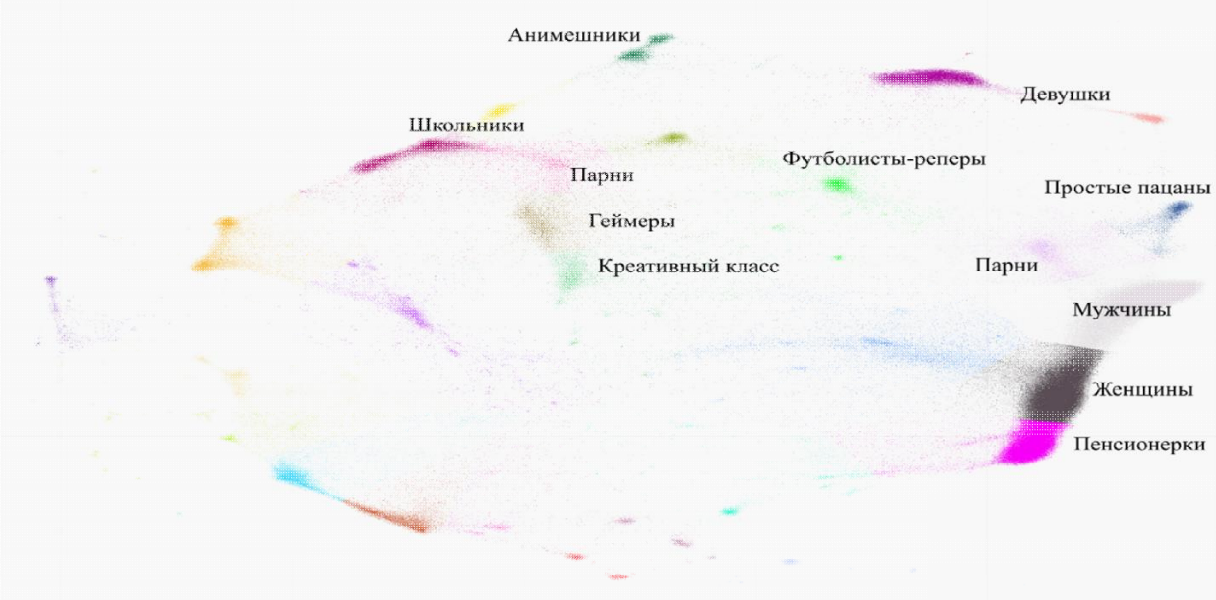

Рис. 2. Типы сетевого поведения на укладке графа пользователей и сообществ

Таблица 2- Характеристики групп пользователей по сходству интересов

Название группы	Средний возраст, лет	Примерное соотношение мужчин и женщин, в %	Основные темы 30 крупнейших сообществ	Категория людности городов, где доля кластера максимальна
Женщины	30-40	20:80	Женский юмор, домоводство, отношения, кулинария, ЗОЖ.	крупные
Пенсионер-ки	50-60	10:90	Женский юмор, новости, кулинария, пенсионеры, здоровье, домоводство, дача.	малые
Мужчины	30-40	90:10	Мужской юмор, кино, автомобили, отношения.	доля одинакова по городам области
Школьники	15-18	50:50	Подростковый юмор.	малые
Девушки	17-21	10:90	Юмор для девушек, поп-культура, красота, эстетика, астрология.	крупные
Парни	18-25	80:20	Молодёжный юмор, футбол, новости, морализаторские паблики.	крупные
Креативный класс	30-40	80:20	Научпоп, спорт, новости, музыка, дизайн.	крупные
Геймеры	20-30	90:10	Компьютерные игры, компьютеры, киберспорт.	крупные
Анимеш-ники	15-18	10:90	Аниме, рисование, астрология, k-pop.	крупные
Футболисты -реперы	17-25	90:10	Футбол, циничный юмор, морализаторские паблики, рэп.	крупные
Простые пацаны	15-25	90:10	Автомобили и музыка	доля не зависит от людности города

Соотношение между числом пользователей города и его разнообразием групп по вкусам и интересам довольно точно описывается логарифмической зависимостью (рис. 3, слева).

Разнообразие групп по вкусам и интересам пропорционально логарифму численности населения города. При сопоставимой людности разнообразие выше там, где больше доля сектора услуг в структуре экономики города (рис. 3, справа).

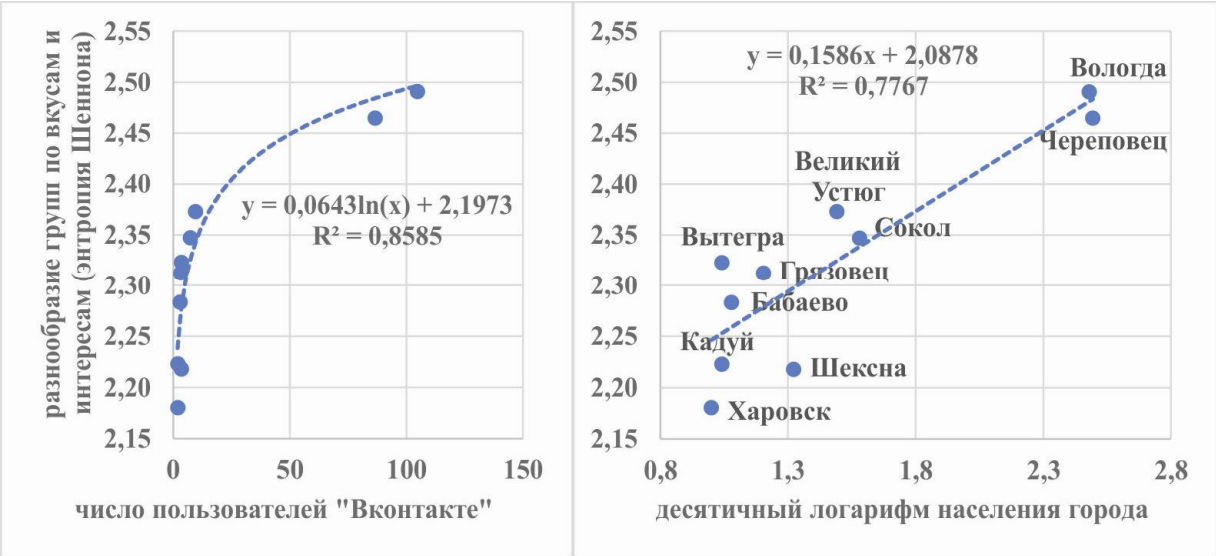

Рис. 3. Разнообразие групп пользователей по сходству вкусов и интересов

Отклонения от линии тренда на графике зависимости разнообразия от населения города связаны именно с ролью третичного сектора.

Среди малых городов выше тренда лежат транспортные центры: Вытегра (шлюзы Волго-Балтийского канала), Грязовец (компрессорная станция газопровода Ухта-Торжок, ж/д станция), Бабаево (компрессорная станция газопровода Грязовец-Выборг, ж/д станция). Ниже линии тренда промышленные центры: Кадуй (электроэнергетика, лесопереработка), Харовск (лесопиление), Шексна (лесопереработка, тюрьмы).

Великий Устюг расположен выше линии тренда (туризм, центральные функции), а Сокол, где развита лесопереработка, фактически, лежит на ней.

Вологда, с её центральными функциями, информационным сектором и машиностроением, расположена выше линии тренда, а индустриальный Череповец (чёрная металлургия, минеральные удобрения) – ниже.

Список литературы

1. Ester M., Kriegel H.-P., Sander J., Xu X. A density-based algorithm for discovering clusters in large spatial databases with noise // Proceedings of the Second International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining / ed. Simoudis E., Han J., Fayyad U. M. AAAI Press. 1996. P. 226 – 231.

2. Etling B., Alexanyan K., Kelly J., Farris R., Palfrey J., Gasser U. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization. Cambridge: Berkman Center. 2010. P. 46.

3. Etling B., Faris R., Palfrey J., Gasser U., Kelly J., Alexanyan K., Barash V. Mapping Russian Twitter. Cambridge: Berkman Center. 2012. P. 38.
4. Martin S., Brown W., Klavans R., Boyack K. OpenOrd: An Open-Source Toolbox for Large Graph Layout. // Visualization and Data Analysis 2011, Proc. of SPIE-IS&T Electronic Imaging, SPIE / ed. by Wong P. C., Park J., Hao M. C., Chens C., Börner K., Kao D. L., Robert. J. C. 2011. Vol. 7868.
5. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication. // Bell System Technical Journal. 1948. № 27 (3). P. 379–423.

УДК 913

Скачков Владислав Сергеевич
аспирант кафедры географии мирового хозяйства ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия

Этнокультурный фактор пространственной дезинтеграции в странах Латинской Америки (на примере Мексики, Панамы и Боливии)

Аннотация. *Ставится цель изучить проявление этнокультурной дезинтеграции в странах латиноамериканского региона. Несмотря на сформированную единую культуру, индейские регионы резко отличаются по социально-экономическим показателям развития и часто выступают в роли триггеров общественных конфликтов. Рассматривая примеры проявления этнокультурного фактора, автор приходит к выводу о его тесной взаимосвязи с другими факторами дезинтеграции, которые в конечном итоге приводят к дестабилизации внутриполитического режима и грозят потенциальным распадом государства.*

Ключевые слова*: этнические конфликты, дестабилизация, дезинтеграция, индейский вопрос, Латинская Америка.*

Принимая во внимание историю освоения Латинской Америки, важно отметить сложность ее этнической композиции. Фундаментном наций латиноамериканских государств стали выходцы из Европы (прежде всего испанцы и португальцы, в меньшей степени – французы, итальянцы и др.), переселенцы из Африки, которые веками использовались колонизаторами в качестве рабочей силы, а также коренные американцы – сотни индейских племен, которые в процессе конкисты были покорены колонизаторами.

Столкновение и последующее взаимодействие европейской, африканской и индейской цивилизаций нашло свое отражение в формировании многочисленных расовых и этнических комбинаций: значительная доля современного населения Латинской Америки имеет смешанное происхождение.

Однако несмотря на продолжительный опыт сотрудничества, перемешивания вследствие межрасовых браков и бытового взаимодействия,

на сегодняшний день в странах региона все еще наблюдается этнорасовая сегрегация. Подобное явление приводит к социальной поляризации, а в регионах, резко отличающихся происхождением населения, – к потенциальной дезинтеграции. Отличия определенной территории в государстве в этнических, расовых и культурных аспектах – это проявление этнокультурного фактора пространственной дезинтеграции.

Цель исследования: изучить проявление этнокультурного фактора дезинтеграции в странах Латинской Америки. Для достижения цели устанавливаются следующие **задачи**:

1. Обзор исследований по этническому происхождению современного населения стран Латинской Америки.
2. Выявление сопутствующих факторов дезинтеграции, усиливающих этнокультурное обособление.
3. Рассмотрение ключевых примеров этнокультурной дезинтеграции в странах региона.

Несмотря на сложный этнический состав стран региона, как с позиции происхождения, так и с позиции самоидентификации населения, можно выделить государства с этнорасовой доминантой (табл. 1). В странах с высокой метисацией населения, как правило, высока доля и коренных народов (native americans), однако, в зависимости от методики подсчета, исследователи порой не разделяют чистых индейцев и метисов.

Таблица 1- Классификация стран Латинской Америки по доминирующей этнорасовой группе [составлено автором на основе национальных служб статистики]

Бланкос	Бланкос и метисы	Метисы	Бланкос и мулаты	Негритянское население
Аргентина Уругвай	Коста-Рика Бразилия Чили Эквадор	Мексика, Гватемала, Венесуэла, Перу, Боливия, Парагвай, Сальвадор, Никарагуа, Гондурас, Панама	Куба Колумбия	Гаити

Однако, подобный первичный срез направлен исключительно на анализ общей этнокультурной картины Латинской Америки. Подобный подход не является полностью достоверным не только по причине расхождения статистических данных по определенным группам населения, но и ввиду сложной и неоднородной композиции внутри выделяемых групп. В меньшей степени это касается белого и афро-латиноамериканского населения, но крайне важно при более глубоком изучении территорий, населенных преимущественно коренными народами. Несмотря на интегрирующую функцию испанского (в Бразилии – португальского) языка, а также распространение христианства в его католической разновидности, культура большинства индейцев остается обособленной, более того – потомки некоторых индейских племен зачастую обособляются от иных коренных народов (примером могут стать кечуа в Андах, исследователи выделяют до 5

языковых подгрупп данного народа, взаимопонимание между которыми затруднено ввиду использования разных диалектов). Проявление стремлений к дезинтеграции во многом зависит от истории взаимодействия коренного населения с колонизаторами, степени ассимиляции, экономического и культурного взаимопроникновения, современного правового статуса индейских территорий и индейцев, уровня этнического самосознания.

Несмотря на значительное пространственное распространение индейского населения, конфликты и дезинтеграционные тренды относительно малочисленны по сравнению с другими полиэтническими регионами мира. При этом существует несколько ярких примеров, позволяющих говорить об актуальности этнокультурного фактора дезинтеграции в Латинской Америке.

1. Мексиканский Чьяпас: 25 лет двоевластия де-факто

Сразу стоит отметить, что в данном регионе этнокультурный фактор тесно взаимосвязан с социально-экономическим. Будучи одним из самых «индейских» штатов в Мексике (коренное население составляет чуть более 36%), Чьяпас в течение нескольких последних десятилетий занимает последнее место по индексу человеческого развития – во многом из-за сохранения традиционного образа жизни индейцев и их малограмотности. Прежде всего, это относится к таким индейским общностям, как цоцили и центали, которые активно сопротивлялись колонизаторам в прошлом, а ныне противодействуют ассимиляции, поддерживая собственные обычаи, праздники, изготавливая элементы материальной культуры.

Этнокультурные отличия легли в основу политической программы местного леворадикального движения САНО – Сапатистской армии национального освобождения, которая с 1994 года добивается политической автономии Чьяпаса от Мехико. Несмотря на то, что еще в 90-е годы конфликт быстро перешел из силовой стадии в латентную, горные условия, поддержка местного индейского населения и трансформация из силового конфликта в медийное противостояние позволяют САНО функционировать на протяжении десятилетий. Журналисты, побывавшие в Чьяпасе, утверждают, что центральное правительство здесь может осуществлять лишь часть управленческих функций [3].

2. Панамский Нгобе-Бугле: этнокультурный раскол невозможно предотвратить деньгами

В Панаме слабый уровень социальной и экономической интеграции коренного населения в важнейшие процессы, протекающие внутри страны. Индейцы живут преимущественно в комарках – особых административно-территориальных единицах, имеющих значительную автономию. К таким комаркам относятся Гуна-Яла, Нгобе-Бугле и Эмбера-Воунаан.

Ввиду сохранения архаичного образа жизни большинство индейцев остаются без качественного образования и медицинского обеспечения, как следствие – они не востребованы в крупных городах в качестве специалистов. Обособленное проживание в джунглях сохраняет собственный язык и культуру, но препятствует коммуникации с

государственной властью. Важной проблемой является отсутствие всепогодной связи комарок с главной транспортной артерией страны – Панамериканским шоссе.

Наиболее острой фазой проявления дезинтеграции можно считать силовое вмешательство государства в жизнь индейцев: для строительства ГЭС и разработки месторождения полезных ископаемых правительство пытается потеснить местные племена. В этом плане конфликт в Барро-Бранко можно назвать показательным: государство не может предложить коренным панамцам иной компенсации за затопляемые поля, кроме денежной, однако нгобе и бугле слабо интегрированы в экономическую систему государства и между природным ресурсом и денежным эквивалентом выбирают первое. В данной ситуации важна и духовная привязанность индейцев к собственной земле, культ «земли-кормилицы», поэтому ее порча, в особенности «белым» населением, рассматривается как посягательство на идентичность.

Усложняют ситуацию и электоральные процессы: индейцы, как правило, голосуют за левых кандидатов, которые находятся в оппозиции правящему режиму. Неоднозначно проявление и этнолингвистических и религиозных аспектов: если в других странах Центральноамериканского перешейка большинство племен совмещали использование в обиходе испанского и местного языков, а в вопросах религии – местные верования и католицизм, то в случае коренного индейского населения Панамы синкретизм отсутствует – ярко выражено сохранение традиционного языка и собственных культов. При этом индейцы для защиты собственных прав обратились к главе Римско-католической церкви Франциску, чтобы он лично смог воздействовать на центральные власти. [2]

3. Боливийский полумесяц: одна страна, две Боливии

Помимо Мексики и Панамы, этнокультурная дезинтеграция отмечена в Боливии: между западом и востоком страны проявляются существенные различия в социокультурной среде. Так, например, горный запад (департаменты Ла-Пас, Потоси, Оруро, Кочабамба) населен преимущественно индейцами (прежде всего, аймара), в то время как восток (департаменты Санта-Крус, Бени, Тариха) – потомками креолов. Существенная разница проявляется и в уровне социально-экономического развития, а также электоральных предпочтениях: индейцы бедны и голосуют за левые силы, белые – богаче и выбирают либералов.

После того, как прошлый президент Эво Моралес (аймара по происхождению) возвел куст коки в культ (планировалось его расширенное использование в пищевой и легкой промышленности), подобный шаг был осужден со стороны США. Относительно «белое» население боливийского востока также выразило протест против культа коки в государстве, эскалируя конфликт. Боливийские бланкос видят в коке одну из причин негативного имиджа страны на региональной арене, в то время как для индейцев данное растение выступает важным элементом в их духовных практиках. В 2008 году равнинные департаменты попытались получить

автономию от Ла-Паса, однако, несмотря на силовое продолжение событий, не получили никакого результата [1].

Таблица 2- Примеры этнокультурной дезинтеграции в странах Латинской Америки [составлено автором на основе данных национальных служб статистики]

Регион с признаками дезинтеграции	Страна	Доля индейского населения в регионе, %	Этнорасовая композиция государства, %	Факторы дезинтеграции, сопряженные с этнокультурным
Чьяпас	Мексика	36	Бланкос – 47 Метисы – 30 Индейцы – 21	Социально-экономический, исторический
Нгобе-Бугле	Панама	62	Метисы – 65 Индейцы – 12 Негры – 9 Мулаты – 7 Бланкос – 7	Социально-экономический, внутриполитический, транспортный
Боливийский запад (департаменты Чукисака, Потоси, Оруро, Кочабамба, Ла-Пас)		47-69 (преим. кечуа и аймара)	Метисы – 70 Индейцы – 20 Бланкос – 5	Социально-экономический, внутриполитический, внешнеполитический, транспортный, исторический
Боливийский полумесяц (Санта-Крус, Бени, Пандо, Тариха)		13-32 (др. индейцы)		

В ходе исследования были проанализированы этнодемографические показатели стран латиноамериканского региона, в соответствие с которыми были определены 5 групп населения. Наиболее актуальным вопрос этнокультурной дезинтеграции представляется для государств метисов и индейцев, поскольку социальная поляризация возрастает в местах проживания коренного населения Америки. Как правило, индейские районы бедны (сопряжение с социально-экономическим фактором), голосуют за определенную политическую силу (за левые движения), порой даже транспортно оторваны от более благополучных регионов страны (как в Панаме и Боливии).

Разрешение индейского вопроса – один из ключевых моментов внутренней политики латиноамериканских государств. Преодоление этнокультурной дезинтеграции должно благоприятно повлиять на выравнивание территориальных социально-экономических диспропорций и предупреждение возможных конфликтов в будущем.

Список литературы

1. Равнинные боливийцы хотят быть выше горных // Издательский дом Коммерсантъ URL: https://www.kommersant.ru/doc/730455 (дата обращения: 23.05.2020).

2. Panamá: piden al Papa interceder en conflicto por Barro Blanco // Telesur.tv URL: https://www.telesurtv.net/news/Panama-piden-al-Papa-interceder-en-conflicto-por-Barro-Blanco-20150728-0005.html (дата обращения: 23.05.2020)
3. Mexico's Zapatista rebels, 24 years on and defiant in mountain strongholds // TheGuardian.com URL: https://www.theguardian.com/global-development/2018/feb/17/mexico-zapatistas-rebels-24-years-mountain-strongholds (дата обращения: 23.05.2020).

УДК 908

Трунова Маргарита Александровна
студентка, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия

Конфессиональный состав населения Оренбургской области

Аннотация. *В данной статье рассматривается конфессиональный состав населения Оренбургской области, размещение населения в зависимости от его религиозной принадлежности, а также некоторые аспекты политики городских властей, направленной на установление дружественных отношений между представителями различных конфессий Оренбуржья.*

Ключевые слова*: население Оренбургской области, религия, религиозные конфессии.*

Оренбуржье – многонациональный регион нашей страны. На его территории проживает свыше 100 этносов (народов), относящихся преимущественно к индоевропейской, алтайской и уральской языковым семьям. Самая многочисленная – славянская группа индоевропейской языковой семьи – русские (74% населения), украинцы, белорусы. На втором и третьем месте – представители тюркской группы алтайской языковой семьи – татары (8% населения) и казахи (6% населения). Поэтому в религиозном отношении население области является поликонфессиональным.

В настоящее время на территории Оренбургской области зарегистрировано 519 религиозных организаций, представляющих 18 конфессий. Самыми многочисленными в регионе конфессиями являются православие (338 организаций) и ислам (102 организации). Третьей по количеству зарегистрированных приходов группой является протестантизм, включающей 11 деноминаций (баптисты, адвентисты, пятидесятники, мормоны, меннониты, лютеране и др.) и насчитывает 55 организаций. Остальные конфессии (католики, старообрядцы, Армянская апостольская церковь и Православная автономная церковь) малочисленны и представлены 1–5 организациями каждая.

В пользовании религиозных организаций области находятся 581 культовое здание (Русская Православная Церковь – 395, ислам – 165, протестанты – 15, католики – 2, иудеи – 1, старообрядцы – 3). Строятся еще 33 православных храмов и 15 мечетей [4].

Представленные религии распространены по всей территории области, но крайне неоднородно. Согласно Филимоновой И.Ю. Оренбуржье можно условно разделить на этноконфессиональные провинции и округа (рис.1).

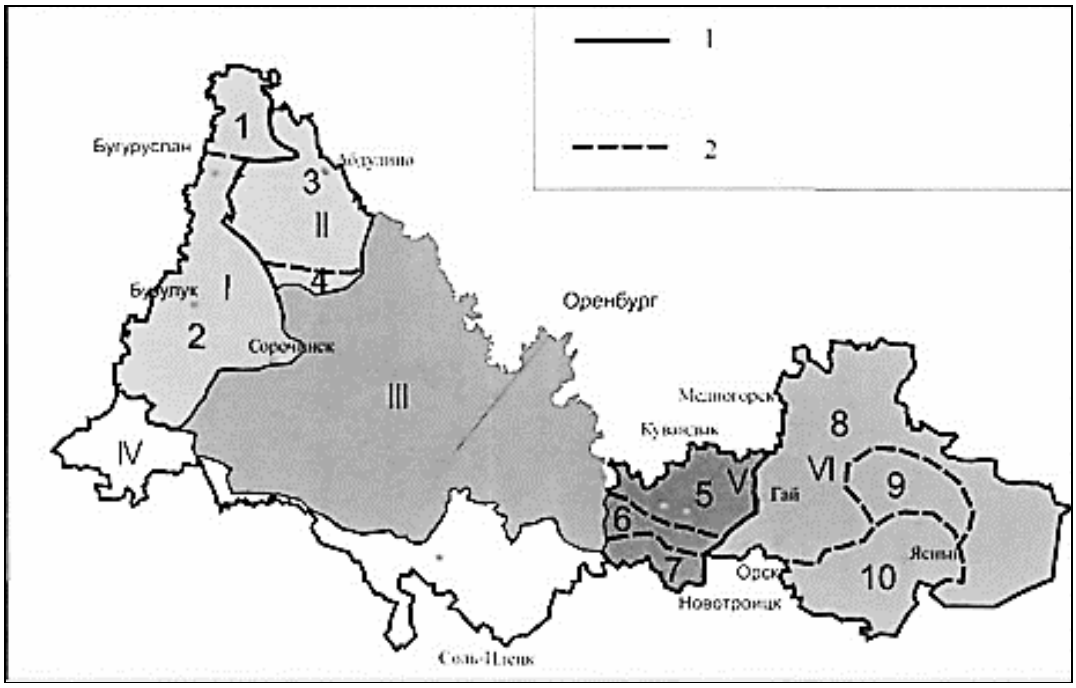

Рис. 1. Этноконфессиональное районирование Оренбургской области [3, С. 14]

Условные обозначения: 1 – границы этноконфессиональных провинций, **2** – границы этноконфессиональных округов.

Цифрами обозначены:

Этноконфессиональные провинции:	**Этноконфессиональные округа:**
	1. Северный
I. Западная	**2. Бугурусланско-Бузулукский**
II. Абдулинская	**3. Асекеево-Матвеевский**
III. Центральная	**4. Кинельский**
IV. Южная	**5. Сакмарско-Карагалский**
V. Кувандыкско-Медногорская	**6. Мухамедьярово-Никольский**
	7. Карабулак-Алимбетский
VI. Восточная	**8. Гайско-Светлинский**
	9. Адамовский
	10.Ясненский

Западная, Центральная и Восточная провинции характеризуются преобладанием православной культуры, так как здесь проживает преимущественно славянское население.

Абдулинская и Кувандыкско-Медногорская этноконфессиональные провинции в свою очередь характеризуются преобладанием мусульманской культуры. Это связано с наибольшим распространением на территории данных районов тюркского населения.

Южная провинция имеет приблизительно равное соотношение мусульманской и православной культуры.

Православие и ислам Оренбургской области можно обозначить как конфессии сплошного типа, так как они представлены во всех городах и районах данного субъекта. А все остальные конфессии являются локальными и располагаются преимущественно в городах [3].

На территории Оренбуржья мусульманские народы преемственно проживают с XIII-XIV вв. Еще до создания государственных структур у российских мусульман появились первые зачатки самоорганизации в религиозной сфере, началось выстраивание системы духовного управления снизу (избирались ахуны, следившие за исполнением муллами всех религиозных обрядов согласно устоявшимся обычаям, за распределением земель, определением границ и т.д.) [1].

Вплоть до начала правления Екатерины II, в царской России главенствующей была политика насильственной христианизации. После прихода к власти этой великой императрицы был издан высочайший указ от 22 сентября 1788 г., согласно которому было образовано Оренбургское магометанское духовное собрание как центральный орган управления мусульманами Российской империи. Ислам признавался в качестве терпимой религии, начала постепенно выстраиваться структура духовного управления. Духовных наставников для мечетей обучали в средних учебных заведениях – медресе, которые, в свою очередь, готовили не только образованную элиту, но и способствовали закреплению исламских норм среди населения, исповедовавшего данную религию.

Оренбургская городская администрация ведет активную политику многокультурности, предполагающую этнокультурное развитие. В этой сфере в регионе накоплены позитивные практики. В клубной системе области работает 482 национальных творческих коллектива, ежегодно проводятся национальные фестивали и праздники (Сабантуй, Наурыз, Аккатуй Троица и десятки других) и т.д. Объединяющим центром национально-культурных общественных объединений, действующих на территории Оренбуржья, является Ассамблея народов Оренбургской области. Выстроена система взаимодействия с национально-культурными центрами. Создан и действует Совет по делам национальностей при Губернаторе Оренбургской области. В составе Общественной палаты Оренбургской области создан и ведет активную работу комитет по межнациональным, религиозным отношениям и вопросам миграции. Они выполняют культурно-просветительские функции, воспитывают молодежь, поддерживают межэтническое и межнациональное согласие [2].

Одной из главных достопримечательностей Оренбуржья является культурный комплекс «Национальная деревня» – уникальный объект, отражающий необычайный колорит культуры и традиций многонациональной области. Это 10 этнографических музеев, ставших символом дружбы, единения, основанных на уважении соседей, вне зависимости от того, к какой национальности и конфессии они относятся.

Оренбуржцы не слишком религиозны, как и большинство населения России. Однако религиозно-культурные традиции влияют на особенности культуры, поведения, образ жизни.

Таким образом, можно сделать вывод, что конфессиональная принадлежность населения Оренбургской области в значительной степени обусловлена её географическим положением и отражает её многонациональность, а также процесс заселения региона. В целом на территории Оренбуржья сложились толерантные отношения между централизованными и местными религиозными организациями разных конфессий. Это является следствием грамотно проводимой этнокультурной политики городской администрации, а также духовно-нравственной работы представителей духовенства.

Список литературы

1. Амелин В.В Религии Оренбургского края: систематическое описание в 3-х томах. Том 3. Ислам. Иудаизм. Бахаизм. Индуизм. Буддизм. Новые религиозные движения/В.В. Амелин, Д.Н. Денисов, К.А. Моргунов. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 302 с.
2. Амелин В.В. Сохранение культурного многообразия как основа стабильности в полиэтничном многоконфессиональном регионе/В.В. Амелин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. №13 (188). С.13.
3. Филимонова, И.Ю. Структура и развитие конфессионального пространства Оренбургской области: Автореф. дис… канд. геогр. наук: 25.12.06 [Текст] /Филимонова И.Ю. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т., 2006. 18 с.
4. Урал56.Ру. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ural56.ru/news/532626/.

УДК 314.1 (470+571)

Федоров Константин Денисович
студент, ВГМУ им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия
Коновалова Анна Игоревна
студентка, ВГМУ им. Н.Н. Бурденко, г. Воронеж, Россия

Демографические проблемы современности глазами студентов-медиков

Аннотация. *Актуальность данной темы обуславливается сложной демографической ситуацией в стране. Целью статьи является анализ влияния медицины и здравоохранения на демографию Российской Федерации. Также в статье рассматривается мнение молодых студентов-медиков по поводу серьезных патологий, оказывающих значительное влияние на демографическую ситуацию страны, что определяет практическую значимость исследования.*

Ключевые слова: *демографическая ситуация, рождаемость, смертность, население, медицина, здравоохранение, заболевания, государство.*

Современная демографическая ситуация в России характеризуется низкими показателями рождаемости и высокими – преждевременной смерти, что способствует быстрой скорости убывания населения в молодых возрастных группах и снижению численности населения страны. На сегодняшний день, основные усилия государства направлены, в первую очередь, на повышение рождаемости и материальную поддержку семей с двумя и более детьми.

Ни для кого не новость, что медицина оказывает существенное влияние на такие демографические показатели, как рождаемость, продолжительность жизни и смертность. Из этого следует, что здравоохранение неразрывно связано с демографической ситуацией страны.

Для того чтобы выяснить, какие же заболевания, по мнению молодых медиков, в большей степени влияют на демографическую ситуацию в Российской Федерации были опрошены 350 студентов Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко.

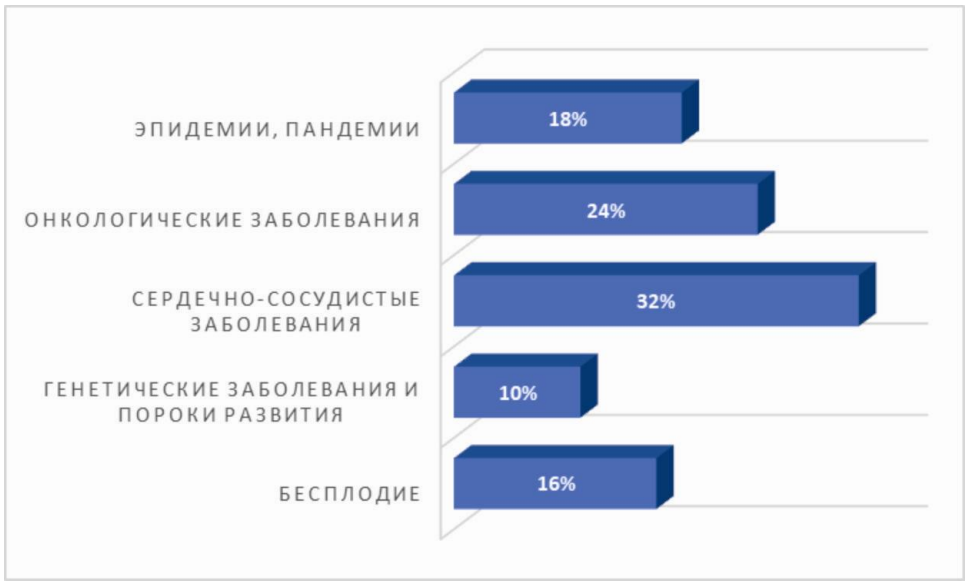

Рис.1 Заболевания, влияющие на демографию страны

Анализ анкетирования показал, что, по мнению студентов-медиков, ведущими заболеваниями, снижающими продолжительность жизни населения, являются патологии сердечно-сосудистой системы –32%. Второе место принадлежит онкологическим заболеваниям –24%, на третьем месте масштабные эпидемии и пандемии –18%, четвертое место занимает бесплодие –16% и 10% – отметили генетические заболевания и пороки развития.

Среди медицинских причин, влияющих на демографию, основное значение имеет репродуктивное здоровье. Бесплодием страдают мужчины и женщины во всем мире. По статистике 8% супружеских пар сталкиваются с подобной проблемой. Несмотря на все старания, просвещение в здравоохранении находится на очень низком уровне. Пациенты больниц не

знают о возможности применения экстракорпорального оплодотворения, различных донорских программах для решения деликатной проблемы. Государство заинтересовано в приросте численности населения, поскольку оно не может существовать без своей нации. В целях выявления масштабов проблемы бесплодия за счет государственных ресурсов реализуются многочисленные исследования и программы. Разработаны методики борьбы с бездетностью путем широкого внедрения вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе бесплатных, для граждан, нуждающихся в них.

Не стоит закрывать глаза на возрастающее число генетических заболеваний и пороков развития. Генетические болезни обусловлены нарушениями в строении генома (отсюда другое название — моногенные заболевания). Зачастую в строении гена происходят нарушения – мутации. Эти мутации являются причиной наследственных заболеваний. Они могут проявиться нарушением строения органов (пороками развития), нарушением физических свойств тканей: ломкостью костей, повышенной ранимостью и растяжимостью кожи, нарушением слуха, зрения, умственной отсталостью. Наличие генетических дефектов или пороков развития значительно влияет качество жизни человека и снижает продолжительность жизни. Сегодня врачи выявляют генетические заболевания с высокой точностью, так как передовые технологии позволяют буквально заглянуть внутрь гена, определить, на каком уровне произошло нарушение с помощью таких обследований как диагностическое тестирование, пренатальная диагностика, определение мутаций в гене.

В России избыточная, преждевременная смерть населения в молодом, трудоспособном возрасте, вызвана, прежде всего, неинфекционными заболеваниями, среди которых существенную роль играют болезни системы кровообращения. По оценкам, в 2018 году от сердечно-сосудистых заболеваний умерло 17,9 миллиона человек, что составило 31% всех случаев смерти в мире. Поэтому, наряду с мероприятиями по повышению рождаемости, необходимо проводить эффективные, долгосрочные, общенациональные меры по снижению болезней системы кровообращения. Приоритет должен быть отдан профилактике. В настоящее время, для снижения заболеваний сердечно-сосудистой системы и их негативного вклада в существующую демографическую ситуацию в стране, необходимо повышение уровня образования населения в вопросах здорового образа жизни. Конечно же, усилий одного здравоохранения в этом вопросе будет недостаточно. Для эффективности такого подхода, необходима государственная поддержка, достаточные профессиональные и материальные ресурсы.

Весомым фактором, влияющим на демографическую ситуацию, является распространение онкологических заболеваний. Онкологические болезни достигли довольно высоких показателей, не только в России, но и по всему миру. В наше время никто не может назвать точных причин развития злокачественных новообразований, но ученые выявили ряд предрасполагающих факторов, которые значительно увеличивают риск заболеваемости и смертности от рака. На данный момент научно доказано, что к предрасполагающим факторам относятся: наследственность,

радиоактивная вредность, характер питания, курение, злоупотребление алкоголем, внешние факторы окружающей среды. В развитых странах программы онкологической помощи действуют уже более 30 лет и требуют больших затрат. Вместе с онкологией необходимо развивать и хирургию, и радиологию, и химиотерапию.

Среди экстремальных событий, имеющих фундаментальное влияние на демографию, выделяют различной природы эпидемии и пандемии. Вспомним заболевания, которые изменили демографическую ситуацию многих стран: «испанский» грипп, азиатский (гонконгский) грипп, лихорадка Эбола, все эти эпидемии значительно снизили демографические показатели различных стран. И снова человечество столкнулось с новым видом вируса. COVID-19 был зафиксирован в декабре прошлого года в Китае в городе Ухань. Заболевание охватило весь мир. Пандемия коронавируса уже изменила демографическую картину России. На фоне негативных последствий пандемии Россию ждет новый провал по числу рождений. Об этом предупреждают демографы из Российской академии народного хозяйства и госслужбы. Опыт предыдущих эпидемий показывает, что после них наступает «пауза в беременностях»: число рождений сокращается на 15–25% от среднего ежемесячного показателя. Есть надежда, что такой провал окажется временным, но скорость его преодоления зависит от многих факторов, в том числе экономических.

Демографическая ситуация имеет для России важное социально-экономическое геополитическое значение, именно от этого зависит дальнейшая возможность страны развивать свой материальный, духовный и культурный потенциал. Опрос студентов-медиков и анализ литературы по проблеме исследования показали, что демографическая ситуация в России напрямую связана с развитием медицины и системы здравоохранения. Возвращаются проблемы здоровья, характерные для развивающихся стран, которые Россия успешно свела к минимуму в советский период. Кроме того, ситуация обостряется активным оттоком из страны квалифицированных ученых и врачей, что ведет к снижению научного потенциала российского общества и обостряет проблему внешней зависимости России от развитых стран мира. Россия сегодня занимает 70-е место в мире по финансированию и 130-е место по эффективности здравоохранения. Прогноз весьма неутешителен. Из этого следует, что государству следует уделять больше внимания развитию сферы здравоохранения. А именно стабильно финансировать научные отрасли медицины, улучшать состояние больниц и оборудования, повышать квалификацию врачей и медсестер, привлекать к работе в России иностранных ученых и медиков. Эти меры помогут повысить продолжительность и качество жизни населения страны, а значит, улучшит демографическую ситуацию РФ.

Список литературы

1. Асанов А.Ю. Основы генетики и наследственные нарушения развития у детей / А.Ю. Асанов, Н.С. Демикова. - М.: Академия, 2016. – С. 192 - 225.

2. Гинтер А.В. Наследственные болезни в популяциях человека / А.В. Гинтер. М.: Медицина, 2016. 300 с.
3. Жиброва Т.В., Руженцев С.Е. Воспитательная работа в медицинском университете (из опыта преподавания социально-гуманитарных дисциплин) //Профессиональня подготовка будущих специалистов различного профиля.Ульяновск, 2019. С. 111-117.
4. Косов, П. И. Основы демографии. Учебное пособие / П.И. Косов, А.Б. Берендеева. М.: ИНФРА, 2018. 288 с.
5. Кьюкир Д., Джинджерелли Ф., Макари-Джадсон Г., МакКалло В. Диагностика и терапия онкологических заболеваний // Практическая медицина. М., 2016. 304 с.
6. Подзолкова Н.М. Бесплодие. Диагностика, современные методы лечения / Н.М. Подзолкова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. 625 с.
7. Тихомиров Н. П. Демография. Методы анализа и прогнозирования / Н.П. Тихомиров. М.: Экзамен, 2017. 256 с.
8. Чужикова Е.В., Шаповалова В.В. Опыт проведения семинарских занятий по социологии в медицинском вузе, посвященных проблемам здорового образа жизни // Здоровьесбережение студенческой молодежи: опыт, инновационные подходы и перспективы развития в системе высшего образования. Материалы конференции. 2019. С. 266-232.
9. Щербаков А. И. Основы демографии. Учебное пособие для вузов / А.И. Щербаков, М.Г. Мдинарадзе. М.: Академический Проект, Культура, 2017. 208 с.

УДК 316.356.2
Фионова Виктория Александровна
студент, Институт социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Россия

Роль социальных служб в решении ключевых проблем молодых семей в современных условиях

Аннотация. *Статья описывает актуальные проблемы молодых семей в Российской Федерации, раскрывает роль социальных служб в современном обществе. Автор на конкретных примерах высоко оценивает значимость специалистов по социальной работе в решении ключевых проблем молодых семей. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что семейная политика в России в отношении молодых семей носит в основном материальный характер.*
Ключевые слова: *молодая семья, проблемы молодых семей, семейная политика, демографическая ситуация, социальные службы.*

В современных условиях возрастает роль социальных служб в решении актуальных проблем молодых семей. Отечественные ученые А. И.

Антонов, И. В. Гребенников, Л. В. Ковинько, М. С. Мацковский рассматривали различные аспекты активного участия специализированных служб на конкретных примерах. Известно, что молодая семья является одной из самых незащищенных групп населения. В Российской Федерации сегодня насчитывается около 6,5 млн. таких семей, которые имеют целый ряд особенностей. Основными из них признают, с одной стороны, сложный возрастной период, когда накладываются друг на друга два важных жизненных этапа, такие как создание семьи и поиск своего места в жизни (получение образования, начало карьеры и т.д.), с другой стороны, недостаточный уровень материальной обеспеченности, влекущий за собой финансовую зависимость от родителей, и, как следствие, высокую подверженность распаду [2].

Несмотря на трансформацию современного общества основные проблемы молодых семей остаются неизменными — это экономические проблемы, жилищные проблемы, проблемы с трудоустройством, тенденция к малодетности, психологические проблемы, проблемы сексуального воспитания и интимных отношений, а также проблема подготовки молодежи к браку [3].

Молодая семья оказывается крайне уязвимой в психологическом плане. Из-за нестабильности внутрисемейных отношений, а также влияния внешних факторов вытекают разного рода проблемы. Прежде всего, это отсутствие достойного заработка. Не востребованность молодого специалиста на рынке труда, а также низкая заработная плата вследствие недостаточного опыта работы, влекут за собой ухудшение материального положения молодых семей [5].

Недостаточный уровень финансового обеспечения в начале семейной жизни серьезно препятствует стабилизации семейных отношений, порождая массу новых проблем. Главной из таких проблем можно считать жилищную проблему. Отсутствие отдельного жилья влечет за собой следующую серьезную проблему, такую как тенденция к малодетности и откладывание рождения первого ребенка. В XXI в. механизмы прочности брака претерпевают серьезные изменения. Так, сильно возросла роль личностных ценностей супругов, взаимопонимания, любви [1].

Молодая семья относится к объектам семейной и социальной политики. В сравнительной ретроспективе за последние 10 лет социальной политике РФ уделяется значительное внимание, как и демографической ситуации, в целом. Это просматривается в посланиях Президента Российской Федерации, демонстрируется через продление программы материнского (семейного) капитала и т. д. Кроме того, поддержка молодых семей осуществляется через предоставление скидок по оплате детского сада в виде ежемесячных пособий для малообеспеченных, а также в виде выделения средств на бесплатное питание. Поддержка семей с несовершеннолетними детьми касается предоставления пенсий и пособий по рождению детей, всевозможных льгот, бесплатных и льготных продуктов

питания и предметов первой необходимости, а также социального обслуживания таких семей [3].

Нередко молодая семья сталкивается с психологическими проблемами, такими как неподготовленность супругов к семейной жизни, разногласия в отношении планирования детей, психологическая несовместимость, неумение выходить из конфликтных ситуаций, привыкание к изменившемуся образу жизни и т.д. Решение данного рода проблем требует квалифицированной помощи. Такую помощь молодые семьи могут получить в центрах социальной защиты населения, центрах помощи семье и детям, центрах планирования семьи и других государственных учреждениях [5].

Основным специалистом, оказывающим помощь молодой семье, является специалист по социальной работе. Он, посредством применения технологий социальной работы, способствует укреплению молодой семьи, выявляет актуальные для каждой конкретной семьи проблемы и находит оптимальные пути их решения. Если специалист по социальной работе не в состоянии решить проблемы своих клиентов самостоятельно, он прибегает к помощи других организаций. Он помогает клиентам установить с ними контакт, контролирует процесс помощи, оценивает результаты. Среди самых распространенных технологий социальной работы с молодой семьей можно выделить различные формы социального консультирования. Главная цель социальной работы с молодой семьей – развитие среди молодежи установок на гармоничное супружество и осознанное, ответственное родительство.

Работа специалистов по социальной работе с молодыми семьями представляет особую значимость. Она необходима для того, чтобы обеспечивалось социальное становление семьи, создавались благоприятные социальные и экономические условия, производилась интегрированная работа по повышению социальной активности семьи [3].

На наш взгляд, необходимо оптимизировать работу по подготовке молодых людей к созданию семьи, сегодня она заключается в основном в том, чему учит человека семья. Однако важно вовремя дать молодым людям хоть какие-то основы знаний о семейной жизни, подготовить их к отцовству и материнству, иначе важнейшие социальные функции семьи не будут выполнены должным образом. Эти знания призвано заложить государство и, конечно, первичная социальная группа, семья [3].

Наряду с вышеперечисленными проблемами важными являются так же проблемы сексуального воспитания и интимных отношений молодых семей. На сегодняшний день в курс обучения образовательных учреждений не входят такие предметы как этика и психология семейной жизни. Родительская семья мало уделяет внимания подобным аспектам жизни, т. к. это зачастую не принято в современной семье. Поэтому эту сферу жизни освещает интернет. Более того, отсутствует возможность обсуждения в силу различных причин. К таким причинам можно отнести скромность девушек, неумение построить коммуникацию между супругами. Формировать эту культуру необходимо с раннего возраста для того чтобы люди объективно воспринимали ответственность вступления в интимные отношения. Это

представляет особую значимость ввиду того, что легкомысленное отношение к своему здоровью негативно сказывается и на репродуктивной функции человека [3]. Данные медицинской статистики демонстрируют не самое благоприятное состояние женского репродуктивного здоровья и здоровья беременных женщин. Так, Л. А. Четверткова отмечает, что смертность при родах в России в 2,5 раза превышает среднеевропейский уровень [8].

В решении медицинских проблем молодой семье помогают центры планирования семьи. В Иркутской области данную поддержку оказывают клиника «Мать и дитя» [6], а также Центр инновационной медицины, научный центр проблем здоровья семьи и репродукции человека [7].

Что касается жилищных проблем, то в России действует программа «Жилище», в которой есть подпрограмма «Молодой семье - доступное жилье». Выделение субсидий для приобретения жилья на сегодняшний день не решает проблемы значительного количества семей. Так, по данным на 2018 г., в Иркутской области выдано 481 свидетельство на получение социальной выплаты [4]. Между тем, семей, нуждающихся в получении данной льготы в разы больше, что создает большие очереди на получение сертификатов.

Таким образом, текущая модель семейной политики России носит в основном материальный характер. Тем временем в комплекс поддержки молодых семей необходимо включить поддержку в решении жилищных проблем, повышение уровня просвещения и наблюдения за состоянием здоровья.

Список литературы

1. Бибик Л. Н. Проблемы современной молодой семьи / Л. Н. Бибик, Г. О. Барбаков // Вестник ЧелГУ. — 2015. — №26(381). — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennoy-molodoy-semi, свободный. (дата обращения: 02.06.2020).

2. Ванина В. В. Социальные особенности и основные проблемы молодой семьи / В. В. Ванина // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2012. — №2. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-osobennosti-i-osnovnye-problemy-molodoy-semi, свободный. (дата обращения: 02.06.2020).

3. Ветрова Е. А. Проблемы молодых семей в российской Федерации / Е. А. Ветрова // Социально-экономические явления и процессы. — 2015. — №12. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-molodyh-semey-v-rossiyskoy-federatsii, свободный. (дата обращения: 02.06.2020).

4. Иркутская область официальный портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://irkobl.ru/authorities/sergey-levchenko/performance/721423/, свободный. (дата обращения 02.06.2020).

5. Исакова Е. В. Основные проблемы молодых семей и анализ существующих путей их решения / Е. В. Исакова // Научно-образовательный

портал IQ. — Режим доступа: https://iq.hse.ru/more/sociology/osnovnie-problemi-molodih-semej, свободный. (дата обращения: 02.06.2020).

6. Мать и дитя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://irkutsk.mamadeti.ru/, свободный. (дата обращения 02.06.2020).

7. Центр инновационной медицины [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://cim38.ru/, свободный. (дата обращения 02.06.2020).

8. Четверткова Л. А. Проблемы молодой семьи и пути их решения в современном обществе / Л. А. Четверткова // Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. — Режим доступа: http://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/stanovlenie_professii_soczialnyij_rabotnik_metodologii,_modeli_i_texnologii/3_problemyi_vnedreniya_innovaczionnyix_texnologij_v_soczialnuyu_sferu/problemyi_molodoj_semi_i_puti_ix_resheniya_v_sovremennom_obshhestve, свободный. (дата обращения: 02.06.2020).

УДК 911

Харина Арина Максимовна
студентка 4 курса, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Эколого-демографическая характеристика населения Оренбургской области

Аннотация. *В статье рассматривается современная демографическая ситуация в Оренбургской области, а также приведен ряд причин, влияющий на демографию населения. Данная статья позволит сформировать представление о современной демографической ситуации в Оренбургской области.*

Ключевые слова: *население, Оренбургская область, демографическая ситуация, эколого-демографическая характеристика.*

Население – это сложная совокупность людей, проживающих на определенной территории. Для него характерен определенный набор взаимосвязанных явлений и процессов, определяющих территориальные особенности его жизни.

Слово «демография» образовано из двух греческих слов: «демос» – народ – и «графо» – пишу, то есть, если трактовать это словосочетание буквально, оно будет означать «народоописание», или описание населения.

По численности населения Оренбургская область, а также другие регионы и страна в целом – динамичная категория. Возникает как под воздействием естественного (соотношение рождаемости и смертности), а также механизмов перемещения населения (миграции). Современное население региона по численности и этническому составу является результатом продолжительности нового исторического процесса освоения и заселения

Оренбургской области, а также следствием миграционных и демографических факторов [3].

В настоящее время в Оренбургской области наблюдается естественная убыль населения. В 2018 году их количество уменьшилось на 11869 человек, или на 0,6%, и это связано как со снижением рождаемости, так и с оттоком населения.

Лидером по численности населения в области является г.Оренбург – 564 443 человек, на 2 месте г.Орск – 234 408 человек и на 3 месте г.Новотроицк 88 216 человек [1; 4].

То есть за 17 лет численность уменьшилась на 225 896 человек, что сравнимо с населением такого города, как Орск. Именно поэтому изучение демографической ситуации очень важно для дальнейшего существования и развития Оренбургской области.

Современная демографическая ситуация сложилась в результате процесса длительного исторического освоения и заселения нашей области.

В давние времена кочевые народы пересекали территорию Оренбургской области с востока на запад, оставляя здесь свой культурный след. Заселение территории современной Оренбургской области русскими началось в конце 17 века. Огромная территория не была защищена от набегов кочевников, поэтому основную роль в развитии нашего края сыграли казаки, которые не только охраняли границы, но и владели землей и занимались торговлей на ней. В годы Великой Отечественной войны в нашу область приехали люди вместе с эвакуированными предприятиями, в период освоении целинных земель и создании газового комплекса также произошло увеличение населения Оренбургской области. Этот рост произошел в основном за счет центральной и восточной частей Оренбургской области, где был расцвет промышленное производство [2].

Начало значительного и ускоренного роста населения относится к первой половине 18 века, что было связано с масштабным освоением Оренбургского края Российской империей и созданием военного и торгово-экономического центра новой губернии – города Оренбург. Российское правительство стремилось обосноваться на новых территориях, которые быстро развивались и заселялись с выездом из внутренних регионов России. Наличие множества полезных ископаемых и обширных просторов плодородных земель привлекало казаков и крестьян, сельскохозяйственных рабочих и горняков. Создание пограничной полосы укрепленных городов и функциональное развитие Оренбурга как военного форпоста и торгового центра так же способствовало притоку военных и торговых людей.

Устойчивый рост численности населения региона продолжился в 19-ом и в начале 20 века, существенно возрастая в отдельные периоды, например, после отмены крепостного права, когда обретавшие свободу крестьяне получили возможность создавать общины и индивидуальные хозяйства на свободных землях [3].

С 1998 года, когда население области составляло 2,218 млн. человек (исторический максимум!), отмечается тенденция к ежегодному снижению численности населения. С этого момента число жителей области

уменьшилось на 11%. Так, на начало 2001 года этот показатель составлял 2 203 616, а на 1 января 2020 года численность населения равна 1,957 млн. человек, что составляет 23 место по численности субъектов РФ [4; 5].

Незначительный демографический «всплеск» будет кратковременным (2012-2015 годы) и не изменит общей тенденции динамики численности населения, а к 2016-2017 годам, когда малочисленное репродуктивное поколение 90-х годов начнет замещать многочисленное 80-х, сведется к нулю. В последующие годы, с учетом прогнозов соотношения стандартных показателей рождаемости и смертности, население региона «накроет» новая волна продолжительного демографического кризиса, что еще в большей степени ускорит сокращение его численности.

В Оренбургской области за первые два месяца 2019 года количество новорожденных существенно снизилось по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. В январе и феврале в области родилось 2897 детей. Это на 787 человек меньше, чем в прошлом году.

По данным территориального органа Федеральной службы статистики по Оренбургской области, в регионе наметилась очень печальная статистика. За первые два месяца 2019 года умерло на 1 403 человек больше, чем родилось. Если такая тенденция сохранится, то к концу года показатель естественной убыли будет выше 8 тысяч человек [6].

На демографическую ситуацию влияют факторы, которые требуют особых подходов, как в экономической, так и социальной политике.

Во-первых, на количество населения влияет экологическая обстановка на территории Оренбургской области. В городах Урала есть «грязные» производства: металлургические и химические предприятия, поэтому в воздухе много дыма (смог, кислотные дожди), в почве скапливаются тяжелые металлы, реки и озера загрязняются промышленными отходами. Вырубка лесов, добыча полезных ископаемых (карьеры, свалки) ухудшили качество уральских ландшафтов. Ценные хвойные деревья уничтожаются. Есть также радиоактивное заражение в результате испытаний ядерного оружия в нашем регионе.

Во-вторых, регион, активно используя особенности богатого природными ресурсами региона с протяженной внешней границей и развитой транспортной и производственной инфраструктурой, обеспечивает собственное экономическое развитие и повышение качества жизни населения.

В-третьих, механическое перемещение или миграция играет важную роль в изменении размера и состава населения. А поскольку наш регион - приграничный, то около 30-40% абсолютного прироста населения составляют эмигранты [7].

Список литературы

1. Герасименко Т.И. Этнокультурная география Оренбургской области: учебное пособие / Т.И. Герасименко, И.Ю. Филимонова. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2009. 92 с.

2. Кузнецова, Н.С. Современная демографическая ситуация в Оренбургской области / Н.С. Кузнецова // Демографические риски XXI века. Минск: Белсэнс, 2017. С. 122-123.
3. Orenpriroda.ru [Электронный ресурс]. URL: http://orenpriroda.ru/steppene/our_materials/очерки-экономической-географии-оренбургского-края-том-i/677-1-3-демографический-потенциал-оренбургской-области.
4. Официальный сайт органа Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области [Электронный ресурс]. URL: http://orenstat.gks.ru.
5. Портал Правительства Оренбургской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.orenburg-gov.ru.
6. Урал56.Ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.ural56.ru/news/610204./

УДК 342.711

Харитонов-Таневский Андрей Дмитриевич
студент 3 курса, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Россия

Влияние изменений в законодательстве о гражданстве на решение демографической проблемы в России

Аннотация. *В статье рассматриваются изменения в законодательстве Российской Федерации, направленные на упрощение процедуры получения гражданства, даются определения ключевым понятиям. Автор обращает внимание читателя на положение русского народа в России и мире, а также на те последствия, которые могут возникнуть в результате проводимых нормативно-правовых изменений. Отмечены причины возникновения демографической проблемы в России.*

Ключевые слова: *законодательство о гражданстве, демографическая проблема, русский народ, процедура получения гражданства.*

Прежде, чем перейти к непосредственному рассмотрению заявленной темы, необходимым видится обратиться к следующим понятиям:

1. Гражданство – это устойчивая правовая связь между человеком и государством, которая выражается во взаимных правах, обязанностях и ответственности;
2. Гражданственность – это забота об общественном благе, концентрация на идее гражданского долга (Осознание человеком своей причастности обществу, наличия определенных прав, свобод и обязанностей по отношению к нему, а также готовность следовать нормам морали и закона);

3. Демографическая проблема – резкое изменение численности населения (В рассматриваемом случае – снижение численности населения в Российской Федерации).

Помимо терминологии, хотелось бы обратить внимание на ряд факторов, которые негативно сказываются или уже сказались на демографической ситуации в стране:

1) Кровопролитный двадцатый век, повлекший сокращение численности населения и породивший явление «безотцовщины»;

2) Эмиграционные настроения российской молодежи[133];

3) «Чайлдфри» - явление пока не распространенное, но имеющее место;

4) Карьеризм, в угоду которому молодежь откладывает рождение детей и создание семей;

5) Проблема бесплодия обоих полов;

6) Отсутствие возможности оставить детей на попечении старшего поколения, ввиду трудовой занятости последнего.

Обращаясь же к текущей ситуации, наблюдается следующее.

Настоящая тема является одной из центральных в Посланиях Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию. Так, например, в 2006 году, В. Путин назвал демографическую ситуацию «самой острой проблемой современной России»[134]. Аналогичный лейтмотив наблюдается и в 2020 году[135]. Тема демографии является главенствующей в Послании текущего года. Для преодоления проблемы был предложен и, отчасти, уже реализован ряд мер. К ним, например, относится увеличение материнского капитала, распространение его и на рождение первенца, введение бесплатного питания для начальной школы, строительство детских садов, школ и т.д. С одной стороны, настоящие меры объемны и эффективны, если исходить из позиции того, что вырастить ребенка – дело крайне затратное. Однако, так ли все просто и очевидно?

Прошло немногим более полугода с момента обращения Президента к Федеральному Собранию. Предложенные главой государства меры начали воплощаться в жизнь. При этом, демографическая проблема приобрела весьма занимательную динамику. Так, Министерство экономического развития Российской Федерации ухудшило прогноз по росту населения. Вместо ожидаемого прироста в 300 – 400 тыс. человек ежегодно, прогнозируется всего лишь 200 тыс. человек. Таким образом, по мнению

---

[133] «Левада-центр»: 53 % молодых россиян хотят уехать из страны // «Ведомости» - ведущее деловое издание России. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/11/26/817166-53-rossiyan-let-hoteli-bi-uehat-iz-strani (Дата обращения 16.04.2020).

[134] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета, № 97, 11.05.2006.

[135] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета, № 7, 16.01.2020.

Минэкономразвития РФ, к 2024 году население России должно вырасти до 147,5 млн человек, вместо изначально заявленных 148,7 млн[136].

При этом, основываясь на данных Росстата, следует обратить внимание на то, что на момент 1 января 2020 года, число жителей страны сократилось на 35622 человека по сравнению с предыдущим годом. Помимо этого, миграционный прирост не восполняет убыль. Росстат предполагает, что к 2026 году численность населения будет убывать по нарастающей. При том, что тенденция к сокращению постоянного населения России прослеживается уже второй год подряд[137].

Присовокупляя к выше сказанному, необходимо отметить национальные цели, определенные указом Президента России в 2018 году[138]. В настоящем нормативном правовом акте Правительству поручается разработать национальные проекты. Одним из направлений является демография. Это предполагает ряд обширных мер по увеличению продолжительности жизни граждан, повышению рождаемости, снижению смертности и т.д. В рамках этого, внимание уделяется развитию спорта, медицины и иных социально значимых направлений. Это подтверждает мысль о том, что решение демографической проблемы является одним из приоритетов внутренней политики Российской Федерации. Тот факт, что государство на самом высшем уровне обеспокоено данной темой, вселяет надежду и дает повод рассчитывать на, если и не «коренной перелом» сложившейся в настоящее время ситуации, то хотя бы на более-менее заметные «подвижки» в данном направлении. Разумеется, в современных реалиях, учитывая экономические и территориальные особенности, а также иные факторы, влияющие на реализацию данных целей, необходимо обратить внимание на колоссальный объем предстоящей работы. Впереди еще четыре года, поэтому искренне хочется надеяться на максимально лучший из возможных результатов.

До настоящего момента речь шла, в первую очередь, о воспроизводстве населения естественным путем, то есть с помощью повышения рождаемости и создания для этого всех необходимых условий. Однако, это не единственный вариант решения демографической проблемы.

В рамках заявленной темы, на наш взгляд, не следует останавливаться на рассмотрении таких идей как, например, идеологическая работа с населением или же введение налога на бездетность, что применялось в советский период или на каких-то иных способах улучшения демографии.

---

[136] Минэкономразвития ухудшило прогноз по росту населения России // Новости дня в России и мире – РБК [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/economics/19/02/2020/5e4d3e2b9a79474ae72fc48e (дата обращения 23.03.2020)

[137] Минэкономразвития ухудшило прогноз по численности населения РФ // NEWS.ru – главные новости дня [Электронный ресурс]. – URL: https://news.ru/russia/minekonomrazvitiya-uhudshilo-prognoz-po-chislennosti-naseleniya-rf/ (дата обращения 23.03.2020)

[138] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс»

Особый интерес для нас представляет правовой вариант решения исследуемой проблемы, а именно – изменения в законодательстве о гражданстве. Фактически – это не только юридический, но и математический метод. Это связано с тем, что государство может увеличить количество граждан путем предоставления российского гражданства мигрантам.

В период с 2016 по 2020 гг. в Федеральный закон о гражданстве был внесен ряд поправок, которые должны были облегчить получение российского гражданства определенным категориям иностранных граждан и лиц без гражданства[139]. Это коснулось и инвесторов, и индивидуальных предпринимателей, и квалифицированных специалистов, и соотечественников.

Государство стремится привлечь «нужных людей». С этой целью были сокращены сроки работы на территории России, отменены экзамены для получения статуса носителя русского языка для граждан Украины и Белоруссии, упрощены условия, касающиеся родственных связей для людей, живших на территории СССР и др.

С одной стороны, единение братских народов, межкультурное и межэтническое взаимодействие, а также увеличение численности населения с российским паспортом – это позитивное явление, однако, как известно, любая медаль имеет и обратную сторону.

Россия, безусловно, многонациональное государство. Все народы равны между собой, да и государственная политика направлена на поддержку и сохранение малочисленных и коренных народов тех или иных территорий[140]. Однако, нельзя отрицать тот факт, что согласно последней переписи населения, проводимой в 2010 году, количество русских - 111 016 896 человек, что составляет 77,71 % от всего населения[141]. Особое внимание следует обратить на то, что, например, в 1989 г. – русских было 119 870 000 человек, что составляло 81,53 % населения, а в 2002 г. - 115 890 000 человек, что составляло, соответственно, 80, 64 % населения[142]. Налицо, весьма плачевная тенденция.

Данный факт нельзя оставлять без внимания при формулировании и проведении государственной национальной политики. Каждый народ обладает своими индивидуальными особенностями. Это и генетика, и культурный код, и традиции, и обычаи. Все это является характерными

---

[139] Федеральный закон от 01.05.2016 № 124-ФЗ "О внесении изменений в статьи 14 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»// Собрание Законодательства РФ. 2016. №18. Ст.2500

[140] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

[141] Национальный состав России 2020 (перепись 2010) // www.statdata.ru - Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii (дата обращения 23.03.2020)

[142] Национальный состав населения России // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия. [Электронный ресурс]. – URL: https://megabook.ru/article/Национальный% 20состав% 20населения%20России (Дата обращения 16.04.2020)

чертами той или иной национальности. Процесс глобализации все чаще размывает границы индивидуальности и обособленности, однако некоторые фундаментальные вещи остаются разными и неизменными, что обусловлено многовековой историей и теми факторами, которые влияли на становление той или иной нации. Конечно же, сохраняя и оберегая малочисленные народы, нельзя забывать о «государствообразующем».

Выше уже было сказано о численном сокращении и даже «вымирании» русских, но помимо этого есть и иная опасность – это потеря своей самобытности. Мы знаем из истории, как порой пытались насильственно насадить чуждые для России ценности и привычки. Так было в начале восемнадцатого века, в период правления Петра Великого. В дальнейшем, его преобразования расколют общество на западников и славянофилов. Первые поддерживали все европейское, а вторые выступали за сохранение самобытности и традиций. Сейчас, пусть и не в столь ярко выраженной форме, но мы стоим перед аналогичной проблемой.

Как же, в условиях глобализации и упрощения процедуры получения гражданства, сохранить ту особость и индивидуальность русского народа?

В первую очередь, необходимо отдать должное грядущим поправкам в Конституцию Российской Федерации, которые, в частности, провозглашают следующее: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (п. 1, ст. 68). «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации…» (п. 2, ст. 69), а также приоритет российского права[143]. Это позволит сохранить самобытность культуры, языка и всего русского народа в целом.

Помимо этого, необходимо крайне сдержанно и аккуратно проводить политику в отношении приобретения гражданства. В этом вопросе, на наш взгляд, уместнее «качество», а не количество населения. Нужно уделять особое внимание вопросам деторождения, социального обеспечения, образования и т.д. Миграционный прирост не должен превышать разумных пределов и оказывать негативное влияние на коренных жителей России.

Уместно упомянуть зарубежный опыт в данном вопросе. Так, например, во Франции или Германии, распространена тенденция получения мигрантами местного гражданства, с целью получения пособий по безработице. Таким образом, они могут позволить себе обеспечить достаточный уровень жизни, не устраиваясь на работу, но пользуясь выше указанным пособием. Здесь важно следующее. Во-первых, с точки зрения экономической, рассмотренные страны могут себе позволить проводить подобного рода политику. Во-вторых, на наш взгляд, излишне комментировать социокультурную ситуацию, сложившуюся в

[143] Законопроект № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7 (дата обращения 23.03.2020)

данных государствах из-за большого количества приезжих с иным культурно-религиозным кодом.

Исходя из этого, мы можем отчетливо представить себе, чем может обернуться национальная политика, выстраиваемая в подобном ключе в России.

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на следующее.

Во-первых, ни в коем случае нельзя забывать о равенстве народов и ценности каждого их них. Все мы, в определенном смысле, братья и сестры. Недопустимо повторение ужасных событий, связанных с националистической политикой ряда государственных деятелей двадцатого века. Все мы равны перед Богом, законом и общечеловеческими принципами.

Во-вторых, необходимо помнить о том, что многообразие прекрасно, поэтому не нужно «сваливать все в один котел». Каждый народ должен сохранять свои обычаи, традиции и иные особенности, ведь все это – бесценное культурное достояние человечества.

В–третьих, погоня за количеством в ущерб качеству недопустима. Конечно, куда проще увеличить число людей с российским паспортом, нежели, чем создать благоприятные условия для рождения детей коренных народов России, которые признаются одной из высших ценностей государства Российского[144]. Справедливости ради, стоит отметить те подвижки в данном вопросе, которые мы можем наблюдать уже сейчас. Искренне хочется верить, что дальше будет только лучше.

В заключении, хотелось бы отметить, что законодательство о гражданстве, как фактор решения демографической проблемы, разумеется, имеет место, однако нужно четко осознавать все последствия подобных действий.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция / С.А. Авакьян. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2003. 641 с.

2. Давудова Д.К. Актуальные проблемы института гражданства в Российской Федерации /Д.К. Давудова //Актуальные вопросы юридических наук: материалы Международной заочной научной конференции (г. Челябинск, 20–23 ноября 2012 г.): сборник научных статей / отв.ред. О.А. Шульга. Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 16–18.

3. Нудненко Л.А. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации / Л.А. Нудненко // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 52–55.

[144] Законопроект № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7 (дата обращения 23.03.2020)

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Материалы заседания

22-24 октября 2020 года
Воронеж

Ответственный редактор: д.г.н., проф. Н.В. Яковенко

Подписано в печать 21.10.2020 г.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 61,5.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 1232.

Издательство ООО «Цифровая полиграфия»
394036, г. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, д. 52
Тел. (473) 261-03-61, e-mail: zakaz@print36.ru
http://www.print36.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Цифровая полиграфия»